

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Пол Андерсон

ЗВЕЗДНЫЕ ТОРГОВЦЫ

**Сборник фантастики,
дополненный иллюстрациями,
из первых журнальных публикаций**

том 1

**серия
«НИГДЕ НЕ КУПИШЬ»
2020 год**

2

Публикации и иллюстрации:

Analog Science Fiction, April 1972
Wings of Victory •
interior artwork by Laurence MacCaskill

The Magazine of Science Fiction, February 1973
The Problem of Pain •
Cover illustrates "The Problem of Pain" by Bert Tanner

Astounding Science Fiction, September 1956
Margin of Profit •
interior artwork by Frank Kelly Freas

Future Quest 1973
How to Be Ethnic in One Easy Lesson •

Analog Science Fiction, October 1963
The ThreeCornered Wheel •
interior artwork by George Schelling

Analog Science Fiction, April 1966
A Sun Invisible •
interior artwork by Domenic Iaia

Boys' Life, December 1973
The Season of Forgiveness •

Astounding, February, March, April 1958
The Man Who Counts •
Cover, interior artwork by H. R. Van Dongen

Analog Science Fiction, February 1970
Birthright •
Cover, interior artwork by Frank Kelly Freas

Analog Science Fiction, March 1961
Hiding Place •
interior artwork by John Schoenherr

Analog Science Fiction, June 1963
Territory •
interior artwork by Leo Summers

Analog Science Fiction, July, August 1965
Trader Team •
Coveri, interior artwork by John Schoenherr

Analog Science Fiction, January 1967
Supernova •
interior artwork by Frank Kelly Freas
Cover illustrates by Chesley Bonestell

Analog Science Fiction, July 1964
The Master Key •
interior artwork by John Schoenherr

Analog Science Fiction, May, June, July, August 1968
Satan's World •
interior artwork by Frank Kelly Freas
Cover illustrates by Chesley Bonestell

Analog Science Fiction, August 1971
A Little Knowledge •
interior artwork by Michael Gilbert

Astounding: John W. Campbell Memorial Anthology 1973
Lodestar •

Publication: Mirkheim 1977
Mirkheim •

Publication: Children of Infinity 1973
Wingless on Avalon •

Publication: Boys' Life, July 1973
Rescue on Avalon •

Ознакомительный тираж: 1 экземпляр.

Работа с текстом и иллюстрациями: by formally.
Помощь в расстановке иллюстраций by SteelRatTV

Шла Великая Разведка; наш корабль — один из многих, в ней участвовавших, — исследовал окрестности двух огромных светил — альфы и беты Южного Креста. Если смотреть с Земли, мы находились в созвездии Волка, но какая там Земля? Солнце давно превратилось в крохотную, неприметную искорку, а теперь — на расстоянии в двести семьдесят восемь световых лет — и вовсе исчезло; сверкавшие в бездонной черноте космоса звезды располагались странными, непривычными узорами.

За эти три года мы очень устали, не обошлось и без потерь. Нет, мы не утратили способности удивляться — разве может она исчезнуть, когда перед тобой раз за разом открываются все новые и новые миры? Но нам встречалось их так много, иногда они были восхитительны, иногда — ужасны, а чаще всего — и то и другое одновременно (наша Земля — она ведь тоже такая), и не было среди них даже двух, похожих друг на друга, и все они были загадочны. Их образы расплывались, путались и смешивались.

И все же открытие новой, разумной расы обязательно вызывало радость, радость, по правде говоря, большую, чем при открытии новой планеты, пригодной для колонизации. К моменту, о котором я рассказываю, Али Хамид год уже как погиб от укуса ядовитой твари, а Мануэль Гонсалвес не успел еще залечить проломленный череп — на последней нашей стоянке некий излишне темпераментный абориген приласкал его дубиной. Так вот и вышло, что главным нашим ксенологом оказался Вон Уэбнер, с которым и связаны все последующие неприятности.

Он их, конечно же, не хотел, да и кому же такого захочется? Вселенная сконструирована без особой заботы об удобствах человека, в ней быстро научаешься ходить на

цыпочках — либо отправляешься в иной, лучший мир, третьего не дано. Мы подошли к этой последней звезде потому, что нас буквально манил каждый карлик G-типа. Однако мы не вставали на орбиту вокруг планеты, наиболее похожей на Землю, пока нейтринный анализ не подтвердил, что эта система еще незнакома с атомной энергией. И, лишь исчерпав до дна все возможности своей аппаратуры, мы послали на посадку первый беспилотный зонд.

Звезда принадлежала к типу G9, имела золотистый оттенок и светимость примерно в половину солнечной. Планета, нас заинтересовавшая, располагалась достаточно близко к своему светилу и получала примерно столько же лучистой энергии, что и Земля. Она была чуть поменьше Земли, имела поверхностную силу тяжести в три четверти земной, а также более разреженную и сухую, чем у нас, атмосферу. Однако воздух этот был вполне пригоден для дыхания, а аэросъемка выявила водные бассейны, которые заслуживали — правда, с некоторой натяжкой — названия океанов. Очень красиво выглядел этот шар, вращавшийся на фоне усыпанной звездами черноты, — синий, желтовато-зеленый, ржаво-коричневый, окутанный белыми облаками. Вокруг него неустанно кружили две маленькие луны.

Биопробы показали, что химические основы здешней жизни такие же, как и у нас. Ни один из собранных и высеянных микроорганизмов не представлял собой какой-либо необыкновенной угрозы, с которой не смогут совладать самые обычные предосторожности и имеющиеся у нас лекарства. На снимках с малой высоты виднелись леса, озера, широкие равнины, уходящие к подножиям гор. Мы прямо зудели желанием прогуляться по этому миру.

Только вот туземцы...

Не забывайте, насколько новая штука — гипердрайв и насколько огромна Вселенная. Организаторы Великой Разведки обладали достаточным количеством здравого смысла и не воображали, будто немногие близкие к Земле системы, кое-как нами изученные, дают материал, достаточный для

формулировки серьезной доктрины. Наша служба имела» один-единственный закон, заключавшийся в гордом лозунге: «Мы пришли, как друзья». В остальном каждая команда получала полное право разрабатывать собственную свою систему процедур. Ну а через пять лет выжившие встретятся и поделятся опытом.

Мы, на «Ольге», придерживались решения капитана Грея — не беспокоить софонтов[1] до времени видом нашей техники. Насколько это, конечно, возможно. Мы старались направлять свои зонды в необитаемые районы. После посадки мы не прятались, а выходили к туземцам открыто. В конце концов, форма тела — значит гораздо меньше, чем форма заключенного в этом теле разума. Такое вот было у нас кредо.

Само собой, мы учли все данные, полученные с орбиты, и при более близких, вплоть до верхних слоев атмосферы, облетах планеты. Не слишком-то информативные из-за большой высоты, наши снимки все же показали наличие на двух континентах нескольких небольших городов — если можно назвать этим словом кучки зданий без всяких там оборонительных стен и даже без настоящих улиц, совершенно терявшиеся в беспредельных, почти ненаселенных просторах. И располагались эти города обязательно рядом с примитивными шахтами. По нашему впечатлению, здешние культуры варьировались очень широко — от каменного века до железного. И каждый раз кроме маленьких этих общин отмечались поселения из одного или очень немногих зданий, стоящие совершенно отдельно; никогда не ближе десятка километров друг от друга, а чаще всего — еще более уединенные.

— Скорее всего плотоядные, — сказал Уэбнер. — Примитивные экономики базируются на охоте, рыболовстве и

[1] От греческого «софос» — мудрый, умный, искусный — разумное существо. Фактически то же самое, что идущее от латыни «сапиент», но последнее слово очень уж вросло в сочетание «гомо сапиенс». (Здесь и далее примеч. пер)

собирательстве, сельское хозяйство — признак более высокого развития. Обширные пространства, выглядящие обработанными, скорее всего, просто обеспечивают кормом дичь, они не похожи на настоящие фермы. Должен признаться, — он задумчиво подергал себя за подбородок, — для меня остается загадкой, каким образом цивилизованные — ну, заменим это слово на «металлургические» — существа — каким образом они все это организовывают. Такой уровень технологии нуждается в торговле, связи, быстром обмене идеями. А если я, верно, разобрался в этих снимках, дороги практически отсутствуют. Так, кое-какие грунтовые тропы между городами и шахтами, иногда — к немногочисленным гаваням, где стоят корабли и баржи. Ничего не понимаю, ведь водного транспорта явно недостаточно.

— А может, вьючные животные? — предположил я.

— Медленно это все, — покачал головой Уэбнер. — Чересчур медленно. Откуда возьмется прогрессивная культура, если немногим индивидуумам, способным оригинально мыслить, нужны месяцы, чтобы хоть как-то пообщаться? Так они, скорее всего, никогда друг о друге не узнают.

На какой-то момент с ксенолога слетел весь обычный его педантизм.

— Ну что ж, — сказал он. — Поживем — увидим.

Величайшая сентенция, какую только можно придумать — вне зависимости от используемого языка.

На первоначальный контакт мы всегда высылали трех человек, минимальную группу, способную справиться с такой работой. Чтобы — в случае чего — и потери были минимальные. На этот раз троица состояла из Уэбнера, ксенолога, Арама Турекяна, пилота, и Юкико Сачанской, стрелка. Приставлять к оружию женщину — это тоже одна из идей Грея. По его мнению, они превосходят мужчин в искусстве наблюдать и ждать, а также не столь охотно открывают пальбу при первом же опасении.

Место мы выбрали в металлургическом районе, хотя и не в городе — зачем усложнять себе все без особой, к тому

необходимости? Располагалось оно на неровной, изрезанной возвышенности, на многие километры поросшей непролазным лесом. К северу круто вздымался горный склон — снизу лес, затем, выше пояса растительности — голые скалы и, наконец — венчающий их ледник. На юге возвышенность спускалась к огромному плато, где на открытой местности стада животных щипали какие-то красноватые подобия травы и кустов. Домашние это животные или дикие — судить было трудно. И в том, и в другом случае туземцам явно приходилось много заниматься охотой.

— А может, потому они и живут такими редкими поселениями, — предположила Юкико. — Для обеспечения питанием каждого индивидуума требуется очень большая площадь.

— Если так, они должны иметь очень ярко выраженный инстинкт защиты территории, — сказал Уэбнер. — Так что не отвлекайся от своих пушек.

Нам не запрещалось защищаться в случае нападения — даже спровоцированного нашими собственными промахами. Однако девушка поморщилась, что заметил оглянувшийся через плечо Турекян. Ее недовольство и безапелляционность тона Уэбнера заставили пилота вспыхнуть.

— А ты бы, Вон, стих малость, — прорычал он.

Костлявое, долговязое тело Уэбнера на мгновение закаменело. Затем он повернулся к Турекяну, блеснув проглядывающей сквозь редкие волосы кожей головы.

— Что ты сказал?

— Занимайся своими делами, если ты хоть на это способен.

— Попридержи язык. Возможно, я и действительно впервые возглавляю группу, но как бы там ни было, я...

— Это когда приземлимся. А пока что мы еще летим.

— Пожалуйста. — Юкико бросила свою турель и умоляюще потрогала обоих мужчин за плечи. — Пожалуйста, не надо ссориться... да еще в такой момент, когда мы на пороге встречи с целым новым миром.

Ну разве тут откажешь? Даже в тяжело нагруженном инструментами комбинезоне она, со своей евразийской миниатюрностью, оставалась самой привлекательной из девушек корабля — что не мешало, кстати, остальным нашим женщинам хорошо к ней относиться. Гонсалвес определял ее как simpatico.

Однако успокоились мужчины только внешне. Плохо сочетающаяся пара, они не были, конечно же, врагами — кто же зачислит в экипаж человека, позволяющего себе ненависть? — но и дружеских чувств друг к другу не испытывали никаких. Бывший профессор ксенологии из университета Океании, Уэбнер принадлежал к академическому типу. В молодости он проделал серию великолепных полевых работ, в особенности на Цинтии, по культурам, связанным с торговыми путями, и обычно — находясь под чьим-либо началом — вел себя вполне прилично. Теоретик по всему своему складу, с годами он превратился в начетчика, догматика.

Турекян был полной его противоположностью: молодой, плечистый, чернобородый, шумный и безалаберный, он родился на Марсе, в герметическом куполе, и всю свою жизнь провел, шатаясь по самым отдаленным уголкам доступной человеку части Вселенной. Если поверить хоть половине рассказов этого безудержного хвастуна, он являлся самым отчаянным искателем приключений, какого видел свет, а также самым непобедимым драчуном и самым удачливым любовником; однако я выяснил — к немалой своей выгоде, — что в покер он играет далеко не так хорошо, как можно бы заключить из его слов. При всем при том этот способный, легкий в общении, всегда готовый прийти на помощь парень пользовался всеобщей любовью — что, скорее всего, разжигало в несчастном сухаре Уэбнере зависть.

— О'кей, — рассмеялся Турекян. — Для тебя, Ю, чего не сделаешь. — Он послал девушке воздушный поцелуй.

Уэбнер стих не сразу.

— А что ты имел в виду, говоря: «Занимайся своими делами, если способен хоть на это»? — спросил он с вызовом.

— Ничего он не имел в виду, — голос Юкико звучал почти умоляюще.

— Чуть-чуть побольше, чем ничего, — поправил ее Турекян. — Самую малость побольше. Просто мне хочется, чтобы ты утратил хоть часть уверенности, будто твоя наука непогрешима, разобралась во всех возможных вариантах. Я встречал такие вещи...

— Слышал я эти песенки, слышал, — издевательски ухмыльнулся У эбнер. — В джунглях какого-то там экзотического мира ты видел животных с колесами вместо лап.

— Никогда не говорил ничего подобного. Хотя... хм-м... а ведь здорово придумано, Правда?

— Нет. Потому что это — бессмыслица. Ты спросил бы себя, а каким, собственно, образом клетки диска будут получать питание с оси? То же самое касается и...

— Да, да, не спорю. А теперь стихни, пожалуйста. Мне нужно заходить на посадку.

Изображение на носовом экране быстро росло; через броню фюзеляжа проникал рев рассекаемого воздуха, появилась вибрация, от которой по телу шли мурашки. Турекян не любил тратить время зря. Кроме того, медленный спуск давал автохтонам время, чтобы впасть в истерику, что приводит иногда к трагическим последствиям.

Вглядевшись повнимательнее, люди рассмотрели дом, стоящий на краю каньона, в глубине которого несла свои серо-зеленые воды река. Массивное каменное здание с черепичной крышей. И еще три строения, совершенно не похожие на первое, — низкие, длинные, с деревянными стенами и крышами из дерна; все они расположены по сторонам прямоугольного, мощенного каменными плитами двора. Рядом с двором — загон с какими-то четвероногими животными, несколько в отдалении — ряд, по определению Турекяна, здоровенных птичьих клеток. Весь ансамбль стоит посреди небольшого луга, со всех сторон окруженного лесом.

И уйма птиц, или как уж там называть летающую живность, стаи которой заполняли все небо. Особенно крупная пара кружила прямо над — назовем это так — хутором. Увидев снижающийся катер, они резко свернули.

И тут дом словно взорвался. Из его окон вылетели крылатые существа — десятка два, если не больше — самых различных размеров, от крошечных, цеплявшихся за спины взрослых, до огромных, рядом с которыми показались бы маленькими даже давно исчезнувшие с лица Земли кондоры. В сверкании бронзовых перьев, с хлопаньем крыльев, слышным даже внутри катера, они взмыли вверх и унеслись прочь, исчезли за вершинами деревьев.

Люди приземлились в пустом, покинутом обитателями селении.

Сторожко оглядываясь, каждую секунду готовые выхватить оружие, Уэбнер и Турекян шли по новой планете, свыкались с ней, впитывали ее дух.

Первая встреча с незнакомым миром — всегда некоторое потрясение, ведь он отдален от твоего, с детства знакомого не только пространством, но и временем, миллиардами лет. Зачастую требуются минуты, чтобы разобраться в окружающих тебя формах, настолько они чужды. Сперва их различают только глаза — но не мозг.

В этом мире все напоминало дом. Но и странности были неисчислимы.

Во-первых, тяготение: три четверти от поддерживавшегося на борту корабля. Отсюда — легкая, подпрыгивающая походка, с которой тоже нужно освоиться, причем привыкнуть должны не мышцы, а органы чувств, ими управляющие.

Воздух: вроде земного в горах, на высоте километров двух. (Здесь градиент тяготения был меньше, поэтому и плотность атмосферы меньше падала с высотой.) Хрустальная прозрачность, почти нереальная отчетливость самых далеких предметов, негромкое бормотание прохладного ветерка, шелест ветвей; снизу, из глубины каньона, — звон

речного потока. И пахнет совершенно не так — нос не чувствует ни малейших признаков разогретой солнцем смолы и преющий на земле листьев, вместо того — непривычная смесь каких-то острых ароматов и гари.

Свет: густо-золотой, отчего все цветовые оттенки становятся богаче, а тени — глубже, чем то, к чему привык глаз; утреннее солнце — в два раза меньше, чем Солнце, на которое смотришь с Земли, — висит в темно-синем, с резкими, тонкими прядями облаков, небе.

Жизнь: птичьи (?) стаи, с криком кружащиеся высоко в небе, мычание и кудахтанье, доносящееся со стороны загона, бурый ковер, стелющийся под ногами, — упругий, напоминающий скорее мох, чем траву, но в общем-то не похожий ни на первое, ни на второе и украшенный великолепной красоты цветами. Деревья с зелеными, от серебристо-зеленых до темных, листьями и с самой разнообразной — и черной, и серой, и коричневой, и белой — корой (если только это — кора). Вряд ли более необычные, чем, скажем, сосны и гингко, когда их впервые видит уроженец страны дубов и буков, эти деревья были все же странными, неземными. Пролетел рой каких-то мошек, а следом за ними — большой, неторопливо заглатывавший эту мелочь бронзовокрылый «мотылек».

Общее впечатление от пейзажа: великолепное. Лес, за ним и выше — устремленные в небо горные вершины, ослепительный, переливающийся голубизной блеск ледника. Справа круто уходят куда-то вниз розовые, испещренные охряными полосами склоны каньона. Но все внимание приковывало то, что впереди.

Дом поражал своими размерами. «Ну прямо целый замок!» — воскликнул Турекян. Куб с ребром метров двадцать, чьи отвесные стены, сложенные из отлично обработанных гранитных блоков, вздымались к островерхой крыше. Судя по окнам, в нем было шесть этажей. Сами эти окна — широкие проемы, снабженные деревянными ставнями и кованого железа балконами. Внизу — единственная дверь,

огромная и тяжелая. По фасаду тянулся барельеф с изображениями черепов, чего-то, напоминающего охотничьи рожки, и самого разнообразного оружия — тут были и нож, и копье, и меч, и духовая трубка вроде тех, которыми пользовались когда-то примитивные племена на Земле, и лук со стрелами.

Не возникало сомнений, что остальные здания — амбары и сараи, они также были увешаны различными символами охоты. Животные, населявшие загон, смахивали на млекопитающих, хотя, вполне возможно, таковыми и не являлись. Два вида смутно напоминали быков и лошадей, третий — овец. Животные были немногочисленны и явно не могли полностью обеспечивать обитателей дома пищей. В «голубятнях» сидели какие-то орнитоиды размером с добрую индюшку. Незапертые, они находились под наблюдением трех ястребиного вида охранников.

— Сторожевые псы, — сказал Турекян. — А точнее — сторожевые соколы.

Встревоженные появлением людей, хищники нервно кружили над двором.

— А можно я тоже с вами? — прозвучал из рации, укрепленной за ухом Уэбнера, голос Юкико.

— Ты там сиди наготове, — ответил ксенолог. — Нам еще предстоит познакомиться с хозяевами.

— Чего? — недоуменно повернулся к нему Турекян. — Их же тут нет. Увидели нас и дали деру.

— Такие робкие? — с сомнением спросила Юкико. — Азартные охотники — и трусы, как-то не очень это вяжется.

— Ни в коем случае, — уверенно сказал Турекян. — Скорее уж эти ребята весьма драчливы. Вот и взяли себе в голову, что мы — враги, ведь сами-то они никогда не заявятся на чужую землю без приглашения, просто так — только с нехорошими намерениями. Не зная в точности наших сил, они вполне благоразумно удалились. Думаю, их мужчины-бойцы — или кто уж там у них занимается такими делами — вернутся в самое ближайшее время.

— О чем это ты? — спросил Уэбнер.

— Как о чем? — недоуменно моргнул Турекян. — О туземцах. Ты же и сам их видел.

— Эти гигантские орнитоиды? Чушь.

— Как это? Они же вылетели из этого дома прямо у нас под носом.

— Домашние животные. — Черты узкого, костлявого лица Уэбнера сошлись в пренебрежительную усмешку. — Хотя, не буду отрицать, здесь перед нами некоторая загадка.

— Перед нами всегда загадки, — негромко заметила Юкико.

— Верно, — кивнул Уэбнер. — Однако факты и логика помогают разрешить любую из них. Не надо только усложнять нашу задачу надуманными псевдопроблемами. Кем бы они ни были, крылатые существа, улетевшие из дома, не могут быть софонтами. На планете земного типа, вроде этой, разум и способность летать абсолютно несовместимы. — Уэбнер расправил плечи. — Подозреваю, что обитатели дома забаррикадировались, — добавил он. — Нужно подойти поближе и жестами продемонстрировать свое миролюбие.

— Каковые жесты могут быть неправильно истолкованы, — с сомнением сказал Турекян. — А стрела или дротик убивают ничуть не хуже, чем бластер.

— Прикрой нас, Юкико, — скомандовал Уэбнер. — А ты, Арам, иди следом за мной. Если не совсем еще перетрусил.

Сопровождаемый озабоченным взглядом девушки, он двинулся вперед. Турекян тихо выругался и поспешил следом.

Двое исследователей почти подошли уже к двери, когда их накрыла тень. Они резко развернулись и подняли головы; в наушниках отозвался судорожный вздох Юкико.

В небе парил один из орнитоидов. Пробиваясь через крайние перья огромных его крыльев, солнечные лучи окрашивали их золотом, в остальном силуэт был темным, как грозовая туча. Второй такой же гигант круто пикировал с надветренной стороны.

Зрелище было устрашающим, лишь значительно позже люди осознали его величественность. Размах крыльев этих существ — около шести метров, впереди — пасть, полная белых острых клыков. Две ноги — длиной, а пожалуй, и толщиной с мужскую руку — оканчивались изогнутыми когтями, когти росли и около сгибов крыльев, взмах за мощным взмахом бросавших эти существа вперед с буквально пушечной скоростью. Воздух наполнился свистом и громом.

В руках мужчин мгновенно оказалось оружие. «Не стреляйте!» — словно откуда-то очень издалека донесся крик Юкико.

Великолепное чудовище было уже совсем рядом; бластер Уэбнера плеснул огненным лучом. Почти в тот же самый момент существо затормозило — резкий поворот крыльев, хлопающий звук, в лица людей ударил порыв ветра — и бросилось назад, вверх, на какие-то два метра не достигнув цели.

В мозгу Турекяна с отчетливостью гравюры запечатлелась картина, которую он будет потом рассматривать снова и снова. Атакующий явно был теплокровным, но, несмотря на перья, столь же явно не был птицей. Под мощной шеей выступала килевая кость, напоминающая форштевень корабля. Голова с тупым, коротким носом и без ушных раковин; наиболее фантастическим показался Турекяну рот этого хищника, рот с самыми настоящими губами. Язык и нёбо имели красноватый цвет. И два огромных золотых глаза, в которых стояла испепеляющая ненависть. По спине — гребень жестких, белых с черными кончиками перьев, — несомненно, управляющая плоскость, а заодно — защита объемистого, выпирающего назад черепа. Хвост — веерообразный, той же самой бело-черной расцветки. Темно-красное тело; голые кожистые ноги, и когти на них — желтые.

Выстрел Уэбнера угодил в маховые перья левого крыла, за яркой вспышкой последовало облачко дыма. Издав оглушительный визг, существо накренилось, развернулось и бросилось назад. Повреждение, похоже, не было особенно серьезным и не причинило боли, но теперь левое крыло могло работать лишь вполсилы.

Турекян успел заметить три параллельные щели, тянувшиеся вдоль тела, он даже успел подумать, что на другом боку должны быть еще три такие же; все это странным образом напоминало жабры. Еще он увидел, как при взмахе крыльев щели широко распахнулись — словно три пасти зевнули одновременно — и снова захлопнулись, когда крылья пошли вниз.

Затем Турекян бросился на Уэбнера.

— Брось эту штуку, придурок, — заорал он, вцепившись в правую руку ксенолога; после недолгой борьбы пальцы, сжимавшие оружие, разжались. Тем временем раненый, потерявший скорость орнитоид, присоединился к своему товарищу, и они полетели прочь.

— Что ты делаешь? — Уэбнер попытался схватить Турекяна, но тут же упал от сильного, даже жестокого, толчка. Пилот вскинул свой увеличитель, однако орнитоиды уже скрылись за вершинами деревьев.

— Поздно, слишком поздно, — почти простонал он, выпуская прибор из рук. — И все по твоей милости.

Поднявшийся на ноги Уэбнер буквально трясся от ярости, его лицо побелело.

— Ты что, — выкрикнул он, задыхаясь, — совсем сгейзенбергился[2]? Ведь я — твой командир!

— Пластиковыми утками тебе бы командовать, — с ненавистью сказал Турекян. — В тазике. Выстрелить в туземца — это надо же себе такое представить.

Уэбнер ошеломленно молчал.

— А в довершение ты не дал мне возможности присмотреться толком ко второму. Кажется, я заметил на нем ремни, придерживающие нечто вроде оружия, но уверенности нет.

— Арам, Вон, — взмолилась так и не выходившая из катера Юкико.

Еще несколько мгновений двое мужчин испепеляли друг друга взглядами. Затем Уэбнер глубоко вздохнул, выдохнул и пожал плечами.

---

[2] Придуманное автором слово, означающее «сошел с ума». Происходит от известного отзыва Нильса Бора на созданную Вернером Гейзенбергом (вместе с Вольфгангом Паули) нелинейную квантовую теорию: «Все мы согласны, что эта теория — безумна. Вопрос, который нас разделяет, состоит в том, достаточно ли она безумна, чтобы иметь шансы на успех».

— Думаю, — выдавил он, — на мне лежит обязанность привести ситуацию к какому-то разумному знаменателю, раз уж ты на такое не способен.

Ксенолог сделал долгую паузу.

— Веди себя подобающим образом, и тогда я прощу твои поступки, списав их на перевозбуждение. В противном случае придется подать рапорт с рекомендацией освободить тебя впредь от заданий, связанных с установлением первого контакта.

— Освободить? Меня?

Только большим усилием воли Турекяну удалось сдержать уже сжавшийся для удара кулак. Он громко, напряженно дышал.

— А может, вы обследуете лучше дом? — вмешалась Юкико.

Мысль о том, что нечто неизвестное — да вообще, что угодно — может таиться за этими каменными стенами, немного их охладила.

Хутор оказался полностью покинутым, на нем остались одни животные.

Дабы не восстанавливать туземцев против себя еще сильнее, исследователи не стали взламывать дверь, а вошли через окно с помощью личных антигравов. Каждый этаж состоял всего из одной-двух комнат — хозяева дома, судя по всему, ценили простор и высокие потолки значительно больше, чем уют. Этому странным образом противоречили узкие ступеньки винтовых лестниц, соединявших этажи. Украшения ограничивались аскетически строгими орнаментами. Мебель — почти исключительно столы и скамейки, нигде ничего, даже отдаленно напоминающего кровать. Спят ли вообще туземцы, а если спят, то, как, стоя или сидя? Ничего такого уж невероятного, есть много существ, способных по желанию намертво закреплять свои суставы.

Пищевые запасы свидетельствовали о плотоядности крылатых гигантов. Инструменты, оружие, предметы домашнего обихода, ткани — все это имелось в изобилии, было

отлично сработано, аккуратно сложено и ясно указывало на технологический уровень железного века, более-менее соответствующий земной классической цивилизации. Но наблюдались и исключения, например книги — немногочисленные и напечатанные, по всей видимости, с ручного набора. С какой лихорадочной жадностью перелистывали исследователи эти страницы! Однако иллюстрации почти отсутствовали — только в одной из книг встретилось нечто, напоминающее диаграммы из учебника по геометрии, а в другой — рисунки из руководства по строительным работам. Содержит эта культура табу на изображение своих членов, или катер просто сел рядом с домом, в котором не оказалось других книг?

Устройство и содержимое дома, а также сараев давали мало ключей к пониманию. Никто, собственно, другого и не ожидал. Представьте себя инопланетным ксенологом, оказавшимся на Земле до того, как человек вышел в космос. Ну и какие же, интересно знать, сделаете вы выводы на основании изучения жилища и кое-какой домашней утвари, принадлежащих европейцу, эскимосу, африканскому пигмею, японскому крестьянину? Вы серьезно задумаетесь, да относятся ли хозяева этих предметов к одному биологическому виду.

Со временем вы узнаете больше, только Турекян сильно сомневался, есть ли у них это время. Он довел Уэбнера до белого каления непрерывными уговорами закончить осмотр поскорее и вернуться на катер. В конце концов ксенолог сдался.

— Это совсем не значит, — сказал он, — что я не собираюсь провести детальное исследование, так и запомните. Можно, однако, сперва побеседовать, — в его голосе мелькнули презрительные нотки, — чтобы хоть немного успокоить твои страхи.

После пребывания снаружи воздух внутри корабля казался затхлым, а изображения на экранах — тусклыми. Турекян извлек из кармана трубку.

— Нет, — резко сказал Уэбнер.

— Чего? — пилот был явно ошарашен.

— Я не потерплю табачной вони в закрытой кабине.

— Я лично не возражаю, — вмешалась Юкико.

— Зато возражаю я, — повернулся к ней Уэбнер. — А пока мы на земле, мой голос решающий.

Турекян побагровел, однако подчинился. В космосе стальная дисциплина — вопрос жизни и смерти, однако хороший командир старается действовать по возможности мягко, не перегибая палку. Юкико с упреком посмотрела на Уэбнера, ее ладонь опустилась на руку пилота. Ксенолог это заметил, его лицо на мгновение перекосилось, но затем снова стало холодным.

— Мы нарываемся на неприятности, — сказал Турекян. — Чем скорее мы смоемся отсюда, тем меньше вероятность, что придется звать на помощь.

— Чушь, — резко бросил Уэбнер. — Единственное наше опасение — а не слишком ли сильно испугали мы местных жителей? Может пройти много дней, пока они решатся хотя бы выслать разведчика.

— Они уже выслали, и даже двоих. Тебе пришлось от них отстреливаться.

— Я стрелял в опасное животное. Ты что, не видел эти когти, эти клыки? Простой удар такого крыла — даже без когтей — свернет тебе шею.

Уэбнер старался встретиться глазами с Юкико, он говорил в основном для нее.

— Конечно же, их можно приручить. Подозреваю, что их используют для охоты, примерно, как ястребов, но только стаями. Вполне разумно предположить, что встреченную нами пару... как это называется..., натравили на нас откуда-то издалека. Но они — софонты? Даже думать о таком смешно.

— Откуда у тебя такая уверенность? — негромко спросила Юкико.

Уэбнер откинулся на спинку сиденья и свел перед собой кончики пальцев.

— Необходимо твердо усвоить основной принцип. Все организмы биологически соответствуют своей окружающей среде — или гибнут.

Было видно, что привычное занятие — чтение лекции, — его успокаивает.

— Существа разумные также не являются исключением — более того, они ведь являются потомками существ неразумных, приспосабливавшихся к среде, не подвергавшейся еще искусственной перестройке.

Разумные обитатели нетерроподобных миров могут быть outre[3] — по нашим меркам. Ведь они эволюционировали при условиях, резко отличающихся от наших. Однако на планете, подобной Земле, эволюция тоже подобна земной, она просто не может проходить иначе. Что совсем не исключает широкого спектра возможностей вроде, скажем, гексаподобных позвоночных, превративших передние конечности в руки и ставших кентавроидами, как это случилось на Водане[4]. Произошло это потому, что их отдаленные хордовые предки имели шесть конечностей. Но, как вы видели сами, на этой планете у высших животных те же четыре лапы, что и у наших.

Мозг, способный сконструировать виденные нами артефакты, бесполезен, если к нему не приложить что-нибудь, хоть отдаленно напоминающее руки. Природа его не создаст — она не занимается глупыми шутками. Поэтому местные обитатели просто обязаны быть двуногими, хотя и могут отличаться от нас очень во многом. Нога, выполняющая по совместительству обязанности руки, или там наоборот, будет крайне неэффективна как в одной своей функции, так и во второй. Естественный отбор уничтожит мутантов с такой тенденцией задолго до пробуждения разума.

---

[3] Слишком, чересчур (фр.).

[4] Название планеты происходит от имени германского бога, соответствующего скандинавскому Одину.

— Ну и какие ж органы этих орнитоидов претендуют на роль рук? — плотно сжатые губы сложились в ироническую улыбку.

— Когти на крыльях? — несмело предположила Юкико.

— Боюсь, нет, — покачал головой Турекян, — я присмотрелся довольно хорошо. Хватать ими еще можно, но о настоящем манипулировании нечего и говорить.

— Вы же видели, как детеныши держались ими за своих родителей, — сказал Уэбнер. — Вполне возможно, эти когти используются и для лазания по деревьям. На Земле есть птица с аналогичным органом, хоакцин, только у нее эти когти выпадают в раннем детстве. А здесь они сохраняются и у взрослых, возможно, как дополнительное оружие.

— Может, ноги? — нахмурился Турекян. — Три средних пальца у них прямые, а крайние — вроде наших больших. Вполне пригодны на роль рук.

— Ну и чем же будет заниматься такое существо, находясь на поверхности? — возразил Уэбнер. — Трудно все-таки изготавливать инструменты, порхая в воздухе, я уж не говорю о добыче руды и постройке каменных зданий. И еще один, даже более фундаментальный момент. — Он поучительно покачал пальцем. — Летающие существа ограничены по массе. Конечно же, гравитация здесь меньше, чем на Земле, но ведь и плотность воздуха тоже меньше, так что допустимые нагрузки на крыло приблизительно совпадают. Крупнейшие птицы, бороздившие когда-либо земное небо, весили около пятнадцати килограммов. Более тяжелое существо просто не может взлететь — никакой обмен веществ не обеспечит нужной для этого энергии.

Еще на борту корабля мы установили, изучая взятые образцы, что здешняя биохимия очень близка к земной. Вывод: эти орнитоиды не могут превосходить по весу крупнейших наших стервятников. Да, они большие, большие и очень опасные, но весь их размер — это перья и трубчатые кости, хрупкие, как каркас воздушного змея! Скелет, на котором налеплен тонкий слой плоти.

Вспомни, Арам, ты ведь поднимал сегодня некоторые из их предметов, например тот каменный горшок. Или еще ведра, предназначенные, по всей видимости, для того, чтобы носить воду из речки. Как ты думаешь, какой там был наибольший вес?

Турекян поскреб свою курчавую бороду.

— Кило, пожалуй, двадцать, — неохотно ответил он.

— Видишь? Столько не поднять ни одному летающему существу. Все эти разговоры про орлов, утаскивающих детей и овец, — сказки и суеверия, птицы на это просто не способны. То же самое ограничение относится и к здешним орнитоидам. Ну а кто станет делать посуду, которую сам же не сможет поднять?

— М-м-м, — скорее прорычал, чем промычал Турекян.

— Масса любого обитателя терроподобной планеты, — продолжал добивать его Уэбнер, — недостаточна, чтобы содержать в себе по-настоящему разумный мозг, все эти граммы до последнего требуются для выполнения чисто животных функций. Наши птицы хоть немного облегчили себе задачу, заменив челюсти на клювы, в результате чего осталось хоть немного места для мозга. То же самое относится и к «сторожевым соколам», как ты их назвал. А вот большие орнитоиды этого не сделали. — Уэбнер немного помолчал. — Я даже сомневаюсь, — медленно добавил он, — что можно считать этих тварей такими уж сообразительными. Скорее всего они глупые... и злобные. Так что при новой атаке следует уничтожать их без малейших колебаний.

— Ты хотел его убить? — в ужасе прошептала Юкико. — А вдруг он — или она — это существо, хотело опуститься пониже, чтобы взглянуть на вас, рассмотреть получше — и без оружия, в знак мирных намерений?

— Будь оно разумным — да, такое было бы возможно, — твердо сказал Уэбнер. — Но я только что со всей определенностью доказал вам противное, поэтому — нет. Я спас себя и Арама от очень серьезных ранений. Вполне возможно, что я даже спас наши жизни.

— Туземцам может не понравиться, что мы стреляем в принадлежащих им животных, — заметил Турекян.

— А пусть отзовут своих, так сказать, собак, и ничего подобного не будет. Вообще-то говоря, не исключено, что нападение произошло без указаний туземцев и это реакция на панику, которая охватила стаю. — Уэбнер поднялся на ноги. — Ну как, вы удовлетворены? До заката мы проведем подробные исследования, а затем оставим подарки и удалимся в надежде на лучший прием в следующий раз, после возвращения туземцев. — Почти всегда в одном из таких подарков устанавливалась скрытая телевизионная камера.

Турекян упрямо покачал головой:

— К логике твоих рассуждений не придерешься. Только что-то здесь все же не так.

У эбнер направился к шлюзу.

— А я? — попросила Юкико. — Можно и мне?

— Нет, — ответил вместо Уэбнера Турекян. — Очень не хочется, чтобы ты пострадала.

— Но ведь нам не угрожает никакая опасность, — возразила девушка. — Наше оружие сплавится с любыми летунами, у которых возникнут нехорошие намерения. А если расставить вокруг сенсоры, ни один туземец не сможет подкрасться к нам на расстояние выстрела из лука, мы сразу о нем узнаем. А так я словно в клетку заперта.

Юкико одарила Уэбнера очаровательной улыбкой.

— А почему бы и нет? — растаял ксенолог. — Мне очень пригодится разумная, спокойная помощница. А ты, — повернулся он к Турекяну, — можешь остаться на катере, у пушек.

— Ну конечно, — недовольно проворчал пилот, направляясь вслед за ними.

Дело свое Уэбнер знал, этого у него не отнимёшь. Первоначальный беглый осмотр сменился тщательным, дотошным исследованием. Предмет за предметом осматривался, измерялся, фотографировался, все это сопровождалось непрерывным бормотанием — примечания записывались на магнитофон. Юкико помогала, каждый участник Разведки

обязательно имел хоть минимальную квалификацию в работах, исполняемых всеми остальными членами экипажа. Но Уэбнер нуждался всего лишь в одном ассистенте.

— А мне что делать? — спросил Турекян.

— Помогай носить, когда попадется что-нибудь особенно тяжелое, — ответил, не оборачиваясь, ксенолог. — Присматривай за лесом. А главное — не путайся под ногами.

Увлеченная работой, Юкико никак не отозвалась на эту явную грубость. В горле Турекяна что-то заклокотало, но затем он вынул трубку, набил ее и начал без дела слоняться по двору, выпуская яростные клубы дыма.

Подойдя к загону, он взялся за перекладину ограждения и мрачно посмотрел на животных.

— Есть вы хотите, вот что.

Приняв решение, Турекян направился в сарай — здесь, в отличие от дома, дверь не была заперта — и обнаружил скирду сена с воткнутыми в нее вилами. При всей необычности обстановки это напомнило ему давнее посещение поселка, затерянного в глуши Гермеса; там тоже все было примитивным — на первое время, так как корабли, они не резиновые, все сразу туда не запихнешь, а у колонистов имелись более срочные надобности, чем тракторы-косилки. А у фермера была дочка... Вот такими-то воспоминаниями и утешал себя бравый пилот, вытаскивая на свет Божий охапку красной, пахнущей корицей сухой травы.

— Эй!

Из окна дома высовывалась голова Уэбнера.

— Что это ты там придумал?

— Эти твари проголодались, — буркнул Турекян. — Слышишь, как орут?

— А откуда ты знаешь, чем и как их кормят? К твоему сведению, мы здесь не затем, чтобы играть роль Господа Бога. Наша задача — узнать как можно больше, при возможности — помочь туземцам. Положи это хозяйство, где брал.

Турекян молча подавил свою ярость — мало того, что его унизили, так еще и на глазах у Юкико — и подчинился.

Ничего не попишешь, Уэбнер — командир. Пока катер не поднимется в Богом благословенное небо.

Небо... птицы... Он посмотрел на «голубятни». Над головой шныряли «псевдоястребы», встревоженные, возмущенные, но слишком мелкие, чтобы напасть на человека. А может, этих гигантских орнитоидов держат специально для защиты от крупных наземных хищников? Турекян присмотрелся к обитателям клеток. Они дремали, ковыляли с места на место, ковырялись в земле... жирные и невозмутимые, одомашненные. У них, как и у «ястребов», не было похожих на жабры щелей.

Мелькнула тень. Турекян поднял голову, хватаясь одновременно за свой увеличитель. Гиганты вернулись, теперь их было с полдюжины. Освещенные полуденным солнцем, перья горели золотым пламенем, но подробностей было не разглядеть — слишком высоко.

Щелкнув тумблером антиграва, он устремился к «замку»; Уэбнер и Юкико занимались обследованием пятого этажа. Описав широкую дугу, Турекян влетел в окно. Сейчас ему было не до восхищения спартанской строгостью огромного помещения.

— Они здесь, — выдохнул он. — Нужно возвращаться на катер, и побыстрее.

Уэбнер вышел на балкон.

— Нет никакой необходимости, — сказал он. — Вряд ли они нападут, а если даже и так, мы находимся в большей безопасности здесь, чем пересекая двор.

— А может, закрыть ставни? — предложила девушка.

— А заодно и дверь этого помещения, — кивнул Уэбнер. — Это их остановит. Вскоре они потеряют терпение и куда-нибудь улетят — если они вообще что-то задумывали. Ну а если устроят осаду, мы можем пробиться с помощью оружия, в худшем случае — передать через катер просьбу о помощи, когда «Ольга» выйдет из-за горизонта.

Ксенолог вернулся в комнату. Турекян сменил его на балконе и, сощурив глаза, посмотрел в небо. К первым

крылатым силуэтам присоединилось несколько других, с каждой секундой их становилось все больше и больше. Они парили, круто пикировали, кружили по ветру, который шумом прибоя отдавался в лесу.

По спине пилота пробежал холодок.

— Не нравится мне это, — он не отрывал глаз от все разрастающейся стаи. — Совсем не нравится. Животные так себя не ведут.

— Вполне возможно, — сказал Уэбнер, — что обитатели хутора решили использовать их для нападения. Если так, мы покажем этим обитателям, как дорого может стоить ничем не оправданная враждебность. — Однако вздрагивающий голос ксенолога сильно контрастировал с хладнокровием слов; его лоб покрылся крупными каплями пота.

Время от времени в поле зрения увеличителя что-то ослепительно сверкало.

— Зуб даю, — обернулся Турекян, — есть у них что-то металлическое. Послушайте, если они разумные и настроены агрессивно — ведь ты чуть не убил одного из них, — то этот дом самое для нас неподходящее место. Надо сматывать удочки, и поскорее, все начнется с минуты на минуту.

— Да, — поддержала его Юкико, — уйдем отсюда, Вон. Нельзя рисковать... ведь может возникнуть необходимость жечь разумные существа... да еще на их собственной территории.

— Сколько еще раз должен я объяснять, что нет такого риска, во всяком случае — пока? — В голосе Уэбнера звучало раздражение, которое вызывал у него Турекян. — То, что произойдет дальше, может дать нам совершенно неоценимые ключи к пониманию этноса аборигенов. Мы остаемся. А ты, — повернулся он к пилоту, — и думать забудь про померещившийся тебе металл. В самом крайнем случае это — какие-нибудь защитные ошейники. Так что сними свое не в меру разгулявшееся воображение с форсажа.

И тут Турекян окаменел.

— Арам. — Юкико тревожно подергала его за рукав, но застывшие глаза пилота ее не видели. — Что с тобой, Арам?

Турекян с трудом стряхнул оцепенение.

— Форсаж, — невнятно пробормотал он. — Ну да, конечно. — И сразу же закричал во все горло: — Уходим! Сию же секунду уходим! Они и есть обитатели дома, это совершенно точно, и против нас собирается вся округа.

— Попридержи язык, — презрительно бросил Уэбнер. — Иначе я обвиню тебя в неподчинении приказам.

— Во-во, — громко расхохотался Турекян. — Бунт на борту.

Он присел и бросился вперед; негромкий вскрик Юкико слился с тупым ударом кулака — не в подбородок, это слишком опасно, а в солнечное сплетение. Из груди Уэбнера с шумом вырвался воздух, его глаза остекленели. Затем ксенолог согнулся пополам — сохранив отчасти сознание, он не мог стоять на ногах из-за судороги, сжавшей диафрагму.

— На катер! — крикнул Турекян, подхватив полубесчувственное тело на руки. — Быстрее, девочка!

Антиграв не способен нести двойную нагрузку, прибор только замедлил падение спрыгнувшего с балкона пилота. Времени, чтобы включить антиграв Уэбнера, не было; таща на себе пострадавшего на боевом посту командира, Турекян крупными прыжками пересекал двор.

— Не жди меня, — крикнул он летевшей следом Юкико. — Забирайся, ради Бога, в укрытие.

— Только все вместе, — твердо ответила девушка. — Я тебя прикрою.

Переубедить ее было невозможно.

Бессчетные орды, собравшиеся теперь в небе, образовали огромную вращающуюся карусель, затем эта карусель накренилась. Первые орнитоиды, отделившиеся от строя, с ревом устремились вниз, за ними последовали и остальные.

Засвистели стрелы, раздался крик трубы. Бежавший теперь по лугу Турекян бросился в сторону и помчался дальше зигзагами. Негромко хлопнул бластер Юкико. Она стреляла

мимо цели, в надежде, что вспышки испугают лучников — теперь к ним присоединились еще и метатели дротиков — и помешают им целиться. Зловещее пение стрел раздавалось со всех сторон, одна из них царапнула шею Уэбнера, и тот вскрикнул.

Юкико бросилась открывать шлюз; тем временем Турекян скинул ксенолога на землю, сел на него верхом и выхватил бластер. Передний из орнитоидов был уже совсем близко. Когти правой ноги — не ноги, конечно, а руки — крепко сжимали изогнутый, наподобие ятагана, меч. Какое-то мгновение Турекян глядел прямо в золотые глаза этого отважного мужчины, пришедшего — прилетевшего — защитить свой дом, а затем выстрелил. Выстрелил в сторону.

Туземец умчался, оглушительно хлопая крыльями, и в тот же момент шлюз открылся. Первой влетела Юкико, за ней забрался внутрь, волоча за собой Уэбнера, Турекян. Несколько секунд они стояли и ждали, пока входной люк снова захлопнется.

По фюзеляжу бессильно стучали стрелы и дротики. На мгновение Турекян и Уэбнер обнялись, обоих колотила дрожь; затем пилот прошел вперед, к Юкико. Нужно было взлетать.

Когда представляешь себе — хотя бы отчасти — положение вещей, можно строить планы. Следующий контакт с обитателями Ифри, так называется эта планета по имени самого передового своего народа, мы организовали в тысяче километров от места злополучной стычки, слухи о которой, конечно же, разнеслись по всему нагорью. Когда мы подошли к этим людям осторожно, терпеливо, используя привычную их психике символику, они встретили нас с восторгом. Улетели мы довольно скоро, но за это время ифрианцы успели сделать столько соблазнительных коммерческих предложений, что у меня нет и тени сомнения — уже через несколько поколений эти летуны обзаведутся собственными космическими кораблями.

33

Но все же главный их инстинкт — территориальный, равно как у людей — половой, и лучше бы об этом никогда не забывать.

Причина в том, как проходила их эволюция. Собственно говоря, ходом эволюции объясняется любое побуждение любого живого существа из любого уголка Вселенной. Ифрианцы существа плотоядные, хотя употребляют они и некоторые сладкие фрукты. Плотоядным требуется большая площадь для поддержания жизни одного индивидуума, чем травоядным или всеядным, несмотря на то что мясо калорийнее практически любой растительной пищи. Понять это легко — задумайтесь только, сколько места требуется для пропитания одной антилопы и сколько антилоп нужно для пропитания львиного прайда. Ксенологи извели уйму бумаги на трактаты о корреляциях между диетой и генотипически обусловленной психикой софонтов.

Только сомневаюсь я что-то в ценности этих трудов. Во всяком случае, в них была упущена сама возможность существования расы, подобной ифрианцам, у которых обостренный территориальный инстинкт и крайний индивидуализм — со всеми вытекающими отсюда последствиями — имеют причиной непомерный телесный аппетит. А последствия, о которых я упомянул, очень велики и касаются социальной организации, нравов, искусства, религиозных верований — да всего, чего угодно.

При собственной своей массе не больше тридцати килограммов они способны поднять такой же вес в воздух, а без нагрузки летают с дикой скоростью, буквально как черти. Потому они и смогли организовать цивилизацию, не скучиваясь в городах. В городах живут по большей части преступники (им подрезают крылья) и рабы. Местные мудрецы начинают уже задумываться, что появление роботов покончит с такой практикой.

Где у них руки? Те самые когти, развившиеся в процессе эволюции в манипулятивные органы. А ноги? Да, когти на сгибах крыльев — ювенильная особенность, которая

сохранилась и развилась — подобно тому, как большая голова и малое количество волос у человека ведут свое происхождение от структуры зародыша человекообразной обезьяны. Передняя часть скелета крыла состоит у ифрианцев из плечевой кости, радиальной и локтевой, примерно, как и у настоящих птиц. В полете все они закрепляются, а на земле, когда крылья сложены, образуют нечто вроде «коленного» сустава. Ниже этого сустава имеется костистый отросток, образующий ногу, а скорее — лапу. Три сросшихся и необыкновенно удлиненных когтя откидываются назад, образуя закрылок, придающий жесткость остальной части огромного крыла и способный при необходимости обеспечить дополнительную опору. Взлетая, ифрианцы обычно делают сначала — до первого взмаха крыльями — стойку на руках. Это занимает менее секунды.

Да, конечно, на земле они очень медлительны и неуклюжи. Но ничего, выходят как-то из положения. Крупные, имеющие оружие, в любой момент готовые оседлать ветер, они не страшатся никаких хищников.

Остается, конечно, вопрос, а откуда берется энергия, бросающая этих гигантов в небо? Из окисления пищи, откуда же еще. Именно поэтому каждая семья нуждается в обширных охотничьих угодьях и пастбищах. Ограничительным фактором является поступление кислорода. Молекула, играющая в их крови роль гемоглобина, способна переносить кислорода больше, чем гемоглобин, но кислород этот нужно еще подать. Первым понял, как это делается, Турекян. У ифрианцев имеются легкие, пассивная система, примерно такая же, как у нас. Но, кроме того, они снабжены чем-то вроде форсажной камеры, развившейся из жаберного аппарата далеких амфибийных предков.

Накачиваемые, подобно кузнечным мехам, летательными мышцами, эти воздуховсасывающие органы позволяют сжигать топливо — а точнее, пищу — с необходимой быстротой.

Интересно, что ощущаешь, когда в тебе так буйно клокочет жизнь?

Помню, как Арам Турекян полуобнял Юкико Сачанскую за плечи, и они стояли под закатным небом, наблюдая прощальный танец, устроенный ифрианцами в нашу честь. По лицу девушки катились слезы.

— И я хочу летать, — всхлипывала она. — Летать, как они.

Вполне возможно, что эту историю способен понять только христианин, в таком случае я берусь не за свое дело. Однако я, как психолог-любитель, интересуюсь религией и всегда вожу с собой Библию (на кассете) — хотя бы из-за величественности ее языка. Это — одна из причин, почему Питер Берг раскрыл мне свою душу. Питер отчаянно хотел разобраться в этих событиях, но ни один священник не сумел толком ответить на его вопросы, не сумел его успокоить. Оставалась последняя, слабенькая надежда, что человек со стороны — например, я — сумеет разглядеть нечто, незаметное настоящему верующему.

Другой причиной было одиночество. Мы работали на Люцифере в составе исследовательской группы. Удачно назвали этот мир. Здесь не решатся поселиться никакие существа, чьи предки эволюционировали в окружении травы и деревьев. Однако минеральные богатства Люцифера вполне заслуживали внимания — в том, конечно, случае, если на нем хоть как-нибудь можно выжить. Вот это мы и выясняли. Даже самая очаровательная, невинная на вид среда обитания всегда нафарширована тысячами ловушек — пока не усвоишь, в чем состоят опасности и как их избегать (Земля — тоже не исключение). Иногда обнаруживаются проблемы, которые нельзя разрешить достаточно экономичным способом, или даже — вообще нельзя. Тогда эту область, или всю планету, оставляют и идут искать дальше.

Мы подрядились провести на Люцифере три стандартных года. Платили щедро, однако очень скоро стало ясно, что никакой банковский счет не вернет нам даже одного дня, который можно было провести под более добрым солнцем. Мы старательно избегали этой темы в разговорах.

Примерно в середине второго года нам с Бергом поручили глубокое исследование уникального экологического

цикла средних широт Северного полушария. Это значило — поселиться на несколько недель (которые превратились в месяцы) в исследуемом районе, на большом расстоянии от прочих разведывательных групп, чтобы минимизировать возмущения. Все наши контакты с людьми ограничивались редкими визитами катера, доставлявшего припасы, электроника — слабая замена, особенно когда над головой висит эта бешеная звезда, ежесекундно прерывающая радиосвязь.

В такой обстановке узнаешь своего напарника чуть ли не лучше, чем себя самого. Ладили мы с Питом отлично. Надежный, как каменная стена, этот высокий, светловолосый, веснушчатый парень обладал огромными запасами — настоящих, не показных — доброты, сердечности и достоинства. И очень вежливый. С юмором, правда, у него было слабовато, но во всех остальных отношениях лучшего однокамерника и не придумаешь. Питу было что рассказать — несмотря на молодость, он успел уже много пространствовать, — но и твои воспоминания и похвальбу он выслушивал не прерывая, с искренним интересом. К тому же он прочитал много книг, прилично готовил (когда наступала его очередь) и играл в шахматы самую чуточку лучше меня.

Я уже знал, что Пит не с Земли — и даже никогда на ней не был, — а с Энея, расположенного в двух сотнях световых лет от Колыбели Человечества и в трех сотнях от Люцифера. Вырос он в глухом захолустье, хотя и получил потом образование в маленьком, совсем недавно организованном университете Нового Рима. Впрочем, и этот город — всего лишь столица одной из дальних колоний. Все это вполне объясняет истовую преданность Пита вере в Бога, который сперва воплотился, а затем умер из любви и сострадания к людям. Только не подумайте, что я глумлюсь, ни в коем разе. Наш защитный купол имел всего одну комнату; каждое утро и каждый вечер Пит молился, молился с искренней серьезностью ребенка, но ни я не поддразнивал его, ни он не осуждал моего неверия. Как-то так вышло, что со временем мы стали все больше и больше обсуждать такие предметы.

38

BERT
TANNER

THE MAGAZINE OF
Fantasy AND
Science Fiction
FEBRUARY
75c • UK 60p
THE PROBLEM OF PAIN
by Poul Anderson
Isaac Asimov
THROUGH THE MICRO-GLASS
A MERCURY PUBLICATION

А потом он рассказал мне, что его мучит.

Подходил к концу один из долгих, нестерпимо долгих люциферских дней, мы измотались, пропитались потом, все тело у нас чесалось, мы жутко воняли и валились с ног от усталости. В этот день мы едва не погибли — ив этот же день мы обнаружили растение, которое концентрировало в своих корнях соли урана и было основной причиной всех непонятных нам странностей. Когда мы вернулись на базу, бешенство дня уже смирялось, переходя в обычный вечерний ураган; мы вымылись, поели и быстро уснули, убаюканные шуршанием пыли, швыряемой ветром на купол. Проснувшись часов через десять или двенадцать, мы увидели сквозь витриловые панели холодное колючее сверкание звезд, сполохи северного сияния, низко стелющийся туман и уродливо скрученные растения — «деревья», как мы их называли, — покрытые ослепительно белым инеем.

— До рассвета делать нечего, — сказал я, — а мы вполне заслужили праздник.

Мы закатили себе роскошный — в меру возможностей — пир, завтрак это был или ужин — трудно сказать, да и какая, собственно, разница? За едой мы пили вино, а потом сидели в своих креслах, смотрели на созвездия, никогда не виданные ни на Земле, ни на Энее, и пили коньяк, много коньяку. И говорили. В конце концов разговор пошел о Боге.

— Может быть, ты сумеешь мне это объяснить, — сказал Пит. Даже в полумраке купола на его лице отчетливо читалась какая-то внутренняя борьба. Он сидел, крепко сжав кулаки и глядя прямо перед собой.

— М-м-м, не знаю, не знаю, — осторожно ответил я. — Честно говоря — только ты, пожалуйста, не обижайся, — теологические ребусы всегда казались мне до крайности глупыми.

— То есть, — спокойно, без нажима, сказал Пит, подняв на меня свои синие глаза, — тебе не кажется, что отказ от веры приводит к противоречиям, парадоксам?

— Да, не кажется. Я уважаю твою веру, Пит, но никак не могу ее разделить. И если даже предположить, что в основе Вселенной, — я указал на высокое, устрашающе-прекрасное небо, — лежит некий духовный принцип, либо что-то подобное, каким, подумай сам, образом можем мы понять эту первосущность, вложить ее в узкие рамки догматов?

— Не можем. Согласен. Конечный разум не способен понять бесконечное. Однако мы можем видеть и познавать его части, открытые нам. — Он перевел дыхание. — Давно, еще до начала полетов в космос, церковь решила, что Христос пришел только на Землю, только к людям. Если другие разумные расы тоже нуждаются в спасении — а в этом трудно сомневаться! — Господь Бог что-нибудь для них придумает. Такие вот дела. Но из этого, конечно же, еще не следует ошибочность христианства или, наоборот, истинность каких-либо других верований.

— Вроде, скажем, политеизма, что бы это слово ни значило?

— Пожалуй, да. К тому же религии развиваются. Примитивные культы видят в Боге силу, более развитые — справедливость, самые совершенные — любовь. — Пит резко смолк, сжал кулаки, затем схватил свою рюмку, осушил ее и наполнил снова — все это практически одним движением. — Я должен верить, — прошептал он.

Несколько секунд тишина нарушалась только доносящимся снаружи холодным хрустом.

— Что-то заставило тебя усомниться? — спросил я наконец.

— Усомниться?.. Нет. Но лишило спокойствия. Ты не возражаешь, если я расскажу?

— Конечно, нет. — Было видно, что он готов раскрыть свою душу, а я все-таки знаком с понятием «святое», для этого не обязательно быть верующим.

— Все случилось пять лет тому назад. Для меня это была первая настоящая работа, для меня и, — он чуть заметно запнулся, — для моей жены. Мы с ней только что закончили

университет и прошли стажировку, только что поженились. — Пит говорил спокойно, но это явно стоило ему больших усилий. — Наши работодатели не были людьми. Ифрианцы, слышал о таких?

Я задумался. Миры, живые существа, разумные расы — всего этого невообразимо много даже в том крохотном уголке крохотной галактики, который мы успели чуть-чуть исследовать.

— Ифрианцы… ифрианцы… подожди. Это которые летают?

— Да. Одно из самых потрясающих зрелищ, какие есть в Божьем мире. Ифрианцы, само собой, значительно легче людей, в зрелом возрасте они весят килограммов двадцать пять— тридцать, но размах их крыльев достигает шести метров, и, когда такой гигант взмывает к небу, весь золотой в сиянии солнца, или со свистом и грохотом обрушивается вниз…

— Подожди, — перебил его я. — Насколько я помню, Ифри — террестроидная[5] планета?

— Да, в значительной степени. Поменьше Земли и посуше, плотность атмосферы тоже чуть поменьше — примерно, как на нашем Энее, они и расположены, кстати, не очень далеко друг от друга — по космическим меркам. Жить там можно без всякой особой защиты, биохимия тоже вполне аналогичная нашей.

— Какого же черта тогда эти существа такие здоровенные? Невероятная нагрузка, если мощность обеспечивается исключительно окислением клеточной ткани. Не понимаю, как они могут летать?

— У них есть дополнительные органы дыхания. — Пит улыбнулся, но как-то безрадостно, одними губами. — Внешне они выглядят как жаберные щели, по три штуки на каждом боку, — под крыльями, а по принципу действия — нечто вроде кузнечных мехов, накачиваемых летательными

[5] Подобная Земле.

мышцами. Во время полета дополнительный кислород поступает прямо в кровь. Биологическая форсажная система.

— Ну, чтоб меня... ладно, замнем для ясности. — Я слегка задумался, восхищаясь необыкновенной — по ее обыкновению — изобретательностью природы. — М-м-м... но если эти летуны с такой скоростью расходуют энергию, то и аппетиты их должны быть соответствующими.

— Правильно. Ифрианцы — плотоядные. Многие из них все еще живут охотой, а развитые культуры основываются на скотоводстве. И в том, и в другом случае для поддержания жизни одного ифрианца нужна уйма мяса, уйма квадратных километров. В результате у них очень развит территориальный инстинкт. Живут они мелкими общинами — отдельными семьями, либо родами — и без лишнего раздумья атакуют, причем самым серьезным образом, любого незваного гостя, если он не покинет их землю по первому же требованию.

— И при всем при этом настолько цивилизованы, что даже нанимают людей для помощи в исследовании космоса?

— У-гу. Не забывай, что они летают и потому легко связываются друг с другом, им не нужно для этого тесниться в городах. У них есть несколько городов, по большей части это горнодобывающие и промышленные центры, но живут там исключительно рабы с подрезанными крыльями. Рад сказать, что эти учреждения уже отмирают — с появлением современной техники.

— Которую они покупают? — наугад предположил я.

— Да, — кивнул Пит. — Во времена первой Великой Разведки, когда обнаружили Ифри, наиболее развитую культуру планеты можно было сравнить с уровнем железного века, промышленная революция еще не наступила, однако у ифрианцев было достаточное количество тонких мыслителей, они обладали высокоразвитой философией. — Он помолчал. — Это очень важно для моего рассказа, что ифрианцы, во всяком случае — чоты, говорящие на языке планха,

совсем не варвары, они вышли из этой стадии много веков назад. У них были свои Сократы и Аристотели, Конфуции и Галилеи, у них были свои пророки и духовные вожди. — Он опять смолк. — Они сразу поняли, как много — значит визит земных гостей, и постарались привлечь на свою планету торговцев и учителей. Накопив определенные капиталы, они начали посылать наиболее способных своих детей на чужие планеты. В нашем университете тоже училось несколько ифрианцев, почему мне и предложили эту работу. К тому времени у них уже было несколько кораблей со своими экипажами. Однако ифрианцы с технической подготовкой оставались еще большой редкостью, а в некоторых областях знания у них вообще не было специалистов. Поэтому они нанимали людей.

Потом Пит начал описывать мне типичного ифрианца: оперение (за исключением хохолка на голове), как у золотого орла, ну, может, чуть посложнее, и в то же время — не птица. Вместо клюва — тупая морда с острыми клыками, выше — два огромных глаза. Женщины рожают живое потомство. Что-либо, подобное кормлению грудью, отсутствует, однако детеныши все равно имеют губы, с помощью которых они высасывают сок из мяса и фруктов. Губы сохраняются и во взрослом возрасте, поэтому речь ифрианцев не так уж отлична от человеческой. Процесс эволюции превратил их ноги в некое подобие рук, на каждой из которых по пяти когтистых пальцев, причем «больших», способных вставать перпендикулярно кисти, — два, по краям. По земле ифрианцы передвигаются на лапах, растущих из «локтей» сложенных крыльев. Тут они и медлительны, и неуклюжи, но в полете...

— В полете они живут с интенсивностью, на которую мы просто не способны, — вздохнул Пит. Его глаза блуждали по дрожащим над головой полотнищам северного сияния. — А как же иначе? Скорость обмена веществ, беспредельные просторы вокруг, стремительный полет, сотни ветров, обдувающих их со всех сторон... Именно поэтому я и решил, что

они — а в частности, Энэрриан — верят с остротой, страстью, о которых мне нет смысла и мечтать. Я увидел, как он и все остальные танцуют высоко в небе — кружатся, скользят, парят; как солнце расплавленным золотом горит на их перьях. Я спросил, что это они делают, и мне сказали — славят Господа.

— Во всяком случае, — снова вздохнул он, — именно так перевел я слова, сказанные ифрианцем, не знаю уж, точно или нет. Мы с Ольгой прошли ускоренный курс планха, а наши ифрианские сотрудники знали английский, но ни их, ни наше владение чужим языком не было идеальным. Да и не могло быть. Миллиарды лет раздельного существования, развития, истории — чудо, что мы вообще могли друг друга понимать. Как бы там ни было, Энэрриана можно смело назвать религиозным — ничуть не в меньшей степени, чем, например, меня. А вообще, их религиозность примерно такая же, как и у людей. У одних вера глубокая, у других — нет, есть среди них и свои агностики, и свои атеисты. В нашей группе было даже двое язычников, отправлявших кровавые ритуалы Старой Веры. А если говорить о людях, то Ольга, например... — пальцы, сжимавшие рюмку с коньяком, напряглись, — пыталась, ради меня, поверить так же, как я, но не сумела.

Ладно. Новая Вера интересовала меня гораздо больше. Новой эта вера являлась только по названию, она была только в два раза младше христианства, даже меньше, чем в два. Я надеялся получить возможность изучить ее, задать вопросы, сравнить основные идеи. Я не знал об этой вере практически ничего — только что она монотеистична, имеет таинства и теологию, что в ней нет института священнослужителей и что она поддерживает высокие этические и моральные нормы — по ифрианским, разумеется, понятиям. Трудно ожидать, чтобы раса сугубо плотоядная, имеющая цикл течки, не способная не то, что создать нации и правительства, но даже и понять, что это такое, трудно ожидать, чтобы такая раса сильно напоминала христиан. Господь дал

им иную благую весть. Вот я и хотел знать — какую, что-то могло оказаться полезным и для нас.

Он снова сделал паузу.

— В конце концов... вера, вера с давней традицией... и не статическая, а ищущая, имеющая своих пророков и святых... я думал, они знают, что Господь — это любовь. Только вот какую форму принимает любовь Господа в представлении ифрианцев?

Пит выпил. Я последовал его примеру и только потом осторожно спросил:

— Э-э... а где работала эта экспедиция?

— Да есть одна система в восьмидесяти световых годах от Ифри. Поисковая команда обнаружила там терреструидную планету. Никакого названия придумывать не стали — оставили это занятие будущим колонистам, может, людям, может, ифрианцам, а может, и тем и другим сразу, если природные условия окажутся подходящими.

К слову, мир этот — наша группа называла его между собой Грей, в честь старого капитана — мир этот казался очень перспективным. Размер — что-то среднее между Землей и Ифри, тяготение — ноль восемь земного, лучистой энергии получает чуть побольше, чем Земля, от центрального светила, которое чуть поярче, чем Солнце, в результате климат немного теплее. Наклон оси — ас ним и сезонные вариации — несколько меньше, чем у Земли, год — около трех четвертей земного, сутки раза в два короче; есть одна маленькая, но яркая — из-за низкой орбиты — луна; биохимия в точности как наша, мы могли есть местные продукты, хотя для сбалансированности рациона нужно было добавлять и привозные. Одним словом — идеал.

— Только малость далековато, — заметил я, — чтобы привлечь в те дни землян. Да и ифрианцы, судя по твоим словам, вряд ли были способны быстро там поселиться.

— Мыслят с перспективой, — пожал плечами Пит. — Кроме того — научное любопытство. И авантюрный дух у них значительно сильнее, чем у землян, в частности у тех

землян, которых они наняли. Ты и представить себе не можешь, что это за счастье — быть молодым и работать в такой команде!

Ему не было еще и тридцати, но шутить на эту тему почему-то не хотелось.

— Так вот, — Пит стряхнул с себя секундное оцепенение. — Мы хотели удостовериться. Планетология, экология, химия, океанография, метеорология — все это прекрасно, но только всегда возникают миллионы самых неожиданных загадок и проблем, и во всех них надо разобраться. Нужно было выявить возможные ловушки этой планеты — каковы бы они ни были.

Сначала все представлялось ясным и безоблачным, как улыбка Девы Марии в первое Рождественское утро. Мы высадились — нельзя было задерживать корабль на околопланетной орбите, у него имелись другие дела — и организовали базу на самом обширном из континентов. В самом скором времени вся наша сотня с лишком разбрелась по шарику, исследуя, кому что поручено. Мы с Ольгой попали в группу, работавшую на южном побережье, рядом с заливом, который буквально кишел всякой живностью. Там проходило мощное морское течение, от залива оно шло на восток, дальше натыкалось на архипелаг, который отклонял его к северу. Делая облеты океана, мы обнаружили огромные, в полном смысле слова огромные скопления — да что там, настоящие плавучие острова — туго переплетенной растительности, на которых паслись чудовищные морские твари. Не возникало сомнений, что имеются там и животные помельче.

Нужно было посмотреть поближе. Флиттер, единственный наш летательный аппарат, плохо подходил для этой цели, да к тому же он был нарасхват. Но у нас были морские катеры, вот мы и отправились на одном из них. В команду вошли Энэрриан, его жена Вхэл, их взрослые дети Руса и Аррах, моя красавица Ольга и я. Мы собирались достичь ближайшей травяной Атлантиды — так назвала эти острова

Ольга — за три-четыре дня, поработать там с неделю и — назад. Каникулы, отдых, пикник.

Он опрокинул содержимое рюмки в рот и потянулся за бутылкой.

— И нарвались на неприятности, — предположил я.

— Нет. — Плотно сжатые губы скривило что-то вроде улыбки. — Скорее неприятность нарвалась на нас. Ураган. Совершенно неожиданный — мы почти не знали этого мира. Высокая солнечная радиация и в особенности быстрое вращение планеты делали тамошний шторм страшнее любого земного. Нам оставалось только уходить от него — и молиться. Я, во всяком случае, молился, думаю, что Энэрриан — тоже.

Ветер выл, кричал, завывал, сбивал с ног, десятками ледяных ножей рвал тело. Грохотали волны — черные, зеленые, усеянные белыми клочьями пены, затем облачная муть скрыла солнце, и все цвета потускнели. Иногда вздымался и крепостной стеной нависал над крошечным корабликом особенно чудовищный вал — вроде земного девятого. Катер соскальзывал в провал между волнами, затем взлетал на гребень, снова падал вниз. Взбитые бешеным ветром брызги воды — обжигающе-холодные, горькие — густым туманом окутывали палубу.

— Уцелеем, если удержимся носом к волне, — сказал Энэрриан, когда налетел первый шквал. — Катер крепкий, аккумуляторы заряжены достаточно. Не подставлять борт под волну — и все будет в порядке.

Но теперь их несло течение, они попали как раз в то место, где могучий океанский поток достигал крайнего острова архипелага; он бурлил, пенился, закручивался десятками водоворотов. Бешенство сталкивающихся потоков воды усиливалось с каждой секундой, они сбивали катер с курса, разворачивали его и в конце концов поставили боком. Теперь ревущие волны перекатывались через палубу; словно огромный колокол, гудел под их ударами корпус.

Свободные от вахты, Пит, Ольга и Вхэл находились в кабине, тщетно пытаясь отдохнуть. Ифрианка вцепилась всеми четырьмя конечностями в свое спальное место — обтянутую сеткой раму, — крепко держалась и не произносила ни слова. В тусклом свете единственной флюоресцентной лампы, вделанной в потолок каюты, огромными топазами мерцали ее глаза. Они словно не видели окружающую тесноту; на что они смотрели — Бог знает.

Люди привязались линем к одной из нижних коек, они обнялись, помогая друг другу противостоять качке и броскам корабля, грозившим разбить их о переборки. Белокурые волосы Ольги, лежавшие на плече Пита, были последним светлым пятном во всей его Вселенной.

— Я люблю тебя, — снова и снова повторяла она среди громовых ударов волн и завывания бури. — Что бы ни случилось дальше, я люблю тебя, Пит, и благодарна за все, что ты мне дал.

— И я тебя люблю, — отвечал он.

«И Тебя я люблю, — думал он, — но ведь Ты не возьмешь ее к себе, не возьмешь прямо сейчас, правда? Меня — бери, если будет на то Твоя воля. Но не Ольгу, без нее в Твоем творении останется слишком мало света».

Дверь каюты распахнулась.

— Все наверх! — Высокий, свистящий голос ифрианца был еле различим сквозь грохот бури.

Вхэл выбралась на палубу сразу, Берги — как только надели спасательные жилеты. Антигравы остались на базе, а вместе с ними и способность лететь — не дай Бог свалиться за борт. Ревущий ветер сбивал с ног. Едва различимые во мраке Руса и Аррах пытались справиться с румпелем. Перед Питом выросла фигура Энэрриана.

— Смотри, — сказал капитан, указывая куда-то вдаль.

Пит, не обладавший, в отличие от ифрианцев, третьим веком, прикрыл глаза рукой и вгляделся. Впереди виднелась белая пенная стена, за ней вздымалось что-то, черное даже на фоне ночного неба. Уши различали шум прибоя.

— Нас несет, — крикнул Энэрриан, пытаясь перекрыть грохот и вой. — И ветер, и течение, а нам не хватает мощности. Похоже, разобьемся. Будьте готовы.

Рука Ольги испуганно метнулась ко рту. Она прижалась к Питу и что-то прошептала, скорее всего — «Нет, нет!» Затем Ольга выпрямилась, бросилась в каюту и начала собирать, держась за переборку, самые нужные из сложенных там вещей. Пит почувствовал, что сейчас он любит ее даже сильнее, чем когда-либо прежде.

Его охватило полное спокойствие, такое же, как и всех остальных. Ни у кого просто не было времени, чтобы бояться. Он тоже взялся за дело. Ифрианцы могут унести сколько-то оборудования и припасов, но совсем немного, особенно в таких условиях. Основной груз пришелся на долю людей — их удержат на воде спасательные жилеты. Все отобранное Пит и Ольга накрепко привязали к себе.

Когда они снова вышли на палубу, катер был уже на мелководье. Энэрриан послал людей к рулю; его жена, сын и дочь раскинули крылья и стали вокруг, стараясь организовать хоть какую защиту от ветра. Стояли они на руках, намертво вцепившись ими в поручни. Сам капитан выбрал своим наблюдательным пунктом крышу каюты; Берги едва разбирали обрывки выкрикиваемых им команд:

— Право на борт! Еще правее!

Слева в воздух взлетали фонтаны брызг — волны разбивались о невидимые в темноте камни. Пенные столбы скользнули мимо, исчезли во мгле.

— Два румба на штирборт — так держать!

Нос катера проскользнул между двух скал. И вдруг впереди мелькнул узкий проход, рассекавший крутой, высокий берег. Путь в лагуну, к безопасности? По обеим сторонам этих врат спасения бесился прибой.

Пройти не удалось. Кораблик ударился о камни, Ольга и Аррах свалились на палубу. Попытка дать полный назад ни к чему не привела, палуба накренилась, одна за другой через нее перекатывалась ревущие волны.

Пит оказался в воде. Она подхватила его, потащила вниз, к усеянному острыми камнями дну. «В руки Твои отдаю себя, Господи, — думал он, — но только пощади Ольгу, пожалуйста, пожалуйста», — и море выкинуло его на поверхность, позволило сделать один отчаянный глоток воздуха.

Барахтаясь в непроглядной темноте, Пит пытался сообразить, как двигаются валы прибоя, что нужно сейчас делать. Если удастся удержаться на гребне, можно и спастись... трудно, но можно. И вот он на плечах несущегося гиганта; плечи эти вздымаются все выше и выше, увлекают его вперед с неимоверной скоростью... Пит увидел впереди риф и понял, что сейчас в него врежется, и понял, что погиб.

В его спасательный жилет вцепились когти. Оглушительно хлопали крылья. Ифрианец не мог поднять человека, однако сумел оттащить его в сторону — совсем не далеко, но и этого хватило, чтобы Пит миновал скалу, о которую должны были раздробиться его кости, проскользнул в царивший за ней бешеный, удушающий, но — спасительный хаос прибоя. Ифрианец не успел отпустить его вовремя. Пита резко потянуло ко дну, но он успел увидеть, как золотые крылья тоже уходят под воду. Больше они не появились.

А Пит плыл и плыл, вперед и вперед, плыл бесконечно, как ему казалось, долго.

Теперь вода вокруг была беспокойной — но не более того; слева и справа темнели кручи, впереди виднелся пологий берег. Пит вгляделся назад, в гремящую мглу, но не увидел ничего.

— Ольга, — прохрипел он. — Ольга, Ольга.

Мелькнули крылья, угольно-черные на фоне темного ночного неба.

— Выбирайся на берег, а то унесет придонным течением, — крикнул Энэрриан и полетел дальше, видимо, на поиски.

Пит выбрался на жесткий, шершавый песок, упал и наконец разрешил себе потерять сознание.

Очнувшись — очень нескоро, — он увидел рядом с собой Русу и Вхэл, Энэрриан стоял чуть поодаль. Капитан выбирал

пропущенный вокруг древесного ствола линь. Ольга была жива, но двигаться самостоятельно уже не могла, завязанная под мышками петля подтягивала ее к берегу.

Наступил хмурый рассвет; теперь дикая ночная буря чуть стихла, превратилась в некое подобие обычного урагана. Ветер продолжал угрожающе выть, пушечные выстрелы прибоя продолжали сотрясать островок до самого основания, однако над лагуной и полоской пляжа стояло относительное затишье — помогали окружавшие их высокие скалы. Пит и Ольга сидели, тесно прижавшись друг к другу и закутавшись одним на двоих плащом. Энэрриан разбирал спасенные припасы. Вхэл «присела» на задние выступы своих крыльев и неотрывно смотрела в морскую даль. Влага, поблескивающая на ее седеющих перьях, напоминала слезы.

Приземлился вернувшийся со стороны прибрежных рифов Руса.

— Никаких признаков, — голос звучал устало и безжизненно. — Ни катера, ни Аррах.

Плохо соображавший, какой-то окостеневший мозг Пита все-таки отметил последовательность этих слов. И все же... Он повернулся к родителям и брату Аррах, веселой, очаровательной девушки, которая так любила петь при лунном свете.

— Не знаю, как и передать... — начал он и тут же осознал, что действительно не знает подходящих слов на планха; пришлось перейти на английский. — Не знаю, как и передать наше сочувствие вашему горю.

— В этом нет необходимости, — сказал Руса.

— Она погибла, спасая меня!

— И то, что вы несли, то, в чем мы отчаянно нуждаемся. — К Ру се вернулось какое-то подобие энергии. — Да, у нашей девочки была смертная гордость.

Потом Пит захочет понять слова Русы и познакомиться с этим новым для себя ифрианским понятием. «Отвага» — перевод слишком слабый и примитивный. У древних японцев

были более подходящие слова, но и они не передавали всей глубины выражения «смертная гордость».

— Вы не видели, что она делала, оказавшись в воде? — спросила Вхэл, глядя на него своими желтыми ястребиными глазами. Слишком слабо знакомый с этим народом, Пит не смог понять, что звучало в ее голосе; он подумал, что любовь. Сексуальная мотивация у ифрианцев слабее, чем у людей, — они подвержены сезонным течкам; это Пит знал, но вполне возможно, что этот народ дорожит своими детьми даже больше, чем люди. Ведь дети — сильнейшая из связей, скрепляющих мужчину и женщину, в них вся жизнь.

— Н-нет, я... Боюсь, что нет, — ответил он, запинаясь.

— Она сражалась хорошо, не сомневайся. — Рука Энэрриана на мгновение коснулась спины Вхэл. — Она воздала Господу честь. (Славу? Хвалу? Почитание? Должное?)

«Неужели он хочет сказать, что, утопая, Аррах молилась, исповедовалась?» Вопрос, возникший в осоловелой голове Пита, заставил его пробормотать:

— Теперь она на небесах.

И снова пришлось обращаться к английскому языку.

— Что вы говорите? — пораженно взглянул на него Энэрриан. — Она умерла.

— Да, но ее... дух...

— Мы будем гордиться, вспоминая ее дух. — Энэрриан вернулся к прерванной работе.

— Так, значит, вы не верите, — пришла на помощь Питу Ольга, — что после телесной смерти дух остается жить?

— Каким образом? — резко спросил Энэрриан. — И чего бы ради?

Его поза, движения, даже положение перьев словно говорили: «И оставьте меня в покое».

«Ну что ж, — думал Пит, — очень многие религии, в том числе и весьма высокие, даже некоторые секты, называющие себя христианскими, отрицают бессмертие души. Как жаль мне тех моих друзей, которые не знают, что вновь встретятся с утраченными близкими.

Не знают — и все равно встретятся. Разве может быть, чтобы Бог, из беспредельной своей доброты, из желания поделиться своим бытием сотворивший все сущее, лепил души для того только, чтобы затем разбивать их и выбрасывать?

Ладно. Сейчас главное — сохранить Ольгу в живых, удержать ее душу в этом любимом мной теле».

— Могу я чем-нибудь помочь?

— Да, — сказал Энэрриан. — Проверьте нашу аптечку.

Благодаря герметичной упаковке аптечка осталась неповрежденной. Лекарств для людей — стимуляторов, транквилизаторов, антитоксинов, коагулянтов, обезболивающих, средств, ускоряющих заживление ран, и анестезирующих средств — было в нем гораздо больше, чем лекарств для ифрианцев, и это естественно. Для недавно открытой расы просто не успели еще разработать обширную, научно обоснованную фармакопею. Правда, некоторые препараты, а также хирургическое и часть лабораторного оборудования годились как для тех, так и для других. Пит раздал всем таблетки, снимавшие боль от ушибов и ссадин, а также облегчавшие деревянную усталость перетруженных мышц. Тем временем Руса собирал дрова, Вхэл разжигала костер, а Ольга занялась приготовлением завтрака. У них было значительное количество продуктов, в основном — сушеных, а также посуда для готовки, орудия, вроде топорика и ножей, веревка, ткань, фонарики, два бластера и к ним — уйма запасных аккумуляторов. Одним словом — все для выживания.

— Но нет главного, — сказал Энэрриан. — Переносной передатчик утонул вместе с Аррах. Во время бури в эфире было не пробиться, а теперь катер на дне, вместе с ним и главный передатчик. А с воздуха нас почти и не заметишь — металла очень мало, детекторы не среагируют.

— Нас обязательно будут искать, — убежденно сказала Ольга. — Как только немного стихнет. — Пит почувствовал на своей руке тепло ее ладони.

— Это — если флиттер уцелел, в чем я сильно сомневаюсь, — покачал головой Энэрриан. — Лагерь должен был попасть под ураган. Укрытие для флиттера еще не построили, а когда поднялся ветер, населению лагеря некогда было заниматься машиной, — самим бы спастись. Так что, скорее всего, эта скорлупка перевернулась и разбилась вдребезги. Если я прав, им придется посылать запрос на новый летательный аппарат, и кто знает — как быстро удастся его доставить. Кроме того, мы находимся в неизвестной точке огромного пространства, а у экспедиции нет ни времени, ни людей для бесконечных поисков. Да, они будут нас искать, но, если не найдут к какой-то там установленной заранее дате... — по перьям, покрывавшим его лицо и шею, пробежала морщина, нечто вроде волны. Человек в таком случае пожал бы плечами.

— Ну и... ну и что же нам делать? — спросила Ольга.

— Устроим какой-либо крупный, явно искусственного происхождения знак, либо соберем кучи топлива для сигнальных костров — все это на случай, если флиттер пролетит достаточно близко; нужно подумать, какой из вариантов практичнее. Если из этого ничего не получится — будем строить плот.

— Либо переделаем спасательный жилет, чтобы он подходил мне, — предложил Руса. — Тогда я попробую долететь до материка.

— Да, — кивнул Энэрриан, — нужно обдумать все возможности. Но сперва — отдохнем, по-настоящему.

Ифрианцы уснули быстро; идолы какого-то неведомого народа — вот что напоминали эти неподвижные фигуры, сидевшие на отростках сложенных крыльев. Несмотря на усталость, Пит с Ольгой чувствовали какое-то возбуждение и решили перед сном прогуляться.

За скалами, окружавшими пляж, земля постепенно поднималась к вершине, удаленной от места высадки километра на три. Совсем крохотный, подумал об острове Пит. Если вершина расположена в центре. И ничего похожего на

приличное укрытие. Упругий ковер каких-то ярко-зеленых, похожих на мох растений; ветер гнет и швыряет из стороны в сторону сучья немногих, растущих поодиночке деревьев. Пит обратил внимание на одно из них, стоявшее неподалеку, посреди обширной каменной осыпи. Стройный коричневый ствол, бешено мечутся на ветру тонкие ветки с плотными, словно жестяными, листьями и роскошными цветами. Цветы — это, конечно, мило, очень мило, но вот кормиться здесь будет нечем; Пит не возлагал особых надежд и на океан — кто его знает, что за твари водятся на этой планете, на Грее, вместо рыб и как их ловить.

— Странно все-таки, — пробормотала Ольга.

— А? — очнулся Пит.

— Я про них. — Ольга указала через плечо на неподвижные фигуры ифрианцев. — Как они восприняли смерть бедной Аррах.

— Знаешь, нельзя все-таки подходить к ним с нашими мерками. Возможно, они вообще ощущают горе не так остро, как мы, а возможно, их обычаи требуют сдержанности. — Пит взглянул на нее и больше не отвел глаз. — Правду говоря, я и сам не способен сейчас толком скорбеть. Я так боялся тебя потерять.

— А я тебя... Пит, Пит, единственный мой...

Они нашли укромное место и занялись любовью; Пит не видел в этом ничего дурного — разве есть в этой жизни лучший способ приблизиться к Богу, к этому вечному чуду?

Потом Пит и Ольга вернулись к своим товарищам и уснули, чтобы проснуться через несколько часов от хлопанья крыльев; поднявшись на ноги, они увидели взлетающих ифрианцев.

Ветер выл по-прежнему громко, но теперь он дул ровнее, без резких порывов и вихрей. По безмятежно-синему небу неслись немногие последние облака, золотые и оранжевые, в лучах закатного солнца. Лагуна отливала пурпуром, трава словно горела ярким зеленым огнем. За день она

прогрелась, и теперь к соленому дыханию океана примешивались густые пряные ароматы растительности, цветов.

Но прекраснее всего был небесный танец. Энэрриан, Вхэл и Руса кружили, парили, бросались вниз и вновь взмывали, огромные крылья горели расплавленным золотом. Они пели, и ветер доносил до людей смятые обрывки слов: «Высоко парил твой дух, на многих ветрах… вечная память…»

— Что это? — еле слышно выдохнула Ольга.

— Ну, наверное, они… — и тут Пит понял. — Это панихида по Аррах.

Он опустился на колени и вознес молитву за упокой души крылатой девушки, не переставая сомневаться, нужен ли ей этот покой — ей, дочери неба. И, не отводя глаз от ее сородичей.

Энэрриан издал громкий боевой клич и бросился вниз. С ошеломляющей скоростью он проскользнул над той самой каменной осыпью. У Пита перехватило дыхание, на мгновение ему показалось, что ифрианец неминуемо разобьется, но тот успел затормозить и победно устремился в небо.

Но тут его хлестнула подхваченная порывом ветра ветка стоявшего на осыпи дерева, бритвенно-острые листья начисто срезали левое крыло. Хлынула кровь — у ифрианцев она ярко-алая; каким-то чудом сумевший развернуться Энэрриан приземлился на вершине осыпи, в месте, до которого чуть-чуть не доставали страшные ветки ланцетного — так назвали его потом — дерева.

Аптечка была под рукой; через мгновение Пит уже несся по каменистому склону вверх. Ольга коротко вскрикнула и бросилась следом. Добравшись до Энэрриана, они застали рядом с ним Вхэл и Русу, те вырывали у себя перья, стараясь прикрыть ими рану.

Вечер, ночь, день, вечер, ночь.

Энэрриан сидел у костра. В слабом, неверном свете его фигура то вырисовывалась на фоне непроглядной тьмы, то совсем — за исключением огромных, немигающих топазовых глаз — исчезала. Жена и сын не оставляли его ни на

минуту. Стимуляторы, антикоагулянты и кровезаменитель сделали свое дело, искалеченный ифрианец мог уже говорить, правда — тихо, хрипло. Повязка на ране буквально сверкала белизной.

Импровизированный лагерь расположился на дальнем краю острова, в лощине, густо поросшей низким красновато-коричневым кустарником. От кустов шел отвратительный запах, особенно нестерпимый в субтропической духоте, колючие ветки цеплялись за ноги, рвали одежду, однако другого, столь же укрытого от ветра места на острове не было, а на открытом пляже Энэрриан (его принесли в лощину на самодельных носилках) вряд ли пережил бы новую бурю.

Берги сидели по другую сторону костра, тесно прижавшись друг к другу. Желтые, отсвечивающие в темноте глаза нашли их сквозь пелену дыма.

— Я читал, что ваш народ умеет заново выращивать утраченные части тела.

Слова Энэрриана прозвучали в почти полной тишине, нарушаемой только еле слышным шорохом прибоя.

Пит молчал. Он пытался ответить, но не мог, не хватало смелости. На помощь пришла Ольга.

— Мы умеем, но только у себя. Ни у кого другого. — Она уронила голову Питу на грудь и заплакала.

Да, что ж тут поделаешь, расшифровка генетического кода — дело долгое и кропотливое, к тому же нужно очень много работы, чтобы заставить молекулы наследственности повторить работу, уже сделанную ими однажды. У науки еще не было времени на другие расы. А на все — и никогда не будет, слишком уж их много.

— Так я и думал, — кивнул Энэрриан. — А хорошие протезы — их тоже нескоро научатся делать. Так что мне осталось жить год-другой; ифрианец, лишенный возможности летать, быстро заболевает.

— Антигравы... — неуверенно начал Пит. И почти физически, как удар, ощутил презрение, мелькнувшее в желтых

немигающих глазах. Крылатому — летать с помощью мертвого бездушного металла?

За всю историю высокомерных, яростно-свободолюбивых ифрианцев не было ни одного восстания рабов — и неудивительно, ведь рабы эти почти лишены жизненных сил. Если вы — мужчина, представьте себя кастрированным. Энэрриан может махать единственным своим крылом и культей второго, насыщать свою кровь кислородом, но куда ему деть избыточную энергию? Подобно кислоте, она будет разъедать тело, затем доберется и до мозга.

Рука Вхэл коротко, всего на какое-то мгновение тронула его спину.

— Завтра придумайте сигнал, — сказал Энэрриан. — И начинайте работу. Слишком много времени ушло впустую.

Перед сном Пит отвел Вхэл в сторону.

— Знаете, — прошептал он в душной, оглушительной тишине, — ему необходим постоянный присмотр. Лекарства помогли преодолеть шок, но дальше принимать их нельзя, а он очень слаб.

— Знаю, — сказала ифрианка скорее шорохом перьев, чем голосом, и добавила, уже громко: — Им займется Ольга. Она не может передвигаться так свободно, как мы с Русой, и у нее нет вашей физической силы. Заодно она будет на всех готовить.

— М-м... М-м... — Пит не знал, с чего начать, он уже боялся этого разговора. — Как вы думаете... ну, я имею в виду вашу этику, этику Новой Веры, — Энэрриан не может покончить с собой?

«Неужели, — подумал он, — Господь осудил бы капитана за такой поступок?»

Глаза Вхэл вспыхнули негодованием, крылья и хвост расправились, хохолок встопорщился.

— И вы смеете такое о нем? — почти взвизгнула она, но, увидав испуганное недоумение Пита, стихла и даже издала звук к-ррр, примерно соответствующий ироническому

смешку. — Нет, нет, у него достанет смертной гордости. Он не может не воздать Господу честь.

После обследования острова и нескольких экспериментов решили вырезать на дерне гигантский крест. В сыром виде здешняя растительность не горела, а валежника едва хватало на маленький костер, о большом, маячном, и разговор не шел.

Лопат не было, растительный ковер оказался толстым и плотным, работа буквально выматывала. Возвращаясь в лагерь, Пит, Вхэл и Руса буквально падали от изнеможения и сразу засыпали. Вставал Пит только после восхода солнца, проглатывал, не чувствуя вкуса, какую-то пищу и плелся на работу. Он отощал, оброс бородой, весь пропитался потом и грязью. Мысли ворочались в голове тупо, устало, каждая клетка перетруженного тела болезненно ныла.

Поэтому он не замечал, как потускнела и осунулась Ольга. Порученный ее заботам, Энэрриан поправлялся. Она занималась своими — относительно легкими — делами и стеснялась жаловаться на головную боль, головокружение, понос и тошноту, считая, что во всем виноват перенесенный шок, плюс недостаточное и плохо сбалансированное питание, плюс жара и духота, плюс... Она считала, что выдержит.

Дни были слишком коротки для работы, ночи — слишком коротки для отдыха. Пита постоянно одолевало одно и то же ужасное видение — флиттер появляется и исчезает за горизонтом, прежде чем ифрианцы успевают привлечь к себе внимание. Тогда придется посылать за помощью Русу. Но такой полет — дело долгое, опасное и ненадежное, к тому же лагерь на берегу залива был временным, в любой момент его могли свернуть.

Другая мысль, часто посещавшая Пита, — что бы делали они с Ольгой, оставшись на Грее вдвоем? Даже в теперешнем своем отупелом состоянии он понимал безнадежность такого варианта. Взять хотя бы элементарнейший факт — здесь отсутствовали некоторые из витаминов...

Примерно через земную неделю после памятного урагана Пит услышал ночью свое имя; он медленно, мучительно выплыл из пучин сна. Ольга лежала рядом. В небе стояла почти полная луна, более яркая и быстрая в своем движении, чем Луна земная. Ее сияние затмевало почти все звезды, призрачным инеем падало на кусты. И безжалостно вырисовывало запавшие щеки его жены, полные боли глаза. Ольгу била дрожь, Пит услышал, как стучат ее зубы.

— Мне холодно, родной, — прохрипел в душной тишине субтропической ночи с трудом узнаваемый голос. — Мне холодно.

Затем Ольгу вытошнило, прямо Питу на грудь, и она впала в горячечный бред.

Ифрианцы помогали чем могли, Пит давал жене какие-то лекарства из немногих, имевшихся в аптечке. К восходу (нестерпимое в своем великолепии зрелище, мешавшее золотые, розовые и серебристо-голубые тона) стало ясно, что Ольга умирает.

Пит — а точнее, какой-то механизм, в который превратился его мозг, — обследовал свое собственное состояние. Да, его изможденность объясняется не только тяжелой работой, теперь это стало совершенно ясно. У него тоже случались желудочные неурядицы, иногда его бил озноб. Никакого сравнения с полным распадом Ольги, однако явления того же плана. Ифрианцев болезнь не затронула. Возможно, на людей набросился какой-нибудь местный микроб, считающий крылатую расу несъедобной?

Ответ знали спасатели, появившиеся на острове через два (локальных) дня. Кусты, окружавшие лагерь, широко распространены по всей планете. Одна из исследовательских групп заболела в полном составе, после чего они надели изолирующие костюмы и провели анализ выделенных этим растением испарений. В них содержалось некое вещество, практически безвредное для ифрианцев, но при

этом — кумулятивный яд[6] для людей. Первооткрыватели назвали эти кусты «адская колючка». К несчастью, это сообщение поступило только после отплытия катера. Пит выжил по случайности — он целый день работал на открытой местности, в то время как Ольга постоянно находилась в лощине, среди кустов.

Хмурые, помрачневшие Вхэл и Руса вернулись к работе, но Пит пошел не с ними, а в другую сторону. Сам не совсем понимая почему, он нуждался в одиночестве. Только в одиночестве мог он бросить в небо немой, отчаянный вопль: «Почему Ты сделал с ней это? Почему Ты это сделал?» Присмотреть за Ольгой сможет Энэрриан — Энэрриан, которого Ольга вернула к ненужной ему жизни. Пит сделал жене успокаивающий укол, быстро прекративший ее мучительные судороги, невнятное бормотание, скрип зубами. Теперь она будет спать мирным сном, который плавно перейдет в смерть, неизбежную — об этом говорили результаты всех анализов — при отсутствии серьезной медицинской помощи.

Спотыкаясь, он вскарабкался на центральный холм. Со всех сторон лежало огромное спокойствие лазурью и голубизной отсвечивающего моря, над головой нависал такой же безмятежный купол неба. Пит преклонил колени и задал свой вопрос.

Через час он смог сказать: «Да пребудет воля Твоя» — и вернуться в лагерь.

Ольга не спала.

— Пит! — закричала она. — Пит! — Мука исказила голос Ольги до полной неузнаваемости; Пит вообще не узнавал ее в этом скелете, обтянутом пожелтевшей, покрытой испариной кожей, не узнавал длинные слипшиеся пряди белесых волос, его пугали нестерпимый запах и ногти, больно, до крови, вцепившиеся в его руку.

---

[6] Яд, действие которого зависит не от разовой, а общей, накапливающейся, кумулятивной дозы.

— Где ты был, прижми меня покрепче, как мне больно, Господи, как мне больно...

Пит сделал ей еще один укол, но почти без всякого эффекта.

И он снова опустился на колени рядом с ней. Пит не стал рассказывать мне, что он говорил, как все это было. Через некоторое время она успокоилась, крепко взяла мужа за руку и стала ждать конца своих мучений.

Пит сказал только, что, когда Ольга умерла, это было, словно кто-то задул огонек свечи.

Он уложил ее, закрыл ей глаза, подвязал челюсть, сложил руки на груди. Механически передвигая непослушные ноги, он подошел к сооруженному для Энэрриана шалашу. Однокрылый ифрианец ждал его.

— Она пала? — спокойным голосом спросил он.

Пит молча кивнул.

— Это хорошо, — сказал Энэрриан.

— Нет. — Пит сам не узнал свой, словно издалека доносящийся, хриплый голос. — Ей не нужно было просыпаться. Наркотик должен был... Вы что, сделали ей стимулирующий укол? Вы вернули ее к этим страданиям?

— А как же еще? — спросил Энэрриан, спросил совершенно спокойно, хотя был без оружия, а его бластер валялся на земле, у самых ног Пита. «Только не это, — пронеслось в измученном мозгу, — это только облегчит ему его судьбу».

— Я увидел, что вы ошиблись в дозировке, — видимо, от усталости. Вы ушли, а я был не способен вас догнать. Она могла умереть до вашего возвращения.

Питу казалось, что он находится в необъятной пустоте, что перед ним нет ничего, кроме этих сверкающих глаз.

— Вы хотите сказать, — спотыкаясь, спросил чей-то чужой, дребезжащий голос, — ...хотите сказать... что она... не должна была?..

Энэрриан подполз ближе — лишившись одного крыла, он мог только ползать — и взял Пита за руки.

— Мой друг. — В его голосе звучало безмерное сострадание. — Я слишком чтил вас обоих, чтобы лишить ее возможности показать свою смертную гордость.

Пит не ощущал, не осознавал ничего, кроме жесткого холода этих острых когтей.

— Неужели я ошибся? — обеспокоенно спросил Энэрриан. — Разве вы не хотели, чтобы она вступила в битву с Богом?

Любая ночь когда-нибудь кончается, даже долгая ночь Люцифера. К тому времени как Пит завершил свое повествование, вершины утесов уже зажглись светом начинавшегося дня.

Смерив взглядом остатки коньяка, я расположинил их по нашим рюмкам. Придется устроить сегодня выходной.

— Да, — умудренно кивнул я. — Межкультурная семантика. Движимые наилучшими намерениями, двое существ с разных планет — да что там планет, зачастую из соседних стран — считают само собой разумеющимся, что они думают одинаково. Последствия бывают весьма трагичными.

— Это-то я понял сразу, — сказал Пит. — Мне не потребовалось прощать Энэрриана — откуда ему знать? Кстати, он был крайне озадачен, когда я похоронил свою любимую. У себя на Ифри они сбрасывают их над дикими, ненаселенными местами с большой высоты. Однако ни одна, ни другая раса не хочет смотреть, как гниет и разлагается тот, кого знали и любили раньше, поэтому он сделал все, чтобы мне помочь, все, что было в его охромевших возможностях.

Он глотком опустошил рюмку, а затем прищурился на злое ослепительно синее солнце и пробормотал:

— А вот Господа — Его я простить не мог.

— Проблема зла, — с прежней умудренностью поддержал его я.

— Нет, нет. Последние годы я старательно изучал эти вопросы — читал теологическую литературу, беседовал со священниками. Почему Бог, если Он — Бог личный и любящий, допускает существование зла? На такой вопрос христианство дает вполне разумный, убедительный ответ. Человек —

и вообще любое разумное существо — должен обладать свободой воли. Иначе, мы, превратимся в марионеток, и существование наше утратит всякий смысл. Свобода воли необходимо включает в себя способность творить зло. Мы проводим свою жизнь здесь, в этом мире, чтобы научиться быть благими по собственному выбору, без принуждения.

— Да, — смутился я, — ляпнул я, конечно, по неграмотности своей. А все этот коньяк. Нет, твоя логика, конечно же, безупречна — вне зависимости от того, согласен я с изначальными предпосылками или нет. Я хотел сказать другое: проблема боли. Почему всемилостивый Бог допускает ничем не заслуженные страдания? Если он действительно всемогущ, ничто его к этому не вынуждает.

Конечно же, я не имею в виду ощущение, заставляющее отдергивать руку от огня, или что-либо еще в этом роде, полезное и осмысленное. Но несчастные случайности, уносящие жизни… либо лишающие разума… — Я тоже допил. — То, что произошло с Аррах, и с Энэррианом, и с Ольгой, да с Вхэл и с тобой. То, что происходит, когда начинается эпидемия, или катастрофы, про которые говорят — на то была воля Божья. Или медленный распад, пожирающий нас в старости. Все такие ужасы. И неважно, что наука совладала со многими из них, — осталось более чем достаточно, а к тому же предки наши должны были терпеть их все.

Зачем? Почему? Какой цели может это служить? И нет никакого смысла в заявлениях, что после смерти мы получим бесценную награду, так что какая разница — приятно здешнее наше бытие или мучительно. Это ничего не объясняет. Так что, Пит, именно эта проблема тебя и мучит?

— В некотором роде. — Он кивнул так устало, что могло показаться — передо мной глубокий старец. — Во всяком случае, тут начало моей проблемы.

Понимаешь, после этого я почти все время был один, в окружении ифрианцев. Другие люди мне сочувствовали, но все, что они могли сказать, я знал и без них. В то же самое время Новая Вера… ты только не подумай, что я хотел в нее

перейти. Я просто надеялся увидеть вещи с новой стороны, надеялся, что такой взгляд поможет мне достичь христианского понимания наших утрат. А Энэрриан был настолько убежден в своих верованиях, настолько образован...

Мы говорили с ним и говорили, говорили все то время, пока я восстанавливал силы. И оказалось — он понимает не больше моего. Нет, он вполне мог найти нашим бедам соответствующее им место в миропорядке, это было совсем просто. Но тут вдруг выяснилось, что Новая Вера не имеет удовлетворительного решения проблемы зла. С ее точки зрения Бог дозволяет злодейство для того, чтобы мы могли с честью бороться на стороне добра. Довод слабый, если хоть немного над ним задуматься, особенно когда он формулируется в системе понятий плотоядных ифрианцев. Ты согласен?

— Тебе лучше их знать, — вздохнул я. — Судя по всему, ты намерен сказать, что их религия имеет лучшее решение проблемы боли, чем наша.

— Так оно, во всяком случае, выглядит. — В его запинающихся словах мелькнуло что-то вроде отчаяния. — Они — охотники, точнее — были охотниками до самого последнего времени. Поэтому и Бог в их представлении — тоже Охотник. Ты только уясни себе с самого начала, что именно Охотник, а никак не Мучитель. Он радуется нашему счастью — примерно, как нас радует вид какого-нибудь оленя, резвящегося на травке. Но в конечном итоге Он обязательно приходит за каждым из нас. Вот тут и наступает самый гордый момент нашей жизни — когда мы, зная Его всесилие, вступаем с Ним в борьбу, даем Ему еще раз подтвердить честь хорошего Охотника.

Он зарабатывает эту честь. Это служит некой высшей цели. (Той же самой, ради которой мы возносим хвалу Господу? Откуда мне знать?) А затем мы мертвы, сбиты наземь, от нас остаются лишь недолговременные воспоминания в мозгу тех, кто избежал на этот раз смерти. Для этого Бог и создал Вселенную.

— И это — древнее верование, — сказали, — не какое-нибудь там измышление нескольких психов. Верование, которого столетиями придерживались миллионы разумных, культурных существ. С этой верой можно жить, с этой верой можно умирать. И если она и не разрешает всех парадоксов, она разрешает некоторые из них — те, на убедительное решение которых не способно христианство. Вот это и есть твоя дилемма, так?

Он снова кивнул:

— Священники говорят, что я должен отринуть ложную Веру и признать возможность непостижимого. Ни тот, ни другой совет не кажется мне верным. А может, я хочу слишком многого?

— Извини, Пит, — сказал я с полной искренностью, понимая, что могу сделать ему больно. — Только откуда мне знать? Я тоже заглядывал в эту бездну, но не увидел там ничего. И больше не смотрел. Ты продолжаешь в нее смотреть. Кто из нас смелее?

— Не знаю, может, ты найдешь какой-либо подходящий стих в Книге Иова. Не знаю, ничего я не знаю.

Пылающее солнце все выше поднималось над горизонтом.

МАРЖА ПРИБЫЛИ[7]

В этой приемной, на фоне искрящегося пластика стен, среди высоких нефритовых колонн, уходивших в сводчатый полумрак ' потолка, в компании переговаривающихся и перемигивающихся машин живая секретарша была, конечно же, анахронизмом. Иначе говоря, за письменным столом сидел совершенно сногсшибательный, рыжий и длинноногий анахронизм. Капитан Торрес лихо щелкнул каблуками и представился. Скользнувший по соблазнительным кривым взгляд неприятно зацепился за висевший на талии нидлер.

— Добрый день, сэр, — улыбнулась секретарша. — Сейчас посмотрю, освободился ли уже мастер ван Рийн. — Из включенного интеркома громыхнули трехмегатонные ругательства. — Нет, видеосовещание еще не окончилось. Посидите, пожалуйста.

Прежде чем интерком замолчал, Торрес успел разобрать несколько фраз:

— ... он предоставит нам исключительные привилегии, иначе мы объявим эмбарго, Ja, а может, даже организуем блокаду. Все эти императоры занюханных планеток — кем они, мать вашу, себя считают? Хоккей, есть у него миллион солдат под ружьем. Так вот, пусть он возьмет всех этих солдат, с их коваными сапогами и фузеями, и засунет их себе в... — Щелк.

Торрес завернулся в плащ и сел, закинув до блеска начищенный сапог на обтянутое короткими белыми панталонами колено. Странное дело, он чувствовал себя одновременно и чересчур одетым и голым. Официальное одеяние Мастера Ложи Объединенного Братства Космоторговцев не походило ни на привычный комбинезон, ни на легкий

---

[7] Разность продажной цены и себестоимости товара либо минимальный Доход, необходимый для поддержания деятельности предприятия.

спортивный костюм, который он надевал на Земле. В довершение всего еще там, километром бесконечных этажей ниже, стоявшие у входа охранники не только проверили его документы и рисунок ретины, но и заставили сдать оружие.

«Черти бы драли этого Николаса ван Рийна и всю Торгово-техническую Лигу! Самого бы его сбросить на Плутон без подштанников».

С другой стороны, торговый князь имел полное основание опасаться наемных убийц и похитителей — при всей своей славе отличного стрелка. Но даже если и так, не очень-то вежливо вооружать секретаршу.

«Интересно, — с легким сожалением подумал Торрес, — она что — тоже одна из любовниц старого хрена? Возможно, и нет. Все равно ничего не выйдет, принимая во внимание напряженность отношений Братства с компанией, а заодно и со всей Лигой; ее контракт, несомненно, включал обычную для таких случаев клятву вассальной верности». За спиной рыжей секретарши красовалась эмблема Лиги — золотой, украшенный драгоценными камнями диск солнца, в центре — старинный ракетный корабль, а по краю девиз: «Все, что выдержит транспорт». ««Выдержит», — кисло усмехнулся капитан. — Это в каком же смысле — «выдержит»?» Под эмблемой Лиги висел фирменный знак этой конторы, Галактической Компании специй и спиртных напитков.

При вторичном включении из интеркома снова посыпались непристойности, но прежнего накала в них не было, аппарат словно бормотал ругательства себе под нос.

— Проходите, пожалуйста, — сказала девушка Торресу, а затем добавила, уже в микрофон: — Сэр, Мастер Ложи капитан Торрес, по предварительной договоренности.

Астронавт встал и направился к двери кабинета, его худощавое, обветренное лицо напряглось. Встречах такой шишкой — редкое событие, да и вообще, он добрых десять лет не употреблял слова «сэр» и «мадам».

Одна из стен обширного кабинета оказалась прозрачной, где-то далеко внизу теснились отнюдь не низенькие здания

Джакарты, а дальше — зелень, расцвеченная яркими пятнами тропических садов, расплавленный блеск Яванского моря. По трем остальным стенам огромный (Торрес таких даже не видал) компьютер, полки, уставленные внеземными раритетами, а также, что удивительно, тысячами старинных печатных книг в роскошных кожаных переплетах, заметно потертых — хозяин явно держал их не для декорации. Беспорядок на необъятных размеров столе близок к максимальной энтропии; среди канцелярского хлама выделяется небольшая, вырезанная из марсианского песчаного корня статуэтка святого Дисмаса. Несмотря на отчаянные усилия вентиляторов, воздух заполнен густым, вонючим табачным дымом.

Посетитель четко отдал честь.

— Мастер Ложи капитан Рафаэль Торрес, по поручению Братства. Добрый день, сэр.

Огромный, двухметрового роста и с более чем соответствующей ширины плечами, ван Рийн буркнул что-то неразборчивое. Несмотря на тройной подбородок и обширное

брюхо, он совсем не выглядел мягкотелым. На волосатых пальцах сверкали многочисленные кольца, на широких запястьях, под желтыми от табака кружевными манжетами — браслеты. Маленькие черные глазки, близко посаженные к внушительному крючковатому носу, сверлили посетителя прямо-таки с лазерной интенсивностью. Живописный хозяин кабинета набивал трубку и не произнес ни слова, пока не покончил с этим занятием.

— Так, значит, — прорычал он утробным басом, — все ваши слова исходят от имени этого, слова доброго не стоящего союза. — Говорил ван Рийн с густым, как окутывавший его голову табачный дым, акцентом. — И от женщин тоже? Никогда не понимал, они-то как не стесняются своего в нем членства.

Нафабренные усы и длинная козлиная бородка нависали над золотым шитьем жилета; под жилетом не было ничего, кроме саронга, из-под которого высовывались слоновые лодыжки и широченные босые ступни.

— Да, сэр. — Сделав над собой усилие, Торрес говорил совершенно спокойно. — Хотя, конечно, разговор наш не будет официальным... пока. Я имею честь представлять все местные, расположенные на территории Содружества, отделения, а ложи, находящиеся за пределами Солнечной, выразили свою солидарность. Насколько мы понимаем, именно вы будете представителем торговцев Лиги.

— В некотором роде. А ваши требования я отфутболю сотрудникам — тем из них, которые не успеют вовремя попрятаться в своих конторах и гаремах. Садитесь.

Не желая попадать в мягкие объятия кресла, капитан пристроился на краешке сиденья.

— Ситуация предельно проста, — резко сказал он. — Голоса уже подсчитаны, и результаты вряд ли вас удивят. Как вы понимаете, мы не объявляем забастовку, однако, есть там контракты или нет, пока с этой опасностью не будет покончено, мы не проведем ни одного корабля через Коссалут Борфу. А если кто-либо из владельцев попытается

принуждать нас в судебном порядке, ему объявят бойкот. Мы попросили о сегодняшней встрече, мастер ван Рийн, чтобы внести в этот вопрос полную ясность и получить одобрение Лиги — без излишнего шума, который может привести к настоящей сваре.

— Кой черт, да вы же сами себе тупым ножом глотку перепиливаете. — Негоциант говорил до неожиданности спокойно. — И дело не только в оплате да комиссионных. Если прекратить регулярное снабжение сектора Антарес, там могут утратить привычку к лондонскому сухому джину и корице. Другие компании также не обрадуются потере доходов. Если, например, Технические Службы Джо-Бой перестанут посылать туда инженеров и ученых, колонии быстро обзаведутся своими собственными. Да кой хрен — через несколько лет мы полностью потеряем весь тамошний рынок! Ну и что тогда? Вы в проигрыше, я в проигрыше, все мы в проигрыше.

— Ответ очевиден, сэр. Нужно проложить маршрут в обход Коссалута. Знаю, тогда он пройдет через области, опасные в астрономическом смысле, или крюк будет очень большим. Наши братья и сестры согласны на любой из этих вариантов.

— Что? — невероятным образом мастер ван Рийн сумел басисто взвизгнуть. — Вы бы еще придумали обход из задницы в рот! Это же удвоит, учетверит расстояние! Оплата рабочей силы, амортизационные расходы, компенсации пострадавшим в авариях, страхование — все взлетит до небес. Годовые поставки уменьшатся в два, в четыре раза! Да мы же в трубу вылетим, тогда уж лучше совсем забыть про Антарес!

Маршрут оказывался действительно дорогим, и Торрес это знал; а вот сумеет компания выдержать такие расходы или нет — дело темное, все их гроссбухи хранятся в тайне. Он терпеливо выждал, пока стихнет поток ругательств, а затем продолжил:

— Вы сами знаете, что борфудианские банды орудуют уже два года. Все попытки остановить их провалились. Не нужно думать, что мы вдруг ударились в панику, рядовые братья и сестры давным-давно проголосовали бы за обход этого пропащего места. Мастера Лож сдерживали их сколько могли, в надежде на какой-нибудь выход. Больше ждать невозможно.

— Послушайте, — в басе ван Рийна появились чуть не просящие нотки. — Мне все это нравится не больше, чем вам. Возможно, даже меньше. От убытков одной моей собственной компании я готов заплакать навзрыд. Но пока мы держимся — на самом краю, но держимся. Вы вот подсчитайте. За все про все они захватывают пятнадцать процентов кораблей, в Гамма-Мгле или на Каменных Полях мы потеряем больше. И команды пропавших кораблей не просто попадут в плен, откуда их можно, постаравшись, выцарапать, они погибнут. А еще больший крюк через мирный прозрачный вакуум — это, конечно, вполне безопасно, но только от каждого такого рейса мы будем терпеть чистые убытки. Даже если ваше Братство снизит свои ни с чем не сообразные ставки, на таких далеких полетах придется поставить крест. У нас есть и другие рынки.

— Засуньте свои меркантильные подсчеты знаете куда? Вы бы хоть раз подумали о людях! Метеоритные потоки, инфразвезды, бродячие планеты, черные дыры, радиационные бури, враждебные туземцы — к этому мы привыкли, только вот встречали вы кого-нибудь из этих оболваненных людей? А вот я встречал. Именно тогда я и решил призвать Братство к действиям. Я не хочу, чтобы подобное случилось со мной, или с кем-нибудь из моих братьев и сестер. Почему бы вам и вашим богатеньким дружкам не повести корабли самостоятельно?

— Хо-хо, — пробормотал ван Рийн. Не выказывая ни малейшей обиды, он подался вперед. — Может, поделитесь впечатлениями?

— Я встретил его на Аркане-третьем, это — вы, наверное, помните — самостоятельная планета на окраине Коссалута. Мы пришли туда с грузом чая. Там же стоял и их корабль, так что мы ходили только вооруженными группами, всегда готовые стрелять в любого подозрительного борфудианца — да, даже в любого борфудианца, но они к нам не приближались. Зато я увидел его, человека, которого они поймали; он шел по какому-то поручению. Я с ним заговорил, а потом мы попытались поймать его, чтобы отвезти на Землю, исправить то, что сделала с ним эта адская электронная машина... Он бешено сопротивлялся, вырвался и убежал. Господи, даже в кандалах этот человек был бы свободнее! И я чувствовал, что он хочет отсюда выбраться, что внутри он криком кричит — но не может преодолеть внушение. И даже не может сойти с ума...

Только сейчас Торрес заметил, что ван Рийн обогнул стол и сует ему в руку бутылку.

— Вот, глотните немного, — сказал торговец. Огненная струя обожгла пищевод, разлилась по желудку. — Я тоже видел внушенного — давно, когда еще ходил в рейсы. Парень работал там техническим экспертом, собрался домой, а местный князек не захотел его отпускать — вот и устроил такую гадость. Мы тогда отловили все-таки бедолагу и доставили домой. — Толстяк вернулся на свое место и раскурил погасшую трубку. — Только сперва поколдовали немного с главным механиком, состряпали маленькую такую хлопушку и хлопнули ее в королевском дворце. — Он слегка усмехнулся. — Килотонн так на пять хлопушка.

— Если вы желаете организовать карательную экспедицию, сэр, — хрипло сказал Торрес, — то я гарантирую вам полные корабельные команды.

— Нет. — Ван Рийн энергично встряхнул головой; черными змеями мелькнули слипшиеся пряди длинных, до плечей достающих волос. — Вы же знаете, у Лиги почти нет боевого флота. У больших кораблей есть большой недостаток — они омертвляют большой капитал. Использовать

малую силу, чтобы привести в сознание какого-нибудь не в меру зарвавшегося планетного князька, — это одно дело, но даже не воевать с Борфу, а только готовиться к такой войне — тут многие из наших компаний станут на грань банкротства.

— Но какой это будет прецедент, если вот так все им спускать? Найдутся ведь и другие любители поживиться.

— Да, есть и такой момент. Но ведь есть и правительство Содружества. Только попробуй мы, торговцы, организовать крупномасштабные действия на таком расстоянии от Солнечной системы, сразу пойдут вопли о нашем «империализме». И у нас будет уйма неприятностей прямо здесь, в центре цивилизации. Нас могут даже назвать пиратами — ведь все эти политиканы и чинодралы считают, что распоряжаться людьми — их суверенное право. Солнце может даже выступить против нас — под тем предлогом, что Коссалут всего лишь «осуществляет суверенные права в законной сфере своего влияния». Вы же знаете, что земные дипломаты фактически палец о палец не ударили, чтобы прекратить этот разбой. Более того, очень многие политиканы посмеиваются в ладошку, наблюдая, как мы, гнусные спекулянты, получаем трепку.

— Да, конечно, — охотно согласился Торрес, — я не меньше вашего негодую, наблюдая официальную реакцию, а точнее — полное ее отсутствие. Но как же Лига? Я хочу сказать, ведь ее руководители наверняка перепробовали все возможные меры. Так что же, ничего не выходит?

— Хочешь сказать, мальчик, ну и говори, мне самому об этом и говорить паскудно, Ja. Верно. Угрозы, в ответ на которые борфудианцы только улыбаются от уха до уха, зная, в каком мы стесненном положении. Не сработали ни соблазнительные коммерческие предложения, ни экономические санкции — торговля с нами их просто не интересует. Наоборот, они надеются, что мы вскоре уберемся с их территории — как ты сегодня и предложил. Это вполне устраивает тамошних заправил, они опасаются инопланетного влияния...

Подкуп? Ну каким, скажи мне, образом можно подкупить существо, имеющее высочайшее положение в совершенно чуждой тебе цивилизации? Убийство? Увы, мы потеряли нескольких весьма способных убийц, и без какого-либо благоприятного результата. — После чего ван Рийн ругался, ни разу не повторяясь, две минуты кряду. — Вот так и сидят эти грабители своими жирными задницами на маршруте, ведущем к Антаресу и всем звездам, которые за ним! Этого нельзя терпеть, давить их надо!

— А ваш ультиматум, — закончил он уже спокойнее, — ставит вопрос ребром. Кстати, насчет «ставить». Самое, пожалуй, время выпить по стакану пива. Мы тут с несколькими ребятами наметили небольшой мозговой штурм, может, что и придумаем. А ты скажи своим, чтобы подержались еще немного, хорошо? Ну так что, сопроводишь меня в бар? Нет? Тогда всего вам хорошего, капитан, хотя ничего хорошего пока не видно.

У всех давно на зубах навязло, что структура общества связана с его Технологией. Связана не однозначно — совершенно различные культуры могут пользоваться одними и теми же орудиями — но эти орудия определяют спектр возможностей; откуда возьмется межпланетная торговля, если нет космических кораблей? Раса, прикованная к одной-единственной планете, обладающая высокими научными познаниями, а также промышленной и военной техникой, требующими больших капиталовложений, неизбежно склоняется к коллективизму — как бы его ни называть. Для свободного предпринимательства нужен простор.

Автоматизация и собственные минеральные богатства Солнечной системы предельно удешевили производство большинства товаров. Затем, с появлением миниатюрных, чистых и простых термоядерных энергетических установок, резко упала и стоимость энергии. Исследования в области гравитации привели к созданию гипердрайва, который, в свою очередь, открыл путь в Галактику, а заодно и создал нечто вроде предохранительного клапана. Любой

гражданин, недовольный правительством, мог эмигрировать в какое-либо иное место, начался исход — впоследствии этот период окрестили Развалом, — посеявший семена свободы во многих мирах. Взросление колоний ослабляло их связь с родной планетой.

Между различными разумными расами не возникало политического союза — слишком мало родственного было в их культурах, слишком велики межзвездные расстояния. Не возникало между ними и вооруженных конфликтов; не говоря уж об опасности уничтожения, им было нечего, собственно, делить. Нельзя сказать, чтобы царили такие уж тишь да гладь да Божья благодать, ведь крайне редко встречается разумная раса, не обладающая врожденной безжалостностью, неразборчивостью в средствах. Однако, как бы там ни было, возникавшие балансы сил поддерживали определенную стабильность. Тем временем резко возрастали грузовые перевозки. Колонии нуждались в предметах роскоши, метрополия — в колониальных продуктах, кроме того, у более древних цивилизаций было много вещей, необходимых более молодым, вещей, которые дешевле импортировать, чем производить самостоятельно.

При таких условиях неизбежно возникал самый радикальный капитализм. В равной степени неизбежными становились поиски общих интересов, образование союзов, раздел сфер влияния. Мощные компании, конечно же, конкурировали, однако у их руководителей хватало ума видеть, что, несмотря на это, им необходимо и сотрудничать, причем в очень многих областях, необходимо как-то разрешать возникающие споры и выступать общим фронтом против требований государства — любого государства.

Сфера влияния каждого государства ограничивалась одной, в крайнем случае — несколькими планетными системами; возможности для контроля за торговцами, оперировавшими по всей обозримой Вселенной, почти у них отсутствовали. Взятки, шантаж, простое осознание собственного

бессилия — все это-делало свое дело; мало-помалу прекратились последние попытки такого контроля.

Эгоизм — огромная сила. Правительства, официально приверженные альтруизму, оставались разделенными, а тем временем Торгово-техническая Лига сделалась чем-то вроде сверхправительства, раскинувшего сферу своего влияния от Канопуса до Денеба, вербовавшего своих членов и наемных работников из тысяч разумных рас. Это было горизонтальное общество, независимое от политических и культурных границ. Лига вела собственную политику, заключала свои собственные договоры, организовала свои базы, сражалась в собственных битвах... и какое-то время, выдаивая Млечный Путь, делала для распространения воистину универсальной цивилизации и для укрепления воистину прочного мира больше, чем все дипломаты за всю известную историю мира, вместе взятые.

Но и у нее не всегда и не все шло гладко.

Особняк — один из многих, принадлежавших Николасу ван Рийну, — стоял на вершине Килиманджаро, среди вечных снегов. Хорошее место для организации обороны и, соответственно, для проведения совещаний.

Колючие звезды в иллюминаторе поползли вверх, машина пошла на посадку, скользнула к высоким, ярко освещенным башням. Бросив взгляд на небо, ван Рийн различил Скорпиона с рубиновым, тревожно мерцающим огоньком Антареса и погрозил кулаком слабеньким, без телескопа не различимым звездам.

— Вот как, значит, — пробормотал он. — Шутки с ван Рийном шутить изволите. Нужно прокладывать маршрут к Стрельцу, а вы, значит, под ногами путаетесь. Ну, сволочи, дорого это вам обойдется.

И вдруг вспомнились дни, когда он водил корабли в дальний космос, скупал в чужих, странных городах сокровища, неслыханные еще на Земле. На мгновение сдавило сердце — Луна, вот теперь самый дальний его космос. Несчастный толстый старик, как каторжник к ядру,

прикованный к одной-единственной планете, всеми проклинаемый каждый раз, когда удается честным трудом заработать кредит-другой. Антаресский маршрут значил для ван Рийна больше, чем он решался признать вслух. С утратой этого маршрута терялся и последний шанс стать первопроходцем, организовать компанию с центром по другую сторону Коссалута. Ты или растешь, или сходишь на нет, и никакое высокое положение в Лиге тебе не поможет. Можно, конечно, отойти от дел, но куда тогда девать всю свою энергию?

Машина приземлилась, навстречу ей выскочили слуги в ливреях и при оружии. Разреженный морозный воздух обжег дочерна прокуренные легкие; ван Рийн плотнее завернулся в плащ из фосфоресцирующей шкуры онтара и направился к дому. Под ногами сухо поскрипывал гравий садовой дорожки. У дверей новая служанка, хорошенькая и востроглазая; ван Рийн приветствовал ее, подняв украшенную плюмажем шляпу, в голове мелькнула мысль — а не сделать ли ей предложение, но тут дворецкий сообщил, что все приглашенные уже прибыли. Усевшись — скорее для картинности — в кресло, он скомандовал ему: «зал заседаний» и покатился вдоль коридоров, обшитых деревом доброй дюжины различных миров. Воздух заполняли сладкий аромат розового масла и негромкие звуки моцартовского квинтета.

Четверо коллег уже расположились вокруг стола, перед каждым из них — компьютерный терминал. Желтые глаза Краакнаха из Марсианской Транспортной изучали висевшего на стене Франса Гальса. Фермадж из «Норт Американ Инджиниринг» нетерпеливо попыхивал сигарой. Мджанбо, Глава Технических Служб Джо-Бой, говорил по наручной рации, но при появлении хозяина дома сразу смолк. Случайно оказавшийся на Земле Горнас-Кью имел полномочия говорить от имени всего центаврианского конгломерата, «он» сидел в своей раковине совершенно неподвижно — шевелились лишь длинные тонкие усики.

80

Громоздкое тело голландца тяжело опустилось в председательское кресло. Тут же появились лакеи с подносами напитков, закусок и курительных принадлежностей, подобранных в соответствии с индивидуальными склонностями каждого из гостей. Ван Рийн откусил солидный кусок сандвича с лимбуржским сыром и луком, прожевал, а затем вопросительно посмотрел на собравшихся.

— Насколько я понимаю, причиной нашей сегодняшней встречи является этот борфудианский хрокна, — просвистел и прокрякал Краакнах. Герметический шлем делал его лицо еще более совиным. — Так, значит, астронавты уже выдвинули ожидавшиеся требования?

— Ja. — Ван Рийн выбрал наконец сигару и теперь задумчиво катал ее между пальцами. — Ситуация, бывшая прежде отчаянной, стала очень серьезной. Пока продолжаются эти налеты, они не поведут корабли через Коссалут — разве что для военных действий.

— Лично меня, — сказал Мджанбо, — не очень привлекает идея сбросить на главную борфудианскую планету несколько гигатонн боеголовок.

— Кой черт! — воскликнул ван Рийн, раздраженно дернув свою бородку, и тут же взял себя в руки. В конце концов, эти конкретные софонты потому и приглашены сюда, что прежде они никогда не задумывались над стоящей проблемой. Да, конечно, их тоже волновали связанные с Борфу неприятности, но не в той степени, как другие, более неотложные дела. Крохотный, захолустный уголок Галактики, который успела слегка осмотреть наша техническая цивилизация, необозримо огромен и многообразен. Ван Рийн хотел услышать свежие, непредвзятые мнения.

Повторив доводы, которые ранее излагал Торресу, он добавил:

— И я должен признать, что, будь это даже возможным, убивать несколько миллиардов разумных существ по той лишь причине, что их вожаки доставляют нам беспокойство, — не очень-то порядочный поступок. С такой виной на

своей совести Лига долго не проживет. К тому же это — бессмысленное расточительство, лучше сделать их нашими покупателями.

— А может, ограниченные действия? — спросил Фермадж. — Подтачивать борфудианский военный флот, пока до них не дойдет, что к чему.

— Мой компьютер обработал больше подобных программ, чем черти в аду — политиканов. — Последнее слово ван Рийн словно выплюнул. — И всегда один и тот же крайне неутешительный ответ. Если учесть хотя бы минимальные потери, компенсации, зарплату, премии за риск, постройку, ремонт, замену, боеприпасы, амортизацию, плюс потерю, из-за недостаточного внимания, других рынков, плюс судебное преследование со стороны Солнечного Содружества, а возможно — и со стороны других правительств, взятки, потерю дохода, который был бы получен, вложи мы все эти средства в нужные предприятия, и так, мать его, далее... короче говоря, Лиге это не по зубам.

Последнее слово подало ван Рийну мысль, и он повернулся к дворецкому:

— А ты, Симмонс, отклей подметки от пола и принеси сюда плошку орехов. Разных, понимаешь?

— Прошу извинить мое невежество, уважаемые сэры, — включился вокалайзер Горнаса-Кью, — но я крайне поверхностно знаком со всеми этими неприятными обстоятельствами. Для чего борфудианцы кодируют захваченных людей?

Фермадж и Мджанбо удивленно переглянулись. Всем известно, что центаврианцы несколько наивны, но, чтобы настолько? Ван Рийн щелкнул зубами бразильский орех, вызвав благоговейное восхищение всех присутствующих, за исключением Горнаса-Кью, и взял рюмку коньяку.

— Этим наземным крысам не хватает своих корабельных команд.

— Возможно, вы позволите мне внести в вопрос некоторую ясность, — вмешался марсианин. Подобно многим

своим соплеменникам из Сирраховой Орды — последней волны эмигрантов на пустынную когда-то планету, — Краакнах был прирожденным лектором. Он провел когтистой лапой по седеющим перьям, сунул в сфинктер своего шлема ринновую трубку и закурил.

— Борфу — захолустная планета, террестроидная по восьми показателям, ее автохтонов вполне можно назвать гуманоидами, — начал он. — К моменту первого контакта с земными исследователями они находились на раннепромышленной стадии развития, только-только познакомились с ядерной энергией, и реакция их на появление высшей культуры была параноидной. Во всяком случае, реакция самой многочисленной из местных наций, которая вскоре покорила все остальные. Технологическую модернизацию они провели на удивление быстро, отчасти — с помощью некоторых безответственных представителей нашей с вами цивилизации, соблазнившихся высокими заработками. Объединившись, борфудианцы взялись за организацию межзвездной империи. К настоящему моменту их сфера влияния имеет поперечник около сорока световых лет, хотя фактически во всей этой области заняты всего несколько планетных систем типа Солнечной. По большей части они не желают иметь никаких дел с остальной Вселенной — из-за страха правителей, что подобные контакты могут оказаться опасными для стабильности их режима. И они вполне способны удовлетворить все свои потребности внутренними средствами, за одним-единственным исключением — у них нет хороших космонавтов. Если даже мы, со всеми своими достижениями в области роботики, до сих пор не сумели создать надежных, полностью автоматизированных кораблей, насколько хуже чувствуют себя борфудианцы, не имеющие вдобавок достаточного количества персонала.

— Хм-м, — воспользовался паузой Фермадж. — Я тут начинаю подумывать насчет подрывной деятельности. Вряд ли все их население так уж обожает режим. Если бы мы смогли организовать регулярные полеты хотя бы

нескольких кораблей, тогда... двойные агенты... переворот изнутри, все это грязное правительство полетело бы к чертовой бабушке.

— Мы прорабатывали такой вариант и применим его при первой же возможности, — перебил его ван Рийн. — Только вряд ли это будет скоро, а тем временем весь сектор Стрельца окажется в руках конкурентов. Необходим именно быстрый способ возобновить движение.

— Продолжая вышесказанное, — невозмутимо сказал Краакнах, выпустив клуб смолистого дыма, — борфудианцы могут построить столько кораблей, сколько им заблагорассудится, быстро растущая экономика вполне им это позволяет. Рост экономики, кстати сказать, жизненно им необходим, иначе вся эта империя может рухнуть в одночасье. Не надо забывать, что, руководствуясь расовыми соображениями, тамошние правители поощряют демографический взрыв. Но вот подготовить нужное количество хороших астронавтов они не могут. Гордость и не такая уж неоправданная боязнь чуждого идеологического влияния мешают им посылать молодежь в учебные заведения технических планет, либо нанимать инопланетный персонал, а собственная астронавигационная академия там всего одна, да и та страдает от нехватки преподавателей.

— Вот это я знаю, — заметил Мджанбо. — Отличный был бы рынок, только как заставить их изменить политику?

— Поэтому, — продолжал Краакнах, — два года назад борфудианцы начали подстерегать и захватывать наши корабли. Ясное дело, долго так продолжаться не может, в конце концов никто не станет там летать — за что и проголосовало недавно Братство. Но они могут позволить себе обречь большинство населения на голодную смерть — снабжая в то же самое время остальных при помощи имеющихся кораблей с командами. А затем борфудианские заправилы «перестроят» свое общество — спокойно, не торопясь, не опасаясь никакого чуждого влияния. Схема, насколько я понимаю, знакомая и по земной истории.

Теперешние их действия самым очевидным образом нарушают космические обычаи и законы; из всех правительств одно Содружество способно что-нибудь с этим сделать, но сама мысль о войне вызывает на Земле такое неприятие, что оно ограничилось несколькими жалкими, неуверенными протестами. Более того, существует весьма влиятельная фракция, с тайным удовлетворением наблюдающая, как наглую Торгово-техническую Лигу загоняют в угол. Кое-кто даже отстаивает точку зрения, что принцип территориального суверенитета нужно распространить на межзвездное пространство. Трудно даже представить себе более гнусную идею, hru?

Он извлек ринновую трубку, бросил ее в пепельницу и заключил:

— Как бы там ни было, они захватывают людей, промывают им мозги и посылают служить на своих кораблях. Обучение астронавта занимает многие годы, уже на одном этом мы несем огромные убытки.

— Неужели нельзя как-нибудь проскользнуть? — спросил Фермадж. — Ведь астрономические расстояния — они жутко огромные. Почему мы не можем обходить борфудианские патрули?

— Именно так и делают восемьдесят пять процентов кораблей, — напомнил ему ван Рийн. — Но этого совершенно недостаточно. Остальные пятнадцать процентов...

— ...выдают себя псевдогравитационными импульсами гипердрайва — хороший прибор засекает эти импульсы на расстояниях до светового года. Имея превосходство в скорости и маневренности, военные корабли борфудианцев мгновенно бросаются...

— Да. И таких неудачников было уже слишком много. Братство больше этого не потерпит. Между нами говоря, и я тоже. Ну и — уа, мы пробовали самые различные способы уклониться, в том числе и полное отключение двигателей, чтобы тебя было не видно и не слышно. Ничего особо толкового не получается.

— Ну а что, если давать нашим кораблям сопровождение? — не успокаивался Фермадж.

— А сколько это будет стоить? Я же представил вам цифры. Рейсы на Антарес станут убыточными, даже если не учитывать стоимость постройки дополнительных боевых кораблей. При таких условиях не стоит даже и заикаться о торговле с сектором Стрельца.

— А может, вооружить самих купцов?

— Да вы что, не слушали мастера Краакнаха? Современная роботика не может заменить живые мозги, разве что — мозги чиновников.

Притворяясь до крайности раздраженным — чтобы расшевелить присутствующих — ван Рийн добавил то, что все и без него знали:

— Боевой корабль класса фрегата нуждается для обслуживания оружия и приборов в команде из двадцати человек. Безоружному грузовику нужны только четверо. Вы хоть подумайте, на сколько взлетит зарплата, мы же по миру пойдем! Кроме того, посадить на каждый корабль по два десятка астронавтов можно только ценой отказа от каких-то других операций — у нас тоже обученные люди на дороге не валяются. Я уж не говорю, во сколько обойдется переоборудование грузовиков. Деньги будут лететь, как вода из дырявой посудины; не по карману нам такие убытки. Хуже того, Коссалу прекрасно понимает ситуацию, ему нужно будет только сидеть какое-то время спокойно, не высовываясь, и ждать, пока мы вылетим в трубу. А затем они снова займутся своими делишками.

— Думаем мы тут, думаем, — нервно постучал по столу Фермадж, — и ничего что-то не придумывается. Есть у кого какие предложения?

Под светящимся потолком воцарилось неловкое молчание, нарушенное в конце концов Горнасом-Кью.

— А как, собственно, осуществляются захваты? Ведь под гипердрайвом невозможно перестреливаться.

— Почти невозможно, — уточнил Краакнах. — Энергетические пучки отпадают полностью, а материальные снаряды должны быть и сами оборудованы гипердрайвом, иначе, покинув ведущее поле корабля, они вернутся к субсветовой скорости и мгновенно отстанут. Более того, чтобы попасть в цель, они должны находиться с ней точно в фазе. Хороший пилот может сфазироваться с другим кораблем, но эта операция завязана на такое количество различных переменных, что далеко превосходит возможности любого кибера.

— Как осуществляются захваты? — прорычал ван Рийн. — Пожалуйста, могу рассказать. Эти сволочные борфудианцы улавливают вибрационный след корабля. Затем они рассчитывают курс перехвата. Сблизившись, они фазируются и врубают тракторный луч. Затем — подтягиваются к грузовику вплотную, прожигают дыру в корпусе или шлюзе и идут на абордаж.

— Не понимаю тогда, в чем тут трудности? — удивился Мджанбо. — Оборудуйте все корабли генераторами прессорных лучей, пусть отталкивают борфудианцев, не дают подойти.

— Уважаемый коллега забывает, — заметил Краакнах, — что как положительные, так и отрицательные пучки питаются от силовой установки, которая у военного корабля значительно мощнее, чем у мирного транспортника.

— Раздать членам команды оружие; что они, не сумеют отбиться от лезущих на борт бандитов?

— У этих сучьих ублюдков борфудианцев тоже есть и оружие, и руки, — с ненавистью прохрипел ван Рийн. — Через пять крестов и семь гробов в Бога душу центр мирового равновесия! Ну как четверо могут выстоять против двадцати?

— М-м-м... да, конечно, — кивнул Фермадж. — Но послушайте, хоть так, хоть сяк, все равно придется пожертвовать какими-то деньгами, если мы хотим выбраться из этого затыка. Не знаю точно, какая там средняя прибыль...

— Если усреднить все рейсы на Антарес, — не задумываясь, ответил ван Рийн, — навар получится процентов тридцать.

— Какого черта, — взвился Мджанбо. — А моя компания, откуда у вас цифры по ней?

Ван Рийн ухмыльнулся и выпустил очередной клуб дыма.

— Значит, у нас есть определенная маржа, — задумчиво сказал Горнас-Кью. — Мы можем произвести инвестиции в военную технику, снизив на какое-то время норму прибыли, но не доводя, конечно же, дело до прямых убытков.

— Оно того стоит, — кивнул Мджанбо. — Правду говоря, я пошел бы даже на ощутимые убытки, лишь бы дать этим сволочам хороший урок.

— Нет, ни в коем случае. — Ван Рийн поднял руку, которая даже после стольких лет кабинетной жизни оставалась широкой, мускулистой лапой привычного к любой работе астронавта. — Мысли о мести и разрушении не достойны христианина. Кроме того, как я уже говорил, трупы — плохие покупатели. Нужно найти в пределах наших финансовых возможностей какой-либо способ сделать эти налеты невыгодными для борфудианцев. Они же не дураки, быстро поймут, что к чему, а тогда можно будет поговорить с ними и о коммерции.

— Ну и хладнокровие же у вас, — позавидовал Мджанбо.

— Когда как, — пожал плечами ван Рийн. — Будучи разумным человеком, я регулирую свой термостат в соответствии с ситуацией. Сейчас нам необходим научный подход с полным математическим анализом...

Он резко смолк, опустил глаза и, чтобы скрыть свое волнение, налил очередную рюмку. Появлялась интересная идея.

— Послушайте, — предложил ван Рийн после еще одного часа бесплодных споров. — Все это ни к чему не ведет, nie? Возможно, для большей ясности мышления нам нужен какой-нибудь стимул.

— Ну и что же вы предложите? — вздохнул Мджанбо.

— Ну... некое соглашение. Совместный фонд, который станет призом за решение этой проблемы. Например, десять процентов антаресских прибылей каждого из здесь присутствующих на период ближайших десяти лет.

— Послушайте, — воскликнул Фермадж. — Если я хоть немного вас, старого разбойника, знаю, вы что-то уже придумали.

— Нет, нет, клянусь честью. Ну, может, и есть у меня какие-то зачаточные рассуждения, но ведь я — всего лишь старый неотесанный бродяга космоса, не имеющий вашего хорошего образования. Я очень могу и ошибиться.

— Так в чем конкретно ваша идея?

— Я бы не хотел говорить о ней сейчас, пусть немного созреет. Но вы отметьте, пожалуйста, что тот, кто предпримет какие-либо активные действия, возьмет на себя и риск, и дополнительные расходы. А будет исход удачным — выиграют все. Так неужели крохотное возмещение его вложений кажется вам несправедливым?

Больше никто не спорил. Ван Рийн благодушно улыбнулся; в конце концов удалось добиться соглашения о совместном фонде; основные принципы записаны на пленку, а подробности будут рассчитаны компьютером.

— Уважаемые мастера! — возгласил он, хлопнув в ладоши. — Сегодня мы много поработали, а в ближайшее время предстоит еще более сложная работа. Кой черт, мы заслужили небольшой отдых. Симмонс, приготовь оргию.

Рафаэль Торрес считал себя достаточно закаленным человеком, которого ничем не удивишь. И ошибался.

— Вы это что, всерьез? — пораженно выдохнул он.

— Все, конечно, строго конфиденциально, — продолжил ван Рийн. — Команда должна состоять из надежных людей, вроде вас самого. Вы сумеете таких подобрать?

— Но...

— И не беспокойтесь насчет вознаграждения, мы не будем жмотиться.

— Совершенно невозможно, сэр, — убежденно помотал головой Торрес. — Братство приняло четкое решение — если и приближаться к Коссалуту, то только для карательной акции, а вы предлагаете нечто совсем иное. Снять запрет можно только общим голосованием — а тогда все всё узнают.

— Голосование можно провести потом, проверив сперва, как работает эта идея, — продолжал настаивать ван Рийн. — Первый поход нужно совершить втайне.

— В таком случае первый поход нужно совершить без команды.

— В луковку и в маковку! — кулак ван Рийна с грохотом обрушился на стол. Голландец вскочил на ноги. — Неужели я имею дело с трусливыми хлюпиками? В мое время астронавты были мужчинами! И у нас имелись идеалы. За хорошие деньги мы прорвались бы хоть сквозь адские врата.

Торрес глубоко затянулся сигаретой.

— Запрет нарушать нельзя. Никто, кроме Мастера Ложи, не имеет права... Хорошо, я скажу все, что думаю. — Его начинала охватывать холодная ярость. — Вы хотите подобрать людей, которые поведут во вражеское небо ни разу не опробованный корабль и вызовут огонь на себя. Проиграв, они обрекут себя на такое существование, что будут ежедневно молить Бога — если сохранят достаточно свободы воли хоть на это — о скорейшей смерти. Выиграв, они получат по нескольку вшивых килокредитов. А вы так и так будете сидеть здесь, в тепле и уюте. Так вот, хрена вам, конечно же, нет!

Некоторое время ван Рийн стоял молча. Возникало совершенно непредвиденное затруднение.

За прозрачной стеной, далеко внизу, по морской глади скользили белые паруса игрушечной с такого расстояния яхты. Красиво. Надо все-таки больше отдыхать. Не настолько уж важны все эти деньги. Не настолько? И эта Земля — совсем неплохой мир, даже когда ты — толстый старик. Здесь уйма цветов и бургундского, свежих ветров и

красивых женщин, Моцарта и книг. А воспоминания о молодости в космосе — это просто ностальгия делает их такими яркими...

Прийдя к окончательному решению, он снова повернулся к Торресу:

— Мастер Ложи может отправиться в поход, никого о том не оповещая и ни с кем не консультируясь. Это позволяется законами союза. Как, сможете вы подобрать еще двоих, таких же, как вы?

— Я уже говорил, уважаемый мастер, что не хочу даже задумываться об этой проблеме.

— Да? Даже если шкипером буду я?

Внешне «Меркурий» совершенно не изменился, да и груз его был вполне обычным — корица, имбирь, перец, гвоздика, чай, виски, джин. Если корабль все равно идет к Антаресу — зачем пропадать рейсу? Никаких вин ван Рийн не взял — рейс предстоял неспокойный, вряд ли букет выдержит тряску.

Все изменения таились внутри — дополнительное укрепление корпуса и чудовищно мощная силовая установка. Бухгалтерский компьютер подсчитал, что стоимость такого переоборудования в три раза превысит доход, который мог бы принести этот корабль за весь свой срок службы. Ван Рийн болезненно сморщился, однако дал указания приступить к работам.

Правду говоря, маржа была совсем узкой, убытки совсем рядом и ставка — больше, чем можно позволить себе проиграть. Однако, если Коссалу Борфудианский имеет своих статистиков и, конечно же, если идея окажется плодотворной...

Ну а если нет, Николас ван Рийн погибнет в битве либо его ликвидируют как слишком старого и потому бесполезною, а то — превратят в раба с промытыми мозгами, будут удерживать в плену, требуя за освобождение чудовищный выкуп. Все варианты почти одинаково малопривлекательны.

Он обосновался в капитанской каюте вместе с пышнотелой темноволосой Доркас Жерардини, а также основательным запасом коньяка, табака и самых вонючих сортов сыра. Если уж пропадать, то хоть с удобствами. Торрес пошел в полет помощником, капитаны Петрович и Сейнчи — механиками. «Меркурий» тихо, в общем порядке, стартовал из космопорта Кито, так же тихо подождал на промежуточной орбите, пока дадут разрешение на отлет, а затем двинулся на отрицательной гравитации от Солнца. Достигнув необходимого удаления, он перешел на гипердрайв и сразу обогнал свет.

Удобно расположившись на мостике, ван Рийн закурил свою глиняную, с. длинным чубуком трубку.

— До Антареса целый месяц пути, — сказал он и благочестиво добавил: — Храни нас святой Дисмас.

— Я лично больше полагаюсь на святого Николая, защитника путешествующих, — заметил Торрес. — Хоть он и ваш тезка.

— Кой черт, — откровенно обиделся ван Рийн. — Вы что, имеете что-нибудь против меня?

— Ну, — пожал плечами Торрес, — храбрость ваша меня восхищает, уж слабаком-то вас не назовешь. Ведь это надо же — отправиться в космос пиратствовать, чтобы поймать пиратов. Если у кого такое и выйдет, так только у нас.

— А у вас, у молодежи, много нахальства и мало вежливости. — Торговец окутался облаком вонючего дыма. — В наши дни капитану говорили «сэр» — даже поднимая бунт на борту.

— Меня беспокоит один момент, — откровенно признался Торрес. Прежде он никогда не утруждал себя разработкой каких-то там стратегий, для его ума и тела всегда находились более приятные занятия. — Вполне можно считать, что враги не прослышали еще о решении Братства, однако полное прекращение полетов должно заставить их задуматься. Кроме того, курс проложен настолько близко к известной борфудианской базе, что нас обязательно обнаружат. А что,

если они заподозрят неладное и вышлют полдюжины кораблей?

— Вряд ли, ведь эти, в пуп их и в гроб, патрульные корабли крейсируют на большом расстоянии друг от друга, чтобы прикрывать максимальную площадь. Если нас заподозрят, то просто не станут трогать, хотя и в этом я сильно сомневаюсь, больно уж ценен для них каждый улов.

Ван Рийн поднял свою тушу из кресла. Хорошо все-таки в космосе, можно установить искусственную гравитацию поменьше и чувствовать себя чуть ли не таким же шустрым, как в молодости.

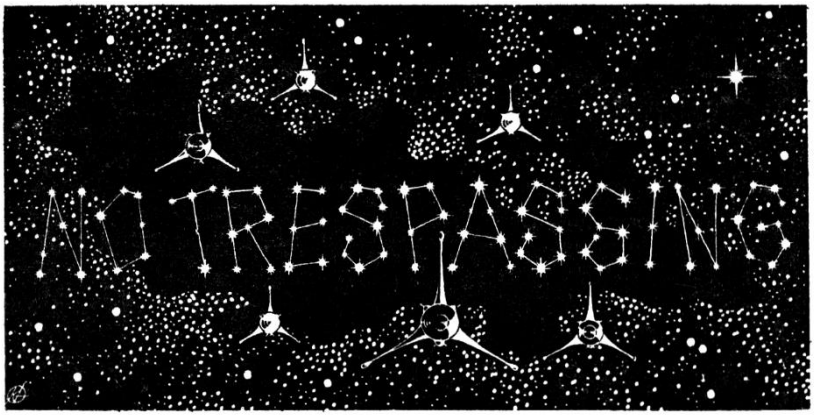
— В вашем, друг мой, сосунковом возрасте люди с трудом понимают, что в жизни почти нет понятия «наверняка», одни вероятности. Надо просто стараться, чтобы шансы были в твою пользу, тогда при долгой игре обязательно выиграешь. Сейчас ваша вахта, и я посоветовал бы вам вывести на проектор какой-нибудь учебник теории вероятностей, в компьютере отличная библиотека, и делать все равно больше нечего. А я удаляюсь на небольшое совещание с Доркас Жерардини.

— Хотел бы я управляться со своими командами, как вы с этой своей, — скорбно посетовал Торрес.

— А почему бы и нет, мальчик? — экспансивно взмахнул рукой ван Рийн. — Что тебе мешает? Пока ты приносишь компании выгоду и не доставляешь ей беспокойств, компания не станет заглядывать тебе через плечо и дышать в затылок. Чего вам, молодым охламонам, не хватает, так это инициативы. Вот доживете до моих лет, станете старыми и толстыми, тогда-то и оглянетесь назад, и пожалеете об упущенных возможностях.

Несмотря на низкое тяготение, палуба едва не прогибалась под грузными шагами торговца.

Волшебные огни в черноте неба — на эту картину можно смотреть бесконечно. Видеоэкраны обрамили серебряную

россыпь Млечного Пути, рубиновый огонек Антареса, завиток туманности, украшенный отдельной яркой звездочкой. Ярче всех выделялся золотисто-желтый Борфу.

Вторую неделю напряженный, как струна, «Меркурий» глотал миллиарды миль, тысячу раз в секунду ныряя в гиперпространство и снова из него выходя.

Сидевшая в кают-компании Доркас не могла оторвать глаз от экрана.

— Как красиво, — чуть слышно выговорила она. — Только мне от этого еще страшнее.

— Что же тут страшного, малышка? — лениво поинтересовался ван Рийн. Он лежал на диване, уставив свой величественный нос в потолок.

— Они... они же в любую секунду могут на нас броситься. Господи, и зачем только я полетела?

— Сколько я помню, был какой-то разговор насчет тиароновой шубы, а также сережек из огневика.

— Ну а если они все-таки нас захватят? — Пальцы, вцепившиеся в руку ван Рийна, дрожали. — Что тогда будет?

— Я же говорил тебе, что оставил деньги специально на твой вйкуп. А еще говорил, что деньги могут их и не заинтересовать. Или нас попросту разнесет в клочья, так что и выкупать будет некого. Сто чертей в кресло и в масло! Ты можешь на секунду стихнуть?

Из динамика интеркома послышался встревоженный голос Торреса:

— Обнаружена волна скоростного корабля, сближается курсом на перехват.

— Все по местам! — взревел ван Рийн.

Доркас взвизгнула. Он схватил ее под мышку, отнес — получив в процессе несколько царапин — по коридору в свою кабину, кинул на кровать, посоветовал привязаться покрепче и побежал, тяжело отдуваясь, на мостик. Экран внутренней сети показывал машинное отделение; надевшие уже броню Петрович и Сейнчи стояли наготове, их лица блестели от пота. Торрес сидел, нервно покусывая губу, и дрожащими от волнения пальцами настраивал приборы.

— Хоккей, — сказал ван Рийн. — Вот наконец и то, для чего мы сюда прилетели. Надеюсь, вы не забудете, что и как надо делать, — сейчас не репетиция, и я не смогу стоять у вас за спиной, поправляя каждую дурацкую ошибку.

Он грузно плюхнулся в кресло перед главным пультом, туго затянул привязные ремни и забегал пальцами по клавиатуре управления, отдавая приказания компьютерам и управляющим цепям, всем телом ощущая чуткую отзывчивость огромного, сложного организма — корабля. Двигатели «Меркурия» все еще работали почти на холостом ходу; дикая мощь, спрятанная в них и готовая в любой момент рвануться наружу, приятно успокаивала.

Чужак подошел на дистанцию связи, при которой два движущихся поля заметно наложились. Как и принято в таких случаях, пилоты начали выравнивать частоту и фазу колебаний своих кораблей, чтобы между ними могли проходить радиоволны. Наконец аппарат внешней связи загудел; Торрес нажал кнопку «прием».

На ожившем экране появилось изображение по-кошачьему гибкого борфудианского офицера, затянутого в угольно-черный мундир. Несмотря на узкий лоб, полное отсутствие волос и голубоватый оттенок кожи, его лицо отдаленно

напоминало человеческое, глубоко посаженные глаза горели желтым огнем. В углу экрана виднелся второй офицер, сидевший у оружейного пульта, а также непременный борфудианский шестирукий базальтовый божок.

— Эй, на земном корабле! — по-английски голубой красавец говорил вполне бегло, хотя и с сильным акцентом, сказывались устройство рта и гортани. — С вами говорит Рентарик, капитан принадлежащего Коссалу фрегата «Ганток». Вторгнувшись во владения Его Могущества, вы нарушили священнейшие законы Коссалута Борфудианского. Готовьтесь принять на борт группу захвата.

— Дав гробу я видал таких склизких пучеглазых тварей! — Ван Рийн нарочно распалял себя, его лицо налилось кровью. — Мало того, что вы захватываете моих людей и мои корабли с дорогими товарами, так ты еще набрался наглости говорить о каких-то законах!

Пальцы Рентарика тронули висевший у него на шее миниатюрный церемониальный кинжал.

— Да будет тебе, старик, известно, что законы Коссалу — единственные законы всей этой области пространства. Вы

можете уберечь себя от дополнительного наказания — импульсной активации нервов — если сдадитесь без сопротивления.

— Согласно обычаям цивилизованных рас, межзвездное пространство открыто для любого мирного корабля.

— А мы, капитан, — широко улыбнулся Рентарик, оскалив ярко-зеленые, непривычной формы зубы, — руководствуемся исключительно своими собственными законами.

— Ja, только на этот раз вы, сучьи дети, вознамерились применить силу против ван Рийна. На этом навозном шарике, который вы называете своей планетой, вскоре получат неприятные известия.

Рентарик произнес несколько слов на своем языке, а затем снова перешел на английский.

— Я только что записал рекомендацию поставить вас лично после кондиционирования на ильянские рейсы. Органические компоненты, содержащиеся в атмосфере этой планеты, вызывают у вашего вида аллергические реакции, крайне болезненные, но не настолько опасные, чтобы выдавать по этому случаю герметические скафандры. А остальные члены вашей команды пусть примут это во внимание.

Глаза ван Рийна радостно вспыхнули.

— Слушай, если вы перестанете захватывать астронавтов и будете их попросту нанимать, тогда я могу вас снабжать антиаллергенами и лекарствами — за вполне умеренные комиссионные.

— Кончайте болтовню. Сейчас мы пристыкуемся к вашему кораблю и произведем высадку. Захваченный персонал будет подвергнут импульсной нервной активации — пропорционально оказанному сопротивлению.

Лицо Рентарика исчезло с экрана.

Торрес облизнул серые пересохшие губы. Он прибавил увеличение, теперь на экране появилось четкое изображение борфудианского фрегата. Темный, по-акульи узкий, он имел тоннаж раза в два меньше, чем у грузного транспортника, что с лихвой возмещалось вырисовывающимися на

фоне далеких звезд орудийными башнями. Описав изящную кривую, зловещий корабль с привычной, видимо, легкостью уравнял свою гиперскорость с гиперскоростью жертвы и летел теперь параллельным с ней курсом на расстоянии нескольких километров.

Из интеркома раздался оглушительный визг. Взглянув на экран, ван Рийн увидел Доркас. Так и не пристегнувшаяся к кровати, девица истерически металась по каюте. Да ведь так она перебьет все оставшиеся бутылки, а до Антареса еще целых одиннадцать дней!

На какую-то долю секунды корабль охватила резкая, до костей пронизывающая дрожь — «Ганток» нащупал ею тракторным лучом.

— Торрес, — сказал ван Рийн, — будь наготове, мальчик, а если со мной что случится — принимай командование. Да и так твоя помощь может пригодиться, если наша дичь поведет себя слишком уж дико. Петрович, Сейнчи, занимайтесь своими лучами и держите этих сучьих детей покрепче, что бы там ни случилось. Хоккей? Поехали!

«Ганток» подтягивался все ближе и ближе. Петрович врубил полную мощность. На какое-то мгновение из дуговых предохранителей ослепительно сверкнуло синее пламя, воздух наполнился грозовым запахом озона, содрогнулся от рева — и наступило равновесие, теперь работу немыслимых сил выдавало только низкое, глухое гудение.

А затем эти силы рванулись наружу — туго сжатые в прессорный луч, пятикратно превосходивший по мощности трактор борфудианцев. Ван Рийн услышал, как все ребра «Меркурия» застонали; словно от удара невидимой кувалды, «Ганток» полетел, беспомощно кувыркаясь, прочь и быстро исчез из виду.

— Ха-ха-ха! — проревел ван Рийн. — Обидели мы этих ребят, испортили игру, верно? Ничего, настоящее веселье еще впереди!

И снова появился борфудианский фрегат; на этот раз он не стал церемониться, а сразу включил максимальную

мощность пучка. Несмотря на прессор «Меркурия», корабли медленно, неотвратимо сближались. Негромко выругавшись, Сейнчи ударил прессором в полную силу.

Какое-то мгновение ван Рийну казалось, что его собственный корабль разломится пополам. Палуба под ногами вспучилась, откуда-то послышался леденящий душу скрежет рвущегося металла, но зато «Ганток» снова улетел прочь, словно получив мощный пинок под зад.

— Осторожнее! Не с такой дурацкой силой, дуболом ты несчастный! Пусти, я сам займусь лучами.

Руки ван Рийна заплясали над пультом.

— Не забывай, мы хотим взять его себе на память.

Увеличив на мгновение тягу двигателей, старый торговец догнал противника; его левая рука управляла «Меркурием», а правая старалась нащупать нужный баланс тракторного и прессорного лучей. Мерный рокот силовой установки превратился в оглушительный вой, внутрикорабельное искусственное тяготение не могло больше побороть дикие ускорения, привязные ремни трещали, с трудом удерживая в кресле массивную тушу ван Рийна. Торрес, Петрович и Сейнчи словно стали деталями оборудования, придатками компьютерной системы, выполнявшей приказы толстых прокуренных пальцев.

Изображение борфудианца снова исчезло с экранов, это ван Рийн перевел «Меркурий» в другую фазу. При обычных обстоятельствах корабли должны были полностью утратить контакт, но сейчас их соединяли гравитационные силы, не обращавшие ни малейшего внимания на осцилляции между релятивистским и нерелятивистским квантовыми состояниями, — массы кораблей оставались неизменными. Однако появилось новое обстоятельство, теперь оружие фрегата стало фактически бесполезным — разве что его пилот сумеет угадать характер движения земного корабля. Чтобы избежать этого, ван Рийн запрограммировал случайные изменения частоты и фазы — в допустимых пределах. Если бы вражеский пилот имел достаточно времени, чтобы собрать

побольше данных, провести стохастический анализ, а затем воспользоваться интуицией живого, хорошо тренированного мозга, он имел бы все-таки шанс сфазироваться с «Меркурием», никакая «случайная» программа не может быть абсолютно случайной. Вот только ван Рийн не намеревался давать ему этого времени.

Как оказалось, борфудианцы и не помышляли о стрельбе: совершенно, видимо, перепуганные, они включили максимальную тягу двигателей и попытались оторваться. В ответ ван Рийн заставил силовые лучи пульсировать в противофазе, уравняв их амплитуды, теперь корабли были соединены намертво. Громко расхохотавшись, он перевел свои сверхмощные двигатели на задний ход. Вздрогнув, как от удара, «Ганток» замер, а затем послушно двинулся вслед за земным транспортником. И снова послышался чудовищный скрежет — корпус «Меркурия» еле выдерживал никакими инструкциями не предусмотренные напряжения. Жесткая связь грозила развалить корабль на куски, нужно было то ослаблять ее, то усиливать — и при этом постепенно сокращать расстояние до противника.

— Ха, мы водим его на леске, словно рыбку. Славный рыбарь, апостол Петр, не позволь ему сорваться с крючка!

Что-то громко — громко даже на фоне остального адского грохота — щелкнуло, и сразу же послышался свист ускользающего в межзвездный вакуум воздуха.

— Лопнула обшивка, четвертый отсек, — крикнул, сложив руки рупором, Петрович. — Если не заварить, будет еще хуже.

— Подержишь удочку? — наклонился торговец к Торресу. — Мне нужно отдохнуть, а то голова работает все медленнее и медленнее. Вот ремонт — совсем другое дело, этим и мы занимались на своих допотопных посудинах.

Торрес молча кивнул.

— Чего ты такой кислый? — укоризненно спросил ван Рийн, отстегивая ремни. — Работка в общем-то веселая.

Поднявшись, он пересек палубу, дыбившуюся под ногами так, словно «Меркурий» был обычным морским судном. «Ганток» продолжал то включать, то выключать двигатели, пытаясь разломать корпус противника. Угроза была нешуточной, пробоина в борту автоматически загерметизировалась, однако оставалась слабой точкой, с которой может начаться дальнейшее разрушение.

Ван Рийн неуклюже забрался в свой устрашающих размеров скафандр. Он столько лет не носил броню, что совсем забыл, как быстро она пропитывается запахом пота. Все необходимые инструменты лежали рядом. Теперь взвалить их на спину, а затем — через шлюз наружу, под черное небо, усыпанное бесчисленными алмазами звезд.

Корабль сотрясался, любой из этих толчков мог стать для ван Рийна последним. Если магнитные подошвы оторвутся от обшивки... выброшенный за пределы поля гипердрайва, он мгновенно перейдет в нормальное состояние. Корабль унесется со сверхсветовой гиперскоростью, а он навсегда затеряется в без. мерности пространства.

Ван Рийна окружало голубое сияние электрических разрядов. Время от времени в том месте, где невидимо находился «Ганток», сверкали ослепительные вспышки — это случайно совпадала фазировка кораблей. Судя по всему, борфудианцы непрерывно стреляли — в отчаянной, невозможной надежде, что один из снарядов окажется в необходимом состоянии, когда будет проходить через «Меркурий» ... либо через желудок ван Рийна... нет, сквозь объемы пространства, в которых с некоторой частотой существуют упомянутые объекты — нужно все-таки выражаться корректно.

А вот и эта чертова плита обшивки. Закрепить домкрат, теперь согнуть, придать ей хоть какое подобие правильной форумы... ну, взялись, нажали... гидравлика, силовой привод, все это мило, но и без мускулов здесь не обойтись. Посмотрим, осталось ли еще что-нибудь подо всем этим жиром... уложить брусья, временно их закрепить, включить горелку... не забыть опустить маску... ну а теперь — держать

дугу и вспоминать собственную свою бурную молодость... черт! Чуть-чуть посильнее — и полетел бы я прямо в этот межзвездный холодильник. А вообще-то следующие корабли нужно будет укрепить еще сильнее.

Наконец плита встала на место; изо всех сил стараясь не замечать боли, охватившей буквально каждую клетку отвыкшего от физической работы тела, он поплелся к шлюзу. Не успел ван Рийн выйти из камеры, как дикие толчки прекратились и грохот стих; на какое-то мгновение он даже решил, что оглох.

С экрана смотрело лицо Торреса, мокрое от пота и осунувшееся.

— Угомонились. Поняли, очевидно, что их собственная посудина разлетится прежде нашей.

— Отлично! — буквально завопил ван Рийн, с трудом разгибая покрытую синяками и ссадинами спину. — А теперь стягивай корабли, действуй по плану, у тебя что — мозги размягчились?

И тут знакомая, скручивающая все тело судорога сказала ему, что корабль перешел в нормальное состояние; ровный гул гипердрайва смолк. Какая-то сила рванула «Меркурий» вбок, и ван Рийн едва удержался на ногах.

Рентарик сделал последний, отчаянный ход — он выключил свой гипердрайв и вернулся в обычное пространство, где не бывает скоростей больших, чем скорость света. Не сделай его противник того же самого, напряжение силовых лучей мгновенно разрушило бы оба корабля. Борфудианец хотел отомстить — пусть даже ценой собственной жизни. Однако, планируя поход «Меркурия», учли и такую ситуацию — установленный на нем детектор мгновенно отключил двигатели.

Торрес с трудом избежал столкновения и сразу же расположил свой корабль на расстоянии в несколько метров от «Гантока», удерживаемого непреодолимой силой тракторного и прессорного лучей; оружие борфудианцев снова стало бесполезным. А если те сдуреют вконец и попытаются,

одевшись в скафандры, преодолеть это малое расстояние, чтобы взрезать обшивку «Меркурия» — будет совсем нетрудно сбросить их в пространство маленьким вспомогательным прессором.

Злорадно расхохотавшись, ван Рийн снял скафандр и не торопясь пошел на мостик, чтобы побеседовать с Рентариком по душам.

— ...как только мы включим свое гиперполе, вы тоже окажетесь в нем, а у нас достаточно мощности, чтобы тащить и вас, что бы вы там ни выделывали со своими двигателями, ясно вам это? Мы в несколько раз сильнее, так что расслабьтесь лучше, отдохните и летите, куда вас ведут. Если мы хоть что заподозрим — сразу разберем ваш корабль по винтику. Хоккей, — обернулся ван Рийн к своей команде. — Полный вперед, и берем с собой эту плотвичку, мнившую себя акулой зубастой.

На окраине системы Антареса их встретил крейсер Лиги, вызванный по лазерной связи, — колония считалась заслуживающей защиты от бандитов, политических агитаторов и прочих злоумышленников. Когда-то эта огромная, умирающая звезда имела больше планет, но в процессе расширения она поглотила внутренние из них. Ни на одной из оставшихся не оказалось жизни, но зато здесь нашли столько минеральных богатств, что их — вкупе с удобным для организации торгового центра положением системы — хватало на прокорм населения не меньшего, чем на Луне. Ван Рийн передал пленный корабль военным, управление — Торресу и почти устранился от дел. Он много спал — с таким храпом и криками, что Доркас затыкала уши. Сказывалось напряжение — хотя борфудианцы сидели тише воды, ниже травы, все последние дни приходилось бдительно следить, не придумают ли они какую гадость.

Торрес хотел поговорить с пленниками, но ван Рийн не позволил.

— Нет, мальчик, нет. Отказывая этим героям в праве предстать пред наши ясные очи, мы издергаем их больше,

чем любой руготней. Я хочу, чтобы к следующей беседе славный капитан Рентарик обкусал себе ногти до самых локтей.

После приземления старый сибарит бесстыдно навязался в гости к губернатору, с правом свободного пользования губернаторскими винами и губернаторскими наложницами. В промежутках между банкетами он каким-то образом нашел время изучить местные магазины и поднял цену грамма своего перца на целый милликредит. Колонисты, конечно же, будут ворчать, но ничего, выдержат. Да и вообще — если бы не он, глотать бы этим ребятам преснятину, либо стряпать синтетические пряности в десять раз хуже и в два раза дороже. Так неужели же нельзя получить с них вполне заслуженный навар?

После трех суток таких развлечений ван Рийн решил, что Рентарик уже дошел до кондиции. Местом для беседы был избран парадный колонный зал. Выглядел развалившийся на губернаторском троне торговец весьма живописно: в правом кулаке — глиняная трубка, в левом — бутылка, в рассыпанные по плечам волосы вплетены миниатюрные колокольчики, грязный купальный халат едва прикрывает необъятное брюхо. Картину удачно дополняли три девушки, одна из которых играла на арфе, другая обмахивала этого римлянина времен упадка империи опахалом из павлиньих перьев, а третья, устроившаяся на подлокотнике трона, звонко хихикала, закидывая в его раскрытый рот охлажденные виноградины. Сейчас Вселенная казалась ван Рийну вполне пристойным заведением.

Почерневший и осунувшийся Рентарик появился в сопровождении двоих гвардейцев Лиги, он пересек сверкающий пол необъятного зала и замер, глядя на своего победителя горящими от ненависти глазами.

— Да кто это нас удостоил? — радостно взревел ван Рийн. — Приветики-салютики-ромашечки! Жильем, надеюсь, довольны? Говорят, в здешних тюрьмах великолепные условия.

— Для вашей расы — возможно. — Борфудианец кипел плохо сдерживаемой яростью. — С моей командой обращаются самым возмутительным образом.

— Не может быть! У меня прямо сердце кровью обливается. И нос.

— Пират! — буквально выплюнул пленник. — Кровь еще прольется, можешь быть уверен. Его Могущество примет меры.

— Меры, говоришь? Твой вонючий король будет, мерить, как глубоко он провалился в дерьмо, — вот и все его меры, — презрительно бросил ван Рийн. — Если уж цивилизованные планеты не решались начать войну, когда вы занимались флибустьерством, он не решится тем более, хотя роли теперь и поменялись. Не-ет, он просто смирится перед неизбежным и попробует научиться жить в новой обстановке.

— Что вы намерены делать? — холодно спросил Рентарик.

— Нам, пожалуй, стоит получить небольшой выкуп, как вы думаете? — ван Рийн погладил свою козлиную бородку. — А если не удастся — что ж, на местных шахтах уйма вакансий. Условия там, понимаете ли, не очень хорошие, вот и посылают туда преступников. Однако, из врожденной своей доброты и благожелательности, я позволю вам выбрать одного члена команды — не себя, конечно же, — который отправится домой и расскажет там о происшедшем. Я даже сам обеспечу его проезд. Ну а потом начнем торговаться, с учетом стоимости этого проезда.

— Послушайте, — зло прищурился Рентарик. — Я прекрасно осведомлен о нравах вашего подлого, меркантильного общества. Вы органически не способны сделать что-нибудь, не обещающее прибыли. А переоборудование вашего грузовика, чтобы он мог захватить в плен военный корабль, должно стоить гораздо больше, чем этот грузовик способен заработать.

— Вот тут вы абсолютно правы. В три раза больше. Ну конечно же, часть этих денег мы вернем, если выставим свою

добычу на аукцион, но только товар-то слишком специфический, чтобы за него много дали.

— Вот именно. Значит, мы все равно задушим ваш антаресский маршрут. И не думайте, что мы прекратим патрулировать зону своего суверенитета. А в борьбе на измор вы сдадитесь первыми, слишком большими будут убытки.

— А вот тут-то вы, мой друг, и ошибаетесь. — Ван Рийн экспансивно взмахнул трубкой. — Наша прибыль заметно уменьшится, но свести ее к нулю — это у вас не выйдет. Поэтому мы будем торговать так долго, как нам заблагорассудится. Дело в том, что каждый рейс приносит тридцать процентов прибыли.

— Но переоборудование корабля стоит триста процентов этой прибыли, так что...

— Верно. Но ведь мы установили специальное оборудование только на каждый четвертый корабль. Маржа будет очень маленькой, однако, если заняться арифметикой, станет ясно, что убытков мы кое-как избежим.

— Четвертый? — Ничего не понимающий Рентарик удивленно потряс головой. — А какой тут смысл? Мы победим в трех из каждых четырех стычек.

— Тоже, верно. В результате трех этих побед вы захватите двенадцать рабов. А в четвертой схватке победим мы и повинтим двадцать борфудиацских астронавтов. Потерю кораблей мы как-нибудь уж выдержим — эта заварушка быстро кончится, и тогда вы нам за все заплатите. Дело, видите ли, в том, что вы никогда не будете знать, способен данный конкретный корабль сопротивляться или нет. Так что придется вам распустить свои пиратские команды, иначе от них быстро ничего не останется. Ясно? — Ван Рийн приложился к бутылке. — У нас подтасованная колода: чем дольше вы будете играть, тем больше проиграете, так что лучше уж бросайте это дело побыстрее.

Рентарик пригнулся, словно для прыжка.

— Уже здесь, на этой планете, я узнал, что ваши астронавты отказались летать через Коссалут, — прошипел он. —

И вы думаете изменить это решение, уменьшив количество попадающих в плен на четверть?

— Само собой. — Ван Рийн продемонстрировал отличный образец «сытой, самодовольной улыбки». — Во всяком случае, насколько я знаю наших ребят. Продолжая свои набеги, вы потеряете большую часть своих команд и станете совершенно беззащитными. А тогда вам уже придется договариваться с нами, иначе Лига попросту свергнет вашу придурочную изоляционистскую монархию. Операция будет такой быстрой и легкой, что ни один из политиканов просто не успеет вмешаться.

Наши условия будут включать освобождение всех рабов и весьма солидные компенсации. Весьма, весьма солидные компенсации. Эти условия непреложны, так что чем больше пленников вы захватите, тем дороже вам это обойдется. А любой человек, в котором есть хоть немного пороха, может выдержать пару лет службы на одной из ваших ржавых вонючих посудин, если будет знать, что потом получит за это достаточно, чтобы бросить работу и жить в роскоши. Да нам придется отбиваться от добровольцев!

Ван Рийн откашлялся и продолжал, теперь уже более мягко:

— Разве не разумнее будет заключить соглашение сразу? Мы проявим всю возможную снисходительность. Вам, конечно же, не будет хватать астронавтов — ничего, пошлете своих ребят в наши академии, мы возьмем за их обучение всего немногим больше обычной платы. Ну и — несколько небольших концессий...

— А через сотню лет мы будем принадлежать вам со всеми своими потрохами, — не то прорычал, не то простонал Рента-рик.

— А не согласитесь — вся ваша проклятая империя будет принадлежать нам гораздо раньше. Ну, захватите вы еще сколько-нибудь там наших людей, доведете себя до синюшного состояния, после чего придем мы, освободим их, а заодно прихватим все, что там у вас еще останется. Вы,

конечно, можете оставить наши корабли в покое — только об этом сразу узнают подчиненные вам системы, и вся эта хлипкая империя мгновенно развалится — ведь кто же помешает нам завозить по пути агитаторов и оружие для мятежников? Третий выход — незамедлительно освободить всех рабов и заключить то самое соглашение, о котором я битый час уже долдоню. В таком случае ваш правящий класс потеряет власть не сразу, а постепенно и сохранит свои жизни. Так что выбирайте. Меня, собственно, устраивает любой из вариантов.

Торговец безразлично пожал плечами.

— Значит, решили, — продолжил он. — Вы подбираете кого-нибудь из своих, и мы его отпускаем, чтобы доложился главному вашему борову. Может заодно передать, что Николас ван Рийн из Торгово-технической Лиги никогда не совершает необдуманных поступков и никогда не говорит необдуманных слов. Господи, да вас должно было насторожить одно уже название моего корабля.

Рентарик сгорбился и словно усох.

— Почему? — прошептал он.

— Меркурий, — толстый торговец в грязном халате поучительно поднял палец, — это древнеримский бог торговли, азартных игр и… ja, воровства.

Адзель любит разглагольствовать насчет подарков судьбы, которые имеют обыкновение скрываться под личиной напасти. На этот раз такой вот подарочек скрывался как-то особенно уж ловко. Правду говоря, Саймон Снайдер ошарашил меня, как дубиной по балде.

Я упорно грыз провербиальный гранит, никого не трогал, а тут вдруг заверещал телефон. Неожиданный звук буквально выдернул меня из кресла — я ведь велел аппарату пропускать звонки человек десяти, не больше, а всем этим избранным подробно объяснил, что не надо беспокоить меня по поводам менее срочным, чем, скажем, невесть откуда взявшийся астероид, идущий в лобовую атаку на Землю.

Дело в том, что вскоре мне предстояли предварительные экзамены в Академию. Нет, не вступительные экзамены, до тех еще целый год, а экзамены, по результатам которых решат, стоит допускать меня до экзаменов или не стоит. И не приходится обижаться на Братство — жизнь такая. Свободных коек в космосе всегда очень мало, и на каждую из них — добрая сотня претендентов, полных юного энтузиазма. Те девяносто девять, которых отсеивают... ну что ж, по большей части они пристраиваются в какую-нибудь компанию, которая, может быть, когда-нибудь пошлет их работать куда-нибудь за пределы нашей системы. А если нет — преисполняются мрачной решимости и начинают копить деньги на развлекательный космический круиз.

Иногда — чаще всего это бывает ночью, когда летишь над океаном, вдали от городского сияния — посмотришь вверх на звезды, и сердце прямо готово разорваться. А уж на Луне... последний раз я летал туда несколько месяцев назад — это был мне такой подарок на шестнадцатый день рождения — так у меня слезы даже потекли, какое там небо.

А сейчас я тормозил на тензорном анализе. Представляю себе, в какую тоску впал бы компьютер Образовательного Центра, раз за разом выдавая мне на экран одно и то же, обладай он человеческими эмоциями. Может, потому их в него и не заложили, эмоции эти самые?

— Мастер Снайдер, — возгласил телефон.

Отказываться от разговора со своим куратором как-то не принято: его — или ее — мнение может оказаться решающим, когда тебя будут оценивать, как потенциального студента Академии — да и любого серьезного заведения.

— Принимаю, — торопливо выпалил я и добавил, когда на экране появилось худое лицо: — Здравствуйте, сэр.

— Здравствуй, Джим, — сказал Снайдер. — Как дела?

— Вот, очень занят, — тонко намекнул я.

— Да уж. Такой ты, значит, настойчивый и трудолюбивый, что ли? Все показатели показывают, что такой работой ты себя и в гроб загнать можешь. Сменить занятие, сбавить темп — вот что тебе нужно. Даже необходимо.

Ну откуда, спрашивается, взялись по нашу душу специалисты, берущие на себя смелость распоряжаться твоей жизнью на основании твоего психопрофиля и своих шибко умственных теорий? Будь я подмастерьем кого-нибудь из торговцев Торгово-технической Лиги, плевал бы он с высокой колокольни на «оптимальную стратегию» моего развития. Он просто сказал бы мне: «Чинг, сделай то», или «Чинг, выучи се», а не получится у меня, так сразу я никакой не подмастерье, а свободный праздношатающийся гражданин, либо даже труп — ведь говорили бы мы с ним в далеком, незнакомом мире, среди чужих звезд. Звезд, понимаете?

Только к чему зря мечтать? Подмастерьев у Лиги меньше, чем волос у нейтрона, и почти все вакансии заполняются родственниками (это не столько грубая, примитивная семейственность, сколько глубокая вера, что родственник человека, умеющего выживать, имеет больше шансов выжить, чем случайно выбранный наземный малец). Так что я — самый заурядный студент, старающийся получить

место в Академии, а буде такое удастся — окончить ее, поступить на службу и, может быть, дорасти в конце концов до капитана.

— Говоря откровенно, — продолжал Саймон Снайдер, — меня крайне беспокоит твое безразличие ко внеучебным занятиям. Такое безразличие очень опасно для растущей личности.

Вот я и придумал некое мероприятие, вполне для тебя подходящее. К тому же это не просто забава, а настоящее дело, выполнение которого принесет честь и славу... — тут он улыбнулся, притворяясь, что притворяется, — всему образовательному комплексу мегаполиса Сан-Франциско.

— Времени нету! — взвыл я.

— Есть, и сколько угодно. Нельзя же учиться двадцать четыре часа в сутки, даже если врач разрешит глотать стимуляторы. Мозги от такого киснут. Делу, конечно, время, потехе час, только, где же у тебя, хоть час-то этот? Кроме того, Джим, здесь есть очень серьезное обстоятельство. Мне бы хотелось при обсуждении кандидатур с чистым сердцем упомянуть о твоем альтруизме, а не только о технических способностях.

Я обреченно расслабился, позволил креслу тоже расслабиться вокруг моего тела, и произнес радостным — во всяком случае, я на это надеялся — голосом:

— Расскажите, пожалуйста, поподробнее, мастер Снайдер.

— Я знал, что могу на тебя рассчитывать. — Он расплылся в улыбке. — Слышал о предстоящем Фестивале Человека?

— Об этом?.. Конечно, слышал! — с преувеличенным энтузиазмом завопил я, вовремя сообразив, насколько кисло прозвучал вопрос.

— Не вижу что-то особой радости, — подозрительно сощурился мой куратор.

— О, я обязательно посмотрю церемонию открытия, ну и музыку там, и театр, и всякое — когда будет случай. Только

мне нужно разобраться в этих преобразованиях из теории гипердрайва, а то...

— Боюсь, Джим, ты не совсем понимаешь значение Фестиваля. Он — не просто куча каких-то там представлений, он — утверждение.

Да слышал я это, слышал. Слышал так часто, что скулы уже от тоски сводило. Вы и сами, наверное, помните аргументацию устроителей: «Завоевывая звезды, человечество рискует потерять свою душу. Внеземные колонии раскалываются на новые нации, для которых Земля — даже не воспоминание, а нечто совсем смутное. Наши первопроходцы, наши торговцы рвутся все дальше и дальше, но ими движет не миссионерский дух, а тяга к приключениям и страсть к наживе. А тем временем Солнечное Содружество буквально захлестнули чужие — нечеловеческие — веяния, их источник — не только дипломаты, Дельцы, студенты и туристы, но и фальшивый блеск ложных идей, зародившихся вдали от колыбели и родного очага человечества. Да, согласны, в культурах этих чужаков много ценного, полезного, но гораздо больше там совершенно для нас неприемлемого и даже вредоносного, разрушительного, особенно в области искусства. Кроме того, они берут от нас гораздо больше, чем мы от них. Так давайте же гордо подтвердим этот непреложный факт. Давайте взовем к нашим истокам, к нашей исходной многоликости. Посадим новые корни в почву, взрастившую наших предков.

Сильно все это липой попахивало, но все-таки рассчитанная на целый год демонстрация прошлого Земли — картинки должны быть колоритными. Только какое же там серьезное значение? Будущее (думал я, благоразумно помалкивая в тряпочку) принадлежит космосу. Во всяком случае, личное мое — хотелось бы надеяться — будущее. Ну что мне до каких-то иссохших костей, во что их ни обряжай? Не подумайте только, что я презирал прошлое, не был я таким идиотом, даже в том возрасте. Просто я считал — все, что стоило бы сохранить, и само сумеет сохраниться, а

остальное — пусть себе угасает потихоньку. Ну вроде как брюхо — хорошее не лопнет, плохого не жалко.

Вот я и попытался объяснить куратору.

— Конечно же, я слышал про «культурный псевдоморфизм» и всякое в этом роде. Но не кажется ли вам, мастер Снайдер, что проблемой является как раз обратное? Вот, скажем, Адзель, это мой товарищ с Бодана, который занимается здесь планетологией. Так ведь это — наша, земная наука, а его народ — первобытные охотники, совсем недавно нами открытые. Адзель говорит на многих человеческих языках — они у него как-то очень быстро идут — а недавно обратился, ко всему прочему, в буддизм. Ведь это воданитам пора бить тревогу — как бы им не превратиться в этакое подобие землян. — Пример мой малость хромал — четырех-с-половиной-метрового дракона не так-то легко превратить в «этакое подобие землянина». Знал Снайдер это или не знал (кто же упомнит все расы, все миры, найденные уже в нашем крохотном уголке великого и прекрасного космоса?), только впечатления я на него не произвел.

— Многообразие внеземного влияния — даже оно одно нас деморализует, — отрезал он не терпящим возражения тоном. — Так вот, мне хочется, чтобы наш комплекс выступил на празднике достойно. Участвовать будут все организации, предприятия, клубы, церкви нашего мегаполиса, и я хочу, чтобы лидирующая роль принадлежала учебным заведениям.

— Но ведь так оно, кажется, и решено? Я хотел сказать, сэр, разве не идет уже подготовка мероприятий?

— Да, да, конечно, — нетерпеливо отмахнулся он. — В некоторой степени. В степени значительно меньшей, чем я ожидал от нашей молодежи. Слишком уж много среди вас космочокну... — он осекся, снова нацепил свою улыбку и так наклонился вперед, что еще чуть-чуть — и его изображение вывалилось бы из экрана. — Я тут думал, а что бы могли сделать мои собственные студенты. Относительно тебя есть

просто первоклассная идея. Ты будешь представлять китайскую общину Сан-Франциско.

— Ч-е-е-го? — удивленно проблеял я. — Н-н… н-н-но…

— Весьма древняя, почти уникальная традиция, — продолжал он, словно не заметив его испуга. — Твой народ живет в этих местах уже пять или шесть сотен лет.

— Мой народ? — Вся комната вокруг меня как-то перекосилась и закачалась. — То есть я хочу сказать… ну да, конечно, моя фамилия Чинь, и я ей горжусь. Ну и, может быть, какие-то комбинации хромосом делают меня немного похожим на предков. Но… ведь это же, сэр, полтысячи лет! Если во мне нет крови каждой человеческой породы, когда-либо существовавшей, то я — чудовищная статистическая флуктуация!

— Верно. Однако случайность, придавшая тебе внешность твоих монголоидных пращуров, очень нам на руку. Весьма немногие мои студенты могут похвастаться хоть сколько-нибудь различимыми расовыми признаками. Я пытаюсь подобрать им роли, исходя из фамилий, но даже это непросто.

«Да, — думал я с горечью, — конечно. По вашей логике любой по имени Марк-Антонио должен завернуться на празднике в тогу, а каждый Смит — выкраситься в синий цвет»[8].

— Специально для этого случая, — продолжал Снайдер, — создан местный комитет американцев китайского происхождения. Я бы рекомендовал тебе связаться с ними, может, там есть какие-нибудь мысли, информация. Не посоветуют ли они, в какой роли выступить тебе от имени нашей образовательной системы? Ну и, конечно же, Центральная библиотека, там столько исторического материала, что и за всю жизнь не прочитать. Тебе совсем не вредно познакомиться хоть с чем-нибудь, выходящим за пределы математики, физики и ксенологии… — По костлявому лицу куратора

[8] Древние обитатели Британских островов предпочитали для боевой раскраски синий цвет.

скользнула гримаса, и я в уме поставил ему «хорошо» за искренность. — Возможно, ты придумаешь передвижную платформу для шествия или еще что в подобном роде, для чего нужны технические знания и изобретательность. Это тоже будет плюсом при подаче заявления в Академию.

«Как же, плюсом, — подумал я, — особенно если я завалю из-за этой дури предварительные экзамены».

— И не забывай, — подытожил Снайдер, — что до начала Фестиваля осталось всего три месяца. О ходе своей работы докладывай прямо мне. И не стесняйся советоваться, просить о помощи — пожалуйста, в любое время. Ведь в этом и состоит моя главная обязанность — помогать вам развиваться целостными, многогранными личностями. Ну и все такое прочее.

Больше писать не буду, а то еще вытошнит.

Я позвонил Бетти Райфеншталь, но только затем, чтобы узнать, можно ли зайти. Головидео — оно, конечно, вещь хорошая, но только с голограммой нельзя держаться за руки, и запаха тоже не чувствуешь — ни запаха духов, ни запаха самой девушки.

Телефон отрапортовал, что Бетти будет только вечером. В результате у меня было более чем достаточно времени, чтобы основательно потрепать себе нервы. Не мог я прямо так вот взять и отказаться от участия в Снайдеровских игрищах. Право-то у меня было, конечно, и самое полное, и он не стал бы иметь на меня за это зуб — сознательно. Но и хвалить меня за энергию и командный дух он станет не так горячо, как мог бы, а ведь это очень важно при обсуждении кандидатур. С другой стороны, ну что я знаю про ориентальные цивилизации? Видел стандартные картинки, читал книгу-другую, когда проходили по литературе китайскую классику, ну, пожалуй, и все. Все мои знакомые и незнакомые имели такую же ориентацию (не каламбурю я, упаси Господь), как и я. А что до этих китайских американцев, американских китайцев...

Припомнив, что вроде бы в Сан-Франциско были когда-то особые этнические округа, я запросил Центральную библиотеку, за что и был вознагражден чертовой уймой материала по Чайнатауну — так именовался в прошлом этот район. Вполне возможно, что современникам это местечко представлялось живописным. (О дороги Цинтии, скользящие над верхушками самых высоких деревьев, освещенные лучами багряно-золотого солнца! Четверорукие барабанщики, громкой дробью возвещающие о совокуплении двух лун Горзуны! Дикие, свободные крылья под небом Ифри!) Тамошние обитатели встречали лунный новый год с фейерверками и шествием. Деталей было не разобрать — к тому времени, как информацию переписали в компьютер, все фотографии успели сильно выцвести, а рыться в сопроводительном тексте не хотелось.

Для меня обед — просто необходимая заправка топливом. Пробормотав нечто неопределенное родителям, которые никак не могут понять, почему это я стараюсь вырваться из такого приятного, безопасного мирка Солнечной системы, я полетел к Райфеншталям.

Полет немного меня успокоил, еще раз напомнив, что для чужаков вроде Адзеля самое настоящее чудо именно здесь, у нас. Куда ни посмотри — и на холмах, и по всему зеленому зеркалу Залива, и дальше, в океанских просторах, — везде искрятся и переливаются миллионы опущенных на землю звезд. Кое-где свет резко взмывает вверх, вырисовывает многорукую башню, в других местах он отступает, давая место влажной тьме парка или экоцентра. В прохладном, чуть затуманенном воздухе стоит несмолкаемый гул машин. Автоматическая система управления движением подвела меня настолько близко к аэробусу, что я смог заглянуть внутрь и увидел, что его пассажиры собрались со всего нашего земного шара и из многих мест за его пределами. Вот этот, пижонистый, наверняка с Луны, а там — приземистый синекожий альфазанец, астронавт, это видно по нашивке Братства. А вот бродячему купцу из Торгово-

технической Лиги никаких нашивок не надо, хватает обгоревшей под чужими солнцами кожи и выражения полной независимости на лице. Лицо это словно говорило: «а в гробу я вас всех видал» и преисполняло меня самой черной завистью.

Квартира Райфенштальей выходила на Голден Гейт. Я увидел вспышки и мерцание каких-то огоньков, до ушей донеслось отдаленное звяканье и шипение — шла круглосуточная работа по созданию копии этого древнего, обветшавшего моста. Бетти встретила меня у порога. Сегодня эта тоненькая, белокурая и, как правило, жизнерадостная девочка выглядела устало и озабоченно; пораженный, я даже не уделил подобающего внимания предельной — ну, скажем, минимальности — ее платья.

— Тсс, — предупредила она. — С папой здороваться не надо. Он в кабинете и очень злой.

Я знал, что мамы ее нет дома, она где-то там участвовала в работе над записью какой-то там современной музыки. А отец ее — дирижер Сан-Францискской Оперы.

Бетти провела меня в гостиную, усадила и заказала машине кофе. За прозрачной стеной комнаты бриллиантовой россыпью мерцали и переливались огни города, в небе — узенький серп Луны с крохотными светлячками селений на темном ее боку, несколько самых ярких звезд.

— Хорошо, что ты пришел. — Тоненькая фигурка четко вырисовывалась на этом драгоценном фоне. — Мне нужна жилетка, куда поплакать.

— Вот и мне тоже, — кивнул я. — Начинай уж ты первая.

— Папу очень жалко. Он совсем не в себе. Этот дурацкий Фестиваль...

— А? — Я пошарил в своем мозгу, но не нашел там ничего, кроме самого очевидного. — Он ведь, кажется, ставит для Фестиваля какую-то там Земную пьесу?

— Должен. Он работает каждый день, до не знаю, какого часа, смотреть жалко. Я помогала ему прослушивать старые пленки — не часы, а сотни лет музыки — и делать из них

выборку, чтобы представить ее пред светлые уши управляющих. Кончили только вчера, и мне было необходимо хоть немного поспать. Потому-то я и не разрешила тебе прийти раньше.

— Ну а в чем, собственно, проблема? — удивился я. — Ну ладно, вам пришлось попотеть, перебирая эти записи, но теперь-то, когда выбор сделан, остается только склеить все — и можно проигрывать. В крайнем случае — заменить кое-где древний язык на современный, но ведь у вас есть еще и мама, она сможет все перепрограммировать.

— Если бы так, — вздохнула Бетти. — А то ведь они — совет управляющих Оперы, а заодно и чиновники, заведующие Сан-Францискской частью Фестиваля — все они хотят, чтобы была не запись, а живое исполнение.

Краем уха я уже слышал что-то такое, но теперь Бетти объяснила мне подробнее. Мастер Райфеншталь первым возродил настоящие, живые постановки опер. Да, сказал он, у нас есть голографические записи игры величайших артистов, да, с помощью компьютеров мы можем создавать новые произведения и постановки, создавать их с точностью и совершенством, недоступным живому исполнителю. Только ни то ни другое не рождает новых художников с новыми артистическими концепциями, ни тот ни другой подход не оставляет места для индивидуального творчества — и это в наше время, когда Землю захлестывает поток новых идей, порожденных во всех уголках Галактики. Люди одаренные должны творить — иначе они бунтуют.

— Технические трюки хороши на своем месте, например при создании специальных эффектов, — говорил Райфеншталь. — Но не следует забывать, что придать жизнь музыке может только живой исполнитель.

Не считая себя особым эстетом, я, однако, при каждой возможности слушал его постановки. В них было что-то такое, чего нет ни в записях, ни в запрограммированных, смонтированных шоу.

— Папина страсть похожа на твою, — сказала Бетти в самом начале нашего знакомства. — Можно бы посылать в космос одних роботов, но люди летят сами, невзирая на риск. — А ведь до того разговора я считал ее чуть ли не дурочкой.

Сегодня она была как в воду опущенная.

— Слишком уж хорошо все получалось. Папа ставил современные вещи, а вся архаика шла в записях. Теперь им захотелось, чтобы он поставил что-нибудь историческое, это, значит, будет вклад Оперы в Фестиваль, а иначе, говорят, не будет проявлено достаточно уважения к человеческому этносу; а ведь мы — не сами по себе, а представители всего Сан-Франциско.

— А что, разве он не может? — немного удивился я. — Ясно, времени мало, как и у меня, но с учетом современной подготовки его труппа...

— Конечно, конечно, — раздраженно отмахнулась Бетти. — Только неужели ты не понимаешь, что и рутинный спектакль тоже не годится? Люди теперь привыкли к ярким зрелищам, во всяком случае, так говорят управляющие. Кроме того... понимаешь, Джимми, Фестиваль важен не только сам по себе. Если папин спектакль провалится, под угрозой будет его контракт. А не возобновят контракт — пойдут насмарку все его усилия приучить публику к настоящей живой музыке. И ему... — она опустила голову и договорила совсем уже тихо, — ...ему будет очень больно.

Бетти глубоко вздохнула и выпрямилась.

— Ну что ж, мы изложили свои предложения, теперь подождем, что скажет совет управляющих. Но ждать еще много дней, так что у тебя есть время поведать мне свои печали, — вымученно улыбнулась она, садясь напротив. — Валяй.

Что я и сделал.

— Смешно, правда? — криво ухмыльнулся я под конец своего повествования. — С одной стороны, твой отец должен поставить какой-нибудь ультраэтнический спектакль — зуб даю, они плясать будут от радости, если спектакль окажется

германским, под стать вашей фамилии — но ему почти нельзя пользоваться техникой, разве что по мелочам. А с другой стороны — я, мне тоже нужно состряпать нечто этакое, китайское, и чем аляповатее, тем лучше, только у меня просто нет времени на техническое оформление фейерверков и всего прочего. Может, нам объединить усилия?

— Как?

— Не знаю. — Я нетерпеливо поерзал на стуле. — Пошлика мы куда-нибудь, где можно развеяться, забыть про всю эту муть.

Я-то, собственно, думал полетать над океаном либо двинуть к мексиканской Калифорнии, где вода потеплее и можно купаться, а потом, может, зайти в какой-нибудь ресторан с инопланетной кухней, но не тут-то было.

— Да, — охотно согласилась Бетти, — мне тоже хочется побыть в спокойной, серьезной обстановке. Как ты думаешь, Адзель дома?

Стипендия, которую он всеми правдами и неправдами выбил на своей планете, на Земле оказалась более чем скромной — надо учесть, что на стипендию эту приходилось кормить теплокровное тело весом в добрую тонну. Он не мог позволить себе ни специального, для таких, как он, предназначенного помещения, ни вообще какой-либо квартиры в районе Клементского планетологического института. Вместо этого Адзель платил совершенно несуразные деньги за развалюху на окраине района Сан-Хосе. Единственным видом общественного транспорта, в который он мог втиснуться, был старый, дребезжащий монорельсовый поезд, ходивший один раз рано утром и один раз поздно вечером, в результате чего Адзель тратил уйму времени на проезд и еще больше — на пустое ожидание до и после занятий. Кроме того, я сильно подозревал, что он недоедает. Познакомились мы с ним на лекции по микрометрике, и я сразу начал о нем беспокоиться.

Адзель только отмахивался, он не разделял моих страхов.

— Шныряющего по степи охотника, каким я был когда-то, все это, Джимми, пожалуй, и разозлило бы. Но теперь, получив хотя бы самое малое просветление, я вижу, что все плотские невзгоды значат ровно столько, сколько мы сами им позволяем. Можно даже использовать их себе во благо. Лишения очень ценны. А что касается долгих ожиданий, так ведь это — удобнейший случай для углубления знаний или — что еще лучше — для медитации. Я научился даже не обращать внимания на зевак и очень рад, что укрепил в процессе свою внутреннюю дисциплину.

В наши дни пора бы и привыкнуть к инопланетянам, но Адзель был единственным воданитом на всей Земле. Так вот, возьмите такое вот существо: четыре ноги с копытами поддерживают хвостатую тушу, сверху туша эта покрыта зеленой чешуей и увенчана колючим гребнем, а снизу, со стороны брюха, она мягкая и золотистая; двухметровый торс с соответствующего размера руками поднимается к типично крокодильской физиономии, огромные клыки, толстые губы, костистые уши, печальные карие глаза... Возьмите такое существо, усадите его в некое подобие позы лотоса, заставьте сотни раз повторять «Ом-мани-падме-хум» густым, раскатистым басом профундо, и тогда посмотрим, сбежится на этакое зрелище толпа или нет.

При всей серьезности Адзеля в нем не было ни капли ханжества. Он любил хорошо поесть и выпить — когда было что, — особо предпочитая ржаное виски, каковой напиток он употреблял пивными кружками. В шахматы и покер с ним было лучше не садиться. Он очень хорошо пел — все, от родных своих напевов до человеческих народных баллад и самых последних популярных песенок. Адзель наотрез отказывался исполнять кое-что из своего репертуара, например «Эскимоску Нелл», в присутствии Бетти. Усердное изучение истории человечества привило ему до смешного анахроничную скромность. Шутки у него такие тонкие, что я не все их понимаю, а скорее всего не все и замечаю.

За все про все я очень любил Адзеля, страдал от его бедности и так и не сумел придумать никакого способа ему помочь.

Я посадил машину перед его домом. Рассыпающаяся халупа смутно чернела в густом тумане, освещенном лихорадочными отблесками каких-то далеких огней. От неумолчного, ничем не приглушенного шума грузового транспорта закладывало уши. Прежде чем выйти с Бетти из кабины, я прихватил парализующий пистолет.

Звонок у Адзеля давно сломался, но он быстро открыл на наш стук.

— Заходите, пожалуйста, заходите.

В лучах флюоресцентных ламп зеленые чешуйки сверкали, как изумруды. На нас пахнуло благовониями.

— А почему ты с оружием, Джимми? — Он недоуменно уставился на мой пистолет.

— Так ведь ночь, темно, — объяснил я. — В таком хулиганском районе...

— Да? — удивился мой тысячекилограммовый друг. — А меня вот никто еще ни разу не тронул.

Мы вошли. Взмахом руки он указал нам на циновки. Вся мебель комнаты состояла из этих циновок, пары дешевых столов и полок, лично сколоченных им из подобранных в мусоре досок и забитых книгами и кассетами. Старинная японская ширма — копия, конечно же, — закрывала дальний конец комнаты, где находились небольшая плита и хитрое, специально для него предназначенное канализационное устройство. На стенах — два свитка, горный пейзаж и сострадательный Будда.

Адзель засуетился, заваривая для нас чай. Он до сих пор не сумел привыкнуть к тесноте своей комнаты, дважды мне пришлось проявить чудеса ловкости, уворачиваясь от его хвоста (я ничего не сказал, иначе Адзель убил бы добрые полчаса на извинения).

— Я очень рад вас видеть, — прогудел он. — Однако из беседы по телефону я понял, что вы находитесь сейчас не в самых хороших обстоятельствах.

— Мы надеялись, что ты поможешь нам успокоиться, — сказала Бетти. Я лично чувствовал некоторое недовольство. Спору нет, Адзель — прекрасный товарищ, но неужели нам с Бетти не хватило бы для успокоения компании друг друга? Последние недели я и так почти ее не видел.

Адзель подал чай. Чайник у него был пятилитровый, но — благодаря, возможно, этим занятиям микрометрикой — мой далеко не миниатюрный друг прекрасно обращается с самыми крошечными и нежными чашками и способен провести чайную церемонию по полной программе. Чем он и занялся в приличествующей такому случаю тишине. Я внутренне кипел, как тот чайник. Прелестный, возможно, обычай, но разговор со Снайдером как-то не прибавил мне любви ко всем восточным традициям, вместе взятым.

В конце концов Адзель поставил флейтовую музыку, присел перед нами — то есть опустил на циновку заднюю часть туловища и привстал на передние колени — и торжественно произнес:

—= Прошу вас, друзья, поделитесь со мной своими бедами.

— Да мы их столько раз уже пережевывали, — сказала Бетти. — Я пришла сюда, чтобы мирно посидеть.

— Конечно, — с той же торжественностью ответил Адзель. — С величайшей охотой вас поддерживаю. Не хотели бы вы вместе со мной провести краткую трансцендентальную медитацию?

Вот тут уже я не выдержал.

— Нет!

Адзель и Бетти удивленно обернулись на этот истошный вопль, и я тут же начал оправдываться:

— Простите, пожалуйста... но... путаница все какая-то, и все идет наперекосяк и...

Огромная четырехпалая лапа опустилась на мое плечо и сжала его — мягко, чуть-чуть, совсем как мамина рука.

— Расскажи мне все, Джимми.

И тогда меня словно прорвало, я начал торопливо, взахлеб описывать свое нелепое, дурацкое положение.

— Снайдер просто не понимает, — закончил я. — Ему кажется, что все эти уравнения, факты можно освоить за несколько дней.

— А разве нельзя? Например, гипнопедия...

— Ну что ты говоришь, разве сам не понимаешь? Ну да, могу вызубрить все, как попка, но только знания эти не проникнут в меня до мозга костей — где им и следует быть. А потом на экзамене мне подкинут задачку, требующую оригинального мышления. И ведь обязательно подкинут — иначе как определить, сумею ли я справиться, если в космосе возникнет чрезвычайная ситуация.

— Или на незнакомой планете. — Длинная голова понимающе кивнула. — Да-а.

— Это не про меня — купцы, их приключения, — с горечью сказал я. — Но ведь и на регулярных транспортниках всякое бывает.

Некоторое время он смотрел на меня в упор, а затем пророкотал:

— Один знакомый говорит пару слов другому — так действует ваша техническая цивилизация, или я ошибаюсь? Зоту. Есть у тебя хоть какая возможность быстро справиться с этой задачей и вернуться к своей настоящей работе?

— Нет. Мастер Снайдер говорил о демонстрационном стенде или передвижной платформе для шествия. Для этого придется изучить культурную атмосферу, разработать общую схему, согласовать ее с местным комитетом, сконструировать эту штуковину — и упаси Бог, если она окажется малозрелищной либо малоэтнической, — затем построить ее, испытать, найти промахи конфигурации, исправить их и... А к тому же — какой из меня художник? Какую бы хитрую

механизму я ни сделал, вряд ли ойа окажется шибко впечатляющей.

— Адзель! — неожиданно вмешалась Бетти. — Ты же знаешь о Древнем Востоке гораздо больше нас. Может, у тебя есть какие предложения?

— Возможно, возможно. — Раздался звук, вроде как при работе рашпилем. Воданит задумчиво потер свой подбородок. — Мотивы... дайте-ка я посмотрю.

Он снял с полки какую-то книгу и начал ее перелистывать.

— В буддийском искусстве они имеют по преимуществу языческое происхождение — так же, кстати, как и в христианском... Гр-рр'м... Бетти, дорогая, пока я тут копаюсь, не хотела бы и ты облегчить свою душу?

Бетти сидела, стиснув пальцы и молча уставившись в пол. Решив, что лучше ей не мешать, я осторожно поднялся с циновки, подошел к Адзелю и заглянул ему через плечо — нет, конечно, через локоть.

— Вообще-то это не моя проблема, а папина, — нерешительно начала она. — Может быть, ее и нет вовсе, если один из выбранных нами вариантов будет принят. Но если нет... сколько еще можем мы исследовать материал и выдавливать из себя мысли? Времени не осталось, а ему нужно много времени, чтобы подобрать состав, провести репетиции, позаботиться об оформлении... Извините, — вымученно улыбнулась она, заметив непонимание Адзеля. — Я забегаю вперед. Мы...

— Стойте! — прервал ее я, хлопнув ладонью по странице книги. — Что это такое?.. Прости, Бетти.

Она мгновенно вскочила на ноги.

— Ты что-нибудь нашел?

— Н-не знаю. — От волнения я начал заикаться. — Н-но... Адзель, ведь это почти что ты. Что это?

— Лун. — Он прищурился, чтобы прочитать (умеет же!) мелкие иероглифы.

— Дракон?

— Так — и неправильно — назвали его европейцы. — Адзелю явно нравилось читать нам лекцию. — Настоящий дракон, порождение мифологий Ближнего Востока и Европы, он злое чудовище, символ разрушительных сил. В китайской и родственных ей традициях эти рептилиеобразные существа — представители сил добрых, благожелательных. Лун обитает в небе, ли в океане, а цяо — в горах и болотах. Но это — только основные, есть и другие, имеющие иные названия. Главный из них — лун, именно его изображали при различных церемониях....

Затрещал телефон.

— Подойди, пожалуйста, Бетти, — попросил Адзель, не желая прерывать свое повествование. — Наверное, хотят сообщить мне об изменении расписания занятий. Так вот, Джимми, обрати внимание на когти передних и задних лап. Их количество — важная классификационная характеристика...

— Папа! — вскрикнула Бетти. Скосив глаза, я увидел на экране Джона Райфеншталя, такого же печального, как и его дочь.

— Я очень надеялся тебя найти, — устало сказал он. Бетти говорила мне, что последние дни, уходя из дома, обязательно оставляет список телефонов, по которым ее искать. — Я только что окончил трехчасовую беседу с председателем совета, — продолжал Райфеншталь. — Они отклонили все наши предложения.

— Уже? — прошептала она. — Но почему, почему?

— По разным причинам. «Кармен» кажется им слишком местной, слишком привязанной к своему пространству и эпохе. В наше время почти никто не поймет, что движет ее персонажами. «Альфа Центавра» посвящена космическим путешествиям, а именно это и нежелательно. «Травиата» лишена зрелищности. Да, соглашаются они, «Гибель богов» заряжена мистическим смыслом, как им того и хочется, но вот она уже слишком картинна. Современная аудитория ее не примет, если только мы не придадим театральным

эффектам правдоподобие, но тогда эти эффекты уведут внимание зрителей от живых исполни-тел ей, которые должны быть в центре внимания, ведь мы прославляем человека. И так далее, и так далее.

— Да у них в головах сплошная каша!

— Но в их руках — сила. Ладно. Ну как, выдержишь ты еще несколько сот километров пленки?

— А куда же деться?

— Извините, пожалуйста, за непрошеное вмешательство, мастер Райфеншталь. — Все головы повернулись к Адзелю. — Мы незнакомы, но я давно восхищаюсь вашими работами. Скажите, пожалуйста, а вы не думали о китайской опере?

— Этим займутся сами китайцы, мастер... э-э... — дирижер смущенно замялся.

— Адзель. — Мой чешуйчатый друг вошел в поле зрения камеры, его клыки, обнажившиеся в дружелюбной улыбке, поблескивали — должен признать — весьма зловеще. — Считаю большой для себя честью познакомиться, сэр... э-э... сэр?

От ужаса Джон Райфеншталь задохнулся и побелел как полотно.

— П-п-прост-ти-т-те, п-пожалуйста, — прозаикался он, обретя наконец дар речи и стирая со лба обильный пот. — Мне и в голову не приходило, что вы... Понимаете, я тут все время думаю о Вагнере, а потом вдруг вижу перед собой Фафнира собственной персоной...

Я не знал ни Вагнера, ни всех этих имен, однако сразу все понял. Быстро переглянувшись, мы с Бетти издали торжествующий вопль.

Предвидя реакцию Саймона Снайдера, я настоял на личной встрече. Куратор восседал за письменным столом в окружении компьютеров, коммуникаторов и информационных систем.

— В чем дело, Джим? — на узких, плотно сжатых губах появилось некое подобие улыбки. — Вдохновение посетило?

Тебе не кажется, что один день — это очень мало, когда стоит такой серьезный вопрос?

— Хватило, — нагло ответил я. — Мы уже говорили с председателем китайско-американского комитета, сам он в восторге, но хотел бы заручиться вашим одобрением — ведь все будет происходить от имени учебных заведений.

— Мы? — нахмурился куратор. — У тебя что, появился напарник?

— Более того, сэр, он и есть основа проекта, даже — весь проект. Какое может быть китайское шествие без дракона? А какой бутафорский дракон может сравниться с настоящим? Мы возьмем этого воданита, наденем ему парик и фальшивые усы, на ноги — когти, чешую покроем лаком...

— Инопланетянин? — теперь Снайдер уже не хмурился, он презрительно усмехался. — Ты огорчаешь меня, Джим. Очень огорчаешь. Я ожидал от тебя совсем иного — что ты почувствуешь важность поручения, сумеешь приложить свои способности. Весь смысл Фестиваля в прославлении рода человеческого, а ты хочешь использовать чуждое нам существо. Нет. Боюсь, я никак не смогу...

— Подождите, пожалуйста, сэр, вы ведь не успели даже познакомиться с Адзелем. — Я вскочил со стула, распахнул дверь в прихожую и позвал: — Заходи.

Адзель начал заходить, он заходил метр за метром, пока в кабинете не стало тесно от чешуйчатого хвостатого тела, от шипов и клыков.

— Вы не представляете, сэр, как я рад этой возможности, — прогремел он, сжимая руку Снайдера своей огромной лапой и приветливо улыбаясь ему прямо в лицо. — Какой прекрасный случай выразить мое восхищение земной культурой и тем самым помочь прославлению вашей замечательной расы:

— М-мм, ну да, конечно, — обессиленно промямлил Снайдер.

Я заранее предупредил Адзеля, что ему нет нужды особо афишировать свой пацифизм и благоприобретенное на Земле вегетарианство.

— Я ни на мгновение не сомневался, сэр, — продолжил дракон, — что вы одобрите блестящую идею Джимми. Не хотелось бы скрывать от вас, что лично я имею еще один побудительный мотив — местная ассоциация владельцев ресторанов обещала кормить всех участников репетиций. Имея крайне скудную стипендию, — язык, которым он облизнулся, промелькнул в двух сантиметрах от хрящеватого носа Снайдера, — я сильно недоедаю.

И ведь чистейшая правда, хотя, может быть, и не вся. Иначе Адзель просто не мог. Не сдерживаемый подобными условностями и предрассудками, я наклонился к уху куратора.

— Не бойтесь, сэр, он, конечно, легко возбудим, но вполне безопасен, если никто его не расстраивает.

— Ну что ж, — Снайдер откашлялся, отодвинулся назад, тут же уперся в компьютер и снова откашлялся. — Ну что ж, э-э-э... да. Да, Джим, твоей идее нельзя отказать в оригинальности. В ней есть нечто такое, — он болезненно сморщился, но сумел наконец выдавить из себя, — ...нечто, показывающее мне, что ты... — он опять на мгновение смолк и закончил, глядя на меня с нескрываемой уже ненавистью: — Что далеко ты пойдешь.

— Очевидно, вы зафиксируете свое мнение? — невинно поинтересовался Адзель. — Вы прямо сейчас и занесете его в личное дело Джимми?

Я с трудом дождался конца этой — крайне, конечно, необходимой — процедуры. У Бетти, ее отца и моего приятеля была назначена сегодня беседа с председателем совета управляющих Сан-Францискской Оперы.

Шествие прошло «на ура». Вне себя от восторга, местные торговцы решили возобновить древнюю традицию встречи лунного Нового года. Адзель будет непременным участником этих праздников — до своего, конечно, отъезда. В

вознаграждение мой товарищ получил неограниченную возможность кормиться в китайском ресторане «Серебряный дракон» — на туристах торговцы заработают гораздо больше.

Постановка вагнеровского «Зигфрида» имела гораздо большее значение — во всяком случае, губернатор Сан-Франциско сказал, что она имеет очень большое значение.

— Не говоря уж о возвращении к жизни музыкального шедевра, столетиями пребывавшего в забвении, — провозгласил он в своей речи перед последним представлением оперы, — гений Джона Райфеншталя проявился и в подборе исполнителей, чем придал Фестивалю Человека новую, неожиданную глубину. Райфеншталь напоминает нам, что поиски корней и гордость своим прошлым несовместимы с шовинизмом. Мы должны всегда протягивать руку дружбы всем нашим братьям по разуму изо всех уголков великого Божьего мира.

А то, договорил я за него, они еще потеряют охоту прилетать на Землю и тратить здесь свои деньги.

Шутки шутками, но что-то в его словах было. Кроме того, опера и сама по себе стала сенсацией; думаю, в ближайшие годы последуют постановки всего Кольца Нибелунгов и у нас, и по всему Содружеству, причем мастеру Райфенштalю в любой момент обеспечено место режиссера-постановщика, а Адзелю — исполнителя роли Фафнира. С оплатой, конечно же, по высшему разряду.

Но я всего этого не увижу. Не будет меня здесь. После благополучного завершения всех хлопот мы с Бетти и Адзелем устроили грандиозную гульбу в его новой квартире. Приняв пятый магнум шампанского, он посмотрел на меня слегка разъезжающимися глазами и изрек:

— Джимми, при всех моих стараниях я никак не мог найти подходящий способ выразить свою к тебе любовь, хотя бы частично отблагодарить твою участливость и доброту.

— Ну, о чем ты там, — смущенно пробормотал я, воспользовавшись паузой — если можно так назвать время, пока он громоподобно икал.

— Дело в том, — Адзель поучающе покачал огромным своим пальцем, — что только плохой друг может преподнести опасный подарок. — Он выстрелил очередной пробкой, а затем наполнил наши бокалы и свою пивную кружку. — Я хочу сказать, Джимми, что знал, конечно же, о твоем желании отправиться в глубокий космос, и не в роли извозчика по наезженным маршрутам, но открывателем, пионером. Однако все время оставался вопрос — справишься ли ты с неожиданными обстоятельствами?

Я разинул рот, но не смог произнести ни слова, только глядел на Адзеля и пытался справиться с бешеным сердцебиением. Бетти крепко сжала мою руку.

— Но ты убедил меня, что справишься, — продолжил не совсем трезвый дракон. — Вряд ли мастер Снайдер даст тебе наилучшую характеристику для Академии, но это неважно. Изобретательность и, я вполне могу сказать, твердость, проявленные тобой при разрешении этой проблемы, убедили меня, что ты, Джимми, из тех, кто умеет выжить в любых условиях. — Он опрокинул еще пол-литра пузырящейся жидкости и только тоща завязал на своем подарке бантик. — Я здесь по стипендии, предоставленной Лигой, и, конечно же, имею в Лиге знакомства. Переписываюсь кое с кем. Некий Мастер-Купец, с которым у меня прекраснейшие отношения, будет в самое ближайшее время подыскивать себе подмастерье. Моей рекомендации ему вполне достаточно. Тебя интересует такая возможность?

Я буквально рухнул на руки Бетти. Она говорит, что обязательно полетит вместе со мной, — как-нибудь уж исхитримся.

Некоторые замечания о лейтмотиве

Любой, кто хоть что-то смыслил в науке, знал, что получение энергии из атомного ядра невозможно. Тут и была открыта цепная реакция.

Как легко можно доказать, излучатели энергии — «лучей смерти» в популярной фантастике — неизбежно будут раскаляться сами, а не сжигать мишень, что сделает их неприменимыми на практике. Тут кто-то изобрел лазер.

Общеизвестно, что для создания ускорения космический корабль должен выбрасывать вещество, а его команда будет страдать от перегрузки все время, кроме периодов свободного падения, не говоря уже о том, что нечего и мечтать о маневрировании в космосе. Но нашлись иконоборцы, которые придумали способ использовать положительные и отрицательные гравитационные поля.

При скорости корабля меньшей, чем скорость света, путешествие к звездам требует столетий. Поэтому другие солнца и их планеты недостижимы для человечества Уравнения Эйнштейна доказывают это со всей очевидностью. Но был открыт квантовый надпрыжок, и тут же сверхсветовые корабли заполонили Галактику.

Одно за другим рушились непреодолимые препятствия: самые основополагающие законы природы, как выяснилось, имели набранные мелким шрифтом примечания, и непочтительные исследователи перепиливали одну за другой решетки, препятствующие выходу человечества на свободу. Теперь уже требовалась изрядная неосторожность, чтобы утверждать, будто существует абсолютно незыблемая истина или принципиально недостижимая цель.

Я как раз такой чудак. Поэтому я утверждаю, прямо и недвусмысленно, что существуют некоторые вечные жизненные ценности. Это, конечно, человеческие ценности, Mutaiis mutandis[9], возможно, они также являются ценностями и для любого мыслящего вида на любой обитаемой планете Вселенной, но я не настаиваю на этом утверждении. На чем я настаиваю — это что человек, дитя Земли, живет по определенным неизменным законам.

К ним относятся:

Первый закон Паркинсона: объем любой работы увеличивается, пока не окажутся заняты все имеющиеся в наличии сотрудники.

Второй закон Паркинсона: траты растут вместе с доходом.

Откровение Старджена: девяносто процентов всего — дрянь.

Закон Мэрфи: все, что может испортиться, испортится.

Четвертый закон термодинамики: на любое дело нужно больше времени и денег, чем планировалось.

Мое утверждение не столь безответственно, как может показаться: приведенные характеристики образуют часть моего определения человека.

Вэнс Холл

Комментарии к «Философии» Ноя Аркрайта

1

— Нет!

Рибо, отпрыск Легнора, Гилригорский Страж Границы, отпрянул от рисунка, как если бы тот внезапно ожил.

— О чем ты только думаешь? — выдохнул он. — Сожги это! Сожги немедленно! — Его дрожащая рука указала на большую жаровню: выбивавшиеся из нее язычки пламени слегка разгоняли сумрак, сгустившийся в приемном зале. —

[9] Mutatis mutandis (лат.) — изменив то, что требуется.

Кинь его в огонь! И я ничего не видел, а ты мне ничего не показывал. Ты понял?

Дэвид Фолкейн выпустил из рук листок бумаги с наброском. Тот медленно спланировал на стол — все-таки атмосферное давление на этой планете было на четверть больше земного.

— Да что... — его голос по-дурацки сорвался. Злость на себя вытеснила страх. Дэвид расправил плечи и решительно посмотрел в глаза айвенгца. — В чем дело? Это же просто рисунок!

— Ты нарисовал малкино! — Рибо содрогнулся. — А ведь ты не Посвященный и даже не принадлежишь к нашему виду.

Фолкейн во все глаза смотрел на инопланетянина — как будто потомок землян мог что-нибудь прочесть на этом нечеловеческом лице. В тусклом красном солнечном свете, косо падавшем из узких окон, Рибо больше походил на льва, чем на Homo sapiens, да и это сходство было отдаленным. Его тело лишь в общих чертах напоминало человеческое: две руки, две ноги, короткое и широкое туловище. Конечности были мощными и длинными, ходил Рибо, наклонившись вперед, так что, несмотря на его более чем двухметровый рост, Дэвид мог смотреть ему в лицо, не задирая головы. Каждый из трех оканчивавшихся острыми черными когтями пальцев на руке айвенгца имел на один сустав больше, чем у человека, а большие пальцы смотрели наружу. Покрывавший все тело инопланетянина рыжий мех походил на жесткие перья — каждый волосок имел несколько мохнатых отростков. Лицо было плоским, нос отсутствовал вовсе — дыхательные отверстия располагались по бокам мощных челюстей. Но если и можно было что-то прочесть в огромных зеленых глазах и в выражении неожиданно подвижного, почти женственного рта, этому препятствовала затеняющая лицо косматая каштановая грива — начинаясь на массивной круглоухой голове, она спускалась до середины мускулистой спины. Оканчивающийся

кисточкой хвост нервно подергивался. Пара коротких кольчужных штанов и кожаная перевязь с тяжелым боевым топором подчеркивали экзотическую внешность хозяина замка.

Тем не менее, как было известно Фолкейну, мозг инопланетянина был развит ничуть не меньше, чем его собственный. Беда была только в том, что развивался он не на Земле. К тому же, в дополнение ко всем эволюционным различиям, разум айвенгца сформировала культура, до конца не понятная ни одному человеку... Так в какой же мере можно рассчитывать найти общий язык?

Юноша облизал потрескавшиеся в сухом холодном воздухе Айвенго губы. Его рука не коснулась бластера, но он внезапно осознал, как приятно ощущать на бедре солидную тяжесть оружия. Преодолевая растерянность, Дэвид выдавил из себя:

— Я приношу извинения, если мои действия оказались оскорбительны. Ты должен понять, что чужестранец может нарушить обычаи по неведению. Не объяснишь ли ты мне, в чем Дело?

Напряжение немного отпустило Рибо. Его глаза, более чувствительные к низкочастотной части спектра, обшарили углы зала, скрытые тенями от не столь острого взгляда гостя. Но никто не прятался за покрытыми причудливой резьбой каменными колоннами. Кроме языков пламени в жаровне и струйки едкого дыма, в просторном помещении все было недвижимо. Снаружи — Фолкейн неожиданно ощутил, как далеки от него эти свободные просторы, — бесконечный ветер завывал в горах вокруг Гилригора.

— Да, — ответил Страж Границы, — я понимаю, что ты действовал по незнанию. Ты можешь не сомневаться в моем дружеском к тебе расположении — не только потому, что ты в настоящий момент мой гость, но и ради того глотка свежего воздуха, которым ты и твои спутники оказались в нашей затхлой стране.

— Которым мы могли бы оказаться, — поправил его Фолкейн. — Будущее зависит от того, останемся ли мы в живых, не забудь. А это, в свою очередь, зависит от твоей помощи. «Хорошо сказано, — поздравил себя юноша — Вот слышал бы это Шустер. Может быть, тогда он перестал бы бубнить, что из меня никогда не получится торговец, если я не научусь как следует управляться со словами».

— Я не смогу помочь вам, если с меня живьем сдерут кожу, — резко ответил Рибо. — Сожги это, говорю.

Фолкейн, прищурившись, всматривался в свой рисунок. На нем была изображена большая платформа на колесах, в которую можно было бы запрячь двадцать фастиг. Всю дорогу от космического корабля до замка он предвкушал, как потрясен и обрадован будет его благородный хозяин. Он уже видел себя не Дэви-на-побегушках, не Дэви-прислугой-за все, подмастерьем и бесплатным слугой господина торгового агента Мартина Шустера, а Фолкейном с Гермеса, Прометеем, даровавшим благодарным жителям Ларсума великую идею колеса. «Что же здесь не так?» — растерянно подумал он. Эта мысль тут же, с характерным для его семнадцати лет максимализмом, приобрела обобщенную форму: «Почему все всегда выходит не так?»

Дэвид по инкрустированному раковинами полу подошел к жаровне и бросил рисунок в огонь. Листок вспыхнул, съежился, превратился в пепел. Обернувшись к Рибо, Фолкейн заметил, что тот окончательно успокоился. Страж Границы налил в кубок вина из графина на столе и выпил его одним глотком.

— Хорошее вино, — пророкотал он. — Хотел бы я, чтобы ты составил мне компанию. Так печально, когда не можешь предложить гостю угощение.

— Ты же знаешь, ваша еда — для нас яд, — ответил Фолкейн. — Кстати, это одна из причин, почему нам необходимо перевезти работопроизводитель из Гилригора на наш корабль, и не откладывая. Но все же объясни мне, что плохого в устройстве, которое я нарисовал? Его легко построить.

Такие устройства — мы называем их повозками — одно из самых важных изобретений моего народа. Во многом благодаря им мы стали больше чем просто...

Фолкейн оборвал себя прежде, чем слово «дикари» или «варвары» сорвалось с его языка. Ведь наследственная должность Рибо — Стража Границы — как раз и обязывала его следить за тем, чтобы племена дикарей оставались по свою сторону гор Касун. Ларсум — цивилизованная страна, с развитым сельским хозяйством, металлургией, городами, дорогами, торговлей, грамотным населением.

Со всеми достижениями цивилизации. — кроме колеса. Жители переносили грузы на спине или перевозили их на вьючных животных, на лодках, на волокушах, зимой на санях — только не на колесных повозках. Задумавшись обо всем этом, Дэвид припомнил, что даже и катки никогда не использовались.

— Идея заключается в том, что круглые предметы катятся, — рискнул он продолжить тему.

Рибо начертил в воздухе магический знак, отвращающий зло.

— Лучше не будем говорить об этом. — Но тут же с солдатской расторопностью передумал. — Однако я должен тебе объяснить, ничего не поделаешь. Видишь ли, малкино — слишком священный предмет, чтобы употреблять его для низких житейских надобностей. Наказание за нарушение закона — смерть, с провинившегося сдирают кожу: иначе гнев Бога падет на всю страну.

Фолкейн вступил в очередное сражение с чужим языком. Ознакомительные ленты на борту «Что за веселье» позволили ему освоить разговорную речь, но не могли передать семантических тонкостей — первая экспедиция на Айвенго пробыла на планете недостаточно долго для этого. Произнесенное Рибо слово, которое Дэвид мысленно перевел как «священный», подразумевало больше, чем просто принадлежность к религиозным понятиям: в нем звучали

обертоны могущества, маны[10], еще чего-то невыразимого. Ладно, Бог с ним.

— Что такое малкино!

— Это... это круглое. Я не могу его тебе нарисовать — это позволено только Посвященным. Это нечто абсолютно круглое.

— А, понятно. Мы называем это «круг» или, если речь идет об объемном предмете, «сфера». Колесо тоже круглое. Ну, я думаю, можно бы сделать колесо и слегка неправильной формы.

— Нет. — Рибо встряхнул гривой. — Если только форма не станет столь неправильной, что колесо уже не сможет катиться. Даже если бы Посвященные и позволили — а я совершенно уверен, что они не позволят и из-за своей вражды к вам, и из-за приверженности догме, — крестьяне так перепугаются, что разорвут вас на части. — Взгляд светящихся в полумраке глаз Рибо переместился на бластер Фолкейна. — Да, конечно, у вас могучее оружие, выбрасывающее огонь. Но вас всего четверо. Что вы сможете против тысяч воинов, стреляющих в вас, прячась за холмами и деревьями?

Фолкейн припомнил увиденное — сначала в Эске, потом во время своей поездки на запад вдоль Дороги Солнца и теперь в замке. Все архитектурные формы состояли из резко очерченных многоугольников. Мебель и утварь были или квадратными, или вытянутыми. Даже самые изысканные драгоценности, вроде золотого кубка Рибо, включали в свои орнаменты лишь вытянутые эллипсы или небольшие дуги.

Дэвид почувствовал растерянность.

— Почему? — хрипло спросил он. — Что делает эту... эту форму... столь священной?

— Ну... — Рибо тяжело опустился в кресло, обвив хвостом его ножку. Его рука поглаживала восьмигранную рукоять топора, и он не смотрел на Фолкейна. — Ну... древние

[10] Мана — в верованиях народов Меланезии и Полинезии сверхъестественная сила, присущая некоторым людям, животным, предметам.

обычаи. Я, конечно, грамотен, но все же не ученый. Посвященные могли бы рассказать тебе больше. Дело в том, что... Круг и шар — знаки Бога. В каком-то смысле они и есть Бог. Ты видишь их на небе. Солнце и луны — шары. Наш мир тоже круглый, хотя и не вполне, и Посвященные говорят, что другие планеты имеют такую же форму, а звезды размещаются в огромной сфере — Вселенной. Все небесные тела движутся по окружностям. Наконец, круг и сфера — совершенные формы. Не так ли? А все, что совершенно, — прямое проявление Бога.

Фолкейну были понятны эти рассуждения — он немного был знаком с классической греческой философией. Несмотря на то, что колония на Гермесе давно отделилась от Земли и образовала независимое герцогство, там гордились древним наследием и обучали космогонии в школах. Дэвида так и подмывало выпалить: «Ты ошибаешься! Ни одна планета или звезда не имеют правильной сферической формы, их орбиты — эллипсы, да и вообще, ваше солнце — паршивый красный карлик — вовсе не центр Вселенной. Я был в космосе, и я знаю!» — но бесконечные наставления Шустера научили его осторожности, и он сдержался. Он ничего бы не добился своими разоблачениями, только усугубил бы вражду жрецов, а может быть, и превратил во врага Рибо, который пока что был настроен дружелюбно.

Как можно доказать что-то, если это идет вразрез с традицией, которой три или четыре тысячи лет? Ларсум — изолированная страна, отделенная горами, пустыней, океаном и воинственными дикарями от остального мира. Сюда доходят лишь смутные слухи о том, что происходит за ее пределами. С точки зрения Рибо, единственное разумное объяснение появления лишенных меха чужаков с клювами, торчащими надо ртами, — это что они прилетели с какого-то отдаленного континента. Памятуя отчеты первой экспедиции о том, как встревожены и возмущены были Посвященные в Эске сообщением, что корабль прилетел со звезд, как яростно они отрицали самую возможность этого, Шустер

настойчиво предостерегал своих спутников от обсуждения данной темы. Да и вообще, единственное, что сейчас имеет значение, — успеть убраться с планеты прежде, чем все они умрут с голода.

Плечи Фолкейна ссутулились.

— В своих странствиях мой народ давно постиг, что бесполезно оспаривать религиозные верования других, — сказал он. — Ну что же, раз колеса запрещены — так тому и быть. Но тогда что же нам делать?

Рибо ответил Дэвиду на редкость проницательным взглядом. Он не был тупоголовым средневековым бароном, понял землянин. Древняя цивилизация этой страны придала определенный лоск сословию воинов и даже крестьянам, ремесленникам и купцам, не говоря уже о Посвященных — жрецах, летописцах, поэтах, художниках, инженерах и ученых. Рибо, отпрыска Легнора, можно было бы сравнить с древним самураем, если бы параллели с земной историей были уместны. Он сразу же уловил принцип колеса, и все же...

— Пойми, и я, и многие другие из моего народа более чем просто расположены к вам, — тихо произнес Рибо. — Когда несколько лет назад прилетел первый корабль, вся наша земля словно осветилась. Многие из нас надеялись, что это будет означать конец... некоторых ненавистных ограничений. Цивилизованные пришельцы могли бы дать нам новое знание, новое могущество, открыть новые перспективы — здесь, в нашем мирке, где ничто не менялось более двух тысячелетий. Я искренне хочу помочь вам — не только в ваших интересах, но и в своих собственных.

Помимо необходимости соблюдать такт, Фолкейн испытывал отвращение при мысли о том, что он должен сказать своему хозяину: Торгово-техническая Лига не заинтересована в торговле с Ларсумом, да и вообще с Айвенго. Здесь нет ничего, что другие миры не производили бы лучше и дешевле. Первая экспедиция оказалась здесь просто в поисках места для ремонтной станции: планета всего лишь

имеет наиболее здоровый климат в этом уголке Галактики. Участники первой экспедиции обнаружили с орбиты район, показавшийся наиболее цивилизованным, — Ларсум, приземлились, вступили в контакт с населением, выучили язык и немного изучили обычаи, затем попросили разрешения на строительство здания, куда никто, кроме таких же путешественников, как они сами, не сможет проникнуть.

Такое позволение с неохотой, но все же было дано: не столько ради металлов, предложенных в уплату, сколько из-за боязни Посвященных, что отказ вызовет восстание подданных. Все же Посвященные настояли на возможно большем удалении строительства от столицы — чтобы свести к минимуму число жителей Ларсума, осквернённых соприкосновением с чужими идеями. Закончив работы и произвольно присвоив планете имя, первая экспедиция отбыла. Собранные ею данные, вкупе с образовательными лентами, были переданы на все корабли, летавшие в направлении Плеяд. Команды звездолетов надеялись, что эти знания им никогда не понадобятся, но одному из них — «Что за веселье» — не повезло.

Фолкейн ограничился тем, что сказал:

— Не вижу, чем ты можешь нам помочь. На чем эту штуку можно переправить, кроме как на платформе?

— А нельзя ли ее разобрать, перевезти по частям, а потом собрать на корабле? Работников для этого я бы нашел.

— Нет. — Проклятье! Как можно объяснить конструкцию термоядерного генератора существу, никогда в жизни не видевшему даже мельничного колеса? Тупик, из которого нет выхода. — Кроме небольших внешних приспособлений, отсоединить ничего нельзя — по крайней мере, без сложных инструментов, которых у нас нет.

— Ты уверен, что вес слишком велик для волокуши?

— Боюсь, это так — уж очень плохи дороги в здешних местах. Если бы еще сейчас была зима, можно было бы попробовать использовать сани. Но мы умрем от голода гораздо раньше, чем выпадет снег. Подошла бы и баржа, но

поблизости нет судоходных рек, а если строить канал, мы не доживем до окончания строительства.

Уже не в первый раз Фолкейн проклинал строителей ремонтной станции — что стоило им оставить, вместе с другим оборудованием, антиграв? Но ведь на каждом корабле есть собственный, а то и несколько. Кто мог предположить отсутствие у «Что за веселье» действующего оборудования или то, что корабль не сможет приземлиться рядом с ремонтной станцией? Даже если бы все это и пришло кому-нибудь в голову, никто не усомнился бы в возможности, если нужно, построить платформу для перевозки груза. Хотя ксенологи и заметили, что местные жители не используют колес, они не поинтересовались причиной этого... Станция была оснащена всем необходимым, включая портативный кран для погрузки и разгрузки тяжестей. Она была настолько хорошо оснащена, что строители не сочли нужным оставить запасы продовольствия — ведь любой звездолетчик, добравшись до ремонтной станции, в считанные дни мог привести в порядок все механизмы жизнеобеспечения своего корабля.

— И, как я понимаю, ни один корабль твоего народа не появится здесь вовремя, чтобы спасти вас, — продолжал Рибо.

— Нет. Расстояния, на которые мы путешествуем, превосходят всякое воображение. Мы направлялись в далекий пограничный мир — страну, по-вашему. Чтобы сбить с толку конкурентов, мы отбыли втайне. Никто не ожидает нашего появления там, куда мы летели, а наши начальники дома не рассчитывают, что мы вернемся раньше, чем через несколько месяцев. К тому времени, когда они забеспокоятся и начнут нас искать — а на то, чтобы навести справки всюду, где мы могли бы приземлиться, уйдут еще многие недели, — еда у нас давно кончится. Наши запасы продовольствия невелики — нам ведь нужно было загрузить как можно больше ценных товаров для... э-э...

— Для подкупа. — Звук, который сопровождал эти слова, мог бы сойти за смешок. — Понятно. Ну что ж, нужно

придумать что-нибудь еще. Повторяю, я сделаю все, чтобы помочь вам. Здание было построено здесь, а не в другом пограничном районе, потому что я настоял на этом — и сделал я так именно потому, что надеялся получше узнать вас, путешественников. — Рука Рибо снова легла на рукоятку топора. Фолкейн еще раньше заметил, что все лезвия у местных орудий насажены на рукояти после нагрева, — остывая, металл сжимался и плотно охватывал древко. Теперь он понял почему: использование круглых заклепок было бы святотатством. Рибо хриплым голосом продолжал: — Я достаточно благочестив, но я не могу поверить, будто Бог хотел, чтобы Посвященные навеки сделали жизнь Ларсума неизменной. Когда-то в нашей стране был век героев — еще до того, как Урато объединил горцев и жителей равнин под своей властью. Такой век может наступить вновь, если нам удастся сбросить оковы.

Поняв, что сказал лишнее, Рибо поспешно добавил:

— Впрочем, давай лучше не будем касаться столь высоких материй. Валено другое: как доставить этот ваш работопроизводитель к кораблю. Раз уж мы с тобой не можем придумать, как сделать это, не нарушив закона, может быть, это удастся твоим спутникам? Передай им, что Гилригорский Страж Границы не может разрешить сооружение... плат... платформы, хотя и остается их искренним доброжелателем.

— Спасибо, — пробормотал Фолкейн. Внезапно ему показалось, что в сумрачной комнате нечем дышать. — Я завтра же и отправлюсь.

— Так скоро? Твой путь сюда был труден, а переговоры не принесли успеха. До Эски далеко, и, если ты отдохнешь здесь день или два, разницы это не составит.

Фолкейн покачал головой:

— Чем скорее я вернусь, тем лучше. У нас совсем мало времени, ты же знаешь.

2

Отдохнувшая верховая фастига — чуть побольше лошади, длинноухая, длинномордая, с похожей на перья шерстью, громким голосом и своеобразным смолистым запахом — ждала Фолкейна на крестообразном дворе. К седлу были привязаны поводья сменного верхового и вьючного животных. Воин, в кожаном, с металлическими заклепками нагруднике и таком же подобии шлема на могучей гриве, вооруженный копьем с широким наконечником, держал узду. Вокруг толпились любопытные: привратник в черно-желтой ливрее, одетые в лохмотья крестьяне, растрепанная служанка. Двор окружали приземистые каменные строения, служившие внешними укреплениями замка, соединенные крепостной стеной с воротами в ней. На каждом углу большого квадрата вздымались вверх сторожевые башни, четко вырисовываясь на фоне глубокого зеленоватого неба.

— Так ты определенно не хочешь взять с собой охрану? — спросил Рибо.

— Но ведь ехать одному достаточно безопасно?

— Грр... Думаю, что безопасно. Я слежу за тем, чтобы воины присматривали за порядком на дорогах. Да пошлет тебе Бог быстрое и благополучное путешествие.

Фолкейн, в соответствии с ларсианским обычаем, пожал хозяину руку. Непривычно расположенный большой палец айвенгца делал рукопожатие нелегким для человеческой руки. Еще мгновение Дэвид и Рибо пристально смотрели друг на друга.

Мороз заставил Фолкейна надеть на себя толстое негнущееся одеяние, скрывавшее ею по-юношески тонкую фигуру. Дэвид был светловолос и голубоглаз, с курносым веснушчатым носом на круглом лице. Собственная внешность служила для него постоянным источником тайных мучений: сын барона с Гермеса должен быть тощим и стремительным. Правда, он всего лишь младший сын, к тому же умудрившийся оказаться выгнанным из военно-

технической Академии. Провинность его была ерундовой, да и выплыло все наружу по чистой случайности, но все же отец Дэвида решил, что ему лучше поискать другое занятие. Так Дэвид отправился на Землю и стал подмастерьем Мартина Шустера из Торгово-технической Лиги — и теперь вместо приключений и славы, положенных космическому торговцу, на его долю приходился тяжелый труд и еще более трудное обучение. Поэтому-то он так обрадовался, когда начальник поручил ему в одиночку добраться до ремонтной станции и организовать с помощью местных жителей доставку генератора! Какая жалость, что он не может задержаться здесь еще ненадолго!

— Спасибо тебе за все, — сказал Фолкейн. Он вскочил в седло — с меньшей грацией, чем ему бы хотелось, поскольку тяготение на Айвенго на 15 % превосходило земное. Воин отпустил поводья, и Дэвид выехал из замка через восточные ворота.

К стенам крепости жалась деревушка из дощатых домиков под дерновыми крышами. За селением тропа, гордо именовавшаяся Дорогой Солнца, круто шла вниз, к лежащей вдалеке долине Траммины. Рытвины, заросли сорняков и камни, год за годом приносимые с верхних склонов тающими снегами, делали путешествие нелегким. Спуск сменился подъемом, и, обогнув скалистую вершину холма, дорога пошла вверх к перевалу.

Фолкейн посмотрел на юг. Белевшее вдали здание ремонтной станции казалось представшими взгляду изгнанного Люцифера вратами рая. Других признаков присутствия человека, кроме, конечно, самого Дэвида, видно не было: кругом только жесткая серая трава и покрытые колючками деревья, редкие стада на склонах холмов, охраняемые верховыми-пастухами. Позади поднимались неприступные снежные пики гор Касун, стеной отгораживая Ларсум от остального мира. Над ними призрачным светом сияла единственная огромная луна. Солнце только что поднялось над горизонтом, окрасив небо в янтарный Цвет.

Тоскливый вой ветра, бившего в лицо Дэвида, заставил того поежиться. Климат на Айвенго не такой уж суровый, весна ощущалась даже в этих северных широтах, а плотная атмосфера давала заметный парниковый эффект. И все же кровавый свет красного солнца оставлял ощущение вечного холода. Стук копыт фастиги по камням только подчеркивал окружающее безлюдие.

Забыв о благородной сдержанности, которая пристала Фолкейну Гермесскому, благородному торговцу, Дэвид вытащил из кармана рацию и включил ее. В сотнях километрах от него загудел сигнал вызова.

— Алло, — тонким голосом сказал Дэвид, — алло, «Что за веселье». Есть там кто-нибудь?

— Si, — донесся голос инженера Ромуло Паскуаля, — это ты, Дэви muchacho[11]?

Фолкейн был так рад даже такой компании, что не обратил внимания на покровительственный тон.

— Да, это я. Как дела?

— Как всегда. Криш не в духе. Мартин опять отправился в храм. Он говорит, что скорее всего бесполезно уговаривать жрецов снять запрет с использования колес, о котором ты сообщил вчера вечером. Ну а я, — Фолкейн живо представил себе характерное латинское пожатие плеч, — я сижу тут и пытаюсь придумать, как нам без колес перевезти двухтонный генератор. Может быть, что-то вроде большой волокуши, а?

— Нет. Я тоже думал об этом и даже обсудил с Рибо — мы ведь с ним всю ночь ломали голову над этой проблемой. Здесь такие дороги, что ничего из этого не выйдет.

— Ты уверен? Если у нас будет достаточно тягловых животных, а окрестные крестьяне помогут...

— Мы не сможем их собрать. Даже Рибо не сможет — не забудь, сейчас время сева, от которого зависит их будущий урожай, не говоря уже о том, что Рибо нужно выставить

[11] Да (исп); мальчуган (исп).

охрану против дикарей. Вот он и сомневается, удастся ли преодолеть самые крутые подъемы.

— Ты говорил, что многие кабальеро недовольны правлением жрецов. Если удастся их расшевелить...

— На это-нужно много времени — слишком много. Кроме того, Рибо думает, что немногие будут готовы рисковать так же, как и он, только чтобы помочь нам. Аристократы могут быть недовольны правлением жрецов, которое связывает их по рукам и ногам, когда целый мир к их услугам, но, помимо боязни совершить святотатство, они испытывают и другой страх — ведь они зависят от Посвященных во всем, что касается техники и административного управления... К тому же жрецы могут поднять против Стражей простолюдинов, если уж дело дойдет до открытого столкновения каст.

— Вот оно что. Да, похоже, что и Мартин думает так же. Мы тоже прошлой ночью ломали тут головы... Но, Дэви, ведь если Рибо соберет несколько десятков жителей и найдет сотню-другую фастиг, как это записано в том проклятом договоре, клянусь, можно преодолеть любой подъем. Можно подложить катки...

— Катки — это разновидность колеса, — напомнил Фолкейн.

— О Боже мой, да, конечно. Ну, тогда рычаги и насыпи. Ведь построили же майя свои большие пирамиды, не зная колеса. А это все же полегче — переправить генератор из Гилригора в Эску.

— Да, правда, это можно сделать. Только сколько времени понадобится? Ты бы посмотрел на эту дорогу. Мы умрем задолго до того, как работа будет закончена. — Фолкейн с трудом сглотнул. — На сколько дней хватит еды, если мы введем нормирование? Дней на сто?

— Около того. Конечно, можно месяц или два продержаться без еды, мне кажется.

— Даже и этого времени не хватит, чтобы протащить волокушу по здешним дорогам, клянусь тебе.

— Да... Конечно, ты прав. Ты лучше знаешь местность. Мне просто так хотелось надеяться...

— Даже и с платформой это было бы нелегко, — сказал Фолкейн. — Не думаю, что удавалось бы проходить больше двадцати километров в день — в пересчете на земные дни. По равнине, конечно, можно двигаться быстрее, но все равно меньше чем за месяц было бы не управиться.

— Так медленно? Да, ты, наверное, прав. Даже верхом нужно ехать больше недели. Это, кстати, еще ухудшает наше положение. Мартин опасается, что, если мы и сможем найти какой-то выход, не запрещенный их законами, за это время жрецы успеют придумать новую отговорку, только чтобы остановить нас.

Рот Фолкейна сжался в тонкую линию.

— Я бы не удивился. — Страх заставил его выкрикнуть: — Почему они так нас ненавидят?

— Тебе следовало бы знать. Мартин ведь часто говорил с тобой, пока ты ехал на запад.

— Да. Н-но я же отправился дня через два после того, как мы приземлились. Вы трое остались в гуще событий, имели шанс поговорить с местными жителями, понаблюдать... — Фолкейн едва не заплакал от жалости к себе, но удержался.

— Причина проста. Посвященные — правящий класс в этой окаменевшей цивилизации. Любая перемена ослабит их, даже если и пойдет на пользу другим кастам. Помимо эгоистических интересов ими движет прирожденный консерватизм. Мартин говорит, что теократическое правление всегда им отличается. Посвященные достаточно сообразительны, чтобы понять: мы, пришельцы, — угроза для них. Наши мысли, наши товары нарушат шаткое равновесие в обществе. Так что Посвященные сделают все, что могут, лишь бы отвадить других космических путешественников.

— А разве нельзя припугнуть их возмездием? Сказать им, что военный корабль разнесет все здесь в клочья, если только они дадут нам умереть?

— Боюсь, участники первой экспедиции слишком много рассказали им об истинном положении дел. Правда, Мартин собирался сегодня попробовать сблефовать. Не знаю точно, что он задумал. Но ему удалось... ну, более или менее подружиться с некоторыми молодыми жрецами с тех пор, как ты уехал. Он тебе не рассказывал, как он читает им лекции? Так что не вешай пока нос, мучачо.

Дэвид вспыхнул.

— Я и не вешаю, — отрезал он. — Ты тоже не вешай.

Паскуаль засмеялся, что совсем испортило дело. Фолкейн выключил рацию.

Гнев скоро уступил место чувству одиночества. Совсем по-другому Фолкейн чувствовал себя, когда ехал в Гилригорский замок. Тогда он был полон надежд, и поездка верхом на купленных за золото у богатого жителя Эски фастигах по восхитительно экзотической местности была именно тем захватывающим дух приключением, которые и положены космическому торговцу. Но Рибо разбил надежды, и теперь окрестности выглядели просто унылыми и зловещими. В уме Фолкейна прокручивались все новые и новые планы, один фантастичнее другого: перезарядить аккумуляторы вручную, перевезти атомный генератор на воздушном шаре, вооружиться так, чтобы противостоять миллиону воинов... Каждый раз, как он отвергал очередную схему, перед его внутренним взором вставали замок его отца и лицо матери, глаза начинало щипать, и Дэвид отчаянно хватался за новую идею.

Должен же существовать способ передвигать тяжести без помощи колеса? Ради чего, спрашивается, он учился в школе: физика, химия, биология, математика, социотехника... будь оно все проклято, вот он здесь, дитя цивилизации, постигшей расщепление атомного ядра и межзвездные путешествия, — и может погибнуть из-за какого-то дурацкого табу! Но это же невозможно. Он же Дэвид Фолкейн, и перед ним еще вся жизнь. Смерть просто не имеет отношения к Дэвиду Фолкейну.

Красное солнце медленно ползло по небу: период обращения Айвенго — около шестидесяти часов. Когда по местному времени наступил полдень, Фолкейн сделал привал, чтобы подкрепиться и немного поспать, и еще один — незадолго до заката. Пейзаж стал совсем унылым: кругом не было ничего, кроме холмов и оврагов с бегущими по ним говорливыми ручьями, лугов с редкими купами деревьев — нигде ни следа жилья.

Проснувшись после нескольких часов беспокойного сна, Фолкейн вылез из спального мешка, раздул огонь и вскрыл пакет с едой. Едкий дым костра щипал глаза. Чтобы устранить последствия даже столь малого контакта с местной органикой, которую миллионолетняя, не похожая на земную эволюция сделала смертельно ядовитой для человека, приходилось принимать антиаллергены. Пить местную воду было все-таки можно. Но ничто не спасло бы того, кто вздумал бы попробовать здешнюю еду. Съев несколько драгоценных галет из своего запаса, Дэвид оседлал фастигу. Он все никак не мог согреться и, держа в руке повод, снова присел к огню.

Дэвид поднял глаза к небу. Там, более чем в четырехстах световых годах отсюда, были Земля и Гермес.

На востоке над склонами гор поднимался неровный бронзовый диск второй луны. Ночью дорогу было бы видно и без помощи этого светила: небо было усеяно сверкающими звездами, девять огромных Сестер так сияли сквозь дымку, что в их свете предметы отбрасывали тени; их меньшие собратья по звездному скоплению и более удаленные солнца блестели, как кристаллы льда. Серый сумеречный свет лежал на всем вокруг. Далеко на западе снег на вершинах гор Касун казался фосфоресцирующим.

Трудно поверить, что в этой красоте может таиться опасность. Однако, хотя и редко, такие ситуации возникают: когда межзвездный корабль попадает в район, где концентрация материи больше обычной, существует малая, но вполне определенная вероятность того, что один из его прыжков

через гиперпространство приведет его в точку, уже занятую каким-либо космическим телом. Если различия в скоростях окажутся велики, любой камешек может причинить большой ущерб. Если к тому же он врежется в атомный генератор... как раз это и случилось с «Что за веселье».

«Можно считать, что мне еще повезло, — подумал Фолкейн с невольной дрожью. — Камешек ведь мог попасть и точно в меня». Правда, у остальных в этом случае не возникло бы особых проблем — только заделать пробоину в корпусе. Но такая возможность не показалась Фолкейну предпочтительной.

Можно только восхищаться тем, как капитан Мукерджи вытащил их из этой переделки. Использовав все имеющиеся на борту аккумуляторы, он заставил двигатели работать достаточно долго, чтобы добраться до Айвенго. Посадка на последних крохах энергии, с помощью интуиции, Бога и аэродинамики, была чудом мастерства. Естественно, они постарались оказаться поближе к Эске, столице, а не к Гилригору. Не полагалось пренебрегать местными правителями — они могли обидеться и начать чинить препятствия. Кто мог знать, что препятствия как раз там их и ожидали?

И теперь корабль прикован к поверхности планеты, не имея энергии для того, чтобы привести в действие свой антиграв. Аккумуляторы на аварийной станции слишком маломощны для этого, да, кроме того, они нужны для работы ремонтных механизмов. Запасной атомный генератор нельзя запустить, пока он не установлен на звездолете, — он работает только по командам корабельного компьютера. А между ремонтной станцией и кораблем — сотни непреодолимых без колес километров...

В кустах что-то зашевелилось. Одна из фастиг заржала. Сердце Фолкейна подпрыгнуло, застряло где-то в горле и чуть не задушило его. Дэвид вскочил, хватаясь за бластер.

В отбрасываемый костром круг света вошел местный житель. Мех на его спине распушился, спасая от ночного холода, из-под челюстей шел пар от дыхания. Фолкейн

заметил, что пришелец вооружен мечом, а на его нагруднике — о святой Патрик! — выгравирован круг. Отблески костра зажигали в огромных глазах айвенгца красные огоньки.

— Что тебе нужно? — прохрипел Фолкейн и тут же обругал себя — безоружные руки пришельца были протянуты к нему в традиционном жесте миролюбия.

— Да пошлет тебе Бог добрый вечер, — ответил глубокий голос. — Я увидел твой лагерь издалека. Не ожидал найти здесь чужестранца.

— К-какия — стража храма.

— Мы заходим далеко по воле Посвященных. Я — благородный Ведоло, отпрыск Парно.

— Я... Я — Дэвид... э-э... Дэвид, отпрыск Фолкейна.

— Ты был у Страна Границы, не так ли?

— Да. Как будто ты не знаешь! — рявкнул Фолкейн. «Эй, помягче, — одернул он себя, — может, еще есть надежда уговорить Посвященных дать нам специальную лицензию на применение колес». — Не присядешь ли ты к огню?

Ведоло опустился на корточки, обвив ноги хвостом. Хотя теперь они оба сидели, айвенгец возвышался над Дэвидом, его грива на фоне Млечного Пути казалась покрытой лесом горой.

— Да, — согласился он, — все в Эске знают — ты отправился сюда, чтобы проверить сохранность того, что твои соплеменники оставили в этом закрытом здании. Надеюсь, все в целости?

Фолкейн кивнул. Как мог бы представитель раннежелезного века проникнуть в склад с инерционным замком Накамуры...

— Страж Границы Рибо был очень любезен.

— Это неудивительно, судя по тому, что нам о нем известно. Как я понимаю, тебе нужно доставить некоторые запасные части со склада для ремонта твоего корабля. Поможет ли тебе Рибо перевезти их в Эску?

— Он бы помог, будь это возможно. Но самый главный механизм, который нам нужен, слишком тяжел для имеющегося в распоряжении Рибо транспорта.

— Мои господа — Посвященные — так и предположили, — отозвался Ведоло. — Они попросили показать им корабль, и поврежденное устройство действительно выглядит очень большим.

«Наверное, это случилось уже после моего отъезда, — подумал Фолкейн. — Может, Шустер рассчитывал их задобрить, показав корабль. Держу пари, когда они увидели круглые детали — вроде циферблатов приборов, — они стали еще более враждебны к нам, хотя могли ничего и не сказать Мартину.

Но откуда этому типу может быть все известно — ведь он, наверное, последовал сюда за мной? И зачем он задает мне вопросы? Какое может быть у него задание?»

— Твои спутники говорили, что у вас есть средства передвижения, — продолжал Ведоло. — Вот я и удивляюсь: почему ты возвращаешься так быстро — и один.

— Ну... Мы действительно имели в виду кое-что, но возникли определенные затруднения...

Ведоло пожал плечами.

— Не сомневаюсь, что столь изобретательные умы, как ваши, найдут решение любой проблемы. Ведь в вашей власти силы, которые, как мы полагали, послушны лишь ангелам — или дьяволу... — Он умолк и протянул руку. — Ваше огненное оружие, например. Меня не было в Эске, когда твои соплеменники его демонстрировали, а это так интересно. Это оно у тебя на поясе? Могу я взглянуть?

Фолкейн насторожился. Ему были недоступны нюансы в речи айвенгца, такой монотонной из-за отсутствия носовых пазух, но все же...

— Нет! — оборвал он Ведоло.

Тонкие губы растянулись, обнажив ряд острых зубов.

— Ты не особенно любезен со слугой Бога.

— Я... Эта штука опасна. Ты мог бы поранить себя.

Ведоло поднял и опустил руку.

— Смотри на меня и слушай внимательно. Есть много такого, чего вы, самоуверенные пришельцы, не понимаете. Хочу тебе сказать...

В плотной атмосфере Айвенго слух человека необыкновенно обостряется. Впрочем, может быть, роль сыграло и то напряжение, в котором пребывал Фолкейн: его то охватывал озноб, то кидало в жар от ощущения полного одиночества перед лицом беспощадной ненависти. Дэвид услышал шорох в кустах и метнулся в сторону в тот самый момент, когда раздался свист стрелы. Восьмигранное древко задрожало, вонзившись в землю там, где только что находился Фолкейн.

Ведоло вскочил, выхватывая меч. Фолкейн откатился от костра, ветка колючего куста ободрала ему щеку.

— Смерть тебе! — рявкнул Ведоло, кидаясь на человека.

Фолкейн вскочил на ноги. Острие меча рассекло его плащ, но он увернулся от удара. Выхватив бластер, Дэвид в упор выстрелил в айвенгца.

На мгновение все вокруг озарилось адским пламенем. Окутавшийся дымом Ведоло упал с ужасным воплем. Яркие круги поплыли перед глазами Фолкейна. Спотыкаясь, он бросился к своим фастигам, в панике рвавшимся с привязи. Из темноты донесся крик:

— Я ничего не вижу! Ничего не вижу! Меня ослепило!

Вспышка света была еще более яркой для чувствительных глаз айвенгцев, чем для Дэвида. Но через минуту они придут в себя, а в темноте они видят гораздо лучше человека.

— Убейте его фастиг! — раздался другой голос.

Фолкейн несколько раз выстрелил. Это еще ненадолго задержит их, решил он. Вьючная фастига пятилась и брыкалась, ее выкаченные глаза горели красным огнем в отсветах костра. Увернувшись от мелькающих в воздухе копыт, Фолкейн схватил за узду верховое животное и стукнул его по носу рукоятью бластера.

— Стой смирно, скотина! — с рыданием вырвалось у него. — Ведь и тебя тоже убьют!

Из кустов донесся топот. В свете костра мелькнула львиная грива. Увидев человека, воин завопил и метнул в него копье: плоское древко с железным наконечником пролетело мимо. Фолкейн был слишком занят своим скакуном, чтобы отстреливаться.

Каким-то чудом он оказался в седле. Запасная верховая фастига взвизгнула, когда две стрелы вонзились ей в брюхо. Выстрелом из бластера Фолкейн прекратил ее мучения.

— Пошел! — заорал он и ударил каблуками своего скакуна. Животное рвануло с места неровным галопом, увлекая за собой привязанную к седлу вьючную фастигу.

Мимо головы Фолкейна прошелестел брошенный сильной рукой топор, стрела пропела над его плечом. Но тут он оказался вне досягаемости нападавших и поскакал по Дороге Солнца на запад.

«Сколько их? — пронеслось у него в голове. — Полдюжины? Наверное, они оставили собственных фастиг где-то за деревьями, чтобы подкрасться ко мне незаметно. Сейчас я их опережаю, но у меня больше нет запасной верховой, а у них наверняка есть.

Они были посланы в засаду, это ясно, чтобы, пока мои спутники гадают, куда я делся, и занимаются поисками, не осталось времени для доставки генератора. Они не знают о моем радиопередатчике. Да и мне теперь от него мало пользы. Они поймают меня, прежде чем я доберусь до замка Рибо.

А может, мне удастся их опередить?

«Как бы то ни было, — подумал он с горькой издевкой над собой, — мысль о специальной лицензии жрецов на использование колес можно оставить».

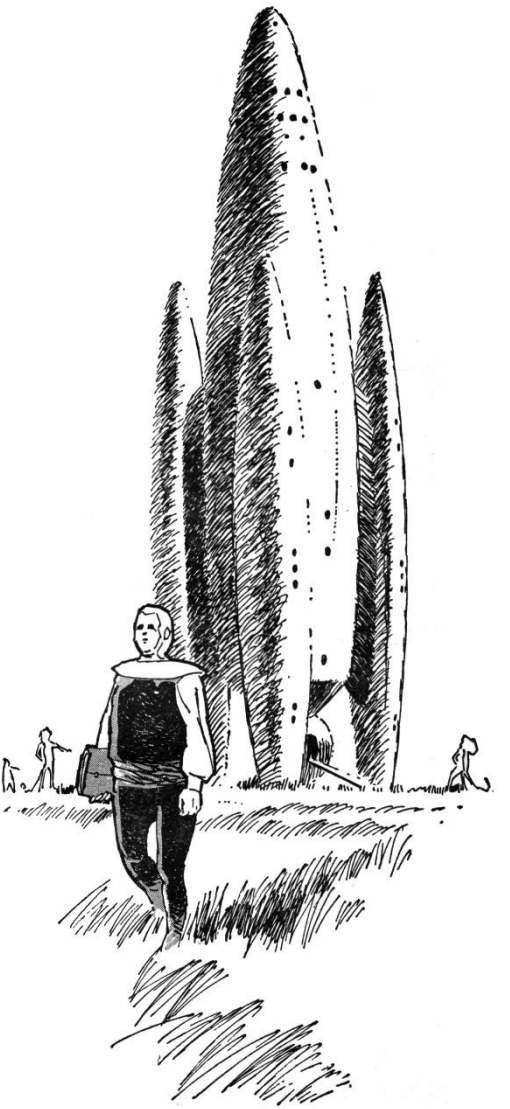
3

«Что за веселье» приземлился на поле в километре от Эски. Местные жители успели уже протоптать тропинку к кораблю: любопытны они были ничуть не меньше людей. Но капитан Кришна Мукерджи, когда ему случалось отправляться в город, всегда ехал верхом по дороге.

— Послушай, Мартин, тебе тоже не следовало бы ходить пешком, — с беспокойством сказал он Шустеру. — Особенно теперь, когда ситуация стала такой напряженной. Здесь не принято, чтобы высокопоставленные лица роняли свое достоинство, приходя в... э-э... в храм на своих двоих.

— Достоинство-шмостоинство, — проворчал достопочтенный член Торгово-технической Лиги. — Стану я зарабатывать себе инфаркт и мозоли на заднице, разъезжая на

этом зловредном подъемном кране. Однажды на Земле я поехал верхом. Я никогда не повторяю своих ошибок. — Он небрежно махнул рукой. — Кроме того, я уже объяснил Посвященным, да и всем прочим, кто интересовался, что я хожу всюду пешком, ни с кем не церемонюсь и дружелюбен с чернью потому, что слишком цивилизован для всяких пустых формальностей. Для местных жителей эта идея — простота как проявление высшей добродетели — нова, и молодые Посвященные очень ею увлечены.

— Несомненно, местная культура уязвима для новых идей, — согласился Мукерджи. — Они не появлялись здесь столь давно, что у айвенгцев, так сказать, не вырабатываются на них антитела, и

болезнь сразу принимает тяжелую форму… Но, похоже, начальство Посвященных понимает это. Если твои разговоры начнут вызывать слишком сильное возбуждение среди аборигенов, жрецы не станут дожидаться, пока мы умрем с голоду. Они махнут рукой на потери и грядущее возмездие и просто прикажут нас вырезать.

— Не беспокойся, — ответил Шустер. Другой на его месте обиделся бы: каждый желторотый стажер Лиги знает, что нельзя идти напролом в том, что касается основ местной культуры, а Мартин, как-никак, уже два десятилетия носил звание мастера. Но на его широком лице с орлиным носом по-прежнему сияла благодушная улыбка. — Хоть я разговариваю с айвенгцами и прощупываю их, я никогда не ставлю под сомнение их верования. Мои семинары в храме продолжаются, как будто ничто на свете не омрачает наших отношений. Ясное дело, если удается направлять разговор в желательном направлении… — Он собрал свои записи и вышел из каюты — низенький коротконогий человечек в кружевной рубашке, жилете, штанах до колен и чулках, столь же элегантный, как если бы он отправлялся на светский прием на Земле.

Выйдя из воздушного шлюза и спустившись по трапу, Шустер поежился и запахнул плащ. Чтобы избежать декомпрессии, давление в корабле поддерживалось на том же уровне, что и снаружи, но на температуру это не распространялось. «Ну и холодина, — подумал Мартин. — Не мое дело критиковать Господа Бога, но почему, создавая звезды, он отдавал предпочтение классу М[12]?»

Открывшийся ему вид на долину, освещенную вечерним светом, был унылым. Вспаханные поля стали голубоватыми от первых появившихся всходов. Крестьяне семьями трудились на них, окучивая бесконечные ряды растений. Квадратные глинобитные хижины, служившие им жилищами,

[12] Согласно шкале звездных температур, звезды делятся на классы в соответствии со спектральными и температурными характеристиками.

располагались поблизости одна от другой: местные фермы были до абсурда маленькими. Тем не менее крошечные поля обрабатывались не особенно прилежно — болезни и голодные годы ограничивали рост населения. «К черту весь этот сентиментальный треп насчет культурной автономии, — подумал Шустер. — Это тот самый случай, когда местное общество нуждается в хорошей встряске».

Шустер, направляясь к городу, вышел на дорогу. Движение на ней было оживленным: в одну сторону везли продовольствие и сырье, навстречу — ремесленные изделия. Местные носильщики тащили такие огромные тюки, что Мартин почувствовал себя усталым от одного взгляда на них. Фастиги тянули подпрыгивающие на ухабах и громыхающие волокуши. Какой-то Страж Границы со своей свитой проскакал мимо, трубя в рог и распугивая простолюдинов. Шустер помахал солдатам столь же дружелюбно, как и всем прочим, кто его приветствовал. Нет смысла соблюдать церемонии. За, две недели, прошедшие со времени приземления «Что за веселье», жители Эски перестали испытывать трепет перед чужеземцами. Люди теперь казались им не более сверхъестественными существами, чем многочисленные ангелы и гоблины местных поверий, и к тому же, как выяснилось, были смертны. Правда, они обладали необыкновенным могуществом, но ведь и любой деревенский колдун умеет делать чудеса, а уж Посвященные — те могут обращаться прямо к Богу.

Город не был стеснен крепостными стенами — с незапамятных времен ему не угрожали враги. Но территория его тем не менее была ограничена — лавки, дома, дворцы богачей теснились друг к другу вдоль извилистых улиц. Базарные площади были заполнены толпами, жены лавочников громкими голосами расхваливали товары, которые продавали их мужья. Всевозможная одежда, меха переливались яркими красками в косых лучах красного солнца; впрочем, окна лавок были почти непрозрачны для зрения землян. Монотонные низкие голоса айвенгцев, шарканье ног, стук

копыт, перезвон молотков из кузницы раздавались вокруг Шустера, подобно шуму прибоя. Едкие запахи терзали его обоняние.

Мартин испытал облегчение, дойдя до одного из Трех Мостов. Стражи храма пропустили его, и дальше он шел уже в одиночестве. Сюда попадали только те, у кого было дело к Посвященным.

Русло Траммины делило Эску надвое; вода местами была покрыта маслянистой пленкой — домохозяйки стотысячного города считали реку самым подходящим местом для помоев. Арки каменных мостов (Фолкейн сообщил, что, по словам Рибо, ради достижения важных целей разрешалось использовать Дуги, если их размер не превосходил трети окружности) соединяли берега с расположенным посередине реки островом, целиком занятым огромной ступенчатой пирамидой храма. На нижних террасах находились изящные белые здания с колоннами — там жили и работали Посвященные. На верхних террасах не было ничего — только лестницы, ведущие к вершине: там пылал Вечный Огонь, его ярко-желтые языки взвивались ввысь на фоне мутно-зеленого неба. Природный газ, питавший Вечный Огонь, по трубам шел из расположенного неподалеку от города месторождения. Храм-крепость был совершенен и впечатляющ.

«Да, впечатляющ, — подумал Шустер, — особенно если учесть, какого каторжного труда и разорительных налогов он стоил несчастным крестьянам и какой ценой — ценой свободы — Оплачивается его совершенство». Тот факт, что на планете существуют сотни варварских культур, доказывал — айвенгцы так же не склонны покоряться государству жрецов, как в свое время жители Земли — фараонам.

Одетые в белое Посвященные, по большей части в преклонном возрасте и с сединой в гривах, и послушники в положенных им синих одеяниях гордо расхаживали по террасам пирамиды. Ответом на жизнерадостные приветствия Шустера были лишь ледяные взгляды. Не обращая

внимания на холодный прием, тот поспешил ко входу в Дом Астрологов.

В просторной комнате собралось десятка два молодых жрецов.

— Добрый день, добрый день, — приветствовал их Шустер. — Надеюсь, я не опоздал?

— Нет, — откликнулся Херктаскор, поджарый и энергичный айвенгец, сохранивший повадки воина, недаром он был сыном Стража Границы. — Но мы с нетерпением ждем от тебя раскрытия тайн, которое ты обещал нам, когда прочтешь «Книгу Звезд».

— Хорошо, давайте начнем. — Шустер сел во главе стола и разложил свои записи. — Надеюсь, все вы усвоили те математические принципы, о которых я говорил вам раньше?

Некоторые из Посвященных замялись, но другие энергично закивали.

— Конечно, — ответил Херктаскор, хотя его голос дрогнул. — То, что ты рассказал, очень интересно и много нам дает.

Шустер вынул сигару и занялся ее раскуриванием, искоса поглядывая на собравшихся. Хотелось бы надеяться, что они и вправду поняли то, о чем он им рассказывал. Занятия с молодыми Посвященными, которые он начал, чтобы чем-то заполнить время вынужденного ожидания, в смутной надежде подружиться с ними и внести какие-то новые понятия в их застывшее общество, теперь приобретали жизненную важность. Прошлым вечером Дэви Фолкейн сообщил эту обескураживающую новость о табу на использование колес, так что теперь...

Мартин полагал, впрочем, что Херктаскор говорит правду и не переоценивает свои возможности: у этого Посвященного — первоклассный интеллект, да и уровень знаний, достигнутый на Ларсуме, — хороший фундамент для дальнейшего строительства. Математика и астрономические наблюдения переживали здесь период своего расцвета — иначе и не могло быть в обществе, религия которого

видела в астрологии средство познания воли Бога. В результате алгебра и геометрия оказались хорошо разработанными. Переход от них к дифференциальному и интегральному исчислению был уже нетруден. Даже хмурый Скетуло, верховный жрец, не возражал, когда Шустер предложил свой курс лекций — лишь бы тот не противоречил догме. Помимо того, что чужестранец удовлетворит интеллектуальный голод молодых жрецов, совсем не лишнее, если они — будущие правители — освоят вычисление объемов и площадей поверхности различных тел: это укрепит их власть над экономикой Ларсума.

— Я намеревался говорить о дальнейшем развитии этих принципов, но потом подумал — не интереснее ли вам будет узнать о некоторых их приложениях к астрологии, — сказал Шустер. — Дело в том, что с помощью описанных мною методов можно предсказывать положения лун и планет гораздо более точно, чем это делалось до сих пор.

Ответом ему был судорожный вздох. Даже свободные одеяния жрецов не могли скрыть, как напряглись их тела.

— «Книга Звезд» содержит данные астрономических наблюдений за многие столетия, — продолжал Мартин. — Послеполуденные часы я посвятил размышлениям над ними. — На самом деле он просто ввел данные в корабельный компьютер. — И вот каковы результаты моих вычислений.

Шустер глубоко затянулся дымом сигары. Его собственные мускулы тоже были напряжены. Теперь каждое его слово должно быть взвешено тщательнейшим образом — один неверный шаг, и он заработает удар кинжалом.

— Я колебался, показывать ли их вам, — произнес он, — поскольку на первый взгляд кажется, что они противоречат Божественной Истине, которую вы мне открыли. Тем не менее, поразмыслив и вопросив звезды, я почувствовал уверенность, что ваш разум позволит вам увидеть ту глубокую правду, которую скрывает эта обманчивая видимость.

Шустер умолк.

— Продолжай, — поторопил его Херктаскор.

— Позвольте мне подойти к предмету издалека. Для решения практических задач мысль часто нуждается в допущениях, заведомо не соответствующих действительности. Например, Посвященные владеют большими поместьями, мануфактурами и другим имуществом. Все это принадлежит храму. Вам прекрасно известно, что храм — это не личность и не семья. Но в целях управления собственностью вы ведете себя так, как если бы он был ими. Точно так же для измерения участка земли вы пользуетесь плоскостной тригонометрией, хотя и знаете, что планета в действительности круглая.

Мартин продолжал приводить примеры, пока не почувствовал уверенность в том, что все его слушатели усвоили концепцию легального или математического допущения.

— Но какое отношение сказанное тобой имеет к астрологии? — нетерпеливо спросил кто-то.

— Я подхожу к этому, — ответил Шустер. — Какова истинная цель ваших вычислений? Разве она не двояка? Во-первых, вы стремитесь предсказать положение небесных тел по отношению друг к другу в какой-то определенный момент, поскольку в этом — указание Бога на то, чего он хочет от своих служителей. Во-вторых, вы стараетесь понять устройство Вселенной, в Цадежде больше узнать о сущности Бога, изучая его творение.

При этом по мере того, как накапливались данные наблюдений, ваши предки обнаружили недостаточность знаний о том, что все планеты, включая вашу, движутся по окружностям вокруг Солнца, луны — вокруг планет, а Вселенная вращается вокруг Солнечной системы. Чтобы объяснить их движение, вам пришлось к этим окружностям добавить эпициклы[13], к ним — свои эпициклы и так далее. В результате уже в течение столетий вы имеете картину столь

[13] Эпицикл — вспомогательная окружность, по которой движется планета в геоцентрической системе мира. Эпицикл был необходим для объяснения наблюдаемого движения планет.

запутанную, что астрологи усомнились в возможности дальнейшего прогресса.

— Это правда, — откликнулся один из жрецов. — Сто лет назад как раз поэтому Курро Мудрый предположил: Бог не желает, чтобы мы поняли его замысел мироздания во всей полноте.

— Может быть, и так, — сказал Шустер. — С другой стороны, его воля может заключаться в том, чтобы вы использовали другой подход. Дикарь, не в силах поднять тяжелый камень, может заключить, что таково божественное предопределение. Но вы поднимете этот камень с помощью рычага. Подобным же образом мой народ открыл существование интеллектуального рычага, благодаря которому можно глубже проникнуть в законы движения небесных тел, чем просто выводя окружности, снова окружности и еще окружности. Однако использование нового метода требует принятия допущения, и именно поэтому я хочу, чтобы вы не были смущены, когда я это допущение вам изложу. Безусловно, все движения небесных тел совершаются по окружности, поскольку окружность — символ Бога. Однако не позволительно ли допустить, в целях упрощения вычислений, что орбиты — не круговые... и посмотреть, что даст нам такое допущение?

Мартин собрался было выпустить кольцо сигарного дыма, но вовремя одумался.

— На свой вопрос я хочу получить ясный ответ, — заключил он. — Если такой подход непозволителен, тогда, конечно, я умолкаю.

Конечно, подход был признан позволительным. После некоторых споров и казуистики Херктаскор огласил решение: не противоречит закону использовать в рассуждениях ложные гипотезы. И Шустер ознакомил своих слушателей с законами Кеплера и ньютоновским учением о тяготении.

На это потребовались многие часы. Раз или два Херктаскор был вынужден прикрикнуть на одного из Посвященных, который счел обсуждаемые теории богохульством, но в

целом жрецы сосредоточенно впитывали новые знания и задавали в высшей степени осмысленные вопросы. Айвенгцы — одаренный вид, решил Шустер; может быть, от природы даже более одаренный, чем люди. По крайней мере, какая аудитория на протяжении всей истории человечества была бы способна воспринять столь революционные новшества так быстро?

Наконец, устало опершись на стол и собрав записи, Шустер сказал охрипшим голосом:

— Позвольте мне подвести итоги. Я развил перед вами гипотезу о том, что небесные тела движутся по эллиптическим орбитам, подчиняясь закону тяготения. При помощи своих вычислений я продемонстрировал, что эллиптическая форма орбиты — прямое следствие этого закона. Здесь, в моих записях, рассчитанные при помощи этого метода на основании данных «Книги Звезд» реальные перемещения небесных тел. Если вы посмотрите вычисления, то увидите, что для получения результата вовсе не требуется использование эпициклов.

Помните: я никогда не утверждал, что орбиты в действительности не являются окружностями. Я только сказал, что мы можем предположить их эллиптическую форму, поскольку это Допущение упрощает астрологические расчеты — настолько, что предсказания обретают невиданную точность. Вы, несомненно, захотите проверить мои вычисления и обсудить с жрецами высших степеней их теологическое значение. Ничто не может быть дальше от моих намерений, чем стремление совершить святотатство.

— У меня хватает неприятностей и без этого, — добавил Мартин на английском.

В полной тишине Шустер двинулся к выходу. Его слушатели устали не меньше, чем он сам. Но потом, когда все значение услышанного начнет доходить до них...

Мартин вернулся на корабль. В кают-компании его дожидался Паскуаль.

— Где ты пропадал? — спросил инженер. — Я уже стал беспокоиться.

— В храме. — Шустер со вздохом облегчения опустился в кресло. — О-ох! До чего же тяжелая работа саботаж!

— Да, вот что... Я спал, когда ты пришел из храма в полдень, поэтому не рассказал тебе. Пока ты отсутствовал утром, со мной связался Дэви. Он возвращается.

— Ну что ж, пусть возвращается. Все равно мы ничего не можем сделать, пока не получим разрешение от властей, а на это требуется время.

— Слишком долгое время, похоже.

— Может быть, и нет, — пожал плечами Шустер. — Не будь противным стариком на корабле.

— Э-э... не понял?

— Ну как же:

На корабль сел противный старик,
«Ах, утонем мы!» — поднял он крик.
Шкипер начал рыдать,
Небеса проклинать,
Но хихикал в каюте старик.

Будь славным мальчиком, налей мне выпить, а потом я отведу себя в постельку.

— Как, без ужина?

— Обойдусь бутербродом. Нам нужно начинать экономить еду — ты не забыл?

4

Шустера разбудил сигнал сканера. Он со стоном выбрался из койки и ощупью нашел дорогу к обзорному экрану. То, что он увидел, сразу прогнало все остатки сонливости.

Дюжина стражей храма верхом на фастигах окружила трап, свет лун и сияние Плеяд отражались от наконечников

копий. Двое послушников помогали спешиться высокому согбенному старцу. Шустер ни с чем не спутал бы эту белоснежную гриву и увенчанный диском посох во всей Галактике по эту сторону туманности Угольный Мешок.

— Ой-ой-ой, — пробормотал он. — Ребятишки, одевайтесь. К нам пожаловал местный святейший папа.

— Кто-кто? — зевая, переспросил Мукерджи.

— Скетуло, босс Посвященных, собственной персоной. Уж не устроил ли я больший фейерверк, чем ожидал? — Шустер схватил свою одежду и начал быстро одеваться.

Он был уже готов принять гостя, когда тот поднялся по трапу к воздушному шлюзу.

— Мой господин, ты оказываешь нам великую честь, — произнес Мартин елейно. — Если бы мы знали, мы бы приготовили подобающую...

— Не будем тратить время на лицемерие, — оборвал его айвенгец. — Я прибыл сюда, чтобы мы могли поговорить наедине, не опасаясь быть подслушанными низшими или глупцами. — Он жестом велел Паскуалю закрыть внутреннюю дверь. — Притушите свои проклятые огни.

Мукерджи выполнил его распоряжение. Огромные глаза Скетуло широко раскрылись и яростно уставились на Шустера.

— Ты здесь главный, — сказал он, — я буду говорить с тобой одним.

Торговец пожал плечами и бросил на своих товарищей смущенный взгляд, но послушно проводил гостя — в соответствии с обычаями Ларсума, где парадные помещения находились в глубине дома, — в каюту, которая в спокойные времена служила ему кабинетом. Когда дверь за ними закрылась, Шустер повернулся лицом к Скетуло.

Жрец неловко сел на край кресла, специально приспособленного для айвенгцев. В руке он по-прежнему сжимал свой посох, золотой диск на рукояти которого тепло блестел в рассеянном свете. Шустер тоже сел, скрестил ноги и стал ждать дальнейшего развития событий.

Наконец старческий голос проскрежетал:

— Когда я давал тебе позволение учить молодых астрологов, я не думал, что ты осмелишься сеять среди них ересь.

— Но, господин! — запротестовал Шустер, надеясь, что его голос звучит достаточно оскорбленно. — Ничего подобного я не делал!

— О, ты хорошо замел следы своими разглагольствованиями о допущении. Но мне редко приходилось видеть жрецов такими возбужденными, как после твоей лекции.

— Естественно, идея, с которой я их ознакомил, не могла не взволновать...

— Скажи мне вот что, — Скетуло выпятил морщинистые губы, — мы, конечно, проверим твои вычисления, но действительно ли твоя гипотеза работает так хорошо, как ты говоришь?

— Да. Не стану же я позорить себя беспочвенным хвастовством, когда все так легко проверить.

— Так я и думал. Умно придумано, умно... — старик удрученно покачал головой. — Дьявол знает много уловок для совращения душ с пути истинного.

— Но, мой господин, я же ясно сказал, что сделанное мной допущение не соответствует истине.

— Да, конечно. Как мне доложили, ты говорил, что твоя гипотеза в лучшем случае верна математически, что не делает ее справедливой и с философской точки зрения. — Скетуло наклонился вперед и яростно прорычал: — И, однако, ты знал, что очень скоро твои слушатели зададут себе вопрос: а могут ли существовать два вида истины? Перед лицом такого противоречия Посвященные, вся жизнь которых отдана астрономическим наблюдениям и числам, в конце концов решат, что математическая истина — единственная.

«Так оно и есть, — подумал Шустер. — Именно это и привело Галилея в руки инквизиций — в те древние времена на Земле. — Мартина охватила дрожь. — Никак не рассчитывал, что ты так быстро все поймешь, старый черт».

— То, как ты хитро подрываешь веру, укрепляет мое подозрение: ты и твой народ — дети сатаны, — заявил Скетуло. — Вам не место здесь.

В Шустере затеплилась надежда.

— Поверь мне, господин, мы не имеем намерения задерживаться в Ларсуме. Чем скорее мы получим со склада то, что нам нужно для ремонта, тем скорее мы отбудем ко всеобщему удовлетворению.

— Ах так. Но другие? Ведь последует третий визит, четвертый, флот за флотом?

— Боже упаси. Вам ведь говорили — те, кто побывал у вас первыми, — мы не заинтересованы в торговле...

— Да, так они говорили. И тем не менее прошло совсем немного времени — и прибыл твой корабль. Откуда ты знаешь, что не будет и других?

«Разве можно что-нибудь доказать фанатику», — подумал Шустер и промолчал. К его удивлению, Скетуло вдруг переменил тему и спросил почти нормальным тоном:

— Как вы собираетесь доставить сюда этот свой громоздкий механизм?

— Вот в том-то и дело, мой господин. — Пот заливал лицо Шустера, он вытер его рукавом. — Мы знаем способ, но... э-э... мы не решаемся его предложить.

— Я потому и потребовал разговора наедине, чтобы мы оба могли говорить откровенно.

Шустер глубоко вздохнул и потянулся за блокнотом и карандашом. Рисунок поможет ему объяснить верховному жрецу, что такое платформа.

Ни один мускул не дрогнул в лице Скетуло. Когда через некоторое время он нарушил молчание, его слова были:

— При самых священных и тайных обрядах, в сокровенных глубинах храма, мы передвигаем такое сооружение из зала в зал.

— Нет надобности смущать население, — заметил Шустер. — Можно ведь сделать боковые стенки или занавеси так, что они скроют колеса.

Скетуло покачал головой:

— Нет. Кто не играл в неразумном детстве с круглой палочкой или камешком? Дикари по ту сторону гор Касун используют катки. Я не сомневаюсь, что и некоторые из наших крестьян делают это тайком, когда нужно переместить тяжелый груз. Вам не удастся скрыть от сколько-нибудь сообразительного наблюдателя, что же находится под теми покровами, о которых ты говоришь. А уж слух распространится быстро.

— Но если мы получим официальное разрешение...

— Вы не получите его. Закон Бога ясен. Даже если бы Посвященные разрешили вам такое, простолюдины побоялись бы, что на них падет проклятие. Они сотрут вас в порошок, что бы ни говорили жрецы.

Поскольку, как сообщил Фолкейн, то же самое говорил и Рибо, Шустер подумал: «Скетуло, пожалуй, прав. Впрочем, прав он или нет, значения не имеет — ясно, что разрешения он все равно не даст».

Торговец вздохнул:

— Что поделаешь, мой господин. Но, может быть, у тебя есть какое-нибудь другое предложение? Если, например, ты сможешь прислать достаточно работников из поместий храма, можно было бы просто перетащить работопроизводитель сюда.

— Сейчас время сева. Мы не можем забрать с полей так много работников, иначе нам будет грозить голод.

— Но ведь, господин, у нас общая цель: дать возможность моему кораблю улететь. Моя страна готова прислать вам плату — металлами, тканями, наконец, продовольствием, — изготовленным так, чтобы оно годилось для представителей вашего вида.

Жрец стукнул посохом с такой силой, что металлический пол загудел. Оскалив зубы, он прорычал:

— Нам не нужны ваши товары! Вы сами тоже не нужны здесь! Ты заварил такую кашу сегодня, что мое терпение лопнуло! Если вы погибнете, несмотря на вашу проклятую

ремонтную станцию, то, может быть, Бог внушит твоим соплеменникам: не такое уж это подходящее место для станции вообще! По крайней мере, что бы ни случилось потом, мы в Ларсуме не нарушим волю Бога... оказав хоть какую-то помощь слугам сатаны!

Он встал. Его взволнованное дыхание громко отдавалось от металлических стен. Шустер тоже поднялся и, глядя на Посвященного с удивившим его самого спокойствием, тихо спросил:

— Правильно ли я понял тебя, мой господин: ты хочешь нашей смерти?

Негнущаяся фигура инопланетянина возвышалась над человеком.

— Да.

— Прикажешь ли ты стражам храма напасть на нас или предпочтешь натравить толпы черни?

Скетуло некоторое время хранил молчание.

— Ни то и ни другое, — наконец неохотно ответил он, — если ты не вынудишь меня. Положение не такое уж простое. Ты знаешь, что некоторые из Стражей Границы, да и купцы тоже, поддались искушению и относятся к вам с симпатией. Кроме того, хотя мы и можем победить вас благодаря численному превосходству, я прекрасно понимаю, что ваше оружие нанесет нам тяжелые потери, а дикари, узнав об этом, могут воспользоваться нашей слабостью. Так что я предпочту оставить вас в покое.

— Пока не придумаешь безопасного способа прикончить?

— Или пока вы не умрете с голоду. И учти: с этого момента вам запрещено появляться в Эске.

— Да ну? Не напрасно ли ты отказываешься от такой возможности — ведь лучникам так удобно было бы стрелять с крыш домов. Что ж... — Шустер умолк. В охватившей его панике он подумал: не его ли вина во всем случившемся, не слишком ли прямолинейно он действовал, фатально ошибившись в оценке ситуации?.. Нет. Он не предвидел конкретных проявлений гнева Скетуло, но все же лучше иметь

полную ясность. Единственно, знай он все заранее, он не отпустил бы Дэви одного. Нужно предупредить паренька, чтобы нападение не застало его врасплох... Шустер криво улыбнулся. — По крайней мере, мы понимаем друг друга. Спасибо и за это.

На мгновение у Шустера возникла мысль захватить верховного жреца в плен, держать его заложником. Но он тут же отказался от нее. Это наверняка спровоцировало бы немедленное нападение. Скетуло был бы только рад умереть за свою веру. Хотя Шустер был бы рад такому исходу ничуть не менее, он совсем не хотел разделить его участь. Как-никак, на Земле его ждут жена и детишки.

Он проводил старика к воздушному шлюзу и смотрел ему вслед, пока процессия не скрылась из виду. Гулкое эхо от стука копыт по освещенной ярким светом луны и звезд дороге разносилось вокруг.

5

Фолкейну начало казаться, что скачка продолжается всю его жизнь. Если что-то и было до нее, ему это только снилось, было миражем, отражавшимся на клубах тумана, заполнявшего его череп; все было нереальным... действительность же ограничивалась болью в каждой клеточке, натертыми седлом мозолями, голодом, одеревенелым от жажды языком и резью в слипающихся глазах. Усталость вытеснила страх, и единственное, что осталось, была тупая животная решимость добраться до замка Гилригор, хотя Фолкейн и не всегда помнил, зачем ему это нужно.

В течение ночи ему все-таки пришлось делать остановки. Фастига оказалась животным более выносливым, чем мул, и более резвым, чем лошадь, но все же и ей отдых был необходим. Однако сам Фолкейн не решался спать и снова седлал своего скакуна, как только было можно. К рассвету обе его фастиги шатались, как пьяные.

Дэвид повернул голову — позвоночник при этом, казалось, заскрипел — и бросил взгляд назад. Его преследователи появились в пределах видимости, как только слабый свет зари на побледневшем предрассветном небе дал возможность различать хоть что-нибудь. Когда же это случилось — столетие назад? Нет, должно быть, даже и часа не прошло: солнце еще не показалось из-за горизонта, небо только-только обрело глубокий лиловый оттенок, а Сестры скрылись за хребтом Касун. Преследователей было четверо или пятеро — в сумеречном освещении разобрать точнее было трудно. Теперь их отделяло от Фолкейна только километра два, и разрыв быстро сокращался. В скрывавшей дорогу тени искрами вспыхивали отблески на наконечниках копий.

Так близко?

Сознание опасности подхлестнуло Дэвида. Энергия из каких-то неведомых последних запасов прояснила его ум и обострила чувства. Он ощутил на лице дуновение предрассветного ветерка, услышал его вздохи в колючем придорожном кустарнике, заглушаемые неровным стуком копыт фастиги, увидел, как розовеют снежные пики в первых лучах солнца. Выхватив из кармана рацию, он нажал на кнопку.

— Алло!

— Дэви! — закричал в ответ голос Шустера. — Что случилось? С тобой все в порядке?

— П-пока да, — заикаясь, ответил Фолкейн, — н-но боюсь, что ненадолго.

— Мы уже Бог знает сколько времени пытаемся связаться с тобой.

Фолкейн вспомнил, что несколько раз за ночь хотел вызвать корабль и сообщить о случившемся...

— Похоже, я так устал, что включил передатчик и забыл о нем... Мои фастиги окончательно выдохлись. И... ребята из храмовой стражи вот-вот меня перехватят.

— Никакого шанса добраться до замка, прежде чем они начнут стрелять?

Фолкейн закусил губу.

— Похоже, никакого. Наверное, теперь до замка уже недалеко, всего несколько километров, но... как мне быть? Добираться туда пешком?

— Нет, они затопчут тебя или застрелят в спину. Советую тебе обороняться.

— Эти их луки... Боже, они ведь стреляют почти на такое же расстояние, как и мой бластер, и нападение начнется сразу со всех сторон. Здесь негде укрыться. Нет даже ни единого дерева поблизости.

— Есть старый трюк. Застрели своих животных и отстреливайся из-за них, как из-за баррикады.

— Это не защитит меня надолго.

— Может быть, надолго и не понадобится. Если ты действительно так близко от замка, стража увидит вспышки твоих выстрелов. Так или иначе, это единственное, что я могу придумать.

— Х-х... — Дэвид стиснул зубы и секунду собирался с силами. — Хорошо.

Голос Шустера утратил твердость.

— Видит Бог, хотел бы я оказаться с тобой вместе, Дэви.

— Я бы тоже не возражал, — к своему удивлению, довольно спокойно ответил Дэвид. Вот именно так и должен разговаривать настоящий мужчина в минуту опасности! — Я спрячу передатчик в карман, но не буду его выключать, так что вы сможете все слышать. Подбадривайте меня, ладно?

Он натянул поводья и спрыгнул на землю. Его фастиги стояли, повесив головы, в полном изнеможении. Чувствуя себя предателем, Фолкейн поставил их рядом и, быстро переключив бластер на стрельбу в упор, прострелил им лбы.

Они неуклюже повалились, как игрушечные ослики на веревочках; вьючная фастига вздохнула, как будто радуясь долгожданному отдыху; глаза животных остались

открытыми и быстро стекленели. Фолкейн начал возиться с ногами и шеями, пытаясь соорудить прикрытие со всех сторон, но без особого успеха. Запыхавшись, он глянул в восточном направлении. Преследователи явно поняли цель его действий и, подгоняя своих фастиг, разделились, обходя его справа и слева. Вскоре все они остановились и стали привязывать животных к кустам. Действительно, их оказалось пятеро.

Солнечный диск показался из-за гор. «Надо поторопиться: пока еще окончательно не рассвело, вспышки будут более заметны», — подумал Фолкейн и несколько раз выстрелил вверх.

В тело фастиги, служившее Дэвиду брустверо́м, вонзилась стрела. Юноша, лежа на животе, сделал ответный выстрел, но промахнулся. Прячась за прикрытием, он осмотрелся вокруг. Еще один айвенгец натягивал тетиву: их разделяло менее полукилометра. Фолкейн тщательно прицелился и нажал на спуск. От бластера протянулся длинный сверкающий бело-голубой палец, раздался треск, и айвенгец выронил лук, схватившись за бок. Две стрелы просвистели в опасной близости от Фолкейна; тот выстрелил в ответ, не целясь — это заставило воинов отступить, и на некоторое время Дэвид оказался вне досягаемости их луков: хоть небольшая, но победа.

Впрочем, заряда бластера хватит не так уж надолго. Если наемники Посвященных будут придерживаться прежней тактики, вынуждая его тратить заряды... Но ведь им неизвестно, как ограничены его ресурсы. Правда, похоже, они все равно не собираются отступать. Если только ему не повезет и не удастся вывести из строя их всех, его песенка спета. Фолкейн обнаружил, что он размышляет об этом спокойно, трезво взвешивая обе возможности: при худшем исходе, он надеялся, он сможет захватить с собой в ад нескольких врагов. «Бедные мама и папа, — подумал он. — Бедный Марти Шустер — ему ведь придется сообщить им Печальную весть, если сам он, конечно, выживет».

Два всадника ринулись по травянистому откосу на Дэвида; их гривы развевались в воздухе. Они разделились, прежде чем оказались на расстоянии выстрела, и тот, в кого прицелился Фолкейн, в последний момент пригнулся так низко, что луч прошел над ним. Второй в это время пустил стрелу и, развернувшись, поскакал обратно — выстрел Дэвида его не достал. Стрела вонзилась в землю в сантиметре от ноги Фолкейна.

«Хороший прием, — бесстрастно подумал Дэвид. — Интересно, им уже приходилось иметь дело с такой тактикой защиты, или это просто быстрая реакция на новое? Не удивлюсь, если последнее. Они сообразительные ребята, эти айвенгцы. А вот мы, со своей гордостью за достижения нашей цивилизации, не можем найти решения такой простой проблемы, как местное табу на использование колеса. Ерунда, решение мы, конечно, найдем...»

Еще два противника скакали на него справа. Фолкейн отрегулировал бластер на самый узкий луч, чтобы как можно больше увеличить дальность, и тщательно прицелился. Он задел сначала одну фастигу, потом другую: просто царапины, конечно, но болезненные. Оба животных взвились на дыбы. Всадники справились со скакунами, но убрались подальше. Фолкейн повернулся как раз вовремя, чтобы отразить нападение второй пары, но не успел помешать айвенгцам выстрелить из луков. Впрочем, промахнулись обе стороны.

«...нужно только в точности понять, что именно делает колесо, и потом придумать какое-то другое приспособление, которое делало бы то же самое.

А где же пятый айвенгец, тот, которого ранило? Вон стоит его фастига, а всадника не видно... где же он? Эти крутые парни не из тех, кто сходит со сцены от одной царапины.

У меня же были хорошие отметки по математике и аналитике. И в дискуссиях я обычно побеждал... Так почему же я не могу выкопать из памяти нужное и использовать его? Я ведь смог бы решить такую задачу на экзамене, разве нет?

Скорее всего этот пятый крадется, прячась за кустами, чтобы подобраться поближе, кинуться на меня и заколоть.

Конечно, здесь не учебная аудитория, и аналитическое мышление — не естественное состояние рассудка, особенно когда твоя жизнь в опасности; как странно, что я начал думать об этом именно теперь. Может быть, мое подсознание нашло ответ?»

Четверо всадников съехались вместе на склоне холма, тянувшегося параллельно дороге и отлого спускавшегося к ней, и устроили совет. На таком расстоянии они выглядели как игрушечные фигурки. Было тихо. Фолкейн не слышал ничего, кроме шороха ветра. Поднявшееся над горами солнце постепенно укорачивало колеблющиеся лиловые тени на серой траве. В воздухе еще сохранялся холод ночи, и дыхание Фолкейна вырывалось облачками пара.

«Нужно рассмотреть все по порядку. По сути своей колесо — это рычаг. Но мы уже решили, что другие формы рычага неприменимы, Минуточку! А винт? Нет, его не приспособишь. Если бы что-то подобное можно было использовать, Ромуло Паскуаль давно бы сообразил.

А как насчет того, чтобы разрезать колесо на сегменты и насадить их на оси по отдельности? Нет, я ведь предлагал это Рибо, и он сказал, что так не годится: вся конструкция целиком при взгляде сбоку все равно будет иметь круглую форму».

Всадники явно придумали какой-то план. Они сняли тетивы с луков и надежно привязали луки к подпругам седел. Затем, выстроившись в цепочку, они стали приближаться к укрытию Фолкейна.

«А что еще делает колесо, помимо передачи механического усилия? В идеале оно касается земли в одной-единственной точке и тем сводит к минимуму трение. Не существует ли какой-то другой геометрической фигуры, которая обладала бы этим же свойством? Да сколько угодно. Но какой прок от овального колеса?

Эй, а нельзя ли исхитриться и насадить овальные колеса, как эксцентрики, на ось, тоже эллиптическую в сечении? Тогда груз будет перемещаться равномерно. М-м-м, вряд ли это поможет, особенно если учесть, какие тут дороги и какие усилия потребовались бы для перемещения платформы вручную. От толчков все сооружение немедленно развалится».

Скакавший впереди воин пришпорил свою фастигу. Фолкейн прицелился в него и стал ждать, пока противник приблизится достаточно, чтобы выстрел наверняка оказался смертельным. Рация в кармане издавала придушенное квакание, но времени на разговоры не было.

«Те же самые недостатки — ненадежность, сложность в исполнении, непрочность — исключают всякие другие приходящие на ум конструкции — вроде гусениц, приводимых в движение педалями. Может быть, Ромуло и смог бы что-то выжать из этой идеи, но ведь должно же существовать несложное, ежу понятное решение».

Пригнувшийся к шее скакуна всадник приближался. Еще секунда, и выстрел его достанет! Пора! Фолкейн выстрелил. Луч попал прямо в грудь фастиги, которая закувыркалась вниз по склону. Но айвенгец выпрыгнул из седла, прежде чем Фолкейн успел сразить и его, с акробатической ловкостью перевернулся в воздухе и исчез в кустах.

Прежде чем Фолкейн понял, что задумали его противники, он уже застрелил фастигу под вторым всадником. Та налетела на тело первой и свалилась рядом. Третье животное пронеслось мимо, испуганное, но еще подчиняющееся наезднику.

— Ну нет, это у вас не пройдет, — выдохнул Фолкейн, — не стану я собственными руками строить для вас стену. — Он позволил двоим удержавшимся в седлах айвенгцам проскакать мимо и, когда фастиги перестали закрывать всадников, застрелил одного из них. Второй успел вырваться из зоны огня, соскочил с фастиги и, прячась за ней, вернулся к убитым животным.

Выстрелы Дэвида взрыли землю там, где скрылись нападающие, но он не видел их сквозь густую поросль, а кусты были слишком влажными, чтобы загореться. Третий айвенгец подтащил свою фастигу к телам убитых животных; та было рванулась прочь, но сильные руки удержали ее, а нож перерезал горло.

Так что воины добились своего. Теперь у них был собственный бруствер, слишком массивный, чтобы луч бластера мог прожечь его насквозь, и достаточно высокий, чтобы из-за него можно было обстреливать Дэвида из луков. Правда, хорошо прицелиться им будет трудно...

Из-за баррикады показались наконечники стрел. Фолкейн пригнулся за своим укрытием так низко, как только мог, и даже попытался подлезть под одно из собственных мертвых животных.

«Что-нибудь такое... что-нибудь, что будет катиться и удерживать на себе груз, но при этом не будет круглым...»

Засвистели стрелы. Они с силой вонзались в землю и в мертвую плоть фастиг. Обстрел длился некоторое время, потом над бруствером показалась львиная голова: ее обладатель хотел увидеть результаты. Фолкейн, уловив перерыв в стрельбе, привстал на одно колено и выстрелил.

На таком близком расстоянии трудно было промахнуться, и все же выстрел не попал в цель. Луч ударил в баррикаду, запахло паленым, но айвенгец успел укрыться за фастигой.

Заставило же руку Фолкейна дрогнуть то, что он неожиданно увидел перед собой решение.

Он схватил рацию и прокричал в нее:

— Алло, слушайте, я знаю, что нужно сделать!

— Все, что скажешь, Дэви, — проникновенно ответил Шустер.

— Да не для меня. Я имею в виду, как вам, ребята, отсюда выбраться.

Стрелы засвистели снова. Боль пронзила левое бедро Фолкейна. Он тупо взглянул на древко поразившей его стрелы и не сразу понял, что случилось.

— Дэви? Ты меня слышишь? — донесся голос Шустера через разделявшие их сотни километров.

Фолкейн судорожно глотнул. Пока еще не было особенно больно. А айвенгцы что-то перестали стрелять. У них тоже, наверное, плохо с боеприпасами. Земля вокруг была вся усыпана стрелами.

— Слушайте внимательно, — сказал он, обращаясь к передатчику. Коробочка лежала на земле, и струйка крови от ноги текла как раз к ней. Какая-то часть его рассудка смутно заинтересовалась тем, как выглядит человеческая кровь в лучах местного солнца: вместо ярко-алого цвета она имела темно-вишневый. Ручеек крови был невелик: значит, никакой крупный сосуд не задет. — Вы знаете, что такое многоугольник постоянной ширины?

Айвенгский воин снова выглянул из-за прикрытия. Когда выстрела не последовало, он вскочил на ноги и отчаянно замахал руками, тут же, впрочем, снова спрятавшись за тело

фастиги. Фолкейн был слишком занят, чтобы заинтересоваться тем, что это могло значить.

— Ты ранен, Дэви? — обеспокоенно спросил Шустер. — Тебя плохо слышно. Атака продолжается?

— Помолчи, — ответил Фолкейн. — У меня мало времени. Слушай. Фигура постоянной ширины — это такая фигура, что если ее поместить между двух параллельных прямых, так что они окажутся касательными к ней с противоположных сторон, а потом начать вращать, то эти прямые будут оставаться касательными при любом повороте. Другими словами, ширина фигуры одинакова по любому направлению, соединяющему противоположные стороны через центр. Окружность, ясно, принадлежит к этому классу. Но...

Айвенгец, левая рука которого, обожженная лучом бластера, бессильно висела, появился из придорожных кустов. В правой руке он сжимал нож. Краем глаза Фолкейн уловил блеск лезвия, обернулся и потянулся к лежащему на земле бластеру. Сжимавшая нож рука воина взметнулась, и Фолкейн вскрикнул, когда нож пригвоздил его собственную руку к земле.

— Дэви! — отчаянно кричал Шустер.

Фолкейн схватил бластер левой рукой. Дуло ходило из стороны в сторону, он выстрелил, но промахнулся. Айвенгец одним прыжком оказался рядом, одновременно вытаскивая из ножен меч. Наверное, в момент выстрела он закрыл глаза, так что вспышка его не ослепила; удар его был точен, и бластер вылетел из искалеченной руки Фолкейна.

Юноша вытащил нож, торчавший из его правой руки, вскочил на ноги, сжал оружие левой рукой и бросился на противника. Его голос поднялся до крика:

— Окружность не единственная! Нужно взять равно...

Рывок Фолкейна оказался неожиданным для айвенгца. Дэвид ударил, но нож только скользнул по нагруднику воина. Тот оттолкнул юношу, и Фолкейн не удержался на ногах. Айвенгец занес меч.

— Равносторонний треугольник, — всхлипнул Дэвид. — Если провести дуги...

В этот момент раздался звук рога. Воин с рычанием отскочил от человека. Находившийся выше по склону лучник выпустил в Фолкейна последнюю стрелу, но раненая нога подогнулась, и Дэвид упал на колени; стрела просвистела там, где он только что стоял.

Стрела, пущенная с противоположной стороны, пронзила насквозь ближайшего противника. С булькающим кашлем он повалился на тела фастиг. Остальные стражи храма лихорадочными жестами показывали на священные круги, украшавшие их доспехи, но безрезультатно: на них посыпался дождь стрел, и скоро все было кончено.

Рибо, отпрыск Легнора, натянул поводья и соскочил на землю как раз вовремя, чтобы подхватить потерявшего сознание Фолкейна.

6

Мукерджи вошел в кают-компанию, где Шустер в мрачном одиночестве раскладывал пасьянс.

— Где Ромуло? — спросил капитан.

— Потихоньку сходит с ума у себя в машинном отделении, — ответил Шустер. — Он все пытается понять, что же хотел сказать нам Дэви перед тем, как... — Мартин повернул к Мукерджи осунувшееся лицо. — От него так ничего и нет?

— Нет. Как только я что-нибудь узнаю, я сразу же сообщу, конечно. Его передатчик все еще работает, я слышу, как вокруг двигаются и разговаривают. Но от Дэви — ни слова, а айвенгцы, наверное, не решаются ответить говорящей коробочке.

— О Боже, это же я послал его туда!

— Но ты не мог предвидеть, что он попадет в беду.

— Я должен был предвидеть, что корабль — самое безопасное место. Я должен был отправиться в Гилригор сам. —

Шустер невидящим взглядом уставился на карты. — Он же мой подмастерье.

Мукерджи положил руку на плечо торговца.

— Тебе не следует тратить время на всякие повседневные дела. А сражаться и прочее — это дела повседневные. Твои мозги нужнее для другого.

— Да для чего годятся мозги?

— Ну, у тебя же явно есть какой-то план. О чем это ты разговаривал с тем крестьянином перед рассветом?

— Я подкупил его: за хороший большой нож он взялся передать в храм весточку от меня. Он скажет Херктаскору, чтобы тот пришел ко мне для секретной беседы. Херктаскор, если ты помнишь, один из главных астрологов; очень сообразительный парень и, как мне кажется, относится к нам скорее дружелюбно, чем враждебно. По крайней мере, ему, в отличие от Скетуло, не свойственна фанатическая ненависть ко всему новому. — Тут Шустер обнаружил, что положил черву к трефе, выругался и смешал карты. — Из того, что мы слышали, ясно: Рибо прискакал, увидев вспышки, и разделался с посланными Скетуло убийцами. Но успел ли он вовремя? Остался ли Дэви в живых?

Раздался сигнал у входа. Оба землянина вскочили и бросились к ближайшему обзорному экрану.

— Помяни нечистую силу... — пробормотал Мукерджи. — Возьми это на себя, Мартин. Мне лучше вернуться в радиорубку.

Сдерживая свое возбуждение, Шустер открыл дверь воздушного шлюза. В тесное помещение, неся острые местные запахи, ворвался холодный утренний ветер. По трапу поднялся Херктаскор, закутанный в плотный плащ, скрывавший очертания фигуры. Плащ был снят только после того, как дверь закрылась; под плащом оказалось обычное облачение жреца. Херктаскор явно не хотел быть узнанным по дороге к кораблю.

— Приветствую тебя, — монотонным голосом произнес Шустер. — Спасибо, что ты пришел.

— Получив твое послание, я не мог поступить иначе, — ответил Посвященный. — Поскольку ты сообщил, что должен обсудить со мной важные предметы, я должен тебя выслушать ради блага Ларсума и нашей веры.

— Тебе... э-э... запрещено посещать наш корабль?

— Нет, но лучше не наводить верховного жреца на мысль, что такой запрет необходим.

Херктаскор болезненно щурился, хотя корабельное освещение и так было менее ярким, чем обычно, из-за необходимости экономить последние капли энергии в аккумуляторах. Шустер провел гостя в свою каюту, убавил яркость ламп и предложил ему кресло.

Некоторое время они сидели, молча глядя друг на друга. Наконец Херктаскор произнес:

— Если ты где-нибудь перескажешь то, что услышишь от меня сейчас, я обвиню тебя во лжи. Тем не менее до сих пор ты поступал достойно. — Шустер почувствовал себя неловко: то, что он собирался сделать, было не таким уж бесхитростным поступком. — И я думаю, что ты должен знать: многие Посвященные считают Скетуло неправым: не следовало запрещать новую математику и астрологию, о которых ты нам сказал. Если бы он смог доказать, ссылаясь на Писание, традицию или рассуждения, что они противоречат слову Бога, тоща, естественно, все Посвященные присоединились бы к нему и отвергли твое учение. Но он не сделал даже попытки что-то доказать, а просто прибег к запрету.

— А вам позволено дискутировать с верховным жрецом?

— Да. Закон всегда был таков: достигшие высокого ранга Посвященные могут свободно обсуждать все, что не противоречит доктрине. Но мы должны повиноваться верховному властителю, если его приказы не беззаконны.

— Так я и думал. — Шустер потянулся за сигарой. — Вот что я хотел тебе сказать: мы стремимся к сотрудничеству со служителями храма, а не к противостоянию. Мы не угрожаем вашей вере, а, наоборот, можем послужить ее

расцвету. Если ты убедишься в этом, то, может быть, сможешь убедить и других.

Лицо Херктаскора оставалось бесстрастным, но глаза сузились и загорелись.

Шустер раскурил сигару и выпустил облако дыма.

— Цель астрологических наблюдений для вас — узнать волю Бога и понять его замысел в создании Вселенной. Как мне кажется, это предполагает и более высокую цель: понимание сущности Бога в той мере, в какой она может быть понята смертными. В прошлом ваши теологи пришли к определенным заключениям. Но окончательны ли эти выводы? Разве не может оказаться, что в мире есть еще много непознанного?

Херктаскор склонил свою львиную голову и начертил в воздухе священный круг.

— Может и должно. В этой области не было достигнуто ничего существенного с тех самых пор, как Домно написал свою книгу. Я часто размышлял... Но прошу тебя, продолжай.

— Мы, вновь прибывшие, не принадлежим к вашей вере, — сказал Шустер. — Но и мы тоже на протяжении многих столетий искали ответ на загадку природы божества. Мы тоже верим — ну, скажем, некоторые из нас — в единого Бога, бессмертного, всемогущего, всезнающего... являющего собой совершенство. Бога — создателя всего сущего. Возможно, наша теология расходится с вашей в своих основах, но, может быть — и нет. Не согласишься ли ты сравнить свои взгляды с моими? Если ты сможешь показать мне, где мои соплеменники ошибаются, то я, если останусь в живых, унесу с собой истину. Если, с другой стороны, я смогу показать тебе направления, в которых наша мысль опередила вашу, то и ты сам, и твои коллеги поймут, что мы, чужеземцы, несем вовсе не зло, а скорее возможность развития.

— Сомневаюсь, что Скетуло и некоторые другие закостенелые теологи когда-нибудь признают это, — напряженно произнес Херктаскор. — Тем не менее, если воистину будут

открыты новые пути, и кто-нибудь посмеет отрицать... — Его кулаки разжались. — Я слушаю тебя.

Шустер не удивился. Всякая религия, существовавшая в прошлом на Земле, какой бы отгороженной от других она ни была в теории, рождала выдающихся мыслителей, готовых черпать идеи у соперничающих церквей. Мартин поудобнее устроился в кресле. Разговор предстоял долгий.

— Первая проблема, которую я хотел бы рассмотреть, — это почему Бог создал Вселенную. Ваша религия имеет ответ на данный вопрос?

Херктаскор вздрогнул.

— Н-нет. Писание говорит только, что Бог — создатель Вселенной. Но смеем ли мы рассуждать о Его резонах?

— Думаю, что да. Смотри: если Бог ни в чем не ограничен, значит, он вечен и существовал до появления Вселенной. Он выше всего, что имеет границы. Но мысль и существование мира сами по себе конечны, не так ли?

— Ну... ну да. Это звучит разумно. По крайней мере, что касается мысли и бытия, как мы их знаем.

— Вот именно. Наверное, и ваши философы спорили о том, реален ли любой феномен, если он совершается в отсутствие наблюдателя, существует ли лежащий в пустыне камень, если его никто никогда не видел? — Херктаскор кивнул. — Это древний парадокс, известный на множестве планет... я хочу сказать, во многих странах. Подобным же образом Бог, вечно существующий в беспредельности, не может быть ни объят мыслью, ни выражен словом. До появления Вселенной ведь не было существ, которые бы мыслили или говорили. Таким образом, как и камень, которого никто не видел, Бог в определенном смысле не существовал. Другими словами, его существование было лишено полноты — элемента обнаружения и осознания. Но как существование совершенного существа может быть неполным? Очевидно, что это невозможно. Поэтому для Него и оказалось необходимым создать Вселенную, чтобы она познала Бога. Ты следишь за моими рассуждениями?

Херктаскор сдержанно кивнул. Лишь учащенное дыхание выдавало его волнение.

— Что-нибудь из сказанного мной до сих пор противоречит твоей вере? — спросил Шустер.

— Нет... не думаю. Хотя все это так ново... Но продолжай!

— Акт творения, — произнес Шустер, затягиваясь сигарой, — логически включает желание. творить, идею того, что будет сотворено, решение творить и саму работу творения. В противном случае Бог действовал бы из каприза, что абсурдно. Однако эти проявления — желание, мысль, решение и работа — конечны. Они неизбежно замкнуты на единственном творении из бесконечного числа возможных и требуют единственной последовательности действий. Тем самым акт творения подразумевает, что Бог в каком-то смысле конечен. Но это немыслимо, такого нельзя представить себе ни на секунду. Мы приходим к парадоксу: Бог должен творить, но не может. Как разрешить этот парадокс?

— И как вы его разрешаете? — выдохнул Херктаскор, который, казалось, вот-вот упадет в обморок.

— Мы пришли к заключению, что самый акт творения был совершен десятью сущностями, известными как сефирот...

— Постой! — Посвященный даже привстал. Не существует других богов, даже второстепенных, а Писание отрицает, что создание мира — заслуга ангелов.

— Конечно. Те сущности, о которых я говорю, не боги и не ангелы, — они дискретные проявления единого Бога, подобно тому, как грани драгоценного камня — проявления его сущности, не являясь при этом сами драгоценностями. Бог имеет бесконечно много проявлений, но, как мы обнаружили, десять сефирот — все, что логически необходимо для того, чтобы объяснить акт творения. Если начать с первого из них — воли и идеи творения, — то он должен быть неразлучен с Богом всю вечность. Таким образом, он охватывает остальные девять, которые необходимы как атрибуты того, что будет создано...

Через несколько часов Херктаскор попрощался с Шустером. Он шел, как будто ступая по облакам. Шустер смотрел ему вслед, стоя у трапа. Сам он чувствовал полное изнеможение.

«Если окажется, что все это я напрасно обрушил на Херктаскора, да и на них на всех, прости меня, Боже мой Милосердный».

Мукерджи выскочил ему навстречу из кают-компании. Его шаги гулко отдались на металлической палубе.

— Мартин! — радостно завопил он, — Дэви жив!

Шустер резко повернулся к нему. Голова его закружилась, и он прислонился к стене, ловя ртом воздух.

— Вызов пришел, как только ты заперся с этим брамином, — продолжал Мукерджи. — Я не знал, можно ли вас прервать, и поэтому... Ну так вот. Дэви ранен — в ногу и в обе руки, но ничего серьезного: ты же знаешь, здешние микробы нам не страшны. Он сначала потерял сознание, а потом, я думаю, обморок перешел в сон. Он еле бормотал, когда разговаривал с нами, и обещал выйти на связь позже,

когда еще немного отдохнет. Тогда он расскажет и о своей идее. Пошли, мы тут с Ромуло достали бутылочку — есть что отпраздновать!

— Это-то мне сейчас и нужно, — с чувством сказал Шустер и последовал за Мукерджи.

После нескольких глотков Мартин немного пришел в себя. Отставив стакан, он криво улыбнулся остальным.

— С вас когда-нибудь снимали обвинение в убийстве? — спросил он. — Именно так я себя сейчас чувствую.

— Брось, — фыркнул Паскуаль. — Не до такой же степени ты несешь ответственность за своих подмастерьев.

— Ну, может быть, и нет, но ведь это я послал его туда, вместо того чтобы ехать самому. Но ты говоришь, с ним все в порядке?

— Если бы не ты, от этого могло бы быть мало пользы, — ответил Паскуаль. — Криш — всего лишь космонавт, я — просто инженер, а Дэви — и вовсе сосунок. Нам нужен кто-то, кто исхитрился бы вытащить нас из этой дыры. А ты, amigo mio[14], хитрюга по профессии.

— Ну, похоже, выход нашел все-таки Дэви. Правда, какой — я пока не знаю. А если и знаю — когда-то учил в школе, — то забыл. Дэви не так далеко, как я, ушел от школьной премудрости.

— Если только в его идее что-нибудь есть, — ответил Паскуаль, к которому вновь вернулась озабоченность. — Я сам так и не придумал ничего путного, а уж поверь, каких только невероятных штук я не изобретал!

— Подождем — увидим. Кстати, ничего больше не известно о ситуации в Гилригоре?

— Да, я же ведь говорил с самим Рибо — Дэви показал ему, как обращаться с передатчиком, — ответил Мукерджи. — Все напавшие на Дэви убиты. Рибо говорит, он отдал такой приказ, подозревая, что они действительно стражи храма. Если бы они оказались захвачены в плен, их

[14] Друг мой (исп).

пришлось бы освободить, чтобы не вступать в конфликт со Скетуло, и новости быстро достигли бы Эски. А так Рибо может теперь утверждать, что его действия были вполне оправданными: на расстоянии выстрела эмблемы храма разглядеть нельзя, и естественно предположить, что на путешественника напали разбойники, уничтожать которых долг Рибо.

— Превосходно, — улыбнулся Шустер. — Рибо палец в рот не клади. Если он найдет предлог не посылать сюда вестника — а я не сомневаюсь, что он его найдет, — у нас окажется несколько дней, прежде чем Скетуло начнет гадать, что же там произошло, и отправит кого-нибудь для выяснений. Дорога туда и обратно тоже потребует времени. Другими словами, если мы будем держать рот на замке, его собственная тактика проволочек обернется против Скетуло. — Шустер оглядел своих собеседников. — Время — это главное, в чем мы сейчас нуждаемся, если не считать средства доставки генератора. Время для того, чтобы Посвященные? утратили внутреннее равновесие, чтобы в храме началось такое брожение, что жрецам станет не до новых квазизаконных уловок в отношении нас.

— Смотри, как бы это не вызвало насилие с их стороны, — сказал Мукерджи.

— Это маловероятно, — отозвался Шустер. — На Дэви она напали исподтишка: думаю, что Скетуло отречется от своих приспешников, когда о нападении станет известно. Видишь ли, ему нелегко принимать незаконные решения: это дает его противникам вроде Рибо слишком хороший повод для нападок, а то и для вооруженного сопротивления. Да и вообще, как я уже говорил, время теперь будет работать против этого старого черта.

Паскуаль внимательно посмотрел на торговца:

— Какую кашу ты заварил?

— Ну... — Шустер снова потянулся за бутылкой, виски с веселым бульканьем полилось в стакан. — Первым делом, как ты знаешь, я познакомил их с ньютоновской

астрономией. Я замаскировал ее под допущение, но так им просто легче ее проглотить, а напиток менее крепким не становится. Никто не сможет обманываться до бесконечности насчет того, будто это всего лишь сказочка для упрощения вычислений. Раньше или позже, но они придут к выводу, что орбиты планет действительно эллиптические. А это разрушит главную опору веры в то, что круг священен, что, в свою очередь, пошатнет всю их религию. Скетуло все это предвидел, поэтому сразу и наложил запрет на исходящие от меня идеи. Впрочем, так он может только отсрочить неизбежное. Не в его силах запретить Посвященным думать, и некоторые из них возмущены запретом. В результате в храме начались трения, которые отвлекут Скетуло от изобретения безопасного способа придушить нас.

— Придумано прекрасно, но не со слишком ли дальним прицелом? — нахмурил брови Мукерджи. — Чтобы революция созрела, может понадобиться полстолетия.

— Согласен. Астрономические разногласия играют нам на руку, но их одних недостаточно. Так что сегодня я позвал сюда Херктаскора. Мы обсуждали теологические проблемы.

— Что?! Не рассчитываешь же ты развалить их религию за полдня?

— Нет, конечно. — Шустер глотнул виски. На его лице появилась ухмылка. — Местные гойим[15] трудились два или три тысячелетия и ничего не добились. Я просто указал на некоторые логические следствия религиозной доктрины Ларсума и предложил ответы, найденные на Земле для преодоления определенных противоречий.

— Ну и что? — недоуменно спросил Паскуаль.

— Ты же знаешь, я всегда интересовался историей науки и философией и много читал о них. В результате, а также благодаря семейным традициям мне кое-что известно насчет каббалы[16].

---

[15] Иноверцы (иврит).

[16] Каббала — мистическое направление в иудаизме, возникшее в начале новой эры и получившее особое распространение в

— Quees?[17]

— Система средневековой еврейской теософии. В той или иной форме каббала пользовалась огромным влиянием на протяжении столетий, даже воздействовала на христианство. Но поверьте, вы мне, это самая невообразимо запутанная конструкция, которую смогло создать человечество с помощью нескольких текстов, массы тумана и закусившей удила логики. Ортодоксальный иудаизм всегда старался держаться подальше от каббалы с ее заумью — неосторожных она приводила к тяжелейшим эмоциональным срывам, как, например, это часто случалось среди хасидов[18].

Но к ларсианской религии каббала подходит, как сшитая по мерке. Например, в каббалистической теософии фигурируют десять форм эманации божества, десять отдельных атрибутов его совершенства — сефирот. Они разбиты на три триады, в каждую из которых входит мужская и женская сущности и их союз. На Айвенго нумерология[19] не особенно развита, но, когда я напомнил Херктаскору, что три точки определяют окружность, он разинул рот. Каждый из сефирот, входящих в триады, соотносится с определенной частью тела человека. Остающийся сефирот окружает все остальные (что также прекрасно вписывается в ларсианскую доктрину), а все они вместе создали Вселенную... Ладно, не буду углубляться в детали. Еще в каббале разрабатывалась своеобразная техника дешифровки, благодаря которой можно постичь скрытый смысл Писания — доктрину триединства, демонологию и всяческие магические

средние века. Космогоническая и теософская каббала исходит из идеи сокровенного неизреченного бесконечного божества. В каббале большую роль играют 32 «пути премудрости», а именно 10 цифр и 22 буквы еврейского алфавита, которым придается мистическое значение.

[17] Что это? (исп.)

[18] Хасиды — последователи мистического течения в иудаизме, характеризующегося крайней религиозной экзальтацией.

[19] Нумерология — учение о скрытом (иногда магическом) значении чисел и их сочетаний.

заклинания. Все это — великолепная, блистательная чепуха, соблазнявшая в свое время лучшие умы Земли. Вот я и скормил такую аппетитную приманку Херктаскору.

— Ну и? — очень тихо спросил Мукерджи.

— О, конечно, я ему обрисовал только контуры — на полное изложение потребовались бы недели. Не знаю, придет ли он узнавать подробности, да это и не имеет значения. Семя соблазна посеяно. Ларсианская философия еще довольно примитивна, такой крепкий орешек ей не по зубам. Хоть их религия теоретически и является монотеизмом, на практике в ней сильны суеверия, вера в духов и привидения, и никто еще не подвергал доктрину основательной перетряске. Тем не менее теология существует и пользуется уважением. Так что Посвященные представляют собой прекрасный горючий материал, и достаточно искры, чтобы произошел взрыв интерпретаций, пересмотров, реформации, контрреформации, откровений, новых доктрин, фундаменталистской реакции — всех тех веселеньких развлечений, через которые мы на Земле уже прошли. Как я уже говорил, каббала сыграла во всем этом не последнюю роль. Дайте только время, и эта мина взорвет храм, а Ларсум сможет вдохнуть свежий воздух.

Шустер покачал головой.

— Боюсь, не обойдется без кровопролития, — заключил он, — и, если бы я не считал, что в конце концов такая встряска окажется полезна здешнему обществу, я не пошел бы на это даже ради спасения наших жизней.

Паскуаль озадаченно посмотрел на Мартина.

— Такие материи слишком тонки для меня. Ты думаешь, это нас спасет?

— Если нам удастся переправить сюда генератор за несколько ближайших недель, то несомненно. Херктаскор не дурак, к тому же он прирожденный теолог. После неприятностей с новым методом вычислений он будет осторожен в выборе тех, с кем обсуждать откровения каббалы. Но в храме собраны лучшие мозги, томящиеся от безделья. Если им не

давать фактов для размышлений, они примутся за теорию, и новые концепции охватят храм, как пожар. Скоро дойдет и до открытых столкновений. Закон не дает Скетуло права запретить подобные дискуссии, а накал страстей вызовет неповиновение любому незаконному приказу. Так что старикашке хватит забот до конца жизни.

7

Рибо, Гилригорский Страж Границы, остановил фастигу на вершине холма. Рука в окованной железом перчатке указала вниз.

— Эска, — провозгласил он.

Дэвид Фолкейн прищурился, вглядываясь в сумрак. Для человеческого зрения город был всего лишь пятном на берегу ртутно переливающейся реки. Но тут его взгляд уловил отблеск света на металлической поверхности.

— Наш корабль, — прошептал он. — Мы добрались!

Рибо всматривался в поля и сады, на километры протянувшиеся вокруг столицы.

— Не заметно никаких военных приготовлений, — заключил он. — Кажется, я вижу горожан, бегущих нам навстречу, но солдат среди них нет. В храме, конечно, знают о нашем приближении. Ясно: они решили не оказывать сопротивления.

— А ты ожидал схватки? На самом деле?

— Я не был уверен. Поэтому я и захватил с собой так много воинов. — Закованный в доспехи айвенгец выпрямился в седле. Его хвост хлестал по бокам фастиги. — Попытайся Посвященные устроить побоище, они нарушили бы закон, так что мы имели бы все права на ответный удар. Ведь не только Стражам Границы правление жрецов встало поперек горла. Мои воины будут почти что жалеть, если им не удастся сегодня омочить мечи в крови.

— Ну, я не испытываю подобного желания, — поежился Фолкейн.

— Миролюбив ты или нет, — ответил Рибо, — ты нанес жрецам гораздо больший урон, чем это когда-нибудь удалось бы мне. Наш мир теперь не останется неизменным. Платформа ведь такая простая вещь, а сколько от нее пользы — меньше работы крестьянам, купцы смогут быстрее перевозить товары. Вековой застой нарушен. Что касается меня, то я намерен использовать новые возможности, чтобы разбить варваров гор Касун, а это значит, что со мной среди правителей Ларсума станут больше считаться. В Гилригоре всегда будут рады твоим соплеменникам.

Фолкейн виновато опустил глаза.

— Я не могу обманывать тебя, мой друг, — пробормотал он. — Может случиться, что никто из нас здесь больше не появится.

— Я слышал такие разговоры, — ответил Рибо, — и пропускал их мимо ушей. Может быть, просто не хотел верить. Впрочем, это не имеет значения, — в голосе айвенгца зазвучала гордость, — придет день, и наши корабли прилетят к вам.

Он поднял боевой топор, подавая сигнал. Строй всадников развернулся, и огромная платформа, которую тащили двадцать фастиг, перевалила через вершину холма. Металлические части погруженных на нее генератора и подъемного крана заблестели в закатных лучах красного солнца.

Погонщик фастиг опустил тормоз — плоское бревно, — чтобы платформа не слишком быстро катилась вниз по склону. Со скрипом, стуком, лязгом и дребезжанием сооружение двинулось вперед.

Под платформой находилось восемь роликов. Они катились между направляющими боковыми досками, передняя пара которых могла двигаться между квадратными штырями — это давало возможность платформе поворачивать. Бамперы не давали роликам выкатиться из-под днища на спусках и подъемах. Как только один из катков появлялся сзади из-под платформы, его за металлические петли подхватывали крюки, установленные на коромыслах с

противовесами на самой платформе. Массивная рама и кожаные ремни направляли коромысла строго назад, препятствуя движению вбок. Двое работников изо всех сил тянули за цепи, коромысла поднимались вверх; в высшей точке подъема крюки выскальзывали из петель, и каток падал на наклонный настил спереди. Еще двое работников, вооруженные шестами, следили за тем, чтобы он катился без перекосов. Прогрохотав по настилу, каток падал на дорогу перед бампером, и платформа наезжала на него. Коромысла поворачивались, чтобы подхватить следующий каток, и все начиналось сначала.

Каждый каток был треугольным в сечении.

Если начертить равносторонний треугольник ABC, провести дуги BC с центром в точке A, AC в точке B, AB в точке C и потом скруглить углы, получится фигура равной ширины. Если ее вращать между двумя касательными к ней прямыми, они останутся касательными к ней в любой точке при любом повороте.

На самом деле класс многоугольников постоянной ширины неограничен. Окружность является предельным случаем такого многоугольника — если бесконечно увеличивать число его сторон.

Конечно, подумал Фолкейн, такие катки его изобретения будут со временем изнашиваться и приближаться к запрещенной круглой форме; тогда их придется заменять. Только придется ли? Кто-нибудь вроде Рибо начнет возражать, доказывая, что, как показала практика, круг — наименее совершенная форма, результат вырождения многоугольников более высокого порядка. Как будто у бедных Посвященных недостаточно забот с чисто теологическими проблемами!

Фолкейн пришпорил фастигу и занял свое место впереди платформы, торжественно приближавшейся к кораблю.

Некоторые замечания по поводу относительности.

До начала космических полетов часто предсказывалось, что другие планеты будут интересны человеку лишь в чисто интеллектуальном плане. Ведь биохимическая эволюция даже на сходных с Землей мирах должна быть совершенно отлична от земной, поскольку лишь случай определяет, по какому из множества возможных путей она пойдет; в результате человек не сможет жить на других планетах без специального снаряжения. Что же касается разумных существ, то разве не самонадеянно предполагать, что они окажутся столь близки нам по психологии и культуре, чтобы мы смогли найти с ними точки соприкосновения? Результаты первых экспедиций за пределы Солнечной системы вроде бы утвердили ученых в этом антиантропоморфизме.

Теперь же общественное мнение шарахнулось в противоположную крайность. Мы осознали, что в Галактике множество планет, которые, несмотря на весьма экзотические детали, не менее гостеприимны для человека, чем родная Земля. Все мы встречались с инопланетянами, и как бы сильно они ни отличались от людей, мы убеждались, что говорят и думают они как привычные нам персонажи: Воин, Философ, Купец, Старый Космический Бродяга, — нам знакомы сотни их воплощений. Мы с ними работаем, ссоримся, ведем исследования, развлекаемся так же, как и со своими соплеменниками. Так не заложено ли что-то фундаментальное в земном типе биологии и технической цивилизации?

Нет. Как всегда, истина лежит где-то посередине. На подавляющем большинстве планет человек жить не может. Именно поэтому мы обычно минуем их, и они не оставляют особого отпечатка в нашем сознании. Из числа тех, на которых есть кислород и вода, более половины бесполезны или смертоносны для человека по тем или иным причинам. И

все-таки эволюция — не случайный процесс. Ее направленность задается естественным отбором, действующим в рамках физических условий. Кроме того, Галактика столь огромна, что варианты, возникшие по воле случая, повторяются в миллионах миров, и в результате Новая Земля — вовсе не редкость.

Сходно обстоит дело и с психологией разумных существ. Безусловно, большинство из них обладает основными инстинктами, более или менее отличающимися от человеческих. С теми расами, мотивация которых радикально отличается от нашей, мы контактируем мало. Естественно, среди круга нашего постоянного общения преобладают существа с близкими нам склонностями. И опять же, поскольку планет — миллиарды, мы можем не сомневаться, что нам удастся найти миллионы похожих на нас видов.

Конечно, не стоит обольщаться поверхностным сходством. Нечеловек всегда остается нечеловеком. Мы способны заметить только те грани его личности, которые в состоянии понять. Поэтому инопланетянин зачастую производит на нас впечатление ограниченного, даже комичного персонажа. Но не забывайте — и мы выглядим в его глазах такими же. На свое счастье, обычно человек и не подозревает, на скольких планетах он является традиционным героем непристойных шуток.

При всем при том представители каждой из рас — не говоря уже о культурах, — различаются между собой не меньше, чем Homo sapiens. Поэтому степень сходства между жителями разных планет сильно варьирует. Зачастую человеку проще общаться с негуманоидами, чем с некоторыми из своих соотечественников. «Конечно, — скажет изыскатель с Кецалькоатля о своем напарнике, — он смахивает на гибрид капусты с подъемным краном, конечно, он рыгает сероводородом и спит в грязной луже, а его представление о развлечениях сводится к тому, чтобы шесть часов подряд обсуждать которость зачемности. Но я могу доверять ему — Господи, да я бы даже оставил его наедине со своей женой!»

Ной Аркрайт.
«Введение в софонтологию»

1

Захватчики расположили свои корабли на стандартных патрульных орбитах. И не предприняли ничего для маскировки. Такая самоуверенность заставила Дэвида Фолкейна поежиться.

По мере того, как космолет приближался к Ванессе, его приборы стали регистрировать корабль за кораблем. Один прошел так близко, что не требовалось особого увеличения, чтобы увидеть детали. Едва уловимые особенности контура огромного, класса «Нова», корабля свидетельствовали, что он построен нечеловеческими руками. Его пушки пронзали черноту космоса, уставясь на россыпи созвездий; солнечный свет играл на его боках; он был прекрасен, надменен и устрашающ.

Совсем не страшно, сказал себе Фолкейн, и тут же усомнился, искренен ли он сам с собой.

Раздался сигнал вызова на общегалактической частоте. Дэвид нажал на кнопку приема. Судя по показаниям компенсатора Доплера, они с военным кораблем стремительно сближались. На экране появилось изображение: вряд ли это был ванессианин, но существо, судя по всему, принадлежало к тому же виду. Из приемника донеслось неясное бормотание.

— Извинить, не понимай, — промямлил Фолкейн, но на всякий случай затормозил. Агрессоры были обидчивы, а тот парень сидел за штурвалом такого монстра, которому по зубам целый континент, а кораблик Фолкейна сойдет за зубочистку. — Прошу прощения, я не владею вашими многочисленными языками.

Краок издал звук, напоминающий гудок. Похоже, он, она или икс не знал англика. Что ж, попробуем язык Торгово-технической Лиги...

— Вы говорите на латыни?

Существо потянулось за транслятором. Без него люди и краоки с трудом воспринимали звуки речи друг друга.

— Sprechen Sie Deutsch?[20] — спросил офицер, настраивая прибор.

— Э-э? — у Фолкейна отвисла челюсть.

— Ichhaben die deutscheSprache ein weniggelehrt, — гордость за свои лингвистические достижения преобладала у краока над грамматикой. — Bei der grosse Kapitan[21].

Фолкейн сжал ручки пилотского кресла, пытаясь собраться с мыслями, и изумленно уставился на экран.

Несмотря на враждебность, существо выглядело не так уж неприятно. Около двух метров в высоту, оно напоминало стройного тираннозавра, если, конечно, возможно представить себе тираннозавра, покрытого коричневым мехом, с огромным ребристым, наполовину сложенным, но тем не менее мерцающим и переливающимся гребнем на спине. Его руки были весьма сходны с человеческими, за исключением того, что каждый из четырех пальцев имел по дополнительному суставу. Круглая голова, уши с кисточками, квадратная морда, глаза меньше человеческих.

Вся его одежда состояла из повязки на руке, символизирующей высокое положение, кошеля на поясе и портупеи. Фолкейн порылся в памяти и определил принадлежность офицера к одному из трех краоканских полов: так называемый трансмиттер; оплодотворяется самцом и, в свою очередь, оплодотворяет самку. «Я должен был догадаться, — подумал Дэвид, — хотя в библиотеке Гарстанга данные о них и представлены весьма скупо. Самцы, миниатюрные и кроткие, занимаются выращиванием потомства. Самки — наиболее творческие натуры, они принимают большинство решений. А трансмиттеры отличаются воинственностью.

И в данный момент один из них взял меня на прицел».

---

[20] Говорите ли вы по-немецки? (Здесь и далее ломаный немецкий.)

[21] Я немного изучал немецкий. У большого капитана.

Фолкейн почувствовал себя очень одиноким. Пульсация двигателя, бормотание приборов корабля, чуть уловимый запах кондиционированного воздуха и запах его собственного пота, вес, создаваемый внутренним полем тяготения, — единственные ощущения жизни, которые окружали его, словно яичная скорлупа. А за ее пределами лежала пустота.

Многие парсеки разделяли его и могучую Лигу, и сейчас перед ним был корабль пришельцев, объявивших себя ее врагами.

— Antworten Sie![22] — потребовал краок.

Почти наугад выбрав казавшиеся подходящими слова из тех полузабытых крох идиша, который он время от времени слышал от Мартина Шустера в период своего ученичества, Фолкейн произнес как можно медленнее и отчетливее:

— Ikh... veyss... nit keyn... Deitch. Get me... ah mentsch... zeit azay gif'[23]. — Собеседник не двигался. — Черт возьми, с вами же есть люди, — не выдержал Фолкейн. — Я даже знаю, как одного из них зовут. Ута Хорн. Понятно? Ута Хорн.

Краок переключил Дэвида на своего собрата, сидящего на корточках у основания электронного аппарата. Из интеркома послышался нечеловеческий пересвист. Новый собеседник повернулся к Фолкейну.

— Я немного знаю латынь, — заявил он. Несмотря на вокалайзер, его акцент был настолько густым, что, будь он вареньем, его можно было бы намазывать на коржик. — Определите себя.

Фолкейн вытер губы.

— Я — представитель Торгово-технической Лиги на Гарстанге. С почтовой капсулой я получил известие о вашем... э-э... появлении. Там было сказано, что мне разрешено прибыть сюда.

— Так. — Снова свист. — Действительно, одному кораблю, невооруженному, мы позволили совершить посадку на Элан-Тррл. Вы создаете неприятности, мы убиваем.

— О, конечно, я не буду, — пообещал Фолкейн. «Пока мне не представится подходящая возможность». — Иду на посадку. Вас интересует мой маршрут?

Краока он интересовал. Бортовой компьютер послал необходимые данные на военный корабль. Намеченный путь был одобрен. Сверкнули, рассекая космос, лучи мазеров; они

---

[22] Отвечайте!

[23] Я не понимаю по-немецки. Позови кого-нибудь из людей.

оповещали другие корабли о необходимости следить за космолетом Фол-кейна.

— Вы идти, — разрешил офицер.

— Но этот Ута Хорн...

— Командор Хорн встретиться с вами, когда счесть нужным. Вперед.

Экран погас, и Фолкейн начал спуск. Внутренние компенсаторы поля вступили в борьбу с притяжением планеты.

Дэвид обнаружил, что невольно затаил дыхание, сделал глубокий вдох и вгляделся в открывшуюся перед ним картину. До сих пор, пока он спешил к звезде Фурмана, над окружающим пространством господствовала бета Центавра, немигающая, ослепительно яркая на расстоянии двух световых лет. Теперь заметным стал диск солнца Ванессы. Это был, конечно, не супергигант типа B, но все же достаточно впечатляющая белая звезда класса F7 с мерцающей короной, вскипающей протуберанцами. Если вдруг откажут защитные экраны, ее излучение легко пройдет через корпус корабля и уничтожит человека.

Он сглотнул. «Итак, мне предложена проба на роль пронырливого авантюриста. Что ж, вот я на месте и полон энергии».

Фолкейн потянулся; мышечное усилие сняло часть его внутреннего напряжения. Тут он понял, что голоден, и направился на корму, чтобы сделать себе сандвич. Поев и раскурив трубку, он почувствовал, как спокойствие постепенно возвращается к нему: в конце концов, ему только-только исполнилось двадцать лет, и оптимизм юности пришел к нему на выручку.

Он был одним из самых молодых людей, когда-либо получавших звание агента Лиги. Этим он был в значительной мере обязан своей находчивости во время неприятностей на Айвенго. Чтобы поставить сходный рекорд в получении сертификата мастера, необходимо совершить еще один-два таких же подвига. Неудивительно, что он завопил от радости, получив послание Бельягора.

Правда, как теперь выяснилось, ему противостоит нечто более грозное, чем он предполагал. Но он же все-таки сын барона из Великого Герцогства Гермесского. Так стоит ли падать духом, а?

В худшем случае, даже если ему ничего другого не удастся сделать, и он только сообщит в соответствующий сектор Управления о том, что здесь происходит, его заметят наверху. Может быть, сам старый Ник ван Рийн услышит о Дэвиде Фолкейне, таланты которого пропадают втуне на этом крошечном посту на Гарстанге.

Он немного попрактиковался в дерзкой улыбке. Получилось лучше, чем год назад. Его профиль оставался неисправимо курносым, но лицо утратило округлость, так его огорчавшую раньше. Теперь он, высокий, белокурый и стройный, сказал себе Фолкейн, прекрасно разбирается в одежде и вине. И в женщинах, добавил он, мгновенно расплывшись в самодовольной улыбке. Ах, если бы он не был единственным человеком в этом захолустье! Ну, может быть, этот загадочный Хорн прихватил с собой несколько женщин про запас...

Ванесса росла на экранах; красноватый шар, расцвеченный зеленым и голубым, поблескивал небольшими морями. Интересно, подумал Фолкейн, как называют ее местные жители? Будучи колонистами, цивилизация которых, в отличие от большинства, не деградировала за время длительного перерыва в космических путешествиях их расы, краоки с Ванессы, безусловно, обладали собственным языком. Почему же Фурман не занес, как это обычно делается в подобных случаях, в каталог местное название открытой им планеты?

Вполне возможно, потому что человеческие голосовые связки не могут должным образом извернуться для его произнесения. А может, ему просто захотелось окрестить планету Ванессой. Боже, какие сногсшибательные возможности открываются перед первопроходцем! Какая девчонка устоит, если в ее честь назван целый мир?

В поле видимости появился еще один патрульный корабль, и Фолкейн вернулся к реальности.

2

В давно миновавшие дни расцвета своей экспансии краоки никогда не основывали городов. Концепция столь маленькой единицы, обладающей собственной индивидуальностью и состоящей из еще более мелких субъединиц, существующих относительно изолированно, была чужда им. Тем не менее они давали имена своим связанным друг с другом поселениям, построенным в разных местах. Священная книга Фолкейна «Руководство для пилота по сектору бета Центавра» сообщила ему, что Элан-Тррл (как бы ни писать и ни произносить это название) расположен в средних северных широтах и отмечен радиомаяком Лиги.

В переполненной информацией микрофильмированной книге о планете говорилось мало. Из факторов, представлявших серьезную опасность, были упомянуты только озон и ультрафиолет. Фолкейн облачился в комбинезон с капюшоном и надел фильтрующую маску и защитные очки. Крошечный космопорт несся ему навстречу. Он приземлился и вышел из корабля.

Мгновение он стоял, пытаясь сориентироваться и привыкнуть к незнакомому окружению. Небо над головой было безоблачным, очень бледного голубого цвета; солнце сияло настолько ослепительно, что он не мог взглянуть в его сторону. Краски при таком жутком освещении казались выцветшими. За космопортом к озеру, от которого брали начало ирригационные каналы, разветвлявшиеся по сельскохозяйственным угодьям, сплошь покрытым голубовато-зеленым кустарником, сбегали холмы. По берегам каналов росли искривленные деревья с перистыми листьями; моторные лодки, скользя по воде, высоко задирали носы. Сельскохозяйственная техника, разбросанная по полям, и редкие гравилеты, пролетающие вдали, должно быть, были привезены

сюда торговцами Лиги. На горизонте вставала тускло-коричневая горная цепь.

При силе тяжести, на одну пятую превышающей привычную ему земную, Фолкейн чувствовал себя неповоротливым. Вокруг завывал ветер, обдавая его волнами раскаленного воздуха. Но Фолкейн не ощущал особого дискомфорта от жары.

По другую сторону от порта виднелись луковицеобразные башни Элан-Тррла. Тысячелетия выветривания лишили четкости очертания слагавших их камней. Фолкейн не заметил практически никакого транспорта и предположил, что движение, возможно, происходит под землей. С нежностью взглянул он на фасад комплекса зданий Лиги; ее постройки из стекла и пластика напоминали по форме милый сердцу обычный дом; контуры их подрагивали в струящемся от жара воздухе.

В порту неподалеку от его собственного стояли еще два корабля. Приземистый «Холберт», вероятно, принадлежал Бельягору. Хозяевами второго, со стремительными обводами и вооруженного, скопированного с земного крейсера, должно быть, являлись захватчики. Его охраняли несколько краоков. При появлении Фолкейна они не сдвинулись с места — по-видимому, были предупреждены о его появлении. Караульные безмолвствовали. Все время, пока он шел к зданию Лиги, Дэвид чувствовал спиной тяжесть их взглядов. Одинокий скрип его башмаков гулко отдавался на ветру.

Двери представительства Лиги распахнулись перед ним. В вестибюле было не менее жарко и сухо, чем снаружи, да и свет был столь же резким. Конечно, Лига направила сюда своим представителем кого-нибудь со звезды класса F. Фолкейн начинал в большей степени ценить прохладный зеленый Гарстанг. Но почему этот Бельягор не вышел встретить его?

— Прямо через холл и направо, — произнес по-латыни рокочущий бас из интеркома.

Фолкейн направился в главную контору. Бельягор сидел за столом, дымя сигарой. Над ним висела эмблема Торгово-технической Лиги: старинный космический корабль-каравелла на фоне взрыва сверхновой с девизом «Вынесет любой груз». Компьютеры, диктофоны и прочее оборудование — все было знакомо Фолкейну, в отличие от хозяина кабинета. Фолкейн никогда прежде не сталкивался с обитателями Джалиля.

— Итак, прибыл, — произнес Бельягор. — Что-то ты не спешил.

Фолкейн остановился и уставился на него. Представитель Лиги несколько напоминал гуманоида. Иначе говоря, его приземистое тело обладало двумя ногами, двумя руками и не могло похвастаться хвостом. В то же время ростом он был не больше метра, на ногах было по три толстых пальца, а трехпалые руки напоминали манипуляторы; из-под юбки — единственной его одежды — виднелись серая чешуя и желтое брюхо. Его нос был похож на рыло тапира, уши — на крылья летучей мыши. На макушке у него рос пучок рыжих волосков; над глазами торчали два толстых хемосенсорных усика. Сами глаза были такие же маленькие, как у краоков: существа, которые видят ультрафиолет и не воспринимают красную часть спектра, не нуждаются в больших глазах.

Словно для сравнения, рядом со столом, опираясь на собственный хвост, сидел краок-икс, — нет, на сей раз это была она. Бельягор ткнул в ее сторону сигарой.

— Это Квуиллипап, старший офицер связи. А ты... Как там твое дурацкое имя?

— Дэвид Фолкейн.

Новичок в разговоре с мастером не может позволить себе особо показывать зубы.

— Ну, садись. Пиво? Вы, земляне, быстро теряете воду.

А Бельягор не так уж плох, решил Фолкейн.

— Спасибо, сэр, — ответил он, опускаясь в кресло.

Джалилянин отдал приказание по интеркому.

— Были какие-нибудь осложнения по дороге сюда?

— Нет.

— Я так и думал. Ты не вызвал у них сильного беспокойства. Да и капитан Хорн хотел, чтобы ты прилетел, а он, похоже, занимает у них во Флоте высокую должность. — Бельягор пожал плечами. — Не могу сказать, что рад тебя видеть. Молокосос! Если бы поблизости оказался кто-нибудь поопытнее, может, нам и удалось бы что-нибудь сделать.

Фолкейн проглотил остатки своей гордости.

— Я сожалею, сэр. Но Лига действует в данном районе всего несколько декад, — я не уверен, что вы принимаете это во внимание. В вашем послании говорилось только, что в систему Фурмана вторглись краоки и потребовали от Торговотехнической Лиги полностью освободить от своего присутствия окрестности беты Центавра.

— Ну что же, кто-то должен доставить предупреждение в Управление, — пробурчал Бельягор, — а я занят. Я собираюсь оставаться здесь и вставлять им палки в колеса, может, мне даже удастся заставить их изменить решение. А пост на Гарстанге не много потеряет от твоего отсутствия. — Некоторое время он молча курил. — Впрочем, я хотел бы, чтобы до своего отбытия ты занялся кое-какими элементарными наблюдениями. Поэтому я и послал за помощью на Гарстанг, а не на Рокслатл. Снарфен, возможно, выполнил бы эту миссию в десять раз лучше — он ведь мастер, — но ты — человек, а люди занимают высокое положение среди анторанитов, как, например, Хорн, который сказал, что хочет побеседовать с тобой, когда я упомянул о твоем происхождении. Таким образом, может быть, ты сможешь выяснить, что же происходит. Я всегда говорил: чтобы понять представителей этой нелепой расы, используйте их же.

Фолкейн с мрачной целеустремленностью спросил:

— Антораниты... сэр?

— Захватчики называют свою базу Анторан. Никаких сведений, помимо названия, они не сообщают.

Фолкейн бросил быстрый взгляд на Квуиллипап.

— Нет ли у вас каких-либо идей — откуда они могли появиться?

— Нет, — ответила та через вокалайзер, — это не может быть один из известных колонизированных Расой миров. Но записи неполны.

— Я не понимаю, как...

— Я объясню. За столетия до того, как ваш или мастера Бельягора виды достигли первобытного уровня, великие предки краоков...

— Да, я знаю о них.

— Не перебивай старшего по званию, щенок, — прогремел Бельягор, — кроме того, я сомневаюсь в твоих исторических познаниях. Тебе не вредно будет послушать это еще раз, независимо от того, одолел ли ты пару-другую книг. — Он презрительно шмыгнул носом. — Ты связан с Галактической Компанией специй и спиртных напитков, не так ли? Они не ведут здесь дел. Ничего интересного для них. За всю историю межзвездной торговли Ванесса не производила на продажу ничего, кроме лекарств и флюоресцентов, непригодных для вашего типа жизни. Что до меня, я здесь не только агент «Дженерал моторе» Джалиля, я часто представляю и другие компании с соседних планет. Я-то знаю ситуацию изнутри. Продолжай, Квуиллипап.

— Теперь вы перебили меня, — угрюмо заметила ванессианка.

— Когда я вступаю в разговор, я не перебиваю, а поясняю. Продолжайте, я сказал. И покороче. Никаких этих ваших проклятых песенных хроник, слышите?

— Величие Расы не может быть донесено без Торжественных аллад.

— На фиг величие Расы! Дальше.

— Ну что ж, возможно, он все равно не смог бы оценить блеск и великолепие краоков.

Фолкейн стиснул зубы. Где, о небо, обещанное пиво?

— Тысячи и тысячи лет назад, — начала Квуиллипап, — Раса создала 1 космический флот и послала его на покорение

звезд. Долгой и трудной была борьба; эхо имен героев-звездолетчиков гремело веками. К примеру, Ундн...

— Притормози, — приказал Бельягор начавшей впадать в песенный экстаз Квуиллипап.

«Интересно, — подумал Фолкейн, — ее стремление к самовосхвалению вызвано комплексом неполноценности?» Дело в том, что краоки так и не сумели построить гиперпространственный двигатель. Они путешествовали на субсветовых скоростях — десятки столетий, от звезды к звезде. Плюс к тому же интерес для них представляли только сравнительно редкие яркие звезды класса F. Маленькие солнца, типа Сол, — слишком тусклы и холодны, обладают чересчур скудным ультрафиолетовым излучением, необходимым для их высокоэнергетической биохимии. Более крупные звезды, вроде беты Центавра, — вообще, все после F5 согласно основной классификации, — не имеют планет. Краокам еще повезло — они нашли четырнадцать новых, пригодных для использования систем.

— Попробуйте представить достижения предков, — настаивала Квуиллипап. — Они не только смогли преодолеть немыслимую межзвездную бездну, они часто изменяли атмосферу и экологию целых миров, приспосабливая их для себя. Ни один другой вид не достиг такого мастерства в этом искусстве.

«Да, действительно, — подумал Фолкейн. — У современных космических первопроходцев нет причин становиться планетарными инженерами. Если их не устраивает обнаруженный мир, они просто улетают в поисках другого. А субсветовой путешественник не может быть столь разборчив.

Надо признать, в краоканском прошлом действительно есть что-то величественное. Вряд ли люди смогли бы так долго претворять в жизнь столь обширную программу; для них в большей степени характерна индивидуальная, нежели коллективная гордость».

— Затем наступили Темные Времена, — продолжала Квуиллипап, — но мы помнили. Как бы ни велики были

трудности и потери, но, взглянув на ночное небо, мы всегда могли указать звезды, на которых живет наш род.

Судя по тому, что читал Фолкейн, приближение катастрофы было медленным, но неизбежным. Освоенные краоками области космоса оказались слишком велики для столь медленных путешествий; путь к очередному белому солнцу стал непозволительно дорогим удовольствием в плане времени, труда и ресурсов. Экспансия завершилась.

Вскоре та же участь постигла торговлю между колониями. Слишком дорого. Торгово-техническая Лига существует благодаря гиперпространственному и гравитационному двигателям, — только за счет того, что бесчисленное множество товаров дешевле закупить в системе другой звезды, чем производить на собственной планете. Хотя прибыль перестала быть целью путешествий краоков, они не избежали воздействия законов экономики.

Они не строили больше космических кораблей. Со временем большинство поселенцев прекратили перемещения даже в пределах планеты. Во многих мирах воцарились хаос и варварство. Ванессе повезло больше: цивилизация устояла и осталась неизменной, хотя и заплатила за это застоем в развитии технологии на протяжении трехсот столетий. Затем появился Фурман. Краоки получили весточку от потерянных братьев и стали мечтать о воссоединении Расы.

На это требовались деньги. Космический корабль стоит недешево, а Лига — не благотворительная организация. Пусть ванессиане накопят соответствующие средства, и любая судоверфь Галактики с радостью возьмется за их заказ. Но не раньше.

Тут Фолкейн осознал, что Квуиллипап в своем монотонном речитативе перешла к более важным вещам.

— Ни в хрониках, ни в устных сказаниях нет упоминаний о мире, который мог бы соответствовать Анторану. Фонетический анализ подслушанных разговоров, а также некоторые детали наблюдаемых традиций пришельцев заставляют предполагать, что их планета была колонизована

пришельцами с Дзуа. Но Дзуа — один из первых миров, где цивилизация была разрушена, и не сохранилось никаких записей об отправившихся оттуда экспедициях. Таким образом, Анторан, должно быть, пятнадцатая колония, забытая на планете-прародительнице и никогда не упоминавшаяся в сообщениях.

— Вы уверены, — осмелился перебить ее Фолкейн, — я имею в виду, не могла ли одна из известных планет, населенных краоками...

— Конечно, нет, — пророкотал Бельягор, — я побывал на них на всех и знаю их возможности. Такой флот — я был в космосе, видел корабли и знаю, что они могут сделать, — чтобы построить такую флотилию, нужна промышленность, которую так запросто не спрячешь.

— А захватчики... Что они говорят?

— Никаких зацепок, я же говорил. Они не так болтливы, как ваша раса сплетников. У краоков сильно выражено чувство принадлежности к клану, и они не выдадут тайны.

— Но они, по крайней мере, должны были объяснить причины своих действий.

— Ах это. Да. Они избраны небом для воссоздания древнего союза, на сей раз — в виде империи. Они хотят, чтобы Лига убралась из этого района, поскольку она — сборище чистокровных поработителей, эксплуататоров, взяточников и уж не знаю какой еще мерзости.

Фолкейн украдкой взглянул на Квуиллипап. Он не смог прочесть никакого выражения на ее лице, зато спинной гребень был развернут (так краоки понижают температуру тела); ванессианка била хвостом. Ванесса не оказала сопротивления захватчикам. Вполне возможно, Квуиллипап не будет очень уж убиваться, если ноги ее нынешнего начальства больше не будет на планете.

— Что же, сэр, их можно понять, не так ли? — осторожно заметил человек. — Это их дом, а не наш. Мы делали для краоков только то, что приносило нам прибыль. Для

сотрудничества с нами им приходится изменять высокую древнюю культуру...

— Твой идеализм поражает меня до мозга костей, не знаю только, каких именно, — усмехнулся Бельягор. — Дело пахнет потерей чудовищной суммы. Все наше имущество в районе беты Центавра будет конфисковано, ты слышал? Кроме того, они присвоят себе право на торговлю с более холодными звездами. А я думаю, они не остановятся и на этом. Те люди, которые действуют заодно с ними, — чего они хотят?

— Ну... да, — сдался Фолкейн. — Трудно отрицать, что люди — один из самых хищных видов во Вселенной. В вашем послании упоминался некий Ута Хорн. Звучит мило — э-э, навевает воспоминания о бандитах и Диком Западе.

— Я уведомил его о твоем прибытии, — сказал Бельягор. — Он хочет поговорить с чиновником Лиги, принадлежащим к его собственной расе. Ты, вероятно, сойдешь за такового. Хочется надеяться, тебе удастся что-нибудь у него выпытать.

Появился робот-слуга с бутылками.

— Пиво, — объявил Бельягор.

Машина откупорила две бутылки: Квуиллипап коротким движением головы отказалась от своей. Все ее мускулы были напряжены, хвост хлестал по когтистым лапам.

— Ad, fortunam tuam![24] — без особой искренности провозгласил Бельягор и влил в себя пол-литра пива.

Фолкейн отвел маску ото рта и сделал то же самое со своей порцией напитка. Но тут же выплюнул жидкость обратно, давясь и кашляя; его чуть не стошнило.

— Хм? — изумленно воззрился на него Бельягор. — Что, во имя девяти кругов ада... Ох! Я запамятовал, что ваше отродье не усваивает джалилианских белков. — Он громко хлопнул себя по бедру. — Ха-ха-ха!

[24] За твою удачу! (лат.)

3

Человеческие существа вездесущи; практически все посты Лиги на планетах неземного типа имеют помещения, приспособленные для подобных визитеров. Фолкейн опасался, что его соотечественники из числа союзников анторанитов займут соответствующие апартаменты, предоставив ему плевать в потолок тесной каюты космолета. Но, как он узнал, они предпочли остаться на своих кораблях. Возможно, они опасались ловушек. Он мог выбрать для плевков потолок любого из помещений.

Девятичасовой ванессианский день близился к закату, когда раздался звонок видеофона. На экране появился человек в зеленой форме. Его лицо с довольно грубыми чертами, украшенное усами, было столь загорелым, что Фолкейн вначале принял его за африканца.

— Вы — человек с другого поста Торгово-технической Лиги? — холодно спросил он с гортанным акцентом.

— Да. Дэвид Фолкейн. А вы — командор Хорн?

— Нет. Капитан Бланк. Начальник службы безопасности. Поскольку командор Хорн собирается встретиться с вами, я должен принять меры предосторожности.

— Я не очень представляю себе, что мы будем обсуждать.

Бланк улыбнулся. Казалось, это было ему настолько непривычно, что причинило боль мускулам лица.

— Ничего определенного, мастер Фолкейн. Мы хотели бы, чтобы вы передали Лиге несколько посланий. Помимо того, скажем так: обеим сторонам было бы полезно получить личные представления друг о друге, не отягощенные неизбежно присутствующими различиями между видами. Анторан будет бороться, если возникнет необходимость, но предпочел бы не делать этого. Командор Хорн желает показать вам, что мы не монстры, а действия наши — благоразумны. Хотелось бы надеяться, что вы, в свою очередь, сможете убедить в этом свое начальство.

— Хм-м... Хорошо. Где и когда?

— Я думаю, лучше у вас. Надеюсь, вы не настолько глупы, чтобы попытаться как-либо нарушить перемирие.

— Когда прямо у меня над головой висит военный Флот? Не беспокойтесь! — заверил его Фолкейн. — Как насчет обеда? Я исследовал здешние запасы продовольствия — они намного превосходят то, что может иметься на любом космическом корабле.

Бланк согласился, встреча была назначена через час, экран погас. Фолкейн задал работу кухонным роботам. Неважно, что он будет обедать с врагом, — он должен пообедать хорошо. Конечно, космический ковбой вроде Хорна не отличит икру от дроби, но Фолкейн приготовился смаковать за двоих.

Облачаясь в положенную золотую форму, Фолкейн привел в порядок свои мысли. Похоже, людей среди захватчиков немного, но они занимают важные посты. Несомненно, именно они первоначально научили анторанитов строить военные корабли; безусловно, они — опытные тактики и стратеги. Хорн пожелал прийти к нему, чтобы на корабле собрат не увидел лишнего, мелких деталей, незаметных для Бельягора, но которые могут сказать слишком много человеческому глазу. Надо постараться что-нибудь выведать...

Катер с флагмана находящейся на орбите флотилии приземлился. В наступающих сумерках Фолкейн с трудом различил одинокую человеческую фигуру, направляющуюся к представительству Лиги в сопровождении четырех краоканских солдат. Краоки заняли посты у дверей.

Еще минуту гость провел в шлюзе, ожидая, пока озон превратится в кислород; наконец Фолкейн открыл входную дверь. Анторанит как раз снимал фильтрующую маску. Фолкейн споткнулся на ровном месте.

— Что?! — вскрикнул он.

Она была ненамного старше его. Форменная одежда облегала фигуру, которая произвела бы на Фолкейна впечатление, даже если бы ему не пришлось до этого несколько месяцев хранить целомудрие. Иссиня-черные волосы мягко

падали на плечи, обрамляя огромные карие глаза, изящный носик и самый очаровательный ротик, какой он когда-либо...

— Но... — промямлил он.

В ее устах такой же, как и у Бланка, акцент звучал подобно музыке.

— Мастер Фолкейн? Я командор Хорн.

— У та Хорн?

— Да, все верно. Ютта Хорн с Ньюхейма. Вы удивлены?

Фолкейн кивнул с ошеломленным видом.

— Видите ли, население Ньюхейма невелико, и все, кто хоть на что-то годен, участвуют в общем деле. Кроме того, именно мой отец вновь открыл утерянную планету и затеял всю эту кампанию. Краоки, при их особом отношении к предкам, чтут меня за это; к тому же они привыкли видеть в женщинах лидеров. Так что от меня двойная польза: можно быть уверенным, что мои приказы будут исполнены в точности. Впрочем, вы должны были уже сталкиваться с женщинами в космосе.

— Э-э, дело в том, что...

«Теперь понятно. Когда Бельягор диктовал свое письмо мне, он использовал компьютер, запрограммированный на грамматику англика. Вполне понятно, если учесть, как мало людей знает немецкий. Бельягор, говоря о командоре, использовал местоимение мужского рода. Либо он никогда не встречался с ней лично, либо просто относится к людям с таким презрением, что не снисходит до половых различий. Что ж, он много теряет».

Фолкейн взял себя в руки, расплылся в самой широкой улыбке, на какую был способен, и отвесил низкий поклон.

— Хотел бы я всеща так удивляться, — промурлыкал он. — Прошу вас, командор. Садитесь. Что вы будете пить?

Она посмотрела на него с сомнением:

— Я не уверена, что мне стоит пить.

— Что вы, что вы. Обед без аперитива все равно что... хм... день без солнца. — Он чуть было не сказал: постель без девчонки, но вовремя остановился.

— Ах, я плохо знаю подобные тонкости.

— В таком случае у вас все впереди.

Фолкейн приказал ближайшему роботу-слуге принести традиционные напитки. Сам он считал, что мартини на несколько световых лет опережает любой другой вид алкоголя, но, учитывая необразованность дамы в этом вопросе, лучше предложить ей что-нибудь сладкое.

Девушка, чопорно выпрямившись, села в кресло. Фолкейн заметил, что ее наручный коммуникатор включен: наверняка он настроен на волну рации охраны у входа. Если только они услышат что-нибудь подозрительное, они

ворвутся внутрь. Однако вряд ли они смогут уловить нюансы того разговора, который Фолкейн лихорадочно обдумывал.

Он тоже сел. От предложенной сигареты девушка отказалась.

— Должно быть, вам не представлялась возможность быть испорченной цивилизацией, — рассмеялся Фолкейн.

— Нет, — невозмутимо согласилась она. — Я родилась и выросла на Ньюхейме. Мои единственные путешествия за пределы системы до сих пор ограничивались полетами к неисследованным звездам; они носили учебный характер.

— Что такое Ньюхейм?

— Наша планета. Часть системы Анторана.

— Э? Вы хотите сказать, что Анторан — звезда?

Ютта Хорн прикусила губу.

— Я не знала, что у вас сложилось другое мнение.

Несмотря на ее близость, а может, наоборот, именно из-за вызванного ею возбуждения ум Фолкейна лихорадочно заработал.

— Ага, — усмехнулся он. — Это кое-что мне говорит. До этого мы считали само собой разумеющимся, что антораниты происходят с единственной планеты системы, а их союзники из числа людей — просто искатели приключений. Жители Земли не называют себя солярианами. Зато земляне и марсиане совместно уже могут сказать о себе так. Таким образом, вокруг Анторана вращается более чем одна населенная планета. Ваш Ньюхейм; и сколько еще планет, населенных краоками?

— Неважно, — отрезала Ютта.

Фолкейн всплеснул руками:

— Простите, если я смутил вас. Вот наши коктейли. Давайте выпьем за лучшее взаимопонимание, между нами.

Девушка отхлебнула из своего бокала сначала нерешительно, потом — с явным удовольствием.

— Вы настроены дружелюбнее, чем я ожидала, — заметила она.

— Как я могу быть настроен иначе по отношению к вам, моя леди?

Девушка покраснела, ее ресницы взволнованно затрепетали, хотя она, безусловно, не кокетничала.

Фолкейн переменил тему: никогда не смущай свою мишень.

— Мы обсуждаем различия между нами, как и подобает цивилизованным людям, пытаясь найти компромисс. Не так ли?

— Каковы ваши полномочия для подписания соглашений? — Может, она и не имела дела с цивилизацией, но механизмы ее работы девушку научили понимать.

— Никаких. Но мои впечатления — впечатления очевидца, побывавшего на месте событий, могут иметь определенный вес.

— Вы выглядите слишком молодо для столь важной миссии, — пробормотала она.

— Ну, знаете, я уже немного повидал жизнь, — скромно сказал Фолкейн, — имел возможность попробовать и то, и это. Давайте поговорим о вас.

Она восприняла местоимение «вы» как форму множественного числа и принялась излагать явно заранее заготовленный текст.

Действительно, вокруг Анторана вращалось несколько планет, некогда колонизованных краоками с Дзуа. Поселенцы поневоле отказались от межзвездных полетов, но тысячелетиями поддерживали межпланетную торговлю, сохраняя технологию на более высоком уровне, чем ванессианский.

Однажды, сорок с лишним лет назад, крейсер Лиги преследовал корабль Роберта Хорна с Новой Германии. Пытаясь сбить преследователей со следа, капитан применил старый, хорошо известный космолетчикам маневр: попытался спрятаться за ближайшей звездой. Корабль прошел так близко от Анторана, что Хорн услышал радиосигналы. Позже он

вернулся для дополнительных исследований и обнаружил планеты.

— Да, он был вне закона, — с вызовом сказала девушка, — он возглавил Восстание Землевладельцев и действовал так успешно, что его противники не рискнули даровать ему амнистию.

Фолкейн краем уха слышал об этих событиях. Какой-то заговор среди аристократических семейств на Новой Германии — потомков первых поселенцев, ради сохранения власти, которую они теряли согласно новой конституции. Да и Лига оказалась вовлеченной: республиканское правительство предложило лучшие торговые концессии, нежели в свое время — Землевладельцы. Неудивительно, что девушка изо всех сил поливает Лигу грязью.

Он улыбнулся и вновь наполнил ее бокал.

— Мне близки ваши переживания. Знаете, я ведь с Гермеса. Аристократическое правление всегда представлялось мне наилучшей системой.

Ее глаза удивленно расширились.

— Так вы адель — благороднорожденный?

— Младший сын, — снова скромно потупился Фолкейн. Он не стал уточнять, что был послан учиться на Землю как человек, сбившийся с пути, достойного аристократа. — Продолжайте, ваш рассказ так увлекателен.

— В состав системы Анторана входила планета, которую краоки изменили на свой лад, но которая, по сути, оказалась слишком удаленной, слишком темной и холодной, чтобы стоило тратить на нее время. Людям она подошла лучше. Это и есть мой мир, Ньюхейм.

Хм-м, подумал Фолкейн. В таком случае должна существовать, как минимум, еще одна планета, расположенная ближе к солнцу и более подходящая для краоков. Очень может быть, что и не одна. Столь внушительный Флот, какой, по утверждению Бельягора, тот видел, невозможно быстро построить, не располагая значительным количеством рабочей силы и ресурсов. Это, в свою очередь, предполагает

наличие крупной звезды с широкой биотермальной зоной. Но это же невозможно! Представители Лиги посещали все звезды класса F в данном секторе; то же относится и к светилам класса G; среди них определенно нет такой системы, как...

— Мой отец тайно вернулся на Новую Германию, — продолжала Ютта Хорн. — Там, да и в других местах, он начал набор рекрутов. В обмен на их помощь он мог предложить им целый новый мир — Ньюхейм.

«И конечно, в первую очередь они стали проповедовать идею завоевания, — размышлял Фолкейн. — Нетрудно себе представить, как краоки клюнули на разглагольствования о возрожденном Фатерланде. А уж под действием постоянной пропаганды против Лиги они поверили, что единственный путь к воссоединению лежит через наше изгнание».

— Таким образом, инженеры с Новой Германии показали анторанитам, как строить гиперпространственные корабли, — продолжил за нее Фолкейн, — а инструктора с Новой Германии обучали экипажи космолетов; секретные агенты с Новой Германии разведывали, что происходит вне системы Анторана, ну и ну, вы не теряли времени даром.

Она кивнула. Два выпитых бокала сделали ее речь немного сбивчивой.

— Так оно и было. Все отошло на второй план перед подготовкой к кампании. Отдохнуть мы еще успеем. О, какое будущее нас ожидает!

— Но зачем ждать? — возразил Фолкейн. — Зачем бороться с Лигой? Мы не возражаем ни против строительства краоками космических кораблей за собственный счет, ни против каких-либо социальных преобразований на Ньюхейме.

— После того как Лига самым возмутительным образом раньше лезла в наши дела? — гневно воскликнула она.

— Да, согласен, мы вмешивались и будем вмешиваться, когда затронуты наши интересы. Но все же, Ютта, — он впервые назвал ее по имени, — Торгово-техническая Лига не

государство, даже не правительство. Она не более чем взаимовыгодное объединение межзвездных торговцев, которые зачастую грызутся между собой сильнее, чем с посторонними.

— Власть — одна из основ торговли, — парировала девушка, демонстрируя достойное Клаузевица знание стратегии. — Когда мы и наши союзники прочно установим свое господство над этим районом, возможно, мы позволим вам снова вернуться сюда, но действовать вы будете уже по нашим правилам. В противном случае, если бы наши интересы разошлись, вы слишком легко навязали бы нам свою волю.

— Лига не согласится на такое безропотно, — предостерег ее Фолкейн.

— Думаю, Лиге лучше подчиниться, — отрезала Ютта Хорн. — Мы уже находимся здесь, в этом регионе; мы контролируем все внутренние торговые маршруты. Мы можем нанести удар из космоса, где захотим. А кораблям Лиги придется преодолевать многие парсеки. Они найдут свои базы разрушенными. И они не будут знать, где находится наша родная планета!

Фолкейн поспешно отступил. Совсем ни к чему давать Ютте укрепиться в таком настроении.

— Конечно, вы обладаете огромным преимуществом. Лига может собрать силы, на порядок превосходящие ваши, — естественно, вы это понимаете, — но, вполне возможно, она решит, что победа над вами обойдется слишком дорого и не окупится возможным выигрышем от нее.

— Мой отец предсказал это перед смертью. Торговцев, которые не интересуются ничем, кроме собственной выгоды, легко припугнуть. Благороднорожденные — другое дело. Их цель — идеал, а не экономическое преуспеяние.

«Хотел бы я, черт возьми, чтобы у тебя появился шанс высунуть свой очаровательный носик из этого твоего самодовольного ограниченного мирка. Посмотрела бы ты, на что

способны настоящие, деятельные аристократы», — подумал Фолкейн. Вслух же он произнес:

— О нет, Ютта. Я не могу полностью согласиться с вами. Не забывайте, я одновременно торговец и потомок знатного рода. Психология этих двух классов не так уж различна. Лорд должен быть политиком, со всеми вытекающими отсюда последствиями, иначе он никуда не годится как правитель. А торговец неизбежно оказывается идеалистом.

— Что? — она изумленно моргнула. — Как?

— Ну, не думаете же вы, что мы работаем исключительно ради денег? Если бы дело было только в них, мы сидели бы дома, там уютно и безопасно. Так нет же, нас влекут приключения, новые горизонты, подчинение неживой природы напору жизни — покорение целой Вселенной, самого достойного противника из всех.

Ее брови оставались сдвинутыми, но выражение лица смягчилось.

— Я не вполне понимаю.

— Давайте я приведу вам несколько примеров...

4

Обед был накрыт в беседке на крыше, откуда открывался великолепный вид. К ночи Ванесса расцвела. Взошли две луны, маленькие, быстро бегущие по небу, и превратили окрестности в фантастический мир неясных серебряных колеблющихся теней. Слабо мерцало озеро; выступы скал были похожи на огромные цветы. Небо над головой было усыпано звездами; голубое сияние беты Центавра — алмаза, венчающего королевскую корону, — соперничало с лунами.

Свет, льющийся с панелей, ласкал смуглые щеки Ютты; Седьмая симфония Бетховена мягко струилась из приемника; пузырьки танцевали в бокалах с шампанским. Обед шел своим чередом: от закусок и консоме к рыбе, ростбифу, салату, птифурам и, наконец, к сырам. Фолкейн не забывал и про винные бутылки. Не то чтобы кто-нибудь из них был

пьян — Ютта, увы, была начеку, но оба они чувствовали себя навеселе.

— Расскажите что-нибудь, — попросила девушка, — У вас такая интересная жизнь, Дэвид. Словно у героя древней саги, только все происходит в настоящем, и от этого становится вдвое лучше.

— Дайте подумать, — он протянул ей бокал. — Может, о том, как я потерпел аварию на бродячей планете?

— На чем?

— На свободно летящей планете, не имеющей солнца. Их ведь больше, чем звезд. Видите ли, чем меньше тело, тем больше вероятность его образования при возникновении галактики. Обычно находишь их группами... То есть, честно говоря, нормально ты их не находишь, поскольку космос велик, а планеты — небольшие и темные. Но случайно, по пути от тау Кита к 70 Змеи я...

На самом деле это приключилось не с ним. Впрочем, так же обстояло дело с большинством рассказываемых Фолкейном историй. Но зачем портить хорошую байку излишней педантичностью?

К тому же, пока он рассказывал, Ютта рассеянно пила и пила из бокала, не подозревая умысла с его стороны.

— ...и в конце концов я обновил запас воздуха, нагревая и перерабатывая замерзшие газы. Как же я был рад смыться оттуда!

— Еще бы, — содрогнулась она, — космос мрачен. Восхитителен, но суров. Я предпочитаю планеты. — Она окинула взглядом открывавшуюся панораму. — Ночь здесь не такая, как дома. Не знаю, где мне больше нравится — на Ньюхейме или на Ванессе. Я имею в виду, когда стемнеет, — добавила она с легким смешком. — Ни один из краоканских миров нельзя назвать приятным при свете дня.

— Неужели ни один? Вы ведь видели множество их, учитывая, что три вообще находятся по соседству.

— Пять, — поправила она. — Ее рука метнулась к губам. — Lieber Gott![25] Я не хотела этого говорить.

Он мило улыбнулся, хотя внутри у него все так и запело от возбуждения. Святой Иуда! Пять планет — шесть, считая Ньюхейм — в термальной зоне, где вода — жидкость... вокруг одной звезды!

— Это неважно, — успокоил он ее, — раз вы сумели сделать всю систему невидимой. Я хотел побольше узнать о вас, вот и все, а это было невозможно, если бы вы не рассказали мне что-нибудь о своей родине. — Фолкейн наклонился через стол и похлопал ее по руке. — Ведь она — источник ваших грез, ваших надежд и вашего очарования, если позволите. Должно быть, Ньюхейм — просто рай.

— Нет, людям тяжело там жить, — искренне призналась Ютта. — Уже после моего рождения нам пришлось переместить поближе к полюсам некоторые поселения, когда движение планеты по орбите привело ее ближе к солнцу. Даже у краоков были подобные же трудности. — Она отодвинулась от него. — Но я говорю о том, о чем не следовало бы.

— Отлично, давайте переключимся на безопасные темы. Вы упомянули, что ночи дома отличаются от ванессианских. Чем?

— Ох... Другие созвездия, конечно. Различия не так уж велики, но все-таки заметны. Потом, из-за полярного сияния звезды никогда не бывают так отчетливо видны, где бы ты ни находился. Не могу сказать больше. Вы слишком наблюдательны, Дэви. Лучше, наоборот, расскажите мне о своем Гермесе. — Ее улыбка была неотразима. — Я хочу знать, где рождаются ваши мечты.

И Фолкейн охотно поведал ей о горах, девственной природе, равнинах, темных от стад, о купании в прибое Тандерстренда...

— Что это значит, Дэви?

---

[25] Боже милостивый! (нем.)

— Ну, купание в прибое. Знаете, волны, вызванные приливно-отливными силами. — Он решил усыпить ее подозрительность шуткой. — Ну вот, простодушная бедняжка, вы снова выдали себя. Значит, на Ньюхейме нет приливов.

— Не имеет значения, — отмахнулась Хорн. — Действительно, у нас нет луны. Океаны похожи на громадные спокойные озера.

— Солнце не... — он остановил себя.

— Оно на самом деле не так уж далеко; крохотная огненная точка. Я никак не могу привыкнуть к тому, что здесь солнце — диск. — Внезапно Ютта решительно поставила свой бокал на стол. — Послушайте, либо вы еще очень молоды и непосредственны, либо умны, как сатана.

— Почему не то и другое одновременно?

— Я не могу рисковать. — Она поднялась. — Лучше я уйду сейчас. Я допустила ошибку, придя сюда.

— Что? — он вскочил на ноги. — Но вечер только начался. Я полагал, мы вернемся в гостиную и послушаем музыку, например, Lieberstod[26].

— Нет. — Смущение и решимость сменяли друг друга на ее лице. — Мне тут слишком хорошо. Я забываю следить за своим языком. Передайте Лиге следующее. Прежде чем она сумеет поднять против нас другие миры, где живут краоки, мы их захватим, да и не только их. Если Лига будет вести себя благоразумно, возможно, тогда мы обсудим с ней торговый договор. — Она опустила глаза и покраснела. — Я хотела бы, чтобы вы смогли вернуться.

«Будь проклята политика!» — простонал Фолкейн. Ему не удалось уговорить Ютту переменить свое решение и пришлось проводить ее до двери. Он поцеловал ей руку... но, прежде чем успел предпринять что-либо еще, как она прошептала «Спокойной ночи» и выскользнула наружу.

---

[26] «Смерть в любви» — финал оперы Р. Вагнера «Тристан и Изольда».

Фолкейн налил себе хорошую порцию виски, набил трубку и рухнул в кресло. Но все это было слабым утешением.

«Ах вы, крысы! — мрачно размышлял он. — Подлые здоровенные крысы-мутанты! Они заставят меня убраться с планеты немедленно, завтра на рассвете, до того, как я успею воспользоваться, полученной информацией... Ну ладно, по крайней мере, в Управлении наверняка служат славные девушки... А может быть, со временем мне удастся вернуться сюда. Да, вернуться — помощником агента; а Ютта будет на самом верху социальной лестницы в межзвездной империи. Вряд ли из-за этого она станет относиться ко мне пренебрежительно, но разве сможем мы быть вместе?»

Он тяжело вздохнул и мрачно уставился на репродукцию картины Хокусаи, портрет старика, висящий напротив. Старик улыбался; Фолкейну захотелось дать ему по носу.

Отдаленные последствия плана Ньюхейма значительно неприятнее для крупных торговцев, чем потеря нескольких мегакредитов, рассуждал Фолкейн. Предположим, план осуществится. Предположим, могущественная Торгово-техническая Лига примет вызов и потерпит поражение; будет создана Империя краоков. Сами краоки согласятся или не согласятся остановиться на этом и установить мирные взаимоотношения с остальными мирами. В любом случае прямой опасности для человеческой расы это нести не будет — люди и краоки не претендуют на одни и те же владения.

Но обитатели Ньюхейма... Они ведь уже считают себя крестоносцами. Учитывая всю предшествующую историю Homo, называющего себя Sapiens, можно себе представить, как повлияет столь блестящий успех на кучку идеологизированных милитаристов! О, процесс будет развиваться медленно, сначала им надо увеличить численность населения, развить промышленную базу, затем они установят контроль над всеми пригодными для жизни людей планетами по соседству. Но итог один — ради славы, власти, ради того,

чтобы навредить ненавистным торговцам, ради установления Порядка — война.

Остановить их нужно сейчас. Хорошая взбучка дискредитирует Землевладельцев; на Ньюхейме войдут в моду мир, меркантильность, кооперация (или хотя бы берущая за глотку экономическая конкуренция); ну и, между прочим, представитель Лиги, сыгравший существенную роль в таком исходе дела, может рассчитывать на быстрое получение сертификата мастера.

С другой стороны, гонец, приносящий дурную весть...

— Ладно, — пробормотал Фолкейн, — шаг первый в процессе обезвреживания: найти их проклятую систему.

Они не могут рассчитывать вечно хранить свое местоположение в тайне. Им необходимо только время, чтобы успеть установить свою власть в данном районе; при наличии могучего космического Флота это недолго. Пока база остается неизвестной, они достаточно эффективно защищены. В таких условиях они сосредоточат свои усилия на наступлении, поскольку это даст им преимущество, далеко превышающее их реальные силы.

И, несмотря на все это, если Лига решит бороться, она победит. Без сомнения. Если начнется война, секрет неизбежно будет раскрыт, так или иначе. И тогда — ядерная бомбардировка из космоса... Нет!

Землевладельцы делают ставку на то, что Лига, чем ввязываться в дорогостоящие боевые действия, которые к тому же превратят в руины объект завоевания, предпочтет махнуть рукой на убытки и начать переговоры. Если при этом местонахождение Анторана будет по-прежнему неизвестным, шансы противников Лиги окажутся весьма высоки. Но независимо от того, насколько велика вероятность выигрыша, только фанатики играют в игры, где на кону — существование обитаемых миров. Бедняжка Ютта! В какую неподходящую компанию она попала! Как бы хотелось познакомить ее с порядочными людьми!

Ну хорошо, где же, в конце концов, эта дурацкая звезда?

Где-то неподалеку. Ютта на самом деле не выдала никакого секрета, проговорившись о том, что созвездия на ее планете выглядят почти так же, как здесь. Древние краоки ведь не путешествовали на большие, по межзвездным меркам, расстояния. К тому же база должна находиться в этом секторе, чтобы космический флот анторанитов мог получить преимущество, контролируя внутренние маршруты.

А сам Анторан должен быть большой и яркой звездой, не меньше, чем, скажем, GO, согласно общепринятой классификации. И тем не менее... ведь все такие звезды можно исключить из рассмотрения на основании давным-давно имеющихся у Лиги данных.

Если только... минуточку, минуточку... а не может ли звезда находиться в центре скрывающей ее туманности?

Нет. Туманность ведь не воспрепятствовала бы зондажу в Диапазоне радиоволн. Да и Ютта говорила о звездах, что видны у нее дома.

Полярные сияния... Гм-м... Ютта упомянула, что некоторые поселения пришлось переместить поближе к полюсам, когда планета слишком близко подошла к светилу. А это значит, что изначально они располагались гораздо ближе к экватору. Однако даже и там полярные сияния были видны: куда бы ты ни пошел, сказала она. Еще одно подтверждение того, что их солнце высокоэнергетическое.

Вот еще любопытный момент: очень вытянутая орбита Ньюхейма. И эта же проблема у других планет системы. Неслыханно. Можно даже подумать, что...

Фолкейн резко выпрямился. Трубка выпала у него изо рта и скатилась на колени.

— Святой... пресвятой... Иуда! — задохнулся он.

Мысли понеслись с бешеной скоростью. Он пришел в себя, только когда высыпавшиеся из трубки угольки прожгли ему брюки.

5

Дверь в резиденцию Бельягора, совмещавшую контору и жилые помещения, еле-еле успела убраться с дороги стремительно шагавшего Фолкейна. Однако, войдя в приемную, он замер на месте: в открытую дверь небольшого кабинета он увидел двоих погруженных в разговор краоков. Один из них, вооруженный и с повязкой на руке, свидетельствующей о высоком чине, был явно из числа завоевателей. Второй была Квуиллипап. Увидев Фолкейна, оба застыли в неподвижности.

— Приветствую тебя, — выдавила из себя офицер связи после паузы. — Какая нужда привела тебя сюда?

— Я хочу видеть твоего босса, — ответил Фолкейн.

— Думаю, он спит.

— Очень жаль, — пожал плечами Фолкейн, направляясь к двери, ведущей в личные апартаменты джалилеянина.

— Стой! — Квуиллипап кинулась за ним. — Я же сказала тебе, что он спит.

— А я тебе сказал — как жаль, что его придется разбудить, — отрезал Фолкейн.

Квуиллипап пристально посмотрела на человека. Ее спинной гребень развернулся и встал дыбом. Анторанит подошел и встал с ней радом, положив руку на бластер.

— Что за срочность? — медленно произнесла Квуиллипап.

Фолкейн ответил ей столь же пристальным взглядом.

— А что за разговор ведешь ты — настолько срочный, чтобы не ждать, пока Бельягор проснется?

В залитой безжизненным белым светом приемной воцарилась тишина. В ушах Фолкейна барабанным боем отдавался его собственный пульс. По спине у него побежали мурашки — уж очень угрожающим выглядел бластер в руке краока. Но тут Квуиллипап повернулась и молча увела своего соплеменника обратно в кабинет. Фолкейн облегченно перевел дух и пошел дальше — искать Бельягора.

Ему никто не говорил о том, в какой части здания находятся личные покои джалилеянина, но расположение помещений в подобных представительствах Лиги было стандартным. Однако нужная дверь оказалась заперта. Фолкейн позвонил. Никакого ответа. Он позвонил снова.

Сканер, по-видимому, был соединен с экраном в спальне Бельягора, потому что из переговорного устройства раздался недовольный голос:

— Ты! Уж не вообразил ли ты, что я встану из-за какого-то настырного человечишки?

— Да, — ответил Фолкейн. — Дело срочное.

— Тебе лучше срочно броситься вниз с ближайшей скалы. И позволь пожелать тебе плохой ночи. — Переговорное устройство отключилось.

Выражение «срочное дело», пожалуй, слишком часто употребляется и утратило первоначальный смысл, решил Фолкейн. Он прислонился плечом к кнопке звонка.

— Прекрати этот проклятый трезвон! — взвыл Бельягор.

— Обязательно — как только вы меня впустите.

Переговорное устройство отключилось снова. Фолкейн принялся насвистывать «Голубой Дунай», продолжая плечом давить на звонок.

Дверь с треском распахнулась, и из нее выскочил Бельягор. Фолкейн с интересом отметил, что джалилеянин спал в ярко-пурпурной пижаме.

— Ах ты, наглый щенок! — возопил представитель Лиги. — Убирайся отсюда!

— Да, сэр, — ответил Фолкейн. — С вами вместе.

— Что?!

— Мне нужно кое-что показать вам у меня на корабле.

Глаза Бельягора загорелись красным огнем. Его усики встали дыбом. Он так надулся, что, казалось, его маленькое кругленькое тельце вот-вот лопнет.

— Пожалуйста, сэр, — умоляюще произнес Фолкейн. — Вы должны это сделать. Дело чрезвычайно важное.

Бельягор выругался и замахнулся кулаком.

Фолкейн уклонился от удара, ухватил почтенного мастера Лиги за ворот и штаны и понес, вопящего и брыкающегося, к выходу.

— Я же говорил вам, сэр, что вы обязательно должны со мной пойти, — терпеливо объяснял Фолкейн по дороге.

Те двое краоков, что находились в приемной, уже ушли, а часовые у крейсера в порту не сделали попытки вмешаться. Вполне возможно, что, хотя их мохнатые неподвижные лица ничего не выражали, они наслаждались зрелищем. Покидая свой корабль, Фолкейн оставил трап выдвинутым, хотя и включил на люке опознающий хозяина замок. Дверь перед ним распахнулась. Он внес Бельягора внутрь и опустил на пол, приготовившись кротко снести все громы и молнии.

Джалилеянин не произнес ни слова. Он только смотрел на Фолкейна, и его нос странно подергивался.

— Ну хорошо, — вздохнул Фолкейн. — Вы отвергаете мои извинения. Вы позаботитесь о том, чтобы меня вышвырнули из Лиги. Вы удавите меня моими собственными кишками. Что-нибудь еще?

— Надеюсь, ты можешь объяснить свое поведение, — голос Бельягора напоминал скрип ножа по стеклу.

— Да, сэр. Дело не терпит отлагательств. И я не рискнул говорить о нем где бы то ни было, кроме как на корабле. Ваша Квуиллипап что-то уж слишком дружна с самозваными освободителями. Ей не составит труда подкинуть пару жучков в ваши апартаменты.

Должно быть, озон местной атмосферы, проникший в корабль, когда они входили, теперь уже превратился в кислород. Фолкейн снял свою фильтрующую маску. Бельягор пробормотал что-то нелестное насчет воздуха, которым дышат земляне. В остальном же резидент Лиги остыл удивительно быстро.

— Выкладывай, щенок, — приказал он.

— Видите ли, сэр, — ответил Фолкейн, — я знаю, где находится Анторан.

— Х-хе? — Бельягор, расположившийся в пилотском кресле, так и подпрыгнул.

— Анторанитy ни за что не выпустят меня, стоит им только заподозрить, что я это знаю, — продолжал Фолкейн. Он стоял, прислонившись к переборке, и смотрел в иллюминатор. Обе луны зашли, и только бета Центавра сияла на небе. — Поэтому нужно, чтобы и вы тоже отправились вместе со мной.

— Что?! Это невозможно! Если ты думаешь, что я брошу собственность «Дженерал моторе» на милость грабителей...

— Они все равно вскоре вышлют вас, — сказал Фолкейн. — Признайте это. Вам ведь просто ненавистна мысль о капитуляции. Так не лучше ли, если мы ухватим быка за рога?

— А откуда ты взял, будто тебе известно, где находится Анторан, — зашипел на него Бельягор. — Эта самая Хорн пошутила, а ты и поверил?

— Нет, сэр, она старательно скрывала от меня всякую информацию. Только дело в том, что она выросла в отрезанном от мира, идеологизированном спартанском обществе. Где уж ей сладить со мной, — Фолкейн ухмыльнулся, — в переносном смысле, конечно, не в буквальном. Ее начальство не предвидело, как на ней скажется выпивка и изысканная беседа. Они и сами-то к этому непривычны, я думаю. Возможно, они к тому же рассчитывали, что я буду сражен ее внешностью и просто разину рот от восхищения. Похоже, они все там романтики. Ужасно опасные, конечно, но романтики.

— Ну? Ну? И о чем же эта Хорн говорила?

— О всяких мелочах. Впрочем, они-то ее и выдали. Ну, вроде того, что Анторан — не планета, а звезда. А между прочим, только одна звезда поблизости удовлетворяет всем условиям. — Фолкейн дал Бельягору время недовольно поворчать, а потом указал на небо. — Бета Центавра.

Резидент Лиги взорвался-таки. Он метался по рубке, размахивал руками и ругался. Фолкейн старался запомнить наиболее красочные эпитеты для использования в будущем.

Наконец Бельягор несколько успокоился, остановился, поднял палец и произнес:

— Ты неописуемый идиот. К твоему сведению, Бета — голубой гигант типа B. И всем давным-давно известно, что звезды-гиганты не имеют планет: это следует из отношения углового момента к единице массы. А уж когда появился гиперпространственный двигатель, экспедиции к таким звездам доказали это на практике. Даже если предположить, что светило каким-то образом обзавелось спутниками, они оказались бы непригодными для жизни. Гигантские звезды сжигают водород с такой скоростью, что время их существования измеряется миллионами лет. Миллионами, слышишь, а не миллиардами. Бета Центавра едва ли старше десяти миллионов лет, а больше половины ее жизни — я имею в виду устойчивое состояние — уже миновало. Ей предстоит превратиться в сверхновую, а затем в белого карлика. Жизнь не успела бы развиться на планетах, прежде чем они погибли бы. Да и нет там никаких планет, повторяю тебе. Почему только солнца меньшего размера могут иметь спутники, понятно: протозвезда-гигант, образуясь из межзвездной материй, создает слишком сильное гравитационное поле, чтобы в нем мог происходить процесс вторичного сжатия вещества. Я-то думал, что даже люди знакомятся с азами элементарной астрофизики в начальной школе. Я ошибался. Ну вот, зато теперь ты знаешь. — Его голос поднялся до визга. — И ради этого-то ты вытащил меня из постели!

Фолкейн сделал шаг в сторону и загородил выход.

— Но все это мне известно. Да и любому известно. Антораниты как раз и построили всю свою стратегию на нашем предвзятом мнении. Они рассчитывают к тому времени, когда мы поймем, что бета Центавра — исключение из правила, уже овладеть всем регионом.

Бельягор плюхнулся в пилотское кресло, сложил руки на груди и проскрежетал:

— Ну ладно, доигрывай этот фарс до конца, раз уж тебе неймется.

— Факты таковы, — принялся перечислять Фолкейн. — Во-первых, система Анторана колонизирована краоками, которые по своей природе не могут жить на планетах холодных звезд вроде земного Солнца. Во-вторых, Анторан имеет шесть планет в зоне, где вода существует в виде жидкости. Как бы ни выстраивать их орбиты, такая зона должна быть очень обширна, — а это говорит о соответствующей мощи излучения. В-третьих, самая удаленная от солнца из этих планет получает слишком мало тепла и света, чтобы быть удобной для краоков, но вполне пригодна для жизни человека. При этом на ней возникают полярные сияния, даже и в умеренных широтах; а для этого нужно, чтобы звезда испускала огромное количество частиц высоких энергий — другими словами, была гигантом. В-четвертых, эта планета, Ньюхейм, очень удалена от Анторана. Доказательством тому служат три независимых факта: с Ньюхейма невооруженному взгляду светило не кажется диском; на планете отсутствуют вызванные притяжением солнца приливы; период обращения вокруг звезды очень велик, может быть, порядка двух земных столетий. О такой длительности года на Ньюхейме я догадался, когда Ютта проговорилась, что им пришлось перенести поселения ближе к полюсам из-за жары. Вытянутость орбиты привела к тому, что низкие широты оказались непригодны для жизни и из-за высокого уровня ультрафиолета, преодолевающего озоновый слой, как это происходит здесь, на Ванессе. Первое поселение на Ньюхейме появилось лет сорок назад. Другими словами, удаленность планеты от солнца меняется так медленно, что колонисты сочли рациональным поселиться в районах, которые, как им было известно, позже придется покинуть. Думаю, они хотели использовать местные полезные ископаемые. Ну так вот, несмотря на огромное расстояние от светила, на Ньюхейме можно жить, если, конечно, не иметь ничего против основательного загара. Какая же звезда способна в такой

мере противостоять закону обратных квадратов? Только голубой гигант! А бета Центавра — единственный голубой гигант поблизости.

Фолкейн умолк, охрипну в и мечтая о пиве, чтобы промочить горло. Бельягор сидел неподвижно и напоминал статую, если, конечно, предположить, что нашелся бы скульптор, пожелавший увековечить подобные формы. Минуты тянулись бесконечно. Где-то в вышине раздался вой стартующего звездолета — вражеский корабль отбыл куда-то по своим загадочным делам.

Наконец Бельягор спросил без всякого выражения:

— Но как там могли появиться планеты?

— Я и об этом догадался, — ответил Фолкейн. — Звезда-исключение, как я уже говорил, может быть, единственная во Вселенной: она захватила несколько бродячих планет. Такое очень маловероятно, но все-таки возможно.

— Ерунда. Изолированное тело не может захватить другое. — Однако свое возражение Бельягор произнес совсем тихо.

— Согласен. Вот что могло произойти. Когда Бета еще только формировалась, образовалось массивное ядро, а остальная масса все еще занимала вокруг Бог знает сколько астрономических единиц как пылевое облако. Тут появилась группа блуждающих планет, поле тяготения ядра Беты изменило их траекторию, а сопротивление частиц туманности не дало им улететь. Потеря энергии привела к превращению гиперболических орбит в эллиптические. Может быть, существовало еще и второе, меньшее ядро, которое впоследствии приблизилось к основному и слилось с ним. Два тела уж точно могут захватить третье. Но, я думаю, одного трения о частицы пылевого облака было бы достаточно. Эллиптические орбиты, конечно, оказались дьявольски эксцентрическими, хотя трение их несколько и выровняло. Но Ютта признала, что вытянутость орбит и по сей день приводит к климатическим катаклизмам. Это ведь тоже ненормально для планетной системы, не правда ли?

Так что мы получаем еще один дополнительный ключ к загадке.

— Хм-м... — Бельягор потянул себя за нос и впал в задумчивость.

— Планеты, конечно, выделяли газы и водяной пар благодаря вулканической деятельности на ранних стадиях своего существования, — продолжал Фолкейн. — Газы замерзли бы в космосе, если бы не Бета. Не знаю, как краоки с Дзуа узнали об истинном положении вещей. Возможно, им не было известно, что голубые гиганты не имеют планет. А может быть, они послали автоматический зонд для астрофизических исследований, и тот доложил им о своих находках. Как бы то ни было, краоки обнаружили, что бета Центавра имеет пять подходящих для них планет плюс еще один мир, условия жизни на котором были для них в какой-то мере приемлемы. Вот они и колонизировали эту систему. Конечно, планеты были безжизненны, с ядовитыми атмосферами. Но древние краоки были мастера по части преобразования окружающей среды. Вы сами можете представить себе, что они предприняли: засеяли атмосферу фотосинтезирующими спорами для преобразования ее состава, завезли растения и животных, которые бы поглощали примитивную протоплазму и образовывали основу экологической системы, ну и так далее. В таких условиях размножение микроорганизмов идет по экспоненте, и потребуется всего несколько столетий, чтобы планета стала пригодной для жизни.

Фолкейн пожал плечами.

— Бета взорвется и уничтожит плоды их трудов через пять или десять миллионов лет, — закончил он. — Но ведь этого времени не так уж и мало, верно?

— Да, — тихо ответил Бельягор.

Он поднял голову и посмотрел в глаза человеку.

— Если все это так, нам нужно сообщить Лиге. Военный флот, который двинется прямо к Бете, захватит врага врасплох. Если планеты, на которых расположена их база,

окажутся нашими заложниками, ясно, что никакой войны не будет.

— Угу. — Фолкейн подавил зевок. Усталость начинала давать о себе знать.

— Но все это только гипотеза. Твои заключения основаны на слухах. Эта Хорн могла тебя провести. Лига не станет основывать проведение операции такого масштаба на голой идее, которая может оказаться ошибочной. Это было бы катастрофой. Требуются бесспорные доказательства.

— Конечно, — кивнул Фолкейн. — Поэтому-то нам и нужно отправиться обоим, каждому на своем корабле. Вам не составит труда придумать какую-нибудь отговорку — почему вы передумали оставаться здесь. Анториты ничего не заподозрят, если вы закатите им скандал и в ярости удалитесь.

Бельягор с достоинством выпрямился.

— Что это ты придумал? Это я закачу скандал, — я, самое терпеливое и покладистое существо во Вселенной?

— Да?

— Подумать только, с чем мне приходится мириться — с твоей непочтительностью, глупостью, жадностью, воровастостью, непониманием... — Сетования Бельягора превратились в монотонный рев. Фолкейн подавил еще один зевок.

— Да, такова моя участь, — завершил резидент Лиги свои обличения. — Впрочем, я что-нибудь придумаю. Что ты предлагаешь сделать после того, как мы отбудем отсюда?

— Мы сделаем вид, что отправились в Управление Лиги. Как только окажемся вне зоны обнаружения радарами, повернем к Бете. Вы останетесь на безопасном расстоянии, а я подберусь поближе и сделаю необходимые наблюдения. Потом я присоединюсь к вам, и мы на самом деле уберемся из здешних негостеприимных мест.

— Но зачем нам разделяться?

— Меня могут поймать. В этом случае — если я не появлюсь к условленному времени — вы сможете сообщить Лиге

о том, что мы узнали, и предложить, чтобы они произвели разведку вокруг Беты сами.

— Хм. Ха. Правильно. Но почему ты берешься за самую опасную работу? Я не уверен, что ты для нее достаточно компетентен.

— Сэр, — устало ответил Фолкейн, — может быть, я и молод, но управляться с приборами я умею. Этот скоростной корабль построен для человека: вы не смогли бы им воспользоваться; для разведки же требуется быстрота, а ваш корабль не сможет развить достаточную скорость. Так что придется уж мне взяться за это дело. Кроме того, — добавил он, — если я попадусь, я ведь всего лишь агент, и к тому же человек; вы же мастер и джалилеянин.

Его сарказм пропал даром. Бельягор вскочил, в его поросячьих глазках показались слезы.

— Правильно! — вскричал он, задыхаясь от волнения. — Как благородно с твоей стороны признать это! — Он пожал Фолкейну руку. — Ты уж не думай обо мне плохо. Я могу иногда раскричаться, могу нагрубить, когда мое терпение иссякнет, — но поверь, у меня вовсе нет предубеждения против твоей расы. У людей есть и прекрасные качества. Да что там, даже среди моих друзей есть люди!

6

Опасность возникала, когда до цели оставалось около одного светового года: на таком расстоянии пространственно-временные импульсы, создаваемые гиперпространственным двигателем, могут быть зарегистрированы приборами. Корабль Белья-гора остался за пределами этой опасной зоны; все его датчики были настроены на максимальную дальность. Впрочем, шанс случайного обнаружения такой пылинки, как космолет, был пренебрежимо мал; Фолкейну на обратном пути придется преодолеть немало трудностей, чтобы встретиться с Бельягором, хоть ему и было известно примерное место встречи. Если же приборы джалилеянина

засекут гиперпространственную «волну», созданную другим кораблем, ему следует поостеречься и не включать собственные вспомогательные двигатели до тех пор, пока незнакомец не удалится на безопасное расстояние.

Фолкейн не имел такой возможности. Он должен был приближаться к бете Центавра на максимальной скорости.

Солнце все росло и росло на экранах прямо по курсу. Вскоре в телескоп уже стал виден диск, вскипающий бурями, выбрасывающий на миллиарды километров протуберанцы, зловеще-голубой и яростный. Масса светила в одиннадцать раз больше солнечной; светимость превосходит солнечную в сто сорок раз; даже на расстоянии в сто девяносто световых лет бета Центавра — одна из самых ярких звезд земного неба. Фолкейн попытался насвистывать мелодию, но прекратил: уж очень тоненьким и испуганным получился звук.

Ближе. Ближе. Теперь уже можно включить камеры, фотографирующие изображения на экранах, устраняющих искажения и влияние эффекта Доплера. На фоне неменяющихся созвездий планеты оставляли следы, похожие на следы метеоритов: да, вот они! Фолкейн изменил курс и повторил наблюдения. Вскоре у него было достаточно данных, чтобы корабельный компьютер смог вычислить орбиты планет.

Фолкейну удалось засечь лишь часть захваченных Бетой миров, возможно, не все они были обитаемы. Однако и того, что он имел, было достаточно, особенно если учесть, что одна из обнаруженных планет оказалась на расстоянии примерно тридцати семи астрономических единиц от светила и имела диаметр, соответствующий тому, что должен бы иметь Ньюхейм. И — ага! — вон они, импульсы, испускаемые гиперпространственными двигателями; пространство вокруг звезды прямо-таки кишело ими.

Один из источников импульсов оказался чертовски близко — гораздо ближе, чем Фолкейну хотелось бы, и к тому же расстояние между ними все сокращалось. Похоже,

сторожевой корабль обнаружил его и собрался выяснить, в чем дело. Что ж, только очень быстрый космолет сможет сравниться в скорости с его милой малюткой, подумал Фолкейн.

Вражеский космолет оказался быстрым.

Удаляясь от звезды, Фолкейн видел на экранах приборов, как наращивает скорость его преследователь. Дэвид нахмурился, яростно затянулся табачным дымом и принялся размышлять. Он мог встретиться с Бельягором, прежде чем его перехватит патрульный корабль, но при этом анторанит окажется всего в одном световом годе от них и засечет обоих.

Что ж, придется разделиться...

На приборной панели ожил второй детектор. Фолкейн выругался. Еще один корабль включился в погоню. Экстраполяция направлений движения и скоростей показала Фолкейну, что ему самому Номер Два не страшен, но легко перехватит неповоротливый «Холберт» Бельягора.

Ну так. Что следует сделать — так это выключить двигатели и затаиться. Космос огромен, в нем можно затеряться... Угу... но только если эти ребята хоть что-то смыслят в своем деле, они засекут точку, в которой он «исчезнет», — на таком удалении они будут знать, где он, с точностью всего в несколько миллионов километров. Им останется только тоже перейти на субсветовую скорость и выследить его по нейтринному излучению его реактора. Или просто обнаружить при помощи радара.

— Братец, — сказал себе Фолкейн, — ты влип.

Он оглядел разворачивающуюся перед ним величественную панораму Вселенной, блистающую солнцами, сияние которых, сливаясь, образовывало пылающий поток Млечного Пути. Он вспомнил, как отблески солнечных лучей играют в колеблемой ветром листве деревьев, какое вкусное пиво в славной маленькой швейцарской таверне, как весело развлекаться в компании друзей, какой нежной бывает рука

девушки, и ощутил полное отсутствие желания становиться героем.

«Лучше их не раздражать. Сдаться. Иначе они вычислят, где ты окажешься при следующем гиперпространственном прыжке, и влепят ракету точнехонько тебе в лоб».

Бельягор сможет передать информацию Лиге, когда вражеские корабли повернут к дому. Конечно, у него не будет подтверждения того, что их подозрения по поводу беты Центавра верны. Неявка Фолкейна на место встречи — это еще не исчерпывающее доказательство: мало ли что с ним могло случиться. Так что Лиге придется послать собственных разведчиков, а их тоже скорее всего засекут. Конечно, используя сверхскоростные корабли, они не попадут в руки анторанитов, но враг будет начеку и усилит оборону своих планет. Если после этого война все-таки начнется, она будет более безжалостной, чем можно себе представить: в атомном пламени могут погибнуть целые планеты, от Ютты останется только облачко радиоактивного газа, а сам Фолкейн окажется иудой.

И почему только не существует радиоволн, распространяющихся быстрее света! Он передал бы все данные резиденту Лиги, перед тем как сдаться. Черт бы побрал законы физики!

Корпус его корабля гудел и вибрировал от невероятной скорости. Фолкейна сводила с ума жажда, зуд между лопатками, необходимость постричься. Сейчас не время для человеческих слабостей! Думай, чтоб тебе лопнуть!

Это было выше его возможностей. Он метался по рубке, докурился до того, что язык стал как подошва, чуть не насильно запихнул себе в глотку какую-то еду и вновь и вновь смотрел на приборы, пока наконец не решил послать все к дьяволу, не прикончил последнюю бутылку виски и не завалился спать.

Он проснулся несколькими часами позже, и перед ним было решение проблемы. Несколько мгновений он просто таращился в потолок, потрясенный собственной

гениальностью. Но, согласно вычислениям, он скоро доберется до того места, где его ждет Бельягор. Это значит, что сейчас его приборы могут засечь корабль джалилеянина, а тот наверняка ругает его последними словами, наблюдая на собственных экранах окрашенную лучами Беты в голубой цвет точку. Уж он-то не уснул бы в подобных обстоятельствах!

— Куй железо, пока горячо, — сказал Фолкейн, доказывая тем самым, что оригинальность мышления все-таки имеет пределы. Он вскочил с койки и принялся лихорадочно делать расчеты.

— За дело, приятель, — скомандовал он себе, садясь в пилотское кресло.

Выключить двигатели и перейти на субсветовую скорость. Через минуту включить их снова. Через тридцать секунд выключить. Через минуту включить.

Код Торгово-технической Лиги. Стрелки всех приборов, следящих за его кораблем, должны прыгать туда-сюда. Тире-точка-тире-тире-точка. ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ ПОДТВЕРДИЛОСЬ. Ф. Теперь повторить, для уверенности, что Бельягор понял. И еще раз. Пусть-ка поломает голову над тем, может ли Ф. значить что-то еще, помимо инициала отправителя. Остальное он поймет, это главное. С Божьей помощью антораниты ничего не разберут: код Лиги держался в строгом секрете.

Двигатели начали возражать против такого издевательства. Фолкейн уловил запах горящей изоляции, из реакторного отделения донесся зловещий скрежет. Фолкейн резко изменил направление движения и продолжал полет.

Достаточно простой арифметики, чтобы вычислить: когда Номер Один догонит его, корабль Бельягора будет гораздо дальше от них, чем в одном световом годе. Так же, как и от Номера Два: тот любезно повернул за Фолкейном. Дэвид включил автопилот, не спеша принял душ, тщательно оделся и приготовил себе роскошный завтрак.

Потом он уничтожил фотографии, записи приборов, показания курсографа и некоторые записи в судовом журнале; место последних заняли артистически выполненные подделки. Корабли Лиги имеют все необходимое для самых разнообразных операций.

Корабль анторанитов, космолет класса «Комета», вооруженный весьма впечатляюще, был уже близко. Его прожектор просигналил требование остановиться. Фолкейн подчинился. Преследователь тоже выключил гиперпространственный двигатель, уравнял скорость и затормозил на безопасном расстоянии. Прозвучал сигнал радиовызова. Фолкейн включил прием.

На него с экрана таращился офицер — человек с тяжелым подбородком и сплошь покрытой медалями грудью.

— Хелло, — приветствовал его Фолкейн. — Говорите ли вы на англике или на латыни?

— Да, — ответил тот, выбирая англик. — Себя идентифицируй.

— Скоростной космолет «Промасленная молния», следую из Трикорна в Хоупвелл, на борту агент Себастьян Тумс. А вы кто такие?

— Ньюхеймский крейсер «Граф Хельмут Карл Бернгард фон Мольтке». Командир Землевладелец Отто фон Лихтенберг. Говорит вахтенный офицер обер-лейтенант Вальтер Шмидт.

— Ньюхейм? Что еще, к дьяволу, за Ньюхейм? Никогда о таком не слышал.

— Цель ваша какова есть? Скрыться почему пытался?

— Моя цель — добраться с моего поста на Трикорне до станции Торгово-технической Лиги на Хоупвелле, чтобы запросить срочной помощи. У нас было наводнение, есть пострадавшие. Что же касается попытки скрыться, то, что прикажете делать, когда за тобой гонится непонятно кто?

— Решил ты, что мы враги есть. — В голосе Шмидта звучал скорее гнев, чем сожаление. — Не есть ли ты враг нам, ха?

— Нет, ха. Если вы посмотрите навигационную карту, то убедитесь, что бета Центавра почти в точности посередине между Трикорном и Хоупвеллом. Я летел именно на Хоупвелл, а не куда-нибудь поближе, потому что только там наверняка есть то, что нам нужно. В районе беты Центавра я обнаружил неполадки с двигателем. — Слава Богу, так оно и есть, благодаря использованию двигателя в качестве передатчика. — Чтобы проверить исправность рулей, я несколько раз менял направление, как вы, возможно, заметили. Ну а потом, раз — и за мной гонится корабль, и все это в секторе, где никаких кораблей быть не должно. Может быть, вы и правда мирная научная экспедиция, членам которой захотелось поболтать. Только я не собирался рисковать. Пираты ведь еще не перевелись, знаете ли. Я газанул. Тут двигатель начал спонтанно включаться и выключаться. Я кое-как наладил его и попытался изменить курс в надежде, что вы отвяжетесь. Не повезло. Вот и вся история.

Фолкейн придал лицу оскорбленное выражение и стукнул кулаком по приборной панели.

— И мне кажется, что это вы должны объяснить свои действия, — прорычал он. — Что это еще за сказочка про Ньюхейм? С какой это стати военные корабли околачиваются около голубого гиганта? И почему вы гоняетесь за безобидным купцом? Я пожалуюсь в Торгово-техническую Лигу.

— Посмотрим, — ответил Шмидт. — К высадке отряда на твой корабль приготовь себя.

— Проклятье, вы не имеете права!..

— У нас есть несколько атомный пушка. Дает право?

— Дает, — вздохнул Фолкейн.

Он помог соединить шлюзы кораблей герметичной трубой. Шмидт явился в сопровождении солдат и потребовал корабельные документы.

Просмотрев их, офицер сказал:

— Карошо, херр Тумс. Может, ты есть честный. Решать не я буду. Приказ есть. Необходимо тебя на Ньюхейм интернировать.

— Что?! — завопил Фолкейн. Он задерживал дыхание до тех пор, пока его лицо не побагровело, а глаза не выпучились. — Да знаете ли вы, кто я такой? Я зарегистрированный член Торгово-технической Лиги!

— Тебе сочувствую, — пожал плечами Шмидт. — Пошли. — Он обхватил Фолкейна за талию.

Фолкейн высвободился и выпрямился во весь рост, благословляя своего отца за то, что тот научил его, как себя вести в подобных ситуациях.

— Сэр, — обратился он к офицеру, и жидкий гелий был бы не холоднее его голоса, — если меня захватили в плен, то я заявляю о незаконности такого акта, но вынужден подчиниться. Тем не менее позвольте напомнить вам, что существует такое понятие, как законы чести. Кроме того, я наследник баронского титула Драконшо в Объединенном королевстве Новой Азии и Рагадах. Потрудитесь обращаться со мной с должным почтением.

Шмидт побледнел. Он щелкнул каблуками, поклонился и отдал честь.

— Яволь, мейн херр, — выдохнул он. — Нижайше прошу прощения. Если бы вы соблаговолили сказать мне раньше... Землевладелец херр фон Лихтенберг почтет за честь пригласить вас на чай.

7

Замок Грауштейн был не самым плохим местом для пленника. Хотя и не особенно уютный и продуваемый сквозняками на своей высокой горе, он был окружен лесами, предоставлявшими возможность превосходной охоты. Кормили там не особенно изысканно, но сытно. Землевладелец Грауштейн делал все от него зависящее, чтобы его благородный гость (гостивший у него, правда, не по своей воле) чувствовал себя как дома. Долгие беседы и прогулки (в сопровождении стражи) дали Фолкейну возможность обнаружить

заманчивые коммерческие перспективы — их можно будет реализовать, когда в регионе воцарится мир.

Если только... Впрочем, ему не хотелось задумываться об альтернативе. По истечении нескольких недель время стало давить на его терпение так же, как местная кровяная колбаса на желудок.

Поэтому Фолкейн искренне обрадовался, когда слуга, постучавшись к нему, объявил о прибытии посетителя. Но в дверь вошла Ютта. Фолкейн никак не мог бы предположить, что видеть ее окажется так мучительно.

— Ютта, — прошептал он.

Девушка закрыла за собой дверь и секунду молча смотрела на него. Темное дерево и гранит стен служили обрамлением ее яркой красоте в свете флюоресцентных ламп. Она сменила форму на изящный наряд, и если Фолкейн счел ее красивой в мундире, то теперь эту оценку нужно было увеличить в астрономическое число раз.

— Так это на самом деле вы, — проговорила она.

— Пожалуйста, садитесь, — выдавил из себя Фолкейн.

Она осталась стоять. Ее лицо казалось высеченным из камня, голос звучал бесстрастно.

— Эти идиоты поверили тому, что вы им наговорили, — будто вы просто случайно пролетавший мимо торговец, который увидел слишком многое. Они даже не допросили вас как следует и не уведомили командование флота. Я узнала о вас только вчера, когда, прибыв домой в отпуск, разговорилась с Землевладельцем фон Лихтенбергом. По его описанию... — ее голос затих.

Фолкейн взял себя в руки.

— Военная хитрость, моя милая, — сказал он мягко. — Ведь не мы начали войну.

— Что вы сделали?

Фолкейн велел своему сердцу биться помедленнее, вынул трубку, медленно набил ее и разжег.

— Вы могли бы накачать меня «наркотиком правды», так почему бы и не рассказать вам все? — улыбнулся он. — После

нашей беседы я заподозрил правду и отправился удостовериться.

— А это маленькое забавное существо, которое отправилось с Ванессы примерно тогда же, что и вы... ему известно?

Фолкейн кивнул:

— Он уже давно сообщил обо всем Лиге. Если наше начальство хоть наполовину так проницательно, как я думаю, мощный военный Флот, с которым вам не справиться, уже приближается.

Она стиснула руки. Ее глаза наполнились слезами.

— Что же теперь?

— Они направятся прямо сюда; думаю, Флот Лиги может появиться здесь в любой момент. У вас в окрестностях Беты нет кораблей, кроме нескольких сторожевиков; основные ваши силы рассредоточены в дюжине звездных систем, не правда ли? Лига обычно избегает бомбить планеты, но в данном случае... — Ютта горестно вскрикнула. Фолкейн быстро подошел к девушке и взял обе ее руки в свои. — Нет, нет. Realpolitik[27], не забывайте. Цель войны — не уничтожить врага, а навязать ему свою волю. Зачем нам убивать людей, с которыми мы могли бы торговать? Мы просто возьмем систему Беты в заложники и договоримся о цене за ее освобождение.

Фолкейн продолжал:

— Не я принимаю политические решения, но могу предсказать, что случится. Лига потребует, чтобы вы разоружились до нормального уровня, нужного для обороны. И, естественно, мы захотим сохранить свои торговые концессии. Но и только. Теперь, когда у части краоков есть гиперпространственные корабли, они могут осуществить свою мечту и объединиться, при условии, что они сделают это мирным путем. Мы рассчитывали продавать им пассажирские и грузовые корабли и получать хороший доход, но ради этой цели не стоит воевать: ведь у вас достаточно сил, чтобы

[27] Реалистическая политика (нем.)

доставить Лиге большие неприятности. Ньюхейм сможет установить у себя любое общественное устройство по своему выбору. Почему бы и нет? Если вы сохраните свою автаркию, вы лишите себя столь многого, что не больше, чем через десяток лет ваш собственный народ вышвырнет Землевладельцев и позовет нас.

Фолкейн взял Ютту за подбородок.

— Я понимаю, — сказал он мягко, — больно, когда умирает мечта. Но зачем вам всю жизнь нести на себе груз обид вашего отца?

Ютта расплакалась. Фолкейн утешал ее, как мог, и огонек надежды разгорался в нем все ярче и ярче.

Не то чтобы он собирался жениться. Господи! В его-то возрасте! Однако...

Через некоторое время они оказались на балконе. Наступила ночь, красные и зеленые полотнища полярною сияния трепетали в небе, заслоняя звезды, склон горы обрывался к равнине, покрытой лесом, сладкий аромат растений волнами поднимался к замку. В руках, стоявших рядом Ютты и Дэвида, были винные бокалы.

— Вы можете сообщить, кто я на самом деле. Мне, конечно, придется несладко, может быть, меня даже расстреляют. — С побледневшего лица девушки исчезло выражение счастья, она судорожно вздохнула. — Это ваш долг, согласно военным законам, — продолжал он. — Впрочем, это ничего не изменит, слишком поздно. Но Лига защищает своих людей, и моя жизнь может дорого обойтись Ньюхейму.

— Разве у меня есть выбор? — прошептала она.

Фолкейн улыбнулся той самой дерзкой улыбкой, в которой он так старательно тренировался.

— Конечно, есть. Нужно только держать ваш прелестный ротик на замке и сообщить, что вы ошиблись и Себастьян Тумс не имеет ничего общего с этим типом Фолкейном. Ну а когда будет заключен мир... Вы же ведь занимаете на своей планете достаточно высокое положение. Вы многое сможете

сделать, чтобы помочь своему народу приспособиться к новым условиям.

— Сделаться торговцами? — ответила она с намеком на прежнее высокомерие.

— Я уже говорил вам однажды, — сказал Дэвид, — что это не такое уж неблагородное занятие. Да, мы стремимся к доходам. Но ведь и рыцарь должен есть, и наш хлеб не достается нам ценой страданий рабов, или серфов, или чьих-то еще. Посмотрите на всполохи полярного сияния: они прекрасны, спору нет, но как насчет звезд, которые за ними?

Ютта стиснула его руку. Фолкейн прошептал на своей лучшей латыни:

— «И твой корабль, купец, скользит по морю за светом утренней зари», — и, когда девушка обратила к нему вопросительный взгляд, тихо добавил:

«Их мачты в золоте рассвета, хоть паруса изодраны штормами,

И вслед за ветром обошли весь мир их корабли, чтобы домой вернуться

Нагруженными золотом, шелками, рассказами и сказками.

Цена их будет высока, конечно, но это значит лишь, что веемы —

Люди!»

— Ох-х... — услышал он тихий вздох Ютты.

Подумать только, а он еще ругал своих учителей, когда там, дома, на Гермесе, они заставляли его читать Флекера и Сандерса в оригинале...

— Я никому не скажу, — прошептала девушка. И еще: — Можно мне немножко здесь побыть?

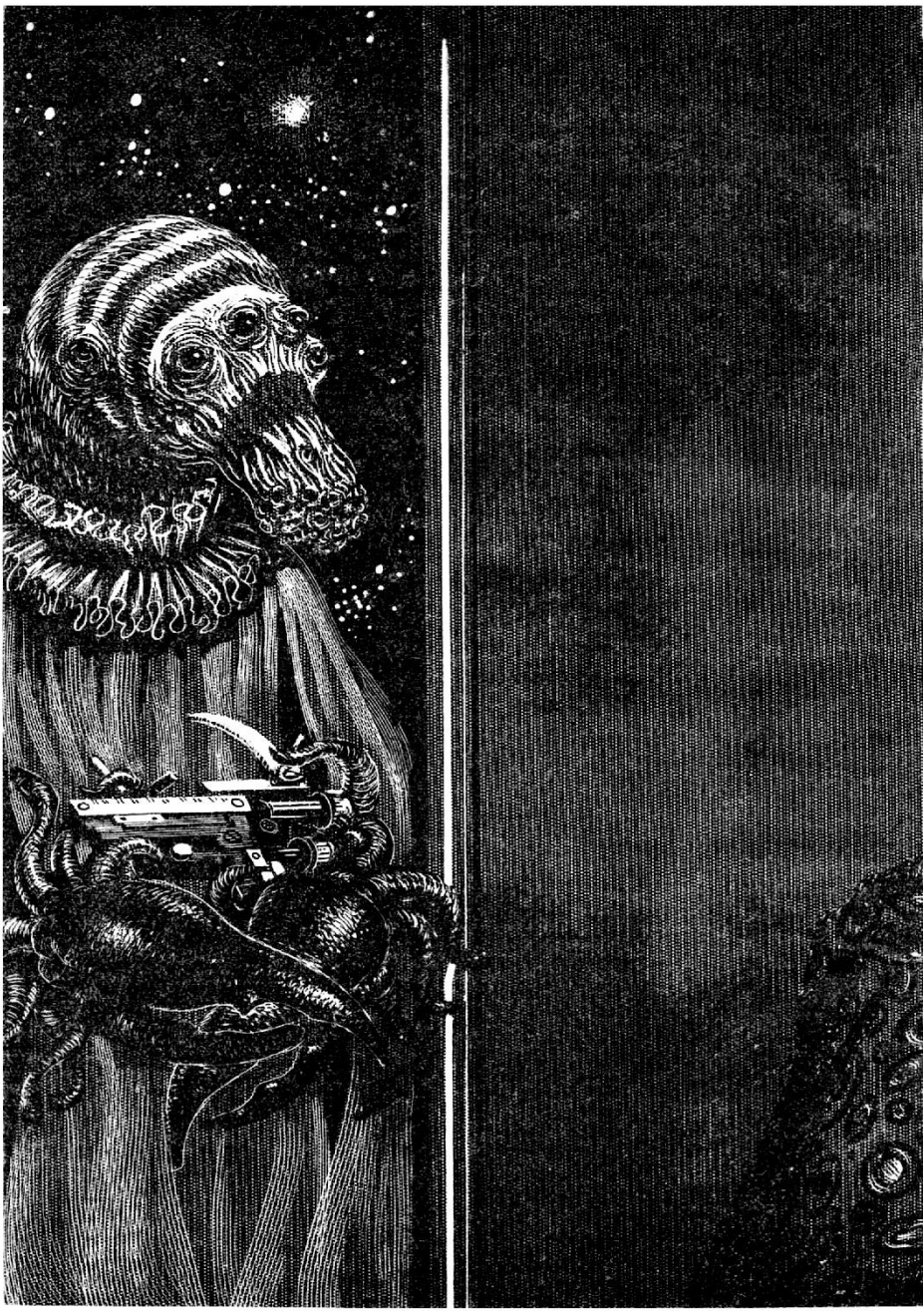
Фолкейн искренне пожалел, когда всего через неделю ему на выручку прибыл Флот Лиги.

Получив от охранной системы разрешение, такси опустилось на крышу Крылатого Креста. Эмиль Долмеди расплатился и посмотрел вслед улетающей машине; неожиданно ему захотелось, чтобы хоть кто-нибудь оказался рядом. Окутанный теплыми, густо-синими летними сумерками сад благоухал, звуками далекого морского прибоя доносились приглушенные высотой городские шумы, опутанные паутиной переходов небоскребы Чикаго казались волшебным лесом, в зарослях которого обманными эльфийскими огоньками пробирались аэрокары, а далеко внизу, насколько хватал глаз, рассыпалась фантастически многоцветная Галактика вечерних огней. Но вот громоздившийся впереди пентхаус казался сейчас Эмилю холмом, в котором соорудил себе берлогу матерый медведь.

Заходи, ничего, не съест же он тебя. Чтобы немного взбодриться, Эмиль расправил плечи. И вообще — это кто еще кого съест. Наново ощутив поднимающуюся злость, бесстрашный охотник уверенно зашагал к логову зверя — плотная, мускулистая фигура в голубом комбинезоне, широкое скуластое лицо с коротким вздернутым носом, зеленые, чуть раскосые глаза, темные, с рыжеватым отливом, волосы.

Правду говоря, при всей своей мрачной решимости, Долмеди не слишком ожидал получить личную аудиенцию у одного из королей Торгово-технической Лиги. Поэтому, когда самый настоящий живой дворецкий открыл ему дверь, когда, миновав бесконечно длинную полосу толстого, с рельефным узором ковра, он оказался в роскошной, хотя и невероятно захламленной гостиной, и собственными глазами узрел Николаса ван Рийна, у него взмокли ладони и перехватило горло.

— Добрый вечер, — пророкотал хозяин, не делая попытки подняться. — Заходи.

BIRTHRIGHT

Долмеди не обиделся — даже погруженная в кресло, огромная туша торговца подавляла.

— Садись, — махнул ван Рийн свободной рукой, другая была занята пивной кружкой. — Расслабься малость, а то весь дрожишь, словно студень, собирающийся прыгнуть с парашютом. Что ты пьешь, куришь, жуешь, нюхаешь и вообще употребляешь для увеселения?

Долмеди пристроился на краешке кресла. Широкая, горбоносая, украшенная бессчетными подбородками, длинными усами и козлиной бородкой, обрамленная свисающими на плечи завитушками черных волос, физиономия хозяина расплылась в ухмылке, маленькие, глубоко посаженные глаза весело поблескивали.

— Да ты расслабься, расслабься, — напомнил торговец. — Надо же креслу подогнаться по форме твоего тела. Совсем не то, конечно, что объятие хорошенькой девочки, но ведь и требований у него гораздо меньше, точно? А знаешь, примика ты маленький стаканчик Дженевера с травками и сухим льдом, лучший транквилизатор. — Ван Рийн хлопнул в ладоши.

— Сэр. Голос Долмеди дрожал от напряжения. — Я очень благодарен вам за гостеприимство, но...

— Но ты примчался на Землю, извергая адское пламя, и прорвал шесть линий обороны, укомплектованных самыми неподатливыми чиновниками и секретаршами, какие только есть у компании «Пряности и Спиртные напитки». Словно взбесившийся бульдозер, ты расшвыривал этих людей, давно забывших слово «да», требуя встречи с идиотом, который вместо благодарности взял, да и уволил тебя. И никто не имел возможности хоть что-нибудь тебе объяснить. Понимаешь, каждый из них считал многие вещи самоочевидными, думал, что ты все и сам знаешь. Ну а ты решал, что тебя попросту отфутболили, и бросался в следующий кабинет.

Ван Рийн протянул Долмеди золотой портсигар неизвестной тому, но явно инопланетной работы. Когда молодой

человек отрицательно покачал головой, торговец выбрал сигару себе, откусил кончик, сплюнул его в пепельницу и глубоко — чтобы воспламенился табак — затянулся.

— Судя по всему, — продолжал он, — в конце концов кто-то что-то понял, после этого я узнал про тебя и назначил встречу.

Даже легендами воспетый гнев ван Рийна вряд ли произвел бы на Долмеди такое ошеломляющее впечатление, как эта приветливость. «А может быть, сейчас-то он и громыхнет», — подумал Эмиль, стараясь не дать себе раскиснуть.

— Сэр, — возмущенно ответил он, — если ваша компания недовольна моей работой на Сулеймане, мне могли хотя бы объяснить почему, а не присылать куцое сообщение, что я смещен и обязан явиться в штаб-квартиру. Пока вы не укажете ясно и четко на допущенные мной ошибки, я не приму понижения в должности. Дело не столько даже в моем профессиональном статусе, сколько в личном достоинстве, а к таким вещам у меня на родине относятся очень серьезно. Я уволюсь и без малейшего труда найду себе место в какой-нибудь другой компании Лиги.

— Верно, совершенно, верно, несмотря на все свечки, которые я ставлю святому Дисмасу, — вздохнул ван Рийн, окутав Дол меди облаком сигарного дыма. — Эти бандиты всегда стараются увести у меня работников, не успевших еще дать присягу на верность. Тем временем я, бедный, толстый, одинокий старик, пытаюсь в одиночку совладать с этим хозяйством, раскинувшимся по не знаю уж скольким мирам, и даже при всей современной компьютерной технике с ног валюсь от усталости. А помощнички мои — они же почти все тупые, как бильярдный шар, и совсем мало среди них ясных голов, да и те по большей части заняты переманиванием чужих приличных работников. — Он шумно отхлебнул из своей кружки. — Ну так что?

— По всей видимости, вы, сэр, читали мою докладную записку, — осторожно начал Долмеди.

— Как раз сегодня. Сюда приходит так много информации, что где уж удержать ее в этом старом, усталом набалдашнике, через минуту опять ничего не помнишь. Дай-ка я перескажу тебе твой доклад вкратце, для полной уверенности, что я понял все тессерактно[28]. Что обозначает — ха-ха — прямо и точно во всех четырех измерениях.

Ван Рийн забрался поглубже в кресло, сложил кончики пальцев и прикрыл глаза. Появился дворецкий с подносом, на котором стоял шипящий, окутанный облачком пара кубок. «И это у него считается стаканчиком!» — подумал Долмеди. Мрачно и неохотно, он заставил себя развалиться в кресле, а затем отхлебнул из кубка.

— Так вот. — Торговец начал помахивать сигарой, словно дирижируя собственной речью. — Эта самая звезда, получившая от первооткрывателей название «Осман», лежит за Антаресом, на самом краю зоны, охваченной к настоящему моменту деятельностью Лиги. Одна обитаемая планета, названная людьми «Сулейман». Гигант класса Юпитера, но поменьше, жизнь там базируется на водороде, аммиаке и метане, низкоразвитые, но вполне дружелюбные туземцы. Выяснилось, что на крупнейшем из материков растет кустарник, названный нами... м-м-м... голубец, листья которого идут там как тонизирующее средство и приправа. Анализ показал присутствие сложной смеси химических веществ типа гормонов, смесь эта обладает синэргическим действием. Для кислорододышащих без пользы, но возникла мысль перепродавать эту заразу каким-нибудь инопланетным водорододышащим.

Рынки мы нашли, но среди них было очень мало таких, где можно получить в обмен хоть что-нибудь подходящее. Слишком уж специфическую нужно иметь биохимию, чтобы голубец оказывал на тебя благоприятное воздействие. А при малом спросе стоимость синтеза — а к ней добавится еще и стоимость капиталовложений, а в будущем и стоимость

[28] Тессеракт — четырехмерный куб.

провоза из химических центров — оказывалась слишком высокой, проще подрядить туземцев Сулеймана на уборку урожая и расплачиваться с ними товарами. При такой постановке дела можно получить хоть какую-то прибыль. Совсем крохотную — вся эта операция буквально висит на грани убыточности — однако, если все идет тихо и путем, зачем отказываться от возможности честно заработать кредит-другой?

А все так и было, тихо и путем, и продолжалось это много лет. Туземцы не причиняли никаких хлопот, исправно доставляли голубец на склады. Чтобы не омертвлять без дела капитал, мы не стали заводить для такого незначительного вывоза собственные корабли, а подрядили одну из транспортных линий, чтобы они регулярно, заходили на Сулейман. Да, конечно, препятствия препятствовали, помехи мешали, а как же иначе? То плохая погода, то бандиты ограбят караван, то какой-нибудь королек чересчур пожадничает с налогами, но все это — обычная ерунда, с которой справится любой компетентный руководитель фактории, так что никто никогда даже и не совался ко мне с подобными сообщениями.

А потом — Ахмед, еще пива! — возникла настоящая неприятность. Лучший рынок для голубца — планета, называемая Бабур. Ее центральное светило, Могол, расположено примерно в тех же местах, в трех десятках световых лет от Османа. Главная тамошняя держава уже несколько десятилетий поддерживает кое-какие отношения с технической цивилизацией. Пытаясь модернизироваться, они почему-то заинтересовались в первую очередь роботикой, но через некоторое время подкопили денег и на то, чтобы заказать пару кораблей с гипердрайвом, а заодно обучить их экипажи. Поэтому теперь Солнечному Содружеству и прочим державам приходится относиться к ним с большим уважением — когда получаешь пучковое оружие и ядерные ракеты, манеры твоих собеседников резко улучшаются. Эти самые бабуриты — мелкая рыбешка, но с большими амбициями. И для них,

при большом внутреннем спросе на голубец, эти листики — весьма серьезное дело.

Ты, верно, спрашиваешь себя, а на кой черт он рассказывает мне вещи, которые я и без него знаю? — Ван Рийн подался вперед, вышитый халат, облегавший его брюхо, собрался в складки. — Иногда появляется необходимость ознакомиться с обстановкой на планете, почти мне неизвестной, вроде того же твоего Сулеймана, но ведь невозможно просмотреть все доклады за многие десятилетия. Поэтому информационная машина готовит мне кратенький обзор. И вот теперь я проверяю на тебе — ведь ты долго там проторчал, — всю ли необходимую информацию выдала мне эта железяка. Так как, все пока что правильно?

— Да, — кивнул Долмеди. — Только...

— В чем дело, Эмиль? — Ивонна Вайланкур перевела взгляд с приборного пульта на начальника фактории, как раз проходившего мимо открытой двери компаративной лаборатории. — Ты так топочешь, что я услышала тебя еще из. того конца коридора.

Долмеди остановился и заглянул в лабораторию. В теплом внутреннем климате базы одевались по минимуму, и ему давно надоели полуобнаженные тела всех здешних обитателей, единственным исключением была стройная белокурая Ивонна. Возможно, думал он, это потому, что я родился и вырос на Алтае. Поселенцы этой стылой планеты по необходимости кутались с головы до ног, а стремление к выживанию прививало им суровые, аскетичные нравы; кроме того, обитая по большей части в диких, малоосвоенных местах, они имели очень слабое представление о стиле жизни ядра человеческой цивилизации. У полудюжины людей, живущих в полной изоляции на планете с ядовитым для них воздухом, у людей, которых даже изредка не навещает никто из сородичей, потому что регулярно прилетающий к ним корабль принадлежит цинтианам, у этих людей просто нет иного выхода, как жить легко и свободно. Долмеди

узнал об этом во время подготовки, перед выездом на новое место работы, и он согласился с таким положением вещей и старался по возможности вписываться в обстановку, не переставая мучиться сомнениями — удастся ли ему когда-нибудь привыкнуть к непринужденности и простоте весьма непростых своих подчиненных.

— Даже и не знаю, — ответил он девушке. — Талассократ[29] просит меня явиться во дворец.

— Зачем? Он что, не мог ограничиться видеовстречей?

— Он-то мог, но там есть еще и кочевник, который принес с Нагорья известие о каких-то крупных неприятностях, а этот тип и близко подходить к установке не желает. Боится, наверное, что я украду его душу.

— М-м-м... пожалуй, нет. Мы еще только пытаемся схематично набросать психологию сулейманитов — информации крайне мало, да и та получена на каких-то трех или четырех культурах — но уже ясно вырисовывается, что они, в отличие от людей, лишены анимистических[30] тенденций. Ритуалы — сколько душе угодно, но ровно ничего, достойного называться магией или религией.

— Временами, мне кажется, — нервно хохотнул Долмеди, — что все мои сотрудники считают коммерцию жутким занудством, которое попусту путается под ногами их драгоценной науки.

— И ты совершенно прав, — проворковала Ивонна. — Чего бы ради мы здесь торчали, если бы не возможность провести исследования?

— Ну и сколько времени вы бы тут происследовали, прикрой компания эту базу? — ощетинился Эмиль. — Что она и сделает, если вместо доходов пойдут убытки. Я обязан следить, чтобы такого не случилось, это моя работа. И мне очень пригодилась бы ваша помощь.

Легко поднявшись с табуретки, девушка подошла к Эмилю и чмокнула его в лоб. От ее волос шел почти забытый

---

[29] Правитель моря (древнегреч.).
[30] От латинского anima — дух, душа.

запах согретой оранжевым солнцем, колышащейся под кольцами Алтая степной травы.

— А разве мы тебе не помогаем? — промурлыкала она. — Прости, милый.

Эмиль закусил губу и посмотрел поверх обнаженного плеча на ярко расписанную стену. Страшно подумать, сколько времени угроблено на эти художества, и ведь так продолжается год за годом.

— Нет, это ты меня прости, — сказал он с характерной для уроженцев Алтая несколько напыщенной честностью. — Конечно же, все вы вполне лояльны, дело тут во мне самом. Я младше любого из вас, без пяти минут варвар, недавний пастух, и задача у меня самая пустая — поддерживать деятельность одной из самых простых, самых рутинных факторий всего этого сектора... и через какие-то пятнадцать месяцев...

«А провалюсь я тут, — думал он, — всегда можно вернуться домой, забыть о жертвах, на которые пошли родители, чтобы послать своего сыночка в инопланетную бизнес-школу, плюнуть на ту невероятную удачу, что совершенно неожиданно образовалась здешняя вакансия, а у «Специй и Спиртных напитков» как раз не было под рукой ни одного более опытного работника. Забыть про все свои мечты, как придет время, и я пройду по новым, совсем неизвестным мирам, которые потребуют полной отдачи всех сил и способностей, какие только у меня есть. Да, конечно, неудача не будет смертельной — разве что в некотором тонком, неуловимом смысле, для которого у меня и слов даже нет».

— Слишком уж ты дергаешься, — потрепала его по щеке Ивонна. — Скорее всего ничего тут особенного, очередная буря в стакане воды. Сунешь кому-нибудь взятку, или выкрутишь кому-нибудь руки, или еще что-нибудь сделаешь — и снова все будет как надо.

— Надеюсь. Но только во всем поведении Талассократа чувствовалось... ну, я ведь не связан вашей ксенологической точностью, так что скажу попросту — он тоже озабочен. —

Долмеди хмуро помолчал, а затем на мгновение обнял девушку. — Ладно, я побегу. Спасибо, Ивонна.

Ивонна посмотрела ему вслед, а затем вернулась к работе. Официально она выполняла, обязанности секретаря-казначея, но в промежутках между редкими и краткими визитами транспортного корабля эти обязанности практически не возникали, так что все свое время девушка отдавала попыткам найти какую-то осмысленную структуру в тех обрывках информации, которые ее коллегам удавалось вытащить из окружающего мира, мира огромного и бесконечно разнообразного. И занималась она этим в надежде, что где-нибудь когда-нибудь несколько ученых бегло проглядят статью о Сулеймане (одной из многих тысяч планет) и заинтересуются.

Долмеди надел скафандр и вышел наружу через главный шлюз. Сегодня он направился во дворец пешком — хотелось по пути через город успеть собраться с мыслями.

Если только это дворец. И если только это город.

Этого он не знал. Книги, пленки, лекции и нейроиндукторы загрузили его информацией, касавшейся данной части данного материка; но вся эта информация состояла из повседневных фактов и навыков, необходимых для работы. Долгие беседы с подчиненными дали кое-какое понимание здешней жизни, но именно — кое-какое. Прямое общение с туземцами что-то иногда проясняло, но иногда оно же запутывало все вконец. Мало удивительного, что, заключив однажды довольно удовлетворительное соглашение с прибрежными и нагорными племенами (?), предшественники Эмиля бросили все попытки что-либо расширить или улучшить. Когда не понимаешь механизм и он вроде бы крутится более-менее гладко, не возникает особого желания лезть в него с отверткой.

Местная гравитация, навалившаяся на Эмиля за пределами поля базы, была на сорок процентов сильнее земной. Для удаления просачивающегося через любой материал водорода прибор очистки воздуха включал в себя

дополнительный блок, что утяжеляло скафандр; несмотря на крепость своих мускулов, Эмиль вскоре вспотел. И все равно ему казалось, что царящий снаружи смертельный холод пролезает между витков термостатирующей обмотки, добирается до самых костей.

Высоко над головою белой искрой сверкал Осман. Из-за большого радиуса своей орбиты Сулейман получал от этой — в два раза более яркой, чем Солнце, — звезды всего одну шестнадцатую часть света, получаемого Землей. По мрачному небу, на котором смутно проглядывала одна из трех лун, неспешно плыли облака, розоватые от каких-то органических соединений. Здешняя атмосфера состояла из водорода и гелия с примесью аммиачных и метановых паров, а также еле заметными следами других газов; давление в три раза превосходило земное. Парниковый эффект здесь имелся, но далеко не такой сильный, чтобы превратить лед в воду.

Лед этот, перемешанный с камнями, пронизанный слоями бедных металлами пород, окутывал все ядро планеты; почва, по которой ступал Долмеди, скрипела под ногами и серо поблескивала. Местность плавно опускалась к темному, неспокойному морю из жидкого аммиака, но далекий — радиус Сулеймана составлял семнадцать тысяч километров — горизонт совершенно терялся в пропитанном розоватой дымкой воздухе.

Ледяными были и высившиеся со всех сторон дома; в местах, не нарушенных дверными проемами и резной вязью непонятных символов, поверхность их стен сверкала, как стекло. Улицы, в обычном смысле этого слова, отсутствовали, однако аэросъемка выявила в расстановке зданий некоторую замысловатую систему, о которой туземцы то ли не могли, то ли не хотели ничего рассказать. Между домов гулял ветер, медленный и какой-то тяжеловесный; водородно-гелиевая атмосфера превращала его шорох — как и все прочие звуки — в визг.

Город кипел движением, большей частью это были пешеходы, направлявшиеся по каким-то своим делам, переносившие куда-то странной формы орудия и контейнеры, созданные неземной, не знающей огня культурой примерно неолитического уровня развития. Прогромыхало несколько телег с привезенными из прибрежных областей товарами; упряжные животные напоминали миниатюрных динозавров, скопированных творцом, знакомым с этими существами сугубо понаслышке. Более стройные родственники сулейманских битюгов использовались для верховой езды. На морских волнах раскачивались лодки, их команды занимались чем-то вроде рыбной ловли, хотя настоящая рыба прожила бы здесь без скафандра не дольше человека.

В наушниках Долмеди не раздавалось никаких других звуков, кроме визга ветра, отдаленного бормотания волн, топота ног и скрипа телег. Сулейманиты относятся к разговору серьезно, они не разговаривают на улице, на ходу. И в то же время они общаются непрерывно — жестами, волнами, пробегающими по шерсти, запахами. Туземцы старались не приближаться к человеку, но только потому, что поверхность его скафандра была для них обжигающе-горячей. Со многими из встречных Эмиль обменивался приветственными жестами. За последние два года — двадцать пять, если по земному счету — как Побережье, так и Нагорье попали в сильную зависимость от пластика и металла, от устройств с батарейным электропитанием. Когда рядом с городом, на столовой горе, начали сооружать космопорт, местные жители не просто соглашались, а прямо рвались принять участие в строительстве, они же и по сию пору исполняли почти всю физическую работу, нужную базе. В результате удалось сэкономить на доставке и монтаже. автоматического оборудования, что тоже являлось одной из причин хотя умеренной, но все же доходности этой фактории.

Обреченно вздохнув, Долмеди начал преодолевать подъем; через десять минут он был во дворце.

Десять туземцев, выстроившихся у входа в массивное, увенчанное башенками здание, не имели ничего общего с охраной. На Сулеймане случались и войны, и грабежи, но убийство Короля было здесь совершенно немыслимой вещью. (Действие феромонов? В каждой общине, до которой успели добраться ксенологи, вождь получал специальное питание, ядовитое, по всеобщему мнению, для любого из его подданных. Не исключено, что мнение это было верным.) Барабаны, трости с плюмажами и прочие, менее понятные предметы экипировки имели чисто церемониальное назначение.

Предвидя неизбежную задержку, Долмеди вздохнул и предался созерцанию ритуалов — действительно очень интересных, — сопровождавших открывание дверей дворца и препровождение гостя пред ясные королевские очи. Существа грациозные и симпатичные, сулейманиты были плоскоступающими двуногими и сильно напоминали людей, хотя имели более широкое тело, а ростом достигали среднему человеку примерно до плеча. Кроме четырехпалых рук (оба крайних пальца каждой кисти — большие) они активно пользовались ловкими, цепкими хвостами. Круглая голова имела клюв, вроде как у попугая, две слуховые полости (без ушных раковин), один большой золотистый глаз посреди лба, а на висках — два меньших, слабее развитых, предназначенных для периферийного и бинокулярного зрения. Одежда туземцев ограничивалась чаще всего украшенным сложной символикой спорраном[31]; темная, цвета красного дерева, шерсть и внешние железы, использовавшиеся для «разговоров», оставались неприкрытыми. Значительная роль, играемая в сулейманитских языках невокальными составляющими, была не последней причиной неудач в достижении взаимопонимания с туземцами.

Талассократ встретил Долмеди в сверкающей голубым льдом комнате для аудиенций и обратился к нему

[31] Спорран — шотландская плоская кожаная сумка, пристегиваемая спереди к поясу.

посредством одного только голоса. Наушники переводили верхние частоты в область спектра, доступную для человеческого слуха, однако визг этот и смутное бормотание неизменно смазывали внушительное впечатление, производимое увитой цветами короной и резным посохом. Карлики, горбуны и калеки, рассевшиеся на коврах и покрытых шкурами скамейках, также не добавляли зрелищу величественности. Никто из людей не знал, почему домашние слуги набираются исключительно из таких вот Богом обиженных; сулейманиты пытались что-то объяснить, но смысл их ответов неизменно оставался непонятным.

— Удачи, мудрости и могущества тебе, о Фактор, — обитатели этого мира не пользовались именами и явно не понимали смысла идентификационной символики, не построенной на запахах.

— Да пребудут они с тобой, о Талассократ. — Установленный на спине скафандра вокалайзер преобразовывал «человеческий» вариант местного языка в звуки, недоступные голосовому аппарату Долмеди.

— К нам прибыл Предводитель караванщиков, — сообщил монарх, после чего Долмеди обменялся столь же церемонными приветствиями с горцем. Высокий и стройный для сулеймани та, тот был вооружен каменным томагавком и купленной у людей специально сконструированной для местных условий винтовкой. Варварство караванщика выдавали только украшения из ярких самоцветов и браслеты. За все про все, эти горные кочевники были вполне приличными ребятами. Заключив договор, они следовали его условиям с буквальностью, немыслимой для рода человеческого.

— В чем состоит неприятность, из-за которой меня позвали, Предводитель? Может быть, ваш караван, следовавший к Побережью, ограбили бандиты? Пошли на их подавление отряд, я охотно предоставлю экипировку.

Непривычный к общению с людьми, вождь перешел на полный сулейманитский язык — в своем, к тому же, горском

варианте — и понять его стало совершенно невозможно. Вперед вышел, неуклюже переставляя коротенькие ноги, один из карликов. Долмеди узнал его: в этом уродливом тельце обитал блестящий разум, жадно впитывавший все сообщаемые ему сведения о Вселенной и, в свою очередь, нередко помогавший людям советами и информацией.

— Позвольте мне с ним поговорить, о Фактор и Талассократ, — предложил он.

— Если ты того хочешь, Советник, — согласился король.

— Буду крайне обязан тебе, Переводчик, — сказал Долмеди, в меру своих способностей изобразив пританцовывающий жест благодарности.

Любезности любезностями, но Фактора никак не оставляли тревожные мысли; он поймал себя на том, что невольно затаил дыхание, ожидая окончания беседы Переводчика с караванщиком. Ну не может быть, чтобы новости и вправду оказались катастрофическими!

Долмеди вспоминал основные факты, словно надеясь найти в них незамеченный прежде путь к спасению. Имея

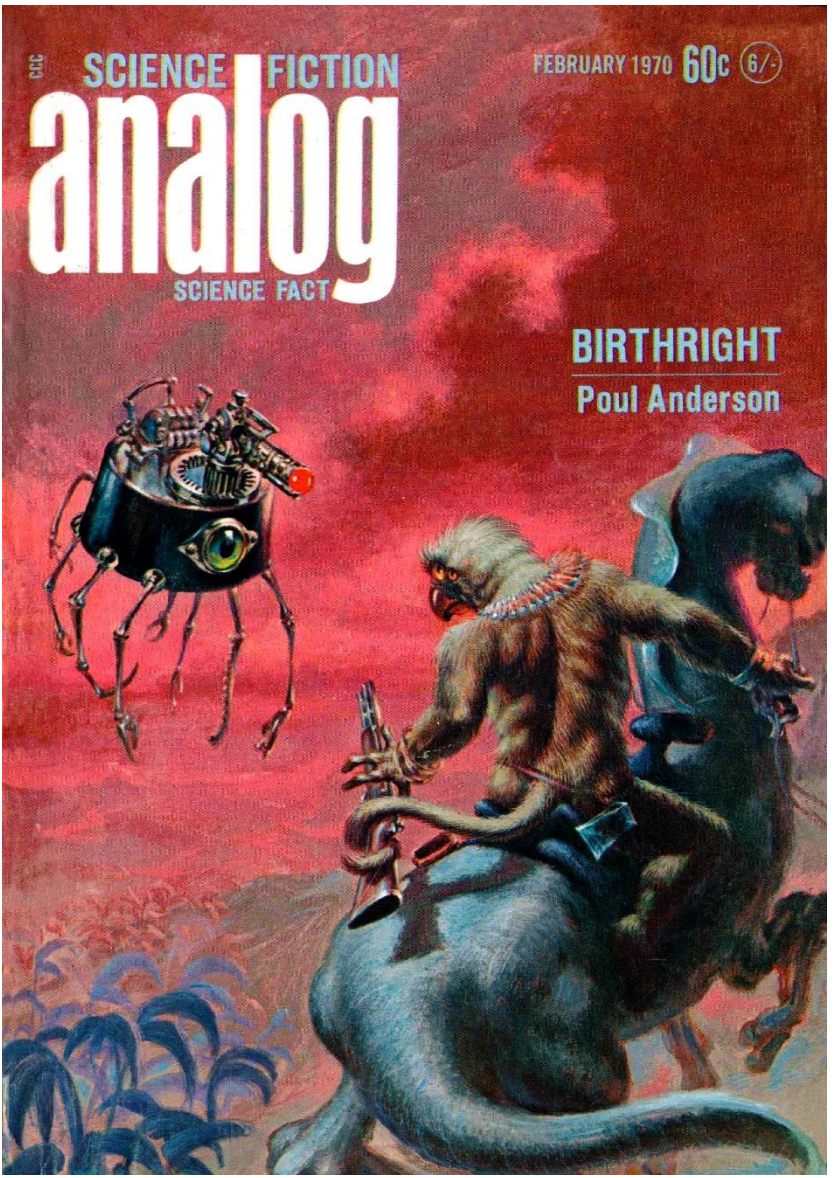
малый наклон к плоскости, эклиптики, Сулейман не знал времен года. Голубец предпочитал холодный, сухой климат Нагорья и рос там круглый год. Первобытные туземцы, охотники и собиратели, кочевали с места на место, а по пути собирали урожай. Раз в несколько месяцев (земных) каждая такая группа встречалась с одним из более развитых скотоводческих племен и обменивала сушеные листья голубца и фрукты на какие-либо товары. Затем караван проделывал долгий путь в город, где люди расплачивались за связки листьев земными товарами. В месяц доставлялось примерно две партии, а четыре раза в земной год цинтианский корабль забирал все содержимое склада фактории и оставлял взамен безмерно более ценный груз писем, пленок, газет, книг и новостей со звезд, так редко проглядывавших на этом хмуром небе.

Не то чтобы самая эффективная из возможных систем, но самая дешевая, если прикинуть, во сколько обошлась бы — с учетом первоначальных капиталовложений и цивилизованной заработной платы — закладка плантаций. А расходы нужно было держать по возможности низкими, иначе фактория быстро превратится из малодоходной в убыточную и, как таковая, будет прикрыта.

Если разобраться, здешняя фактория была весьма типичной в своем роде: для ученых — место, где можно провести интереснейшие исследования, хороший шанс завоевать себе имя в научном

мире; для Фактора — довольно легкая работа, первая ступенька длинной лестницы, на верху которой успешного восходителя ожидало крупное, престижное, великолепно оплачиваемое место в администрации.

Именно что была типичной. До последнего времени.

Переводчик повернулся к Долмеди.

— Предводитель сообщил следующее, — пропищал он. — Последнее время в Нагорье появились... нет, этого, пожалуй, не скажешь одними словами. Во всяком случае, мне ясно, что это — машины, передвигающиеся с места на место и собирающие голубец.

— Что?! — Долмеди не сразу сообразил, что закричал по-английски, в ушах его гулко, бешено застучало.

— Дикари испугались и бежали из тех мест, — продолжал Переводчик. — А машины забрали все, приготовленное ими к следующей встрече с кочевниками. Предводитель каравана, с которым я разговаривал, рассердился, собрал кочевников, и они поехали, чтобы посмотреть на эти машины и как-нибудь выразить свое возмущение. Еще издали они увидели корабль, похожий на тот, который прилетает сюда; рядом строилось какое-то сооружение. Наблюдавшие за строительством были... низкие, у них много ног и клешни... и длинные носы. Собирающая машина подъехала и выстрелила над головами кочевников молнией. Тогда они поняли, что надо убегать, пока вместо предупредительного выстрела не последовал настоящий, смертельный. Пользуясь одними словами, я не могу передать больше.

Долмеди тупо уставился в окружавшую его со всех сторон твердую синеву.

— Бабуриты. — Во рту у него пересохло, ноги сделались какие-то чужие, желудок болезненно сжался. — Ну конечно же, они. Только почему они так поступают?

Кусты, трава, листья нечастых деревьев — все было окрашено в различные оттенки черного цвета. Кое-где картину оживляли красные, коричневые или синие цветы, иногда — бурная аммиачная река, стекающая с холма. Вдали ослепительно сверкала цепь ледяных гор. Двенадцатичасовой сулейманский день подходил к концу, и лучи Османа пробивались сквозь разрыв мутно-красной облачной пелены почти горизонтально. На другом краю неба черной,

исписанной огненными буквами молний стеной вздымалась грозовая туча, плотный воздух планеты превращал раскаты грома в звенящую барабанную дробь. Долмеди почти не обращал внимания на тучу — резкие шквалы, бросавшие машину из стороны в сторону, воздушные ямы, в которые она поминутно проваливалась, — все это не позволяло отвлекаться от пилотирования. Автоматическая машина — слишком большая роскошь для этой скупо оплачивающей все твои усилия планеты.

— Вон там! — воскликнул Предводитель; вместе с Переводчиком он занимал задний, снабженный наблюдательным куполом отсек, в котором сегодня остались местные атмосфера и температура. Из уважения к его суевериям — или как уж назовут это ксенологи — видеоблок интеркома был выключен.

— Да. — Переводчик говорил совершенно спокойно. — Теперь и я увидел. Немного направо от курса, Фактор — в этой долине, рядом с озером — видите?

— Одну секунду. — Долмеди заклинил управление высотой. Теперь начнется такая тряска, что только бы зубы не вылетели, но вот разбиться машина не разобьется, гравитационное поле не позволит. Натянув привязные ремни, он подался вперед и отрегулировал экран сканнера. Человеческая раса не видит в тех длинах волн, которые лучше всего проникают сквозь здешнюю атмосферу, а расстояние было порядочным — как оно почти всегда и случается на таких больших планетах.

Прибор преобразовал световые частоты, усилил изображение, увеличил его и вывел на экран. Рядом с бушующим аммиачным озером над кустами возвышался корабль, по всей видимости — транспортник Холберт-Х, именно эту модель чаще всего покупали водорододышащие. Несомненно, корабль имел определенные модификации, приспосабливавшие его к условиям планеты-покупательницы, но Долмеди их не заметил, зато он заметил орудийную башню и пару пусковых труб ракетных снарядов.

Неподалеку из готовых стальных и железобетонных панелей собиралось здание. Строительные роботы работали, судя по всему, быстро, без перекуров, так что кубическое сооружение было готово уже более чем наполовину. Словно голубые миниатюрные новые звезды, мелькали вспышки плазменных горелок; Долмеди не различал ни роботов, ни их хозяев, но не рисковал подлетать ближе.

«Видишь?» — спросил он у изображения Питера Торсона и передал картину, выдаваемую сканнером на базу.

Массивная голова инженера утвердительно кивнула; на заднем плане различались и четверо остальных членов земной колонии. Судя по лицам, все они были не менее озабочены, чем Долмеди, а Ивонна, пожалуй, даже больше.

— Да. «И тут ничего не сделаешь», — сказал Торсон. — Их стволы калибром побольше наших. Видишь, к тому же эти выемки в углах ихнего сарая? Зуб даю, там будут стоять пучковые излучатели. Добавь к этому мощный стационарный генератор силового поля, обеспечивающий пассивную оборону, и в сумме получится орешек, который нам не по зубам.

— Но центральная контора...

— Ну да. Возможно, они решат возмутиться этим вторжением и пошлют сюда боевой корабль, а то и все три. Только что-то я в такое не верю. Овчинка ведь не стоит выделки. Кроме того, сделай они так — и сразу начнутся вопли; не забывай, что у ТТЛ нет никакой законной монополии на эту планету. — Инженер пожал плечами. — Думаю, Старый Ник[32] попросту прикроет Сулейман. Возможно, он договорится как-нибудь с бабуритами, чтобы поменьше потерять, ну а потом, при первом же удобном случае, хорошенько их нагреет. — Торсона, всю жизнь свою проработавшего в коммерции, давно не удивляли мелкие временные неудачи, равно как и окружавшие его чудеса и загадки.

---

[32] Прозвище дьявола, в данном случае обозначающее также Николаса ван Рийна.

— Нам нельзя уезжать! — тихо вскрикнула Ивонна, не обладавшая таким безразличием, — Мы же только начинаем понимать...

— Попробуем хотя бы поговорить с этими ублюдками, — ненавидяще бросил Долмеди. — Сейчас я их вызову. Вы пока не расходитесь, будьте наготове. — Последнее, что он увидел, переключая рацию на сканирование универсального диапазона, были испуганные глаза девушки.

— Тебе известно, Фактор, кто такие эти чужаки и что они задумали? — спросил из заднего отсека Переводчик.

— Я не сомневаюсь, что они с Бабура, — рассеянно ответил Долмеди. — Это такой мир — наиболее просвещенные из обитателей Побережья успели немного познакомиться с астрономией — вроде вашего. Побольше и потеплее, и воздух у них плотнее. Тамошние уроженцы не могут долго выдержать атмосферу Сулеймана, разве что в скафандрах. Именно туда и направляется по большей части ваш голубец. А теперь они, похоже, решили добраться до источника сами.

— Но почему, Фактор?

Скорее всего ради прибыли, Переводчик. Прибыли, рассчитываемой по их нечеловеческой бухгалтерии. Ведь бабуритам пришлось пойти ради этого фармацевтического сырья на огромные капиталовложения. Но у них там не капитализм, а строй, не похожий ни на что, известное человеческой истории, так, во всяком случае, говорят. И тогда они могут считать, что делают капиталовложения... в империю? Если мы уйдем отсюда, они смогут расширить свой плацдарм и...

Экран ожил.

Вертикально поднятый торс появившегося на нем существа был бы человеку примерно до пояса, остальное тело — нечто вроде гусеницы на восьми коротеньких толстых лапках — стелилось сзади. По гладкой, блестящей коже тянулся ряд жаберных крышек, защищавших трахеи, для условий плотной водородной атмосферы — достаточно эффективный дыхательный аппарат. Две руки заканчивались клешнями,

вроде рачьих, с запястий свисали короткие крепкие щупальца, игравшие роль пальцев. Впереди голова сужалась к огромному рыхло-губчатому рылу. Бабурит не имеет рта. Он — вообще-то скорее «оно», ведь особи периодически меняют свой пол, но проще и привычнее говорить «он» — измельчает пищу клешнями, потом засовывает ее в пищеварительную сумку, а по растворении — высасывает этим самым рылом. Смотрит это существо четырьмя крохотными глазками, а разговаривает при помощи мембран, расположенных по обе стороны черепа; слух и обоняние обеспечиваются трахеями. Большую часть шкуры, раскрашенной яркими — оранжевыми, синими, белыми и черными — полосами, прикрывало нечто вроде полупрозрачного балахона.

На Земле такая тварь была бы чушью, бредом, биологической нелепицей, однако в условиях собственного своего корабля — при мощной гравитации, в густом холодном воздухе, в полумраке, заполненном какими-то смутными, ни секунды не стоящими на месте тенями, бабурит выглядел величественно, он прямо лучился властью и достоинством.

— Мы ожидали вас. — Вокалайзер превратил серию звонких, бренчащих звуков в довольно пристойную латынь Лиги. — Не подходите ближе.

Долмеди облизнул пересохшие губы.

— Зд-д-равствуйте. Я возглавляю факторию. Он чувствовал себя позорно молодым, несмышленым и беспомощным.

Бабурит молчал.

— Нам сообщили, что вы... — в полном отчаянии продолжил Долмеди, — ...ну, что вы захватываете места сбора голубца. Я не мог поверить, что это так.

— Вы правы, это не так, — согласился бесстрастный механический голос. — В настоящее время туземцы могут пользоваться этими территориями точно так же, как и прежде. Правда, им не удастся собрать здесь ощутимое количество голубца — наши роботы очень эффективны. Посмотрите?

На экране вспыхнуло изображение приземистого цилиндрического механизма. Снабженный простейшим гравитационным приводом, робот плавал в нескольких сантиметрах от грунта. Восемь его рук оканчивались сенсорами, зажимами — для обрывания листьев — и садовыми секаторами — для подравнивания веточек; на спине виднелась большая корзина. А поверх корзины были смонтированы мазерный приемопередатчик и — турель с бластером.

— Работает на аккумуляторах, — сообщил невидимый теперь бабурит. — Перезарядка будет осуществляться от монтируемой нами термоядерной установки, раз в тридцать — тридцать пять часов, если только не появится добавочная потребность в энергии... например для самозащиты. Парящие на большой высоте релейные центры обеспечивают роботам постоянную связь как друг с другом, так и с главным компьютером, который сейчас стоит на корабле, а потом будет перенесен в блокгауз. Компьютер управляет всеми роботами одновременно, что заметно уменьшает стоимость каждого из них. Вы скоро поймете, — добавил он без малейшей тени сарказма, — что подобную систему связи не так-то легко нарушить помехами. Компьютер будет снабжен ракетами, пушками и защитным полем. И ответит ударом на любую попытку помешать его деятельности.

На экране снова появилось изображение бабурита.

— Но это же будет... — У Долмеди кружилась голова. — ...это будет... это акт агрессии, это война!

— Ничего подобного. Это будет акт самообороны, находящийся в полном согласии с законами Торгово-технической Лиги. Можете поверить, мы начали действовать только после тщательного изучения ситуации, и не только материального, ее аспекта, но и социального; наша планета даже стала ассоциированным членом Лиги. В убытке будет одна только ваша компания, что вряд ли сильно огорчит ее конкурентов. Они уже заверили наших представителей, что сумеют собрать на Совете достаточное для предотвращения санкций количество голосов. Да и убытки компании будут

крайне незначительны. А вам лично я порекомендовал бы подыскать себе другое место работы.

«У-гу, — промелькнуло в голове Долмеди, — потеряв планету, я, пожалуй, найду себе другую работу... ну, например, чистить нужники».

— А как же туземцы? — спросил он вслух. — Они-то уже попали в неприятное положение.

— После очистки территории здесь будут заложены плантации голубца, — все так же бесстрастно ответил бабурит. — Я уверен, что там найдется работа для переселенных дикарей, если они окажутся достаточно послушными. Не подлежит сомнению, что здесь имеются и другие пригодные к эксплуатации природные ресурсы, не заинтересовавшие вас, кислорододышащих. В конечном итоге мы сможем даже вывести породу собственного населения, способную жить в условиях Сулеймана, колонизовать эту планету. И все это абсолютно не затронет Лигу. Мы разобрались, как работает на практике соглашение ее членов о запрете на империализм. Когда нет никаких других заинтересованных сторон, договор с местным правительством считается вполне достаточным, а ведь совсем нетрудно установить на планете дружественное и готовое помочь тебе правительство. Именно так и будет в случае Сулеймана — ликвидированная фактория, и прежде-то работавшая на грани убытков, а к тому же расположенная на самом краю сферы деятельности Лиги, никого там у вас не обеспокоит.

— Но принцип...

— Верно. И мы не пойдем на риск войны или хотя бы бойкота нашей планеты и исключения ее из Лиги. Но обратите внимание, никто же не выгоняет вас отсюда. Просто вам попался более сильный конкурент, более сильный потому, что он живет гораздо ближе к этой планете, лучше приспособлен к жизни в ее условиях и, главное, гораздо больше, чем вы, заинтересован в успехе. У нас не меньше прав организовывать здесь предприятие, чем у вас.

— Что значит «мы»? — потерянно спросил Дол меди. — Кто такие «вы»? Чем вы являетесь, частной компанией или...

— Номинально — частной компанией, — объяснил бабурит, — хотя, подобно многим другим ассоциированным членам Лиги, мы не особенно скрываем, что это всего лишь pro forma[33]. Если разобраться, терминология, которой вынуждено пользоваться наше общество при контактах с техносодружеством, почти неприменима для описания его внутренней структуры. Учитывая различия — социологические, психологические и биологические, — имеющиеся между нами и вами, наше желание сохранить свободу от вашей цивилизации не представляет для нее ни малейшей угрозы и поэтому не вызовет никакой враждебной реакции. В то же время без использования современной технологии мы никогда не вырвемся на просторы космоса.

Чтобы максимально ускорить индустриализацию, нам необходимо — хотя бы сперва — покупать в технических мирах оборудование, а для этого нужна валюта этих миров. Может показаться, что мы тратим на операцию с голубцом неоправданно большие средства и усилия, однако в конечном итоге это сэкономит нам инопланетную валюту на более важные цели.

Сообщая вам все это, мы не хотим оставить никаких сомнений как в нашей безвредности для Лиги как целого, так и в решительности наших намерений. Надеюсь, вы записали нашу беседу, это может уберечь вашего нанимателя, от напрасной траты усилий на Сулейман. Постарайтесь верно описать ему ситуацию.

Экран померк. Несколько минут Долмеди пытался возобновить связь, но не добился успеха.

Через тридцать местных, то есть пятнадцать земных, дней было организовано совещание. Население базы

---

[33] Для видимости (лат.).

собралось вокруг стола в до слез прокуренной комнате; Талассократ и Переводчик присутствовали в виде изображений — таких реальных, что от стереоэкрана, казалось, веяло холодом их ледяного зала.

— Подведу итог, — устало сказал Долмеди, проведя ладонью по волосам. Шерсть Переводчика задвигалась, он начал издавать негромкие свистящие звуки. — Пару часов назад, вернувшись из последнего полета на место, я изучил записанное Ивонной сообщение туземных разведчиков; данные прекрасно совпадают.

Как все, наверное, помнят, мы надеялись, что после отлета бабуритского корабля компьютер не сможет нам противостоять.

— А почему они улетели? — поинтересовался Санчжуро Накамура.

— Очень просто, — вмешался Торсон. — Возможно, бабуриты управляют своей экономикой совершенно не так, как мы — нашей, но это еще не освобождает их от действия экономических законов. Планета вроде Бабура — а в действительности даже одна-единственная, хотя и самая сильная ее держава, или как уж там это у них называется — весьма ограниченна в своих возможностях. У них есть, конечно, преимущество близости к Сулейману, но зато мы имеем преимущество гораздо большей производительности и эффективности.

В настоящий момент им не по карману постройка и содержание постоянной базы с живым персоналом, на манер нашей. Здешние условия и для них не очень благоприятны, к тому же бабуриты не имеют даже того малого комплекса знаний и навыков, который есть у нас. Поэтому они решили ограничиться на первый случай автоматической станцией и только присылать время от времени корабль для проверки, ремонта и вывоза урожая.

— Кроме того, — заметила Элис Берген, — кочевники дали нам присягу на верность. Они не будут иметь дел ни с кем другим, не говоря уже о том, что бабуриты и не смогли

бы их толком использовать. Мы обосновались в единственном подходящем для этого месте, среди сулейманитов, с культурой достаточно высокой, чтобы из них получились эффективные помощники. Бабуритам приходится действовать прямо там, где растет голубец, но кочевники возмущены прекращением караванной торговли и, без всякого сомнения, стали бы нападать на живых работников.

— Не стоило и объяснять, — не очень искренне ухмыльнулся Накамура. — Мой вопрос, уверяю вас, был чисто риторическим. Я просто хотел подчеркнуть, что противники не оставили бы все на попечение компьютера, не будь они полностью уверены, что система будет функционировать совершенно надежно, в частности — и близко нас к себе не подпустит. Становится понятным, почему планировщики их модернизации так увлеклись роботикой, скорее всего они задумали целый ряд таких вот подлых штук.

— Ты сумел выяснить, сколько у них там роботов? — поинтересовалась Изабель де Фонеска.

— По оценкам — около сотни, — повернулся к ней Долмеди, — хотя точно мы и не подсчитали. Понимаешь, они двигаются очень быстро и на огромном пространстве — по всей территории, где голубец растет достаточно густо, чтобы стоило его собирать. Кроме того, все они совершенно одинаковые, различить их может разве что управляющий центр.

— Серьезный, наверное, компьютер, если управляет столькими механизмами одновременно, да еще в постоянно меняющихся условиях, — заметила Элис, не очень разбиравшаяся в кибернетике.

— Ничего такого особенного, — энергично встряхнула белокурыми локонами Ивонна. — Мы снимали процесс его установки. Самый обычный многоканальный прибор, только приспособленный к работе в здешних условиях. Самоосознание минимальное — большего просто не требуется, да и было бы неэкономно поручать такую простую задачу очень сложной машине.

— Нельзя ли тогда его перехитрить? — спросила Элис.

— А чем, ты думаешь, занимались я и мои местные помощники все последнее время? — слегка поморщился Долмеди. — Местность там открытая, парящие в небе релейные центры замечают тебя издалека, и компьютер сразу же высылает роботов. Причём много их и не нужно. Как только приближаешься к блокгаузу, следуют предупредительные выстрелы, на туземцев это нагоняет полный ужас. Они теперь и близко туда не подходят, более того, дикари начинают покидать территорию, в результате чего появляется проблема — что делать с целой ордой голодных беженцев? И я ничуть их не виню, низкотемпературный организм поджаривается гораздо скорее, чем твой или мой. Один раз я полез напролом и схлопотал не предупредительный, а самый настоящий заряд; пришлось спешно бежать, пока скафандр не продырявился.

— А может, устроить воздушную атаку? — предложила Изабель.

— На трех-то таратайках, вооружившись ручными бластерами? — презрительно фыркнул Торсон. — И не забывай, что роботы тоже летают. А у центра есть и силовое поле, и ракеты, и пучковые пушки; тут и военному кораблю забот бы хватило.

— Кроме того, — вмешался Талассократ, — я предупрежден, что в случае серьезного нападения на обсуждаемое нами место этот город будет уничтожен с воздуха. На такой риск нельзя идти. Уж скорее я прикажу вам удалиться и попробую прийти к какому-нибудь соглашению с вашими врагами.

«И ведь нам придется подчиниться, — подумал Долмеди. — Для этого ему достаточно попросту запретить туземцам работать на нас.

Да и этого даже не потребуется». Он вспомнил сегодняшнее заявление Предводителя кочевников.

— Мы выполняем свои обязательства по договору, — сказал тот, — а вы свои нет. — Все только что вернулись из последней разведывательной вылазки, сулейманиты — на

своих животных, а Дол меди — на гравискуттере. — Твои предшественники поклялись, что защитят нас от любых пришельцев с неба. Если ты не можешь прогнать этих захватчиков — как можем мы верить тебе дальше?

Долмеди попросил дать ему еще немного времени и получил в конце концов неохотное согласие — все-таки караванщики ценили торговлю с людьми. Но если долго тянуть с решением этой проблемы, вряд ли удастся потом восстановить отлаженную систему.

— Мы не станем подвергать вас опасности, — заверил он Талассократа.

— А насколько реальна эта угроза? — спросил Накамура. — Вряд ли Лига оставит без внимания массовое убийство ни в чем не повинных туземцев.

— Да, — кивнул Торсон, — но это совсем еще не значит, нто Лига пойдет на что-нибудь большее, чем выражение протеза. Особенно когда бабуриты начнут доказывать, что это мы вынудили их на такой шаг. Они делают ставку на безразличие Лиги и, как я сильно подозреваю, ничуть в этом не ошибаются.

— Верна или неверна бабуритская оценка психополитики, — сказала Элис, — в любом случае она определяет их собственные действия. А какова эта оценка? Известно ли нам хоть что-нибудь об их образе мыслей?

— Значительно больше, чем тебе кажется, — заговорила Ивонна. — Иначе и быть не может, ведь мы контактируем с ними на протяжении многих поколений, а кто же будет заключать торговые соглашения без предварительного скрупулезного исследования партнера? Последнее время вы очень мало меня видите — именно потому, что я зарылась в материалы по бабуритам. Прямо здесь, у нас, имеется уйма самой разнообразной о них информации.

Долмеди напряженно выпрямился, в ушах отдавались учащенные удары пульса. Эта незначительная, захолустная фактория имела обширную и разнообразную ксенологическую библиотеку, и удивительного здесь мало —

микропленки стоят гроши, а никогда заранее неизвестно, что может случиться и кто из инопланетян может подвернуться под руку, так что принято снабжать базу полным набором справочного материала по всему сектору.

— Ну и что там? — хрипло спросил он.

— Боюсь, — криво улыбнулась Ивонна, — что ничего такого уж экстраординарного. Самые рутинные сведения — три или четыре главных языка, обзоры истории и основных современных культур, анализ технического уровня, разнообразная статистика по производству и народонаселению — это если не считать планетологии, биологии, психопрофилирования и тому подобного. Я изо всех сил старалась найти какое-нибудь слабое место, но — увы. Да, конечно же, я могу показать, что эта операция крайне обременительна для их ресурсов и будет оставлена, если не начнет окупаться в самое ближайшее время, но то же самое относится и к нам.

— Если бы мы сумели соорудить какую-нибудь такую штуку... — Торсон задумчиво затянулся своей трубкой и выпустил большой клуб дыма. — Ведь у нас здесь вполне приличная мастерская. Вот этим я последнее время и занимаюсь.

— А что ты там такое придумал? — без всякого энтузиазма в голосе поинтересовался Долмеди — скучный тон инженера не предвещал ничего особо интересного.

— Ну, сперва я подумал о роботе, который охотился бы на этих ихних сборщиков. И я могу построить такого робота, лучше защищенного и сильнее вооруженного, но, — рука Торсона упала на стол, ладонью вверх, — только одного. А у компьютера их сотня, и сам он на много порядков хитрее, чем любой мозг, который я состряпаю из запасных деталей. Кроме того, как уже сказал Талассократ, в качестве возмездия по-нашему космопорту могут шарахнуть ракетой, а такой риск совершенно недопустим, ведь тогда и от города почти ничего не останется.

Затем я подумал насчет помех связи и о том, нельзя ли как-нибудь вывести из строя сам компьютер, но тут уж нет никакой надежды. Он ведь и близко нас к себе не подпустит.

— Так что, — обреченно вздохнул инженер, — давайте признаем, что нас хорошо вздрючили, и начнем думать, как бы свести потери к минимуму.

Талассократ сохранял невозмутимость, как и подобает монарху, но главный глаз Переводчика подернулся пленкой, крошечное тело словно стало еще меньше.

— Мы надеялись, — воскликнул он, — что не мы, но хотя бы наши потомки... научатся у вас, будут странствовать среди бессчетных миров... так неужели вместо этого будет нескончаемое правление чужаков?

Долмеди с Ивонной переглянулись, их руки встретились. Он знал, что и ее мучает та же самая мысль. «Мы, работники Лиги, не вправе притворяться, что вся наша деятельность — чистый альтруизм. Но ведь мы же и не чудовища. Какой-нибудь ко всему безразличный бухгалтер, сидящий на Земле, прикажет нам уезжать. Но сможем ли мы сами, мы, которые долго пробыли среди этого народа, кому этот народ доверял, сможем ли мы бросить их и жить дальше, словно ничего не случилось?»

И тут в его мозгу всплыла древняя, очень древняя легенда.

На минуту или две он перестал замечать вялый, вымученный разговор, продолжавшийся за столом; первой заметила его пустой, невидящий взгляд Ивонна.

— Эмиль, — негромко спросила она, — тебе плохо?

С громким, торжествующим воплем Долмеди вскочил на ноги.

— Что такое? — испуганно отшатнулся Накамура.

Фактор взял себя в руки; он дрожал от возбуждения, по его телу волнами пробегал нервный холодок, но голос звучал спокойно, уверенно:

— У меня есть идея.

Поверх раздувавшейся на ветру одежды Переводчик нес неприметную, миниатюрную телекамеру, соединенную с рацией. Долмеди посадил свою машину за одним из ближайших холмов, Машина Торсона, игравшая роль релейной станции, парила чуть Поодаль; и они, и оставшиеся на базе Ивонна, Элис, Изабель и Накамура, и Талассократ в своем ледяном дворце не сводили глаз с экранов, на которых прыгал, раскачивался из стороны в сторону вид местности. Сотрясаемые порывами ветра, мотались и с треском хлестали одна о другую ветки кустарника, их длинные черные листья рваными вымпелами вились в завывающих струях воздуха; между кустов сгорбились валуны и ледяные глыбы; грохотавший где-то справа аммиачный водопад застилал поле зрения искрящейся пеленой брызг. Корпуса аэрокаров содрогались от медленного, густого ветра, мощное притяжение планеты вжимало наблюдателей в сиденья.

— Я продолжаю считать, — сказал со второго экрана Торсон, — что нужно было дождаться помощи. Они же там такую систему сляпали — не подступишься.

— А я продолжаю утверждать, — возразил Долмеди, — что твоя профессия заставляет тебя излишне суетиться. И как бы там ни было, туземцы вряд ли согласятся долго ждать.

«К тому же, если мы прищучим бабуритов одними подручными средствами, это украсит мой послужной список. Лучше бы я не думал о таком, но что есть, то есть, нет смысла врать самому себе.

И решение принимает Фактор, то есть я.

Как это все-таки одиноко взваливать на себя огромную ответственность. Жаль, что здесь нет Ивонны».

— Тихо, — приказал он. — Сейчас что-то будет.

Переводчик перевалил через невысокую гряду и теперь спускался на гравискуттере вдоль противоположного склона. Помощи ему не требовалось — после нескольких дней обучения он управлялся с машиной довольно лихо, несмотря даже на сковывающую движения одежду. Здесь уже

начиналась охраняемая роботами территория, и один из них косо пошел вниз, наперехват. На охристом фоне облаков огненно сверкнул кривой металлический бок.

Долмеди напряженно пригнулся. Он был в скафандре, если туземец попадет в беду, останется только опустить визор шлема, открыть кокпит и броситься на помощь. Его рука скользнула к громоздкой тяжести лежащего на коленях бластера; от мысли, что помощь может оказаться запоздалой, во рту появился кислый, тошнотворный привкус.

Робот завис в воздухе, ствол его оружия угрожающе следил за Переводчиком, но тот продолжал ровно, уверенно скользить вперед. За несколько секунд до столкновения из рации раздался голос:

— Отойди в сторону. Мы вводим изменение программы.

Слова прозвучали на основном языке Бабура.

Ивонна составила фразы, казавшиеся подходящими, и провела многие часы с вокалайзером, воспроизводя и записывая их снова и снова, пока результат не показался удовлетворительным. Маскировку создавали инженер Торсон, ксенологи Накамура и Элис Берген, да еще обладавшая кроме специальности биолога определенными художественными способностями Изабель де Фонеска, сам Долмеди и несколько туземных советников — недавние участники наблюдения за пришельцами. Бабуриты носят одежду, поэтому особой сложности не потребовалось — выбритый и кольцами покрашенный торс, роль гусеницеподобного тела исполняло примитивное устройство, управляемое скрытым под балахоном хвостом и переставлявшее шесть своих механических ног в такт с живыми ногами Переводчика, эластичная маска управлялась пьезоэлектрическими датчиками, наклеенными на мышцы лица, накладные клешни и щупальца скрывали кисти рук, а накладные ступни — ступни настоящие.

Ни человеку, ни обычному сулейманиту такой маскарадный костюм не подошел бы — слишком уж они рослые. Вся надежда возлагалась на то, что бабуриты не догадались

принять во внимание карликов. Маскировка была более чем приблизительной, опять же в надежде, что компьютер не запрограммирован на особо тщательный контроль; кроме того, способный, прошедший много репетиций актер, разыгрывающий свою роль в соответствии с меняющейся обстановкой, создает общее впечатление, за которым незаметна ошибочность мелких деталей.

И главное. Естественно ожидать, что компьютер в соответствии со своей программой должен подпускать к себе бабуритов — для обслуживания, ремонта и вывоза запасаемого здесь же голубца.

Но все равно Долмеди судорожно, до боли, сжимал зубы.

Робот исчез из поля зрения, снова появились черные кусты, они летели навстречу, убегали под нижний край экрана.

Долмеди выключил звук на втором аппарате. Хотя восторженные крики сотрудников, наполнившие машину, никак не могли помешать Ивонне, сидевшей сейчас в отдельной комнате и связывавшейся с Переводчиком посредством прикрепленного к ключице, работающего на костной звукопроводности микрофона, крики эти казались весьма преждевременными.

Мелькали километр за километром, и наконец в поле зрения появился блокгауз — темный куб, ощетинившийся сенсорами и антеннами, окруженный ракетными колодцами, с угрожающими силуэтами огневых точек по углам. Защитное поле не включилось.

— Откройся, — произнесла Ивонна через рацию Переводчика, — и не закрывайся до дальнейших указаний. — И великолепно справляющийся с основными своими обязанностями, но до идиотизма глупый во всем остальном компьютер послушно распахнул массивные ворота.

Дальнейшая работа также досталась Ивонне. Она осмотрела внутренности блокгауза, припомнила все известное ей относительно бабуритской автоматики и начала руководить Переводчиком. Как она говорила впоследствии,

единственной трудностью оказался царивший в помещении полумрак — конструкторы использовали стандартные схемные решения и общеизвестные программные языки. Но для Фактора эти шестьдесят минут тянулись бесконечно долго; он обливался потом, сыпал проклятиями, до боли в пальцах вцеплялся в подлокотники пилотского сиденья — и смотрел на загадочные блоки, громоздившиеся среди гладких, слепых стен, под синеватым — и резким и тусклым одновременно — светом.

Когда Переводчик появился в воротах, а затем эти ворота сомкнулись за его спиной, Долмеди обессиленно повис на привязных ремнях.

Но зато потом... короче говоря, на этот раз сотрудники фактории, и прежде известные умением отмечать праздники, превзошли сами себя.

— Да, — сказал Долмеди. — Но...

— Вот запряжешь, тогда и нокай, — прервал его ван Рийн. — От факта никуда не денешься: по твоему указанию этот весьма недешевый компьютер велел своим роботам отдохнуть. А почему им было не поработать нам на пользу?

— Это подорвало бы отношения с туземцами, сэр. Технологическая безработица вряд ли приведет дикарей в восторг, так что научным исследованиям придет конец, а чем тогда вы заманите на эту факторию работников?

— Какие еще нужны работники, если работать будут роботы?

— Нужно будет постоянно держать там нескольких человек, иначе бабуриты могут вернуться — им же совсем недалеко — и, к примеру, организовать, вооружить и направить против нас справедливо возмущенных сулейманитов. К тому же машины изнашиваются, и замена их стоит денег. А живые местные работники самовоспроизводятся задаром.

— Ну, тут ты все вроде правильно сообразил, — проворчал ван Рийн. — Но только зачем ты велел компьютеру и его роботам атаковать любую машину, пытающуюся

приблизиться, и любое существо, хоть с хвостом, хоть без хвоста, требующее, чтобы его впустили? А вдруг ситуация изменится — ведь теперь и наши люди тоже не смогут с ним ничего поделать.

— Ничего с ними и не нужно делать, — отрезал Долмеди. — Зачем что-то менять в существующей организации? Она хорошо проверена, постоянно дает хоть небольшую, но прибыль. И пока мы сохраняем такое положение вещей, бабуритам не подступиться. Но если мы оставим для себя доступ к компьютеру, придется держать вокруг него дорогую охрану, иначе эти гусеницы полосатые попробуют сыграть с нами ту же шутку, что и мы с ними. А при существующем положении вещей компьютер и его роботы делают полностью невозможной любую модернизацию сбора голубца. Попросту говоря, система защищает нашу монополию, защищает бесплатно и будет делать это еще многие и многие годы.

«Сэр, — с горечью сказал он, начиная подниматься, — экономические рассуждения, связанные с этой историей, кажутся мне до предела элементарными». Вполне возможно, у вас есть какие-либо тонкие соображения, но в таком случае...

— Эй, ты! — заорал ван Рийн. — Садись на место. Глотника, мальчонка, еще из своего стакана и послушай теперь меня. Может, я и вправду старый, и толстый, но язык мой и легкие пока что в полном порядке. И еще два органа работают у меня прилично, один, который ни с какого боку тебя не касается, а другой — мозг, и этот самый мой мозг хочет, чтобы я выжал из тебя всю информацию и переварил ее.

К своему полному изумлению, Долмеди подчинился.

— Нужно смотреть глубже узкой специализации, — продолжил ван Рийн. — Бывают люди, до идиотизма великолепно выполняющие одну-единственную работу. Такой прет всегда напролом, интересуясь лишь своим делом, и начхать ему на все возможные последствия в других областях. А в результате организация, которой он служит,

получает одни неприятности. Ты задумывался, скажем, как отнесется к этой истории Бабур?

— Естественно. Госпожа Вайланкур... — когда же я снова буду с ней? — а в особенности доктор Берген и доктор Накамура проделали тщательный анализ всего доступного нам материала. По результатам этого анализа мы ввели в компьютер дополнительное указание: делать приближающимся механизмам предупреждение и только потом, при неподчинении, открывать огонь. Мой последующий разговор с капитаном корабля, или кто уж это такой был, подтвердил наши предположения.

(Подрагивающее рыло, тусклый блеск четырех крошечных глаз, но голос, пропущенный через машины, совершенно бесстрастен.

— В соответствии с изобретенными вашей цивилизацией правилами вы не дали нам повода для начала войны, а Лига никогда не проходит мимо неспровоцированного, как ей кажется, нападения. Поэтому мы воздерживаемся от бомбардировки.)

— Несомненно, — сказал Дол меди, — бабуриты были в ярости. Но что им было делать? Они реалисты и либо придумают какую-нибудь совершенно новую шутку, либо оставят Сулейман в покое и попробуют где-нибудь в другом месте.

— Они так и продолжают покупать голубец?

— Да.

— Стоит, пожалуй, поднять цену, чтобы неповадно было играть с нами в такие игры.

— Можно и так, только тогда они скорее всего решат, что лучше уж заняться синтезом этой отравы. Наш анализ не рекомендует такого решения.

На этот раз Долмеди действительно встал.

— Сэр. — Голос его дрожал от ярости. — Может, я и деревенщина и получил образование в занюханном провинциальном колледже, но все-таки я не врожденный идиот, про которых говорят: «дурак, и не лечится». И к достоинству

своему я отношусь вполне серьезно. На Сулеймане я принял лучшее решение, какое мог. Вы просто взяли и сняли меня с работы, не сделав даже и попытки указать на какие-нибудь допущенные просчеты, а сегодня устроили длинное и занудное обсуждение вопросов, понятных любому, вышедшему из пеленок. Давайте не будем тратить времени зря. До свидания.

— Хо-хо! — прогрохотал ван Рийн, тоже поднимаясь на ноги. — У него еще и характерец! Нравится, мне это нравится.

Ничего не понимающий Долмеди разинул рот.

— Так послушай, мальчонка. — Торговец хлопнул его по плечу, чуть не сбив с ног. — Я совсем не собирался тыкать тебя носом ни во что, кроме самых приятных вещей. Мне нужно было выяснить, действительно ли ты способен мыслить оригинально или нарвался на это — действительно, прелестное — решение случайно. И дело тут в следующем: возможно, и вправду любой человек, расставшийся с пеленками, понимает то, что понимаешь ты, но только почему же тогда, скажи на милость, девяносто девять запятая девяносто девять процента любой разумной расы никак не может вылезти из пеленок, во всяком случае, что касается мозгов? И почему у них у всех слюни изо рта капают? Вот я и выяснил, что ты принадлежишь к той самой одной сотой процента, и ты мне нужен. Хо-хо, ты мне очень нужен!

Он сунул Долмеди в руку наполненный джином кубок и чокнулся своей пивной кружкой.

— Выпьем!

Долмеди сделал осторожный глоток.

— Ты приехал из провинциального, малоосвоенного мира и потому малость наивен. — Торговец начал расхаживать по комнате. — Но это не страшно, это пройдет, вроде как юношеские прыщи. Понимаешь, когда мои подручные из штаб-квартиры узнали, как здорово ты вывернулся на Сулеймане, они послали стандартную депешу. Им и в голову не шло, что алтаец вроде тебя не поймет, что это —

нормальный курс действий. — Он взмахнул волосатой рукой, расплескав часть пива на пол. — Ну вот, например, как я уже говорил, нужно было выяснить, а вдруг это — просто удача? В таком случае мы повысили бы тебя, сделали управляющим в каком-нибудь месте получше и забыли бы, что есть там какой-то Долмеди. А вот нетипично сообразительного и крепкого парня мы совсем не хотим гноить в управляющих, таких мало, и они — большая ценность. Это бы вроде как делать бумажную лодочку из гравюры Хокусая.

Плохо слушающейся рукой Долмеди поднес кубок ко рту.

— А что же тогда? — спросил он запинаясь.

— Подрядчик! Официально ты сохранишь должность Фактора, чтобы не плодить завистников, но теперь это будет, как говорят, совсем другой коленкор. Слушай, — ван Рийн подобрал с края пепельницы недокуренную сигару, затянулся и начал красноречиво ею — а также зажатой в другой руке кружкой — жестикулировать. Его шаги бухали по полу, как удары молота. — Сулейман считался тихим, спокойным местечком, и вот ты рассказал мне, как мало мы о нем знали и как туда считай, что сам черт зашел в гости. Ну а как бы ты отнесся к новым, по-настоящему заковыристым местам — к местам, где действительно можно сделать состояние? Ну как?

Там нечего делать управляющему, во всяком случае — пока дело не поставлено на ноги. Хороший управляющий — очень важная фигура, и нам они нужны в большом количестве. Но такой годится для рутинной работы, его главная цель — обеспечить, чтобы все катилось ровно и гладко. А человек, работающий в диких, необжитых местах, должен быть новатором, он должен любить риск или — если это не он, а она — новые, неортодоксальные подходы. Там нужен некто, способный подойти к новой задаче с новой стороны — тебе это понятно?

Но таких — ты уж мне поверь — очень мало. Они получают большие деньги — столько, сколько способны сами для себя заработать. Конечно же, я хочу, чтобы они и мне

приносили доход. Поэтому я не кладу Факторам этой разновидности определенного жалованья и не соблазняю их возможностью продвижения по служебной лестнице. Нет, я просто беру с такого бойцового петушка десятилетнюю присягу на верность, а затем отпускаю его на все четыре стороны с начальным капиталом и обещанием постоянной поддержки, пусть делает что хочет, на комиссионных в девяносто процентов.

Жаль, никто не заметил тебя до поступления в бизнес-школу; теперь посидишь немного в школе подрядчиков — есть у меня такая, запрятанная так хорошо, что никому и не догадаться. Не бойся, скучно не будет — там, как я слышал, закатывают отличные оргии, но больше всего тебе должны понравиться занятия, если ты, конечно, не боишься работать и работать, пока мозги из ноздрей не полезут. Ну а потом ты станешь богатым, если выживешь, а если даже и нет — успеешь получить массу удовольствия. Хоккей?

Долмеди вспомнил Ивонну, но затем подумал: а кой, собственно, черт, если не подвернется ничего лучшего, через несколько лет я сам буду нанимать персонал — какой захочу и на каких захочу условиях.

— Хоккей! — воскликнул он и одним глотком прикончил содержимое кубка.

1

Верховный адмирал Сайранакс хир Урнан, наследственный главнокомандующий Флота Драк'хо, Рыбак Западного Океана, Возложитель Жертвы и Оракул Верховной Звезды, раскинул крылья, а затем оглушительно ими хлопнул. Снежными хлопьями запорхали под потолком взметнувшиеся со стола бумаги.

— Нет! — сказал он голосом, не терпящим возражений. — Невозможно! Тут какая-то ошибка.

— Как будет моему адмиралу угодно, — саркастически поклонился его первый заместитель, Дельп хир Орикан. — Значит, разведчики ничего не видели.

Капитан Т'хеонакс хир Урнан, сын и наследник Великого адмирала, побледнел от гнева; его верхняя губа приподнялась, ярко сверкнули белые, почти волчьи клыки.

— У нас нет лишнего времени, чтобы выслушивать ваши наглости, помощник Дельп, — произнес он ледяным голосом. — Я посоветую отцу отказаться от услуг офицера, утратившего уважение к вышестоящим.

Тело Дельпа, затянутое шитой перевязью (знак занимаемой должности), напряглось. Капитан Т'хеонакс шагнул вперед. Два хвоста инстинктивно взметнулись вверх, две пары крыльев широко распахнулись, в комнате сразу стало тесно от тел и ненависти. Словно случайно рука Т'хеонакса скользнула к висящему на поясе обсидиановому топорику; яростно сверкнув желтыми глазами, Дельп схватился за свой томагавк.

Со звуком, подобным взрыву гранаты, адмирал Сайранакс хлестнул хвостом по полу. Юные аристократы вздрогнули, вспомнили, очевидно, где они находятся, их мышцы под блестящим коричневым мехом постепенно расслабились.

— Довольно! — резко сказал Сайранакс. — С таким языком, Дельп, ты еще вляпаешься в неприятности. А твой, Т'хеонакс, характер мне давно уже надоел. У тебя будет достаточно возможностей сводить счеты со своими врагами, когда я отправлюсь рыбам на прокорм. А пока что, будь любезен, не трогай способных офицеров, у меня их совсем не так много.

В голосе адмирала звучала необычная для него в последнее время твердость, мгновенно напомнившая Т'хеонаксу и Дельпу, что это седое, близорукое, ревматическое существо было когда-то победителем Майонского флота — а ведь одно зрелище тысяч вражеских крыльев, взмывающих в небо с верхушек мачт, повергало в ужас — и он же возглавил войну против Стаи. Молодые офицеры встали на четвереньки, в позу уважения.

— Не принимай мои слова буквально, Дельп, — продолжил адмирал уже мягче. Он достал с полки длинную трубку, набил ее сухими листьями морской дриссы, снова затянул подвешенный к талии кисет и устроился поудобнее на старомодном, из дерева и кожи, насесте. — Я ничуть не сомневаюсь, что разведчики умеют смотреть в подзорную трубу, хотя, признаюсь, ты меня очень удивил. Расскажи все еще раз, поточнее и поподробнее.

— Выполнялось самое рутинное патрульное задание, примерно в тридцати обдисаях к северо-северо-западу отсюда, — снова начал Дельп. — Это примерно в районе острова... я не сумею, сэр, произнести дикарское название, в переводе оно означает «Развевающиеся стяги».

— Да, да, — нетерпеливо кивнул Сайранакс. — Я, знаете, тоже иногда поглядываю на карту.

Т'хеонакс ухмыльнулся. Отсутствие манер доставляло Дельпу уйму неприятностей. Его дед был самым заурядным Парусным Мастером, отец так и не поднялся выше командования одним-единственным плотом. Эта семья получила дворянство за героическую службу в битве под Ксарит'ха — иначе о капитанстве не могло бы быть и речи, — но они так

и остались мелкой шушерой с мозолистыми, как у рядовых матросов, руками.

Флот достойно перенес дни голода и вынужденного переселения, но вышел из них сильно изменившимся; Сайранакс, воплощавший в себе эти изменения, подбирал офицеров исключительно на основе личных их способностей, отметая любые прочие соображения. Вот так и вышло, что Дельп хир Орикан — фактически простолюдин — за несколько лет взлетел до второго по значению поста в Драк'хо. Что, конечно же, не прибавило ему образованности и не научило его, как следует вести себя в обществе благородно-рожденных.

Рядовые моряки Дельпа любили, но это только увеличивало неприязнь к нему аристократов — парвеню, неотесанный чурбан, набравшийся наглости жениться на са Аксоллон! Когда смерть сложит защищающие его крылья адмирала...

Т'хеонакс с удовольствием предвкушал дальнейшую судьбу Дельпа хир Орикана. Подобрать какое-нибудь формальное обвинение — за этим дело не станет.

Молодой офицер смущенно поперхнулся.

— Простите, сэр, — пробормотал он. — Я никак не хотел..., и мы ведь совсем недавно познакомились с этим морем... ну, в общем, Дело было так. Разведчики повстречали некий плавучий объект, он не был похож ни на что, о чем они прежде слышали. Двое из них вернулись домой за дальнейшими инструкциями; выслушав доклад, я сразу полетел, чтобы убедиться во всем своими глазами. Сэр, они рассказывают правду!

— Плавающий объект длиной, как шесть самых больших каноэ, вроде как ледяной, но в то же время и не ледяной... Очень странно.

Покачав седой головой, адмирал неторопливо заложил в зажигалку сухой трут, а затем сильно, с совершенно излишней резкостью' протолкнул поршенек через маленький

деревянный цилиндр. Вынув стержень, он поднес огонь к чашечке трубки и глубоко затянулся.

— Это вещество похоже на хорошо отполированный горный хрусталь, — объяснил Дельп. — Только хрусталь блестит все-таки слабее, и у него нет таких переливов.

— И по нему бегают какие-то животные.

— Три штуки, сэр. Ростом примерно, как мы или чуть повыше, но только бескрылые и бесхвостые. И это не просто животные... как мне кажется. На них вроде бы есть одежда. К тому же я не думаю, чтобы блестящий предмет был настоящим кораблем. Он очень плохо держится на воде и, похоже, постепенно тонет.

— Если это не корабль и не бревно, смытое с какого-нибудь берега, — вмешался Т'хеонакс, — так откуда же, скажите на милость, могла взяться такая штука? Из глубины?

— Вряд ли, капитан, — раздраженно отмахнулся Дельп. — Будь это так, непонятные существа были бы приспособлены к водной жизни, ну, как рыбы или морские млекопитающие. А там типичные бескрылые обитатели суши, правда, всего с четырьмя конечностями.

— Ну и как же вы себе это представляете? — издевательски ухмыльнулся Т'хеонакс. — С неба они, что ли, свалились?

— Ничуть не удивлюсь, если так оно и окажется, — очень тихо сказал Дельп. — Больше ведь вроде неоткуда.

Стоявший все это время на четвереньках Т'хеонакс удивленно вскинулся и разинул рот.

— Очень хорошо, — кивнул Сайранакс. — Приятно видеть, что хоть у кого-то из моих офицеров есть-фантазия.

— Но откуда могли они прилететь? — взорвался Т'хеонакс.

— Хорошо бы спросить об этом наших врагов с Ланнаха, — сказал адмирал. — В течение одного года они видят больше, чем мы за много поколений. Кроме того, в тропиках они встречают другие варварские стаи и обмениваются с ними новостями.

— Ну а заодно уж и женщин спросим. — В голосе Т'хеонакса звучало чопорное неодобрение с заметной примесью плохо скрываемой зависти — обычное во Флоте отношение к обычаям перелетных сородичей.

— Помолчал бы лучше, — резко бросил Дельп.

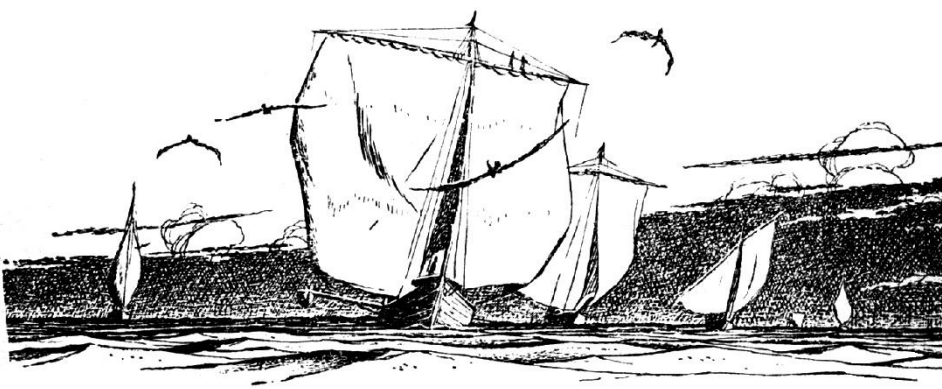
— Да как смеешь ты, матросское отродье... — зло окрасился наследник адмирала.

— Заткнитесь! — рявкнул Сайранакс. — Я прикажу навести справки среди пленных, — продолжил он после длительной паузы. — А тем временем стоило бы послать каноэ и подобрать этих тварей, пока странный объект не затонул совсем.

— Они могут оказаться опасными, — предостерег Т'хеонакс.

— Совершенно, верно, — согласился его отец. — Именно поэтому не стоит рисковать возможностью, что их найдут, скажем, ланнахи. Найдут и заключат с ними союз. Дельп, возьми «Немнис», посади надежную команду и поставь парус. И прихвати с собой этого типа с Ланнаха, которого мы поймали, — профессионального лингвиста, все забываю его имя.

— Толка? — Дельп с трудом выговорил непривычное слово.

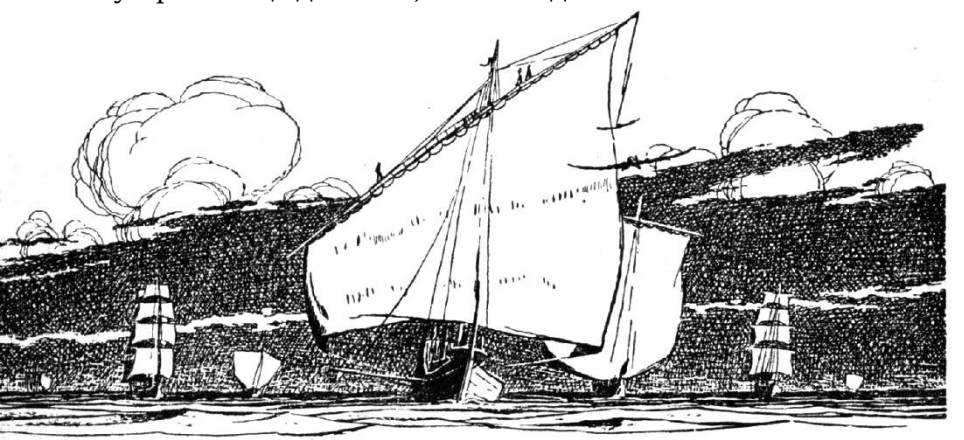
— Вот-вот. Может, он сумеет с ними изъясниться. Потом пришли разведчиков ко мне с докладом, а сам, пока мы не убедимся в том, что эти существа не опасны, держи «Немнис» подальше от основных сил Флота. Кроме того, низшие классы очень боятся чудовищ из морских глубин, я попробую как-нибудь развеять эти суеверные страхи. Если получится — действуй мягко, при необходимости — со всей жестокостью. В случае чего, потом извинимся... или выкинем трупы за борт. А теперь — полный вперед.

И Дельп дал полный вперед.

2

Пустыня, в отчаяние приводящая пустыня.

Он стоял на раскачивающемся, опасно кренящемся фюзеляже погибшей машины, совсем невысоко над поверхностью воды, но даже отсюда огромность горизонта ошеломляла. Мелькнула мысль, что одних размеров этого кольца, где белесое небо смыкалось с серой массой облаков, штормовой пеной и высокими, друг за другом накатывающимися волнами, вполне достаточно, чтобы вселить ужас. Там, на Земле, многим предкам Эрика Уэйса приходилось смотреть смерти в лицо, но земной горизонт никогда не бывает столь устрашающе далеким, почти недостижимым.

И не в том дело, что до своего родного Солнца сотня с чем-то световых лет. Такие расстояния просто не воспринимаются чувствами, они превращаются в безликие, абстрактные числа и совсем не пугают человека, привычного к современным космическим кораблям.

Даже десять тысяч километров океанских просторов, отделявшие его от единственного в этом мире человеческого поселения, крохотной торговой фактории, представлялись сейчас просто числом. Потом, если удастся уцелеть, придут мучительные размышления — каким образом связаться через это — ощутимо огромное — пространство, но сейчас Уэйс думал только об одном — как бы выжить.

Но, даже не задумываясь об этом десятке тысяч пустынных километров, он видел огромность, просторность планеты. Все восемнадцать месяцев своего здесь пребывания Уэйс находился под надежной защитой техники и только сейчас, когда эта надежность оказалась не такой уж и надежной, начал эмоционально ощущать окружающий мир. Он стоял на медленно, но верно погружающейся в воду скорлупке и видел в два раза больше холодного, пустынного, пугающего простора, чем на Земле.

Утопающий гравилет сильно качнуло. Уэйс не сумел удержаться на ногах и заскользил по гладкому искривленному металлу обшивки, отчаянно пытаясь дотянуться до электрического кабеля, которым примотали к пилотской рубке ящики с провизией. Свалиться в воду означало верную смерть — одежда и тяжелая обувь сразу утащат на дно. Удержаться удалось в самую последнюю секунду; раздосадованная неудачей волна мокрой соленой ладонью хлестнула его по лицу.

Дрожа от холода, Уэйс пристроил на место последнюю коробку и кое-как просунулся внутрь гравилета. Приходилось пользоваться узким, неудобным аварийным люком — застекленная палуба, по которой во время полета прогуливались пассажиры корабля, ушла под воду, а вместе с ней и роскошная, с бронзовыми накладками главная дверь.

При падении вода сразу заполнила разрушенный двигательный отсек, дальше она медленно заливала остальные помещения, просачивалась мимо покосившихся переборок и в Щели разошедшейся обшивки. Гравилет был почти готов к последнему долгому и плавному снижению — снижению на морское дно.

Тонкие сильные пальцы ветра вцепились Уэйсу в волосы, попытались помешать ему прикрыть за собой люк. Он с большим трудом поборол ураган. Ураган? Кой черт, конечно же, нет! По своей скорости этот ветер — всего лишь что-то вроде свежего бриза, но при атмосферном давлении в шесть раз большем, чем на Земле, бриз лупил с силой земного шторма. Черт бы побрал ТТЛ К 2987165II! Черт бы побрал саму ТТЛ, черт бы побрал Николаса ван Рийна и — в первую очередь — все бы черти побрали Эрика Уэйса, связавшегося с этой компанией.

Борясь с люком, Уэйс взглянул через камингс, не увидел ничего обнадеживающего, только багровое солнце, серые грозовые тучи, надвигающиеся с севера, и несколько темных пятнышек, парящих в небе.

«Эти туземцы — дьявол бы их поджарил на медленном огне — почему они не хотят помочь? Или уж улетели бы куда-нибудь, а не болтались тут и не упивались зрелищем погибающих людей».

3

— Как, все в порядке?

Совладав в конце концов с люком, Уэйс запер его и спустился по трапу. Внизу пришлось придержаться за стенку — сильная качка сбивала с ног. Волны гулко ударяли в корпус, вой ветра, хоть и не такой пронзительный, как на палубе, мешал говорить.

— Да, миледи, — сказал он. — Насколько это возможно.

— А возможно, сколько я понимаю, очень немногое, верно? — Леди Сандра Тамарин осветила его фонариком. —

Ну и видок же у вас, правду говоря. Настоящая мокрая курица. Переоденьтесь — слава Богу, хоть есть во что.

Уэйс кивнул, выбрался из насквозь промокшей куртки и стряхнул с ног хлюпающие сапоги. Без этой одежды он бы замерз на палубе до смерти — температура сейчас никак не выше пяти градусов, — но зато она, похоже, впитала в себя половину океана. Громко стуча зубами, он проследовал за женщиной по коридору.

Молодой высокий человек хорошей североамериканской породы, Уэйс имел рыжеватые волосы, голубые глаза, резкие угловатые черты лица и сильное, мускулистое тело. Начинал он на Земле двенадцатилетним учеником кладовщика, а к настоящему моменту успел стать главным представителем Галактической Компании специй и спиртных напитков на планете, получившей название Диомеда. Не фейерверочный, конечно же, взлет — а в компании ван Рийна бывали и такие, он продвигал сотрудников соответственно получаемым результатам, а значит, живая сообразительность, лихое обращение с оружием и умение не упустить подвернувшуюся возможность давали большие преимущества, — но все-таки хорошая, приличная карьера, вполне реальный шанс перевестись позднее в более приятный и менее удаленный мир, а в конце концов и домой, на какой-нибудь административный пост. Но чего думать об этом сейчас, если несколько часов — и тебя поглотят чужие, холодные воды?

Конец коридора, куда выходила прозрачная пилотская рубка, был освещен яростно-красным солнцем, низко, по-вечернему, стоявшим на юго-западе тусклого, затягивающегося облаками неба: Леди Сандра выключила фонарик и указала на стол с вынутым уже из шкафа комбинезоном. Рядом лежала и верхняя одежда — стеганая, снабженная капюшоном и перчатками; все это обязательно понадобится, когда придет время выходить наружу.

— Надевайте сразу все, — сказала она. — Потом будет не до того.

— А где мастер ван Рийн? — поинтересовался Уэйс.

— Что-то там делает со спасательным плотом. Вот уж кто умеет обращаться с инструментами, верно? Но ему, конечно, и карты в руки, как-никак, а бывший рядовой астронавт.

Уэйс пожал плечами, он явно ждал, пока женщина уйдет.

— Так переодевайтесь, — напомнила она.

— Но...

— О-о, — слегка улыбнулась леди Сандра. — Никак не думала, что у землян табу на обнаженное тело.

— Ну... не то, чтобы, миледи... но вы ведь — благородно-рожденная, а я простой торговец.

— Примечательно, — заметила она, — что снобизм наиболее распространен именно на республиканских планетах вроде Земли. Ведь мы — люди, не хуже и не лучше друг друга. А теперь — быстро. Если вы такой уж стеснительный, могу отвернуться.

Уэйс мгновенно натянул одежду. «Хорошая женщина, — думал он. — И веселая. Ну отчего этому старому козлу всегда так везет? Неправильно это!»

Люди, поселившиеся когда-то на Гермесе, были рослыми блондинами; их потомки не портили породу, особенно аристократы, Появившиеся в период Развала, когда Гермес объявил себя суверенным Великим Герцогством. Леди Сандра Тамарин была почти одного роста с Уэйсом; даже бесформенная зимняя одежда не могла скрыть ее гибкой женственности. Сильное, четко очерченное лицо гермесской аристократки нельзя было назвать красивым — высокий лоб, большой рот, чуть вздернутый нос, но ее огромные изумрудные глаза с длинными, пепельного цвета ресницами и тяжелыми темными бровями... Таких прекрасных глаз Уэйс не видел прежде нигде и никогда. Сейчас ее длинные прямые волосы цвета платины были собраны в узел, но Уэйс видел их и свободно развевающимися, украшенными короной, в свете свечей...

— У вас там все, мастер Уэйс?

— О... Извините меня, миледи, я немного задумался. Одну секунду. — Он натянул стеганую куртку, но молнию застегивать не стал, внутри корабля сохранялись еще какие-то остатки тепла. — Все. Еще раз извините.

— Ничего. — Леди Сандра повернулась, слегка задев его — в коридоре было довольно тесно. — А эти туземцы, они все там? — Ее взгляд скользнул вверх.

— Думаю, да, миледи. Слишком высоко, чтобы говорить с полной уверенностью, ведь они без малейшего труда поднимаются на несколько километров.

— Я вот задумывалась, Торговец, но все как-то не было случая спросить. Раньше мне казалось, что невозможно летающее существо размером с человека, а у этих диомедианцев шестиметровый размах крыльев. Как же так?

— И вы сейчас спрашиваете об этом?

— Так ведь мы просто стоим и ждем мастера ван Рийна. Дел у нас никаких нет, так почему бы не поговорить об интересных вещах?

— Мы... нам нужно помочь ему покончить поскорее с плотом, а то не успеем и утонем.

— Он сказал, что аккумуляторов все равно хватит только на один дуговой резак, так что пусть никто не путается под ногами. А вы говорите, говорите. У гермесских высокорожденных тоже есть свои обычаи и табу, в том числе — определяющие пристойный способ умирать. Но что вообще такое человек, если не набор обычаев и табу?

Богатый грудной голос звучал совершенно беззаботно, леди Сандра слегка улыбалась, вот только легко ли ей это давалось?

Мы посреди океана, хотел сказать он, на планете, чья органика для нас — яд. В нескольких десятках километров отсюда есть остров, но направление мы знаем весьма приблизительно. Мы можем успеть состряпать плот из пустых металлических бочек, а можем не успеть, можем успеть погрузить на него продовольствие, а можем не успеть. Шторм, надвигающийся с севера, может обойти нас стороной, а

может и застигнуть. А эти туземцы, пролетевшие над самыми нашими головами несколько часов назад, — они нас игнорируют... а может, наблюдают за нами... одним словом, все что угодно, кроме намерения помочь.

И кто-то ненавидит то ли вас, то ли старика ван Рийна, хотел сказать он. Нет, не меня, я слишком незаметен для такой ненависти. Но ван Рийн — это Галактическая Компания специй и спиртных напитков, а эта компания — большая сила в Торгово-технической Лиге, которая, в свою очередь, является самой большой силой во всей изученной части Галактики. А вы — леди Сандра Тамарин, наследница трона — если останетесь жить. И вы отвергли предложения многих аристократов своей планеты, выродившихся в результате многих поколений родственных браков. Вы решили поискать отца будущих своих детей в других местах, чтобы следующий Великий Герцог Гермеса был настоящим мужчиной, а не дурацкой хихикающей куклой; так что многие придворные не могут без ужаса думать о вашей коронации.

Не сомневайтесь, хотел сказать он, есть уйма людей, только и мечтающих о смерти Николаса ван Рийна и Сандры Тамарин. Кстати, его галантное предложение подвезти вас с Антареса, где вы с ним познакомились, на Землю с заходами по дороге во все мало-мальски интересные места было весьма продуманным. Самое малое, на что он может рассчитывать, это торговые концессии в Герцогстве. А если удастся... нет, формальный союз такого, как он, вряд ли устроит, а даже вы, при всей своей чистоте и наивности, никак не позволите этому человеку взгромоздиться на трон своих предков.

Но я отклонился от главного, дорогая, хотел он сказать, а главное в том, что кого-то из команды космического корабля подкупили. План был отлично продуман, и этот кто-то только и ждал подходящего случая. Случай подвернулся, когда ван Рийн привез вас на Диомеду показать, что такое по-настоящему новая, неосвоенная планета, планета, не имеющая еще даже толковой карты — за пять прошедших с

ее открытия лет крохотная горстка живущих здесь людей едва успела кое-как установить очертания континентов. Случай подвернулся, когда этот Мерзкий старик, мой босс, приказал мне отвезти его и вас чуть на противоположную сторону планеты — в горы, знаменитые, видите ли, своей живописностью. Ну а дальше все понятно. Бомба в энергоустановке, почти вся команда — и техники, и слуги — гибнет при взрыве, мой второй пилот расшибает себе череп при падении корабля в море, рация вдребезги... и к тому времени, как на Четверговой Посадке забеспокоятся и отправят спасательную команду, то немногое, что осталось от гравилета, давным-давно утонет... а если мы даже чудом каким-нибудь выживем, разве есть хоть малейший шанс, чтобы несколько гравиботов, посланных на осмотр не нанесенного на карту мира с диаметром в два раза большим, чем у Земли, углядели три почти незаметные точки, троих людей?

А раз так, хотел он сказать, раз все наши планы, замыслы и мечты о будущем не привели нас ни к чему, кроме такого вот положения, лучше бы вам выкинуть их из головы, бросить всякие разговоры, а вместо этого взять да и поцеловать меня.

Но у него перехватило в горле, и он не сказал ничего подобного.

— Так что? — В голосе Сандры мелькнуло нетерпение. — Какой-то очень уж вы молчаливый, мастер Уэйс.

— Извините, миледи, — пробормотал он. — Боюсь, я не очень-то способен поддерживать беседу в... э-э, в таких обстоятельствах.

— Крайне сожалею, что я не священник, — презрительно бросила леди Сандра, — и потому не могу утешить вас и принять вашу исповедь.

Длинный, покрытый серой пеной вал перекатился через палубу и накрыл даже пилотскую рубку, сталь и пластик задрожали, на какое-то — пока не схлынула вода — время их окутала густая ревущая тьма.

Чуть позднее, когда снова стало светло и Уэйс обратил внимание, как глубоко успел осесть их корабль, как раз в тот момент, когда он подумал, что вряд ли удастся протащить ван Рийновский плот через оказавшийся под водой грузовой люк, вдали мелькнуло что-то белое.

Сперва он не верил своим глазам, затем не позволял себе им верить, но в конце концов все сомнения исчезли.

— Леди Сандра.

Он говорил крайне спокойно и осторожно, нельзя же взять вот так и заорать, словно какой-нибудь низкорожденный землянин.

— Да.

Леди Сандра не повернулась; всей спиной своей выражая крайнее презрение, она продолжала смотреть на север, где не было ничего, кроме темных туч и молний.

— Вон там, миледи. Примерно на юго-востоке... там, как я понимаю, парусный корабль, лавирующий против ветра.

— Что?

А вот она — она заорала в самом буквальном смысле слова. Уэйс искренне расхохотался.

— Что-то вроде лодки, — указал он рукой. — Идет к нам.

— Я и не предполагала, что туземцы ходят в море, — сказала — на этот раз очень тихо — леди Сандра.

— Они и не ходят, миледи, те, которые живут по соседству с Четверговой Посадкой. Но ведь планета очень большая. Поверхность раза в четыре больше, чем у Земли, и мы ее почти не изучили, только малую часть одного из континентов.

— Так вы не знаете, на что похожи эти мореходы?

— Не имею ни малейшего представления, миледи.

На их крики из трюма вылез, отдуваясь, Николас ван Рийн.

— Сто чертей в печенку! — проревел он. — Лодка, говорите, ja! Ох, не завидую я вам двоим, если вы ошиблись.

Он поднялся в пилотскую рубку и начал всматриваться вдаль через покрытый кристалликами соли пластик. Свет

быстро тускнел — солнце опускалось все ниже, и грозовые тучи все плотнее закрывали его багровый диск.

— Ну так что? Где она, эта ваша чертова лодка?

— Вон там, сэр, — показал Уэйс. — Эта шхуна...

— Шхуна! Шхуна-шмуна, башка дубовая. У этой штуки оснастка яла... нет, кой черт, у них на грот-мачте еще и свернутый квадратный парус... вы только посмотрите, они и утлегарь даже поставили. А по всему поведению этой посудины, у нее и руль есть, и настоящий киль. Ну и корыто же они, в Бога пуп, сварганили.

— А что бы вы хотели найти на планете, где нет металлов? — Нервозность обстановки заставила Уэйса забыть обо всякой почтительности.

— Хм-м... плетеные челноки, плоты, в крайнем случае — катамараны. Сухую одежду, быстро! Слишком холодно для купания!

Только сейчас Уэйс заметил, что ван Рийн стоит в луже и вся его одежда пропитана водой. Судя по всему, склад, в котором сооружался плот, залит, а торговец провел там несколько часов!

— Я знаю, где все лежит, Николас. — Коридор, по которому Сандра бросилась в глубь корабля, наклонялся все сильнее и сильнее; просачиваясь сквозь разбитую корму, вода продолжала заливать отсек за отсеком.

Уэйс помог своему боссу выбраться из хлюпающего комбинезона. В голом виде ван Рийн напоминал... как там называлась эта вымершая обезьяна? Гориллу. Волосатая, пузатая, двухметровая, с плечами, напоминающими кирпичную стену, горилла, громко выражающая возмущение холодом, сыростью и медлительностью своего помощника. Правда, на толстых пальцах этой гориллы сверкали кольца, на запястьях — браслеты, а с шеи свешивалась медаль святого Дисмаса. В отличие от коротко подстриженного и гладко выбритого Уэйса, ван Рийн предпочитал видеть свои длинные черные волосы завитыми и даже — на архаичный манер — надушенными; его тройной подбородок украшала острая

козлиная бородка, под огромным крючковатым носом торчали устрашающих размеров усы.

Тяжело, с хрипом дыша, старый торговец обшарил пилотский шкафчик и выудил оттуда бутылку рома.

— Ну вот! Я же помню, что заначил куда-то эту проклятую штуку. — Приложив к широкому лягушачьему рту горлышко, он сделал несколько больших глотков. — Хорошо. Великолепно! Вот теперь, возможно, удастся снова почувствовать себя нормальным человеком, nie?

Величественный и шарообразный, как планета, он повернулся к возвратившейся Сандре. Изо всей имевшейся на борту одежды ван Рийну подходил только его собственный, павлиньей пестроты костюм — отделанная кружевами рубашка, жилет с роскошным шитьем, короткие штаны из переливчатого шелка, такие же чулки, золоченые туфли, шляпа с пером и — кобура с бластером.

— Благодарю вас. — Он слегка поклонился. — А вы, Уэйс, сходите, пока я одеваюсь, в буфет, там вы найдете коробку сигар и небольшую бутылку яблочного бренди. Захватите их, пожалуйста, а потом пойдем наверх, нужно встретить гостей.

— Святые угодники! — поразился Уэйс. — Да ведь буфет уже залило.

— Да? — грустно вздохнул ван Рийн. — Тогда возьмите только бренди. И быстренько. — Он щелкнул пальцами.

— Некогда, сэр, — торопливо сказал Уэйс. — Мне нужно еще собрать боеприпасы. Туземцы могут оказаться и враждебными.

— Вполне возможно, если они слышали что-нибудь о нас, — согласился ван Рийн, натягивая шелковую исподнюю рубашку. — Б-р-р-р! Я поставлю пять тысяч свечек, если удастся вернуться в свой кабинет, в Джакарту.

— И какому же это святому? — сощурилась леди Сандра.

— Своему, конечно, святому Николаю, покровителю странствующих и...

— Я бы на месте святого Николая попросила расписку.

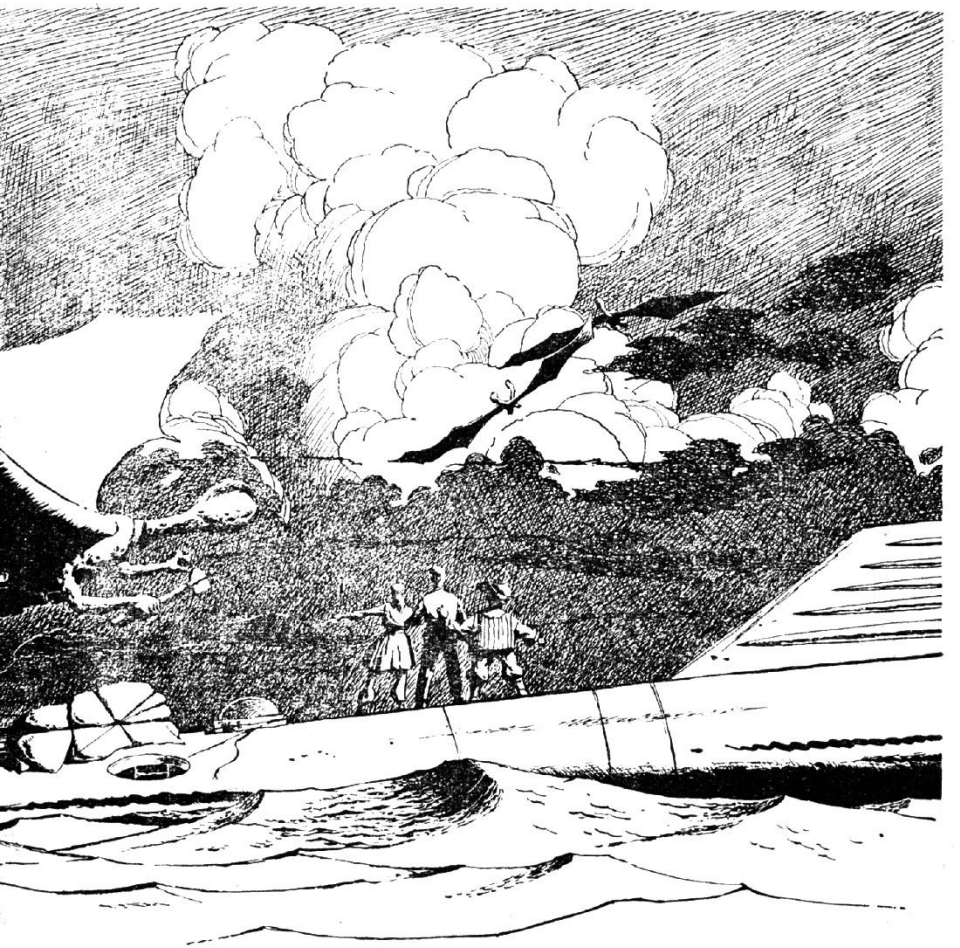
Ван Рийн побагровел, но разве станешь препираться с наследницей престола, особенно если ее планета представляет интересные коммерческие возможности. Для разрядки он вылил поток ругательств вслед удалившемуся Уэйсу.

Выбраться из корабля удалось не сразу — ван Рийн застрял в аварийном люке, и пришлось его пропихивать. Некоторое время за непрерывно сыплющимися ругательствами не было слышно даже все приближающихся раскатов грома. Диомеда поворачивалась вокруг оси всего за

двенадцать с половиной часов, находились они на тридцатом примерно градусе северной широты, стояла ранняя весна, так что солнце валилось в море с прямо-таки устрашающей скоростью. На палубе всем троим пришлось уцепиться за тросы, чтобы выдержать режущие порывы ветра и удары волн. Спрятаться было негде.

— Не самое подходящее местечко для бедного старика, — пожаловался ван Рийн. Очередной шквал вырвал слова из его рта, разодрал их в клочья и швырнул в бешеное море. Завитые локоны торговца плескались, как вымпелы. —

Остаться бы мне дома, на Яве, где тепло и уютно, а не растрачивать последние свои годы невесть, где...

Уэйс напряженно всматривался в сгущающийся мрак; лодка явно приближалась. Сноровка команды вызывала уважение даже у такой сухопутной крысы, как он, а уж ван Рийн прямо рассыпался в громких похвалах.

— Я запишу его в Зондский яхт-клуб, ей-Богу, запишу! А в следующем году выведу на регату и сделаю на него ставку!

Лодка оказалась довольно большой, свыше тридцати метров в длину, с резным форштевнем и непропорционально огромными голубыми парусами. Утлегарь там на ней или не утлегарь, Уэйсу все равно казалось, что она готова в любой момент перевернуться. Им-то, умеющим летать, это не так страшно, как...

— Диомедианцы. — Спокойный голос Сандры едва различался за воем ветра и пушечными ударами волн. — Вы ведь общались с ними уже полтора года, верно? Чего можно от них ожидать?

— А чего можно ожидать от наугад выбранного племени, живущего в каменном веке? — пожал плечами Уэйс. — Может, они поэты, а может — людоеды. Или и то и другое сразу. Я знаком только с Тырланианской стаей, так те — перелетные охотники. Они всегда твердо держатся буквы своих законов, именно буквы, к духу они относятся не столь скрупулезно. Но в целом — вполне приличные ребята.

— Вы говорите на их языке?

— Насколько позволяет мне моя техноземная культура и структура неба, миледи. Не могу похвастать, что полностью понимаю их концепции, но как-то разбираемся.

Тонущий корабль сильно качнуло, послышался зловещий треск рушащейся переборки, море залило очередной отсек. Скользкий металлический фюзеляж наклонился еще сильнее, и Сандре пришлось схватиться за Уэйса. Брызги морской воды, падавшие на ее волосы, быстро замерзали.

— Но это еще не значит, — закончил он, — что я пойму здешний язык. Сейчас мы дальше от Тырлана, чем Европа от Китая.

Каноэ совсем приблизилось, и очень вовремя — гравилет готов был утонуть с минуты на минуту. Голубые паруса опустились, в воду полетел плавучий якорь, крепкие руки взялись за весла. В тот же самый момент один из диомедианцев взмыл в воздух, за ним тянулась веревка. Следом взлетели еще двое, скорее всего охранники. Через несколько секунд первый опустился на корпус гравилета и молча воззрился на людей.

Тырлан располагался севернее этих широт, его перелетные обитатели не успели еще вернуться из тропиков, поэтому Сандра впервые встретила диомедианца лицом к лицу. Слишком промокшая, промерзшая и усталая, чтобы восхищаться сверхчеловеческой грацией его движений, она, однако, оглядела орнитоида весьма внимательно. Как знать, вполне возможно, что придется долго жить среди этих существ — если, конечно, они оставят людей в живых.

Ростом поменьше среднего человека, он имел метровый хвост с широкой мясистой лопастью на конце и огромные крылья — вроде тех, что у летучей мыши, — сложенные сейчас за спиной. Руки располагались над крыльями, примерно в середине туловища, и поразительно — вплоть до мускулистой пятипалой кисти — напоминали руки человека. Но на том близкое сходство и кончалось — сгибающиеся не вперед, а назад ноги опирались на лапы с четырьмя мощными когтями, словно позаимствованными у какой-нибудь хищной птицы. Круглая, с высоким лбом голова располагалась на длинной, раза в два длиннее человеческой шее; желтые глаза, полуприкрытые, как у птиц, пленкой, прятались под тяжелыми надбровными дугами. Под черным тупым носом короткие кошачьи усы и широкий рот с медвежьими зубами хищника, ставшего всеядным. Ушные раковины отсутствовали, зато на голове высился мускулистый гребешок, помогавший, видимо, управлять полетом. И все стоявшее перед

Сандрой существо — = несомненно, млекопитающее, несомненно, мужского рода — было покрыто коротким мягким коричневатым мехом.

Всю его одежду составляли три ремня — на двух, перекинутых крест-накрест через «плечи», висели объемистые сумки, а третий стягивал талию. Далекое от совершенства оружие состояло из обсидианового ножа, кремневого топорика и болас[34].

Сгущавшаяся мгла мешала разглядеть, чем вооружены его дружки, так и продолжавшие кружить над палубой. Что-то длинное и тонкое, но уж точно не винтовки — на этой-то планете, где нет ни железа, ни меди.

Уэйс подался вперед и кое-как заставил свой язык воспроизвести хриплые звуки тырланского языка:

— Мы друзья. Вы меня понимаете?

И получил в ответ пулеметную очередь совершенно незнакомых слов. Оставалось только пожать плечами и развести руками. Диомедианец пересек палубу — он передвигался на двух ногах, заметно наклонившись вперед, чтобы сбалансировать вес крыльев и хвоста, — нашел выступ, к которому люди прикрепили страховочные тросы, и привязал туда же свою веревку.

— Булинь, — мечтательно вздохнул ван Рийн. — Видишь такое — и сразу сердце щемит.

Оставшиеся на каноэ матросы начали подтягиваться поближе. Диомедианец повернулся к Уэйсу и показал на свое суденышко. Уэйс кивнул, сообразил, что собеседник скорее всего не понимает этого жеста, и осторожно шагнул в указанном направлении. Диомедианец поймал еще одну веревку, брошенную ему с каноэ, указал на нее, потом на людей и начал жестикулировать.

— Понимаю, — сказал ван Рийн. — Ближе подходить рискованно, волна может разбить их посудину об нас. Мы

---

[34] По-испански — «шары». Два массивных шара, скрепленные коротким ремнем либо веревкой. Употребляется американскими индейцами как метательное оружие.

обвяжемся линем, и эти ребята перетащат нас к себе. Святой Христофор, разве можно так обращаться с бедным ревматическим стариком!

— Там еще наша еда, — напомнил Уэйс.

Гравилет снова дернулся и осел еще глубже. Диомедианец нервно переминался.

— Нет, нет! — заорал ван Рийн. Похоже, ему казалось, что громкий крик легче преодолевает языковой барьер. — Nie! Ни в жизнь! — Руки торговца мелькали, как крылья ветряной мельницы. — Ты что, не понимаешь, дубина несчастная? Уж лучше самим пойти на корм здешним вонючим рыбам, чем есть эту вашу чертову пищу. Мы сдохнем! Живот заболит! Самоубийство! — Он указал на свой рот, хлопнул себя по животу, а затем махнул рукой в сторону привязанных к рубке ящиков.

«Слишком уж эволюция разнообразна, — мрачно думал Уэйс. — Вот тебе, пожалуйста, планета, где есть кислород, водород, азот, углерод, сера... протеиновая биохимия строит тут гены, хромосомы, клетки, ткани... вполне вроде бы нормальная протоплазма... а в то же время человек, попытавшийся съесть какое-нибудь здешнее яблочко или, скажем, кусок мяса, помрет в течение десяти минут, и даже не поймешь — от какой из пяти десятков равно смертельных аллергических реакций. Белки-то они белки, только вот не те белки. Более того, исключительно благодаря иммунизационным прививкам могли люди дышать здешним воздухом, пить здешнюю воду, не подвергаясь астме, сенной лихорадке и прочим аналогичным радостям бытия».

Сегодня он неизвестно сколько часов мерз и мок, вытаскивая и складывая все пищевые запасы гравилета, чтобы перенести их потом на плот. Роскошный атмосферный лайнер, который ван Рийн обычно возил с собой, был постоянно укомплектован различными деликатесами, чтобы по первому требованию вывезти сибарита-торговца на пикник. В ящиках, привязанных к пилотской рубке, лежало достаточно ржаного хлеба, сливочного масла, эдамского сыра,

лососины, копченой индюшатины, солений, фруктовых консервов, шоколада, плумпудинга, пива, вина и одному Богу известно чего еще, чтобы прокормить троих людей в течение многих месяцев.

Стараясь удержать равновесие, диомедианец несколько раз взмахнул крыльями. В слабом, неверном свете уходящего дня острые когти, густо усеивавшие края этих крыльев, промелькнули около носатой физиономии ван Рийна, словно лезвия сенокосилки, управляемой какой-то свихнувшейся на механике Смертью. Торговец выдержал такое испытание мужественно, его палец продолжал указывать на штабель ящиков. Наконец диомедианец то ли что-то понял, то ли устал спорить. Времени уже не оставалось, он повернулся к каноэ и громко свистнул. Тучей поднявшиеся матросы быстро развязали трос и начали переносить ящики. Уэйс помог Сандре обвязаться линем.

— Боюсь, миледи, вас потащат прямо по воде, — попытался улыбнуться он.

— Так вот что такое... — она чихнула и продолжила: — ...быть отважным межзвездным первопроходцем. Ну, скажу я пару ласковых слов своим придворным поэтам — если вернусь когда-нибудь домой.

Переправив к себе девушку, матросы снова бросили конец на гравилет; взмахом руки ван Рийн приказал Уэйсу привязываться. Сам он продолжал склочничать с первым диомедианцем. Как это можно, не имея ни одного общего слова, было выше понимания Уэйса, но спорившие перешли уже на крик. Как раз в тот момент, когда его подчиненный крепко сжал зубы и прыгнул в воду, ван Рийн демонстративно уселся на мокрый, холодный металл корпуса.

А в тот момент, когда молодого человека втаскивали, словно мокрого кутенка, на борт каноэ, торговец добился-таки своего. Один диомедианец может перенести на короткое расстояние около пятидесяти килограммов. Трое матросов быстро соорудили нечто вроде веревочных качелей и переправили ван Рийна по воздуху.

Не успели они покончить с этим, как гравилет ушел под воду.

4

Вся команда суденышка — около сотни туземцев — была при оружии, некоторые из них — в шлемах и нагрудниках из многослойной дубленой кожи. На носу находилась едва различимая в полумраке катапульта, а на корме громоздилась высокая, как на средневековых каравеллах, каюта, изготовленная из стволов древовидных водорослей. Двое расположившихся на ней рулевых с видимым трудом поворачивали длинный румпель.

— Ежу ясно, — буркнул ван Рийн, — что мы на военном корабле. Не очень это здорово. С торговцами я бы всегда договорился, тихо и спокойно. А когда перед тобой какой-нибудь хренов офицер, у которого в голове вместо мозгов одни золотые погоны да начищенные пуговицы, на него только и можно, что орать. — Он возвел свои маленькие, близко посаженные глазки к ночному небу, по которому с грохотом змеились молнии, и воскликнул: — Я — старый жалкий грешник, но такого отношения все-таки не заслужил! Ты меня слышишь?

Долго осматриваться не пришлось; гибкие, поразительно — голые, поросшие шерстью тела, перепончатые крылья — похожие на чертей туземцы начали подталкивать людей к рубке. Теперь суденышко мчалось по ветру на сильно зарифленном квадратном парусе и кливере. Уэйс как-то перестал замечать и качку, и грохот волн, и раскаты грома, и вой урагана. Ему хотелось одного — найти какой-нибудь сухой уголок, сбросить одежду, заползти под одеяло и спать, желательно — лет сто подряд.

Рубка оказалась тесной: трое людей и двое диомедианцев едва в ней помещались. Но здесь было тепло, а подвешенная к потолку каменная лампа давала хоть и тусклый, но свет.

Один из орнитоидов — тот, который встретил людей первым, — сидел, сторожко пригнувшись, ни на мгновение не выпуская из руки обнаженный обсидиановый клинок, но его внимание в основном занимал второй туземец, более худой и — судя по седым прядям шерсти — старый, привязанный ременным поводком к одному из угловых столбов рубки.

Глаза Сандры сузились; незаметным — как ей казалось — Движением она переложила бластер из кобуры себе на колени.

Это явно не прошло мимо внимания первого диомедианца, и ван Рийн выругался.

— Ну на хрена, спрашивается, дура ты малолетняя, показывать ему, какой из предметов нашего туалета — оружие?

Туземец с кинжалом сказал что-то второму, привязанному, тот ответил серией таких же рычащих звуков, а затем обратился к людям. Теперь его речь звучала совсем иначе.

— Ну вот! — иронически ухмыльнулся ван Рийн. — Толмач. Вы говорить английский, да? Ха, ха, ха!

— Нет, подождите, тут можно и попробовать. — Уэйс перешел на тырланский. — Вы меня понимаете? Других местных языков я не знаю.

Пленник резко поднял голову и заговорил. Его слова звучали почти знакомо.

— Помедленнее, пожалуйста, — прервал туземца Уэйс; всю его сонливость словно рукой сняло.

Смысл доходил с трудом, не сразу.

— Я никогда раньше не слышал этого диалекта (?) карнойского языка.

— Карнойский? Подождите, один из тырланцев упоминал о южной конфедерации племен с названием то ли Карнои, то ли еще что в этом роде.

— Я говорю на языке народа Тырлана.

— Я не знаю такого племени (?). Они не зимуют в наших местах. Карнои обычно тоже, но время от времени, когда все мы находимся в тропиках (?), попадается кто-нибудь из них,

поэтому... — дальше смысл слов туземца терялся окончательно.

Диомедианец с кинжалом что-то нетерпеливо сказал и получил короткий ответ; переводчик снова повернулся к Уэйсу:

— Меня звать Толк, я — мохра Ланнаха...

— Что-чего? — переспросил Уэйс.

Даже двум людям не так-то легко изъясниться, пользуясь двумя различными диалектами языка, мало знакомого им обоим. В данном случае добавлялось различие речевых и слуховых аппаратов — диомедианцы хорошо воспринимают низкие частоты и слабо — высокие, так что процесс получался медленным и мучительным. За целый час Уэйс разобрал всего несколько мало-мальски информативных фраз.

Толк был лингвистом Великой Стаи Ланнаха; его обязанностью было изучить каждый из весьма многочисленных языков, с которым встречалось племя. Название должности Толка можно было, пожалуй, перевести как «Герольд» — кроме всего прочего он исполнял церемониальные возглашения и руководил отрядом гонцов. Стая воевала с дракхонами, и в одной из последних схваток Толк попал в плен. Второго туземца звали Дельп, он был высокопоставленным дракхонским офицером.

Уэйс не торопился рассказывать много о себе — и не столько из осторожности, сколько из понимания, какой трудной окажется эта задача. Он попросил Толка предупредить хозяев корабля, что пища с гравилета жизненно необходима людям, но в то же время смертельно опасна для туземцев.

— Ну и чего ради буду я их предупреждать? — нехорошо ухмыльнулся Толк.

— Если вы не предупредите Дельпа, — нахмурился Уэйс, — вам предстоят большие неприятности, когда он об этом узнает.

— Верно. — Толк сказал несколько слов Дельпу и получил быстрый, короткий ответ.

— Он говорит, — объяснил Толк, — что вам не будет причинено никакого вреда, разве что вы сами подадите повод. И просит вас изучить их язык, чтобы разговаривать без переводчика.

— Что там еще? — вмешался ван Рийн. Услышав ответ Уэйса, он взорвался. — Что? Что это он еще несет? Торчать здесь, пока... Доннер веттер! Я сейчас объясню этой склизкой жабе... — Он начал вставать.

Дельп оскалил зубы, его крылья звучно хлопнули — и тут же распахнулась дверь. На пороге стояли двое охранников, один из них — с томагавком, другой — с чем-то вроде острых кремневых вил.

Ван Рийн схватился за бластер, и тут же Дельп прохрипел несколько слов.

— Он говорит, чтобы вы успокоились, — перевел Толк.

Далее последовали длительные переговоры, в результате которых Уэйс — с большим трудом — понял приблизительно следующее:

— Он не желает вам зла, но обязан думать о своем народе. Вы — нечто новое, неизвестное. Возможно, вы можете им помочь, но как знать, вдруг вы настолько вредоносны, что вас нельзя отпускать. А чтобы разобраться, нужно много времени. Вы должны снять с себя все, что на вас есть, и оставить эти вещи на его попечение. Так как у вас, по всей видимости, нет меха, вам будет выдана другая одежда.

Ван Рийн выслушал все это — в переводе Уэйса — на удивление спокойно.

— Думаю, сейчас у нас просто нет выбора. Ja, мы можем перебить многих из них, возможно, даже захватить эту лодку. Но мы не сумеем доплыть на ней до дома. Не говоря уж обо всем прочем, мы раньше помрем с голоду. Будь я помоложе — да, святой Георгий свидетель, — я бы полез в драку, хотя бы из принципа. Один, без посторонней помощи, я разобрал бы его по косточке и сделал из костей ксилофон, а затем поприжал бы эту компанию, чтобы они связали нас с базой. Но я слишком старый и толстый, я

слишком устал. Когда-нибудь и ты, мальчик, поймешь, как плохо быть старым.

Он наморщил лоб и умудренно кивнул.

— А с другой стороны, в таком месте, где одни ребята воюют с другими, честный торговец всегда может рассчитывать на небольшой, но приличный навар.

5

— Во-первых, — сказал Уэйс, — вам нужно понять, что мир круглый, как мяч.

— Наши ученые давно это знают, — равнодушно ответил Дельп. — Об, этом догадываются даже варвары, вроде ланнахов. Да и то сказать — они же каждый год мигрируют, перелетают на тысячи обдисаев. Мы не столь мобильны, но ведь без хорошо разработанной астрономии далеко не уплывешь.

Вряд ли, думал Уэйс, дракхоны умеют так уж точно определять координаты. Конечно, неолитическая технология туземцев вызывала почтительное изумление, они работали и с камнем, и с керамикой, и со стеклом, сумели даже создать несколько синтетических смол. Они знали подзорную трубу и нечто вроде астролябии, а также составили навигационные таблицы, основанные на движении солнца, звезд и двух лун. Однако ни компаса, ни хронометра без железа не сделаешь, а металлы на Диомеде почти отсутствовали.

Перспективный, отметил он про себя, рынок. Примитивные тырланцы прямо горели желанием получить простейшие металлические инструменты и оружие, платили за них невероятные цены — мехами, драгоценными камнями и фармацевтическим растительным сырьем. Иначе Торговотехническая Лига просто не заинтересовалась бы этой планетой.

Дракхонам пригодились бы значительно более Сложные приспособления, от часов и логарифмических линеек до дизелей, и они смогли бы платить еще больше.

Уэйс напомнил себе, где он сейчас находится — на плоту «Джеранис», в штаб-квартире главнокомандующего Флота. А вот это дружелюбное существо, с которым он беседует, — тюремщик.

Это сколько же дней прошло после того крушения, пятнадцать? Поземному — чуть больше недели. И несколько процентов пищи уже съедено.

Он запрягся в изучение — с помощью Толка — дракхонского языка. К счастью, Лига давно уже разработала приемы, позволяющие предельно сократить срок такого изучения. Нужным образом сосредоточившись, тренированный мозг воспринимал все услышанное с первого раза. Толк пользовался почти такой же системой; может быть, Герольд и не видел никогда металла, но это нисколько не уменьшало его лингвистических способностей.

— Хорошо, — кивнул Уэйс. Он говорил запинаясь, с трудом подыскивая нужные слова, но объясниться уже мог. — А знаете ли вы, что этот шарообразный мир двигается вокруг солнца?

— Так считают многие ученые, — все так же невозмутимо ответил Дельп. — Лично я — практик (?) и никогда не интересовался подобными вопросами.

— Ваш мир двигается необычным образом. Вообще говоря, здесь у вас все как-то не так. Ваше солнце холоднее и краснее нашего, и поэтому у вас холоднее. Масса... ну, не знаю, как это объяснить... вашего солнца почти такая же, как и у нашего, и расстояние до него почти такое же, как от нашего мира до нашего Солнца. Поэтому и год на Диомеде — это так мы называем ваш мир — всего немногим длиннее земного года. Семьсот восемьдесят два дня, так ведь? Диаметр Диомеды — два с лишним диаметра Земли, но на ней отсутствуют тяжелые вещества, которые есть почти на всех планетах. Поэтому гравитация... вот черт!.., поэтому вешу я здесь всего на одну десятую больше того, сколько вешу дома.

— Не понимаю, — сказал Дельп.

— Ладно, не бери в голову, — хмуро отмахнулся Уэйс.

Диомеда приводила планетологов в полное недоумение. Она не относилась ни к одному из стандартных типов, не была ни маленьким твердым шаром, вроде Земли или Марса, ни газовым гигантом с коллапсированным ядром, как Юпитер или планета 61 Лебедя С. Промежуточная по размерам, Диомеда превосходила Землю по массе в 4,75 раза, при в два раза меньшей плотности. Последнее объясняется почти полным отсутствием элементов тяжелее кальция.

Центральное светило, красный карлик класса G8 ни разменом, ни температурой не выделялось среди других аналогичных звезд. Была в системе и еще одна — необитаемая — планета, такая же придурочная, как Диомеда, остальные являлись более-менее обычными гигантами. Выдвигались гипотезы, что по причине некой невероятной турбулентности, а может быть, из-за какого-нибудь странного магнитного эффекта случайно образовалось что-то вроде космического масс-спектрографа, и в результате часть первичного газового облака потеряла все тяжелые элементы. Но почему не произошел хотя бы коллапс центрального ядра Диомеды? Уже одно давление вышележащих слоев должно было привести к вырождению молекулярной структуры. Судя по всему, минералы этой планеты были не совсем обычными — из-за полного отсутствия таких элементов, как хром, марганец, железо и никель. Их кристаллическая структура оказалась значительно более стабильной, чем, скажем, структура оливина, основного из тяжелых минералов Земли.

Черт с ним со всем!

— Не будем про вас, — сказал Дельп. — Но что такого необычного в движении Икт’ханис?

Местное название планеты обозначало не «земля», а скорее «океан» и было женского рода.

Уэйс задумался — описание механических подробностей превосходило возможности его словаря.

Дело в том, что ось Диомеды наклонена под углом почти в девяносто градусов, лежит практически в плоскости эклиптики. Этот факт, в сочетании с холодным, почти лишенным ультрафиолета солнечным светом, задает необычную картину жизни.

На каждом из полюсов почти половину года стоит полная ночь. Такой же продолжительности день ничего не компенсирует, существуют кое-какие полярные организмы, но все это мало. интересные виды, регулярно впадающие в полугодовую спячку. Даже на сорок пятом градусе широты четверть года стоит ночь, зима более суровая, чем любая земная. Ближе к полюсам разумные диомедианцы просто не могут жить — слишком много времени и энергии уходило бы на ежегодную миграцию, в результате постоянная отчаянная борьба за существование не позволила бы подняться выше палеолитического уровня.

Здесь, на тридцатом градусе северной широты, Абсолютная Зима длилась одну шестую часть года — чуть больше двух земных месяцев, — а до экваториальной зоны можно было долететь за какие-нибудь (!) несколько недель. Поэтому ланнахи были довольно культурным народом. Дракхоны жили — первоначально — еще южнее...

Но без металлов особенно не разбежишься. Конечно, на Диомеде с лихвой хватало магния, бериллия и алюминия, но какой от них толк, если нет электролитической технологии? А откуда возьмется эта технология без меди и серебра?

— Так вы хотите сказать, — поднял голову Дельп, — что на вашей Земле всегда равноденствие?

— Ну, не то, чтобы совсем, но по сравнению с тем, что делается у вас, почти.

— Так вот почему у вас нет крыльев. Верховная Звезда не дала их вам просто потому, что вы в них не нуждаетесь.

— Хм-м... возможно. Да и вообще, они были бы нам без толку. Земной воздух слишком разреженный, в нем не смогло бы лететь существо размером с меня или вас.

— Не понимаю, как это — разреженный. Воздух, он и есть воздух.

— Не стоит сейчас в это вникать, вы уж поверьте мне на слово.

Ну как объяснить существу, чья математика едва достигла уровня Эвклида, что такое гравитационный потенциал? Ну можно, конечно, сказать — если подняться над поверхностью Земли на шесть тысяч триста километров, тяготение уменьшится в четыре раза, а здесь, у вас, для этого нужно подняться уже на тринадцать тысяч километров. Поэтому Диомеда способна удерживать значительно больше воздуха. Помогает, конечно же, и меньшее количество солнечной радиации, особенно в области ультрафиолета, но главное — гравитационный потенциал. Правду говоря, здешний воздух настолько плотен, что был бы для меня ядом, содержи он ту же, что на Земле, пропорцию кислорода или хотя бы азота. К счастью, диомедианская атмосфера на семьдесят девять процентов состоит из неона, парциальные давления кислорода и азота, а также углекислого газа и водяных паров здесь немногим больше, чем на Земле.

— Поговорим лучше о вас, — вздохнул Уэйс. — Вызнаете, что звезды — это тоже солнца вроде вашего, только они очень далеко, и что наша Земля — планета одной из этих звезд?

— Да. Я слышал, что так считают многие ученые, и верю вам.

— И вы понимаете, какая мощь в нашем распоряжении, если мы способны лететь от звезды к звезде? Вы понимаете, как щедро можем мы вознаградить вас за помощь и какое наказание можете вы понести, удерживая нас в плену?

Дельп широко раскинул крылья, шерсть на его хребте стала дыбом, глаза сверкнули жарким желтым огнем. Дракхоны — гордое племя.

Но все это продолжалось какую-то секунду. Лицо туземца ясно — ясно даже на человеческий взгляд — говорило, насколько он озабочен.

— Вы сами мне говорили, что пересекли весь Океан и на тысячах обдисаев пути не встретили ни одного острова. То же самое показывают и наши исследования. Мы не сможем пролететь такое расстояние ни с грузом, ни даже с запиской вашим друзьям, не имея места, где можно отдохнуть.

— Понимаю, — задумчиво кивнул Уэйс. — Ни одно каноэ не сумеет пересечь океан достаточно быстро — наша пища кончится раньше.

— Боюсь, что именно так. Даже при попутном ветре лодка значительно медленнее крыльев. Для такого похода нам потребовалось бы полгода.

— Но должен же быть хоть какой-нибудь способ.

— Возможно. Но не забывайте, что у нас сейчас война, тяжелая война. Мы не можем уделить вам много внимания, отвлечь на вас много работников.

— Да уж какое там внимание, Адмиралтейству вашему и в голову такое не придет.

6

Где-то на юге располагался Ланнах, остров размером с Британию, дальше, изгибаясь к северу, на многие сотни километров растянулась цепочка островов Хоменах. Острова эти служили одновременно и разграничительной линией, и щитом — определяли Аханское море и защищали его от холодных океанических течений.

Вот тут-то и располагалась Дракхония.

Стоя на верхней палубе «Джерариса», Николас ван Рийн смотрел на запад, на главные силы Флота. Груботканые, плохо подогнанные пиджак и брюки, работы парусных дел мастера, раздражали кожу, давно привыкшую к более нежным тканям. Ему до смерти осточертели сладкая ветчина и персики в коньяке — хотя, когда продукты эти подойдут к концу, речь пойдет уже не о фигуральной, а о буквальной смерти. А хуже всего сознание того, что ты вроде как вещь, пленник, чьими желаниями никто и никогда не

интересуется. Почти такую же муку доставляли мрачные размышления, сколько денег теряет компания, лишившись личного его надзора.

— Чушь! — прогрохотал он. — Захотят они доставить нас домой, так сумеют как-нибудь.

— Ну а чем займутся ланнахи, если дракхоны все свои силы бросят на нас? — устало подняла глаза Сандра. — Ведь война идет с переменным успехом, дракхоны могут ее и проиграть.

— В зуб и в лоб! — Торговец экспансивно взмахнул тяжелым волосатым кулаком. — Пока они тут склочничают из-за каких-то клочков земли, «Пряности и спиртные напитки» каждый день теряют по миллиону!

— Эта «склока» — дело жизни и смерти для обоих племен— А заодно и для нас. Nie? — Ван Рийн полез в карман за трубкой, вспомнил, что все его курительные принадлежности покоятся на дне морском, и застонал. — Ну, найду я ту сволочь, которая подсунула нам бомбу... — Ему так ни разу и не пришло в голову попросить у Сандры прощения, что втравил ее в подобную историю. Но, с другой стороны, возможно, именно наследница гермесского престола и была причиной — хоть и косвенной — всех неприятностей.

— Ну что ж, — уже спокойнее закончил торговец. — Думаю, нам нужно здесь немного разобраться. Покончить с этой ихней войной, чтобы ребята могли заняться более серьезными делами.

— То есть вы хотите помочь дракхонам? — Лицо Сандры потемнело. — Не нравится мне это, ведь они — агрессоры. Но, с другой стороны, их жены и дети голодали... Трудно тут судить, — вздохнула Сандра. — Так что — действуйте.

— Нет, нет! — Ван Рийн подергал себя за бородку. — Мы поможем той стороне, ланнахам.

— Что?! — У Сандры отпала челюсть. — Но...но...

— Я, — объяснил ван Рийн, — кое-что понимаю в политике. Честному дельцу, желающему хоть немного заработать, без этого просто не обойтись, иначе заявится какой-

нибудь вшивый политикан, и все уйдет на налоги, а в конечном итоге — на идиотские штуки, вроде школ и пенсий. Здешние политики не слишком отличаются от прочих представителей этого сучьего племени. Дракхонский Флот — культура могущественных аристократов, но центральная сила — Адмиралтейство, престол. Теперешний адмирал состарился, и его сынок, наследный принц, распоряжается большей властью, чем полагалось бы. Я прислушиваюсь ко всем сплетням — туземцы и не подозревают, насколько лучше мы слышим, чем они, — особенно в этой атмосфере, густой, как суп с клецками. Так что я знаю — этот парень, Т'хеонакс, тип еще тот.

— Ну, поможем мы дракхонам победить Стаю. Ну и что? Они же и так побеждают. Стая, собственно, перешла уже к партизанской войне в диких районах Ланнаха. Они все еще сильны, но Флот сильнее, ему только-то и нужно, что удержать некоторое время status quo, и тогда победа обеспечена. Да и вообще, каким образом можем мы, которым Бог крыльев не Зал, сделать что-нибудь с партизанами? Ну, покажем Т'хео-наксу, как стрелять из бластера, а кто ему покажет, куда стрелять?

Хм-м-м... да, — неохотно кивнула Сандра. — То есть нам нечего предложить дракхонам, кроме торговли и союза, но все это после того, как они доставят нас домой.

Вот именно. А они совсем не горят желанием поскорее ознакомиться с Лигой. Они осторожны и подозрительны — ну совсем, как мы с вами. Они хотели бы сперва покончить с этим новым завоеванием, консолидироваться, а уж потом встретиться с могущественными чужаками. Я слышал буквально огрызки фраз, но общее настроение понятно. Т'хеонакс позволит нам самим подохнуть с голоду, а может, не станет дожидаться и перережет нам глотки. Возможно, он выкинет всю нашу хурду-мурду за борт и заявит потом, что ничего такого даже и не слышал. А может, он скажет, когда здесь появится корабль Лиги, — Да, мы выудили людей из моря, но никак не могли быстро доставить их домой.

— А могут ли они — даже при большом желании? Вот вы, мастер ван Рийн, каким образом добирались бы домой, получив от туземцев любую возможную помощь?

— Чушь! Все это — мелкие подробности, а я — не техник. Техников я нанимаю. Моя работа — не самому делать невозможное, а принуждать к этому других. Только каким образом могу я хоть что-нибудь организовать, оставаясь более чем наполовину пленником короля, совершенно не заинтересованного в знакомстве с моим народом?

— А ланнахи загнаны в угол и будут готовы буквально на все. Да, — искренне рассмеялась Сандра, — дело за малостью — как до них добраться? — Широким взмахом руки она обвела окружающую обстановку. Ничего утешительного не вырисовывалось.

«Джеранис» представлял собой самый типичный плот — громоздкая конструкция из крепких бревен какого-то похожего на бальзу дерева, связанных с достаточными промежутками и достаточно гибко, чтобы не ломаться на волне. Стена из вертикальных стоек огораживала вместительную кладовую и одновременно поддерживала главную палубу. Это какой же потребовался труд, чтобы обтесать пошедшие на изготовление этого настила брусья! На плоских палубах бака и юта стояли метательные машины, на последнем виднелся к тому же и огромный румпель. Между ними располагались изготовленные из жердей и проконопаченные водорослями жилые помещения, мастерские и кладовки. Общие размеры плота составляли «примерно шестьдесят метров на пятнадцать, спереди он сужался к накладному форштевню, что обеспечивало некоторую обтекаемость; на самом носу стояла еще одна катапульта. Фок- и гротмачты несли по три больших прямоугольных паруса, прямо перед ютом располагалась бизань с треугольной оснасткой. При благоприятном ветре — и с учетом силы местных ветров эта неуклюжая конструкция делала несколько узлов, а при полном штиле могла передвигаться на веслах.

Здесь помещалось около сотни диомедианцев, не считая женщин и детей. Десять семейных пар, аристократы, имели на юте отдельные помещения, двадцать семей наиболее квалифицированных моряков жили на главной палубе, в отдельных комнатах, остальные — рядовые матросы — теснились на полубаке, в кубрике.

Чуть подальше стояла основная часть этой эскадры. Здесь были плоты самых разнообразных типов: одни по преимуществу хилые, как «Джеранис», другие — трехпалубные — были грузовыми, на некоторых виднелись длинные сараи, там перерабатывали рыбу и водоросли. Кое-где на воде качались небольшие островки, образованные несколькими связанными между собой плотами. Одни каноэ были привязаны к плотам, другие — патрулировали между ними. Небо застилали многочисленные крылья — воздушные отряды, основная военная сила дракхонов, непрерывно высматривали врага.

А дальше, насколько видел глаз, морскую гладь покрывали остальные эскадры Флота. Большая часть их занималась рыбной ловлей, работой изнурительно трудной, если учесть, что сети вытаскивались из воды прямо руками, без каких бы то ни было приспособлений. Да и вообще, почти вся жизнь дракхонов состояла из тяжелых, изматывающих работ.

— Вкалывая, как они, недолго и ноги протянуть. — Ван Рийн похлопал по толстому брусу перил. — Вот это, скажем, дерево, оно ведь крепкое, как черт знает что, а его скребут камнями да стекляшками! С удовольствием взял бы на работу бригаду из здешних, если, конечно, удалось бы потом не подпускать к ним всяких там профсоюзников с длинными языками.

— Говорите по делу, мастер, или я пойду займусь чем-нибудь другим, — возмущенно топнула ногой Сандра. Она не жаловалась на постоянную угрозу смерти, на холод, неудобства и унылую тоскливость проводимых Уэйсом уроков

языка. Но всему же есть предел. — Я спрашиваю вас, каким образом можем мы отсюда выбраться?

— Нас спасут ланнахи, разве это не понятно? — удивился ван Рийн. — Точнее, они попытаются нас украсть. Да, так будет даже лучше. Тогда, если у них ничего не получится, наш приятель Дельп не сможет сказать, что это мы виноваты.

— Не понимаю. Да откуда они узнают, что мы здесь, я уж не говорю — почему они нами заинтересуются?

Ну... возможно, им скажет Толк.

— Так ведь Толк еще больше пленник, чем мы сами!

— Да. Но с другой стороны... — ван Рийн потер руки. — с ним сообразили некий план. Хорошая у него голова, немногим хуже моей.

— А не будете ли вы добры объяснить мне, — возмущенно вспыхнула Сандра, — каким это образом удалось вам договориться с Трлком под постоянным присмотром тюремщиков и без знания дракхонского языка?

— Да нет, — отмахнулся ван Рийн, — на дракхонском я говорю вполне прилично. Вы что, забыли — я ведь минуту назад рассказывал, что подслушиваю их разговоры. Неужели вы думаете, будто я и вправду такой старый и тупой, что никак не могу ничего выучить, хотя и просиживаю с Толком, часами? Самое тривиальное жульничество, половину этого времени он учит меня своему ланнахскому. На плоту никто по-ланнахски ни бум-бум — вот они и думают, слыша странные звуки, что Толк пытается произносить земные слова. Все считают, что он отчаялся научить пузатого старика чему-нибудь через Уэйса и пробует лично вбить мне в башку хотя бы азы дракхонского. Ну видели вы таких фраеров? Да я вчера рассказал Толку похабный анекдот, на собственном его ланнахамаел. Ну и морда же у него стала, словно гадость какую проглотил. Так что у старика ван Рийна осталось еще чего-то там между ушами. Об остальной анатомии скромно помолчим.

Сандра ничего не ответила, она пыталась понять, как это можно учить два неземных языка одновременно, причем один из них — втайне от окружающих.

— Не понимаю только, — размышлял вслух ван Рийн, — чего это Толк так взвился? Хороший же анекдот. Вот послушай: один коммивояжер попал как-то на незнакомую планету, и...

— А вот я понимаю, — торопливо оборвала его Сандра. — То есть... я понимаю, почему анекдот не показался Толку смешным. Дело в том, что... ну... мастер Уэйс все мне объяснил. Диомедианцы не обладают, м-м, постоянной сексуальностью. Они размножаются один раз в год в тропиках во время зимовки. И у них нет семей, в нашем смысле слова. Так что наш... — она густо покраснела, — наш круглогодичный интерес к подобным вопросам не кажется им ни слишком нормальным, ни слишком пристойным.

— Понятно, — кивнул ван Рийн, — но ведь Толк знаком и с Флотом, а на Флоте и семьи настоящие есть, да и рожают они в любое время года совсем как люди.

— Мне тоже так показалось, — задумчиво согласилась Сандра, — только не понимаю я этого. Мастер Уэйс говорит, что цикл размножения определяется наследственно, инстинктом, или внутренней секрецией, или чем там еще. Каким же тогда образом может Флот жить не так, как велят ему железы внутренней секреции?

— Может как-то, — пожал плечами ван Рийн, — и это главное. А как именно — пусть кто-нибудь из ученых сделает на этом диссертацию.

И тут Сандра схватила торговца за руку — так неожиданно и сильно, что тот сморщился от боли. Ее глаза сверкали зеленым кошачьим огнем.

— Но вы так и не сказали, как все это будет. Каким образом Толк сообщит о нас ланнахам? И что мы будем делать потом?

— А я и сам не знаю, — беспечно улыбнулся ван Рийн. — Я же все играю по слуху.

Он прищурил глаза на далекий, затянутый блекло-розовыми облаками горизонт. Там смутно вырисовывался похожий на замок, огромный даже на таком расстоянии флагман дракхонского Флота. От него к «Джеранису» неслась целая туча перепончатокрылых людей. Кто-то трубил в раковину.

— Вполне возможно, — закончил ван Рийн, — что скоро мы все узнаем. Ибо их ревматическое величество решилотаки пожаловать сюда и разобраться с нами лично.

7

Лейб-гвардия адмирала — сотня воинов, никогда не привлекавшихся ни к каким хозяйственным работам, — приземлилась с безукоризненной точностью и взяла оружие на изготовку. Ветер от двух сотен огромных крыльев с грохотом прокатился по палубе, тускло сверкали полированный камень и до блеска начищенная кожа. Развернулось пурпурное, с алой каймой знамя — команда «Джерариса», разместившаяся на мачтах, тросах такелажа и на полуюте, приветствовала его хриплым ритуальным криком.

Дельп хир Орикан сошел с бака и почтительно опустился перед своим повелителем на четвереньки. За капитаном следовали его жена, прекрасная Родонис са Аксоллон, и двое детей; прикрыв глаза крыльями, они ползли животами по палубе. На каждом из них было парадное одеяние — алая перевязь и украшенные драгоценными камнями наручи.

Трое людей встали рядом с Дельпом. Ван Рийн с порога отмел предложение тоже опуститься на четвереньки.

— Не к лицу члену Торгово-технической Лиги ползать по полу. Да и вообще — не то у меня телосложение.

Крылья Толка, стоявшего на четвереньках рядом с ван Рийном, стягивала сеть, конец его поводка держал крепкий, плечистый матрос. Тусклые глаза ланнаха следили за адмиралом со змеиной, гипнотизирующей пристальностью.

Дельпа окружал почетный караул из вооруженных воинов «Джерариса», в их манере поведения тоже

чувствовалась неприязнь — не к самому Сайранаксу, а к Т'хеонаксу, его сыну и наследнику. Все оружие — копья, томагавки, духовые ружья с деревянными штыками — было уважительно взято «на караул», но ни на мгновение не выпускалось из рук.

Судя по всему, огромный нос ван Рийна обладал сверхъестественным нюхом на раздоры и несогласия. Уэйс только сейчас ощутил в собравшихся то напряжение, на которое заранее рассчитывал его босс.

Сайранакс прокашлялся, моргнул и повернулся к людям.

— Кто из вас капитан? — В его низком, глубоком, голосе, слышались неприятные, угрожающие нотки.

— Вот этот мужчина, сэр. — Такой ответ подсказал, не утруждая себя объяснениями, ван Рийн, и теперь вышедший вперед Уэйс говорил быстро, не задумываясь. — Но он не очень хорошо владеет дракхонским. У меня тоже есть трудности с вашим языком, поэтому придется использовать в качестве переводчика этого ланнахского пленного.

— А каким образом поймет этот ланнах то, что вы не сможете сказать на нашем языке? — нахмурился Т'хеонакс.

— Он обучал нас вашему языку, — объяснил Уэйс. — Как вы знаете, сэр, иностранные языки — главное его призвание. Врожденные способности, а также опыт общения с нами зачастую позволяют ему догадаться, что именно хотим мы сказать.

— Звучит вполне разумно, — кивнул седой адмирал. — Хорошо.

— Не нравится мне это! — Т'хеонакс с ненавистью посмотрел на Дельпа и был вознагражден таким же яростным взглядом.

— Кой черт! Дайте я сам все скажу, — выкатился вперед ван Рийн. — Мой дорогой друг... э-э... м-м-м... pokker, как там это слово?.., мой адмирал, мы, э-э, мы говорить, как хороший братья... хороший братья — я правильно сказать, Толк?

Уэйс болезненно сморщился. Пока их вели сюда, на встречу с высокими гостями, Сандра успела в двух словах

пересказать ему свой разговор с ван Рийном, но все равно — разве можно нарочно изобразить такой жуткий акцент, такую грамматику?

А главное — зачем?

— Может быть, мы побеседуем при посредстве вашего соплеменника, — нетерпеливо предложил Сайранакс.

— В кость и в масть! — возмущенно возопил ван Рийн. — Он? Нет, нет, я говорить, моя говорил — говорил сам. Прямо, то есть, э-э, м-м, как там бишь вас. Мы говорить братья, так?

Сайранакс обреченно вздохнул, однако ему и в голову не пришло остановить торговца. В глазах сугубо кастового общества дракхонов даже чужеземный аристократ — аристократ и как таковой имеет неотъемлемое право говорить сам за себя.

— Я хотел навестить вас раньше, — сказал адмирал, — но вы еще не умели разговаривать, а к тому же было много прочих дел. Чем труднее становится положение наших врагов, тем отчаяннее их налеты и засады. Не проходит и дня без схватки, хотя бы небольшой.

— Хм-м-м? — Ван Рийн начал сосредоточенно загибать пальцы. — Ксаммагапаи... дайте подумать... ксаммаган, ксам-магаи... а, понятно. Маленькая ссора! Я хочу вижу нет ссора, старый адмирал, то есть достопочтенный адмирал.

— Следите за своим языком, земхон! — ощетинился Т'хеонакс. Адмиральский сын посещал пленников, и довольно часто, к тому же именно он хранил все конфискованные у них вещи. Он испытывал к людям нечто вроде почтительности, однако, решил Уэйс, вряд ли этот тип способен признать, что какое бы то ни было существо может в чем-нибудь превосходить его, Т'хеонакса.

— А ты, сын, за своим, — негромко сказал Сайранакс и снова повернулся к ван Рийну: — Нет, я не думаю, чтобы они осмелились забраться сюда, но вот наши позиции на материке подвергаются постоянным налетам.

— Понятно, — безразлично кивнул землянин.

Сайранакс непринужденно разлегся на палубе; Т'хеонакс продолжал стоять — его явно сковывало присутствие Дельпа.

— Но я получал о вас доклады, — продолжал адмирал. — И там много удивительного, действительно удивительного. Сообщают, что вы прибыли со звезд.

— Звезды, да! — с идиотским энтузиазмом закивал ван Рийн. — Мы со звезд. Далеко-далеко отсюда.

— А верно ли, что ваш народ организовал базу на дальнем берегу Океана?

Ван Рийн обернулся к Толку, который изложил вопрос адмирала детской, простейшей лексикой. После нескольких дополнительных объяснений торговец счастливо улыбнулся:

— Да, да, мы из-за Океана. Далеко-далеко отсюда.

— Неужели ваши друзья не будут вас искать?

— Они смотреть, да, они смотреть очень сильно. Ей-Богу! Смотреть все везде. Вы обращаться мы хорошо, а то наши друзья узнать, и... — ван Рийн осекся и начал несколько испуганно совещаться с Толком.

— Насколько я понял, — сухо объяснил Герольд, — земхон хочет извиниться за свою бестактность.

— За бестактность, в которой есть определенный смысл, — заметил Сайранакс. — Если соплеменники успеют найти его живым, многое будет зависеть от того, как мы будем с ним обращаться. Но остается вопрос — найдут ли его достаточно скоро? Что скажете вы, земхон? — Последний вопрос был похож на выпад копьем.

Ван Рийн отпрянул.

— Помогите! — взвизгнул он, вскинув руки. — Вы помогать мы, привезти мы домой, старый адмирал... уважаемый адмирал... мы ехать домой и платить много-много рыба.

— Истина выходит наружу, — прошептал Т'хеонакс на ухо отцу, — хотя я, собственно, и так догадывался. Земхон боится умереть с голоду и почти уверен, что друзья не найдут

его вовремя. В противном случае мы услышали бы не просьбы о помощи, а требования.

— Лично я требовал бы в любом случае, — заметил адмирал. — Судя по всему, наш приятель не слишком-то искушен в таких делах. Ну что ж, нам совсем нелишне знать, насколько легко выдавить из него правду.

— Так что, — презрительно подытожил Т'хеонакс, даже не пытаясь понизить голос, — единственная наша проблема — как выжать из этих тварей побольше пользы, прежде чем они сдохнут.

У Сандры резко перехватило дыхание. Уэйс схватил ее за руку, открыл было рот, но тут же осекся, услышав торопливый шепот ван Рийна: «Заткнись! Ни звука, дубина несчастная!» Сам же торговец продолжал улыбаться, робко и несколько озадаченно.

— Это неправильно! — взорвался Дельп. — Верховная Звезда свидетельница, сэр, что они — гости, а не враги. Их нельзя просто так использовать.

— А что бы вы еще предложили? — пожал плечами Т'хеонакс.

Его отец моргнул и забормотал что-то себе под нос, словно взвешивал доводы обоих спорщиков. Казалось, сам воздух между Дельпом и Т'хеонаксом заряжен напряжением, это напряжение передалось и воинам. Матросы «Джераниса» и лейб-гвардейцы адмирала еле заметно зашевелились, их руки еще сильнее стиснули оружие.

Ван Рийн мгновенно сориентировался. Он отшатнулся, закрыл глаза ладонями и неожиданно бухнулся перед Дельпом на колени.

— Нет, нет! — отчаянно завопил он. — Вы везти мы домой! Вы помогать нас, мы помогать вас! Вы сказать помогать нас, если мы помогать вас!

— Это еще что такое? — дико прорычал Т'хеонакс, бросаясь вперед. — Ты что, заключил с ними сделку?

— Что ты хочешь сказать? — зубы офицера клацнули в каком-то сантиметре от носа Т'хеонакса, края его крыльев угрожающе ощетинились острыми, как кинжалы, когтями.

— Чем должны были помочь тебе эти твари?

— А как ты сам считаешь? — с вызовом бросил Дельп и замер в напряженном ожидании.

Т'хеонакс не то, чтобы принял вызов, но и не отказался от него.

— Кто-нибудь может подумать, — негромко пророкотал он, — что у тебя появилось желание избавиться от некоторых своих соперников.

На плот навалилась гнетущая тишина, нарушаемая только участившимся дыханием облепивших такелаж воинов, поскрипыванием досок и тросов, плеском волн, тихим бормотанием ветра. Уэйсу казалось, что он различает даже зловещий шорох обсидиановых кинжалов, высвобождаемых из ножен.

Когда непопулярный правитель под благовидным предлогом устраняет человека, пользующегося доверием

народа, всегда найдутся люди, готовые сражаться; всеобщее это правило, наверняка, применимо и к Диомеде.

— Тут явное недоразумение, — нарушил взрывчатую тишину Сайранакс. — Неужели кто-нибудь может обвинить кого-нибудь — ив чем-нибудь — на основании болтовни этого бескрылого существа? Да и вообще — из-за чего вся эта суматоха? Что полезного может он сделать для кого бы то ни было из нас?

— Это нужно еще выяснить, — прорычал Т'хеонакс. — Племя, способное пересечь океан за неполный день, должно быть весьма искусным. — Он повернулся к дрожащему, как студень, ван Рийну. — Может, мы и попытаемся доставить вас домой. — В рычащем голосе слышалось презрительное благодушие инквизитора, сломавшего наконец свою жертву. — Только мы не знаем, как это сделать. Тут, возможно, пригодилось бы что-нибудь из ваших вещей. Покажите нам, как пользоваться вашими вещами.

— Да, да! — воскликнул ван Рийн, умоляюще сложив руки и кивая головой. — Да, уважаемый сэр, я сделать все вы хотеть.

По команде Т'хеонакса несколько матросов вытащили на палубу большой ящик.

— Я сам сохраняю все эти вещи, — объяснил он. — И даже не пытался что-либо делать с ними — только опробовал ножи из этого сверкающего вещества... — В его глазах вспыхнул искренний восторг. — Ты, отец, никогда таких не видел! Они не рубят, не строгают, они режут! Они режут твердое сухое дерево!

Забыв обо всей своей гордости, высокопоставленные офицеры сгрудились вокруг открытого наследником ящика.

— Дайте этому толстому трепачу место для демонстрации, — нетерпеливо отмахнулся от них Т'хеонакс. — Держите его под прицелом луков и духовых ружей, при необходимости стреляйте без промедления.

Ван Рийн достал из ящика бластер.

— Вы что, — свистящим шепотом спросил Уэйс, — решили пробиться? Ничего не получится! — Он попытался заслонить собой Сандру, но оружие глядело на них со всех сторон. — Эти ребята изрешетят нас прежде, чем...

— Знаю, знаю, — негромко проворчал ван Рийн. — И когда только вы, молодые выскочки, поймете, что у вашего старого толстого босса не все еще мозги протухли? Держись от меня подальше, мальчик, а начнется драка — плюхайся на землю и рой окоп.

— Что? Да ведь...

Но ван Рийн уже от него отвернулся и теперь говорил, услужливо заглядывая в глаза, с Т'хеонаксом.

— Здесь вот это... как вы это называть?.. это вещь. Он делать огонь. Он прожигать дырки.

— Ручной огнемет — и такой маленький? — В голосе будущего Великого адмирала послышались нотки ужаса.

— Я же говорил, — вмешался Дельп, — что нам самим выгоднее обращаться с ними честно. Клянусь Звездой, мы могли бы, хорошенько постаравшись, доставить их домой!

— А вам, Дельп, еще рано распоряжаться делами Адмиралтейства. Подождите сперва, пока я умру.

Возможно, Сайранакс хотел пошутить, но только шутка эта разорвалась подобно бомбе. По ближайшим, слышавшим слова адмирала, рядам моряков прошел пораженный рокот, лейб-гвардейцы схватились за оружие. Красавица Родонис са Аксоллон прикрыла своих детей крыльями и угрожающе оскалилась. Матросские жены, теснившиеся на полуюте, испуганно, недоумевающе завизжали.

Обстановку разрядил сам Дельп.

— Тихо! — гаркнул он. — Стоять на месте! Успокойтесь! Какого черта, неужели мы совсем спятили из-за этих тварей?

— Видишь, — продолжал тараторить ван Рийн, — я брать бластер... мы называть он бластер... потом тянуть здесь...

Ионный пучок врезался прямо в грот-мачту; ван Рийн мгновенно дернул стволом, но в крепком дереве уже

появилась выемка глубиной в несколько сантиметров. Прежде чем торговец отпустил курок, голубое пламя метнулось вдоль палубы, по дороге превратив в клуб густого дыма бухту троса и срезав большой кусок фальшборта.

Дракхоны взревели.

Прошло несколько минут, пока они снова расселись на такелаже и палубе; в небе мелькали крылья любопытных, слетевшихся с других кораблей. Однако туземцы имели определенную техническую подготовку, демонстрация не столько испугала их, сколько заинтересовала.

— Покажите это мне! — требовательно протянул руку Т'хеонакс.

— Ждать. Ждать, уважаемый сэр, ждать. — Быстрыми движениями толстых пальцев ван Рийн открыл магазин и вытащил боезапас, стараясь при этом, чтобы окружающие дракхоны рассмотрели как можно меньше. — Сделать сперва безопасный. Вот.

— Какое оружие, — восхищенно повторял Т'хеонакс, снова и снова поворачивая бластер в руках. — Какое оружие!

Зря они так восторгаются, думал Уэйс, в холодном поту ожидавший, когда же ван Рийн начнет задуманное им кошмарное представление и — что это будет за представление? Понять туземцев легко, но ведь такое оружие эффективно исключительно при наземном бое — да и вообще, вон что делает этот старый шулер. По-наглому разряжает все бластеры, так что необученным диомедианцам от них не будет ровно никакого толку...

— Вот, — бормотал себе под нос ван Рийн, — делаю безопасный. Один, два, три, четыре, пять сделаю безопасный... Четыре? Пять? Шесть? — Он начал суетливо переворачивать сложенные в ящики одеяла, одежду, нагреватели и прочее оборудование, приподнял даже переносную плиту. — А где еще три бластера?

— Какие еще три? — уставился на него Т'хеонакс.

— У нас было шесть. — Ван Рийн аккуратно загнул пять пальцев левой руки, а затем — указательный правой. — Ja, шесть. Я отдать все этому уважаемому сэру Дельпу.

— Что?!

Сотрясая воздух потоком ругательств, Дельп бросился на торговца.

— Это ложь! Было только три, и все они здесь!

— Помогите! — Ван Рийн спрятался за Т'хеонакса. Дельп врезался прямо в наследника престола, и они покатились огромным клубком хвостов и перепончатых крыльев.

— Он задумал мятеж! — выкрикнул Т'хеонакс.

Уэйс швырнул Сандру на палубу и прикрыл ее своим телом; в воздухе замелькали сотни стрел.

Ван Рийн тяжело развернулся, намереваясь заняться матросом, сторожившим Толка, но тот успел уже броситься на защиту своего капитана, так что торговцу только и осталось, что содрать с пленного туземца сеть.

— А ты, — бегло сказал он на ланнахском, — возвращайся с армией и забирай нас отсюда. Быстрее, пока никто не заметил.

Герольд кивнул, взмахнул крыльями и мгновенно исчез в небе, где уже разворачивалось самое настоящее сражение.

Ван Рийн наклонился к Уэйсу и Сандре.

— Сюда, — задыхаясь, выговорил он и тут же заорал: — Да весло ему в грызло! — Получил от какого-то матроса, дравшегося с двумя лейб-гвардейцами, случайный удар хвостом, а затем помог девушке подняться и бегом препроводил ее в относительную безопасность носовой надстройки.

— А жаль, что Дельпу кранты, — задумчиво сказал торговец. Стиснутые до смерти перепуганными женщинами и детьми, люди смотрели на все сильнее разгоравшуюся схватку. — Нет у него шансов, а ведь приличный был мужик, с таким можно было и договориться.

— Силы Небесные! — в ужасе воскликнул Уэйс. — Вы что, начали целую гражданскую войну — и всего лишь чтобы отправить гонца?

— А ты знал другой способ? — пожал плечами ван Рийн.

8

Командор Кракна пал в битве с захватчиками, и тогда Верховный Совет Стаи выдвинул на его место Тролвена. Совет состоял из старейшин, однако не нужно удивляться молодости их избранника. Вести Стаю через безмерные опасности и лишения ежегодной миграции — для этого нужно быть поистине двужильным, редкий командор доживал до преклонных лет. А юную порывистость всегда сдержит сам же Верховный Совет, группа вождей, слишком уже состарившихся, чтобы возглавлять свои кланы, но в то же время достаточно еще крепких, чтобы принимать участие в перелетах.

Мать Тролвена была из Тракканов, ее острая деловая хватка значительно преумножила и без того обширные богатства этой семьи. Про себя она считала, что отец нового командора — Торнак Уэндруйский, Тролвен был очень похож на этого яростного воителя. Хотя какая разница — клан выбирает себе вожака исключительно по личным его заслугам в бою и в мирной жизни, то же самое делает и Совет, выбирая руководителя всех кланов. Тролвен возглавлял отступающую армию всего еще десять дней, но уже можно было, пожалуй, сказать, что с ним она отступала немного медленнее, чем прежде.

А теперь он вел главные боевые силы Стаи в атаку на Флот.

Только-только прошло весеннее равноденствие, и дни росли гигантскими скачками; каждое утро солнце вставало чуть севернее, воздух теплел, снега таяли, по долинам Ланнаха бежали бурные, веселые ручьи. Через сто тридцать дней после равноденствия наступит Последний Восход, начнется Полное Лето с его незаходящим солнцем, когда невозможно скрытно подобраться к врагу — разве что поможет туман или дождь.

«А если, — мрачно думал Тролвен, — дракхоны не получат за это лето хорошей трепки, дальше можно будет и не стараться — Стае конец».

Его крылья ритмично взбивали воздух — свободные, экономные взмахи прирожденного странника. Внизу плыли белые пушистые облака, сквозь их разрывы осколками стекла поблескивало море; над головой изгибался темно-фиолетовый купол ночного, усеянного звездами неба. Уже взошли обе луны — непоседливая Флитчан, проходящая от горизонта до горизонта за полтора дня, и медлительная Нуа, успевающая на этом пути несколько раз изменить фазу.

Тролвен вбирал легкими холодную, стремительно несущуюся тьму, чувствовал напряжение мускулов и трепет шерсти, но не испытывал привычной радости полета.

Скоро ему придется убивать.

Вождь не имеет права на нерешительность, но он еще молод, и седой Герольд Толк поймет.

— А откуда нам знать, остались ли эти существа на том же самом плоту? — Он говорил медленно, в такт мерным взмахам крыльев.

— Мы не можем быть уверены ни в чем, Вождь Стаи. — Тихий голос Толка едва перекрывал неумолчное бормотание ветра. — Но Толстый подумал и об этом. Он сказал, что каждое утро, сразу после восхода, будет выходить на палубу, на самое видное место.

— А что, если дракхоны заподозрили его в помощи твоему побегу и никуда больше не выпускают?

— Скорее всего в этой суматохе никто ничего не заметил, — Успокоил вождя Толк.

— И кто знает, сумеет ли он нам помочь.

Тролвен неуютно поежился. Совет высказывался против этого Рейда, и высказывался довольно резко. Слишком рискованно, а даже при наилучшем исходе — слишком много будет потерь.

Несогласные кланы ревом выражали свое неодобрение, потребовалась уйма усилий, чтобы всех уговорить.

А если из этой дури ничего не выйдет, если воины погибнут напрасно — и по его вине... Тролвен горел патриотизмом не меньше любого другого юноши, чей народ подвергся наглой агрессии, однако его беспокоило и собственное будущее. Командора, допустившего грубые, непоправимые ошибки, навсегда изгоняют из Стаи, словно заурядного вора или убийцу, такое уже случалось.

Он продолжал мерно взмахивать крыльями.

Край неба сочился бледным холодным светом. Прошло еще немного времени, и верхушки облаков окрасились багрянцем, засверкало полускрытое ими море. Единственный момент, когда это отчаянное предприятие имеет хоть какой-то шанс на успех. Света слишком мало, чтобы враги заметили атакующую Стаю издалека, но достаточно, чтобы можно было сориентироваться в обстановке.

Из полосы тумана показалась стройная мальчишеская фигурка, поддерживаемая огромными крыльями. Свистун. Резкие, пронзительные звуки, слетавшие с его губ, разносились далеко и отчетливо.

— Хорошо мы рассчитали, — кивнул, прислушавшись, Толк. Именно он, как Главный Герольд, руководил подготовкой разведчиков-гонцов. — До плотов осталось всего пять буасков.

— Я слышал. — Голос Тролвена дрожал от напряжения. — Ну...

Он не закончил фразу, появился еще один мальчик, затем — еще и еще, они летели против ветра, неслись со скоростью, на которую не способен ни один взрослый, их разноголосый свист сплетался в призывную музыку боя. Тролвен, понимавший код разведчиков не хуже, чем обычную речь, крепко сжал зубы и махнул рукой знаменосцу. А затем круто спикировал.

Прорвав пелену облаков, он увидел под собой громаду Флота, покрывавшую все пространство от цепочки островков, известных под названием «Щенята», до плодородного восточного побережья. Тускло-красная штилевая вода, а на

ней — палубы, палубы и палубы с торчащими к небу клыками мачт; первые лучи показавшегося над горизонтом солнца залили флагманскую плавучую крепость, огнем за-

жгли развевающееся над ней знамя. По плотам и лодкам прокатился гром — дракхоны услышали крики своих часовых и бросились к оружию.

Тролвен сложил крылья и камнем пошел вниз; он слышал за своей спиной мощный рев, это клан

за кланом неслись три тысячи воинов. Падая, командор ни на мгновение не переставал оглядывать палубы — да где же это дважды проклятое инопланетное чудовище — вот! Острое, как у любого летающего существа, зрение различило на шканцах одного из плотов три уродливые фигуры, они прыгали и призывно махали руками.

— Здесь! — крикнул Тролвен, крыльями задержав падение. Рядом появился знаменосец, он тоже перешел из пике в парящий полет и развернул красный стяг армии. Отряды перестроились из походного порядка в боевой и один за другим понеслись к плоту.

Дракхоны строились с потрясающим проворством и дисциплиной.

— Боги небесные! — простонал Тролвен. — Ну почему нельзя было лететь одним-единственным отрядом, это уже не рейд получается, а целое сражение.

— Один отряд не донесет землян живыми, — напомнил Толк. — Во всяком случае — отсюда, из самого центра вражеских сил. Нужно так уделать этих плавунов, чтобы у них и мысли не появилось о каком-то там преследовании, когда мы отойдем.

— Они прекрасно понимают, зачем мы здесь, — в голосе Тролвена звучала тревога. — Смотри, как они несутся сюда.

Пробив немногочисленное оцепление, передовой отряд Стаи окружил людей кольцом охраны и сразу бросился в бой, захватывать плот. Остальные отряды кружили в воздухе, их задачей было отражение контратаки.

Началась грубая, примитивная, как и любое наземное сражение, драка. Ни одна из сторон не превосходила другую вооружением — военная технология распространяется быстрее любой другой. Деревянные мечи, утыканные осколками кремня, копья с обожженными для крепости концами, дубины и томагавки били по маленьким плетеным щитам и кожаным панцирям. В ход шли и хвосты, и кулаки, и крылья, и когти, которые рвали противника, и зубы, которые впивались ему в глотку. Никто даже и не пытался сохранить

хоть какое подобие строя — шла всеобщая свалка. То здесь, то там отдельные бойцы взмывали в воздух, чтобы тут же рухнуть на противника сверху. Тролвена не очень волновала эта фаза сражения; имея численное преимущество, его воины обязательно захватят плот, если, конечно, воздушное охранение сумеет задержать основные силы противника.

Но вот битва в воздухе, думал он, как она великолепна, как похожа на изощренный, ужасный — и в то же время прекрасный — танец (сравнение малооригинальное, его уже применяли сотни певцов и поэтов). А координировать действия тысяч крылатых воинов — это уже настоящее, высшей пробы искусство.

Становым хребтом армии считались лучники; когтями ног удерживая длинные, в свой рост, луки, они обеими руками натягивали тетиву, пускали стрелу, тут же — зубами! — выхватывали из нагрудного колчана следующую и держали ее наготове чуть ли не прежде, чем улетит предыдущая. Отряд таких с самого детства тренированных воинов устанавливал совершенно непреодолимую свистящую завесу, однако, когда стрелы кончались — а кончались они очень быстро, — им нужно было лететь к оруженосцам за пополнением запаса. Все остальные воины имели одну задачу — охранять лучников в этот — самый опасный — момент.

Одни из них метали болас, другие — массивные острые бумеранги, кое у кого были сетки с грузилами: запутавшись в такой сетке, крылатый противник падает и — почти наверняка — разбивается насмерть. Последнее время появились духовые ружья — новинка, позаимствованная у тропических племен. Здесь дракхоны шли впереди, ружье их конструкции имело магазин с перезаряжающим механизмом и деревянный штык. Еще одним преимуществом Флота была более четкая внутренняя организация отдельных боевых отрядов.

С другой стороны, дракхоны продолжали управлять армией при помощи допотопных трубных сигналов, которые

и сравнить нельзя с системой гонцов, мгновенно связывающих одного командира с другим, объединяя всю Стаю в слаженный, смертельно опасный механизм.

Солнце встало, облака рассеялись, а тем временем битва становилась все яростнее, на поверхности моря одно за другим расцветали красные пятна. Тролвен бросал короткие приказы: «Хунлу, усилить правый верхний фланг!», «Торга, организовать мощную атаку на флагмана!», а тем временем Срайган...

«Но только ведь у Флота, — мрачно думал Тролвен, — под рукой все его арсеналы, неограниченное количество стрел и метательных снарядов — не говоря уж о численном превосходстве дракхонов. Если не кончить это сражение в самое ближайшее время...»

Плот был уже захвачен, и теперь к нему мчались каноэ дракхонов. На одном из них виднелось огненное оружие — ужасающие, непреодолимые огнеметы, выпускавшие через керамическое сопло струю горящего масла, катапульты, метавшие горшки с веществом, взрывавшимся при ударе. Тролвен непроизвольно выругался.

— Вот такое оружие и помогло Флоту уничтожить все боевые корабли Стаи, после чего прибрежные города остались без защиты.

Но землян на плоту уже не было, их унесли — в специально для этой цели сплетенных сетках — шестеро крепких воинов. Теперь остается только менять носильщиков почаще, и очень скоро иноземные существа окажутся в горах, в последней твердыне Стаи. Коробки с пищей представляли значительно меньшую трудность — каждую из них легко унесет один воин. Торжествующая трель Свистуна известила о полном успехе.

— Кончаем! — Получив от Тролвена целую серию приказов, гонцы метнулись к рассеянным в небе отрядам. — Хунлу и Срайган, прикрыть носильщиков слева и справа; Дварн, с половиной отряда прикрыть носильщиков сверху, вторая половина идет слева, в дальнем охранении; арьергардные отряды...

Однако окончательно выйти из схватки удалось далеко не сразу, и все это время Тролвена преследовал кошмар, а вдруг основные силы Флота бросятся в погоню. Такое долгое отступление с боем могло полностью погубить Стаю. Однако, как только дракхоны убедились, что враг бежит, они вернулись на свои палубы.

— Все, как ты и предсказывал, — сказал, задыхаясь, Тролвен.

— Дело в том, Вождь, — с обычной своей невозмутимостью объяснил Толк, — что дракхоны не больно-то рвутся в драку. Послав в погоню большую часть своих воинов, они оставили бы плоты практически без защиты. Откуда им знать — может быть, именно этого ты и добиваешься.

Махнули рукой и решили, что земляне не стоят такого риска и беспокойства — мнение, которое сами же земляне изо всех сил им внушали.

— Будем надеяться, что это — ошибочное мнение. Однако, как бы там ни было, все же ты, Толк, предугадал этот исход. Стоило бы, пожалуй, назначить командором тебя.

— Нет, я тут ни при чем. Все предсказал этот толстый землянин.

— Тоща, — рассмеялся Тролвен, — командовать нужно ему.

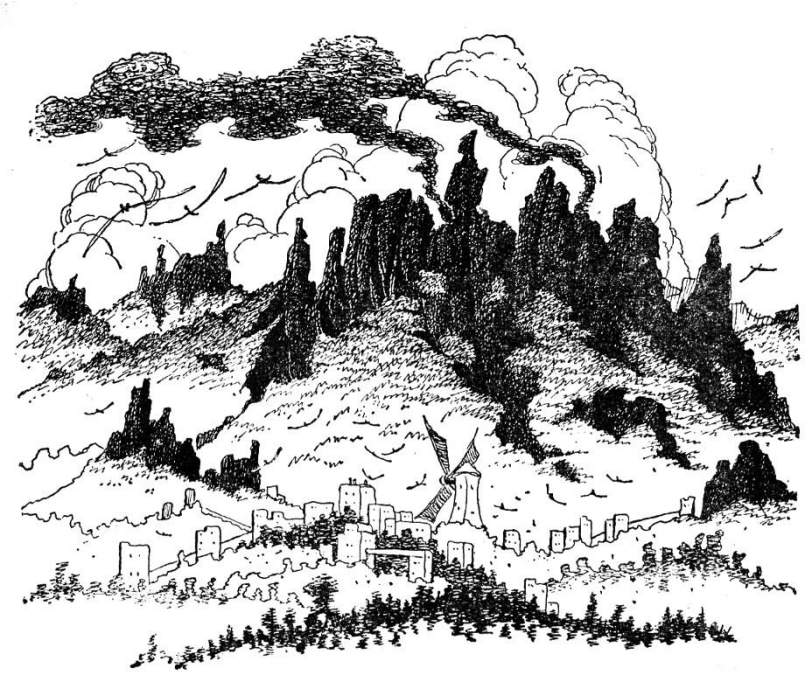
— Как знать, — задумчиво ответил Толк, — возможно, он так и планирует.

9

Северное побережье Ланнаха широкими долинами спускалось к Аханскому морю; именно здесь, в богатых дичью лесах и на пологих травянистых холмах, строили свои поселки принадлежащие к Стае кланы. По берегам бухты Сагна несколько групп таких поселков срослись, образовав города Манненах, чьи обитатели специализировались на обработке кремня, плотничий Йо и Алвен.

Но сейчас все двери здесь были выломаны, крыши смотрели в небо обгорелыми дырами, а на песчаных пляжах бухты лежали вражеские каноэ. Отряды дракхонов расположились в покинутом жителями Алвене, патрулировали Анхский лес и отлавливали стада крупной дичи, как раз начинавшей выходить из зимней спячки.

Потеряв свои лодки и жилища, лишившись охотничьих и рыболовных угодий, Стая отступила в горы. На неспокойных, залитых потоками застывшей лавы склонах Оборха и в стылых ущельях Туманных гор ютились небольшие селения, в которых обитали самые бедные кланы, сюда кое-как втиснулись женщины, старики и дети, остальных пришлось поселить в пещерах и палатках. Но много ли возьмешь с бесплодных земель, лежащих между Кричащей Пустошью и

Носом? Даже подчищая их буквально под метелку и сурово ограничивая себя в питании, Стая долго здесь не продержится.

Сердцем Ланнаха было северное побережье, занятое теперь дракхонами, без этой области Стая превращалась в ничто, в жалкое, помирающее с голоду дикарское племя, а затем наступит осень, Время Рождения, и ланнахи станут окончательно беспомощными.

— Нехорошо это, — весьма неадекватно охарактеризовал положение Тролвен.

Он шагал по узкой тропе, поднимавшейся к поселку, — как же он называется? Да, Салменброк, чьи неказистые строения тесно жались на рваном гребне хребта. А дальше — темный базальт с пятнами не успевшего еще растаять снега круто взмывает к кратеру, скрытому в облаке собственных испарений. Почва под ногами ван Рийна чуть-чуть

вздрогнула, откуда-то из глубин планеты донесся негромкий, но устрашающий рокот.

Хлипкое изостатическое равновесие... да и чего еще можно ожидать при такой низкой плотности пород... вся геологическая история — сплошные пертурбации, землетрясения, извержения, новые материки поднимаются со дна морского за какие-то тысячелетия, а в результате, при всех этих массах воды, катастрофически неровный климат. Торговец поплотнее обернул поверх грубой дракхонской одежды нестерпимо вонючую ланнахскую меховую накидку, подул на онемевшие от холода пальцы, попытался найти хоть какой-нибудь просвет в тяжелых облаках, затянувших небо, и нехорошо выругался.

Ну что, скажите на милость, забыл здесь человек его возраста и телосложения? Такой человек должен сидеть у себя дома, в глубоком уютном кресле, с хорошей сигарой и стаканом, и чтобы вокруг пламенели тропические сады Джакарты. Ван Рийн даже разок шмыгнул носом — так остро вспомнилась Земля. Разве это дело быть погребенным в эту, с позволения сказать, — да здесь же сплошные булыжники! — почву, ведь всегда мечталось, что твое усталое тело покроет мягкая, как пух, родная земля. И чтобы травка выросла... Жестоко и несправедливо, а тем временем оставшаяся без надзора компания громоздит убытки на убытки... Последняя мысль вернула ван Рийна в реальный мир.

— Объясни еще раз, я что-то уже запутался. — Полная его беспомощность в дракхонской речи была напускной, но некоторые затруднения действительно имелись. С ланнахским дело обстояло значительно проще — по счастливому совпадению и грамматикой, и фонетическим строем этот язык не слишком отличался от голландского, а потому торговец давно говорил на нем бегло. — Так, значит, возвращаетесь вы из тропиков, а эти уже тут как тут, дожидаются?

— Да, — горько кивнул головой Тролвен. — Мы и до этого знали, что есть такое племя, но только они селились далеко от нас, на юго-западе. Ну, знали еще, что им приходится

переселяться. Из-за того, что треч — это такая рыба, главное их питание — изменил вдруг своим привычкам и переместился из вод Драк'хо в Ахан. Но нам и в голову не приходило, что Флот направляется сюда.

— В нашей истории тоже, бывало, подобное, — ван Рийн энергично кивнул. В воздухе метнулись длинные черные пряди слипшихся, давно неухоженных волос. — В средние века, когда селедка по каким-то там дурацким своим селедкиным причинам меняла морские пастбища, вся история приморских государств летела к чертовой бабушке. Короли теряли престолы, да что там престолы — из-за рыболовных угодий разгорались самые настоящие войны.

— И ведь мы почти не интересовались рыбой, — вздохнул Тролвен. — Разве что несколько кланов из района Сагны, у которых есть... были небольшие лодки, да и то они ограничивались удочками. У нас никому и в голову не приходило ловить сетью, как дракхоны. Добыча у них, конечно же, больше, но только кто же это согласится так горбатиться? Одним словом, для нашего народа рыба почти не имела значения. Хотя, конечно же, мы обрадовались, когда несколько лет назад в Аханском море появилось много треча. Он крупный и вкусный, его жир и кости находят множество применений. Но это был совсем не такой повод для радости, как если бы... ну, например, количество дичи в лесу взяло вдруг и удвоилось.

Пальцы Тролвена непроизвольно сжали рукоятку томагавка. Ведь командор, как ни говори, был совсем еще юношей.

— Теперь я понимаю, что Боги прислали к нам треча в знак гнева своего и насмешки. Вслед за тречем пришел Флот.

Ван Рийн остановился и начал чихать, заглушая отдаленные подземные раскаты.

— Ох! Подожди немного, пожалуйста. И не ладо устраивать какой-то дурацкий бег с препятствиями... Ну вот, слава Богу. Так слушай, если вы почти не интересовались рыбой,

почему бы не позволить Флоту ловить ее в аханских водах, и дело с концом?

Ван Рийн знал уже почему, так что вопрос был задан просто для продолжения разговора. Прежде чем ответить, Тролвен разразился длинной серией ругательств.

— Они атаковали нас сразу, как только мы вернулись с зимовки. К этому времени они захватили уже наше побережье! А и не сделай они этого — кто же это позволит орде чужаков... чужому народу с дикими и странными обычаями... ну вот ты — ты позволил бы им поселиться прямо у себя в прихожей? А если и позволить, как долго продлится такое мирное сосуществование?

Ван Рийн снова кивнул. Действительно, вот представить себе, что некая нация, управляемая диктатурой и всем известная непристойными своими привычками, попросила отдать ей Луну — на том основании, что Земле этот спутник без большой надобности, а им необходим ну прямо позарез...

Сам-то он, конечно, воспринимал ситуацию спокойнее. Во многих отношениях дракхоны были даже ближе к человеческим нормам, чем ланнахи. Их феодальная культура прямо вытекала из экономики — при полном отсутствии металлических инструментов плот, достаточно большой, чтобы на нем поместилось несколько семей, требует огромных капиталовложений. И не может быть никаких недовольных личностей, ведущих полностью самостоятельную жизнь, — все находятся в зависимости от государства. В подобных случаях власть всегда сосредоточивается в руках воинов-аристократов и жрецов-интеллектуалов; у дракхонов два эти класса слились воедино.

Ланнахи же — что более типично для Диомеды — были охотниками. У них почти отсутствовали квалифицированные ремесленники, каждый жил, пользуясь самостоятельно изготовленными орудиями. У охоты очень низкая производительность на единицу площади, это заставляло их селиться очень редко, каждая небольшая община оказывалась

почти независимой от всех остальных. Иногда, например при погоне за дичью, они выматывали себя до полного изнеможения, но именно иногда. Ланнахам не приходилось день за днем, год за годом непрерывно гнуть хребет, как это делали гребцы и рыбаки Флота, поэтому у них отсутствовали экономические причины для появления класса начальников и надсмотрщиков.

В результате естественной их социальной ячейкой был маленький матрилинейный клан; эти полуформальные, связанные кровным родством и почти лишенные правительства группы объединялись — со значительной долей самостоятельности — в Великую Стаю. A raison d'etre[35] Стаи состоял, если не считать мелких клановых разборок, в том, чтобы обеспечить всем ее членам большую безопасность при вылетах на зимовку.

Или, когда начинается война!

— Интересно, — пробормотал ван Рийн, мешая ланнахские слова с английскими. — Вот у нас, как и на большинстве планет, только сельскохозяйственные народы стали цивилизованными. А здесь ничего похожего на фермы, ну разве что эти стада полудикого скота. Вот вы охотитесь, собираете ягоды, жнете дикие злаки, малость рыбачите — и только, а в то же время многие из вас умеют писать, есть даже книги. Судя по всему, у вас есть и настоящие дома, и механизмы, и вы умеете ткать. Это что — вам помогают ежегодные встречи с чужаками во время зимовки?

— Что? — переспросил Тролвен.

— Ничего. Я просто задумался, почему — а ведь жизнь здесь достаточно легка, иначе у вас не было бы времени на создание цивилизации, — почему вы не расплодились до такой степени, чтобы перебить всю свою дичь и вырубить все свои леса. Мы, земляне, называем цивилизации вроде вашей удачными.

---

[35] Смысл существования (фр.).

— Численность у нас растет медленно, — объяснил Тролвен. — Лет триста тому назад выделилась и переселилась куда-то дочерняя стая, а сейчас народа немногим больше, чем сразу после ее отлета. Очень большие потери во время миграции — ураганы, усталость, болезни, нападения варваров и Диких зверей, иногда голод и холод, — он сложил крылья горбом, диомедианский эквивалент пожатия плечами.

— Ясненько! Естественный отбор, который вполне естественен, если естество отбирает именно тебя, иначе начинаются вопли и жалобы на трагичность положения. — Ван Рийн погладил бородку; скрывавшиеся под ней многочисленные подбородки покрылись за последнее время щетиной — запас депиляторного фермента уже иссяк. — Понятно. Именно это заставило вашу породу обзавестись мозгами. Или впадать в спячку, Или мигрировать. А уж если мигрируешь, будь, пожалуйста, готов справиться со всеми сопутствующими этому занятию неудобствами.

Он снова зашагал по тропинке.

— Но нам нужно поразмыслить о ваших теперешних неприятностях, тем более что неприятности эти не только ваши, но и мои. Чего просто нельзя терпеть. — Ван Рийн негодующе фыркнул. — Так рассказывай дальше. Насколько я понял, Флот вымыл вами, вместо швабр, свои палубы, а затем вышиб вас в это вот веселое местечко. И вы хотите вернуться домой, в низины. Ну и, конечно же, избавиться от Флота.

— Мы дали им достойный отпор, — чопорно вскинул голову Тролвен. — Мы и сейчас на это способны, и мы будем с ними сражаться, клянусь духом своей бабушки! Они разбили нас по нескольким причинам. Во-первых, после десятидневного перелета Стая изголодалась и устала. Далее, наши укрепления были уже захвачены. Ну и огнеметы, которые сжигали все защитные сооружения, которые мы строили на скорую руку, а заодно не давали нам нанести удар по главной силе дракхонов, по кораблям.

Он громко клацнул зубами — типичный рефлекс плотоядного существа.

— Мы обязаны покончить с наглыми пришельцами, и в самое ближайшее время. Иначе нам конец, и они тоже это понимают.

— Вот тут я еще не совсем разобрался, — признался ван Рийн. — Эта спешка — она из-за того, что все ваши дети рождаются приблизительно одновременно, nie!

— Да. — Тролвен закончил подъем и стоял уже под стеной Салменброка, поджидая пыхтящего и задыхающегося торговца.

Подобно всем селениям ланнахов, Салменброк был укреплен и против врагов, и против хищных зверей. Частокола, естественно, не было — в мире, где все высшие животные виды умеют летать, такое устройство теряет всякий смысл. Формой и размерами здешние здания примерно соответствовали древнему земному блокгаузу, но роль окон у них выполняли узкие щели, дверей на уровне земли не было вовсе, а вход осуществлялся либо через второй этаж, либо через люк в соломенной крыше. Основными фортификационными сооружениями поселка являлись крытые переходы и подземные туннели, делавшие его единым целым.

Прибрежные селения состояли по большей части из бревенчатых домов, но здесь, в высокогорье, где леса уже не росли, основными строительными материалами являлись дикий камень и известковый раствор. Прочные, просторные здания поселка были весьма удобно и даже уютно оборудованы; по одному этому можно было догадываться, насколько обильны и плодородны низинные, захваченные теперь дракхонами земли.

Ван Рийн долго и с восхищением изучал такие приспособления, как деревянные замки, устроенные на манер китайских головоломок, деревянный токарный станок с резцом, кромку которого усеивали острые алмазные осколки, и деревянную пилу со сменными зубьями из обсидиана. Ветряная мельница не только молола зерно и орехи, но также

приводила в движение целую уйму механизмов, в их числе насос, наполнявший водой большой каменный бассейн, выдолбленный в скале; при отсутствии ветра мельницу вращала эта же самая вода. Имелась тут даже крошечная парусная железная — а точнее, деревянная — дорога; плетеные из прутьев тележки с деревянными колесами бегали по деревянным же рельсам, они доставляли кремень и обсидиан из близлежащих карьеров, дерево из лесов, сушеную рыбу с побережья и различные ремесленные изделия чуть ли не со всего острова.

— Ну вот! — Ван Рийн был в полном восторге. — Коммерция! Да вы же — самые настоящие капиталисты! Кой черт, с вами, пожалуй, можно иметь дело!

— Что тут удивительного? — «пожал плечами» Тролвен. — Здесь почти все время дует ветер, так почему же не заставить его работать? Правду говоря, вся эта техника создавалась долго, многими поколениями — не будем же мы вкалывать без передышки, как дракхоны.

Все — многочисленное из-за беженцев — население Салменброка столпилось вокруг землянина. Туземцы что-то ему говорили, хлопали крыльями, дети шныряли у него под ногами, не обращая внимания на строгие окрики матерей.

— Сто зеленых чертей в печенку, — ошарашенно воскликнул ван Рийн. — Они что, приняли меня за политикана и думают, я буду целовать этих щенят?

— Идем сюда, — потянул его за руку Тролвен. — К Мужскому Храму. Женщинам и детям туда нельзя, у них есть свой, в другом месте.

Шагая по тропинке, он задержался перед идолом, установленным в нише, и отдал ему сложный церемониальный салют. Судя по грубости и примитивности, этой небольшой статуе была уже не одна сотня лет. Стая придерживалась некоего весьма Расплывчатого политеизма, к которому никто из ее членов, похоже, не относился с особой серьезностью, однако ритуалы свои и традиции это крылатое племя чтило свято, словно классический Британский полк.

Пробираясь вслед за Тролвеном, ван Рийн несколько раз Оглянулся. Здешние женщины очень напоминали дракхонок — невысокие и стройные, они имели большие, но без устрашающе-острых когтей по краю крылья. Скорее всего оба этих народа принадлежали к одной расе.

Хотя одно из двух: либо все, что говорили о диомедианцах агенты компании, чушь собачья, либо дракхоны — биологическая нелепица. Такого просто не может быть!

— Вот видите, — печально вздохнул Тролвен, проследив за взглядом торговца. — Половина наших зрелых женщин собирается рожать.

— Хм-м-м. Ja, тут у вас, конечно, проблема. Так, значит, если я верно понимаю, ваши дети рождаются прямо на осеннее равноденствие...

— Да, с разбросом в несколько дней, исключения крайне редки.

— Но ведь буквально через несколько десятидневок после равноденствия вы улетаете на зимовку. Так что, неужели новорожденные могут летать?

— Нет, конечно, нет. Но наши дети от рождения имеют сильные, цепкие руки, они путешествуют, держась за своих матерей. Кормящая женщина не может забеременеть, так что ни одной из них не приходится тащить двоих детей одновременно, а двухлетки способны лететь самостоятельно, если имеют возможность отдыхать время от времени на чьей-нибудь спине. Правда, именно эта возрастная группа несет наибольшие потери. С трехлетками вообще никаких проблем, эти долетят куда угодно, только и нужно, что направлять их и охранять.

— Но ведь матерям, наверное, очень трудно?

— Им помогают подростки и пожилые женщины, которые уже не рожают, но все еще способны летать на зимовку. Ну а охота, разведка, оборона — все это, конечно же, на мужчинах.

— Ну хорошо, вы прилетаете на юг. Сколько я слышал, там очень легкая жизнь — фрукты и орехи, а рыба — так просто бери из воды руками. Почему же вы возвращаетесь?

— Здесь наш дом, — просто, без всякой рисовки сказал Тролвен. — Ну и, — добавил он через секунду, — тропические острова не смогли бы прокормить те мириады, которые собираются там зимой — дважды в год, кстати, ведь есть и южные племена. Ко времени отлета мы подбираем все начисто.

— Ясно. Но ты рассказывай, рассказывай. Так, значит, вы спариваетесь на юге в период зимнего солнцестояния.

— Конечно, нас охватывает желание..., да ты и сам, верно, это понимаешь.

— Понимаю, — кивнул ван Рийн.

— В это время у нас празднества, мы встречаемся с другими племенами, торгуем с ними, развлекаемся, иногда деремся... — ланнах вздохнул. — Ладно. Вскоре после солнцестояния мы отправляемся назад и прибываем сюда незадолго до равноденствия; к этому времени крупные животные — основное наше питание — уже проснулись и успели нагулять кое-какой жир. Так вот мы и существуем.

— А что — весело. Я бы и сам с радостью так пожил, если бы кто скинул с меня несколько десятков лет возраста да несколько десятков килограммов жира. — Ван Рийн печально высморкался. — Послушай моего совета, Тролвен, ни в коем случае не становись стариком. Старикам очень одиноко. Вам-то хорошо, ослабевая, вы гибнете во время миграции, вам не приходится страдать одышкой, превращаться в такое вот, вроде меня, беспомощное существо, у которого остались одни воспоминания.

— Судя по теперешней ситуации, старость мне не очень грозит, — невесело улыбнулся Тролвен.

— А осенью, когда рождаются дети, да к тому же все разом... ja, — размышлял вслух ван Рийн, — вполне понятно, что тут уж все ваши силы и внимание уходят на рожениц и новорожденных. А если у вас к тому же нет достаточно крова и пищи, большая часть этих новорожденных обречена...

— С этим бы можно и примириться. — Легкость, с которой сказал это Тролвен, лишний раз подчеркнула, что к туземцам нельзя подходить с человеческими мерками, считать, что они те же люди, только крылатые и хвостатые. — Но вот женщины, которые их рожают, они крайне существенны для поддержания нашей мощи. Недавней роженице нужно отдохнуть, ее нужно хорошо кормить, иначе она не долетит до зимовки. А в таком положении окажется чуть не половина наших женщин, тут уж встает вопрос о выживании Стаи! А эти паскудные дракхоны, они ведь размножаются круглый год, словно... словно рыбы... Хватит об этом!

— Конечно, хватит, — охотно кивнул ван Рийн. — Придумаем лучше что-нибудь, и поскорее, а то, глядишь, и мне придется голодать.

— Спасая вас, я погубил много жизней, — напомнил Тролвен. — Мы надеялись, что у вас будут какие-нибудь предложения.

— Главная проблема, — в который уже раз повторил торговец, — в том, чтобы связаться с нашими. Дальше все пойдет как по маслу — они мгновенно прилетят, и я велю им разобраться с этим Флотом.

— Нет, нет. — Сколько ни делать скидку на непривычную форму рта туземцев, улыбка Тролвена явно не была ни веселой, ни добродушной. — Все не так просто. Я никак не могу тратить время, силы, а возможно, и жизни своих соплеменников на какую-то там сумасшедшую попытку пересечь Океан. Тем более — сейчас, когда дракхоны держат нас за глотку. Кроме того, ты уж меня прости, откуда мне знать, что, получив возможность вернуться домой, ты захочешь нам помочь?

Командор Стаи отвел глаза к украшенному колоннами входу пещеры, где располагался Мужской Храм. Из пещеры валил пар, где-то в ее глубине свистел гейзер.

— Я бы, может, решил и иначе, — неожиданно добавил он, перейдя на шепот. — Но мои возможности крайне ограниченны, надо мной есть Совет, а Совет крайне

подозрительно относится к бескрылым чудовищам. Они там считают… ведь мы совсем ничего про вас не знаем… им кажется, что единственная наша надежда — ваше отчаянное положение. До полного окончания войны Совет не разрешит никаких попыток связаться с вашим народом.

— Между нами девушками, Тролвен, — развел руками ван Рийн, — на их месте я думал бы точно так же.

10

Тьма отступила. Скоро наступят белые ночи, когда солнце прячется совсем ненадолго и край неба горит бледным, призрачным огнем. Сразу после заката появились две луны, обе в полной фазе. Когда Родонис вышла на палубу, Ск'хуанакс высоко поднялся над горизонтом и уже подбирался, расталкивая многочисленные звезды, к медленной, терпеливой Ликарис. Та, Которая Ждет, и Тот, Который Преследует, проложили по бескрайней водной глади трепещущую двойную дорожку.

Старая аристократия, из которой вышла Родонис, воспринимала лунопочитание со снисходительной улыбкой. Вполне сойдет для простых моряков, которые могли бы иначе вернуться к диким кровавым жертвам на алтарь Аэк'ха-из-Глубин, в то время как личность образованная прекрасно знает, что есть только Верховная Звезда… Но все равно Родонис вышла из каюты, прикрылась крыльями и шепотом рассказала о своих бедах ясной, спокойной матери Ликарис.

— Я обещаю тебе песнь, песнь, посвященную одной тебе, песнь, которую сложат лучшие-барды Флота и которую исполнят в твою честь, когда ты вновь сочетаешься с Тем, Который Преследует. Как говорят астрологи, до ближайшего такого события осталось больше года, так что хватит времени сложить песнь, которая будет жить, пока живет Флот. А ты, Ликарис, ты спаси моего Дельпа.

Родонис не обращалась к Воителю Ск'хуанаксу — ровно так же, как ни один дракхонский мужчина не мог и помыслить о том, чтобы обратиться с молитвой к Матери. Однако она попросила Ликарис напомнить своему небесному супругу, что Дельп — отважный воин и никогда не забывал делать приношения.

Луна становилась все ярче, снежными холмами громоздилась на западе гряда облаков. Далеко впереди едва угадывалась громада острова, а с севера слышался треск ломающихся льдин. Все странно, непривычно, совсем не так, как в родном Южном Море, откуда изгнали Флот жестокие плети голода. Позволят ли когда-нибудь боги Ахана, чтобы дракхоны назвали эти места своим домом?

Плеск волн, поскрипывание бревен, натягиваемых ночной росой тросов, бормотание ветра в такелаже, громкие хлопки паруса, отдаленный жалобный посвист флейты, житейские обыденные звуки, доносящиеся с полуюта — храп, детский плач, любовная возня какой-то пары... Все это успокаивало, примиряло с мерзлой огромностью, именуемой Аханским Морем. Мысль о собственных детях, об этих двух мохнатых комочках, мирно спящих на роскошном покрывале кровати, придала Родонис новые силы; она раскрыла крылья и взмыла в воздух.

При взглэде сверху ночной Флот казался скоплением громоздких, бесформенных теней, лишь изредка мелькали слабые огоньки — это какая-нибудь команда заработалась допоздна. Все остальные давно уже забылись усталым сном — легко ли целый день забрасывать и вытягивать сети, грести, ворочать кабестаны и лебедки, чистить и солить рыбу, разворачивать и сворачивать тяжелые паруса, выбирать из воды дриссу и фруктовые водоросли, валить деревья и обтесывать их каменными инструментами. Почти вся жизнь рядовых членов команды — как мужчин, так и женщин — состояла из грубой, тяжелой работы, немногие их развлечения были столь же грубы и примитивны — танцы,

спортивные соревнования, разухабистые песни, Распеваемые во всю глотку над бочкой сваренного из морского зерна пива.

На мгновение ее остро кольнуло чувство гордости за свой народ. Обычно аристократы воспринимают простолюдинов как неотесанных, грязных, неграмотных тварей. Нечто вроде скота, которым нужно управлять с помощью хлыста и крюка, для собственной же его пользы. Однако сейчас, пролетая над огромном, похожим на спящего зверя Флотом, Родонис ощутила его туго, как пружина, сжатую отвагу — эти неказистые, измотанные существа были повелителями моря, и высокомерные стяги Драк'хо удерживались натруженными спинами матросов Драк'хо.

Причиной было скорее всего то, что предки собственного ее мужа поднялись с полубака. Родонис не раз и не два видела, как Дельп помогает своим матросам, работая бок о бок с ними во время шторма, или когда густо идет рыба, она и сама давно не гнушалась крутить мельничный жернов или работать на ткацком станке.

Если, как говорят священные книги, труд угоден Верховной Звезде, то почему же аристократы считают его унизительным занятием? В древних семействах было что-то немощное, бескровное, нечто не совсем здоровое. Они вымирали, замещаясь выходцами из простых матросов, и шло это много уже веков. Все прекрасно знали, что больше всего детей у матросов, у ремесленников и воинов заметно меньше, но меньше всего — у наследственных офицеров. Да вот, хотя бы адмирал Сайранакс. За всю свою долгую жизнь он зачал только одного сына и двух дочерей, в то время как у нее, у Родонис, уже сейчас, после четырех лет брака, двое детей.

Разве не указывает это, что Верховная Звезда благоволит честным работникам, не стесняющимся никакой работы?

Да нет... вот ведь эти ланнахи, они рожают раз в два года, словно заведенные, хотя, конечно, многие их щенки мрут во времена миграции. А ланнахи не работают, во всяком случае — не работают по-настоящему. Они охотятся, гоняют стада,

рыбачат со своими бабьими удочками. Отваги им, конечно, не занимать, но они просто не способны работать час за часом, день за днем, как дракхонские матросы… ну а нравы у них совершенно непристойные и отвратительные. Скотские! Один раз в год, 5 полумраке экваториального солнцестояния, пара десятидневок грубого, свального разврата — и все. А затем, отец твоего ребенка просто один из окружающих тебя мужчин, да ты, собственно, и не знаешь, который из них этот самый отец. И ничего, даже отдаленно напоминающего скромность, мужчины и женщины совсем друг друга не стесняются — ведь весь остальной год у них нет никакого желания. Тьфу!

А с другой стороны, эти грязные ланнахи процветали, так что, возможно, такие проблемы не очень волнуют Верховную Звезду… Нет, от подобной мысли пробирала дрожь. Нельзя и сомневаться, что Верховная Звезда решила уничтожить ланнахских скотов, очистить землю, которую они осквернили. И Флот — орудие этой верховной мести.

Родонис ускорила свой полет. Флагман был совсем уже рядом, горными вершинами возносились к ночному небу его башни. Здесь горело много светильников — и на палубе, и в полуприкрытых ставнями окнах. И вокруг плота, и над ним тучей роились воины. Адмиралтейский флаг все еще реял на мачте, так что Старик еще не умер, но толпа, ожидавшая этой смерти, становилась все гуще.

Словно стервятники, с дрожью подумала Родонис.

Один из охранников свистом велел ей задержаться и неторопливо подлетел ближе. Тускло сверкнул полированный наконечник копья.

— Остановись! Кто ты?

Родонис была готова к подобной встрече, однако на мгновение язык застыл у нее во рту. Ведь она — всего лишь женщина, а там, внизу, гнездится чудовище.

Тронутые порывом ветра, с треском ударились друг о друга подвешенные к нокрее сушеные крылья — крылья какого-то провинившегося матроса, который привязан теперь

к веслу либо к мельничному жернову. Перед глазами Родонис встала спина Дельпа с двумя красными культяпками, ее гнев разрядился криком:

— Ты смеешь так обращаться к са Аксоллон?

Воин не знал ее лично, но он видел шарф офицерской касты. Видел он и ее стройное, не обезображенное каждодневным трудом тело.

— На палубу, ничтожество! — продолжала кричать Родонис. — И прикрывай глаза, разговаривая со мной!

— Я, м... миледи, — в ужасе прозаикался стражник. — Я н-не...

Родонис резко спикировала, и он вынужден был метнуться в сторону.

— И это, — добивала она несчастного воина резкими, как Удары хлыста, выкриками, — если твой боцман сумеет получить предварительное разрешение на такой разговор.

— Но... но... но... — подлетели другие воины,

они беспомощно кружили вокруг разъяренной женщины. Такие законы действительно существовали. Правда, ими столетия уже не пользовались, однако...

Офицер, встретивший Родонис на палубе, взял ситуацию в свои руки.

— Миледи, — сказал он со всем подобающим уважением — даме не подобает летать одной, без сопровождения, а тем паче — посещать этот плот скорби.

— Крайняя необходимость, — резко бросила Родонис. — у меня неотложное сообщение для капитана Т'хеонакса.

Капитан у ложа своего уважаемого отца, миледи. Я не решусь...

— Ну что ж, это твои зубы он вырвет, узнав, что Родонис са Аксоллон могла предупредить новый мятеж!

Она пересекла палубу и оперлась о фальшборт, словно делясь своим гневом с морской гладью. У офицера перехватило дыхание, как от удара в живот.

— Миледи! Я сейчас... подождите, подождите, пожалуйста, здесь, одно, буквально одно мгновение. Часовой! Часовой, сюда! Охраняй миледи, следи, чтобы с ней все было в порядке. — Он исчез.

Родонис ждала. Вот теперь предстояла настоящая работа.

До этого момента все было просто. Флот взбудоражен, ни один офицер не смог бы отказать ей, услышав про возможное повторение мятежа.

Хватило и первого. Восстание против Оракула Верховной Звезды — такого не случалось уже более сотни лет, а чтобы еще и в военное время... Все попытались сделать вид, будто ничего серьезного не произошло. Так, недопонимание. Весьма, конечно, прискорбное, но не имеющее особого значения. Воины Дельпа отважно сражались в этой безнадежной битве из ложно понятой верности своему капитану... трудно, в конце концов, ожидать, чтобы рядовые моряки глубоко прочувствовали современный принцип, согласно которому Флот и его адмирал всегда и при любых

обстоятельствах превыше интересов отдельного плота и его капитана.

Перед Родонис снова встал недавний разговор с адмиралом. Только сейчас в ее глазах не было слез.

— Мне очень жаль, миледи, — сказал Сайранакс. — Поверьте, мне очень жаль. Вашего мужа спровоцировали, а к тому же он был ближе к истине, чем Т'хеонакс. Я прекрасно знаю, что эта схватка не планировалась заранее, просто случайная искра воспламенила старую неприязнь, и главная вина лежит на моем сыне.

— Так пусть ваш сын и ответит, — воскликнула Родонис.

— Нет, — неумолимо покачал головой старик. — Будь у него сколько угодно недостатков, все равно он — мой сын. И наследник. Сам я долго не протяну, а война — не самое подходящее время, чтобы устраивать свары по вопросам престолонаследия. Ради сохранения Флота Т'хеонакс должен наследовать мне без каких-либо сомнений и возражений, а для этого репутация его должна быть незапятнанной. Хотя бы официально.

— Но почему нельзя освободить и Дельпа?

— Каким образом? Всех остальных я могу амнистировать, и я их амнистирую. Но должен же быть хоть один виновный, кто-то, на чей счет мы спишем горечь всех своих ран и потерь. Дельпа придется обвинить в подготовке мятежа, а затем и наказать, чтобы все остальные могли говорить: «Верно, мы сражались друг с другом, но только по его вине. Теперь мы можем снова быть одним целым».

— Звезда свидетельница, — печально вздохнул Сайранакс, — мне не хочется так делать. Мне бы хотелось... ведь вы, миледи, тоже мне нравитесь. Мне бы хотелось, чтобы мы стали друзьями.

— Мы можем стать друзьями, — прошептала Родонис. — Если вы отпустите Дельпа.

Какое-то время победитель Майона хмуро смотрел на гостью и молчал.

— Нет, — качнул он головой. — И больше нам говорить не о чем.

Затем последовали мучительно долгие дни ожидания, затем был кошмарный фарс суда, затем кошмар приговора, но приговор не привели в исполнение сразу, и снова потянулось ожидание. Налет ланнахов стал чем-то вроде пробуждения из горячечного сна, он был отчетливым и реальным, сосед по плоту перестал казаться искоса поглядывающим на тебя врагом и превратился в воина, который отогнал варваров от твоих детей.

Прошло еще три ночи, и вот адмирал Сайранакс умирает. Не заболей он так вовремя, Дельп лишился бы уже крыльев, стал бы рабом, но напряжение и неопределенность момента заставили повременить с этой ужасной процедурой — далеко не все офицеры воспринимали приговор как справедливый.

А как только Т'хеонакс станет адмиралом... Уж он-то тянуть не станет... Если только...

— Не будет ли миледи добра проследовать сюда?

Офицеры, проводившие Родонис по палубе, а затем — в огромное мрачное бревенчатое сооружение, были до тошноты раболепны. Слуги, носившиеся по освещенным лампами коридорам, смотрели на нее с почти нескрываемым ужасом. Непонятно как, но самые большие секреты сразу становятся известными обитателям полубака — нюх у них, что ли, такой?

Здесь было темно, душно и тихо. Угнетающе тихо. Море никогда не молчит; только сейчас Родонис осознала, что ни разу в жизни была отгорожена от плеска волн и пения такелажа. Ее крылья напряглись, хотелось закричать, взмыть и улететь безразлично куда.

Родонис продолжала идти.

Перед распахнулась дверь, она вошла, и дверь снова закрылась, начисто заглушив все внешние звуки. В маленькой, богато устланной мехами и коврами каюте горели бесчисленные лампы, воздух здесь оказался настолько

спертым, что у Родонис закружилась голова. Т'хеонакс возлежал на койке, играл с одним из земных ножей и смотрел на неожиданную гостью. Больше в кающе не было никого.

— Садись, — сказал он.

Родонис присела на корточки, она смотрела Т'хеонаксу прямо в глаза, как равная — равному.

— Что ты хотела сказать? — равнодушно, без всякого выражения спросил наследник трона.

— Твой отец еще жив?

— Да, но боюсь, что ненадолго. Аэк'ха поглотит его не позже полудня. — В глазах Т'хеонакса появилось затравленное выражение. — Как долго тянется ночь!

Родонис молчала.

— Ну так что? — не выдержал в конце концов хозяин каюты. Голова его по-змеиному откинулась назад, голос звучал хрипло. — Ты что-то там говорила... говорила про новый мятеж?

Родонис сидела совершенно неподвижно, как каменная.

— Да, — холодно процедила она. — Команда мужа не забыла своего капитана.

— Возможно, и нет, — бросил Т'хеонакс. — Но за это время в них вбили достаточно лояльности к адмиралу.

— Лояльности к адмиралу Сайранаксу, — поправила Родонис. — А ее хватало и прежде. Ты не хуже моего знаешь, что не было никакого мятежа, просто возмутились ненавидящие тебя воины. Сайранаксом они всегда восхищались, хотя, может быть, и не очень его любили.

А вот против его убийцы поднимется самый настоящий мятеж.

— Ты про что это? — вскочил Т'хеонакс. — Кто его убийца?

— Ты, — презрительно выплюнула Родонис. — Ты отравил своего отца.

Дальше время потянулось нестерпимо долю, напряглось, как готовая порваться струна. Она не знала, убьет ее за такие слова этот известный своей бешеной вспыльчивостью мужчина или нет.

Т’хеонакс отпрянул от Родонис, когда блестящий стальной клинок уже царапнул ее горло. Громко клацнув зубами, он прыгнул на койку и встал на четвереньки, выгнув спину, задрав хвост и полураспахнув крылья.

— Ну что ж, давай! — лениво-безразличный голос превратился в злобное шипение. — Рассказывай свои бредни, сколько хочешь. Я знаю, как ты ненавидишь нашу семью — и все из-за своего драгоценного муженька. Да что там я, весь Флот это знает. И ты что, надеешься, кто-нибудь поверит твоим ничем не подтвержденным словам?

— У меня не было ненависти к твоему отцу. — Родонис говорила неровно, запинаясь — ведь всего мгновение назад она была готова умереть. — Да, он пожертвовал Дельпом, поступил, по моему мнению, несправедливо, но ведь это во имя Флота, а я и сама из семьи воинов. Можешь вспомнить, как на следующий же день после налета я пригласила твоего отца к себе отобедать — в знак того, что Флот должен сплотиться.

— Да уж помню, — зло ухмыльнулся Т’хеонакс. — Очаровательный жест. Еще потом все гости жаловались, что ты не умеешь готовить и явно перестаралась со специями. Да к тому же набралась наглости подарить отцу этот блестящий диск. Весьма трогательно! Можно подумать, ты имела на это право. Ведь все вещи этих существ и так принадлежат Адмиралтейству.

— Дело в том, — объяснила Родонис, — что я получила эту кругляшку от толстого земхона. — Чтобы успокоиться самой и успокоить Т’хеонакса, она намеренно отклонялась от главной темы разговора. — Он сказал, что вынул ее из своего багажа. Он называл эту вещь монета... их народ употребляет такие штуки при торговле... он хотел, чтобы я сохранила ее на память о нем. Это было сразу после... после мятежа... незадолго до того, как земхонов перевели с «Джерариса» на другой плот.

— Жалкий подарок, — презрительно бросил Т’хеонакс. — Весь истертый, исцарапанный. Ничего не стоящая дрянь. Ну

так что? — мускулы его снова напряглись. — Давай, обвиняй меня, если посмеешь.

— Учти, что я совсем не дура, — сказала Родонис. — У моих друзей остались запечатанные письма, их вскроют, если я не вернусь. Попробуй оценить ситуацию трезво и беспристрастно. Ты очень честолюбив и давно приучил окружающих, что от наследника престола можно ожидать буквально чего угодно. Смерть отца сделает тебя адмиралом, почти единоличным повелителем Флота, и ты горишь нетерпением, ожидая своего часа. Теперь адмирал Сайранакс умирает от болезни, совершенно незнакомой медикам, она не похожа даже ни на одно из известных отравлений. Многие знают, что налетчики не сумели унести с собой всю земную пищу — три маленьких пакета остались. Для нас эта пища ядовита, все слышали многократные и настойчивые предупреждения земхонов. Ну а под чьим попечением наедятся сейчас все вещи этих чужаков?

Т'хеонакс задохнулся от ужаса и возмущения.

— Это ложь! Я не знаю... — заговорил он быстро и бессвязно. — Я не..., да я никогда... неужели кто-нибудь поверит, что я... чтобы я мог отравить... и к тому же собственного отца?

— Про тебя поверят чему угодно, — саркастически улыбнулась Родонис.

— Клянусь Верховной Звездой...

— Верховная Звезда отвернется от Флота, возглавляемого отцеубийцей. Одно уже это — достаточная причина для мятежа.

— Что тебе нужно? — с ненавистью прохрипел Т'хеонакс.

— Я сожгу эти письма и буду молчать. — Глаза Родонис стали холодными как лед. — Я даже поддержу тебя, если подобные подозрения появятся у кого-либо другого. Но Дельп должен быть освобожден прямо сейчас и с полной амнистией.

Шерсть на спине Т'хеонакса встала дыбом, зубы оскалились.

— Я могу бороться, — прорычал он. — Могу арестовать тебя за предательские разговоры, а затем убить любого, кто осмелится...

— Возможно, — чуть улыбнулась Родонис. — Только стоит ли? Ты расколешь Флот и сделаешь нас легкой добычей ланнахов. А мне всего-то и нужно, что вернуть своего мужа.

— И ради этого ты грозишь разрушить Флот?

— Да, — кивнула Родонис. — Ты ничего не понимаешь, — добавила она через секунду. — Вы, мужчины, заняты нациями и войнами, создаете песни, и науку, и разные приспособления. Вы считаете себя сильным, практичным полом. А женщина — она раз за разом приближается к самому краю смертной тени, чтобы породить новую жизнь. Это мы — сильный пол. Нам приходится быть сильными.

Т'хеонакс сгорбился, его била дрожь.

— Да, — прохрипел он после бесконечно долгой паузы. — Да, и будь ты проклята, и чтобы крылья у тебя отсохли, да, ты его получишь. Я прикажу его отпустить, прикажу сейчас же. И чтобы к рассвету ноги его поганой на моем плоту не было. Но я не отравлял отца. — Он забил крыльями так, что его подбросило в воздух, ударился об потолок, застрял там, выкрикивая:

— Я невиновен!

Родонис ждала.

Получив через некоторое время письменный приказ, она направилась в корабельную тюрьму. Когда веревки, связывавшие Дельпа хир Орикана, были перерезаны, он бросился к ней на грудь.

— Я сохраню крылья, я сохраню крылья... — по лицу капитана струились слезы.

Родонис са Аксоллон погладила его по голове, она шептала мужу ласковые слова, она говорила, что все теперь будет хорошо, что сейчас они полетят домой, она даже слегка прослезилась — потому, что любила его.

И все это время Родонис не оставляло леденящее воспоминание, как старый ван Рийн подарил ей монету,

предупредив о возможности... как он это назвал?.. отравления тяжелыми металлами.

— Вы никогда не встречались с железом, медью, оловом и всем прочим. Я, конечно, не химик — когда мне требуется чего-нибудь там похимичить, я нанимаю настоящих химиков, — но думаю, что безопаснее мне заглотить горсть мышьяка, чем кому-нибудь из ваших детишек попробовать эту денежку на зуб.

И еще, как она сидела в темноте, с камнем в руке, и терла, и терла эту монету, пока не набралось достаточно блестящего порошка для адмиральского обеда.

Потом, гораздо позднее, она сообразила, что земхон говорил на дракхонском вполне свободно, а ведь считалось, что он совсем не знает языка. А сейчас ее пробрала дрожь от мысли, не оставил ли он этот смертельно опасный предмет намеренно? Неужели он мог предвидеть такие события?

11

В двери появилась Гунтра из Энкланна. Эрик Уэйс устало поднял голову. По стенам мастерской метались огромные тени; в тусклом свете тростниковых свечей неясно проступали многочисленные фигуры усердно работающих туземцев.

— Да? — устало вздохнул он.

В руках Гунтры был широкий, двухметровой высоты щит, крепкая конструкция из прутьев, навитых на деревянный каркас. Уже много десятидневок она руководила сотнями женщин и детей, собиравших прутья и тростник, обрабатывавших дерево, собиравших рамы, оплетавших эти рамы. Никогда еще она не чувствовала себя такой усталой, однако в голосе женщины слышалось торжество.

— Это — четырехтысячный, Советник.

Официально земляне не имели никаких титулов, однако привычные к тому, что каждый член Стаи имеет четко

определенный ранг, ланнахи выходили из положения, называя их Советниками.

— Хорошо. — Усталыми, мозолистыми руками он взвесил щит. — Крепкая, надежная работа. Четырех тысяч более чем достаточно. Ты выполнила свою задачу, Гунтра.

— Спасибо. — Она с любопытством оглядела мастерскую. Трудно представить, что совсем недавно здесь была всего лишь мельница.

— Советник. — Ангрек из Трекканса держал в руках деревянный брусок. — Я... — он осекся, заметив Гунтру — молодую и, по всеобщему мнению, привлекательную женщину.

Их глаза встретились и странно затуманились. Ангрек раскинул крылья и скованно, неуверенно шагнул вперед.

С громким, похожим на всхлип, вздохом Гунтра повернулась и выбежала из мастерской. Ангрек бросился следом, затем остановился, швырнул брусок на пол и громко выругался.

— Кой черт? — недоуменно спросил Уэйс.

— Духи. — Ангрек ударил кулаком по ладони. — Духи, не иначе... не находящие пристанища души злодеев... дракхоны давно одержимы этими духами, а теперь доходит дело и до нас.

В дверях, на фоне бледного ночного неба, появились еще две темные фигуры — Николас ван Рийн и Толк, Герольд.

— Ну, как делишки? — прогудел ван Рийн. Он жевал свежую, сохраненную в азотной упаковке, луковицу. В отличие от своего подчиненного — и даже Сандры — торговец не выказывал ни малейших признаков худобы и усталости. «Еще бы, — зло подумал Уэйс, — ведь это старое трепло совсем не работает. Только шляется по всему поселку, разговаривает со здешним начальством, да еще жалуется, что работа идет чересчур вяло».

— Не то, чтобы очень быстро, сэр.

«А ты, — хотелось сказать ему, — пиявка раздувшаяся, взвалил на меня всю работу и хочешь, чтобы я спас тебя, а в

награду ты подсунешь мне другую такую же факторию на еще какой-нибудь дьявольской планете».

— Ну так надо ускорить. Никто из нас не может ждать долго.

Толк пристально глядел на Ангрека, который дрожал всем телом и судорожно бормотал заклинания.

— Что с тобой?

— К... колдовство. — Ангрек прикрыл глаза ладонью. «Герольд»,— он говорил сбивчиво, неуверенно. — Тут была Гунтра из Энкланна... и на какой-то момент мы... мы с ней захотели друг друга.

Толк помрачнел, но в голосе его не слышалось осуждения.

— Такое случалось со многими. Держи себя в руках.

— Но что же это такое, Герольд? Болезнь? Воздаяние за грехи? В чем я провинился?

— Подобные противоестественные устремления — не такая уж редкость. — Сейчас Толк словно читал лекцию. — Время от времени они охватывают почти каждого из нас, только о них не говорят, их подавляют и стараются поскорее забыть о случившемся. Однако, — он помрачнел еще больше, — последнее время такое происходит все чаще и чаще. И я не знаю почему. Работай и старайся избегать женщин.

Ангрек судорожно перевел дыхание, подобрал свой брусок и тронул Уэйса за локоть:

— Я хотел посоветоваться. Мне кажется, эта форма — не самая удачная...

Толк огляделся по сторонам. Он только что вернулся из дальнего похода — нужно было облететь почти весь остров, переговорить с разбросанными по нему кланами.

— Много вы тут успели сделать.

— Ja, — благодушно кивнул ван Рийн. — Он — талантливый инженер, этот мой юный друг. Но еще руководителю заброшенной на необследованную планету фактории просто необходимо быть хорошим инженером. В интересах сохранения собственной задницы.

— Я не очень знаком с подробностями его разработок.

— Моих разработок, — оскорбленно поправил ван Рийн. — Я сказал ему изготовить для нас оружие. Он его делает — вот и все.

— Все? — сухо переспросил Толк. Он рассматривал сложную деревянную конструкцию. — Что это такое?

— Скоростной метатель стрел, я называю его пулеметом. Видишь: этот балансир вращает маховик с уступами. На маховик подаются — вот этим ремнем — стрелы. Затем они выбрасываются быстро, штуки две-три за то время, пока мигнешь. Маховик установлен на поворотной опоре, чтобы можно было прицеливаться. Конструкция, собственно, не новая, ее придумал то ли Миллер, то ли де Камп, то ли кто еще. Все это не имеет значения, она эффективна, и это самое главное.

— Великолепно, — кивнул Толк. — А это что?

— Баллиста. Это вроде дракхонских катапульт, только мощнее. Она метает большие камни, способные пробить стену или потопить корабль. А вот — ja. — Ван Рийн поднял принесенный Гунтрой щит. — Не такой, конечно, интересный демонстрационный образец, как те, однако, как мне кажется, он имеет гораздо большее значение, чем все эти хитрые механизмы. Это Щит, прикрывающий спину воина в наземном бою.

— Мм-м-м... да, вижу. Вот тут будут пристежные ремни... Так, значит, он задержит снаряды, летящие сверху? Хорошо, только ведь с такой штукой на спине войн не сможет взлететь!

— Вот именно! — радостно рявкнул ван Рийн. — Вот так, твою в клеш и в дрожь, именно! Вы, диомедские, ни хрена не понимаете. Ну как можно выиграть настоящую войну, если у тебя одни только воздушные силы, и ничего кроме? Там, в Салменброке, я день за днем вдалбливаю вашим офицерам, что захватывает и удерживает местность пехота, и только она. А офицеры вдалбливают это рядовым, а потом нужны еще тренировки. А времени совсем нету. За какие-то

несколько десятков дней мне приходится делать то, на что нужны годы и годы!

Толк кивнул без всякого, похоже, удивления. Даже Тролвену потребовалось некоторое время — и уйма доводов, — чтобы переварить совершенно новую для диомедианцев идею армии, главные силы которой заняты наземными операциями, намеренно прикованы к земле. Но Герольд только кивнул:

— Да, я вас понимаю. Именно укрепления решат судьбу войны. Захватив города, мы вернем себе контроль за районами, откуда поступает пища. А чтобы их захватить — придется поползать на брюхе.

— Здорово ты соображаешь, — чуть не с завистью заметил ван Рийн. — Некоторые личности из нашей земной истории так до самой смерти и не поняли, что одной воздушной мощью не победишь.

— Но остается еще огненное оружие дракхонов, — напомнил Толк. — С ним вы что будете делать? Все эти десятидневки я только тем, считай, и занимался, что убеждал дальние кланы присоединиться к нам. Я передавал им твои заверения, что против огня можно выстоять, что у нас будут собственные огнеметы и бомбы. Нехорошо, если все это окажется обманом.

Он еще раз осмотрелся. В недавней мельнице усердно трудились многие десятки крылатых рабочих. Примитивный токарный станок, несколько рационализированный Уэйсом, изготавливал древки копий и рукоятки томагавков. Почти все остальные механизмы казались незнакомыми. Вращающийся точильный камень придавал форму лезвиям топоров и другим аналогичным предметам: получалось не так хорошо, как при ручной обработке, зато продукция шла потоком. Механический молот отщеплял обсидиановые и кремневые клинья для изготовления лезвий. Циркульная пила резала дерево, крутильная машина с головокружительной скоростью свивала веревки. Вся эта техника — ее вращали протянутые от мельничных колес приводные

ремни — выглядела хлипко и нелепо, однако она выплевывала оружие в совершенно бешеном, на взгляд туземцев, темпе.

— Замечательно, — сказал Толк. — Мне даже страшно становится.

— Я изменил ваш образ жизни, — гордо заявил ван Рийн. — И дело тут совсем не в той или этой конкретной машине, дело в главной, привнесенной мной идее — идее массового производства.

— Но огненные...

— Уэйс позаботился и об этом. Со склонов вулкана собирают серу, кроме того, на вашем острове есть выходы нефти, из которой мы делаем такие жидкости — просто мечта поджигателя. Занялись перегонкой, дракхонам эта операция известна, но для вас — в новинку. Теперь у Стаи тоже будет молотовский коктейль.

— Есть, правда, одно обстоятельство, — слегка помрачнел ван Рийн. — Вашим воинам такое оружие незнакомо, их еще учить и учить, а времени на это нет. Очень скоро я умру с голоду. Да и вам нужно запасти пищу как можно скорее — до того, как у всех этих женщин оттопырятся животы. Хотя, — тяжело вздохнул он, — я-то умру гораздо раньше, чем у вас пойдут неприятности.

— Ошибаешься, — мрачно заметил Толк. — Верно, до Времени Рождения еще целых полгода, но мы уже слабеем от голода, холода и отчаяния. Мы пропустили много ритуалов...

— Черти бы драли эти ваши ритуалы, — взорвался ван Рийн. — Я тыщу раз повторял, что в первую очередь нужно брать Улвен — этот город господствует над Холмистым Склоном, где бродят все эти ваши коровы, или как там их еще. Захватив Улвен, вы получите и пищу, и удобное для обороны укрепление, так нет же, и Тролвен, и Совет уперлись на своем — ударим прямо по Манненаху, оставив Улвен и сидящих там дракхонов в тылу, а потом займемся побережьем бухты Сагна, где как раз и стоят все ихние плоты. И

чего, спрашивается, ради? Да чтобы провести там какой-то ваш хренов ритуал!

— Ты не понимаешь, — спокойно, без какого-либо возмущения объяснил Толк. — Мы с вами слишком разные. Даже меня, всю жизнь общавшегося с чужими народами, иногда удивляют ваши воззрения. Наша жизнь организуется по годичным циклам. И не то, чтобы мы так уж серьезно воспринимали древних богов, но посвященные им ритуалы, чувство долга, ощущение единства и причастности... — он поднял глаза к теряющейся во мраке крыше, откуда доносились завывание ветра и деловитое поскрипывание мельничных колес. — Нет, я не верю, что ночью там летают души предков. Но я верю, что большое манненахское богослужение, посвященное возврату Полного Лета — а наши предки не пропустили его ни разу с того самого времени, как возникла Стая, — что этот ритуал необходим для сохранения моего народа.

— Чушь! — Покрытая толстой коркой грязи рука ван Рийна поскребла густую, спутанную бороду, покрывавшую половину его лица. Торговец давно не брился и не мылся — даже после антиаллергических уколов человеческая кожа не могла выдержать здешнего мыла. — Хочешь, я объясню тебе, зачем вам сдались все эти ритуалы? Во-первых, вы находитесь в рабской зависимости от смены времен года — вроде как древние земные фермеры, но только еще сильнее. Во-вторых, вам приходится улетать отсюда, оставляя свои дома пустыми на всю зиму, вот ритуал и становится самым дорогим вашим достоянием. Это — единственное, что вы можете брать с собой, как далеко ни приходилось бы лететь.

— Возможно, и так, — пожал плечами Толк, — но это ровно ничего не меняет. Если есть хоть какой шанс приветствовать Долгий День с манненахских Стоячих Камней, мы должны им воспользоваться. Возможно, это и не наилучшая стратегия. Возможно, будут потеряны лишние жизни, но жизни эти станут добровольной, с радостью принесенной жертвой.

— Если только мы не проиграем в результате всю вашу чертову войну, — фыркнул ван Рийн. — В хвост и в пасть! Вот мой собственный капеллан, при всей его кислой морде; совсем не так щепетилен насчет того, что благопристойно, а что нет. Вы тут, ребята, вообще; вот этот, например, молодой парень — он же прямо повеситься был готов, а все из-за того лишь, что засмотрелся на смазливую бабенку не в то, видишь ли, время года, когда положено.

— Этого не должно случаться, — чопорно поджал губы Толк и вышел из мастерской. Секунду ван Рийн задумчиво скреб бороду, а затем двинулся следом за Герольдом.

Уэйс разобрался с Ангреком, проверил, как работают наиболее ответственные механизмы, обругал молодого носильщика, из самых лучших побуждений складывавшего сырье для зажигательных бомб рядом с печью, и тоже покинул бывшую мельницу. Отяжелевшие ноги гудели, с трудом отрывались от земли. Слишком много работы для одного человека — организация, конструирование, надсмотр за рабочими, ликвидация неполадок и неизбежно возникающих конфликтов... ван Рийну, похоже, кажется, что это очень просто — за несколько недель привить неолитическому охотнику навыки машинной цивилизации. Вот взял бы сам и попробовал! Старому борову совсем не повредило бы согнать с себя хоть часть жира.

«Неужели когда-то я бывал спокойным и отдохнувшим... а к тому же чистым и сытым? И жил один, в тепле и уюте...»

Утро зажгло вершины северного хребта, с минуты на минуту среди черных клубов дыма, гневно извергаемых вулканами, проглянет солнце. Две луны, два медных диска, каждый из них раза в два больше земной Луны, готовились ускользнуть за горизонт. Пик Оборх задрожал, а затем выплюнул в бледное небо несколько огромных валунов. Дул сильный ветер. Уэйсу, казалось, словно к его спине прижалась леденяще-холодная железная рука. Перед этим неумолимым напором домишки Салментброка казались жалкими и беззащитными.

Уэйс уже подошел к лестнице — ее сделали специально, чтобы он мог забираться в свою крошечную чердачную комнатку, — когда из-за соседнего дома показалась Сандра Тамарин. Она приостановилась, поднесла ко рту сложенные рупором ладони, крикнула что-то, неразличимое за воем ветра.

Уэйс подошел к ней. Под неуклюжими сапогами, изделием местного ремесленника, скрипела щебенка.

— Извините, миледи?

— О... ничего такого, мастер Уэйс. — Зеленые глаза смотрели гордо и независимо, но он заметил, как вспыхнули щеки гермесской аристократки. — Я только... я только сказала «доброе утро».

— Доброе утро. — Он устало потер тяжелые, словно свинцом налившиеся глаза. — Я давно вас не видел. Как вы живете, миледи?

— Плохо, — печально улыбнулась Сандра. — Места себе не нахожу. Вы бы не могли немного со мной поговорить?

Они выйти из поселка и направились по едва заметной тропинке в горы. На низкорослом колючем кустарнике, покрывавшем склоны, распускались ярко-красные бутоны. Высоко в небе плавно кружила группа крошечных пятнышек — дозор, охранявший поселок. Сердце Уэйса лихорадочно билось.

— Чем вы занимались? — спросил он.

— Ничем. А что я, собственно, могу? — Сандра посмотрела на свои руки. — Пробую, конечно, но ведь я ничего не умею — не то, что вы или мастер ван Рийн.

— Он? — Уэйс пожал плечами. Ну ясно. Старый козел успел невесть чего нахвастать, благо времени у него хватает. — Достаточно... — Он осекся, подыскивая слова. — Достаточно и того, что вы здесь, рядом.

— Мастер, мастер. — Она рассмеялась искренне, без всякого смущения. — Никогда бы не заподозрила вас в такой галантности.

— Прежде у меня не было случая, миледи, — пробормотал Уэйс, слишком усталый и опустошенный, чтобы следить за своими словами.

— Не было? — искоса взглянула на него Сандра. Пальцы ветра вытащили из ее туго увязанных волос несколько платиновых прядей. Гордое лицо не выглядело в буквальном смысле изголодавшимся, но черты его заострились, на левой щеке появилось какое-то пятно. Изящное тело совершенно терялось в неуклюжем балахоне, кое-как сляпанном портным, который никогда прежде не шил ничего подобного. Странное, однако, дело — лишившись своей королевской величественности, эта девушка казалась Уэйсу даже прекраснее, чем прежде, может быть потому, что стала ближе? Потому, что все это убожество лишний раз подчеркивало, что она такой же человек из плоти и крови, как и он сам?

— Нет, — с трудом выдавил он.

— Я не понимаю, — развела руками Сандра.

— Извините, миледи, я просто думал вслух. Плохая привычка, но в таких вот необжитых мирах ею страдают многие. Видишь все время одних и тех же людей, видишь так часто, что перестаешь воспринимать их как компаньонов, начинаешь избегать — ну и, конечно же, персонала всегда не хватает, приходится ездить по делам одному, зачастую такие поездки длятся неделями. Что-то не понимаю, зачем я все это? Не помню. Господи, до чего же я устал.

Они остановились на краю почти отвесного обрыва. С высоты нескольких сотен метров пенящаяся внизу река казалась узенькой белой змейкой. Дальше, на другой стороне каньона, одна за другой громоздились снежные, окрашенные кровью рассветного солнца вершины. Из глубины долетали резкие, обжигающие лицо порывы ветра.

— Понимаю. — Сандра смотрела на Уэйса спокойными, очень серьезными глазами. — Теперь я понимаю. Вся ваша жизнь состояла из работы, сплошной работы. На

развлечения, приобретение хороших манер, на культуру просто не оставалось времени, верно?

— Ни на что не оставалось, миледи, — кивнул Уэйс. — Родился я на Тритоне, в трущобах, рядом со старыми доками. Только самая беднота селится так близко к космопорту — там ведь жуткое дорожное движение, вонь, грохот кораблей... но ко всему этому привыкаешь, все это становится твоей частью, проникает, кажется, до мозга костей. Половина моих товарищей уже на том свете или в тюрьме, а другая половина кое-как перебивается, занимаясь грязными, тяжелыми работами, на которые не так-то легко найти охотников. Только не надо меня жалеть, мне-то самому очень повезло. В двенадцать лет я стал подмастерьем оптового торговца мехами. Через два года у меня было уже достаточно знакомств, чтобы и самому получить тяжелую грязную работу. Но эта работа была не из самых обычных — на космическом корабле, в составе экспедиции, направлявшейся на Рианнон за мехами. Между вахтами я учился; набравшись кое-каких познаний — а больше при помощи наглого блефа, — я устроился на работу чуть получше. Так и пошло, пока я не получил в конце концов руководство. этой факторией... предприятие тут, в сущности, мелкое, оно начнет когда-нибудь приносить доход, но серьезным не станет никогда. Но это необходимый этап. Ну и что же? Торчу я тут, в диомедианских горах, а что дальше?

Уэйс сильно потряс головой, в полном недоумении — почему это вдруг отказала постоянная его сдержанность. Усталость, наверное, страшная усталость, от которой словно пьянеешь. Но и не только это... Нет, он не плакался в жилетку... но где-то в глубине разве не хотелось ему увидеть, поймет ли она? Способна ли она понять?

— Вы вернетесь, — негромко сказала Сандра. — Вы из той породы, которая умеет выжить.

— Хотелось бы надеяться!

— То, что вы сделали, — это подвиг. — Девушка смотрела в сторону, на облака, плывущие по склонам пика Оборх. —

Даже и не знаю, что может вас остановить. Разве что вы сами.

— Я? — Уэйс смущенно подергал свою жесткую рыжую бородку. Ему уже хотелось сменить тему разговора.

— Да. А кто же еще? Пока что вы поднимались очень быстро. Но почему нужно идти дальше, а не остановиться? Ведь очень скоро — может быть, даже здесь, на этой самой горе — вы зададитесь вопросом, а есть ли смысл идти дальше? А если есть, то насколько дальше?

— Не знаю. Наверное, так далеко, как возможно.

— Зачем? Разве необходимо становиться великим? Разве недостаточно быть просто свободным? Со своими способностями и опытом вы заработаете вполне приличные деньги на любой из старых планет, где жить несравненно лучше, чем здесь. На планете вроде Гермеса. Вы стремитесь стать богатым и влиятельным, но ведь это — просто желание накормить и обогреть маленького мальчика, засыпавшего когда-то под грохот стартующих кораблей, в слезах и на голодный желудок. Но ведь этому мальчику, друг мой, ничем уже не поможешь. Он давным-давно умер.

— Ну... не знаю... когда-нибудь у меня будет семья. Обеспечить жене пропитание — это просто, но я хочу оставить своим детям и внукам достаточные ресурсы. Достаточные, чтобы они могли идти дальше, чтобы они могли, если вдруг придется, выстоять хоть против всего мира.

— Да. Понятно. Мне кажется, — Сандра резко отвернулась, но Уэйс успел заметить, как вспыхнули ее щеки, — что именно такими были прежние Герцоги Гермесские. Жаль, что теперь герцогская кровь стала жидковата...

Она резко смолкла и направилась вниз, к поселку.

— Хватит. Пора бы и вернуться.

Следуя за девушкой, Уэйс почти не чувствовал земли под ногами.

12

Когда вся подготовка к войне была закончена, свистуны Толка собрали всех ланнахов в Салменброк; небо потемнело от крыльев. С трудом растолкав кишащую толпу воинов, Тролвен подошел к ван Рийну.

— Боги от нас отвернулись, — горько сказал командор. — В такое время года почти всегда дует сильный южный ветер. А может, — он указал на мертвенно-спокойное небо, — ты знаешь заклинания, вызывающие устойчивый бриз?

Торговец раздраженно оглянулся. Сидя за столом рядом со своей мазанкой, построенной на краю поселка — о том, чтобы лазать по лестнице, либо спать в сырой пещере, не могло быть и речи, — он играл с армейским капитаном Срайганом в кости; ставкой служили похожие на берилл драгоценные камни, местное средство обмена. Трудно даже представить, сколько рассеянных по Галактике племен совершенно самостоятельно изобрели эту древнюю как мир игру.

— Хорошо, — бросил торговец, снова повернувшись к столу. — А хвост-то ты чего распушил? А, семь! Нет, хрен уж, я помню, что на этой планете семерка — несчастливое число. Попробуем снова. — Ван Рийн потряс три кубика в руке и выкатил их на стол. — Хм-м-м, и ведь снова семь. — Он сгреб со стола ставки. — Ну что, удваиваем?

— А чтоб тебя пожиратели духов! — Срайган даже привстал от возмущения. — На мой взгляд, ты выигрываешь слишком, мать твою в крыло, часто.

Ван Рийн поднялся на ноги, напомнив при этом кита, всплывающего из пучин морских.

— Кой хрен, или ты возьмешь свои слова обратно, или...

— Я не сказал ничего, оправдывающего вызов, — холодно парировал Срайган.

— Не сказал, но подразумевал ведь! Ты меня оскорбил!

— Заткнитесь вы, оба, — прорычал Тролвен. — Что вам тут, пивной праздник? Слушай, землянин, все боевые силы Ланнаха собрались здесь, в горах. Долго мы их не

прокормим — просто нечем. Новое оружие погружено в рельсовые тележки, но мы не можем сдвинуться с места, пока не подует южный ветер. Так что же делать?

Ван Рийн по-прежнему пытался испепелить Срайгана взглядом.

—. Я чувствую себя оскорбленным. А в таком состоянии я могу наделать уйму неприятных вещей.

— Я уверен, что капитан извинится за слова, которыми он — совершенно непреднамеренно — вас оскорбил. — Яростные, кровью налитые глаза Тролвена переходили с одного игрока на другого.

— Разумеется, — сказал Срайган. У него было выражение лица человека, которому рвут зуб без наркоза.

— Прекрасно. — Ван Рийн пригладил свою клочкастую бороду. — В таком случае мы окончательно убедимся, что моя честность не вызывает у тебя ни малейших сомнений. И с этой целью кинем кости еще раз. Удвоив ставку.

Срайган схватил кости и швырнул их на стол.

— А, — опечалился ван Рийн, — у тебя шесть. Не так-то легко набрать больше. Боюсь, я уже проиграл. Как все-таки плохо быть бедным, усталым, голодным стариком, оторванным от своего дома и от своих сиамских кошек, а ведь только эти кошки его и любят, всем остальным нужны его деньги и не нужен он сам.

— Тум-ти-тум-ти-тум... Восемь! Двойка, тройка и еще тройка! Прекрасно, прекрасно!

— Транспорт, — напомнил Тролвен. Он был буквально на волосок от срыва. — Новое оружие слишком тяжелое, носильщикам не справиться. А без ветра — как спустить тележки к бухте Сагна?

— Как, как, — бросил ван Рийн, тщательно пересчитывая свой выигрыш. — Кверху каком. Не будет ветра, так привяжи к тележкам веревки, и пусть их тащат эти здоровенные оболтусы.

— Что? — взорвался Срайган. — Свободные члены клана потащат тележки, словно какие-нибудь... какие-нибудь

дракхоны? Так не делается, — сухо закончил он, сумев наконец взять себя в руки.

— Иногда не делается, а иногда делается. — Пересчитав камешки, ван Рийн сгреб их со стола, кинул в сумку, встал и подошел к колодцу. — Мне казалось, в Стае есть какое-то подобие дисциплины.

— О... да... пожалуй, что... — Тролвен посмотрел вниз на кричащее, бурлящее крылатое море, затопившее поселок. Лицо его стало окончательно несчастным. — Но подобный принудительный труд всегда... всегда, даже задолго до появления дракхонов, считался в некотором роде извращенным. Не то чтобы его запрещали, но старались не обращаться к нему без крайней необходимости. Трудиться у всех на глазах? Нет!

— А что тут такого? — Ван Рийн начал крутить ворот колодца. — Вот дракхоны — они читают всякие занудные проповеди относительно достоинства трудящегося, трудового героизма. Ну, так уж им нужно, при их образе жизни без тяжелого труда не обойтись. Но, выто что? Почему ланнах не должен упорно трудиться?

— Так не делается, — тошнотворно-благостным голосом объяснил проигравшийся в кости капитан. — Это уравняло бы нас с животными.

Наконец над краем колодца показалось ведро, ван Рийн извлек из него бутылку пива.

— Хорошо, холодненькое... хм-м-м, даже слишком, и как это вы только живете без термостатированных охладителей? — Он открыл бутылку и сделал глоток. — Ничего, сойдет. Так вот, я много поездил по свету и пришел к выводу, что все нравы и обычаи обязательно имеют в своей основе некую вполне разумную причину. Раса может даже и не помнить, зачем установлено то или иное правило, но, если это правило не имеет очень и очень серьезных оснований, оно просто не сохранится в веках. Отсюда следует, что ваше неприятие долгой тяжелой работы — за исключением,

конечно, миграции — имеет какое-то очень серьезное основание. И что у дракхонов такого основания нет. Парадокс!

— Духи злодеев побрали бы тебя со всеми парадоксами вместе, — прорычал Тролвен. — Это ты ведь придумал, чтобы мы мастерили все эти механизмы. Ну и как же нам спустить их теперь на равнину, не деморализовав при этом армию? Нужно было нам сражаться попросту, без всяких затей.

— А, ты снова об этом! — равнодушно пожал плечами ван Рийн. — Так ведь у вас бывают спортивные соревнования, nie?

— Конечно.

— В таком случае объявите, что армия должна взять эти тележки в поход. И что, хотя нет никакой необходимости выступать сию же секунду...

— Так ведь необходимость есть! Иначе все умрут с голоду!

— Мой уважаемый юный друг, — снисходительно улыбнулся ван Рийн. — Совершенно ясно, что политике тебе еще учиться и учиться. Вы, ланнахи, не понимаете, что такое ложь. Потому, возможно, что у вас нет жен. Так, значит, ты скажешь, что можно бы и подождать южного ветра, но только все воины рвутся в бой, и удержать их почти невозможно. Поэтому придумана следующая игра: каждый клан спускает на равнину положенное ему количество тележек, мы засекаем время, и самым быстрым таскальщикам будут выданы небольшие призы.

— Ну чтоб меня разорвало! — восхитился Срайган.

— Такое вполне согласуется с обычаями, — радостно закивал Тролвен.

— У себя на Земле, — объяснил ван Рийн, — мы называем это семантикой. Старый и одышечный, я могу смотреть на все эти футболы-бейсболы и прочие гонянья картофелины носом по полу без всякого предубеждения. И понимаю, что игра — это тяжелая работа, которая выполняется совершенно добровольно.

Слегка рыгнув, он откупорил следующую бутылку и вытащил из сумки полуобгрызенную палку колбасы. Припасы сокращались с катастрофической скоростью.

13

Поднявшийся наконец ветер застал армию на середине спуска с Туманных Гор. Каждую тележку тянула сотня воинов, теперь они побросали свою упряжь и расслабились в ожидании — какую из команд объявят победившей. Время засекалось при помощи песочных часов.

— Не такие уж тут живут простофили, — заметила Сандра.

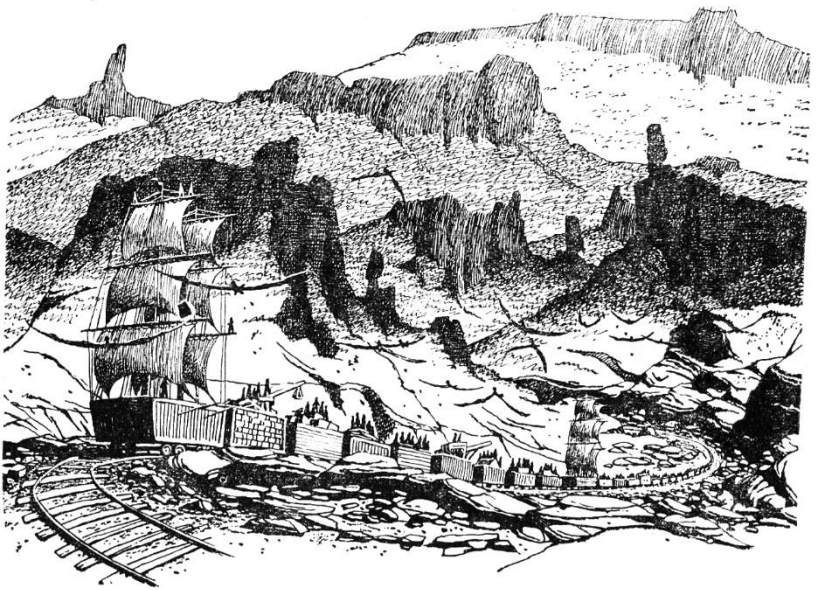
— Ни в коем случае, — согласился Уэйс. — Большинству из них хватило ума и на то, чтобы раскусить хитрый план Старого Ника[36], и на то, чтобы не рыпаться — ведь иного выхода просто не было.

Съежившись под колючим ветром, он с интересом наблюдал за работой ланнахских техников. Три десятка маленьких тележек приводились в движение двумя «локомотивами», расположенными один — в голове, а другой — посередине состава. Локомотивы были и побольше, и покрепче тележек — каждый из них нес по две высокие мачты с прямоугольной оснасткой. Крепкое, как железо, дерево колес и рельсов, масло, постоянно капавшее на оси (шариковые подшипники не были еще здесь изобретены), и ураганная мощь даже небольшого диомедианского ветра — все эти факторы делали конструкцию вполне практичной. Сильно, конечно, не разгонишься, к тому же приходится ждать попутного ветра, но ланнахи и не стремились, собственно, делать все по минутам и секундам.

— Еще не поздно вернуться, миледи, — сказал Уэйс. — Я могу дать вам сопровождающих.

---

[36] Это не только Николас ван Рийн, но и, в переносном смысле, «дьявол»

— Нет. — Сандра положила руку на специально для нее изготовленный лук. Примерно с таким же мощным, двадцатипятикилограммовым орудием смерти охотилась она в родных гермесских лесах. — Мы победим или умрем. Рожденная для трона не имеет права оставаться дома.

— Ну до чего дурной народ, эти аристократы. — Ван Рийн откашлялся и сплюнул. — Отбор шел по мускулатуре и смазливости, а надо бы —: по мозгам. Вот я бы лично побежал домой на полусогнутых, но никуда не денешься, а то эти ребята решат еще, что у меня появились какие-нибудь страхи и сомнения.

— А у вас нет сомнений? скептически спросил Уэйс.

— Я что, похож на дурака? — возмущенно фыркнул ван Рийн. — Есть, и еще какие. — Он развернулся и направился к поезду. Каждому из землян предоставили по отдельному вагону, а в вагоне все-таки лучше, там есть стены, крыша и койка. В узком каньоне дуло, как в аэродинамической трубе, приходилось наваливаться на ветер всей грудью. А в вышине парили и кружились боевые отряды ланнахов.

Сандра пригласила Уэйса в свой вагон.

— Вы уж простите, Эрик, излишнюю драматичность, но нас могут убить, а это так одиноко — умирать, когда никто не держит тебя за руку, — она смущенно рассмеялась. — И во всяком случае, мы можем поболтать.

— Боюсь... — Уэйс почувствовал в горле комок. — ...Боюсь, миледи, что я далеко не так разговорчив, как... как мастер ван Рийн.

— О, — улыбнулась девушка, — именно потому я к вам и обратилась. Я же сказала, мы можем поболтать, а с ним мне оставалось бы только слушать.

Несмотря на такое вступление, в вагоне Сандра — так же, как и Уэйс — по большей части молчала.

В Ланнахе почти наступило Полное Лето, каждые двенадцать с половиной часов солнце чуть-чуть царапало горизонт, однако ночи как таковой не было — в результате без часов, оставшихся на попечении Т'хеонакса, было очень трудно судить, сколько продолжалась поездка.

Время тянулось очень медленно, Уэйс ел, спал, перебрасывался парой слов с Сандрой и Ангреком, исполнявшим обязанности ее сопровождающего, и наблюдал, как горы за окном сменяются холмистой равниной, как мимо проплывают леса, состоящие из низкорослых деревьев с перистыми листьями. Затем, показалось и море.

Иногда поезд останавливался — чаще всего из-за встречного ветра либо из-за перегрева подшипника. Воины проявляли беспокойство — обычно они долетали с гор до побережья за один день, а тут приходилось кружить и кружить над этой еле ползущей по рельсам гусеницей. Как и ожидалось, дракхонские часовые заметили противника еще издалека. К бухте Сагна начали подтягиваться плоты с подкреплениями, небольшие отряды пробовали прочность ланнахских флангов, а поезд все полз и полз.

Отправление из Салменброка и манненахскую битву разделяли восемь диомедианских дней, коротких, но казавшихся невыносимо долгими.

Манненах лежал на берегу бухты Сагна в окружении лесистых холмов. Над мрачноватым комплексом каменных башен, соединенных непременными туннелями и крытыми мостками, стоял резкий, неумолчный скрип полудюжины ветряных мельниц. Пристань этого портового города была на удивление маленькой, и дракхоны активно ее расширяли. Дальше, за пристанью, на неспокойной коричневой воде покачивалось с полсотни вражеских судов.

Не дожидаясь полной остановки поезда, Уэйс выпрыгнул из вагона. Пока что стрелять было некуда — из-за невысокого, поросшего травой хребта виднелись только верхушки самых высоких башен. В городе раздался мощный, даже против ветра различимый грохот крыльев — это живым черным смерчем взмыла армия дракхонов. Однако сразу атаки не последовало — в небе над поездом было темно от ланнахских воинов.

Сердце Уэйса гулко колотилось, рот пересох. Словно в тумане, он увидел рядом с собой Сандру; руководимые Ангреком телохранители окружили людей колючим частоколом копий.

— Вот теперь как-то легче себя чувствуешь, — улыбнулась девушка. — Не нужно сидеть и беспокоиться, что там и как, просто делай все, на что способен, и больше от тебя ничего не требуется, разве нет?

— Конечно, нет! — задыхаясь, выдавил из себя только что подошедший ван Рийн. Всем землянам изготовили довольно-таки плохо сидевшие на них панцири и шлемы из крепкой многослойной кожи, однако торговец надел сразу две таких брони, одну на другую. Пояс его был увешан бессчетными каменными кинжалами, правая рука сжимала томагавк, а левая — щит; еще один щит держали над ним два специально назначенных воина.

— Конечно, нет, если только я сумею выбраться из этого бардака. Вы идите сражайтесь, а я посижу где-нибудь сзади — настолько сзади, насколько поможет мне милость Божья.

— Я часто размышлял, — презрительно улыбнулся Уэйс, кое-как ворочая пересохшим языком, — насколько реже воевали бы цивилизованные племена, вернись они к дикарскому обычаю, когда вождь сражается в первых рядах.

— Чушь! Просто смешно слушать! Войн было бы ровно столько же, только командовали бы войсками офицеры, у которых смелости больше, чем мозгов. Готов поспорить, что самые лучшие стратеги получаются из самых трусливых генералов. Ладно, я буду в своем вагоне. — Ван Рийн пошел прочь, пошатываясь и бормоча что-то под нос.

Баллисты и прочие крупные механизмы пришлось везти по частям, и теперь малоопытные ланнахские артиллеристы пытались собрать неуклюжие эти орудия, а тем временем над их головами вспыхивала схватка за схваткой. Уэйс выругался — вот, наконец нашлось какое-то дело! — и бросился к ближайшей из неловко суетившихся групп.

— Эй, ты! Отодвинься! Что это ты собрался делать? А теперь ты, ты и ты — забирайтесь в вагон и вытаскивайте главную платформу... да что вы там тащите? Вот эту штуку, дуболомы несчастные. — Через некоторое время он даже перестал замечать битву, все сильнее разгоравшуюся вокруг.

Стоявший в Манненахе гарнизон и прибывшие морем подкрепления начали с осторожного прощупывания сил — небольшой отряд завязывал скоротечную схватку и тут же отходил. Ланнахи имели значительное численное преимущество — как правильно рассудил Тролвен, ни один адмирал не решился бы оставить Флот без серьезного прикрытия. Кроме того, моряков озадачивал и даже немного пугал совершенно беспрецедентный боевой строй противника.

Ровно половина ланнахов осталась на земле, прикрываясь огромными — такими огромными, что с ними не поднимешься в воздух, — щитами. Такого прежде никто и никогда не видел.

Прошел час, и боевые действия начали разгораться. Имевшие преимущество в воздухе дракхоны раз за разом прорывались сквозь летучую армаду Тролвена, однако

ланнахи быстро смыкали ряды — в значительной степени благодаря действиям отряда свистунов. А стоявшую на земле пехоту просто не было смысла обстреливать — в этих неуклюжих плетеных щитах застревали все стрелы и дротики, а камни так просто от них отскакивали. Одним словом, бомбежка не достигала цели.

К тому времени как было собрано последнее орудие, вокруг уже густо падали стрелы. Уэйс кивнул свистуну, и тот унесся с сообщением об этом успехе к Тролвену. И сразу от командора, парившего в восходящем воздушном потоке, во все стороны брызнули гонцы, затем на земле развернулись знамена, прогремел боевой клич — пехота получила сигнал к наступлению.

Несмотря на кольцо телохранителей, Уэйс остро ощущал, что находится в авангарде армии. Плотно, до белизны, сжав губы, рядом шла Сандра. А слева и справа колыхались

неровные, ощетинившиеся копьями цепи драконоподобных воинов. Путь к гребню хребта казался невыносимо долгим.

Тем временем дракхонские офицеры начали понимать суть происходящего, с неба раздались потрясенные, обескураженные крики.

Ведь эти мощные наземные силы, неуязвимые с воздуха и не встречающие сопротивления на земле, двигались, таща за собой осадные орудия, к стенам Манненаха. А достигнув стен города, они возьмутся за работу.

В воздухе закипела пурга из непрестанно мелькающих крыльев, томагавков и копий. Дракхоны пикировали, рубили и кололи ланнахскую пехоту — и сами, в свою очередь, подвергались атаке сверху — рассеявшиеся на время воздушные силы Тролвена вновь построились в боевой порядок. А тем временем — хрясть, хрясть, хрясть — тараны вгрызались в стену. Часть пеших отрядов обогнула город и двинулась к пристани.

— Дай ему! Дай ему еще! — Уэйс с недоумением обнаружил, что это кричит он сам.

В хаосе, кружившем над головой, что-то произошло, оттуда грузно рухнуло утыканное стрелами тело, а сразу же следом к земле прорвался дракхонский воин. Воин летел низко и быстро; один из парней Ангрека попытался ударить его мечом, промахнулся и тут же упал с пополам раскроенным черепом.

Не успев еще осознать происходящее, Уэйс увидел перед собой противника, взмахнул каменным топором, почувствовал сильный удар в лицо и покатился по земле. Отплевываясь кровью и благодаря Бога за то, что удар был нанесен крылом, а не томагавком, он вскочил на ноги, выронив в суматохе топор. Успевший развернуться дракхон снова шел в атаку, но вдруг хрипло закричал, схватился за пробитое стрелой горло, упал, беспорядочно взмахивая крыльями, на землю и затих.

— Я же говорила, что не останусь сегодня без дела.

— Я... — Уэйс резко развернулся. Стоявшая неподалеку Сандра вытаскивала из колчана новую стрелу.

— Не отвлекайся, — сказала девушка. — Помоги им прорваться, я тут посторожу. — Ее лицо казалось еще бледнее обычного, а глаза сверкали зеленым огнем.

В помощи нуждались саперы. Надежда на тараны оказалась напрасной, с крепкими каменными стенами города можно было проковыряться до второго пришествия. Теперь команды этих машин присоединились к рытью подкопа — при достаточном количестве деревянных лопат достичь какого-нибудь из городских туннелей дело не очень долгое.

Где-то неподалеку раздался шум, заглушивший звуки кипевшей вокруг работы. Уэйс вскочил на станину тарана и огляделся.

Среди боевых порядков пехоты на землю спустился большой отряд противника. Дракхоны не обучались тактике подобного боя, но ведь и ланнахи получили самую минимальную подготовку. Чистая ярость неожиданной атаки позволила «десанту» добиться некоторого успеха. «С тролвенской небесной точки зрения, — думал Уэйс, — это выглядит как зловещий прорыв ланнахских линий».

И куда, к черту, подевались пулеметы?

Вот наконец катится один на своей тележке. Двое воинов закрутили маховик, третий управлял подачей и прицеливался. Не выдержав сплошного дождя стрел, дракхоны дрогнули и снова взвились в небо; Уэйс обхватил Сандру и изобразил какой-то дикий танец.

Тем временем сражение докатилось уже до городских крыш. Саперы нашли в конце концов один из подземных переходов, и в него хлынула толпа воинов. Оттесняя врагов все выше и выше, с этажа на этаж, а затем — в небо, они захватили одну из башен.

— Ангрек! — крикнул, задыхаясь, Уэйс. — Мне нужно подняться!

Схватившись за сброшенную кем-то веревку, он взлетел наверх, через какие-то секунды рядом оказалась и Сандра.

Стоя на коньке крыши, Уэйс смотрел на расстилающийся за каменными парапетами и ветряными мельницами залив. Захват пристани не вызвал особых трудностей, но здесь войска Тролвена застряли, попав под сплошной дождь огнеметных струй, зажигательных бомб и метаемых катапультами камней. По дальности действия дракхонское оружие, установленное на плотах, заметно превосходило аналогичную технику ланнахов.

— Эрик. — Сандра сильно сощурилась, защищая глаза от резкого ветра, всмотрелась вдаль, отвернулась, чтобы проморгаться, и указала куда-то рукой. — Ты узнаешь этот флаг — на самом большом корабле?

— Хм-м-м... дай подумать... да, узнаю. Не личное ли это знамя старого нашего приятеля Дельпа?

— Вот именно. И я совсем не жалею, что он избежал наказания за спровоцированный нами мятеж. Хотя и предпочла бы сражаться с кем-нибудь другим, так было бы спокойнее.

— Возможно, — согласился Уэйс. — Но сейчас нам предстоит большая работа — выламывать дверь за дверью, освобождать от врагов комнату за комнатой, это здание — только первая зацепка. А вы останетесь здесь.

— Нет!

Взмахом руки Уэйс подозвал Ангрека.

— Выдели миледи сопровождающих, пусть отведут ее к поезду.

— Нет! — закричала Сандра.

— Поздно, — ухмыльнулся Уэйс. — Я договорился об этом еще до отъезда из Салменброка.

Сандра разразилась ругательствами, но тут же смолкла, подалась вперед и тихо, едва слышно за воем ветра и криками воинов прошептала:

— Только вернись живым и невредимым.

Уэйс повел своих воинов в бой.

Все дальнейшее смешалось в памяти. Работа по очистке города оказалась тяжелой и кровавой, в дело шли топор и нож, зубы и кулаки, крылья и хвосты, дрались в узких

туннелях и в похожих на пещеры комнатах. Он бил и получал удары, однажды он на несколько секунд потерял сознание, а в какой-то момент он возглавлял триумфальный прорыв через широкий, просторный зал для собраний. Не имея ни крыльев, ни клыков, ни хвоста, Уэйс был в то же время тяжелее любого диомедианца, удары его редко нуждались в повторении.

Ланнахи захватили Манненах благодаря своей тренировке — слишком малой, чтобы превратить их в хороших наземных бойцов, но вполне достаточной, чтобы дать им общее представление о бое в таких условиях. Сама мысль о подобной бескрылой драке противоречила всем инстинктам диомедианцев, была для них дикой — как человеку показалась бы дикой мысль драться одними зубами, без помощи рук. Не имевшие, в отличие от ланнахов, никакой подготовки, дракхонские воины не выдерживали и бросались в бегство, стремясь вырваться на открытое место, где можно взлететь.

Через несколько долгих часов валящийся от усталости Уэйс кое-как забрался на плоскую крышу очередного здания — уже на противоположном конце города. Там сидел Толк.

— Кажется... — пробормотал, задыхаясь, землянин, — ...мы захватили... уже все.

— И все же этого недостаточно, — с какой-то мрачной отрешенностью сказал Толк. — Взгляни на бухту.

Чтобы не упасть, Уэйсу пришлось схватиться за парапет.

Ни пристани, ни цепочки сараев, тянувшейся прежде по берегу, больше не было, на их месте стояло облако густого черного дыма. Но это не помешало высадке врага — дракхонские плоты выбросились на мель и образовали мост, по которому матросы тащили снятые с опор катапульты и огнеметы.

— Слишком уж хороший у них командир, — горько заметил Толк. — Ведь как он быстро сообразил, что и у нашей новой тактики есть слабые места.

— И что же он... Дельп... хочет сделать? — прошептал Уэйс.

— Посиди здесь и посмотри, — предложил Герольд. — Все равно помочь мы ничем не можем.

Уэйс оторвал взгляд от серо-стальной неспокойной воды залива и посмотрел в хмурое, тяжело нависшее небо. Дракхоны, так и сохранившие свое преимущество в воздухе, явно собирались окружить Тролвена.

— Вражеские летуны не способны толком бороться с нашей пехотой, — объяснил Толк, — но их командир быстро сообразил, что верно и обратное.

Трудно было ожидать, чтобы Тролвен попал в такую ловушку, его отряд отступал — яростно боролся за каждый сантиметр, но все-таки отступал. Вскоре в небе не осталось ничего, кроме серых рваных облаков.

А тем временем высадившиеся на берег моряки разворачивали, под прикрытием непрерывной бомбардировки с плотов, свою артиллерию. Артиллерии этой у них было больше, чем у ланнахов, да и стреляли они лучше. Все попытки пехоты перейти в наступление кончались одинаково — большими потерями и откатом.

— Пулеметов у них, конечно, нет, — заметил Толк, — но и у нас их не так уж много.

— Не стой здесь как пень, — яростно закричал Уэйс только что подошедшему Ангреку. — Пошли вниз, ты соберешь своих, захватим эти штуки — ведь можно же, можно это сделать!

— Да, — устало кивнул Толк. — Теоретически. Я вполне могу себе представить, как воины подползают, пользуясь для укрытия малейшими неровностями местности, к катапультам и огнеметам, а затем попросту рубят стрелков томагавками. Но это, повторяю, теория. А на практике — нам не хватит умения.

— Так что же ты собираешься делать? — не то прорычал, не то простонал Уэйс.

— Рассмотрим сперва то, что случится обязательно, — сказал Толк. — Поездов мы лишились — их либо захватят, либо сожгут. Вместе с поездами пропали и все наши припасы. Армия расколота пополам — воздушный отряд отступил, а мы остались здесь. У дракхонов большое преимущество в воздухе, так что Тролвену к нам не пробиться. Пехота, захватившая Манненах, значительно превосходит по численности сухопутный отряд противника, но и от этого мало радости — мы ничего не можем сделать с их артиллерией.

Если мы хотим сражаться и дальше, придется отбросить эти большие щиты и прочие новые штучки, вернуться к обычной воздушной тактике. Но и тут ничего не получится — для ведения обычного боя нужно обычное оружие, а где его взять в достаточном количестве? Да и лучников у нас мало. Войскам Дельпа только и остается, что сидеть на своих плотах, под прикрытием огненного оружия, и ждать, а мы здесь полностью отрезаны, лишены снабжения оружием и продовольствием. Все военные припасы, изготовленные твоей мастерской, остались в Салменброке, лежат без всякой пользы. А эта эскадра наверняка получит подкрепление от остального Флота.

— Ну и черт с ним, — крикнул Уэйс. — Город-то мы захватили, верно? И можем продержаться в нем, пока они не сдохнут.

— А что мы будем есть, пока они подыхают? — поинтересовался Толк. — Ты, землянин, хороший ремесленник, но в войне ты ничего не понимаешь. Нужно смотреть фактам в глаза, Дельп сумел расколоть наши силы и тем самым победил. Для уменьшения потерь нужно отступить — и как можно скорее, пока мы способны хотя бы на это.

И тут в Толке словно что-то сломалось, он сгорбился и прикрыл глаза крыльями. А ведь Герольд — почти уже старик, с удивлением подумал Уэйс.

14

Ликующие песни оглашали бухту, раскатывались по ее берегам, корабли кипели весельем. Танцующие взлетали и снова опускались, шагали вперед и отступали; жалобно скрипела палуба, сотрясаемая десятками ног и хвостов. Засевший на вершине мачты волынщик выводил мелодию, огромный барабан надсмотрщика задавал сегодня ритм не работе веслами, а танцу. В кругу крылатых тел, лоснящегося потом меха и сверкающих глаз матрос крутил свою партнершу; десятки глоток дружно ревели песню:

...В мере счастливое, в море пивное
Я сегодня ухожу, кто еще со мною?

— Через шестьдесят десятидневок Флот получит большое пополнение, — засмеялся стоявший на юте Дельп.

— Мне хотелось бы... — Родонис крепко сжала его руку и смолкла.

— Да?

— Иногда... ладно, пустяки это все... — Танцевавшие взмыли над палубой и улетели, их место сразу же заняла другая пара; толстые брусья задрожали и прогнулись под тяжестью очередной бочки пива — команда праздновала победу. — Иногда мне хочется, чтобы и мы были такими, как они.

— И жили на полубаке? — иронически поинтересовался Дельп.

— Ну... конечно же, нет.

— Квартира и слуги, яркая одежда и свободное время — ничто из этого не дается бесплатно. Вот сегодня, — глаза Дельпа потускнели, — мне придется снова платить.

Он слегка потрепал ее хвостом по спине, а затем взмахнул крыльями и поднялся в воздух, сопровождаемый десятком вооруженных моряков и взглядом Родонис.

На сгрудившихся под стенами Манненаха плотах царил полный развал; желание поскорее отметить с таким трудом

одержанную победу не дало времени прибрать следы недавнего сражения. На страже остались одни профессиональные воины — если противник осмелится на атаку, все остальные матросы также не заставят себя долго ждать. На полубаке ходила хвастливая шутка, что самый занюханный из моряков Флота, даже в пьяном виде и с бабой на коленях, уложит троих трезвых чужаков одной левой.

Спору нет, для поднятия боевого духа воинов подобное бахвальство весьма полезно, думал Дельп, мерно взмахивая крыльями над спокойным сегодня морем, в котором отражалось такое же спокойное, безоблачное небо. Только как соотнести его с тем крайне неприятным обстоятельством, что в действительности ланнахи дрались, как настоящие черти? На этот раз Флот победил...

Навстречу двигалась флотилия; с украшенной цветами мачты одного из каноэ свисал адмиральский штандарт. Т'хеонакс внял настоятельной просьбе Дельпа, иначе молодому капитану, пришлось бы лететь с докладом, на флагман. Как знать, может быть, новоиспеченный адмирал и вправду готов забыть о прежней ненависти. (Родонис не рассказала мужу, что конкретно произошло в ночь, когда умирал Сайранакс, — добровольно наследник амнистию не подписал бы, тут уж никаких сомнений.) Так чп). скорее уж Т'хеонакс хочет лично присмотреть за не вызывающим доверия капитаном, который неожиданно все спутал, превратив презрительно порученную ему мелкую операцию по сдерживанию в триумфальную победу. История знала случаи, когда такие вот удачливые и популярные командиры поднимали знамя мятежа и пытались захватить адмиральский престол.

Не испытывая ни малейшего уважения к самому Т'хеонаксу, монархические традиции Дельп воспринимал с крайним благоговением, а потому подозрения такие вызывали у него едкую горечь.

Как и положено по протоколу, он опустился на бушприт и начал ждать, когда же рожок протрубит «добро

пожаловать». С подачей сигнала тянули дольше обычного; проглотив свою ярость, Дельп перелетел на палубу и распростерся перед адмиралом.

— Встань, — безразлично бросил Т'хеонакс. — Поздравляю с успехом. Так что, ты хотел-со мной посоветоваться? — он прикрыл рот ладонью и широко зевнул. — Пожалуйста, советуйся.

— Если адмирал не возражает, я хотел бы поговорить конфиденциально, в присутствии наиболее доверенных советников адмирала. — Дельп оглянулся на толпившихся вокруг офицеров, воинов и моряков.

— О? Так ты считаешь свое сообщение настолько важным? Т'хеонакс толкнул локтем стоявшего рядом с ним молодого аристократа и подмигнул.

Дельп раскинул крылья, затем вспомнил, где находится, и коротко кивнул; закаменевшая шея болью отозвалась на движение.

_ — Да, сэр, я так считаю.

— Прекрасно. — Т'хеонакс неторопливо направился в свою каюту.

Кроме них двоих в просторное, достаточное для четверых, помещение вошел только молодой придворный, который сразу же лег и скучающе закрыл глаза.

— Разве адмиралу не нужны советники? — спросил Дельп.

— А я уж было подумал, — улыбнулся Т'хеонакс, — что это ты, капитан, намерен что-то мне посоветовать.

Дельп досчитал про себя до двадцати, с трудом разжал зубы и сказал:

— Как пожелает адмирал. Я много размышлял над основами нашей стратегии, недавняя битва очень меня тревожит...

— Вот уж никак не ожидал, что ты испугаешься.

— Адмирал! Я... ладно. Послушайте, сэр, ведь враг чуть нас не разгромил. Город они захватили. Мы отбили у них оружие, не уступающее нашему и даже его превосходящее,

включая несколько устройств, о которых я прежде даже не слыхал. И количество его просто невероятно, если учитывать, как мало времени было у них на подготовку. А главное — эта проклятая новая тактика, ведь они сражались на поверхности не случайно, не так, как мы, когда берем чужой корабль на абордаж. Наземный бой как раз и составлял основную часть их плана.

Совершенно очевидно, что проиграли они исключительно из-за слабого взаимодействия между воздушными и наземными силами, да еще из-за недостаточной гибкости. Им нужно было быть готовыми в любой момент отбросить свои щиты и полностью экипированными отрядами подняться в воздух.

И ланнахи наверняка исправят свои ошибки, если мы дадим им такую возможность.

— Не люблю паникеров, — Т'хеонакс, полировавший все это время свои ногти, начал критически их изучать.

— Я просто боюсь их недооценить. Совершенно ясно, что все новые идеи пришли от земхонов. А что еще знают и умеют земхоны?

— Хм-м-м. Да. — Т'хеонакс поднял голову, в его сонно-безразличных глазах мелькнуло что-то, похожее на тревогу. — Верно. И что же ты предлагаешь?

— Сейчас враги дрогнули, — быстро, с воодушевлением заговорил Дельп. — Неудача лишила их боевого духа. Кроме того, они потеряли почти все тяжелое вооружение. Вполне возможно, что для завершения войны будет достаточно одного хорошего удара. Нужно нанести решительное поражение всей их армии сразу. Тогда ланнахам придется капитулировать и оставить эту страну нам — либо придет их Время Рождения, и все они вымрут, как насекомые.

— Да. — По лицу Т'хеонакса расплылась довольная улыбка. — Как грязные, вонючие жуки. Знаешь, капитан, а мы не позволим им эмигрировать.

— Но они заслужили такую возможность, — горячо возразил Дельп.

— Это — важный политический вопрос, и один я вправе его решать, капитан.

— И-и... извините, сэр. Но в таком случае, — добавил Дельп после секундного молчания, — не отправит ли адмирал основную массу наших сил — под командованием какого-либо надежного офицера — на поиски ланнахов?

— А ты не знаешь, где они сейчас?

— Они могут находиться буквально в любом районе высокогорья. У нас, конечно, есть пленные, из них можно выжать какую-то информацию, их можно даже сделать проводниками. Согласно разведданным, штаб-квартира врага расположена в месте, именуемом Псалменброкс. Но, они могли укрыться, где угодно. — Дельпа слегка передернуло. Крутые суровые склоны гор наводили на него, привыкшего к ровной линии морского горизонта, к маленьким уютным островкам, невыразимый ужас. — Здесь же буквально бесконечное количество укрытий. Операция не обещает быть легкой.

— Ну и каким же, по твоему мнению, образом должна она проводиться? — раздраженно поинтересовался Т'хеонакс. — Не так-то это приятно, когда после победных торжеств и хорошего обеда тебе напоминают, что впереди еще много крови и пота.

— Главное, сэр, это вынудить их к решительному лобовому сражению. Я хочу взять большую часть нашей армии и при помощи местных проводников — уж как-нибудь мы их заставим — двигаться от города к городу, систематически уничтожая все по пути. Мы будем выжигать все леса, убивать всю дичь — и тогда ланнахи не смогут охотиться, не смогут прокормить своих женщин и детей. Рано или поздно — а скорее всего именно рано — они соберут свои силы и попытаются дать нам отпор. И вот тогда я их уничтожу.

— Понятно, — кивнул Т'хеонакс. — А что, — добавил он, ухмыльнувшись, — если это они уничтожат тебя?

— Они не смогут.

— В Писании сказано: «Верховная Звезда сверкает для всех народов».

— Как известно адмиралу, не бывает войны без риска. Но я уверен, что топтаться на месте и ждать, когда земхоны замыслят еще какую-нибудь чертовщину, — риск несравненно больший, чем тот, который сопряжен с моим планом.

— А-га! — Т'хеонакс больно ткнул Дельпа пальцем в грудь. — Ты, похоже, забыл, что у этих чудовищ скоро кончится пища. Поэтому их можно не принимать в расчет.

— А я вот не знаю...

— Молчать! — взвизгнул Т'хеонакс.

В каюте воцарилась зловещая тишина.

— И еще одна вещь, о которой не следует забывать, — с прежним спокойствием продолжал Т'хеонакс. — Непомерные размеры задуманного тобой экспедиционного корпуса оставят Флот почти без защиты. А без Флота, без плотов и каноэ, нам конец.

— Сэр, — горячо начал Дельп, — вам совсем не нужно бояться их нападения...

— Бояться?! — от возмущения вся шерсть на теле Т'хеонакса встала дыбом. — А известно ли тебе, капитан, что малейший намек на то, что адмирал не вполне компетентен, является государственным преступлением?

— Я ни в коем случае не хотел...

— Я не стану выдвигать обвинений, — снисходительно прервал его Т'хеонакс. — Однако ты либо совершишь ритуал полного унижения, либо незамедлительно избавишь меня от своего присутствия.

Дельп медленно поднялся, его губы мелко задрожали и раздвинулись, обнажив мощные белые клыки. Кровь хищных пращуров приказывала ему разорвать этому наглецу глотку. Т'хеонакс съежился, готовый завопить: «На помощь!»

Но затем капитан совладел с собой и начал поворачиваться к двери. И застыл — с крыльями, налившимися кровью, с до боли сжатыми кулаками.

— Ну так что? — улыбнулся Т'хеонакс.

Неловко, толчками, словно испорченная механическая игрушка, Дельп опустился на четвереньки, а затем распластался у ног адмирала.

— Я унижаюсь, — пробормотал он. — Я готов есть ваши экскременты. Я провозглашаю, что мои предки были рабами ваших предков. Я задыхаюсь, как рыба, сетью вытащенная из воды, и молю о прощении.

Т'хеонакс наслаждался. Особенно приятно было сознание, как ловко удалось поймать этого выскочку в ловушку, заставить его разрываться между гордостью и желанием служить Флоту.

— Прекрасно, капитан, — благосклонно кивнул он по завершении ритуала. — Скажи еще спасибо, что не было зрителей. А теперь послушаем твои доводы. Насколько я понимаю, ты говорил о защите наших плотов.

— Да... да, сэр. Я говорил... говорил, что плотам не нужно бояться врага.

— Ты так думаешь? Да, они стоят довольно далеко от берега, но что такое несколько часов полета? Что помешает Стае собрать свою армию в горах, втайне от тебя, и атаковать их? Ведь ты не успеешь прийти на помощь.

— Об этом можно только мечтать, сэр. — К Дельпу возвращался энтузиазм. — Жаль, что их командиры совсем не так глупы. С каких это пор... то есть я хотел сказать... В морской истории, сэр, еще не было случая, чтобы воздушная армия, лишенная какой-либо поддержки с воды, победила Флот. В самом крайнем случае — и ценой тяжелых потерь — они сумеют захватить один-два плота, да и то временно, как при том налете, когда были похищены земхоны. А затем подойдут другие корабли, и противнику придется бежать. Дело в том, сэр, что воздушные силы не могут использовать тяжелое оружие — катапульты, огнеметы и все такое, а без этой техники с Флотом не справиться. Корабельные команды будут стоять себе в укрытиях и стрелять вверх, сшибая летунов одного за другим.

— Само собой, — кивнул Т'хеонакс. — Все это настолько очевидно, что мне даже жаль тратить время на выслушивание подобных банальностей. Так, значит, твоя идея, насколько я ее понял, состоит в том, что для отражения любого нападения ланнахов вполне достаточно небольшой охраны.

— И не только для отражения. При благоприятных обстоятельствах враг увязнет в такой операции надолго, а тем временем подтянутся основные наши силы. Однако, сэр, как я уже говорил, у ланнахских командиров достаточно мозгов, чтобы не лезть на верную смерть.

— Тебе, капитан, очень многое кажется само собой разумеющимся, — покачал головой Т'хеонакс. — Ты уверен не только в том, что я соглашусь на операцию в горах, но и в том, что я позволю тебе ее возглавить.

— Извините, сэр. — Дельп опустил голову и бессильно свесил крылья.

— А вот я думаю... да, я думаю, что лучше тебе остаться здесь, под Манненахом, при своей флотилии.

— Как будет угодно адмиралу. Но вы подумаете о моем плане?

— Аэк'ха бы тебя драл! — рявкнул Т'хеонакс. — Ты, Дельп, не вызываешь у меня особой любви и сам прекрасно это знаешь. Но, с другой стороны, план твой хорош, и лучше тебя никто с ним не справится. Так что принимай руководство этой операцией.

Дельп стоял как громом пораженный.

— Убирайся отсюда, — сказал Т'хеонакс. — Рабочее совещание проведем позднее.

— Я благодарен моему повелителю адмиралу...

— Я сказал — убирайся! И не надо так хмуриться, — повернулся Т'хеонакс к своему фавориту, когда за Дельпом закрылась дверь. — Знаю я, о чем ты думаешь. Этот малый выиграет войну, станет еще популярнее, а там глядишь — и появится у него мысль захватить правление.

— Я только подумал: а каким образом намерен мой повелитель предотвратить такое развитие событий, — опустил глаза придворный.

— Проще простого, — ухмыльнулся Т'хеонакс. — Знаю я эту породу. Пока продолжается война, мятежа не будет. Так что пускай он разделает ланнахов по собственному разумению. Затем, чтобы закрепить победу, он займется преследованием остатков разбитой армии. Ну а во время этого преследования — случайная стрела, прилетевшая невесть откуда, крайне прискорбный инцидент, все плачут. Такие штуки организуются очень легко.

15

Атмосфера Диомеды заносит частицы пыли, являющиеся центрами конденсации, в более высокие и, следовательно, более холодные слои воздуха, чем атмосфера земная. Поэтому и облаков, и осадков любого рода здесь тоже больше. Звезды — наиболее яркие из них — видны только в ясные ночи, то есть почти никогда.

Поднявшийся из предгорий туман заполнил ущелье, превратил недавно наступившее Полное Лето во влажную стылую мглу. Вот и солнце от нас отвернулось, роптали подавленные голодом и безнадежностью воины.

В окрестностях Салменброка не дымил ни один костер — все, что могло гореть, давно уже сгорело. Здесь не осталось ни дичи, ни зерна, ни гусениц и насекомых — армия подобрала все подчистую. Стих даже ветер; и только звон стекающих по камням ручьев и низкое, мрачное бормотание, доносившееся из чрева горы Оборх, оживляли зловещий, промозглый мрак.

Покинув собрание охваченных отчаянием вождей, Тролвен и Толк направились к старой мельнице, где работали земляне.

Мастерская была, похоже, последним местом, где продолжалась жизнь: костры горели, запасенная вода вращала

мельничные колеса, в неверном свете свечей двигались фигуры рабочих, деловито скрипели станки, бухали молоты. Проявив невероятную настойчивость, Николас ван Рийн сумел в одиночку перекричать все возражения бригады Ангрека, и мастерская возобновила работу.

Ну и зачем они стараются? Мысли Тролвена были такими же серыми и мрачными, как туман, окутавший поселок.

Ван Рийн встретил гостей сам.

— Как там у вас? — спросил он, скрестив руки на волосатой груди. — У нас тут все на мази, скоро наделаем артиллерии больше прежнего.

— А какой толк? — горько спросил Тролвен. — Конечно же, мы можем сделать Салменброк практически неприступным. Иными словами, мы можем здесь засесть, после чего враги возьмут нас в кольцо и заморят голодом.

— Не говори при мне о голоде. — Покопавшись в сумке, ван Рийн выудил сухой огрызок сыра и скорбно его оглядел. Подумать только, что совсем недавно это был прекрасный швейцарский. А теперь что? Крыса, и та бы побрезговала. — Он засунул остаток прежней роскоши в рот и начал перемалывать его челюстями. — Набивание брюха — проблема серьезная, и у меня она стоит острее, чем у вас. Imprimus, высокая точка кипения воды не позволяет здесь ничего толком приготовить — ведь как уследишь за температурой? Secundus, для чего, спрашивается, ваши носильщики притащили меня сюда из Манненаха? Чтобы я подох здесь с голоду?

— Я уже начинаю жалеть, что мы тебя не оставили! — вспыхнул Тролвен.

— Не надо так, — вмешался Толк. — Он и его друзья много работают.

— Извините, — сокрушенно опустил голову Тролвен. — Это просто... я только что узнал... дракхоны уничтожили Эльсдрай.

— Покинутый город, nie!

— Священный город. А затем они подожгли окружающие его леса. Так больше нельзя! — Тролвен выгнул спину. — Еще немного, и эта земля не сможет нас прокормить, если даже мы каким-нибудь чудом победим.

— А мне кажется, — заметил ван Рийн, — что вы переживаете потерю еще одного-другого леса. Не такой уж ваш остров и перенаселенный.

— Послушай, — резко сказал Тролвен, — все это время я тебя поддерживал. В основном ты прав: бросать все наши силы в решительную битву — значит подвергаться риску полного уничтожения. Но сидеть, ограничиваясь мелкими налетами на их охранение, и смотреть, как наш народ стирают в порошок, — это еще более верный путь в пропасть.

— Нам необходимо время, — терпеливо объяснил ван Рийн. — Время, чтобы модифицировать метательные машины, и чтобы восполнить потерянное в Манненахе.

— Зачем? Без поезда эти штуки с места не сдвинешь. А для полной нашей радости проклятый Дельп приказал уничтожить все рельсы!

— Вот тут-то ты и ошибаешься. Теперь артиллерия другая, ее можно переносить. Мой юный друг Уэйс кое-что в ней переделал. При необходимости, если собрать на помощь женщин и подростков, чтобы каждый нес одну-две небольшие детали, мы можем перетащить весьма солидную батарею.

— Это я знаю, ты мне уже объяснял. Но я снова тебя спрашиваю, в кого будем мы стрелять из этого оружия? Ну хорошо, Установлена батарея на новой позиции, так дракхонам только и нужно будет, что ее обходить. А мы нигде не сможем задержаться Задолго — такое количество ртов за несколько дней начисто обглодает любую местность. — Тролвен перевел дыхание.

Но я пришел с заседания Совета Старейшин Ланнаха, чтобы сообщить тебе, что пища подошла к концу — как и терпение армии. Мы должны сражаться.

— Должны — значит, будем, — невозмутимо ответствовал ван Рийн. — Пошли, я поговорю с этими вашими нетерпеливыми советниками.

Он сунул голову в дверь мастерской:

— Уэйс, голуба, начинай-ка ты паковать, что уже наготовили. Скоро мы все это потащим.

— Слышал, — отозвался голос изнутри.

— Отлично. Ты тут работай, а я пойду заниматься политикой, вот все и будет путем, nie! — Ван Рийн потер волосатые руки, широко улыбнулся и поковылял следом за ланнахскими вождями.

— Вот-вот, — Уэйс смотрел вслед растворившемуся в тумане торговцу. — Так оно всегда и делается. Мы работаем, а он болтает. Равенство и братство.

— Что ты хочешь сказать? — подняла голову Сандра. Она сидела за столом и маркировала краской части метательных машин. Рядом с ней сидело еще десятка два женщин, занятых той же работой.

— То, что сказал. Зря только я не сказал ему это прямо в глаза. Я не боюсь этого жирного паразита, и деньги его дерьмовые мне больше не нужны, пусть засунет их... куда хочет. Только и знает, что командует: сделай то, да сделай се, а сам делает ручкой, и только его и видели. И жрет в три горла пищу, которая могла бы сохранить твою жизнь...

— Ты что, ничего не понимаешь? — Несколько мгновений Сандра молча изучала лицо Уэйса. — Нет. За всеми этими делами у тебя, видимо, просто не было времени, чтобы посидеть и подумать. А прежде ты всегда был мелким служащим, никогда не соприкасался с искусством правления.

— Что ты хочешь сказать? — ненамеренно собезьянничал Уэйс. На Сандру смотрели глаза, поблекшие от неимоверной усталости.

— Когда-нибудь потом, сейчас нет времени. Мы же скоро отсюда двинемся, нужно все подготовить.

Через десять — пятнадцать дней после Манненаха нашлась наконец работа и для Сандры. Ван Рийн

потребовал, чтобы все оружие, которое — как теперь оказалось, к счастью — в прошлый раз не удалось захватить с собой, было приспособлено к транспортировке по воздуху. Уэйс сумел заменить каждую крупную деталь несколькими меньшими, однако теперь без удобной системы маркировки сборка машин превратилась бы в полный хаос. Сандра придумала такую маркировку, и сама же теперь ее наносила.

И у нее, и у Уэйса почти не оставалось времени даже на сон, тем более чтобы задуматься, для чего, собственно, вся эта работа.

— Старый Ник что-то там плел насчет атаки на Флот, — пробормотал Уэйс. — У него что, крыша едет? Опустимся мы, значит, прямо на воду и начнем собирать свои катапульты?

— Возможно. — Голос Сандры звучал совершенно серьезно. — Я, собственно, ни о чем уже не беспокоюсь. Скоро все решится, ведь еды у нас осталось хорошо, если на четыре земных недели.

— Еще месяца два можно продержаться совсем без еды, — напомнил Уэйс.

— Да, но мы совсем ослабеем. Эрик... — Сандра опустила глаза.

— Да? — Уэйс остановил циркульную пилу и подошел к девушке. На ее голове алмазами вспыхивали капли росы.

— Скоро... я не буду иметь значения... будет тяжелая работа, требующая сил и умения, которых у меня нет... возможно, сражения, в которых я — всего лишь стрелок из лука, да и то не слишком сильный. — Концы пальцев, сжимавшие кисточку, заметно побелели. — Когда дойдет до этого, я перестану есть. Я отдаю свою долю тебе и Николасу.

— Не будь дурой. — Голос Уэйса срывался.

Вздрогнув, как от удара, Сандра выпрямилась и повернулась, к мертвенно-бледным щекам прилила кровь.

— Это вы, Эрик Уэйс, не будьте дураком, — яростно бросила она, глядя ему прямо в глаза. — Давая вам и ему хотя бы еще одну лишнюю неделю, в течение которой вы сохраните силы и способность ясно мыслить, я, вполне возможно,

спасу и свою жизнь. Ну а если нет — что я теряю? Одну или две безрадостные недели. Иди работай.

Несколько секунд Уэйс смотрел на нее не двигаясь, а затем кивнул, вернулся на свое место и снова запустил пилу.

А тем временем ван Рийн монотонно ругался, пробираясь по узкой тропинке к месту, выбранному Советом для своих заеданий — открытой площадке на самом краю обрыва.

Заседанием это можно было назвать только в переносном смысле, старейшины Ланнаха поджидали его, лежа на жесткой траве; их фигуры, вырисовывавшиеся на сером, унылом фоне неба, удивительно напоминали сфинксов. Тролвен занял свое место, Толк остался рядом с торговцем.

— Во имя Мирового Разума, наша встреча начинается, — Ритуально начал командор. — Да будут наши мысли озарены солнцем и лунами. Да направляют нас духи наших прамaтерей.

И да не опозорю я ни тех, кто летел прежде меня, ни тех, кто будет лететь позже. — Покончив с обязательной формулой Тролвен вздохнул с облегчением. — Так что же, вожди, продолжил он, — значит, мы решили, что не можем больше здесь оставаться. Я привел землянина, в надежде получить совет. Вы бы не могли рассказать ему, между чем и чем приходится выбирать?

— Во-первых, Вожак, почему он вообще оказался здесь? — буквально выплюнул старый, с худым лицом и горящими злобой глазами ланнах.

— По приглашению командора, — невозмутимо объяснил Толк.

— Я хотел спросить... И не нужно, Герольд, передергивать, ты прекрасно понимаешь, что я имел в виду. Это он подбил нас на манненахский поход. А какой результат? Самое страшное поражение во всей нашей истории. Далее, он настоял, чтобы наши главные силы сидели здесь и безучастно наблюдали, как враг опустошает оставшуюся без защиты страну. Так что я не понимаю, почему мы должны снова выслушивать его советы. — В глазах Тролвена

мелькнула тревога. — Есть ли еще желающие бросить вызов? — негромко спросил он.

— Да, да, — послышалось со всех сторон, — пусть ответит, если может.

Ван Рийн покраснел (как рак) и начал раздуваться (как лягушка).

— На собрании Совета землянину брошен вызов, — сказал Тролвен. — Хочет ли землянин отвечать?

Все ждали.

И тут ван Рийн взорвался:

— Сорок тысяч драных кошек в глотку! Ну откуда на мою голову взялись все эти неблагодарные придурки? Всемилостивейший Боже, ну на кой хрен развел ты в этом мире дуболомов в погонах и политиканов? — Он яростно потряс над головой кулаками, набрал побольше воздуха и заорал еще громче: — В традесканцию моей бабушки! Это же просто возмутительно! Если всех здесь присутствующих обуяла мания самоубийства, ну чего ради должен старый и больной ван Рийн их удерживать? Perbacco, или вы прекратите меня оскорблять, или я забью вас в ваши же собственные глотки! — Рычащей горой он двинулся на Совет; лежавшие в первом ряду старейшины испуганно подались назад.

— Землянин... сэр... вождь... пожалуйста! — прошептал Тролвен.

Решив, что довел уже эту публику до нужной кондиции, ван Рийн резко сбавил тон.

— Ну лады, — сказал он холодно. — Я вам отвечу, отвечу все как есть. Я даю вам отличные советы, вы умудряетесь все своей глупостью испоганить, а потом я же и виноват. А я — несчастный терпеливый старик, совсем не похожий на того здоровенного молодого хулигана, каким был когда-то, у меня явный избыток христианского смирения, вот я и продолжаю — несмотря ни на что — давать вам советы.

Ну предупреждал же я вас оставить Манненах в покое, тысячу раз предупреждал. Говорил, что плоты — главная сила Флота — могут подойти прямо к его стенам.

Несчастный больной старик прямо на коленях перед вами ползал, умолял захватить сперва ключевые города в глубине равнины — так нет, вы его не слушали. И все-таки мы взяли Манненах, но упустили победу по чистой глупости. Вот имей я крылья, как у ангела, чтобы лично вести вас в бой! Да я бы сейчас кукарекал на клотике адмиральской грот-мачты, клянусь кузнечиками святого Антония! Поэтому теперь вы будете слушаться моих советов — нет, кой хрен, вы будете подчиняться моим приказам! И чтобы никакого отбрехивания, иначе я умываю руки и отправляюсь домой. С этого самого момента — если, конечно, вы не намерены сдохнуть, — когда ван Рийн говорит «встань» — встань, а когда говорит «ляжь» — ляжь. Понятно?

Ван Рийн замолчал. Теперь он слышал только астматические хрипы в собственных легких, недовольный ропот, доносящийся со стороны лагеря, да холодный звон чужих ручьев, сбегающих по чужим камням.

— Если... — неуверенно начал Тролвен, — ...если бросавшие вызов считают ответ удовлетворительным, можно вернуться к делу.

Никто не произнес ни слова.

— Может быть, скажет землянин? — нарушил Толк затянувшееся молчание. К Герольду — единственному из собравшихся — полностью вернулось самообладание, и теперь он напоминал завзятого театрала, наслаждающегося отличной актерской игрой.

— Ja, скажу, еще как скажу. Я отлично понимаю, что больше оставаться здесь нельзя. Вот вы спрашиваете, почему я держал армию на поводке и позволял капитану Дельпу делать все, что ему заблагорассудится. Imprimus, — ван Рийн начал загибать пальцы, — потому, что он только и мечтает о крупном сражении, в котором нас скорее всего разнесут в капусту — Дракхонов больше, к тому же они воодушевлены недавней победой, да и просто хорошо питаются. Secundus, сюда он пока не долезет, его воины непривычны к горам и боятся попасть в засаду. Поэтому, сидя

спокойно и не высовываясь, мы получим возможность изготовить метательные машины. Tertius, у меня есть надежда, что за время этой задержки, пока я занимался мастерской, появилось средство одержать победу.

— Что? — совершенно забыв о формальностях, рявкнул один из старейшин.

— А! — Ван Рийн приложил палец к своему внушительному носу и заговорщицки подмигнул. — Об этом мы поговорим позднее. Вполне возможно, вы считаете меня жалким обессиленным стариком, которого нужно уложить в кроватку со стаканом горячего грога и хорошей сигарой, но я покажу вам, что такое коммерсант из Торгово-технической. Так вот, я предлагаю сняться отсюда и двинуть на север.

Он замолк, терпеливо ожидая, когда затихнет поднявшийся гвалт.

— Порядок! — во весь голос крикнул Тролвен. — Порядок! — он громко хлопнул по земле хвостом. — Успокойся, вождь!.. Послушай, землянин. Действительно, кое-кто предлагает полностью оставить Ланнах, и день ото дня такие разговоры звучат все чаще и чаще — ведь наш народ теряет последние остатки надежды. Подходит Время Рождения, но мы еще можем поспеть в Трясины Килну и спасти таким образом большую часть женщин вместе с их потомством. Но это значило бы бросить наши города, наши леса и луга — все, что у нас есть. Бросить все, что трудом своим создавали десятки поколений наших предков, и превратиться в дикарей, прозябающих в мрачных, грозящих болезнями джунглях, превратиться в ничто. Лично я гораздо охотнее погибну в битве.

— Но в Килну, — продолжил он, переведя дыхание, — хотя бы тепло. А на севере Ахана сейчас еще лед не стаял.

— Вот именно, — невозмутимо согласился ван Рийн.

— Ты что, хочешь, чтобы мы погибли от голода и холода в ледниках Дорнаха? Южнее Дорнаха нам места нет — в любой точке Холменаха нас сразу обнаружат разведчики

Флота. Хотя, может быть, ты решил дать последнюю битву на этих островах, тогда...

— Нет, — мотнул головой ван Рийн. — Мы проскользнем в этот самый Дорнах. Ведь кроме оружия мы же можем прихватить и еду — провиант на... ну, скажем, десять дней, nie?

— Ну... ну да... но даже и в таком случае... Ты что, предлагаешь атаковать главные силы Флота с севера? Направление неожиданное, но надежды это нам не прибавит.

— Для моего плана очень существенна неожиданность, объяснил ван Рийн. — Ja. Воинам мы ничего не скажем, а то вдруг один из них попадет в плен, и дракхоны все из него вытрясут. А лучше, пожалуй, ничего и вам не говорить.

— Хватит шуточек, — оборвал его Тролвен. — Выкладывай свой план.

— Ничего не получится, — сказал он через некоторое время. — Технически — да, вполне допускаю, но политически...

— Опять политика, — простонал ван Рийн. — Что еще там такое?

— Воины... да и женщины, и даже дети — раз в Дорнах отправляется весь народ целиком. Необходимо все им объяснить — а ведь ты сам говоришь, что твой план может провалиться, если хотя бы один воин попадет в плен и проговорится под пыткой.

— А зачем им знать? — удивился ван Рийн. — Мы скажем только, что нужно подсобрать пищи и дров. А потом собираемся и летим, и никто ничего заранее не знает.

— Мы не дракхоны, — возмутился Тролвен. — Мы — свободный народ. Я не могу решать такой важный вопрос без голосования.

— Хм-м-м... а может, уговоришь их как-нибудь, — подергал себя за усы ван Рийн. — Произнеси речь. Убеди их отказаться на этот — единственный — раз от своего права знать и решать. Попроси их следовать за тобой, не задавая вопросов.

— Нет — решительно отрезал Толк. — Я хорошо знаком с искусством убеждения и знаю его пределы. У нас сейчас уже не Стая, а скорее толпа — голодная, продрогшая от холода, утратившая надежду, переставшая верить вождям, готовая оставить все врагу или слепо броситься в заранее проигранную битву. У них просто не хватит духа и выдержки, чтобы пойти за кем бы то ни было в совершенно непонятное им предприятие.

— Боевой дух можно и поднять, — сказал ван Рийн. — Займусь-ка я этим сам.

— Ты?

— А что, я ведь не такой уж и плохой оратор, особенно когда припечет. Устрой мне выступление перед народом.

— Да они..., да они... — Толк замолчал и ошарашенно уставился на торговца. А затем саркастически расхохотался. — Соглашайся, Вождь Стаи. И мы тоже послушаем, какие такие слова найдет этот землянин, что они окажутся убедительнее наших.

Часом спустя он сидел на обрыве, глядел на неясную массу собравшейся внизу толпы и слушал громом раскатывавшийся бас.

— ...и я скажу одно — подумайте, чем вы здесь обладаете, что хотят у вас отнять.

Подумать лишь, что царственный сей остров
Страна величия, обитель Марса,
Трон королевский, сей второй Эдем,
Противу зол и ужасов войны,
Самой природой сложённая крепость,
Счастливейшего племени отчизна...

— Я не понимаю этих слов, — прошептал Толк.

— Тише! — отмахнулся Тролвен. — Не мешай слушать, — В глазах командора стояли слезы, он чувствовал, как по спине бегут мурашки.

Блаженная земля, священный Паннах.[37]

Армия начала громко хлопать крыльями, раздались крики.

Далее ван Рийн пересказал надгробную речь Перикла, «Вы, кого водили в бой»[38] и геттисбергскую речь[39]. К тому времени как красноречивый торговец закончил обсуждение дня Святого Криспена, армия готова была избрать его вождем.

---

[37] У.Шекспир, «Ричард II», акт II, сц. 1. (пер. М. Донского). Конец, естественно, фантазия ван Рийна. Не совсем ясно, на каком языке читал он эти стихи.

[38] Первые слова шотландской патриотической песни, созданной на основе стихотворения Р. Бернса «Поход Роберта Брюса на Бэннокберн».

[39] Речь А. Линкольна на открытии национального кладбища в Геттисберге (1863 г.), в которой дано знаменитое определение демократии: «правительство народа, из народа, для народа».

16

Дорнах находился далеко за архипелагом, на несколько сот километров севернее Ланнаха. Как ни торопилась Стая, только изредка и недолго отдыхавшая в заполненных птичьим гамом шхерах, путь к этому острову занял несколько земных дней и был чистым кошмаром для болтавшихся в сетках людей. Во всяком случае, память Уэйса сохранила исключительно ощущение непрерывно испытываемых физических неудобств.

Берег, на который они в конце концов высадились и который Уэйс рассматривал, стоя на непослушных, ежесекундно подламывающихся ногах, также вызывал мало энтузиазма.

Остров располагался не так уж далеко к северу, однако, несмотря на Полное Лето, воздух здесь оставался морозным; по словам Толка, никто и никогда не пытался жить в этих местах. Холменахский архипелаг отклонял холодное океанское течение в сторону Моря Ледяных Гор, и эти мерзлые воды огибали Дорнах.

Измотанная многодневным полетом, стая опустилась на черный песок, намытый темными тяжелыми волнами прилива; за узкой прибрежной полосой сразу же начинались вечные ледники, круто уходившие вверх, к огненной глотке вулканического кратера. По нижним склонам горы кое-где пробивались тонкие прямые деревца, торчали пучки какой-то жесткой травы; над плавающими вблизи берега льдинами метались немногочисленные морские птицы — вот и все признаки жизни в этом бесплодном, освещенном тусклыми, цвета запекшейся крови, лучами почти не выглядывающего из-за облаков солнца.

Сандру передернуло. Уэйс с ужасом заметил, как она успела исхудать. А теперь, когда наступала последняя стадия их отчаянных усилий — и жизни скорее всего тоже, — она вообще перестанет питаться.

Девушка поплотнее закуталась в грубую, дурно пахнущую куртку; выбившаяся прядь светло-золотистых, как у сказочной принцессы, волос потерянно трепетала на фоне черного базальтового обрыва. А вокруг сидели, расхаживали, хлопали крыльями десять тысяч разъяренных драконов; за свистом, гортанными звуками нечеловеческой речи, пушечными ударами перепончатых крыльев не было слышно даже неустанного воя ветра. Трогательным, почти детским движением Сандра потерла слипающиеся глаза, и Уэйс увидел, что эти совсем недавно прекрасные руки сочатся кровью после многодневного цепляния за сетку, что она валится с ног от усталости.

Сердце его болезненно сжалось, он сделал шаг вперед, но первым рядом с Сандрой оказался Николас ван Рийн, пузатый и сальный.

— Ну вот мы и здесь, — ободряюще пророкотал он. — Ей-же-ей, скоро я доставлю вас домой, а там сразу — в горячую ванну. Всеблагой святой Дисмас, я же чую тебя, чую за три километра против ветра.

И леди Сандра Тамарин, наследница Великого Герцогства Гермесского, отблагодарила его слабым подобием улыбки.

— Если бы мне только чуть-чуть отдохнуть, — прошептала она.

— Ja, ja, понятно. — Ван Рийн сунул два пальца в рот и оглушительно свистнул. — Ты, там, — крикнул он удивленно оглянувшемуся Тролвену. — Найди пещеру или еще что, куда можно бы ее запихнуть.

— Я? — встал на дыбы командор. — У меня на руках вся Стая!

— Делай, что сказано, болван пустоголовый. — Словно забыв о возмущенном вожде, ван Рийн поковылял к Уэйсу. — Так вот, приступай к работе. Собери сколько там тебе надо народа и начинайте.

— Я... — попятился Уэйс. — Послушайте, последний раз мы отдыхали уже и не помню сколько часов назад, поэтому...

— А сколько недель назад я последний раз покурил? — Ван Рийн яростно сплюнул. — Или хотя бы выпил стакан «Дженевера». Ты никогда не интересуешься, что происходит с окружающими. Неужели я должен делать все сам, без всякой помощи? — возопил он, воздев горе внушительный свой шнобель. — Ну зачем, спрашивается, Ты, иже Еси на Небесах, заселил Галактику одними погаными лентяями? Ведь это просто нестерпимо!

— Ну... ну... — Краем глаза Уэйс увидел, как Тролвен уводит Сандру прочь искать какое-нибудь место, где она сможет поспать, позабыв на несколько жалких часов холод, боль и одиночество. — Хорошо! — он злобно рубанул кулаком по ладони. — Ну а чем займетесь вы?

— Кой черт, мне же нужно все организовать. Первым делом договорюсь с Тролвеном насчет бригады, которая будет валить деревья, обтесывать мачты, реи и весла. Нужно нарезать и сшить паруса, а еще такелаж, а еще питание и укрытие — нельзя же так вот и жить под открытым небом. Тьфу! Не мое это, собственно, дело — заниматься подобными мелочами, для этого есть такие, как ты.

— А что такое жизнь, если не совокупность мелочей? — голос Уэйса дрожал от ненависти.

Маленькие серые глазки ван Рийна на мгновение застыли.

— Так, значит, — громыхнул он, — теперь и ты решил отбрехиваться? Видя, что я старый и слабый, что теперь я переношу трудности совсем не так легко, как когда-то, ты решил, наверное, что я паразитирую на твоей работе, nie? Сейчас просто нет времени вбивать в твою тупую башку какой-то здравый смысл. Возможно, ты и сам сумеешь что-нибудь понять. А теперь, — короткие волосатые пальцы звонко щелкнули, — на полусогнутых!

Уэйс отошел, уныло ругая себя за то, что не саданул хорошенько в это жабье брюхо. Ну ничего, не последняя возможность. Сейчас не тот момент... странным образом ван Рийн всегда умел организовать ситуацию, при которой ланнахи восхищались именно им... а не Уэйсом, который выполнял всю настоящую работу. А может, это нечто вроде мании преследования? Нет!

Ну вот, скажем, эти корабли. Ван Рийн отметил, что на острове вроде Дорнаха, окруженном паковыми льдами и обломками сползающих с гор ледников, имеется уйма строительного материала. С помощью каменных инструментов можно за несколько часов вырубить корабль, не уступающий по размеру крупнейшим плотам Флота, а самый примитивный аналог паяльной лампы — масляная лампа с мехами — легко подровняет поверхность. Мачту и руль можно укрепить в специально для этого вырубленных отверстиях;

замерзая, вода прихватит их не хуже любого цемента. Имея столько рабочей силы — всю Стаю, включая и мужчин, и женщин, и детей, будет не очень трудно за какую-нибудь неделю изготовить эскадру, сравнимую по численности со всем Флотом.

Но это — если вся технология проработана хорошим инженером. Как далеко нужно заглублять мачты? Нужен ли балласт? Да и попросту — как сделать в неправильной формы ледяном обломке, ровный, аккуратный разрез, длиной в добрую сотню метров? Ну а каким образом выгладить нижнюю поверхность льдины, чтобы уменьшить сопротивление? Лед — материал весьма хрупкий, но его можно укрепить, окатывая подготовленный корпус смесью опилок и морской воды, затем смесь эта замерзнет и образует нечто вроде брони. И снова — в каких пропорциях делать смесь?

А времени на пробы и испытания нет. И вот от Эрика Уэйса ожидается, что Божьей помощью и своей интуицией он преодолеет все трудности, справится со всеми стихиями.

Ну а ван Рийн, он-то что внес? Так, основную идею, небрежно брошенную в неявном предположении, что Уэйс всемогущ, вроде как джинн из волшебной лампы Аладдина. Блестящий, конечно, всплеск фантазии — кто бы спорил. Но фантазия — вещь несерьезная и недорого стоит.

Ведь так кто угодно может поковырять в носу и заявить: «Нам нужно такое-то и такое новое оружие, которое можно сделать из таких-то и таких-то беспрецедентных, еще не существующих материалов». Только все это останется праздной игрой ума, пока не появится кто-нибудь другой, способный допетрить, каким образом можно изготовить требуемое оружие.

Надев ярмо на инженера, ван Рийн занялся Стаей: кого-то развлекал шутками, кого-то уговаривал, на кого-то кричал, а когда все ланнахи впряглись в работу, он завернулся в одеяло и преспокойно уснул.

17

Стоя на палубе «Рийштаффеля», Уэйс ожидал, когда же на горизонте появится враг.

Медленно опустившись в висящую на поясе сумку, его рука нащупала заплесневелую горбушку хлеба и кусок колбасы. Последние остатки пищи, четыре уже земных дня он держался на уменьшенном рационе, чтобы осталось хоть что-нибудь на день сражения.

Но есть в общем-то даже и не хотелось.

Как ни странно, холода, идущего снизу, не чувствовалось — его сразу уносил теплый ветер. То, что за неделю пути на юг корабли почти не подтаяли, удивляло Уэйса значительно меньше — он знал термические свойства воды.

Северный ветер туго надувал на мачте примитивные прямоугольные паруса, привязанные к изготовленным из свежесрубленного дерева реям. Ледяные корабли были неуклюжими, но далеко не в такой степени, как дракхонские плоты; работая в обжигающе-холодной воде, ланнахи не только выровняли днище, но и придали им некое подобие обтекаемой формы. Делать этого не хотел, естественно, никто, но ван Рийн проявил прямо-таки невероятные диктаторские способности. В результате военный флот ланнахов, подгоняемый диомедианским бризом, резал волны Ахана со скоростью в добрых пять узлов.

Однако, вспоминал Уэйс, время строительства, время непосильной, с ног валящей работы оказалось далеко не самым трудным. Критический момент наступил позднее, когда корабли были почти готовы к отплытию и вдруг поднялся встречный ветер. Несколько земных дней вконец отчаявшиеся ланнахи мокли под ледяным непрекращающимся дождем, грабили птичьи гнездовья и пытались ловить рыбу, чтобы хоть чем-то накормить плачущих от голода детей. Советники и вожди кланов говорили уже, что с судьбой не поспоришь, что не остается иного выхода, как бросить все и искать пристанища в Трясинах Килну. Каким-

то невероятным образом — где просьбами, а где посулами, где криком, а где скулежом, порою даже подкупом (за счет выигранных в кости «денег») — ван Рийн удержал Стаю в Дорнахе.

Ладно, все это позади.

Торговец выбрался из тесной каменной каютки на усыпанную щебенкой палубу и прошел — мимо угрожающе присевших метательных машин и сложенных в кучи снарядов — на нос, где стоял Уэйс.

— Чего смотришь, — сказал он, — ешь. Последняя возможность.

— Я не голодный, — Уэйс продолжал изучать горизонт.

— Правда? А вот я, — ван Рийн выхватил хлеб и колбасу у него из руки и сунул себе в рот, — голодный.

Торговец снова обрядился в два панциря сразу, но из оружия на этот раз у него был только один внушительных размеров каменный топор с метровой рукоятью. Уэйс экипировался щитом и томагавком; вся палуба кишела разномастно вооруженными ланнахами.

— Приготовили нам торжественную встречу, уж это будьте уверены, — заметил Уэйс, следя за стройными силуэтами лавирующих против ветра боевых каноэ.

— А ты чего ожидал, что эти ребята, как говорят в Америке, расстелят ковер на гектар? Зуб даю, они уже много часов как нас заметили. Теперь ихние гонцы гонят изо всех сил в Ланнах, за армией. — Ван Рийн оглядел последний огрызок колбасы, благоговейно поцеловал его и отправил в рот.

Уэйс посмотрел назад. Их ледяной корабль был флагманом — при испытаниях он показал наибольшую скорость — и, как таковой, находился на самом острие длинного клина, состоявшего из нескольких десятков грязно-белых судов, чьи кое-как сшитые паруса, кривые мачты и безобразная оснастка способны были вызвать отвращение у любого мало-мальски опытного моряка. Дракхонский Флот имел преимущество и по численности, и по вооружению,

оставалось только молить Бога, чтобы это преимущество не оказалось слишком уж подавляющим. Малая высота борта ледяных судов не имела для крылатых воинов серьезного значения, совсем другое дело — опыт дракхонских моряков, точнее, отсутствие этого опыта у Стаи...

Вот за бойцовские качества ланнахов беспокоиться не приходилось. Настоящие крылатые тигры, думал Уэйс. За время плавания они отдохнули, отогрелись, подкормились и теперь прямо рвались в бой. Кроме того, при меньшем количестве кораблей, Стая имела, пожалуй, больше воинов, даже если учитывать отсутствующую пока армию Дельпа.

И еще один важный фактор: ланнахи могли позволить себе безрассудную смелость. Их женщины и дети остались на Дорнахе — так же, как и ставшая очень бледной и тихой Сандра, — и у них не было никаких ценностей, о которых стоило бы тревожиться. Ледяная эскадра не несла иного груза, кроме оружия и ненависти. От, густым облаком летевшей воздушной армии, отделился Толк; он спикировал, затормозил, широко раскинув крылья, опустился на палубу флагмана и нашел глазами людей.

— Ну как тут у вас, все в порядке?

— В полном, — бодро мотнул головой ван Рийн. — Мы что, так и прем прямо на этих паразитов?

— Да, до Флота всего несколько буасков. Чуть-чуть за горизонтом, если смотреть с вашей высоты, скоро покажется. Они двигаются сразу и под парусами, и на веслах, пытаются уйти, но ничего из этого не получится, если, конечно, ветер не подведет. А каноэ нам не помеха.

— И никаких признаков оставшейся в Ланнахе армии?

— Пока никаких. Думаю, этот... как его там... ну, новый адмирал, о котором говорили пленные, — он отправил в горы гонцов. Только остров большой, так сразу эту армию и не найдешь.

— Вот я бы на его месте, — с чувством превосходства фыркнул Герольд, — установил постоянную связь через непрерывную двухстороннюю цепочку свистунов.

— Как бы там ни было, — заметил ван Рийн, — нужно ожидать, что они появятся довольно скоро, вот тут-то все и начнется.

— Ты уверен, что нам удастся...

— Ни в чем я не уверен. А теперь возвращайся к Тролвену и следи там.

Толк кивнул и снова взмыл в воздух.

Ватные горы плывущих в неоглядно-высоком небе облаков чуть розовели в лучах солнца, гребни темно-пурпурных волн белели клочьями кружевной пены. Чуть в стороне от курса эскадры из моря поднимался крутой, почти отвесный берег маленького островка; в подзорную трубу можно было при желании сосчитать желтые головки цветов, кивающие в тени каких-то высоких, голубоватых, по всей видимости — хвойных деревьев. С неба свалились два юных свистуна; они зависли над Уэйсом, танцуя в воздухе, как полощущиеся по ветру знамена. Было очень трудно убедить себя, что вот эти изящные резные лодочки, подходящие все ближе и ближе, нагружены огнем и заостренными камнями.

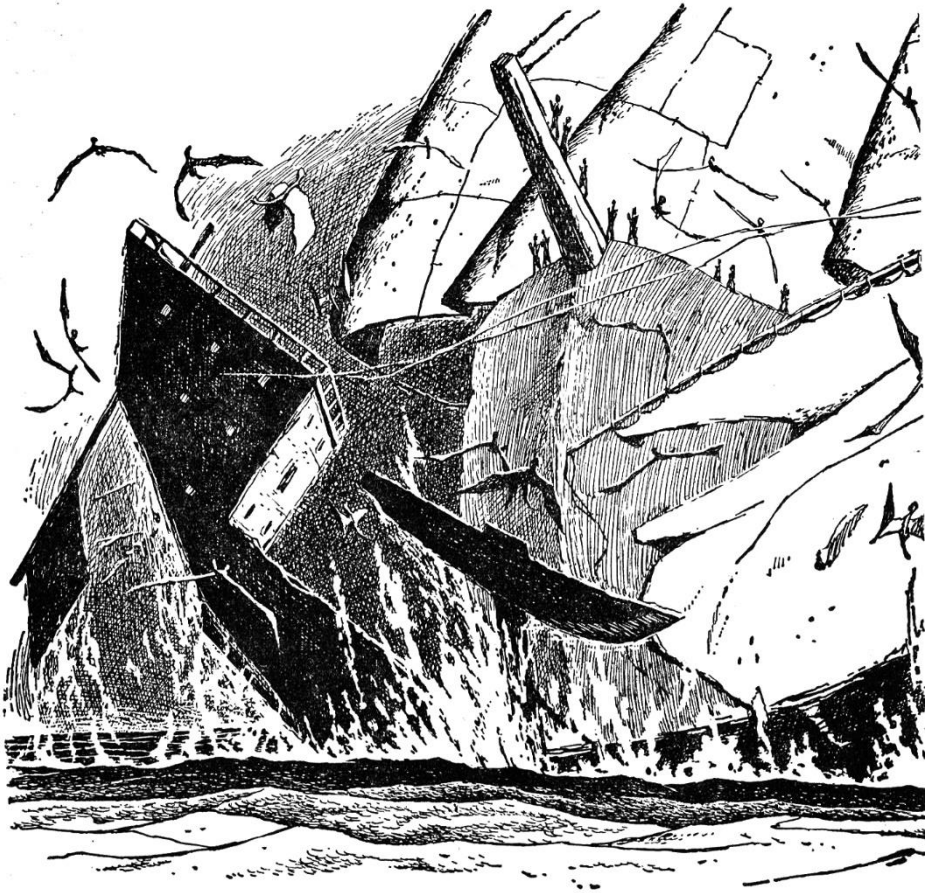
«Ну что ж», — сказал ван Рийн. — Начинается потеха, святой Дисмас, не покинь меня в такую минуту.

— А не кажется ли вам, что сейчас больше подошел бы святой Георгий? — спросил Уэйс.

— Это с твоей точки зрения, а вот я — человек слишком старый, толстый и трусливый, чтобы взывать к Михаилу или Георгию, или Олафу, или к кому еще из этих воинственных ребят. Мне как-то уютнее со святыми не столь размашистыми и энергичными — с тем же святым Дисмасом или с Николаем, который выручает из беды путешествующих.

— Вот и разбойники с большой дороги, они тоже считают его своим патроном, — заметил Уэйс и удивился, как плохо ворочается пересохший язык. В глазах у него немного поплыло... «Нет, конечно же, я не боюсь... но вот ноги стали какие-то ватные».

— Ура! — заорал ван Рийн. — Здорово врезал!

Носовая баллиста «Рийштаффеля» зазвенела, глухо ухнула и швырнула пятисоткилограммовый булыжник прямо на палубу ближайшего каноэ. Лодка переломилась, как щепка, ее команда, естественно, взлетела, но тут же была уничтожена одним из взводов армии Тролвена.

Ван Рийн ухватил растерявшегося наводчика баллисты за руки и протанцевал с ним по палубе. Крик, сопровождавший эти действия, должен был, видимо, считаться пением.

Du bist mein Sonnenschein, mein einzig Sonnenschein, du machst mirfrolich...[40]

Подвалило еще одно каноэ, круто против ветра. Заметив разворачивающееся сопло огнемета, Уэйс бросился плашмя, под защиту низенького — ледяного же — фальшборта.

Струя пламени ударила в фальшборт, отразилась от него и огненными плевками упала в море. Она не могла ни поджечь лед, ни даже сколько-нибудь заметно его растопить. Сотня стоявших в укрытии ланнахских лучников ответила градом стрел, которые взметнулись к небу и обрушились на каноэ сверху.

Уэйс осторожно выглянул. Дракхон, стоявший прежде при насосе огнемета, лежал без движения, наводчик занимался собственным поврежденным крылом. Рулевого тоже не видно, нос каноэ описывает бессмысленную дугу, оставшиеся в живых члены команды забились кто куда.

— Полный вперед! — крикнул он во все горло. — Тарань их!

Громада ланнахского корабля легко, словно мимоходом, раздавила лодку.

---

[40] Ты-мое солнце, мое единственное солнце, ты делаешь меня счастливым...

Пользуясь превосходством в скорости и маневренности, каноэ крутились вокруг ледяного флота, как волки вокруг стада бизонов. Некоторые из них проскальзывали между кораблями, пытаясь атаковать их сзади, другие — с той. же целью — обогнули края клина. Это нельзя было назвать игрой в одни ворота: стрелы, бросаемые катапультами дротики и камни — все это время от времени достигало цели; на ледяных палубах взрывались бомбы, то здесь, то там ярко вспыхивал подожженный огненной струей парус.

Однако затушить горящую тряпку — пустое дело для крылатых существ, имеющих пару ведер и неограниченное количество воды. На протяжении всей этой стадии сражения лишь один ланнахский корабль полностью лишился мачт, после чего команда попросту его бросила и распределилась по другим судам. Кроме мачт и парусов гореть было попросту нечему, не считая, конечно, живого тела, но оно на войне ценится меньше всего.

Несколько лодок попытались взять один из кораблей на абордаж; оказавшись, несмотря на объединенные усилия, в меньшинстве, дракхонские воины дорого заплатили за свою безрассудную смелость. А тем временем армия Тролвена, имевшая в воздухе абсолютное господство, пикировала, стреляла, рубила.

Отчаянная атака почти не задержала ланнахов, каноэ были потоплены, разбиты, подожжены, а немногие, оставшиеся целыми — рассеяны непотопляемым противником.

Находясь во главе эскадры, «Рийштаффелъ» пробил строй дракхонов почти беспрепятственно; немногое оказанное ему сопротивление было отражено дальнобойным оружием — катапультами и баллистами, стрелами и зажигательными бомбами. Море за кормой горело и дымилось, где-то впереди находился основной противник — огромные плоты.

Завидев на горизонте вымпелы и паруса, драконоподобная команда Уэйса дружно затянула победную песню Стаи.

— А не рано ли? — крикнул он, пытаясь перекрыть хриплый вой ланнахов.

— Пусть повеселятся, пока могут, — негромко сказал стоявший рядом ван Рийн. — Ведь очень многие из них вскоре отправятся к рыбам, nie?

— Думаю... — перед глазами Уэйса встали картины недавней битвы, и он торопливо, почти испуганно сменил тему. — Мне нравится мелодия, а вам? Похоже на старые американские народные песни. Ну, скажем, на Джона Генри.

— Народные песни — самое то, если сидишь в столице и корчишь из себя народ, — презрительно фыркнул ван Рийн. — Я уж как-нибудь ограничусь Моцартом.

Некоторое время торговец смотрел на бегущую за бортом воду, а когда заговорил снова, в его голосе появились совершенно неожиданные тоскливые нотки.

— Я всегда надеялся, что сумею когда-нибудь понять Баха, старину Иоганна Себастьяна, который говорил с Богом на языке математики. Только этой старой тупой башке не хватает мозгов. Так что теперь я прошу только о возможности хоть еще один раз послушать Eine Kleine Nachtmusik[41].

Со стороны плотов, взбивавших воду паучьими лапками весел, донесся грозный рев. Оставив попытку уклониться, Флот медленно и тяжеловесно перестраивался в боевой порядок.

Нетерпеливым взмахом руки ван Рийн подозвал свистуна.

— Быстро! Сбегай наверх и скажи этому чокнутому Тролвену, чтобы отстал от лодок и занялся плотами. Чтоб никакого им продыху, а главное — не давайте гонцам шнырять между капитанами, пусть-ка попробуют скоординироваться без связи!

Глядя вслед умчавшемуся мальчишке, торговец подергал свою бородку, почти затерявшуюся уже в колючей, слипшейся от грязи щетине.

---

[41] Маленькая Ночная Музыка

— Пуп Господень! — взревел он. — Ну почему я должен думать за всех? Святой Никола Угодник, ниспошли мне офицера с хотя бы одной извилиной в башке, и я выстрою тебе собор на Марсе! Ты меня слышишь?

— У Тролвена самый разгар схватки, — заступился за командора Уэйс. — Он не может думать обо всем сразу.

— Может, и не может, — уже тише проворчал ван Рийн. — Может, я вообще единственный в Галактике, кто никогда не ошибается.

Долго убеждать Тролвена не пришлось, прошло несколько минут, и плоты противника — подошедшие уже до ужаса близко — захлестнул серый смерч. Словно выпущенные из ада дьяволы, ланнахи убивали дракхонов, чтобы тут же самим пасть под ударами противника; небо и море слились в один кровавый хаос. Уэйс подумал, что в этом водовороте смерти приближение его кораблей может пройти почти незамеченным.

— Не сумели! — крикнул он, колотя кулаком ледяной борт. — Как Бог свят, они не сумели организоваться!

На боку приземлившегося рядом свистуна виднелась ужасная ссадина.

— Вон там... Герольд Толк говорит... — с каждым словом из его рта вылетал сгусток крови. — Пустое место... разрезать Флот... — Тоненькое тело судорожно изогнулось назад, а затем мягко опустилось на палубу и замерло. Подняв мальчика на руки, Уэйс услышал, как в пробитых сломанными ребрами легких булькает кровь.

— Мама, мама, — прошептал, задыхаясь, свистун. — Это он топором. Мамочка, сделай, чтобы не больно.

Через несколько секунд он умер.

Залпом цветистых ругательств ван Рийн заставил рулевого развернуть корабль — всего на несколько градусов, на большее неуклюжее сооружение просто не было способно, однако хватило и этого. В совсем уже приблизившейся цепи вражеских плотов зиял разрыв; яростная атака Тролвена мешала его сомкнуть. Покрытая красными, на глазах

расплывающимися пятнами, усеянная выпущенными из ослабевших рук луками и Копьями, широкая полоса воды прямо, как стрела, указывала на адмиральскую плавучую крепость.

— Сюда! — заорал ван Рийн. — Глуши их! Ешь их с потрохами!

Выпущенный из катапульты дротик с визгом перелетел через фальшборт, вспорол рукав торговца и выбил из палубы сноп ледяных осколков. На «Рийштаффель» обрушились три потока жидкого пламени.

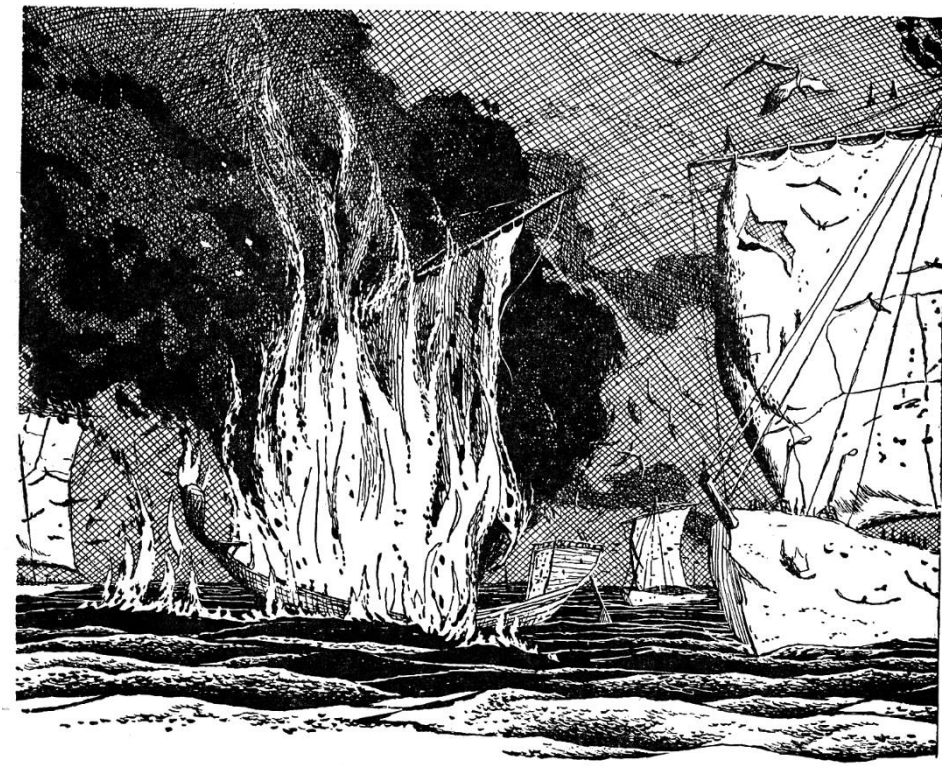
Огненные пальцы зашарили по палубе; ярко вспыхнул и упал не успевший увернуться воин, затем настала очередь парусов. На этот раз тушить не было смысла — вслед за парусами огромным факелом вспыхнула обильно политая маслом мачта.

Оставив в покое рулевого, ван Рийн бросился вдоль оплавленной огнем палубы, поскользнулся, проехал на широком своем заду до самого фальшборта и кое-как поднялся на ноги, громко проклиная все сущее. Прихрамывая, он доковылял до штирборта и несколько раз ударил топором по неподатливым вантам.

— Сюда! — громкий крик торговца перекрыл шум битвы. — Быстро! Да помогите же мне, что вы, как неживые! Быстрее, у вас что, мозги протухли? Быстрее, пока мы не проплыли мимо!

Уэйс, командовавший расчетом баллисты, закидывавшей камнями соседний плот, плохо понимал происходящее. Ланнахи оказались сообразительнее, они столпились вокруг ван Рийна и начали яростно рубить толстые канаты. Сам же торговец бросился к штабелю зажигательных бомб, схватил одну из них и с размаху расшиб об основание горящей мачты.

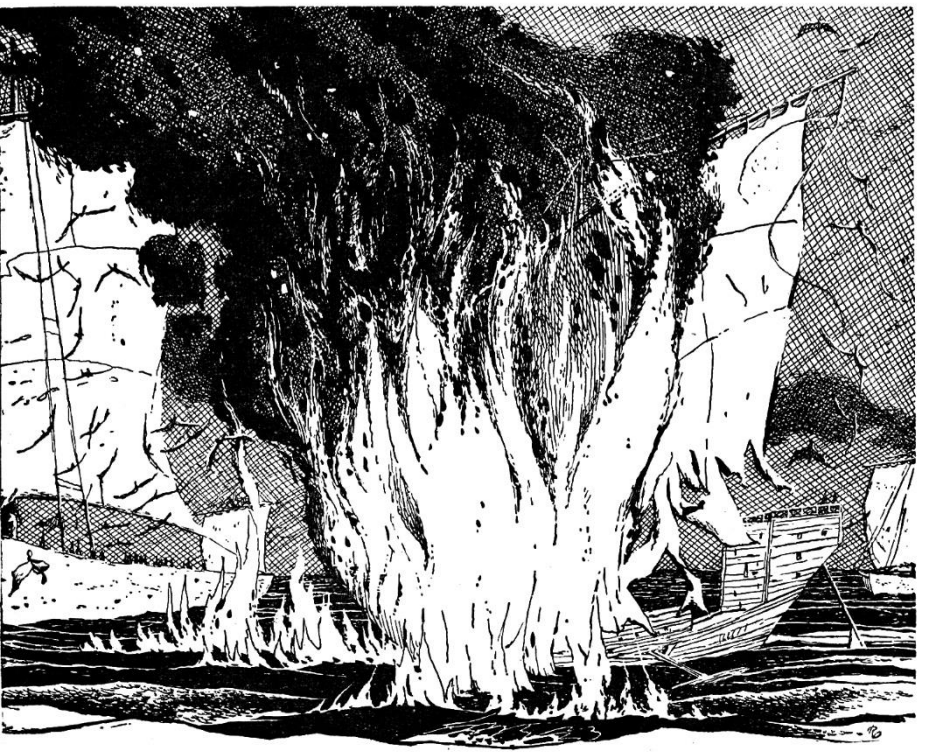
Когда лед подтаял, мачта покачнулась; еще несколько ударов каменными топорами, ванты лопнули, и она упала налево, прямо на соседний плот. Взметнулся фонтан искр, вспыхнул такелаж, быстро распространявшееся пламя не

давало дракхонам сбросить страшный предмет за борт; вскоре занялись и толстые брусья палубы. Когда «Рийштаффель» миновал вражеский корабль, тот превратился уже в огромный костер.

Инерция и случайные течения заносили почти неуправляемую теперь ледяную глыбу все дальше и дальше в глубь окончательно растерявшегося Флота. В прорыв, героически расширенный ван Рийном, двинулась и остальная эскадра ланнахов. Плавучие чудовища поливали друг друга струями огня, однако лед, в отличие от дерева, не горит.

По палубе, окутанной дымом, осыпанной стрелами и дротиками, усеянной телами убитых и раненых крылатых людей — но все еще полной мстительного порыва, — Уэйс подошел к ближайшей катапульте. Ее команда готовила

бомбы, чтобы поджечь очередной плот, когда тот окажется в пределах досягаемости.

— Не надо, — сказал он.

— Что? — Лицо офицера было измазано сажей, гребень на его голове бессильно обвис. — Но ведь они будут поливать нас огнем!

— Как-нибудь потерпим, — покачал головой Уэйс. — Наши стены — довольно приличная защита. Я не хочу поджигать этот плот, его нужно захватить.

Ланнах присвистнул, затем его крылья широко распахнулись.

— Вы позволите мне высадиться туда первым? — спросил он, сверкнув глазами.

Проходивший мимо ван Рийн никак не мог слышать этого разговора, однако его бас пророкотал:

— Ja, я как раз хотел приказать то же самое. Транспорт, которым можно управлять, был бы нам очень кстати.

Новость мгновенно облетела корабль. Его скользкая палуба потемнела от вооруженных, застывших в ожидании фигур. Ледяная глыба неумолимо приближалась к более массивному, чем она, и выше выступавшему из воды плоту. На ланнахов лился огонь, смертельным дождем сыпались камни и стрелы, но они молча все сносили. Уэйс послал к Тролвену свистуна; появившийся через несколько минут летучий отряд стрелами подавил дракхонскую артиллерию.

Тролвен все еще имел подавляющее превосходство в воздухе. Он смог застлать все небо своими воинами, которые прижали дракхонов к палубе, расчищая путь абордажной команде. Пока что, думал Уэйс, диомедианские боги к нему благосклонны; долго такое не продлится.

Он последовал сразу за первой волной ланнахов, опустившейся прямо на вражеский мостик, подпрыгнул, когда льдина врезалась в плот, ухватился за толстое бревно и вскарабкался по борту. Достигнув палубы, молодой торговец отстегнул привязанные к поясу щит и томагавк и тут же оказался в цепи воинов. Приносимый ветром дым ел глаза, он едва различал дракхонов, организовавших оборону впереди и на верхних палубах.

А это что такое? Крики и шум наверху зазвучали с удвоенной силой.

Почувствовав болезненный толчок в спину, Уэйс развернулся, чтобы увидеть свинячьи глазки ван Рийна и его же короткий, волосом поросший палец.

— О-хо-хо! Ну и подъемник! Лучше бы уж мне остаться, nie? Ну что же, вьюнош, мы получаем полную самостоятельность! Минуту назад Толк прислал весточку — на горизонте показался весь, мать его, экспедиционный корпус Дельпа. И чешет он прямо сюда.

18

К горлу Уэйса подступил тошнотворный комок. Так, значит, все эти усилия только для того, чтобы получить кремневым топором по черепу после того, как Дельп разобьет ланнахов?

Затем он вспомнил черный, холодный берег Дорнаха перед самым отплытием, Сандру и свои размышления вслух — встретятся ли они когда-нибудь еще.

— Мне легче, — сказал он. — Для меня при поражении все кончится очень быстро. А вот вы...

— А что заставляет вас думать о поражении? — спросила она, царственно вскинув голову.

Уэйс поднял томагавк. Слева и справа от него гибкие крылатые фигуры яростно шипели, осторожно скользили вперед.

По большей части это были ветераны Манненаха, каждый из ледяных кораблей нес внушительную группу воинов, обученных основам наземной тактики.

— Не ввязывайтесь в воздушные схватки, — раз за разом повторяли им ван Рийн и ланнахские офицеры, повторяли все время, от отплытия до самого сегодняшнею дня. — Пойдем на абордаж — оставайтесь на палубах. Весь наш успех зависит от того, как много плотов удастся захватить или уничтожить. У Тролвена и его армии одна-единственная задача — помочь вам.

Мысль эта проникала в диомедианские мозги медленно, с большим трудом. И Уэйс совсем не был уверен — прочно ли она там закрепилась, не ввяжутся ли крылатые товарищи по оружию в бесцельную воздушную схватку, бросив его и ван Рийна на этой чужой палубе одних, в окружении врагов. Оставалось только верить и надеяться.

Он бросился вперед, в уши ударил рвущий барабанные перепонки крик следующих по пятам ланнахов.

Раздалось громкое хлопанье крыльев, вековой инстинкт приказал необученным дракхонам сделать единственную,

как казалось, разумную вещь — взлететь выше нападающего. Уэйс и его воины мгновенно заняли оставленное врагами место.

Поднявшись в воздух — сразу со всех палуб корабля, — дракхоны начали пикировать на своих странных нелетающих противников. Один из ланнахов забылся, взмахнул крыльями и был мгновенно атакован с трех сторон сразу. Несколько ударов — и тело его сломанной куклой закувыркалось вниз. Это словно послужило сигналом — матросы дружно упали на абордажную команду.

И встретили частокол копий. Многие из бывших пехотинцев сохранили при отступлении свои плетеные щиты и теперь снова превратились в подобие черепах.

Остальные вооружились луками и достойно встретили воздушную атаку — послышался резкий, зловещий посвист, и в море рухнуло несколько десятков пронзенных стрелами тел.

А затем перед Уэйсом появились острые, как ножи, зубья каменных вил и оскаленная ревущая пасть. Уэйс закрылся щитом и почти утратил способность управлять левой, онемевшей от удара рукой. Не целясь, он пнул обутой в тяжелый сапог ногой, попал в жесткий, мехом поросший живот, услышал свистящий хрип выбитого из легких противника воздуха и взмахнул томагавком. Тупой тошнотворный хруст, дракхон схватился руками за сломанное крыло и куда-то исчез.

Нужно было спешить дальше. Ошеломленные необычным поведением абордажной команды, дракхоны растерянно кружили в небе, держась подальше от смертоносных стрел. Изо всех дверей носовой надстройки скалились и огрызались женщины, пытавшиеся раскинутыми крыльями прикрыть своих плачущих детей. На них не обращали внимания — главной целью была корабельная артиллерия.

Поняв, очевидно, происходящее, один из недавних хозяев плота с ястребиным клекотом рванулся вниз; ланнахская стрела превратила его бросок в падение, но тут же от

тучей нависших дракхонов отделилась организованная группа воинов; опустившись на полубак, они заняли оборону вокруг огнеметов и баллист.

— Вот так, значит, — прогромыхал ван Рийн. — В игрушки поиграть захотелось. Ничего, сейчас мы с ними разберемся.

Вращая над головой похожий на кувалду топор, он забухал по палубе. Пущенный из пращи камень бессильно отскочил от прикрытого сыромятной кожей брюха, поросшую клочкастой щетиной щеку царапнул дротик, духовые ружья превратили двойной панцирь в нечто, похожее на подушечку для иголок. С помощью двоих крылатых телохранителей торговец буквально взлетел по отвесной переборке и оказался в самой гуще врагов.

— Je maintiendrai![42] — рявкнул он, расшибая ближайшему из дракхонов голову. — С нами Бог! — крикнул он, с хрустом переломив сапогом чьи-то боевые вилы. — Fram, fram, Kristmenn, Krossmenn, Kongsmenn![43] — проорал ван Рийн, пройдясь топором по ребрам троих опрометчиво приблизившихся к нему воинов. — Heinekerc s Bierl — трубно возгласил он, отдирая от своей спины вцепившегося в нее крылатого матроса и сворачивая ему шею.

Все это продолжалось какие-то секунды — тут же рядом появились предводительствуемые Уэйсом ланнахи; некоторое время на палубе стоял треск от страшных ударов тяжелого топора и томагавков, крыльев, хвостов и кулаков, а затем драк-хоны дрогнули. Ван Рийн подскочил к огнемету и начал работать насосом.

— К шлангу, кто-нибудь, — прохрипел он, задыхаясь. — Чего чешетесь, придурки, смывайте их к чертовой матери! — Злорадно ухмыльнувшись, один из ланнахов схватил керамический патрубок, резко вдавил поджигающий поршень и пустил горящую струю вверх.

Что-то происходило и на нижних палубах — там начали ухать баллисты, запели катапульты, метнулись жадные.

---

[42] Я люблю это! (фризский.)

[43] Вперед, вперед, христиане, крестоносцы, короли! (исландский.)

языки пламени. Группа ланнахов собрала наконец свой деревянный пулемет и осыпала остатки контратакующей группы дождем стрел.

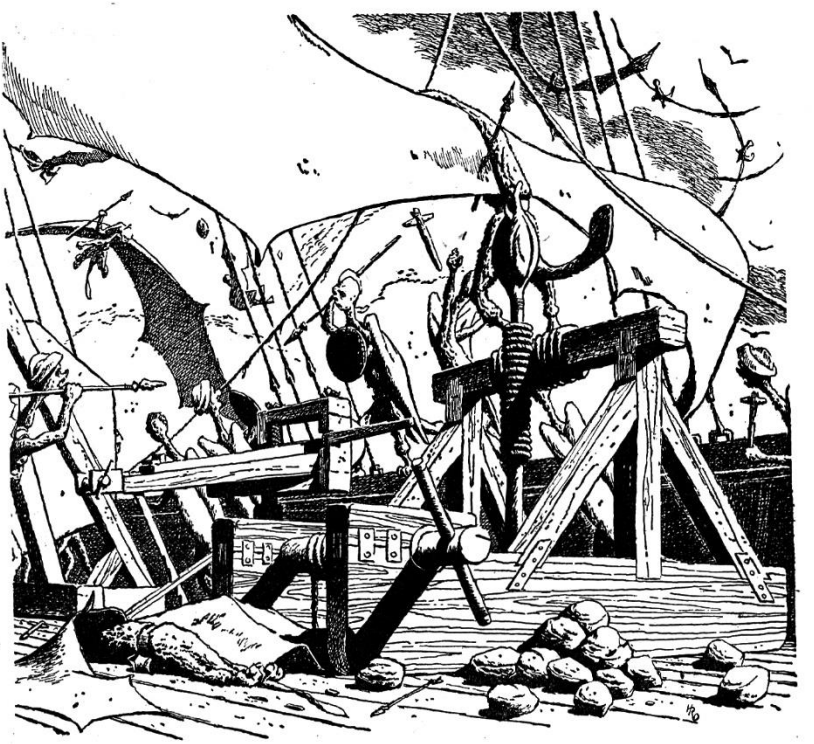
Из дверей полубака вырвалась одна из матросских жен.

— Они убивают наших мужей, — взвизгнула она. — Смерть им!

Раздался дикий грохот, это спрыгнул с трехметровой высоты ван Рийн. Тяжело отдуваясь и размахивая руками, он преградил разъяренной фурии путь.

— Стой, — крикнул он по-дракхонски. — Назад! Тпрр-ру! Брысь! Ты что, хочешь оставить своих щенков без защиты? Я ем дракхонят! С горчицей!

Жалобно заскулив, женщина рванулась назад в кубрик. Уэйс облегченно вздохнул, за эти секунды он весь покрылся потом. Казалось бы, никакой особой опасности не

возникало... теоретически ничего не стоило перебить толпу женщин на глазах у их детей... но вот кто смог бы такое сделать? Только не Эрик Уэйс, лучше уж сдаться и позволить пропороть себя копьем.

И тут он понял, что стал хозяином плота.

Дым, все еще застилавший глаза, мешал рассмотреть, что происходит в других местах. Время от времени сквозь появлявшиеся в густых черных клубах разрывы проглядывал то ярко пылающий, явно брошенный командой плот, то ледяной корабль, растрескавшийся, потерявший мачты и большую часть экипажа, но все еще вяло отстреливающийся. Еще один ланнахский корабль, плотно привалившийся к плоту. Это, конечно, абордаж. На некоторых чужих мачтах победно развевались флаги кланов Стаи. Однако Уэйс не имел представления, как прошло морское сражение в целом — ведь наверняка многие ледяные суда подверглись полному опустошению и были покинуты уцелевшими остатками команд, другие попали в руки драк-хонов, а некоторые бесполезно дрейфуют, так и не сумев войти в контакт с противником.

Ясно было одно, ван Рийн говорил это Совету прямо и откровенно — меньшая по численности, хуже вооруженная и почти лишенная мореходного опыта, ланнахская эскадра не имела ни малейшего шанса на решительную победу. Судьба этой операции будет решаться без применения камней и огня.

Уэйс поднял глаза к простирающемуся за путаницей рангоута и такелажа холодному, безразличному небу. Отсюда сражающиеся на огромной высоте армии выглядели невинными и безвредными, как стаи ласточек.

Неопытному наблюдателю потребовалось несколько минут, чтобы оценить происходящее.

С появлением армии Дельпа дракхоны получили колоссальное преимущество над оставившим большую часть своих сил на кораблях Тролвсном. С другой стороны, в схватке один на один их воины, измотанные многочасовым

полетом, значительно уступали хорошо отдохнувшим ланнахам. Прекрасно понимая ситуацию, каждый из командиров пытался использовать свое преимущество — Дельп предпринимал массированные атаки, в то время как Тролвен разбил воинов на небольшие группы, которые наносили поволчьему быстрые удары и тут же отходили. Ланнахи непрерывно отступали — кроме тех моментов, когда Дельп пытался послать на помощь плотам большой отряд. Великолепно организованная армия ланнахов набрасывалась на такой отряд в полном составе — мгновенно рассеиваясь при подходе подкреплений Дельпа, но неизменно выполняя главную свою задачу — разбить строй противника, не подпустить его к сражающимся внизу кораблям.

Словно завороженный, Уэйс не мог отвести глаз от ужасающей красоты этого танца крылатой смерти, ему начинало казаться, что само время остановило свой бег под озаренным лучами незаходящего солнца небом.

— Очнись! — голос ван Рийна грубо вернул его в тусклый мир неспособных к полету людей. — Ты чего это рот раззявил, совсем, что ли, уснул? Если мы, кляп нам в гроб, намерены удержать этот плот, нужно что-то с ним делать. Ты командуй батареей, а я пойду к рулевому, понял? — И он удалился — громоздкий и тяжеловесный, шумный и весь покрытый сажей, как старинный паровоз.

Они отбивали одну контратаку дракхонов за другой, пока те не потеряли всякую надежду вернуть себе плот и не улетели на соединение с армией Дельпа. После этого команда ван Рийна — то неумело управляя парусами, то неохотно берясь за весла — привела трофейное судно в движение. Они неуверенно пробирались по взмутненной, застланной дымом воде, пока прямо по носу не вырос силуэт дракхонского плота. И сразу же посыпался град стрел, заработали катапульты и баллисты, а в воздухе, разделявшем две неуклюжие громады, завязалась схватка.

Стоя на баке, Уэйс управлял артиллерией. Противники осыпали друг друга камнями, дротиками и бомбами,

поливали горящим маслом, дерево вспыхивало и обугливалось, разлеталось в щепки. В какой-то момент пришлось тушить занявшийся на борту пожар, и он организовал цепочку, передававшую ведра из рук в руки. В другой раз прямо у него на глазах двухтонная глыба уничтожила одну из катапульт и большую часть ее команды; он заставил уцелевших скинуть камень за борт и вернуться в бой. Он видел, как рвутся в клочья паруса, как ломаются и перекашиваются реи, как на обоих судах растут груды тел. И какая-то часть его мозга непрерывно спрашивала, ну почему ни в одном из уголков Вселенной жизнь не может избавиться от странной привычки — мучить и убивать самое себя?

В отличие от неолитического Нельсона, ван Рийн не мог одержать победу одной меткой стрельбой, не тот у него был экипаж. Очередной абордаж также не входил в его планы — этой маленькой кучки полных новичков в морском деле едва хватало, чтобы управиться с одним кораблем. Однако он упрямо шел на таран, даже лично спускался вниз, когда еле живые от усталости ланнахи начинали медленнее ворочать тяжелыми веслами. Плот прорывался сквозь огненный дождь, сквозь град камней и стрел, и, когда до противника остались какие-то метры, затрубили рога, дракхоны вспенили воду веслами и спешно покинули свое место в боевом порядке Флота.

Ван Рийн не стал преследовать беглецов, и вскоре те затерялись среди десятков мачт, то здесь, то там проступавших сквозь на многие километры раскинувшуюся пелену дыма. Он подошел к ближайшему люку, спустился с полуюта на главную палубу и удовлетворенно потер руки.

— А-га! Нагнали мы на них страху, как считаешь? Они теперь шарахаться будут от любого нашего корабля!

— Я не понимаю, Советник, — в голосе Ангрека звучало что-то, близкое к благоговению. — У нас меньше народа и гораздо меньше опыта. Им нужно было остаться на месте или даже двинуться к нам навстречу. Ведь они стерли бы нас в порошок или как минимум заставили бросить корабль.

— Вот-вот! Только ты, мой юный и неопытный друг, не понимаешь одной вещи. — Ван Рийн поучительно покачал похожим на сосиску пальцем. — У них на борту женщины, дети и уйма всякого ценного барахла. На этом плоту — вся их жизнь. Они не хотят рисковать — ведь даже не имея сил захватить плот, мы вполне можем устроить на нем такой пожар, что ни один черт его не потушит. Лопухи они все, чтобы тягаться с Николасом ван Рийном!

— Женщины... — глаза Ангрека метнулись к полубаку, в них появился странный блеск. — А что, — пробормотал он, — ведь это совсем не то, что наши женщины...

Странным образом к тому же полубаку двигалось десятка два — три ланнахов; они шли с деланной непринужденностью, которой резко противоречили напряженные крылья и конвульсивно подрагивающие хвосты. По не совсем ясной причине по большей части эта группа состояла из недавних гребцов.

Но в этот самый момент появился Уэйс. Он выбежал на край верхней палубы, сложил руки рупором и крикнул:

— Мастер ван Рийн! Посмотрите вверх!

— Ясно. — Торговец устремил свои маленькие, глубоко запавшие глазки к небу, чихнул, а затем прочистил здоровенный шишковатый нос. Через несколько секунд над кораблем нависло тяжелое молчание — ланнахи, отдыхавшие на залитых кровью палубах, не отрываясь смотрели на воздушную битву.

Битва подходила к концу.

Собрав наконец свои силы в единую, почти неуязвимую для наскоков малочисленного противника массу, Дельп повел их на помощь экипажам осажденных плотов, не всем сразу, а по очереди. Бессильные противостоять колоссальному численному преимуществу, ланнахские абордажные команды бросали даже собственные ледяные суда и спасались бегством, уходили к Тролвену.

Дракхоны сделали только одну-единственную попытку вернуть себе плот, полностью захваченный противником, и

эта попытка обошлась им очень дорого. Работало все то же давнее правило, что хорошо обороняемый корабль практически неуязвим для атак с воздуха.

Достигнув четкой определенности, кому какой плот принадлежит, Дельп перестроился и снова повел большую часть своих сил вверх, в бой с получившей значительные подкрепления армией Тролвена. Разгромить ее — и тогда оставшиеся в руках дракхонов плоты плюс полное господство в воздухе позволят им быстро вернуть себе все утраченное.

Только вот разгромить Тролвена оказалось не так-то просто, в результате внизу продолжалось морское сражение, а в облаках все яростнее разгоралось воздушное; и то и другое шли с переменными успехами.

Такую примерно картину и обрисовал людям прилетевший к ним часом позднее Толк. Отсюда, снизу, было видно, что воздушные армии разошлись. В головокружительной высоте, на фоне розоватой облачной гряды, парили и кружились две плотные массы темных пятнышек. Вероятно, они обменивались угрозами, проклятиями, похвальбой — но не стрелами.

— В чем дело? — пораженно выдохнул Ангрек. — Что там происходит?

— Что, что, — пробурчал ван Рийн. — Ясное дело — перемирие. — Он поковырялся пальцем в зубах, отхаркнулся и удовлетворенно похлопал себя по животу. — У них там никто не мог ни с кем справиться, вот Толк и послал весточку Дельпу и сказал, давай-ка побеседуем, и Дельп согласился.

— Но... мы не можем... нельзя вести переговоры с дракхонами. Ведь он же не... он же не наш, он все равно как животное!

От брезгливого, ненавидящего рева, которым поддержали Ангрека все окружающие ланнахи, по спине Уэйса побежали мурашки.

— С подобными дикими, грязными тварями не может быть никаких разумных разговоров, — продолжил Ангрек. — Тут выбор один — или мы убьем их, или они убьют нас.

Ван Рийн повернулся к стоявшему на полубаке Уэйсу.

— Нужно, пожалуй, сообщить им, — сказал он по-английски, — что достигнутое перемирие — главная, и даже единственная, цель всей этой драки. Только, может, не сейчас, а чуть попозже, nie?

— Не знаю, — покачал головой Уэйс. — Я бы лично не рискнул.

— Никуда не денешься, придется признаться, и прямо сегодня, а потом молить Бога, чтобы нас не нафаршировали красным перцем. Уговорили же мы, в конце концов, и Тролвена, и даже весь Совет. Но, с другой стороны, все они — очень трезвые ребята. А вот теперь-то, — вздохнул ван Рийн, — и начнется настоящий разговор. Раньше были цветочки. «И бремя времени мучительней всего» — так, кажется, кто-то сказал. Хватит у тебя нервов выдержать это от начала до конца?

19

Захваченные ланнахами плоты — чуть больше десятой части всего Флота — выбрались из общей неразберихи и отошли вместе с немногими уцелевшими ледяными кораблями чуть в сторону. На их палубах царило тяжелое, напряженное ожидание.

Примерно такое же количество плотов было уничтожено — одни из них выгорели начисто, другие так пострадали от каменного града, что ломались на самой малой волне. Среди этих мертвых морских чудовищ, брошенных обоими племенами, бессмысленно тыкались из стороны в сторону многочисленные каноэ — переломленные пополам, разбитые в щепки, до черноты обгоревшие, иногда более-менее целые, но с экипажем из одних крылатых трупов.

Остальной Флот собрался вокруг флагмана, но эта группа представляла собой довольно жалкое зрелище — ни один плот, ни одно каноэ не избежали потерь и повреждений, некоторые из них были измочалены чуть не до полной

непригодности. Флот сохранил никак не больше половины обычной своей боевой мощи.

Но даже при таких потерях он имел за все про все почти в три раза больше боевых единиц, чем эскадра ланнахов. А больше плотов — значит, больше боеприпасов, так что равенство в живой силе мало что давало Стае. К тому же ледяные корабли заметно уступали противнику конструктивно, а ланнахские экипажи захваченных плотов не могли равняться с опытными моряками Флота.

Короче говоря, Флот сохранил преимущество.

— Не снимал бы ты панцирь, — поморщился Толк, подсаживая ван Рийна в трофейное каноэ. — После окончания перемирия осталось бы только затянуть быстренько ремни, и порядок.

— Ну а что, если перемирие сохранится? — Торговец с хрустом потянулся, выпятил исстрадавшееся от многочасового стеснения брюхо и плюхнулся на банку. — За какую тогда провинность буду я таскать на себе этот ваш идиотский корсет?

— Я смотрю, и Тролвен тоже без панциря, — заметил Уэйс.

— Это — чтобы не уронить достоинство Стаи. — Рука командора, пригладившая блестящий коричневый мех, нервно подрагивала. — А то эти мокрозадые еще вообразят, что я их боюсь.

Команда каноэ налегла на весла, и нос суденышка взрезал темную, покрытую рябью воду. В воздухе то плавно парили, то резко падали вниз и снова взмывали к небу воины — ланнахская охрана демонстрировала противнику высший класс парадного, церемониального полета. Парламентеры договорились, что общая численность посольства не превысит сотни, в самую гущу разъяренного Флота направлялась жалкая, неспособная ни на какое реальное сопротивление горстка; по спине Уэйса пробежал холодок.

— Вряд ли что-нибудь получится, — сказал Тролвен. — Они думают совсем не так, как мы.

— Да ничем они от вас не отличаются, — буркнул ван Рийн. — Братское отношение, вот чего вам не хватает. Ну, порасшибали вы друг другу головы — только зачем же примешивать к этому еще и расовые предрассудки?

— Ничем не отличаются от нас! — ощерился Тролвен. В его глазах появился опасный блеск. — Послушай-ка, землянин...

— Ладно, не будем, — отмахнулся ван Рийн. — Понимаю, у них нет течки. И вы думаете, что это жутко важное обстоятельство. А я вот тут тоже кое о чем подумал, так что заткнись.

Ветер перебирал гребни волн, гудел в туго натянутых тросах; прожекторными лучами шарили по морю косые, пробивающиеся сквозь разрывы мчащихся по небу облаков снопы закатного света. В прохладном воздухе стоял влажный запах соли и какой-то морской живности. «В такой момент нелегко умирать, — думал Уэйс. — А труднее всего оставить Сандру, лежащую сейчас там, под ледяными кручами Дорнаха. Молись за меня, любимая, жди меня и молись за меня».

— Оставив в стороне все личное, — заметил Толк, — командор во многом прав. Народ, настолько отличающийся от нас по образу жизни, как дракхоны, очевидным образом и думает совсем иначе, чем мы. Я не хочу притворяться, что понимаю ваш, землянин, ход мыслей; я считаю вас друзьями, однако, между нами, очень мало общего. Не признавать этого было бы просто глупо. И я доверяю вам только потому, что мне ясен главный ваш побудительный мотив — стремление выжить. Поэтому, даже не совсем понимая ход ваших рассуждений, я могу смело положиться на доброту ваших намерений.

А дракхоны — ну с какой такой радости должен я им верить? Хорошо, заключим мы мирный договор. Только откуда мне знать, что они его выполнят? Может быть, эти существа вообще не имеют представления, что такое честность, так же как они не знают, что такое пристойность. А

даже и намеревайся они выполнить свои клятвы — разве можем мы быть уверены, что слова, записанные в договоре, означают для них то же самое, что и для нас? За долгую свою службу на посту Герольда я повидал уйму лингвистических казусов во взаимоотношениях племен, говорящих на разных языках. Что же тогда говорить про племена с разными инстинктами?

Кроме того... не знаю, можем ли мы верить даже самим себе, верить, что мы не нарушим клятву? Мы вполне способны уважать военного противника, но вот бесчестье, извращенность, нечистоплотность — все это вызывает у нас ненависть. Ну как мы будем смотреть сами на себя, если заключим полюбовное соглашение с тварями, от которых брезгливо отвернулись боги?

Он тяжело вздохнул и смолк, глядя на неумолимо приближающиеся плоты.

— А тебе не приходило в голову, — возразил Уэйс, — что и они думают о вас примерно то же самое?

— Конечно, — пожал плечами Толк. — И это тоже совсем не облегчит переговоры.

«Лично я, — подумал Уэйс, — вполне удовлетворился бы временным соглашением. Пусть утрясут свои разногласия хотя бы на то время, пока мы будем устанавливать связь с Четверговой Посадкой. (Каким только образом?) А потом пусть хоть глотки друг другу перегрызут, мое-то какое дело?»

Но в памяти сейчас же всплыло все пережитое вместе с этими гибкими крылатыми существами — труд и сражения, муки и упоение успехом, песни... Он подумал о великодушном, никогда не унывающем Тролвене, философичном Толке, порывистом Ангреке, он подумал о добром и отважном Дельпе, о Родонис, гораздо больше похожей на настоящую леди, чем чуть ли не любая из знакомых ему женщин. О крошечных пушистых детенышах, то кувыркавшихся в пыли, то карабкавшихся ему на колени... «Нет, — сказал он

себе, — тут я себя обманываю. Все-таки я очень хочу, чтобы эта война закончилась раз и навсегда».

Теперь и слева и справа небо закрывали высокие борта, к которым собралось чуть не все население плотов. Лица дракхонов словно закаменели, никто из них не произносил ни слова, только иногда в воду шлепался плевок.

Флагман — громоздкий и неуклюжий, как плохо уложенная поленница дров, — был уже совсем рядом. На мачтах его трепетали знамена, главную палубу опоясывало сверкающее оружием и экипировкой кольцо стражи. Адмирал Т'хеонакс и его советники поджидали ланнахское посольство, развалившись на расстеленных перед деревянной крепостью мехах и подушках. Чуть в стороне стоял грязный и пропотевший, так и не успевший сменить боевую экипировку капитан Дельп в компании нескольких столь же непрезентабельных телохранителей.

С приближением каноэ все разговоры на плоту стихли. Трол-век, Толк и большая часть воинов взлетели и опустились на палубу, но людей пришлось втаскивать и подсаживать, прежде чем они перевалили через высокий борт; несколько минут слышались тяжелое дыхание и громкие проклятия.

— Такое вот, значит, у вас гостеприимство, — негодующе прохрипел ван Рийн по-дракхонски. — Даже веревку не спустили — и это для меня, который из кожи вон лезет, в гроб себя загоняет — и все для вашей же пользы. Это возмутительно! Господь свидетель, это просто возмутительно! Иногда мне прямо хочется бросить все и уйти в сторону. Ну и что же тогда будет с вами? Горькими слезами обольетесь, только ведь поздно будет.

— В прошлый раз ты, земхон, показал себя далеко не лучшим гостем Флота, — сардонически оскалился Т'хеонакс. — Мне еще предстоит с тобой посчитаться. Не думай, я ничего не забыл.

Тяжело, с присвистом дыша, ван Рийн подошел к Дельпу и протянул руку.

— Так, значит, наши сведения были верны, и это вы всем заправляли, — прогрохотал он. — Да я, собственно, и не сомневался — ведь во всем вашем Флоте нет больше ни одной головы с хотя бы чайной ложкой мозгов. Я, Николас ван Рийн, должен выразить вам глубочайшее свое восхищение.

Т'хеонакс застыл; на лицах придворных отразился полный ужас — пренебрежение, выказанное адмиралу, граничило с оскорблением. Дельп мгновение помедлил, а затем взял протянутую ему руку и пожал ее совсем на земной манер.

— Клянусь Звездой, приятно все-таки снова увидеть твою толстую бандитскую рожу, — сказал он. — А знаешь ли ты, что по твоей милости я чуть не распрощался со… со всем вообще? Если бы не жена…

— Дружба дружбой, а дело делом, — с великолепной непринужденностью отмахнулся ван Рийн. — Да, конечно, милейшая фру Родонис. Ну и как там она и твои малыши? Не забыли еще старого дядю Николаса и сказки, которые он рассказывал им на ночь, вроде той, про…

— Если вы не очень возражаете, — с издевательской вежливостью прервал его Т'хеонакс, — то мы, с вашего позволения, вернемся к делу. Только кто же будет переводить? Да, теперь я вспомнил вас, Герольд. — По его лицу скользнула нехорошая улыбка. — Так вот, слушайте внимательно. Передайте своему вожаку, что эти переговоры — идея моего офицера, Дельпа хир Орикана, который даже не удосужился прислать сюда гонца и посоветоваться со мной. Знай я заранее, вашей ноги бы здесь не было. Подобные встречи не кажутся мне ни необходимыми, ни благоразумными. Теперь мне придется приказать начисто отдраить эту палубу, по которой ходили варвары. Однако, поскольку для Флота понятие чести свято — у вас в языке, кажется, тоже есть слово, обозначающее честь, — я выслушаю, что там хочет сказать ваш вожак.

Коротко кивнув, Толк заговорил на ланнахамаел. Лежавший перед этим Тролвен резко сел, его глаза вспыхнули.

Ланнахскис охранники зарычали, их руки стиснули оружие. Дельп неловко переступил с ноги на ногу, некоторые из офицеров Т'хеонакса смущенно отводили глаза.

— Сообщи ему, — Тролвсн выговаривал слова с ядовитой четкостью, — что мы позволим Флоту незамедлительно убраться из Ахана. Само собой, нам потребуются заложники.

Услышав перевод, Т'хеонакс расхохотался.

— Они сидят на этой жалкой горстке плотов и говорят такое — нам?

Услужливым эхом прозвучало и смолкло хихиканье придворных.

Однако советники — командиры флотилий — мрачно молчали. В конце концов заговорил вышедший вперед Дельп:

— Адмиралу известно, что я тоже участвовал в этой войне. Вот этими руками и крыльями, вот этим хвостом я убивал врагов. Вот эти мои зубы омылись вражеской кровью. И все равно я говорю — нужно их хотя бы выслушать.

— Что? — деланно округлил глаза Т'хеонакс. — Надеюсь, вы шутите.

— У меня нет времени заниматься подобной белибердой, — прогудел, выкатываясь вперед, ван Рийн. — Слушайте меня получше, а я уж постараюсь изложить все простейшими словами, сами не поймете — так любой двухлетний сопляк вам объяснит. Вот, смотрите сюда. — Его рука обвела значительную часть горизонта. — У нас есть плоты. Не слишком, правда, много, но на первый раз хватит. Либо вы с нами договариваетесь, либо драка продолжается. Ну а тогда пройдет немного времени, и это у вас обнаружится нехватка плотов. Вот так. Так что вбейте это себе в башку и немного задумайтесь.

Хорошо, удовлетворенно кивнул Уэйс. В самую точку. Почему тот дракхонский корабль смылся от верной, казалось бы, победы, от противника, не умеющего толком управляться со своим плотом? Они ведь были готовы перестреливаться, готовы были завязать воздушную схватку. А вот

рисковать, что безрассудные ланнахские черти подожгут их или возьмут на абордаж, — этого им не очень хотелось.

Потому, что плот был для них и крепостью, и домом, и вообще, всей жизнью — другого способа выжить эта культура просто не знает. Если будет уничтожена заметная часть плотов, сразу не станет хватать средств для рыбной ловли, места, где хранить рыбу, станет нечем кормить племя. Все просто, как дважды два.

— Мы вас утопим! — взвизгнул Т'хеонакс, вскакивая на ноги. Его гребень налился кровью, поднятый хвост стоял колом, крылья яростно взмахивали. — Мы перетопим вас всех, до последнего вашего малолетнего ублюдка!

— Может, и так, — согласился ван Рийн. — И это что, должно нас очень испугать? Если мы сейчас сдадимся, нам все равно конец. А раз уж нам так и так в ад, мы прихватим заодно и вас — будете чистить нам сапоги и подносить прохладительные напитки, nie?

— Мы пришли в Ахан не из любви к разрушению, — осторожно вмешался Дельп. — Нас пригнал голод. Это вы не позволили нам ловить рыбу, которая самим вам даже и не нужна. Да, конечно же, мы прихватили и часть вашей земли, об этом можно и поговорить, но вода необходима нам абсолютно. Ее мы не можем отдать.

— Это — не единственное море в мире, — равнодушно пожал плечами ван Рийн. — Хотя вполне возможно, что мы позволим вам закинуть сети еще раз-другой.

— Милорд Дельп изложил самую суть проблемы, — медленно заговорил один из офицеров. — И тут намечается разумное решение. Ведь если разобраться, для вас, ланнахов, Аханское море не представляет почти или даже совсем никакой ценности. Естественно, мы хотели бы иметь гарнизоны на вашем побережье и занять некоторые из островов, откуда можно брать лес, кремень и все подобное. Ну и, конечно же, мы хотим выстроить в бухте Сагна собственный порт для ремонта и чрезвычайных обстоятельств. Но все это

— вопросы обороны и самообеспечения, в то время как от воды зависит наша жизнь. Так что, возможно...

— Нет! — крикнул Т'хеонакс.

Этот отчаянный вопль заставил всех смолкнуть. Адмирал встал на четвереньки и несколько секунд тяжело дышал.

— Скажи своему вожаку... — прорычал он наконец Толку, — что я, обладатель высшей власти... что я категорически против. Мы раздавим ваши смехотворные морские силы с минимальными для себя потерями. У нас нет причин идти на какие бы то ни было уступки. Возможно, мы позволим вам жить в высокогорье, но это — самое большее, на что вы можете рассчитывать.

— Совершенно неприемлемо! — презрительно бросил Толк. Прослушав его перевод, Тролвен выгнул спину и разрядился яростной тирадой. — Горы не могут обеспечить нас пропитанием. — Теперь Толк снова говорил спокойно. — Ни для кого не секрет, что мы подмели там все подчистую. Нам совершенно необходимы низовья. О передаче вам какой бы то ни было земли нет смысла и говорить — вы там закрепитесь, а через год снова на нас нападете.

— Ну а если вам кажется, — добавил Уэйс, — что разгромить нас можно без особых трудностей и потерь — валяйте, попробуйте.

— Я сказал, что мы можем! — крикнул Т'хеонакс. — И не только можем, но так и сделаем!

— Милорд... — нерешительно начал Дельп. Он смолк, на секунду закрыл глаза, а затем продолжил, холодно и бесстрастно. — Милорд адмирал, решительное сражение, по всей видимости, станет концом для нашего народа. Немногие уцелевшие плоты окажутся легкой добычей первых подвернувшихся островных варваров.

— А возвращение в океан обрекает нас наверняка. Если только ты, — палец Т'хеонакса ткнул в сторону Дельпа, — не знаешь каких-нибудь заклинаний, способных переманить треча и фруктовые водоросли из Ахана на прежние места.

— Это не подлежит сомнению, милорд, — согласился Дельп.

Он повернулся и посмотрел Тролвену в глаза. Некоторое время два командира пристально и с уважением изучали друг друга.

— Герольд, — сказал Дельп. — Передай своему вождю следующее. Мы не уйдем из Аханского моря. Мы не можем. Если вы будете настаивать — мы начнем сражаться, в надежде уничтожить вас без смертельных для себя потерь. У нас просто нет иного выхода.

Но я думаю, мы можем отказаться от мысли оккупировать какую-либо часть Ланнаха или Холменаха. Вы сохраните всю свою сушу. Мы будем обменивать рыбу, соль, водоросли, ремесленные изделия на ваши мясо, камень, ткани и жидкое масло. Со временем такой обмен станет выгодным и для вас, и для нас.

— Кстати, — вмешался ван Рийн, — подумайте вот еще о чем. Если Драк'хо останется без земли, а Ланнах — без кораблей, вам будет малость затруднительно начинать войну, nie? А через несколько лет торговли и взаимного обогащения вы станете так зависеть друг от друга, что война окажется попросту невозможной. Так что, если вы сейчас договоритесь, вскоре бедам вашим придет конец, а затем появится Николас ван Рийн со своими для всех доступными земными товарами. Ну прямо как Дед Мороз — у меня же весьма умеренные цены. Ну так как?

— Замолчи! — взвизгнул Т'хеонакс.

Он схватил командира своих стражников за крыло и указал на Дельпа:

— Арестуй этого предателя!

— Милорд... — Дельп отступил на шаг. Стражник замер в нерешительности, воины Дельпа угрожающе оскалились и взяли своего капитана в кольцо. С нижних палуб, переполненных наблюдателями, послышался ропот недовольства.

— Верховная Звезда мне в свидетели, — начал, запинаясь, Дельп. — Я ведь только предложил... я же знаю, что конечное решение принадлежит милорду адмиралу...

— И мое конечное решение — «нет», — провозгласил Т'хеонакс, словно забыв о так и не выполненном приказе арестовать капитана. — Я запрещаю как адмирал и как Оракул. Не может быть никакого соглашения между Флотом и этими... этими мерзкими... этими низкими, грязными, скотскими...

На губах адмирала запузырилась пена, его судорожно скрюченные, похожие на когтистые лапы руки взлетели над головой.

По строю дракхонских воинов прошли шорох и бормотание. Возлежавшие подобно крылатым леопардам офицеры сохраняли свое достоинство, но их глаза наполнились ужасом. Ланна-хи, не понимавшие слов, но угадавшие интонацию, сбились в кучу и крепче сжали оружие.

Толк быстро и негромко перевел.

— Очень не хочется такое говорить, — вздохнул Тролвен, — но ведь этот марева сказал правду, если его же слова применить к его же народу. Неужели вы серьезно думали, что две столь различные расы могут существовать бок о бок? Слишком велик был бы соблазн нарушить все клятвы и обещания. Мы улетим на зимовку, а они снова опустошат наши земли, снова захватят наши города... или мы сами возвратимся с зимовки, прихватив в союзники каких-нибудь варваров, соблазненных возможностью поживиться на ограблении Флота. Не пройдет и пяти лет, как мы снова вцепимся друг другу в глотки, кто бы ни сделал это первым. Так что лучше уж покончить с проблемой раз и навсегда. Пусть боги решают, кто тут прав, а кто не заслуживает права жить.

Он устало и как-то неохотно напряг мышцы, готовясь принять бой, если Т'хеонакс решит нарушить перемирие.

Но тут ван Рийн воздел руки к небу и заговорил. Подобно рокоту басового барабана, звуки его голоса раскатились по

всей громаде флагманского плота. И приложенные было к лукам стрелы медленно вернулись в колчаны.

— Остановитесь и стихните. Какого хрена, подождите одну, мать ее в крыло, минуту. Я еще не кончил, я буду говорить. Вот у тебя есть какие-то зачатки ума, — кивнул он Дельпу. — Может, тут найдется еще одна-другая голова с мозгами, непохожими на протухший чай, который втюхивают покупателям мои конкуренты. Мне нужно сказать вам пару слов. Говорить я буду по-дракхонски, а ты, Толк, займись синхронным переводом. Я хочу объяснить вам, что дракхоны и ланнахи совсем не чужды друг другу. Все вы — одна и та же до предела тупая раса!

Уэйс судорожно вздохнул.

— Что? — прошептал он по-английски. — Но ведь циклы воспроизводства...

— Убейте этого жирного слизняка, — завопил Т'хеонакс.

— Стихни ты, — раздраженно отмахнулся ван Рийн. — Сейчас говорю я. Так вот! Садитесь все вы, оба народа, и послушайте, что сообщит вам Николас ван Рийн!

20

Эволюция диомедианской разумной жизни в значительной степени относится к области догадок — никто еще не удосужился заняться здесь раскопками. Однако, основываясь на общих принципах и местной биологии, можно со вполне разумной точностью описать ход событий.

Давным-давно в тропиках этой планеты имелся то ли небольшой материк, то ли большой остров, заросший густым лесом. Экваториальные области не знают долгих дней и ночей, обычных для высоких широт. В равноденствие солнце за шесть часов пересекает небосвод и затем скрывается ровно на те же шесть часов, в солнцестояние все объято полумраком — солнце ползет по самому горизонту, то чуть выше его, то чуть ниже. Идеальные — по диомедианским стандартам — условия для поддержания обильной,

цветущей жизни. И вот в эту давным-давно прошедшую эпоху небольшой остроглазый хищный зверек, лазавший по деревьям, подобно земной белке-летяге постепенно обзавелся перепонками, помогавшими перелетать с ветки на ветку.

Но низкая плотность этой планеты делала ее неустойчивой. Континенты поднимались и опускались с прямо-таки непристойной торопливостью, за какие-нибудь сотни тысяч лет. Изменялось направление воздушных и морских течений; причем, по причине большого наклона оси, а также больших масс воздуха и воды, диомедианские течения переносят значительно больше тепла и холода, чем земные. Поэтому происходившие изменения климата затрагивали даже экваториальную зону.

Засушливый период превратил мощный древний лес в россыпь небольших рощиц, разделенных просторами почти безводной степи. Чтобы перемещаться между этими рощицами, наши псевдолетяги превратили свои перепонки в настоящие крылья. Будучи существами высокоадаптивными, они начали заодно охотиться на травоядных обитателей степи, а чтобы справляться с крупными копытными, им пришлось и подрасти. В свою очередь, более крупное тело потребовало больше пищи, поиски которой приводили этих летучих хищников в самые разные места — и на морское побережье, и в болота, и в горы. В то же самое время врожденная мобильность обеспечивала непрерывное внутреннее скрещивание, не давала им распасться на несколько различных видов. Любой из них мог за свою жизнь перебрать несколько типов окружающей обстановки, что заметно усиливало зависимость выживания от сообразительности, повышало ценность разума.

По какой-то неизвестной причине именно на этом этапе весь вид — или какая-то его часть, которой было суждено великое будущее — вынужденно покинул свою родину. Возможно, подвижки планетной коры разорвали континент на острова, неспособные прокормить большое количество

животных. Или пересыхание этого континента зашло чересчур далеко. А может быть, краб или вобла насытились пальцами Поббла. Как бы там ни было, стаи постепенно смещались на север и на юг; процесс этот шел медленно, на протяжении сотен поколений.

Они нашли новые территории, изобиловавшие дичью, но зима в этих местах оказалась совершенно невыносимой. С приближением долгой тьмы приходилось возвращаться в тропики и пережидать там до весны. Но в отличие от земных перелетных птиц, отдаленные предки диомедианцев делали это не по зову врожденного инстинкта, они были уже достаточно сообразительны, чтобы научиться необходимому для выживания поведению. Жестокий естественный отбор, происходивший во время миграции, еще больше стимулировал развитие разума.

Но за разум всегда приходится расплачиваться — в общей продолжительности жизни растет доля, приходящаяся на детство. Мыслящее существо не имеет врожденной картины поведения, каждое поколение должно учиться всему наново, с нуля, а на это нужно много времени. Поэтому вид может стать разумным только при условии, если он сам либо среда его обитания создадут некий механизм, удерживающий родителей вместе, чтобы они могли защитить ребенка в период беспомощного младенчества и невежественного детства. Материнской любви мало, мать имеет более чем достаточно развлечений, опекая самоубийственно-любопытных детенышей, у нее просто не остается времени на добывание пищи и защиту от врагов. Необходима помощь отца, но что удержит этого самого отца, когда он удовлетворил уже свои сексуальные потребности?

Можно, конечно, вспомнить об инстинкте. Действительно, у некоторых птиц родители заботятся о своем потомстве вместе. Однако сложные структуры инстинктивного поведения несовместимы с разумом. Если у папаши хватает мозгов, чтобы быть эгоистичным, ему необходимы

серьезные — и вполне эгоистичные — причины оставаться в семье.

С человеком все понятно, здесь работает механизм постоянной сексуальности. Человек не насыщается ни в какое время года. Именно из этого факта проистекает существование семьи, а далее — возможность долгого детства и, соответственно, сложной организации мозга.

У диомедианцев была миграция. Каждый год каждая стая дважды совершала долгое и опасное путешествие, требовавшее хотя бы минимальной организованности. В тропиках наступало самозабвенное безрассудство периода течки, но впереди уже маячило неизбежное возвращение домой — с учетом многочисленности мигрантов, пищи на экваториальных островах хватало ненадолго.

Из примитивного периодического сбивания в стаи постепенно выросло нечто вроде не очень четких, но постоянных ассоциаций — ведь тут работал не инстинкт, а благоприобретенный опыт очень одаренных животных. К коллективной обороне добавилась взаимопомощь. Со временем трудности, испытываемые в пути, развили половой диморфизм — мужской тип тела, приспособленный к схваткам и охоте, и женский, более подходящий для переноски тяжестей. Круглогодичное поддержание полового партнерства стало выгодным и даже необходимым.

Животное с постоянной семьей — на Диомеде такой семьей являлся, как правило, матрилинейный клан, группа довольно обширная — с долгим периодом беременности, долгим детством, живущее в условиях постоянно меняющейся, нередко враждебной среды, вынужденное ежегодно бороться за сексуальных партнеров с чуждыми стаями, имеющими чуждые обычаи, такое животное почти неизбежно начинает думать — эволюция не оставляет ему другого выхода. Ну а дальнейший путь хорошо известен — речь, орудия, огонь, организованные нации и, наконец, нечто крайне неопределенное, называемое обычно словом «культура».

Хотя диомедианцы не имеют жесткой врожденной структуры поведения, они повсеместно придерживаются вполне определенных обычаев. Так проще. Аналогично никакой инстинкт не заставляет людей формализовывать свое спаривание, создавая институт брака, однако так поступают практически все человеческие общины. Так проще и удобнее. Ну а диомедианцы — они спариваются в тропиках, на зимовках.

Но ведь ничто их к этому не принуждает!

Там, где имеется цикл воспроизводства, он обязательно управляется неким простым, стопроцентно надежным механизмом. У многих земных птиц это — весеннее удлинение дня; оптический стимул включает гормональные процессы, ведущие к реактивации репродуктивных органов. На Диомеде такое невозможно — слишком уж сильно зависит световой цикл от широты. Диомедианцы сами себе установили обычай мигрировать — в результате чего они должны спариваться в строго определенное время года, иначе потомство не выживет, — и эволюция пошла по вполне очевидному пути, избрав на роль управляющего механизма саму эту миграцию.

Хотя диомедианец и питается время от времени орехами, фруктами и диким зерном, в основном он — охотник, а физические нагрузки охотника кратковременны, хотя и интенсивны. Миграция же требует длительных усилий; уже на одно то, чтобы развить летательные мускулы, ушли, вероятно, сотни и тысячи поколений — время вполне достаточное для появления и иных адаптационных изменений. Именно эти усилия стимулируют определенные железы, которые посредством сложной гормональной системы пробуждают репродуктивные органы (исключением являются кормящие женщины, их молочные железы выделяют ингибирующее вещество). Чем дольше диомедианцы летят, тем выше становится у них концентрация гормонов — в пути нет ни времени, ни сил на спаривание. Ну а в тропиках, подкормившись и отдохнув, они наверстывают упущенное и

делают это настолько самозабвенно, что обратный путь не оказывает на утомленные железы практически никакого влияния.

Время от времени — после какой-нибудь необычно длительной и тяжелой работы — влечение к противоположному полу возникает и дома.

Каждый сдерживает в себе такие порывы, сдерживает не менее жестко и даже с более серьезными основаниями, чем человек — порывы к инцесту: ребенок, рожденный не вовремя, не только сам обречен на смерть, но и обрекает на смерть свою мать. Конечно же, в большинстве своем диомедианцы этого не осознают — они просто принимают табу как данность, находят ему религиозные и этические основания, а заодно мужественно борются с проистекающими из него неврозами. Хотя нет никаких сомнений, что смутное влечение к противоположному полу было одной из первоначальных причин возникновения постоянных стай.

Ну а когда перелетный диомедианец встречает племя, не соблюдающее основной его моральный закон, он испытывает искренний ужас.

К настоящему времени торговцы обнаружили еще несколько таких, аналогичных дракхонскому Флоту, племен. Вполне возможно, что все они возникли из групп, осевших в экваториальной области и, соответственно, расставшихся с необходимостью дальних перелетов, но это — лишь догадка. Четко установлено одно — каждое из них живет не столько за счет суши, сколько за счет моря. Столетиями совершенствуя свои корабли и их оснастку, они в конечном итоге сосредоточили на этих кораблях всю свою жизнь.

Это было надежнее, чем жить охотой. Это давало возможность постоянно жить у себя дома. Это давало возможность конструировать и использовать довольно сложные устройства, накапливать обширные библиотеки, сидеть и думать, и обсуждать различные проблемы — короче говоря, это давало возможность взвалить на свой горб цивилизацию, возможность, доступную перелетным собратьям

только в весьма ограниченной степени. Расплатой были адски тяжелый труд и правление аристократии.

Каждодневный труд являлся стимулятором, но теперь теплое жилье и запасы морской пищи позволяли рожать вне зависимости от времени года. В результате у морских народов образовалась примерно такая же система брака и взращивания потомства, какой испокон века придерживаются люди; возникло даже понятие о романтической любви.

Миграторы обвиняли моряков в развращенности, а те их — в скотском поведении. Ни те, ни другие представить себе не могли, что находятся с другой в ближайшем родстве.

А как можно верить существу, полностью тебе чуждому?

21

— Обычно такая вот идеологическая чушь и приводит к самым жутким войнам, — подытожил ван Рийн. — А теперь, когда я отбросил идеологию, мы можем спокойно и разумно заняться добропорядочным взаимным надувательством, nie?

Конечно же, он не особо вдавался в подробности. Ланнахские ученые имеют некоторое смутное представление об эволюции, однако почти не знают астрономии, дракхонская наука представляет собой практически обратную картину. Ван Рийн удовлетворился тем, что самыми простыми, много раз повторенными словами[44] набросал единственное разумное объяснение того, почему две группы его слушателей настолько отличаются своими репродуктивными циклами.

— Вот так! — он потер руки и нарушил натянутую, как струна, тишину коротким смешком. — Нельзя, конечно, надеяться, что с этой самой минуты между вами будет тишь

[44] Не цитируются, но очень точно пересказываются строчки из стихотворения Р. Киплинга «Бремя белых». Буквальный перевод этих строчек: «Словами откровенными и простыми, сто раз повторенными для ясности, ищи выгоды для другого и работай на благо другого».

да гладь да Божья благодать — даже я не способен сделать такое за один день. Многие еще годы каждому из ваших племен будет казаться, что другое занимается этим делом в самом непристойном и разнузданном стиле. Будете придумывать друг про друга похабные анекдоты... могу, кстати, сам рассказать один-другой, вполне пригодный для переделки на местные условия. Но теперь вы хотя бы знаете, что принадлежите к одной и той же расе. И любой из вас мог бы стать вполне добропорядочным членом чуждого племени. Возможно, времена поменяются, и вы действительно начнете менять один образ жизни на другой и наоборот. Почему бы действительно и не поэкспериментировать? Нет, нет, я вижу, что идея моя никому здесь не нравится, так что молчу.

Он сложил руки и замер в ожидании — неуклюжий, громоздкий, оборванный, покрытый многонедельной коркой грязи. Десятки крылатых солдат и офицеров, сидевших на поскрипывающих досках под косыми лучами багрового солнца, содрогнулись от мысли о немыслимом.

— Да. В этом есть смысл. Я этому верю. — Медленные, с трудом выговариваемые фразы Дельпа словно даже и не нарушили звенящую тишину.

Прошла еще одна минута, и он поклонился надменно молчавшему Т'хеонаксу.

— Ситуация изменилась, милорд! Я думаю... это будет хуже того, на что я надеялся, но лучше того, чего я боялся... Мы можем договориться, они сохранят всю землю, а мы получим Аханское море. Теперь, когда я знаю, что они не... не черти, не животные... ну, теперь обычные гарантии, клятвы, обмен заложниками и так далее... все это сделает договор достаточно надежным.

Толк что-то шептал Тролвену на ухо.

— Да, — кивнул вождь ланнахов, — я тоже так думаю.

— А сумеем мы убедить Совет и кланы? — негромко спросил Толк.

— Если мы, Герольд, привезем почетный мир, Совет проголосует за возведение наших посмертных духов в божественный сан.

Толк взглянул на Т'хеонакса, недвижно лежавшего в окружении своих придворных. И седая шерсть Герольда встала дыбом.

— Нам бы сперва вернуться домой живыми, Вождь Стаи, — сказал он одними губами.

Т'хеонакс встал. Звук крыльев, взбивших воздух, был похож на треск раскалываемых топором костей. Его лицо превратилось в подобие львиной маски, длинные клыки влажно блестели.

— Нет! — прорычал адмирал. — Хватит, наслушался! Пора кончать этот фарс!

На этот раз ни Тролвену, ни его охране переводчик не потребовался. Они схватились за оружие и сбились в круг, спиной к спине. Их челюсти громко клацнули.

— Милорд! — выпрямился во весь рост Дельп.

— Молчи! — заорал Т'хеонакс. — Ты и так наговорил слишком много. Капитаны Флота! — он повел головой,

оглядывая своих офицеров. — Все вы слышали, как Дельп хир Орикан призывал к заключению мира с этими существами, более низкими, чем любой скот. Запомните это!

— Но, милорд... — встал, протестующе подняв руки один из пожилых офицеров. — Милорд адмирал, нам только что объяснили, что они совсем не животные... у них просто другое...

Даже если предположить, что земхон говорит правду — а ведь в этом тоже нет никакой уверенности, — что из того? — Т'хеонакс обжег ван Рийна презрительной усмешкой. — Это только усугубляет положение. Скоты живут так, как могут, иначе они просто не умеют, а эти вот ланнахи — они ведут себя по-скотски сознательно, по собственной воле. И ты позволишь им остаться в живых? Ты согласен... согласен торговать с ними... посещать их города... допускаешь, чтобы наших детей склоняли к их... Нет!

Капитаны переглянулись молча, но казалось, что по ним прошел стон. И только Дельп нашел в себе смелость заговорить.

— Я нижайше прошу адмирала вспомнить, что у нас фактически нет выбора. Реши мы сражаться до конца, этот конец может стать и нашим концом.

— Чушь! — презрительно фыркнул Т'хеонакс. — Не знаю уж, струсил ты или тебя подкупили.

Все это время Толк негромко переводил Тролвену. Уэйс расслышал мрачное замечание командора:

— При таком его отношении переговоры теряют всякий смысл. Даже если мы заключим этот мир, он легко пожертвует своими заложниками — о наших я уже и не говорю, — чтобы при первой же возможности возобновить войну. Вернемся лучше, а то скоро я не выдержу и сам нарушу перемирие.

«И это, — подумал Уэйс, — конец всему, Я умру под градом камней, а Сандра умрет в Стране Ледников. Ну что ж... мы сделали все, что могли».

Он внутренне напрягся — адмирал может и не позволить посольству спокойно удалиться.

Дельп растерянно переводил взгляд с одного лица на другое.

— Капитаны Флота! — В его голосе звучало отчаяние. — Скажите свое мнение... Прошу вас, убедите милорда адмирала, что...

— Сказавший хоть одно еще предательское слово поплатится крыльями, — крикнул Т'хеонакс. — Или кто-нибудь здесь сомневается в моей власти?

Смелый шаг, промелькнуло в ошеломленной, раскалывающейся голове Уэйса. Ведь этим вызовом Т'хеонакс поставил на кон абсолютно все. А с другой стороны, не очень-то он и рискует, кто же в этом жестком, кастовом обществе оспорит его власть? На такое не способен даже отважный Дельп. Охотно или неохотно, но капитаны подчинятся.

Тишина становилась нестерпимой.

И тут ее нарушил Николас ван Рийн, нарушил в лучшем нью-йоркском стиле, издав губами долгий сочный звук, производимый обычно совсем другим отверстием человеческого организма.

Все присутствующие вздрогнули от удивления; прыжком попятившийся Т'хеонакс был сейчас похож на большого кота с крыльями.

— Что это такое? — негодующе вскрикнул он.

— А ты что, оглох? — удивился ван Рийн. — Я же сказал... — На этот раз звук получился даже артистичнее.

— Что это значит?

— Это, — объяснил ван Рийн, — такой земной термин. Перевести его довольно затруднительно, но я попробую. Это... дайте подумать... это значит, что ты... — Более изобретательного набора непристойностей Уэйс не слыхал ни до, ни после.

У капитанов отвалились челюсти, кое-кто из них обнажил оружие. Стоявшие кольцом стражники схватились за луки и копья.

— Убейте его! — пролаял Т'хеонакс.

— Нет! — ударил по барабанным перепонкам бас ван Рийна. Одна уже громкость этого звука заставила всех застыть. — Кой черт, я же посол! Только троньте посла, и Верховная Звезда перетопит всех вас в адских кипящих морях!

Малоприятная перспектива немного образумила дракхонов. Т'хеонакс забыл о своем приказе, охранники снова вытянулись по стойке смирно, а кипевшие возмущением офицеры остались на своих местах.

— Мне нужно сказать вам пару слов. — Ван Рийн говорил уже спокойнее, его голос звучал всего раза в два громче обыкновенной сирены. — Я обращаюсь ко всему Флоту. Вы задались бы вопросом — с какой бы такой стати этот писклявый сморчок ведет себя полным идиотом? Он заставляет вас продолжать войну, убийственную для обеих сторон. Он заставляет вас рисковать своими жизнями, жизнями ваших жен и детей, возможно — даже самим существованием Флота — и почему? Да потому, что он перепуган. Он понимает, что несколько лет житья бок о бок с ланнахами, а тем более — торговли с моей компанией, у которой такие смехотворно низкие цены, — и все начнет изменяться. Вы почувствуете вкус свободы. Из его ручонок ускользает власть, а такой трус, как ваш драгоценный адмирал, не может жить сам по себе. Nie, ему нужны стражники и рабы, и все вы остальные, чтобы было кем помыкать, раз за разом доказывая самому себе, что он не маломерный дрожащий слизняк, а самый взаправдашний Вождь. Да он скорее угробит весь Флот, даже сдохнет сам, чем откажется от этих подпорок!

— Убирайся с моего плота, пока я не забыл о перемирии, — прошипел дрожавший от ненависти Т'хеонакс.

— Уйду, не беспокойся, — сказал ван Рийн и направился прямо к адмиралу. Толстые брусья палубы жалобно застонали. — Я уйду и снова займусь войной, если ты так настаиваешь. Только хочется задать тебе один совсем маленький вопрос. — Он остановился перед его королевским величеством и ткнул в королевский нос грязным волосатым

пальцем. — Чего это тебя так волнует личная жизнь ланнахов? Самому небось хочется попробовать?

И он отвесил адмиралу низкий поклон, повернувшись предварительно к нему спиной.

Отделенный от главных участников сцены стеной капитанов и стражников, Уэйс не разобрал в точности, что же там произошло. Он только услышал взвизг, потом громогласный вопль ван Рийна, а дальше все застлал ураган бешено плещущих крыльев.

Нужно что-то... Уэйс бросился в гущу тел и тут же получил хвостом по ребрам. Почти не почувствовав удара, он отмахнулся кулаком, просто чтобы убрать стражника с пути, посмотреть...

Николас ван Рийн стоял, скорбно воздев руки и, похоже, почти не обращая внимания на несколько десятков угрожающе нацеленных ему в живот копий.

— Адмирал меня укусил, — жалобно завывал он. — Я пришел сюда как посол, а эта скотина меня укусила. Это что же будут за дипломатические отношения, если главы государств начнут кусать иностранных послов? Разве президент Земли кусает когда-нибудь послов? Это же варварство какое-то.

Т'хеонакс пятился от торговца, отплевываясь и стирая с подбородка кровь.

— Убирайся, — сдавленно выговорил он. — Сейчас же убирайся.

— Пошли, ребята, — кивнул ван Рийн. — Ну как можно ходить в гости, если у хозяев такие манеры?

— Мастер... мастер, куда он вас... — Уэйс сумел наконец подобраться поближе.

— Неважно куда, — недовольно проворчал ван Рийн.

К ним присоединились Тролвен и Толк, сзади выстроился эскорт. Ланнахское посольство неторопливо, четким шагом пересекло палубу, удаляясь от смятенно толпившейся вокруг своего адмирала группы дракхонов.

— Понимать нужно было. — Уэйс чувствовал себя опустошенным, в нем не осталось ничего, кроме вялой злости на непостижимо глупый поступок босса. — Это же хищники. Вы что, не видели, как они щелкают зубами, когда ярятся? У них рефлекс такой... Все заранее ясно было.

— Но все равно он не должен был кусаться, — добродетельнейшим голосом заявил ван Рийн, обеими руками держась за травмированное место. — И я, я лично не несу ни малейшей ответственности ни за его несдержанность, ни за любые ее последствия.

— Но эта суматоха — нас же могли всех здесь прикончить!

До спора на эту тему ван Рийн вообще не снизошел.

У борта их встретил Дельп. Гребень капитана уныло обвис.

— Очень жаль, что все так кончается, — вздохнул он. — А могли бы стать друзьями.

— Возможно, это совсем еще не конец, — бодро пообещал ван Рийн.

— Как это? — В усталых глазах, глядевших на торговца, не светилось ни искорки надежды.

— Возможно, ты сам все скоро увидишь. Знаешь, Дельп, — рука ван Рийна по-отечески опустилась на плечо капитана, — а ведь ты вполне порядочный парень. Мне очень пригодился бы кто-нибудь вроде тебя на должность торгового представителя в этих краях, можно — по совместительству. Комиссионные я отстегиваю очень и очень приличные. Но пока что запомни главное: ты — единственный, кого все они любят и уважают. Если с адмиралом что-нибудь случится, сразу начнется паника и неразбериха — и тгда прибегут советоваться с тобой. И если в этот момент действовать быстро, ты вполне можешь стать адмиралом. Ну а потом — потом поговорим и о бизнесе, точно?

Не дожидаясь, пока Дельп захлопнет недоуменно раскрывшийся рот, ван Рийн с обезьяньей ловкостью соскользнул в лодку.

— Ну, ребята, — выдохнул он, — теперь гоните, как черти.

Они почти уже достигли своей эскадры, когда над флагманским плотом взвихрился плотный комок тел и крыльев.

— Что это? — поперхнулся Уэйс. — Неужели атака... неужели все уже началось? — Он последними словами обругал себя за дрожащий и сбивчивый голос.

— Ну, — удовлетворенно кивнул ван Рийн, — я в общем-то рад, что мы убрались оттуда подальше. — С того самого момента, когда лодка отчалила от дракхонского плота, он так и стоял во весь рост. — Только не думаю, чтобы это война. Скорее они просто очень встревожены. Ну ничего, вот возьмет Дельп власть в свои руки — все сразу и успокоится.

— Дельп?

— Ведь если здешние белки ядовиты для нас, — пожал плечами ван Рийн, — так и земные для них тоже, наверное, не сахар. А наш покойный друг Т'хеонакс отхватил от меня вполне приличный шмат. Я всегда говорил — плохой характер обязательно доведет до беды, так что следуй лучше моему примеру. Когда меня атакуют — я тут же подставляю другую щеку.

22

С медициной на Четверговой Посадке слабовато — только автодиагност, несколько хирургических и терапевтических роботов, стандартный набор лекарств и штатный ксенобиолог, выполняющий по совместительству обязанности врача. Но шестинедельное голодание не приводит к каким-нибудь особенно серьезным последствиям, особенно если ты изначально здоров, и о тебе денно и нощно, не покладая ни рук ни ног, ни крыльев ни хвостов, заботятся два обеспокоенных народа, и дело происходит на планете, где нет способных напасть на тебя микробов.

Лечение шло быстро. С помощью биоакселерина внутривенная глюкоза за самое кратчайшее время сменилась толстыми бифштексами с кровью. К шестому диомедианскому дню Уэйс заметно прибавил в весе. Слабость оставалась,

однако он уже ходил — пошатываясь, хватаясь руками за мебель и стенки, но ходил! — по комнате.

— Не желаете, сэр? — почтительно поклонился Бенегал, один из молодых работников фактории. Он только сегодня вернулся из длительной поездки по туземным поселкам и все еще не знал подробностей благополучного спасения пропавших.

Уэйс остановился, протянул ему руку, замер в нерешительности, а затем ухмыльнулся:

— За столько времени без курева я, пожалуй, избавился от этого порока. Появляется вопрос — а стоит ли тратить силы и деньги, культивируя его наново?

— Вероятно, нет, сэр...

— Эй, ты куда! Дай-ка мне эту штуку! — Уэйс сел на край кровати и осторожно затянулся. — Я обязательно вернусь ко всем своим вредным привычкам, а пожалуй, и добавлю к ним новые.

— Вы, м-м, вы, сэр, хотели рассказать мне, каким образом удалось вам связаться с нашей станцией?

— А, да. Конечно. Все оказалось просто до дури. Когда появилась возможность свободно вздохнуть, проблема решилась за десять минут. Мы послали приличных размеров группу туземцев с запиской и, конечно же, с одним из толковых профессиональных переводчиков — чтобы выспрашивать дорогу на этой стороне океана. Сообразили для них большой спасательный плот — решетку из легких брусьев, соединившихся друг с другом в шип. Каждый диомедианец тащил по одной палке, при необходимости они собирали его прямо в воздухе, опускали на воду и отдыхали. А заодно и ловили рыбу — этим вопросом занимались лучшие специалисты Флота. Пили они дождевую воду, собирали ее в маленькие ведерки — я знал, что воды хватит, ведь дракхоны остаются в море неограниченно долго, да и вообще тут сплошные дожди.

Кстати сказать, по причинам, уже для тебя понятным, в отряде было и несколько ланнахских женщин. Из чего

следует, что гонцам из обоих этих народов пришлось расстаться с некоторыми из своих обветшавших предрассудков. По большому счету, это изменит их историю значительно сильнее, чем знакомство с земными фокусами, вроде обратного перелета через океан за один день. Хочешь не хочешь, а теперь наши посланники становятся в своих культурах подрывными элементами. От них пойдут первые ростки диомедианского интернационализма. Но это пусть уж Лига ликует, мое тут дело телячье.

Проводили мы их и заползли в постели. — Уэйс пожал плечами. — Оставалось только ждать. Через несколько дней становится легче, аппетит вообще пропадает... А где же остальные? — Он поморщился и раздавил окурок. От табака подташнивало и кружилась голова. — Я уже достаточно окреп, чтобы испытывать скуку. Кой черт, мне нужна компания!

— Если вы уж заговорили об этом, сэр, — начал Бенегал, — насколько я помню, мастер ван Рийн говорил что-то насчет того...

— В пуп и в гроб! — громогласно раскатилось за стенкой.

— ...что он навестит вас сегодня.

— Мотай тогда отсюда, — ухмыльнулся Уэйс. — Молод ты еще такое слушать. Сейчас предстоит встреча братьев по крови, товарищей, присягнувших друг другу на верность, и тэ-дэ и тэ-пэ после долгой разлуки.

Он поднялся, чтобы встретить вкатывающегося в комнату ван Рийна, а юноша тихо выскользнул в боковую дверь.

Утративший всю свою юпитерианскую корпулентность, торговец опирался на трость с золотым набалдашником, у него остался всего один подбородок. Однако черные волосы снова завивались маслянистыми локонами, вызывающе торчали игольно-острые кончики нафабренных усов и козлиной бородки, кружевную рубашку и парчовый жилет испещряли уже белые пятна некоего употребляемого через ноздри веселительного порошка, из-под батикового саронга волосатыми тумбами высовывались босые ноги, каждую

пятерню украшала, пожалуй, вся годовая продукция алмазной шахты, а на исхудавшей шее болталась серебряная цепь толщиной с якорную.

— Ходишь уже, значит, — прогрохотал торговец, жестикулируя для понятности толстой тируччираппалльской сигарой. Другая рука его надежно сжимала еще более толстый — четырехпалубный — сандвич. — Молоток! Единственный способ поправиться — в рот не брать этот ихний помойный супчик и не слушать всяких разговоров насчет «не перенапрягаться», вроде как этот крюкорукий ветеринар набрался наглости посоветовать мне. — От возмущения его лицо стало похожим на вареную свеклу. — Неужели через его протухшие и заплесневевшие синапсы не может пробраться однаединственная и совсем простая мысль — во сколь обходится мне каждый час моего здесь торчания? Какие пенки могу я снять, вернувшись домой, до того, как все эти конкурирующие шавки пронюхают, что Николас ван Рийн и на этот раз все-таки не сдох? Вот только сейчас лупил станционного техника по здоровенному мухомору, который заменяет этому типу голову, вколачивал в него, что, если к завтрашнему полудню мой корабль не будет готов к старту, я запрягу в эту таратайку его самого и скомандую, как дохлому мерину — «Но-о!» Так ты тоже возвращаешься с нами на Землю, собственной своей персоной, nie?

Уэйс не ответил. Вслед за ван Рийном в комнате появилась Сандра.

Она передвигалась в кресле-каталке и выглядела такой худенькой и бледной, что сердце Уэйса готово было разорваться. Светлые волосы, морозным облаком рассыпавшиеся по подушке, казались мертвыми, холодными на ощупь. Но в ее глазах жила безмерная зеленая глубина самых теплых, ласковых морей Земли. И она улыбнулась.

— Миледи, — прошептал Уэйс.

— Да, она ведь тоже летит. — Детально изучив вазочку с фруктами, ван Рийн взял яблоко. — Продолжим наше прерванное путешествие. На борту, конечно, будет совсем не

так много игр и развлечений... — Он окинул девушку далеко не отеческим взглядом. — Все это мы отложим до возвращения на Землю, в нормальную обстановку, nie?

— Если миледи достаточно окрепла, чтобы перенести полет... — запинаясь, начал Уэйс и сел, ноги его стали как ватные.

— Я поправляюсь. — Голос Сандры оказался таким же бледным, как лицо. — Тут нужно просто следовать предписанной диете и побольше отдыхать.

— Слушай врачей больше, они тебя вообще в гроб вгонят, — пробормотал ван Рийн, выкидывая огрызок яблока и выбирая себе апельсин.

— Но как же так, — попытался возразить Уэйс. — Мы ведь потеряли при крушении почти всех слуг. У нее будет только...

— Одна-единственная горничная? — Это был не смех, а скорее тень смеха, но звучал он совершенно искренне. — Теперь, значит, я должна забыть все, через что мы прошли, снова относиться к тебе сухо и корректно, так что ли, Эрик? Но ведь это было бы до крайности глупо — после того как мы ходили с тобой на этот хребет, над Салменброком. Или нет?

Сердце Уэйса бешено застучало.

— А ведь Господь Бог умеет, когда захочет, любую непруху превратить в хорошие деньги, — заметил ван Рийн, роняя на пол куски апельсиновой кожуры. — Мне неоткуда знать каждого работника компании, так что иногда многообещающие молодые ребята вроде тебя попадают в такие вот захолустные дыры. Теперь я заберу тебя на Землю и подыщу тебе приличное место.

«Если уж она помнит, то единственное холодное утро у подножия Оборха, — подумал Уэйс, — то уж я, ради самого себя, должен припомнить значительно менее приятные вещи — и сказать их вслух, прямо и откровенно. Время пришло».

Слишком слабый, чтобы подняться на ноги, он поймал взгляд ван Рийна и со сдержанной яростью в голосе произнес:

— Конечно, самый легкий способ вернуть себе самоуважение — купить его. Подкупить меня синекурой, чтобы я позабыл, как Сандра сидела со своей кисточкой в этом темном и промозглом сарае, сидела, пока не начинала валиться на пол от изнеможения, как она отдала нам последнюю свою еду... как сам я прямо из кожи вон лез, выматывал и тело свое, и голову, и все, чтобы вытащить нас из этой ловушки, а заодно еще и выиграть войну... Нет, вы меня не перебивайте. Я понимаю, что вы тоже принимали какое-то участие. Вы дрались во время морского сражения, потому что не было выбора, вам некуда было спрятаться. Вы придумали отличный подленький способ избавиться от главного препятствия к заключению мира. У вас вообще большие способности по этой части. Ну и вносили кое-какие предложения.

Но что это были за предложения? Все сводилось к тому, чтобы сказать мне: «Сделай вот это!», «Построй вон то!». И я делал и строил — с инопланетными помощниками, работая каменными инструментами. И мне приходилось вдобавок все это конструировать! Да ведь любой дурак мог сказать: «Отвезите меня на Луну». А вот для того, чтобы сообразить, как это сделать, нужны были мозги.

Вся ваша роль, все ваше «лидерство» сводилось к тому, что вы разгуливали, чесали языком, играли в кости и в мелкое политиканство, да жрали, как бегемот, — а ведь Сандра тем временем умирала от голода на Дорнахе, — и вы еще приписываете все заслуги себе. А я теперь, значит, отправлюсь на Землю, воссяду в какой-нибудь из ваших контор, вроде как в золоченом свинарнике, буду ковырять в носу и помалкивать, слушая ваше бахвальство. Ведь именно так оно и задумано, верно? Так вот, возьмите вы эту свою синекуру и засуньте ее...

Уэйс заметил взгляд Сандры — серьезный и почему-то сочувственный — и резко встал.

— Все, хватит, — подытожил он.

Пока Уэйс произносил свою филиппику, ван Рийн успел покончить с апельсином и даже с остатками сандвича. Теперь он слегка рыгнул, облизал пальцы, затянулся сигарой и пророкотал — мягко и на удивление дружелюбно.

— Если ты думаешь, что я раздаю синекуры, то ты — большой оптимист. Я предлагаю тебе вполне серьезную работу и по одной-единственной причине — мне кажется, что ты справишься с ней лучше, чем многие земные ребята, у которых голова хрящом проросла. А платить я тебе буду ровно столько, сколько эта работа стоит. И ты у меня на этой работе ноги до задницы сносишь.

Уэйс судорожно хватил глоток воздуха.

— И не стесняйся, оскорбляй меня сколько душе угодно, хочешь — один на один, хочешь — на людях, — продолжил ван Рийн. — Но только не в рабочее время. А теперь я пойду, найду того типа, который подложил нам бомбу, и серьезно им займусь. Ну и попрошу повара сообразить мне небольшую такую субмарину[45]. Пахать и сеять! Они тут, кажется, решили заморить меня голодом!

Он помахал на прощание своей неопрятной лапой и удалился, громыхая ногами.

Сандра подъехала ближе и тронула руку Уэйса. Прикосновение прохладной, легкой; как осенний лист, ладони обожгло его.

— Я давно этого ждала, Эрик. — Голос доносился словно откуда-то издалека. — Тебе нужно все понять, и чем скорее, тем лучше. Я рождена для того, чтобы править... вся моя жизнь была одним долгим правлением, ведь так?.. Я знаю, о чем говорю. Есть липовые вожди, пустые и легковесные, как надутые пузыри, которые только и умеют, что мешать людям, занятым настоящей работой. Да, таких сколько

[45] В данном случае — большой сандвич, состоящий, грубо говоря, из разрезанного вдоль батона с самой разнообразной, иногда — холодной, иногда — горячей, начинкой.

угодно, но ван Рийн не из них. Без него и ты, и я лежали бы сейчас на дне Ахана.

— Но...

— Ты жалуешься, что он заставлял тебя решать трудные задачи, которые самому ему были не под силу. Ну а как же иначе? Лидер совсем не должен делать все самостоятельно. Его работа — приказывать, уговаривать, заставлять, подкупать — идти буквально на все, лишь бы люди делали то, что должно быть сделано, вне зависимости от того, считают они сами задачу выполнимой или нет.

Вот ты говоришь, он непрерывно прохлаждался, чесал языком, рассказывал туземцам анекдоты, напускал на себя важность. А как же иначе?! Как же без этого? Ведь мы были там чужаками, чудовищами, а заодно еще и попрошайками. Вот ты или я, могли бы мы начать в роли уродливого попрошайки, а кончить фактически королем?

Ты говоришь, он давал взятки из денег, полученных жульнической игрой в кости, а кроме того, врал, бахвалился, мошенничал, интриговал, убивал — и прямо и втихую. Да. И я не говорю, что это хорошо. И не скажу, что он не получал при этом удовольствия. Но вот ты — мог бы ты придумать другой способ спасти наши жизни? Или хотя бы помирить этих несчастных передравшихся дураков?

— Ну... ну... — Уэйс отвернулся к окну, за которым расстилалась голая необозримая равнина. Все-таки насколько уютнее будет в окружении привычно-узкого земного горизонта.

— Ну, может быть... — он с трудом выдавливал из себя слова. — Я... наверное, я слишком поспешен в суждениях. Но все равно он нас использовал. Без нас он...

— Думаю, без нас он нашел бы какой-нибудь другой способ вернуться, — прервала его Сандра. — А вот мы без него — не нашли бы.

Уэйс отвернулся от окна. Лицо девушки покраснело — оно было даже краснее, чем освещавшие его лучи янтарного солнца.

«Ведь Сандра — женщина, — подумал он, чувствуя внезапно навалившуюся усталость, — а женщины всегда живут для будущего, мужчины так не могут. Особенно она — ведь от ее ребенка будет зависеть жизнь целой планеты, и она — аристократка в самом буквальном смысле этого слова. Отец будущего Герцога Гермесского может быть старым, толстым, неопрятным, черствым и бесчувственным, он может даже расценивать свои с ней отношения как мимолетную интрижку, и не более. Какая разница, если женщина и аристократка считает его настоящим мужчиной?

Ну что ж, всяческого счастья — и я благодарен им обоим».

— Думаю... — Сандра выглядела растерянно и нерешительно, в ее голосе звучало что-то близкое к мольбе. — Думаю, мне лучше уйти, а ты отдохни. А ведь он совсем не такой сильный, каким хочет казаться, — добавила она после секундной паузы. — Возможно, я ему нужна.

— Нет. — На Уэйса нахлынула огромная, всепоглощающая нежность. — Это он вам нужен. Прощайте, миледи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Официально Волшебная Страна считалась новым кварталом Лунограда. Во всяком случае, именно такие сведения хранились в памяти компьютеров административного центра. Однако у местных жителей было на этот счет собственное мнение. Они полагали, что это совершенно другой, прекрасный, волшебный мир, где можно обрести и радость, и печаль.

Но власти больше доверяли компьютерам, ни на мгновение не прекращавшим свою работу под землей в старом городе.

Дэвид Фолкейн остановился у столба, что отмечал границу между этими двумя мирами.

— Что ж, милая, — сказал он, — здесь мы, пожалуй, и расстанемся.

Девушка, к которой были обращены его слова, прижала к губам ладонь.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она сдавленным голосом.

Фолкейн даже немного растерялся. Он не ожидал подобной реакции от этой девушки, которая представилась ему как Вероника. Горечь, прозвучавшая в ее голосе, никак не вязалась с густыми черными волосами, в которых звездочками сверкали искусственные бриллианты, с ее точеной фигуркой, едва прикрытой несколькими цветными лоскутами.

— О нет, не навсегда; по крайней мере, я на это надеюсь, — улыбнулся он. — Просто мне пора приниматься за работу. Давай встретимся в вечернюю вахту.

Девушка благодарно улыбнулась:

— Ты меня так напугал! Я даже не знала, что и думать: мы с тобой мирно гуляли, и вдруг ни с того ни с сего ты предлагаешь расстаться.

— Я вовсе не собираюсь от тебя убегать. Мы ведь знакомы, кажется, всего три стандартных дня. Ну да, мы встретились на вечеринке у Териолта.

Вероника покраснела и отвела глаза.

— Я просто подумала, что тебе, наверно, мало одной меня... ты ведь столько времени не видел женщин, — сказала она едва слышно. — Понимаешь, тебе вряд ли кто откажет. Ты герой космоса, настоящий космопроходец. Мы, местные девушки, знаем самые свежие сплетни и одеваемся по последней моде, но никто из нас не бывал за Юпитером. И вряд ли кто из наших парней может похвастаться этим. В сравнении с тобой они — ничто. Поэтому я была так рада, что ты обратил на меня внимание. Подруги мне отчаянно завидовали, а я беспрестанно боялась, что все вот-вот кончится так же внезапно, как и началось.

Фолкейн самодовольно улыбнулся. Да, мало кто в его лета смог получить удостоверение космического торговца. Да, только ему одному выпала честь стать доверенным лицом одного из некоронованных королей космоса — Николаса ван Рийна. Да, не раз в его руках находились судьбы целых планет. И внешность у него что надо: чуть вздернутый нос, широкие скулы, твердая линия подбородка, голубые глаза на смуглом от загара лице, курчавые светлые волосы, опаленные огнем далеких солнц. При росте сто девяносто он сложен, как атлет. И одежда: пускай он прибыл с самой границы освоенной человечеством Вселенной, но на нем сшитый лучшим портным Луны жемчужно-серый китель и отделанные золотом кюлоты.

Эй, приятель, одернул он себя. В нем жила обретенная во вселенских далях настороженность дикого зверя. Не забывай: эта девица с тобой не просто так. К тому же причина, по которой ты не сказал ей сразу, что твой отпуск скоро закончится, по-прежнему остается в силе.

— Весьма польщен твоими словами, — сказал он, — а особенно тем, что ты составила мне компанию. — Он ухмыльнулся. — Продолжим наши развлечения. Сначала пообедаем, потом, быть может, сходим на балет. В последнем я, правда, не уверен, но вот пообедаем мы непременно. Проведя столько времени за пределами Солнечной системы в исследованиях диких планет, я горю желанием исследовать здешние дикие рестораны, да еще, — он поклонился, — со столь восхитительным гидом.

Вероника ответила в том же тоне:

— Маленькая дикарка готова услужить знаменитому капитану Торгово-технической Лиги!

— Я найду тебя, как только вырвусь, — через тысячу восемьсот часов.

— Да уж, пожалуйста, — она взяла его под руку. — А нам обязательно расставаться? Я могу взять выходной, и мы вместе поедем, куда тебе надо.

Так, зверек показывает зубки. Ладно, не будем подавать вида.

— Извини, но это невозможно. Секрет.

— Что? — она недоуменно подняла брови. — Ты все еще играешь в эти игрушки? — В голосе ее слышалась откровенная насмешка. — Мне говорили, что ты занимаешь высокий пост в Галактической компании специй и спиртных напитков, что компания эта одна из основных в Лиге, что Лига не признает законов планет и Содружества. Чего же ты боишься?

«Если она пытается заставить меня проболтаться, — подумал Фолкейн, — то стоит проделать то же самое с ней».

— Лига не является унитарной, — сказал он наставительно, — это ассоциация галактических торговцев. Если она и могущественнее любого из правительств, так только потому, что размах ее деятельности неизмеримо больше. И правительством ее тоже назвать нельзя. Она лишь организует взаимовыгодное сотрудничество и посредничает в

конфликтах. Не то что там убивают агентов конкурирующих компаний, но всяких махинаций хватает.

— Ну и что?

«Переигрываешь, девочка, — подумал Фолкейн. — Вовсе ты не так сильно обижена, как стараешься показать». Он пожал плечами:

— Скажу без лишней скромности: за мной могут охотиться. Как же, правая рука Старого Ника! Всего лишь намек на мои дальнейшие планы может обернуться для любого из конкурентов миллионными прибылями. Поэтому мне приходится опасаться, скажем так, сборщиков коммерческой информации.

Вероника отступила на шаг. Руки ее сжались в кулаки.

— Ты хочешь сказать, что я шпионка?! — воскликнула она.

«Откровенно говоря — да», — подумал Фолкейн.

Радости ему это признание не доставило. Он несколько секунд молча глядел на девушку, стараясь обрести внутренний покой. Вероника была очень привлекательна, прямотаки вызывающе красива.

Конечно, Волшебная Страна была не первой из станций, построенных на лунной поверхности. Но при ее проектировании был использован весь накопленный ранее опыт. Основная идея была простой. На космических кораблях, чтобы предотвратить излучение частиц, применялись электромагнитные экраны. Кроме того, на этих кораблях использовались искусственно создаваемые положительные и отрицательные силовые поля — для движения, для поддержания внутри корпуса постоянной силы тяжести при любых ускорениях, для уничтожения кораблей противника, наконец. А что, если использовать эти системы для создания на поверхности Луны гигантского воздушного пузыря?

На практике задача оказалась неимоверно сложной. Пришлось столкнуться с проблемами утечки воздуха, поддержания определенной температуры, контроля за

озоновым слоем. Но в конце концов все сложности были преодолены, и Солнечная система получила шикарный курорт.

В одном из уголков этого курорта раскинулся парк, где находились сейчас Фолкейн и Вероника: травяные лужайки, увитые зеленью беседки, фонтаны с нависшими над ними дугами радуг.

При лунной силе тяжести деревья достигали фантастической высоты и изгибались самым причудливым образом, как и струи фонтанов, а походка людей была почти танцующей. Над парком вздымались башни и колоннады самых разных цветов и оттенков, соединенные друг с другом бегущими улицами. Над головами порхали птицы. Теплый воздух был насыщен ароматами духов, смехом, обрывками мелодий и настойчивым бормотанием двигателей, обеспечивающих жизнеспособность станции.

Но за пределами купола раскинулась голая лунная поверхность. Часы внутри были установлены по Гринвичу, тысячи маленьких солнц, свисавших с бронзовых стержней, создавали иллюзию утра. Но на самом деле на планете была ночь. Грозная и величественная тьма окружала купол. На черном небе едва можно было различить звезды. На юге маячила туманно-голубая Земля. Пристально вглядевшись, на ее неосвещенной стороне можно было заметить мегаполисы, казавшиеся на таком расстоянии крошечными искорками. А у края купола, на авеню Сфинксов, виднелось покрытое пеплом дно кратера, где находилась станция. Вдалеке проступал зловещий силуэт Платона[46].

Мысли Фолкейна вернулись к стоявшей перед ним девушке.

— Извини, — попросил он, — я вовсе не имел в виду ничего такого.

[46] Платон — лунный кратер.

«Естественно, имел, — подумал он. — Да, я шляюсь по окрестностям галактик, но это отнюдь не значит, что я доверяю кому попало. Совсем наоборот. Когда через несколько часов после посадки на планету ко мне в друзья набивается столь привлекательная и утонченная женщина... и всячески меня обхаживает, ничего не рассказывая о себе, и потом небольшая проверочка по методу Чи Лан показывает, что женщина эта, мягко говоря, не совсем искренна... Что же тогда я должен предположить?»

— Надеюсь, что ничего, — отрезала Вероника.

— Я принес присягу мастеру ван Рийну, — сказал Фолкейн. — А его приказ — держать язык за зубами. Ему не хочется, чтобы конкуренты его обставили. — Он сжал в ладонях руки девушки. — Да и тебе так будет спокойнее, милая, — добавил он мягко.

Девушка перестала сердиться. На глазах ее появились слезы (как вовремя, подумал Фолкейн).

— Я просто хотела... разделить с тобой не только развлечения, Дэвид, — прошептала она. — А ты говоришь, что я шпионка или в лучшем случае, — она судорожно сглотнула, — болтушка. Больно, понимаешь?

— Ничего я такого не говорил. Да и чем меньше знаешь, тем спокойнее жить. А мне бы очень не хотелось, чтобы ты из-за меня попала в беду.

— Но ты же только что сказал, что агентов не убивают...

— Конечно, нет. Убийства, похищения, промывка мозгов — все это не для членов Лиги. Ни они, ни их наемники этим не занимаются. Существует много других способов добиться желаемого. И самый простой из них — подкуп.

«Точно так, — подумал Фолкейн. — Интересно, сколько ей заплатили и сколько обещали потом за достоверную информацию обо мне?»

— Есть способы и посложнее, но, скажем так, погрязнее. На них смотрят косо, но это вовсе не означает, что ими не пользуются. Например, подглядывание — разве есть такой человек, которому нечего было бы скрывать от других?

Существуют сотни способов давления на человека, впрямую и исподволь, аккуратно и грубо. Новичков, так тех частенько шантажируют. Кто-нибудь начинает оказывать тебе внимание, ты идешь ему навстречу, и глядишь — вот и на крючке, и этот кто-нибудь уже натягивает леску.

«Скорей всего именно так ты и намерена поступить со мной, — добавил он мысленно. — А может, сделать вид, что я тебе верю? Ты ведь бес, которого я не знаю. Ты отгонишь от меня незнакомых бесов и доставишь мне массу удовольствия. Какой кошмар: бессовестный деревенщина соблазнил наивную городскую девушку! Однако, как мне кажется, в утешителях у тебя недостатка не будет. А когда буду улетать, то подарю тебе на прощание браслет из огненного камня с какой-нибудь проникновенной надписью или что-то там в том же духе...»

Девушка вырвалась. Тон ее снова стал суровым:

— Я вовсе не требовала, чтобы ты нарушил присягу, — сказала она. — Только ведь я не игрушка!

«Так-так. Наш голосок снова заледенел. Заиндевел, если быть точным. Что ж, пререкаться можно до бесконечности. Пожалуй, пора уходить, приятель». Фолкейн весь подобрался и щелкнул каблуками.

— Прошу прощения, сударыня, что так долго надоедал своим присутствием. Впредь такое не повторится. Честь имею. — Он поклонился и пошел прочь.

Он уже подумал было, что его затея провалилась, как вдруг Девушка тоненько вскрикнула и бросилась за ним. Она припала к нему и, захлебываясь слезами, принялась объяснять, что не поняла его, что больше не будет так себя вести, если только он...

«Быть может, — подумал Фолкейн, — в чем-то она и искренна».

Да, годы учения для него, наследника баронского титула в Великом Герцогстве Гермесском, не прошли даром. Пускай он младший сын, пускай он рано покинул дом, разочаровавшись во всех занятиях, что приличествуют аристократу,

пускай он с тех самых пор не бывал на родной планете, но, когда следует проявить характер, Фолкейн знал превосходно. А еще он знал, что нужно заниматься делом, хотя с удовольствием отдохнул бы подольше. Поэтому Дэвид избавился от Вероники, как только закончилась сцена примирения, и отправился своей дорогой.

Глава 2

Сначала он заглянул в большой пункт проката спортивного инвентаря на другой стороне парка, рассудив, что среди множества предлагаемых предметов ему легко будет оторваться от «хвоста», если таковой имеется. Фолкейн отметил, что вакуумные костюмы и вездеходы куда менее неуклюжи, чем он предполагал. Но вылазка в лунные горы, когда стоит только позвать в микрофон, и через пару минут появятся спасательные флиттеры, отнюдь не то же самое, что путешествие по совершенно незнакомой планете, когда можно загнуться только от одной мысли, что ты — единственное человеческое существо на расстоянии в несколько световых лет. В таких случаях больше пользы от этих вот разборных лодок с яркими парусами. Интересно, насколько они тут популярны. Лешачье озеро[47] очень маленькое; да и для того, чтобы управлять таким суденышком в условиях слабого притяжения, нужно, как он не раз мог убедиться, немалое искусство.

Выйдя через заднюю дверь, Фолкейн увидел беседку колодца межуровнего сообщения и вошел в нее. В этих колодцах свободное падение замедлялось с помощью специальных устройств, создававших своего рода невесомость. Вместе с ним по колодцу опускались еще несколько человек, на вид — обычные горожане.

«Наверно, я излишне подозрителен, — подумал он. — В конце концов, какая разница, узнают ли конкуренты о моем

[47] В оригинале Lake Leshys.

визите в «Сириндипити Инкорпорейтед» или нет? Ведь мы же находимся не в логове каких-нибудь варваров-нелюдей, а на спутнике нашей матушки-Земли. В самом центре Содружества! Чего опасаться торговым агентам? Они играют в свои игры ради денег, и проигравший теряет только кредитки, но никак не жизнь. Так что расслабься, Дэвид, и отдыхай».

Но привычка была сильнее, и к тому же он вспомнил, при каких обстоятельствах он слышал этот совет.

Он вышел из колодца на восьмом подуровне и очутился на перекрестке туннелей. По широким мостовым сплошным потоком двигались грузоходы и машины-роботы, по тротуарам спешили куда-то пешеходы в рабочих комбинезонах. Стены туннелей были выкрашены в серый цвет; их покрывала неизбежная тонкая пленка копоти. По обеим сторонам в них имелись двери, которые вели на заводы, склады, в гаражи, офисы. Рокотали моторы; пахло человеческим потом, какими-то химикатами, озоном. Из обнесенных ограждениями решеток то и дело вырывались дуги электрических разрядов. Под ногами пол подрагивал: уровнем ниже располагались гигантские двигатели, от которых зависела жизнь колонии. Да, Волшебная Страна была всего лишь прелестной маской. А здесь, в промышленной части старого Лунограда, располагался, если можно так сказать, желудок станции.

Туннель Гагарина, как и многие другие, заканчивался на площади Титова. Фолкейн много слышал об этой площади и ожидал увидеть нечто грандиозное, но сквозной колодец с прозрачным куполом, сквозь который мерцали Земля и звезды, не произвел на него особого впечатления. «Не будем слишком строги, — сказал он себе, — это ведь одна из первых площадей Лунограда». На балконах, расположенных на каждом уровне по окружности колодца, было полно народу. Фолкейну пришлось пробираться через толпу. По большей части это были местные жители: рабочие, бизнесмены, наставники, техники, домохозяйки. О том, что они живут

здесь очень давно, свидетельствовали их походка и манеры. Но попадались и чужаки: торговцы, астролетчики, студенты, туристы — причем не только с Земли, но и с других планет.

Фолкейн заметил, что склады наиболее известных компаний, таких, например, как «Самоцветы Иварсена», прямотаки бросаются в глаза, тогда как хранилища менее знаменитых фирм почти незаметны. Из дверей «Марсианской харчевни» донесся шум. «А не завернуть ли мне туда», — подумал Фолкейн. Об эле, который варили в этом заведении, слагали легенды даже на Бетельгейзе. «Нет, не теперь... «Дело зовет визгливым голосом», как любит повторять ван Рийн». Фолкейн двинулся дальше.

Наконец он подошел к массивной бронзовой двери, украшенной сложным барельефом. В нескольких сантиметрах перед ней — этот эффект достигался с помощью стереопроекции — горели буквы «Сириндипити Инк.». Выглядело это довольно убого. Так могла зазывать клиентов какая-нибудь фирма лет этак двести назад. И тем не менее: «Сириндипити Инк.» за последние пятнадцать лет стала одной из самых преуспевающих компаний Лиги.

«Что ж, — подумал Фолкейн, — таковы законы свободного рынка: если в чем-то ощущается нехватка и если ты можешь заполнить лакуну, то разбогатеть можно в два счета. Старый Ник, когда создавал свои летучие торговые команды, явно ориентировался на смоделированные компьютерами «Сиринди-пити» ситуации.

Есть в этом своя ирония. Мы с Эдзелом и Чи Лан должны отбирать среди сообщений от наших автоматических зондов с неизвестных планет самые интересные и передавать их по спецсвязи ван Рийну. Если он сочтет эту информацию заслуживающей внимания, то, прежде чем другие члены Лиги узнают о существовании подобных планет, на них уже побывают наши разведывательные партии. Казалось бы, нам все карты в руки. Но вот я, профессионал, иду на поклон к

«Сириндипити», как какой-нибудь желторотый бизнесмен с Земли».

Фолкейн пожал плечами. В последний раз они опоздали с возвращением. Задержись они еще немного, и вместо отпуска получили бы приказ отправляться куда-нибудь к черту на кулички. Им повезло, что ван Рийн был в хорошем расположении духа: не очень шумел и даже согласился выплатить гонорар.

Дверь открылась. Фолкейн очутился в маленькой комнатке, стены которой были увешаны дорогими тканями. Он увидел перед собой еще несколько дверей. Из вокаляра раздался приятный женский голос:

— Добрый день, сэр. Номер четыре, пожалуйста.

За указанной дверью оказался узкий коридорчик, в конце его — еще одна дверь, а за нею — офис. В отличие от многих других помещений Лунограда здесь, как заметил Фолкейн, не пытались компенсировать отсутствие окон каким-нибудь пейзажем на экране. Несмотря на толстый темно-голубой ковер на полу, лазурные стены, перламутровый потолок, удобную мебель и аромат цветов, комната казалась холодной. В дальнем конце за большим столом сидела женщина.

— Добро пожаловать, — сказала она.

— Спасибо, — вежливо улыбаясь, отозвался Фолкейн. — У меня такое чувство, будто я очутился в крепости.

— В чем-то вы правы, сэр. — Голос ее можно было бы, пожалуй, назвать приятным, не будь он таким бесцветным. По-английски женщина говорила с гортанным акцентом; причем даже тренированный слух не помог Фолкейну определить, откуда она родом. Улыбка как будто была приклеена к ее лицу. — Защита прав личности является одной из основных забот нашей фирмы. Те, кто обращается к нам, чаще всего не хотят, чтобы об этом стало известно. Руководители фирмы — и я в том числе — лично принимают клиентов. Мы очень редко прибегаем к помощи персонала.

«Ну, да, — подумал Фолкейн, — потому вы и дерете втридорога даже за предварительную консультацию».

Женщина, не вставая, протянула ему руку.

— Я Тея Белдэниэл. — Рукопожатие было небрежным с обеих сторон. — Садитесь, пожалуйста, мастер Кубичек.

Фолкейн опустился в кресло. Ручка кресла выдвинулась: в ней оказался ларчик с первоклассными сигарами. Он взял одну.

— Спасибо. Раз уж я здесь, то, пожалуй, можно забыть про этот псевдоним. Наверное, многие клиенты так поступают?

— Да нет. До тех пор, пока они не остаются один на один с машинами, в этом нет надобности. Естественно, многих мы узнаем, поскольку к нам обращаются известные люди. — Тея Белдэниэл помолчала; пауза эта показалась Фолкейну хорошо прорепетированной. — Известные, я хочу сказать, в ближайших галактиках. Вы понимаете, как бы знамениты они ни были у себя на родине, никакое живое существо не может запомнить их всех — ведь наша цивилизация распространилась на много сотен световых лет. Вот вы, сэр, наверняка с колонизированной планеты. Глядя на вас, можно сказать, что на вашей планете сословное общество и что вы из благородной семьи. Содружество не признает подобных различий, поэтому ваш мир вряд ли входит в него. А такие планеты можно пересчитать по пальцам. И на них обычно полно проблем.

Поскольку Фолкейна уже давно интересовала эта фирма, он попытался завязать откровенный разговор:

— Правильно, сударыня. Хотя я тут скорее по торговым, а не по политическим делам. Я работаю на базирующуюся на Земле Компанию специй и спиртных напитков. Мое настоящее имя Дэвид Фолкейн, а родом я с Гермеса.

— Все знают Николаса ван Рийна, — кивнула она в ответ. — Я неоднократно встречалась с ним.

«Надо признать откровенно, со мной так носятся только из-за того, что я человек ван Рийна, — подумал Фолкейн. —

Сколько я уже получил за эти дни приглашений от промышленных королей, их жен, дочерей и приспешников! Как будто с цепи сорвались: так им хочется увидеть храброго космического рейнджера и его товарищей! Но нужны-то им не просто храбрые космические рейнджеры, а храбрые космические рейнджеры Старого Ника.

Но вот сестры Белдэниэл и их компаньоны Ким Юн Кун, Анастасия Геррера, муж и жена Латимеры — другое дело. Основатели и владельцы «Сириндипити Инк.», компьютеры которой хранят в своей памяти всю информацию об известной Вселенной, как будто ничего о нас не слышали. Сидят себе в своих конторах-крепостях, куда нет доступа посторонним... Интересно, эта мадам способна рассердиться?»

Тею Белдэниэл нельзя было назвать дурнушкой: Она была довольно привлекательна: высокая, гибкая, хорошего сложения — этого не мог скрыть и белый свободного покроя костюм. Коротко подстриженные волосы подчеркивали правильную форму головы; черты лица можно было бы назвать классическими, только, пожалуй, даже в глазах Афины было больше тепла.

Возраст ее было определить затруднительно. По крайней мере, за сорок. Однако она следила за собой и явно прибегала к лучшим косметическим средствам. Поэтому и лет через десять в каштановых волосах ее будет все та же одна-единственная седая прядка, светлая чистая кожа станет лишь чуть суше да в уголках глаз появятся морщинки. Фолкейн решил, что самое привлекательное в ней — это глаза, большие, широко расставленные, лучисто-зеленые.

Он закурил и выпустил кольцо дыма.

— Мне кажется, нам есть о чем поговорить, — сказал он. — Вы ведь покупаете информацию за наличные, не так ли? Или обмениваете ее на другую?

— Да, и чем больше, тем лучше. Но должна вас предупредить: цену мы назначаем сами, а порой даже отказываемся выплачивать оговоренные суммы, пусть информация и была передана нам. Ценность информации зависит от ее

уникальности. Быть может, в наших банках данных уже имеются аналогичные сведения, которые мы не можем разглашать, поскольку тут существует опасность выдачи доверенных нам тайн. Поэтому, мастер Фолкейн, если вы хотите продать информацию, вам придется положиться на репутацию нашей фирмы.

— Ну что ж. Я посетил много планет, видел много народов и культур...

— Информацию подобного рода, так сказать, легендарную, мы принимаем, но платим за нее не очень дорого. Более всего мы заинтересованы в достоверных документальных фактах. Причем совершенно не обязательно они должны касаться новых открытий во Вселенной. В центре цивилизации тоже ведь происходит много любопытных вещей.

— А не могли бы вы ответить мне на такой вопрос. Я работаю на мастера ван Рийна и пользуюсь его доверием. Положим, я предложу вам такие подробности о его торговых операциях, которые он сам предпочел бы скрыть. Вы их приобретете?

— Возможно. Но мы не сможем открыть эти подробности другим. Наше положение в Лиге целиком зависит от доверия наших клиентов. Это, кстати, одна из причин, почему у нас такой маленький штат. Мы держим минимальное количество экспертов и техников; причем заметьте: все они не люди. Остальным занимаются машины. Кроме того, нам в какой-то мере выгодно, чтобы считали, что мы сторонимся общества. Если мастер ван Рийн знает, что мы не встречались за обеденным столом с мастером Харлеманом из Венецианской чайно-кофейной компании, то у него будет меньше оснований подозревать нас в сотрудничестве с последним.

— Последним из Венецианской? — невинно переспросил Фолкейн.

Тея Белдэниэл выпрямилась, сложив руки на коленях.

— Вполне возможно, мастер, что вы слишком долго не бывали в цивилизованных мирах и потому не совсем точно представляете себе принципы, на которых зиждется деятельность «Сириндипити», — сказала она. — Я постараюсь объяснить их вам, упростив до предела.

Проблема поиска информации была разрешена давным-давно с помощью электронных запоминающих устройств, а также систем считывания, кодирования и копирования. Но проблема использования информации стоит очень остро. Дело в том, что границы освоенной Вселенной раздвигаются гораздо быстрее, чем того хотелось бы людям и их товарищам по космическим перелетам. Вообразите себя ученым или человеком искусства. У вас есть идея, которую вы сами считаете новой. Но до каких пределов эту вашу идею дублируют мысли биллионов других существ, живущих на тысячах известных планет? Чем можете вы подтвердить, что идея ваша в самом деле нова? Да, конечно, можно обшарить библиотеки и информационные центры и получить по интересующему вас вопросу куда больше сведений, чем требуется обычно. Гораздо больше! Но мало того, что никакой жизни не хватит на изучение всей этой информации, — вы даже не сможете отобрать из нее то, что вам действительно нужно. А в еще худшем положении находится компания, планирующая торговую экспедицию. С какими конкурентами она может столкнуться в космосе? Кто может свести на нет все их усилия? Каких противников они не приняли в расчет лишь из-за того, что не имели представления об их существовании?

— Я уже слышал эти вопросы, — сказал Фолкейн сухо. Он был скорее озадачен, нежели обижен прочитанной ему лекцией. Неужели эта женщина настолько лишена простого здравого смысла, что считает своей обязанностью излагать клиенту все эти сведения, словно он какой-нибудь дикарь из каменного века?

— Естественно, — тон ее оставался прежним. — И ответ вроде бы тоже напрашивается сам собой. Компьютеры могут

не только считывать, но и анализировать информацию. Они определяют возможные связи и проверяют их, причем делают это очень быстро и могут выполнять сразу несколько процессов. Можно сказать даже, что они способны давать совету. Но это теория, а что касается практики, то здесь дело обстоит гораздо сложнее. Во-первых, нужен совершенно иной уровень развития кибернетики. Потом... Члены Лиги ревностно оберегают свои тяжким потом добытые секреты. Чего ради, спрашивается, выдавать их конкуренту? Или общественному информационному Центру, где их сможет узнать все тот же конкурент? Или кому-то еще, кто не соперничает с вами, но запросто может заключить сделку с вашим конкурентом — или решит изменить сферу своих интересов и станет вашим противником?

Будете вы использовать информацию или нет, сначала вам нужно потратить определенную сумму на ее приобретение. А если вы решитесь с ней расстаться, то тоже сделаете это за деньги — если, конечно, не стремитесь обанкротиться. Переговоры же по продаже коммерческих тайн всегда идут медленно и трудно.

«Сириндипити» разрешила эту проблему! Да, разрешила — с помощью новейшего оборудования и оригинальных идей!

Фолкейн откинулся на спинку кресла. Он был сбит с толку, растерян, едва ли не испуган. Его предупреждали, что фирмой руководят довольно странные люди, но подобного он не ожидал. Эта женщина выложила ему, человеку, который оплатил только предварительную консультацию, то есть первому встречному, такие сведения... Во имя всего святого, почему?

Быть может, у них так принято, подумал он. Как еще можно объяснить поведение его собеседницы?

Женщина говорила вроде бы спокойно, но напряжение в разговоре нарастало:

— Чем больше объем информации, тем больше вероятность обнаружить данные, в которых нуждается тот или

иной клиент. Поэтому создание мощного информцентра послужило бы только ко всеобщей выгоде — при том условии, что ни один из пользователей не будет иметь перед другими преимуществ при обслуживании. Именно такие услуги наша фирма и предлагает. Естественно, часть информации к нам поступает из обычных источников. Ведь библиотеки и информационные центры имеются на многих планетах. Но мы еще и покупаем информацию у отдельных лиц, если находим, что она того заслуживает. А взамен продаем этим лицам ту информацию, которая интересует их. Следует отметить, что мы строго соблюдаем правило анонимности наших клиентов. Мы, основатели центра, не знаем и не стремимся узнать, какие вопросы вы задали, какие ответы получили, что вы сообщили машинам, как они оценили ваши сведения, к каким дополнительным выводам пришли. — Всю эту тираду она произнесла единым духом. — Все эти сведения остаются в машинах. Мы вмешиваемся в эту процедуру только по просьбе клиентов. Обычно же круг наших занятий составляют статистические подсчеты: мы выводим средние показатели и все такое прочее. Наша фирма приобретала известность по мере того, как у клиентов росло доверие к нам. Бесчисленные тайные расследования подтвердили, что мы никому не отдаем предпочтения, ничего не выбалтываем, что нас невозможно подкупить. С каждым днем мы приобретаем все новых клиентов и все новый опыт.

Она подалась вперед и взглянула на Фолкейна в упор.

— Например, представьте себе такую ситуацию: вы хотели бы продать нам некую информацию относительно вашей компании. В память машины могут быть внесены и голословные утверждения, поскольку и они тоже являются информацией. Но им скорее всего не будет веры. Обычные меры против промышленного шпионажа позволят отделить правду от лжи. Но если эти меры окажутся неэффективными — тогда мы купим ваши сведения. Перекрестные проверки очень скоро выявят недостоверность информации, и машины запомнят этот факт. Если директор вашей фирмы

является единственным владельцем упомянутой информации, то эти сведения не будут выдаваться до тех пор, пока их не сообщит нам кто-либо еще. Однако логические цепи машин будут учитывать эти факты при подготовке рекомендаций — кстати, ни для кого, в частности. Например, компьютер может посоветовать конкурентам вашей фирмы действовать вовсе не так, как они предполагали. И сделает он это потому, что знает о ложности сообщенных вами сведений. Но он только посоветует, не открывая причины своих действий. — Она перевела дыхание.

Фолкейн воспользовался наступившей паузой:

— Если я вас правильно понял, то в интересах клиента не пытаться обмануть машину. Значит, чем больше вашим компьютерам расскажешь, тем лучший совет от них получишь. Ага, вот где собака зарыта!

— Это лишь одна из причин нашею преуспевания, — сказала Тея Белдэниэл. — Вообще-то ситуации вроде той, что мы с вами себе представили, возникают редко. Почему бы мастеру ван Рийну и не продать нам информацию о том, что один из его разведывательных кораблей натолкнулся на планету, аборигены которой являются искусными скульпторами? Насколько я знаю, он не такой уж большой любитель искусств. Вот. А в обмен он может купить у нас по весьма сходной цене информацию о том, что корабль, экипаж которого дышит водородом, обнаружил планету с кислородной атмосферой, на которой изготавливают совершенно необычное вино.

— Мне понятно только одно, — заметил Фолкейн. — Если я правильно все усвоил, то, чтобы узнать нечто важное, ему пришлось бы прийти сюда самому. Верно?

— В данном конкретном случае нет, — отозвалась она. — Его цели были ясны. Но вообще, мы, естественно, охраняем наши фонды. Вот взять, например, вас... — Она сделала паузу, потом сказала резко: — Вы, насколько я могу судить, собирались усесться перед машиной и сказать: «Я — Дэвид Фолкейн. Есть у тебя что-нибудь интересное для меня?» Что

ж, вы вполне можете рассчитывать, что подобная информация в банке данных найдется. Но неужели вы не понимаете, сэр, что именно ради вас мы не можем такого допустить? Чем вы докажете, что вы — это вы?

Фолкейн полез было в карман, но женщина жестом остановила его.

— Не мне, — сказала она. — Мне вовсе ни к чему знать, тот ли вы человек, за которого себя выдаете. Машина проверит ваши отпечатки пальцев, сличит оригинал с хранящимся в памяти портретом — словом, выполнит все обычные процедуры, если ваши данные есть в карточке Содружества. Если же их там нет, компьютер осуществит идентификацию каким-либо другим способом. — Она встала. — Пойдемте, я провожу вас в машинный зал. Вы увидите наши компьютеры в действии.

Шагая следом за ней, Фолкейн никак не мог решить, похожа ли ее походка на походку фригидной женщины. Но это ерунда.

Ему в голову пришла куда более интересная мысль. Он как будто понял, почему она себя так вела, почему так подробно объясняла, хотя могла бы и сообразить, что ему большей частью это все известно. Ему уже приходилось сталкиваться с этой болезнью, название которой — фанатизм.

Глава 3

Фолкейн сидел в кресле. В комнате больше никого не было, и все же он не мог сказать, что оставался совсем один, ибо гигантский квазимозг уже обращался к нему. Хотя за свою жизнь Фолкейн перевидал немало роботов, а с одним из них по имени Пень даже подружился, но сейчас ему было как-то не по себе. Он попытался разобраться почему.

Он сидит в обычном саморегулирующемся кресле за обычным столом, уставленным обычными приборами. Голые серые стены, белые флуоропанели на потолке,

кондиционированный воздух, тихое бормотание машин — все как обычно. Прямо перед ним основная панель управления и большой, пока пустой экран. В чем же дело? Быть может, подумал он, причина в царящей здесь атмосфере таинственности. Да, детективы Лиги определили, что владельцы «Сириндипити» на самом деле не отдают предпочтения ни одному из клиентов, будь это фирма, отдельный человек или даже нечеловек. Но вот откуда они взялись, оставалось до сих пор тайной за семью печатями. А чопорность (Тея Белдэниэл была в этом смысле типичной их представительницей) и нелюдимость лишь подливали масла в огонь.

Тайну их раскрыть, пожалуй, невозможно. И дело тут не только в том, что они ее ревностно оберегают — сегодня каждый норовит забраться поглубже в свою раковину. Просто задача эта невыполнима. Вселенная слишком велика. Тот маленький кусочек всего лишь одной ветви одной-единственной Галактики, который мы кое-как исследовали и освоили..., и он-то слишком велик для нас. Стремясь к зовущим нас тысячам солнц, мы не замечаем буквально миллионы других. Даже на то, чтобы просто посетить все миры и начать хоть немного понимать психологию их обитателей, уйдут века. А ведь за границами наших знаний лежит почти вся Вселенная.

Эти люди явились в Солнечную систему на корабле, нагруженном тяжелыми металлами. Продав эти металлы за хорошую цену, они организовали свою фирму. Хотя многие детали к машинам они заказывали на Земле, базовая логика и блоки памяти были явно не земного происхождения. Как-то Николас ван Рийн, заинтригованный всем этим, дал взятку чиновнику таможенной службы Содружества. Тот человек сообщил ему буквально следующее: «Понимаете, сэр, могу вам только сказать, что ввозимый ими товар не представляет опасности. Иными словами, они не собираются заразить нас какой-то болезнью или взорвать планету. Так что закон свободной торговли на их стороне. «Сириндипити Инк.» получает вычислительные машины, так? На вид это

самые обычные компьютеры, только вот изготовлены они не людьми. Это подтвердит вам любой таможенник с опытом. Вы говорили, что больше никому не удалось добиться от своих компьютеров подобных результатов. Что это означает? А то, что эти люди обнаружили планету, обитатели которой доки в таких вот вещах. Наверняка они договорились между собой. А что «Сириндипити» никого об этом не известила, то разве вы сами, сэр, не поступили бы точно так же?»

Краем уха Фолкейн услышал, что машина что-то ему сказала.

— Простите? — переспросил он. И тут же подумал: какого черта я извиняюсь перед этим ящиком? Взяв с полки над панелью управления свою сигару, он нервно затянулся.

— Дэвид Фолкейн с Гермеса, представитель Галактической компании специй и спиртных напитков, ваша личность идентифицирована, — сообщила машина. Голос был у нее не ровный и низкий, как у большинства созданных человеком роботов, а высокий, какой-то свистящий; человеческий слух с трудом мог к нему приноровиться. — Ваше имя связано с определенными событиями, сообщения о которых хранятся в банке данных. В первую очередь это события, происходившие на бете Центавра, Икрананке и на Мерсейе. — (Разрази меня гром, откуда им известно про Икрананку?) — С этими событиями коррелируют и другие. Вы должны понимать, что область поиска практически безгранична. Поэтому необходимо выбрать один какой-то факт и проверить его связи с ограниченным числом других фактов. Если эти связи окажутся непродуктивными, то проверке будут подвергнуты другие связи и, если понадобится, другие точки отсчета, — так будет продолжаться до получения удовлетворительного результата. — (Или пока у меня не выйдут все деньги, подумал Фолкейн.) — С какими данными вы хотели бы ознакомиться?

— Ну... я хотел бы... — Фолкейн лихорадочно соображал. — Например, какие новые рынки на планетах других звездных систем?

— Поскольку секретной информации здесь не содержится, на ваш вопрос мог бы ответить любой обычный информационный центр.

— Подожди-ка! Вот, пожалуй, задачка как раз для тебя. Точки отсчета «я» и «деньги». Установи существующие между ними связи.

Бормотание усилилось или просто тишина стала глубже?

Фолкейн откинулся на спинку кресла и попытался расслабиться. Где-то там, за этими серыми стенами, мчались сквозь вакуум электроны и кванты, заряженные и незаряженные частицы, заблудившиеся молекулы врезались в магнитные, электрические, гравитационные, радиационные поля, — машина работала.

Потом она снова задремала.

«Продолжает ли она плести свою паутину связей, — подумал Фолкейн, — когда клиенты уходят? Наверняка — да. Может статься, что эта машина досконально изучила наш уголок Вселенной». Но все равно: фактов слишком много и связей между ними видимо-невидимо. Полезные сведения погребены под кучей лишней информации. В конце концов, любое серьезное открытие есть не что иное, как обнаружение связи между, казалось бы, абсолютно разнородными вещами. Между уровнем в ванне, например, и весом золота; между пессимизмом священника из маленького городка и органической эволюцией; между Всепобеждающим червем, что гложет свой собственный хвост, и молекулой бензола... Живые существа из живого космоса, приходившие, подобно Фолкейну, в пещеру, где обитает этот квазимозг, — они лишь заставляли его работать по-настоящему, открывали ему значимость вроде бы совершенно бесполезных знаний.

— Дэвид Фолкейн с Гермеса! — позвала машина.

— Да? — Он выпрямился, мышцы его напряглись.

— Связь установлена. Помните ли вы, что несколько лет назад доказали наличие у звезды бета Центавра планетной системы?

Реакция Фолкейна разительно не соответствовала бесстрастному голосу компьютера:

— Помню ли? Да ведь именно тогда на меня обратили внимание! Считалось, что у голубых гигантов не может быть планет. А я их нашел!

— Эти данные мне известны, — машина вовсе не собиралась восторгаться его прозорливостью. — Позднее ваша гипотеза была проверена. Когда звезда находилась еще в стадии образования и представляла собой ядро с огромным облаком вокруг, рядом с ней случайно оказались несколько бродячих планет. Войдя в контакт с облаком, они потеряли скорость и были захвачены притяжением звезды.

Планеты без звезд — обычное явление. Их число раз в тысячу или больше превышает число звезд. Считается, что они, разнящиеся по размерам от астероида до сверхгиганта, занимают в космосе места на три порядка больше, чем ядерные, излучающие свет образования, называемые звездами. Однако расстояния в пространстве таковы, что вероятность прохождения такой планеты рядом с какой-нибудь звездой чрезвычайно мала. Даже и в центре Вселенной таких планет найдено не так уж много. Поэтому обнаруженную вами систему можно считать уникальной.

Ваше открытие вызвало определенный интерес, и вскоре Община Мудрости из государства Котгар, что на планете Лемминкяйнен, снарядила экспедицию. Названия, естественно, даются в переводе на английский. Вот копия подробного отчета, — из паза на лоток выкатилась бобина с микрофильмом. Фолкейн машинально сунул ее в карман.

— Я о них слышал, — сказал он. — Они не люди, но поддерживают с нами контакт. Кроме того, я следил за их экспедицией, поскольку был, так сказать, лично заинтересован. Они осмотрели все не посещавшиеся ранее гиганты на расстоянии в сотню световых лет. И ничего не нашли, как и ожидалось, — поэтому экспедиций больше не было.

— В то время вы держали на Земле экзамен на звание мастера, — заметила машина. — Иначе вас могли бы не

коснуться даже слухи. Но хотя вычислительные устройства Земли не имеют себе равных в освоенном космосе, они так перегружены данными, что кажущиеся малосущественными подробности им просто не сообщают. Среди этих отсеянных фактов имелся и тот, который вам небезынтересен.

«Сириндипити» несколько лет спустя удалось получить подробный отчет об этой экспедиции — совершенно случайно. Капитан того корабля передал нам эти сведения в обмен на уменьшение платы за консультацию. Вернее, он передал нам отчеты о нескольких совершенных им перелетах. Среди них был и этот. На него не обращалось внимания до тех пор, пока ваш запрос не потребовал детального изучения фактов.

Дыхание Фолкейна участилось. Он вцепился в ручки кресла.

— Перед просмотром копии прослушайте устное сообщение, — сказала машина. — Неподалеку от звезды бета Южного Креста была обнаружена бродячая планета. Она двигалась по уменьшающейся гиперболе и должна была вскоре войти в поле притяжения звезды.

Экран потемнел. На нем зажглись звезды. Одна из них, голубая» сверкала особенно ярко. Она становилась все больше и больше: звездолет, с которого велись съемки, сближался с ней.

— Бета Креста расположена к югу от Солнца на расстоянии примерно в двести четыре световых года, — сухой свистящий голос лишил картину величия. — Это звезда типа B1, она примерно в шесть раз тяжелее, вчетверо больше, в восемьсот пятьдесят раз ярче Солнца. Это совсем молодая звезда: общий возраст ее не превышает ста миллионов стандартных лет.

Изображение изменилось. На фоне звезды возникла светящаяся точка. Фолкейн знал, как это делается. Если вести наблюдение по двум или трем ортогональным осям, записывающие фотоувеличители обнаружат сравнительно

близко расположенные к звезде объекты, вроде планет, по их перемещению и произведут триангуляцию.

— Был обнаружен всего лишь один объект, достаточно удаленный от звезды, — продолжал пояснения компьютер. — Поскольку этот объект был единственным, обнаруженным экспедицией, решено было детально его исследовать.

В центре экрана возник шар, из-за которого по мере движения корабля постепенно появлялись звезды. Одна половина его была темной, другая — голубовато-белой. Кое-где можно было различить пики гор, но все остальное скрывала белесая дымка.

Криосфера, с содроганием подумал Фолкейн.

Этот лишенный солнца мир образовался из маленькой частицы в каком-нибудь примордиальном облаке. В течение многих миллионов лет к ней постепенно приставали камни, метеориты, межзвездная пыль, пока, наконец, не возникла планета. Это слияние высвободило энергию; материя претерпевала изменения под воздействием гравитации и радиоактивности. Новорожденный сфероид сотрясали землетрясения, вулканы выбрасывали газ, водяной пар, углекислый газ, метан, аммиак, цианиды, водород, сульфиты... Происходили те же процессы, которые в свое время привели к созданию атмосферы и гидросферы Земли. Но планета не имела звезды, лучи которой осветили бы, согрели бы ее, активизировали химические процессы, в результате которых могла бы возникнуть жизнь. Вместо этого на ней царил мрак и лютый холод. Температура, возросшая было после образования планеты, опустилась почти до абсолютного нуля.

Океаны замерзли. Газы один за другим выпали твердыми осадками на эти огромные ледники — началась вьюга Фимбулла, продолжавшаяся, быть может, века. Одетая в лед — лед, который, возможно, старше самой Земли, — бесплодная, пустая, безымянная, планета дрейфовала сквозь время к его концу. До тех пор, пока...

— По массе и размерам эта планета немного превышает Землю, по плотности немного ей уступает, — сообщил

квазимозг, ни на миг, не прекращавший «думать». — . Подробности можно найти в отчете; приведенные там данные подтвердились. Планета довольно старая. Нестабильных элементов осталось крайне мало, если не считать тех, у которых очень долгий период полураспада.

На поверхность планеты высадилась разведывательная группа. Картинка снова изменилась. Навстречу Фолкейну устремилась холодная поверхность планеты. Бета Креста сверкала так ярко, что глазам было больно. Однако звезда оставалась всего лишь далекой сверкающей точкой: пускай она неистово полыхала, но Солнце гораздо сильнее освещало Землю, чем бета Креста — захваченную ею планету.

Однако света ее было вполне достаточно, чтобы рассмотреть замерзшую атмосферу и застывшие океаны. Даже предостаточно — Фолкейну пришлось прищуриться. Если не считать следов посадки космобота, то поверхность планеты была совершенно ровной. Лишь на горизонте возвышался горный кряж, темные скалы которого были покрыты льдом. Бот отбрасывал на искрящийся лед голубую тень. Черное небо было усеяно звездами.

Лемминкяйненниты двигались вокруг бота, собирая образцы. Движения их были менее грациозными, чем обычно: мешали толстые подошвы скафандров. Эти подошвы уменьшали теплоотдачу организма, что было крайне важно при таком холоде. Фолкейн мог себе представить, какая там тишина. Вряд ли ее особенно потревожили переговоры разведчиков с кораблем или треск помех.

— Они не обнаружили ничего, что могло бы по их меркам считаться ценным, — продолжил компьютер. — На планете, несомненно, были минералы, но они находились глубоко подо льдом. При приближении планеты к бета Креста, затвердевшие материалы начнут таять, испаряться, выступать из-подо льда. Но, пока планета окажется достаточно близко от звезды, пройдет не один год.

Машинально Фолкейн кивнул. Целая планета с замерзшей атмосферой и океанами! Нужен прямо-таки Дантов ад

энергии, чтобы хоть немного растопить этот ледяной панцирь.

— Хотя прохождение планеты через периастрий будет сопровождаться мощными геологическими трансформациями, оснований ожидать изменения хода событий нет. Его можно предсказать на основе известных свойств материи. Криосфера превратится в атмосферу и гидросферу. Несмотря на возможные природные катастрофы, наблюдать которые представители основной культуры на Лемминкяйнене небольшие охотники, это будет скорее всего лишь временное воскрешение, и выгоды оно не принесет. Через некоторое время процесс потечет вспять, криосфера возникнет снова — то есть не произойдет ничего существенного.

Поэтому в отчете экспедиции об этой планете упоминалось лишь вскользь, да и то потому, что без этого экспедиция выглядела бы полностью провалившейся. Данные о ней занесли в память машин и забыли про них. В отчете, направленном на Землю, вообще ничего не сообщалось о таком, казалось бы, пустяке.

Фолкейн ударил кулаком по столу. Внутри у него все кипело. Эти лемминкяйненниты абсолютно не понимают людей, подумал он. Люди не оставили бы без присмотра начинающую таять ледяную планету!

Вдруг в голову ему пришла совершенно фантастическая идея. А если этот шарик взять да переместить в подходящую температуру? Ядовитая атмосфера, голые скалы... Ну да это можно изменить. Зато есть возможность создать собственное королевство...

Нет. Во-первых, куда дешевле найти ненаселенную планету с уже зародившейся жизнью. А во-вторых, от скуки физической реальности никуда не деться. Люди могут изменить мир или уничтожить его, но они не в силах переместить его хотя бы на сантиметр с установленной орбиты. Для этого нужна воистину космическая энергия. Так что на подходящую орбиту вокруг беты Креста эту планету вывести не удастся. Она должна продолжить свой бесконечный

путь. Сразу она не замерзнет, ибо голубой гигант обрушит на нее неизмеримое количество тепла, с которым радиации предстоит бороться очень долго. Но вот сумерки наступят через несколько лет, мрак — через несколько десятилетий, холод и роковой конец — через века.

На экране в последний раз мелькнул безымянный сфероид: звездолет уходил от него. Экран погас. Фолкейн сидел, подавленный величием увиденного.

Вдруг он услышал собственный голос, дерзкий и испуганный одновременно:

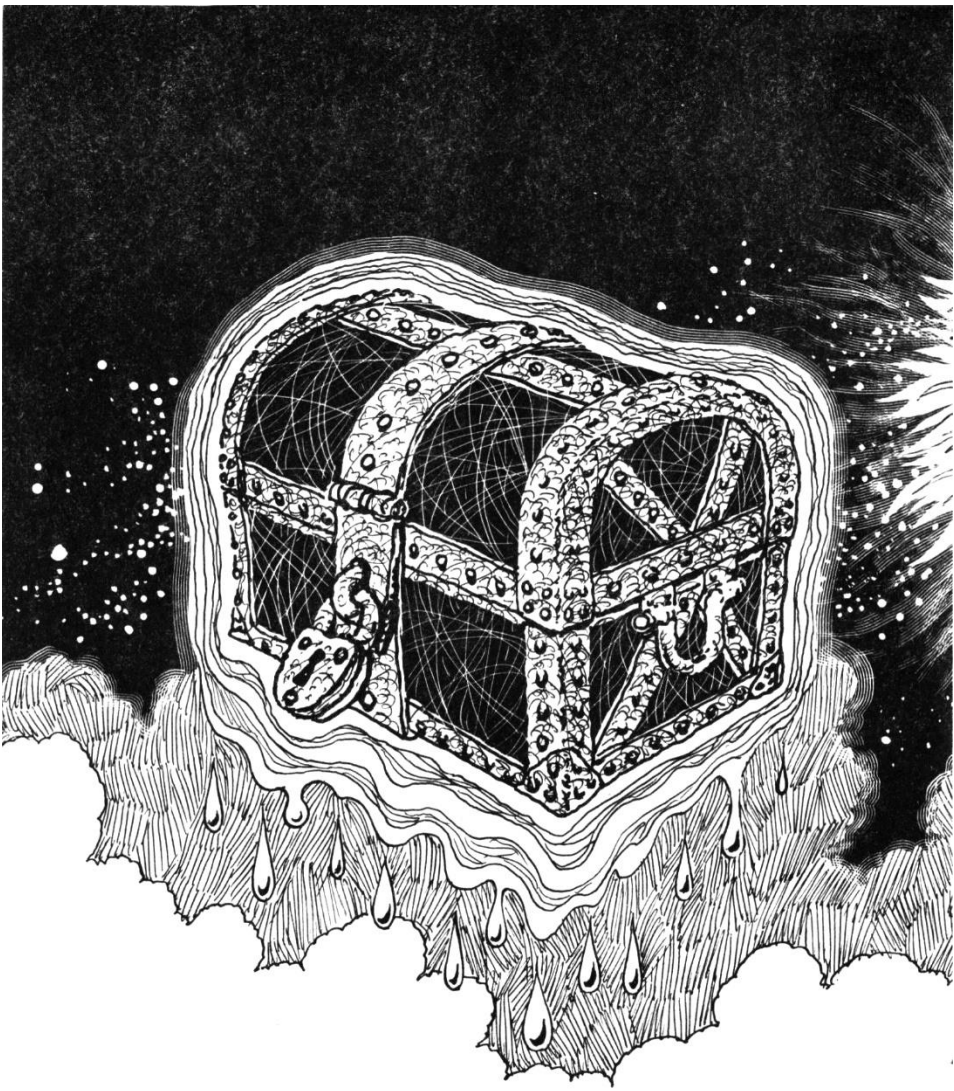
— Ты предлагаешь мне заняться организацией экскурсий для желающих наблюдать, как эта штука будет таять? Да, дело будет знатное. Только вот где бы мне раздобыть лицензию?

Машина сказала:

— Планета требует дальнейшего изучения. Например, было бы полезно узнать, станет ли вся криосфера жидкой или нет. Можно было бы произвести и более точное вычисление орбиты. Как бы то ни было, планета может представлять огромный интерес для промышленников. Лемминкяйненнитам, культура которых развивается не динамически, это не пришло в голову. Однако здесь только что было сделано следующее заключение: поскольку остро ощущается нехватка в тяжелых изотопах, а их производство строго ограничено из-за потери тепла и опасных для жизни побочных продуктов, то данная планета является подходящим местом для размещения предприятий по их изготовлению.

Фолкейна словно обухом по голове ударило. В сильнейшем волнении он вскочил. В такое возбуждение его привели отнюдь не деньги, которые сулило подобное предприятие. Их, конечно, приятно иметь, но Фолкейн знал множество куда более простых способов добывания кредиток. Нет, на ноги его поднял, если так можно выразиться, инстинкт охотника. Он словно превратился в дикаря из плейстоцена, выслеживающего мамонта.

— О небо! — воскликнул он. — Ну конечно же!

— Из-за открывающихся космических перспектив на данном этапе желательно сохранить все дело в тайне, — сказал равнодушный к мирским благам голос. — Рекомендуется также заплатить фирме сумму, необходимую для временного придания информации статуса секретной. Этот вопрос вы можете обсудить сегодня же с сударыней Белдэниэл, а

потом переговорить с мастером ван Рийном. — Машина сделала паузу в биллион наносекунд; какие новые данные

обнаружила она в своей памяти? — По известным причинам вам рекомендуется до отлета с Луны никому не открывать услышанного. Кроме того, поскольку вы все равно находитесь в помещении фирмы, предлагаю продолжить разговор дальше. Быть может, нам удастся обнаружить неизвестные релевантные факты.

Выйдя часа через два из машинного зала, Фолкейн остановился у стола Теи Белдэниэл.

— Уф! — сказал он, довольный и усталый.

Женщина поглядела на него с улыбкой:

— Кажется, вы не теряли времени даром.

— Действительно. Послушайте, мне надо кое о чем с вами поговорить.

— Садитесь, пожалуйста, — взгляд её был спокойным и чистым. — Пока вы находились в зале, капитан Фолкейн, я узнала у компьютера, какие у него имеются данные на вас. О, это только те сведения, что публиковались в официальных отчетах; и сделала я это, разумеется, лишь для того, чтобы не ударить, перед вами в грязь лицом. Ваш послужной список великолепен!

«Это да», — мысленно согласился Фолкейн.

— Благодарю вас, — сказал он.

— Как видите, здесь занимается вычислениями не только техника. — (Вот это да: оказывается, она не лишена чувства юмора!) — Мне подумалось, что мы с вами вполне могли бы сотрудничать, и это пошло бы на пользу и вам и нам. Я надеюсь, об этом мы тоже поговорим.

Глава 4

Отель «Вселенная» в Лунограде славился на всю Галактику.

«Нет такого кислорододышащего существа, которому мы не смогли бы обеспечить в нашем отеле нормальные условия жизни. Мы снабдим вас всем необходимым для заботы

о здоровье; мы позаботимся о вашей безопасности и сделаем все, чтобы остались довольны нами. Если вы заранее уведомите нас, то за умеренную дополнительную плату мы приложим все усилия, чтобы добыть то, чего у нас нет, но что вам нужно. А если нам не удастся удовлетворить ваших запросов, мы выплатим вам в порядке компенсации сумму в один миллион кредитов Галактического Содружества», — так зазывали клиентов рекламные объявления отеля.

Попыток получить указанную сумму было немало. Особенно извращались звездолетчики, которые приводили с собой в отель самых диковинных инопланетян. Пару раз суммы, потраченные на исполнение желаний клиентов, превысили миллион кредитов. (В одном случае потребовались специальные исследования диетических продуктов, получаемых с помощью молекулярного синтеза; в другом пришлось доставить с родной планеты клиента симбиотический организм.) Но дело того стоило: туристы, особенно земляне, платили громадные деньги за номер в отеле и за возможность чувствовать себя этакими космополитами.

У Чи Лан не было особых запросов. Она принадлежала к торговому кочевью — это словосочетание было более точным переводом с ее языка, чем, скажем, племя, — которое поддерживало постоянный контакт с людьми с тех самых пор, как их обнаружила первая экспедиция на вторую планету с кислородной атмосферой в системе Эридана А. Эта планета называлась Цинтия. В скором времени цинтиане буквально заполонили Солнечную систему — они прибывали в качестве туристов, торговцев, представителей, специалистов, студентов. Некоторые из них стали профессиональными космическими бродягами. У Чи имелся даже стандартизированный скафандр.

— Нет, я не довольна, — резко ответила она Фолкейну; тот позвонил узнать, все ли у нее в порядке. — Но, если уж они не в состоянии запомнить название моей планеты, чего еще от них можно ждать?

— Да, — согласился Фолкейн, — вы называете ее «Поднебесным домом», но на соседнем континенте...

— В том-то все и дело! Эти клонги даже не удосужились посмотреть, что за планета Тах-чих-чин-пи! У нас на соседнем континенте зверски холодно, а они меня сунули как раз в такой номер!

— Ну так позвони и пожалуйся, — посоветовал Фолкейн. — У тебя это неплохо получается.

Чи фыркнула, но потом последовала его совету.

Землянин скорее всего не заметил бы никакой разницы. В самом деле, что изменилось? Тяжесть — та же, 0,8 стандартной; тот же оранжево-красный свет ламп, интенсивность которого менялась в течение пятидесяти пяти часов, составляющих цинтианские сутки; тот же теплый влажный воздух и острый запах мускуса, те же огромные горшки с цветами на полу, увитое лианами дерево, сложное переплетение брусьев под потолком — на них Чи занималась и по ним перемещалась с места на место. (Общее мнение, что цинтиане живут на деревьях наподобие обезьян, было ошибочным. Они всего лишь адаптировались к бескрайним лесным массивам своей планеты и предпочитали перескакивать с ветки на ветку, а не передвигаться по земле.) Землянин обратил бы внимание на создававшую иллюзию окна картину: переходившие в саванну джунгли и изящное здание караван-сарая на заднем плане. Его взор привлекли бы разбросанные по полу книги и полузаконченная глиняная скульптура, с которой возилась Чи в ожидании звонка Фолкейна. Цинтианка отвернулась от видеофона, с которого только что исчезло изображение человека, и опустилась на четвереньки, выгнув спину дугой. Тай Ту, тоже предмет ее забав, попытался нарушить напряженную тишину:

— Я полагаю, это один из ваших партнеров? — Он говорил по-испански, поскольку английского не знал.

— Да, — подтвердила Чи. — Но полагать ты можешь и в другом месте.

— Прошу прощения?

— Иди отсюда, — пояснила Чи. — Мне надо подумать.

Тай Ту вытаращил глаза.

Наш гипотетический землянин назвал бы ее милашкой или даже, пожалуй, красавицей и не был бы в этом одинок. Для Тай Ту она была желанной, чарующей и довольно грозной.

Когда Чи выпрямилась, роста у нее было около девяноста сантиметров; пушистый, загнутый кверху хвост был лишь наполовину короче. Ее тело покрывал роскошный белый мех. Ходила она на двух длинных ногах с пятью цепкими пальцами. На руках, мускулистых и чуть менее длинных, тоже было пять пальцев с розовыми ноготками. Круглая голова со стоящими торчком ушами; коротенькое рыльце, приплюснутый нос, красиво очерченный рот, кошачьи усы, громадные, изумрудно-зеленые глазищи... Кожа ладоней, ступней, ушей и вокруг глаз была голубовато-серой. Покрытая шерстью, теплокровная, живородящая, она тем не менее не принадлежала к млекопитающим. В ее племени дети с самого рождения ели мясо и сосали кровь.

Тай Ту был пониже ростом и менее агрессивен, поскольку от самцов на Цинтии никогда не требовалось таскать на своих загривках детенышей и сражаться за них. Он был весьма польщен, когда Чи Лан обратила на него внимание, — хотя он был Достопочтенным профессором, читал лекции в университете Ломоносова, а она работала в ксенологической службе компании Николаса ван Рийна, — однако чувства собственного достоинства не потерял.

— Я не могу позволить вам так со мной обращаться! — выпалил он.

Чи выпустила когти, белые и очень острые, и махнула хвостом в направлении двери.

— Брысь! — приказала она. — И чтоб духу твоего здесь не было!

Тай Ту горестно вздохнул, собрал свои манатки и направился в номер, который занимал официально.

Чи немного посидела, хмурясь все сильнее. Наконец она набрала номер на панели видеофона. Безрезультатно.

— Черт возьми, я же знаю, что ты у себя! — разгневанно воскликнула она. Экран оставался пустым. Она вскочила. — Чтоб ты провалился, буддист полоумный! — После доброй сотни безответных вызовов она выключила видеофон и выскользнула из номера через воздушный шлюз.

В коридорах отеля была земная атмосфера, но Чи приноровилась к ней без труда. Летучие отряды составлялись с таким расчетом, чтобы биологические параметры их членов во многом совпадали. Эскалаторы, по мнению Чи, двигались слишком медленно, и она побежала. По дороге она налетела на его превосходительство посланника эпопойской империи. Он негодующе закаркал. Чи на бегу бросила через плечо такое словцо, что у его превосходительства отвис клюв; если верить часам, то посланник не мог подняться на ноги целых три минуты.

Тем временем Чи достигла двери номера Эдзела. Она нажала кнопку звонка. Безрезультатно. Он, должно быть, странствует в каком-нибудь другом измерении. Чи принялась набирать на световом табло аварийные сигналы: «СОС», «Помогите!», «Авария двигателей», «Столкновение», «Кораблекрушение», «Бунт», «Радиация», «Голод», «Чума», «Война», «Взрыв Сверхновой». Это помогло. Эдзел активизировал клапаны, и Чи вошла в шлюз. От быстрой смены давления стало больно ушам.

— Сколько экспрессии! — раздался могучий бас Эдзела. — Боюсь, тебе гораздо дальше до просветления, чем я думал.

Чи посмотрела в лицо Эдзелу, потом огляделась. Сила тяжести — два с половиной g, ослепительно яркое сияние искусственного солнца F-типа; плотная, душная, предгрозовая атмосфера, в которой даже шепот казался слишком громким, — от всего этого она почувствовала себя маленькой и беспомощной. Чи забилась под стол. Суровую обстановку комнаты не смягчали ни изображение бескрайних ветреных степей планеты, которая на языке людей

называется Один, ни мандала, которую Эдзел подвесил к потолку, ни прикрепленный к стене свиток с текстом из Махаяны.

— Надеюсь, ты отвлекла меня от занятий по действительно важному делу, — сказал Эдзел самым суровым тоном, на какой только был способен.

Чи немного помолчала, прежде чем ответить.

— Не знаю, — произнесла она. — Мне известно лишь, что это касается нас.

Она поглядела на Эдзела, пытаясь определить, как он отреагирует на ее слова. Наверняка он понял, что ее беспокойство лишено серьезных оснований. Но Чи не призналась бы в этом ни за что на свете.

Вместе с могучим хвостом тело кентавра имело в длину четыре с половиной метра и весило больше тонны. Широченная грудь, длинная шея, четырехпалые руки, раздвоенные копыта. Голова его напоминала крокодилью: широкие ноздри, устрашающий оскал зубов. Внешний слуховой аппарат представлял собой костяной гребень, который бежал вдоль спины от макушки до кончика хвоста. Череп был достаточно вместительным для мозга приличных размеров; взгляд больших карих глаз из-под мощных надбровных дуг выражал тоску. Горло и брюхо Эдзела защищали костяные пластины, а все остальное тело покрывала чешуя, темно-зеленая у гребня и постепенно переходящая в золотистую книзу.

Эдзел был авторитетом в области планетологии или считался таковым до тех пор, пока не оставил академию ради низменных выгод в торговой компании. Биологически он был несколько ближе к людям, чем Чи. Теплокровный, всеядный, он принадлежал к числу существ, чьи живородящие самки выкармливают детенышей грудью.

— Мне звонил Дэйв, — сказала Чи. Немного освоившись, она добавила с усмешкой: — Наконец-то он хоть на несколько часов отвязался от этой шлюхи, с которой проводил все последнее время!

— И отправился в «Сириндипити», как и должен был? Отлично, отлично. Надеюсь, он узнал там что-нибудь интересное, — в отличие от Чи Эдзел говорил на латыни, универсальном языке Лиги, поскольку его мясистые губы требовали постоянной практики в чужом языке.

— Да, он прямо-таки скачет от восторга; — сказала цинтианка. — Но подробностей он не сообщил.

— Я его понимаю, — в голосе Эдзела послышалось неодобрение. — В этом городе, по-моему, каждый десятый чей-нибудь шпион.

— А еще он не может прийти к нам и поговорить, равно как и мы к нему, — продолжала Чи. — Компьютер предостерег его не делать этого, но почему, не объяснил.

Одинит потер челюсть.

— Это любопытно. Разве номера не оборудованы противоподслушивающими устройствами?

— Наверное, оборудованы. Денег-то мы заплатили кучу. Быть может, машина узнала о какой-нибудь новинке в этой области? Ты ведь знаешь, какая у «Сириндипити» разведка. Дэйв хочет, чтобы мы связались с конторой, затребовали денег и оплатили защиту информации, которую он сегодня узнал. Он сказал, что расскажет нам обо всем, когда окажемся на Земле.

— А почему не раньше? Если он не может немедленно улететь с Луны, то что нам помешает захватить его с собой? Пока Пень в порядке, с этим никакой загвоздки не будет.

— Дослушай меня, славный крокобык! Я соображаю не хуже твоего и, естественно, предложила ему твой вариант. Но он отказался, заявил, что только не сейчас. Кто-то из владельцев «СИ» предложил ему погостить немного в этом их замке.

— Странно. Я слышал, они избегают гостей.

— Гостей, да. Дэйв сказал, что с ним хотят поговорить о деле. Якобы ему намекнули на что-то выгодное, но что конкретно, не говорят. Он считает, что шанс упускать нельзя.

Причем все в какой-то спешке. Он вырвался буквально на пять минут — сменить рубашку да надраить зубы.

— Он решил, что дела мастера ван Рийна подождут? — спросил Эдзел.

— Как будто. Дэйв считает, что если он увильнет, то другой возможности у него не будет. Он говорит, надо ловить момент, пока в печатных платах, которые у этих людей вместо душ, что-то замкнуло. Говорит, что в любом случае хоть увидит, как они живут.

— Да, — Эдзел согласно кивнул. — Да, Дэйв поступает совершенно правильно. Нельзя пренебрегать приглашением такой могущественной и таинственной организации. Чего ты примчалась ко мне? Нам с тобой просто придется провести здесь еще несколько дней.

Чи ощетинилась.

— Тебя не прошибешь. Да пойми ты, компьютер выдал Дэйву шикарную идею. Денег там будет хоть завались. Я поняла это по его виду. А если эти фирмачи хотят заполучить его, чтобы зацапать себе все доходы?

— Ну, малышка — укоризненно усмехнулся Эдзел. — «Сириндипити» не вмешивается в дела своих клиентов и не раскрывает их секретов. Как правило, владельцы ее даже не знают, что это за секреты. С другими фирмами они не связаны. Это подтверждают не только результаты всяких расследований, но и многолетний опыт. Нарушь они хотя бы раз свои хваленые правила, выкажи кому-нибудь особое расположение или недоверие, — от их клиентуры в два счета не осталось бы и следа. Никакой другой член Торгово-технической Лиги, никакая другая компания не пользуется таким доверием.

— Все когда-нибудь случается в первый раз, сынок.

— Ну, подумай сама, если ты еще на это способна, — тон Эдзела стал необычно резким. — Давай, ради интереса, предположим, что «Сириндипити» в самом деле подслушала разговор Дэйва с компьютером и решила нарушить собственное правило: никогда не вмешиваться в личные

дела. Она все равно никуда не денется от правил ковенанта Лиги. Этот ковенант возник ведь не просто так. Согласно ему, запрещены заключение в тюрьму, убийство, пытки, применение наркотиков, промывка мозгов, всякое прямое воздействие на психобиологическую целостность личности. Наказания за нарушение этих правил чудовищно суровы. Поэтому, как гласит земная поговорка, игра не стоит свеч. То есть шпионить, искушать и принуждать можно до определенных пределов. Шантажом или взяткой Дэйва не возьмешь. Если он заподозрит «хвост», то уйдет от него и ни о чем важном не проболтается. А если ему кинут как наживу самку, то он ее с удовольствием проглотит, но крючка не тронет. Разве он уже не...

В этот момент — как часто в жизни и случается — раздался сигнал видеофона. Эдзел нажал на кнопку «Прием». На экране появилось лицо той самой последней подружки Фолкейна. Эдзел и Чи узнали ее: им уже доводилось видеть ее, правда, мельком, и к тому же они вовсе не считали, что все люди на одно лицо.

— Добрый вечер, сударыня, — поздоровался Эдзел. — Чем могу служить?

Девушка выглядела обеспокоенной, голос ее дрожал:

— Простите, что беспокою вас. Мне нужно найти Дэ... капитана Фолкейна. Он не пришел. Вы не знаете?..

— Мне очень жаль, но к нам он не заходил.

— Он обещал меня найти... встретиться со мной в вечернюю вахту... и не пришел, и... — Вероника судорожно сглотнула, — я не знаю, как быть.

— У него весьма срочное дело. Он не имел времени сообщить вам об этом, — галантно солгал Эдзел. — Он просил меня передать самые искренние сожаления.

Девушка жалко улыбнулась:

— Это дело блондинка или брюнетка?

— Ни то ни другое. Уверяю вас, сударыня, это связано с его работой. Быть может, он будет отсутствовать несколько

стандартных дней. Когда он вернется, я скажу, чтобы он позвонил вам.

— Я была бы вам очень признательна, сэр, — она нервно сцепила пальцы. — Благодарю вас.

Эдзел выключил экран.

— Ничего не хочу сказать насчет этой девицы, — заметил он — но, по-моему, Дэвид проявляет порой удивительное бессердечие.

— Ха! — отозвалась Чи. — Она просто боится, что он исчезнет, ничего ей не выболтав.

— Сомневаюсь. Вполне возможно, что и это тоже, до некоторой степени. Но, насколько я разбираюсь в людях, она кажется мне действительно встревоженной. Похоже, она привязалась к нему. — Эдзел сочувственно хмыкнул. — Насколько все-таки удобнее, когда время спаривания наступает лишь раз в году — как у меня.

Звонок немного остудил пыл Чи. К тому же ей не терпелось убраться из этой бани, которую Эдзел именовал домом.

— Девица как раз во вкусе Дэвида, — сказала она. — Неудивительно, что он так медлил с работой. Пока мы будем на Луне, он вряд ли захочет надолго с ней расстаться. Пожалуй, нам нечего за него беспокоиться.

— Вот уж, верно, — согласился Эдзел.

Глава 5

На флиттере до замка в Лунных Альпах можно было долететь из Лунограда за считанные минуты. Но даже альпинисты не забирались в такую даль. К тому же приближаться к замку было запрещено. Его охраняли вооруженные люди и роботы. Такое случалось сплошь да рядом, поскольку цивилизация превыше всего ставила права на собственность и на уединенность. Собранные с дюжины планет рабочие возвели этот замок, а потом разлетелись кто куда. Любопытство и возмущение местных жителей породили кучу самых невероятных слухов. С орбиты были сделаны несколько

снимков, их опубликовали, и вскоре уже чуть ли не половине Содружества стали знакомы эти высокие черные башни, крутые стены и космопорт в Лунных горах.

Однако со временем любопытство улеглось. Повелители Лиги выстроили себе куда большие поместья, до блеска которых этим анахоретам было далеко. Скрытность в деловом мире считалась едва ли не первой из добродетелей. Поэтому вот уже несколько лет как замок в Лунных Альпах перестал возбуждать интерес.

«Если газетчики пронюхают, что меня сюда привезли, — подумал Фолкейн, — вернее, затащили чуть ли не насильно, — он кисло усмехнулся, — мне будет о чем им рассказать, и мне их жаль».

Он стоял у окна, из которого открывался замечательный вид. Скалы круто уходили вниз в черноту пропасти. По другую сторону долины горные пики взмывали к самым созвездиям; то же самое можно было сказать о вершинах окружавшего плато, на котором высился замок, кряжа. На юге ослепительно яркая и почти полная, низко над горизонтом стояла Земля. Но даже ее свет ничего не мог поделать с глубокими тенями вокруг.

Однако на Луне подобное можно было наблюдать, где угодно, вдобавок при этом можно было как следует повеселиться, поесть и поговорить. А этот обед, за который его усадили вскоре после прибытия, был таким же скучным, как и во многих других важных домах. Разговор состоял из банальностей и часто прерывался паузами. Фолкейн, как только счел удобным, извинился перед четырьмя собеседниками и ушел. Им этого явно не хотелось, но он придумал благовидный предлог, а их на это не хватило. Сигару ему предложили только в офисе. Наверно, подумал он, это входит в установленный порядок. Ему очень хотелось курить, и он полез за трубкой и кисетом. К нему подошел Ким Юн Кун, небольшого роста мужчина с невыразительным лицом, одетый в белый костюм (униформа у них такая, что ли, подумал Фолкейн).

— Напрасно вы не сказали, что хотите курить, капитан Фолкейн. Мы не стали бы возражать, хотя никто из нас не привержен этой... хм... забаве.

— Мне было бы неловко, — отозвался Фолкейн. — Я убежден, что нельзя курить там, где ешь. А поскольку мне было невтерпеж, то... Потерпите меня, ладно?

— Конечно, — Ким Юн Кун говорил с акцентом. — . Вы наш гость. Жаль только, что мистеру Латимеру и сударыне Белдэниэл не удалось встретиться с вами.

Странно, в который уже раз подумал Фолкейн. Хью Латимер оставил здесь свою жену и улетел вместе с сестрой Тей. Мысленно он пожал плечами. Это, в конце концов, их личное дело. Если верить слухам, то Латимер так же лишен эмоций, как и Ким; правда, он неплохо водит звездолет. Жена же его, как и Анастасия Геррера и, вне сомнения, сестра Теи, преуспела в стремлении стать старой девой. Тее до них всех еще далеко. Фолкейн с содроганием вспомнил свой разговор с ними за столом.

«Скорей бы вернуться в город, — подумал он, — и повеселиться как следует».

— Эта комната вам не подходит, — сказал Ким с чопорной улыбкой. — Видите, как она бедно обставлена? Мы строили этот замок с расчетом, что появятся новые партнеры, быть может, даже дети. Но пока... Мне кажется, мы с вами могли бы продолжить разговор в более уютном месте. Остальные же ждут нас там. Если хотите, вам подадут кофе или бренди. Позвольте мне проводить вас.

— Благодарю, — сказал Фолкейн. Эта явно заранее приготовленная речь не уменьшила его надежд на скорое бегство из этой обители скуки. — Разговор пойдет о делах?

— Отчего же? — Ким так удивился, — что не сразу нашел слова для ответа. — Мы не планировали его так рано. Не в наших привычках заводить деловой разговор... ну, не познакомившись с гостем. Мы надеемся, что вы пробудете у нас несколько дней. Например, мы смогли бы сводить вас на прогулку по окрестностям: здесь есть на что посмотреть. И

нам хочется послушать рассказы о ваших приключениях в далеком космосе.

— Вы очень любезны, — ответил Фолкейн, — но боюсь, у меня нет времени.

— Разве вы не сказали сами младшей сударыне Белдэниэл?..

— Я ошибся. Я переговорил со своими партнерами, и они сообщили мне, что мой босс начинает горячиться. Почему вам не открыть свои карты? Я тогда смогу решить, как долго он позволит мне задержаться.

— Видите ли для серьезного разговора необходимы материалы, которые мы не храним здесь, — сквозь маску безразличия на лице Ким Юн Куна проступило нетерпение, даже какая-то нервозность. — Но пойдемте, о ваших обстоятельствах должны узнать остальные.

Фолкейна озарило: ему почему-то очень надо, чтобы я ушел из этой комнаты!

— Вы предлагаете обсудить начало переговоров? — уклонился он от прямого ответа. — Удивительно. Я же не прошу у вас документы. Разве вы не можете объяснить на пальцах, чего хотите?

— Идите за мной, — голос Кима задрожал. — У нас возникли проблемы с безопасностью, с сохранением тайны. С ними необходимо немедленно разобраться.

Фолкейн откровенно забавлялся. Характер у него был вовсе не злой, но тем, кто пытался унизить его, галактического торговца, сына военного аристократа, он сполна платил той же монетой. С высокомерным видом он произнес:

— Если вы не доверяете мне, сэр, приглашать меня сюда было с вашей стороны ошибкой. Я не хочу, чтобы вы тратили свое драгоценное время на заведомо бесполезные переговоры.

— Ну что вы! — Ким взял Фолкейна под руку. — Пойдемте, ну, пожалуйста, я вам все сейчас объясню.

Фолкейн уперся. Он был сильнее Кима; мышцы его, закаленные долгими тренировками на карликовых планетах,

где они иначе атрофировались бы, превосходно чувствовали себя в этом замке, где сила тяжести практически равнялась земной.

— Немного погодя, мастер, — сказал он. — Позвольте мне тут еще побыть немного. Мне нужно помолиться.

Ким отпустил его руку и отступил на шаг. Черные глаза его стали совсем узкими.

— В вашем досье ничего не сказано о том, что вы исповедуете какую-то религию, — проговорил он медленно.

— В досье? — Фолкейн прикинулся изумленным.

— В том наборе ваших данных, который имеется в компьютере, — ничего, кроме общедоступной информации, — торопливо пояснил Ким. — Лишь для того, чтобы не ударить перед вами в грязь лицом.

— Понятно. Что ж, вы правы. Но вот какая закавыка: один из членов моего экипажа, буддист, принял эту религию несколько лет назад, когда учился на Земле; он и меня заинтересовал. Понимаете, — Фолкейн воодушевился, — это прямо-таки семантическая проблема: является ли буддизм в своем идеальном, так сказать, виде религией в обычном смысле этого слова? Если смотреть по отношению к богам и другим, гипотетически населяющим реальность анималическим существам, то буддисты — агностики. Их понятие кармы вовсе не подразумевает под собой того перевоплощения, о котором столько говорят. А нирвана не есть уничтожение, это состояние, которого можно достичь в этой жизни, оно...

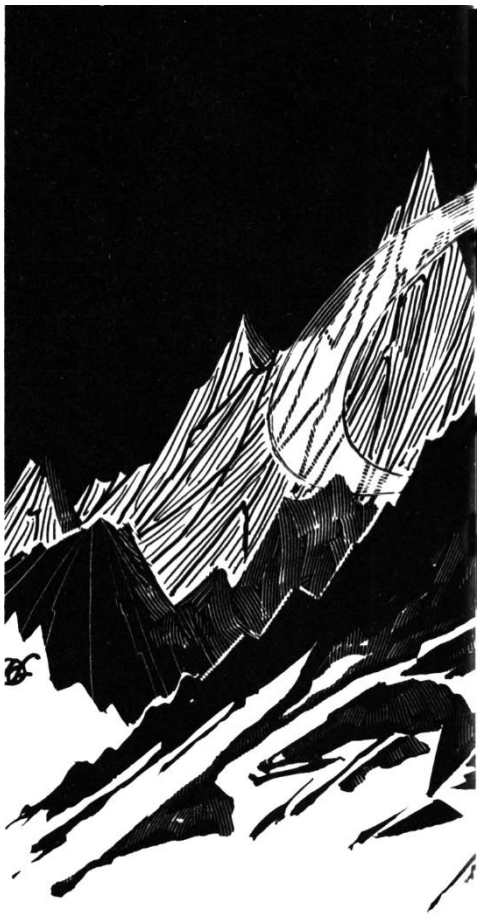
Он не докончил фразу.

В лучах Земли сверкнул изящный силуэт звездолета. Корабль уходил в космос под прямым углом, постепенно уменьшаясь в размерах, и наконец исчез в холодном сиянии Млечного Пути.

— Так, — пробормотал Фолкейн. — Так-так... — Он поглядел на Кима. — Полагаю, на этом звездолете Латимер и Белдэниэл?

— Обычная прогулка, — ответил Ким; руки его были сжаты в кулаки.

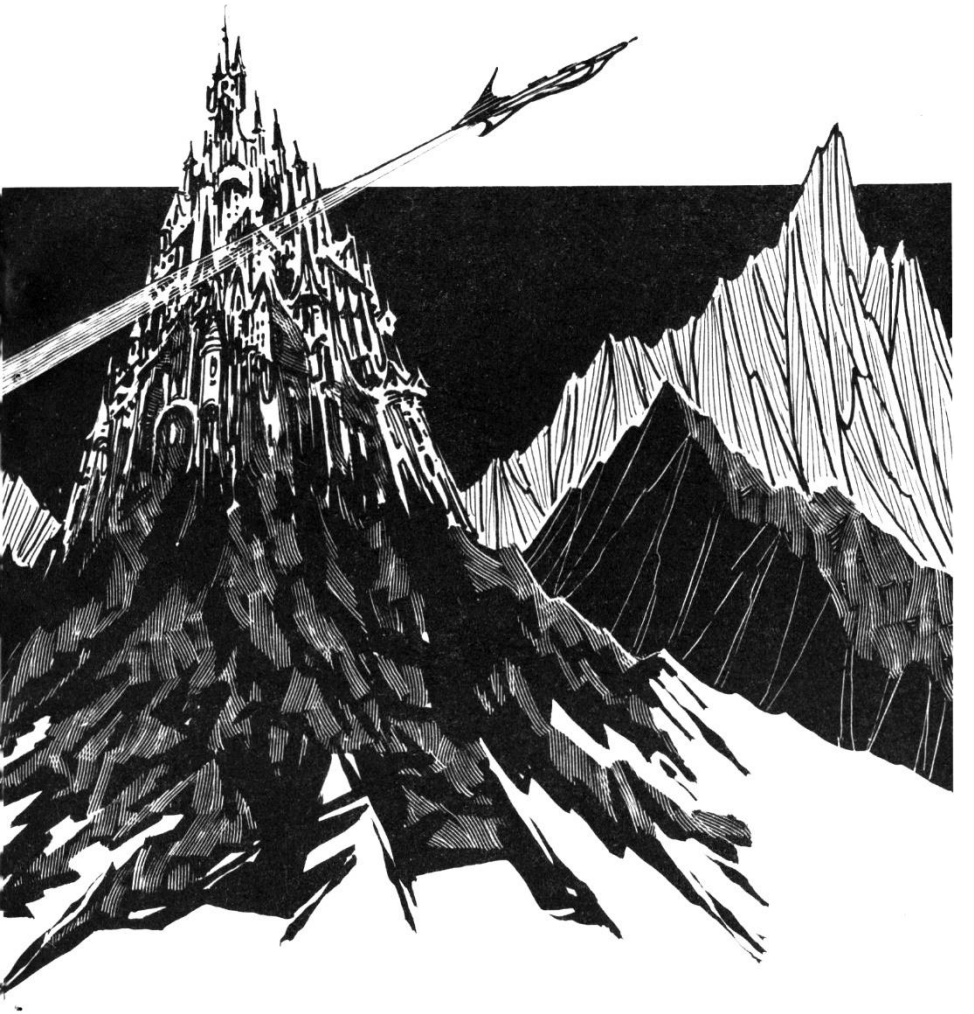
— Говоря откровенно, сэр, что-то я в этом сомневаюсь, — Фолкейн вспомнил про свою трубку и принялся набивать ее. — Уж гиперпространственный звездолет от обычного как-нибудь отличу. Подобные корабли используются вовсе не для прогулок. Слишком дорогая прогулка получается. По той же причине и для межзвездных перелетов чаще всего используются обычные карриеры. Владельцы большой компании вряд ли отправятся в путь ради ничего, так что бесспорно — у них весьма срочное дело. «И этот факт ты хотел от меня скрыть, — добавил он мысленно, напрягая мышцы. — Почему?» — Гнев захлестнул его. Он продолжил со смешком: — Вам вовсе не стоило меня опасаться. Ваши секреты меня не интересуют.

Ким улыбнулся.

— Да, у них очень важное дело, но к нашему с вами разговору это никак не относится, — сказал он.

«Ой ли, — подумал Фолкейн. — А чего ж ты мне не сказал этого сразу, до того, как я тебя припер? Кажется, я знаю почему. Вы тут так оторвались от людей, что совсем забыли, как они себя ведут. Ты просто усомнился, что сможешь убедить меня, будто это дело меня совершенно не касается... в чем я глубоко сомневаюсь!»

Ким снова отважился на улыбку.

— Прошу меня простить, капитан Фолкейн. Мы вовсе не хотим задевать ваших религиозных чувств; пожалуйста, оставайтесь здесь, сколько вам будет угодно. Вас никто не потревожит. Если вы устанете от одиночества, вот интерком: позовите, кто-нибудь из нас придет и отведет вас в другую комнату, — он поклонился. — Удачных вам размышлений.

«Так, — подумал Фолкейн, глядя Киму в спину, — раз уж ничего не поправить, он обратил мое оружие против меня. Теперь ему нужно, чтобы я оставался в этой комнате. Но что тут вообще происходит?»

Он разжег трубку и принялся ходить туда-сюда по комнате, изредка поглядывая в окно, время от времени усаживаясь и вскакивая снова. Что это? Простое недоверие к чужаку или что-то здесь в самом деле не так? Мысль о том, что сведения, сообщаемые компьютерами клиентам, не остаются тайной для владельцев компании «Сириндипити», уже приходила ему в голову. Поскольку еще никому не было разрешено проверять машины, эти люди запросто могли установить в них подслушивающие или еще какие-нибудь устройства. Они могли запрограммировать машины так, что те стали покорными игрушками в их руках.

Когда высшие чины Лиги начали серьезно пользоваться услугами этой фирмы, могли ли они представить, к чему это приведет? Какого шпиона за собой они сами создали! Какого диверсанта!

Однако от фактов никуда не деться. Ни один владелец еще не смог доказать, что «Сириндипити» сотрудничает с кем-либо из его конкурентов или влезает в дела других фирм. Казалось даже, что «Сириндипити» не интересуют ни основные инвестиции, ни новые изобретения.

«Возможно ли, чтобы они решили изменить свою политику? Эта моя планета сведет с ума любого святошу... все равно концы с концами не сходятся. Шестеро таких равнодушных людей не могут в одночасье превратиться из брокеров в пиратов. Не могут!»

Фолкейн поглядел на часы. Прошло тридцать минут — для молитвы вполне достаточно. (Все равно они этому наверняка не поверили.) Он подошел к интеркому и увидел, что тот настроен на станцию 14, перевел выключатель в рабочее положение и сказал:

— Я освободился.

Почти тут же дверь распахнулась, и на пороге появилась Тея Белдэниэл.

— Быстро, однако! — воскликнул он.

— Я просто проходила мимо и услышала ваши слова.

«Скорее всего ты просто поджидала меня».

Она тоже подошла к окну и остановилась. В этом платье с длинными рукавами и глухим воротом она двигалась более грациозно, улыбка ее была значительно теплее, чем прежде. Чопорность, естественно, осталась: очутившись на расстоянии вытянутой руки от Фолкейна, женщина резко остановилась. Но он почувствовал, что его влечет к ней. Быть может, она приманка или просто симпатичный зверек?

Он выбил трубку.

— Надеюсь, я никого не обидел.

— Ну что вы. Я вас вполне понимаю. Замечательный вид, правда? — Она тронула какой-то переключатель. Лампы в комнате потускнели, отчетливо стал виден колдовской лунный пейзаж.

«Больше на меня не давят, — цинично отметил Фолкейн. — Совсем наоборот. Чем дольше я не смогу связаться со Старым Ником, тем счастливее они будут. Ну что ж, я не возражаю. Вдруг начались интересные дела, а я очень любопытен».

— Какая красота, — прошептала она.

Фолкейн посмотрел на нее, озаренную светом Земли. В ее глазах мерцали звезды. Она глядела в небо каким-то голодным взглядом.

Захваченный внезапным состраданием, удивившим его самого, он выпалил:

— Вы чувствуете в космосе себя как дома?

— Не знаю, — взор ее по-прежнему был устремлен в небо. — Здесь — нет. Я понимаю, вам с нами скучно. Но мы просто робеем, не зная людей... боясь их. Мы живем одиноко, общаемся только с данными — с абстрактными символами, потому что ни на что больше не годимся.

«Почему она откровенничает со мной? — подумал Фолкейн. — За столом, правда, подавали вино. Не иначе, вычитали в книжке о правилах хорошего тона, что так полагается. Быть. может, это действует алкоголь?»

— Я бы сказал, что для новичков, не знакомых с человеческой цивилизацией, вы начали совсем неплохо, — заметил он. — Я прав? Вы ведь чужие?

— Да, — она вздохнула. — Естественно, вы догадались. Сначала мы отказывались вести об этом разговоры, ибо не могли предугадать ответной реакции. А потом, когда мы уже немного здесь освоились, у нас не было причин говорить об этом: нас никто не спрашивал. К тому же мы никогда не стремились к известности в обществе и, когда нас оставили в покое, были только рады. Мы и сейчас к этому не стремимся. — Она искоса посмотрела на него. В колдовском свете звезд из решительной деловой женщины она превратилась в молоденькую девушку, просившую его о снисхождении. — Вы не расскажете... газетчикам... об этом?

— Честное слово, — ответил он, не кривя душой.

— Наша история очень простая, — сказала она. — Звездолет одной из колонизованных планет вылетел на поиски метрополии. Насколько я поняла, на его борту были несогласные с политикой правительства. Какая-то бессмыслица! Чего ради, разумным существам ссориться... Ну да ладно. Несколько семей продали все свое имущество и в складчину купили и снарядили большой звездолет с самыми современными компьютерами. И улетели на нем.

— Прямо вот так, в неизвестность? — спросил Фолкейн недоверчиво. — Не выедав вперед разведчиков?

— Планет, на которых могут жить люди, много. Они были уверены, что что-нибудь да найдут, и считали, что врагам их вовсе незачем знать, куда они полетят.

— Но... я хочу сказать, они же должны были представлять себе, каким опасным может оказаться новый мир! Его биохимия, климат, бактерии — да мало ли что еще! От доброй

половины всего этого запросто можно умереть, если не быть начеку...

— Я же сказала, что это был большой, полностью снаряженный звездолет, — возразила она довольно резко. Потом, уже мягче, продолжала: — Они были готовы дожидаться на орбите, пока приборы исследовали планету. Но вышло иначе. Во время полета в одном из секторов пространства отказала радиационная экранировка. И надо же такому случиться — корабль тут же попал в мощный поток радиации. Не пострадала только детская комната — ее экраны были на автономном питании. Можно было бы найти спасение в госпитале, но ни один из пассажиров не смог до него добраться, ибо автопилот был тоже поврежден, и экипажу самому пришлось вести корабль. Они продержались ровно столько, сколько нужно было, чтобы возобновить работу экранов и задать программу роботам. Потом их не стало. Роботы присматривали за нами, детьми, и воспитывали нас. Тех, кто выжил, стали учить — вбивали в наши головы в основном техническую информацию. Мы против этого не возражали. На звездолете было так скучно, что мы с восторгом воспринимали все новое. Это служило хоть каким-то развлечением.

Когда нас нашли, среди нас были и двенадцати-, и семнадцатилетние. Двигатели звездолета продолжали работу на малой мощности. Мы надеялись, что в конце концов хоть кто-нибудь нас да обнаружит. Этими кем-нибудь оказались не люди. Они сделали для нас все, что могли, вот разве только немножко опоздали — наша психика уже стала отличной от психики нормальных человеческих детей. На планете наших спасителей мы провели несколько лет.

Не спрашивайте, где она находится, — прибавила Тея быстро. — Этим существам не раз приходилось сталкиваться с представителями Лиги, но их вожди не хотят, чтобы наш дикарский капитализм разрушил устои их древней цивилизации. Они не суют нос в чужие дела и избегают привлекать внимание к себе.

Однако физические условия на их планете нам не подходили. Кроме того, у нас росло желание воссоединиться со своим народом. Наши хозяева, осмотрев звездолет, на котором мы прилетели, сумели существенно продвинуться вперед в некоторых областях техники. В обмен на это — у них очень строгие правила морали — они помогли нам подготовить корабль к старту, нагрузили его металлами, которые мы потом продали. Позднее по нашей просьбе они прислали нам некоторые свои вычислительные машины. Они были весьма довольны, что их друзья пользуются авторитетом среди членов Лиги, поскольку в будущем контакта между нашими двумя цивилизациями вряд ли удастся избежать. Вот так и возникла «Сириндипити», — закончила Тея Белдэниэл.

Она робко улыбнулась. В голосе ее порой слышалась та самая фанатичность, которую Фолкейн уже заметил. Но ведь она рассказывает сейчас не о работе компьютера. Она же поведала историю своей жизни!

В отдельных местах рассказа ему послышались фальшивые нотки. По крайней мере, чтобы проверить, нужно побольше обо всем этом узнать. Что-то она явно не договаривала. Но что? И как это может помочь ему?

— Здорово, — он никак не мог собраться с мыслями.

— Не надо меня жалеть, — сказала она с восхитившей Фолкейна твердостью. — Наше положение могло быть куда хуже. Я подумала, однако, что... может быть, — глаза опущены, голос дрожит от смущения, — вы... вы ведь так много видели, совершили столько подвигов... если бы вы могли нас понять...

— Я постараюсь, — сказал Фолкейн мягко.

— Правда? Нет, в самом деле? Может... вы останетесь на немного..., и мы с вами поговорим, вот так, как сейчас, и я..., и вы научите меня хоть немного быть человеком...

— Вы пригласили меня для этого? Боюсь, что й...

— Нет-нет. Я понимаю... сначала работа. Думаю... поскольку у нас есть кое-какие знания... мы могли бы

обменяться с вами идеями. Ведь в этом нет ничего страшного, правда? А между делом... мы с вами... — она стояла вполоборота к нему. Ее пальцы дотронулись до его руки.

В какой-то миг Фолкейн готов был ответить «да». Редкий человек не воображает себя Пигмалионом[48]. Быть может, внешняя холодность всего лишь маска? Планета может подождать.

Планета! Он словно прозрел. «Они хотят задержать меня здесь. Вот что им нужно. Конкретных предложений у них нет, они хотят задержать меня с помощью разговоров. Перебьются!»

Тея Белдэниэл отступила.

— Что случилось? — спросила она тихо. — Вы рассердились?

— Что? — Фолкейн собрался с мыслями, рассмеялся, взял трубку с подоконника и достал, кисет. Ему надо было чем-то занять руки. — Нет. Конечно, нет, сударыня. Если только на обстоятельства. Понимаете, я хотел бы остаться, но у меня нет выбора. Я должен вернуться завтра, к утренней вахте; хоть костьми лечь, но вернуться.

— Вы же сказали, что у вас есть в запасе несколько дней.

— Я уже объяснил мастеру Киму: это было до того, как я узнал, что старый ван Рийн уже рвет и мечет.

— А вам не все равно, на кого работать? «Сириндипити» может вам предложить хорошее место.

— Я принес присягу ван Рийну, — отрубил Фолкейн. — Так что прошу прощения. Буду рад провести с вами и вашими друзьями ночную вахту, но утром я улечу. — Он пожал плечами. — А почему такая спешка? Я ведь могу прилететь сюда в другой раз, когда буду посвободней.

Она поникла.

— Вас нельзя переубедить?

— Боюсь, что нет.

---

[48] Пигмалион — в греческой мифологии царь Кипра, по просьбе которого богиня Афина вдохнула жизнь в статую прекрасной женщины.

— Что ж... пойдемте, я отведу вас в гостиную, — она включила интерком и произнесла в него несколько слов, которых Фолкейн не разобрал. Они вышли в высокий; с каменным полом коридор. Женщина шла, опустив голову, ноги ее подгибались.

Ким встретил их на полпути. Он выступил вдруг из-за угла, сжимая в руке станнер.

— Поднимите руки, капитан, — сказал он равнодушно. — Придется вам у нас задержаться.

Глава 6

До Дельфинбурга можно добраться из Джакарты через Макасарский пролив и Сулавеси. Именно в этом, омываемом водами Тихого океана городе и высадил Николаса ван Рийна аэрокар. Не то чтобы ван Рийн владел этим городом, вовсе нет, ему принадлежали один дом, один док для большого кеча и семьдесят три процента промышленных предприятий. Но пилот и штурман по его просьбе согласились изменить курс; машина пролетела почти совсем рядом с Марианскими островами, что было серьезным отклонением от маршрута.

— Неплохое местечко для бедных тружеников, а? — ухмыльнулся ван Рийн, потирая волосатые руки. — Быть может, они захотят поразвлечься и придут приветствовать своего старого дядюшку на старте регаты на Кубок Микронезии двадцать четвертого этого месяца. Я приму в ней участие, если мы окажемся там не позднее полудня двадцать второго. Лучше даже пораньше. Отдохните от меня.

Пилот быстро прикинул.

— Да, сэр, — доложил он, — мы сможем прибыть туда двадцать первого. — Он прибавил скорость на три узла. — Насчет отдыха, это хорошая мысль, сэр. Как раз прочистим катализаторные баки, и кое-что еще.

— Хорошо-хорошо. Ты доставил радость бедному одинокому старичку, которому так хочется отдохнуть, прийти в

себя. А еще он не возражал бы против джина с тоником для успокоения желудка. Он, бедняга, совсем извелся, — ван Рийн похлопал себя по животу.

Всю следующую неделю он провел в тренировках экипажа и вымуштровал людей так, что любо-дорого было смотреть. Они не особенно и противились этому. Сами понимаете: белые паруса, бескрайняя голубизна моря, клочья пены, яркое солнце, прибой, соль на губах, свежий ветер в лицо. Единственно, что он принялся всячески их поносить, когда они отказались бражничать с ним ночи напролет. Наконец он оставил их в покое не только потому, что хотел, что регата была уже на носу, но и из-за того, что деловые операции, совершавшиеся за двести световых лет от него, требовали к себе пристального внимания. Ван Рийн стонал, ругался; проклинал все на свете, но работы не убавлялось.

— Черт! Чтоб ее перевернуло, эту проклятую работу! Чтоб у нее прыщ на лбу выскочил! Мне уже давно пора на заслуженный отдых, рассказывать сказки подрастающему поколению, а я все верчусь как белка в колесе! Набрал себе заместителей, ничего не скажешь — кого ни возьми, у всех опилки вместо мозгов!

— Вы можете продать свою компанию за такую кучу денег, что вам ее и за десять жизней не потратить, — отозвался его старший секретарь, член воинской касты с весьма суровым уставом, напрочь потому лишенный страха. — А вообще, перестаньте вы причитать — давно бы уже переделали все дела!

— Чтоб я продал свою компанию, которую сам, своими руками создавал, чтоб я ее променял на какие-то паршивые миллионы? А потом что? Сиди тише воды, ниже травы и молвить ничего не моги про всех этих жуликов-конкурентов, подчиненных, готовых тебя продать при первой же возможности, про все эти гильдии, братства, про всех этих пиявок, — ван Рийн набрал воздуха и словно выплюнул, — бюрократов? Нет уж! Как я ни устал, как мне ни тяжело, буду сражаться до последнего патрона! Вот так!

Офис ван Рийна располагался в солярии одного из принадлежавших ему зданий. Из окна, возле которого стоял загроможденный телефонами, компьютерами, ретриверами, рекордерами и всякой другой оргтехникой стол, открывался прекрасный вид на город, возведенный на покачивающихся на океанских волнах понтонах. На первый взгляд казалось, что Дельфинбург еще дремлет. Лишь изредка вскипала вдруг вода у клапанов добывавшей минералы установки да мелькала порой под волнами в погоне за косяком рыб тень субмарины. Легкий ветерок разносил пряный запах водорослей, которые на особой фабрике перерабатывали в приправы. Основная же работа шла за закрытыми дверями зданий, закамуфлированных под магазины, школы, оздоровительные центры.

Океан в этот день был неспокоен; нескольких смельчаков, рискнувших отправиться на прогулку на спортивных лодках, изрядно потрепало. Однако на громадных понтонах качка почти не ощущалась.

Ван Рийн опустился в кресло. Из всей одежды на нем был только саронг: если уж страдать, так со всеми удобствами.

— Начали! — рявкнул он.

Машины загудели, подбирая факты, производя вычисления, оценивая, суммируя, предлагая. На экране главного видеофона появился потрепанного вида человек, только что избежавший войны на расстоянии в десять парсеков. Послышались звуки восьмой симфонии Моцарта; почти нагая девушка принесла пиво, другая зажгла для хозяина трихинополийскую сигару, третья поставила на стол поднос со свежими датскими сандвичами — на случай, если босс проголодается. Эта третья девушка случайно подошла слишком близко к ван Рийну, и он рывком привлек ее к себе. Она хихикнула и запустила пальцы в его длинные, до плеч, жирные черные волосы.

— Хватит ерунду пороть! — бросил ван Рийн человеку на экране. — Какой-то королевский недоумок сжег наши плантации? Натравить на него его врагов — и вся недолга. А

мирный договор с ним потом заключить такой, чтобы и нам перепало. Ясно? — Человек возразил. Ван Рийн выпучил глаза и подергал себя за бородку. Усы его грозно встопорщились. — Что значит «с ним никто не может справиться»? А чем ты тогда занимался там все эти годы? Ладно-ладно, разрешаю использовать наемников с другой планеты. Скажем, с Диомеда. Обратись к верховному адмиралу Дельпу хир Орикану, это эскадра драк-хонов. Он должен меня помнить. Быть может, у него найдутся беспокойные юнцы, которые рвутся в бой. Но учти: через полгода все должно быть тип-топ, а иначе отправишься у меня гальюны чистить! Оболтус! — Он махнул рукой, и помощник тут же переключил изображение. Тем временем ван Рийн одним глотком выпил пиво, фыркнул, отер с усов пену и жестом приказал принести еще.

На экране появилось непонятное существо. Оно что-то просвистело. Ответ ван Рийна состоял из аналогичных свистков и трелей. Закончив разговор, он наморщил покатый лоб и пробурчал:

— Терпеть не могу всяких таких тварей, но этот парень, надо отдать ему должное, кое-что соображает. Пожалуй, он у себя там разберется, и можно назначить его начальником сектора, а?

— Я, к сожалению, ничего не понял из вашего разговора, — сказал старший секретарь. — Сколько языков вы знаете, сэр?

— Двадцать три плохо. Десять — пятнадцать прилично. Лучше всего — английский, — ван Рийн отмахнулся от девушки, которая забавлялась с его шевелюрой. Он так хлопнул ее по заду, что бедняжка взвизгнула. — Ну-ну, цыпленочек, извини. Иди купи себе то платье, с которым ты ко мне все пристаешь, с блестками. Может, нынче вечерком мы пойдем с тобой проветриться. А вообще, это обираловка: за паршивый кусок материи такие деньги! — Девушка снова взвизгнула, теперь уже от радости, и выскочила из комнаты, пока он не передумал. Ван Рийн окинул грозным взглядом

остальных. — Все, на сегодня хватит! Дай вам волю, вы бедного глупого старика совсем нищим сделаете! Ладно, кто там следующий?

Секретарь перегнулся через стол к видеофону.

— Порядок изменился, сэр, — сообщил он. — Второй вызов, вторая степень срочности.

— Угу. Угу-угу, — ван Рийн почесал шерсть на груди, отставил кружку с пивом, взял сандвич и проглотил его. — Интересно, кто у нас там такой? — Он поперхнулся, закашлялся и запил сандвич пивом. Несколько секунд он молча курил, задумчиво поглядывая на видеофон. Потом сказал: — Давайте.

По экрану побежали полосы. Это было обычное дело при связи с движущимся звездолетом: закодированный луч с его передатчика прорывался сквозь атмосферу и находил ту единственную станцию, где его могли декодировать и превратить в изображение. Взору ван Рийна предстал отсек управления его разведывательного корабля «Через пень-колоду». У экрана передатчика стояла Чи Лан, за ее спиной маячил Эдзел.

— Какие проблемы? — приветствовал их ван Рийн.

Пауза, вызванная расстоянием, которое требовалось преодолеть электромагнитным лучам, была короткой, но ощутимой.

— Да есть кое-какие, — ответил Эдзел. Голос его был едва слышен сквозь треск помех. — А сделать мы ничего не можем. Эти ящики у вас на столе никак не соглашались дать нам прямую связь до сегодняшнего дня...

— Говорить буду я, — перебила Чи. — А ты еще целый час будешь нести околесицу. Сэр, помните, при отлете с Земли мы сообщили вам, что направляемся в Луноград и собираемся заглянуть в «Сириндипити»? — Она рассказала о визите Фолкейна на фирму и о приглашении, которое он получил. — Это было две недели назад. Он не вернулся. Был только один звонок, через три стандартных дня. Причем, как нарочно, он позвонил в то время, когда мы спали.

Пленка у нас сохранилась. Он просит нас не волноваться; мол, это самое выгодное дело, о котором он только мечтал, и поэтому он пока не может вырваться. Нам ждать его не надо, он долетит до Земли рейсовым лайнером. — Шерсть на мордочке Чи стояла дыбом. — Но это не его манера. Мы обратились в детективное агентство, передали им несколько пленок с его изображением, они провели соматический и вокалический анализы. Звонил сам Фолкейн, но манера не его.

— Пленку, — приказал ван Рийн. — Подожди пока рассказывать, — не отрываясь, он смотрел на появившегося на экране светловолосого юношу: тот произнес несколько фраз и исчез. — Клянусь небом, ты права, Чи Лан! Он наверняка бы ухмыльнулся и попросил бы тебя передать привет трем-четырем своим подружкам.

— Нас тут донимала одна, — отозвалась цинтианка. — Шпионка, конечно: она следила за ним и увидела, что орешек ей не по зубам. Когда она звонила в последний раз, сама во всем призналась, прорыдала, что ей очень стыдно и что она никогда, никогда, никогда... — ну и так далее.

— Покажи-ка мне ее. — На экране появилось заплаканное лицо Вероники. — Ба, какая симпатичная шлюшка! Пожалуй, я бы с ней побеседовал наедине. Кому-то это надо сделать. Заодно и узнаем, на кого она старалась. — Ван Рийн оборвал смех. — Что было дальше?

— Мы встревожились, — сказала Чи. — В конце концов даже вон тот святой ящик у меня за спиной решил, что дело зашло слишком далеко. Мы отправились в контору «СИ» и заявили, что если не услышим более удовлетворительного объяснения из уст самого Дэвида, то разнесем к чертям все их компьютеры. Они заблеяли было про ковенант, про гражданскую полицию, но мы их приперли, и они пообещали, что Дэвид нам позвонит. — Она угрюмо добавила: — Вот запись разговора.

Беседа продолжалась долго. Чи выходила из себя, Эдзел призывал к разуму, но Фолкейн твердо стоял на своем.

— Простите меня, друзья мои. Вы даже не представляете, как мне тяжело. Но разве мы знаем, куда ударит молния? Тея — моя невеста, и этим все сказано. Быть может, обвенчавшись, мы отправимся побродить по космосу. Работать я буду на «СП», заниматься их машинами. Понимаете, то, что задержало меня здесь, настолько грандиозно, это настолько изменит будущее...

Нет, больше я сказать не могу. Пока не могу. Представьте себе только контакт с далеко обогнавшей нас расой. С теми, о ком люди издревле мечтали, — с Древними, с Мудрыми. Совсем другая степень эволюции... Да! — с некоторым раздражением продолжал он. — Естественно, «СИ» будет платить мне больше тех жалких крох, которые я получал в специях и спиртных напитках. Быть может, вдвое. И все из-за того, что факт, который мне сообщил компьютер, раскрыл перед нами новые горизонты. Хотя привлекли меня не столько деньги, сколько то, о чем я уже сказал... Прощайте. Удачливых полетов!

Воцарилось молчание, которое нарушал лишь рокот прибоя да шепот звезд. Наконец ван Рийн встряхнулся по-собачьи, и проговорил:

— После этого вы улетели с Луны и стали добиваться связи со мной.

— А что еще нам было делать? — пробурчал Эдзел. — Дэвид вполне мог находиться под психоконтролем. Нам с Чи так и показалось. Но у нас не было доказательств. Даже у меня возникли кое-какие сомнения, а что уж говорить про тех, кто не был знаком с Дэвидом. Дело очень серьезное. Речь идет уже не о репутации «Сириндипити», речь идет о ковенанте! Члены Лиги не похищают и не пичкают наркотиками агентов друг друга. По крайней мере, не делали этого до сих пор.

— Мы обратились в лунную полицию, — вмешалась Чи. Она указала хвостом на одинита. — Эта вот буддийская кастрюля настояла. Над нами посмеялись. Буквально! Действовать от имени Лиги — сначала ударить, а потом

свериться с законом — мы не могли. Мы даже не члены Совета, как вы, сэр.

— Положим, я поставлю этот вопрос, — произнес ван Рийн медленно. — После месяца болтовни состоится голосование, и все будут против. Они не поверят, что «Сириндипити» способна на такое даже ради исключительных прибылей.

— По-моему, у нас нет даже этого месяца, — сказала Чи. — Давайте прикинем. Значит, Дэйву промыли мозги. Они сделали это для того, чтобы он не сообщил вам о том, что узнал от этой их проклятой машины. Они наверняка выкачивали из него все эти сведения. Но он остается уликой против них. Любой врач сможет его вылечить. Поэтому, как только им представится возможность — или как только это будет необходимо, — они избавятся от него. Быть может, отправят его в космос вместе с этой невестой. Может, убьют, а тело сожгут дезинтегратором. Мне кажется, мы с Эдзел ом действовали единственно правильным образом. Однако наши действия могут подстегнуть «СИ», и тогда капитан Фолкейн, считай, что пропал.

Ван Рийн молча курил. Это продолжалось около минуты. Потом он сказал:

— У вас же не корабль, а летающий танк. Могли бы попытаться освободить его.

— Могли бы, — ответил Эдзел. — Но мы не знали сил противника. И потом, это было бы пиратским налетом.

— Да, если только Фолкейн не пленник. А в этом случае мы бы потом такую подняли бучу! Небесам бы стало жарко. А вас бы все носили на руках.

— А если он остался там добровольно?

— Вы превратились бы в козлов отпущения.

— Напав, мы подвергли бы опасности его жизнь, — сказал Эдзел. — А если он не в плену, то, вызволяя его, мы убили бы ни в чем не повинных людей. Если дело касается моего товарища, то мне наплевать на закон. Но как бы мы ни были привязаны к Дэйву, он ведь человек, представитель другой

культуры. Мы не можем твердо сказать, в каком он был состоянии, когда звонил нам. Да, поведение его было необычным. Но, быть может, это как-то связано с эмоцией, которую называют любовью? И с чувством вины, что он нарушил контракт? Вы человек, сэр, а мы нет. Мы обращаемся к вам.

— Чтобы я, такой старый, бедный, несчастный, влез в это осиное гнездо?! — воскликнул ван Рийн.

Эдзел поглядел на него в упор:

— Да, сэр. Если вы разрешите нам напасть на них, то ставите на карту свою репутацию и все, чем владеете, ради одного человека, которому наша помощь, быть может, и не нужна. Мы понимаем это.

Ван Рийн яростно запыхтел сигарой. Она обожгла ему пальцы, и он отбросил ее в сторону.

— Ладно, — проворчал он, — хороший хозяин бережет своих людей, да? Итак, мы планируем рейд! — Он допил оставшееся в кружке пиво и швырнул посуду на пол. — Великое небо! — взревел он. — Хвтел бы я сейчас быть с вами!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 7

Эдзел остановился у воздушного шлюза.

— Ты поосторожней, ладно? — сказал он.

— Сам поосторожней. — Чи фыркнула. — За тобой ведь некому будет присматривать. Смотри у меня, болтун-переросток! — Она моргнула. — Что-то в глаз попало. Ну, пошли. Вали отсюда!

Эдзел опустил лицевой щиток шлема. Облаченный в скафандр, он еле-еле поместился в шлюз. Лишь выбравшись наружу, он сумел закрепить на спине ранец с инструментом, среди которого была и маленькая автоматическая пушка.

«Через пень-колоду» медленно удалялся от него. Корабль шел низко, едва не задевая зазубренные горные пики. Из-за пестрой окраски его трудно было разглядеть на фоне сверкающих звезд и глубоких теней внизу. Потом звездолет круто пошел вверх и исчез.

Эдзел терпеливо ждал: наконец сквозь треск помех в наушниках раздался голос цинтианки:

— Эй, как слышимость?

— Шикарно, — отозвался он. В шлеме загудело эхо. Защитное снаряжение весило весьма ощутимо. Температура внутри скафандра начала подниматься, и у Эдзела засвербило под чешуйками. От скафандра пахло машинами, и этот запах уже начал смешиваться с испарением его собственного тела.

— Хорошо. Значит, связь у нас с тобой есть. Я километрах в ста пятидесяти над тобой. Никакой радар меня пока еще не обнаружил, может, и не обнаружит. Все в порядке, сэр?

— Да, — голос ван Рийна, усиленный арендованным в Луноградe мазером, казался менее далеким. — Я поговорил со здешним шефом полиции: он до поры до времени не будет вмешиваться. Мои ребята устроят тут парочку дебошей — чтобы отвлечь внимание. У меня есть судья, готовый наложить запрет на их деятельность, как только я ему прикажу. Правда, чином вот он не вышел, хоть денег я на него ухлопал, как на белужью икру; поэтому он не очень надежен. А если допустить в это дело лунную полицию — беды не оберешься. Эд Гарвер душу черту продаст, лишь бы отправить нас за решетку. Так что поторопитесь, ребятки, — когда целуешь гадюку, ворон считать некогда. А я отправлюсь на свой корабль и поставлю перед алтарем свечки за вас святому Дисмасу, святому Николасу, а особенно — святому Георгию, чтоб его черти взяли!

Эдзел не удержался:

— Когда я изучал культуру Земли, то несколько раз встречал это имя. Но разве сама церковь, еще в двенадцатом веке, не признала его мифическим персонажем?

— Ба, — беспечно отозвался ван Рийн. — У них не было настоящей веры. Мне нужен воинственный святой. Разве Господь не в силах изменить прошлое и создать его заново ради меня?

Разговор закончился, а потом уже не было времени больше думать ни о чем, кроме скорости.

Эдзел гораздо быстрее бы и с меньшим трудом добрался на место на гравикаре. Но пешехода детекторам обнаружить куда сложнее. Поэтому Эдзел карабкался по горным склонам, перебирался через острые гребни, спускался в расщелины, огибал стены кратеров и трещины. Сердце его гулко стучало, легкие работали на пределе. Хорошую службу ему сослужило то, что передняя часть его тела перевешивала заднюю, — в условиях малой гравитации это был просто подарок судьбы.

Порой он перепрыгивал через препятствия; тогда при приземлении все тело его сотрясалось от удара. Он старался по возможности не выходить из тени, ибо охлаждающая система скафандра уже не справлялась со все возрастающей температурой, которая подскакивала еще выше, как только Эдзел оказывался на освещенном месте. Светофильтры не могли полностью защитить глаза от ослепительного блеска Солнца. Ни один гуманоид не смог бы повторить сделанный им путь; да и кому это вообще под силу, разве что детям звезды, которая ярче Солнца, планеты, которая больше Земли.

Дважды ему приходилось падать навзничь, когда над ним пролетал патрульный бот. В течение часа он передвигался бросками из тени в тень, избегая сторожевых постов — их антенны и орудийные стволы чернели на фоне неба. Ему удалось добраться до цели незамеченным.

Перед ним уходила вверх дорога, и в конце маячил замок; над крепостными стенами возвышались черные, колдовские на вид башни. Эдзел выбрался на дорогу и пошел по ней уже не скрываясь. Тишина была такой, что он почти

успокоился. Потом его окликнули на стандартном диапазоне:

— Кто идет? Стой!

— Гость, — ответил Эдзел, не замедляя своей рыси. — Мне нужно поговорить об очень важном деле, покорно прошу меня принять.

— Кто вы? Как попали сюда? — голос был женский, хриплый от волнения; по-английски она говорила с акцентом. — Остановитесь, я вам говорю! Это частное владение! Посторонним вход запрещен!

— Покорно прошу меня простить, но мне в самом деле крайне необходимо, чтобы меня приняли.

— Возвращайтесь. У начала дороги вы найдете сторожку. Можно заглянуть туда, а уж оттуда сообщите мне все, что хотите сказать.

— Благодарю за любезность, — Эдзел по-прежнему не сбавлял хода, — сударыня... э... Белдэниэл. Правильно? Если не ошибаюсь, ваши партнеры еще в конторе?

— Я сказала — возвращайтесь! — взвизгнула она. — Или я открою огонь! Я имею право. Я вас предупредила.

— Вообще-то мне нужен капитан Фолкейн, — сообщил Эдзел. Он был уже совсем рядом с главными воротами, внешний шлюз которых выступал из каменной стены. — Если вы будете так любезны, что сообщите ему обо мне, то, вива восе, наша дискуссия продолжится на открытом, так сказать, воздухе. Разрешите представиться. Я один из членов его экипажа. Сами понимаете, мне просто необходимо видеть его. Однако я не хотел бы вторгаться в ваш дом.

— Вы не из его экипажа! У него нет больше экипажа! Он уволился. Он же сам вам сказал об этом. Он не желает видеть вас!

— С глубочайшим сожалением вынужден сообщить, что уполномочен требовать свидания с ним.

— Но... его здесь нет. Я передам, чтобы он позвонил вам.

— Поскольку вы явно придерживаетесь ошибочного мнения о его местонахождении, сударыня, быть может, вы позволите мне осмотреть ваш замок?

— Нет! Предупреждаю в последний раз! Немедленно остановитесь, или вы будете убиты!

Эдзел повиновался, но остановился, если можно так выразиться, только скафандр. Пальцы левой руки Эдзела, в которой он держал пульт управления автоматической пушкой, забегали по клавишам. На этом пульте имелся маленький телеэкран, с помощью которого пушку наводили на цель. Правой же рукой он вытащил из кобуры бластер.

«Сударыня, — сказал он, — насилие может привести к печальным последствиям». Неужели вы этого не понимаете? Я прошу вас...

— Возвратитесь! — похоже, она была на грани истерики. — Даю вам десять секунд на то, чтобы повернуться и пойти обрат-во! Раз... два...

— Этого я и опасался, — вздохнул Эдзел и прыгнул — прыгнул вперед. Из пушки его трижды вырвалось пламя, повалил дым, в главные ворота замка ударила шрапнель. Все это произошло на удивление быстро, — только задрожала под ногами земля.

Два тепловых луча с охранявших вход угловых башенок скрестились на том месте, где он только что стоял. Его пушечка рявкнула. Одна из башенок с грохотом обрушилась. Клубы пыли скрыли Эдзела. К тому времени, когда пыль осела, он уже успел укрыться под стеной.

Внутренний шлюз представлял собой искореженную металлическую конструкцию.

— Иду внутрь, — сообщил Эдзел Чи Лан и выстрелил. Это препятствие оказалось более легким. Воздух вырвался наружу белым облачком замерзшей влаги и растворился, как туман под жарким солнцем.

Эдзел очутился в гостевом зале, где все было перевернуто вверх дном. Он разглядел на стенах несколько картин; у стены возвышалась некая тяжеловесная скульптура.

Ничего подобного ни картинам, ни этой статуе ему еще не доводилось видеть, но он едва уделил им внимание. Где искать Дэвида? Он осмотрелся, удивительно похожий на огромную собаку, только стальную. Из зала вели два коридора. Он заглянул прежде в один: ничего, совершенно пусто. Потом пошел в другой. Тут комнаты были обставлены мебелью, хотя нельзя сказать, чтобы ее было в избытке.

Хм, строители явно рассчитывали, что со временем народу в замке поприбавится. Но откуда он возьмется? И кто это будет?

Далеко Эдзелу пройти не удалось. Путь ему преградила герметическая дверца: она автоматически закрылась, как только упало давление. Скорей всего за нею его поджидают охранники. Сама Белдэниэл наверняка сидит на видеофоне, рассказывает своим партнерам о вторжении. Если ван Рийну повезет, то он сможет ненадолго удержать полицию от принятия мер. Это ведь их обязанность — бороться с нарушителями прав частной собственности. А он, Эдзел, именно такой нарушитель и есть. Если даже он расскажет полицейским все как на духу, они ничего не смогут сделать без ордера на обыск на руках. А пока они этот ордер получат, банда сириндипистов запросто уничтожит все доказательства пребывания Фолкейна в их замке.

А если он не поторопится, это может сделать, и сама Белдэниэл.

Одинит вернулся в зал и снял со спины ранец. Надо придумать что-нибудь. По счастью, внутри замка стены не такие прочные, как у внешних укреплений. Надо только постараться пройти незамеченным. Эдзел расстелил на полу пластиковый пузырь, встал на него и прикрепил его края к стене. Потом включил факел-резак. Скоро в стене появилось отверстие, он подождал, пока воздух из комнаты перейдет в пузырь, и докончил операцию. Потом вынул из стены квадратную плиту, которую вырезал, и протиснулся в образовавшуюся дыру, заткнув ее за собой все тем же пузырем.

Комната, где он очутился, была обставлена почти с пуританской строгостью. Эдзел мимоходом заглянул в стенной шкаф — так, женские тряпки. Внимание его привлекли книжные полки. Названия некоторых книг были написаны символами, значения которых он не понимал. Книги же на английском языке представляли собой справочники по человеческой культуре, издаваемые для туристов-негуманоидов. А это что? Бодхисатва?! Ничего не скажешь, странные существа обитают в этом замке!

Он поднял лицевой щиток, снял наушники и осторожно выглянул в коридор. Из-за угла, за которым, очевидно, находилась та самая герметическая дверца, послышались приглушенные голоса. Значит, слуги еще не закрыли свои шлемы. Представители едва затронутых цивилизацией планет, они отлично умели обращаться с самым современным оружием — даже те из них, кто не был профессиональным охранником. Эдзел крадучись направился в другую сторону.

Одна комната, другая — везде пусто. К чертям собачьим! Дэвид явно где-то рядом, но где?.. Стоп!

Его обостренный слух уловил где-то впереди какие-то звуки. Эдзел прыжком заскочил в будуар и включил расположенный на внешней стороне скафандра сканер.

Мимо прошла высокая, решительная на вид женщина в комбинезоне. Лицо ее было бледным и вытянутым; она учащенно дышала. По описанию ван Рийна Эдзел узнал ее: Тея Белдэниэл. Он двинулся за ней. Обернись она, ее взору представился бы крадущийся на цыпочках дракон длиной в четыре с половиной метра.

Женщина распахнула одну из дверей. Эдзел осторожно выглянул из-за косяка. Фолкейн спал, сидя в кресле. Женщина подскочила к нему и схватила его за плечо.

— Проснись! — воскликнула она. — Ну, проснись же!

— Чего? А-а. Чего ты? — Фолкейн пошевелился, не открывая глаз. Голос его был сонным.

— Вставай, милый. Нам надо уходить отсюда.

— Умм... — Фолкейн кое-как поднялся на ноги.

— Идем, говорю! — она дернула его за руку. Он поплелся за ней, как лунатик. — Вот в этот коридор, он нас выведет на космодром. Мы с тобой немножко полетаем, милый.

Эдзел понял, что они с Чи не ошиблись. Промывка мозгов во всей ее неприглядности. Заключается она в том, что жертву погружают в бессознательное состояние, в котором он повинуется любому приказу. Для этого нужно всего лишь обработать мозг жертвы лучом энцефалодуктора и подвергнуть воздействию дозвуковой несущей волны ее на среднее ухо. Помраченное сознание не в силах сопротивляться этим импульсам. Такой человек выполнит любой приказ; если им искусно управлять, он выглядит совершенно нормальным, но по сути своей будет марионеткой. А если его не трогать после обработки, то он на этом же самом месте и останется. Со временем можно будет полностью изменить его личность.

Эдзел ступил на порог комнаты.

— Нет, это уж и в самом деле слишком! — взревел он.

Тея Белдэниэл отскочила. От вопля ее задрожали стены.

Фолкейн стоял сгорбившись.

В коридоре раздались ответные крики. «Перестарался, — подумал Эдзел, — пожалуй, уже ничего не исправишь. Сейчас прибегут охранники, а с ними со всеми мне не совладать. Надо сматывать удочки, пока есть возможность. Но как же приказ ван Рийна?» Эдзел вспомнил слова хозяина: «Снимешь нашего молодого человека на пленку, возьмешь у него на анализ кровь и слюну. Это прежде всего. Пока этого не сделаешь, никакой самодеятельности!» Одинит подумал, что в подобной ситуации заниматься такими вещами просто нелепо. Но редко когда приказы ван Рийна бывали столь категоричными. Эдзел решил подчиниться.

— Извините, пожалуйста, — он отодвинул хвостом все еще вопившую женщину в сторону и аккуратно прижал ее к стене. Поставив на стол камеру, он направил ее на Фолкейна и включил запись, а сам тем временем подступил со шприцем и заборником в руке к тому, кто когда-то был его

товарищем (и снова им будет, черт побери, или достойно погибнет!). Успокоенный этой мыслью, Эдзел проделал всю операцию за несколько секунд. Затем сунул пробирки с анализом в мешочек, подобрал камеру и взял Фолкейна на руки.

У двери он столкнулся с дюжиной охранников. Ему пришлось прикрывать человека собственным телом, поэтому он не смог стрелять, но пробился сквозь них, мимоходом зацепив двоих хвостом. Вокруг него бушевал огненный шквал; о скафандр ударялись пули. Некоторые из них проникли внутрь — не причинив, впрочем, особого вреда; шкура у Эдзела была крепкая, а скафандр он себе выбрал самозатягивающийся. Одинит галопом промчался по коридору и выскочил в проход, который вел наверх. Но погоня была близко. Против гранат или мини-пушек ему долго не устоять. Фолкейна-то уж точно разорвет на куски. Нет, прочь отсюда, и как можно скорее!

Вверх, вверх, вверх... Наконец Эдзел очутился в пустой и гулкой комнате наверху. За окнами была Луна, дикая и неприветливая.

Как видно, в замке еще не все потеряли голову. Кто-то догадался связаться с патрулями: их боты уже появились на горизонте. Издалека орудия на них казались крошечными, но Эдзелу как-то не хотелось проверять на себе их действие. Он положил Фолкейна у стены. Затем осторожно проделал в окне дырку и просунул сквозь нее антенну своего передатчика.

Связь с Чи он потерял уже давно, поэтому ему пришлось расширить диапазон поиска и добавить мощность.

— Прием, прием. Эдзел вызывает корабль. Чи, ты там?

— Нет, — в голосе ее слышались и насмешка, и сдерживаемые рыдания. — Нет, я на Марсе. Вступила в Вязальное общество милых старушек — любительниц казней. Что ты натворил на этот раз, горе мое луковое?

Эдзел, сверившись с фотографиями замка снаружи (в свое время их много было опубликовано) и припомнив наставления ван Рийна, уже определил, где они находятся.

— Мы с Дэвидом на верху Башни Храпящей Красавицы. Ему действительно промыли мозги. По моим подсчетам, нас атакуют снизу, из коридора, через пять минут. А если они решат пожертвовать этой частью своей крепости, то их флиттеры разнесут башню и нас вместе с ней минуты через три. Ты не могла бы забрать нас пораньше?

— Я уже на полпути к вам, идиот! Держи связь!

— Помни наш уговор, Эдзел, — вмешался ван Рийн. — Чи забирает Фолкейна, а ты остаешься.

— Уговор был, если будет возможно, — вспыхнула Чи. — Так что заткнись!

— Я вот тебе заткнусь, — произнес ван Рийн негромко. — Узнаешь, где раки зимуют.

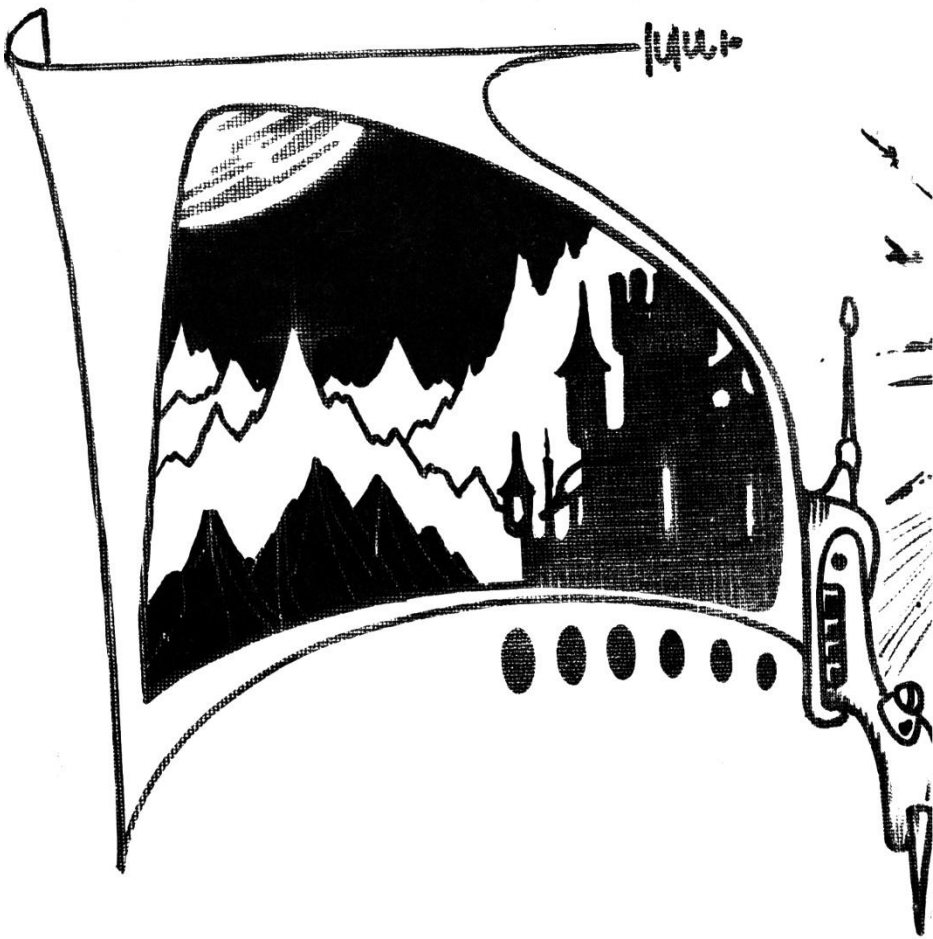
Эдзел убрал антенну и заделал дырку в окне герметичной прокладкой. Немного воздуха все-таки вышло. Он наклонился над Фолкейном.

— Я захватил для тебя скафандр, — сказал он. Ты сможешь в него влезть?

Затуманенные глаза Фолкейна бессмысленно уставились на него. Эдзел вздохнул. Из коридора послышались яростные вопли. Пушкой ему воспользоваться не удастся: помещение слишком мало, а Фолкейн совершенно беззащитен. Враг напирает, и патрули эти — вьются, как осы.

В этот миг с неба коршуном слетел «Через пень-колоду».

Конструкция звездолета позволяла в случае надобности превратить его в боевой корабль. Чи Лан не собиралась миндальничать. На мгновение солнце как будто померкло. Расплавленные патрульные боты рухнули на горы. Звездолет, удерживаемый гравиполем, замер рядом со сторожевой башенкой у ворот. Чи не стала пробиваться внутрь замка, опасаясь подвергнуть тех, кто внутри, действию жесткой радиации. Вместо этого она просто раздвинула стены башни гравилучом.

Моментально весь воздух испарился. Эдзел рывком опустил лицевой щиток. Он выстрелил из бластера в коридор, чтобы попугать слуг, и подхватил Фолкейна на руки. Тот по-прежнему был без скафандра и уже потерял сознание. Из ноздрей его сочилась кровь. Но мгновенный переход к вакууму не очень опасен: ловцам жемчуга достается куда сильнее. Да и нет такой жидкости, что закипала бы сразу. Эдзел понес Фолкейна к раскрытому воздушному шлюзу. Луч подхватил тело человека и увлек в корпус корабля. Клапан за

спиной Эдзела защелкнулся. Одинит прыгнул. Луч подхва-

тил его и притянул к звездолету.

«Через пень-колоду» постепенно набирал высоту.

Горы и замок становились все меньше. Эдзел, который никак не мог прийти в себя, понял вдруг, что слышит в наушниках разговор ван Рийна с Чи Лан.

— Высадишь его там, где я тебе сказал. Моя яхта подберет его через пять минут, и мы вместе доберемся до Лунограда. А ты, ты полетишь, куда скажет Фолкейн. Думаю, он в состоянии сообщить хотя бы направление.

— Эй, подождите! — запротестовала цинтианка. — У нас с вами об этом и речи не было.

— У нас что, было время гадать на кофейной гуще? Откуда я знал, получится у Эдзела или нет? Конечно, я надеялся, что получится, но наверняка-то не знал. Так что вот, давай действуй.

— Слушай ты, жирный пират, мой товарищ лежит без сознания! Если ты хоть на долю секунды подумал, что он может отправиться куда-нибудь еще, кроме госпиталя, я предлагаю тебе постучать своей идиотской — да-да, идиотской! — башкой о что-нибудь твердое, и...

— Эй, мой мохнатый друг, полегче на поворотах! Из того, что ты мне рассказала, следует, что ты вполне можешь поставить его на ноги по дороге. Мы ведь снабдили тебя всеми инструментами и инструкцией, как сделать промытые мозги снова немытыми. А стоило это столько, что у тебя вся шерсть повыпадала бы, назови я сумму. Теперь слушай. Дело серьезное. «Сириндипити» играет ва-банк. Нам придется делать то же самое.

— Я люблю деньги не меньше твоего, — отозвалась Чи неожиданно тихо. — Но ведь есть и другие ценности.

— Ага-ага. У Эдзела закружилась голова. Он закрыл глаза и представил себе сидящего у передатчика ван Рийна: трубка в одной руке, подбородок покачивается вверх-вниз, когда он говорит: — За ними-то как раз «Сириндипити» и охотится. Дело тут не в деньгах.

Подумай хорошенько, Чи Лан. Знаешь, что я вывел из фактов? Что Дэви Фолкейна на самом деле нашпиговали наркотиками. А почему я об этом догадался, знаешь? Причин тут несколько... Ну, не мог он вот так, с бухты барахты, порвать со мной... Но главное не это, главное вот что: чтобы бросить такую телку, как Вероника, ради Северного полюса вроде Теи Белдэниэл, человек должен быть просто сумасшедшим. А особенно Фолкейн — пусть даже Вероника была для него очередной интрижкой. Это не по-человечески, понимаешь? Так что было ясно, что его чем-то накачали.

Но что из этого следует? А вот что: «Сириндипити» пошла на нарушение ковенанта Торгово-технической Лиги. Понятно, они отважились на такое дело не просто так — должно быть, оно того стоит. Понимаешь, стоит даже конца «Сириндипити» как фирмы — уж от этого-то им никуда не деться!

А отсюда что следует, моя маленькая задира? Да всего лишь то, что речь идет уже не о деньгах! Потому что, когда нужны деньги, играют по правилам: нет смысла действовать наперекор, если хочешь стать классным игроком. Однако есть и другие игры — в войну, во власть, далеко не такие приятные, как первая. Лиге известно наверняка, что промышленным шпионажем «Сириндипити» не занимается. Тогда что здесь? А если предположить, что существует некто, совсем посторонний, совсем чуждый нашей цивилизации — некто неизвестный и, может быть, вполне может быть, враждебный нам? Как тебе?

Эдзел с шумом втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

— Времени на болтовню у нас нет, — продолжал ван Рийн. — Связной корабль их вылетел две недели назад. По крайней мере, так говорится в Службе контроля полетов: вылетел две недели назад, экипаж — два человека из владельцев фирмы. Быть может, вам еще удастся их догнать. Во всяком случае, вы с Фолкейном пока единственные в Солнечной системе, кто может это сделать. Но задержись вы тут всего лишь на какой-то там паршивый часочек, и полиция

вцепится в вас мертвой хваткой, и задержит вас как свидетелей. Так что летите, пока можете. На досуге займись нашим другом. Узнай у него все, что можешь, и сообщи мне, сама или через робокурьера, а хочешь, почтовым голубем. Да, мы рискуем, но, может быть, оно того стоит. Быть может, это сохранит нам жизнь или свободу. Поняла?

— Да, — отозвалась Чи тихо после долгой паузы. Звездолет оставил позади горы и шел на снижение. Впереди, освещенное лучами низко стоящего Солнца, виднелось Море Холода. — Но ведь у нас экипаж. Я имею в виду Эдзела...

— Он лететь не может, — ответил ван Рийн. — Мы ведь сами только что нарушили и ковенант, и законы планеты. Ты должна лететь с Фолкейном, потому что он, а не Эдзел, специалист по инопланетным культурам. В «Сириндипити» умные люди; здесь, на Луне, они будут сражаться отчаянно. Мне нужны доказательства того, что они сделали. Конечно, хорошо бы оставить и Фолкейна, но как-нибудь обойдемся. Эдзел был в замке. И вид у него что надо, внушительный.

— Ну что ж, — печально произнесла Чи, — раз так... Я этого не ожидала.

— Разве жить, — заявил ван Рийн, — не значит удивляться снова и снова?

Корабль сел. Чи выключила гравилуч, и Эдзел упал на застывший лавовый поток.

— Прощай, — сказала Чи.

Он был слишком расстроен, чтобы произнести в ответ нечто членораздельное. Корабль взмыл в небо. Эдзел следил за ним, пока он не затерялся среди звезд.

Вскоре появилась яхта ван Рийна; все дальнейшее Эдзел воспринимал как сквозь сон. Его взяли на борт, сняли скафандр. Ван Рийн тут же ухватился за добытые в замке материалы. Потом они приземлились в космопорте Лунограда. Эдзел едва слышал яростные крики своего хозяина, он хотел только спать, спать, спать... И только тут его арестовали и отвезли в тюрьму.

Глава 8

Из динамика раздался голос:

— Сэр, основной объект наблюдения только что позвонил в контору Мендеса. Он требует немедленной встречи с вами.

— Я именно этого и ждал, — удовлетворенно заметил Эдвард Гарвер. — Причем я угадал даже время! — Он потер подбородок. — Соедините меня с ним.

Эд Гарвер не вышел ростом, однако строгая серая форма придавала ему внушительность. Волосы у него были редкие, лицо напоминало собачью морду. Различные технические устройства не просто окружали его, как любого другого чиновника, — нет, они словно охраняли его. Стены комнаты увешаны были фотографиями, на которых Гарвер обменивался рукопожатиями с несколькими сменившими друг друга премьер-министрами Галактического Содружества, президентами Лунной Федерации и другими высокопоставленными лицами. На рабочем же столе не было никаких лишних предметов, никаких безделушек (жениться Гарвер так и не собрался).

Получивший приказ Гарвера компьютер преобразовал его в сигнал и передал дальше, на трансмиттер, расположенный на гребне Коперника, в тени которого укрылся Луноград. Оттуда луч мазера достиг искусственного спутника Луны, отразился от него и, мгновенно преодолев громадное расстояние, дотянулся до приемника, находящегося у подножия Платона. Преобразованный снова, он поступил в другой компьютер, и на этом его скитания завершились. Вся операция заняла лишь несколько миллисекунд: деловые люди, у которых была на счету каждая минута, не собирались ждать дольше.

На экране видеофона Гарвера появилось мужское лицо, широкое, с усами и козлиной бородкой. Узкие блестящие глаза, мясистый нос, прическа, которая была в моде лет так сорок назад.

— Великое небо! — воскликнул Николас ван Рийн. — Мне нужен Фернандо Мендес, шеф полиции Лунограда. А ты откуда там взялся? Что, скучновато стало в столице?

— Я по-прежнему в ней нахожусь, — отозвался Гарвер. — Вас соединили со мной по моему приказу.

Ван Рийн побагровел.

— Так это по твоему идиотскому распоряжению арестовали моего человека Эдзела?

— Ваше чудовище Эдзела, — поправил его Гарвер.

— Что ты знаешь о чудовищах, ты?! — рявкнул ван Рийн. — Да если хочешь знать, тебе до Эдзела, как клопу до медведя, хоть ты и человек, черт бы тебя побрал!

Директор Федерального центра контроля за безопасностью и соблюдением законов подавил гнев.

— Следите за своим языком, — сказал он. — Вы сейчас не в таком положении...

— Положение у нас нормальное. Мы ведь только оборонялись. И потом, какое до этого дело тебе? Что, местная полиция сама не разберется? — Ван Рийн попытался изобразить обиду. — Возвращаемся, понимаешь, садимся, собираемся с Эдзелом идти к Мендесу жаловаться — и вдруг, на тебе! Его хватают и уводят из космопорта под конвоем! Хотел бы я знать, по чьему приказу?

— По-моему, — ответил Гарвер. — Мне не хватило немногих фактов, чтобы задержать и вас, мастер. Но, я надеюсь, это дело поправимое. Я прибуду в Луноград и лично этим займусь. Считайте, что вы предупреждены. Если вы покинете Луну, я буду рассматривать это как прямое доказательство вашей вины. Скорее всего мне не удастся вытащить вас с Земли или куда еще вы там удерете, но я наложу арест на все здешнее имущество вашей Компании специй и спиртных напитков, вплоть до последнего литра водки! И пока ваш Эдзел сидит у нас, никуда вы, ван Рийн, не денетесь! Да и сообщникам его не поздоровится, если только они осмелятся вернуться. — Гарвер подался вперед.

— Я долго ждал, — продолжал он, — несколько лет. Я следил, как вы и ваши дружки-плутократы из Лиги плюете на закон — интригуете, даете взятки, принуждаете, подкупаете, обделываете свои делишки, создаете по собственному усмотрению экономику, сражаетесь между собой, словом, ведете себя как бароны империи. Хотя она и не существует на бумаге, но подчинила себе весь мир, возвращает нас к самому дикому феодализму и капитализму! Та свобода, о которой вы столько шумели, право на которую по вашему настоянию занесено в Конституцию, — это ведь всего лишь лицензия! Лицензия на грех, лицензия на порок! А ваша Лига имеет с этого бешеные деньги!

Ваши аферы за пределами Содружества я вряд ли смогу раскрыть. Вы слишком хорошо заметали за собой следы — везде, кроме Луны. Отсюда ниточка и потянется. Если мне удастся справиться с Лигой здесь, я умру счастливым, зная, что заложил основы для возникновения более достойного общества. А вы, ван Рийн, — вы начало начал. Наконец-то вы зашли слишком далеко. На этот раз вы попались! — Гарвер, тяжело дыша, откинулся на спинку кресла.

Торговец ни разу не попытался возразить. Время от времени он открывал свою табакерку, брал из нее понюшку табаку, чихал. Потом принялся мять кружевное жабо. Когда Гарвер кончил, он вкрадчиво — с мягкостью цунами, встреченной посреди океана, — произнес:

— Ну что ж, расскажи-ка мне, что ж я такого натворил. В Писании сказано, что грешнику свойственно ошибаться. Может, мы с тобой обнаружим, в чем же я ошибся.

Гарвер уже успокоился.

— Идет, — сказал он. — Так и быть, доставлю себе удовольствие — лично сообщу вам, что против вас имеется.

Начав вести наблюдение за деятельностью Лиги, я сразу же распорядился, чтобы меня немедленно извещали о любых необычных ситуациях. Примерно с неделю назад этот ваш Эдзел в паре с кем-то там еще — ах да, Чи Лан с Цинтии — обратился в полицию и потребовал произвести обыск у

владельцев информационной брокерской фирмы «Сиринди-пити». Эти двое заявили, что их капитана Дэвида Фолкейна держат в заключении в альпийском замке, который является резиденцией владельцев «СИ», и что его подвергли промывке мозгов. Естественно, им отказали. Да, эти люди из «СИ» в самом деле ведут себя довольно таинственно. Но ведь вы же сами, вы, капиталисты, фетишизировали право частной собственности! Кроме того, эта фирма, единственная из членов Лиги, никогда не нарушала закона. Она всего лишь тихо-мирно собирала себе данные и раздавала советы.

Меня это обращение в полицию насторожило. Зная, что представляют собой ваши головорезы, я понял, что можно ожидать чего угодно. Я предупредил владельцев «СИ» и сказал им, чтобы они связались со мной, как только что-нибудь заподозрят. Я предложил им охрану, но они заявили, что справятся сами. — Гарвер снова начал раздражаться. — Вот еще одно из зол, которое принесла с собой ваша Лига! Если в законе — в законе! — сказано, что человек может хранить у себя дома оружие и применять его, когда сочтет нужным!.. Вы называете это самозащитой! — Он вздохнул. — Должен признать, что «СИ» никогда этим не злоупотребляла.

— А про Фолкейна они тебе рассказывали? — поинтересовался ван Рийн.

— Да. Вообще-то я сам разговаривал с ним по видеофону. Он сказал, что хочет жениться на сударыне Белдэниэл и работать в ее фирме. Да, конечно, его могли накачать наркотиками. Но я же не знаю, как он обычно себя ведет. Да мне это и ни к чему. Мне представляется гораздо более правдоподобной следующая версия: вы хотели скоренько вытащить его оттуда, чтобы он не успел посвятить своих новых друзей в ваши мерзкие секреты!

Ван Рийн молча слушал, только лицо его сделалось пунцовым.

— Итак, — Гарвер сцепил пальцы и ухмыльнулся. — Сегодня, часа три назад, со мной из конторы «СИ» связался

мастер Ким. Ему позвонила сударыня Белдэниэл. Он сообщил мне, что у ворот замка появился одинит в космическом скафандре — я сразу понял, что это Эдзел, — и потребовал свидания с Фолкейном. Когда ему было в этом отказано, он ворвался внутрь и начал там бесчинствовать.

Я приказал шефу Мендесу отправить туда полицейский отряд особого назначения. Он ответил мне, что в городе вспыхнуло восстание — по крайней мере, на улицах идет драка, и что начали ее ваши люди, ван Рийн, на вашем складе. Только не убеждайте меня, что это случайное совпадение!

— Но так оно и есть, — сказал ван Рийн. — Спросите у моих ребят: это такие паршивцы! Я их накажу!

— А когда они выйдут из тюрьмы, вы их вознаградите солидными премиями.

— Надо же будет их как-то утешить. Сердце-то у меня не камень. Ну ладно, директор. Что дальше?

Теперь уже побагровел Гарвер.

— Затем я потратил целый час на какой-то совершенно нелепый судебный запрет. Тоже ваши штучки? Ничего, разберемся и с этим. После этого я смог направить к замку часть своих людей. Но они прибыли туда слишком поздно. Эдзел уже захватил Фолкейна. Закон уже был нарушен. — Он снова овладел собой, по крайней мере внешне.

— Вам нужны-факты других нарушений, — продолжал он. — Пожалуйста. К башне, в которой находился Эдзел, приблизились на своих ботах патрульные «СИ». И тут с неба свалился звездолет. Да, звездолет, хорошо вооруженный, явно поддерживавший связь с этим вашим драконом. Он уничтожил боты, разрушил башню, а потом улетел. Фолкейн исчез вместе с ним. Отсюда я делаю вывод, что на корабле была Чи Лан. А сам звездолет — тот самый, который они обычно используют и который улетел из космопорта Луноградa в неизвестном направлении несколько стандартных дней тому назад. Согласитесь, это очевидно. Но Эдзелу удрать не удалось. Наверно, он радировал вам, чтобы вы его

подобрали, и вы это сделали и привезли его обратно в город. Отсюда следует, что вы тоже замешаны в этом деле, ван Рийн. Я знаю, сколько адвокатов у вас на содержании, а потому хочу собрать еще немного улик против вас. Я их добуду, и я вас арестую!

— Интересно, за что? — равнодушно поинтересовался собеседник Гарвера.

— За многое. Полагаю, владельцам «Сириндипити», сударыне Белдэниэл и слугам из замка найдется что сказать. За шантаж. За нанесение увечий. За вторжение в частное владение, устройство беспорядков, похищение, убийство...

— Эй, жеребчик, не торопись! Эдзел сказал мне, что, пожалуй, задел мельком парочку охранников. Но он буддист и потому смотрел, чтобы никого не убить. Эта башенка, которую он сшиб, когда входил, она ведь стандартная, с дистанционным управлением.

— Про патрульные боты этого не скажешь. Тепловые лучи уничтожили их штук шесть. Да, конечно, пилоты, как и слуги замка, не гуманоиды и не являются жителями города. Но они же живые существа! Их смерть в данной ситуации будет считаться насильственной. Кроме того, вам можно также предъявить обвинение в тайном сговоре и...

— Хватит, — прервал его ван Рийн. — По-моему, ты не особенно нас любишь. Когда тебя ждать?

— Я прилечу, как только наведу порядок здесь. Через несколько часов. — Гарвер натянуто улыбнулся. — Может, вы мне сейчас признаетесь? У нас будет меньше забот, а вы облегчите себе участь.

— Нет. Мне не в чем признаваться. Это какая-то ужасная ошибка. Ты совершенно не разобрался в ситуации. Эдзел кроток, как ребенок, — правда, я знал несколько детишек, с которыми лучше было не связываться. А что до меня, то я старый бедный одинокий толстяк, которому всего-то и нужно накопить немножко деньжонок, чтобы не кончить жизнь под забором.

— Заткнись! — не выдержал Гарвер и потянулся к выключателю.

— Подождите! — воскликнул ван Рийн. — Ну и каша заварилась! Придется мне ее расхлебывать, потому как я добрый христианин, который изо всех сил старается возлюбить ближнего своего, который не даст тебе сесть в лужу и не допустит, чтобы над тобой смеялись, хотя ты того и заслуживаешь. Я поговорю с Эдзелом, свяжусь до твоего прибытия с «Сириндипити». Может, нам тут удастся разобраться с дровами, которые ты наломал.

Гарвер скривился.

— Я вас предупредил, — сказал он. — Если только я узнаю, что вы угрожали, шантажировали, давали взятки...

— Обзываешься, — укоризненно произнес ван Рийн, — оскорбляешь... Ну что ж, я твою похабщину слушать не собираюсь. Счастливо оставаться, дурья твоя башка.

Луна была одним из узловых центров системы межпланетного сообщения. Поэтому тюрьмы в ее городах строились с таким расчетом, чтобы за решетку можно было посадить кого угодно. Эдзел вынужден был признать, что освещение, температура, влажность, давление и сила тяжести в его камере значительно больше подходят ему, чем земные условия, хотя он вполне сносно чувствовал себя и на Земле. Вот только пища подкачала: ему подсунули какое-то вязкое пойло, которое, как говорилось в некой книжонке, было любимым лакомством одинитов. Еще сильнее Эдзел страдал от невозможности вытянуть хвост, не говоря уже о том, чтобы позаниматься.

Кто может его выручить? Представители его народа редко покидали свою планету, поскольку были большей частью простыми охотниками. Так что надежды встретить сородича, который бы ему помог, почти, пожалуй, и нет.

Когда Эдзела привели в тюрьму под конвоем полицейских, всю дорогу почтительно на него поглядывавших, начальник тюрьмы разинул рот.

— Аллах всемогущий! Ну, и куда нам прикажете поместить эту тушу, среднее между кентавром и крокодилом? Все большие камеры уже заняты: черт бы побрал эту конференцию фантастов!

Отсюда понятно, почему Эдзел так ласково обошелся с сержантом, который несколько часов спустя сообщил ему по видеофону:

— Тут... э... ваш полномочный представитель. Хочет с вами встретиться. Вы как?

— Конечно. Давно пора! К вам у меня претензий нет, офицер, — поторопился добавить заключенный. — Ваши парни обращались со мной весьма корректно. Если я правильно понял, для вас ваша служба все равно что для меня — колесо Кармы.

Сержант поторопился отключиться.

На экране появилось лицо ван Рийна. Сначала изображение было слишком ярким, но постепенно все вошло в норму. Эдзел изумился.

— Но... но я ждал адвоката, — выдавил он.

— Некогда, — отмахнулся босс. — Дело такое, что чем тише едешь, тем тебе же хуже. Твоя задача — держать язык за зубами! Ни полсловечка! Я запрещаю тебе даже утверждать, что ты невиновен. Молчи, и все. Пока у них нет права тебя допрашивать. Если им приспичит узнать, что на улице, день или ночь, пусть сами сбегают и посмотрят!

— Но что я буду делать в этой конуре? — взмолился Эдзел.

— Сидеть. Бездельничать. Качать из меня деньги. А я тем временем буду обивать пороги, пока мои бедные старые ноги не сотру до колен. Только представь, — воскликнул ван Рийн патетически, — я уже целый час никак не могу промочить горло! И похоже на то, что останусь без ленча. А сегодня на ленч должны быть лимфбордские устрицы, фаршированные тихоокеанские крабы а-ля...

Эдзел не выдержал. Стены камеры задрожали, когда он пошевелился.

— Но мне здесь не место! — возопил он. — Мои показания...

— Тихо! — гаркнул ван Рийн так, что Эдзел сразу затих. — А ну, заткнись! Хватит! — Потом заговорил обычным тоном: — Мне сказали, что этот канал не прослушивается, но черт его знает, — от Гарвера можно ожидать чего угодно. Надо попридержать наши козыри, понимаешь? А в последний момент мы их выбросим — как Гэбриэл. Козыри. Гэбриэл. Понял? Ха!

— Ха, — медленно произнес Эдзел, — Ха.

— Чудак, ты же можешь без помех медитировать, закалять, так сказать, свой аскетизм! Я тебе просто завидую. Я бы даже хотел оказаться на твоем месте. Ну ладно, сиди. Я отправляюсь в «Сириндипити». До скорого. — Ван Рийн исчез.

Эдзел долго лежал не шевелясь.

«Но у меня же были доказательства, — думал он, ошеломленный всем случившимся. — Те пленки, те анализы, которые я взял у Дэвида в замке... как мне и было приказано... доказательства того, что ему в самом деле промыли мозги. Я передал все материалы Старому Нику, когда он попросил. Это было перед посадкой. Я так думал, что он найдет им лучшее применение. Ведь они оправдывают все мои действия. Люди ведь испытывают панический ужас, даже когда просто слышат о насилии над личностью. А тут у меня в руках были прямые доказательства!

Но он — мой хозяин, которому я доверял, — даже не обмолвился о них!»

Когда Чи Лан и выздоровевший Фолкейн возвратятся, от них потребуют свидетельских показаний. Но без физических доказательств, которые добыл он, Эдзел, их словам вполне могут не поверить, пускай даже они будут утверждать то же самое и под воздействием какого-нибудь гипноза.

В общем, ситуация — хуже некуда. Как ни верти, а от того факта, что в схватке были убиты несколько разумных

существ, никуда ни деться. (Откровенно говоря, Эдзел особых угрызений совести не испытывал, хотя в сравнении с каким-нибудь там жителем одного из беспокойных приграничных районов мог считаться чуть ли не невинным младенцем. Это ведь была пусть маленькая, но война, то есть способ разрешения конфликта, который иногда считался приемлемым. Нападение на вооруженных до зубов охранников, защищавших похитителей твоего товарища, выглядело бы тогда сущей ерундой в сравнении с освобождением его из плена. Но вся беда заключалась в том, что по законам Содружества войны между частными лицами или фирмами не допускались.)

Правда, возможность, что власти посмотрят на это нападение сквозь. пальцы, пока не исключена, — но только если им предъявят доказательства промывки мозгов. И если Чи Лан с Фолкейном вернутся и расскажут, как все было. А не вернуться они могут очень запросто. Ведь эти неизвестные, для которых старалась «Сириндипити», вполне могут убить их. «Почему ван Рийн не позволил мне улететь вместе с ними? Почему, почему, почему?..»

Раз уж он остался один, его могли бы и отпустить на поруки. Тогда стало бы ясно, что его нападение на замок, пусть и незаконное, не было беспричинным. Тогда «Сириндипити» рухнула бы, ибо клиенты наверняка перестали бы доверять этой фирме.

А вместо этого ван Рийн скрывает доказательства и отправляется торговаться с похитителями Фолкейна!

В крошечной камере Эдзелу было не по себе. На звездолете места немногим больше, но зато там знаешь, что тебя окружают звезды. А здесь — стены, за ними другие, за другими третьи, и так до бесконечности.

«О вы, буйные пираты Зарлаха! О, гулкий топот копыт, свежий ветер, горы в призрачно-голубой дымке! О, костры на вечерней заре! Древние песни, древние танцы, родство душ, что сильнее кровного родства! Дом — это свобода.

Корабли, дальние странствия, новые планеты, веселый смех. Свобода — это дом. Неужели ван Рийн продаст меня?

Неужели я позволю ему сделать это?»

Глава 9

Пыхтя, как древний паровоз, Николас ван Рийн ворвался в помещение, где располагалась дирекция «Сириндипити». Ему уже приходилось иметь дело с этой фирмой. Но тут он не бывал никогда и не слышал, чтобы сюда был разрешен доступ кому-либо еще, кроме владельцев «СИ».

Если не считать размеров помещения, то все здесь было точно так же, как и в консультационных офисах фирмы. То же холодное сочетание тех же дорогих отделочных материалов, тот же яркий свет, исходящий от флуоропанелей. Правда, здесь имелся большой круглый стол, вокруг которого могли усесться несколько человек: на нем громоздились различные переговорные и вычислительные устройства.

«Жарковато у них тут, пожалуй», — подумал ван Рийн.

Владельцы «СИ» — те из них, кто остался на Луне, — выстроились по ту сторону стола. Прямо напротив ван Рийна с безучастным видом стоял Ким Юн Кун. Его мнимое равнодушие, равно как и напускное безразличие Анастасии Герреры и Евы Латимер, не могли обмануть торговца. Тея Белдэниэл, несмотря на темные круги вокруг глаз, заострившиеся черты лица и дрожащие руки, все-таки не очень напоминала женщину, в замок которой всего лишь несколько часов назад ворвался дракон.

Ван Рийн остановился. Внимание его привлекли двое притулившихся к стене существ: двуногие, четверорукие, хвостатые, покрытые серым мехом, одетые в одинаковые кольчуги и вооруженные современными бластерами. Желтые глаза, сверкавшие из-под напоминавших рога костяных выростов, придавали их грубым лицам злобное выражение.

— Зачем вы притащили сюда этих головорезов с Горзуна? — поинтересовался он. Полы плаща его распахнулись, когда он широко развел руки, а потом положил их на свои лилового цвета кюлоты в обтяжку. — Оружия у меня при себе нет. Я пришел к вам один, невинный, как голубь мира. Разве таких голубей опасаются?

— Полковник Мелкарш командует патрулями, охраняющими наш замок снаружи, — ответил Ким. — Капитану Уругу подчиняется охрана внутри замка и, следовательно, все слуги. Они представляют здесь своих подчиненных, с которыми так жестоко обошлись ваши агенты.

Ван Рийн кивнул. Да, так можно хранить тайны: нанимать к себе на службу варваров-негуманоидов. Они будут заниматься только своим делом и больше никуда не лезть. Будут держаться друг друга, не вступая в контакты с чужими и не выбалтывая им никаких секретов, а по окончании контракта отправятся домой и исчезнут, канут в безвестность на своих редко посещаемых планетах. Но, принимая таких существ на службу, приходится учитывать их обычаи. Ситуруши с Горзуна — прекрасные воины, чересчур, быть может, жестокие; офицеры и солдаты их армии связаны обетом верности друг другу.

— Ладно, — сказал торговец, — может, оно и лучше. Ну что ж, значит, присутствуют все, кого это дело касается. — Он сел, достал сигару и откусил ее кончик.

— Вам, кажется, не предлагали курить, — холодно заметила Анастасия Геррера.

— Ну и что? Я же знаю, что вы просто не успели. — Ван Рийн закурил, откинулся на спинку кресла, скрестил ноги и выпустил изо рта голубое облако дыма. — Я рад, что вы согласились встретиться со мной в непринужденной, так сказать, обстановке. Я бы, конечно, мог заглянуть к вам домой, если бы вы меня пригласили. Но, по-моему, здесь лучше, а? Там полно полицейских, которые только и делают, что с умным видом болтаются под ногами. А это помещение —

единственное, пожалуй, в Лунограде, где мы можем быть уверенными, что нас не подслушивают.

Мелкарш глухо заворчал. Наверное, он немножко понимал английский. Ким сказал:

— Мы согласились принять вас, мастер ван Рийн, но не испытывать свое терпение. Если мы о чем-либо и договоримся, то только на наших условиях. И еще: даже если вы окажете нам полное содействие, мы не можем гарантировать, что действия ваших агентов останутся безнаказанными.

Брови посетителя, словно черные гусеницы, поползли вверх по покатому лбу.

— Я не ослышался? — он приставил руку к уху. — Быть может, несмотря на кучу денег, что я плачу врачам, быть может, я оглох от старости? Надеюсь, вы еще не сошли с ума? Надеюсь, вы понимаете, что я затеял всю эту трепотню вовсе не ради себя, а ради вас? Что я не хочу прихлопнуть вас? Ну да ладно, не будем ходить вокруг да около. — Он достал из внутреннего кармана жилета плотный конверт и бросил его на стол. — Полюбуйтесь. Это, разумеется, копии. Оригиналы я оставил в другом месте; если я через пару часов не вернусь, то они будут отправлены в полицию. А вот биологические анализы. Доказать, что они взяты у Фолкейна, будет весьма просто, поскольку в медкарте на Земле имеется хромосомный набор. Радиоизотопный тест подтвердит, что анализы были взяты лишь несколько часов назад.

Партнеры молча принялись разглядывать фотографии, тишина в комнате стала как будто еще напряженнее. Мелкарш зарычал было и сделал шаг вперед, но Уругу остановил его. Взгляды их не обещали гостю ничего хорошего.

— Вы промыли Фолкейну мозги, — сказал ван Рийн. Он погрозил пальцем. — Ой как нехорошо. Неважно, может, мы в чем-то и виноваты, но уж вас полиция после того, как получит все это, проверит от и до. Неважно, что станется потом с вами лично, но с «Сириндипити» будет покончено.

Достаточно лишь подозрения, что вы действовали вовсе не так, как представлялось, — и вы лишитесь и денег, и клиентов.

Лица владельцев «СИ» оставались непроницаемыми. Но Тея Белдэниэл еще не совсем овладела собой: во взгляде ее промелькнуло страдание.

— Мы не... — выдавила она со всхлипом. Потом поправилась: — Да. Но я... мы... не хотели, чтобы он пострадал. У нас просто не было выбора.

Ким жестом заставил ее замолчать.

— У вас как будто есть причина, по которой вы не хотели бы передавать этот материал следствию, — медленно произнес он, подчеркивая каждое слово.

— Ага-ага, — отозвался ван Рийн. — Мой паренек вроде бы пострадал не очень сильно. К тому же «Сириндипити» сослужила хорошую службу Галактической Лиге. Так что я на вас не очень сержусь и постараюсь помочь, чем смогу. Конечно, только легким испугом вы не отделаетесь. Это невозможно. Однако ведь вы сами впутали в это дело полицию, а отнюдь не я.

— Я не признаю за собой никакой вины, — заявил Ким поспешно. — Наше дело не имеет ничего общего с вашими грязными деньгами. — Глаза его метали молнии.

— Как же, как же. Ваши боссы — они где-то в космосе и совсем не похожи на нас. Именно поэтому мы не можем позволить вам продолжать работу, ибо вы — шпионы, а может, и саботажники. Но я люблю ближнего своего и потому хочу помочь вам избежать пагубных последствий вашей же собственной глупости. Начнем с того, что отзовем собак закона. Как только их большие вонючие зубы оторвутся от нашего куска...

— Вы считаете, их можно еще... отозвать? — прошептала Тея Белдэниэл.

— Пожалуй, да, если вы мне в этом поможете. В конце концов, эти ваши охранники в замке, Эдзел ведь всего лишь сломал пару-тройку костей да наставил синяков. Это все

можно уладить, так сказать, полюбовно; без всякой полицейской шушеры, — ван Рийн с задумчивым видом выпустил изо рта кольцо дыма. — Платите вы. Теперь насчет этих патрульных ботов, которые якобы расплавились. Кто может подтвердить, что их уничтожил звездолет? Если мы...

Мелкарш стряхнул с плеча руку товарища и, потрясая в воздухе всеми четырьмя кулаками, завопил на искаженном почти до неузнаваемости латинском — общем языке Лиги:

— Чтоб тебя сожрал самый мерзкий демон! Почему мои солдаты должны оставаться неотмщенными?

— О, ты сможешь передать их родичам виру, — обнадежил его ван Рийн. — Глядишь, и тебе что-нибудь перепадет. Ты ведь не против, а?

— По-твоему, все на свете продается? — возразил Мелкарш. — Может, и все, но только не честь! Знай, я сам видел этот звездолет, как он сжег боты; я просто не успел вмешаться. Но я заметил, что это был один из твоих кораблей, и я так и скажу на суде!

— Ну-ну, — улыбнулся ван Рийн. — Тебя же никто не просит лжесвидетельствовать. Ты просто промолчишь; другими словами, не будешь кричать на всю округу, что что-то видел, и спрашивать тебя тоже никто не будет. А если еще учесть, что твои хозяева собираются скоро отправить тебя домой — на первом же корабле, который туда полетит; быть может, это будет один из моих звездолетов — и выплатить тебе всю причитающуюся по контракту сумму плюс премию, то вообще... — Он добродушно кивнул Уругу. — Разумеется, друг мой, то же самое относится и к тебе. Ну разве не шикарные у вас хозяева?

— Если ты надеешься, что я приму твою вшивую взятку, — рявкнул Мелкарш, — то ты просчитался! Чего ради мне соглашаться на это, когда я могу отомстить за своих солдат, сказав только...

— Да ну? — удивился ван Рийн. — Ты уверен, что сможешь меня свалить? Это не так-то просто, я довольно крепко стою на ногах. Ты просто погубишь этим своих хозяев, которым,

вспомни, ты клялся верно служить. Кроме того, учти, что тебя и твоих, так сказать, людей можно привлечь за похищение и другие нехорошие дела. Интересно, как ты поможешь своим или сбережешь честь, сидя в федеральной тюрьме? А? Гораздо лучше будет для тебя, если ты привезешь виру семьям погибших и расскажешь о том, что они пали в бою, как и подобает настоящим воинам.

Мелкарш открыл рот, но не смог найти слов для ответа.

Тея Белдэниэл встала из-за стола, подошла к нему, погладила по шкуре и сказала:

— Он прав, понимаешь, мой добрый старый друг, он прав. Он демон, но он прав.

Горзунец отрывисто кивнул и отступил к стене.

— Отлично, просто здорово! — сказал ван Рийн. Он потер руки. — Я так рад, что нашел здесь здравый смысл и сговорчивость. У меня есть кое-какие планы, как нам быть дальше. — Он огляделся. — Только вот мне страшно хочется пить. Может, пошлете за парой бутылочек пивка?

Глава 10

Прилетев в Луноград, Эдвард Гарвер сразу направился в полицейское управление.

— Приведите арестованного одинита в камеру для допросов, — распорядился он. Потом кивнул на трех сопровождающих его сурового вида мужчин. — Мои помощники; мы хотим допросить его сами. Станет у нас крутиться, как рыба на сковородке, — в рамках закона, конечно. В конце концов, закон что дышло, а арестованный слишком, понимаете ли, велик, чтобы уместиться в обычные рамки.

Эдзел никак не мог понять, что происходит. Воздух был сильно разреженным, насыщенным влагой и таким холодным, что чешуйки его стали покрываться изморозью; сила тяжести вдвое превышала ту, что была на его родной планете. Он почти ослеп от усилившейся яркости далекого красного карликового солнца и не мог разглядеть Гарвера с

помощниками за витриловой панелью, где сохранялись земные условия. Время шло, но никто, похоже, не собирался поить его или кормить. Лишь вопросы — непрерывно, один за другим, и таким визгливым голосом, что скоро уши Эдзела, привыкшие к более низким частотам, заболели.

На вопросы он не реагировал.

— Отвечать! — завопил Гарвер примерно через полчаса. — Ты что, хочешь, помимо всего прочего, обвинения в неуважении к следствию?

— Откровенно говоря, да, — изумил их ответ Эдзела. — Поскольку я всего лишь пользуюсь своим правом на молчание, то подобное обвинение просто-напросто подтвердит всю абсурдность вашей возни.

Гарвер нажал на кнопку. Эдзел дернулся.

— Что-нибудь не так? — спросил у него один из полицейских, которому была выделена роль этакого добрячка.

— Через пол бьет током.

— Что ты говоришь! Наверно, дефект проводки. А может, тебе померещилось? По-моему, ты здорово устал. Давай признавайся, и все пойдем передохнем.

— Вы глубоко ошибаетесь, — отозвался Эдзел. — Мой хозяин тоже не сахар, но по сравнению с вами он просто лапочка. Я отказываюсь сотрудничать с вами на любых условиях. По счастью, космические скитания закалили мой организм. Поэтому, с вашего разрешения, я буду рассматривать эту ситуацию как возможность возвыситься над неудобствами, претерпеваемыми физическим телом. — Он принял позу лотоса; это, надо сказать, было зрелище. — Прошу прощения, что медитирую в вашем присутствии.

— Где ты был в ту вечернюю вахту, когда...

— Ом Мани Падме Хум[49].

Полисмен отключил переговорное устройство.

— По-моему, овчинка выделки не стоит, шеф, — сказал он.

---

[49] Буддийская мантра, в переводе означает «О драгоценность в лотосе».

— Но он же живое существо! — возразил Гарвер. — Здоровый как бык, правда, но ведь не камень. Будем продолжать, посменно, пока не добьемся желаемого.

Тут раздался звуковой сигнал, и на экране видеофона появилось лицо начальника полиции Лунограда Мендеса.

— Прошу прощения, что отвлекаю вас, сэр, — извинился он, — но нам тут позвонили из «СИ». — Мендес вздохнул. — Они... они отказываются от своей жалобы.

— Что? — Гарвер так и подскочил. — Нет! Этого не может быть! Я же сам!.. — Он смолк. Лицо его посерело. — Давайте, — холодно приказал он.

С экрана на него уставился Ким Юн Кун. Гарверу показалось, что он чуть менее сдержан, чем обычно. За его спиной маячил ван Рийн. Гарвер подавил инстинктивное желание швырнуть в экран чем-нибудь тяжелым.

— Ну? — спросил он. — Что это еще за выкрутасы?

— Я и мои коллеги имели разговор с этим вот джентльменом, — сказал Ким. Он говорил так, словно каждое слово в отдельности было грязным ругательством; он их как будто выплевывал. — Мы выяснили, что имело место досадное непонимание нами друг друга. Это следует немедленно исправить.

— Что, и воскресить. из мертвых? — фыркнул Гарвер. — Пускай он предлагает вам какие угодно взятки, но у меня есть доказательства, что совершено преступление. Предупреждаю вас, сэр: если вы что-либо утаите от следствия, это может обернуться для вас неприятностями в будущем.

— Но преступления не было, — возразил Ким. — Все произошло по чистой случайности.

Гарвер поглядел на ван Рийна: торговец попыхивал сигарой и улыбался.

— Позвольте мне начать с начала, — сказал Ким. — Мы с партнерами хотим, если можно так выразиться, удалиться от дел. Поскольку «Сириндипити» фирма в своем роде уникальная, купить ее захотят многие и за большие деньги. Переговоры по этому поводу — дело весьма тонкое, особенно

если вы примете во внимание тот факт, что преуспевание нашей компании зависело от полного к ней доверия со стороны клиентов. Стоило возникнуть лишь малейшему подозрению в нечестной игре, и славное имя нашей фирмы было бы запятнано навсегда. Все знают, что мы чужаки, что мы сторонимся общества и потому не всегда можем правильно определять последствия тех или иных своих шагов. Мастер ван Рийн благородно, — Ким еле выговорил это слово, — предложил нам свою помощь. Но наш договор следовало держать в тайне, чтобы конкуренты мастера ван Рийна не решили, будто «Сириндипити» перешла в его собственность.

— Вы... вы, — взвизгнул Гарвер, как будто продолжая изводить Эдзела, — продаетесь? Кому?

— Вот с этим у нас возникли трудности, директор, — сказал Ким. — Фирма должна быть продана не просто тому, кто в состоянии заплатить, но тому, кто сможет вести дело дальше, не вызывая к себе подозрения со стороны клиентов. Быть может, это будет консорциум негуманоидов. Во всяком случае, мастер ван Рийн уполномочен нами действовать как посредник.

— Конечно, за приличные комиссионные, — простонал Гарвер.

— За бешеные, — в тон ему отозвался Ким. Потом продолжил: — Капитан Фолкейн прибыл в качестве его представителя, чтобы обсудить с нами некоторые детали. Для сохранения всего дела в тайне было решено сбить с толку всех, даже товарищей капитана по экипажу. Именно так и возникли слухи о его помолвке с сударыней Белдэниэл. Теперь я понимаю, что эта мысль была никудышной. Упомянутые товарищи капитана, возбужденные этими слухами, решились на крайние меры. Как вы знаете, Эдзел проник в замок силой. Но серьезного ущерба он зданию не причинил; а когда капитан Фолкейн объяснил ему ситуацию, он тут же принес нам свои извинения, которые мы с радостью приняли. Вопрос об ущербе мы договорились решить между

собой. Так как капитан Фолкейн выполнил свою миссию, то вместе с Чи Лан он отправился на поиски покупателя для нашей фирмы. В его отлете нет ничего незаконного, поскольку ни один закон не был нарушен. А мастер ван Рийн был так добр, что любезно согласился взять Эдзела на борт своего личного корабля.

— Закон не нарушен? А как насчет законов об убийстве? — воскликнул Гарвер. Он сделал такое движение пальцами, как будто хотел кого-то задушить. — Я засажу их... Вы... за это... Вы же сами...

— Понимаете, директор, — сказал Ким, — я согласен, что ситуация неприятная; искушение подать иск было слишком велико, чтобы мы могли сразу его подавить. Под «мы» я подразумеваю тех из нас, кто тогда отсутствовал. Но потом, когда мы выслушали сударыню Белдэниэл и проверили планы замка, наша позиция изменилась.

Вы знаете, что замок охраняется как людьми, так и автоматическими системами. Вторжение Эдзела так возбудило роботов в одной из башенок, что они уничтожили патрульные боты. Чи Лан, которая управляла звездолетом, раздвинула стены башни в доблестной попытке спасти наших слуг, но опоздала. В общем, все это — трагическая случайность. Если кого-то здесь и можно обвинить, то этот кто-то подрядчик, установивший недоброкачественных роботов. К сожалению, этот подрядчик негуманоид и живет так далеко, что не подпадает под юрисдикцию Содружества.

Гарвер выпрямился.

— Так что, пожалуйста, немедленно освободите Эдзела, — закончил Ким. — Мастер ван Рийн сказал, что, быть может, он не станет поднимать большого шума по поводу несправедливого ареста, если только вы лично извинитесь перед ним в присутствии корреспондента Общественной службы информации.

— Вы заключили соглашение с ван Рийном? — прошептал Гарвер.

— Да, — сказал Ким с видом рыбы, насаженной на вилку.

Гарвер собрал остатки своего мужества.

— Ну что ж, — произнес он, еле двигая губами, — пусть будет так.

Из-за плеча Кима выглянул ван Рийн.

— Хорек! — сказал он и отключился.

Космическая яхта взяла курс на Землю. В каждом иллюминаторе сверкали звезды. Ван Рийн расположился в кресле, держа в руке кружку с пивом.

— Клянусь небом, — начал он, — стоит отпраздновать твое освобождение, пока есть возможность. На Земле нам с тобой придется носиться, высунув язык.

Эдзел отпил из такой же кружки, в которой, правда, было чистое виски. Все-таки неплохо быть большим. Но радовался он не от всей души.

— Вы позволите этим типам из «Сириндипити» так легко отделаться? — спросил он. — Они же злые.

— Возможно. Но они не осмелились бросить нам вызов, а это в корне меняет дело, — отозвался ван Рийн. — Посмотрим. Ты зря думаешь, что они легко отделаются. Они еще попляшут, и это так же точно, как то, что пиво, которое пью я, не то же самое, что виски, которое лакаешь ты. Смотри: они потеряли клиентов, потеряли свой шпионский центр, для которого, собственно, все и задумывалось. Поскольку я занимаюсь продажей, то мне от их потерь кое-что перепадет.

— Но у вас, я вижу, есть и другая цель, кроме денег! — воскликнул Эдзел.

— Ага-ага, точно. Понимаешь, я не знал, что случится после того, как ты освободишь нашего приятеля Дэви. Приходилось играть втемную. «Сириндипити», как тебе известно, попыталась натравить на нас закон. В этом были свои опасности и свои прелести. Мне пришлось работать на четыре фронта. — Ван Рийн принялся загибать пальцы. — Первое: мне надо было вызволять тебя и других. Это прежде всего, месть могла и подождать. Второе: надо было сделать так,

чтобы правительство осталось в стороне — по крайней мере пока. Потом, быть может, мы его и позовем. Дело заключается в следующем: а) правительство — это штука слишком громоздкая и неуклюжая для решения задачек со столь многими неизвестными, как наша; б) если члены Содружества узнают, что у них неизвестно где есть могущественный враг, они запаникуют, а это очень плохо и для политики, и для бизнеса; в) чем дольше мы стараемся одни, тем больше у нас шансов ухватить кусок пожирней от пирога, который плавает в космосе.

Ван Рийн сделал паузу, чтобы перевести дух. Эдзел поглядел на звезды, такие прекрасные, но все же не прекраснее жизни.

А что жизнь в сравнении даже с самым малым из тех временных промежутков, которыми исчисляется существование этих солнц?

— А другие ваши цели? «Каковы они»? — спросил он глухо.

— Третье: разве не ясно, что «Сириндипити» сама по себе — мысль очень неплохая? Уничтожать ее не стоило, нужно было только передать эту фирму в честные руки. Руки, щупальца, плавники, лапы — все, что хочешь. Эргог всякий шум вокруг «СИ» нам нежелателен. Вот почему, кстати, я отправился к ним в контору. Я вовсе не хотел окончательно прикрыть эту лавочку. И четвертое. — Голос его сделался непривычно серьезным. — Кто такие эти иксы? Что им нужно? Почему они прячутся? Быть может, нам удастся сторговаться с ними. Ни одно здравомыслящее существо не стремится к войне. Нам надо больше узнать о них, только тогда мы сможем решить, как быть. А «Сириндипити» — единственная наша путеводная ниточка.

Эдзел кивнул:

— Понимаю. Вам что-нибудь удалось узнать?

— Нет. Ничегошеньки. Они как воды в рот набрали. Мне показалось, они скорее умерли бы, чем сказали бы хоть слово. Я предложил им возвращаться домой и переговорить

со своими хозяевами. Если дело и не выгорит, они хоть убедят своих компаньонов, тех, что улетели раньше, что на Луне им ничего не грозит. Ну вот, они улетят, а за ними последует мой звездолет, причем он всю дорогу будет держаться в пределах обнаружения. Может, они завлекут его в ловушку, а может, и нет. Я им сказал, что это бессмысленно: ведь ни мы, ни они не уверены, что сможем перехитрить один другого. И потом, даже заклятые враги могут найти какой-никакой, а общий язык. Ну, представь себе, что ты собрался кого-то убить; почему бы сначала не потолковать с намеченной, так сказать, жертвой? В худшем случае ты лишь потеряешь пару минут, в лучшем — поймешь, что тебе нет причины его убивать.

Ван Рийн осушил кружку.

— Ааххх! Вот, — продолжил он, — мы заключили с ними сделку. Они улетают, и их никто не будет преследовать, что подтвердят их же собственные детекторы. Но один из них останется здесь и займется передачей владения. Это будет Тея Белдэниэл. Она не особенно возражала. Мне кажется, она почеловечней своих приятелей. Потом же она поведет один из наших кораблей к оговоренному месту встречи, я предложил им где-нибудь на нейтральной территории. Быть может, их хозяева согласятся на встречу. Мне, по крайней мере, хочется их повидать, особенно после этой затеи с «Сириндипити». Представляешь, сколько они о нас узнали? Ну?

Эдзел вскинул голову.

— Прошу прощения! — воскликнул он. — Вы хотите сказать, что лично вы и... и я...

— А кто же еще? — сказал ван Рийн. — Потому-то в основном я тебя и оставил. Мне нужно, чтобы рядом был кто-нибудь, кому я могу доверять. Путешествие будет не из приятных, могу тебя заверить. Знаешь, как говорили в древней Норвегии? Брата лишиться — с жизнью проститься. — Он стукнул кулаком по столу и рявкнул: — Юнга! Где, черт возьми, пиво?!

Глава 11

За десять с лишним лет, которые минули с тех пор, как лемминкяйненниты обнаружили планету-бродягу, она успела уйти далеко. Разглядывая изображение беты Креста на носовом экране, Фолкейн присвистнул.

— Приблизиться-то мы хоть сможем? — спросил он.

Сидя в пилотском кресле в окружении разноцветных огоньков контрольных приборов, он смотрел на звезду — вернее, на ее увеличенное изображение. Бета Креста сверкала так ослепительно, что, несмотря на светофильтры и на расстояние в несколько астрономических единиц, глазам было больно. Весь экран занимал лазоревый шар, покрытый разводами, как шкура леопарда, и окруженный золотисто-алым блистающим ореолом, намного превышавшим в диаметре размеры самого шара. Звезда как будто освещала космос; во всяком случае, вечной ночи пространства пришлось отступить довольно далеко.

Фолкейн вцепился в ручки кресла; сердце его отчаянно колотилось. Ища спасения от холодящего грудь первобытного ужаса, он поглядел на безделушки, которыми они, члены экипажа, украсили пилотский отсек «Через пень-колоду». Вон висит некая хитроумная конструкция, изготовление которых на родной планете Чи Лан считается искусством; вон девичья фотография, которую он сам повесил на стену; вон, на полке, карликовое деревце, за которым ухаживал Эдзел... Эдзел, дружище, нам так сейчас нужна твоя сила! Услышать бы просто твой голос, и на душе сразу стало бы легче. Ну как назло: до тебя сейчас две сотни световых лет!

«Кончай ныть, — сказал себе Фолкейн. — Нервишки шалят, приятель. Одно дело, когда Чи полдороги выхаживала тебя, и совсем другое теперь; хотя, по правде сказать, до конца я еще не очухался. Но работа есть работа. Ты ведь видел звезды покрупнее и поярче этой».

Фолкейн слукавил; ему довелось наблюдать всего, дай Бог, одну-две подобных звезды. Эти голубые монстры отнюдь не рассыпаны в космосе на каждом шагу. И потом, даже самый маленький из них — зрелище весьма впечатляющее. Эти пятна в фотосфере, которые суть не что иное, как вихри, причем такие, что каждый из них способен поглотить планету размерами с Юпитер!

Это причудливое переплетение составляющих протуберанцы волокон — протуберанцы, масса которых куда больше массы Земли, ионизированные, испаряющиеся, превращающиеся в раскаленную плазму, вгрызающиеся в пространство на миллионы километров, бесследно пропадающие и возвращающиеся обратно, порождающие гигантские магнитные поля! Эта флуоресцирующая, видимая за миллионы парсеков корона, газ которой постоянно бомбардирует частицы, оголенные атомы, жесткие и мягкие кванты излучения звезды, сияние которой есть непрерывная буря, в восемьсот пятьдесят раз яростнее солнечной, буря столь мощная, что закончится всего лишь через какой-нибудь миллион лет в пламени Сверхновой! Фолкейн еще раз бросил взгляд на экран и содрогнулся. Вдруг он понял, что бортовой компьютер что-то сказал.

— Прошу прощения? — переспросил он.

— В моей программе нет реакции обиды, поэтому извинения совершенно излишни, — внятно произнес невыразительный голос. — Однако мне поставлена задача обращаться с вами настолько осторожно, насколько позволяет моя организация, до тех пор, пока ваша нервная система не придет в порядок. Поэтому снисходительность к вашему поведению рекомендуется рассматривать как часть программы.

Фолкейн хмыкнул, потом расхохотался.

— Благодарю, Пень, — сказал он. — Пожалуй, это мне не помешает. — Потом добавил торопливо: — Только не говори, что ты определил необходимость и вычислил реакцию, переходи прямо к делу.

— Вы спросили, сможем ли мы приблизиться. Ответ зависит от того, что имелось в виду под «приблизиться». Анализ контекста показал, что вы хотели узнать следующее: достигнем ли мы указанной планеты, не подвергая корабль опасности? Ответ утвердительный.

Фолкейн повернулся к Чи Лан, развалившейся справа от него в своем кресле, похожем скорее на гамак.

— Я отчетливо помню, что приказал Пню забыть эти утвердительные и отрицательные ответы, поскольку даже Черчилль довольствовался простыми «да» и «нет», — вздохнул он. — Зачем вы отменили мой приказ?

— Это не я, — отозвалась цинтианка. — Мне все равно. Плевать я хотела на все эти нюансы, тем более — на английские! — Она фыркнула. — Нет, кого уж винить, так Эдзела.

— Почему его?

— Ты должен помнить, что мы получили этот корабль совсем новым. Поэтому у компьютера словарь был, так сказать, специализированный, инженеристый, если хочешь. Правда, работая с нами, он кое-чего поднабрался. Но ты должен помнить и то, что на Луне мы заказали полную проверку всех систем корабля. Ну вот, ты, задрав хвост, умчался за своей Вероникой, а мы с Эдзелом остались заниматься делами. Естественно, этот доброглот решил, что инженеры оскорбятся, когда увидят, как мало мы пользовались их диалектом. Поэтому он приказал Пню...

— Ладно, — прервал ее Фолкейн и приказал компьютеру: — Вернись к предыдущей структуре изложения и сообщи нам свои соображения.

— Проведенные исследования как будто подтверждают сведения о планете, которые были вам сообщены, — сказал компьютер. Фолкейн кивнул. Хотя он окончательно пришел в себя всего лишь несколько дней назад, Чи Лан удалось выудить у него достаточно подробную информацию еще на первом этапе полета. — Однако уровень помех еще достаточно высок, чтобы можно было утверждать наверняка. Тем не менее я вычислил орбиту с удовлетворительной

точностью. Это в самом деле гипербола с малым смещением. В данный момент планета находится близко к периастру, радиус-вектор имеет длину приблизительно 1,75 астрономической единицы.

Максимальное сближение со звездой, примерно на 0,93 астрономической единицы, произойдет в течение ближайших 27 с половиной дней, после чего планета снова уйдет в открытый космос, следуя своей гиперболической орбите. Наличия каких-либо других тел соответствующего размера не подтверждаю. То есть динамика ситуации проста, орбита почти симметрична.

Чи вставила сигарету в длиннющий мундштук из слоновой кости и прикурила. Уши ее чуть подрагивали, усы топорщились.

— Как вовремя! — буркнула она. — Нет чтобы прилететь, когда планета была более-менее далеко от этого огненного шара. Ну что вы, как можно! Это было бы слишком легко! Тогда богам пришлось бы поискать кого-нибудь другого, чтобы вывалить на него все эти небесные отбросы! Представляешь, нам придется лезть в самое пекло радиации!

— Вообще-то, — отозвался Фолкейн, — если бы планета не подошла так близко к звезде, что ее криосфера смогла отразить достаточное количество света, вряд ли ее обнаружили бы. Не забудь еще про эти вечные отставания галактической связи. Нам просто повезло, что я услышал обо всем этом.

— Мог бы услышать и пораньше, в конце концов!

— Остается необходимость, — вмешался Пень, — проведения нескольких незначительных по масштабам анализов, которые подтвердили бы возможность создания на поверхности планеты промышленной базы. Точно не измерены величина и состав замороженных материалов. Не произведены с надлежащей аккуратностью вычисления их поведения при размерзании. Задача оказалась весьма сложной, и в ней слишком много неизвестных параметров. Например, когда начнет формироваться газовая атмосфера, все другие летучие субстанции начнут конденсироваться на больших

высотах, образуя облака, которые скоро исчезнут, но которые за время своего существования поглотят столько радиации, что поверхность планеты практически останется холодной.

— Засохни! — бросила Чи Лан.

— Моей программой это не предусмотрено, и у меня нет нужды для этого...

— Тогда заткнись! — Чи повернулась к человеку. — Я понимаю, Дэйв, куда ты клонишь, и понимаю, что хочет сказать Пень. Естественно, планета ускоряет свое движение. Я тут сама несколько вахт назад попыталась вычислить ее орбиту, пока ты дрых. Знаешь, что получилось? Что радиус-вектор изменился с трех до одной астрономической единицы за какие-нибудь десять стандартных недель. Представляешь? За такое время иррадиация возросла в девять раз! Однако я остаюсь при своем мнении: нам лучше было прилететь попозже, когда эта штука уйдет от звезды и поостынет.

— Хотя в данный момент я не готов к деятельному метеорологическому анализу, — заявил Пень, — но по моим расчетам максимальная нестабильность атмосферы возможна после прохождения планеты через периастрий. Пока что большая часть излучаемой звездой энергии идет на растопление льда, на испарение масс влаги и все такое прочее. Но ведь когда этот процесс завершится, излучение звезды останется на том же уровне. Например, на расстоянии тридцати астрономических единиц уровень радиации на этой планете будет примерно равен земному и останется практически таковым в течение нескольких лет. Поэтому можно ожидать высоких температур и штормов такой силы, что ни один звездолет не осмелится совершить посадку. Однако мы при соблюдении надлежащей осторожности можем произвести анализы почвы.

Фолкейн усмехнулся. Он чувствовал себя сейчас значительно лучше. «Пространству придется узнать, что мы не лыком шиты», — подумал он и сказал:

— Будем надеяться, что нам повезет.

— Меня бы это вовсе не удивило, — брюзгливо отозвалась Чи. — Ну, Пень, на, когда у нас назначено рандеву?

— Если даже случится солнечная буря, то силовые экраны все равно справятся с корпускулярным излучением, — сказал компьютер. — Главная проблема — это излучение электромагнитное. Имеющиеся в наличии защитные материалы не смогут защитить нас от получения нежелательной дозы рентгеновских лучей во время проведения исследований. А волны длиннее обычного приведут к перегрузке нашего термостатического оборудования. Поэтому я предлагаю полет на гипердвигателях.

Фолкейн вынул из кармана серого комбинезона трубку.

— На таком расстоянии это самый дешевый способ самоубийства, — предостерег он. Случиться могло все что угодно: неудачный вход в поле тяготения звезды разорвет корабль на кусочки; соприкосновение с твердым телом или с облаком сравнительно плотного газа приведет к ядерному взрыву.

— Подобная возможность предусмотрена конструкцией корабля и моей собственной, — возразил Пень. — Помимо того, что сам перелет займет меньше времени, мы избежим сколько-нибудь серьезных столкновений с находящимися в пространстве фотонами и материальными частицами.

— Неплохо, — согласилась Чи. — Меня как-то не особо согревает мысль, что эти паршивчики окажутся в моих внутренностях. Но что мы будем делать, когда достигнем планеты? Можно, конечно, сесть на теневой стороне, и тогда сама планета будет защищать нас от звезды. Но что мы при этом увидим на поверхности?

— Можно использовать существующие инструменты. Лучше всего с ними, разумеется, справился бы Эдзел, поскольку он планетолог. Но я не сомневаюсь, что с моей помощью и от вас двоих будет толк. Возможно, нам удастся впоследствии сделать пару вылазок на дневную сторону.

— Лады, — заключил Фолкейн. — Перекусим, поспим — и в путь-дорожку.

— Ты двадцать раз потом успеешь набить желудок, — сказала Чи. — Стартуем прямо сейчас.

— Чего? Зачем это?

— Ты что, забыл, что у нас есть конкуренты? Та парочка, которая отправилась к своим хозяевам? Я не знаю, как быстро они туда доберутся и как скоро будет организована экспедиция, но мне кажется, они вряд ли станут выжидать или церемониться, если обнаружат нас. — Чи взмахнула хвостом и повела плечами. — Откуда мы знаем, справимся ли мы с ними в схватке? Я бы с удовольствием оставила это дело боевым крейсерам Лиги. Так что давай определимся, и вперед.

— Хм... Похоже, ты права. Слышал, Пень? На всякий случай активируй все датчики ближнего действия. Черт его знает, на что мы можем натолкнуться. — Фолкейн набил трубку. — У меня нет особой уверенности, что ван Рийн доверит это дело боевым звездолетам, — сказал он, обращаясь к Чи Лан. — Ему же тогда придется поделиться прибылью, а он хочет забрать себе эту планету целиком.

— Будь спокоен, он выкачает из нее все, что можно, — ответила цинтианка. — Но тут деньги отошли для него на второй план. Он испугался. Он думает, что Содружество — если не вся наша Техническая цивилизация — находится в состоянии войны и даже не подозревает об этом. И если для наших врагов эта бродячая планета так важна, что они пожертвовали наблюдательным центром, которым пользовались пятнадцать лет, значит, она не менее важна и для нас. Так что он позовет и Лигу, и другие правительства с их флотами, если решит, что это нужно. Я разговаривала с ним после того, как мы выудили тебя из замка.

Фолкейн не отреагировал на подколку, лишь крепко стиснул зубы. «Я должен был понять, в чем дело, когда узнал, как они обошлись со мной», — подумал он.

Именно узнал — ибо он, как ни старался, не мог вспомнить всех подробностей своего пребывания в замке. Самому ему все это казалось каким-то бредовым сном. Время клубилось, как дым, оживляя ту или иную ситуацию; он был пленником в другой вселенной, и вообще, это был не он, и не с ним все это происходило.

Он желал Тею Белдэниэл, как никакую другую женщину раньше; он почитал Древнюю Расу, как никаких других богов; он по желанию мог опустошить свой мозг, превратить его в логическую машину, а потом вернуть в прежнее состояние. И в то же время у него было такое чувство, что все это случилось вовсе не с ним, а с кем-то другим. Его использовали, к нему проникли в мозг... Как отомстить за это внутреннее надругательство?

Фолкейн заставил себя отвлечься от этих мыслей.

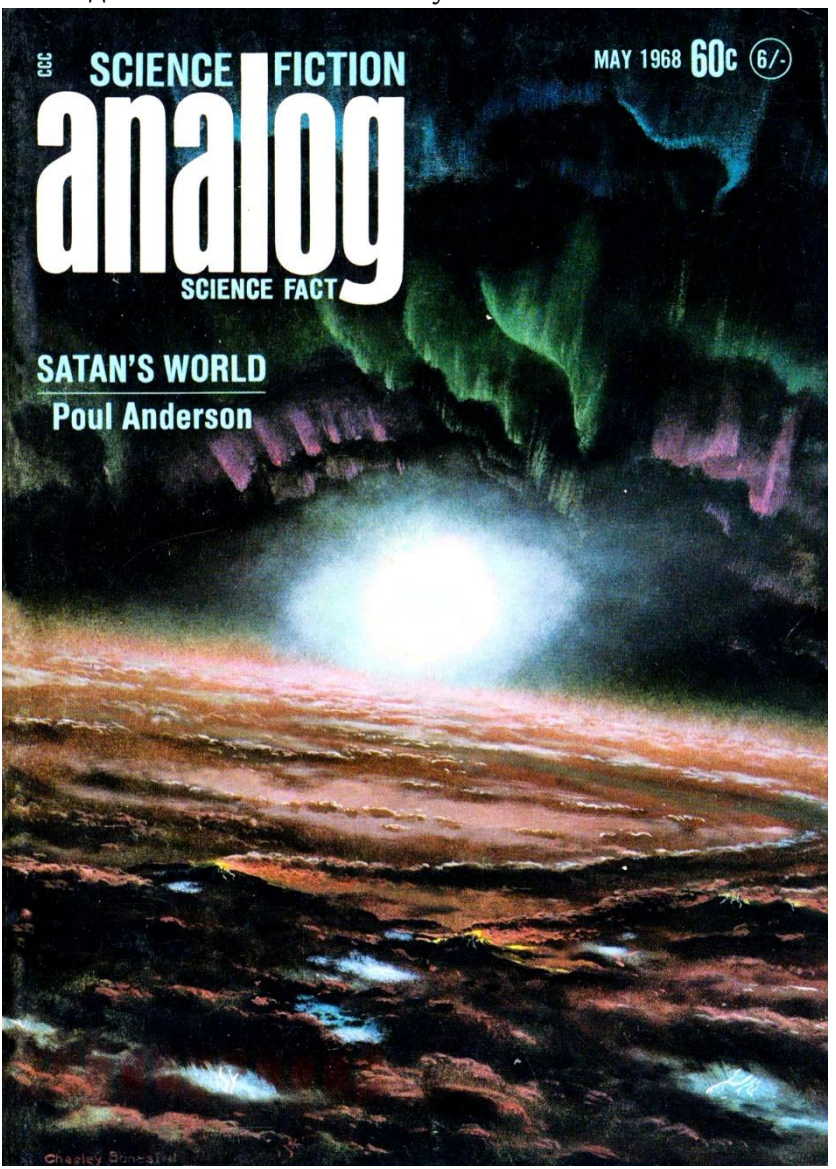
— Если Старого Ника на самом деле собираются лишить его куска, — задумчиво произнес он, — то я им не завидую. Боюсь, они оглохнут: старикан завопит так, что на Магеллановом облаке слышно будет! Ладно, попробуем, может, нам удастся спасти его бекон с яичницей, французские тосты, кофе... Что у него еще было на столе, когда я последний раз завтракал с ним? Ах да, кокосовый торт. Как у тебя там, Пень?

— Звездолет для полета на гипердвигателях готов, — доложил компьютер.

Гудение двигателей усилилось. Изображение на экране помутнело — система приноравливалась к биллионам квантовых микропрыжков в секунду. Потом на кормовом экране возникло усеянное звездами небо. А на носовом появился быстро увеличивающийся в размерах диск беты Южного Креста; он все рос и рос, и показалось даже, что пламя звезды вот-вот проникнет в корабль. Фолкейн сжался в пилотском кресле, Чи Лан выпустила когти.

Потом это впечатление исчезло. Корабль вышел из гиперпространства. Осталось только развить достаточную кинетическую скорость, причем сделать это нужно было

быстро, чтобы усилившееся излучение звезды не успело пробиться через защитные экраны. Компьютер так искусно справился с этой задачей, что живые существа внутри корабля даже не почувствовали изменения гравитации. Все было сделано за несколько минут.

Звездолет очутился на расстоянии двух градусов от поверхности планеты-бродяги, двигаясь так, чтобы гравитационная и центробежная силы постоянно находились в равновесии. Экипаж прильнул к экранам.

На большом обзорном экране виден был огромный черный шар, отороченный белизной там, где в атмосфере преломлялись лучи звезды. За атмосферой искрилась корона звезды; мелькали сполохи зодиакального света. Ночь планеты была не совсем непроглядной. Над полюсами разноцветными знаменами вытянулись зори; атомы и ионы расщепленных лучами звезды молекул светились голубоватым светом, соединяясь в самые странные комбинации; молнии, пронзавшие плотную завесу облаков внизу, напоминали болотные огоньки; то здесь то там взгляду открывались алые жерла вулканов. На экранах ближнего вида планета представлялась как будто рассеченной на куски. На одном экране виднелся новорожденный океан, на другом маячила только что поднявшаяся горная цепь. Фолкейну показалось, что он слышит вой ветра, рев дождя и раскаты грома, что он ощущает, как ходит ходуном там, внизу, земля и в пылающее небо взлетают увлекаемые вихрями громадные валуны. Прошло много времени, прежде чем он смог оторваться от экрана.

Но нужно было работать; от вахты к вахте у Фолкейна оставалось все меньше благоговейного восторга, по мере того как он все больше и больше узнавал о планете. А вместе с восторгом исчезала и слабость, от которой он после заключения в замке никак не мог избавиться. Жажда крови осталась, но он загнал ее глубоко в подсознание, чтобы она не мешала работе. То, что он наблюдал, было, пожалуй, уникальнейшим событием в Галактике — быть может, даже во всей Вселенной — и полностью захватило его. Как правильно определили лемминкяйненниты, планета была очень древней. Она давно уже лишилась большей части своего естественного излучения, и холод пробрал ее до самого ядра. Однако, судя по магнетизму, какая-то часть коры осталась в

расплавленном состоянии. Этот громадный объем тепла, скрытый под мантией, под корой, под замерзшими океанами, под одеялом застывшей атмосферы шириной в среднем где-то метров десять — двадцать, рассеивался очень медленно. Правда, температура на поверхности в течение веков едва-едва превышала абсолютный нуль.

Теперь криосфера начала растворяться. Ледники превратились в бурные реки, которые вскоре закипели и стали штормовыми ветрами. Озера и моря, тая, перераспределяли огромные массы. Давление внутри планеты изменилось, изостатическое равновесие нарушилось; перемещение слоев, изменение аллотропической структуры высвободили катастрофическую, плавящую скалы энергию. Планетотрясения корежили сушу и заставляли бурлить воды. Тысячами пробуждались вулканы. Из-под оставшейся еще ледяной корки взлетали в небо гейзеры. Метели, дождь, град — все это одновременно обрушивалось на планету изо дня в день, гонимое ветрами такой силы, в сравнении с которыми ураган казался просто легким бризом. Зависнув в космосе, Фолкейн и Чи Лан наблюдали и исчисляли Рагнарок, великую битву конца света.

Но все равно — все равно — что это была за добыча! Что за неистощимый клад!

Глава 12

— Раз на друзей не обижаются, — заметила Чи Лан, — то я вот что тебе хочу сказать: по-моему, ты чокнулся. На что тебе сдался этот кусок ада?

— Это тебе объяснит даже такой дурень, как я, — сказал Фолкейн. — Здесь будет промышленная база по переработке элементов.

— А поближе к дому это делать нельзя?

— Только в крайне ограниченных — с учетом потенциального рынка — масштабах. — Фолкейн налил себе виски и откинулся на спинку кресла, переваривая обед. Он чувствовал,

что заслужил несколько часов отдыха. Завтра им предстояло высадиться на планету, ибо исследования с орбиты они завершили; и кто знает, как там повернутся дела. — Как насчет картишек?

Цинтианка, сидевшая на столе, покачала головой.

— Нет уж, спасибо. Я еще не отошла от прошлого раза, когда мы играли вчетвером и Пень загреб себе кучу денег, объявив большой блеф. А без Эдзела нам с ним вообще не справиться. Он сдерет с нас последнюю шкуру. — Она погладила свой пушистый мех. — Займись делом ты. Я ксенолог. Меня никогда не интересовали ваши паршивые фабрики. Я хочу, чтобы мне толком объяснили, ради чего я должна рисковать своим хвостом.

Фолкейн вздохнул и отпил из своего стакана. Он мог бы побиться об заклад на что угодно, что Чи не хуже его понимает, в чем тут дело. Но для нее, выросшей в другой среде, воспитанной на иной культуре, этого недостаточно. Интересно, что он такого упустил и что заметила она?

— Во всех подробностях я тебе объяснить не смогу, — сказал он, — да это и не нужно. Здесь вполне хватит общего представления о ситуации. Понимаешь, нет такого элемента в периодической таблице, нет такого изотопа, который не нашел бы себе применения в современном производстве. А когда твои заводы расположены на сотнях планет, тебе уже наплевать, что материал, скажем, следует расходовать аккуратно, ибо его не так уж много. Общая потребность в этом возрастает как минимум до нескольких десятков тонн в год, а максимум — до мегатонн!

В природе эти элементы в достаточном количестве не существуют. Даже на планетах, расположенных вблизи звезд, ще вроде бы налицо все необходимые условия, процесс превращения сопровождается малым выходом ядер. Возьми для примера рений или скандий — эти металлы входят во многие сплавы и полупроводники. Ты не слышала об открытии месторождения на Мауи? Это было лет двадцать назад. Одно из самых известных. Шуму было! И что в результате?

За три года выбрали все, что можно, и разбежались. А цена на металл подскочила снова.

Потом есть еще нестабильные тяжелые элементы и короткоживущие изотопы легких. Они тоже настолько редки, что можно обшарить пол-Вселенной и ни шиша не найти. А если нашел, так нужно ведь еще добыть их, а потом доставить домой... короче говоря, цена все растет.

Фолкейн снова приложился к стакану. Он так давно не пил ничего крепкого, что от этого виски и коктейля перед обедом, да еще и вина за столом, у него развязался язык.

— Опять же, цены так высоки не только из-за редкости того или иного элемента, — продолжил он. — Некоторые проекты мы вынуждены отвергать потому, что у нас нет достаточного количества материалов для их осуществления. Например, мы гораздо успешнее могли бы исследовать пространство — со всеми вытекающими отсюда последствиями, — если бы нам удалось получить соответствующее количество гафния для создания соответствующих полиэргических блоков; из этих блоков потом мы бы сделали соответствующие компьютеры, которые могли бы пилотировать гораздо больше звездолетов, чем мы имеем сейчас. Еще примеры нужны?

— Н-нет. «Мне уже и самой кое-что пришло в голову,» — сказала Чи. — Но ведь любой элемент можно изготовить по заказу. Так и делают. Я сама, своими собственными паршивыми глазами видела эти паршивые заводишки!

— Чем это ты занималась ночью, что у тебя глаза запаршивели? — поддел ее Фолкейн. — Да, ты права. Но изготовляются-то они в таких незначительных количествах, что еле-еле удовлетворяют спрос. А если построить большой завод, его радиоактивные отходы быстренько стерилизуют ту планету, на которой он находится. Не говоря уже о расходе энергии. Представь себе, какое количество тепла излучается при экзотермической реакции. Но ведь то же самое происходит и при эндотермической... правда, не напрямую, а через источник питания, с помощью которого возникает

реакция. Не забудь, это все ядерные процессы. E = mc2. Один грамм разницы между сырьевым материалом и конечным продуктом означает высвобождение тепла в объеме девять на десять в тринадцатой степени джоулей.

Завод, который перерабатывает в день несколько тонн элементов... Влей в его охлаждающую систему хоть целую Амазонку, все равно вся влага испарится. Сколько лет Земля оставалась слишком горячей для жизни? Лет десять? А любой другой мир, на котором есть жизнь? Потому-то мы и не можем использовать для своих целей ни один из таких миров, неважно, есть на нем разумные существа или нет. Эти миры слишком большая драгоценность сами по себе — не говоря уж о галактическом законе, общественном мнении и правилах хорошего тона.

— Понятно, — протянула Чи. — Вот, значит, почему большая часть этих заводиков ютится на мелких планетках, где почти нет воздуха. Понятно.

— Им приходится устанавливать теплообменники, чтобы подогреть планетоид, — заметил Фолкейн. — А сие дорогое удовольствие. Вдобавок это налагает определенные ограничения на размеры такого завода и связывает руки предпринимателям.

— Мне все это в голову не приходило, — сказала Чи. — Но разве нельзя выбрать, так сказать, стерильный мир — какую-нибудь новую планету, где еще не зародилась жизнь, но где есть атмосфера и гидросфера, которые обеспечат необходимое тепло?

— Нет, потому что такие планеты кружат вокруг звезд и подходят к ним уж очень близко, — ответил Фолкейн. — Ведь иначе атмосфера бы замерзла, правильно? Если они движутся по большой орбите, то на них могут сохраниться в газообразном состоянии водород и гелий. Но с водородом одно мучение. Он заполняет пространства между молекулами любого защитного материала и так убыстряет ядерную реакцию, что только держись. Поэтому нужна планета вроде Земли или Цинтии с достаточно плотной атмосферой,

в которой нет водорода в свободном состоянии, и с большим количеством воды. Вот. Я уже сказал, когда атмосферу планеты припекает близко расположенная звезда, то перерабатывающий завод любого размера эту планету просто-напросто поджарит. Что толку в реке, если вода в ней превратилась в пар? О, в свое время предлагали вывести на орбиту вокруг такой планеты пыльное облако с альбедо, близким к ста. Но это облако улавливало бы и порождаемое самой планетой тепло. Расчеты эффективности показали, что эта затея никогда себя не окупит. А потом не забывай, что вокруг новообразованных тел плавает много всякого хлама. Если в твою планету врежется приличных размеров астероид, то всей промышленности придет каюк.

Фолкейн промочил горло.

— Естественно, — продолжил он, — когда были открыты планеты-бродяги, задумались над тем: а нельзя ли их использовать. Но на них было уж слишком холодно. При температурах, близких к абсолютному нулю, начинают твориться странные вещи. Прежде чем поставить на какой-нибудь бродяге завод, нужно было разработать совершенно новую технологию. Но даже в этом случае толку было бы чуть. Не забудь, ведь в качестве охладителей требуется вода в жидком состоянии и газообразная атмосфера. А всю криосферу растопить не удастся — по крайней мере, в пределах исторического времени. В общем, какой завод ни построй, все равно расход энергии будет чересчур велик. Прикинь на досуге, сколько получится. По моим подсчетам примерно столько, сколько Земля получила от Солнца за несколько веков. — Фолкейн задрал ноги на стол и поднял стакан. — И примерно столько же, сколько получит наша планетка на своем пути к бете Креста и дальше, — закончил он, допил то, что оставалось в стакане, и налил себе еще.

— Не задирай нос, — бросила Чи. — Ты-то при чем? Тоже мне, Всемогущий Творец! И где тебя только раскопали?

Фолкейн улыбнулся:

— Ты предпочла бы Эдзела? Или Пня? А может, Старого Ника? Нет, ты только вдумайся: сотворение мира ради получения прибыли! Ну ладно, теперь тебе должно быть ясно, какие перед нами открываются перспективы, если только дела пойдут, как задумано, а это все более и более вероятно. Лет, наверно, через десять эта планетка успокоится. Света на ней будет не больше, чем на твоей Цинтии или на Гермесе; холодные скалы поглотят излишки тепла; температура начнет падать, но достаточно медленно. Можно будет приниматься за строительство заводов по заранее заготовленным планам. Для поддержания баланса между производством тепла и его расходом существует очень простой способ: чем дальше бродяга будет уходить в космос, тем больше заводов станет на ней работать. Все операции будут автоматизированы. Раз уж атмосфера все равно ядовитая, то на радиоактивные отходы всем будет наплевать.

Постепенно установится равновесие. Поверхность планеты потеплеет; ее будут освещать не только звезды, но фонари, радиомаяки, направляющие грузовые звездолеты. На всех углах будут стоять ядерные преобразователи. Представляешь, каждый день на-гора выдаются тонны еще недавно редких элементов, заводы работают вовсю... — Нарисованная им картина захватила Фолкейна; несмотря на весь свой опыт, он во многом еще оставался мальчишкой. — А причиной всему мы! — воскликнул он, стукнув кулаком по ладони.

— Надеюсь, нам хорошо за это заплатят, — сказала Чи. — Будет лучше, если нам хорошо заплатят.

— Заплатят, заплатят, — пробормотал Фолкейн. — Деньги, их будут кучи, горы. Если мы получим разрешение на строительство, денег будет невпроворот. Особенно если компании удастся доказать, что планета наша по праву первооткрывателей. Мы их всех обставим.

— Ты имеешь в виду конкурентов? — уточнила Чи. — Или тех неизвестных врагов всей нашей цивилизации? Мне кажется, от последних вполне можно ждать какого-нибудь

подвоха. Та промышленность, о которой ты тут заливался соловьем, она ведь запросто может быть использована для военных нужд. Разве не так?

Период обращения планеты вокруг своей оси составлял немногим более тридцати часов. Она была наклонена к плоскости своей гиперболической орбиты на одиннадцать градусов. «Через пень-колоду» устремился к полярному кругу. День там значительно короче, чем в каком-либо другом месте планеты, да и вообще, условия там как будто помягче.

Когда звездолет, облетев планету на высоте спутника, устремился вниз, Фолкейн даже вздрогнул. Он несколько раз мельком видел дневную сторону планеты, но основное внимание уделял тогда все-таки приборам. Да и бета Креста была тогда не так близко. Бродяга двигалась со все возрастающей скоростью и скоро уже должна была обогнуть голубого гиганта. Сейчас планета находилась немногим дальше от звезды, чем Земля от Солнца.

Небо над бродягой стало ослепительно ярким; звезда, угловой диаметр которой был раза в четыре больше углового диаметра планеты, стояла над горизонтом. Ниже клубились облака, то белые, то серые, пронзаемые молниями, то черные, там, где смешивался с ними дым вулканов. Сквозь них то и дело проглядывали каменистые равнины, их бичевали ужасные ветры, заливали дожди и наводнения, корежили планетотрясения; по горным склонам каскадами ниспадали растаявшие ледники. Испарения закрыли едва ли не половину континента, превратились под воздействием холодного воздуха в туман, а потом могучий торнадо рассек их массу пополам, и стая ветров понесла их обрывки в разные стороны. На поверхности свинцово-серого океана сталкивались айсберги, каждый размером с порядочный остров, и чудовищные волны мгновенно погребали под собой их обломки. Когда звездолет вошел в верхние слои атмосферы, корпус его затрясся от турбулентности воздуха. В носовой

экран можно было рассмотреть впереди скопление грозовых туч.

Фолкейн пробормотал сквозь зубы:

— Я все ломал голову, как нам назвать эту планету. Теперь я знаю как...

Но продолжить он не успел — звездолет оказался в самом центре грозы. Внутренние силовые поля удерживали гравитацию на постоянном уровне, но не могли ни стабилизировать корабль, который швыряло, как щепку, ни заглушить рвущийся в уши вой. Пилотирование корабля в таких условиях требовало полного внимания, и Пень с головой ушел в это занятие. Фолкейн не отводил взгляда от приборов, пытаясь хоть как-то разобраться в бешеной пляске стрелок; вдруг до него сквозь раздирающий барабанные перепонки рев донесся голос компьютера:

— В тропических регионах планеты в утренние часы небо обычно бывает чистым. Но наблюдения показали, что затем это состояние сменяется штормовыми ветрами, скорость которых превышает пятьсот километров в час на данный момент и ежедневно возрастает. Я хотел бы заметить, что посадка на такой территории уже становится опасной и что в любой момент она может стать просто невозможной, даже для хорошо оснащенного звездолета. Условия в полярных областях практически подтверждают результаты предварительных наблюдений. В Антарктике идет сильный дождь, сопровождаемый частыми шквалами. В районе Северного полюса сравнительно холодно: мощный атмосферный фронт, продвигаясь к югу, оставляет за собой довольно спокойную зону. Посадку предлагается совершить на широте чуть ниже полярного круга, с отклонением в несколько минут от линии рассвета, на той части большого северного континента, которая как будто не подвержена наводнениям и которая, судя по тектоническим данным, скорее всего останется стабильной.

— Отлично, — заключила Чи Лан. — Молоток. Я только опасаюсь за твои логические цепи: как бы ты не

перестарался. Поэтому к чертям обработку данных! Прикинь-ка лучше, как бы нам помягче сесть.

— Для правильной ориентации в данных условиях и для обеспечения безопасности экипажа постоянная обработка данных необходима, — отозвался Пень. — Однако я уже перестал учитывать факторы, которые прямо не относятся к текущему моменту, например, такие, как спектр отражения световых лучей различными участками ледяного поля. Следует отметить... — продолжения Фолкейн не услышал: на какое-то время он просто оглох от особенно сильного раската грома.

Звездолет пробился сквозь снеговые тучи и очутился как будто в другом мире. Его окружала непроглядная ночь. Лучи сканера выдали на экран изображение гористой местности.

Управляемый компьютером корабль на долю секунды завис над поверхностью планеты — и сел.

Фолкейн несколько раз глубоко вздохнул.

— Выключи поля, — приказал он и выбрался из кресла. Сила тяжести на планете отличалась от земной процентов на пять, а он был привычен и к куда большей разнице. Но тишина прямо-таки давила на него. Он постоял немного, стараясь расслабить сведенные напряжением мышцы, потом повернулся к экрану.

Звездолет сел среди темных, неприветливых скал. На севере и на востоке видны были горные цепи. Восточный кряж начинался всего лишь километрах в четырех от корабля: его утесы были испещрены белыми пятнами ледников. Облака ушли далеко на юг, и в холодном небе ярко сверкали чужие, непривычные глазу созвездия. То и дело мелькали метеоры: как и другие большие и лишенные собственных планет звезды, бета Креста была окружена всяким космическим мусором. Над скалами алела заря; на юго-востоке небо уже было полно предвкушением утра.

Фолкейн проверил показания наружных датчиков. Атмосфера для дыхания непригодна — CO, CO2, CH4, NH6, H3S и прочие прелести. Имелось, правда, и чуть-чуть кислорода: более легкие атомы водорода, высвободившиеся под влиянием солнечной радиации, умчались в космос, а он остался. Но толку от него при минус 75 градусах Цельсия было немного. А почва — так та промерзла до всех минус 200 градусов. В тропиках было чуть теплее. Однако температура на всей планете изменится от смертельной до комнатной только через несколько лет — ускорить этот процесс бессилен и голубой гигант; да и то она будет сильно варьировать. Да, ну и погодка здесь будет!

— Выйду-ка я, пожалуй, — сказал он. Тишина была такой глубокой, что он невольно понизил голос почти до шепота.

— Лучше я, — Чи Лан тоже выглядела подавленной.

Фолкейн покачал головой:

— По-моему, мы уже решили этот вопрос. Я могу захватить с собой больше снаряжения и больше успею сделать. И потом, кому-то надо оставаться в корабле — мало ли что. Потерпи до следующего раза: мы с тобой возьмем грависани и осмотрим местные достопримечательности.

— Постарайся, чтобы этот следующий раз наступил поскорее, пока я не ошалела тут взаперти, — резко ответила она.

Ну, вот это уже больше похоже на наши обычные разговоры. На душе у Фолкейна потеплело. Он прошел в шлюз, где находились скафандр и инструменты. Чи помогла ему облачиться в доспехи. Один люк закрылся, другой открылся — и вот он уже стоит на пороге неизведанного мира. Мира очень-очень древнего, но переживающего сейчас свое второе рождение. Окрестные звезды вряд ли видели что-либо подобное.

Фолкейн глубоко вдохнул отдающий химикалиями воздух из баллона и двинулся вперед. Движения его были немного неуклюжими, он то и дело спотыкался и проклинал толстые подошвы своих башмаков. Однако без них он,

вероятнее всего, не смог бы сделать и шага. Можно было бы, конечно, попробовать передавать по шлангу в скафандр тепло от ядерного реактора «Через пень-колоду». Но стояла такая холодина, что, будь Фолкейн в обычных башмаках, его бы и это не спасло. Прежде чем он понял бы, что происходит, ноги его начисто бы отмерзли. Даже и в этих ботинках время пребывания его вне корабля было очень ограниченным.

Света все прибавлялось — наступал день. Это Фолкейна не особенно смущало: скафандр позволял оставаться около получаса на обращенной к бете Креста стороне планеты.

— Как дела? — голос Чи Лан был едва слышен в наушниках из-за треска помех.

— Как сажа бела, — отозвался Фолкейн, доставая из заплечного мешка счетчик Гейгера. Так, радиоактивность почвы слабая. Наверно, постарался солнечный ветер, пока у бродяги не было атмосферы (хотя и теперешний тонюсенький озоновый слой — не Бог весть какая защита). Ну, не беда, люди со своими приятелями быстренько это исправят. Фолкейн забил в почву стержень нейтронного анализатора и продолжил путь.

Интересно, что это за камень? Он отбил кусок обнажившейся породы.

Бета Креста поднялась над горизонтом. Самозатемняющийся лицевой щиток скафандра стал почти черным. По горам пошло гулять эхо грохота лопающихся ледников; над скалами поднялся пар.

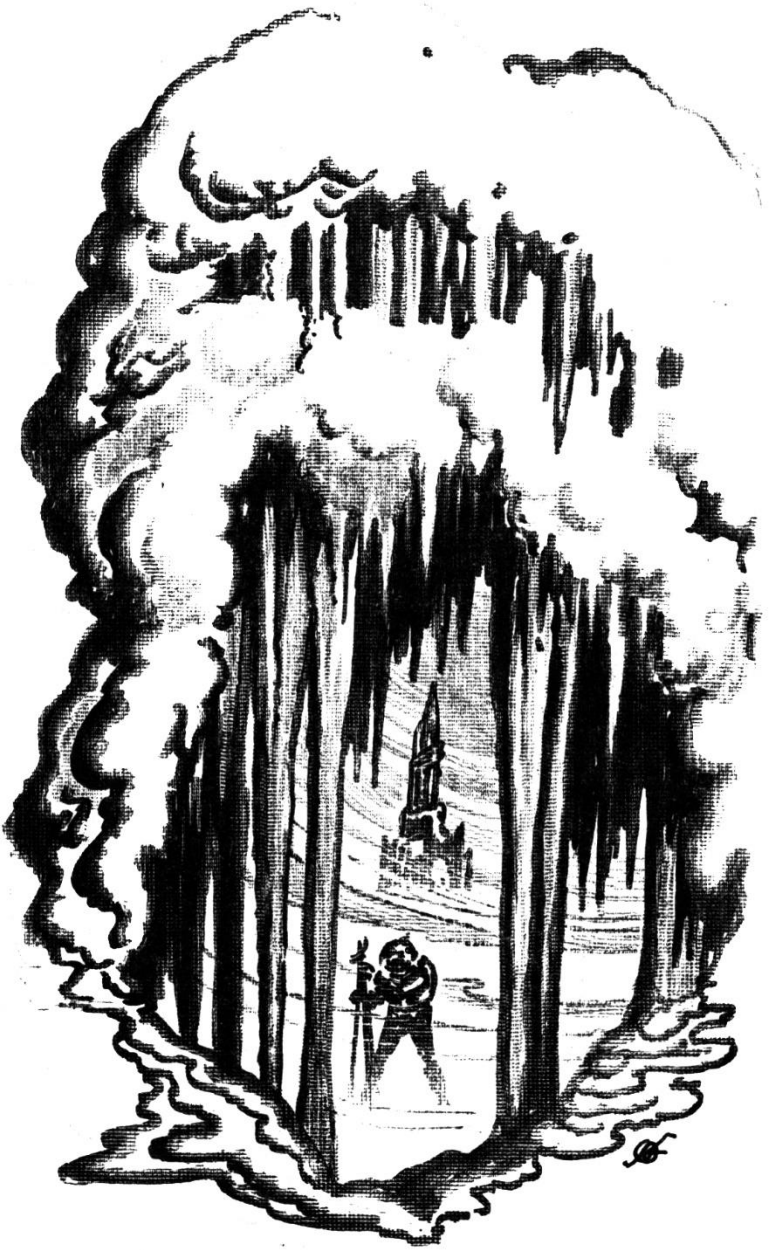
Фолкейн выбрал место для акустической пробы и принялся собирать треножник-анализатор.

— Не особенно возись, — встревоженно предупредила Чи. — Мне что-то не нравится радиационный фон.

— Мне тоже, — отозвался он. — Но ведь мы хотим знать, что там, под поверхностью, правда?

Дело продвигалось медленно. Светофильтры затрудняли настройку прибора, а убрать их он не мог, так как неминуемо бы ослеп. Он замысловато выругался, провел языком по

губам и снова склонился над прибором. Когда анализатор

наконец начал передавать на корабль данные, Фолкейн вдруг обнаружил, что его полчаса уже давно истекли.

Он двинулся обратно. Звездолет выглядел необычно маленьким на фоне высоких горных пиков. Зной накатывался на Фолкейна волнами, словно бета Креста задалась целью пробиться сквозь оболочку его скафандра. Пот лил с него градом; белье насквозь промокло и от него неприятно пахло. А ноги между тем уже так замерзли, что заломило кончики пальцев. Фолкейн обхватил себя за плечи и, превозмогая тяжесть скафандра и амуниции, запрыгал к кораблю.

Вдруг за спиной раздался грохот. Он круто обернулся: одна из скал треснула, и из вершины ее теперь бил белый фонтан. Мгновение — и его швырнула на колени взрывная волна. Он кое-как выпрямился и побежал. Ему вдогонку с ревом устремился поток — самый настоящий сель.

Поток настиг Фолкейна на полпути к звездолету.

Глава 13

Инстинктивно он бросился навзничь и успел сжаться в клубок за секунду до того, как сель захлестнул его. Он очутился в ревущем мраке; течение неудержимо влекло вперед, о скафандр то и дело ударялись камни и куски льда. Голова колотилась о стенки шлема. Удар следовал за ударом — постепенно Фолкейн начал терять сознание.

Поток замедлил движение, потом остановился совсем. Фолкейн смутно осознавал происходящее, но все-таки определил, что погребен под селевой массой. Колени по-прежнему поджаты к животу, руки закрывают лицевой щиток. Боль пульсировала во всем теле; он попытался шевельнуться. Ничего не вышло. Его охватил ужас, он закричал, напрягся — бесполезно. Сель держал крепко — он так и остался лежать в этой позе еще не родившегося ребенка.

Началось замерзание. Тепловое излучение — ерунда по сравнению с теплопроводностью, особенно когда есть такая

масса, которая впитывает в себя каждую калорию. Фолкейн еще не до конца пришел в себя, а нагревательные спирали его скафандра уже израсходовали всю свою энергию. Шевельнуться он не мог. Он попытался вызвать было корабль, но передатчик как будто отказал. Мертвая тишина в наушниках, сплошная темнота вокруг и холод — прямо-таки зверский холод.

Мелькнула мысль: я беспомощен. Что ни делай — ничто уже не спасет. Ужасное ощущение, однако.

За ней другая: ну уж, по крайней мере, думать-то я могу. Могу думать, могу вспоминать — как свободный человек. А потом снова вернулись тишина, чернота и холод.

Он крепко стиснул зубы, чтобы они не стучали, решив — будь что будет, но панике он не поддастся.

Когда сознание лишь слабой искоркой теплилось в нем, ледяная масса вдруг ослабила свою хватку. Лед таял не только вокруг Фолкейна — он таял по всей долине. Сквозь завесу испарений пробилась и будто огнем ожгла глаза бета Креста. А над долиной медленно кружил «Через пень-колоду», полосуя снега тепловым лучом малой мощности. Когда сканеры звездолета обнаружили Фолкейна, из корпуса корабля вырвался гравилуч. Человека втянуло внутрь через грузовой люк. Чи Лан встретила его отборными ругательствами.

Часа два спустя Фолкейн сидел на своей койке, держа на коленях тарелку с супом, и с невинным видом поглядывал на Чи Лан.

— Со мной уже все в порядке, — сказал он. — Вот только посплю ночную вахту и снова стану самим собой.

— Вот уж не надо, — фыркнула цинтианка. — Будь я настолько тупоголовой, чтобы отправиться на разведку без гравипояса, я бы, пожалуй, заменила себя на новую модель.

Фолкейн рассмеялся.

— Ты ведь мне этого не предлагала, — сказал он. — А если б я его надел, то меньше взял бы приборов. Что вообще произошло?

— Инг-нг-нг... насколько мы с Пнем поняли, этот ледник — незамерзшая вода. По большей части это сухой лед, углекислый газ в чистом виде... ну, и другие газы, в гораздо меньшей пропорции. Температура постепенно возросла до точки сублимации или даже чуть превысила ее. Не забудь еще про тепло парообразования. С наступлением темноты район начал быстро замерзать. Мне кажется, кстати, что тепло этой ледяной массы поглощали еще и летучие соединения. В результате — нестабильное равновесие. Оно нарушилось как раз в тот момент, когда ты там шастал. Ни дать ни взять — рука судьбы! Часть ледяного поля разнесло взрывом, а другая превратилась в сель. Если бы мы только догадались проверить спектры отражений и показания термоэлемента!..

— Что сейчас говорить, — прервал ее Фолкейн. — Между прочим, я себя виноватым не чувствую. В конце концов, у нас головы не резиновые. Никто не может помнить всего на свете. Нам ведь так суждено — учиться методом проб и ошибок.

— Причем желательно, чтобы в это время рядом стоял кто-нибудь, готовый бросить веревку.

— Угу. Может, мы с тобой и разведчики Космофлота, но в данных обстоятельствах таковыми не являемся, — Фолкейн хохотнул. — Кстати, имя для планеты я как будто придумал в самом деле подходящее. Сатана.

— Что это значит?

— В одной из наших земных религий это имя противника Бога, прародителя зла.

— Но ведь любому разумному существу должно быть ясно, что Бог сам... впрочем, это так, ерунда. Вообще-то я считала, что люди уже перебрали всех мифологических персонажей. Точно-точно. Я помню, Сатана уже был.

— Да? Не припоминаю. Есть Люцифер, есть Ариман, есть Локи[50], есть... Черт с ними. Легендарный Сатана правил подземным миром огня и льда и развлекался тем, что придумывал муки для грешных душ. По-моему, подходит.

— Если он из тех богоборцев, с которыми я сталкивалась, — заметила Чи, — он сделает тебя богатым. Но потом почему-то всегда обнаруживается, что лучше было бы с ним не связываться.

Фолкейн пожал плечами:

— Поживем — увидим. Кстати, где мы сейчас?

— Летим над ночной стороной, фотографируем изберем анализы. Я не вижу причины болтаться здесь. Когда мы доложим о том, что выяснили, ван Рийн до потолка подскочит от радости. Мы ему скажем, что криосфера растворяется и что лет через десяток здесь вполне можно начинать строиться. Надо смываться, Дэйв, тут с каждым часом становится все опаснее.

Как бы в подтверждение ее слов звездолет вдруг клюнул носом; обшивка корпуса задребезжала. Корабль угодил в шторм, продолжавшийся всего минуту или две. Однако, подумал Фолкейн, какой же силы должен быть этот шторм, чтобы накренить звездолет, движимый термоядерной энергией, защищенный силовыми экранами, направляемый датчиками и ведомый компьютером, который способен преодолевать громадные расстояния и противостоять практически любому противнику!

— Согласен, — сказал он. — Давай задержимся еще на сутки... соберем, какие сможем, данные и... рванем домой. Подробности пусть изучает кто-нибудь другой. Все равно придется посылать сюда боевую группу, чтобы отстоять наши права.

---

[50] Люцифер — в христианской традиции одно из имен дьявола. Ариман — в иранской мифологии злое божество. Локи — в скандинавской мифологии бог-трикстер.

— Чем скорее Старый Ник узнает об этом, тем лучше, — Чи взмахнула хвостом. — У нас будет куча неприятностей, если здесь обнаружатся вражеские пикеты.

— Не переживай, — сказал Фолкейн. — Скорей всего наши уважаемые противники живут очень уж далеко — даже разведчиков и то не прислали.

— А ты уверен, что, пока мы летели сюда, они уже не обследовали планету? — спросила Чи медленно.

— Тогда бы мы с ними столкнулись. Перелет у нас занял недели две, работой мы занимались чуть больше. С делами мы справились быстро, потому что нас только двое и потому еще, что нас поджимает время. А противникам нашим спешить некуда — они ведь не знают, что мы сели им на хвост. — Фолкейн почесал подбородок, отметив, что не мешало бы воспользоваться кремом-эпилятором. — Разумеется, возле планеты могли крутиться их наблюдатели. Заметили наше приближение — и побежали домой, за папочкой. Не иначе, он уже несется сюда, прихватив толстую палку. — Фолкейн нарочито громко спросил: — Ты ведь не обнаружил никаких звездолетов, а, Пень?

— Нет, — отозвался компьютер.

— Хорошо, — Фолкейн откинулся на подушки. Корабль имел на борту приборы, способные регистрировать длящееся буквально доли секунд возбуждение пространства, окружающего работающий гипердвигатель, на расстоянии в световой год, что соответствовало теоретическому пределу для подобных устройств. — Я едва ли ожидал...

— Потому что мои детекторы выключены, — пояснил Пень.

Фолкейн вздрогнул и резко выпрямился. Суп выплеснулся из тарелки прямо на Чи Лан, которая вскочила с отчаянным воплем.

— Что?! — воскликнул он.

— Сразу после выхода на орбиту мне было приказано вести наблюдение за планетой, — напомнил ему Пень. — Отсюда следовало, что компьютер может временно оставить

без внимания приборы, направленные в космическое пространство.

— Ах ты, Иуда термоядерный, — простонал Фолкейн. — А я-то думал, что ты у нас действительно голова! Что сделали с тобой эти горе-ремонтники с Луны?

Чи по-собачьи встряхнулась; во все стороны полетели капли супа.

— Я-т'инчай-урх! — бросила она. Переводу эта фраза не подлежала. — Ну, так включай эти чертовы детекторы!

Воцарившаяся тишина была просто невыносимой. Вещи в каюте Фолкейна — фотографии, книги, магнитофон, кассеты, проектор, полуоткрытый шкаф, битком набитый элегантными костюмами, несколько сувениров, оружие, стол, заваленный дожидающимися ответа письмами, — стали вдруг такими маленькими, хрупкими, милыми. Человек и цинтианка прижались друг к другу, даже не заметив этого; ее когтистая лапа легла ему на руку.

Компьютер с расстановкой произнес:

— Обнаружены двадцать три отдаленных источника пульсации. Движутся по направлению от Циркуля.

Фолкейн напрягся. Мозг его лихорадочно заработал: «В той стороне никто из тех, кого мы знаем, не живет. Наверно, они направляются сюда. Точно можно будет сказать, когда определим их курс. Или подождать? Но ведь сто процентов за то, что это враги!»

Словно за тридевять земель он услышал шепот Чи Лан:

— Двадцать... разрази их гром... три. Это оперативная группа! Если только... Что ты еще можешь сказать?

— Соотношение сигнала и уровня шума показывает, что они находятся на расстоянии в половину светового года отсюда, — голос компьютера оставался таким же бесстрастным, как и всегда. — Производная по времени свидетельствует, что они движутся на скорости, которая вряд ли является разумной при сближении со звездой типа беты Креста, учитывая то, что последняя окружена необычайно

плотным облаком из газов и твердых частиц. Соотношение амплитуд отдельных сигналов как будто подтверждает гипотезу об эскадре, во главе которой довольно большой звездолет, примерно равный по размерам боевому крейсеру Лиги; кроме того, в нее входят три легких крейсера или похожих на них корабля и девятнадцать маленьких, но более быстрых кораблей. Это, разумеется, предварительные выводы, основанные на предположении, что звездолеты действительно боевые и что они движутся в нашем направлении. Даже при таких допущениях вероятность ошибки настолько велика, что в настоящий момент более точную оценку произвести невозможно.

— Если мы их дождемся, — глухо проворчала Чи, — можно смело писать похоронки. Насколько я понимаю, если это флот наших врагов, то его командир вряд ли пригласит нас на чай. — Она отодвинулась от Фолкейна. — Ну, что будем делать?

Человек вздохнул. Он ощутил, как повлажневшие было ладони снова стали сухими, как вернулось к своему размеренному ритму сердце, как бежал из души страх.

— Мы не можем находиться ни на Сатане, ни рядом, — сказал он. — Они обнаружат нас с помощью нейтринных детекторов и, разумеется, уничтожат. Остается только на обычных гравитационных двигателях выйти на более близкую к звезде орбиту и уповать на то, что ее излучение скроет нас до тех пор, пока гости не уберутся восвояси. Но это тоже не выход. Вряд ли они улетят раньше, чем мы получим смертельную дозу радиации... если они вообще улетят. Можно еще выйти на сильно удаленную от Беты орбиту. Радиационный фон там небольшой, и наши двигатели можно будет засечь, но хочется думать, что никому не придет в голову направить детектор в нашу сторону. Нет, и это не годится. Мы просто застрянем тут, не имея возможности связаться с домом.

— Но ведь мы можем отправить сообщение в капсуле. Их у нас целых четыре, — подумала вслух Чи. — Нет, две; другие

две мы разобрали, чтобы достать конденсаторы для первых — иначе они не достигнут Солнечной системы или любого другого места, из которого можно с нею связаться. Да, у нас есть две капсулы.

Фолкейн покачал головой:

— Слишком медленно. Их наверняка заметят...

— Навряд ли. На них же не ядерные генераторы, в конце-то концов.

— Применяемые Космофлотом детекторы могут обнаружить летящую на гипердвигателе капсулу, притом на таком расстоянии, до которого нашим ящикам, Чи, еще пыхтеть и пыхтеть. И потом, что это вообще за штука? Простая трубка с обычным двигателем; в нее встроен робопилот, который едва способен выполнять программу, и передатчик, который при подлете к дому начинает верещать: «Вот он я, берите меня». Ее кто угодно догонит, разнесет в клочки или просто перехватит.

Цинтианка расслабилась. Свыкнувшись с фактом, она обрела способность рассуждать так же холодно, как и Фолкейн.

— Ты что, предлагаешь, чтобы мы сами попытали счастья? — спросила она. — Эта мысль мне нравится. Но что, если хоть один из этих корабликов нас догонит?

— Это не так-то просто, — отозвался он.

— Боевые корабли летают быстрее. Они используют те самые силовые установки и генераторы, которые мы перевозим.

— Знаю. Да, исход сомнителен. Но слушай, — Фолкейн подался вперед, уперев руки в колени. — Неважно, у кого из нас окажутся длиннее ноги. В конце концов, какая разница, устраивать гонки на двести световых лет или на полгода? Мы рискуем немногим больше, если пойдем им навстречу. Зато сможем что-нибудь узнать, что-то сделать или... ну, не знаю что. Но главное не в этом. Если мы пойдем к ним навстречу на гиперах, как следует встряхнув космос, то отлет маленькой капсулы останется незамеченным. К тому времени, когда кто-нибудь сможет разделить наши следы,

она будет уже далеко... Так что, пускай с нами случается что угодно, но дома нашу информацию получат. Навредим врагу хотя бы этим!

Чи некоторое время молча разглядывала его. Потом пробормотала:

— Сдается, в тебе говорят эмоции. Но звучит убедительно.

— Тогда готовься, — заключил Фолкейн. Он вскочил и тут же пошатнулся: закружилась голова. Он оперся о переборку. «Заболеть сейчас было бы непозволительной роскошью. Лечиться некогда. Пилюли будем глотать потом, если выживем».

Из памяти все не шли последние слова Чи. «Она, конечно, права. Во мне говорит злость. Я хочу отомстить за то, что они сделали со мной. — Фолкейн судорожно сглотнул. — А может, это страх?.. Боязнь, что они снова проделают со мной то же самое?

Ничего, до этого я двадцать раз успею умереть. Но не один. Я и кое-кого из них захвачу с собой... к Сатане!»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 14

Призрачно мерцали мириады звезд; бета Креста среди них была лишь чуть ярче остальных. Млечный Путь надвое рассекал черноту неба; холодным светом сверкали ближние галактики. Звездолет Лиги двигался навстречу неизвестным кораблям.

Фолкейн расположился на капитанском мостике и под бормотание двигателей разглядывал противника на обзорном экране. Чи Лан находилась на корме, в центре управления огнем. Отдать компьютеру приказ и получить от него информацию можно было из любого отсека судна, так что

разлучаться особой надобности не было. Они сделали это лишь на случай атаки, да и то разделял их только набитый электроникой корпус звездолета. Однако одиночество угнетающе действовало на Фолкейна. Он надел под скафандр парадную форму вместо обычного комбинезона скорее для того, чтобы бросить вызов обстоятельствам, чем из дипломатических соображений.

Щиток шлема он все еще не опускал. Оторвавшись от экрана, гермесец перевел взгляд на приборы. Его мозг не мог воспринять и проанализировать, подобно компьютеру, данные во всей их полноте. Но в обстановке в целом разобрался бы любой мало-мальски опытный пилот.

«Через пень-колоду» двигался по кривой, которая вскоре должна была вывести его на курс, перпендикулярный курсу одного из кораблей противника. Его наверняка обнаружили в тот самый момент, когда заработали гипера. Но вражеская эскадра продолжала свое движение, словно не замечая звездолет, притом таким плотным строем, который не одобрил бы ни один адмирал Галактического Космофлота.

Походило на то, что свобода действий у чужаков — это привилегия командира соединения. Эскадра его единым целым мчалась вперед, не снижая скорости.

Фолкейн облизал губы. По спине струился пот.

— Проклятье! — воскликнул он. — Им что, вовсе не интересно, кто мы такие?!

Похоже, дело обстояло именно так. Во всяком случае, пока чужаки никак не реагировали на сигналы «Через пень-колоду».

Быть может, они просто дадут звездолету Лиги пройти сквозь свой строй. А быть может, замышляют нападение, когда «Через пень-колоду» окажется в пределах досягаемости, — нападение настолько быстрое, что у Фолкейна и Чи Лан не останется времени изменить фазу квантовых колебаний и сделать свой корабль «прозрачным» — когда любой снаряд, любой луч пронзает насквозь, не причиняя вреда.

— Может, они просто не распознали наш сигнал? — предположила Чи Лан.

Услышав в наушниках голос цинтианки, Фолкейн явственно представил ее себе. Маленькая, пушистая и — сулящая смерть: она настояла на том, что будет вручную управлять одним из орудий корабля.

— Им известно о нас достаточно, раз они сумели забросить к нам своих шпионов. Стандартные-то коды они знают наверняка, — отрезал Фолкейн. — Попробуй-ка еще разок, Пень.

Изображение на экранах задрожало и расплылось: причиной — этого было незначительное изменение гиперскорости, вызванное работой аутеркома, преобразовывавшего колебания, порождаемые двигателями, в точки и тире. Систему эту внедрили совсем недавно — Фолкейн мог припомнить такие времена, когда, на заре своей карьеры, ему пришлось для передачи сообщения включать-выключать сам двигатель, — и ее надо было еще доводить до ума. Текст был предельно прост: «Срочно! Подтвердите готовность к радиосвязи на стандартной частоте!»

— Не отвечают, — доложил компьютер через минуту.

— Ладно, хватит, — сказал Фолкейн. — Чи, может, ты мне скажешь, что все это значит?

— Где уж мне! Ведь объяснений здесь сколько угодно, — отозвалась цинтианка. — И в этом вся беда.

— Да уж, особенно когда любая версия может оказаться ошибочной. Культур-близнецов не бывает, хотя, по-моему, всякая цивилизация, освоившая космические перелеты, должна бы... Бог с ним, оставим это. Что ж, они явно не собираются вступать с нами в переговоры. Посему предлагаю не лезть в возможную ловушку. Меняй курс, Пень. Пойдем параллельно им.

Взревели двигатели. На экране поплыли звезды. Поворот закончился, и корабли противника пропали из виду. Должно быть, они вот-вот минуют Стрельца, прикинул Фолкейн.

— Кое-что станет ясно, когда мы проанализируем их «хвосты», — сказал он. — Для этого мы уже достаточно сблизились. Однако следовать за ними до самой Сатаны вряд ли разумно.

— Мне вообще эта затея не нравится, — отозвалась Чи. — На такой скорости они наверняка свернут себе шеи. А мне свою жалко.

Фолкейн, протянув руку, взял со стола трубку. Она уже успела погаснуть. Он снова разжег ее; привкус табака на губах был сладок, как поцелуй.

— Мы в лучшем положении, — заметил он. — Худо-бедно, а окрестности нам уже знакомы. Мы даже нанесли на карту орбиты нескольких астероидов, помнишь?

— А откуда ты знаешь, что они не выслали вперед разведчиков? Неужели ты думаешь, что они так несутся наобум?

— Да. Кстати, вот еще что. Мне кажется, их звезда — или, быть может, крупная база в другой системе— находится неподалеку отсюда, с космической точки зрения, разумеется. Хотя область беты Креста едва ли можно назвать исследованной, все же отдельные экспедиции здесь побывали — возьми хоть тех же лемминкяйненнитов.

Я вот к чему клоню. Голову даю на отсечение, наши молчаливые друзья засекли нейтринный выброс ядерных двигателей, оставленный кораблями одной из этих экспедиций. Это, правда, возможно на расстоянии до пятидесяти световых лет, но не дальше. Естественно, ты можешь возразить, сказать, что пятьдесят лет назад ядерных реакторов такого типа не было и в помине, а если б и были, то нейтринный выброс, случившийся около нашего бродяги, до сих пор странствовал бы в пространстве необнаруженным. Но ведь мимо беты Креста кто только не летает! Короче говоря, все за то, что эти кораблики прибыли не издалека. Времени прошло-то всего ничего — сириндипитский звездолет, верно, едва-едва успел сообщить им про планету.

— И они тут же снарядили эскадру, не заботясь о разведке? Быть того не может! А эта эскадра: несется как угорелая и даже не пытается выяснить, кто мы такие!

Фолкейн заставил себя улыбнуться:

— Если уж цинтианка говорит, что события несутся вскачь, то, клянусь остатками моей святости, так оно и есть.

— Но ведь это те же существа... наверно, те же... что организовали «Сириндипити»! А это задумка с таким дальним прицелом, рассчитанная на столько лет, что я даже не знаю, с чем ее сравнить.

— В истории человечества подобное случалось, если у вас на Цинтии такого и не было. А ты не забывай, что в это дело замешаны люди — более или менее люди, скажем так.

Компьютер вмешался в разговор:

— Поступило сообщение.

По экрану побежали точки и тире. Фолкейн прочитал: «Приглашение к переговорам принимаем. Предлагаем встречу в десяти астрономических единицах отсюда, на расстоянии в пятьсот километров друг от друга».

Он не стал ничего говорить Чи — это сделает компьютер. Если Фолкейн и изумился, то на долю секунды. Время не ждет.

На Пня посыпались приказы: послать подтверждение, лечь на нужный курс, не ослаблять бдительности, следить и за кораблем, который будет выделен для ведения переговоров, и за эскадрой.

— Все корабли изменили курс, — перебил его компьютер. — Очевидно, будут вести переговоры эскадрой.

— Что? — Фолкейн едва не подавился трубкой. — Что за ерунда!

— Вовсе нет, — холодно ответила Чи Лан. — Если они все одновременно выстрелят в нас — нам крышка.

— Может, пронесет, — Фолкейн крепче сжал трубку в зубах. — Может, они и не замышляют зла. Ладно, все станет ясно через тридцать секунд.

Все звездолеты выключили свои квантовые генераторы и перескочили в релятивистское пространство. За этим последовало неизбежное торопливое вычисление необходимой тяги, чтобы достичь кинетической скорости. Фолкейн предоставил Пню заниматься кораблем, поручил Чи Лан оборону, а сам сосредоточился на разглядывании чужаков.

Видно, было очень немного. Луч сканера может обнаружить звездолет и выдать на экран его увеличенное изображение, но деталей на таком расстоянии не различить. А детали — это главное, благодаря законам природы существенной разницы между космическими кораблями быть не может.

Фолкейн заметил, что девятнадцати эсминцам — или кораблям конвоя, или как там их еще можно назвать — придана обтекаемая форма. Очевидно, для спуска в атмосферу. Пожалуй, даже слишком обтекаемая, если учесть, что в длину они раза в три превосходят «Через пень-колоду», но вряд ли значительно шире его. Они походили на застывших угрей. Крейсеры очень напоминали акул из-за вытянутых в длину плавникообразных конструкций, ще скорее всего находились либо посты управления, либо лаборатории. Флагман имел форму огромного сфероида; корпус его покрывали какие-то башенки, краны, непонятные сооружения наподобие дотов.

Назначение этих кораблей вполне можно было определить в военно-морских терминах, хотя они и не очень подходили под классификацию звездолетов, принадлежавших Лиге, — суда буквально щетинились всякого рода пушками, ракетными установками, лучевыми орудиями. Фолкейну никогда не доводилось видеть таких нафаршированных оружием кораблей. Если прикинуть, сколько места занимают машины и орудийные погреба... что же, экипажи у них из микробов, что ли?

Приборы сообщили, что противник использует силовые экраны, радары, термоядерные установки. Это было неудивительно.

Изумляло другое — столь плотный строй. Если они опасаются нападения, почему бы не рассредоточиться? Ведь даже одна боеголовка с зарядом в пятьдесят мегатонн, взорвавшись посреди их кучи, уничтожит как минимум два или три корабля, а остальных с лихвой облучит. Быть может, радиация и не причинит вреда компьютерам и другим электронным приборам — все зависит от того, транзисторные у них схемы или нет, — но вот членам экипажей достанется здорово: те, кто выживет, весь остаток жизни проведут в госпитале.

А вдруг чужакам наплевать на рентгеновские лучи и на нейтроны? Но тогда их организмы должны состоять не из протоплазмы. Органическая молекула, сама по себе или подстегнутая каким-либо препаратом, способна выдерживать излучение только определенного уровня. Но, быть может, они изобрели какой-нибудь экран, способный отражать незаряженные частицы? Может, может, может...

— Ты установил связь с их компьютером или что там у них есть? — спросил Фолкейн.

— Нет, — ответил Пень. — Они просто замедляют скорость, но, если они намерены выйти на орбиту вокруг Сатаны, им все равно пришлось бы это сделать. Нам, очевидно, предлагается подстраиваться под них.

— Хамы, — бросила Чи.

— Когда так вооружен, недолго и охаметь, — Фолкейн опустился в кресло. — Что ж, угостим их тем же блюдом. Отключи мазеры. Пускай сами нас вызывают.

«Интересно, — подумал он, — какой у меня вид с этой трубкой, которая торчит из раскрытого шлема? А, какой бы ни был! Курить хочется, и все тут. А вот если бы еще кружечку пивка». Но тут он снова вспомнил о вооруженном до зубов противнике, и во рту у него пересохло.

«Прежде чем энергетический залп можно будет обнаружить, он уже поразит твой корабль. Однако защита может и выдержать — ровно столько времени, сколько потребуется «Через пень-колоду» на включение гипердвигателей. Здесь

слишком много неизвестных: мощность этого залпа, место, куда он ударит, и все такое прочее.

Но если чужаки хотят нашей смерти, чего они уходят? Они ведь запросто могут нас догнать — если не большие корабли, то уж эсминцы наверняка. А от девятнадцати преследователей сразу нам не оторваться, как бы мы ни старались. Но если они хотят переговоров, почему сразу не ответили на наш вызов?»

Словно угадав мысли Фолкейна, Чи Лан сказала:

— Похоже, отчасти я могу объяснить тебе их поведение, Дэйв. Предположи лишь, что они — очень импульсивная раса. Узнав о Сатане, они отправили к ней группу захвата. Причем, не исключено, и в тайне от своих сородичей. Мы не знаем, какое у них там общество. Они не имеют представления, что маска «Сириндипити» сорвана, но и не тешат себя особыми иллюзиями на этот счет. В таких обстоятельствах разумные существа вели бы себя осторожно. Они направили бы вперед разведчиков, дождались бы их возвращения и только потом уже двинулись бы сами. Эти же поступают совершенно иначе. Мчат, понимаешь, как оглашенные и, судя по всему, готовы схватиться с кем угодно. И вдруг они обнаруживают, что их поджидают, они обнаруживают нас. К ним навстречу непонятно с чего кидается какой-то маленький кораблишко. Нам с тобой наверняка пришло бы в голову, что поблизости, где-нибудь около Сатаны, есть и другие звездолеты, побольше, чем этот. Мы, разумеется, тут же попробовали бы связаться с неизвестным суденышком. Но эти существа просто продолжают свой путь. Им все равно, одни ли мы, и потому легко можем быть уничтожены, или не одни, и потому предстоит битва. Им все равно, они не думают ни об отступлении, ни о переговорах. Ни о нас, кстати сказать. В конце концов мы направляемся прямо к ним. Мы подставляем себя под дула их пушек. А потом вдруг ложимся на параллельный курс! Они решают, что им лучше будет выслушать нас. Или хотя бы попытаться. Может, до них дошло, что мы способны попробовать удрать от них.

Понимаешь, им придется для погони за нами выделять пару эсминцев, — вряд ли им хочется, чтобы на Земле стало известно о появлении тут какой-то неизвестной эскадры. А мне так кажется, у них есть свои причины сохранять свой строй целым. Короче говоря, еще одно импульсивное решение — а на последствия, как обычно, начхать!

— Сплошной бред, — возразил Фолкейн.

— Для тебя — может, а для меня нет. Вы, люди, в этом плане проигрываете цинтианам. Да, мы — мое племя — действуем обдуманно. Но на нашей планете есть и другие племена, у которых считается нормальным вести себя как берсерки.

— Но ведь они технологически отсталые, а, Чи? Ну, посуди сама, разве можно таким образом править цивилизацией, знакомой с ядерной энергией? Ты постепенно утратишь власть, вот и все. Даже Старый Ник вынужден сдерживать себя и прибегать к услугам советников, администраторов, людей всех чинов и сословий. Кривая нормального распределения дает достаточно гарантий того, что осторожных куда больше, чем тех, кто готов...

Фолкейн замолк на полуслове. Замигали лампочки центрального ресивера.

— Они вызывают нас, — сказал он, чувствуя, как у него сводит мышцы живота. — Включить тебе дополнительный экран?

— Нет, — решительно ответила Чи Лан. — Я буду слушать, но про оружие забывать нельзя.

Лучи мазеров скрестились в пространстве. Фолкейн краем уха услышал слова компьютера:

— Передача идет с флагманского звездолета. Он, не отрываясь впился в экран.

Человек! Фолкейн едва не выронил трубку. Мужчина, худощавый, чуть тронутые сединой виски, в глубине глаз теплятся огоньки, тускло-коричневый комбинезон... «Я должен был догадаться. Я должен был быть готов к этому». На

заднем плане виднелась панель управления, подобных которой Фолкейну встречать еще не доводилось. На потолке ярко сияли белые лампы. Фолкейн сглотнул.

— Приветствую вас, Хью Латимер, — сказал он вежливо.

— Мы незнакомы, — бесстрастно, с легким акцентом ответил человек на экране.

— Это правда. Но кого еще я мог здесь встретить, кроме вас?

— Кто вы?

Фолкейн на секунду замялся. Имя его — козырная карта в этой рискованной игре. Вовсе ни к чему открывать его врагу.

— Себастьян Тумс, — сказал он. Плагиат, конечно, но вряд ли Латимер докопается до источника. Он и сам-то набрел на эти книги совершенно случайно, роясь в библиотеке Герцога Роберта, — набрел и обнаружил, что древние языки не такая уж скучная вещь. — Космический торговец, имею звание капитана Торгово-технической Лиги. — Подчеркнуть свое положение никогда не помешает. — Вы командуете этой эскадрой?

— Нет.

— Тогда я хотел бы поговорить с тем, кто этим занимается.

— Да, конечно, — отозвался Хью Латимер. — Ваше желание совпадает с его приказом.

— Ладно, соедините-ка меня с ним.

— Вы не поняли, — голос его собеседника оставался все таким же бесцветным, выражение смуглого, со впалыми щеками лица не изменилось. — Гэхуд ждет вас у себя.

Фолкейн так стиснул зубы, что хрустнула трубка. Он отшвырнул ее в сторону.

— Откуда вы свалились, из другой вселенной? Вы думаете, что я... — Он подавил гнев. — Я бы предложил вашему командиру кой-куда отправиться, да боюсь, его анатомия помешает. Так что спросите у него просто: будет ли разумно с моей стороны положиться на вашу милость?

Что это? Неужели страх чуть исказил застывшие черты лица Латимера?

— Мне дали приказ. Если я попытаюсь его оспорить, меня накажут. Какая вам от этого польза? — Он заколебался. — Полагаю, у вас есть два выхода. Вы можете отказаться от приглашения. Тогда Гэхуд скорее всего прикажет вас расстрелять. А согласившись прийти, вы можете чего-то для себя добиться.

Он заинтригован мыслью о встрече с... э... диким человеком. Я не знаю. Быть может, сначала нам надо договориться о гарантиях вашего возвращения. Если так, давайте поторопимся, а то он начнет раздражаться, — (да, это страх и ничто иное), — и тогда может произойти все что угодно.

Глава 15

Опасность сближения с врагом очевидна. Не успеешь опомниться, как в тебя влепят не то, что тепловым лучом — нет, самой обычной ракетой. Правда, опасность эта взаимная. «Через пень-колоду» выглядит комариком по сравнению с этой тушей, но ведь и комар может укусить. Так что Фолкейн не собирался сохранять между кораблями расстояние в пятьсот километров и пришел в смятение, когда Латимер заявил, что это невозможно.

— Не забывайте, я всю жизнь занимался тем, что старался узнать как можно больше о вашей цивилизации. Я знаю, на что способны звездолеты вроде вашего. Не считая ручного оружия и всяких там лазерных пистолетов, у вас на борту четыре тяжелых бластера и четыре торпеды с ядерными головками. Если мы позволим вам приблизиться, то поставим себя в невыгодное положение. Скажем, если возникнут разногласия, мы, вне всякого сомнения, уничтожим ваш звездолет, но победа может нам стоить нескольких кораблей.

— Но, если мой звездолет останется там, откуда не сможет нанести эффективный удар, что помешает вам захватить меня в плен? — запротестовал Фолкейн.

— Ничего, — согласился Латимер, — разве что отсутствие причин для этого. По-моему, Гэхуд просто хочет допросить вас и, быть может, передать вам сообщение для ваших хозяев. Кстати, если вы будете медлить, он потеряет терпение и отдаст приказ уничтожить вас.

— Что ж, приду, как только смогу, — отрубил Фолкейн. — Если я через час не вернусь на свой корабль, мой экипаж объяснит это предательством с вашей стороны и будет действовать соответственно. Боюсь, в этом случае вас ждет неприятный сюрприз. — Он выключил прибор и замер в кресле, вцепившись в ручки и стараясь унять дрожь.

Чи Лан подошла, свернулась клубочком у ног Фолкейна и взглянула ему в лицо.

— Ты не хочешь идти, — сказала она непривычно мягко. — Ты боишься, что тебя снова накачают наркотиками.

Фолкейн утвердительно мотнул головой.

— Ты не представляешь, что это за ощущение, — сказал он, проглотив комок в горле.

— Я могу пойти.

— Нет. Капитан-то я. — Он поднялся. — Помоги мне собраться.

— По крайней мере, — заметила Чи, — тебя хоть не захватят.

— Что? Почему это?

— Убить тебя, конечно, могут. Но этот тип боится, что ты умеешь читать мысли.

— Ох, — выдохнул Фолкейн. — Подожди, я, кажется, понял. — Он сцепил пальцы; глаза его сверкнули. — Почему я об этом не подумал раньше?

И с этими словами он покинул звездолет.

На скафандре у него имелся импеллер, но это на всякий случай. До флагманского корабля противника он будет

добираться на грависанях. Фолкейн опустил колпак; кокпит саней был заполнен воздухом, тоже на всякий случай. Если, скажем, треснет шлем или еще что-нибудь в таком духе. Полет проходил в призрачной тишине, и лишь ускорение, которое вдавливало Фолкейна в кресло, не давало ему потерять чувство реальности. Огоньки звезд расплылись и исчезли. Объяснение этому было самое прозаическое: зеленоватое сияние индикаторов на панели управления сыграло шутку с его глазами. Но без звезд было скучно. Фолкейн немного крепче, чем нужно, стиснул ручки управления и принялся насвистывать мотивчик, чтобы не было так одиноко:

Раз пошел гулять лудильщик;

Вот по Стрэнду он идет...

Что ж, быть может, он свистит последний раз в своей жизни. Ну и ладно, чем плоха эта песенка? Торжественности хватает и без того. Приближавшаяся, все увеличивающаяся в размерах громада корабля и так уже настраивала мысли на достаточно траурный лад.

Раздавшийся в наушниках голос Латимера помешал Фолкейну докончить эту малопристойную балладку:

— Настройтесь на луч на частоте 158,6 мегагерц; он приведет вас к воздушному шлюзу. Поставьте сани в отсеке и подождите меня.

— Как, вы не хотите затаранить меня к себе на борт? — хмыкнул Фолкейн.

— Не понял.

— И не поймете. Ладно, забудем. Все равно мне деваться некуда, — он поймал сигнал и включил автопилот. Сам же тем временем занялся фотографированием вражеского корабля. Он внимательно разглядывал громаду звездолета, пытаясь запомнить все, что можно. Но часть его мозга продолжала размышлять. Этот Латимер явно заработался. Он ведет себя как помощник Гэхуда, кем бы там этот Гэхуд ни был. А кроме того, он и связист, и боцман... и все что угодно.

Ну что ж, если корабль достаточно автоматизирован, то большой экипаж ему не нужен. У нас сейчас как бы снова Ренессанс: человек — мастер на все руки, а специализируются за него компьютеры. Но ведь остались и такие работы, с которыми машины не справляются. У них нет мотиваций, у них нет предприимчивости — нет истинного разума, наконец! Все полностью роботизированные корабли, которые мы — цивилизованные существа, с которыми сталкивался человек, — строили, годились только для элементарной, если не сказать черновой, работы. А если ты отправляешься на разведку или в торговую экспедицию или ведешь войну — в общем, попадаешь в непредсказуемые обстоятельства, — то число членов экипажа возрастает. Отчасти, разумеется, для того чтобы снизить психологическое напряжение, а отчасти — чтобы выполнить задание, причем в любых условиях. Вот как, к слову, нам с Чи тяжело — оттого, что нас только двое на корабле. Ладно, нас подстегивала опасность, но Гэхудато что подстегивало? Почему на связь выходит только Латимер?

Направляемые лучом грависани миновали крейсер. Фолкейна снова поразило невероятное количество всяких пушек. Башенки в форме плавников оказались тоньше, чем он предполагал. Да, самое подходящее место для лабораторий, и, похоже, там внутри действительно полно приборов. Но интересно, какой такой зверь обслуживает их — ведь и в этих башенках, и в самом корабле наверняка не повернуться?

Фолкейн постепенно добрался до ответа и потому не был особенно удивлен. Он включил встроенный в шлем передатчик и настроился на луч мазера, тянувшийся к «Через пень-колоду».

— Ты слышишь меня, Чи Лан? — спросил он.

— Да. Что нового?

Фолкейн перешел на язык эрио, который они все выучили за время совместного пребывания на Мерсейе — если

Латимер и подслушивает, вряд ли что поймет, — и кратко описал все, что увидел.

— Я абсолютно уверен, что все корабли, кроме флагманского, — роботы, — закончил он. — Это многое объясняет, в том числе строй. Гэхуду приходится не спускать с них глаз, чтобы они, чего доброго, не разбежались по дороге. Зато его не тревожит мысль о потерях в бою — это ведь просто машины, хотя скорее всего с радиационной защитой. Если у него и имеется хоть один звездолет с экипажем, так это его собственный. Конечно, даже при высокоразвитой экономике посылать такую эскадру — удовольствие не из дешевых. Но ведь роботам найти замену куда легче, чем сотням или тысячам профессионалов.

Что все эти кораблики в сравнении с таким лакомым кусочком, как Сатана!

— И-ирх! Знаешь, Дэвид, звучит довольно правдоподобно. Особенно если этот Гэхуд — какой-нибудь удельный князь со своей дружиной. Такие обычно ни с кем не советуются, никого не посвящают в свои планы... Что ж, одной надеждой больше. Мы с тобой намалевали черта, а он оказался не таким уж страшным.

— Не думай, он достаточно страшен. Если через час я не выйду с тобой на связь или если ты сама заподозришь что-то неладное, не строй из себя верного слугу — сматывай удочки.

Чи запротестовала было, но Фолкейн ее перебил:

— Я все равно к тому времени буду мертв, так что ты ничем мне не поможешь, оставшись здесь. Дома должны обо всем узнать — по крайней мере, будет кому за меня отомстить.

Она помолчала.

— Понимаю.

— Шансов ускользнуть от погони немного. В гонке на скорость девятнадцать эсминцев так или иначе тебя догонят. Вот если бы тебе удалось перехитрить их... или хотя бы

незаметно отправить другую капсулу... Ну ладно, я почти у цели. Кончаю связь. Удачных полетов, Чи.

Ее ответа он не разобрал. Чи произнесла фразу на древнем языке своего племени. Но несколько слов Фолкейн понял — среди них было «удача». Голос цинтианки чуть дрожал.

До линкора — так он окрестил флагманский корабль врага — было уже рукой подать. Фолкейн выключил автопилот и взял управление на себя. Когда грависани вышли из тени одной из башенок, в глаза человеку брызнул ослепительный свет. Он исходил из похожего на грузовой люк отверстия в борту звездолета — наверно, того самого шлюза, о котором говорил Латимер. Сани осторожно миновали широкий комингс. Притяжение корабля немного затруднило посадку. Выполнив необходимые процедуры, Фолкейн выскочил из кокпита. В отсеке никого не было; внутренняя герметическая дверца оставалась закрытой.

Он торопливо отцепил висевший у пояса предмет и с решимостью отчаяния сжал его в руке. В ожидании Латимера он посмотрел на приборную доску саней. Фолкейн чувствовал, что сила тяжести на этом звездолете превышает стандартную земную, и шкала гравиметра подтвердила его ощущения: стрелка стояла на делении 1,07. Интенсивность освещения более чем на треть превосходила обычную. Спектральное распределение указывало на то, что эти существа, какими бы они там ни были, живут вблизи звезды F-типа. Но тогда почему такое освещение?

Внутренняя дверца распахнулась, наружу вырвалось немного воздуха. Фолкейн отметил про себя, что шлюз — составной: за этим отсеком был еще один. В дверном проеме появилась облаченная в скафандр человеческая фигура. Сквозь стекло шлема виднелось суровое лицо Латимера. В руке он держал бластер обычного типа, приобретенный наверняка на Луне. Но за спиной человека маячил робот — весь из металла, длинные ноги, цилиндрическое тело со множеством рук, вместо пальцев — датчики или эффекторы.

— Хорошо же вы принимаете посла, нечего сказать, — бросил Фолкейн. Рук поднимать он не собирался.

Впрочем, Латимер этого и не потребовал.

— Мера предосторожности, — пояснил он безучастно. — При вас не должно быть оружия. Сначала поищем бомбы.

— Валяйте, — согласился Фолкейн. — Суденышко мое чисто, пистолет я, как было договорено, оставил в звездолете. Правда, у меня есть вот это. Он поднял левую руку, показывая зажатый в кулаке предмет.

Латимер отскочил.

— Йагнат хамман! Что это?

— Граната. Не ядерная, всего лишь противопехотная. Начинена торденитом с коллоидным фосфором для приправы. Здесь на расстоянии в пару метров разнесет что угодно. Про кислородную атмосферу я уж не говорю. Я вытянул чеку и отсчитал целых пять секунд, прежде чем вставить шток на место. Теперь гранате не дает взорваться только мой палец. Да, кстати, осколков от нее куча.

— Но вы... вы... нет!

— Не паникуйте, приятель. Пружина не такая уж тугая — я спокойно удержу ее в течение часа. Мне вовсе не хочется взрываться. Но еще больше мне не хочется попасть в плен, быть застреленным... Продолжите сами. Если вы будете придерживаться дипломатической учтивости, никаких проблем не возникнет.

— Я должен сообщить об этом, — пискнул Латимер. Он наклонился над каким-то прибором — по всей видимости, интеркомом. Робот, как ему было приказано, проверил сани и замер в ожидании.

— Он вас примет. «Пойдемте», — сказал Латимер, делая шаг к двери. Он явно был рассержен. Робот пропустил вперед обоих людей и двинулся следом. Фолкейн чувствовал себя между ними, как в мышеловке. Что толку в этой гранате? Если его сопровождающие только захотят, они без особых хлопот справятся с ним. Или не будут рисковать

сейчас, а подстрелят его на обратном пути, когда он уже будет считать себя в безопасности.

«Хватит об этом. Ты пришел сюда, дабы узнать все, что можно. Да, ты не герой, ты бы отдал черту душу, лишь бы оказаться где-нибудь далёко-далеко отсюда, со стаканом в руке и со шлюхой на коленях, и хвастать напропалую своими приключениями. Но ведь назревает война. Атаке могут подвергнуться целые планеты. Представляешь, какая-нибудь девчушка, не старше твоей маленькой племянницы, лежит под развалинами сметенного атомным взрывом дома — лицо обуглилось, глаза испарились — и зовет папу, который погиб вместе со звездолетом, и маму, которую взрыв застиг на улице. Быть может, дела не настолько плохи. Быть может. Как можно упускать возможность поговорить с противником? В конце концов, ты рискуешь лишь собственной шкурой. А шкура-то свербит. Тьфу ты, черт, и не почешешься!»

Фолкейн криво усмехнулся. Наружная дверца закрылась, давление внутри шлюза выровнялось, створки люка, ведущего в рабочие помещения звездолета, автоматически раздвинулись.

Глазам человека предстал залитый ярким светом, отражавшимся от металлических стен, коридор. Тишину нарушали лишь рокот двигателей, приглушенное гудение вентиляции на форсированной тяге да гулкое эхо шагов. Дверей в стенах коридора не было, лишь всякие решетки, вентиляционные отверстия; кое-где попадались загадочного вида приборы. Впереди открылся перпендикулярный проход; по нему прошествовал еще один робот, совершенно не похожий на первого, — он очень напоминал ведро со щупальцами и усиками и явно был предназначен для обслуживания каких-то механизмов. На этом корабле, похоже, всем занимались машины — вернее, он сам по себе был одной огромной машиной.

Если не считать Латимера, Фолкейну на борту не встретилось еще ни одной живой души, но что-то подсказывало

ему, что на звездолете есть не только роботы. Воображению его вдруг представилась громадная туша, изготовившаяся к прыжку.

— Здесь можно дышать, — раздался в наушниках голос Латимера. — Воздух чуть более плотен, чем на Земле на уровне моря.

Имитируя движения своего проводника, Фолкейн свободной рукой открыл вентиль, чтобы давление внутри шлема постепенно сравнялось с наружным, потом поднял лицевой щиток и глубоко вдохнул. И тут же пожалел об этом. Воздух был горячим и сухим, как в пустыне; сильно пахло озоном. К этому запаху примешивались и другие ароматы — пряностей, кожи, крови, — усиливавшиеся по мере того, как маленький отряд все ближе и ближе подходил к жилым отсекам корабля. Латимер как будто не замечал ни жары, ни ослепительного сияния ламп. Наверно, он уже с этим свыкся. Свыкся ли?

— Сколько народу у вас в экипаже? — спросил Фолкейн.

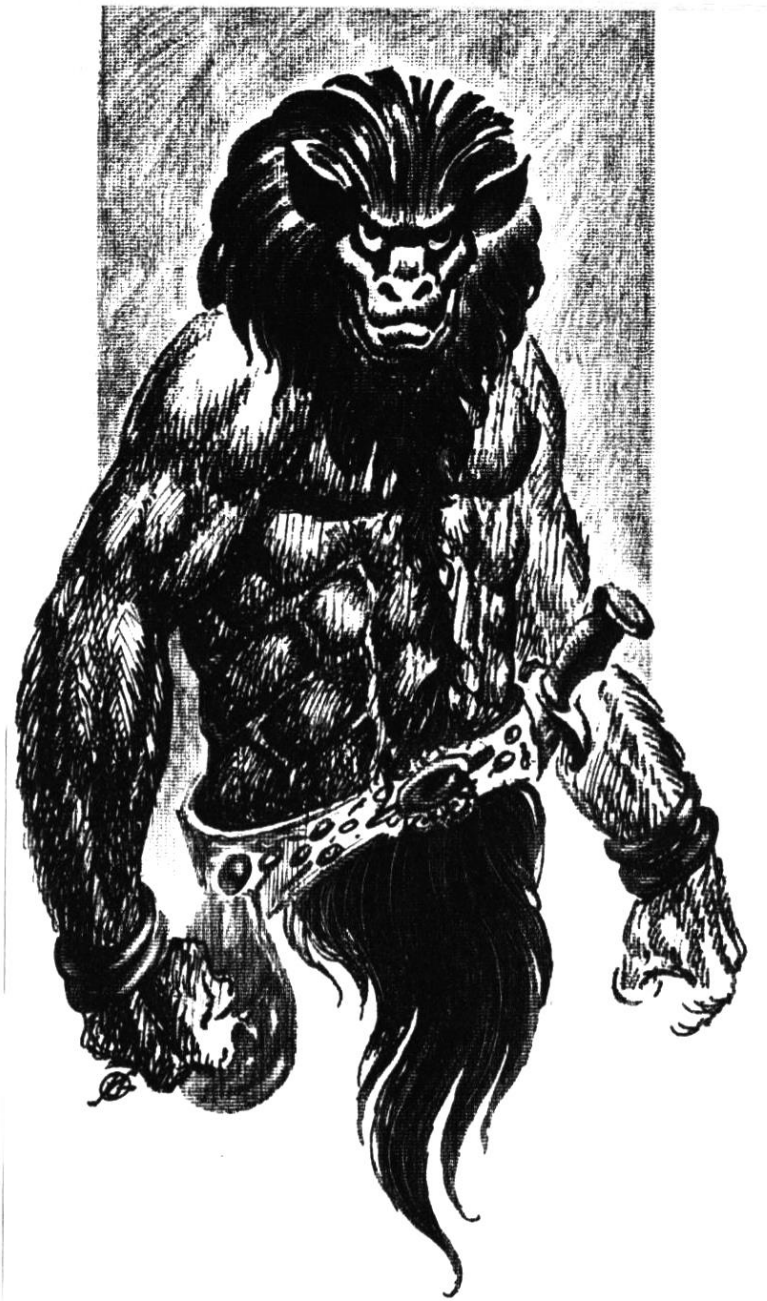
— Вопросы будет задавать Гэхуд, — Латимер глядел прямо перед собой, одна щека его чуть подергивалась. — Я вам искренне советую: отвечайте ему вежливо и полно. Вы и так уже провинились с этой своей гранатой. Но вам повезло: ему так хочется вас увидеть, что он лишь слегка рассердился на подобную дерзость. Будьте очень осторожны, а иначе он вас достанет и на том свете.

— Какая лапочка ваш босс, право слово, — Фолкейн попытался разглядеть выражение лица Латимера. — На вашем месте я давно бы ушел от него, хорошенько хлопнув дверью.

— Если вас пугают трудности служения своему миру, своему народу, то я не из таких, — презрительно хмыкнул Латимер. Внезапно выражение его глаз изменилось, голос понизился почти до шепота. — Тсс! Мы совсем рядом.

Фолкейн увидел впереди уходящую отвесно вверх шахту гравиколодца. Люди и роботы поднялись по ней на добрых пятнадцать метров и очутились на другой палубе.

Передняя? Сад? Грот? Фолкейн смятенно огляделся. Все помещение, большое, как танцзал, было заставлено плантерами. В них росли самые разнообразные растения: от крошечных, сладко пахнущих цветов и высоких разлапистых папоротников до настоящих деревьев с пушистыми, заостренными или причудливо закрученными листьями. Основным цветом растений был темно-золотистый. В центре зала бил фонтан. Каменный бассейн его был очень дряхлым на вид, но сохранившиеся барельефы вызвали у Фолкейна чувство восхищения. Очарованию бассейна, его чужой, непривычной красоте разительно не соответствовали заляпанные большими пятнами краски переборки. Очевидно, вкус у владельца этого сада был весьма своеобразный. Следуя за Латимером, Фолкейн миновал арочный дверной проем в конце зала — и оказался в первом из, так сказать, дворцовых покоев. Каюта была обставлена — вернее даже, заставлена — с варварской роскошью. Пол устилали шкуры, которые вполне могли принадлежать ангорским тиграм. Одну из стен покрывала грубой работы золотая плита, вторая в точности походила на раскрашенные переборки снаружи, на третьей висела чешуйчатая шкура, а четвертая стена представляла собой экран, на котором под рокот барабанов и завывание рогов метались в исступленном танце какие-то абстрактные тени. Над входом висел череп чем-то смахивающего на динозавра животного. Из стоявших тут и там курильниц поднимался к потолку горьковатый дымок. Две из них были настоящими произведениями искусства, древними и прекрасными, как и фонтан. Остальные мало чем отличались от железных болванок. Сесть можно было либо на подиум — таковых в каюте было два, причем столь широких, что на каждом из них спокойно улеглось бы по три человека, — либо на разбросанные по полу подушки. На полках и в самых неожиданных местах полно было всякой всячины. Что там такое, Фолкейн даже не попытался разобраться. Одни предметы походили на музыкальные

инструменты, другие — на игрушки, но, чтобы узнать истинную их сущность, надо сперва познакомиться с хозяином.

А вот и мы!

Плотный экран из прозрачного материала, скорее всего из витрила, закрывал второй вход в помещение. Если оставаться за ним, не страшна никакая граната. А еще безопаснее вести разговор по телекому. Но так ронять себя в глазах пришельца Гэхуд не собирался. Он вышел и встал за экраном.

Хотя Фолкейн перевидал достаточно инопланетян, ему пришлось стиснуть зубы, чтобы удержаться от крика. Перед ним стоял... Минотавр![51]

Глава 16

Нет... не точная копия, разумеется... если уж на то пошло, из него такой же минотавр, как из Эдзела дракон. Но до чего похож!

Это было двуногое существо, чем-то напоминавшее человека. Ноги — короче, а руки — значительно длиннее, чем у людей. На ногах по три пальца, все с подушечками, на руках — по четыре, похожих на обрубки, с зеленоватыми ногтями на концах. Такой же оттенок имела кожа, поросшая золотистыми волосками — не настолько, правда, густыми, чтобы можно было назвать их мехом. Под кожей, вовсе не там, где у людей, перекатывались мускулы. Губы по-коровьи мягкие, но рудиментарные грудные соски отсутствуют, поэтому сказать наверняка, принадлежит ли он к разряду млекопитающих, невозможно. Одно было ясно, что это взрослый самец, по всей видимости, теплокровный. Зубы — ровные, тронутые желтизной.

Голова... Сравнивать между собой обитателей двух планет бессмысленно. Можно лишь описывать разницу между ними в пределах языковых возможностей. Скорее всего эту

[51] Минотавр — в греческой мифологии чудовище, человекобык.

массивную голову с широким рылом, мясистым подбородком, иссиня-черными, широко расставленными глазами под низкими надбровными дугами, очень покатым лбом и длинными подвижными ушами можно было назвать бычьей. Но, разумеется, отличия преобладали над сходствами. У Гэхуда не было рогов; лицо его обрамляла роскошная грива, ниспадавшая сзади чуть ли не до пояса. Волосы были светлыми и полыми изнутри, а потому в свете ламп переливались всеми цветами радуги.

Хотя Фолкейна с Латимером судьба ростом не обидела, Гэхуд возвышался над ними обоими. В нем было сантиметров двести тридцать. При таком росте, при неимоверной ширине плеч и грудной клетки, при столь развитой мускулатуре весу в нем было наверняка не меньше двухсот килограммов. На шее у него висело бриллиантовое ожерелье, пальцы были унизаны кольцами, на запястьях сверкали тяжелые золотые браслеты. Если не считать ремня, на котором с одного бока болтался кисет, а с другого — похожий на мачете нож, он был абсолютно голым. Дыхание Гэхуда напоминало гул вентилятора. От него исходил запах мускуса. Когда он заговорил, оказалось, что голос у него очень низкий и требовательный.

Латимер поднес бластер к губам — что это, салют? — потом опустил и обернулся к Фолкейну.

— Вы стоите перед Гэхудом из Нешкета, — последнее слово он выговорил с трудом. — Он будет вас допрашивать. Я уже сообщил ему, что вы назвались Себастьяном Тумсом. Вы с Земли?

Фолкейн собрался с духом. У этой твари за экраном устрашающий вид... Ну и черт с ней!

— Буду рад обменяться информацией, — ответил он. — Нешкет — это его планета? Или как?

Латимер даже переменился в лице.

— Ну что вы делаете! — пробормотал он. — Ради себя же самого, отвечайте, как вам было сказано.

Фолкейн обнажил в усмешке зубы.

— Бедный ты маменькин сыночек! — воскликнул он. — Дрожишь за свою шкуру, а? Мне-то особо терять нечего!

«Врешь, приятель, — мысленно оборвал он себя. — Жизнь тебе терять вовсе не хочется. Ой как не хочется! А у Гэхуда, похоже, темперамент, как у атомной бомбы. Вот если бы мне удалось пройти по доске над пропастью...»

Некий бесенок внутри него прокомментировал: «Какой поток метафор! Юмор висельника, а, дружок?»

— В конце концов, — сказал Фолкейн вслух, глядя в искаженное страхом лицо Латимера и на бластер в его руке, — рано или поздно вы столкнетесь с Лигой. В схватке или как еще — этого я не знаю. Ну, так отчего же вы не хотите поговорить со мной? В бою ведь ответ один — торпеда в борт, а так, глядишь, что-нибудь да выясните.

Гэхуд что-то пробурчал. Латимер ответил. Лицо его было мокрым от пота. Хозяин положил руку на рукоять ножа, фыркнул и бросил короткую фразу.

Латимер сказал:

— Вы не понимаете, Тумс. Дело в том, что вы забрались на принадлежащую Гэхуду территорию. Он выказал редкую сдержанность, не уничтожив ваш корабль на месте. Поверьте мне. Мало кто из его родичей обладает подобным терпением. Но и у него оно скоро лопнет.

«Его территория, вот как? — подумал Фолкейн. — Не настолько же он в самом деле глуп, чтобы полагать, будто Лига испугается одной его эскадры и забудет про Сатану? Вполне возможно, что по их законам он получает приоритет перед своими сородичами, оказавшись тут раньше них. Скорей же всего — это авангард. Отправили сюда первое, что подвернулось под руку. А эта женщина — как ее там, сестра Теи Белдэниэл, — отправилась за подмогой. Или она связалась с другим минотавром? Судя по поведению Латимера, Гэхуд его хозяин... Ну что ж, блефую, похоже, не я один. Гэхуд, наверно, горит желанием прихлопнуть меня как муху. Латимер из-за этого и паникует. Ему-то от моей гранаты никуда не деться. Однако пока Гэхуд сдерживается.

Видно, хочет припугнуть меня и выудить побольше сведений».

— Кстати, — сказал Фолкейн, — раз уж вы переводчик, не вижу причины, почему бы вам самому не ответить на пару моих вопросов. Вам ведь впрямую это не запрещено?

— Н-н-нет... Я... — Латимер судорожно вздохнул. — Я могу вам сказать... э... название, которое было упомянуто... это... э... поместье.

Гэхуд что-то проревел.

— А теперь отвечайте мне! Вы прибыли с самой Земли?

— Да. Нас отправили исследовать планету-бродягу. — Утверждение, будто «Через пень-колоду» натолкнулся на Сатану случайно, прозвучало бы слишком неправдоподобно. Кроме того, непонятно было бы, при чем тут Лига, готовая отомстить.

Гэхуд, через Латимера:

— Как вы узнали о ее существовании?

Фолкейн, лукаво:

— Да вы, небось, все локти себе искусали, когда обнаружили нас здесь? Вы ведь рассчитывали, что у вас полно времени. Хотели сделать планету неприступной, а? Учтите, друзья, во всей Галактике нет ничего такого, к чему Лига не смогла бы приступить. Как называется ваша родная планета?

Гэхуд:

— Ваш ответ уклончив. Откуда вы узнали? Сколько вас здесь? Каковы ваши дальнейшие планы?

Фолкейн — молчание.

Латимер, сглотнув:

— Э... Не вижу в этом большой беды. Планета называется Датина, народ, живущий на ней, — шенны. В буквах Общего Алфавита: ДАТИНА и ШЕННЫ. Единственное число — шенн. Приблизительно слова эти означают «мир» и «народ».

Фолкейн:

— Обычное дело.

Про себя он отметил, что шенны живут на своей планете. Быть может, у них есть несколько колоний, но вряд ли много. Живут и не высовываются. Иначе разведчики Лиги обнаружили бы их давным-давно. Из этого, естественно, не следует, что они перестают быть врагами — быть может, смертельными врагами человечества. Те сведения, которые для них добывала «СИ», не говоря уж о самом создании фирмы, подтверждают как раз обратное. Одна-единственная планета, как следует вооруженная и искусно ведомая, может взять верх над всей Лигой, вместе взятой, ибо способна причинить значительный ущерб. Даже если ее в конце концов и одолеют, она наверняка успеет уничтожить целые миры с их обитателями.

«Если Гэхуд типичный их представитель, эти шенны запросто могут выкинуть что-нибудь этакое, — подумал Фолкейн. — Слишком, черт побери, много неизвестных, да и противоречий хватает! Ну почему они примчались сюда на такой скорости? Где та пресловутая выдержка, где-то долготерпение, с которым создавалась «Сирйндипити»? Куда это все вдруг пропало? Чего ради, если уж на то пошло, они поставили на карту свою судьбу — и проиграли, между прочим, — похищая меня?»

— Говорите! — взвизгнул Латимер. — Отвечайте на его вопросы!

— Что? А-а, вопросы, — не торопясь повторил Фолкейн. — Боюсь, что не смогу этого сделать. Мне известно лишь, что наши корабли получили приказ вылететь сюда, проверить ситуацию и доложить по возвращении. Нас предупредили, что кто-нибудь может попробовать перебежать нам дорогу. И все. — Он почесал переносицу и моргнул. — Наше командование отнюдь не жаждет открыть вам, сколько мы о вас уже знаем... откуда и как к нам попала эта информация.

Латимер вздрогнул и, круто повернувшись, принялся что-то объяснять Гэхуду.

Пожалуй, тот был ошеломлен не меньше своего прислужника. Вряд ли он станет утверждать, что Фолкейн врет. Или станет? Он может сделать все что угодно.

Фолкейн застыл в напряжении.

Его выручили тренированные мышцы. Гэхуд отдал приказ. Робот тихонько скользнул к человеку. Тот краем глаза заметил его движение и метнулся в сторону. Опоздай он на долю секунды, и его левая рука оказалась бы в металлических тисках.

Фолкейн вжался в угол.

— Бездари! — прокомментировал он.

Робот снова направился было к нему.

— Эй, Латимер, если эта штука сделает еще хоть шаг, я отпущу палец. Отзовите своего железного пса, или нам обоим крышка!

Латимер пробормотал команду — робот остановился. Тут вмешался Гэхуд: по его приказу машина начала отступать и пятилась до тех пор, пока не уперлась в стену. Минотавр топнул ногой, замахал руками, ноздри его широко раздулись — он гневался, укрывшись за экраном.

Дуло бластера было направлено в грудь Фолкейну. Но рука Латимера дрожала, лицо его исказила гримаса страха. Пусть он посвятил свою жизнь Датине, пусть он готов пожертвовать собой, возникни такая необходимость, — поведение хозяина, так свободно рисковавшего этой жизнью, вряд ли было ему по душе.

— Кончайте, Тумс, — проблеял он. — Со всем кораблем вам не справиться.

— Пока у меня кое-что получается, — откликнулся Фолкейн. Ему пришлось сделать над собой громадное усилие, чтобы голос не дрожал. — И потом, вы же знаете, что я не один.

— Какой-то крошечный разведкатер... Хотя постойте, вы говорили про других! Кто они? Сколько их? Где они прячутся?

— Вы на самом деле думаете, что я вам все это выложу? Ладно, слушайте и переводите все в точности. Когда мы обнаружили вас, мой корабль отправили установить с вами контакт. Лига предпочитает торговать, а не воевать. Но если дело доходит до драки, мы не успокаиваемся, пока от противника не останется камня на камне. Вы достаточно прожили в Содружестве, Латимер, чтобы подтвердить правоту моих слов. Мне приказано передать вам следующее. Наши заправилы хотят встретиться с вами. Время и место выберите сами и потом сообщите в секретариат Лиги. Кроме того, я должен вас предостеречь относительно беты Креста. Мы здесь были первыми; территория эта — наша, и наш флот уничтожит всякого, кто осмелится посягнуть на наши права. Теперь я возвращаюсь на свой звездолет, а вам советую отправиться восвояси и хорошенько поразмыслить над всем этим на досуге.

Латимер окончательно сник.

— Я не могу... не могу... перевести ему это слово в слово.

— Ну, так не переводите, — Фолкейн пожал плечами. Гэхуд наклонил голову, топнул ногой и взревел. — Однако если вы спросите меня, то он как будто начинает проявлять нетерпение.

Запинаясь на каждом слове, Латимер заговорил с шенном.

«Наверняка смягчит мои выражения, — подумал Фолкейн. — Бедняга. На Луне-то он действовал смело, а здесь его так запугали, что он превратился в раба во всех смыслах. И даже наркотиками накачивать не пришлось, не то, что меня. Омерзительное зрелище. А где-то в уголке сознания притаился беззвучный вопль: выпустят они меня или убьют?»

Гэхуд взревел снова, да так громко, что ушам Фолкейна стало больно. По каюте пошло гулять эхо. Датинец ухватился за низ экрана. При установленной на корабле силе тяжести экран этот весил не меньше тонны, но Гэхуд приподнял его и что-то крикнул. Латимер, спотыкаясь, бросился к нему.

«Вот оно, — понял Фолкейн. — Он запустит под экран своего раба, снова закроет вход, а потом прикажет роботу схватить меня. Я его оскорбил и потому должен умереть. Ради этого можно пожертвовать и роботом, и обстановкой...»

Тело его отреагировало мгновенно. Он находился дальше от двери, чем Латимер, и ему еще надо было миновать робота. Но молодость, тренированные мышцы, привычка к работе в скафандре и жажда жизни сделали свое. У витрилового экрана он оказался одновременно с Латимером. Экран стоял теперь почти вертикально; между ним и палубой образовался проем шириной не меньше метра. Державший его зверюга не сразу сообразил, что к чему, и Фолкейн успел проскочить внутрь.

И тут же откатился в сторону. Гэхуд отпустил экран, который с грохотом встал на прежнее место, и ринулся на него.

— Нет, нет! — крикнул он. — Уберите его, Латимер! Иначе он станет третьим слоем в нашем с вами пироге!

Раб бросился на хозяина, пытаясь его остановить. Шенн отшвырнул его от себя и прижал к полу. Скафандр с лязгом ударился о металл палубы. Это как будто привело Гэхуда в чувство. Он замер.

Немая сцена. Латимер в полуобморочном состоянии корчился под ногами датинца; из носа у него текла кровь. Минотавр в упор глядел на Фолкейна; грудь его высоко вздымалась, воздух со свистом вырывался из ноздрей. Гермесец стоял в нескольких шагах от него, посреди почти не отличавшейся от первой каюты. Светлые волосы его прилипли к мокрому от пота лбу. Он ухмыльнулся и помахал зажатой в руке гранатой.

— Так-то лучше, — сказал он. — Гораздо лучше. Стойте смирно, вы оба. Латимер, я возьму вашу пушку.

Раб попытался было дотянуться до бластера, который лежал неподалеку, но не смог. Гэхуд наступил на оружие ногой и заворчал.

— Ну и держи его... на здоровье, — сказал Фолкейн. Да, кем-кем, а идиотом этого детину не назовешь. Завладей Фолкейн бластером — и граната ему больше ни к чему. Ну да ладно, все равно им деваться некуда. — Проводите-ка меня до саней. Если надумаете звать своих роботов или добрых молодцев, в общем кого угодно, предупреждаю сразу: взорву ко всем чертям!

Латимер кряхтя поднялся.

— Добрых молодцев? — озадаченно спросил он. Потом до него дошло. — А, членов экипажа. Нет, мы не будем их звать. — Он перевел свои слова датинцу.

Фолкейн внешне оставался бесстрастным, но внутри у него все пело. Реакция Латимера подтверждала его подозрения, которые превратились почти в уверенность, когда никто не прибежал в каюту на шум и даже не запросил, в чем дело, по телекому.

Гэхуд и Латимер были одни. Флагманский звездолет, подобно всем другим кораблям, был полностью автоматическим.

Но это невозможно!

Хотя, хотя... А если предположить, что на Датине — или в этом Гэхудовом поместье — ощущается острая нехватка, так сказать, в людях? Шенны вряд ли ожидали, что у беты Креста окажется звездолет Лиги. У них ведь нет оснований думать, будто тайна «СИ» раскрыта. Разумеется, они должны были учитывать возможность встречи с противником, но сочли, видно, что с ним справятся и роботы.

(Причем небезосновательно. «СИ» наверняка известила их, что если Техноцивилизация затевает сколь-нибудь серьезную экспедицию, то оповещает об этом все подвластные ей миры. Поэтому вероятность встречи с Космофлотом была в этом случае крайне мала.)

Скорее всего Гэхуд решил не затруднять себя подбором команды — наверно, это показалось ему пустой тратой времени, а взял с собой всех своих роботов. Единственным

живым его спутником был человек, который доставил ему весточку, — раб.

Что же это за цивилизация такая — испытывающая недостаток в профессионалах, плюющая на научное изучение новой планеты и в то же время в области кибернетики оставившая Содружество далеко за спиной?

Гэхуд бросил на пол витриловый экран. Раздался оглушительный грохот. Робот стоял как вкопанный. Фолкейн вслед за своими пленниками пересек переднюю, спустился по гравиколодцу и прошел по коридору до шлюза.

Времени, чтобы составить план, у него по дороге было достаточно.

— Так, — сказал он, — я бы взял в заложники вас обоих, но боюсь, Гэхуд раздавит мое суденышко. Понятно, Латимер?

— Нет! — отшатнулся тот.

— Да. Мне нужна гарантия, что меня не подстрелят на обратном пути.

— Но неужели вы не понимаете? Мои... то, что я знаю... что вы можете узнать от меня... он не допустит этого!

— Я уже все прикинул. По-моему, он не так уж и рвется испепелить вас. Вы нужны ему — и не только как переводчик. Иначе он не взял бы вас с собой.

«В Солнечной системе за тобой закрепилась слава искусного пилота, Хью Латимер. И ты — единственный член его экипажа (надеюсь, он не подозревает, что я об этом догадался). Без тебя ему придется туго, даже со всеми этими роботами. Домой-то он, разумеется, вернуться сможет, а вот осмелится ли он на что-нибудь еще, пока у него есть сомнения, наврал ли я ему насчет армады за моей спиной или нет? В конце концов, откуда мне знать, вдруг вы друзья?»

— Так что, пока вы со мной, я в относительной безопасности. Верно? Прокатитесь до моего звездолета, а там я вас отпущу. Хозяин нащупает вас лучом радара и подберет. Передайте ему, что если по прошествии известного времени он

не обнаружит вас барахтающимся в космосе, то может открывать огонь.

Латимер заколебался.

— Быстрее! — рявкнул Фолкейн. — Переводите, потом скажете мне его решение. Мой палец уже устал.

Откровенно говоря, он опасался, как бы враги его не учинили какую-нибудь каверзу.

— Хорошо, — угрюмо согласился Латимер. — Но бластер я возьму с собой.

— Тогда я не стану выбрасывать гранату. Вот и договорились. Пошли.

Латимер произнес команду. Люк начал медленно закрываться. Фолкейн бросил прощальный взгляд на Гэхуда. Минотавр с ревом бегал по коридору, стуча кулаками по переборкам.

Сани ожидали их. Фолкейн приказал Латимеру лезть внутрь, выразительно кивнув на гранату, потом забрался сам. Они кое-как разместились в кокпите. Управлять санями в такой тесноте можно было лишь одной рукой, поэтому старт у Фолкейна получился неуклюжим. Выбравшись из порта, он предоставил кораблик его собственной воле, а сам принялся вызывать «Через пень-колоду».

— Дэвид! — раздался в наушниках голос Чи Лан. — Ты свободен! Ян-тай-и-лирх-ю!

— Нам с тобой придется улепетывать во все лопатки, — сказал он по-английски, чтобы понял Латимер. — Дай мне направляющий луч. Будь готова втянуть меня на борт и запустить двигатели. Да, кстати, сначала мне надо будет высадить пассажира.

— Заложник, что ли? Пень, хватит валять дурака. Слышал, что приказал капитан?

Через минуту Фолкейн передал управление автопилоту. Сани двигались ровно; гигантская тень линкора постепенно отдалялась. Гермесец поглядел на поникшего Латимера.

Тот сидел, сгорбившись и прджав ноги; лицевой щиток его шлема посверкивал в тусклом мерцании звезд и огоньков на панели управления. Бластер уперся ему в живот.

— Вряд ли Гэхуд начнет в нас палить, — сказал Фолкейн тихо.

— Сейчас — да, — устало отозвался Латимер.

— Ну-ну. Как насчет расслабиться? Прогулка нам предстоит довольно нудная.

— А как же эта штуковина у вас в руке?

— Мне она не помешает. Это такая же мера предосторожности, как и ваш бластер. Но мы можем открыть шлемы, угостить друг друга сигаретами...

— Не курю, — заявил Латимер. — Однако... — Вслед за Фолкейном он поднял лицевой щиток. — Да. Хорошо... разжаться. — Он вздохнул.

— Зла я на вас не держу, — сказал Фолкейн не вполне искренно. — Мне просто хочется, чтобы дело не закончилось стычкой.

— Мне тоже. Я восхищен вашим мужеством. Вы вели себя в этой ситуации почти как шенн.

— Может, вы мне объясните в общих чертах, из-за чего весь переполох?

— Нет, — Латимер снова вздохнул, — лучше уж я вообще замолчу. Только вот... как там они? Мои друзья из «Сиринди-пити»?

— Ну, дела у них обстоят...

Латимер уселся поудобнее, и Фолкейн понял, что у него есть шанс. По правде сказать, он готов был ждать, сколько понадобится, готов был даже отказаться от своей задумки, если не представится подходящего момента. Сани уже настолько отдалились от линкора, что никакой сканер не сможет определить, что происходит в их кокпите. Если не считать направляющего луча Пня и следящего Гэхуда, они предоставлены сами себе.

Латимер притулился рядом с Фолкейном; голова его находилась примерно на уровне плеча гермесца. Бластер лежал на коленях.

— ...вот так, — закончил Фолкейн. А ну! Левый его кулак, утяжеленный зажатой в нем гранатой, ударил по пистолету — тот отлетел к стенке. Правая же рука его змеей проскользнула под открытый лицевой щиток шлема и сдавила горло Латимера.

Глава 17

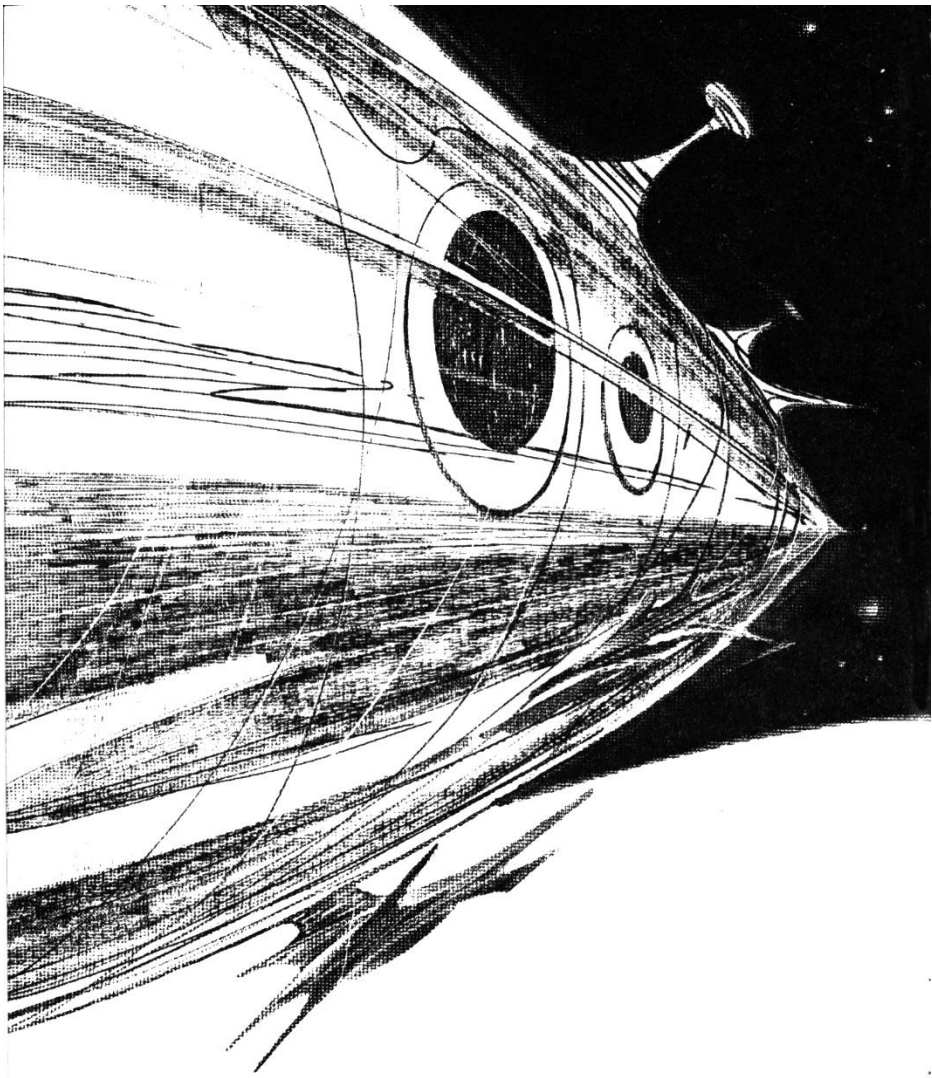
Латимер все-таки успел один раз выстрелить, пытаясь вырваться. Но потом затих.

Тяжело дыша, Фолкейн чуть ослабил хватку.

— Обстоятельства, — пояснил он пространству.

Воздух с шипением вырывался через дырку в борту. Но дырка эта уже начала затягиваться, а резиновые кислородные баки привели давление внутри кокпита в норму. Он засунул бластер себе за пояс и оглянулся. На эскадре шеннов все было спокойно. Да и трудно было предположить, что на таком расстоянии можно заметить короткую вспышку и тонкую завесу водяного тумана.

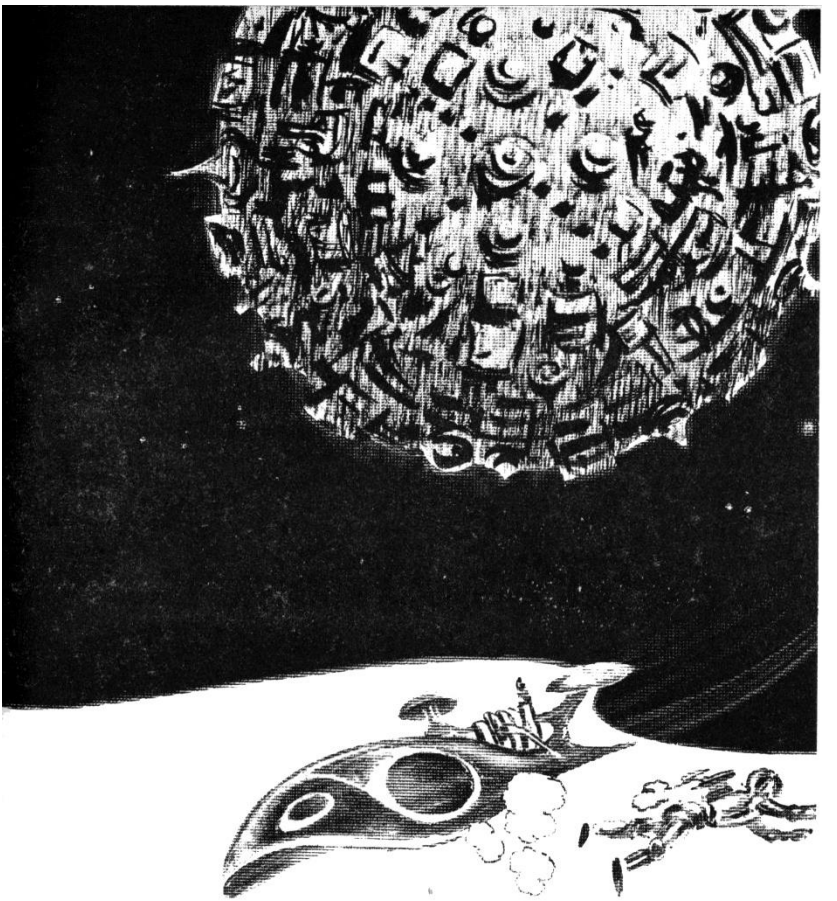
Избавиться от гранаты было потрудней. Фолкейн с помощью двигателей развернул сани перпендикулярно курсу, так, чтобы мини-шлюз был обращен не к линкору. Юшпаны этого шлюза представляли собой набор сфинктерных диафрагм по обеим сторонам жесткого Цилиндра. При подобной конструкции незначительная утечка воздуха была практически постоянной; да и при посадке и высадке терялось довольно большое количество газа. Но этот недостаток компенсировался высокой скоростью саней. Да и, в конце концов, они ведь были предназначены для коротких перебежек по космосу. Закрыв лицевой щиток, Фолкейн уперся ногами в стенку — голова и плечи оказались снаружи. Почти без размаха он швырнул гранату. Та взорвалась на сравнительно

безопасном расстоянии. Пара-тройка осколков срикошетила по обшивке, да и только.

— Хорьки! — бросил он.

Левая рука болела. Он подвигал пальцами, пытаясь расслабить кисть, потом юркнул внутрь саней. Латимер начал

приходить в себя. Волей-неволей — что за грубое обращение с человеком? — Фолкейну пришлось снова чуть его придушить. Так он выиграл несколько секунд, за время которых, успел вывести сани на прежний курс, пока Гэхуд ничего не заметил и не исполнился подозрений.

Он осторожно уселся напротив Латимера, вытащил из-за пояса бластер, открыл свой шлем и стал ждать. Пленник шевельнулся, огляделся, вздрогнул и подобрался словно для броска.

— Не стоит, — сказал Фолкейн. — Или вы умрете. Встаньте. Проберитесь в заднюю часть саней и снимите скафандр.

— Что? Логра доадам! Ах ты, свинья!..

— Живее, — приказал Фолкейн. — Теперь слушайте: убивать вас я не намерен. Мораль и все прочее здесь ни при чем — из вас вышел отличный заложник. Но к Гэхуду вы не вернетесь. Ему придется обойтись без вашей помощи. Если вы попытаетесь помешать мне, я убью вас, как паршивую собаку. Раздевайтесь.

Еще не совсем пришедший в себя Латимер повиновался. Фолкейн заставил его расстегнуть скафандр.

— Мы выкинем его в подходящий момент, и ваш босс решит, что это вы, — пояснил он. — Пока он разберется, что к чему, вас уже тут не будет.

Ответом ему были рычание и гневный взгляд.

— То, что мне рассказывали о вас, людях, правда. Теперь я сам в этом убедился. Злобные, вероломные...

— Засохни, Латимер. Я с вами договоров не подписывал, присяг не приносил. Не так давно вы и сами не прочь были изменить правила переговоров. И гостеприимство в вашем замке на Луне я пока что не забыл.

Латимер отшатнулся.

— Фолкейн, — прошептал он.

— Так точно. Капитан Дэвид Фолкейн собственной персоной. С жалобой на отравление цианистым водородом и с кучей причин подозревать вашу шайку в темных делишках. Или вы станете утверждать, что отправились на прогулку? Ничего себе прогулка! Сиди тихо, пока я тебя не поджарил!

Последнее предложение он произнес таким голосом, что вконец запуганный Латимер застыл в своем углу, даже не пытаясь возражать.

Фолкейн и сам изумился. «Я ведь и в самом деле готов был выполнить свою угрозу. Что за черт? Я же хотел всего лишь припугнуть его, чтобы он не догадался о моих планах

и в отчаянии не бросился на меня. Но эта ярость... О небо!» Он вздрогнул.

Время шло. Вражеские звездолеты становились все меньше, «Через пень-колоду» приближался. Когда сани были почти рядом с кораблем, Фолкейн приказал Латимеру вытолкнуть через мини-шлюз пустой скафандр. Процедура эта была довольно трудоемкой, но Латимер не издал ни звука.

— Возьми нас на борт, Чи, — сказал Фолкейн.

Из корпуса звездолета вырвался гравилуч. Фолкейн отключил двигатель. В борту корабля открылся грузовой люк. Едва сани встали на свое место, защищенные теперь от перегрузок полем тяготения «Через пень-колоду», Чи перевела двигатели на полную мощность. Корпус звездолета мелко задрожал; послышался ровный гул.

Цинтианка сбежала вниз навстречу людям. Они только что выбрались из саней и стояли теперь, разглядывая один другого в холодном свете ламп. Чи направила на Латимера свой станнер.

— Вот оно как, — пробормотала она. — Я так и предполагала, Дэвид. Куда мы запрем этого клонга?

— В лазарет, — ответил Фолкейн. — Чем скорее мы с ним разберемся, тем лучше. За нами могут устроить погоню, но если мы отправим домой другую нашу капсулу, да еще кое с чем внутри...

Он тут же раскаялся, что произнес это все по-английски. Латимер понял, что с ним хотят сделать, взвизгнул и кинулся грудью на бластер. Движения Фолкейна были стеснены скафандром, и он не успел уклониться от нападения. Мужчины покатились по палубе. Чи Лан угрем проскользнула между ними и оглушила Латимера выстрелом из станнера.

Тело того обмякло. Фолкейн поднялся, тяжело дыша; он дрожал.

— Надолго он отключился?

— На час-другой, — ответила цинтианка. — Но надо приготовить все заранее. — Она сделала паузу. — Я же не психотехник, чтобы так вот, раз — и все. И потом, у нас нет полного набора лекарств, которые в этом деле применяются, и электроэнцефалических индукторов тоже нет. Я не уверена, что смогу много из него выкачать.

— Не сомневаюсь, что ты с ним справишься, — сказал Фолкейн. — Ты же у нас теперь опытный врач. Кстати, с тех пор как ты меня лечила, оставалось полно всяких медикаментов. Узнай у него хотя бы координаты Датины — это их планета.

— Оттащи его наверх. Потом, если только ты в состоянии, возьми на себя управление кораблем.

Фолкейн кивнул. Его начала одолевать усталость — реакция на пережитое напряжение. Тело Латимера показалось ему чудовищно тяжелым. На худом лице пленника застыла страдальческая гримаса, словно в предчувствии того, что его ожидало.

— Дурошлеп, — пробормотал Фолкейн с сарказмом.

Кофе с сандвичем и пять минут под душем, во время которых он по интеркому повествовал о своих похождениях, придали ему сил. На мостике он появился в прекрасном расположении духа.

— Как дела, Пень? — спросил он.

— Что касается нас, то мы на пределе скорости возвращаемся к бродячей планете, — отозвался компьютер. Гэхуд наверняка решит, что они на всех парах мчат под крылышко боевых кораблей. — Состояние систем звездолета удовлетворительное, хотя колебания линейного напряжения в цепи сорок семь свидетельствуют о неисправности регулятора, который нужно будет заменить при первой же посадке в любом космопорту.

— Исправить, — поправил Фолкейн автоматически.

— Заменить, — повторил Пень. — Пока в имеющихся в наличии данных будет утверждаться, что в терминах

предписанного мне словаря мастер ван Рийн поддается описанию, нелогично, чтобы на мою работу влиял, пусть даже отчасти...

— Великий Вилли! Мы можем через час оказаться в облаке радиоактивного газа, а ты требуешь себе новый регулятор напряжения! Может, тебе его еще золотом покрыть?

— Эту возможность я не учитывал. Разумеется, покрыть можно только корпус. Это должно неплохо выглядеть при условии, конечно, что все другие аналогичные блоки будут сделаны подобным образом.

— Заткни мельницу, — сказал Фолкейн. Он крепко закусил черенок трубки. — Что противник?

— Гравилуч с эсминца захватил скафандр; в данный момент последний находится рядом с линкором...

— Который возьмет его на борт, — докончил Фолкейн уверенно. Пока дела идут так, как он и предполагал... пока. У Гэ-худа еще какое-то время уйдет на то, чтобы во всех подробностях растолковать своим кораблям, что от них требуется.

Да, у этих звездолетов высокая скорость и точность наведения на цель, но вот с принятием решений у них туговато. Как и У любых других роботов, построенных любой другой цивилизацией. И вовсе не из-за отсутствия мистических жизненных сил. Дело тут скорее всего в физической организации живого существа. Помимо мозга, органов чувств и, если можно так выразиться, эффекторов, то бишь рук, щупалец и тому подобного — систем, которыми обладает любой робот, — в организме живого существа имеются всякие разные железы, лимфатические узлы, сердце, наконец. Другими словами, организм этот есть ультрасложный комплекс инстинктов, развившихся за биллионы лет безжалостной эволюции. Живое существо мыслит не с исключительной полнотой, но способно к самым отвлеченным абстракциям, цели свои оно определяет само, а потому может их бесконечно варьировать. Робот же выполняет только то, для чего он предназначен. Самообучающиеся машины вышли за эти

пределы и даже где-то приблизились к настоящему интеллекту. Но все равно — они остаются в определенных рамках, и рамки эти значительно уже, чем у существ, создавших такие машины.

Естественно, если поставленная перед роботом задача соответствует его назначению, он выполняет ее куда лучше, чем живое существо. Прикажи Гэхуд своим кораблям уничтожить «Через пень-колоду», и спор рас будут решать звездолеты, компьютеры и орудийные стволы.

Ой ли?

Фолкейн сидел размышляя, барабаня пальцами по подлокотнику кресла; едкий дым трубки окутывал мерцающие на экранах звезды.

Голос Чи прервал его раздумья:

— Твой подопечный лежит на столе. Внутривенная инъекция ему сделана, мозг и блуждающий нерв на контроле, аппарат поддержания жизни готов. Я сделала все, что могла. Разбудить его электрошоком?

— Подожди немного. Для него это будет слишком тяжело. Нам ни к чему причинять ему вред, если без этого можно обойтись.

— Это почему еще?

Фолкейн выдохнул:

— Объясню как-нибудь в другой раз. Просто, мне кажется, если мы будем обращаться с ним аккуратно, нам больше удастся узнать.

— Тогда уж лучше обратиться в хорошо оборудованную лабораторию.

— Это будет нарушением закона, причем столь серьезным, что вряд ли кто согласится на него пойти. Так что придется уж нам самим... Мы, правда, тоже нарушаем закон, но на это могут посмотреть сквозь пальцы, благо мы за тридевять земель от цивилизованных миров. Вот чего я не могу сказать, так это, даст ли Гэхуд нам несколько дней передышки, чтобы ты успела произвести полный анализ.

— Кстати, какое у тебя от него впечатление?

— В душу я к нему не заглядывал. Но даже будь я с ним хорошо знаком — а я знаю только, что он кидается на противника, как бык на красную тряпку, — даже тогда мне трудно было бы что-либо утверждать. С одной стороны, у нас на борту остался в качестве заложника его доверенный слуга. К тому же у него есть причины подозревать, что у Сатаны нас ожидают друзья. Так что он может плюнуть на потери, вернуться домой и сообщить обо всем своим родичам. С другой стороны, он может быть настолько смел, разгневан, напуган, что Латимер откроет нам нечто жизненно важное для него, что нападет на нас.

— Предположим, он поступит именно так.

— Нам придется улепетывать во всю мочь. Хочешь жить — умей вертеться. Быть может, нам удастся сбить его со следа где-нибудь в облаке Прайора. А может, мы просто оставим за спиной его тяжелые корабли, и он сам отзовет эсминцы, когда... Что там? Докладывай!

На экране замелькали огоньки. Пень сообщил:

— Они преследуют нас.

— Точка рандеву? — потребовала Чи.

— Произвести полный и точный расчет, учитывая скорость, с которой мы движемся, пока не представляется возможным. Однако, — компьютер сделал паузу, — да, эсминцы следуют параллельным курсом с чуть большим ускорением. При такой скорости они нагонят нас менее чем через одну астрономическую единицу.

— А палить начнут и того раньше, — заключила Чи. — Пойду-ка я к Латимеру.

— Давай, — согласился Фолкейн неохотно; он уже пожалел, что захватил пленника.

— Включи гипера, — посоветовала через некоторое время Чи по интеркому.

— Рано еще, — сказал Фолкейн.

— Чи-ин-пао?

— Мы пока в безопасности. Продолжай движение к Сатане, Пень. Быть может, они захотят проверить мои слова.

— Ты так считаешь? — скептически осведомилась цинтианка.

— Нет, — признался Фолкейн. — Но что мы теряем?

«Немногое, — ответил он сам себе. — Шансов выбраться из этой заварухи живым мало. Однако на данный момент я ничего не могу сделать».

Храбрость в нем воспитали, а вот стремление радоваться жизни было у Фолкейна врожденным.

Теперь он проводил время, выделяя отдельные факты из окружавшей его действительности. Звезды ярко сияли в космической ночи. Корабль представлялся ему малым домом, заполненным рокотом двигателей, шумом вентиляторов, запахом химикалий, музыкой — если есть желание ее слушать, — всякими разными безделушками, которые он набрал за годы скитаний. Привкус табака приятно пощипывал нёбо. При вдохе грудь его расширялась, воздух проходил через ноздри и оказывался в легких. Кресло просело под его телом; и даже сидя он продолжал поигрывать мускулами, продолжая этот бесконечный танец, в котором партнершей его была Вселенная. Рукава комбинезона, в который он переоделся, были чуточку шершавыми, и кожа на одной руке зачесалась. Сердце его билось быстрее, чем обычно, но привычно гулко, и это его радовало.

Его охватывали воспоминания. Мать, отец, сестры, братья, придворные, старые, много на своем веку перевидавшие солдаты, крестьяне, большие залы родового замка на Гермесе. Охота в лесу, купание в волнах прибоя, кони, лодки, авиетки, звездолеты. Роскошные застолья. Кусок черного хлеба с сыром, бутылка дешевого вина, ночь с симпатичной девчонкой... Неужели женщин и в самом деле было так много? Да. Как здорово! Однако в последнее время он все чаще и чаще мечтал встретить такую девушку, с которой можно было бы дружить, как вот с Чи или с Эдзелом. Но разве мало ему этих друзей? Разве кочевая жизнь от одной дикой планеты к другой не спаяла их в одно целое?

И что сулит эта, быть может, последняя в его жизни — Сатана? Пусть повезет тому, кто захватит бродягу — кем бы он ни был.

Откуда им знать, что это такое? Они ведь никогда не были на ее поверхности. Откровенно говоря, Гэхуда вряд ли можно винить. Ему ведь тоже не терпится узнать, что это за планета. Тот факт, что мне это известно, что я на нее высаживался, лишь подстегивает его...

«Ну-ка, ну-ка! Не упустить бы эту мысль! Я ведь уже думал о чем-то подобном, но тогда Чи перебила меня...»

Фолкейн забыл обо всем на свете. Вдруг из интеркома раздался встревоженный голос цинтианки:

— Эй, ты чего?

— А? — Человек вздрогнул. — Нет, ничего, нормально. Как дела?

— Латимер отвечает мне, но пока бессвязно. Его состояние хуже, чем я полагала.

— Психический шок, — не раздумывая, поставил диагноз Фолкейн. — Его заставили предать хозяина — отчасти даже бога.

— Мне кажется, я смогу подержать его в таком состоянии достаточно долго, чтобы он ответил на пару вопросов. Что там враг, Пень?

— Эсминцы сократили расстояние, — доложил компьютер. — Как скоро они откроют огонь, зависит от типа их оружий. Но по моим расчетам это произойдет скоро.

— Попытайся вызвать по радио линкор, — приказал Фолкейн. — Может, они... он пойдет на переговоры. Тем временем подготовь все к переходу на гипера при первом же признаке атаки. Уходить будем к Сатане.

Чи, по всей видимости, не расслышала его последних слов или была слишком занята, чтобы отреагировать. Из интеркома доносились ее реплики, бессвязное бормотание Латимера, гудение медицинских аппаратов.

— Должен ли звездолет перейти на обычные двигатели, когда мы достигнем планеты? — поинтересовался Пень.

— Да. А пока измени ускорение движения. «Мне нужна почти нулевая кинетическая скорость относительно цели», — сказал Фолкейн.

— Но это означает замедление, — предостерег Пень. — Мы сравнительно быстро окажемся в пределах досягаемости орудий противника.

— Ничего. Как ты считаешь, удастся тебе найти подходящее место для посадки?

— Не уверен. Когда мы улетали, метеорологическая активность и диастрофизм возрастали почти по экспоненте.

— Не горюй. Уж одно-то местечко на целой планете отыскать можно. И потом, ведь в памяти твоей хранятся биллионы битов данных по Сатане — так что ты с ней, можно сказать, знаком. Просмотри-ка их и займись выбором места. Я смогу дать тебе лишь общие указания, а решения ты будешь принимать сам. Ясно?

— Полагаю, что вы хотите знать, полностью ли усвоена предложенная вами программа. Полностью.

— Хорошо, — Фолкейн хлопнул ладонью по ближней консоли и улыбнулся; улыбка вышла почти радостной. — Вот выберемся из этой заварухи, и ты получишь свои золотые регуляторы. Если понадобится, я оплачу их из собственного жалованья.

Изменения силы тяжести внутри корабля не чувствовалось; прежними остались очертания созвездий на экранах дальнего вида; как и раньше, ослепительно сверкала бета Креста. Но показания приборов говорили о том, что звездолет сбавляет скорость. На увеличительных экранах серебряные блестки — корабли Гэхуда — превратились сперва в черточки, потом в игрушечные кораблики и наконец — в боевые звездолеты.

— Есть! — воскликнула Чи.

— Что? — спросил Фолкейн.

— Координаты. В стандартных единицах. Но он потерял сознание. Пожалуй, надо кончать допрос, а то он окочурится.

— Ладно. Да, пристегни его ремнями. Нам, быть может, придется нырнуть в атмосферу Сатаны. Компенсаторы могут и не справиться.

Чи помолчала. Потом задумчиво произнесла:

— Понятно. Ну что ж, неплохо.

Фолкейн принялся грызть черенок трубки. Нет, ждать — это хуже всего. Гэхуд наверняка определил изменение вектора, наверняка заметил эту попытку якобы рандеву, наверняка засек хотя бы один из коммуникационных лучей, тянувшихся на разных частотах к его флагманскому кораблю. Но ничего не изменилось: погоня продолжалась, а ответом Фолкейну был лишь сухой треск помех.

«Только б он отозвался... только б отреагировал... Великое небо, нам вовсе не хочется драться!»

На экранах сверкнула белая вспышка, на мгновение затмившая звезды. Зазвучали колокола тревоги.

— По нам был произведен энергетический залп, — сообщил Пень. — Дисперсия на таком расстоянии достаточно велика, поэтому повреждения — минимальные. Принимаю меры для уклонения от атаки. Противник выпустил несколько ракет. Судя по их поведению, это самонаводящиеся торпеды.

Фолкейн забыл сомнения, страхи и гнев. Он был теперь только воином.

— Уходим на гиперах к Сатане, — сказал он ровным голосом. — На одной десятой мощности.

Небо на экранах задрожало, барабанным перепонкам стало больно от изменившегося ускорения; затем все пришло в норму, лишь пол под ногами дрожал чуть сильнее обычного. Быстрее света звездолет устремился к ослепительной бете Креста.

— Так медленно? — спросила Чи Лан.

— Иначе нельзя, — отозвался Фолкейн. — Я хочу понаблюдать, что они предпримут.

Приборы сообщили, что эскадра противника затерялась где-то в миллионах километров позади.

— Они не перешли сразу на гипера, — подытожил Фолкейн. — Я так думаю, они сначала попытаются более-менее сравняться с нашей кинетической скоростью. Из чего следует, что при первой же возможности они атакуют нас снова.

— Ты думаешь, нам удастся отсидеться на Сатане?

— Не знаю. Я так предполагаю, они остановятся на некотором отдалении от планеты, — Фолкейн отложил трубку. — Будь Гэхуд хоть трижды вспыльчивым, сомнительно, чтобы он очертя голову кинулся в неизвестность вместе со своими роботами. Нет, он подождет, пока не выяснит, как обстоят дела. А время работает на нас.

— Определены импульсы гипердвигателей, — доложил компьютер через несколько минут.

Фолкейн присвистнул.

— Скоренько они замедлились, однако! Ну ладно, ноги в руки и вперед. Нам вовсе ни к чему, чтобы они догнали нас при подходе к Сатане.

Рокот двигателей превратился в перестук барабанов, в грохот, в рев. Пламя беты Креста, казалось, готово было поглотить звездолет. Компьютер сообщил:

— Нас преследует вся эскадра, за исключением одного, предположительно самого большого, корабля. Крейсеры отстали, но эсминцы приближаются. Тем не менее мы достигнем цели на несколько минут раньше.

— Сколько тебе потребуется времени на сканирование планеты и вычисление курса?

Щелк. Щелк-щелк.

— Будет достаточно ста секунд.

— Уменьши скорость настолько, чтобы мы оказались у цели на, скажем, три минуты раньше первого из эсминцев. Спуск в атмосферу начать через сто секунд после перехода в нормальный режим. Скорость — максимально возможная.

Рев двигателей стал чуть тише.

— Ты сам-то пристегнулся, Дэвид? — спросила Чи.

— А?.. Нет, конечно, — Фолкейн только что это заметил.

— Ну, так пристегнись! Ты считаешь, мне очень хочется отскребать потом палубу от этой овсяной каши, которую ты именуешь своими мозгами? Тоже мне, младенец — всему его учить надо!

Фолкейн не сдержал улыбки:

— О себе не забудь, пушистик.

— Пушистик?! Ах ты!.. — на него обрушился поток брани.

Фолкейн сел в пилотское кресло и пристегнул ремни. Чи надо было отвлечь от мысли, что сейчас она не хозяйка своей судьбе. Обитателям Цинтии с этим труднее свыкнуться, чем людям.

Наконец они вышли к бродяге. Звездолет выскочил из гиперпространства. Взревели двигатели, задрожал и застонал металл корпуса — это продолжалось лишь несколько секунд.

Планета была сравнительно близко; по крайней мере, на экранах просматривалась большая часть освещенного полушария. Зрелище было впечатляющее: штормовые облака, молнии, обезумевшие ветры, вулканы, лавины, наводнения, гигантские волны, вздыбившиеся вдруг посреди океанов и распадающиеся на клочья пены; плотная стена дождя, града, обломков камней — один сплошной катаклизм под демоническим диском звезды. На миг Фолкейну показалось, что на всей планете нет места, куда мог бы сесть корабль, и он приготовился к смерти.

Но звездолет Лиги продолжал движение. По похожей на траекторию кометы орбите он устремился к Северному полюсу. Постепенно опускаясь, он вошел в верхние слои атмосферы, которым полагалось быть разреженными — но от соприкосновения с которыми корабль вздрогнул.

Звездолет окружала тьма, пронзаемая лишь вспышками молний. Фолкейн бросил взгляд на кормовой экран. Показалось ли ему, или он в самом деле заметил акульи формы

кораблей Гэхуда? Клочья облаков затрудняли видимость. Раскаты грома, грохот, звон металла наполнили корабль, заполнили череп человека, проникли к нему в душу. Установленные внутри корпуса регуляторы поля не справлялись уже с нагрузкой. Палуба дрожала, раскачивалась, уходила из-под ног, круто вздымалась вверх. Что-то ударилось обо что-то и разбилось. Замигали лампочки.

Фолкейн попытался разглядеть приборную доску. Так, источники ядерной энергии за кормой приближаются... ба, все девятнадцать! Гэхуд не хочет упускать добычу.

Они были предназначены для ведения воздушных боев. Они получили приказ догнать и уничтожить земной звездолет. Они были роботами.

Они не умели размышлять. У них не было данных, которые подсказали бы, насколько опасна эта планета. Они не имели приказа ожидать дальнейших распоряжений, если обстановка вдруг изменится. Кроме того, они засекли маневрирующий в атмосфере корабль, который был меньше их по размерам.

И устремились за ним на полной скорости.

Пень определил приближающийся ураган и вычислил его силу и направление движения. Это был обычный ураган со скоростью километров двести — триста в час, нечто вроде мертвой зоны в могучей буре, полосовавшей сейчас континент и гнавшей перед собой чуть ли не пол-океана. Никакой звездолет, имей он даже на борту самообучающийся компьютер со всеми необходимыми данными, не смог бы долго противостоять этой буре.

А эсминцы столкнулись с ней грудь в грудь. Шторм подхватил их, как ноябрьский ветер в северных краях Земли подхватывает опавшие листья. С некоторыми из них он еще поиграл, то роняя их до края облаков, то подкидывая до верхней своей границы, и лишь потом отшвырнул. Другие корабли разнесло на кусочки камнями, которые увлек за собой шторм, и они затерялись во вспененном воздухе. Третьи разбились о горные склоны. Те обломки, что не унесла с

собой буря, упали на грунт и через неделю превратятся в грязь, пыль, песок. Словно и не бывало этих девятнадцати боевых кораблей.

— Вверх! — гаркнул Фолкейн. — Определи положение крейсеров! Используй облачное прикрытие! Вряд ли они нас обнаружат за таким клубком разрядов.

Звездолет накренился так, что Фолкейну стало дурно. Медленно, сражаясь за каждый сантиметр, «Через пень-колоду» начал подниматься. Случайно он натолкнулся на воздушное течение, которое повлекло его за собой над всеми бурями, но под обширным слоем конденсирующегося пара, турбулентные массы которого превращали небосвод в подобие ада. Радарам звездолета вся эта плотная облачная масса была нипочем. Они засекли противника.

Крейсеры не собирались совершать посадку на планету. Они оставались на орбите на случай возможного нападения из космоса. Все их датчики, все их приборы прощупывали пространство. Расположились они неосторожно близко друг к другу. Это ведь тоже были корабли-роботы, строители которых веровали больше в силу, чем в разум.

Фолкейн выпустил три из четырех своих ядерных торпед. Две достигли цели, третья была перехвачена на полпути. Скрепя сердце он пожертвовал четвертой, последней. Судя по показаниям приборов, она угодила почти в «яблочко».

Подбитый крейсер начал отступать. К нему присоединился линкор, зловещая туша которого маячила на полудюжине экранов. Оба звездолета перешли на гипердвигатели и исчезли в направлении Циркуля.

Фолкейн заулюлюкал.

Постепенно он успокоился.

— Выбираемся в космос, Пень. Рассчитай орбиту сразу за атмосферой. Двигатели — на самую малую мощность. Ни к чему напоминать о себе Гэхуду. Вдруг ему взбредет в голову вернуться?

— Как по-твоему, что он предположил? — голос Чи был таким слабым, что Фолкейн едва расслышал вопрос.

— Не знаю. Все что угодно. Он мог решить, что у нас имеется некое тайное оружие. Он мог решить, что мы нарочно заманили его эсминцы вниз на верную гибель, а торпедами его атаковали наши приятели. А может, ему открылась истина, но он решил, что, раз его эскадра наголову разбита и что вот-вот тут может появиться флот Лиги, ему лучше смотать удочки.

— Значит, мы его перехитрили, а? — в усталом голосе Чи послышалась нотка торжества.

— Кто это «мы», котеночек?

— Я ведь раздобыла для тебя эти координаты. Самые, разрази их гром, важные сведения из всех, что нам удалось получить.

— Верно, — согласился Фолкейн, — считай, что я попросил прощения. Как Латимер?

— Мертв!

— Что? — Фолкейн выпрямился. — Почему?

— Когда мы кувыркались, аппарат поддержания жизни вышел из строя. А в том состоянии, в котором находился его организм... В любом случае сейчас предпринимать что-либо уже поздно: слишком много времени прошло.

Фолкейн представил себе равнодушный жест, которым Чи Лан сопроводила свои слова. Она, наверное, думает: «Жалко, конечно. Но главное-то мы у него успели узнать. И сами остались в живых».

Мысли его перескочили на другое: «Бедняга. Ну что ж, я отомстил. Отомстил за свое унижение. Но не скажу, чтобы я был от этого в восторге».

Было непривычно тихо. Звездолет вышел в открытый космос, и на экранах снова засверкали звезды.

Фолкейн поймал себя на том, что не испытывает больше сожаления. Его переполняла радость победы. Ничего, они отдадут своему врагу последние почести, и тело его

исчезнет в грозном пламени красавицы звезды. А потом «Через пень-колоду» направится к Земле.

«Нет, — мысль словно ожгла его. — Нет. Домой нам возвращаться еще слишком рано».

Ведь борьба за выживание только началась.

Глава 18

Природа хорошо продумала свои законы, и потому новые научные открытия редко отменяют их. В большинстве случаев они становятся приближениями или исключениями или требуют точного описания. Поэтому — хотя, расширив свои познания в физике, мы получили возможность делать то, что Эйнштейн считал невозможным, например, пересекать расстояние в один световой год менее чем за два часа, — выведенные им ограничения на одновременность не потеряли своего значения. Неважно, какой скорости мы можем достичь — все равно величина ее останется конечной.

Именно это и пытался доказать Эдзел.

— Спрашивать, что делают наши друзья «сейчас», когда нас разделяет межзвездное пространство, не совсем корректно. Конечно, вот они вернутся, и мы сверим часы и обнаружим, что время на борту их корабля текло так же. Но сравнивать любой временной интервал у нас с любым временным интервалом у них там — это значит брать с потолка.

— Ха! — хмыкнул Николас ван Рийн, взмахнув руками. — Ха! Возьми свой ответ хоть оттуда же, но объясни мне, в чем дело. Черт побери, они улетели четыре месяца назад! Но до этой — как там ее, беги Креста? — всего-то две недели лету! Не иначе как на той планете ледники из пива да из бренди, — что еще могло бы задержать этих паршивцев!

— Понимаю вашу озабоченность, — сказал Эдзел спокойно. — По правде сказать, мне тоже немного не по себе. Но передаточная капсула — это не звездолет типа «Через пень-колоду»: она движется куда медленнее. Отправь они одну такую капсулу сразу по прибытии на место, она вот-вот

должна появиться в Солнечной системе. Однако по логике вещей вряд ли они поступили именно так. Дэвид наверняка уже оправился — по крайней мере настолько, чтобы понять, что вы постараетесь выкачать из компьютера «СИ» всю ту информацию, которую некогда получил сам. Ради чего тогда тратить капсулу лишь затем, чтобы известить нас о существовании бродяги? Нет, они с Чи Лан сперва соберут достаточно сведений, а потом уж все остальное. Если им повезет, они избегнут опасностей, связанных с отправлением письменного сообщения. Вероятно, они на пути домой... и скоро прибудут... если прибудут вообще...

Его огромное чешуйчатое тело оторвалось от палубы, на которой он лежал, отдыхая. Согнувшись в три погибели, он встал; хвост его очутился в соседнем помещении. Звонко зацокали по металлу палубы копыта. Он сделал несколько кругов вокруг капитанского мостика, потом остановился и бросил взгляд на экраны, опоясывающие по периметру, отсек.

Звездолет двигался в открытый космос, постепенно наращивая скорость. Земля с Луной превратились уже в две точки — голубую и золотую; Солнце заметно уменьшилось в размерах. Впереди мерцали звезды южной половины небосвода. На носовом экране, нацеленном на созвездие Циркуля, возник какой-то загадочный предмет. Но взгляд Эдзела был устремлен в другую сторону: одинит разглядывал вторую по яркости звезду Южного Креста.

— Можно вернуться и подождать, — предложил он. — Быть может, сударыня Белдэниэл согласится взять назад свою угрозу отменить встречу. Быть может, угроза эта — одни лишь слова?

— Нет, — отозвался ван Рийн из глубины своего кресла. — Как будто нет. Как я выяснил, пока мы тут с ней толковали, она слов на ветер не бросает. Палец ей в рот не клади — мигом откусит. Так что нам лучше поверить ей, если она говорит, что ее боссы не особенно-то рвутся встретиться с нами, и что она не может гарантировать их явку на место

рандеву, и что если мы сделаем что-нибудь такое, что не понравится им или ей, и она отсоветует им вступать в переговоры, то они со всех ног бросятся обратно домой.

Он пыхнул трубкой, добавив еще один клуб дыма к той голубой завесе, которая уже окутывала мостик.

— Нам о них практически ничего не известно, тогда как они знают о нас очень много, — продолжил он. — Эрго: когда дело дойдет до встречи и до обмена мыслями, мы будем покупателями на рынке продавца и сможем только вежливо попросить их, чтобы они не заламывали слишком высокую цену, — закончил он мрачно.

— Если вы так волнуетесь за Дэвида с Чи, — сказал Эдзел, — можно ведь еще до того, как мы перейдем на гипера, связаться по радио с базой и выслать им на подмогу еще парочку кораблей.

— Это ни к чему, пока мы не получим от них вопль о помощи или если долгое время не будет никаких вестей. Опыта им не занимать, так что любая планета должна быть им по плечу.

А если у них что и случилось, то спешить на помощь, боюсь, все равно уже слишком поздно.

— Я имел в виду подмогу на случай встречи с противником. Они ведь запросто могли столкнуться с боевыми звездолетами, — помните, те двое владельцев «Сириндипити», которые смылись несколько недель назад?

— Ну и сколько же кораблей ты предлагаешь выслать? Парочкой здесь не обойдешься, — ван Рийн покачал головой, — в сражении всегда побеждает кто-то один, дракоша. Боевых звездолетов у нас мало. Что хоть несколько из них вернутся назад — маловероятно. Нет, в открытом бою нам не справиться с этими не известными пока что злодеями, которым так хочется лишить нас тяжким потом добытых денег.

— Денег! — Кончик хвоста Эдзела с сухим треском шлепнул о палубу. Его низкий голос был непривычно резок. — Да если б вы только известили Содружество, сил у нас было бы предостаточно, — ведь тогда мы могли бы обратиться за

помощью к Космофлоту! Чем больше я думаю об этом вашем молчании, тем больше с ужасом убеждаюсь, что вы готовы подвергнуть опасности целые планеты, всю цивилизацию — биллионы биллионов разумных существ... лишь бы никто не нарушил вашу монополию!

— Ну-ну, лошадка, — ван Рийн поднял ладонь. — Не такой уж я злыдень. Если все наше общество провалится в тартарары, на чем же я буду делать деньги? А? Кроме того, у меня есть совесть. Забитая, правда, и протравленная табаком, но все-таки совесть. Волей-неволей мне все равно однажды придется держать ответ перед Господом, — он указал на вырезанную из песчаника маленькую статуэтку святого Дисмаса, которую обычно брал с собой в дорогу. Она стояла на полке; свечи в суматохе сборов взять забыли, но их с успехом заменяли несколько приткнувшихся у основания статуэтки и весело перемигивавшихся огоньками коммутационных панелей. Он перекрестился.

— Так что, — продолжался, — мне приходится решать, для кого что будет лучше. Ты можешь быть убежден в чем угодно, но решать приходится мне. Мой бедный старый мозг, который так притомился, — он должен решить, что нам делать дальше. Даже если я решу, что отныне решения у нас принимаешь ты, все равно это будет мое решение, и мне придется за него отвечать. А как мне кажется, ты не особенно стремишься принять на себя эту ответственность.

— Откровенно говоря, нет, — признался Эдзел. — Меня она пугает. Но вы впадаете в гордыню, принимая ее бремя только на свои плечи.

— А кто с этим справится лучше меня? Ты слишком наивен, слишком доверчив, чтобы тебе можно было поручить это дело. Другие в большинстве своем идиоты, паникеры, либо уперлись лбом в какую-нибудь там политическую теорию или скупы и жестоки... а что касается меня, так я попрошу вон того своего приятеля похлопотать за меня на небесах. Кстати сказать, я и в этой жизни завел немало знакомств. У меня за пазухой целая куча народу, причем всем

им я рассказал о нашем дельце — ровно столько, сколько счел нужным.

Ван Рийн откинулся на спинку кресла.

— Эдзел, — сказал он, — дальше по коридору ты найдешь охладитель с пивом. Будь паинькой, принеси мне одну бутылку, и я тебе изложу все по порядку, раз уж ты не присутствовал при разговорах, которые я вел. Да и потом, надо ж как-то вознаградить тебя за долготерпение. Из моих слов ты поймешь, как мне пришлось вертеться...

Тот, кто не боится смерти и не помышляет о ней, может стать сильнее, чем он есть на самом деле, ибо тогда недостатка в предложениях сотрудничать у него не будет.

Владельцы «Сириндипити» пали, но не на самое дно. Они потеряли многое, но кое-что у них осталось. Например, коммуникационная система, компьютеры и банки данных. Если б они решили уничтожить все это, а не продавать, то удержать их было бы трудно, скорее всего невозможно. И речь бы в этом случае шла не просто о деньгах. От услуг фирмы зависело очень много ключевых производств, да и потенциальных клиентов у «СИ» было не меньше. Короче говоря, уничтожение фирмы обернулось бы экономическим крахом, из-за которого серьезно пострадали бы и Лига, и Содружество, и союзные им народы. Жизнь, разумеется, продолжалась бы, но произошел бы невиданный доселе спад производства, причем растянувшийся неизвестно на сколько лет.

Естественно, в информосистеме не содержалось никаких сведений о ее хозяевах. Правда, кое-какие выводы можно было сделать, проанализировать логические цепи, но толку от этого было чуть. Однако внимательное изучение собранных данных дало бы некоторое представление о том минимуме знаний, которые имеют эти хозяева о Технической цивилизации. Поэтому партнеры потребовали за свои машины довольно внушительную сумму и особо оговорили

следующее: их должны отпустить на все четыре стороны и не пытаться проследить, куда они направятся.

Ван Рийн же, в свою очередь, потребовал себе компенсации за организацию их отлета. Он буквально рыл землю, пытаясь узнать хоть что-нибудь о шеннах — до одного из самоназваний этого народа ему удалось докопаться. Он заявил, что ищет встречи с ними. Перед тем как Ким Юн Кун, Анастасия Геррера и Ева Латимер покинули Солнечную систему, он заручился их обещанием поторопить своих владык, чтобы те отправили делегацию. Место встречи партнеры не назвали. Это должна была сделать оставшаяся на Луне Тея Белдэниэл, да и то, если сочтет нужным.

Кроме того, обе стороны стремились избежать огласки. Ни «Сириндипити», ни ван Рийну не хотелось, чтобы этим делом заинтересовалось какое-нибудь правительство... во всяком случае пока. Иными словами, угрожая один другому обнародовать факты, противники держали друг друга за горло. Поскольку ван Рийн, случись подобное, как будто потерял бы меньше, чем «СИ», козырь в его руках был старше козыря Теи. По крайней мере, он настойчиво ее в этом убеждал и вроде бы преуспел. Она заплатила ему за молчание тем, что помогла получить от компьютеров всю информацию насчет беты Креста и планеты-бродяги — все сведения, которые были в свое время сообщены Фолкейну.

Казалось бы, после этого всякие отношения должны прекратиться, но случилось совсем наоборот. Отчасти это произошло из-за того, что нужно было юридически оформить продажу фирмы и отшить агентства новостей, стремившихся вызнать подоплеку событий. Отчасти же потому, что этого не хотелось ван Рийну. Ему нужно было выгадать время — чтобы дождаться сообщения от «Через пень-колоду», чтобы решить, кому и что шепнуть на ушко, чтобы сообразить, что следует предпринять для защиты от почти неведомой опасности. Время, чтобы начать приготовления, втихую, но не слишком... Тее же — или ее хозяевам — было выгодно, чтобы делегация Лиги вылетела к месту рандеву

возможно раньше. В любом случае Ким успеет предостеречь шеннов, а вот у ван Рийна будет меньше времени на плетение своих сетей.

Она объяснила ему, что у шеннов нет особых причин вести с кем-то дела. Раз их шпионская система раскрыта, они могут начать искать встречи с хорошо информированным человеком, например с ним, ван Рийном; могут, оценив изменившуюся ситуацию, вступить в переговоры по разделу сфер влияния. Но могут ничего этого не делать. Могущества им не занимать; поэтому чего ради идти на уступки дикарям-людям? Она предложила торговцу, чтобы он отправился к месту рандеву один, на корабле, который она выберет сама и обзорные экраны которого будут отключены. Он отказался.

Потом внезапно она прервала переговоры, заявив, что в течение ближайшей недели они должны вылететь. Ван Рийн взвыл, но Тея твердо стояла на своем. Мол, так они с партнерами решили, когда определяли место встречи, которое подошло бы их владыкам. Если его все это не устраивает, то ему просто не укажут дорогу, вот и все.

Ван Рийн начал угрожать. Он заявил, что у него найдутся другие способы встретиться с шеннами. Снова начались торги. У Теи были свои основания желать скорого отправления экспедиции. Она полагала, что так будет лучше для ее хозяев, — во всяком случае, даст им дополнительные преимущества. Но была и другая причина, не столь возвышенная, но тем не менее важная: экспедиция эта доставит ее домой, а иначе она обречена кончить жизнь на чужбине.

Она уступила в некоторых пунктах.

Наконец была достигнута следующая договоренность: Тея летит вместе с ван Рийном, которого сопровождает не кто иной, как Эдзел. (Ван Рийн выговорил его себе в товарищи, заявив, что Лига будет серьезно ослаблена его, ван Рийна, отсутствием, что даст шеннам перевес.) Время отлета назначает она. Однако путешествовать они будут вслепую. Как только корабль перейдет на гипердвигатели, она

проинструктирует робопилота и даст ему координаты, причем ван Рийну слушать все это не возбраняется, ибо все равно летят они не на родную планету шеннов. Но она не желает рисковать и потому отказывается лететь на звездолете, который он приготовил: там вполне может быть спрятан какой-нибудь коммуникационный эжектор, следящее устройство — да все что угодно. Ван Рийн высказал ей недоверие по тем же самым вопросам. Они сошлись на том, что совместно закажут только что построенный на негуманоидной верфи корабль с полной экипировкой. Вскоре они обнаружили именно такое судно, только что возвратившееся из испытательного полета и теперь предлагавшееся покупателям.

Оформив все надлежащим образом, они сели на борт пассажирского лайнера, совершавшего рейсы внутри Солнечной системы, проверили друг у друга багаж и улетели, когда таможня дала добро на старт.

Это Эдзелу было известно. В закулисной деятельности ван Рийна он участия не принимал. Однако вовсе не удивился, узнав, что во все концы обслуживаемой Компанией специй и спиртных напитков территории были направлены специальные курьеры — с распоряжением для самых надежных торговых агентов, управителей регионов, шефов «полиции» и для других более темных личностей. Но Эдзел не представлял себе, до какой степени возбуждены торговые принцы Лиги. Разумеется, всего им не сказали. Но сделано это было не столько для того, чтобы сохранить в тайне существование бродяги, сколько для того, чтобы непредусмотрительная алчность и назойливость не помешали проведению оборонительных мероприятий. Магнатов предостерегли, что где-то за гранью известного мира имеется могущественная и, быть может, враждебная цивилизация. Некоторым из них более подробно разъяснили роль «Сириндипити», и от всех потребовали помощи.

Этого оказалось достаточно для привлечения внимания правительств! Перемещения боевых эскадр Лиги не могли

пройти незамеченными. Всякие запросы, естественно, более или менее вежливо отвергались. Но государственные армейские подразделения не могли оставаться безучастными к происходящему. Эскадры Лиги группировались поблизости от наиболее важных планет; это заставило армейских чинов увеличить в тех районах численность войск.

Но на случай тотальной войны этого было мало. Поэтому торговые короли под покровом глубокой тайны повели переговоры с владыками, светскими и духовными, которые по закону — по многим, часто совершенно различным между собой законодательствам разных народов и культур — стояли над ними. Однако на данный момент переговоры эти зашли в тупик: слишком много было неизвестных — ведь даже существование опасного врага оставалось пока что недоказанным. И потому на свет вытащили старые обиды и разногласия. Ван Рийн просто вынужден был нарушить закон — ибо от взывания к общественным идеалам и здравому смыслу не было проку.

Так что дела шли крайне медленно. И вряд ли что-либо изменится — во всяком случае, пока не пройдут времена воинствующих ангелов — борцов за справедливость против Лиги.

Громадные расстояния, маломощные линии коммуникаций, разбросанные в пространстве и столь не похожие друг на друга планеты. Еще никто и никогда не пытался поднять все эти миры одновременно. Не только потому, что это было не нужно, нет — это представлялось невозможным.

— Я сделал, что смог, — сказал ван Рийн, — причем не зная, надо ли. Быть может, месяца через три-четыре — или года через три-четыре — камешек, который я бросил, и вызовет лавину. Быть может, всякий тогда будет готов отразить любой удар. А может, и нет.

Сведения, которыми не смог воспользоваться, я оставил в надежном месте. Если я не вернусь, они будут опубликованы. И тогда — ха-ха! — тогда может случиться абсолютно все! В ту игру, которой сейчас заняты лишь некоторые,

окажется втянутым множество игроков. А по правилу, которое было установлено столетия назад, чем больше игроков, тем меньше смысла в игре.

Мы с тобой отправляемся прямо сейчас и постараемся сделать то, что окажется нам по силам. Если нам по силам окажется только крах — ну что ж, здешний муравейник-то мы разворошили в любом случае. Может, не очень сильно. Может, достаточно. Verolockt, чтоб ее черти взяли, эту ведьму Белдэниэл! Она таки своего добилась.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 19

Гипердвигатели мчали звездолет сквозь космическую ночь. От цели его отделяло около трех недель полета.

Сначала Тея держалась настороженно, редко покидала свою каюту и мало говорила, ограничиваясь в основном приветствиями при случайных встречах да просьбами за столом. Ван Рийн на нее не нажимал. Но сам он за едой и после — за бутылкой вина или бренди — говорил почти непрерывно. Он пускался в воспоминания, рассказывал приходившие на ум забавные историйки — впрочем, надо признать, что иногда он заводил разговор и о серьезных вещах. Не оставался в стороне и Эдзел, частенько отпускавший замечания по поводу той или иной фразы своего босса. В общем, ван Рийн вел себя так, словно находился в приятельских отношениях не только с вежливым драконокентавром, но и с этой худощавой, нервной, неулыбчивой женщиной.

Сперва она сразу после еды вставала из-за стола, но потом слушать россказни торговца вошло у нее едва ли не в привычку. Делать больше было нечего; за подрагивающим металлом корпуса на биллионы световых лет раскинулся безбрежный океан одиночества; а ван Рийн так и сыпал

полуправдоподобными легендами о событиях, по большей части Тее неизвестных.

— К тому белому карлику мы приблизиться не могли, потому что радиация там была выше головы... да, кванты разбегались от него во все стороны, как блохи с тонущего пса... но деваться нам было некуда — иначе нашей бедной компашке пришел бы конец. По-моему, я, так сказать, попался на крючок судьбы. Но — клянусь небом! — мысль об этом крючке заставила меня предположить, что мы могли бы...

Чего Тея не знала, так это того, что перед каждым разговором Эдзел получал подробные инструкции: что говорить, о чем спрашивать, на что возражать и, что подтверждать. Иными словами, ван Рийн раз за разом пробовал на Тее Белдэниэл свои домашние заготовки.

В скором времени он мог уже сказать, какие темы интересуют ее и доставляют удовольствие, а какие вызывают скуку или раздражают. Вне всякого сомнения, она старалась запомнить все, что, по ее мнению, было бы полезным для шеннов. Но, с другой стороны, она должна была понимать, что трудно говорить о пользе там, где нет возможности отделить вымысел от истины. Поэтому, как заметил ван Рийн, постепенно она забросила эти свои попытки и стала просто слушать его басни. Особенно много ценного для себя он выяснил, наблюдая за ее реакцией на манеру изложения. Ведь одно дело, когда вы рассказываете холодно, отстраненно, безразлично, и совсем другое — когда с шутками, с прибаутками или задумчиво, или ласково, или поэтически (таким образом ван Рийн стремился передать речь других); короче говоря, рассказывать можно по-всякому. Разумеется, он не перескакивал с одного тона на другой — нет, переход совершался медленно и плавно.

Прошло не больше недели, а он уже выяснил все, что хотел. Теперь он знал, как действовать, и необходимость привлекать к разговорам Эдзела отпала. Тея довольно охотно отвечала ему.

Они по-прежнему оставались врагами. Но ван Рийн превратился в противника, которого нельзя недооценивать — которого надо уважать. И все чаще и чаще стала она задумываться, не сумеет ли он найти общий язык с ее владыками.

— Конечно же, я хочу договориться, — сказал он ей добродушно. — Из-за чего нам воевать? В Галактике ведь сотни две или три биллионов звезд. Места всем хватит, а? — Он махнул Эдзелу, и тот, как было договорено заранее, отправился за коньяком. Попробовав принесенный напиток, ван Рийн взревел: — О-о-ох! И ты хочешь предложить эту гадость нашей доброй приятельнице, у которой такое нежное горлышко? Прочь с глаз моих вместе с этой бутылкой! Принеси другую, да смотри выбирай! Ты что, очумел, — зачем ее выбрасывать? Да, братец, у тебя, наверно, и мозг зарос чешуей! Нет, мы доставим ее домой и предъявим виноторговцу — и ох как он у нас попляшет! — На самом деле коньяк был великолепный, и ван Рийн собирался потом вдвоем с одинитом распить эту бутылку. Ему просто надо было произвести впечатление. Разве Юпитер не ярится по пустякам?

— С чего это ваши шенны нас боятся? — спросил он у нее в другой раз.

Тея вскинулась.

— Нет! Ничто не может их испугать! — (Ну точно, Юпитер и ревностная его жрица. По крайней мере, на первый взгляд. Хотя отношения между ними вполне могут быть куда более сложными, да и Юпитер скорее всего не бог, а дикарский идол.) — Они осторожны... скромны... мудры... и потому хотели сначала узнать людей.

— Так-так-так. Не сердитесь, ладно? Как я могу, говоря про них, выбирать правильные слова, если вы мне ничего не рассказываете?

— Я не могу, — она судорожно сглотнула и заломила руки. — Я не должна, — и бросилась в свою каюту.

Ван Рийн пошел за ней. Когда ему это было нужно, он мог передвигаться совсем неслышно. Массивная дверь ее

каюты была заперта. Но ван Рийн вставил себе в ухо транзисторный усилитель звука, сделанный по образцу слуховых аппаратов, применявшихся до разработки регенерационных технологий. Некоторое время он стоял под дверью, вслушиваясь в рыдания Теи, не испытывая ни раскаяния, ни злорадства. Ну что ж, слезы — явное подтверждение ее смятения. Сломить ее окончательно за оставшиеся несколько дней пути вряд ли удастся, но кое-что, если не особенно давить, выяснить будет можно.

При следующей встрече он постарался развеселить ее. А после ужина, за десертом, предложил ей немного выпить. Эдзел тихонько вышел из отсека и отправился на мостик; там он с полчаса колдовал над главной панелью управления, регулируя силу освещения в салоне. В помещении воцарился романтический полумрак, но произошло это так постепенно, что Тея ничего и не заметила. Ван Рийн вытащил откуда-то проигрыватель, заявив, что без музыки еда не еда. «Вечерняя программа» состояла из специально отобранных мелодий вроде «Последней весны», «Воздуха Лондондерри», «Блюза вечерней звезды». Названий, однако, ван Рийн не упомянул. Бедняга, она настолько оторвалась от своего народа, что названия эти были бы для нее пустым звуком. Но мелодии — совсем другое дело.

Физически он ее не желал. Хотя и признался себе, что теперь, когда напряжение первых дней пути спало, она стала довольно привлекательной, несмотря на этот свой белый балахон. Красивой он ее не назвал бы; к тому же он предпочитал гораздо более плотных женщин. Но интерес оживил правильные черты ее лица и зажег огоньки в действительно прекрасных зеленых глазах. Когда она заговаривала с ним, улыбаясь просто оттого, что говорит со знакомым человеком, голос ее становился глубже. Любая подобная попытка всего лишь оттолкнула бы ее. Нет, он замыслил более изощренное обольщение.

— ...Они воспитали нас, — произнесла она мечтательно. — О, я знаю земной жаргон, знаю, что нас называли

чокнутыми. Но, по правде сказать, что есть норма, Николас? Да, мы отличаемся от других людей. Но ведь человеческая натура многообразна. По-моему, вы не можете назвать нас извращенцами — с тем же успехом мы могли бы сказать то же самое о вас, ибо вы выросли в другой культурной среде. Мы здоровы и счастливы.

Ван Рийн вопросительно приподнял бровь.

— Счастливы! — повторила она громче, выпрямившись. — Мы рады и горды служить нашим... нашим спасителям.

— Уж больно громко женщина клянется, — пробормотал он.

— Что?

— Это строка из одного древнего стихотворения. Вам оно вряд ли известно. Я просто хочу сказать, что мне очень интересно. Вы мне никогда не рассказывали о своем прошлом — ну, кораблекрушение и все такое прочее.

— Да, но мы говорили об этом с Дэви Фолкейном... когда он гостил у нас, — на ресницах ее вдруг заблестели слезы. Она закрыла глаза, помотала головой и единым духом осушила свой стаканчик. Ван Рийн налил ей еще. — Он был такой милый, — проговорила она. — Я вовсе не хотела причинить ему зла. Никто из нас этого не хотел. И не наша вина, что его... его... его отправили на верную смерть. Вы! Как мне хочется, чтобы ему повезло.

Ван Рийн сделал вид, что не заметил оговорки. Ведь из слов ее следовало, что Латимер и ее сестра отправились к шеннам не просто так и что те ничуть не замедлят с посылкой к бете Креста своей экспедиции. Он проворчал:

— Раз уж вы так с ним подружились, неприятно, должно быть, было ему лгать?

— Не понимаю, о чем вы, — она изумленно взглянула на него.

— Вы, именно вы, обвели его вокруг пальца, — сказал ван Рийн, отнюдь не обвиняя. — Но стреляного воробья на мякине не проведешь. Я в эти ваши басни насчет радиации и того, как вас потом нашли, не верю. Если шенны хотели

просто помочь вам вернуться домой, к чему тогда эти шпионские страсти? Кстати сказать, уж больно вы им послушны, уж больно верны. Да, вы были бы им признательны, но ни за что не стали бы шпионить за своими собратьями, которые не причинили вам никакого вреда, — если только вы не попали в руки чужаков совсем младенцами. Вывод, отсюда следующий: они заполучили вас к себе совсем малявками. А?

— Ну, знаете...

— Не горячитесь, — ван Рийн поднял свой стакан и поглядел сквозь него на свет. — Я человек простой и от всей души стремлюсь к пониманию, чтобы можно было уладить это дело, не прибегая к оружию. Мне не нужны никакие действительные тайны шеннов. Но, скажем вот, название их планеты...

— Датина...

— Ага. Ну так вот, сказав это слово, вы ведь ни себе, ни им плохо не сделали. Правильно? Если мы не будем все время ходить вокруг да около, нам станет легче общаться друг с другом. О'кей, вы попали к шеннам младенцами, и они воспитали вас, преследуя свои цели. Почему вы не хотите признать этого? Как вы воспитывались и где; любые, даже самые незначительные детальки позволят мне понять вас и ваших приятелей, Тея?

— Ничего серьезного я вам открыть не могу.

— Знаю. Какая звезда у Датины, вы мне точно не скажете. Ну а образ жизни? У вас было счастливое детство?

— Да-да. Первое, что я помню... Истэйян, один из сыновей моего хозяина, взял меня с собой... ему нужен был кто-то, чтобы нести оружие. Там оружие есть даже у грудничков. Мы забрались в разрушенную часть огромного древнего здания... В высокой башне мы обнаружили машины, только чуть заржавевшие... Солнечный лучик проник внутрь через отверстие в крыше, и я засмеялась, когда он отразился от металла и по стенам запрыгали зайчики... А из окна видна была пустыня, как будто... — Глаза ее широко раскрылись.

Она прижала к губам ладонь. — Я слишком много говорю. Пожалуй, пора идти спать.

— Не торопись, ты так прекрасна, — сказал ван Рийн. — Это строка из еще одного старинного стихотворения, и оно означает: останьтесь, дорогая, и выпейте мадеры. Мы же ни о чем серьезном не говорим. Кстати, если не было никакого звездолета с колонизированной планеты, откуда вы взялись?

Краска сошла с ее лица.

— Доброй ночи! — бросила она и опрометью кинулась в свою каюту. Однако теперь ван Рийн мог бы приказать ей остаться, и она повиновалась бы, ибо подчиняться ее приучили с самых ранних лет. Но он не стал этого делать, поскольку продолжение расспросов привело бы лишь к истерике.

Очутившись вдвоем с Эдзелом в каюте одинита — вернее, это были две каюты, между которыми убрали переборку, — ван Рийн, допивая стаканчик на ночь, пробурчал:

— Кое-что я выяснил. Ну, насчет того народа, который нам угрожает. Правда, в основном про их психологию. Но эти сведения тоже пригодятся. — Он сделал такую гримасу, что усы его встопорщились. — Нас ожидают, мало сказать, неприятности. Это отвратительно. Ужасно.

— Что же вы узнали? — спросил одинит спокойно.

— Эти самые шенны с какой-то целью превратили людей, попавших к ним младенцами, в рабов — нет, в собак. Может, они и с другими существами так поступают, но уж с людьми точно.

— А откуда же они взяли детей?

— Доказательства у меня нет, но голова еще работает, и лучше, чем считает Белдэниэл со своими дружками. Смотри. Мы можем утверждать почти наверняка, что звезда, у которой должно состояться рандеву, расположена рядом с Датиной. Шенны, таким образом, получают преимущество в скорости связи, а мы с тобой остаемся одни, далеко от дома и от любезных Друзей с пушками. Правильно?

Эдзел почесал затылок; звук был довольно неприятный.

— «Рядом» понятие относительное. В окружности с радиусом пятьдесят или даже сто световых лет так много звезд, что мы даже приблизительно не сумеем определить, где планета нашего противника, как он уже навалится на нас.

— Ага-ага. Я просто хочу сказать, что где-то поблизости от места встречи должна быть территория, на которой шенны хозяйничают уже давно. О'кей? Вот что мне вспомнилось: лет этак пятьдесят назад была предпринята попытка основать где-то в том районе колонию. Это была очередная группка утопистов — их в те дни расплодилось немало. И они нашли себе планету у умирающей звезды G-типа и назвали ее, дай Бог памяти, — ага, Леандром. Они хотели избавиться от всех, кто мешает им строить свой собственный рай. И это им удалось. Торговать к ним никто не летал: никакая выручка не окупит затрат на столь дальнее путешествие. У них был один звездолет, на котором они навещали Ифри и Ллинатав — это случалось не чаще раза в году, — и закупали на деньги, которые прихватили с собой, необходимые товары. А потом случилось так, что звездолет долгое время не появлялся ни там, ни там. Кого-то это встревожило, и на Леандр отправили корабль. Планета оказалась покинутой. Единственная деревня на ней полностью выгорела — как и лес на многие километры вокруг, а звездолет пропал. Одно время многие ломали головы над этой загадкой. Я услышал обо всем, когда несколько лет спустя прилетел на Ифри. Естественно, на Земле и на других центральных планетах никто и пальцем не шевельнул.

— И никому не пришла мысль о пиратах? — спросил Эдзел.

— Не знаю. Но чего ради, пиратам, нападать на деревушку у черта на рогах? Кроме того, больше никаких нападений не было. А кто слышал о, так сказать, одноразовых пиратах? Если рассуждать логически, то после того, как пожар уничтожил поля, склады и все остальное, леандрийцы — жить-то как-то надо — отправились за помощью. Они все

забились в свой звездолет и улетели, но в космосе у них случилась какая-то поломка, в результате которой они погибли. Теперь обо всем этом уже прочно забыли. Кому нужен какой-то Леандр, когда и под боком немало шикарных местечек? — Ван Рийн бросил грозный взгляд на стакан, словно тот тоже был его врагом. — Но сегодня я сопоставил все факты. Скорее всего это работа шеннов. Они сперва, наверно, высадились на планету и назвались друзьями, сказав, что лишь недавно начали осваивать пространство. Все изучили, прикинули, что делать. А потом захватили всех и устроили пожар, чтобы замести следы.

— Дальше, мне кажется, было вот что, — прибавил Эдзел мягко. — Они попытались было приручить взрослых пленников.

Но у них ничего не вышло, и они убили этих людей — дети ведь не помнят своих родителей. Наверняка они уничтожили и многих детей — как неподходящий материал. Вполне возможно, что эти шестеро из «Сириндипити» — единственные, кто остался в живых. Поэтому сомнительно, чтобы у шеннов были другие рабы, кроме людей. Ведь таких планет, как Леандр, — раз-два и обчелся.

— В общем, дела хреновые, — заключил ван Рийн. — Расспрашивать Белдэниэл о ее родителях я не могу. Она, быть может, что-то и подозревает, но не позволяет себе об этом думать. Прямо-таки зациклилась на верности шеннам. Кстати, по-моему, она принадлежит одному из них — ну, как собака. — Рука его сжала стакан с такой силой, что будь последний не из витрила, а, скажем, из стекла, ему бы несдобровать. — Они и нас хотят такими сделать, да? — прорычал торговец. — Ну нет уж, клянусь великим небом! — Он осушил стакан. — Что означает: если мне придется тащить их за собой..., то в аду они окажутся раньше! — И воинственно трахнул стаканом об стол.

Глава 20

Планета, назначенная местом встречи, была указана в каталоге. Проверив свои стандартные блоки памяти, корабельный компьютер сообщил ван Рийну, что эта система однажды исследовалась, около ста лет назад. При поверхностном осмотре не было обнаружено ничего интересного, и потому экспедиций сюда больше не предпринималось. (В самом деле, ну что тут делать: семь планет, семь миров со своими лунами и тайнами, три из них обитаемы; жители последних только-только научились обтесывать камни и теперь глядят ночами в звездное небо, раскрыв от изумления рты.) Ведь планетных систем бессчетное множество.

— Я могла бы все это вам рассказать, — заметила Тея, появляясь на мостике.

— А? — Ван Рийн грузно повернулся ей навстречу, сам похожий на небольшую планету.

Она робко улыбнулась. Попытка выказать дружеское расположение получилась неуклюжей — из-за отсутствия опыта.

— Мы выбрали эту планету наугад, но с таким расчетом, чтобы шеннам было удобно.

— Хм. — Ван Рийн дернул себя за бородку. — Это всего лишь предположение, но скажите, вас никогда не страшила возможность того, что я попытаюсь из вас выкачать местоположение Датины?

— Нет. Дело в том, что я этого не знаю. Об этом известно только мужчинам, Киму и Латимеру, да и то их подвергли психообработке, чтобы они случайно не выдали тайну. — Она поглядела на опоясывавшие отсек экраны. — Я могу лишь сказать вам, что некоторые из созвездий мне как будто знакомы. Но вы, верно, уже сами об этом догадались. — Голос ее прервался. Бессознательным жестом она воздела руки к сверкавшим на экранах звездам. — Они — шенны, отвезут меня домой. Быть может, это будет сам Моэт. Эйяр ветийя грэззан толья...

Тихая реплика ван Рийна сразу охладила ее восторг:

— А если они не прилетят? Вы ведь не исключаете такого поворота событий. Что тогда?

Она задохнулась от неожиданности, сжала кулаки и застыла на секунду — воплощенная скорбь; большего отчаяния ему видеть не доводилось. Затем обернулась к торговцу и быстрым движением вложила свои холодные ладони в его руки.

— Вы мне тогда поможете? — произнесла она умоляюще. Потом в глазах ее вспыхнуло пламя. — Нет, Моэт меня не оставит! — Она резко повернулась и торопливо вышла из отсека.

Ван Рийн хмыкнул, бросил взгляд на мертвенным светом сиявшую на переднем экране звезду и достал табакерку, чтобы успокоить нервы.

Предчувствия его не обманули: у Теи в самом деле не было оснований для беспокойства. Приборы корабля определили наличие в пространстве эманации двигателей целой эскадры звездолетов, причем на таком расстоянии, что стало ясно, — они прибыли сюда дня два-три назад. (Это означало, что база их находится в самом крайнем случае немногим далее ста световых лет отсюда — если только скорость кораблей шеннов не превосходила значительно скорость звездолетов Технической цивилизации, а это было маловероятно. Во-первых, если бы шенны не были относительными новичками в космосе, их уже давно так или иначе обнаружили бы. А во-вторых, частоты, на которых работали гипергенераторы, были заполнены до пределов, установленных квантовой теорией.) Едва звездолет ван Рийна оказался в радиусе обнаружения, эскадра противника пришла в движение. Часть кораблей, рассыпавшись веером, умчалась в пространство — наверно, выяснить, нет ли у него сопровождающих. Остальные двинулись ему навстречу. Замерцал кодовый сигнал, который шенны, должно быть, узнали от своих рабов-людей. Ван Рийн подчинился, вывел

корабль из гиперпространства на орбиту вокруг звезды и стал ждать установления связи.

Они все втроем собрались на мостике перед главным внешним переговорным устройством. Тея дрожала, кровь то приливала к ее лицу, то отступала вновь; она не отрывала взгляда от приближавшихся звездолетов. Ван Рийн повернулся к ней спиной.

— Не знаю почему, — пробормотал он на одном из тех языков, который, как они с Эдзелом убедились, Тея не понимала, — но у меня такое чувство, что я не могу подобрать слова, чтобы определить, какие ощущения у меня вызывает ее вид.

— Смятение, нет? — предположил одинит.

— О, так, значит, вот что это такое, да?

— Мы с ней абсолютно не похожи — ни по глубинным инстинктам, ни по воспитанию, — продолжил Эдзел. — Тем не менее я считаю, что недостойно нам в этом случае пялить на нее глаза.

Он принялся рассматривать ближайший звездолет шеннов. Продолговатый силуэт с острыми выступами, напоминавшими плавники, освещенный далеким оранжевым солнцем, частично загораживал собой Млечный Путь.

— Любопытная конструкция, — сказал Эдзел. — От такого корабля не очень-то много толку.

Ван Рийн перешел на английский.

— В самый раз для машин, — заметил он. — И потом, с чего бы целой куче — сколько их там, пятнадцать? — больших, утыканных пушками кораблей, экипаж которых должен исчисляться сотнями, устремляться навстречу маленькому безобидному катерку? Вроде ни к чему, а? Да, если только они не роботы. Мне так кажется, в робототехнике они настоящие чудодеи, эти шенны. И компьютерная система «СИ» — тому подтверждение.

Он все рассчитал верно: обрадованная Тея разговорилась. Она начала хвалиться и петь осанну могучим и

сложным автоматам, составлявшим костяк всей датинской цивилизации. Скорей всего, сказала она, на этой эскадре трое, от силы четверо живых хозяев. Больше и не нужно.

— Даже чтобы пообщаться с нами? — спросил ван Рийн.

— У них каждый говорит сам за себя, — ответила Тея. — Кстати, вы ведь тоже не полномочный посол. Но после разговора с вами они известят своих товарищей. — Она произнесла все это с отсутствующим видом, а потом перешла вдруг на гортанное воркование — очевидно, это был язык шеннов. Ее как прорвало — она никак не могла остановиться.

— Они известят своих товарищей, — повторил Эдзел медленно, снова на непонятном женщине языке. — Из этой фразы следует, что решения в обществе шеннов принимает сравнительно небольшая группа существ. Однако вывод о неограниченной олигархии был бы преждевременным. Олигархи в большинстве случаев предпочитают живые экипажи — вроде нас с вами и по тем же причинам. Каким бы совершенным ни был робот, он все равно останется машиной, придатком живого мозга. В противном же случае, стань роботы вдруг во всем эквивалентными биологическим организмам, зачем их строить?

— Ага, эти рассуждения я слышал, — отозвался ван Рийн. — Природа снабдила нас всем необходимым для порождения новых биологических организмов, и вся эта операция обходится гораздо дешевле и доставляет куда больше удовольствия, чем производство роботов. Но как насчет того компьютера, о котором в свое время столько говорили? Полностью мотивированного в своих действиях и все же намного превосходящего любое существо из плоти и крови?

— Его создание пока возможно лишь теоретически. Откровенно говоря, мне в это не верится. Но даже если предположить, что такой робот существует, — он ведь будет править, а не служить. А шенны отнюдь не производят впечатления слуг при машинах. Иными словами, дело обстоит так: их роботы, быть может, лучше наших, но это всего лишь

роботы. Только этих роботов у них, похоже, гораздо больше, чем у нас; но ведь от присущих этому классу машин ограничений никуда не деться. Они используют их направо и налево, стремясь как-то компенсировать эти самые ограничения. Но почему?

— Малочисленность населения? Это, кстати, объяснило бы, почему решения у них принимают немногие, — если ты прав в своем предположении.

— Ээх-х... Возможно. Хотя мне трудно представить, как малочисленное общество может построить — да даже и сконструировать — столь сложные производства, которые, судя по их кораблям, есть на Датине.

Так они переговаривались между собой, чтобы хоть как-то уменьшить напряжение, прекрасно понимая, насколько шатки все их построения. Когда бортовой компьютер сообщил:

— Получен сигнал, — они оба подскочили. Тея подавила крик.

— Давай, кто бы там ни был, — приказал ван Рийн, стирая с лица пот кружевной манжетой. Зажегся визиэкран. На нем появилось отдаленно похожее на человека существо. Но вздувшиеся мускулы, огромная бычья голова, сверкающая шевелюра, хриплый рев из раскрытой пасти — за всем этим чувствовалась такая мощь, что Эдзел, зашипев, невольно отступил на шаг.

— Моэт! — взвизгнула Тея. Она упала на колени, простирая руки к шенну. По лицу ее струились слезы.

В жизни почему-то все устроено так, что печали и радости приходят не поодиночке, а всегда гурьбой, так, что с ними трудновато бывает совладать. В промежутках же между их приходами время еле тянется и жизнь становится до безобразия обыденной. Ван Рийн частенько беседовал на эту тему со святым Дисмасом, причем в резких тонах, но вразумительного ответа так и не добился.

И теперешнее его состояние лишь подтверждало этот вывод. После того как Тея заявила, что ее владыка Моэт призывает ее к себе на корабль — это был самый большой звездолет эскадры, по размерам напоминавший дредноут и прямо-таки обросший всякими пушками, — и вошла в присланный за ней флиттер, по корабельным часам прошло сорок семь часов двадцать одна минута, в течение которых ничего не случилось. Шенны не выходили на связь и не отвечали на вызовы. Ван Рийн стонал, бранился, ревел, бегал по кораблю, ел шесть раз в день, мошенничал в солитер, напропалую курил и пил, задавая работу очистителям воздуха и мусороуборщикам, и не успокаивался даже от симфонии Моцарта. Наконец он довел Эдзела до белого каления. Захватив с собой еду и книги, одинит заперся в своей каюте и вышел из нее только тогда, когда его компаньон прокричал из-за двери, что чертова ледышка с расплавленными мозгами готова переводить и что теперь он, Николас ван Рийн, будет, может быть, хоть как-то вознагражден за свое ангельское терпение.

Однако, когда Эдзел примчался на мостик, торговец выговаривал Тее с поистине дядюшкиной нежностью:

— Просто удивительно, что все про нас забыли. Мы же прибыли сюда для встречи.

Тея изменилась. Одета она была теперь в свободное белое платье и бурнус; темные контактные линзы защищали ее глаза от яркого света в каюте на борту линкора. Она снова полностью овладела собой. Ответ ее был сухим, даже резковатым:

— Мои повелители шенны подробно расспросили меня, дабы приготовиться к разговору с вами. Как вы видите, на борту корабля нет больше никого из «Сириндипити».

На коленях ван Рийна — так, чтобы прибор не был заметен с экрана передатчика, — лежал скрибблер. Пальцы торговца, похожие на жирные волосатые сосиски, бесшумно двигались по его клавиатуре. Эдзел прочитал на разматывающейся ленте: «Глупо. Откуда им было знать, что с ней, их

связником, все в порядке? Это лишь доказывает, что они сначала делают, а потом думают».

Тея продолжала:

— Кроме того, прежде чем я смогла говорить разумно, я должна была пройти через хаадеру. Я так долго была разлучена со своим владыкой Моэтом. Что такое хаадеру, вам не понять. — Она чуть покраснела, но дрогнул ли ее голос — это могла сказать только машина. — Считайте это церемонией, в которой он признает мою верность ему. Она требует времени. Кстати, у кораблей-разведчиков как раз была возможность определить, что за ними не следовал никакой злоумышленник.

Ван Рийн написал: «Не Юпитер. Минотавр. Голая сила самца».

— Не понимаю, — прошептал Эдзел ему в ухо.

«Вот что такое для нее этот зверюга шенн. Она всего лишь рабыня. Я видел много таких женщин в конторах — старые девы, фанатически преданные своему боссу. Неудивительно, что в шайке «СИ» четыре женщины и всего двое мужчин. Мужчины редко этим соблазняются, если только воля их не сломлена. Сомневаюсь, чтобы у них что-то было между собой. Супружество Латимеров — уловка для отвода глаз. Вся их сексуальная энергия направлена на служение шеннам. Естественно, они этого не осознают».

— Мои владыки выслушают вас, — сказала Тея Белдэниэл. На мгновение в ней проглянуло нечто человеческое. Она подалась вперед и быстро, тихим голосом прибавила: — Будьте осторожны, Николас. Я знаю вашу манеру и буду переводить не ваши слова, но то, что скрывается за ними. Осторожнее, прошу вас. Я не могу им лгать. И потом, они очень вспыльчивы, вы даже представить себе не можете. Я... — она сделала паузу, — я хочу, чтобы вы спокойно возвратились домой. Вы — единственный человек, который когда-либо был добр со мной.

«Ба, — написал он, — оказывается я разыграл из себя минотавра. Я видел, что ей хочется чего-нибудь этакого, но

полагал, что изображаю Юпитера. Она бессознательно реагировала на свои побуждения. Надо было ее вернуть. С ней

обошлись просто мерзко».

Тея махнула рукой. Изображение на экране сменилось. Появился большой зал, где на подушках восседали четыре шенна. Ван Рийн сморгнул и пробормотал сквозь зубы какое-то ругательство. В глазах у него зарябило от пестрой раскраски стен.

— Ну и безвкусица! Такого маразма и в аду не увидишь!

Зал обставлен был с варварской роскошью; однако в ходе разговора, поскольку угол зрения камеры на линкоре все время менялся, Эдзелу удалось разглядеть несколько древних на вид и красивых вещиц.

Одна из лохматых тварей что-то проревела. Съежившаяся, смятенная, но не отрывавшая восхищенного взгляда от шенна по имени Моэт, Тея перевела:

— Вы явились на переговоры. По какому поводу?

— Да так, пустяки, — отозвался ван Рийн, — кой-какая мелочишка, которой мы можем по-дружески поделиться, а не затевать из-за нее раздоры. Быть может, у нас найдется чем торговать или чему научить друг друга. А вдруг вы открыли новый способ согрешить?

Тея начала было переводить, но ее перебили. Шенн произнес довольно длинную фразу, которую она передала следующим образом:

— На что вы жалуетесь?

По реакции ван Рийна и Эдзела Тея поняла, что вот здесь как раз буквальный перевод ни к чему.

— Жалуемся? — взвыл одинит. — Да жалоб столько, что я не знаю, с какой и начать!

— Зато я знаю, черт побери! — вмешался ван Рийн. И пошло-поехало...

Разгорелся спор. Тея бледнела, краснела, ее бросало то в дрожь, то в холод. В чем состояла суть пререканий, в этом не разобрались бы и сами спорщики, ожесточенно пытавшиеся перекричать один другого и упрямо отказывавшиеся слушать. Наконец ван Рийну кое-как удалось определиться, что к чему.

Обвинение: «Сириндипити» была организована для шпионажа за Торгово-технической Лигой в частности и за Технической цивилизацией вообще.

Ответ: шенны предоставили Лиге оборудование, до которого сама она еще не скоро бы додумалась. Насильственная продажа «Сириндипити» является бандитским актом, и шенны требуют за это компенсации.

Обвинение: Дэвид Фолкейн был похищен агентами шеннов и подвергнут промывке мозгов.

Ответ: судьба одного примитивного индивида не заслуживает обсуждения.

Обвинение: шенны поработили одних людей и, предположительно, убили других.

Ответ: людям предоставлена была почетная возможность служения высшим существам, а иначе бы они прозябали до конца своей жизни среди дикарей. Спросите у них самих, если не верите нам.

Обвинение: шенны попытались утаить знания о новой планете от тех, кому они по праву принадлежат.

Ответ: эти знания принадлежат шеннам. Советуем браконьерам поостеречься.

Обвинение: несмотря на свою шпионскую систему, шенны как будто не оценили могущества миров Технической цивилизации и в особенности Лиги, которая не потерпит угроз в свой адрес.

Ответ: и шенны тоже.

В этот момент Тея наконец не выдержала и потеряла сознание. Шенн по имени Моэт встал со своего места, подошел к ней и нагнулся над ее телом. Потом искоса поглядел на экран. Ноздри его раздулись, волосы встали дыбом. Он пробурчал команду. Связь прекратилась. И очень вовремя.

Ван Рийн проснулся так быстро, что успел услышать свой последний храп. Он сел. В каюте было темно, приглушенно гудели вентиляторы. Воздух в помещении был чуть

спертым — никто не потрудился отрегулировать хемосистему. Механический голос повторил:

— Получен сигнал вызова.

— Чтоб тебя! Слышу, слышу, дай только вытащить из постели мое бедное усталое тело. — Металлическая палуба холодила ступни. Посмотрев на фосфоресцирующий циферблат, он увидел, что поспать ему дали совсем мало — шесть часов. А переговоры завершились часов двадцать назад, если только можно назвать этим словом тот обмен любезностями. Кстати, ну и характерец у этих быков-переростков! Для того чтобы строить роботов и звездолеты, цивилизация должна достичь определенного уровня технологического развития, а это невозможно без наличия нескольких качеств — дипломатичности, хотя бы в зачаточной форме, сдержанности, разумного эгоизма. Иначе свернешь себе шею прежде, чем чего-либо достигнешь... Быть может, связь не возобновляли так долго потому, что шенны обуздывали свой темперамент?.. Ван Рийн торопливо зашагал по коридору; полы халата колыхались в такт шагам.

На мостике никого не было. Эдзел, слух которого в условиях земной атмосферы, установленной на корабле, был менее тонким, чем обычно, еще не проснулся. Замолчавший было компьютер ожил:

— Два часа назад в космосе был обнаружен звездолет, следовавший по направлению от Циркуля. Он не вышел еще на постоянную орбиту, но явно находится в контакте с уже наличествующими.

— Заткнись и давай связь, — бросил ван Рийн. Он поглядел на экран. Так, угреподобный эсминец, чуть дальше — крейсер, за ним — светящаяся точка, очевидно, флагман шеннов. Новоприбывшего нигде не видно. Но торговец не сомневался, что вызов связан именно с ним.

Зажегся визиэкран. Посреди залитого светом, заполненного бормотанием машин зала, откуда с ван Рийном разговаривали шенны, стояла Тея Белдэниэл. Торговцу еще не

доводилось видеть ее в таком состоянии. Глаза налились кровью, рот исказила гримаса.

— Бегите! — и с голосом тоже что-то случилось. — Спасайтесь! Они разговаривают с Гэхудом, а приказать роботам, чтобы следили за вами, как будто забыли. Вы можете потихоньку уйти... тихо-тихо... оторветесь хоть немножко. Может, вам удастся затеряться в космосе... Но они убьют вас, если вы останетесь!

Ван Рийн не пошевелился. Его волнение выдавал разве что чуть погрубевший голос:

— Пожалуйста, объясните подробнее.

— Гэхуд... он прилетел один... Хью Латимер мертв или... Я спала у двери в каюте моего повелителя Моэта. Вдруг заработал интерком. Теллам просил Моэта прийти на мостик, Моэта и всех остальных. Он сказал, что с Датины вернулся Гэхуд, тот самый Гэхуд, которого отправляли к гигантской звезде на поиски планеты-бродяги, и вернулся он один, без Латимера. Теллам сказал, что они должны встретиться, выслушать рассказ Гэхуда и решить... — Она нервно сцепила пальцы. — Больше я ничего не знаю, Николас. Моэт мне ничего не приказывал. Я не смогу предать его... их... никогда... но кому будет хуже, если вы останетесь живы? Я слышу их ярость, я ощущаю ее! Я знаю шеннов. Они прикажут своим роботам расстрелять вас. Бегите!

Ван Рийн как будто превратился в статую. Он не произнес ни слова до тех пор, пока Тея немного не овладела собой. Она дрожала, дыхание ее было прерывистым, но пелена безумия спала с глаз. Тогда он спросил:

— Почему вы так уверены, что они убьют нас с Эдзелом? О'кей, они взбешены и не желают дальше переливать из пустого в порожнее. Но не разумнее ли с их стороны было бы захватить нас в плен? Мы ведь кое-что знаем и вполне можем сойти за заложников.

— Вы не понимаете. Я знаю шеннов. Вас будут пытать, наверняка накачают наркотиками... И мне придется помогать им в этом. А потом, когда вы станете для них обузой...

— Они огреют меня по голове чем-нибудь тяжелым. Ага-ага, ясненько. Однако моя старая черепушка еще достаточно крепка. — Ван Рийн подался вперед, легонько опершись пальцами на спинку стула; он в упор глядел на женщину, словно удав на кролика. — Тея, если принять ваш совет, шансов на спасение у нас ничтожно мало. Я готов поспорить на что угодно, что эти эсминцы спокойно нас догонят. Но если мы отправимся на Датину, то, пожалуй, сможем продолжить беседу, когда ваши боссы чуть поостынут. Быть может, у нас еще получится сторговаться с ними. В конце концов, что они теряют, забирая нас с собой? Как вы считаете, удастся вам убедить их не убивать нас, а взять в плен?

— Я... ну, я...

— Спасибо, что предупредили, Тея. Я догадываюсь, чего вам это стоило. Мой вариант, кстати, ничем вам не грозит. А вот если шенны увидят, что мы смылись, и поставят это в вину вам, тогда... Почему бы вам не пойти к вашему Моэту? Скажите ему, что вот они мы, предложите ему направить на нас свои пушки, объявить нас пленниками и отвезти на Датину. Согласится он, по-вашему?

Тея судорожно кивнула — говорить она уже не могла.

— Ладно, тогда отправляйтесь, — он послал ей воздушный поцелуй, так громко при этом причмокнув губами, что жест получился довольно комичным.

Экран погас. Ван Рийн отправился на поиски бутылки и Эд-зела. Но сперва торговец на несколько минут присел перед святым Дисмасом. Если гнев у шеннов возобладает над благоразумием, несмотря на все просьбы и доводы этой женщины, их с Эдзелом уже ничто не спасет.

Глава 21

Перелет на пределе скорости от безымянной звезды к солнцу Датины занял чуть меньше недели.

Плененному кораблю пришлось поднатужиться, чтобы не отстать от окружающих его боевых звездолетов. Но с

этим он справился, и землянин с одинитом получили некоторое представление о возможностях кораблей шеннов.

Ничего другого узнать им не удалось. Они по-прежнему оставались в неведении, что же такое рассказал своим собратьям Гэхуд, из-за чего вся эскадра. ринулась домой. Шенны то и дело принимались допрашивать их по гиперкому. Вопросы были случайными и частенько повторялись, из чего пленники справедливо заключили, что допрашивают их все, кто ни попадя, и когда взбредет в голову. Разговоры эти заканчивались обычно похвальбой и угрозами. Ван Рийн на многие вопросы отвечал искренне, ибо Тея легко могла поймать его на лжи в том, что касалось населенности крупных миров и продуктивности работающих на них производств, целей и задач Торгово-технической Лиги, тех или иных народов и культур... Однако ей явно было неприятно поведение ее владык, и она пыталась придать их словам хотя бы подобие вежливости при переводе. Но ван Рийну не составляло труда вывести ее на чистую воду. Обычно разговор шел таким вот образом:

— Лорду Нимрану хочется побольше узнать о ранней истории Земли, — сказала Тея торговцу. Компьютеры обеих сторон преобразовывали точки-тире в электромагнитные волны. — Особенно его интересуют наследовавшие друг другу цивилизации.

— Вроде греков с минойцами, западного христианского мира с Римской империей или турок с Византией? — уточнил ван Рийн. — Везде все происходило по-разному. И было это давным-давно. Чего это он вдруг заинтересовался?

Он представил себе, как она покраснела.

— Это не ваше дело.

— О, я ничуть не против прочитать ему лекцию. Вот только налью себе еще пивка. Вести беседу всухую... — Ван Рийн заглянул в охладитель, который Эдзел для него перетащил на мостик. — Иди ко мне, моя рыбка.

Эти последние его слова тоже были преобразованы компьютером в гиперимпульсы. ЭВМ на корабле шеннов

переводить не могла, но в память ее был введен лексический минимум английского языка. Так, значит, Тея наверняка скажет Нимрану, что он не ответил на вопрос. Интересно, что сделает минотавр — схватится за пистолет? Когда женщина заговорила вновь, в словах ее послышалась мольба, несмотря на произносивший их механический голос:

— Не злите его. Они становятся просто ужасными, когда рассердятся.

Ван Рийн открыл бутылку и налил пиво в стакан.

— Ага, конечно, конечно, Я только пытаюсь помочь. Однако скажите ему, что мне надо знать точнее, чего он от меня ожидает. И зачем. Мне так кажется, что культура шеннов не породила ученых, интересующихся чем-то просто из любопытства.

— Люди переоценивают любопытство. Это обезьянья привычка.

— Ну как же, ну как же. У каждого свои инстинкты; порой они совпадают с инстинктами другого народа, а порой — нет. Так вот, мне нужно знать основные инстинкты ваших... хм, владельцев, иначе как я могу ответить на их вопрос? Быть может, получится так, что мой ответ будет для них бессмыслицей. Хорошо, вы мне сказали, что на Датине нет настоящей науки. Никто не проявляет интереса к тому, что не может быть употреблено с пользой, съедено, выпито (Ааахх!), продано, — ну и так далее. С вашего разрешения продолжать я не буду, чтобы не оскорблять в вас женщину.

— Вы упрощаете.

— Согласен. Разве можно в нескольких словах описать хотя бы одного индивидуума, не говоря уж о цивилизации? Конечно, упрощаю. Но, грубо говоря, неужели я не прав? Или вы будете утверждать, что в их обществе процветают абстрактные науки?

— Хорошо-хорошо, не буду.

Наступила пауза: скорее всего Тее снова пришлось успокаивать Нимрана.

Ван Рийн отер пену с усов и сказал:

— Отсюда я делаю вывод, что цивилизация у шеннов была лишь одна.

— Да-да. Подождите, я должна договорить с ним.

Через пару минут гиперком снова ожил:

— Если вы будете увиливать от ответа, последствия могут быть самые серьезные.

— Но, милочка, я же сказал вам, что не понял его вопроса. Он спросил меня не из научного любопытства, значит, он полагает, что история смены культур на Земле поможет ему разобраться в ситуации на Датине. Верно?

После секундного колебания:

— Да.

— Отлично, так давайте же установим, чего он хочет. Что его интересует? Как индусы выжили со своих земель прежних хозяев? Как образовались этносы-гибриды вроде арабов или нашей Техноцивилизации? Как одна культура влилась в другую, скажем, Рим в Византию? Что?

Ее ответ был исполнен отчаяния:

— Я сама ничего не знаю об истории Земли.

— Спросите его. Или лучше, давайте я спрошу через вас.

После нескольких подобных разговоров ван Рийн окончательно укрепился в своих подозрениях. Не сами шенны создали ту умопомрачительную кибернетическую структуру, которой они пользовались. Они переняли ее у неких своих предшественников вместе со многим другим. Однако еще больше погибло, ибо шенны были завоевателями, истребителями, дикарями, захватившими здание, воздвигнутое цивилизованными существами, и уничтожили последних (как такое могло случиться?).

Значит, они куда более опасны, чем казалось раньше. И эту опасность не уменьшает даже их травоядность (в результате какой эволюции смогли возникнуть воинственные травоядные?).

У них хватило мозгов, чтобы обратить внимание на рекомендацию компьютера «Сириндипити» относительно

планеты у беты Креста. Они поняли промышленную ценность бродяги. Но их больше заботило, чтобы об этом не догадались другие, чем использование планеты в собственных целях. Ведь они не были ни торговцами, ни сколько-нибудь серьезными промышленниками. Роботы обеспечивали их всем необходимым, строили оборудование и сами за ним присматривали. Поэтому шенны не стремились к коммерческим или культурным контактам с Техноцивилизацией. Даже наоборот — они считали, что сосуществование — невозможно. (Почему?)

Операция с «Сириндипити» была для них типичной. Когда впервые они столкнулись с другими народами, путешествующими по Галактике и колонизирующими планеты, — а произошло это на задворках сферы влияния Техноцивилизации, — они принялись изучать их. Методы их отличались один от другого в пространстве и во времени. Силой они действовали не всегда; когда нужно, шенн может быть ох каким хитрым. Поскольку никто не помнит точного числа планет, обитатели которых вышли в космос, шеннам вовсе ни к чему было признаваться, что они, так сказать, снаружи, и вопросы их не вызывали подозрения.

Тем не менее всей желаемой информации таким вот образом они добыть не смогли. И нашелся гениальный самец, предложивший заслать на вражескую территорию шпионов, да таких, у которых отбоя не будет от предложений в сотрудничестве. Собратья согласились с его идеей. Однако ни у какого шенна не достало бы терпения возиться с этой лавочкой в Луноградe. И дело поручили компьютерам.

Пусть так, но ведь базовые программы для машин и правила поведения для людей составили сами шенны. И здесь снова проявила себя их природа. Если назревает что-то важное, то действовать нужно смело и решительно! Многие другие существа сначала продумали бы все до мелочей. Но не шенны. Им было некогда. Они всегда предпочитали действие выжиданию. Главное — нанести удар, а потери будем считать потом.

У шеннов была причина испытывать недоверие к бродящим по космосу существам иных рас. (А недоверие, естественно, породило в них ненависть.) Сами по себе они были малочисленны. Колонизация других планет продвигалась не очень-то успешно. Четыре пятых взрослого населения их планеты годилось только в помощники — ибо полигеничных изобретательных самцов было в четыре раза меньше, чем тупоголовых, подобострастных самок. Политическая система их общества была чрезвычайно примитивной. Патриархи с замашками баранов управляли громадными поместьями, напоминавшими независимые королевства, и в случае необходимости совещались между собой или что-либо вместе предпринимали — но на строго добровольной основе. И это именовалось государством. Экономическая структура тоже была не лучше. (Как вообще такой народ мог выбраться из палеолита и уничтожить своих предшественников, заполонивших планету машинами и стремившихся к звездам?)

Входящие в Лигу компании обдерут их до последней нитки. Волна поселений не обязательно погребет их под собой — было бы из-за чего стараться, — но наверняка поглотит все мало-мальски пригодные для жизни планеты вокруг Датины. Лучшее, на что могут рассчитывать шенны, — что попадут в число бороздящих космос народов. А таких нынче наберется не одна сотня. Да и то, чтобы добиться хотя бы этого, им придется здорово поднапрячься.

Разумеется, даже одна мысль о подобном развитии событий была для них непереносимой.

Но каким бы нелепым их общество ни казалось, с самими шеннами шутки были плохи. Они были такими же злобными, как бациллы в своем первом нашествии на Европу. Или даже больше — Европа ведь выжила.

Глава 22

Солнце Датины показалось Эдзелу знакомым — средних размеров звезда F-типа, в 5,4 раза ярче Солнца, скорее белая, чем золотистая. Но, проверив показания имеющихся на борту приборов, он не поверил собственным глазам. Повторив исследования, получил те же самые результаты.

— Это не обычная звезда, — сказал он.

— Что, собирается стать новой? — с надеждой поинтересовался ван Рийн.

— К сожалению, нет, — Эдзел увеличил изображение, одновременно убавив яркость. На экране показался диск звезды. Обширная корона сверкала незамутненным перламутровым светом, но на фоне ее метались огненные протуберанцы и плотным сгустком пульсировали пятна. — Смотрите, какое излучение. А этот сложный рисунок? Все свидетельствует о наличии сильного, непостоянного магнитного поля. Ого!.. — На «поверхности» звезды ослепительным светом вспыхнула на мгновение точка размером с булавочную головку. — Ядерный взрыв в фотосфере! Представляете, какие нужны конвекционные течения и плазменные эффекты для того, чтобы он произошел! Спектроскопический анализ подтверждает факты, полученные при визуальном наблюдении, и измерение радиации тоже. Даже там, где мы сейчас находимся, солнечный ветер весьма ощутим. Судя по показаниям приборов, его строение в высокой степени подвержено изменениям. — Мясистые губы Эдзела сложились во встревоженную усмешку. — Мне доводилось слышать о таких звездах, но я и не предполагал, что повезет собственными глазами увидеть одну из них.

— Я вижу, тебе весело, — пробурчал ван Рийн. — Рад за тебя. Когда меня в следующий раз пригласят на похороны, возьму тебя с собой: будешь петь «Хей-нонни-нонни» и приплясывать. Нам-то что от этого?

— У этой звезды не только большие размеры, но и необычный состав: она нашпигована металлами. Возможно,

она образовалась где-нибудь по соседству с недавней Сверхновой. Нормальная эволюция ее усложнена дополнительными процессами синтеза, некоторые из которых закончились расщеплением. Это влияет на внутреннюю структуру звезды, что, в свою очередь, определяет величину излучения. В общем, ее можно назвать нерегулярно переменной звездой. Конечно, это не совсем то, но и подобное случается крайне редко. Если я правильно понял, в данный момент мы наблюдаем послепиковое состояние, продолжающееся вот уже — занх-х-х — несколько тысячелетий.

— Но этот пик не уничтожил жизнь на Датине?

— По всей видимости — нет. Светимость звезды до такой степени как будто не возрастала. Но, разумеется, раз планета попала в поток заряженных частиц, на ней должны были произойти существенные биологические сдвиги.

Ван Рийн что-то буркнул, поудобнее устроился в кресле и протянул руку за трубкой. Когда надо было крепко подумать, он курил именно ее.

Эскадра приблизилась к Датине. Компьютер плененного корабля, выполняя распоряжения экипажа, активировал все датчики и сообщил о бурной деятельности в окружающем пространстве: звездолеты строились, кружили по орбитам, прилетали и улетали. Но Эдзелу было не до того: его внимание целиком захватила планета.

Она была четвертой по счету от Солнца. Период обращения вокруг звезды составлял 2,14 стандартных года на среднем расстоянии в две астрономические единицы.

Масса ее приблизительно равнялась массе Марса: 0,433 земной. Экваториальный диаметр — всего 7950 километров. Несмотря на это и на втрое меньший по сравнению с Землей уровень получаемого тепла и света, Датина имела протяженную кислородно-азотную атмосферу. На больших высотах давление было крайне низким, но на уровне моря даже чуть превышало земное. Такой объем газа объяснялся в первую очередь планетным составом; распространенность

тяжелых элементов обеспечивала чистый удельный вес в 9,4 и поверхностное ускорение в 1,075 см/сек в квадрате. На заре своей юности этот мир, должно быть, подвергся сильной дегазации, ибо богатое металлами ядро, несомненно, растрачивало свою энергию в мощных вулканических извержениях. Ныне же эта энергия и непривычно малый период обращения планеты вокруг своей оси — он равнялся семнадцати с четвертью часам — порождали сильное магнитное поле, защищавшее атмосферу Датины от воздействия солнечной радиации. Задача облегчалась тем, что у планеты шеннов не было спутников.

Отороченная чернотой пространства, Датина представляла собой удивительное зрелище. Гидросфера ее была куда беднее земной: кванты ультрафиолетового излучения звезды расщепили множество молекул воды. Однако континентальные массивы этой планеты были, если можно так выразиться, пологими, и потому вода покрывала примерно половину ее территории. Мелкие, лишенные приливов моря чуть колыхались под красно-желто-коричневым ковром каких-то водорослей.

Поскольку угол наклона планеты к оси был незначительным, а краевой эффект сравнительно небольшим, полярные области мало чем отличались от экваториальных. Но вот нагорья существенно разнились с долинами, что было вовсе не удивительно, если принять во внимание качки атмосферного давления. Почва низин, особенно в прибрежных районах, как будто была плодородной: при максимальном увеличении на обзорном экране видны стали темно-золотистые леса, луга и поля. В горах же не было ничего, кроме камня и льда.

Но плодородные земли были оазисами среди огромных пустынь, где песчаные бури хлестали красные скалы. Пустыни эти возникли сравнительно недавно с геологической, да и с исторической точек зрения, ибо тут и там виднелись башни, развалины древних городов, дороги и линии

электропередач. Песок еще не успел похоронить все это под собой.

— Неужели солнце сожгло эти земли? — тихо, почти шепотом спросил ван Рийн.

— Нет, — отозвался Эдзел. — Причина здесь в другом.

— Почему это?

— Повышение температуры ведет к испарению влаги — следовательно, более интенсивно начинают образовываться облака, увеличивается альбедо. Кроме того, если одним зонам скачок пошел во вред, то другим он был бы только во благо. Другими словами, жизнь мигрировала бы к полюсам и в горы. Но вы же сами видите, что на высоких широтах и на больших высотах здесь положение ничуть не лучше. И потом, развитая, создавшая генераторы энергии цивилизация уж как-нибудь бы выдержала простую перемену климата — ведь перемена эта случилась не в одну цочь.

— Тогда что же, война?

— Следов применения ядерного оружия не видно. А химическое и бактериологическое, насколько мне известно, не способны выжечь такие проплешины на поверхности планеты. Мне кажется, — закончил Эдзел мрачно, — что причина катастрофы была куда серьезнее, а о последствиях мы даже не догадываемся.

Развить свою мысль Он не успел, ибо корабль их получил приказ войти в атмосферу. Конвоируемый двумя эсминцами и тендером, на котором находились Моэт с Теей, звездолет опустился неподалеку от родового замка шенна. Едва корабли совершили посадку, к ним устремилась толпа вооруженных существ.

Следующие три дня ван Рийн с Эдзелом уделили осмотру местных достопримечательностей. Их сопровождала Тея.

— Я упросила своего повелителя разрешить вам эти прогулки, пока он занят на Большом Совете, — сказала она. — Мы надеемся, что, лучше узнав наше общество, вы сообщите нам полезные сведения. — И добавила, не поднимая глаз: —

Вы ведь не откажетесь, правда? Отказ означает смерть. А если вы хорошо ему послужите, мой повелитель хорошо с вами обойдется.

— Ладно, пойдемте поглядим, где нам предстоит провести остаток своих дней, — сказал ван Рийн.

С них не спускали глаз. Куда бы они ни пошли, за ними повсюду следовали несколько молодых шеннов — сыновья, племянники, вассалы Моэта, его дружина. Кроме того, над замком постоянно кружили вооруженные лазерными пушками автоматические шлюпки на воздушной подушке.

Эдзел привлекал к себе всеобщее внимание. Самки таращились на него, когда он проходил мимо. Юнцы и не занятые работой слуги преследовали по пятам.

Шенны, вопреки уверениям Теи, не лишены были любопытства. Вовсе нет, просто оно присутствовало у них далеко не в такой степени, как, скажем, у гомо или драконокентаурус сапиенс. Эти последние жадно стремились к познанию всего нового.

Вообще-то замком поместье Моэта можно было назвать только с большой натяжкой. Некогда это был ряд соединенных между собой зданий — огромный массив, километров пять-шесть длиной и метров пятьсот — шестьсот в высоту. Но, несмотря на кажущуюся громоздкость, он не лишен был известного очарования: это буйство красок, эти радовавшие глаз хрустальные колонны, эти взметнувшиеся в небо башни, лепестковые шпили которых терялись среди облаков! Когда-то здесь жили и работали, сменяя друг друга поколение за поколением, миллионы существ; когда-то этот замок, полностью автоматизированный, питавшийся от источника ядерной энергии, связан был со всей планетой шоссе и линиями коммуникаций.

Теперь же он был наполовину разрушен. Колонны попадали, в крышах зияли прорехи, машины покрылись слоем ржавчины, в башенках поселились твари, похожие на птиц, а по комнатам шныряли твари, похожие на крыс. Хотя роботы и следили за сохранившейся частью замка, но гулкая

пустота коридоров, комнат, холлов и террас произвела на Эдзела с ван Рийном еще более тягостное впечатление.

Тея отказалась рассказать, что здесь в свое время произошло.

— Вам что, запрещено об этом говорить? — спросил у нее Эдзел.

Она закусила губу.

— Нет, — отозвалась она печально, — нет. Я сама не хочу. — Потом прибавила: — Вы не поймете. У вас сложится неверное представление. Быть может, потом, когда вы узнаете наших повелителей шеннов...

Из помещений в сохранившейся части замка использовалась примерно половина. Прошлое шеннов вроде бы не преследовало. Они как будто бы воспринимали эти грандиозные развалины как необходимую часть пейзажа. Поселившись однажды л замке, они тщательно обшарили руины, забрали оттуда все мало-мальски ценное и забыли про них.

Несмотря на запустение, царившее во внутренних помещениях замка, за стенами его и на замковом дворе жизнь била ключом. Роботы роботами, но у вассалов и крепостных Моэта забот хватало. Они наблюдали за машинами, копались в огородах, охотились, столярничали, ваяли, рисовали, учились, маршировали на плацу. То и дело совершали посадку авиетки с пассажирами и грузами из других поместий. (Для перелетов внутри своей планетной системы шенны пользовались гравилетами; с недавно же основанными колониями сообщение поддерживалось при помощи гиперзвездолетов.) Даже повседневным своим занятиям население Датины предавалось с поистине минотавровой одержимостью.

Однако обитатели этой богатой металлами планеты влачили жалкое существование. Заносимые песком поля давали скудный урожай. Покрывавшие поверхность морей водоросли погибали и гнили, и ветер разносил этот смрад далеко окрест. Деревья вырастали маленькими, почти карликовыми, лишь на восточных холмах нет-нет да попадались

поваленные стволы прежних гигантов. Доносившийся по ночам из этих лесов звук охотничьего рога напоминал вой последнего оставшегося в живых волка.

Эдзел поразился, узнав, что шенны охотятся и даже держат скот на убой.

— Вы же говорили, что они травоядные! — воскликнул он.

— Так и есть, — ответила Тея. — Под воздействием лучей нашей звезды в растениях Датины образуются высококалорийные соединения. Поэтому питающиеся этими растениями существа более активны, следовательно, превосходят в умственном развитии тех, кто обитает в планетной системе звезды типа Солнца.

— Знаю, — сказал Эдзел. — Моя планета находится в системе звезды типа F5. Однако у нас на Одине вся дополнительная энергия у животных уходит в рост, а разумные существа всеядны. Насколько я понимаю, шенны едят не сырое мясо?

— Разумеется. Вы, наверно, лучше меня знаете, насколько размыта граница между «плотоядным» и «травоядным». Вот, скажем, я читала, что на Земле копытные четвероногие обычно после родов съедают собственную плаценту, тогда как собаки и кошки часто едят траву. А на Датине существуют особые условия. У нас есть несколько фруктовых соков, которые так воздействуют на энзимы, что вегетарианец с удовольствием начинает есть мясо. Все это делается очень просто. Открытие это было совершено в... очень давно, во времена дикарей-предков нынешних шеннов. Или даже раньше.

— А поскольку на планете, пострадавшей от экологической катастрофы, грешно отказываться от любой пищи, то... Понятно, — объяснение Теи удовлетворило Эдзела.

Но тут вмешался ван Рийн:

— Слушай, дракоша, но ведь шенны охотятся ради развлечения. Я в этом уверен. Вчера вечером я видел одного юнца: он привез с собой не туши, а только рога. И потом,

хотя у него есть вполне приличное ружье, он охотится с луком. Нет, это забава.

Тея удивленно подняла брови:

— А почему бы и нет? — спросила она с вызовом. — Мне говорили, что охоту любят все, в том числе и люди.

— Ага-ага. Я же не говорю, что это плохо — разве что они начнут охотиться на меня. Но откуда взялся инстинкт, от которого у нас внутри все поет, когда мы убиваем загнанную жертву? Даже если у тебя в руках фоторужье... хотя очень немногим из тех, кто никогда не убьет оленя, довелось испытать сожаление, прихлопнув муху. Откуда он? — ван Рийн помахал пальцем. — Отвечаю. Наши с вами предки были охотниками. Африканский первобытный человек — это обезьяна-убийца. А те, у кого с самого рождения не было желания убивать, убивать, убивать, — те просто не выжили. Но ведь первые шенны ощипывали листики да травку! Быть может, их самцы дрались между собой в брачные периоды, но на других существ они не охотились. А теперешние шенны — только позови. Откуда это у них?

Тея переменила тему разговора. Сделать это было совсем не трудно, ибо вокруг оказалось столько непривычного, нового, неожиданного. Если употребить слово «цивилизация» в техническом смысле, то шеннов вполне можно было назвать цивилизованными существами. У них были машины, целая планетарная машинная культура, которой уже стало тесно на одной планете. Да, они унаследовали эту культуру от своих предшественников. Но не просто унаследовали, а восстановили, возродили — добавили кое-что свое.

Но патриархам их этого было мало. Насколько было известно ван Рийну, сейчас повсюду на Датине велись бурные дебаты. Но что служило предметом этих споров, пока оставалось для него тайной.

Торговец зябко поежился. Ночи в этой полупустыне были холодными. Как бы здорово было оказаться в теплой каюте звездолета!

Этого послабления ему удалось добиться после первой же ночи, которую они с Эдзелом провели взаперти в одной из комнат замка. На следующее утро он превзошел сам себя. Он бранился, кашлял, чихал, рыдал, поминал всех и всяческих святых, кричал, что еще одна ночь при такой температуре, при таком свете, при такой запыленности, да еще эти тяжелые металлы, вездесущность которых не только заставляет их глотать пилюли, чтобы не отравиться, но от которой самый воздух превращается черт его знает во что, эти всякие шумы, эта вонь, — короче говоря, еще одна ночь в условиях этой планеты, существование которой говорит в пользу манихейской ереси, ибо он, ван Рийн, не в силах представить себе, зачем все благому Творцу понадобилось создавать такой мир, и бедного несчастного старика спокойно можно будет хоронить, потому что он наверняка умрет, и некому будет ею оплакивать...

В конце концов Тея встревожилась и взяла на себя ответственность изменить их местопребывание. Двое инженеров при помощи роботов сняли со звездолета Лиги силовые установки. Теперь пленникам не улететь, даже если они очень этого захотят. Поэтому они вполне могут спать на борту корабля, а для охраны их достаточно двоих-троих шеннов с бластерами.

На третий день, поздно вечером, вернулся Моэт.

Встречавшие его подданные подняли такой шум, что стоявшим поодаль ван Рийну с Эдзелом стало не по себе. Моэт обратился к своим вассалам с верхней шлюзовой палубы своего личного космофлиттера. Голос его напоминал раскаты грома. Ответом ему был восторженный рев. Молодые шенны вопили, приплясывали, водили хороводы, стучали кулаками по бортам флиттера, размахивали архаичными мечами и палили в воздух из самых суперсовременных ружей. Над самой высокой из сохранившихся башен замка развевалось ярко-красное знамя.

— Что он говорит? — спросил ван Рийн.

Тея стояла неподвижно, уставившись в пространство невидящим взором. Торговец схватил ее за руку.

— Переведите мне, что он говорит! — К ним двинулся было стражник, но на пути у него встал Эдзел. Ван Рийн гаркнул так, что голос его чуть не перекрыл рев Моэта: — Переведите мне, что он говорит! Я приказываю!

И она, находясь в шоковом состоянии, механически повиновалась.

Вскоре после этого пленников загнали обратно в звездолет. Зашипели клапаны шлюзов. На экранах холодные звезды сверкали над серыми тенями датинской ночи; у стен ярко освещенного замка полыхали громадные костры. Из шумоуловителей доносилось завывание ветра, рев горнов, грохот барабанов, клацанье мечей и вопли шеннов.

Ван Рийн сказал Эдзелу:

— В твоем распоряжении целый час. Займись чем хочешь. Мне надо посидеть со святым Дисмасом. Хочу, понимаешь, исповедаться. — Потом, хмыкнув, прибавил: — Спорим на что угодно: от моей исповеди у него уши завянут!

— Я, пожалуй, займусь медитированием, — сказал Эдзел, — а через час приду к вам на мостик.

Именно там, на мостике, ван Рийн объяснил одиниту, почему он сдался в плен у безымянной звезды.

— Но ведь мы могли и улизнуть от них, — возразил Эдзел. — Разумеется, шансов было ничтожно мало. Но, в худшем случае, они догнали бы нас и уничтожили. Наша смерть была бы мгновенной, зато мы умерли бы на свободе, так сказать, геройски. Неужели вы предпочли участь раба на Датине?

— Послушай, — ответил ван Рийн необычайно серьезно, — необходимо, крайне необходимо, чтобы у нас дома узнали, что это за личности и к чему они стремятся. По-моему, от них за версту разит войной. Они могут победить, а могут потерпеть поражение. Но даже одна-единственная внезапная атака на плотно населенную планету, да если еще с ядерным оружием, — сколько жизней она унесет? Миллионы?

Биллионы? А обожженные, ослепшие, калеки, мутанты... Я, конечно, греховодник, но не до такой же степени, чтобы не попытаться спасти своих сородичей!

— Конечно-конечно, — сказал Эдзел, непривычно взволнованный. — Но, если бы мы сбежали, мы смогли бы дополнить те сообщения, которые вы отправили на Землю, еще раз предостеречь. Однако мы направились на Датину — и что? О да, здесь ценных сведений мы соберем гораздо больше. Но какая от этого польза? К находящемуся в рабочем состоянии звездолету нас наверняка не подпустят. А в военной разведке главное — не сбор сведений, а их доставка. Классический пример.

— Ты был бы прав, — отозвался ван Рийн, — когда бы не одно «но». Вполне возможно, что мы на этой планете не одни.

— Ярру! — только и сказал Эдзел. Он подобрал хвост, уселся прямо на пол и приготовился слушать.

— Вспомни-ка, — продолжал ван Рийн, попыхивая сигарой, в руке он сжимал стакан с джином, — тот самый Гэхуд был владельцем Хью Латимера. Об этом нам известно от Теи. Кроме того, мы знаем, что он потерял Латимера. А еще мы знаем, что от его новостей у всех тут шарики позаходили за ролики. Правильно? Это нам известно наверняка. Но ведь тогда становится ясным и все остальное.

Судя по хронометражу, Датину от этой звезды отделяет неделя полета. Проведя прямую линию между ней и Солнцем, мы если и промахнемся, то ненамного. А до беты Креста от Солнца две недели лету. Если немножко посчитать, прикинуть угол между Южным Крестом и Компасом — согласен, расчеты довольно приблизительные, но хронометраж подтверждает их, — то получается вот что.

Латимер, прилетев на Датину, сообщил своему боссу Гэхуду о бродяге. Гэхуд рванул к бете Креста посмотреть на планету своими глазами — мы ведь убедились, что шенны ведут себя как быки в посудной лавке, а жизнь эта самая лавка и есть — и прихватил с собой Латимера.

Предположим, перелет у них занял две с половиной недели. Значит, когда они прилетели, Дэви Фолкейн и Чи Лан еще находились там! Наших друзей всего Двое, и в меньший срок они уложиться не могли. Вот. Потом Гэхуд прямиком возвращается на Датину, где узнает о назначенной встрече с нами. Поэтому он мчится вослед своим дружкам, догоняет их и что-то им сообщает. По времени все совпадает, как и по всему остальному.

— Да, — выдохнул Эдзел. Кончик хвоста его шевельнулся. — Гэхуд прилетел сильно взволнованный и без Латимера, которого он потерял.

— Вот именно — и где же еще, как не у беты Креста! — воскликнул ван Рийн. — Если бы он погиб где-нибудь еще, никому бы не было до этого дела, исключая, быть может, Гэху-да. Так что скорее всего Гэхуд схватился с нашими друзьями. И получил по заслугам. Ведь если бы победил он, то вряд ли стал бы так верещать об этом... да и другие шенны вели бы себя поспокойнее.

И вот еще что: никто бы и не чихнул, если бы Латимер погиб в бою. Одним рабом меньше, а? Но если его захватили в плен — хо-хо! Тогда картина получается совсем другая. Из него ведь можно выкачать много интересного, и в частности — координаты Датины. Неудивительно, что Гэхуд примчался сюда как ошпаренный! Ему надо было предупредить шеннов об изменившейся ситуации, пока они, чего доброго, не договорились с нами. Ну как? — Ван Рийн залпом выпил джин.

— Значит, «Через пень-колоду» сейчас летит к Земле со всеми необходимыми сведениями, — кивнул Эдзел. — Вы рассчитываете, что нас освободят десантники Космофлота?

— Вот уж нет, — сказал ван Рийн. — Не забудь, мы ведь в руках у тех, кто запросто способен сорвать на нас с тобой горечь своего поражения. А потому сказать, наверное, надвигается ли война, пока невозможно. Мы с тобою хотим не допустить ее. Кстати сказать, я не уверен и в том, что «Через

пень-колоду» направляется домой. Было бы здорово, если бы шенны думали, как ты.

— Но куда еще он может лететь? — спросил Эдзел озадаченно.

— Ты не человек и потому не всегда можешь уследить за ходом человеческой мысли. Как, между прочим, и шенны. Разве ты забыл: Фолкейн мог отправить на Землю капсулу с добытыми данными. Он видел, как улепетывает Гэхуд. Он знал, что Гэхуд переполошит всю Датину. Что в скором времени об исследовании этой планеты можно будет только мечтать. А вот если скоренько отправиться прямиком туда, покуда они считают, что координаты их мира нам неизвестны, и потому, очевидно, не очень-то заботятся об обороне, — вот тогда можно проскочить.

— Вы считаете, что они до сих пор здесь?

— Вполне возможно. За один день планету ведь не изучишь.

Разумеется, Фолкейн должен был придумать, как им выбраться отсюда. Ван Рийн поднял голову, выпрямился, развел плечи и выпятил живот.

— Быть может, он захватит нас с собой. Быть может, нет. Но — вфликийБоже! — в любом случае он сможет доставить домой ту информацию, которую мы ему передадим. Я знаю, в моих рассуждениях много всяких «если». Расклад не в нашу пользу. Но нам не остается ничего другого, как рискнуть.

— Пожалуй, да, — медленно произнес Эдзел.

Когда они снова сошлись на мостике, праздник в замке уже заканчивался. Костры догорали, и холодные звезды проступили более отчетливо.

— Нам повезло, что они не сняли переговорные устройства, — сказал Эдзел.

Если их передачу засекут, смерти им не избежать. Но землянин с одинитом, считая себя обреченными, уже свыклись с этой мыслью, и потому о сантиментах не было и речи.

Правда, когда ван Рийн уселся в кресло, дракон положил ему на плечо свою чешуйчатую лапу; человек легонько похлопал по ней.

— А с чего бы им это делать? — спросил ван Рийн. — Они ведь не подозревают, что Дэви и Чи могут быть неподалеку. Кроме того, я сказал Белдэниэл, что лучше пойму шеннов, когда послушаю их программы. — Он сплюнул. — Сплошной вой.

— На какой волне вы будете вызывать?

— На третьей стандартной технической. Я проверял: шенны ею почти не пользуются. А один из приемников «Через пень-колоду» должен быть настроен на нее.

— «Через пень-колоду» нас услышит, если его не захватили, не уничтожили и, если он достаточно близко. И если нашу передачу не перехватят.

— У нас нет выхода, приятель. Да и потом, радиооператор шеннов, которому случится запеленговать наш код, скорей всего сочтет его обычным. Я ведь недаром выбрал эту частоту. Открой пиво и набей мою трубку, ладно? А я начну передавать.

Его пальцы проворно побежали по клавишам.

«Говорит Николас ван Рийн, торговец, член Торгово-технической Лиги...

О планете Датина и большей части ее населения мы узнали следующее...

А теперь основная часть моего сообщения.

Поняв, что местоположение их планеты, по всей видимости, больше не является тайной, шенны, в отличие от других разумных существ, не стали укреплять оборону, выискивая в то же время способы закончить дело миром. Их Большой Совет принял решение напасть на нас, пока слабо организованная Техноцивилизация не успела сплотиться в единое целое. Из того немногого, что мы смогли узнать, идея нападения не бред сумасшедшего. Корабли-роботы шеннов многочисленны и значительно превосходят по своей огневой мощи любое судно соответствующего класса. Разведка

шеннов получила от «Сириндипити» много достоверных сведений о расах и обществах, входящих в Техноцивилизацию. Помимо всего прочего, им известно, что центром цивилизации является Содружество, которое давно уже не знало войн и не подозревает об угрозе нападения. Вражеский флот может проскользнуть на территорию Содружества незамеченным; когда же эти корабли обнаружат, будет уже поздно.

Шенны планируют нанести несколько массированных ударов по основным планетам Содружества и по некоторым другим. Из хаоса, который возникнет в результате всего этого, Датина надеется извлечь все возможное и подчинить себе все миры Техноцивилизации. Преуспеют шенны в своих устремлениях или нет, но целым народам и культурам, несчетным биллионам разумных существ угрожает опасность уничтожения.

Врагу потребуется некоторое время, чтобы собраться с силами и разработать план атаки. Учитывая высокомерие предводителей шеннов и полуанархический характер их общества, можно предсказать, что сборы будут довольно долгими. С другой стороны, врожденная агрессивность может заставить их ринуться в атаку сломя голову.

Лига в состоянии принять необходимые контрмеры и отразить удар, не прибегая к правительственной помощи, если только ее заранее предупредить. Это предупреждение следует передать как можно скорее. Я обращаюсь к Дэвиду Фолкейну и Чи Лан, а также к тем, кто случайно оказался поблизости: не медлите ни секунды. Немедленно отправляйтесь домой и поставьте в известность обо всем случившемся руководство Лиги».

Глава 23

Нагревшаяся за день пустыня с наступлением ночи быстро растеряла тепло. Призрачно-серые дюны проступали из темноты в свете далеких звезд; скалы отбрасывали

на песок неясные тени. Цинтианка распушила свой мех, чтобы согреться. Вот уже несколько минут, как она, приземлившись, лежит за этим колючим кустом, не слыша ничего, кроме ветра, не видя ничего, кроме пыльной завесы, не ощущая ничего, кроме острого запаха мускуса.

Она выжидала, и не столько из-за зверей, обитавших в развалинах. Нет, оружие — бластер, ручной пулемет, игломет и станнер — надежно защищало Чи Лан от хищников; что касается ядовитых тварей, здесь она целиком полагалась на свои органы чувств и рефлексы. В основном она так осторожничала потому, что чаще всего в развалинах обитали датинцы. Хотя на вид это были наполовину одичавшие охотники и пастухи, они владели огнестрельным оружием. Хуже того, Пень определил, что в их становищах имеются электронные трансиверы, доставленные, несомненно, купцами из «баронств».

Исследовать же более крупные и цивилизованные поселения Чи с Фолкейном опасались, ибо пока слабо представляли себе, что такое шенны и их планета.

«Через пень-колоду» без труда смог совершить посадку. Повелители этого мира никак не предполагали, что их обнаружат, и потому не позаботились вывести на орбиту достаточное количество сторожевых звездолетов. По той же причине они пока не применяли мониторы контроля движения в атмосфере. Но стоит только какому-нибудь шенну столкнуться с чужаками, и ситуация изменится в одну секунду.

Поэтому корабль Лиги перелетал с места на место лишь ночью, а днем затаивался в пустыне. Поэтому Фолкейн не отваживался на вылазки. Он был слишком большим и неуклюжим. А Чи Лан с помощью гравиимпеллера могла забираться довольно далеко.

Развалины оказались пустыми. Цинтианка даже ожидала этого. Почва вокруг была так изъедена эрозией, что даже кочевники могли тут существовать, лишь перебиваясь с хлеба на воду. Чи заметила следы их пребывания: груды

камней, кострища, мусор. Но все это покрывал слой пыли. Племя — вернее патриархальный клан — ушло дальше по своему бродяжьему пути. Порядок. Фолкейн перегонит сюда звездолет и сможет спокойно тут работать. Здешнее поселение как будто побогаче того, которое он сейчас раскапывает.

Все больше и больше они убеждались в том, что ключ к пониманию настоящего и будущего Датины лежит в ее недавнем прошлом, в падении могущественной цивилизации., в гибели целого народа.

Выбравшись из-за укрытия, Чи осторожно приблизилась к руинам. Выступавшие из песка обломки колонн, стен, лестниц, проржавевшие каркасы машин напоминали могильные камни. Высокие стены были наполовину разрушены непогодой и ветрами, местами проломлены; черными дырами зияли в них окна, и настежь распахнуты были двери. Мало кто из первых датинцев остался в живых; вряд ли теперь возможно найти на этой планете хотя бы одну уцелевшую крепость. Нет, шенны покоряли их, грабили, разрушали — а защитников убивали.

Что-то шевельнулось в тени. Чи, выгнув спину и подняв хвост, бросила руку к поясу с оружием. Но это оказалась всего лишь какая-то многоножка, которая поспешно ретировалась.

Главные ворота замка открывались в просторный зал, некогда, очевидно, он был изумительно хорош. Высоченные колонны, облицованные мрамором и малахитом, фонтаны, статуи... Но теперь — теперь это была мрачная пещера, по которой гуляло эхо. Пол покрыт был песком и мусором, словно становище кочевников, каменные украшения в большинстве своем разбиты, мозаичные панно едва проглядывали из-под толстого слоя сажи. Но когда Чи направила фонарь вверх, в луче света внезапно заиграли краски. Включив импеллер, она поднялась в воздух. Ютившиеся под потолком крылатые твари с тонким писком бросились врассыпную.

Стены были расписаны до самого верха. Чи привела в восторг благородная простота рисунка. Краски были богатыми и в то же время сдержанными, фигуры — героическими и живыми. Она не знала, что здесь изображено, какие события, мифы, какие аллегории; понимала, что этого ей никогда не узнать, и почему-то от этой мысли на мгновение ей стало больно. Чтобы успокоиться, она принялась разглядывать рисунки, пытаясь ухватить сюжетную канву.

До сих пор им ни разу не попадалось такой вот портретной галереи древних датинцев. Фолкейн раскопал их останки, заметил проломленные черепа и наконечники стрел между ребрами. Но сейчас, освещенные тонким лучом фонаря, они как будто ожили в беспредельной ночи. Увидев их лица, Чи Лан была потрясена.

Они чем-то напоминали шеннов, но только и всего. Фолкейн попытался было по строению костей доказать, что Древние так же близки шеннам, как монголоиды к негроидам на Земле, но не смог. И эти рисунки на своем бессловесном языке опровергали его.

Разница между двумя народами была не просто типологической. Кроме Древних, на рисунках изображены были всякие растения и животные, некоторые из которых сохранились и по сей день. Чи Лан смогла составить примерное представление о предшественниках шеннов на Датине. Они были меньше ростом — на картинах не было не единого существа выше ста восьмидесяти сантиметров, стройнее, волосатее, хотя гривы у самцов отсутствовали. Но этим сходство и заканчивалось. На той части стены, которую рассматривала Чи, изображены были, очевидно, представители всех автохтонных племен в национальных костюмах и с символами — так показалось цинтианке — своего края в руках. Вот коренастый крупноголовый самец с золотистым мехом; в одной руке у него серп, в другой — саженец. Маленькая смуглая самочка в расшитом платье — веки чуть набрякли — играет на арфе. А вот лысый старик в юбке, наподобие шотландского килта, с искаженной гримасой физиономией

вознес свой посох над головой несущей спелые фрукты самки, словно обороняя ее от врагов. Лицо этой последней было совершенно круглым. У того, кто рисовал их, были искусная рука, верный тренированный глаз и любящее сердце.

Но сегодня на Датине существует только одна раса. Это было до того необычно, до того неправдоподобно, что мысли Чи Лан и Фолкейна невольно снова и снова возвращались к этой проблеме.

И опять двадцать пять! На картинах, где вроде бы нашлось место всем, не было и намека на шеннов.

Табу? Неприязнь? Гонения? Чи даже сплюнула.

Все указывало на то, что погибшая цивилизация была единой и рационалистической, так что о каких гонениях может идти речь? Отдельные рисунки изображали, по всей видимости, как развивалось древнее датинское общество. На одном из них обнаженный самец, размахивая суком, отгонял от своей самки большого хищного зверя. На следующих уже появились заостренные металлические приспособления: но это были инструменты, а не оружие. Датинцы работали, по одному или целыми группами, но не сражались. И насколько Чи поняла, дело здесь было вовсе не в любви художника к батальным сценам. Нет, на двух рисунках изображены были схватки между двумя датинцами. Скорее всего они отражали исторические или легендарные события, правду о которых уже никогда не узнать. На первом, по всей видимости, более раннем рисунке, в руках одного из самцов был нож, в руках другого — топор дровосека. На втором противники были вооружены примитивными фитильными мушкетами, предназначенными, очевидно, для борьбы с дикими зверями... а на заднем плане виднелись паровые машины и линии электропередач.

Кроме того, отдельные фрески, похоже, воссоздавали занятия датинцев. Некоторые из них были узнаваемы, вроде сельскохозяйственных работ или столярных. О смысле других можно было только догадываться. (Что это? Церемония? Научные исследования? — Мертвые уже не расскажут.) Но

среди этих занятий не было ни охоты, ни пастушества — если не считать животных, которых явно разводили ради шерсти, ни рыболовства; никто не ставил капканов и не забивал скот на бойне.

Все это, вместе взятое, могло означать лишь одно — вегетарианство. На Датине разумом обладали травоядные существа. Это не то, чтобы обычно, но случается довольно часто. Нельзя сказать, чтобы души вегетарианцев были чище душ плотоядных или всеядных существ. Нет, но вот грехи у них иные. Однако хотя они могут легализовать дуэли и терпимо относиться к преступлениям, совершаемым из-за любви, но вот к войне они не стремятся, и даже самая мысль об охоте вызывает у них отвращение. Как правило, они живут стаями; эти стаи — семьи, кланы, племена, народности, не в названии дело — легко объединяются в более крупные образования по мере развития средств передвижения и коммуникации.

У шеннов же было все наоборот. Они убивали ради забавы, они поделили планету на поместья, они создавали оружие и строили боевые корабли, они угрожали соседней цивилизации, которая ничем их не оскорбила... «Короче, — подумала Чи Лан, — они ведут себя как люди. Если мы поймем, что породило их на свет, как они появились на этой некогда мирной планете, то, быть может, станет понятным, что нам с ними делать. Или, по крайней мере, что они намерены сделать с нами».

Подумать она не успела — неожиданно заработал коммуникатор. Это было устройство, которое передавало сигналы через кости черепа, так что их нельзя было подслушать. Тем не менее они с Фолкейном пользовались коммуникатором только в крайних случаях. Сигнал расшифровывался просто: «Возвращайся немедленно». Чи переключила импеллер на горизонтальную тягу и через дверь выскользнула наружу.

Холодно сверкали звезды, вспыхивали и тут же гасли зарницы. Решив, что в этот час ей опасаться некого,

цинтианка надвинула на лицо маску и перевела импеллер на полный ход. Ветер засвистел в ушах. Путь предстоял неблизкий — сотня километров над закоченевшей пустыней.

«Через пень-колоду» притаился на дне высохшего, поросшего кустарником каньона, так что его было незаметно с высоты. На краю каньона находилось то самое поселение, где Фолкейн усердно занимался раскопками. Очутившись в тени, Чи изменила частоту световых импульсов своего фонаря: он теперь работал в инфракрасном спектре. Затем нажатием кнопки активировала инфракрасные фильтры очков. Осторожность у Чи Лан, как и у любого другого плотоядного, была в крови.

Она продралась сквозь заросли и зависла над шлюзом звездолета. Детекторы опознали ее, и Пень открыл клапаны. Чи рванула внутрь.

— Дэвид! — крикнула она. — Во имя Цуши, что случилось?

— Много чего, — голос его никогда еще не был таким невыразительным. Или это штучки интеркома? — Я на мостике.

Она могла бы пролететь по коридору, но решила, что будет быстрее и лучше поработать мышцами. На четырех лапах, воздев хвост, она помчалась по кораблю и плюхнулась в свое кресло. Глаза ее сияли зеленым пламенем.

— Няор! — воскликнула она.

Фолкейн поглядел на нее. С тех пор как она покинула корабль, он не сомкнул глаз; на нем был все тот же пропыленный комбинезон. Кожа его задубела от работы, под ногтями была грязь. Выжженный солнцем вихор топорщился над виском.

— Я принял сообщение.

— Что? — Она напряглась. — От кого?

— Лично от Старого Ника. Он на этой планете, вместе с Эдзелом. — Фолкейн повернулся лицом к главной панели управления, как будто там жил некий корабельный дух. — Прочитай текст сообщения еще раз, — приказал он.

Зазвучали суровые, гнетущие слова.

На мостике воцарилась тишина.

Наконец Чи шевельнулась.

— Что ты предлагаешь? — спросила она тихо.

— Подчиниться приказу, что же еще, — отозвался Фолкейн. Его голос был таким же бесцветным, как у компьютера. — Я боюсь, мы и так уже вернемся домой слишком поздно. Но сначала надо решить, как нам выбраться отсюда. По сведениям Пня, на орбиту выходят все новые и новые сторожевики. Очевидно, шенны наконец-то забеспокоились. Вопрос заключается в следующем. Что лучше: попытаться тихонько прокрасться, уповая на то, что нас не заметят, или рвануть вверх на полной мощности, надеясь на внезапность и на то, что удастся затеряться в пространстве?

— Последнее, — сказала Чи. — Наша спасательная операция наверняка вызовет переполох. Но если мы все прикинем, так, чтобы проскочить между патрульными звездолетами...

— Чего? — Фолкейн выпрямился. — Кого это ты собираешься спасать?

— Эдзела, — ответила Чи. Усы ее подрагивали. — И ван Рийна, разумеется. Мы ведь не можем бросить Эдзела тут, ты же знаешь.

— Нет, не знаю! Слушай...

— Да, мы с ним, бывало, ругались, — перебила Чи, — но он мой товарищ, да и твой тоже. — Она наклонила голову и поглядела на гермесца. — Я всегда считала тебя порядочным человеком, Дэви.

— Да, но... но я такой и есть! — воскликнул Фолкейн. — Разве ты не слышала? Приказ — отправляться прямиком домой.

— Да при чем здесь это, в конце-то концов? Ты что, не хочешь освободить Эдзела?

— Конечно, хочу! Даже ценой собственной жизни. Но...

— Но позволишь ему умереть только потому, что этот пивной бочонок ван Рийн что-то там сказал.

Фолкейн судорожно вздохнул.

— Слушай, Чи, — сказал он. — Объясняю еще раз. Ван Рийн хочет, чтобы мы бросили и его. Он даже не сказал нам, где они находятся. Он использовал волну, которая огибает планету. То есть он может быть, где угодно.

— Пень, — обратилась Чи к компьютеру, — ты можешь определить, откуда велась передача?

— По структуре отражений от ионосферы — да, с высокой вероятностью, — отозвался компьютер. — Это большое поселение, сравнительно недалеко отсюда, мы его видели при входе в атмосферу.

Чи снова повернулась к Фолкейну.

— Понял? — спросила она.

— Я что-то понял, а вот ты ничего не поняла! — крикнул он. — Что судьба Эдзела и ван Рийна — и наша тоже — по сравнению с судьбой целых миров? Так уж получилось, что они не могут известить Лигу, а мы можем.

— Мы так и сделаем, только захватим с собой Эдзела.

— Но нас могут подбить, пленить или... — Фолкейн остановился. Потом заговорил вновь, уже спокойнее: — Я знаю тебя, Чи. Твои предки были хищными зверями, охотившимися в одиночку или малыми группками. Поэтому ты так себя и ведешь. Твоему миру ничего не говорит слово «нация». Идея жертвования собой ради общества для тебя пустой звук. Чувство долга у тебя не слабее моего, даже, может быть, сильнее, но оно обрывается на родичах и друзьях. Все так. Это я понимаю. Но пораскинь мозгами, постарайся понять меня. Как тебе еще объяснить? Одна жизнь не стоит биллиона жизней.

— Конечно, — согласилась Чи. — Но это не дает нам права забывать о друзьях.

— Послушай...

Фолкейн замолк на полуслове. На него в упор глядело дуло станнера. Будь Чи человеком, он, пожалуй, попытался бы выбить пистолет из ее руки, а так он знал, что не успеет. Поэтому он сидел, не шевелясь и слушал.

— Я предпочла бы не оглушать тебя. Без твоей помощи у меня может ничего не получиться. Однако я все равно попробую. Давай поговорим начистоту, Дэви. Согласись, нам по плечу справиться с этими деревенщинами. Иначе нам прямая дорога в приют для слабоумных.

— Чего ты хочешь от меня? — прошептал он.

— Пообещай, что поможешь мне вытащить Эдзела.

— И ты мне поверишь?

— Да, потому что иначе один из нас должен будет умереть. — Пистолет по-прежнему нацелен был в лоб Фолкейну, но цинтианка отвела глаза. — А я вовсе этого не хочу, Дэви.

Он целую минуту сидел неподвижно. Потом ударил кулаком по подлокотнику кресла и расхохотался:

— Идет, чертовка ты этакая! Шантажистка. Твоя взяла... и клянусь Иудой, я рад этому!

Кое-как засунув пистолет обратно в кобуру, Чи прыгнула к нему на колени. Он погладил ее по спине и почесал под подбородком. Она хвостом провела ему по щеке. И сказала:

— Нам понадобится и их помощь. Нужно, чтобы они очень подробно описали то место, где находятся. Я подозреваю, что поначалу они упрутся. Постарайся втолковать, что им не остается ничего другого, как только помочь нам. Если мы не сможем вернуться домой все вместе, значит, никто из нас не вернется.

Глава 24

И снова Чи Лан действовала на собственный страх и риск. На космодроме перед крепостью Моэта видны были заиндевевшие корпуса двух эсминцев, флиттера и звездолета, где держали пленников. Чи подобралась поближе. Так, охранников должно быть двое. Одного она разглядела: высокий, косматый, он беспокойно вертел головой, стоя на посту возле легкой пушки. Из ноздрей его вырывался белый пар; тихонько позвякивала металлическая амуниция. Чи принюхалась, вслушиваясь в шелест предрассветного ветра

и изо всех сил напрягая глаза. Ничего. Либо ван Рийн с Эдзелом ошиблись, либо другой охранник покинул свой пост, не дождавшись смены, а может быть, он где-то поблизости, но так хорошо спрятался, что она его не замечает.

«Ну и черт с ним! Времени уже нет. Замок скоро проснется. Эй-ях, давай, Чи».

Преодолев в броске последние несколько метров, она выбралась на песок. Лучше, конечно, было бы напасть сверху. Но какой-нибудь паршивый детектор вполне способен засечь ее импеллер. По той же причине, кстати, она не пыталась связаться по радио с находившимися внутри корабля товарищами. Ну ничего, это не беда.

Охранник пока ни о чем не догадывался. Очутившись достаточно близко, Чи припала к земле, вытащила станнер и выстрелила. Она предпочла бы убить шенна; но кто знает, вдруг он успеет вскрикнуть — тогда пиши пропало.

Ультразвуковой разряд сразил охранника наповал. Он рухнул с грохотом на землю. Чи направила на звездолет луч фонаря, выключила, включила, снова выключила. Только бы они заметили!

Как будто все в порядке. В борту корабля открылся шлюзовой люк, потом оттуда выдвинулись сходни. Появился Эдзел: его огромная туша казалась свинцово-серой в свете звезд. На спине одинита, там, где была удалена дорсальная пластина, сидел Николас ван Рийн. Чи рванулась навстречу им. Ее переполняла радость. Если в самом деле удастся ускользнуть...

Вдруг из темноты у боевых звездолетов раздался рев. Сверкнул тепловой луч.

— Бегом... вон туда! — крикнула Чи, махнув фонарем в сторону невидимого отсюда «Через пень-колоду». Взмыв в воздух на антиграве, она включила коммуникатор: — Нас обнаружили, Дэви. — И ринулась вниз, чтобы отыскать стрелявшего.

— Моя помощь не требуется? — спросил Фолкейн.

— Подожди минутку. Может быть... — она не успела закончить. Тепловой луч прошел в считанных сантиметрах над головой. Она почувствовала запах озона; глазам на мгновение стало больно.

Шенна подвело его естество: вместо того чтобы выждать несколько секунд и выстрелить снова, он выскочил из своего укрытия. Заметив его, Чи по крутой дуге устремилась вниз. Она нажала на курок станнера, и шенн упал. Цинтианка снова взмыла вверх, едва не врезавшись в один из кораблей.

В замке загудели колокола тревоги. Тут и там засверкали огни. Из ворот вывалилась толпа шеннов, по большей части вооруженных. Должно быть, они и во сне не расстаются со своим треклятым оружием. Четверо из них на бегу надевали на себя ранцы летательных мини-аппаратов. Чи понеслась вслед Эдзелу. От таких преследователей ему не оторваться. Но если она прикроет его с воздуха...

— Что там у вас? — рявкнул Фолкейн. — Мне не пора?

— Нет пока. Потерпи еще, — Чи вынула из кобуры бластер. Все, хватит с нее этих станнеров. Детские игрушки.

Четыре шенна, нагонявших одинита и человека, не замечали ее. Она поднялась чуть выше, прицелилась и дважды нажала на спуск. Один летун взорвался вместе со своим ранцем. У другого выстрел, похоже, повредил рулевое управление. Зато третий ринулся на нее. Это был достойный противник. Завязалась рукопашная. Тем временем четвертый шенн уже завис над головами беглецов. Эдзел остановился так резко, что ван Рийн перелетел через его голову и с воплем рухнул в заросли колючего кустарника. Одинит нагнулся, подобрал с земли камень и швырнул его в нападавшего. Клац! Импеллер отказал, и шенн был вынужден опуститься.

Однако его легкие на ногу приятели были уже совсем близко. Они открыли огонь. Эдзел помчался им навстречу, раскачиваясь из стороны в сторону. Пули то и дело рикошетили о его чешую, но он не обращал на них внимания.

Разумеется, он был смертен. Достаточно мощный или достаточно прицельный выстрел мог бы убить его. Но он оказался среди шеннов раньше. В ход пошло все: копыта, руки, клыки, хвост.

Тот летун, которого сбил брошенный одинитом камень, не получил серьезных повреждений. Увидев свой валяющийся на земле пистолет, он бросился к нему, дабы завладеть оружием. Но на пути у него оказался ван Рийн.

— Нет уж, погоди, дружочек, — выдохнул торговец. — Я возьму эту штуку с собой; вдруг мне удастся ее запатентовать. — Высокий, широкоплечий, мускулистый минотавр кинулся на толстого старика. Но ван Рийн каким-то образом умудрился отскочить и, как заправский каратист, нанес удар ногой. Шенн завопил от боли. — Ага, не нравится! — хмыкнул ван Рийн.

Датинец чуть отступил. Противники уставились друг на друга, время от времени бросая взгляды на лежащий на песке между ними бластер. Шенн, нагнув голову, ринулся вперед. Руки он держал так, чтобы не пропустить еще одного удара, но в любой момент готов был пустить их в ход. А хватка у него была такая, что против нее не устоял бы ни один землянин.

Ван Рийн сделал шаг навстречу. И в последний миг снова отскочил, извернулся и прыгнул на спину воинственному великану.

— Бог помогает правому! — гаркнул ван Рийн, засунул руку под форму, вытащил оттуда святого Дисмаса и огрел противника статуэткой по голове. Шенн медленно опустился на землю.

— Хо-хо, — произнес ван Рийн, раздувая щеки. — Был бы я помоложе, я бы тебе показал. — Он сунул святого обратно, подобрал пистолет, разобрался, как тот действует, и огляделся в поисках подходящих целей.

И не обнаружил, в кого стрелять. Чи Лан расправилась со своим противником. Эдзел вернулся. Шенны с криками бежали к замку.

— На это я и рассчитывал, — заметил ван Рийн. — Такая уж у них психология. Те, кто нападает сломя голову, обычно легко поддаются панике. В истории можно найти сколько угодно примеров.

Чи снизилась.

— Пошли скорее, пока они не опомнились, — сказала она.

— Ага, боюсь, не такие уж они тупые, — согласился ван Рийн. — Как только они вспомнят про своих роботов...

Ночь прорезал басовитый гул. Корпус одного из эсминцев задрожал.

— Уже вспомнили, — прокомментировала Чи. И произнесла в коммуникатор: — Давайте, друзья.

«Через пень-колоду» появился на горизонте через несколько секунд.

— Ложись! — крикнул Эдзел. Он укрыл товарищей собственным телом: его чешуйки достаточно надежно могли защитить от жара и радиации.

Засверкали лучи. Поднимись хотя бы один из кораблей в воздух, Фолкейну с Пнем пришлось бы туго. Звездолет Лиги израсходовал свой запас торпед в битве у Сатаны. Но он появился сейчас так внезапно, что первый эсминец успел произвести всего один выстрел, да и тот в «молоко». Тепловой луч поразил его, и он упал — прямо на другой корабль; тот покачнулся, и оба звездолета с оглушительным грохотом рухнули на бетон. Еще три залпа — и выведен из строя флиттер Моэта.

«Через пень-колоду» сел.

— Donder op![52] — крикнул ван Рийн. Эдзел подхватил его под мышку. — Wat dromme![53] — запротестовал было он Одинит поймал хвостом Чи и ринулся к шлюзовому люку.

В этот момент корабль открыл огонь по замку. Эдзел зажмурился, споткнулся, уши у него заложило от грохота, от дыма стало трудно дышать.

Сидевший на мостике звездолета Фолкейн воскликнул:

---

[52] Вперед (нидерландское.).

[53] Что за ерунда (нидерландское.).

— Чего ради убивать тех, кто не нападает на нас?

— Выполняя ваше распоряжение, я уничтожаю установки, которые, судя по радиорезонансу, являются тяжелыми орудиями или ракетными батареями, — отозвался Пень.

— Ты можешь меня соединить с кем-нибудь внутри? — спросил Фолкейн.

— Я настроюсь на частоту, на которой обычно переговариваются датинцы... Да. Нас пытаются вызвать.

Экран замерцал. На нем появилось искаженное ужасом и радиопомехами лицо Теи Белдэниэл. Комнату, где она находилась, сотрясали разрывы корабельных снарядов.

Фолкейн взглянул на другие экраны. Передней стены замка как не бывало. На ее месте клубилась пыль, сквозь которую то и дело прорывалось пламя. У него заболела голова; он сам уже наполовину оглох от этого грохота.

Голос Теи был еле слышен:

— Дэви, Дэви, что ты наделал!

Он ухватился за ручки кресла и процедил сквозь стиснутые зубы:

— Я не хотел. Вы меня вынудили. Ну да ладно, слушайте. Теперь вам должно быть понятно, что такое война. И учтите — это всего лишь капелька войны настоящей. Мы скоро улетаем. Я надеюсь, что буду уже достаточно далеко отсюда, когда вы осознаете, что произошло. Но это даже к лучшему. Догнать нас вы уже не успеете. Но даже если и догоните, вам теперь известно, чего от нас можно ожидать.

— Дэви... мой повелитель Моэт... он мертв... я видела, луч сжег его на месте... — она не смогла закончить фразу.

— Вам будет лучше без всяких повелителей, — отозвался Фолкейн. — Вы ведь человек, в конце-то концов! Но поговорите с другими. Скажите им, что Торгово-техническая Лига не имеет претензий и не желает войны. Но если нам придется сражаться, с шеннами будет покончено раз и навсегда. О нет, мы не убьем их; это они способны были уничтожить древних датинцев, всех до единого. Но если они попробуют

нам сопротивляться, мы лишим их всех роботов и превратим в пастухов-кочевников. Так что пусть решают, и поскорее. Покажите им свой замок, объясните, что произошло, и посоветуйте впредь не мешаться под ногами у свободных людей.

Взгляд ее выражал муку. Жалость сдавила ему грудь. В иных обстоятельствах он сказал бы больше. Но Эдзел, Чи Лан и Николас ван Рийн находились на борту звездолета; крепость противника разрушена; враг понес небольшие — по крайней мере, он на это надеялся — потери, но получил хороший урок. Фолкейн отключил связь.

— Хватит нам тут барражировать, — сказал он. — Команда на взлет. Курс — Земля!

Глава 25

— В течение двадцати четырех часов в пространстве не обнаружено ни одного работающего гипердвигателя, кроме нашего собственного, — доложил Пень.

Фолкейн облегченно вздохнул. Он поудобнее устроился в кресле и положил ноги на столик.

— Как будто все в порядке, — улыбнулся он. — Считай, мы уже дома.

Ибо кто способен обнаружить в бескрайних просторах космоса крошечный звездолет — песчинку среди мириад звезд? Солнце Датины превратилось уже в одну из тысяч светящихся точек, заполнявших собой все обзорные экраны. Бормотали двигатели; вентиляторы гнали в салон свежий воздух, напоенный ароматом цветущих лугов; табак на вкус был просто восхитителен, — короче говоря, можно было спокойно отдыхать.

И черт возьми — они нуждались в отдыхе!

Однако оставался еще один повод для беспокойства.

— Ты уверена, что вы не сильно облучились там, снаружи? — спросил Фолкейн.

— Я же сказала, что проверила каждого из нас, вплоть до хромосом! — резко ответила Чи. — Как тебе известно, я ксенобиолог... Тебе ведь известно об этом, не так ли?.. А на борту звездолета есть все необходимое оборудование. Эдзел получил наибольшую дозу, потому что он прикрывал нас, но и то с имеющимися у нас лекарствами я с ним справлюсь в два счета. — Она села на скамейку, на которой до того лежала, свернувшись клубочком, и ткнула мундштуком в распростершегося на палубе одинита. — Разумеется, мне придется подзаняться тобой по Дороге, когда я буду рисовать или лепить... Ах ты, слюнтяй этакий, ты что, не мог прикрыться листом свинца?

Эдзел Хмыкнул.

— Так ведь весь свинец у тебя, — отозвался он. — Догадайся где.

Чи фыркнула. Ван Рийн хлопнул ладонью по столу, едва не опрокинув свой стакан с пивом.

— Тише! Я и не знал, что ты у нас остряк!

— Это называется остроумием? — пробурчала цинтианка. — Хотя, пожалуй, для него в самый раз.

— Да, ему не мешает подучиться, — согласился ван Рийн, — но ведь в любом деле главное — начать. Он у нас еще поиграет в салонных комедиях! Как насчет «Как важно быть серьезным», а, Эдзел? Ха!

Наперебой посыпались другие названия.

— Я бы предложил отметить это дело, — сказал Фолкейн, — но, к сожалению...

— Правильно, — откликнулся ван Рийн. — Сначала дело, потом забава. Только бы это «потом» не растянулось слишком надолго. Надо объединить нашу разрозненную информацию, пока она еще свежа у нас в памяти, а иначе глядишь — что-нибудь важное да упустим.

— То есть? — Фолкейн моргнул. — Что вы хотите сказать, сэр?

Ван Рийн подался вперед, ухватив в мясистую ладонь сразу все свои подбородки.

— Чтобы знать, как быть с шеннами, нам нужно уяснить себе, что они такое.

— Но не лучше ли оставить это специалистам? — спросил Эдзел. — Узнав об угрозе нападения и приняв необходимые меры, Лига найдет способы как следует изучить Датину. Чего мы будем соваться не в свое дело?

— Ага, ага-ага, — ван Рийн не скрывал раздражения. — Времени-то у нас не так много! Откуда мы знаем, что еще выкинут эти шенны? А вдруг они попытаются напасть — несмотря на урок, который ты им преподал, Пень.

— В моем программном обеспечении отсутствует функция обучения, — заметил компьютер.

Ван Рийн не обратил на него внимания.

— Конечно, это будет чистейшее самоубийство, и, быть может, они это понимают. В общем, гадать тут можно бесконечно и надо определиться. Даже ошибочное представление лучше, чем никакое, потому что тогда ксенологические команды смогут хоть на что-то ориентироваться. Поняв, что у этих шеннов за душой, мы сможем вести с ними уже не пустые разговоры и, если повезет, добьемся мира.

— Конечно, не мне поправлять землянина, использующего земную идиому, — сказал Эдзел, — но, насколько я понял, вы хотите выяснить, каковы их основные стремления?

Ван Рийн побагровел.

— Ладно, пусть будет так. Тоже мне, педагог выискался! Итак, чего они хотят? Что их влечет? Нам о них кое-что известно, но этого кое-что, Чи Лан, не выразишь формулами. Мы имеем, так сказать, поэтическое прозрение. Шенны для нас уже не бесчувственные монстры, но существа, с которыми мы можем договориться. Специалисты Лиги займутся своим делом потом. Время попусту терять некогда. Быть может, мы спасем миллионы жизней, вернувшись на Землю с перед... предо... dood ook ondergong[54], этот английский!.. с

[54] смерть тоже обычное дело

предварительной программой исследований и даже действий!

Он залпом выпил пиво. Успокоив таким образом нервы, зажег трубку, откинулся на спинку кресла и проворчал:

— У нас есть информация и есть опыт. И потом, нам могут помочь аналогии. Вряд ли в такой огромной Вселенной найдется хоть одна ни на кого не похожая раса. Так что мы можем воспользоваться своими знаниями относительно других народов.

Взять, к примеру, тебя, Чи Лан. Нам известно, что ты плотоядное существо — только маленькое; это означает, что при определенных обстоятельствах ты становишься агрессивной. Ты, Эдзел, крупное всеядное, настолько крупное, что твоим предкам и в голову не приходило, скажем, бравировать своей силой или задирать окружающих. Поэтому нрав у тебя мирный, но чертовски независимый, правда, в своем роде. Если кто-нибудь начнет указывать, как тебе жить, ты просто повернешься к нему спиной. А вот Чи убила бы его.

И наконец, мы, люди. Мы тоже всеядны, но наши предки-приматы охотились стаями и круглый год занимались плотской любовью. Именно это наследие делает человека разумным существом. Я согласен, это все слишком общо. Но если нам удастся подогнать все, что мы знаем о шеннах, под одно какое-нибудь довольно общее определение...

Как выяснилось дальше, всем им на ум пришла одна и та же мысль. В ходе разговора они обсуждали ее то с одной, то с другой стороны. И решили наконец, что так оно и есть. Кстати сказать, позднейшие ксенологические исследования подтвердили их выводы.

Даже планетам вроде Земли, обращающимся вокруг постоянных звезд, знакомы периоды всеобщего вымирания.

Условия существования внезапно —1 с геологической точки зрения, естественно, — изменяются, и организмы,

обитавшие в этом мире миллионы лет, исчезают. Такая судьба постигла в конце мелового периода аммонитов и динозавров. А к концу плиоцена вымерли почти все крупные млекопитающие, названия которых, данные им позднее, заканчивались обычно на «терий». Почему — остается неясным до сих пор. Но от самого факта никуда не деться: жизнь полна опасностей и тревог.

На Датине же положение было того хуже. Уровень солнечной радиации на ней ниже, чем на Земле. А вот во время пиков солнечной активности, повторявшихся через нерегулярные промежутки времени, — гораздо выше. Магнитное поле и атмосфера не служили для планеты надежной защитой. Помимо всего, мутации, вызванные одним из таких скачков пиков, привели к появлению говорящих, думающих, способных изготавливать инструменты травоядных. А раз так, значит, дело обошлось без жестокого естественного отбора, ибо история любой такой планеты — это перечень экологических катастроф.

За последним пиком активности наступил довольно спокойный период, за время которого обитатели планеты достигли вершин познания, разработали свои технологии, научную методику, создали цивилизацию, мечтавшую о покорении пространства и, вполне возможно, предпринимавшую первые попытки в этом направлении. А затем солнце вспыхнуло снова.

Таяли снега, поднимался уровень воды в океанах, и скрывались под волнами побережья. Тропики постепенно превратились в саванны или пустыни. Все это можно было пережить. Скорее всего именно ухудшившиеся климатические условия подтолкнули к созданию всепланетного союза и к выходу в космос.

Но, как это всегда бывает, вмешалась непредвиденная случайность. Эта вспышка звезды ознаменовалась не столько увеличением тепла, света и электромагнитной энергии, сколько началом нескольких абсолютно новых процессов, возникших, когда звезда перешла в качественно

иное состояние. Планета попала в мощный поток протонов, электронов, мезонов, квантов рентгеновских лучей.

Магнитосфера светилась под воздействием синхронной радиации, верхние слои атмосферы — под воздействием вторичной. Многие биологические организмы вымерли в течение года-двух. За ними последовали другие, существовавшие в симбиозе с первыми. Экологическая пирамида рассыпалась.

Цивилизация, какой бы развитой она ни была, не есть автономное образование. Она не в состоянии сама себя обеспечить всем необходимым. Другими словами, цивилизация неотделима от природы. Но поля превратились в пустыни, деревья в садах сбросили листву, леса выгорели, морские водоросли сгнили. Появились новые болезни. Шаг за шагом население планеты уменьшалось, предприятия закрывались из-за нехватки ресурсов и рабочих рук, про науку забыли. Пределы возможного становились все уже и уже.

Короче говоря, датинцы не смогли приспособиться к изменившимся условиям. Те из них, кто выжил, постепенно превратились в дикарей.

А потом в их среде произошла мутация.

Травоядные не могут в мгновение ока стать плотоядными, даже если они употребляют в пищу не сырое, а приготовленное мясо. Зато они могут сбросить инстинкт, заставляющий их собираться в крупные стаи — слишком крупные, чтобы истерзанная земля могла их прокормить. Они запросто могут начать охотиться на животных, без мяса которых уже не в состоянии выжить. Они с исступленностью фанатиков будут защищать свою территорию, но бросят ее, как только она покажется им непригодной, и захватят себе новый клочок земли. Они создадут оружие и государственные институты; у них возникнут мифы, религии, легенды...

Они станут травоядными убийцами.

Причем до них будет далеко обычным плотоядным, которые убивают, лишь когда хотят есть. И не только им, но даже и всеядным, обладающим оружием с тех самых пор,

когда у них появились первые проблески разума, и потешу привыкшим остужать самые горячие головы своих соплеменников. Конечно, подобное истолкование фактов является весьма и весьма приблизительным. Но, быть может, станет понятнее, о чем идет речь, если мы сравним мирного льва и дикого медведя, который только и ищет, с кем бы ему подраться, или того же медведя и носорога или кафрского буйвола.

Древнее население Датины было обречено. Они храбро сражались, но силы их были разобщены. Победив в бою, они редко преследовали врагов; а потерпев поражение, разбегались врассыпную. Древняя цивилизация пришла в упадок; ее политико-экономическая структура превратилась в некое подобие феодализма. А те, кто ее создал, были деморализованы до последней степени. Может, кому-то и удалось убежать в космос, но обратно домой он так и не вернулся.

Шенны поступали просто: они нападали на замок, захватывали его и съедали тех датинцев, которые почему-либо не годились в рабы. Обосновавшись в замке, завоеватели заключали мир с окрестными поселениями, вожди которых истово убеждали себя, что чужаки удовлетворятся уже захваченным. Поначалу так оно и было. Но потом молодые шенны, которым тесно было в отцовских вотчинах, нарушили эту идиллию. Покорение одного народа другим вряд ли было результатом тщательно разработанного плана. Скорее всего шенны одержали верх над датинцами потому, что они были лучше приспособлены. Случилось это не сразу, а в течение нескольких веков. В условиях, когда для поддержания жизни одного индивидуума требуется территория в несколько гектаров, агрессивность становится просто необходимой: ведь надо эти гектары захватить, а потом еще и отстоять.

Разница между полами, необычная среди разумных существ, также, вне всякого сомнения, возникла в итоге какой-либо мутации. Поскольку шенны-самцы были воинами и часто гибли во всяких схватках, для увеличения

численности племени введена была полигамия. Основным занятием самцов были охота и война. Присматривавшие за детенышами самки не могли принимать участия ни в том, ни в другом и потому постепенно стали пассивными и туповатыми.

(Вначале шеннов было раз-два и обчелся, и в течение долгого времени численность их племени оставалась практически неизменной. То есть, когда произошел генетический сдвиг, он оказался очень мощным. Побочными его эффектами были появление у самцов гривы и другие, не столь безвредные, но все же сильно повлиявшие на организм изменения.)

В конце концов древняя раса была стерта с лица планеты. Уровень радиации потихоньку уменьшился; возникли новые биологические организмы, да и некоторые из старых вернулись к жизни. Прошло много времени, прежде чем на Датине восстановилась плодородность почвы. Но машинная культура возродилась гораздо раньше. По книгам, преданиям, по ржавым каркасам с помощью немногих рабов шенны принялись воссоздавать то, что сами же разрушили.

Но тут их природа, верой и правдой служившая им на протяжении сотен лет, сыграла с ними злую шутку. О каком сообществе, без которого невозможно применение передовых технологий, могла идти речь, когда каждый самец жил в уединении со своим гаремом и готов был вызвать на смертный бой каждого, кто осмелится ступить на его территорию?

Однако дело обстояло вовсе не так просто. Говорят, что нет двух таких людей, которые во всем походили бы друг на друга. То же самое можно сказать и о шеннах. Те из них, кому не улыбнулась в жизни удача, стремились найти приют при дворе богатого сородича. Так образовался удел: несколько полигиничных семей жили вместе, подчиняясь наделенному абсолютной властью патриарху. Этот удел, в котором соблюдалась строгая иерархия, был основной единицей нового датинского общества — как племя у людей,

матрилинейный клан на Цинтии или вольный табун на Одине.

На любой планете процесс слияния основных единиц в крупное образование идет со скрипом. В результате же чаще всего возникают патологические объединения, удерживаемые лишь силой и все равно в конце концов распадающиеся. Достаточно вспомнить империи и всемирные ассоциации на Земле.

Иногда, правда, бывает и по-другому. Шенны были разумными существами. Поэтому они, как и многие другие народы, понимали необходимость сотрудничества. Пускай они эмоционально были не способны принять идею единого всепланетного правительства, — взамен его они создали конфедерацию баронств.

И тем более всякие раздоры были забыты, когда шенны открыли для себя дорогу к звездам!

— Ага, — кивнул Николас ван Рийн, — если они и в самом деле такие, мы с ними справимся.

— Загоним их обратно в каменный век и сядем им на шеи, — пробормотала Чи Лан.

Эдзёл поднял голову.

— Ну и что за гадости ты говоришь? Разве можно допустить такое?

— Ну да, конечно, тебя послушать, так пусть они резвятся на свободе, да еще с ядерным оружием, — съязвила Чи.

— Ну-ну, — сказал ван Рийн. — Ну, хватит. Вовсе ни к чему огульно хаять целый народ. Уверен, если найти к ним правильный подход, мы еще не раз потом помянем их добрым словом. — Он улыбнулся и потер руки. — Только вот чтобы их «расшеннить», понадобится куча денег. — Его улыбка стала шире и самодовольнее. — Ну что ж, друзья, на сегодня с делами как будто все. Наши бедные головы слишком устали. Пожалуй, надо им посочувствовать. Дэви, мой мальчик, будь так добр, принеси бутылочку «Джиневер» и пару ящиков пива.

Фолкейн собрался с духом.

— Я хотел подойти к вам раньше, сэр, да как-то не получилось, — сказал он. — Дело в том, что вы только что выпили последнюю кружку из наших припасов.

Ван Рийна, казалось, вот-вот хватит удар.

— Если вы помните, этот звездолет покидал Луну в большой спешке, — продолжил Фолкейн. — На борту у него лишь стандартные пищевые рационы. Разумеется, пиво тоже было... но откуда я мог знать, что вы присоединитесь к нам и...

Тут наконец ван Рийн обрел дар речи.

— Что-о-о-о? — возопил он так, что по салону пошло гулять эхо. — Да ты... целый месяц в космосе... и нечем промочить горло, кроме как... И даже пива нет?

В следующие полчаса в салоне творилось нечто невообразимое.

Глава 26

Полгода спустя по земному календарю.

Чандра Махавани, помощник министра иностранных дел Земного Содружества, бросил взгляд на коричнево-золотистый шар, на орбиту вокруг которого вышел линкор, и сказал:

— Нет, это просто недопустимо! Какая-то кучка капиталистов поработила весь мир!

Адмирал Флота Торгово-технической Лиги холодно взглянул на него.

— Как по-вашему, что шенны собирались сделать с нами? — Он был родом с Ферры, и саблевидные клыки весьма мешали ему говорить на любом из земных языков. Тем не менее в его словах явственно прозвучала насмешка.

— Вы даже не потрудились известить нас. Если бы не результаты расследования мастера Гарвера, которые вынудили меня прибыть сюда лично...

— Чего ради Лиге связываться с Содружеством или любым другим правительством? — Вайахо ткнул когтем в медленно кружившуюся на обзорных экранах Датину. — Мы здесь слишком далеко от них. Пусть скажут спасибо, что мы собственными силами устранили угрозу, никого в это дело не впутывая.

— Угрозу? — воскликнул Махавани. — Вы пригнали сюда целую армаду... без всякой видимой причины... заставили этих бедных... э... шеннов отдать вам все, что они с таким трудом построили: космические корабли, головные заводы... растоптали их суверенитет... ввергли их в экономическое рабство... О чем вы вообще говорите? Знаете, как это называется, сэр? Это называется породить ненависть, которая в скором времени приведет к серьезным конфликтам! А правительство Содружества твердо придерживается политики умиротворения. Прошу не забывать, что в случае войны мы тоже окажемся в нее втянутыми.

— Никакой войны не будет, — отозвался Вайахо. — Это я вам гарантирую. И потом, я бы не стал на вашем месте говорить о рабстве. Да, разумеется, зугайа, мы лишили их возможности развязать войну, мы контролируем их промышленность, мы стараемся сделать так, чтобы их экономика полностью зависела от нашей. Но все это — ради одной-единственной цели: не дать поднять голову реваншизму. По правде сказать, я не думаю, что все это возможно. Шенны как будто не испытывают особых сожалений, подчиняясь, — подчиняясь тому, кто оказался сильнее их.

Мимо них по коридору, держа в руках мнемоленту, прошла женщина. Вайахо приветствовал ее.

— Вы не могли бы задержаться на минутку? Познакомьтесь: сударыня Белдэниэл. Мастер Махавани с Земли. Сударыня Белдэниэл очень помогает нам в налаживании контактов с шеннами. Кстати, вы знаете, она с раннего детства воспитывалась у них? Сударыня, согласны ли вы, что шенны не видели от Лиги ничего, кроме добра?

Худощавая женщина средних лет насупила брови, размышляя.

— Ничего не могу вам сказать, сэр, — откровенно ответила она. — Но, с другой стороны, выбрав из двух зол меньшее и влившись в Техноцивилизацию, шенны, по-моему, поступили правильно. Иначе им оставалось только погибнуть. — Она фыркнула. — Всем ведь хочется жить, и они не исключение.

— Но как же с экономикой? — не сдавался Махавани.

— Естественно, мы хотим, чтобы наши усилия окупились, — сказал Вайахо. — Но мы не пираты. Мы вложили в их предприятия определенные средства и рассчитываем получить известные прибыли. Кроме того, вы должны помнить, что бизнес — это не игра в один карман. Мы улучшаем этот мир к выгоде его обитателей.

Махавани покраснел.

— Вы хотите сказать, сэр, что ваша треклятая Лига имеет наглость брать на себя функции правительства?

— Не совсем так, — промурлыкал Вайахо. — Никакому правительству не удалось бы добиться столь многого. — Он рывком поднял с сиденья свое длинное тело. — Прошу прощения, но нас с сударыней Белдэниэл ждут неотложные дела.

В саду на Земле Николас ван Рийн оторвался от экрана — только что промелькнули последние кадры видеофильма, привезенного недавней экспедицией на Сатану. Он вкрадчиво улыбнулся глядевшим на него с других, меньших экранов человеческим и нечеловеческим лицам, принадлежавшим могущественнейшим промышленникам Галактики.

— Ладно, друзья, — сказал он, — как вы видите, у меня есть все основания требовать себе монополии на разработку этих богатств. Но поскольку я всего лишь бедный старичок, которому только и нужно, что нежиться на солнышке да попивать вечерами сингапурский слинг, да поторговывать сахаром, пряностями и прочими вкусными вещами, меня эти

сатанинские сокровища не прельщают. Я не собираюсь сам связываться с этой чудесной планетой, где деньги валяются прямо под ногами. Нет-нет, и не просите. Но я был бы рад продать вам особые права... естественно, договорившись сначала о дележе прибылей. Скажем, процентов тридцать — сорок... Заметьте, многого я себе не прошу. Вы как будто хотите возразить?

Выйдя на орбиту вокруг Луны, «Через пень-колоду» начал набирать скорость. Фолкейн долго глядел на кормовой экран.

— Что за девушка! — пробормотал он.

— Кто, Вероника? — спросила Чи.

— Да. Такую поискать. — Фолкейн раскурил трубку — И чего ради нас снова куда-то несет? Не понимаю.

— Хочешь, объясню, — предложила Чи. — Еще пару дней той жизни, которую ты там вел, и ты бы лопнул. — Она взмахнула хвостом. — А мне стало скучно. Так славно снова оказаться на воле!

— И очиститься, — добавил Эдзел.

— И правда, — согласился Фолкейн. — Я пошутил. Звучит довольно высокопарно, но ведь мы на самом деле принадлежим космосу.

Включив привод механических рук, смонтированных именно ради этого, Пень швырнул на стол колоду карт и пригоршню покерных фишек.

— В таком случае, капитан, — сказал он, — следуя предложенной вами программе на ближайшие часы, рекомендую вам заняться делом. Ваша очередь сдавать.

ПРОЛОГ

Минус 500 000 лет

Была когда-то великая гордая звезда, яркая, как целая сотня солнц. Четыреста миллионов лет ее ровное бело-голубое сияние отторгало прочь окружающий звезду мрак и бросало вызов далеким ярким бриллиантовым россыпям других солнц, теснившихся на небосводе. По дальней орбите вокруг нее обращался спутник, вполне достойный своей величавой звезды; масса его в полторы тысячи раз превышала земную; отвердевая, планета сияла тусклым красным огнем. Вероятно, в системе звезды были и другие миры со своими лунами; теперь судить об этом невозможно. Мы знаем, что у исполинских звезд редко бывают спутники, а значит, эта планета была обязана своим существованием то ли причуде Всевышнего, то ли судьбе, то ли чистой случайности.

Исполины умирают молодыми, и смерть их так же исполнена величия, как жизнь. Настал день, когда 51дро выработало свой запас водородного топлива. Вместо того чтобы разбухнуть и приобрести красный цвет, как сделало бы любое старое солнце меньшего размера, эта звезда сжалась под действием собственного притяжения. На волю вырвалась невообразимо огромная энергия; атомы сталкивались и соединялись, образуя причудливые, доселе неведомые химические элементы; в итоге звезда взорвалась, на миг воссияв яростной вспышкой, почти такой же яркой, как свет всей Галактики.

Ни одна заурядная планета не выдержала бы натиска такой тепловой волны. Мир размером с Землю исчез бы без следа, даже его железное ядро — и то обратилось бы в пар. Даже громадный спутник звезды потерял едва ли не всю

свою массу; водород и гелий попросту улетели в бескрайнюю бездну. Но на это ушло столько энергии, что металлическое ядро планеты только расплавилось, и его захлестнуло кипящее вещество, выброшенное бившейся в предсмертных судорогах звездой.

Но еще больше этого вещества унеслось в космическое пространство. Десятки тысяч лет обломки звезды и планеты вихрем вертелись в центре туманности, похожей издалека на сияющее волшебное кружево. Но с расстояния в несколько световых лет туманность уже было не разглядеть: она тускнела и исчезала из виду, поскольку ее затмевал космический сумрак. Остов планеты сковал холод, и она только едва заметно поблескивала, когда ее кора, образованная сплавами различных металлов, отражала мерцание далеких созвездий.

Пятьсот тысяч лет останки планеты одиноко плыли сквозь бездну.

Минус 28 лет

Мир, который люди называют Бабуром, никогда не станет их домом. Покинув космический корабль, Бенони Стрэнг тотчас почувствовал неистовую силу здешнего тяготения. Нагрузка на его опорно-двигательный аппарат в полтора раза превышала притяжение Гермеса, где вырос Стрэнг, или Земли, вырастившей его расу. Мышцы заболели, не выдерживая собственного веса. Скафандр, обеспечивающий жизнедеятельность, давил на плечи, как каменный.

Но хотя Стрэнг мог включить свой пропеллер и вылететь из шлюзовой камеры, он предпочел спуститься на грунт по сходням, будто прибывшая с визитом венценосная особа.

Сначала он толком и не понял, что существа поджидают его. Могул стоял высоко в подернутом дымкой и затянутом красными тучами лиловом небе. Он сиял еще яростнее, чем Майя или Солнце, но был слишком далеко и оттого казался

крошечным. Серебристый грунт, ледяная гора в километре от корабля и низвергающийся с ее отвесных стен каскад жидкого аммиака отражали свет, но его было недостаточно, чтобы видеть горизонт. Стрэнгу показалось, что слева, на самой границе видимости, стоит купа маленьких деревьев с длинными черными ветвями, а справа вроде бы поблескивает искорками город, которому там и надлежало находиться. Но все выглядело очень неопределенно, а о том, какой прием ему здесь окажут, ничего нельзя было сказать наверняка. Все формы жизни, которые мог различить Стрэнг, выглядели столь причудливо и чуждо, что он забывал их облик, едва отведя глаза. На этой планете ему придется заново учиться пользоваться зрением.

Атмосфера состояла из гелия и водорода, а оттого и шум падающего аммиака, и топот сапог по сходням, и скрип подошв на грунте звучали пронзительно. Зато дыхание облаченного в шлем Стрэнга и пульс в ушах казались глухими, как удары басового барабана. Стрэнг взмок, пот щекотал ноздри, но он почти не замечал этого из-за охватившего его возбуждения.

С каждым шагом размытые контуры впереди обретали четкость очертаний, пока не превратились в горстку существ. Их было с дюжину. Одно из них двинулось навстречу Стрэнгу. Он откашлялся и смущенно сказал в переговорное устройство:

— Я — Бенони Стрэнг. Вы хотели, чтобы я прибыл к вам.

У бабурита было переговорное устройство, превращающее хмыканье и бормотание в английские слова.

— Мы потребовали этого в равной мере и для твоего, и для нашего блага. Если тебе надлежит поддерживать с нами тесные связи и изучать нас так же, как мы будем изучать тебя, значит, тебе придется часто подниматься на поверхность и вступать в прямое соприкосновение с нами. Это посещение должно стать твоим испытанием на годность.

Его уже проверяли на годность в средокамерах школы, где он проходил подготовку. Но Стрэнг ничего не сказал,

потому что такое заявление могло прозвучать обидно. Несмотря на два десятилетия тесных сношений, несмотря на торговлю, которая достигла высшей точки, когда в обмен на космическую технологию люди стали получать тяжелые металлы и некоторые другие товары, им по-прежнему очень мало было известно о бабу-ритах. «Нам и невдомек, сколько они про нас знают», — вспомнилось Стрэнгу.

— Благодарю вас, — отвечал он. — Боюсь, со мной будет хлопотно, но в конце концов я добьюсь того, что вы получите награду за ваши усилия.

— Каким образом?

— Разумеется, найдя новые области взаимовыгодного делового сотрудничества. — Стрэнг умалчивал о том, что его руководство весьма слабо надеялось на успех. Ему еле-еле удалось получить это задание — в основном потому, что он хотел за несколько лет приобрести кое-какой опыт практической работы. Стрэнг был молодым ксенологом, изучающим планеты, которые не превышали размерами Юпитер.

Он ничем не выказал своих честолюбивых устремлений. Время еще не пришло и придет не раньше, чем он раздобудет доказательства тому, что придуманная им схема вполне возможна. Если, разумеется, он их вообще раздобудет.

— После того что случилось на Сулеймане, — продолжал туземец, — мы подвергаем сомнению любые посулы Торгово-технической Лиги.

Ровный искусственный голос не мог передать неприязненных ноток. Но действительно ли эти слова были продиктованы неприязнью? Кто может заглянуть в сердце бабурита? Да у них и не было ничего похожего на Сердце.

— Галактическая компания пряностей и спиртных напитков — это еще не вся Лига, — ответил Стрэнг. — Я представляю совсем других людей, которых связывает с компанией только общее членство в Лиге, а членство в наши дни утратило свое былое значение.

— Это мы будем изучать, — ответило ему существо. — Вот почему мы будем сотрудничать с вашей научной группой.

Мы намерены не только давать, но и получать знания, такие сведения, которыми должна вооружиться наша цивилизация, прежде чем претендовать на место рядом с вашей.

Стрэнг тотчас воспарил на крыльях мечты.

Минус 24 года

Оба спутника Гермеса стояли высоко над горизонтом: Кадуцей поднимался, маленький, но зато почти полный; широкий серп Сандалиона садился на западе. Высоко н сумрачном небе блеснули золотистой вспышкой два крыла, когда на них упали лучи молодого утреннего солнца. В шелестящей на легком ветру кроне миллионолистника запела тилирра. В каньоне, прорезанном рекой Паломино, журчали ее быстрые звонкие воды, но сюда, наверх, доносился только приглушенный рокот.

Сандра Тамарин и Петер Асмундсен вышли из дома на террасу. Остановившись у перил, они устремили взгляды вниз, в сумрак, в котором тускло поблескивала вода, потом обвели глазами лес, опоясывавший Ветреное Кольцо, и, наконец, посмотрели на лежавшие впереди лиловые силуэты холмов Аркадии.

Они взялись за руки.

— Жаль, что тебе надо ехать, — г наконец проговорила Сандра.

— Мне тоже жаль, — ответил Петер. — Я так хорошо гостил здесь.

— Ты совершенно уверен, что не сможешь управлять делами отсюда? У нас есть полный набор оборудования, средства связи, вычислительные машины, аппаратура для сбора данных — все, что нужно.

— При обычных обстоятельствах этого было бы вполне достаточно, но сейчас... Мои работники с Травера правильно делают, что жалуются. На их месте я и сам пригрозил бы начать забастовку. Если уж я никак не могу избежать предоставления льгот Последователям, то надо по крайней мере

попробовать разработать систему возмещения для ребят с Травера, хотя бы дополнительные отпуска, что ли. Их предводители скорее пойдут на уступки, если я возьму на себя труд приехать и лично встретиться с ними.

— Наверное, ты прав. В таких делах тебе чутья не занимать. — Сандра вздохнула. — Жаль, я не такая.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга, потом Петер сказал:

— Ты такая. Даже в большей степени, чем тебе кажется. — Он улыбнулся. — Лучше бы... Вероятно, ты — наша будущая Великая Герцогиня.

— Ты правда так думаешь?

Вопрос, обсуждения которого они всячески избегали во время отпуска, вдруг снова встал перед ними, и деваться было некуда.

— Один раз и я в это уверовала. О да. Но теперь уж и не знаю. Вот почему я... укрылась здесь, в родительском доме. Слишком многие люди чересчур ясно, дали мне понять, кем считают меня теперь, когда они своими глазами увидели, к чему привела моя глупость.

— Довольно говорить чепуху, — произнес Петер, возможно, чуть резче, чем ему хотелось бы. — Не будь у твоего отца собственного дела, которое помешало ему выставить свою кандидатуру, его бы наверняка избрали. Но ты — его дочь, лучший из всех возможных кандидатов. Ты не уступаешь ему, а может быть, и превосходишь. А посему ты достаточно умна, чтобы понимать это. Ты хочешь сказать, что позволишь горстке чистоплюев и зазнаек сделать себе больно? Да тебе следует гордиться Эриком. Со временем твой малыш станет лучшим Великим Герцогом в истории Гермеса.

Сандра отвела взгляд и посмотрела на сумрачный дикий мир, раскинувшийся вокруг. Потом сказала — так тихо, что Петер едва расслышал ее:

— Если уж он и способен обуздать самого черта, то лишь благодаря своему отцу.

Она выпрямилась, вновь посмотрела Петеру в глаза и произнесла уже гораздо громче:

— Я больше не сержусь на Ника ван Рийна. Он обошелся со мной куда честнее, чем я с ним и с собой. И как можно сожалеть о том, что у меня есть Эрик? Но последнее время, признаюсь тебе, Пит, мне бывает досадно при мысли о том, что Эрик — незаконнорожденный. Хотелось бы мне, чтобы его отцом был человек, который может жить с нами вместе.

— Что-нибудь в этом роде можно устроить, — выпалил Петер и тотчас осекся. Они долго стояли в молчании, два рослых светловолосых человеческих существа, пытливо смотревших друг на друга сквозь окружавший их сумрак. Ветерок стих, тилирра знай себе пела, а река весело несла свои воды к морю.

Минус 18 лет

Корабль рыскал по пространству, пока не нашел потухшую сверхновую. Капитан Дэвид Фолкейн осмотрел вращающееся ядро планеты и увидел, что оно в сносном состоянии, но выглядело оно настолько негостеприимно, что Фолкейн окрестил эту планету Обитель Мрака.

Вскоре он привел туда и другие корабли, набитые существами, исполненными решимости выжать надежду даже из этого безрадостного мира. Они знали, что времени отпущено всего ничего и, пока возможно, следует дерзать и трудиться в поте лица.

Фолкейн с сотоварищами не стал задерживаться на Обители Мрака: у них была своя жизнь. Время от времени они заглядывали сюда, чтобы проверить, как идут дела, и труженики всякий раз благословляли их.

Минус 12 лет

Опустившись на Бабур, Стрэнг перестал ходить пешком; его поддерживал каркас, установленный на

гравитационных санях, и теперь он мог перемещаться более или менее свободно. Туземцы поняли, что он сможет держаться на их планете молодцом и завоюет уважение ее обитателей. Он вновь и вновь доказывал им это, иногда с риском для жизни, если в здешнем необузданном краю вдруг случался какой-нибудь катаклизм вроде землетрясения или снежной лавины. Сегодня он сидел в построенной из ледяных глыб комнате и вел многочасовую беседу с существом, которое про себя окрестил Ронзалом.

Разумеется, в действительности бабурита звали совсем не так. Просто встроенный в переговорное устройство компьютер решил передать серию импульсов именно этим словом: «Ронзал». Очевидно, оно ничего не значило, хотя Стрэнгу так и не удалось выяснить это наверняка. Как бы там ни было, но со временем он и носитель этого имени стали друзьями, или, во всяком случае, их отношения были настолько близки к дружеским, насколько это вообще возможно. А кто знает, насколько это возможно?

Язык, на котором они вели свои споры, зависел от того, что именно хотел сказать каждый из них. Английский или латынь Лиги лучше подходили для обсуждения одних вопросов, а сисеман — для других (эти три слога тоже были изобретением переговорного устройства). Но все равно им то и дело приходилось ощупью искать средства выражения своих мыслей. Иногда они не могли толком разобраться даже в собственных умозаключениях. И тот, и другой посвятили все свое рабочее время кропотливому наведению мостов между разными разумами и историями, но их труды были еще очень далеки от завершения.

И тем не менее Ронзал как-то исхитрился сообщить Стрэнгу весть, от которой в душе его грянули трубы:

— Последние очаги сопротивления подавлены. Вся планета попала в сети Империи, и теперь мы готовы обратить взор к другим мирам.

«Наконец, наконец! Но пройдут годы, прежде чем мы — Бабур и я — перейдем от созерцания к действию. Спокойно, Бенони, спокойно, парень!»

Человек заставил свой разум вернуться к размышлениям о менее возвышенных материях.

— Чудесно, — произнес он, выказав ровно столько воодушевления, сколько посчитал нужным. Земляне и бабуриты по-разному выражали свою радость. — Я и мои коллеги, разумеется, ожидали этого. Вы одерживали победы до тех пор, пока я не начал удивляться, как вообще то или иное общество осмеливалось оказывать вам сопротивление. По правде сказать, я только что вернулся с совещания с моими... — Он поколебался. — ...с моим руководством.

«Хотя они мне больше не начальники. По мере ускорения хода событий, по мере того как Бабур делался все более похожим на тот инструмент, в который я надеялся его превратить, а сам я стал главным и жизненно важным связующим звеном между ними и Бабуром, я сравнялся, с этими людьми. И в конце концов намерен стать их старейшиной.

Но пока не будем об этом. Не стоит хвастаться. Мне предстоит пройти долгий и трудный путь, прежде чем я снова почувствую под ногами твердь Гермеса».

— Я уполномочен начать переговоры о создании вашего военного космического флота, — сказал Стрэнг.

— Мы обсуждали между собой, как сделать это экономически возможным, — отозвался Ронзал. — Как мы потянем расходы?

Пытаясь подавить распиравшее его возбуждение и вновь обрести хладнокровие, Стрэнг осторожно ответил:

— Вероятно, наши отношения уже прошли тот этап, когда мы строили их по принципу «деньги на бочку», как было до сих пор. Совершенно очевидно, что тех полезных ископаемых, которые вы можете предложить, не хватит на закупки наших вооружений. (Золото и серебро на Бабуре были дешевыми, потому что при здешних температурах их с гораздо большим успехом заменяла в промышленности твердая

ртуть. Соки местных растений были хорошей основой для органогалогенного синтеза. Некоторые другие материалы, по цепочке передававшиеся с планеты на планету до тех пор, пока потребители наконец не получали то, что хотели. Торговля между столь чуждыми друг другу мирами и в лучшем случае приносит доход, еле покрывающий затраты.)

— Наши народы могут обмениваться не только товарами, но и услугами, — сказал Стрэнг.

Ронзал умолк и, несомненно, погрузился в размышления. Насколько можно доверять чудовищам, которые дышат кислородом, пьют жидкую воду, скафандры которых источают печной жар? Стрэнг его понимал. Он тоже когда-то терзался неуверенностью и знал, что ему всегда будет немного не по себе, как и бабуриту. Словно напоминая себе, насколько он чужд этому миру, Стрэнг прищурился в полумраке и пытливо взглянул на Ронзала.

Когда оба стояли в полный рост, макушка Ронзала едва доставала Стрэнгу до пояса. Позади вертикального торса у бабуритов располагалось туловище в горизонтальной плоскости, поддерживаемое восемью коротенькими ножками и не имевшее хвоста. На туловище этом виднелось нечто вроде шеренги жабр. На самом деле это были оболочки, защищавшие трахеи, которые при здешней плотной водородной атмосфере снабжали организм воздухом так же исправно, как легкие Стрэнга, насыщавшие его кислородом. Из торса, будто побеги, росли две руки, заканчивавшиеся клешнями, как у омара, а из запястий торчали мощные щупальца, служившие пальцами. Голова почти целиком состояла из похожего на губку рыльца и имела четыре крошечных глаза на затылке. Ровная гладкая кожа была покрыта оранжевыми, синими, черными и белыми полосами; бабурит почти полностью был закутан в прозрачную мантию.

У бабуритов не было рта. Они брали снедь клешнями и засовывали в пищеварительную сумку на брюхе, где она разжижалась, после чего бабуриты всасывали пищу рыльцами. Органы слуха и обоняния помещались в трахеях,

голосовыми связками служили дрожащие мембраны по бокам головы. Бабуриты были трехполыми, и особи циркулировали по какой-то схеме в зависимости от обстоятельств, в которых Стрэнгу так и не удалось полностью разобраться.

Человек неопытный увидел бы только гротеск, но Стрэнг, наблюдавший этих существ в их родной стихии, обнаружил в них и достоинство, и мощь, и причудливую красоту.

Раздалось бормотание, тотчас переведенное устройством:

— Кто из нас будет в выигрыше?

— И мы, и вы, — ответил Стрэнг, а потом добавил, хотя и знал, что его слова покажутся слушателю бессмыслицей: — Безопасность. Мастерство. Слава. Справедливость.

Минус 9 лет

Отсюда, из-за прозрачных стен пентхауза Николаса ван Рийна, расположенного на вершине Крылатого Креста, Объединенный Чикаго выглядел как сказочное нагромождение шпилей, башен, разноцветных стен, хрустальных витражей, изящно изгибающихся транспортных магистралей, мерцающих гербов. Тут и там виднелись редкие купы деревьев и зеленые лужайки. И в небе, и на озере, равно как и на земле, царило оживление. Это зрелище так и не наскучило Фолкейнам, сколько бы они сюда ни приезжали. Правда, Дэвиду оно было еще более-менее внове, поскольку большую часть жизни он провел за пределами Земли. Но Койя, которая начала ездить в гости к дедушке сразу же, как только научилась ходить, тоже всякий раз воспринимала его как откровение. А сегодня оно захватило их, как никогда прежде: вскоре им предстояло отправиться в первое совместное путешествие — в такую даль, куда не залетает ни одна комета Солнечной системы.

Старик устроил им скромный прощальный обед, только для своих. Настоящие слуги из плоти и крови (он мог

позволить себе держать их) в счет не шли. Их хорошо вышколили, и они умели не мозолить глаза, а двух своих нынешних любовниц старик отправил в Джакарту, где у него был дом и где им надлежало в течение суток или около того дожидаться его приезда. Зная, что, по понятиям ван Рийна, скромный обед длится часа два, начиная с белужьей икры и кончая чудесным пористым сыром, Фолкейны постарались нагулять аппетит. Приветственным тушем им стала соната Моцарта; высокие пивные кружки соседствовали со штофами ледяной водки и десятком всевозможных копченых даров моря; в воздухе витал нежный дух тайских благовоний. По случаю приема хозяин дома принарядился, облачившись в сорочку с длинными рукавами, кружевным воротником и манжетами, переливающийся всеми цветами радуги жилет и темно-лиловые брюки (хотя на ногах у него были плетеные сандалии), и, казалось, пребывал в игривом расположении духа.

И тут зазвонил телефон.

— Wat drommel?[55] — взревел ван Рийн. — Я же сказал Мортенсу: не соединять ни с кем, кто по рангу ниже архангела Гавриила. Видать, та овсяная каша, что у него в голове, совсем остыла и сбилась в комки, ха!

Шлепая ногами, он переместил свои дородные телеса по широкому ковру в дальний конец гостиной, где стоял аппарат.

— Ну, сейчас он у меня получит по заслугам, flambe[56], проклятье!

Он ударил волосатым пальцем по кнопке «прием».

— Звонит госпожа Леннарт, сэр, — объявила фигура на экране. — Вы сказали, что поговорите с ней в любое время, когда она сочтет нужным удовлетворить вашу просьбу о беседе. Соединить ее с вами?

Ван Рийн заколебался. Он подергал себя за козлиную бородку» украшавшую его тройной подбородок. У него был

[55] Какого черта? (гол.)
[56] Костей не соберет (фр.).

покатый лоб, узко поставленные черные глазки, похожие на бусинки, и огромный крючковатый нос. Он метнул на гостей быстрый взгляд. Вопреки широко распространенному поверью, у владельца Галактической компании пряностей и спиртных напитков была настоящая душа, а не протез, сделанный из криогенного компьютера. Он просто обожал свою любимую внучку и всячески продвигал ее молодого супруга, пока не сделал его своим доверенным посредником.

— Я наперед знаю, о чем она будет кудахтать, — прорычал ван Рийн. — О Гризмале. Это не для нашего развеселого сборища.

— Пожалуй, тебе не следует упускать ни одной возможности пообщаться с ней, не правда ли, Гунунг-Туан? — сказала Койя. — Давай же. А мы с Дэви пока полюбуемся видом.

Она не предложила ему поговорить по телефону из другой комнаты. Подразумевалось, что ван Рийн мог доверять им, как самому себе. По мере того, как понижалась степень взаимного доверия в общественных образованиях, таких, как Галактическое Содружество или Торгово-техническая Лига, лояльность становилась все более и более личной.

Ван Рийн испустил вздох, похожий на дуновение небольшого тайфуна, и устроился в кресле. Брюхо его величаво разлеглось на коленях.

— Я недолго, — пообещал он. — Будет спорить, тотчас окорочу. У меня от этой Леннарт несварение желудка, ja[57], там сок закипает. Но мы должны держать круговую оборону, спина к спине, и неважно, что у этой дамочки она костлявая... Соединяйте, — велел ван Рийн своему старшему секретарю.

Фолкейн и Койя со стаканами в руках вновь подошли к прозрачной стене и устремили взоры на город. Но вскоре отвели глаза и посмотрели друг на друга, ибо каждый считал другого куда более прекрасным зрелищем, чем тот мир, который раскинулся вокруг них там, внизу.

---

[57] Да (гол.).

Возможно, он любил ее меньше, чем она его, поскольку был восемнадцатью годами старше и, вдоволь поскитавшись, познал немало женщин с самых разных планет. Но Дэвид нутром чуял, что после всех своих долгих странствий наконец обрел ту тихую гавань, которую всегда искал, сам того не сознавая. Койя Коньон, с гордостью следовавшая обычаю своего поколения и носившая теперь имя Койя Фолкейн, была высокой и изящной женщиной. Сейчас на ней был свободный алый костюм. Прямые темные волосы ниспадали на плечи, обрамляя овальное лицо с большими зелеными глазами, в которых играли золотые искорки, с широким пухлым ртом и маленьким твердым подбородком; носик у нее был такой же вздернутый, как у Дэвида, а кожа напоминала позолоченную солнцем слоновую кость.

Койя все никак не могла наглядеться на него. Дэвид тоже был высок, серый костюм не мог скрыть его атлетического сложения. Лицо было скуластое, узкое, с синими глазами, а волосы — белокурые, с соломенным оттенком, присущим представителям аристократических семейств Гермеса. Осанка у него была прямая, что тоже свойственно этому сословию, но вот губы казались унаследованными от кого-то еще, поскольку были слишком улыбчивыми. Пока Дэвид не нуждался в медитехнической помощи: он и так выглядел моложе своего возраста. А был ему сорок один год.

Дэвид и Койя чокнулись пивными кружками и улыбнулись друг другу, но вопль ван Рийна заставил их невольно переключить внимание на него.

— Что вы сказали?! — взревел торговец. Его черные кудри, какие были в моде лет тридцать назад, разметались по мясистым плечам. В голове Фолкейна пронеслось воспоминание о том, как совсем недавно одна конкурирующая фирма разработала целую шпионскую операцию, чтобы выяснить, завивается старик или нет. Ответ на этот вопрос помог бы ей рассчитать, как скоро начнет ослабевать его хищная деловая хватка. Но попытка шпионажа провалилась.

— Не надо шутить, Леннарт! — гремел ван Рийн. — Это вам не к лицу. Даже в шутовском наряде, с красным помпоном на носу и намалеванной ухмылкой, вы все равно будете выглядеть так, словно собираетесь цитировать какого-нибудь жалкого еврейского пророка, поющего за упокой. Давайте серьезно обсудим, как нам устроить все таким образом, чтобы положить конец этой заразе!

Взгляд Ханни Леннарт буравил его с расстояния в несколько тысяч километров. Она была тощей блондинкой болезненного вида, в нелепой тунике, расшитой золотом.

— Это вы занимаетесь шутовством, мастер ван Рийн, — ответила Ханни. — Я вам понятным языком говорю: «Домашние Компании» не пойдут против законопроекта Гарвера. И позвольте мне, ради вашего же блага, внести предложение. При нынешнем настрое общественного мнения вам будут давать дурные советы натравить на этот законопроект как ваших явных лоббистов, так и тайных мастеров подкупа. Они непременно потерпят неудачу, и единственным вашим завоеванием станет всеобщая неприязнь.

— Но... Hel en verdoemenis![58] Разве вы не видите, чем это чревато? Если профсоюзы получат такой рупор в руководстве, это будет куда хуже, чем верблюжий нос в нашей палатке. Нет, черт возьми, это будет зловонное верблюжье дыхание и заляпанные песком копыта, а вскоре он втиснется в палатку целиком, и можете представить себе, что будет тогда.

— Ваши страхи преувеличены, — ответила Леннарт. — Как всегда.

— Никогда. Все, о чем я предупреждал, сбывается год за годом: хлоп, хлоп, хлоп. Слушайте. Профсоюз, как и любая компания, представляет собой организацию, предназначенную для извлечения прибылей. И неважно, как он будет сотрясать воздух, крича о рабской доле трудяг. Ладно, пока профсоюзы честны и жадны, вреда от этого нет. Но сегодня

[58] Ад и проклятье! (гол.)

они превратились в политические организации, связанные с правительством, будто какие-нибудь головоногие сиамские близнецы. Дать им заправлять этими фондами — значит позволить правительству влезть в ваши дела.

— Но это можно поставить на взаимную основу, — заявила Леннарт. — Если честно... сейчас я говорю от себя лично, а не от имени «Домашних Компаний»; так вот, если честно, я полагаю, что ваше мнение о правительстве как о естественном враге любой разумной жизни, такое мнение характерно для мышления мезозойской эры. Хотите яркий пример того, куда оно может вас завести? Что ж, загляните за пределы Солнечной системы, посмотрите, что делает «Семерка» — методично, жестоко, губя одну планету за другой. Или вам безразлично?

— «Семерка» сама не пожелала вступить в открытое состязание...

— Мастер ван Рийн, мы оба — занятые люди. Я оказала вам любезность и позвонила, чтобы посоветовать не тратить попусту силы, пытаясь настроить «Домашние Компании» против законопроекта Гарвера. Теперь вы знаете, что мы говорим на полном серьезе. Мы будем вполне удовлетворены, если этот законопроект пройдет, и мы имеем все основания быть уверенными в этом, несмотря на любое возможное противодействие — ваше и вам подобных. А теперь, может быть, закончим этот спор и вернемся к нашим делам?

Физиономия ван Рийна сделалась красновато-бурой. Он пробормотал несколько слов, воспринятых Ханни как свидетельство согласия.

— Что ж, тогда до свидания, — сказала она и отключилась. Пустой экран тихо загудел.

Спустя минуту Фолкейн подошел к старику.

— Похоже, дурные вести, — рискнул предположить он.

Мало-помалу ван Рийн перестал напоминать заткнутый пробкой вулкан.

— Да, весть неприятная, — пробормотал он. — Препротивнейшая весть. Мерзкая, гадкая, тошнотворная весть. Будем считать, что никто никогда ничего не вякал.

Койя подошла и, став рядом с креслом, погладила густую гриву деда.

— Нет, Гунунг-Туан, выкладывай, — тихо сказала она. — Тебе сразу полегчает.

Ван Рийн изложил полученную информацию, перемежая свою речь проклятиями и малопонятными фразами на разных языках. Эдвард Гарвер, парламентарий из Луноградa, внес законопроект, по которому управление частными пенсионными фондами для служащих компаний, которые являются гражданами Содружества, контролировалось профсоюзами. Применительно к Пряностям и спиртным напиткам это означало подчинение главным образом профсоюзному объединению техников. «Домашние Компании» решили не мешать принятию этой меры. Скорее уж их представители станут работать в соответствующих комиссиях, дабы усовершенствовать законопроект так, чтобы он устраивал обе стороны. Это означало, что Торгово-техническая Лига не могла выступить единым фронтом: «Домашние Компании» и их дочерние предприятия имели слишком много голосов в совете директоров. Кроме того, «Космическая Семерка» скорее всего воспримет случившееся совершенно равнодушно, поскольку этот закон почти не затронет ее. А вот независимые предприятия, такие, как у ван Рийна, работающие на межзвездном уровне, но продающие изрядную долю своих товаров в пределах Содружества, и впрямь окажутся в затруднительном положении, с точки зрения держателей основных денежных сумм.

— И когда объединение техников начнет говорить нам, куда вкладывать деньги, оно получит немалую власть в дополнение к уже имеющейся, — закончил торговец. — И это будет не просто влияние на наши дела, но и на всю финансовую политику, деловую жизнь и правительство, а

правительство все более рьяно стремится командовать народом. Ах, не завидую я вашим будущим детям.

— Разве, по-вашему, нет никакой надежды направить события в другое русло? — спросил Фолкейн. — Уж я-то знаю, сколько раз вам приходилось опрокидывать всех, кто путался под ногами. Может, приналечь на связи с общественностью? Покатить бочку на кого надо? Вы же прекрасно знаете все эти приемчики...

— Наверное, это бесполезно, если «большая пятерка» против нас, — удрученно проговорил ван Рийн. — Возможно, я ошибаюсь, но... ja, ja, Дэви, малыш, я на тридцать лет старше тебя, а человек в конце концов устает, даже если у него вечные хромосомы и хорошие специалисты по омоложению. Я мало что могу сделать. — Он встряхнулся. — Эй, да что я мямлю? Мы же собрались повеселиться и напиться нынче вечером! А потом Койя отправится вместе с твоей командой и привезет мне много новых замечательных богатств. — Старик тяжело поднялся со стула. — Надо выпить еще, а то в глотке сухо, как на Марсе. Где этот неповоротливый дворецкий? Еще пива, я говорю! Еще водки! Больше, больше, черт побери!

Минус 7 лет

Солнце по имени Елена было карликом, но его планета, Валия, обращалась совсем близко, отчего красно-оранжевый диск солнца в небе цвета индиго казался огромным. Сейчас было Утро, и зайдет солнце только спустя без малого сорок часов. Спокойная поверхность океана поблескивала, будто какое-нибудь озерцо. Холмы полого сбегали к воде. Они были покрыты бурым дерном и поросли жестким кустарником. Крошечные яркие летучие существа, которые, однако, не были насекомыми, парили на волнах теплого бриза, слегка отдающего железом.

На улице возле штаба научной экспедиции Эрик Тамарин-Асмундсен сердито и настойчиво повторял свои жалобы

начальнику, Анне Карагацис. Рядом с ними неуклюже стоял долговязый, похожий на паука туземец, которого они окрестили Чарли. Он был покрыт синей шерстью, а голова его, снабженная антеннами, по форме была похожа на каплю.

— Повторяю: так вы ничего не добьетесь, только время зря потеряете, — говорила женщина. — Думаете, я сама не возражала, не молила и не прибегала к угрозам? Но Уайлер только смеялся надо мной — до тех пор, пока не разозлился и не начал угрожать мне расправой в случае, если я не перестану ему докучать.

— Я этого не знал! — Эрик застыл, кровь прилила к лицу, и он попытался взять себя в руки. — Пустые угрозы. Они не посмеют причинить вред кому-нибудь из нас. Да и что они могут сделать?

— Не знаю. — Карагацис вздохнула. — Но я была в их лагере и видела, как хорошо они вооружены. А мы? Всего лишь община, состоящая из исследователей и обслуживающего персонала. В нас сроду никто не стрелял. Люди из «Звездных» могут сотворить с нами все, что пожелают. И здесь не действуют законы ни одной цивилизации.

— Неужели? Содружество требует права наказывать своих граждан за проступки, совершенные в любом месте.

— Верно. Но я подозреваю, что многие члены группы Уайлера, если не все, имеют другое гражданство. Кроме того, никакая полиция не попрется проводить расследование по нашему вызову за две сотни световых лет.

— Гермес не так уж далеко отсюда.

Карагацис окинула его пытливым взглядом. Эрик был здоровенным верзилой. Из-за бурого загара он выглядел старше своих лет (ему был двадцать один год по стандартному летоисчислению). У него было широкое лицо с римским носом, квадратным подбородком и карими глазами. Обычно оно выглядело миловидно-безобразным, но сейчас окаменело от возмущения. Подобно мужчинам своей родной планеты и землянам, он не носил бороды и зачесывал черные кудри на уши. На нем был простой рабочий

комбинезон и сапоги, но на лямке красовался герб герцогского рода.

— А что может сделать Гермес? — с сомнением проговорила Карагацис. — И что он станет делать? Валия не имеет для вашего народа никакой ценности, уж это точно.

— «Звездные металлы» ведут с нами торговлю, — напомнил ей Эрик. — Не думаю, что начальство скажет Уайлеру спасибо, если он станет провоцировать надежного торгового партнера.

— Неужели очередные беспорядки на какой-то отсталой планете и впрямь кого-нибудь разозлят? Если бы вы были там, никогда не служили здесь и знали обо всем этом только понаслышке, разве вас волновали бы здешние дела? Хоть себе-то не врите.

Эрик вздохнул:

— Госпожа, я здесь. Я должен попытаться. Или нет?

— Ну... — Она наконец пришла к решению. — Что ж, очень хорошо, лорд Эрик, — осторожно произнесла Анна, обращаясь к нему так, словно тот диалект английского, на котором говорили на Гермесе, был и ее родным языком. — Можете отправиться туда и выяснить, способно ли ваше влияние как-то исправить положение. Только не задирайте их. Не делайте глупостей. И не давайте никаких обещаний туземцам. — Боль прорвалась сквозь броню ее сдержанности. — Мне и без того мучительно видеть их, когда они в растерянности приходят сюда. Они ведь думали, что люди — их друзья. Больно сознаваться в своем бессилии хоть что-то для них сделать.

Эрик опустил глаза и искоса взглянул на Чарли. Этот туземец отыскал Эрика тотчас после его возвращения. Познакомились они, когда гермесец вел изыскания в горах, из которых Чарли бежал и где теперь не мог появиться. Эрик в растерянности произнес:

— Я не старался внушать этому парню ложных надежд, госпожа.

Карагацис грустно улыбнулась ему:

— По крайней мере, мне вы их не внушили.

— Наверное, я скоро вернусь, — сказал Эрик. — Пожелайте мне удачи. До свидания.

Он быстро зашагал прочь в сопровождении Чарли.

Несколько человек окликнули их, пока они шагали мимо. Приветствия были невеселые. Вторжение прямо или косвенно расстроило планы всех и каждого. Но гораздо важнее, вероятно, было то обстоятельство, что рабочие любили обитателей Валии. И им было нелегко стоять и беспомощно смотреть, как грабят горцев.

«Беспомощно? — подумал Эрик. — Это мы еще посмотрим». Но в то же время где-то на задворках сознания зудела мысль о том, что грабеж продолжается уже не первую неделю. И если обуздать «Звездные металлы» в принципе возможно, неужели никто до сих пор ничего не предпринял бы?

Сам он и его товарищи были на другом континенте и занимались в основном изучением ритуальных танцев. На этой планете хореография повсеместно считалась сокровенной и очень сложной стороной жизни здешнего общества. Дабы свести к минимуму эффект своего присутствия, Эрик и его товарищи поставили машину подальше от селения. Риск, связанный с отсутствием радиосвязи, был, похоже, несущественным. Но, вернувшись, он узнал, что стряслась беда, которую он, вероятно, мог предотвратить...

За пределами базы стояли штук пять покосившихся навесов. Их пластик резко выделялся на фоне тусклой красно-бурой местной растительности. Карагацис рассказывала Эрику, как работники «Звездных металлов» преследовали немногих независимых старателей, добывавших золото. Их деятельность не причиняла вреда — слишком невелик был ее размах. Тем не менее их прогнали, как и местных жителей, которые посмели оказать сопротивление. Беженцы ждали следующего корабля с припасами, чтобы улететь на нем.

Эрик увидел несколько человек, праздно сидевших неподалеку с унылым видом. Один из них поднялся и пошел

навстречу. Эрик уже встречал его прежде. Человека звали Леандро Мендоса.

— Привет, мастер Тамарин-Асмундсен, — сказал он, но не улыбнулся.

Гермесец думал о своем и на долю секунды растерялся. Кто? К представителям его сословия редко обращались по фамилии. Его называли «лордом Эриком», а близкие друзья — просто Эриком или Стрелком. Но тут он вспомнил, что Мендоса предпочитает земной английский, и выругал себя.

— Здравствуй, — сказал он и неохотно остановился.

— Уезжал, что ли? — спросил Мендоса. — Только что узнал, да?

— Да. Извини, я тороплюсь.

— К Шелдону Уайлеру? Думаешь, ты сможешь что-то сделать?

— Я это выясню.

— Только осторожнее, если хочешь выяснить все по-хорошему.

— Да, я слышал, его вооруженные громилы выставили вас с ваших копей. Где ваше оборудование?

— Распродано. Выбора не было. Мы вложили в него все, что имели, и еще не успели заработать денег на перевозку оборудования в другое место. У нас его выкупили по приемлемой цене, так что мы еще только наполовину ободраны.

Эрик поморщился:

— Разумно ли это? Разве это не ослабит ваши позиции при судебном разбирательстве? Вы же будете подавать в суд?

Мендоса издал трескучий смешок:

— В суд Содружества? Если «Звездные металлы» и не купили судью, то его купит другая компания. А у них все просто: услуга за услугу. Наше заявление выбросят, прежде чем мы успеем составить его по всей форме.

— Я имел в виду этический трибунал Торгово-технической Лиги.

— Ты шутишь? — Мендоса вздохнул раз-другой и добавил: — Ладно, если неймется, действуй. Ценю твои благие намерения.

Он понурил голову и отвернулся.

Эрик пошел дальше.

— Что сказал твой другой ты? — спросил Чарли — так звучал грубый перевод его певучей речи. Психологи по-прежнему бились над вопросом, какой смысл вкладывают жители гор в понятия «ты» и «я». А теперь всей горской культуре грозит уничтожение из-за развернувшихся там широкомасштабных разработок минералов.

Его собственный словарный запас был весьма скуден — итог занятий с индуктивным преподавателем.

— Он был одним из тех, кто забирал золото, прежде чем пришельцы выдворили их, — объяснил Эрик.

— Да, мы сами знаем их самих хорошо. Они щедро заплатили инструментом и одеждой за право выкопать несколько дыр. Пришельцы не платят ничего. Что есть много хуже, они разгоняют лесной скот.

— Человек, который говорил со мной, не надеялся, что я добьюсь успеха.

— А ты надеешься?

Эрик не ответил.

В гараже он выбрал машину и взмахом руки велел Чарли залезать. Антенна валианца дрогнула. Прежде ему ни разу не приходилось летать. Но когда аппарат бесшумно поднялся благодаря антиграву, Чарли посмотрел вниз сквозь пузырь кабины и сказал:

— Я могу указывать дорогу. Правь вон туда, — он показал на северо-восток.

«Человек, получивший сходное воспитание, не смог бы с первого раза так быстро сориентироваться в воздухе», — подумал Эрик. Он прибыл сюда около года назад, настроив себя на дружелюбно-покровительственный лад по отношению к существам, самая передовая культура которых достигла уровня каменного века. Постепенно Эрик дорос до

восхищения ими. В технологическом отношении они не могли дать расам, освоившим межзвездные путешествия, никаких полезных знаний, но тем не менее он задавался вопросом, какой вклад в конечном итоге их искусство и философия внесут в общее дело.

Если, конечно, их общества вообще сохранятся. Устои существования зачастую бывают очень уязвимы. Вот вам пример. Горцы кормились в основном мясом травоядных животных, не диких, но и не домашних; к ним не было вполне применимо любое из этих определений. Заполонив лучшие земли ищущими, рыщущими, копающими, ревущими машинами, экспедиция «Звездных металлов» прогнала стада, чем поставила себя на одну доску с саранчой древней Земли.

«Клянусь тремя слепыми Парками, — вдруг подумал Эрик, — ну почему именно золото стало важным промышленным сырьем?»

На это взрослый человек в нем сухо ответил: «Потому что оно — проводник, потому что оно — ковкий металл, потому что оно относительно инертно». Но мальчик продолжал спор: «А почему эти чужаки со своей корпорацией приехали грабить именно этот мир, когда есть тысячи необитаемых планет?» — «А потому, — ответил взрослый, — что один планетолог нашел богатое месторождение и об этом стало известно корпорации. Геологические изыскания уже были проведены, а к тому же на Валии не нужна дорогая и замедляющая работы аппаратура жизнеобеспечения».

«Но почему эти залежи оказались именно там, а не в другом месте?»

На этот вопрос ответа не было.

Машина стремительно летела над прибрежной равниной. Суша постепенно поднималась, превращаясь в лесистый горный склон. Вдруг в поле зрения попала безобразная полоса голого грунта возле какого-то озера. Чарли указал на нее, и Эрик пошел на снижение.

На земле, когда Эрик вылез из машины, к нему торопливо приблизились два охранника, человек и уроженец Мерсея.

— Что вы здесь делаете? — прошипел человек. — Здесь запретная зона.

— Кто дал вам права на владение этой землей? — сердито спросил Эрик.

— Не твое дело. Мы их имеем и пользуемся ими. Убирайся.

— Я хочу видеть Шелдона Уайлера.

— Хватит с него придурков вроде тебя, — рука охранника легла на кобуру бластера, висевшего на поясе. — Добром уберешься или погнать тебя взашей?

— Не думаю, что он одобрит ваше нападение на наследника гермесского трона, — сказал Эрик.

Наемникам не удалось скрыть волнения. До Великого Герцогства было не так уж много световых лет, и оно имело свой маленький военный флот.

— Ну ладно, пошли, — проговорил человек после долгих раздумий.

Пересекая пыльную площадку, Эрик видел всего нескольких рабочих. Почти все отправились валить лес. «Звездные металлы» не довольствовались разработкой жил и добычей золота из горных речек. Они брали золотоносный кварц, взрывая склоны гор, пропускали его через передвижной обогатитель и оставляли после себя ядовитый шлак. Компания пускала целые реки воды в гидросепараторы, не думая о том, сколько при этом погибнет плавучей живности.

В сборном бараке разместился по-монашески скромный кабинет. Уайлер восседал за письменным столом. Он был грузным мужчиной с грубыми чертами лица и усами, как у моржа. Поначалу он держался на удивление мягко. Отослав охранников, Уайлер гостеприимно сказал:

— Присаживайтесь. Вы курите? Эти сигары — из земного табака.

Эрик покачал головой и опустился на стул.

— Так, значит, когда-нибудь вы станете Великим Герцогом? — продолжал Уайлер. — Я полагал, что это выборный пост.

— Да, но обычно избирают старшего сына.

— Как же тогда вас угораздило угодить сюда в качестве ученого?

— Я готовлюсь. Великому Герцогу приходится иметь дело не только с человеческими существами. Кроме того, ксенологический опыт ... — голос Эрика внезапно оборвался. «Проклятье! Этот хитрый гад уже вынудил меня оправдываться», — подумал он.

— Значит, вы не уполномочены говорить от лица вашей планеты?

— Нет, но... нет... Я пишу домой. А со временем вернусь туда.

Уайлер кивнул:

— Разумеется, мы хотели заручиться вашим добрым мнением о нас. Не желаете ли выслушать нашу точку зрения в этом споре?

Эрик подался вперед, уперевшись кулаками в колени.

— Госпожа Карагацис уже сообщила мне то, что... вы сказали ей. Я знаю, как вы получили ваши «права на изыскания и добычу». Как мне известно, вы утверждаете, что недвижимость не подпадает под местные юридические установления и, таким образом, вы не нарушаете ничьих прав. Кроме того, вы утверждаете, что через год-другой работы будут завершены и тогда вы соберете манатки и отправитесь восвояси. Да. Вам нет нужды повторять все это.

— Тогда, возможно, вам нет нужды повторять слова вашего начальника.

— Но разве вас оставляет равнодушным то, что вы творите?

Уайлер передернул плечами:

— Всякий раз, когда корабль садится на новую планету, это ведет к определенным последствиям. Насколько мы знаем, никто не возражал против вольного старательства,

хотя у этих ребят не было никаких договоров и законных оснований на работы. Я был готов договориться о возмещении для попрыгунчиков… туземцев то бишь. Но тут мне понадобится помощь ваших знатоков. Однако я столкнулся с этим чертовым тупым сопротивлением.

— Да, поскольку уничтожение страны ничем не возместишь. Черт, да к чему этот разговор? — вспылил Эрик. — Вам все время было плевать на них. Вы с самого начала вели себя, как шайка мародеров.

— Это решит суд, не правда ли? Вряд ли они попытаются вчинить иск, коль скоро не могут предъявить свидетельств серьезного ущерба. — Уайлер водрузил локти на стол и соединил подушечки пальцев. — Откровенно говоря, вы меня разочаровали. Я-то надеялся, что вы не станете мусолить эту набившую оскомину тему. Я тоже могу заявить, что делаю благое дело, знаете ли. Промышленности нужно золото. А вы готовы противопоставить благополучие нескольких сотен этих чертовых дикарей потребностям миллиардов цивилизованных существ.

— Я… я… Очень хорошо. — Эрик вскинул голову. — Давайте начистоту. Вы нажили себе врага в моем лице, а я пользуюсь влиянием на Гермесе. Вы желаете, чтобы положение дел оставалось таким, как сейчас, или нет?

— Естественно, «Звездные металлы» хотели бы иметь друзей, с вашего позволения. А что касается ваших угроз… Признаюсь, я не знаток вашего народа, но, насколько помню, у вас есть свое собственное обездоленное сословие. Захочет ли оно проникаться чаяниями горстки паршивых чужаков, да еще когда все операции здесь будут благополучно завершены? Сомневаюсь. Думается, у вашей матушки больше здравого смысла.

В конце концов Эрик несолоно хлебавши вернулся к своей летающей машине. Он впервые в жизни потерпел такое разгромное поражение. Но, как и предупреждала Карагацис, ему стало еще больнее, когда пришлось рассказать о своем провале Чарли.

Минус 5 лет

Спутник Бабура, который люди окрестили Айша, был размером с Луну. Сидя на обзорной площадке одного из куполов колонии, Бенони Стрэнг разглядывал тускло освещенный каменный грунт, пепельно-серый и испещренный воронками. Звезды ровно сияли в черном небе. Атмосферы тут не было. Планета висела в вышине почти полным диском — громадный янтарный герб, украшенный лентами облаков, белизну которых смягчали оттенки охры и киновари. Над ближним горизонтом высилась похожая на скелет испытательная мачта для космических кораблей, напоминавшая осадную башню, возведенную для защиты от происков Вселенной.

Внутри куполов было более-менее тепло, земная гравитация и в общем пригодный для дыхания воздух. Стрэнг стоял на бархатистой траве среди цветочных кустов. В парке у него за спиной были площадка для игр в мяч, бассейн, фонтаны, столы, за которыми можно было вкусить лакомств и отведать отборных вин. По всей базе были сосредоточены разнообразные увеселения, от лавки, торгующей изделиями народных промыслов, и любительского театра до самых порочных заведений, не менее изощренных, чем на любой известной планете. Здешнему народу требовалось не только отдохновение от изнурительной работы. Людей надо было вознаграждать за то, что они проводят изрядную часть личной жизни на Айше, Бабуре и в окружающем их космическом пространстве, за отсутствие отпусков, запрет на прием гостей и цензуру отправляемых ими писем. Те, кто не мог больше этого выносить, несмотря на высокую зарплату, поступающую на их счета дома, перед отъездом подвергались принудительной очистке памяти. Этот пункт был одним из условий договора, и полиция колонии строго следила за его исполнением.

Стрэнг вспомнил ранние годы станции, тяжкий труд, опасности и лишения тех дней, когда люди выскребли себе

первые опоры для ног в этой пустыне. Он едва ли не жалел их. Сам Стрэнг тогда был еще совсем молодым.

«Хотя, в общем, никогда особенно не резвился, как положено молодняку, — подумал он. — Слишком много было работы».

— О чем задумался? — спросила Эмма Рейнхардт.

Он повернул голову и взглянул на нее. Это была миловидная женщина из Германии, помощник инженера, которая вполне могла стать его следующей любовницей: последнее время они довольно много общались друг с другом.

— Да просто подумал, сколько всего мы успели тут натворить, — ответил он. — И сколько еще надо будет сделать.

— Неужели ты никогда не размышляешь о вещах, не связанных с твоим... с твоим делом? — спросила Эмма.

— Работа всегда требовала от меня полной отдачи, — признался Стрэнг.

Эмма тоже пытливо оглядела его. Среднего роста, худощавый, с изящными движениями; лицо прямоугольное; волосы и усы гладкие, каштановые; глаза серо-голубые. Сейчас, в нерабочее время, он был облачен в изысканно сшитый свободный костюм.

— Иногда я спрашиваю себя, что будет с тобой после завершения этого проекта, — пробормотала она.

— Это случится еще не скоро, — ответил Стрэнг. — По моим нынешним оценкам, пройдет шесть стандартных лет, прежде чем мы сможем сделать первый важный ход.

— Если не будет никаких неожиданностей.

— Да. То, что не предусмотрено, практически неизбежно. Что ж, надеюсь, построенное нами окажется достаточно прочным, чтобы приспособиться к любым изменившимся условиям и не утратить способности к действию.

— Ты не так меня понял, — сказала Эмма. — Разумеется, тебе еще долго предстоит всем заправлять, но в конце концов ты перестанешь быть руководителем. Или, во всяком случае, тут разведется много других начальников. Что тогда?

— Тогда, а точнее немного раньше, я отправлюсь домой.

— На Гермес?

Он кивнул:

— Да. В каком-то смысле я считаю здешнее предприятие средством достижения этой цели. Я говорил тебе, какие страдания мне пришлось пережить там.

— Если честно, я не считаю все это чем-то ужасным, — ответила Эмма. — Ты принадлежал к траверам, не имел права голоса, вся пригодная для обработки земля принадлежала аристократам, и... Что ж, это и впрямь могло повергнуть в уныние честолюбивого мальчика. Но ты покинул планету и сделал карьеру. И никто не пытался тебе помешать.

— А как же те, кого я оставил?

— Да, как же? Им что, и впрямь житья нет?

— Они — мелкие сошки. Неважно, насколько легкой кажется их жизнь со стороны. Они — из низов общества. Их слово в политических вопросах ничего не значит. Клану плевать на прогресс, он не заинтересован в развитии; он только и делает, что цепляется за свои помещичьи привилегии. Поверь мне, всю тамошнюю гнилую систему надо было разгромить еще лет сто назад. Нет, следовало придушить ее в зародыше... — Стрэнг взял себя в руки. — Впрочем, где тебе понять? Ты ведь этого не пережила.

Эмма Рейнхардт слегка вздрогнула. На миг она увидела, что он — одержимый.

Минус 1 год

Этот мир искали несколько экипажей, и когда Леонардо Ригасси, командир земного звездолета, нашел его, то с удивлением обнаружил, что здесь уже были люди. Они называли эту планету Обитель Мрака.

А потом — то ли по воле Всевышнего, то ли по иронии судьбы или по чистой случайности — настал тот самый год.

Глава 1

Дельфинбург медленно скользил под полной луной по поверхности Филиппинского моря. Мерцали и вспыхивали тысячи огней, слышалось эхо голосов, люди, задевая друг друга, протискивались в толпе по улочкам района увеселений. Были здесь и искатели более спокойного отдыха. Среди прочих отведенных для них мест числился и висячий сад на крыше Гондвана-хауса. На правом краю ведущего понтона располагалась обзорная площадка, с которой просматривался и весь океанский город, и сам океан с другой стороны. Днем здешние воды зачастую кишели лодками, но после наступления темноты тут обычно можно было увидеть только блуждающие огоньки одного, двух «рыбьих пастухов», вышедших на дежурство, а в тропиках — еще и корабли, качающие со дна минералы, необходимые, чтобы питать планктонные плантации. Они напоминали светлячков, занесенных в морские просторы.

Нынче вечером светящиеся растения в саду потускнели, а оркестр звучал тише обычного. Он играл танцевальную музыку времен Классического Возрождения: вальсы, мазурки, танго, под звуки которых танцующие крепко прижимались друг к другу и плавно скользили по площадке, обрамленной цветочными клумбами и кустами. В мягком воздухе плыли ароматы роз, жасмина, аурелии и животвора. До висевших над головой звезд, казалось, можно было достать рукой.

— Хорошо бы, чтобы это никогда не кончалось, — пробормотала Койя Фолкейн.

Ее муж попытался усмехнуться.

— Нет, дорогая, на самом деле ты так не думаешь. Я никогда не встречал девушки, столь нетерпимой к однообразию и наделенной таким даром его избегать.

— О, я хочу, чтобы многие вещи были вечными, но только все вместе, ты понимаешь? — ответила она. По тону Койи он понял, что и она изо всех сил притворяется веселой.

— Жизнь должна строиться по канторианским принципам. Бесконечное множество бесконечностей, мой милый математический тугодум.

«Но вместо этого, — подумал он, — мы идем сквозь единое пространство-время по единственному доступному нам пути — лет сто или около того, если удается создать наилучшие условия омоложения, и, разумеется, гораздо меньше, когда происходит нечто, обрывающее линию жизни того или иного мира. Мне по большому счету наплевать на то, что я смертен, Койя, но мысль о твоей смерти невыносима!»

— Были времена, — сказал он ей, — когда я мечтал о бесконечной череде женщин, прекрасных и доступных. Но вдруг обнаружил, что мне вполне достаточно тебя, даже с избытком. — Он склонил голову и прильнул щекой к щеке жены, ощущая благоухание ее волос, которое не смог заглушить тонкий аромат духов. — Но довольно, любовь моя. Вскоре у нас будет много дел, а посему давай потанцуем вволю.

Койя кивнула. Она двигалась все так же изящно, но Фолкейн чувствовал, что напряжение не оставляло ее, а пальцы Койи что-то уж слишком крепко вцепились в его руку.

Поэтому, когда танец кончился, он предложил:

— А что, если мы пропустим один номер и выпьем?

Он повел ее к бару. Взяв бокал шампанского, Койя сказала:

— Я бы с удовольствием полюбовалась морем.

Они отыскали уединенное местечко возле внешнего ограждения. Провисшие под гнетом виноградных гроздьев лозы скрыли от них танцевальную площадку и заслонили от других парочек, искавших здесь покоя. Луна висела над правым бортом, отбрасывая на воду широкую дорожку света и заставляя искриться гребни ближних волн. За пределами лунной дорожки вода напоминала жидкий обсидиан. Во мраке тускло поблескивала листва. Палуба под ногами дрожала: там работали машины. Пульсация распространялась от стоп на весь опорно-двигательный аппарат, но была

тихой и ровной, как стук сердца; шелест волн под форштевнем и вовсе был еле слышен. Ветерок приносил едва ощутимую ночную прохладу.

Фолкейн протянул руку, нежно взял Койю за подбородок и приподнял голову. Он криво улыбнулся одной левой стороной рта.

— Не тревожься за меня, — попросил он. — Ты ведь никогда не волновалась.

— О, еще как волновалась, когда была подростком, — отвечала Койя. — Стоило мне услышать о последнем приключении легендарной команды «Через пень-колоду», и я цепенела от ледяного страха при мысли о том, что может случиться с тобой.

— С тех пор как ты присоединилась к нам, я ни разу не видел тебя взволнованной, а между тем нам приходилось раз-другой попадать в передряги.

— То-то и оно. Я сама была там. Нам было либо нечего бояться, либо некогда трусить. И мне не приходилось ждать тебя дома, гадая, суждено ли нам свидеться опять.

Она отвела взгляд и подняла глаза к небу. Отыскав призрачный Млечный Путь, Койя устремила взор на одну из его белых звезд.

— Каждую ночь я смотрела на Денеб и терзалась сомнениями, — добавила она.

— Позволь напомнить тебе, — с деланной веселостью ответил Дэвид, — что в тех местах помимо Бабура и Обители Мрака есть еще и Гермес. Если уж я вернулся оттуда один раз, наверняка вернусь и опять.

— Но если разразится война...

— Ну и что? Я по-прежнему гражданин Гермеса, а не Содружества. И еду туда с четким и ясным заданием: навести справки и оказать неофициальное дипломатическое давление. Этим моя миссия исчерпывается. Возможно, бабуриты — не самая уживчивая раса во Вселенной, но они — разумные существа и не станут без нужды наживать себе врагов.

— Но, если задание такое простое и безобидное, почему должен ехать именно ты?

Фолкейн вздохнул.

— Ты сама знаешь почему. У меня есть опыт. Вот уже тридцать с лишним лет я веду дела с нечеловеческими обществами. Эдзел, Чи и я вместе действуем чертовски успешно. — Он снова улыбнулся. — Скромность — вторая из высших добродетелей, перечисленных в святцах. А первая — искренность, если желаешь знать. Но я говорю совершенно серьезно. Гунунг-Туан правильно сделал, попросив нас поехать. У нас больше шансов добиться хоть Какого-нибудь толку, чем у кого-либо другого. Или, по крайней мере, привезти оттуда мало-мальски определенные сведения. И ты все это знаешь, дорогая. Если ты хотела выдвинуть какие-то возражения, зачем было тянуть с этим до нашего прощального вечера?

Койя закусила губу.

— Извини. Я думала, что сумею не выдать своих опасений... до твоего отъезда.

— Послушай, я не кривил душой, костеря судьбу за то, что она подкинула мне это задание именно сейчас, когда ты не можешь ехать со мной. Я не врал, громогласно выражая сожаление по этому поводу. Стал бы я так делать, кабы мне грозила хоть мало-мальски серьезная опасность? Самое важное неизвестное в этом уравнении сводится к вопросу, надолго ли мы уезжаем.

Койя медленно кивнула. Они с Дэвидом оба перестали бороздить космос, когда родилась Хуанита, поскольку полеты означали неопределенно долгую разлуку с Землей. Старшее поколение, более склонное к утехам и менее основательное, наплодило столько невротиков, что Койя не только сама прониклась, но и заразила мужа убеждением в том, что крепкий, надежный дом и необходим ребенку, и положен ему, по справедливости. А ведь сейчас она снова была на сносях.

— Все равно не понимаю, почему непременно ты, — сказала Койя, уже почти смирившись. — Проведя три года в Солнечной системе...

— Можно малость заржаветь, да, — закончил за нее Дэвид. — Но ты только четыре года занимаешься вместе с нами торговым первопроходчеством, а я в этом деле двадцать с лишним лет. Все премудрости этой работы уже у меня в крови. Когда старик попросил, я просто не мог отказать.

«Не мог, ибо восемнадцать лет назад я обманул его доверие из-за Обители Мрака, — пронеслось в голове. — Меня простили, меня сделали кронпринцем империи ван Рийна, но сам я так и не простил себя до конца. И вот теперь у меня появилась возможность поправить дело».

Койя понимала, о чем он думает. Она подняла голову.

— Да, да, сэр, прошу прощения. Но если начнется война, многие женщины будут вести себя куда хуже, чем я.

— Совершенно верно, — рассудительно ответил Дэвид. — Но существует вероятность того, что моя шайка внесет кое-какой вклад в дело мира.

— Ну ладно. Однако у нас в запасе еще много часов. — Койя поднесла свой бокал к лучику лунного света. Снова грянула веселая музыка. — Первым делом мы обязаны отдать должное этому превосходному шампанскому, не правда ли?

— Вот слова, достойные моей подруги, — Фолкейн улыбнулся жене, и их бокалы соприкоснулись.

Когда два человека из команды «Через пень-колоду» удалились на покой, пути двух ее членов, принадлежавших к другим расам, разошлись. Чи Лан вступила в качестве ксенобиолога в новую команду торговых первопроходцев. Она чувствовала, что еще не созрела для оседлой жизни. Кроме того, ей хотелось до неприличия разбогатеть на своих командировках, чтобы получить возможность удовлетворить любую прихоть, когда она наконец вернется на планету, обозначенную в астрономических каталогах как Эридана А-2 и

именуемую по-английски Цинтией. Когда разразился кризис вокруг Обители Мрака, Чи была на Земле, и, возможно, это обстоятельство помогло Николасу ван Рийну утвердиться в мысли возродить эту троицу — хотя сначала он, должно быть, обратился к делопроизводителям своей фирмы, дабы узнать, есть ли надежда немедленно установить с нею связь.

— Что? — выпалила Чи, когда он позвонил ей домой. — Я? Шпионить и выманивать сведения лестью? Ни слова! Я знаю, вы назовете это «сбором разведданных» и «наведением мостов для переговоров». Вы сыплете словами, будто пьяный лексикограф. Вы и впрямь задумали отправить нас на Бабур? — ощетинилась Чи. — Бросить нас в котел весьма вероятной войны? Должно быть, вы спятили оттого, что каждый день сжираете бочонок сливочного масла.

Ван Рийн на экране благочестиво возвел очи горе.

— Не надо волноваться, кошечка, — произнес он елейным голоском. — Ты только подумай: новое путешествие в обществе твоих ближайших друзей. Подумай: ты можешь оказать содействие и предотвратить беспорядки, которые губят людей, а возможно, и сокращают доходы. Подумай о славе, которую можешь сыскать себе своими дерзкими подвигами, о славе, которая бросит отблеск на твоих детей. Подумай о...

— Я лучше подумаю о наличных, — оборвала его Чи. — Назовите сумму.

Ван Рийн в страхе воздел руки.

— Ты столь корыстолюбива, а ведь речь идет о возможности ужасных событий! Да что же ты за создание такое?

— Мы оба знаем, что я за создание. А теперь давайте договоримся о стоимости моих услуг. — Чи поудобнее устроилась на мягком сиденье. Вместо того чтобы освежиться спиртным, которое не оказывало на нее ровным счетом никакого воздействия, Чи вставила в древний мундштук из слоновой кости сигарету с легким наркотиком и раскурила ее. Похоже, разговор будет долгим.

Он причитал, она презрительно насмехалась над ним, и оба немало позабавились, обсуждая гонорар за работу, которая, возможно, окажется опасной и уж наверняка не принесет денежной выгоды. Чи добилась, чтобы Эдзелу заплатили столько же. Оставшись не у дел, одинит совсем пал духом, и, позаботившись об интересах этого здоровенного книжника, Чи сочла, что доброе дело, намеченное на этот месяц, сделано. Ван Рийн подтвердил ее подозрения: он и впрямь подрядил Эдзела, бесстыдно воззвав к его чувству долга.

Тот по-прежнему был в Андах и собирался покинуть горы только накануне отлета. Когда этот день настал, Чи узнала из сводки справочной службы, что Эдзел снял комнату в дешевой гостинице Террапорта. Название гостиницы она сразу вспомнила: там не умели создавать домашние условия представителям негуманоидных рас. «Ну и что? — подумала она. — Эдзелу в общем-то и не нужна гравитация, в два с половиной раза превышающая обычную, не нужен плотный жаркий воздух, слепящий свет Солнца класса F5, не нужны и иные прелести, которыми изобилует планета, известная людям под именем Один. Он годами обходился без всего этого на борту «Через пень-колоду», не говоря уж о буддийском монастыре, где провел последние три года в качестве брата-мирянина».

«Несомненно, он замыслил отдать все свои сбережения бедным или пожертвовать на какую-нибудь другую глупость того же пошиба», — решила Чи, а потом поймала такси и отправилась в ближайший аэропорт, чтобы вылететь оттуда первым же трансокеанским рейсом.

На борту к ней были прикованы взгляды всех пассажиров. Инопланетянин в качестве попутчика все еще был редкостью на Земле. Даже обитатель Цинтии, самая развитая цивилизация которой уже давно освоила космические маршруты. Чи к этому привыкла и была не прочь продемонстрировать людям, как выглядят истинно грациозные создания. Они увидели перед собой маленькое существо, девяносто сантиметров в длину, с пушистым хвостом,

добавлявшим еще полстолько. Ноги у нее были длинные относительно туловища, стопы заканчивались пятью цепкими пальцами; руки были такими же длинными и шестипалыми. Круглая голова, огромные глаза цвета изумруда, остренькие ушки, короткая мордашка с широким носом; изящный ротик с очень острыми зубками обрамляли густые жесткие бакенбарды. Шелковистый мех покрывал все ее тело, за исключением серых стоп и кистей рук; он был белоснежный, только вокруг глаз виднелись похожие на маску серо-голубые круги. Однажды Чи довелось услышать, как ее сравнивают с помесью ангорской кошки, обезьяны, белки и енота. Тогда она лениво подумала, что неплохо бы выяснить, которые из этих тварей составляли мужскую линию ее рода, а которые — женскую. Такие мысли были вполне естественны, ибо Чи происходила от состоящей из представителей двух полов живородящей расы, что роднило ее с Эдзелом; кроме того, оба они были теплокровными, хотя ни того ни другого, строго говоря, нельзя было назвать млекопитающим.

Какой-то маленький мальчик воскликнул: «Ой, кошечка!» — и хотел было погладить ее. Чи подняла глаза от распечатки лондонской «Таймс» и любезно спросила мать малыша:

— А почему вы не поедаете свой молодняк?

После чего ее оставили в покое. Прибыв на место, Чи опять взяла такси и дала машине адрес гостиницы. Солнце здесь уже зашло, значит, Эдзел, должно быть, сидит дома. Чи надеялась, что он не слишком погружен в медитацию и услышит дверной звонок. Когда до нее донеслось сухое шуршание чешуи, Чи поняла, что Эдзел распрямляет свое тело и сейчас впустит ее. Вот и хорошо. Наверное, приятно будет снова увидеть старого нескладеху.

Дверь открылась. Чи подняла голову, а потом и вовсе задрала ее. Голова Эдзела возвышалась над полом на два с лишним метра; ее поддерживали толстая драконья шея и грузное туловище кентавра, из которого торчали две

мощные руки с четырехпалыми кистями. Длина тела этого создания составляла, от шеи до кончика хвоста, похожего на крокодилий, четыре с половиной метра. Голова тоже отдаленно смахивала на голову земноводного: удлиненная пасть, плотные, будто резиновые, губы, зубы всеядного существа, перемежающиеся несколькими клыками зловещего вида; большие глаза цвета янтаря, защищенные выпуклыми надбровными дугами; костистые уши. Вдоль всей спины тянулся ряд треугольных пластинчатых зубцов. Один из них, чуть позади торса, был удален хирургическим путем, дабы друзья Эдзела могли ехать на нем, не опасаясь увечий. Все его тело было покрыто блестящей чешуей, темно-зеленой на спине и золотистой на брюхе.

— Чи Лан! — загремел он по-английски. — Какой милый сюрприз! Входи, дорогая, входи. — Четыре раздвоенных копыта, поддерживавшие тушу весом в тонну, выбили громовую барабанную дробь, когда Эдзел посторонился, чтобы пропустить гостью. — Я и не надеялся, что смогу приветствовать тебя раньше завтрашнего дня, когда мы встретимся на корабле. Я думал, мне лучше...

— Вряд ли нам понадобится проводить предварительную проверку. Нам троим и Пню[59], — согласилась Чи.

— ...лучше попробовать...

— Но все-таки я решила, что мы правильно сделаем, если заблаговременно обменяемся информацией. Дэви от семьи багром не оттащишь, пока не наступит время отбытия, но мы с тобой сейчас никем не увлечены.

— Я пытаюсь...

— Правда?

— Что? Я пытаюсь ознакомиться со сложившейся обстановкой, — Эдзел указал на видеоэкран. Диктор говорил:

«...сделать обзор событий, предшествовавших кризису. Предпосылки к нему возникли гораздо раньше, чем была открыта Обитель Мрака, а это случилось в прошлом году. По

[59] Пень — корабельный компьютер «Через пень-колоду».

сути дела, это было повторное открытие. Прежде планета около пятнадцати лет принадлежала консорциуму «Сверхметаллы», который добывал из ее недр богатства, не ставя никого в известность о том, откуда берутся сокровища, которые он продает. Консорциум пытался создать впечатление, будто источником его богатств была некая секретная технология производства, гораздо более высокая, чем любая из уже известных. Этот обман до известной степени удался. Но в конечном итоге многочисленные ученые пришли к заключению, что сверхметаллы, вероятнее всего, производит и концентрирует сама природа...»

— Ты слышал? — спросила Чи, махнув хвостом в сторону экрана.

— Да, разумеется, но у меня есть надежда, что он толком объяснит, что сейчас происходит, — ответил Эдзел. — Не забывай, я три года не слышал ни одного выпуска новостей, не читал никакой светской литературы, кроме журналов по планетологии.

Чи обрадовалась, узнав, что Эдзел не забыл свою работу. Возможно, в нынешнем путешествии его профессиональные умения не понадобятся, но как знать? В любом случае, раз Эдзел следил за последними достижениями науки, значит, он еще не совсем соскочил с катушек с этой своей кармой.

— Время от времени к нам приезжали посетители, — продолжал дракон, — но я старался по возможности избегать общения с ними, боясь, что моя наружность может отвлечь их от восприятия просветляющего влияния тамошнего окружения.

— Наверняка, особенно если бы ты попытался сесть в позу лотоса, — съязвила Чи. — Ладно, я объясню тебе все куда лучше, чем этот пустозвон.

— Не желаешь ли выпить чаю? — спросил Эдзел, указывая на пятилитровый термос. — Мне его заварили в том месте, где я ужинал. Вот эта пепельница чистая.

Он поставил пепельницу на пол и до краев наполнил ее чаем, чтобы Чи могла вылакать его, а сам поднес свой термос ко рту.

Телевизионный лектор тем временем принялся бегло повторять основы физики.

После ряда актиноидов в Периодической системе числятся только радиоактивные элементы. В крупнейших атомах взаимоотталкивающее действие протонов обязательно берет верх над силами притяжения в ядре. У трансурановых элементов скорость распада настолько велика, что древние ученые Земли не обнаружили этих элементов в природе. Им пришлось создавать нептуний и плутоний самим. Позднее выяснилось, что микроскопические количества этих элементов все-таки попадаются в скальных породах. Но их присутствие — не более чем свидетельство желания природы соблюсти формальности. Почти все, что существовало в самом начале, распалось на более мелкие ядра. А у всех трансплутониевых элементов период полураспада настолько короток, что даже самые мощные и действенные средства едва способны произвести их в количестве, достаточном для обнаружения сверхчувствительными приборами. А мгновение спустя исчезает даже эта толика вещества.

Однако теория предполагает существование некоего «островка устойчивости», и расположен он между 114-м и 122-м элементами Периодической таблицы: это девять элементов, большинство изотопов которых обладает лишь слабой радиоактивностью. Получение бесконечно малых количеств этих элементов в лабораторных условиях стало триумфом науки. Чтобы соединилось такое сонмище частиц, требовалась гигантская энергия. Теория туманно намекала на существование каких-то физических и химических свойств, присущих то ли этим материалам, то ли их устойчивым составляющим, которые сами по себе, взятые отдельно, устойчивы не были. Инженеры мечтали получить такие материалы, чтобы сделать из них катализаторы, проводники,

создать сверхпрочные сплавы. Но никто не видел способа осуществить эту мечту. До тех пор, пока вдруг не родилась одна идея.

(Первым, кого осенило, был Дэвид Фолкейн, и случилось это восемнадцать лет назад. Но теледиктор не знал об этом и теперь повторял выкладки более поздних мыслителей.)

По нашим представлениям, материя начиналась с беспорядочного скопления атомов водорода, самых маленьких на свете. Некоторые из них соединились, когда случился большой взрыв, и образовался гелий; процесс этот продолжался и потом (при гигантских температурах и давлениях), в недрах звезд, рожденных из сгустков газа. Там-то и образовались более сложные элементы. Это происходило постепенно, по мере взаимодействия атомов. Звезды разбрасывали свое вещество солнечным ветром, превращались в умирающих красных гигантов, в новые и сверхновые; первые поколения светил насытили межзвездный вакуум ядрами, которым впоследствии и было суждено превратиться в солнца и планеты. Углерод в наших белках, кальций в наших костях, кислород, которым мы дышим, — все это было создано в древних горнилах Вселенной.

Если бы в космосе не образовались очень большие звезды, цепочка превращений оборвалась бы на железе. Этот элемент занимает место в низшей точке энергетической кривой. Стянуть вместе большое количество протонов и нейтронов не под силу ни одному ровно горящему солнцу. Но чудовищно крупные звезды не умирают тихой смертью. Ойи превращаются в сверхновые и какое-то мгновение сияют так же ярко, как все остальные светила Галактики, вместе взятые. В этот миг непостижимого уму неистовства стихий и происходят химические реакции, невозможные при любых других условиях. И рождаются медь, золото, уран, равно как и элементы с атомным весом меньше, чем у железа. Их выбрасывает в пространство, и они соединяются с веществом других звезд и планет.

Среди веществ, зародившихся таким образом, — и сверхметаллы с «островка устойчивости». В результате всех трудностей их возникновения эти металлы встречаются в очень маленьких количествах, настолько мизерных, что поначалу их вовсе не могли обнаружить в природе. Даже после того, как человек вырвался за пределы Солнечной системы и стал исследовать свой уголок Галактики. И все же эти металлы наверняка были. Задача заключалась в том, чтобы обнаружить такое их скопление, которое можно измерить с помощью приборов.

Представьте себе гигантскую звезду, у которой есть гигантская планета, достаточно тяжелая, чтобы ее ядро могло уцелеть после взрыва. Теоретически это невероятно, но все-таки не невозможно. Взорвавшееся солнце обдаст ядро планеты неистовым потоком элементов. Самые тяжелые из них образуют сгустки, а возможно, даже твердые пластины. Разумеется, они будут составлять ничтожную толику всего того вещества, которое извергнет в пространство сверхновая. Но и эта толика даст миллиарды тонн ценных металлов и какое-то количество неизмеримо более дорогих сверхметаллов. При их сравнительно малой радиоактивности сверхметаллы, судя по всему, могут в течение нескольких миллионов лет существовать в виде месторождений, достойных промышленной разработки...

«...очевидно, ее первооткрыватели проводили математический анализ с помощью самого мощного компьютера, — продолжал диктор. — Используя имеющиеся данные о плотности и орбитах звезд в этом районе Галактики, в сочетании с данными о межзвездном газе и пылевых скоплениях, магнитных полях и так далее, можно было создать сложную программу и рассчитать вероятность существования в соответствующих пространственно-временных пределах сверхновой звезды, имеющей планету, которая больше Юпитера. Программа позволяла весьма приблизительно определить вероятное местонахождение такой звезды в современную

эпоху. Затем более точная программа рассчитывала пространственно-временное распределение координат по степени вероятности, а это, в свою очередь, позволяло выработать наилучшую схему поисков. Судя по всему, самые высокие шансы давал поиск в направлении Денеба, примерно на полпути к нему.

Если наши ученые смогли прийти к этому заключению год или два назад, значит, вполне разумно было бы допустить, что «Объединенные сверхметаллы» сделали такой же вывод еще раньше. Следовательно, сокровищница существует, и ее в конце концов обнаружат, если поиски будут вестись достаточно энергично. И вот в космос отправились корабли с пылкими искателями на борту.

Повезло капитану Леонардо Ригасси из Европейского исследовательского объединения.

Тайна стала достоянием гласности. Существа, представлявшие интересы «Сверхметаллов», теперь открыто хвастались тем, что разрабатывали богатства планеты, которую они называли Обитель Мрака. Они пытались узаконить свое обладание ею, но тотчас возник целый рой вопросов. Первым и самым острым из них стал вопрос о юрисдикции. Какое из правительств имеет право распоряжаться здесь? Существа, руководящие «Сверхметаллами», не получают поддержки ни от одного из правительств, они сами по себе, и...»

— Да выключи ты этот болтливый ящик, — потребовала Чи Лан. — Наверняка ты уже знаешь все то, что он может тебе сообщить.

— Извини меня, но это — весьма легкомысленное отношение, — укорил ее Эдзел, но тем не менее протянул руку и нажал выключатель. Невзрачная комнатка на миг наполнилась тишиной.

Наряду с тишиной ее заполнило и громадное туловище Эдзе-ла. Проделав уже знакомые Чи по былым временам телодвижения, он уселся на пол и свернул свой хвост колечком, чтобы Чи могла вольготно расположиться на нем. Она

воспользовалась приглашением и села, прихватив с собой пепельницу с чаем.

— Во-первых, — сказал Эдзел, — для меня было большим облегчением узнать, что мы, то есть ты, Дэви и я, пока не разоблачены как подлинные первооткрыватели Обители Мрака, которым планета и обязана своим названием. От известности и славы одно расстройство, правда?

— О, я уже подумывала, как бы нажиться на этом, буде такое случится, — ответила Чи. — Но при нынешней безумной неразберихе... Да, несомненно, ребята из «Сверхметаллов» правильно сделали, сдержав слово. Не знаю, надолго ли их еще хватит. У них больше нет никаких видимых причин хранить в тайне наши имена. Полагаю, они и сейчас делают это скорее по привычке, чтобы не делиться ничем, даже воспоминаниями, с теми слизняками, которые норовят отнять у них сокровище.

— И надежду, — вполголоса добавил Эдзел. — Как ты думаешь, они получат справедливое возмещение?

— От того правительства, которое сумеет отстоять свои притязания? От Бабура или Содружества? Хо-хо-хо! Власть Содружества — это власть корпораций, которые интересуются только богатыми месторождениями, это власть политиканов и столоначальников, которые ненавидят «Сверхметаллы», потому что эта компания никогда не раболепствовала перед ними. А власть Бабура — кто знает, что это такое. Но я верю, что бабуриты возвысят голос в защиту прав горстки существ, дышащих кислородом.

— Ты и впрямь думаешь, что Обитель Мрака может достаться Бабуру? Их притязания основаны на принципе «области интересов», а это звучит нелепо.

— Но не более вздорно, чем выдвигаемый Содружеством довод о «праве первооткрывателей». Осмелюсь предположить, что этот спор разрешит какая-нибудь молниеносная война.

— Неужели они и впрямь будут драться за... за несчастный комок затвердевшего сплава? — с горечью спросил Эдзел.

— Друг мой, им придется хорошенько постараться, чтобы избежать войны. Разве что Бабур блефует, в чем я сомневаюсь. — Чи глубоко вздохнула. Воздух пах чаем и чуть-чуть отдавал теплым терпким духом, присущим одинитам. — Ты ведь понимаешь, почему ван Рийн посылает нас туда, не правда ли? Главным образом за сведениями какого угодно содержания, они необходимы ему, чтобы продумать дальнейшие действия. Сейчас У всех голова кругом. Правительство Содружества, подобно всем остальным, вынуждено действовать вслепую, оно не знает, чего можно ждать от столь чуждых созданий, как бабуриты. Но кроме добычи сведений мы должны, если удастся, попробовать заключить, или хотя бы предложить, сделку. При их нынешнем настрое они могут причинить серьезный ущерб недвижимости Галактической компании пряностей и спиртных напитков и повредить ее торговой деятельности. Ну а на нас они и вовсе зуб точат.

— Почему?

— А ты не знаешь? Лет тридцать назад Бабур пытался втереться в компаньоны компании при заключении сделки с товаром, именуемым «голубец», на одной из соседних планет. Бабуриты могли извлечь из этого «голубца» большую выгоду, чем мы. Тем не менее глава нашей тамошней фактории не видел причин покорно мириться с откровенным грабежом. Он сделал хитрый ход и отнял у бабуритов всю их добычу, а заодно устроил все таким образом, чтобы возвращение на планету не принесло им никаких выгод. Это было первое воинственное деяние бабуритов в космосе. Теперь они, похоже, считают, что готова к настоящей битве, а всему космосу хорошо известно, что Содружество к такой битве не готово.

— И поэтому мы снова отправимся в путь. Наша троица и наш корабль. «Будто молодость вернулась», — со вздохом

сказал Эдзел. — Разве что на этот раз нас отправляют не в страну надежд.

Глава 2

Майя, солнце Гермеса, еще пряталось за горизонтом, но шпили и верхушки башен Звездопада уже поблескивали, будто позолоченные. Когда светило поднялось над Рассветной бухтой, его лучи устремились на запад, через реку Паломино, вдоль Олимпийского проспекта, к холму Паломников. Здесь яркое сияние рассеивалось и тускнело в кронах деревьев, в садах, под сенью зданий — серого нагромождения камней, именуемого Старой Крепостью, среди плавных линий и стеклянных стен Новой Крепости, строгих высоких корпусов Сигнальной Станции. Один лучик ниточкой протянулся над перилами балкона на верхнем этаже Новой Крепости, проник в спальню через застекленную дверь и упал на кровать Сандры Тамарин-Асмундсен.

Сандра проснулась.

— Пит, дорогой, — шепнула она и протянула к нему руки. Глаза Сандры открылись, и она вспомнила, что одна. На миг ее охватило ощущение пустоты.

Но ведь несчастный случай, лишивший жизни Петера Асмундсена (здоровенного, сильного, шумного, но, прежде всего, доброго человека), произошел четыре с лишним года назад. Время притупило боль — время и тяжкий труд: она была Великой Герцогиней и возглавляла планету, на которой жили пятьдесят миллионов своенравных упрямцев.

Сандра села на постели, заставляя себя насладиться прохладным воздухом и мягким светом. Она, как обычно, проснулась раньше, чем зазвонил будильник. Выключив его, Сандра поднялась и вышла на балкон. Бриз, напоенный свежестью росы на клумбах внизу, ласково коснулся обнаженной кожи. Вокруг, похоже, не было ни одной живой души, хотя Сандра и смотрела вниз с верхушки холма, откуда открывался вид на город, бухту и океан Авроры. Мимо

пролетел нидифекс с его пестрыми шелестящими крыльями и мелодичными трелями.

Спустя минуту Сандра снова вошла в комнату, переключила телефон на режим телеприема и приступила к ежедневной получасовой зарядке, в которую верила куда больше, чем в искусственное омолаживание, хотя прилежно принимала и эти процедуры, поскольку ей было уже за пятьдесят. Ее крупное тело мало изменилось со времен юности. На широком скуластом лице почти не было морщин, разве что «сорочьи лапки» вокруг зеленых глаз под темными бровями. А вот белокурые волосы сделались серебряными. Она двигалась совершенно бездумно и разгоняла скуку, слушая утренние новости. Перво-наперво сообщили о кризисе, связанном с Обителью Мрака.

«Широкое распространение получили слухи о том, что Бабур выступил с новым заявлением, один экземпляр которого попал на Гермес. Представители престола отказываются подтвердить или опровергнуть это, но обещают вскоре сделать публичное заявление.

Возникновение такого рода слуха связано со вчерашним приземлением в Уильямс-Филд скоростного военного корабля, прибывшего с Валии. Вот краткий обзор создавшегося положения. Бабуриты передали три свои последние заявления на англике через примитивную планету Валию, выведя на орбиту вокруг нее космический корабль, который и передал сообщение на научную станцию на Валии, а заодно и просьбу как можно шире распространить его содержание. Поэтому несколько правительств, и наше в том числе, держат поблизости от места событий свои корабли и по общему согласию не допускают туда представителей информационных служб. Никто еще не соприкасался так близко с этой негуманоидной расой, и правительственные чиновники опасаются вредных последствий, которые может повлечь за собой преждевременное разглашение любых сведений».

Слухи оправдались, хотя вряд ли стоило так уж волноваться. В действительности «Автархия Объединенного

Бабура» (что бы сие ни означало) просто подтвердила свои притязания. Поскольку Обитель Мрака находится совсем близко (по межзвездным меркам), а также из-за неизмеримо большой важности сверхметаллов как стратегического сырья, Бабур не может и не желает смириться с тем, что эта планета, возможно, станет собственностью одной из держав, выражавших свое враждебное отношение к вполне законной деятельности бабуритов в космическом пространстве. Новым в заявлении было лишь то, что на сей раз бабуриты открыто назвали эти державы: Галактическое Содружество и Торгово-техническая Лига. Прислушавшись к настоятельным призывам своих советников, Сандра отложила обнародование этой ноты до тех пор, пока комиссия ксенологов не исследует ее на предмет наличия некоего скрытого подтекста. Впрочем, она сомневалась, что они обнаружат его.

«Вчера мы получили также запись обращения премьер-министра Галактического Содружества, Лапьера, к участникам Партии Справедливости. Он по-прежнему утверждал, что его правительство охотно вступит в переговоры, однако Бабур до сих пор не предпринял никаких общепринятых предварительных шагов в этом направлении, таких, как, скажем, обмен посланниками. В то же время, по словам министра, Содружество ни при каких обстоятельствах не отступит перед лицом «неприкрытой агрессии», как выразился Лапьер. Он с огорчением признал, что, судя по всему, Бабур располагает огромным военным флотом. Министр упомянул о том, как офицеров, представителей человеческой расы, вызывали для наблюдения за скоплением военных кораблей, обнаруженным вскоре после того, как один из звездолетов Бабура с поразительной наглостью передал с околоземной орбиты первое заявление о притязаниях на Обитель Мрака. Подчеркнув, что имеющиеся у него сведения далеко не исчерпывающи, министр сказал, что, судя по некоторым признакам, Бабуру долгое время удавалось каким-то образом скрывать строительство своего флота, гораздо более

многочисленного, чем та его часть, которую бабуриты сочли возможным выставить напоказ. Но тем не менее, подчеркнул Лапьер, Содружество намерено проявить твердость, а при необходимости, цитирую, «принять меры силового воздействия».

Сандра тихо чертыхнулась. Глубокая древность. Самое быстрое судно на гиперпространственной тяге не доберется от земного Солнца до звезд Бабура, Гермеса или Обители Мрака и за две недели по земному календарю. Время в пути даже и между любыми двумя системами в этом секторе измеряется в сутках. Общества могут вступить в столкновение просто потому, что у них не будет нужных сведений. «Жаль, что не существует никакого сверхсветового эквивалента радио», — с горечью подумала Сандра.

С другой стороны, благодаря изоляции у ранних поселенцев на Гермесе было достаточно свободы, чтобы создать совершенно новую цивилизацию, которая, в общем и целом, устраивала Сандру.

Но не все разделяли мнение Великой Герцогини. В телепрограмме сообщили о последней шумной выходке Освободительного Фронта, снабдив материал видеорядом. Горячность ораторов, численность и воодушевление толпы встревожили Сандру. Если уж столько траверов собралось на холодном морском берегу, сколько же их осталось дома и смотрело митинг по телевизору, поддерживая участников?

Менее важные новости вскоре заставили ее переключить внимание на докладные записки, составленные помощниками, пока она спала. Сандра тотчас насторожилась. Забыв о зарядке, она села на пол и устремила взор на изображение своего исполнительного секретаря.

«Около полуночи в Уильямс-Филд сел корабль «Сверхметаллов», — вещал тот. — Капитан доложил портовому начальству и позвонил мне домой. Он настоятельно просил о личной встрече с вами наедине, мадам. Я подумал, не разбудить ли вас, но, вероятно, поступил правильно, назначив прием на половину десятого, если вы согласны. Пока же,

предосторожности ради, я распорядился, чтобы его команду не выпускали с корабля. Командир — одинит по имени Нади. — На экране появилась громадная фигура, шествовавшая в толпе людей. — Он возглавляет небольшой отряд сил обороны, который «Сверхметаллы» держат в окрестностях Обители Мрака. Теперь вы, возможно, вспомнили, что Нади захватил корабль Леонардо Ригасси, недавно повторно открывшего планету, но вскоре приказал освободить его, поскольку тайну сохранить не удалось, а пленение людей могло лишь обострить вражду, почти не отсрочив наступления неизбежного. Вместо этого компания решила обратиться к Гермесу с просьбой установить наш протекторат над Обителью Мрака. Вот что он хочет обсудить с вами».

Сандра оцепенела. «Вот она, раскаленная докрасна железка, брошенная мне на ладонь», — подумала она, заставляя себя возобновить занятия гимнастикой. Благодаря этому она немного успокоилась, а после холодного душа ей стало еще лучше. Потом Сандра неторопливо уложила волосы и оделась, облачившись в более строгий костюм, чем обычно; единственным ярким пятном на платье был погон на плече — знак рода Тамаринов. Одевшись, она ленивым шагом отправилась завтракать.

Двое младших детей, подаренных ей Питом, еще нежились в постелях. Эрик сидел за столом и жадными глотками пил кофе. В комнату просачивались вкусные ароматы с кухни. Западная стена представляла собой сплошное окно, из которого открывался вид на склон холма Паломников, окраину Звездопада и ярко-зеленые поля. Над горизонтом плыла бледная заснеженная вершина Облачного Шлема.

Когда Сандра вошла, Эрик встал, как было принято у мужчин Гермеса при появлении женщины. Он был облачен в свежую тунику и отглаженные брюки, но выглядел как после бессонной ночи. Неужели где-то пировал? Обычно ее старший сын и возможный наследник вел себя довольно ровно, но иногда в нем нет-нет да и взыграет отцовская кровь.

«Нет, — подумала Сандра, вглядевшись в его черты, — на сей раз пронесло».

— Доброе утро, матушка, — буркнул Эрик. — Вот что, я слышал о Нади, ходил к нему и разговаривал с его командой... Мы ухватимся за эту возможность? Еще чуть-чуть, и мы ее упустим.

Сандра уселась и наклонила кофейник, наполняя чашку.

— Спустись с небес, — посоветовала она сыну.

— Но мы можем этим воспользоваться! — Эрик принялся расхаживать туда-сюда, шлепая по паркету. — Бабур, Содружество, Лига — все они дрожат от страха, хоть и бахвалятся. Боятся влипнуть в заваруху. Один решительный шаг...

Появился официант с подносами.

— Садись и ешь, — велела сыну Сандра.

— Но послушай, матушка, ты же знаешь, я не питаю иллюзий и не считаю, что мы — империя. Нам не удастся противостоять никакой другой державе. Но если мы будем владеть Обителью Мрака и вступим в тесный союз с ее первооткрывателями, имеющими очевидное моральное право на планету, разве остальные не отступятся?

— Не знаю. Похоже, нынче моральное право мало что значит. Да сядь же. Твоя еда остынет.

Эрик послушался. Он сжал левую руку в кулак, но продолжал резко размахивать правой.

— Само собой разумеется, что третейскими судьями должны стать мы, — сказал он. — Никому нет нужды бояться нас. Мы способны позаботиться о том, чтобы все получили, по справедливости. — Лицо Эрика было безмятежно, но в душе бушевал огонь. — Но прежде, черт возьми, нам надо как можно быстрее заявить о своих правах!

— Торгово-техническую Лигу тоже выдвигали на эту роль, — напомнила ему Сандра.

— Эти? — Эрик презрительно рубанул рукой воздух. — Они слишком разобщены и продажны, не в силах даже собственных членов удержать в этических рамках. Нет, ты шутишь?

— Не знаю, — мрачно ответила Сандра. — В дни моей юности Лига стояла за мир, потому что по большому счету мир выгоднее войны. А теперь... Порой я содрогаюсь. А иногда сплю и вижу, что ее успеют реформировать, пока не поздно.

«Но кто? Такие люди, как Николас ван Рийн, твой отец, Эрик? — подумала она. — Вряд ли ему когда-нибудь захочется сделать святое дело. Скорее уж он хотел бы сохранить свою независимость, а заодно всеми правдами и неправдами вытрясти из Вселенной побольше денег».

Неужели слишком поздно?

В ее сознании промелькнули картинки истории, знакомые ей не хуже, чем эпизоды собственной жизни. Но Сандра решила вспомнить их еще раз, в слабой надежде на то, что ей удастся обрести надежду.

Имея вдоволь ядерной энергии, сравнительно дешевые и простые в управлении космические корабли с гиперпространственными двигателями и технические разработки соответствующего уровня, межзвездные торговцы, по идее, должны были процветать. Теоретически всякая обитаемая планета могла сама обеспечить себя, синтезируя любые вещества, которые не встречались в природе. На практике же зачастую было выгоднее ввезти товар извне, особенно при существующих ограничениях на промышленное производство, введенных в целях защиты окружающей среды. Кроме того, по мере обогащения технологическая цивилизация все больше торговала предметами роскоши, произведениями искусства, изощренными услугами и иными товарами, которые она не могла производить или воспроизводить в домашних условиях.

Частные предприятия, умеющие достигать таких глубин космоса, которые недоступны правительствам и где зачастую вовсе не существовало сколь-нибудь работоспособных властей, вскоре становились богаче любого государства и прибирали к рукам едва ли не всю экономику. Эти

предприятия и образовали Торгово-техническую Лигу — ассоциацию взаимопомощи и в какой-то степени всеобщую жандармерию. Pax Mercatoria[60] расползался по межзвездному пространству.

«Когда он сбился с правильного пути? Неужели все эти недостатки — суть продолжение достоинств?»

Великим купцам Лиги часто приходилось выступать в роли правителей, законодателей, полководцев. Обычно это были люди необузданные, алчные, индивидуалисты с громадным самомнением, а посему со временем они начинали все более и более жить так же, как короли древности. Злоупотребления превращались в нечто повседневное; насилие, подкуп, хищническое разграбление недр стали обычным делом. Необъятная сфера деятельности и огромный информационный поток сделали борьбу с большинством этих злоупотреблений явно невозможной.

«Погодите-ка. Но ведь Лига могла бы снова взять себя под контроль — если бы такая попытка не привела к образованию двух могучих фракций, с годами становившихся все более разительно непохожими одна на другую».

Первая называлась «Домашние Компании» и вела дела главным образом в пределах Солнечной системы: «Глобал кибернетике», «Дженерал атомикс», «Объединенные средства связи», «Терран синтетике», «Планетарная биология». Их связи с крупнейшими профсоюзами — Союзом техников, Кораблестроителями, Ассоциацией ученых Содружества — становились все теснее.

А вторая именовалась «Космической Семеркой»: «Галактические проекты», «Ксенотехнологические системы», «Межзвездные перевозки», «Санчес инжиниринг», «Звездные металлы», страховая компания «Остановись, время», «Предприятия Абдаллы». Это были гиганты предпринимательства, действующие в других звездных системах.

---

[60] Мир торговли (лат.) — по аналогии с Pax Romana — римский мир.

Остальные, такие, как Галактическая компания пряностей и спиртных напитков, сохраняли шаткую независимость и открыто соревновались со всеми. Большинством из них заправлял либо один человек, либо какое-нибудь семейство.

«Есть ли у них будущее? — спрашивала себя Сандра. — Или они — просто ископаемые останки прежних, более свободных эпох? О, Ник, бедняга ты мой!»

— Хватит сотрясать воздух, давай добьемся присутствия Гермеса на Обители Мрака, — сказал Эрик. — Подумай, какой мощный рычаг это нам даст, если придется торговаться с «Семеркой». Они уже давно вытворяют с нами все, что хотят. Нам нет нужды бояться войны с Содружеством. Общественное мнение не потерпит, чтобы человеческие существа дрались между собой, а бабуриты оставались в тени и злорадствовали.

— В этом я не уверена. Как и в том, что бабуриты будут сидеть сиднем. Честно говоря, их держава внушает мне страх.

— Они блефуют.

— Лучше на это не рассчитывать. Все всегда считали, что существа, дышащие кислородом, и твари, которые дышат водородом, никогда не будут всерьез враждовать между собой, потому что им нет нужды делить территории, а война на идеологической почве невозможна, поскольку эти расы слишком не похожи одна на другую. Вот почему на Бабур почти не обращали внимания, вот почему он до сих пор окутан тайной. Но... судя по имеющимся у меня разведданным, Имперское Кольцо Сиземы — сильный агрессор, который заграбастал всю планету, но так и не насытился. А Обитель Мрака — лакомый кусочек для кого угодно.

«И дело тут не в жадности, — подумала Сандра. — «Сверхметаллы» уже оказывают революционное влияние на технологию — в электронике, металлургии, ядерной промышленности и еще неизвестно, в каких областях. И если

Бабур наложит лапу на их единственный источник, он может лишить человечество этих материалов».

— Я согласна, что людям, пожалуй, стоило бы оставить свои междоусобицы до лучших времен, — сказала она. — Возможно, Гермесу надо начинать сотрудничать с Содружеством.

— Возможно. Но разве ты не понимаешь, матушка? Если мы выступим первыми, то сможем обставить передачу Обители Мрака своими условиями, а если... если будем сидеть сложа руки, нам придется довольствоваться чужими подачками.

Эрик напомнил Сайдре его отца — не столько этой вспышкой идеализма, сколько своей яростной и неукротимой жаждой деятельности.

Одинит в людской толпе был личностью весьма приметной, и Звездопад, должно быть, уже наполнился пересудами. Тем не менее содержание утренней беседы между Сандрой и Нади было известно только им двоим.

Комната, в которой они встретились, была предназначена для закрытых совещаний: длинная, с темными деревянными панелями на стенах, с окнами, выходившими на лужайку, где сидел бдительный мастифф. Сандра убрала комнату по своему вкусу, украсив трофеями, которые привозила в юности из космоса; на стенах висели фотографии далеких планет, разные мелкие художественные поделки, образчики оружия, сделанного в расчете на руки существ, непохожих на людей. Войдя сюда за несколько минут до аудиенции, Сандра поймала себя на том, что разглядывает боевой топорик с Диомеда. И душа ее вновь устремилась сквозь толщу лет в прошлое, к Николасу ван Рийну.

Она никогда не любила этого купца. Даже на том этапе жизни, когда Сандра не отличалась особой разборчивостью, этот человек казался ей до невозможности примитивным во многих отношениях. Но, с другой стороны, именно его неотесанная сила спасла их обоих от гибели тогда, на Диомеде.

А она как раз искала мужчину, который мог бы стать партнером, не деспотом и не подкаблучником, а ровней, под стать ей, наиболее вероятной наследнице гермесского престола. (Герцог Роберт был стар и бездетен. Выборщики, естественно, проголосовали бы за Сандру, его племянницу, поскольку другие возможные кандидаты из рода Тамаринов мало что из себя представляли.) Никто из мужчин, встреченных Сандрой на Гермесе, не смог сколь-нибудь серьезно увлечь ее. Отчасти именно поэтому она и отправилась путешествовать. При всех своих недостатках ван Рийн не мог оставить ее равнодушной. Ни один ее прежний роман не был до такой степени насыщен бурями и катаклизмами и не оставил по себе столько радостных и потешных воспоминаний. Спустя год после знакомства Сандра поняла, что он и не думает на ней жениться и вовсе не хочет того, чего хотела она. Эрик уже лежал в ее чреве, ибо в те времена Сандра рьяно увлекалась евгеникой. Но, несмотря на беременность, она ушла от ван Рийна, а тот и пальцем не шевельнул, чтобы удержать ее.

Расстались они, почти не держа зла друг на друга, и потом изредка обменивались деловыми посланиями, составленными в отнюдь не враждебных выражениях. Шли годы, и в воспоминаниях Сандры о ван Рийне начали преобладать добрые нотки, не те, что прежде. Впрочем, после встречи с Петером Асмундсеном она редко думала о Николасе.

Петер был уроженцем Гермеса, но не из правящего клана, а из почтенной семьи Последователей. Он основал и лично возглавил разные предприятия на соседних с Гермесом планетах системы Майи и совершил множество подвигов, сделавших его народным героем. Когда он женился на Сандре и законным порядком усыновил Эрика, скандал, связанный с ее возвращением домой, утих. Впрочем, и скандал-то был не ахти какой. Равняясь на Лигу и Содружество, аристократия Гермеса тоже стала проще относиться к личной жизни граждан. Тем не менее, вероятно, именно супругу

Сандра была в огромной степени обязана своим избранием на престол после смерти Герцога Роберта.

А когда и сам Пит ушел из жизни, Сандра даже мысли не допускала о том, что ей снова захочется замуж.

«Тогда почему я думаю о Нике, когда мне полагалось бы размышлять о том, как быть с Нади? — спросила она себя и тотчас ответила: — Да, наверное потому, что у меня есть Эрик. Эрик унаследует эту планету в том виде, в какой она была приведена не без моей помощи, будь то к добру или к худу. То же, разумеется, относится к Джоан и Сигурду, но на Эрика, возможно, ляжет вся тяжесть власти.

Если, конечно, ему будет чем править».

Сандра в волнении прошлась по комнате, остановилась возле топорика, и ее пальцы сомкнулись на-рукояти. Как же ей не хотелось в такой чудесный день сидеть в четырех стенах. Сейчас бы поохотиться, проехаться на лошади, перескакивая через препятствия, покататься на лыжах, поплавать на лодке, погонять на крылатом мотоцикле со скоростью, повергающей в ужас ее добрых подданных. Или навестить актеров, которым она покровительствует. Сандра всю жизнь обожала театр. Или...

Открылась дверь.

— Мадам, капитан Нади, сотрудник компании «Сверхметаллы», — объявил охранник и, пропустив в комнату огромного одинита, закрыл дверь.

Прежде Сандре не доводилось встречаться с одинитами. Большинство обитателей этой планеты были дикими охотниками, хотя и смогли создать несколько культур, весьма сложных и утонченных. Те немногие одиниты, которые поддерживали связь с торговыми центрами Торгово-технической Лиги, сумели либо получить образование, либо найти какой-то иной способ попасть в космос.

Нади с мрачной торжественностью протянул руку, и ладонь Сандры утонула в его ладони. Почувствовав, какая она теплая, Сандра удивилась. Ей казалось, что это покрытое

чешуей существо должно быть холодным, как чешуйчатые создания Гермеса или Земли.

— Добро пожаловать, — с легким смущением проговорила она.

— Благодарю вас, моя госпожа, — Нади говорил по-английски бегло и отчетливо, но с каким-то неописуемым акцентом, поскольку его речевой аппарат был устроен совсем не так, как у человека. — Я постараюсь не отнять у вас слишком много времени. Тем не менее я чувствую, что мое сообщение в высшей степени важно для вашего народа, как и для моего.

— Полагаю, это так. О... извините, но здесь нет подходящей для вас мебели. Пожалуйста, устраивайтесь поудобнее, насколько это возможно.

— При вашей ничтожной силе тяготения я могу стоять сколь угодно долго. — Притяжение Гермеса составляло 0,97 земного. — Как я понимаю, вы, люди, предпочитаете сидеть.

— Да, я присяду. Но прежде позвольте предложить вам закурить. Не хотите?

Сандра извлекла из коробки сигару, раскурила ее и опустилась в унаследованное от предков кресло. Массивное, украшенное резьбой, оно придавало Сандре чувство уверенности в себе, а дым сигары успокаивал нервы.

— Перейду прямо к сути дела, — пророкотал Нади. — Вам известно, как и почему я покинул Обитель Мрака?

Сандра кивнула. После завтрака ее целый час вводили в курс дела.

— Вы предлагаете Гермесу предпринять определенные действия, чтобы предъявить свои права на планету.

— По четко и ясно выраженной воле первооткрывателей и законных владельцев, моя госпожа. Разумеется, мы понимаем, что вам придется подумать и о других, но вы сможете устроить все таким образом, что каждая группировка получит свою долю, и мы в том числе.

— Если нам позволят великие державы.

800

— Быть может, они еще и обрадуются, если вы предложите им такую формулу. Пожалуйста, поверьте, наше решение принималось не во внезапном приступе отчаяния. Мы с самого начала знали, что не сохраним свою монополию надолго, и прикидывали, какой тактики нам придерживаться, когда весть распространится. Сам Дэвид Фолкейн предложил Гермес в качестве попечителя. Правда, он думал, что Обитель Мрака будут оспаривать только Лига и Содружество. Он не предвидел вмешательство Бабура. Тем не менее мы решили, что его предложение — лучшее, что нам удалось придумать.

— Дэвид — герой Датины? Как, вы сказали, его имя?

— Так вы не знаете? Я полагал, что сведения уже получили широкое распространение. — Нади ненадолго умолк. Сандре показалось, что она видит, как в его голове крутятся громоздкие шестеренки. Наконец он сказал: — Что ж, я не обману ничье доверие, рассказав вам все без утайки. Возможно, вы лучше поймете нашу точку зрения, если узнаете, на чем она основывается.

Она откинулась в кресле. Нади был прав. Даже если экскурс в историю ничего не даст, у нее хотя бы будет время привести в порядок нервы и мысли.

— Продолжайте, — попросила Сандра.

— Восемнадцать стандартных лет тому назад, — сказал Нади, — Дэвид Фолкейн, как вы, несомненно, помните, был торговым первопроходцем Галактической компании пряностей и спиртных напитков. Вместе с партнерами он тайно отправился в космос, имея целью отыскать планету, похожую на Обитель Мрака. Оценка астрономических данных убедила его, что такая планета, возможно, существует, и подсказала ее приблизительное местонахождение. Фолкейн нашел планету.

Вместо того чтобы сообщить о находке своему работодателю, как полагается делать торговому первопроходцу при обнаружении многообещающих новых территорий, Фолкейн отправился с этими сведениями совсем в другое место.

Он обратился к некоторым вождям отсталых народов, бедных и униженных, таких, которыми Лига пренебрегала и которых притесняла. Это возмущало его. И он помог им образовать консорциум старателей и торговцев богатствами Обители Мрака, дабы выгоду извлекали народы.

Сандра кивнула. Со времен экспедиции Ригасси представители «Сверхметаллов» именно в этих выражениях отстаивали правоту своего дела. Она вспомнила одного человека, произносившего в Звездопаде такую речь:

«Как могут обитатели планет вроде Одина, Икрананки, Айвенго, Ванессы добраться до звезд? Как могут они приобщиться к технологии, облегчающей труд, защищающей здоровье, предотвращающей голод, обучающей, дающей господство над безучастной природой? Им почти нечего продавать, разве что пряности, меха, произведения искусства, возможно, какие-нибудь полезные ископаемые вроде нефти или доступных минералов. Но вырученных на все это денег не хватит на приобретение космических кораблей, энергетических установок, автоматов, исследовательских лабораторий, школ. Лига не заинтересована в их материальной поддержке. Частные и общественные благотворительные организации уже не справляются с наплывом просьб. Неужели целые расы должны тысячелетиями испытывать мучительные лишения, чтобы создать для себя все то, что уже существует в других местах?

А поселения, которые так и плодят повсюду люди, цинтиане и иные существа, осваивающие космос? Это не счастливые и процветающие колонии типа Гермеса, а голодные и заброшенные в глухомань поселения, почти единственное достояние жителей, которых — независимость и гордость. Они могли бы смягчить суровые природные условия, будь у них возможность купить средства для этого. В противном случае им грозит вымирание.

Компания «Сверхметаллы» основана заслуживающими доверия обитателями таких планет. Прибыль, которую можно было получить при сравнительно низких

капиталовложениях, казалась баснословной. Но станут ли магнаты Лиги уважать чужие права собственности? Оставят ли их в покое правительства? Приз-то был слишком велик...»

— Э... моя госпожа, — донесся до нее голос Нади.

Сандра мало-помалу очнулась от воспоминаний.

— Прошу прощения, — сказала она. — Я отвлеклась.

— Боюсь, я вас утомил.

— Нет, нет, отнюдь. Даже наоборот. Чуть позже мне хотелось бы подробнее узнать о тех приемах, которые вы применили, чтобы скрыть свои владения. Обманные маневры, чтобы сбить с толку разведывательные корабли, предосторожности против подкупа, похищений, вымогательств. Удивительно, что вы продержались так долго.

— Мы почувствовали близость конца, когда работодатель Фолкейна, Николас ван Рийн, догадался, что сверхметаллы, очевидно, поступают с планеты того же типа, что и Обитель Мрака, и прибег к такому же методу ее поиска... Я вас расстроил?

— Нет. Но вы сказали вещь, для меня неожиданную. Ван Рийн? Когда же?

— Десять стандартных лет тому назад. Фолкейн и его будущая жена уговорили ван Рийна хранить молчание. По сути дела, он любезно помог нашим агентам внести в дело путаницу, и это позволило оттянуть повторное открытие планеты.

— Гм, да. Ник наверняка немало позабавился бы, занимаясь этим, — Сандра подалась вперед. — Ну что ж. Это интересно, но все уже в прошлом. Как вы сказали, сведения эти большей частью давно мне известны, а подробности можно выяснить и потом, если мы с вами и впредь будем поддерживать связь. Я вам сочувствую, но вы понимаете, что превыше всего для меня — мой долг перед Гермесом. Что получит мой народ? Чем оправдать риск и расходы?

Исполинское существо тотчас сделалось одиноким и беспомощным.

— Мы просим вашей помощи. Если благодаря вам мы останемся в деле, вы разделите с нами прибыли.

— И станем мишенью для любого, кто захочет получить такую же прибыль или еще большую. — Сандра глубоко затянулась сигарой. — Быть может, вам это неведомо, капитан, но я — не самодержавный правитель. Великого Герцога или Великую Герцогиню избирают из представителей рода Тамаринов, не связанного ни с одной из территорий, а выборщики — президенты территорий Гермеса. Я имею лишь очень ограниченную власть.

— Я понимаю, моя госпожа. Но мне сказали, что вы можете созвать законодательное собрание при помощи электронных средств связи, и на это у вас уйдет не более часа. Я слышал, что ваши вожди, живущие на планете, являющей собой пограничный мир, привыкли быстро принимать решения. Моя госпожа, ваше вторжение предотвратит столкновение огромных армад. Но у вас осталось очень мало времени, чтобы что-то предпринять. Если не начать действовать быстро, лучше и вовсе не начинать.

У Сандры заколотилось сердце. «Клянусь космосом, он прав, — думала она под стук пульса. — И он, и Эрик, и... наверняка многие другие. Риск не так уж велик, если действовать осторожно и оставить за собой пути к отступлению. Разумеется, мне понадобятся дополнительные сведения, мнения, и только потом можно собирать президентов и выкладывать им свои рекомендации. Но сейчас мне кажется, что у нас есть шанс.

Да, у нас! Слишком долго я работала дотошно и осторожно, а ведь я — главнокомандующий военным флотом. И если Гермес снарядит экспедицию, возглавить ее должна буду я».

Глава 3

Совет Торгово-технической Лиги собрался в Лунограде, чтобы обсудить все, что связано с Обителью Мрака.

Созывали его в спешке, поэтому представители некоторых членов Лиги не прибыли. Кое-кого из руководителей независимых компаний не успели разыскать, другие не могли бросить все дела и тотчас сорваться с места. Но «Домашних Компаний» и «Космической Семерки» почти хватило для кворума; кроме того, приехавших и уже бывших на месте представителей независимых компаний оказалось достаточно, и кворум составился.

Прошло двадцать четыре часа, а Совет так и не сдвинул дело с мертвой точки. Тогда Николас ван Рийн пригласил двух делегатов в свои покои в гостинице «Вселенная». Они приняли приглашение, хотя вряд ли поступили бы так, если б оно исходило от любого другого независимого торговца. Предприятие ван Рийна было настолько крупным, и щупальца его протянулись так далеко, что он стал очень влиятельной фигурой. Многим наблюдателям с трудом верилось, что один человек, даже обладая современными системами обработки данных и компьютерами, способен возглавлять такую фирму, избегая слияния с другими компаниями, которые объединились, дав начало гигантским корпорациям. Он оказался естественным предводителем для всех тех предприятий, которые избегали слишком тесных союзов, таких, как «Космическая Семерка» или пять «Домашних Компаний». Первой руководил гений Байарда Стори, вторыми — Ханни Леннарт.

Близилась лунная полночь. Вид, который открывался из широкого окна в главной комнате покоев ван Рийна, повергал в трепет. Здания стояли поодаль друг от друга и были довольно низкими, чтобы поместиться в создаваемом силовыми полями куполе, удерживающем воздух и озоновый слой. Между домами раскинулись парки, деревья в них взмывали вверх и изгибались, делаясь похожими на струи фонтанов благодаря небольшой силе тяжести; вокруг буйно цвели огромные яркие цветы. Повсюду сияли фонари, установленные на шестах, похожих на виноградные лозы. Их свет не мешал видеть голую поверхность кратера за

силовыми барьерами, крутые утесы и склоны цирка Платона на ближнем горизонте и небосвод. На фоне кромешной бесконечной черноты горели мириады звезд, ярких, похожих на бриллианты, светивших ровно, без мерцания; Млечный Путь напоминал реку из ртути; на юге висела бело-голубая Земля, такая прекрасная, что сжималось сердце. На фоне этого великолепия роскошно убранный зал казался кричаще-безвкусным.

Леннарт и Стори пришли вместе. Ван Рийн подплыл к Двери, чтобы впустить их. Он не стал включать прибор, создававший притяжение, равное земному.

— Хо-хо! — воскликнул он, открывая дверь. — Не иначе как вы уже посовещались перед приходом сюда, nie[61]? Не отрицайте, не лгите старому одинокому толстяку, который стоит одной ногой в могиле. Лучше угоститесь его выпивкой.

Стори смерил его быстрым взглядом и добродушно сказал:

— С тех пор как я впервые услышал о вас, мастер ван Рийн, а это произошло раньше, чем мне хотелось бы, все только и говорят о том, как вы сетуете на старость и немощь. Готов биться об заклад, что вы будете шалить еще лет двадцать, если не больше.

— Ja, вид у меня здоровый, я сложен, будто кирпичный свадебный торт. Но это из-за низкой гравитации, вы и представить себе не можете, как она помогает. Вы, двое, которые могли бы быть мне сыном и дочерью, если бы я не смыслил в женщинах достаточно, чтобы этого не случилось. Как я мечтаю удалиться от дел, отрешиться от глупостей и ловушек этого нечестного мира, отмыть свою грешную душу, пока она не заскрипит, как чистая кожа.

— Дабы освободить в ней место для новых и более тяжких грехов?

---

[61] Нет (гол.).

— Прошу вас, прекратите эту болтовню, — подала голос Леннарт. — Мы собираемся вести серьезный разговор.

— Если вы настаиваете, госпожа, — сказал Стори. — Что до меня, то я не прочь немного позабавиться. Вам это тоже не помешало бы. Нынешний Совет — образчик бесплодия. И зачем только я на него приехал?

Леннарт и ван Рийн прищурились и посмотрели на него, как будто и их тоже занимал этот вопрос. Прежде они никогда не видели Стори и знали лишь (благодаря рутинному сбору сведений), что вот уже десять лет его имя числится в списке директоров «Галактических предприятий» и живет он в штаб-квартире этой корпорации на Германии. Очевидно, денег и влияния у него было столько, что он мог позволить себе пресечь любую огласку и сделаться едва ли не невидимкой.

Он был довольно привлекательным мужчиной: среднего роста, худощавый, с правильным загорелым лицом; глаза у него были серо-голубые, волосы и усы каштановые с искорками седины. Судя по упругой походке, он давал своим мускулам достаточную нагрузку и, возможно, в весьма неблагоприятных природных условиях. Его мягкий выговор был едва заметно сдобрен неземным акцентом, но время уже успело сделать этот акцент совершенно неузнаваемым. Свободный дорогой костюм, выдержанный в мягких зеленых тонах, сидел на Стори столь естественно, что казался частью его тела. Рядом с ним облаченная в черное Леннарт выглядела безвкусно и болезненно. Ван Рийн на их фоне являл собой вызывающее зрелище — в своем любимом одеянии, заляпанной нюхательным табаком рубахе и саронге, охватывающем его телеса, не уступающие по округлости Юпитеру.

— Ешьте, пейте, курите, — настойчиво пригласил хозяин, взмахом руки указав на изобилующий напитками бар, подносы, уставленные тонкими яствами, коробки с сигарами и сигаретами. Сам он попыхивал длинной трубкой, служившей ему уже долгие годы и день ото дня делавшейся все более вонючей. — Я хотел поговорить с вами здесь, а не

посредством защищенной от подслушивания электронной связи, чтобы мы могли расслабиться, не темнить и не обижаться на высказывания собеседников.

Стори кивнул и жестом хорошо воспитанного человека налил себе шотландского виски, запив его водой. Ван Рийн снова наполнил свой высокий стакан дженеверским джином, добавив в него чуточку какого-то горького зелья, которое он называл angst en onrust[62]. Мужчины уселись в кресла, а Леннарт опустилась на диван напротив. Она сидела прямо и не притрагивалась к угощению.

— Итак, — проговорила она, — что вы задумали?

— Мы должны выяснить, можем ли мы пойти на взаимные уступки, и, если нет, обозначить те области, в которых между нами нет согласия. Верно? — предложил Стори.

— И обменяться сведениями, — добавил ван Рийн.

— Этот товар может быть чертовски дорогам, особенно когда его не хватает, — заметил Стори.

— Надеюсь, вы понимаете, что никто из нас не может ничего обещать, мастер ван Рийн, — произнесла Леннарт, чеканя слова. — Мы — всего-навсего исполнители, работающие на свои корпорации. — Сама Ханни была одним из вице-президентов «Глобал кибернетике». — Да и вообще, ни «Домашние Компании», ни «Семерка» не являют собой монолиты. Их составные части связаны между собой лишь определенными деловыми соглашениями.

Это повторение школьной программы не обидело ван Рийна.

— И еще общими Советами директоров, — вкрадчиво добавил он, беря маленький бутерброд с копченым угрем и кусочком холодной яичницы. — Кроме того, в делах ваш голос значит гораздо больше, чем вы хотите показать. Ja, стоит вам захотеть, и вы можете рявкнуть, как взрывное устройство. А все эти деловые соглашения означают лишь, что

[62] Страх и смятение (гол.).

«Семерка» и «Домашние Компании» — два картеля, имеющие немало лакеев из числа высокопоставленных политиканов.

— Только не мы, — сказал Стори. — Это у вас плутократия, госпожа Леннарт, а не у нас.

Впалые щеки Ханни залились румянцем.

— Вы можете с полным основанием сказать это и про свои марионеточные государства с ваших несчастных маленьких планеток, — парировала она. — А если уж говорить о Содружестве, то мы уже пятьдесят лет проводим прогрессивные преобразования, направленные на укрепление демократии.

— Проклятье, — пробормотал ван Рийн, — вы и впрямь, небось, в это верите.

— Надеюсь, мы собрались здесь не для того, чтобы упражняться в этой набившей оскомину партизанской политике, — сказал Стори.

— Я тоже, — ответил ван Рийн. — Этим и кончится нынешний Совет, если мы пустим его на самотек. Члены Совета упрутся, и их уже не сдвинешь, потому что они слишком унавозили почву. Теперь они будут грызться, покуда с неба не посыплется штукатурка, но ничего не добьются... если некоторые ведущие личности не позаботятся об этом. Вот о чем я и хочу посудачить с вами.

— Предмет спора очень прост, — заявила Леннарт. И повторила то, что уже не однажды утверждала за столом переговоров: — Обитель Мрака — слишком ценный источник стратегического сырья, чтобы мы могли позволить расе, уже выказывавшей враждебность к нам, наложить на него лапу. Я имею в виду и человеческие существа тоже. Содружеству, по справедливости, принадлежат права на эту планету, коль скоро первооткрыватели не представляли никакое правительство, а экспедиция Ригасси состояла из наших граждан. Содружество имеет обязательства перед человечеством, перед самой цивилизацией и должно охранять эту планету. «Домашние Компании» разделяют эту точку зрения. Это

патриотический долг, и я искренне удивлена тем, что такие образованные люди, как вы, пренебрегаете им.

— Я получил образование в школе синяков и шишек, — ответил ван Рийн. — Подозреваю, что и вы тоже, мастер Стори, верно? Мы с вами должны понимать друг друга.

— Понимаю, почему вы меняете тему, — бросила Леннарт. — Разговоры о нравственности смущают вас.

— Кстати, о нравственности, не говоря уже об ее отсутствии, — сказал ван Рийн. — Что там с первооткрывателями Обители Мрака, а? Какие, по-вашему, права у них?

— Это может решить суд, но после того, как Обитель Мрака будет в безопасности.

— Ja, ja, в суде, судей которого вы продаете и покупаете, как биржевые акции. Я уже слышал шепоток о том, что вы подмазываете своих законников. Вот почему «Сверхметаллы» действовали втайне.

Стори вскинул брови:

— Думаете, мы поверим, что вы десять лет помогали и попустительствовали им из обостренного чувства справедливости, а, мастер?

— Почему вы считаете, будто я участвовал в каком-то заговоре? Это я-то, простой старый толстый коробейник, впавший в чревоугодие?

— Огласке это не предавалось, но Ригасси узнал от рабочих на Обители Мрака, что один из членов Торгово-технической Лиги помогает прикрывать их с тех пор, как отыскали планету. Рабочие не сказали, кто он. Они просто предприняли довольно жалкую попытку похорохориться...

Леннарт ахнула.

— Откуда вы это знаете? — воскликнула она.

Стори усмехнулся. Он не собирался приоткрывать завесу над системой шпионажа, разработанной его группировкой. Он продолжал, обращаясь к ван Рийну:

— Сейчас, задним числом, я полагаю, что это были вы. Великолепно поработали. В особенности, когда роняли намеки и подбрасывали свидетельства тому, что

сверхметаллы производит целая цивилизация, гораздо более развитая, чем наша. Торжественные проводы исследовательских экспедиций, отправляющихся на поиски... Да, наверняка это самая блистательная мистификация в истории. — Он мгновение помолчал. — Вы не хотели бы рассказать нам, зачем все это делали?

— Вы бы назвали меня лжецом, кабы я сказал, что считал свои действия правильными, да и сам я, вероятно, думал бы так же. — Ван Рийн проглотил пирожок с сыром лимбургер и луком, примял табак в трубке указательным пальцем с толстым ногтем и втянул в легкие дым. — Готов признать, отчасти я пошел на это потому, что меня уговорило одно дорогое мне существо, — продолжал он, пуская кольца дыма. — А отчасти — потому, что независимые торговцы вроде меня предпочитают, чтобы сверхметаллы свободно продавались на рынке. Я не хочу, чтобы один из ваших картелей обрел мощь, которую дает обладание монополией на Обители Мрака. Куда разумнее сохранить это предприятие в его первозданном виде.

Вот в чем он убеждал Совет. Торгово-техническая Лига должна собраться с силами, вспомнить времена своего былого единства и попытаться сделать так, чтобы Обитель Мрака была объявлена независимой планетой под протекторатом Лиги, в которую вступит и компания «Сверхметаллы». Он прекрасно понимал, что такую резолюцию можно будет принять, только переубедив множество упрямцев. «Домашние Компании» твердили, что будут поддерживать Содружество; «Семерка» ратовала за неучастие Лиги в какой-либо борьбе вообще, ее строгий нейтралитет и готовность вести переговоры с теми, кто возьмет верх.

Ван Рийн решил снова поднять этот вопрос.

— Стори, — сказал он, — какой смысл сидеть и сосать большой палец? Госпожа Леннарт по-своему права: если Бабур завладеет Обителью Мрака, это станет худшим исходом для всех нас. А Бабур, возможно, вооружен лучше, чем

Содружество. Во всяком случае, у него не так растянуты коммуникации.

— А кто довел дело до этого? — Голос Леннарт зазвучал пронзительно. — Кто первым начал торговать с бабуритами, кто продал им космическую технологию, польстившись на презренный металл? «Семерка»!

— Да, мы заключали сделки, — мягко ответил Стори. — В те времена такого рода обмены были в порядке вещей, как вы помните. Никто не возражал. А позднее... что ж, готов признать, что торговля наших компаний почти сошла на нет, потому что перестала приносить хороший доход, а вовсе не потому, что мы предвидели милитаризацию Бабура. Этого не предвидели ни мы, ни, кто-нибудь, другой. Да и кто мог предвидеть такое? Там еще только начинались исследования, а необходимое развитие... Невероятно, что они проделали все это за какие-нибудь несколько лет.

Однако, — тут он поднял руку, будто читал лекцию, — однако из всего предыдущего опыта мы знаем, что с бабуритами можно вести дела. Перспектива покупать сверхметаллы у них пугает нас ничуть не больше, чем перспектива приобретать их у «Домашних Компаний», ведь этим дело и кончится, если Содружество приберет планету к рукам. Нам, так или иначе, будет что предложить Бабуру для удовлетворения его нужд.

— А не лучше ли закупать сверхметаллы по более низким ценам у нынешних владельцев и у других компаний, которые тоже будут разрабатывать недра Обители Мрака и продавать сырье на свободном рынке? — спросил ван Рийн.

— Еще неизвестно, подешевеет ли оно, — ответил Стори. — Существа, дышащие кислородом, слишком рвутся открыто состязаться с нами. — Он соединил кончики пальцев и посмотрел поверх них сначала на Леннарт, затем на ван Рийна. — Если начистоту, то я думаю, что страх перед Бабуром — это не что иное, как детская боязнь неведомого. Вы даже не потрудились что-нибудь разузнать о Бабуре, хотя он, похоже, был самой таинственной планетой в

обследованной части космического пространства. Но я волею судеб когда-то был ксенологом и занимался планетами меньше Юпитера. Я изучил все имеющиеся у «Семерки» отчеты о ее сношениях с Бабуром. В прошлом я и сам побывал там и вел переговоры с предводителями бабуритов. Поэтому я заявляю вам, а заодно намерен заявить и всему Совету, что Бабур — отнюдь не логово великана-людоеда. Это — обитель существ, которые по своим меркам так же разумны, как мы — по нашим.

— Вот именно, — прорычал ван Рийн, — да поможет Бог разуму, если мы и бабуриты — лучшее, что этот разум смог сотворить. Однако у меня у самого как-то раз возникли легкие трения с бабуритами. А недавно я просмотрел все данные о них, какие только можно достать в Солнечной системе. Их цели очень переменчивы.

— Их притязания на Обитель Мрака смехотворны, — вставила Леннарт. — Это всего лишь лозунг, прикрывающий захват чужих владений.

— Но только не с точки зрения господствующей на Бабуре цивилизации, — ответил Стори.

— Значит, нельзя допустить, чтобы эта цивилизация вошла в силу. Она исполнена решимости основать собственную империю. Добро бы, если б речь шла только о родственных Бабуру планетах. С этим мы, возможно, и смирились бы. Но, насколько я поняла по их заявлениям и недавним действиям, они намерены добиться господства над всем открытым космосом, а этого терпеть нельзя.

— А как вы им помешаете?

— Для начала примем соответствующие меры в отношении Обители Мрака. Быстро и решительно. Из наших разведданных ясно, что Бабур отступит, если поставить его перед свершившимся фактом.

— Из «наших» разведданных? — пробормотал Стори. — У вас что, такие тесные связи с Министерством обороны?

Ван Рийн выдул несколько клубов густого сизого дыма.

— По-моему, вы только что дали мне ответ на один занимавший меня вопрос, Леннарт, — сказал он.

Ханни вытаращила глаза. Судя по выражению ее лица, она была обеспокоена.

— Я не... я просто высказываю свою точку зрения, вы понимаете...

— У меня там тоже есть связи. Правда, я не имею допуска к тайнам, в которые, похоже, посвящены вы. Нет, мне известны самые пустячные сведения, такие, как, к примеру, разрешения на полеты в дальний космос для гражданских кораблей. Недавно большую их часть вдруг перестали выпускать туда. Ja, я собираю факты по крупицам. Кап-кап-кап, пока не натечет целая лужа. Я знаю вас не первый год, Леннарт, и то, как вы ведете беседу, тоже о многом мне говорит.

Ван Рийн поднялся. При здешней гравитации он сделал это так же легко, как встающая Луна заслоняет собой сияющий диск Земли.

— Стори, — сказал он, — об этом еще не скоро объявят, но я готов поставить свои рубины против вашего ревеня, что правительство Содружества уже отправило к Обители Мрака военный отряд. И я совсем не уверен, что Бабур стерпит это, поджав хвост. — Он повернулся к вырезанной из марсианского песчаного корня фигурке святого Дисмаса, стоявшей на баре и всю жизнь сопровождавшей ван Рийна в странствиях. — Пожалуй, тебе стоило бы помолиться за нас, — сказал он святому.

Глава 4

Космический корабль «Через пень-колоду» на полной тяге уходил от Солнечной системы в направлении звезды, которую люди окрестили Могулом. Пульсирующие волны Шредингера влекли корабль вперед с псевдоскоростью, в тысячи раз превышающей истинную скорость светового луча, а по галактическим меркам Солнце и Могул были близкими соседями. Тем не менее корабельные часы

отмерят две с половиной недели, прежде чем он прибудет на место, — настолько огромна наша Вселенная. Мыслящие существа легко говорят о путешествиях на расстояния во много световых лет, ибо они и сами не понимают, что делают.

Дэвид Фолкейн, Чи Лан, Эдзел и Пень дулись в покер в салоне. Точнее, играли только трое. Компьютер был представлен в их обществе аудиовизуальным сенсором и парой металлических рук. Это была новейшая модель, действующая на уровне сознания и способная управлять системами корабля в полете, используя лишь малую толику своей мощности. Ну а живым существам на борту и вовсе почти нечего было делать.

— Ставлю кредит, — сказала Чи. Синяя фишка с треском покатилась к центру стола.

— О Боже, — Эдзел положил карты. — Принести кому-нибудь еще прохладительного?

— Спасибо, — Фолкейн протянул ему пустую пивную кружку. — Повышаю, — он удвоил ставку. Прошло полминуты, слышалось только тихое урчание механизмов и вентиляторов. — Ну, что ты там застрял, Пень?

— Шансы за и против меня оценены как равные, — произнес ровный механический голос. Электронные раздумья продолжались еще несколько секунд. — Ну что ж, — решила машина и поставила столько же, сколько Фолкейн.

— Кияо? — с вопросительной интонацией произнесла Чи. Ее бакенбарды начали топорщиться, а хвост принялся постукивать по стулу. — Ну, если вы настаиваете, — сказала она и тоже подняла ставку.

Фолкейн возликовал в душе. У него была отличная карта. Но он нарочито поколебался, прежде чем опять поднять ставку. Пень раскусил его.

— Ты уверен, что тебе не нужна подстройка? — угрожающе спросил Фолкейн машину.

— Кого боги хотят наказать... — самодовольно проговорила Чи, тоже поднимая ставку. Глухо стуча копытами по

ковру, вернулся Эдзел с кружкой пива для Фолкейна. Сам одийит не употреблял этот напиток во время перелетов, ибо ни один корабль не мог взять на борт необходимое ему количество пива. Он потягивал мартини со льдом из литрового стакана.

Фолкейн снова увеличил ставку. Пень удвоил. Чи и Фолкейн взглянули на него, словно могли уловить какое-то выражение в его витриловых линзах. Чи медленно положила в банк две фишки. Фолкейн подавил улыбку и снова поднял ставку. Пень сделал то же самое. Мех Чи встал дыбом.

— Будь ты неладен со всеми твоими лживыми транзисторами! — воскликнула она и швырнула карты.

Фолкейн заколебался. Пень дал понять, что карта у него неважная, но... Дэвид предложил открыться. Пень показал четыре дамы.

— Что за черт? — возмутился Фолкейн, приподнимаясь со стула. — Ты же сказал, что шансы...

— Я имел в виду шансы надуть тебя, — объяснил Пень и сгреб банк.

— Похоже, после долгой разлуки нам придется заново изучать манеру игры друг друга, — заметил Эдзел.

— Послушайте, — сказала Чи, тасуя карты, — мне уже надоел простой покер. Выбирает банкующий, верно? Так вот, все бьет семерка карт подряд, маленьких ставок не делать.

Фолкейн поморщился:

— Ты говоришь ужасные вещи.

— Шансы при игре вразнос точно так же непредсказуемы, как и при обычной, — объявил Пень.

— Да, но только ты ведь компьютер, — проворчал Фолкейн.

— Не хочешь снять? — спросила Чи Эдзела.

— Что? — дракон захлопал глазами. — О, прошу прощения. Я воспользовался случаем и занялся медитацией.

Громоздкая рука с удивительным изяществом разделила колоду карт.

На этой раздаче ему крепко досталось, но Эдзел, похоже, не расстроился. Однако, когда пришла его очередь сдавать, он невозмутимо объявил:

— Теперь счет будет, как в бейсболе.

— О нет, — застонал Фолкейн. — Что с вами случилось за эти три года?

Он сложил руки на груди и погрузился в мрачное раздумье, потягивая пиво.

Потом пришла его очередь сдавать.

— Ну, негодяи, я вам покажу, — сказал он. — Номер первый. Знаете, что это такое? Старшая комбинация — семь карт подряд, короли и десятки не в счет, семерки и двойки — только одной масти.

— От mani padme hum[63], — прошептал потрясенный Эдзел.

Чи выгнула спину и фыркнула. Вновь устроившись на сиденье, она возразила:

— У Пня предохранители сгорят.

— Эта задача проще, чем расчет орбиты снижения, — заверил ее корабельный компьютер, — хотя она довольно нелепа.

Игра продолжалась, но как-то бестолково. Фолкейн сорвал банк главным образом благодаря тому, что вовремя перестал торговаться.

— Надеюсь, все мы усвоили урок, — сказал он. — Тебе сдавать, Пень.

— Полагаю, мне тоже разрешат объявить необычную игру, — ответила машина.

Фолкейн поморщился, Чи Лан распушила хвост, но Эдзел предложил:

— Пусть будет, по справедливости. Однако потом давайте ограничимся простым штудом и прикупом.

— По моей оценке, эта игра укрепит тебя в таком желании, — пообещал Пень, тасуя карты. — Сделаем так: можно

[63] Буддийская молитвенная формула.

брать прикуп, хотя в этом нет смысла: игроки держат карты рубашками к себе, так что все видят, что сдано другим, а своих карт не видят.

Все оторопело замолчали, потом Чи сердито спросила:

— Что за извращенцы программировали тебя в последний раз?

— Я самопрограммируюсь в рамках того типа задач, для решения которых предназначен, — напомнил ей компьютер. — Поэтому всякий раз, когда меня включают, но не нагружают, я стараюсь использовать это в созидательных целях.

— Один-ноль в пользу манихейской ереси[64], — заметил Эдзел. Ван Рийн понял бы, что он имеет в виду, но до Фолкейна так и не дошло, хотя он был неплохо начитан.

Что ж, по крайней мере, игра, к счастью, не затянулась. Когда кон завершился, Фолкейн встал.

— Играйте без меня, — сказал он. — Хочу проверить, как там наш обед.

Приготовление лакомств было одним из увлечений, помогавших Фолкейну скоротать время в полетах; Чи занималась для этой цели живописью и лепкой, а Эдзел музицировал и изучал историю Земли.

Полив жаркое подливкой, Фолкейн не сразу вернулся в салон, а раскурил трубку и отправился на мостик. Его тяжелые шаги громко отдавались в тишине. Каждые сутки в течение нескольких часов корабельный генератор тяготения бывал настроен на 155 процентов земной силы тяжести, и сейчас был именно такой отрезок времени. Благодаря этому экипаж привыкал к условиям, ожидавшим его на Бабуре, если придется садиться там. Лишние 45 килограммов веса не очень утомляли Дэвида. Нагрузка равномерно распределялась по всему хорошо тренированному телу. Фолкейну и его товарищам требовалось адаптировать главным образом сердечно-сосудистые системы. Тем не менее опорно-двигательный аппарат чувствовал избыточную тяжесть.

---

[64] Манихейская ересь — религиозное учение, в основе которого лежит дуалистическое представление о борьбе добра и зла.

Оптические преобразователи в рубке с точностью воспроизводили вид того полушария небесной сферы, на которое были настроены. Фолкейн остановился перед панелью управления. Над перемигивающимися огоньками приборов обзорный экран разворачивал панораму бесчисленных звезд. Их сверкающие рои окружали корабль со всех сторон, Млечный Путь казался серебряным водоворотом, Магеллановы облака и туманность Андромеды в своем недостижимом далеке выглядели маленькими и чуждыми. Как будто ощутив космический холод, Фолкейн сжал в руке свою трубку — символ костра на привале. За пределами корабельных шорохов лежала необъятная тишина.

«И, однако, — подумал он, — дальние солнца не безмолвны. Их пылание ошеломляло, пространство вокруг них кипело материей и энергией, рождая новые светила и новые миры. Вселенная не бессмертна: она имеет начало и конец, собственную странную судьбу. Заглянуть в эти глубины — значит познать печаль и великолепие жизни».

Койя не раз говорила, что хочет заняться в космосе любовью.

Фолкейн попытался отыскать глазами Солнце, хотя оно, разумеется, уже давно скрылось из виду. Наметанным глазом он все еще мог ориентироваться по созвездиям, облик которых успел измениться (некоторых — до полной неузнаваемости). Они уже почти растворились в сонмище звезд, сиявших в безвоздушном пространстве.

«Как ты там, милая? — подумал Дэвид, понимая, что «там» — всего лишь бессмысленный набор звуков, возглас, летящий из межзвездной дали. — Я не ожидал, что в этом полете меня охватит тоска по дому. Я забыл, что дом — это место, где находишься ты».

Дэвид почувствовал, что к грусти примешивается ощущение вины. Он не был честен с женой. По его мнению, путешествие сулило большие опасности, а он не признался ей в этом (хотя, с другой стороны, она ведь пыталась скрыть от него, что думает о том же). Но все равно после трех лет

размеренной жизни кровь в его жилах тотчас закипела, стоило ван Рийну подбросить ему эту идею полета. В голове пронеслись строки какого-то из древних поэтов, которых Фолкейн так любил:

Я часть всего, что встречу на пути,
Пусть жизнь — лишь образ, видимый в окно,
Открытое в неведомый мне мир, куда идти,
Не ведая преград, мне суждено.
Как скучно завершить свой путь, уснуть,
Подобно лезвию, ржавеющему втуне.
Ведь жизнь — борьба, вот суть...

Ощущая утешительное тепло трубки, Дэвид подумал, что, пожалуй, стоит признать очевидное: он безнадежно болен лихорадкой странствий. Возможно, потом Койя и... о да, и дети тоже начнут скитаться вместе с ним, ну а пока:

Спутники в бедствиях, мы не безопытны; всё мы сносили
Твердо; теперь же беда предстоит не страшнее постигшей
Нас, заключенных в пещере свирепого силой циклопа...

Он усмехнулся. Вряд ли Эдзелу или Чи Лан придется по душе мысль об уделе гребца на греческой галере. Хотя им иногда доводилось и, возможно, еще предстоит заниматься не менее странными делами. Пожалуй, лучше вернуться за карточный столик. После обеда, если они будут в соответствующем настроении, он достанет свою скрипку и поиграет им. Ему никогда не наскучит смотреть, как эта парочка отплясывает джигу.

Глава 5

Солнце Бабура в два с лишним раза превосходило яркостью земное, но планета была в шесть раз дальше от него, чем Земля — от своего светила. Могул представал взору в

виде нестерпимо яркого меленького диска на небесных просторах. Одна из четырех лун Бабура была так близко, что виднелись кратеры, но остальные три напоминали тонкие острые серпы. Сама планета представляла собой рыжевато-бурый шар, частично затемненный, частично скрытый полосками и спиралями облаков, белых с золотистым, буроватым или красным отливом. Увидев это величественное зрелище, Фолкейн понял, почему открывшие планету люди нарекли ее в честь завоевателя, которого многие поколения индусов помнили под прозвищем Тигр. «Они и сами не знали, насколько удачным оказался их выбор», — подумал Фолкейн.

На мостике Дэвида окутала глубокая тишина, слышалось только дуновение вентиляторов. Гиперпространственные двигатели были выключены, и «Через пень-колоду» маневрировал на гравитационных со скоростью несколько километров в секунду. Чи сидела в рубке управления вооружением, Эдзел — в машинном отделении, то есть в местах, куда они отправлялись, когда складывалась тревожная обстановка. На Фолкейне лежала нелегкая обязанность определить степень опасности и решить, настало ли время драться или бежать. Дэвид сомневался, что либо то, либо другое возможно здесь. Два военных корабля, окликнувших их на подходе к планете и теперь сопровождавших звездолет на посадку, летели справа и слева от остроконечного носа «Через пень-колоду», будто два волка, гнавших добычу. На расстоянии они казались крошечными, но, увеличив изображение, Дэвид увидел, что корабли не уступали размерами броненосцам Торгово-технической Лиги, но были оснащены гораздо более тяжелым вооружением и представляли собой летающие арсеналы.

Когда Пень заговорил, Дэвид вздрогнул, натянув сетку безопасности, удерживающую его в кресле.

— Я начал анализ данных, полученных детекторами нейтрино и массы, радарами, датчиками гравитации местного межпланетного силового поля. По предварительным

сведениям, примерно пятьдесят кораблей обращаются на отдаленных орбитах вокруг Бабура. Лишь один из них имеет размеры, сопоставимые с габаритами дредноута или корабля того же класса. Многие, похоже, вовсе небоеспособны. Вероятно, транспортные челноки. Скоро, я полагаю, мы получим более подробные сведения.

— Полсотни? Ого! — воскликнул Фолкейн. — Но после того представления, которое Бабур устроил возле Валии, мы знаем, что их флот по меньшей мере не уступает флоту Содружества. Где же основные силы?

Товарищи слушали его по внутренней связи. До Фолкейна донесся ленивый бас Эдзела:

— Гадать бесполезно. Нам не хватает сведений о замыслах бабуритов и даже об обществе, руководители которого вынашивали эти замыслы.

«Никого это не волновало, а когда спохватились, было уже поздно, — подумал Фолкейн. — Мы не обращали внимания на этих существ, дышащих водородом. Они мало что могли предложить нам, потребителям кислорода. Они так чужды нам, что не в состоянии дать почти никаких товаров и ресурсов. По той же причине нам нечего было с ними делить. Слишком много нашлось планет, которые манили нас своими богатствами, пригодными для жизни условиями, жители которых были не так уж безнадежно чужды нам. Мы почти забыли, что Бабур вообще существует — целый мир, такой же древний, многоликий и чудесный, как сама Земля».

— Кажется, я знаю, где их недостающие корабли, — сказала Чи. — Их ведь строили не для того, чтобы дать прохлаждаться на орбите.

Мысли Фолкейна устремились по наезженной колее.

«Как же Бабуру это удалось? Как можно создать такую громадную военную мощь за жалкие два-три десятка лет? Ведь они не просто вооружили те считанные купеческие суда, которые смогли построить. И они не могли просто воспользоваться чертежами военных кораблей, построенных

людьми. Им пришлось подгонять все конструкции под весьма необычные условия Бабура, приспосабливать их к нуждам его обитателей».

Он вспомнил, как выглядели сопровождающие «Через пень-колоду» корабли. Пузатые, будто на сносях. (Интересно, что за детенышей они выродят?) В их несуразно больших корпусах помещались криогенные камеры. Одной лишь очистки воздуха потребителям водорода было мало, поскольку этот газ медленно утекал, просачиваясь между атомами оболочки корабля, и его запасы надо было пополнять за счет жидких газов. Тонкий слой одного из сверхметаллических сплавов на корпусе мог бы остановить утечку, но, когда принималось решение строить военный флот, ни один бабурит еще не знал о существовании Обители Мрака. А ведь течь — самая малая и явная из всех напастей, с которыми столкнулись инженеры.

Исследовательская и подготовительная работа, предшествовавшая постройке кораблей, очевидно, была весьма и весьма сложным делом. Как же бабуритам удалось провести ее за столь короткое время? Ведь в ту пору, когда люди впервые встретили этих существ, они еще ни разу не покидали родную планету.

Могли они нанять специалистов со стороны? Если да, то откуда? И чем расплачивались?

Бессмысленная череда вопросов, которые возникли, когда люди впервые ощутили угрозу, вдруг оборвалась, потому что Пень решил внести свою лепту в разговор, что случалось нечасто.

— Судя по всему, бабуриты предвидели возможность столкновения с другими существами, дышащими водородом, — сказал он.

— Нет, — возразил Эдзел. — В исследованной части космоса нет других существ, которые бы имели сопоставимую по уровню технологию. Только аймириты, а они так же похожи на бабуритов, как и на нас.

— Предлагаю ввести в меня программу политических наук, — заявил компьютер.

— Может, перестанете наконец болтать, трепачи? — рявкнул Фолкейн. — Истина заключается в том, что бабуриты имеют в своем распоряжении гораздо больше кораблей, чем держат здесь. И я разделяю опасения Чи относительно того, куда направились остальные их корабли. Если мы...

Пискнул сигнал внешней связи. Дэвид включил прибор, и на экране возникло изображение бабурита крупным планом.

Его жуткую фигуру, похожую на гусеницу, кентавра и морского рака одновременно, но ни на какую из этих тварей в отдельности, окутывал сумрак, в котором мелькали какие-то призраки. Четыре крошечных глаза, расположенные позади губчатого рыла, никак не могли поймать взгляд Дэвида. Существо загудело на латыни Лиги, и переговорное устройство превратило этот шум в членораздельные звуки:

— Мы поставили в известность Имперское Кольцо Сиземы, и скоро вы получите указания. Оставайтесь на связи.

Это заявление прозвучало ни вежливо, ни грубо. Им просто сообщили, как обстоят дела.

Изображение потускнело и исчезло. С минуту Фолкейн сидел, погрузившись в раздумья, перебирая в памяти те скудные сведения, которые были ему известны.

«Сизема» — всего лишь слово, которым переговорное устройство передавало тихий писк. А «Имперское Кольцо» представляло собой попытку бабуритов (вероятно, с легкой руки первых исследователей-люд ей) облечь в слова некое понятие, тождественного которому на Земле не было. Судя по всему, в Акарро (так переговорное устройство окрестило один из районов планеты) первичной ячейкой общества была не личность, семья, клан или племя, а некое объединение существ, связанных между собой такими крепкими и всепроникающими узами, какие неведомы и недоступны человеку. Основывались они на какой-то взаимозависимости, или взаимном дополнении, циклов половой активности, но

распространялись на все стороны жизни. У каждого Кольца была своя индивидуальность, и кольца эти отличались друг от друга больше, чем составляющие их особи. И тем не менее, как сообщили ксенологам наблюдатели, каждая личность в составе Кольца была уникальной и вносила свой особый вклад. В этих конгломератах не было никакой субординации, там царило то ли единение, то ли слияние, существовавшее на каком-то более глубоком уровне, чем уровень сознания. Телепатия? Трудно сказать, какой смысл следует вкладывать в это слово на Бабуре. Более толковых объяснений наблюдатели дать либо не смогли, либо не пожелали. Каждый бабурит испускал разнообразные излучения на радиочастотах, достаточно мощные, чтобы их мог принять чувствительный прибор, находящийся неподалеку. Если дело было в специфике нейрохимических процессов (?), то, вероятно, другая нервная система (?) могла действовать как приемник. Возможно, именно поэтому какая-то часть здешнего культурного наследия передавалась не устно или письменно, а воспринималась непосредственно.

Потенциально бессмертное, Кольцо пополнялось как путем приема новых членов, так и через рождение потомства. Перекрестные «усыновления» связывали группы так же, как династические браки некогда объединяли семейства людей. Имперское Кольцо, похоже, пользовалось при этом преимущественным правом выбора и, таким образом, могло считаться господствующим. Постепенно под его предводительством оказалась вся планета, но Кольцо представляло собой вовсе не монархию или диктатуру в строгом смысле этого слова. Самоуправляемые и не склонные к столкновениям с себе подобными, кольца почти не нуждались в верховной власти в ее земном понимании.

«И это еще больше затрудняло оценку причин внезапного приступа воинственности бабуритов, — подумал Фолкейн. — Лет тридцать назад они попытались было вести не очень честные дела в этом секторе, но были побеждены «Пряностями и спиртными напитками». Однако это,

клянусь солнцепеком, было пустячное столкновение. Из-за такой мелочи они не стали бы потом трубить о своем «праве распоряжаться окружающим космосом». Идея о разделе звезд на области интересов тоже вряд ли годится в качестве объяснения. Лига никогда не смирилась бы с этим, коль скоро она намерена сохранить себя как систему участников свободного рынка. Содружество еще могло бы в принципе согласиться с такой идеей, но только при условии сохранения за собой Обители Мрака. А ведь бабуриты решили поднять именно этот взрывоопасный вопрос и таким образом ускорили кризис.

Наверное, даже агенты компаний «Семерки», которые первыми начали вести тут дела, были сбиты с толку и никак не могли предугадать, что замышляет этот разум, столь чуждый нашему, — подумал Дэвид. — Хо-хо!»

В этот миг экран снова преподнес ему подарок в виде изображения бабурита. Хотя Фолкейн неплохо умел примечать индивидуальные особенности нечеловеческих особей, он распознал нового собеседника лишь по цвету и покрою одежды. Причудливость образа затмевала все детали, делая их недоступными для его восприятия.

— Ты — капитан А-кайе? — без предисловий спросило существо. Похоже, оно не расслышало имя Фодкейна и не смогло достаточно точно воспроизвести его мычанием. — Этот член говорит с тобой от имени Имперского Кольца Сиземы. Ты сообщил нашим часовым цель своего прибытия. Переизложи ее в точных подробностях.

Мышцы на животе и между лопатками напряглись, и на миг Фолкейн вдруг воспринял звезды, планету, ее спутники и солнце на небосводе гораздо острее, чем стоявший перед его глазами образ. «Умереть, лишиться всего этого великолепия, потерять Койю, Хуаниту и еще не родившееся дитя... Но эти военные корабли, сопровождающие его к планете, вряд ли станут открывать огонь без всяких на то причин. А может, станут?» Но тут в нем проснулось привычное бесстрашие, и Дэвид спокойно ответил:

— Прости, если я обойдусь без приветствий и тому подобных любезностей. Мне сказали, что твой народ не нуждается в такого рода фразах, во всяком случае, при общении с существами других видов. — И это было вполне разумно, ибо какие уж тут общие ритуалы? — Мои товарищи и я прибыли сюда не как правительственные посланники, а как представители одной из компаний Торгово-технической Лиги, Галактической компании пряностей и спиртных напитков. Как нам известно, более двух ваших лет назад мы не поладили друг с другом на планете, которая зовется у нас Сулейманом. Надеемся, это не помешает вам выслушать нас.

Он пустил в ход переговорное устройство — не потому, что был мало-мальски знаком с языком бабуритов, а для того, чтобы оно превратило его слова в звуки, которые собеседник сможет воспринимать без всяких усилий. «Интересно, насколько же прибор исказил смысл его высказываний?» — подумал Дэвид. Если речь Сиземы так же тональна, как, скажем, китайская, до бабурита дойдет почти бессмысленное верещание. Но у туземца достало мудрости потребовать повторить.

— Мы слушаем, — сказал он.

— Боюсь, что не смогу изложить вам какой-либо конкретный план. Нас очень беспокоит противостояние, связанное с Обителью Мрака. «Нас» означает компанию, на которую работаем я и мои спутники. Разумеется, это беспокойство разделяют и руководители сотрудничающих с нами фирм. Война столь же губительна для торговли, как и для всего остального. Не только... гм... экономические соображения, но и справедливость, как таковая, вынуждает нас сделать все возможное, чтобы предотвратить войну. Вам, несомненно, известно, что Торгово-техническая Лига — не государство, однако ее мощь сопоставима с мощью любой державы. Она с радостью окажет любую помощь в деле достижения мирного соглашения.

— Ты говоришь не от имени всей Лиги. В ней больше нет единогласия.

«Туше[65], — подумал Фолкейн: чувство было такое, будто его и впрямь пронзили клинком. — О космос, откуда бабуритам это известно? По идее, они должны знать о политике Технических цивилизаций так же мало, как мы — об их политической возне.

Правда, если они уже долго готовятся к войне с нами, значит, заранее успели тщательно нас изучить. Но когда и как?

Если бы среди нас терся не в меру любопытствующий бабурит, ван Рийн наверняка прослышал бы об этом: слишком уж приметные они создания. Разумеется, бабуриты не могли надеяться, что такого рода сведения им будут доставлять заезжие купцы «Семерки», особенно после того, как торговля, по сути дела, замерла.

Узнать о том, что они так хорошо осведомлены, уже само по себе означало добыть животрепещущие важные сведения. Надо поставить в известность ван Рийна».

Фолкейн принял решение едва ли не по наитию. Лучше всего, пожалуй, не показывать этому офицеру (?), что он в смятении.

— Мы будем рады обсудить с тобой и этот, и какой угодно другой вопрос, — сказал Дэвид, стараясь выиграть время. — Если мы сумеем что-то вам объяснить и получить объяснения от вас, наше путешествие можно будет считать успешным. Хотел бы подчеркнуть, что мы никоим образом не представляем Содружество. Скажу больше, ни один из нас троих не числится среди его подданных. Не имеет значения, к кому в конце концов отойдет Обитель Мрака: компании Лиги все равно будут торговать с ее владельцами (если только планету не захапает Бабур и не оставит все сверхметаллы себе). Надеюсь, вы воспримете нас как своего рода послов (при первой же возможности готовых заняться заодно и шпионажем). Мы имеем опыт сношений с разными

[65] Туше — дословно: «попал» — фехтовальный термин.

расами, поэтому, возможно, наши шансы произвести обмен сведениями и идеями намного выше среднего.

Бабурит выстрелил очередью каверзных вопросов, на которые Фолкейн дал как можно более уклончивые ответы. Коль скоро это существо знало, что в Лиге раздор, Дэвид постарался создать впечатление, что дрязги не такие серьезные, какими они были на самом деле. В конце концов проводивший допрос бабурит сказал:

— Вас сопроводят к месту посадки на Бабуре. Вам будут отведены покои с земными условиями.

— Мы вполне можем остаться и на борту находящегося на орбите корабля и общаться с вами посредством экрана, — ответил Фолкейн.

— Нет. Мы не можем допустить, чтобы вооруженный корабль, наверняка оборудованный приборами наблюдения, оставался без присмотра в ближнем космосе.

— Я вас понимаю, но... Мы могли бы сесть на одной из лун.

— Нет. Возможно, нам понадобится тщательно изучить вас, и вам будет закрыт доступ на ваш корабль. А еще вы можете попытаться ускользнуть от нас, если дело примет нежелательный для вас оборот. Корабль сопровождения уже выслан. Исполняйте указания его командира.

Экран померк.

Какое-то время Фолкейн просто сидел и слушал, как ругается Чи. Наконец он сказал:

— Ладно. На худой конец сможем осмотреть поверхность невооруженным глазом. Пень, не отключай приборы наблюдения.

— Они работают, — заверил его компьютер. — Анализ данных тоже идет полным ходом. Теперь очевидно, что большинство кораблей в окрестностях Бабура принадлежит существам, дышащим кислородом.

— Вот как?

— Судя по инфракрасному излучению, в кораблях слишком жарко для обитателей этой планеты.

— Да, да, это очевидно, — донесся голос Чи. — Но что там за экипажи? Наемники? О, волосатый пупок Ника ван Рийна! Как бабуритам удалось вступить с ними в контакт? Я уж не спрашиваю, каким образом они исхитрились нанять их.

— Подозреваю, что нам лучше воздержаться от такого рода вопросов, — сказал Эдзел. — Хотя мы наверняка обязаны попытаться найти ответы на них.

Появился корабль сопровождения. Он был побольше «Через пень-колоду», но имел такие же обводы корпуса, свидетельствовавшие о способности садиться на поверхность планеты. Только видимая часть его вооружения превосходила весь арсенал любого из кораблей Лиги. Фолкейн даже и не помышлял о побеге.

Он получил указания касательно курса, передал их Пню для исполнения и сосредоточился на появлявшихся на экране изображениях. Время от времени он менял изображаемый сектор или увеличивал какой-то его фрагмент, стараясь рассмотреть все, что только можно, причем не только в надежде извлечь пользу из увиденного. Здесь был новый, совершенно чужой мир, и Дэвиду предстояло вот-вот ступить на него. Мир. Несмотря на то, что Фолкейн много лет странствовал по Вселенной, несмотря на то что сейчас он летел под конвоем, его охватило давно знакомое волнение.

Бабур рос перед глазами, когда корабли начали торможение. Следуя посадочной траектории, «Через пень-колоду» облетел вокруг планеты, и Фолкейн видел, как маленькое огненное солнце сначала село в золотых лучах заката, а потом взошло над окрашенным всеми оттенками алого океаном облаков. Потом «Через пень-колоду» резко сбавил скорость. Теперь планета была уже не прямо по курсу и не сбоку, а внизу. Фолкейн услышал тонкий визг разрываемой атмосферы. Звезды исчезли в бездне лилового неба. Корабль с ревом пронзал воздух; где-то далеко внизу вспыхнула молния — там была гроза.

Показалась поверхность планеты. Тускло поблескивали синебелые горы, либо покрытые льдом, либо сплошь ледяные. Вода здесь существовала в виде твердого минерала. Ее место занял жидкий аммиак. Воздух состоял из водорода и гелия, с маленькой примесью аммиачного пара, метана и более сложных органических веществ. Некоторые из здешних соединений эволюционировали и превратились в живые существа.

Под розоватыми облаками тяжко вздымались волны серого океана. Он был довольно мал для планеты, имевшей массу в двенадцать и три десятых больше земной и диаметр, превышавший поперечник земного шара в два и восемь десятых раза. Аммиак распространен не так широко, как вода. Внутренние районы громадных континентов были засушливы, растительность — черная и редкая; на широком горизонте поблескивали пылевые облака, и нигде не было видно ни единого признака того, что планета обитаема.

Какой-то вулкан извергал высоченный столб дыма и пламени. Извержение не было похоже на земное; вулкан расплавлял сам себя, огненные потоки неслись вперед, застывали и замерзали в виде гладких, как зеркала, листов или сеточек, подобных хитросплетению кровеносных сосудов. Бабур был чужд Земле даже самим своим строением: металлическое ядро, покрытое льдом и скальными породами; вода в недрах превратилась в горячее твердое тело, готовое взорваться, едва лишь ненароком ослабнет давление. На Бабуре были настоящие Атлантиды — страны, погрузившиеся в пучину волн всего за какой-нибудь год, если не меньше. Новые участки суши возникали с такой же быстротой. Фолкейн мельком заметил одно такое место, пока не имевшее почти никаких признаков жизни; дикие горные кряжи и равнины все еще содрогались от толчков.

Идя по пологой траектории снижения, корабли пролетели над пустыней, потом — над плодородным морским побережьем и лесом, в котором росли низкие коренастые деревья с длинными черными беспокойными кронами.

Летающие создания с короткими крыльями неслись по воздуху навстречу ураганному ветру. В сером озере, поверхность которого секли струи аммиачного Дождя, неуклюже барахтался какой-то зверь, схожий обликом и размерами с левиафаном. Постепенно дикая местность сменялась возделанными участками, темными шестиугольными полями, зданиями из тусклого блестящего льда, прикрепленными к грунту кабелями, чтобы их не повалило ураганом. Увеличив изображение, Фолкейн разглядел рабочих и вьючных животных. Он едва сумел отличить их друг от друга. Неужели и бабуриты не заметят разницу между человеком и лошадью?

Показался прибрежный город. Поскольку Он не мог вознестись ввысь, ему оставалось лишь расползаться вширь. Многие километры куполов, кубических коробок, пирамид, окрашенных в мрачные, тусклые цвета. В новых районах дома были построены с учетом аэродинамики, чтобы выдерживать напор ветров, каких на Земле никогда не было и не будет. Среди домов сновали колесные и гусеничные транспортные средства, над городом проносились самолеты, но для такого огромного поселения движение было на удивление вялым.

Город исчез за горизонтом.

— Берите курс на то поле, — передали с корабля сопровождения.

Фолкейн увидел площадку, испещренную огромными круглыми комингсами, в большинстве своем прикрытыми откидными стальными дисками. «Несколько таких труб стояли открытыми, виднелись внутренности пустых цилиндров, уходивших глубоко в толщу грунта. Фолкейну объявили, что из соображений безопасности все садившиеся здесь космические корабли держали в таких шахтах. Проводник указал Фолкейну, какую из них занять, и «Через пень-колоду» пошел на снижение.

— Приехали, — без всякой нужды произнес Фолкейн. Слова звучали громко, но глухо; теперь он видел только

залитую светом пустоту. — Надеваем скафандры, живо! Вряд ли хозяевам понравится, если мы заставим их ждать... Пень, всем системам — полная готовность к действию. Никого, кроме нас, на борт не пускать. Если начнутся пререкания по этому вопросу, отсылай всех спорщиков к нам.

— Нам может понадобиться пароль, — раздался голос Эдзела.

— Хорошая мысль, — похвалил его Фолкейн. — Хм... кому-нибудь из вас знакома эта мелодия? — Он просвистел несколько нот. — Мне почему-то кажется, что бабуриты никогда не слышали «Одноглазого Райли».

Но он просто хорохорился. На самом же деле Фолкейн думал: «Что в этом толку? Мы же в их власти». Но потом в голову пришла другая мысль: «Ан нет, не обязательно, Богом клянусь!»

Возле главного люка Фолкейн, Чи и Эдзел облачились в скафандры. Они не поленились тщательно все проверить. Идти предстояло недалеко, но любая неисправность могла погубить их.

— Счастливо оставаться, Пень, — произнес Эдзел, опуская забрало шлема.

— Но только не надо выдумывать, как бы еще изуродовать покер, — добавила Чи.

— Как насчет вариантов игры в триктрак? — спросил компьютер.

— О Юпитер, да идемте же! — позвал их Фолкейн.

Покончив с приготовлениями, они взяли загодя упакованные сумки и протиснулись в люк. В нише изогнутой стены помещалась платформа подъемника с рычагом управления. Она вынесла их на поверхность. Эдзелу пришлось подниматься в одиночестве, но все равно добрая половина его туловища свисала с края платформы. Тем не менее способность лифта поднять дракона говорила о многом. Подъемник был сугубо пассажирский: в разных концах поля Фолкейн видел клети для обслуживания кораблей и погрузочно-разгрузочное оборудование. Значит, у бабуритов

довольно часто бывали гости, превосходившие размерами их самих, иначе в такой машине не было бы нужды, верно?

Выходя, Фолкейн заприметил, как управляется крышка люка. При помощи колеса можно было включать и выключать моторчик, поднимавший и опускавший тяжелую металлическую плиту.

Тяжесть. Теперь, когда Фолкейна не защищало внутреннее гравитационное поле корабля, тяжесть навалилась на него. Без оптического усилителя окружающий мир показался сумрачным. Слева сиял Могул, висевший над самыми крышами домов; короткий день Бабура был на исходе. В лиловом небе плыли янтарные облака, а под ними неслись гонимые ветром розовые клочья тумана. Напор ветра составлял три и три десятых земных атмосферы, поэтому создавалось ощущение, что идешь по грудь в водах реки. Ветер пронзительно завывал. Впрочем, все звуки в здешнем воздухе становились истошно-визгливыми.

Фолкейна встретила группа бабуритов, вооруженных энергетическим оружием. Указывая дорогу, они повели гостей по широкой площади. Один ее край полностью занимал комплекс каких-то сооружений. Когда Фолкейн подошел достаточно близко и мог различить детали, он увидел, что это не цеха и не склады, сложенные из ледяных глыб, блестевших вокруг, а построенная людьми планетарная станция — продолговатое здание из долговечных сплавов и прочных пластмасс, возведенное надолго, с толстыми стенами и тройной изоляцией. Из армированных окон лился желтый свет. Фолкейн знал, что здание наполнено теплым очищенным воздухом. Цикл очистки предусматривал обработку просачивающегося внутрь водорода катализаторами. Таким образом осуществлялось водоснабжение. Проникавший в здание гелий занимал место азота в соответствующей пропорции, а двадцать процентов атмосферы составлял кислород. Генератор гравитационного поля поддерживал земную силу тяжести.

— Наш дом вдали от дома, — пробормотал Фолкейн.

В наушниках раздался удивленный голос Чи:

— Такое здоровенное сооружение! Сколько же народу умещается там одновременно? И зачем?

Один из конвоиров заверещал что-то в переговорное устройство возле шлюзовой камеры. Очевидно, существо просило обитателей здания о помощи: через две минуты внешний клапан открылся, уйдя внутрь помещения. Трое гостей из Солнечной системы вошли в шлюзовую камеру, когда их жестами пригласили внутрь. Тут едва хватило места. Взревели насосы, изгонявшие воздух Бабура. Из патрубка пошел газ, заполнявший помещение станции, и открылся внутренний шлюз.

За ним располагалась своего рода прихожая, совершенно пустая, если не считать шкафчика для скафандров. Тут гостей поджидали два существа. Одежда на них была очень легкая, зато оба были при оружии. Один был обитателем Мерсейи, двуногим существом, с лицом, немного смахивающим на человеческое, но с зеленой кожей, тощим туловищем и грузным хвостом. Рядом с ним стоял человек.

Фолкейн вышел из шлюзовой камеры, едва не потеряв равновесие, потому что сила тяжести уменьшилась. Он отстегнул забрало шлема и услышал:

— Привет. Добро пожаловать в нашу обитель.

— Спасибо, — промямлил Фолкейн.

— Первым делом хочу предостеречь, — сказал человек. — Не пытайтесь дергаться, как бы ни был силен ваш приятель одинит. У бабуритов везде вооруженные часовые. Вы пробудете здесь довольно долго.

— Почему?

— Вы же не думаете, что они отпустят вас до окончания войны? Или вы еще ничего не знаете? Основные силы флота Бабура отправились на захват Обители Мрака. Разведчики сообщают, что земные корабли тоже летят туда.

Глава 6

Человек — здоровяк с грубыми чертами лица и жесткими густыми усами — сказал, что его зовут Шелдон Уайлер.

— Естественно, я работаю на бабуритов, — с легкой прохладцей добавил он. — Содружество и Лига для меня — ничто. Нет, нет, никаких подробностей вы от меня не получите, и не расспрашивайте.

Тем не менее Уайлер назвал имя своего угрюмого и молчаливого напарника, Блиндвира с Вах Рюэтена.

— Немало мерсейцев служат в военном флоте, — пустился он в объяснения. — В большинстве своем они принадлежат к аристократии Мерсейи и недолюбливают Лигу, что неудивительно, если вспомнить, как она оттеснила их, чтобы прибрать к рукам торговлю с Гетфенньюэйской группировкой. Мало кто в Лиге понимает, сколько врагов в космосе она нажила себе за эти годы.

Когда вновь прибывшие сняли скафандры, Уайлер протиснулся мимо Эдзела к встроенному в стену телефону. Он нажал кнопку, и на экране появилось изображение бабурита.

— Они здесь, — по-английски доложил Уайлер и рассказал о трех пассажирах «Через пень-колоду». — Сейчас мы покажем гостям отведенное им жилье, — закончил он.

— Вы проверили их вещи на предмет наличия оружия? — раздалось из переговорного устройства.

— Нет, а зачем? Что толку... ну ладно, подождите. — Уайлер повернулся к пленникам. — Слышали? Мы должны посмотреть все ваши пожитки.

— Приступайте, — обиженно ответил Эдзел. — Мы не такие дураки, чтобы пользоваться огнестрельным оружием внутри единственного помещения с пригодной для нашей жизни средой, поэтому и не привезли его с собой.

Уайлер расхохотался:

— Мы с Блиндвиром достаточно хорошие стрелки и способны разнести вас на части, не проделав в стенах ни единой дырочки.

Он быстро перетряхнул багаж. Мерсеец тем временем продолжал держать руку на рукоятке своего оружия. Бакенбарды Чи яростно встопорщились, шерсть встала дыбом, а в глазах загорелся ледяной зеленый огонь. Фолкейн почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

Убедившись, что самыми опасными предметами в сумках были наборы рабочих инструментов, Уайлер отключил экран и повел гостей по коридору в комнату; там оказалось четыре койки и окно, за которым быстро темнело.

— Ванная и прочие удобства — вон там, — Уайлер махнул рукой. — Можете сами стряпать себе еду, на кухне всего полно. Мы с Блиндвиром сейчас живем в другом месте, но, держу пари, вам придется немало общаться с нами. Ведите себя прилично, и вам не причинят вреда. Хорошее поведение включает в себя и ответы на наши вопросы.

Передние конечности Эдзела переступили через порог, и в комнате сразу сделалось тесно.

— А тебе, парень, лучше, пожалуй, спать в холле, — сказал Уайлер. — Знаете, что, пойдемте-ка прямиком в кают-компанию, где нам всем хватит места. Там и поговорим.

Фолкейн оставался настороже, как при схватке врукопашную; даже шея заболела от напряжения. «Нужно его разговорить, — подумал он, — собирать сведения, как бы ни малы были шансы передать их тем, кто может ими воспользоваться».

— Для чего предназначено это здание? — спросил Фолкейн, стараясь говорить как можно более ровным тоном.

— Поначалу его использовали инженерные бригады, — ответил Уайлер. — Потом тут жили дышащие кислородом офицеры вспомогательных сил, проходившие обучение.

— Ты слишком разболтался, — укорил его Блиндвир.

Уайлер закусил губу.

— Я не нанимался в следователи, черт возьми, — сказал он, потом немного расслабился. — Да и в чем дело? Разве они не знали ответ заранее? К тому же они никуда эти сведения не увезут. Ну вот, мы пришли.

Кают-компания представляла собой просторное гулкое помещение. Вдоль стен теснилась мебель, воздух был затхлый, как будто здесь уже давно не настраивали кондиционирующее оборудование. Эдзел застыл, будто статуя демона стихий. Чи присела у него в ногах, постукивая хвостом по полу и собственным бокам. Фолкейн и Уайлер пододвинули себе стулья и уселись. Блиндвир стоял поодаль, ни на миг не ослабляя бдительности.

— Начните, пожалуй, с рассказа о том, кто вас прислал и зачем, — потребовал Уайлер. — До сих пор вы изъяснялись чертовски туманно.

«Само наше задание весьма туманно, — подумал Фолкейн. — Ван Рийн понадеялся на наше умение импровизировать по ходу дела и по мере накопления сведений. А вместо этого нас поймали, будто рыбу в сети. С легкостью. И, возможно, без всякой надежды на освобождение?»

Он рискнул заговорить вызывающим тоном:

— Возможно, нам обоим стоит повнимательнее приглядеться к тому, чем вы тут занимаетесь. Какие у вас основания утверждать, что это не измена собратьям по виду?

Уайлер нахмурился.

— Вы намерены читать мне проповедь, капитан? Я в этом не нуждаюсь. — Он задумался. — Ну ладно, ладно, я объяснюсь. Что плохого в этих бабуритах? Без военного флота у них нет ни единого шанса. Содружество загребет Обитель Мрака и совершит промышленную революцию, которую сулит обладание этой планетой, а всем остальным достанутся лишь крохи. А может быть, это сделает Лига. Но у бабуритов — свое мнение. Для них это — не вопрос прибылей и издержек. Нет, это шанс, который предоставляется расе. Владея планетой, они купят себе место в первом ряду. Они приобретут корабли, снарядят экспедиции, обустроят поселения,

не говоря уже о том, что смогут сделать на собственной планете. Причем очень быстро!

— Но никто не мог предвидеть открытие Обители Мрака, — возразил Фолкейн. — Почему же Бабур начал вооружаться? Почему стал вынашивать воинственные замыслы и с кем собирался сражаться?

— У Содружества есть военный флот, не так ли? Компании Лиги тоже держат боевые корабли. И они знали, зачем это нужно. Мы понятия не имеем, с чем можем столкнуться завтра. Уж вам ли не помнить Шенну?! Бабур имеет право на самооборону.

— Вы говорите как новообращенный.

— А вы не хотите говорить как деловой человек, капитан Фолкейн, — сердито ответил Уайлер. — По-моему, вы лукавите. А я этого не потерплю, слышите? Может, вы надеетесь, что ваша слава защитит вас? Забудьте об этом. Вы находитесь на территории, где ваша слава ничего не значит. Тут никто не считает своим долгом отправить вас восвояси целым и невредимым и даже отпустить вас вообще. Если возникнет необходимость, мы накачаем вас наркотиками правды. А коли это не поможет, пойдем еще дальше. — Уайлер сглотнул и совладал с лицом и голосом. — Хотя что это я? Давайте не будем ссориться. Вы —, разумный собеседник, я в этом уверен. Вы говорите, что одна из целей полета — добыча сведений для вашего нанимателя. Что ж, возможно, я сумею помочь вам в этом, если сначала вы поможете мне. Давайте заварим кофе и поговорим как умные люди.

Чи Лан выдала очередь непонятных звуков.

— Что? — спросил Уайлер.

Чи принялась выстреливать слова, будто пули:

— Я высказала кое-какие замечания относительно этих ваших замороженных сороконожек. Вряд ли вам захочется перевести мои слова на их язык.

Фолкейн застыл. Пульс в ушах мешал слушать. Чи перешла на хайякатанский язык, которого в радиусе многих световых лет наверняка никто, кроме них, не знал:

— Если мы не сбежим отсюда, рано или поздно нам конец. Важно привезти домой даже ту малость, что мы узнали. Думаю, с этими двумя мы справимся, а потом Дэви переоденется в одежду одного из них и доберется до корабля.

— Ее замечания, однако, весьма уместны, — вставил Эдзел. — Я и сам, вероятно, мог бы сказать... — Тут он перешел на хайякатанский: — Если ты набросишься на зеленокожего, Чи, я возьму на себя человека.

— Правильно, трижды правильно, — цинтианка не расхаживала по комнате, а прыгала, будто игривая кошка, но хвост ее воинственно распушился.

Рука Уайлера скользнула к оружию. Блиндвир издал шипящий вздох и попятился прочь, схватившись за лежавший в кобуре лучемет. Фолкейн застыл в неподвижности; как ему казалось, он понимал, что задумали его товарищи, но полной уверенности в этом Фолкейн не испытывал, и ему оставалось лишь положиться на них.

Для начала надо отвлечь внимание.

— Вы не можете винить моих друзей за эту вспышку негодования, — заговорил он. — Они — не подданные Содружества. Я тоже. Мы прибыли сюда вовсе не от имени Лиги, а представляем лишь одну компанию. Тем не менее нас намерены интернировать на неопределенный срок и допрашивать, прибегая к угрозам, а возможно; даже к наркотикам и пыткам. Лучшее, что вы можете сделать, Уайлер, — это добиться, чтобы нас выслушали предводители бабуритов. Пора бы им покончить с этой слепой враждебностью по отношению к Лиге. Ее независимые члены желают, чтобы Лига осуществляла управление Обителью Мрака. Это обеспечит доступ к сверхметаллам всем желающим.

— Правда? — фыркнул Уайлер. — В Лиге разброд, и бабуритам это известно.

— Откуда? При том, что мы знаем о них так мало, им вдруг удалось столько о нас разнюхать. Каким образом? Кто просветил их? И почему они ставят на карту все свое

будущее, основываясь лишь на утверждениях этих осведомителей?

— Я знаю далеко не все, — признался Уайлер. — Проклятье, площадь поверхности этой планеты в восемь раз превышает земную, и большую ее часть составляет суша. Почему же Имперское Кольцо не должно испытывать уверенности в себе? — Он вздернул подбородок. — Ну, задавайте свой последний вопрос, Фолкейн, мне пора отправляться.

Бегая по комнате, Чи будто невзначай оказалась возле мерсейца, который опять перевел настороженный взгляд на сидевших людей. И тут Чи резко прыгнула на него, развернувшись боком. Приземлившись прямо посреди брюха мерсейца, она вцепилась пальцами ног в его одежду, а руками обхватила оружие. Мерсеец закричал и попытался высвободиться, но Чи была слишком сильна и удержалась на нем. Мерсеец ударил ее кулаком, но только разбил его в кровь о зубы Чи.

Эдзелу хватило одного шага, чтобы оказаться вплотную к Уайлеру. Дракон выдернул человека из кресла, швырнул на пол, и Уайлер покатился вверх тормашками. Эдзел ударил его хвостом в диафрагму и пригвоздил к полу. Тем временем туловище Эдзела продолжало движение. Дракон приблизился к Блиндвиру, схватил его за шею, осторожно встряхнул и опустил ошеломленное создание на пол. Чи завладела лучеметом и отскочила в сторону. Уайлер попытался дотянуться до оружия, но подоспевший Фолкейн извлек лучемет из его кобуры.

Эдзел отпустил Уайлера, отступил на шаг и присоединился к своим товарищам. Уайлер с трудом поднялся на ноги, Блиндвир сидел на полу, пыхтя и отдуваясь.

— Вы что, спятили? — запричитал человек. — Что за глупость? Вы же не сможете, не сможете...

— Вероятно, сможем. — Фолкейна вдруг охватило веселье. Он понимал, что следовало бы действовать более осторожно, запретить это нападение и вести себя кротко, дабы не доводить дело до смертоубийства.

«Но, если даже ни один из нас не гражданин Земли, все равно остается землянка Койя, — подумал он. Да и к нам Земля была довольно добра. Кроме того, в этих местах в нашем распоряжении только один корабль, принадлежащий старому Нику. Он прислал нас главным образом за сведениями, дабы ему не пришлось действовать совсем уж вслепую. А благополучие Ника означает благополучие тысяч его работников, миллионов существ на разных планетах, торгующих с ним... А, к черту все это. Главное — вырваться на свободу!»

Его объял огонь, и огонь этот ревел так громко, что заглушал голос страха. В то же время разум Дэвида напряженно работал.

— Не двигайтесь, вы оба, — велел Дэвид Уайлеру и Блиндвиру. — Эдзел, Чи, ваша идея — чтобы я вышел наружу в одежде этого парня, так?

— Разумеется, — цинтианка опустилась на все четыре конечности и принялась приводить себя в порядок. — С точки зрения бабурита, все люди, наверное, на одно лицо.

Эдзел склонил голову и потер морду; звук был громкий, будто дракон тер себя наждачной бумагой.

— Возможно, не совсем. У мастера Уайлера темные волосы и усы. С этим надо что-то делать.

— Ну а пока снимай одежду, Уайлер, — велела Чи. Тут мерсеец, частично пришедший в себя, дернулся, будто намереваясь встать. Чи быстро направила на него лучемет. — Оставайся на месте, — приказала она на его родном наречии эрио. — Я неплохо стреляю.

Уайлер побледнел и воскликнул:

— Зачем пробивать лбом стену? Говорят же вам, что уйти не удастся. Погибнете ни за что, черт возьми!

— Тебе велели раздеваться, — повторила Чи. — Или хочешь, чтобы Эдзел сделал это за тебя?

Увидев дуло лучемета и неумолимый взгляд ее глаз за прорезью прицела, Уайлер начал снимать одежду.

— Фолкейн, у вас что, совсем нет здравого смысла? — воззвал он.

— Да, — задумчиво ответил Дэвид. — Я как раз пытаюсь сообразить, как нам взять вас с собой для допроса.

Чи вздернула уши.

— Нам, Дэвид? — спросила она. — Но как мы с Эдзелом выберемся отсюда? Нет, лучше ты потом выкупишь нас.

— Нет уж, вы двое наверняка пойдете со мной, — ответил Фолкейн. — Мы не знаем, насколько мстительны бабуриты или их приятели, люди и мерсейцы.

— Но...

— Кроме того, вы должны будете помочь мне с Уайлером. Я уж не говорю о том, как вы нужны мне в космосе.

Эдзел, рывшийся на кухне, вернулся в комнату.

— Вот средство, которое даст тебе черные волосы и усы, — горделиво объявил он. — Бутыль шоколадного соуса.

Средство было не из тех, которыми воспользовался бы настоящий герой, бегущий из узилища, но придется удовольствоваться тем, что есть. Пока Фолкейн переодевался в платье Уайлера и покорно сносил все издевательства гримеров, он обменялся несколькими словами со своими спутниками, и они разработали план действий, немногим более рискованный, чем тот, которым руководствовались до сих пор.

Эдзел стащил с Блиндвира одежду и надежно связал его. Уайлера они связывать не стали. Он сидел голышом, и Чи держала его на прицеле. Одинит пробормотал слова благословения. На более пространное прощание, по мнению Фолкейна, времени не было. Возможно, им троим больше не суждено путешествовать вместе, быть может, он уже не вернется к Койе и Хуаните, но сейчас нельзя тратить время на раздумья об этом.

Шаги его четко прозвучали в коридоре. Возле шлюзовой камеры он нажал кнопку с заранее примеченной цифрой и принялся ждать. Чувство было такое, будто он участвует в дуэли и его вот-вот застрелят. Когда четыре глаза бабурита

уставились на Дэвида с экрана, он невольно облизал пересохшие губы. Сладкий привкус во рту напомнил Фолкейну, насколько несовершенен его грим.

Следуя примеру Уайлера, он заговорил без всяких предисловий:

— Похоже, пленники приуныли. Они попросили меня доставить с корабля кое-какие лекарства и предметы первой необходимости. Думаю, это поможет нам заручиться их сотрудничеством.

Фолкейн рассчитывал на то, что о человеческой психологии здесь знают не больше, чем о строении человеческого тела.

Его сердце успело сократиться дважды, прежде чем существо ответило:

— Хорошо, охране сообщат о твоем приходе.

Экран потух.

Фолкейн отыскал в шкафу скафандр Уайлера и внутренний комбинезон. Скафандр был покрыт особым узором. Вероятно, каждый инопланетный служащий для простоты опознания имел свой неповторимый рисунок на костюме. Стало быть, надо подогнать скафандр так, чтобы он налез на Фолкейна, который был немного выше Уайлера. Дэвид не отказался бы от помощи, но не осмеливался позвать кого-нибудь сюда, в зону обзора переговорного устройства. Вполне возможно, что бабурит снова выйдет на связь.

Протиснувшись в люк, Фолкейн попал в бульдожью хватку местной силы тяжести. Перед ним раскинулось голое поле, испещренное крышками шахт. Время от времени его пересекали гусеничные машины, выполнявшие какие-то непонятные задания. Сине-белые огни горели на фасадах домов, заставляя лед поблескивать, будто сам холод вдруг стал видимым. Завывал порывистый ветер. В нависавшей над головой мгле тускло светились две луны, но звезд видно не было. Дэвиду предстоял долгий пеший переход.

Невероятно, но факт: никто не окликнул Фолкейна, когда он открывал шахту, вставал на площадку подъемника и

спускался вниз. Когда он добрался до входного люка корабля, в шлеме уже было столько пота, что Дэвид начал задыхаться, и он еле-еле сумел издать условный свист. Из темных глубин детских воспоминаний всплыло суеверие: это не может продолжаться долго, ты слишком искушаешь судьбу.

«Но мы уже проиграли, — как бы оправдываясь, подумал Фолкейн. — Мы прибыли слишком поздно. Флот уже в пути.

Нас не стерегли бы так беспечно, будь он еще здесь».

Крышка люка повернулась. Стоя в шлюзовой камере и дожидаясь, пока сменится воздух, Фолкейн вспомнил кое-какие буддийские приемчики Эдзела и сумел в какой-то степени вновь обрести спокойствие.

«Тут не будет ни луков, ни лучников, ни стрел, а будет только пальба».

Очутившись в корабле, Дэвид не стал снимать свой космический доспех, хотя его тотчас покрыл белый иней. Щелкнув выключателем отопителя, он очистил от изморози забрало шлема и поспешил на мостик. Неуклюже втискиваясь в противоперегрузочное кресло, Дэвид сказал в микрофон радиосвязи:

— Пень, нам надо освободить Эдзела и Чи. Ты не видел место, где они находятся, поэтому поведу я. Мы сядем перед входным люком. Тотчас взрывай его, ибо иначе они не успеют выбраться, и открой для них внешний клапан грузового люка номер два. Как только они будут на борту, взлетай в космос и выписывай самые хитрые кренделя, какие только могут придумать твои приборы. Едва мы удалимся на достаточное расстояние, включай основную тягу. Подчеркиваю: сразу же. Забудь обо всех ограничениях. Тебе ясно?

— Как обычно, — ответил компьютер.

Машина с гудением пробудилась к жизни. Антигравитационные генераторы оттолкнулись от хитросплетения разнообразных физических взаимодействий и сил, которые мы в обиходе называем пространством, и корабль скользнул вверх.

— Вон туда! — непонятно зачем закричал Фолкейн. Его пальцы плясали на кнопках ручного управления. Перчатки стесняли движения. Но если противник выстрелит и в корпусе образуется большая пробоина, любому беззащитному дышащему кислородом существу на борту придет конец. — Послышался рев забортного воздуха. Дэвид не стал выключать амортизатор ускорения, потому что хотел иметь лишний сенсор, необходимый для выполнения хитрого маневра, и теперь на него навалились перегрузки. Дэвида прижало к защитной сетке, потом опять швырнуло в кресло. Эх-ха!

Здание было прямо по курсу. Дэвид резко снизился и перешел на режим парения. Из орудийной башни вылетел конический заряд. Вспыхнуло пламя, и весь передний портал здания обрушился. Энергетическая пушка выпустила луч, который взрезал внутренний клапан шлюза, будто скальпель хирурга. Металл раскалился добела и потек.

Гусеничные машины на поле бросились врассыпную. «Неужели тут нет противовоздушной обороны? Хотя кто мог ожидать такого нападения? Стоп, вот они, наверху, в лунном свете. Пикируют. Самолеты».

Преграда рухнула. Закипело морозное облако — это воздух Бабура слился с земным. Фолкейн почувствовал мимолетную радость при мысли, что автоматические двери закупорят модуль, в котором лежал Блиндвир. На улицу выскочил Эдзел, еще более громадный в своем скафандре. Может быть, он тащил на себе Чи и Уайлера? Сверху открыли огонь. Эдзел скрылся из виду, забежав под обвод корпуса корабля. «Что же случилось? Господи, что же произошло?»

— Они на борту, — доложил Пень и резко направил корабль вверх.

Ускорение припечатало Фолкейна к креслу.

— Компенсаторы, — хрипло выдавил он, и тотчас тяготение уменьшилось до одного g. Ревела разрываемая кораблем атмосфера; уже показались первые звезды. Фолкейн открыл замок забрала и дрожащей рукой потянулся к кнопке внутренней связи.

— С вами все в порядке? — крикнул он.

Совсем рядом взорвался снаряд. Грохот, вспышка, палуба под ногами заходила ходуном. «Через пень-колоду» несся прочь от планеты.

Сквозь эту адскую какофонию до Дэвида донесся раскатистый голос Эдзела:

— Мы с Чи в общем-то целы и невредимы. К сожалению, в нашего пленника угодила пуля, выпущенная с самолета. Я прижимал его к правому боку. Пуля проникла в скафандр и убила человека на месте. Я бросил труп.

«Вот не повезло! — с яростью подумал Фолкейн. — Я мог бы одурманить его и, вероятно, выяснить... Проклятье! О проклятье!»

— Мой скафандр тоже был поврежден, но не очень серьезно, и заклеился, а меня только немного обожгло, — продолжал Эдзел. — Чи была слева от меня, и ей ничто не угрожало... Я хотел бы помолиться за Шелдона Уайлера.

Фолкейн снова успокоился.

— Потом, — сказал он. — Сначала надо уйти от преследования. Мы имеем преимущество в скорости и застали их врасплох, но сейчас уже, наверное, объявлена космическая тревога. Займите боевые посты.

Все знали, что им конец, если придется вступить в ближний бой с любым кораблем тяжелее корвета. Какое-то время они смогут отражать снаряды, но это вполне по силам и противнику. А его энергетические лучи, выпускаемые такими массивными генераторами, что «Через пень-колоду» их было бы не поднять, будут тем временем прогрызать обшивку, которая значительно тоньше корпусов бабуритских кораблей.

Но вероятность столкновения была не так уж велика. Возможно, сейчас ни один корабль бабуритов не занимал выгодной позиции и не имел достаточной скорости, чтобы уравнять векторы при помощи гравитационного двигателя и оказаться в той точке пространства, куда с диким ускорением несся земной корабль. Между тем почти все

перестрелки в космосе возникали именно тогда, когда противники настойчиво стремились к встрече.

Другое дело — самонаводящиеся торпеды. Масса их была достаточно мала, и они могли менять скорость и направление полета в широчайшем диапазоне. Или лучи, несшиеся со скоростью света.

Небосвод Бабура остался далеко за кормой, а диск планеты хоть и казался огромным, но понемногу уменьшался в размерах. Вспыхнули многочисленные звезды, некоторые из них имели цвет крови.

— Когда мы сможем совершить прыжок, Пень? — спросил Фолкейн.

Должно быть, уже скоро. Корабль уже преодолел гравитацию Могула и быстро вырывался из поля тяготения Бабура. Вскоре метрика пространства станет ровной и не сможет влиять на тонко настроенные осцилляторы. А как только корабль пойдет с максимальной псевдоскоростью, превышающей скорость света, никакой рукотворный летательный аппарат уже не сможет догнать его.

— Один и шестнадцать сотых часа, при нынешнем векторе, — ответил компьютер. — Но я предлагаю увеличить это время на несколько минут, включив боковую тягу. Это позволит нам приблизиться к спутнику Бабура, имеющему название Айша. Мои приборы говорят, что там, возможно, существует радиационная аномалия.

Фолкейн на мгновение заколебался. Если на поверхности спутника установлено тяжелое вооружение...

— Ладно, действуй, — решил он.

Время еле ползло. Дважды доносились злорадные возгласы Чи, когда ее пушки уничтожали пущенные на перехват ракеты. Фолкейну же оставалось только сидеть и размышлять, а мысли его представляли собой главным образом обрывки воспоминаний. Полеты над Луноградом с Койей, вечное красное солнце над пустыней на Икрананке, отец с его неизменным «положение обязывает», боязнь уронить только что родившуюся Хуаниту, когда ему впервые

позволили взять ее на руки, его первая ночь с Койей и последний юношеский спор о Боге и девушках в пивнушке, роденовские «Граждане Кале», двойная лунная дорожка на поверхности Аврорианского океана, огнепад на полпути между двумя звездами. Койя, стоящая рядом с ним и глядящая на причудливые башни города на планете, которой люди еще не успели дать имени, мать, которая с помощью призмы показывала ему, как зарождается радуга, опять Койя, со смехом играющая с ним в снежки на курорте в Антарктиде, великолепие крылатого итрианина, снова Койя, притащившая ему бутерброды, когда он сидел в ночной вахте и изучал поступавшие данные о новой планете, вокруг которой летал их корабль; Койя...

На экране появился выщербленный лунный диск. Его изображение все росло, но Фолкейн включил увеличение и пристально вгляделся в картинку. Внезапно он нашел то, что искал: большой комплекс куполов, башен, ангаров для кораблей, космодром, испытательные установки...

— Данные! — вырвалось у него.

Неужели в голосе Пня прозвучали нотки обиды? Быть того не может!

— Разумеется, — ответил компьютер. — Инфракрасное тестирование показывает наличие существ, чья термодинамика либо очень похожа на человеческую, либо тождественна ей.

— Ты хочешь сказать, что все эти постройки предназначены не для бабуритов? Но ведь тогда...

— Айе! — вскрикнула Чи Лан. Вспышка была совсем рядом. — Они почти попали в нас, друзья.

— Предлагаю не мешкать здесь, — сказал Эдзел.

Поселение, или что там это было, исчезло из виду, скрывшись за горным хребтом. Корабль пронесся мимо Айши.

— Судя по приборам, — доложил Пень, — если мы и дальше будем идти нынешним курсом, окружающие

условия начнут становиться все менее неблагоприятными для нас.

«Значит, мы унесем ноги, — подумал Фолкейн. — Мы вырвались».

Боль и покалывание от перенесенного напряжения поползли вверх, к голове. Он услышал, как Чи спросила:

— Куда же мы направляемся?

— К Обители Мрака, — выдавил Дэвид. — Возможно, мы прибудем туда раньше бабуритов и успеем предупредить приближающиеся корабли людей, кто бы они ни были, и тамошних рабочих.

— Я в этом сомневаюсь, — ответила цинтианка. — Вероятно, противник слишком опережает нас. Да и стоит ли рисковать? Разве не важнее привезти домой добытые сведения и сообщить, что бабуритам как-то удалось получить в свое распоряжение большой отряд дышащих кислородом военных и техников? Курьерская торпеда может и не дойти.

— Нет, мы должны попытаться предупредить своих, — сказал Эдзел. — Это могло бы предотвратить сражение. Хватит и одной насильственной смерти.

Фолкейн устало кивнул, снова обратив взор к безучастным, равнодушным звездам.

«Бедняга Уайлер, — подумал он. — И все мы бедняги».

Глава 7

На экране внутренней связи появился капитан «Альфы Лебедя».

— Мадам, — проговорил он, — штурманы докладывают, что мы на расстоянии одного светового года от места назначения.

— О! — Сандра собралась с мыслями. «Уже? Но почему же тогда путь от Гермеса занял так много времени? Световой год, — мелькнула мысль. — Максимальное расстояние, на котором можно уловить колебания пространства, порожденные нашими кораблями на гиперпространственной тяге.

Уловить мгновенно. Теперь они знают, что мы приближаемся к планете. А «они» могут оказаться и врагами».

— Прикажите всем расчетам готовиться к бою.

— Всем — повышенная боевая готовность. Есть, мадам.

Изображение исчезло. Сандра огляделась. Адмиральский мостик был похож на узкую мрачную пещеру, которую скрашивали только экраны с видами неба. Он слегка дрожал в такт пульсации двигателя; в теплом воздухе едва уловимо пахло маслом и какой-то химией. Сандру охватило ощущение нереальности, мундир военных космических сил показался ей театральным костюмом, а все происходящее — нелепой сценой из спектакля.

Эрик был облачен в такую же двухцветную форму, поверх которой можно было натягивать скафандр. Он искоса посмотрел на мать.

— Медвежья болезнь? — пробормотал он. — У меня тоже.

Эрик мог не стесняться в выражениях, потому что, кроме него и матери, на мостике никого не было.

— Полагаю, она самая, — ответила Сандра, тщетно пытаясь улыбнуться.

— Удивляюсь, — сказал Эрик. — Ведь ты — одна из немногих присутствующих здесь людей, у которых есть хоть какой-то боевой опыт.

— На Диомеде все было не так. Там дрались врукопашную. И... и никто не рассчитывал, что я буду отдавать приказы.

«И почему только я много лет назад не набрала наемников, чтобы составить из них костяк полноценного офицерского корпуса? — подумала она. — Да потому, что, как нам казалось, царивший на Гермесе вечный мир никогда не подвергнется опасности. Военные стычки из-за звезд происходили так далеко, что мы их, по сути дела, и не замечали; ничего более серьезного не случалось. Нас предупреждали о том, что чуждые расы осваивают космос, но они не представляли такой уж большой опасности — даже шенны, которых Лига положила на лопатки раньше, чем те сумели всерьез

навредить нам. Мы были дважды, даже трижды уверены, что внутри Технической цивилизации никогда не будет междоусобиц. Человек перерос это, как перерос он паранджу, тиранию и людоедство. Мы держали несколько военных кораблей с минимально необходимыми командами, используя их в качестве блюстителей порядка или спасателей, а также для отражения нападений, которые вряд ли считали возможными. Теперь-то я вижу, что это было непозволительное благодушие, но тогда мы рассматривали учебные стрельбы из тяжелых орудий как своего рода забаву, и нам бывало не до шуток, только когда объединения налогоплательщиков присылали нам жалобы».

— Да чтоб мне пусто было! — проворчала Сандра. — Зря я позволила тебе поехать. Тебе стоило остаться и возглавить резервные силы.

— Не слишком ли часто мы это обсуждаем, как ты думаешь, матушка? Никто не справится с делами дома лучше, чем Майк Фолкейн. Я о другом жалею — о том, что мне недостало ума попросить задание, благодаря которому я был бы по-настоящему занят здесь. Твой офицер по особым поручениям — это звучит громко, но на деле я — персонаж комической оперы.

— Ну что ж, я и сама мало чем отличаюсь от простого пассажира, и что-то изменится только с началом переговоров. Молю Бога, чтобы я справилась. История учит, что комические оперы зачастую превращались в трагедии.

«Если бы только Нади был со мной, — подумала Сандра. — В его обществе я успокаиваюсь».

Но она отправила командира патруля «Сверхметаллов» вперед, чтобы он заранее подготовил свою компанию к сотрудничеству с ней.

Идя на максимальной псевдоскорости, они прибудут на место часа через три... Сандра несколько раз глубоко вздохнула. «Не думай о бое. Если начнется, предоставь все капитанам, а общее руководство доверь командиру флагманского корабля, как было решено перед отлетом». Цель их

почти наверняка сведется к тому, чтобы отбиться и убежать. Сил у них немного. Легкий линкор «Альфа Лебедя», два крейсера, четыре броненосца и носитель десяти истребителей класса «метеор». И при этом дома не осталось почти никакой охраны.

Сандре надлежало предотвратить столкновение и добиться для Гермеса статуса единственной силы, которая будет следить за соблюдением правовых норм и восстановлением порядка. А она кое-что понимала в управлении людьми.

Сандра опустилась в противоперегрузочное кресло, закурила сигару и заставила себя расслабить мышцы, одну за другой. Эрик принялся расхаживать взад-вперед.

— Мадам! — послышался резкий и немного дрожащий голос. — Мы засекли корабль с гиперпространственным двигателем.

Сандра сделала над собой усилие и не встала.

— Нас кто-то встречает?

— Нет, мадам. Они в нашем четвертом секторе. Насколько можно предположить, у нас с ними одна цель.

Сандра завертела головой, пытливо вглядываясь в экран. Солнце Обители Мрака все еще пряталось во тьме. Они увидят это тусклое небесное тело, доживающее свой век, лишь когда окажутся прямо над ним. Четвертый сектор. Сандра никак не могла найти то, что искала. Это была лишь крошечная далекая искорка, затерянная среди тысяч себе подобных. Но ведь в четвертом секторе находился и Могул.

Эрик ударил кулаком по ладони.

— Бабуриты!

— Минутку, сэр, прошу вас, — ответил капитан. — Поступают результаты предварительной обработки данных... Отряд крупный. Подробности пока недоступны, но, во всяком случае, численность армады огромна.

На миг к горлу Сандры подкатил тошнотворный комок, будто ее ударили в солнечное сплетение. Мгновение спустя

разум ее заработал в аварийном режиме. Всякие сомнения рассеялись, и она приняла решение.

— Это меняет дело, — сказала Сандра. — Пожалуй, нам стоило бы попытаться вступить в переговоры. Коль скоро я здесь, будем вести их с борта этого корабля. Рассчитайте наш курс перехвата. А остальные наши смогут прибыть к Обители Мрака гораздо раньше, не так ли? Хорошо. Пусть летят прежним курсом под предводительством «Ахиллеса», встретятся с Нади и будут в боевой готовности. Но если возникнут сомнения и, если по каким-то признакам они поймут, что здесь, на «Альфе», с нами стряслась беда, пусть немедленно возвращаются домой.

— Есть, мадам.

В глубине души Сандре стало жаль капитана. Он был еще молодым человеком, но изо всех сил старался сохранить хладнокровие и деловой вид перед лицом катастрофы. Он повторил указание Сандры, и его изображение исчезло с экрана.

— О нет, — простонал Эрик. — Что мы можем сделать?

— Боюсь, что очень мало, — признала Сандра. — Пожалуйста, не разговаривай сейчас со мной, я должна подумать.

Она откинулась на спинку кресла и смежила веки.

Прошел час. Время от времени поступавшие сведения ненадолго отрывали ее от навязчивых мыслей. Бабуриты шли по курсу с умеренной псевдоскоростью. Их самодовольство было почти оскорбительным. Наконец один корабль покинул боевые порядки и пошел навстречу приближающемуся гермесцу. Чуть погодя начался обмен сигналами: модуляция гиперпространственных колебаний: «Мы хотим вести переговоры — мы будем их вести». Сигналы были шаблонные, обычная морзянка в режиме, достаточном для восприятия смысла, и передавались мучительно медленно, ибо принцип неопределенности очень быстро превращал импульсы пространства в полную неразбериху. Достаточно внятное общение посредством голосовой связи возможно, лишь когда корабли сближаются на две-три тысячи

километров. А видеокартинка появлялась на еще меньших расстояниях.

«Вот почему мы не можем посылать сообщения прямиком от звезды к звезде, — мелькнула у Сандры мысль, скорее воспоминание об усвоенных в молодости уроках физики. — Никто не в состоянии поставить столько ретрансляторов. Да и не остаются они на месте. Вот и приходится использовать гонцов, а посему может случиться черт-те что, прежде чем мы узнаем, что творится неладное».

Приборы накапливали все больше данных, компьютеры обрабатывали их, пока наконец не стало ясно, что незнакомый корабль примерно равен размерами «Альфе» и наверняка так же хорошо вооружен. Наконец на экране вновь появилось лицо капитана. Он был бледен.

— Мадам, мы получили устное сообщение. Там сказано... там сказано... цитирую: «Не приближаться, уравнять гиперскорость с нашей и ждать указаний». Конец цитаты. Вот что они говорят.

Эрик побагровел. Сандра закусила губу, потом сказала:

— Мы согласимся. Но сформулируйте вот как... гм... «Мы выполним вашу просьбу».

— Благодарю вас, ваша светлость. — Всем своим обликом капитан выказывал признательность, которую, очевидно, испытывала и команда... Хотя, разумеется, тонкости английского языка ускользнут от бабуритов.

На экранах по-прежнему были только звезды. Сандра представила себе чужой корабль, такой же шар, как и ее собственный, не предназначенный для посадок на планеты, испещренный пушками, пусковыми установками, энергетическими лучеметами, покрытый броней из стали и силовых полей и несущий боезапас, достаточный для уничтожения половины континента. Наяву Сандра его никогда не увидит, даже если начнется бой. Одушевленные создания на его борту не вступят в соприкосновение с созданиями из плоти и крови на борту «Альфы», не увидят гибели друг друга и не услышат стонов раненых. Эта безликость боя была сродни

кошмару. Петер Асмундсен, Николас ван Рийн, сама Сандра — все они присутствовали на месте действия во плоти: дерзко встречали опасность, обменивались ударами, словами, рукопожатиями. И все это — при непосредственном соприкосновении: «Неужели наше время прошло? Неужели кончился безумный и счастливый век пионеров? Быть может, сейчас мы уже переступаем через порог будущего?»

Должно быть, капитан уже успел провести предварительные переговоры.

— Госпожа Сандра Тамарин-Асмундсен, Великая Герцогиня Гермеса, — объявил он. — Делегат имперского военного флота Сиземы.

Голос в переговорном устройстве звучал бесстрастно и невнятно из-за перебоев несущей волны. Но неужели она все-таки услышала грубые нотки?

— Приветствую, Великая Герцогиня. Почему вы здесь?

Сандра подавила отчаяние и метнула ответную стрелу:

— Приветствую, адмирал, или какое там наименование вы предпочитаете. Мы тоже испытываем вполне естественное любопытство. Какова ваша цель? Вас занесло так же далеко от дома, как и нас.

— Нам приказано овладеть Обителью Мрака в интересах Автархии Объединенного Бабура.

Сандра немного жалела, что корабли так далеко друг от друга и видеосвязь невозможна. Почему-то ей казалось, что будет легче, если она заглянет в четыре маленьких глаза на этой нечеловеческой физиономии. Тогда ей уже не будет казаться, будто она беседует с привидением.

«Однако его решимость так же весома, как и их невидимое солнце, — подумалось ей. — И поддерживающее ее оружие столь же осязаемо».

Сандра осторожно проговорила:

— Разве не ясно, зачем сюда прибыли представители Гермеса? Наша цель состоит в том, чтобы просто... принять на себя ответственность и попечение о планете до тех пор, пока не будет выработано соглашение. Поскольку мы

независимы от Содружества, Лиги и Бабура, мы надеемся, что сможем удержать все спорящие стороны от опрометчивых поступков, убедить их подумать еще раз и избежать войны. Еще не поздно, адмирал.

— Поздно, — отозвался искусственный голос. Неужели в нем прозвучала едва заметная нотка язвительной насмешки, когда он сообщил ей эту ошеломляющую весть? — Мы не станем говорить о том, что Имперское Кольцо считает ваше вмешательство нежелательным. Достаточно и того, что, по данным нашей разведки, флот Содружества уже находится на Обители Мрака. Мы прибыли, чтобы прогнать его отсюда. Гермесцы должны послушаться доброго совета и удалиться до начала боевых действий.

Сандра услышала, как Эрик выдохнул: «Сукин сын!», а потом и свой собственный голос: «Боже милостивый!»

— Присоединяйтесь к вашей эскадре и ведите ее домой, — сказал бабурит. — Когда начнется битва, мы будем нападать на любой корабль людей, который увидим.

— Нет! — вскричала Сандра, приподнимаясь с кресла. — Подождите, подождите!

Ответа не последовало. Спустя минуту капитан доложил:

— Чужак удаляется, мадам, и возвращается к своим кораблям.

— Боевым постам — товьсь! — приказала Сандра. — Курс — на перехват наших кораблей. Полный вперед!

Звезды, будто струйки воды, потекли по экранам, когда «Альфа» резко развернулась. Дрожь двигателей стала заметнее.

— Этот гад ползучий врал? — закричал Эрик.

Словно отвечая ему, капитан начал считывать показания приборов: в окрестностях планеты обнаружились многочисленные корабли с гиперпространственными двигателями. Очевидно, здесь был еще кто-то. И эти пришельцы обнаружили вновь прибывших захватчиков. Но кто это мог быть, если не экспедиционные силы Солнечной системы?

— Клянусь космосом, мы просто сборище любителей, — сказал Эрик, и рот его растянулся в болезненной усмешке. — Бабуриты наблюдали за Обителью Мрака. Они знали, когда прибудут земляне. А мы... мы неслись сломя голову, будто бык, у которого лихорадка.

— Нет, вспомни, мы понадеялись на патруль Нади, который должен был предупредить нас, — машинально возразила Сандра. — Я не сомневаюсь, что земляне захватили их: у Нади не было очень быстроходных и мощных кораблей. Захватили их под тем предлогом, что-де надо сохранить преимущество внезапности. А у бабуритов в тех местах были скоростные разведчики, — Сандра поморщилась. — Похоже, самые бездарные любители сидят в адмиралтействе Содружества.

«Им никогда не приходилось воевать, — подумала она. — Воинское искусство, доктрина, мышление — все это сошло на нет много поколений тому назад. Этому придется учиться заново, а времени нет».

Известия продолжали поступать. Разместившийся прямо по курсу флот покидал Обитель Мрака и строился в нечто, похожее на боевой порядок. Он значительно уступал армаде бабуритов. Разумнее всего было бы обратиться в бегство, но командир флота, несомненно, руководствовался приказами, полученными дома от политиков:

— Не сдаваться. Мы уверены, что эти клопы просто блефуют. Не могут же они на полном серьезе напасть на нас.

«Еще как могут, — подумала Сандра. — И нападут».

Эрик замер. Казалось, в душе его пылает огонь, хотя голос и звучал негромко:

— Матушка... матушка, если мы присоединимся к флоту Содружества, к таким же людям, как мы... может, в конце концов...

Сандра покачала головой:

— Нет. Это почти ничего не изменит, мы только положим гермесцев и лишимся кораблей, необходимых для обороны

родной планеты. Я намерена приказать нашим кораблям разворачиваться и немедленно отправляться восвояси.

Эрик угадал, что она задумала.

— А мы? «Альфа Лебедя»?

— Мы пойдем дальше, к Обители Мрака. Очевидно, когда мы прибудем туда, все силы Солнечной системы уже отправятся навстречу бабуритам. Как бы там ни было, никто не станет связываться с таким грозным кораблем. Мы должны помочь соплеменникам Нади обрести свободу, если удастся. Они в какой-то степени наши союзники. И технические специалисты на поверхности планеты тоже. — Сандре удалось выдавить улыбку. — К тому же, с тех пор как я впервые прослышала об Обители Мрака, мне всегда хотелось увидеть ее.

На планете не было никакой охраны. Дозорные корабли «Сверхметаллов» находились на орбите в беспилотном режиме. Быстрый обмен радиосигналами подтвердил, что их командиры отправили команды на базу старателей, тщательно запрятанную в недрах планеты. Гермесский корабль лег на орбиту, и из портов вылетели космические шлюпки, чтобы эвакуировать с планеты персонал. Несмотря на возражения Эрика, Сандра оставила его на борту якобы за старшего, а сама улетела на одном из вспомогательных судов.

Впереди маячила чудовищная громада Обители Мрака. Отсюда было не разглядеть тускло светящиеся останки ее солнца, и планету можно было принять за бродячее небесное тело, вечно плывущее среди ярких, как зимний снег, созвездий. Правда, такое сходство было неполным. Планета не была от полюса до полюса покрыта снегом скованной морозом атмосферы. Она испускала металлический блеск, яркий и острый, местами почти зеркальный. Горы и ущелья были бесформенными пятнами тьмы. Потеки темного железа образовывали узор, похожий на лик тролля.

Вскоре шлюпка приблизилась к поверхности и пошла горизонтально. Позади Сандры простиралась равнина, а горизонт был так далеко, что рождал в душе наблюдателя страх

перед бескрайней пустыней. Здешний грунт не был покрыт пылью и испещрен кратерами, как на других, лишенных атмосферы планетах. Поверхность была ровной, тускло блестела, а кое-где ее пересекали немыслимые горные хребты — в этих местах отвердевал жидкий металл. Темная планета резко выделялась на фоне Млечного Пути. И слева, и справа по курсу на равнине были видны признаки разработки недр. Это было невероятно (хотя нет, наоборот, вполне естественно), но работы шли своим чередом. Трактор-робот тащил вереницу вагонов с рудой. Впереди громоздился крутой откос — результат древних конвульсий планеты: сверхновая заставила металл прорвать застывшую кору. Откос представлял собой черную стену, под которой теснились кубы, купола и башенки рудника, казавшиеся игрушечными по сравнению с природным образованием; радиомачта на верху откоса выглядела приставшей к нему паутинкой.

Эта картина покосилась и, казалось, подпрыгнула, когда шлюпка пошла на снижение. Посадочные стойки коснулись грунта, и шлюпку, а заодно и команду, резко встряхнуло. Гул двигателя смолк, и на судне воцарилась гнетущая тишина.

Ее нарушила Сандра.

— Я пошла наружу, — сказала она, поднимаясь с кресла.

— Мадам, — возразил пилот, — здесь же пять с лишним g гравитации.

— Я довольно сильная.

— Мы... вы ведь знаете, сами же приказали. Мы просто заберем их прямо на борт и стартуем.

— Я не сомневаюсь, что даже с этим возникнут сложности, и хочу быть на месте лично, чтобы справиться с ними, а не вести переговоры по радио.

«Вряд ли я смогу сказать об этом вслух, — подумала она, — но я чувствую, что мне надо... испытать это, пусть и совсем недолго. Узнать, из-за чего было принесено столько жертв и вскоре, возможно, прольется море крови. Обитель Мрака должна стать реальностью для меня».

Ее сопровождали двое членов экипажа; они с особым тщанием проверили скафандр Сандры и стали слева и справа от нее, когда она протиснулась в люк и шагнула вперед. И слава Богу! Покинув гравитационное поле шлюпки, Сандра попала в объятия такой мощной силы тяжести, что наверняка рухнула бы и переломала себе все кости, если бы мужчины вовремя не поддержали ее. Все трое поспешно включили пропеллеры; прикрепленный к ним каркас давал опору и позволял с горем пополам перемещаться по металлической поверхности. Люди с усилием вдыхали и выдыхали воздух, потому что ребра их стали тяжелые как свинец. Веки и глазные яблоки тоже отяжелели, и зрение утратило четкость, перед глазами заплясали пятна. Невидимой и неощутимой радиации было достаточно, чтобы убить их за несколько недель.

«А рабочие приезжают сюда на восемнадцать лет, — вспомнила Сандра. — Способна ли я на такую любовь к своим согражданам?»

Они выходили из купола. Несмотря на скафандры разной формы, Сандра узнавала представителей многих рас — либо потому, что уже встречала прежде, либо потому, что видела изображения в книгах или на фотографиях. Вел их, конечно же, одинит Нади. Рядом с ним шли два икрананкца, напоминающие обликом воронов, четверорукий косматый обитатель Горзуны, похожий на льва уроженец Айвенго, отдаленно смахивающий на динозавра посланец Ванессы, двое цинтиан (из более отсталых сообществ своей планеты, нежели то, которое уже начало осваивать космос и не выказало желания помочь в развитии другим) и четыре человека (с планет-колоний, жизнь на которых можно было бы значительно облегчить путем соответствующих финансовых вливаний, однако капиталы Технической цивилизации были вложены в более заманчивые проекты). Здесь, среди пустыни, эти существа казались гротескными символами

жизни. Быть может, Вигеланн[66] даже создал бы их скульптурный портрет.

Неудивительно, что их так мало. В здешних условиях теплокровные могли работать лишь очень недолго и были вынуждены проводить почти все время в помещении. Существа из плоти и крови занимались здесь в основном ремонтом, связью и решением необычных задач. В основном же Обитель Мрака была обителью машин. Машины вели поиск и добычу, машины перевозили руду, обогащали ее, грузили, выполняли самую тяжелую работу, а заодно и почти всю квалифицированную. Некоторые механизмы трудились в рабстве у других машин, оснащенных самопрограммирующими компьютерами, а главный компьютер базы работал на уровне сознания. Все это было чудом технической изобретательности, но в еще большей степени, по мнению Сандры, — примером sisu, esprit[67], упорства и самоотверженности.

С трудом передвигая ноги, вперед выступил один из людей. Лицо за витриловым забралом шлема было усталым и изможденным.

— Миледи с Гермеса? — начал он по-английски, но с сильным акцентом. — Я — Генри Киттредж с Виксена, начальник этой смены.

— Рада... вас... видеть... — задыхаясь, ответила Сандра.

— Уж и не знаю, госпожа, — с тусклой улыбкой проговорил бригадир. — Обстоятельства не очень радостные, не так ли? Но... э... я хочу сказать, что мы безмерно признательны вам. Мы уже работаем сверхурочно, нас должны были сменить много дней тому назад. Если бы пришлось остаться дольше и работать в обычном режиме, мы бы схватили опасные дозы. И вскоре умерли.

— Разве вы не могли оставаться в помещении?

---

[66] Вигеланн Густав (1869–1943) — норвежский скульптор.
[67] Дух (фр.).

— Вероятно, земляне разрешили бы нам, но бабуриты вряд ли позволят. Какое им до нас дело? И они наверняка захотят, чтобы мы показали им, как работает прииск.

Сандра кивнула, хотя ей пришлось приложить усилие, чтобы снова поднять голову.

— Вы много лет накапливали опыт, иногда даже ценой жизни, верно? — сказала она. — Со стратегической точки зрения это — достаточно веская причина, чтобы эвакуировать вас, поскольку без вашей помощи любым существам придется изрядно раскошелиться и потратить очень много времени, прежде чем они смогут возобновить добычу. Вы и ваши коллеги — неважно, откуда они родом, — можете стать весьма ценным предметом торгов.

— Да, мы уже обсуждали это между собой. Послушайте, — в усталом голосе вдруг зазвучали нотки возбуждения, — давайте заберем с собой хоть часть самого необходимого оборудования. А если вы не хотите ждать так долго, давайте его уничтожим. Ну как?

Сандра заколебалась. Она не задумывалась о такой возможности и теперь оказалась не готова принять решение. Осмелится ли она провести здесь несколько лишних часов?

Да, осмелится. Похоже, битва армад кончится еще не скоро.

— Мы вывезем оборудование, — сказала она и спросила себя: что это, мудрость или просто злость?

Глава 8

— Мы опоздали.

Казалось, слова на миг повисли в тишине мостика, наполненной легким урчанием машины. Их мог произнести любой — и Эдзел, и Чи Лан, и Дэвид Фолкейн, потому что все трое чувствовали боль и ярость. Они пустыми глазами смотрели во тьму, где сияли безучастные, отрешенные звезды. Там полыхало зарево — далекое и совсем маленькое, но яркое и страшное.

Еще искорка, еще. Вокруг Обители Мрака рвались ядерные боеголовки.

Чи потянулась к гиперволновому приемнику. Она вертела ручки настройки, и в зависимости от диапазона динамик то гудел, то трещал, то булькал, то кудахтал: это были шифрованные сообщения, передаваемые с корабля на корабль на расстояния в несколько световых часов. Передовые подразделения флотов вступили в бой и перешли в нормальное пространство; теперь они двигались с истинными скоростями, измеряемыми в километрах в секунду, и истинными ускорениями, равными нескольким g. Корабли норовили достать друг друга ракетами, энергетическими лучами, снарядами, шлюпками класса «метеор».

Эдзел изучил показания приборов, тихонько посовещался с Пнем и объявил:

— Бой не мог начаться очень давно. Иначе мы увидели бы гораздо больше взрывов, более сложные нейтринные шлейфы, оставляемые двигателями. Нам не удалось добраться вовремя, мы опоздали на издевательски короткое время.

— Не знаю, так ли уж им помогло бы наше предупреждение, — со вздохом ответил Фолкейн. — Судя по этим данным, — он широким жестом обвел циферблаты, — первым прибыл флот Содружества; он бросил вызов бабуритам, надеясь, что они пойдут на попятный, а когда оказалось, что не тут-то было, вступил в бой с единственной целью: выжить.

— Но почему он попросту не обратился в бегство?

Фолкейн пожал плечами, словно ему было противно отвечать вслух.

— Конечно же, из-за приказа. Причинить максимально возможный ущерб, если разразится сражение. Эти приказы отдают политиканы, которые сидят дома в полной безопасности и считают, что военная теория и практика являют собой науку, недостойную цивилизованных людей.

«Бой может длиться несколько суток, прежде чем адмирал Содружества примет решение отступить, — подумал он.

— Корабли станут ускоряться, замедлять ход, налетают по кругу миллионы километров, отыскивая противника, сближаясь с ним, изрыгая огонь в оргазме насилия и снова расходясь с огромными скоростями, чтобы развернуться и опять броситься навстречу, возможно, уже новому врагу».

— Конечно, мы должны были попытаться, — глухим голосом продолжал он. — Но сейчас надо решить, как быть дальше.

Они ломали головы, выдумывая планы и отвергая их один за другим, а «Через пень-колоду» тем временем несся от Бабура к Обители Мрака.

— Не стоит вступать в контакт, — сказал Эдзел.

Они могли бы встретиться с каким-нибудь кораблем из Солнечной системы и через него связаться с адмиралом, но им нечего было теперь ему предложить, а между тем такой контакт сулил немалую опасность.

— Болтаться поблизости и выжидать? — спросила Чи.

Это означало ждать, приглушив силовую установку до такого режима, когда ее работу уже почти невозможно обнаружить, и болтаться на краю театра военных действий до тех пор, пока не станет ясно, что произошло. Но ведь те, кто выживет, все равно привезут эти сведения на Землю.

Но теперь нельзя было наверняка знать, что правительство Содружества будет откровенным со своим народом, как прежде. А ван Рийну нужен полный отчет.

Неизвестно даже, получит ли он депешу, которую они отправили ему с курьерской торпедой сразу же после побега. Когда эта штуковина войдет в Солнечную систему и передаст сигнал, космическая служба, которая заберет торпеду, может и не переслать заложенную в нее записку. Фолкейн сомневался, что шифр будет разгадан достаточно быстро, но от этого не легче: все равно ван Рийн останется в неведении.

Значит, прежде всего надо руководствоваться соображениями безопасности команды, не говоря уже о Койе, Хуаните и еще не родившемся малыше. Но тем не менее здесь уже погибли и продолжали гибнуть живые существа; они

получали раны и увечья, подвергались смертельной опасности. И этот ужас продлится еще долго. А посему отсиживаться в бездне и удирать домой было неприлично.

А еще...

— Пока нам вообще-то не очень везло, верно? — пробормотал Фолкейн. — Угодили в плен, смылись, из-за нас убили человека.

— Не считай себя виноватым в этом, Дэви, — посоветовал Эдзел. — Да, это была трагедия, но Уайлер сотрудничал с врагом.

— Но это так бессмысленно! — костяшки пальцев Дэвида побелели.

— Вам следовало бы совладать со своей совестью, — сказала Чи. — Слишком она вас терзает. — В ней проснулись хищные инстинкты, Чи прыгнула на консоль и остановилась — белая фигура на фоне черного неба, звезд и далеких взрывов, там, где погибали корабли. — Мы можем заняться активным, а не пассивным сбором разведданных, — с жаром заявила Чи. — Чего мы ждем? Летим к Обители Мрака.

— Есть ли смысл высаживаться там? — возразил Эдзел. Они уже обсуждали спасение служащих «Сверхметаллов», попавших в плен к планете, но все равно им удалось бы взять на борт только двух-трех существ, чтобы не перегрузить систему жизнеобеспечения.

— Вероятно, нет, — ответила Чи. — Однако мы попадем в гущу боя, если возьмем курс туда. А там уж кто знает, что из этого выйдет. Поехали!

На подходе к планете они получили сообщение, переданное по лазерному лучу. Следовательно, оно предназначалось только им. Стало быть, их обнаружили. Сообщение было закодировано шифром Содружества. Фолкейн понял это, сравнив разные полученные сигналы. Прочесть его Фолкейн не смог, но смысл был ясен: назовитесь, иначе подвергнетесь нападению.

Пень принялся выдавать анализ данных. Встречный корабль скорее всего был броненосцем класса «континент». Его координаты, скорость и ускорение поддавались более точному определению. На своем теперешнем курсе корабль не мог приблизиться на расстояние, позволяющее разглядеть его невооруженным глазом, пусть даже как черную полоску не толще бритвы на фоне Млечного Пути. Но его дальнобойные снаряды и ракеты вполне могли достать «Через пень-колоду». К тому же мертвое солнце было слишком близко, и ни один из кораблей не мог перейти на гиперпространственную тягу.

— Уходим, — приказал Фолкейн и послал в ответ устное сообщение на английском: «Мы не враги. Нас случайно занесло сюда с Земли».

Минуту спустя Пень доложил, что в них пустили ракету. Фолкейн не удивился: люди в этом корабле, должно быть, ошалели от усталости и подавляемого ужаса; нервное напряжение превратило их в машины, выполняющие свои обязанности, и если он, Фолкейн, не ответит им кодовым сигналом, стало быть, он — бабурит, который норовит нанести удар.

На таком расстоянии луч успеет рассеяться и не сможет причинить вреда. Маленький корабль, на каком летел Фолкейн, был не в состоянии нести на борту достаточно мощный генератор силового поля, способный отразить скоростную боеголовку. И этот корабль, даже при небольшой массе, не сумеет удрать от смертоносной торпеды, наводящейся на выхлоп от дюз.

Но «Через пень-колоду» имел мощность, которой хватило бы на два таких корабля, и он не должен был тратить ни капли этой мощности на энергетические экраны. Небосвод неистово завертелся перед глазами Фолкейна — это компьютер послал корабль по дуге. Двигатель обычного судна не выдержал бы такой нагрузки. Увернувшись от торпеды, «Через пень-колоду» открыл по ней стрельбу. Торпеда развалилась, превратившись в ливень огня и раскаленных

обломков стали. Корабль снова развернулся и лег на прежний курс, а крейсер землян пошел прочь, не пытаясь атаковать еще раз.

На миг перед глазами Фолкейна возник образ: человек на борту броненосца. Он родом... возможно, из Японии, и в нем всегда жива память об этих прекрасных островах, о древних изогнутых кровлях, цветущих вишнях у подножия чистых склонов Фудзи, о садике, где жили садовник и бонсай[68], всю жизнь любившие друг друга, о холодном звоне вечерних колоколов, под который он брел по улице бок о бок с девушкой. А сегодня он сидит как привязанный перед дурацкими мордами приборов, и в костях его отдается рев двигателей. Язык распух от жажды, от волнения человек весь покрылся потом, одежда воняет, соль щиплет глаза, горькой коркой лежит на губах. Проходят томительные часы, а он ждет, ждет, пока дом не превращается в полузабытый, лихорадочный сон; потом раздается тревожный гудок, существа, которых он никогда не видел даже в кошмарах, появляются где-то далеко за переборками (во всяком случае, так говорят приборы), и человек выполняет приказ рассчитать траекторию торпеды, поставить ее на боевой взвод и снова ждет, чтобы узнать, стал ли он убийцей или, наоборот, ему суждено быть убитым. И мечтает, чтобы гибель его была быстрой и безболезненной, чтобы не трещала рвущаяся кожа и не плавились глазные яблоки. А может, на миг и в его голове промелькнет мысль о том, вспоминают ли свою прекрасную родину эти чудовища, в которых он только что выстрелил.

Интересно, где родился Шелдон Уайлер?

Фолкейн взял микрофон внутренней связи и произнес:

— Кажется, на этот раз пронесло.

Любую команду происшествие вынудило бы спешно искать укрытие. А вот Чи оно навело на одну мысль. Эдзел выслушал ее, задумался и решил, что возможный выигрыш

[68] Бонсай — особым образом выращенное в горшке миниатюрное дерево.

оправдывает риск. Фолкейн малость поспорил, но потом сдался; юноша, которого 6н считал оставшимся в далеком прошлом, взял в нем верх над мужем Койи.

Не то чтобы у них был шанс совершить молниеносный бесшабашный подвиг. Время уходило, корабль осторожно продвигался вперед, напрягая все свои детекторы. Пень просеивал и отбрасывал данные. Фолкейн пыхтел трубкой до тех пор, пока обожженный язык не перестал ощущать вкуса пищи, которую он заставил себя проглотить. Чи лепила фигурку из глины — так яростно, словно этот материал был ее злейшим врагом. Эдзел медитировал и спал.

Бесконечность наконец кончилась.

— Корабль Солнечной системы уничтожил корабль бабуритов, — объявил компьютер и выдал координаты.

Задремавший в кресле Фолкейн вздрогнул.

— Ты уверен? — спросил он, вскакивая на ноги.

— После характерной для взрыва вспышки один из двух источников нейтринного излучения перестал действовать. Второй источник удаляется и при любом доступном ему ускорении не сможет вернуться к месту боя раньше, чем через стандартные сутки.

— Дай вряд ли у него возникнет такое желание...

— Мы сумеем подойти к уничтоженному кораблю через три и семь десятых часа, плюс-минус примерно сорок минут по моим расчетам.

Фолкейна охватило возбуждение.

— И, надо полагать, пятьдесят шансов из ста — за то, что корабль будет с Бабура?

— Нет, это известно наверняка. Я провел статистическое исследование состава излучения термоядерных реакторов обеих армад. У выведенного из строя корабля спектр строго бабуритский.

Фолкейн кивнул. Двигатели, принцип действия которых основан на слиянии ядер, предназначенные для работы в условиях планет с массой, близкой к юпитерианской, отличаются по спектру излучения от двигателей, взятых на

вооружение существами, дышащими кислородом. Фолкейн это знал, но не думал, что удастся собрать достаточное для точного математического расчета количество данных.

— Браво, Пень, — сказал он. — Ты не перестаешь удивлять меня своей инициативностью.

— А еще я изобрел три новых карточных игры, — сообщил Фолкейну компьютер.

Неужели с надеждой в голосе?

— Забудь о них! — прошипела Чи. — Бери курс на эти хорошенькие обломочки.

Вибрация двигателя усилилась.

— Когда мы впервые попали в этот уголок космоса, наше путешествие было более веселом, — задумчиво произнес Эдзел. — Но ведь восемнадцать земных лет тому назад, и мы были моложе.

Неужели Эдзел щадил их чувства? Такой срок при средней продолжительности жизни на его планете значил для него гораздо меньше, чем для обитателей Земли или Цинтии.

— Мы были полны гордости, — ответил Фолкейн. — Это было наше открытие, и оно могло дать десятку рас тот шанс, в котором они так отчаянно нуждались. А теперь... — Его голос замер.

Эдзел положил руку ему на плечо. Фолкейну пришлось напрячься, когда ее вес прибавился к силе тяжести.

— Не считай себя виноватым в том, что из-за планеты идет война, Дэви, — с жаром проговорил одинит. — Наше открытие принесло пользу. А возможно, и опять принесет.

— Мы же понимали, что долго хранить тайну невозможно, — добавила Чи. — Лишь по чистой случайности первым, кто повторил наши логические выкладки, был старина Ник, и нам удалось уговорить его не распространяться. Но рано или поздно наверняка должна была начаться какая-нибудь заваруха.

— Конечно, конечно, — ответил Фолкейн. — Но война! Я-то думал, цивилизация уже переросла это.

— Шенны не переросли, и бабуриты тоже, — сердито сказала Чи. — Ты не должен винить Техническое общество, если у чужаков дурные манеры. Это чувство симметрии порочности, присущее вашему виду, — весьма странная штука.

— Почему-то я не вижу здесь параллелей, — возразил Фолкейн. — Проклятье, когда шенны плели заговоры и нападали на нас, ими руководил какой-то извращенный здравый смысл. Но бабуриты? Зачем они так вооружились? Они же не предвидели, что придется биться за Обитель Мрака. Да и зачем им вообще воевать? Если они смогли купить инструменты и технологии, необходимые для строительства такого флота, то могли бы за ничтожную толику этих денег приобрести все сверхметаллы. Меня не оставляет чувство, что мы, Техническая культура, как-то повинны в этом.

— Уайлер мог бы малость просветить нас, останься он в живых. Перестал бы ты так убиваться по нему, Дэви. Он не был хорошим человеком.

— А кто в наши дни может позволить себе быть хорошим? Ладно, к черту! — Фолкейн упал в кресло.

— Согласна. К черту, и побыстрее! Что до меня, то я намерена опять заняться лепкой, — сказала Чи и покинула мостик.

— Пожалуй, уж я-то могу поиграть с тобой в карты, Пень, если ты хочешь отвлечься, — предложил Эдзел. — Все равно до прибытия на место нам нечего делать.

«Разве что сидеть и надеяться, что на нас не свалится какая-нибудь задачка, которая окажется нам не по силам», — подумал Фолкейн.

«Страх и трепет надежды, безмолвие и предвидение; смерть костлява, время сумрачно...»

Облачившись в скафандр, он включил ракетный ранец на самую малую мощность и преодолел сотню метров вакуума, отделявшего его корабль от разбитого звездолета.

Его окружали звезды и окутывало безмолвие. Здесь не видно было никаких следов боя; боль и страдание

растворились в глубинах космоса, осталась только эта искореженная груда, маячившая впереди и окруженная металлическими обломками. Дэвид боялся даже подумать о том, сколько жизней было загублено здесь (бабуриты наверняка радовались своему солнцу не меньше, чем он земному), и предпочел равнодушно сосредоточить свое внимание на стоявшей перед ним задаче.

Размеры корабля более-менее соответствовали габаритам крейсера. Ракета преодолела защиту и врезалась в борт. Поскольку вокруг корабля не было воздуха, мощности взрыва не хватило, чтобы превратить его в груду обломков. Те, кто выжил (если таковые вообще были), нашли спасательную шлюпку, помещавшуюся в отсеке, который автоматически отстыковывался в случае столкновения или удара, и спаслись бегством. Самый большой из уцелевших обломков корпуса превосходил размерами «Через пень-колоду» и, должно быть, был щедро оснащен всевозможной аппаратурой, которую еще можно было осмотреть, поскольку она вряд ли получила слишком уж большие повреждения. Счетчик на запястье подсказал Дэвиду, что уровень радиации не превышает допустимый.

Он услышал и почувствовал глухие удары, едва его подошвы коснулись настила и прочно закрепились на плитах. Чи парила неподалеку, а чуть дальше на фоне неба виднелся громадный силуэт Эдзела.

— Оставайтесь снаружи, а я пойду осмотрюсь, — велел им Дэвид и тяжелой поступью двинулся дальше. Ощущение было немного сродни тому, какое испытываешь, когда идешь вниз головой, потому что Дэвид ничего не весил, а мертвый корабль медленно поворачивался вокруг продольной оси. Созвездия плавно скользили мимо, и казалось, будто рубки и орудийные башни окутаны мглой. Дэвид слышал свое громкое дыхание.

Добравшись до того места, в котором корпус разломился пополам, он осторожно протиснулся сквозь хитросплетение торчащих во все стороны искореженных железок. Между

двумя заусенцами застряло мертвое тело. С минуту Фолкейн смотрел на него, подсвечивая себе фонариком. В безвоздушном пространстве луч не рассеивался, и тусклый свет окутывал фигуру, слишком чуждую, чтобы вызывать ужас, какой обычно чувствуешь, глядя на тела людей, погибших насильственной смертью: бабурит казался жалким, маленьким и хрупким.

«Я теряю время, которое у меня еще есть, но у него уже нет», — подумал Фолкейн и пошел дальше; преодолев край корпуса, он очутился в чреве вымершего корабля.

В свете звезд и фонарика виднелись какие-то сюрреалистически сложные формы, тонувшие во тьме. Дэвида охватило мрачное удовлетворение.

«Как нам повезло! — подумал он. — Похоже, тут главное машинное отделение. А значит, и приборы управления, если бабуриты строят свои корабли приблизительно так же, как мы».

Это могло оказаться осуществлением той надежды, которая подвигла Фолкейна и его спутников на эти поиски. Так мало было известно о существах, построивших эту захватническую армаду. Может быть, в их инженерных разработках есть нечто такое, что поможет понять их натуру?

Пришла ли такая же мысль в голову адмиралу флота Содружества? Приказал ли он провести операцию по осмотру обломков в разведывательных целях? Вероятно, нет. Слишком уж наседали на его эскадру. Кроме того, вся организация дела указывала на идиотизм высших чиновников правительства. Впрочем, давайте будем снисходительны и назовем это невежеством.

Кроме того, даже если допустить, что эти реликвии все-таки попадут на Землю, едва ли правительство покажет их ван Рий-ну. Фолкейном руководила не просто преданность своему покровителю. Он считал, что, кроме старика, в Солнечной системе не осталось больше ни одного грамотно мыслящего существа. Ван Рийн сумел бы извлечь выгоду

даже из тех крох, которые любому другому показались бы бесполезными.

Фолкейн понимал, что по-настоящему серьезную работу здесь провести не удастся.

«У нас нет средств, — думал он. — К тому же застрять тут слишком долго было бы чертовски опасно. Но мы можем провести здесь несколько часов и посмотреть, что к чему, а кое-что и забрать для более глубокого исследования. Быть может, мы ненароком сделаем какое-нибудь полезное открытие. Быть может».

— Вперед! — приказал он себе и подобрался к одной из возвышавшихся пред ним громадин.

Глава 9

Вечером накануне отъезда Байард Стори пригласил Николаса ван Рийна на обед. Совет Лиги разъехался, так и не придя к согласию, и теперь делегатам предстояло в меру сил и возможностей заняться каждому своим делом.

Зал Сатурна в гостинице «Вселенная» был почти полон, хотя благодаря расположению столиков и полумраку у посетителей не возникало ощущения толпы. Наверное, теперь, когда повсюду настырно расползались слухи о войне, друзья и влюбленные старались воспользоваться любой возможностью развлечься, пока она была. А может быть, дело обстояло совсем иначе. Солнечная система не имела опыта непосредственного участия в вооруженных столкновениях, ничего подобного не происходило так долго, что теперь даже трудно было сказать, кто как себя поведет. Танцующие на пятачке льнули друг к другу. Неужели в музыке оркестра, составленного из живых музыкантов, и впрямь сквозили тоскливые нотки?

Над головой на фоне лилового небосклона нависали громадные полукружия колец, окрашенных в более изысканные цвета, чем радуга; сейчас в небе было четыре луны. Ткань неба разрывали метеориты, оставлявшие за собой

искрящиеся изогнутые шлейфы. Крошечное заходящее солнце, тусклое из-за плотной атмосферы, виднелось над бурыми и розоватыми облаками.

— Это место больше подходит для влюбленных, чем для двух усталых дельцов, — с легкой улыбкой заметил Стори.

— Любое совпадение наших точек зрения будет весьма романтичным явлением, — проворчал ван Рийн, углубившийся в чтение меню. Свободной рукой он по очереди подносил ко рту то рюмку с водкой, то кружку пива. Стори потягивал шампанское с ромом. — Дайте-ка я рассмотрю... dood en ondergang...[69] Тут темно, как в мозгах у столоначальника. Начну, пожалуй, с дюжины устриц из Лимфьорда. Лимфьорд, запомните, официант. Охлажденные ножки краба и спаржа, и еще пятьдесят граммов страсбургского паштета. А пока я буду поглощать закуску, принесите-ка мне хорошенькую порцию лукового супа по-анзийски. Не упустите шанс, Стори, в этом супе есть специи, которых мы можем больше никогда не попробовать, если случится какая-нибудь глупость вроде войны. Так, теперь вино к супу... — Он еще несколько минут продолжал в том же духе.

— Э... ну а мне принесите обычный бифштекс средней поджаристости, — со смехом сказал Стори. — И... ну ладно, отведаю лукового супа, коль уж мне советуют.

— Вам надо бы обращать побольше внимания на то, что вы едите, мальчик, — бросил ван Рийн.

Стори пожал плечами:

— Я не возвожу свой желудок в ранг божества.

— Думаете, я это делаю, ха? Нет; проклятье, я заставляю желудок работать на меня, и он вкалывает, как раб. Язык и нёбо — вот о чем я забочусь. И что в этом плохого? Кому это приносит вред? Самым первым чудом Господа нашего было превращение воды в вино, да еще какого урожая! — ван Рийн покачал головой, и кудряшки зашелестели о парчу костюма. — Смутьяны все как один недовольны доброй пищей,

[69] Что за погибель эти потемки (гол.).

выпивкой, музыкой, женщинами и доходами, этими дарами Божьими. Нет, они ввергают мир в разорение, потому что сами хотят поиграть в Бога, стать на место Спасителя и вообще валять дурака.

Стори посерьезнел.

— А вы уверены, что сами не фарисействуете? То, что вы отстаивали на Совете, почти наверняка ввергло бы Лигу в войну.

Ван Рийн угрюмо насупил брови, похожие на живую изгородь.

— Не думаю. Лига и Содружество вместе Бабуру не по зубам. Бабуриты пошли бы на попятный.

— Возможно, если бы Содружество согласилось отдать Обитель Мрака под власть Лиги. Но вы знаете, что «Домашние Компании» нипочем не пошли бы на это. Власть или опекунство Содружества означают, что именно они распоряжались бы сверхметаллами. И получили бы возможность вести операции в космосе с таким размахом, что могли бы угрожать «Семерке» и независимым торговцам, а то и вовсе прижать их к стенке.

— И вы лишили нас возможности действовать, вы со своей «Семеркой», чума на нее. Теперь объединенная Лига ничего не предпримет, как если бы ее и вовсе не существовало.

— Вы хотите сказать, что Лига останется нейтральной. Вам и впрямь нужно, чтобы в ней шли открытые нескончаемые раздоры? Ведь при более-менее добрых отношениях между «Семеркой» и Бабуром Лига как целое сохранит за собой право голоса в случае победы любой из сторон. Более того, вернувшись в свою штаб-квартиру, я попытаюсь выяснить, способна ли «Семерка» оказать помощь в улаживании разногласий, — Стори поднял палец. — Вот почему я хотел встретиться с вами сегодня вечером, мастер ван Рийн. Это последняя просьба. Если вы согласитесь сотрудничать с нами и попробуете сплотить вокруг себя независимых торговцев...

— Сотрудничать? — ван Рийн достал табакерку и поднес к носу понюшку табаку. — Чем же это кончится? Исполнением всех ваших повелений? Хрррррыхххх! Ап-чхи!

— Ну разумеется, мы должны будем выработать определенную стратегию. Она включит в себя гласное или негласное эмбарго на торговлю с любой из сторон. Мы можем использовать в качестве предлога риск, это позволит нам обставить дело дипломатично. Очень скоро обе стороны почувствуют нехватку материалов, в том числе военных, и с большой охотой вникнут в доводы Лиги.

— Только не Лиги, — ответил ван Рийн. — Не всей Лиги. Каким боком сюда смогут затесаться «Домашние Компании»? Они и правительство Содружества — что орел и решка фальшивой монеты, черт побери, и такое положение сохраняется и укрепляется уже... сколько? Да, пожалуй, что со времен Совета на Гайавате.

— Я повторяю лишь то, что уже не раз говорил прежде, — стоял на своем Стори. — Просто у меня есть... Не буду называть это способом заставить вас взглянуть на вещи разумно. Давайте выразимся так: я считаю своим долгом до последней минуты не оставлять попыток убедить вас.

— Но слушать вас — вовсе не мой долг. Уж сколько раз я вам говорил: если независимые торговцы примкнут к «Семерке» или «Домашним Компаниям», Лиге конец, поскольку вольные торговцы — последние носители ее духа, — ван Рийн откинулся на спинку кресла, поднес стакан к губам и поднял глаза к огромной живой картине над головой. Там уже настала ночь, спутники были обрамлены холодными коронами, а тень Сатурна начала наползать на кольца. Ни единой звезды в небе. Ван Рийн вздохнул. — Мы опоздали родиться на свет. Кабы я был на Совете Гайаваты, уж я бы их предостерег!

— Они вынесли вполне логичное решение, — ответил Стори.

Ван Рийн кивнул:

— Ja. Это нас всех и погубит.

В том, что собрание состоялось именно там, а не в каком-либо ином месте, заключалась определенная ирония, но историки еще нескоро осознают и оценят ее. Если выбор места и диктовался какой-либо символикой, то лишь самой оптимистической. Так казалось тогда. Ведь колонии О'Нейла стали не просто первым космическим обиталищем человечества — в них расцвели совершенно новые отрасли промышленности, и это сыграло важнейшую роль в возрождении свободного предпринимательства. Ну а уж оно решительно изменило не только экономику, но и сам образ мысли, да так, что прежде разрозненные земные общества слились воедино, и все это в совокупности привело к возникновению новой цивилизации — Технической. После изобретения гиперпространственного двигателя началась стремительная экспансия человечества за пределы Солнечной системы, и маленькие рукотворные планеты пришли в запустение. Тем не менее они продолжали исправно двигаться по орбите в своих точках Лагранжа[70], следуя по тому же пути, что и Луна, но с шестидесятиградусным опережением или отставанием. И люди не сразу покинули их. Например, Гайавата и ее сестра Миннеаха все еще давали приют значительному числу работающих людей даже в те времена, когда Торгово-техническая Лига собралась на самую судьбоносную из своих сессий.

Стоявшая перед участниками задача была очень сложна, и большинство правительств, естественно, было настроено самым задиристым образом. Хотя по конституции Лига представляла собой лишь ассоциацию взаимопомощи, она превосходила силой любое отдельно взятое государство. Лига и утесняла, и унижала правительства, не давая им участвовать в принятии решений, которые в значительной степени влияли на местную торговлю. То ее твердая валюта вытесняла их пустые деньги, то она тайком срывала или

[70] Точки Лагранжа — точки на орбите, находясь в которых небесное тело образует равносторонний треугольник с Солнцем и планетой (или планетой и спутником).

открыто презирала все их попытки навести порядок. И дело было не только в чиновничьем властолюбии. Многие претензии и впрямь были справедливы. Ни одна система, созданная смертными, не являет собой образчик совершенства: все они ломают судьбы, одни — в большей степени, другие — в меньшей. Парень или девушка из бедной семьи, равно как и не-человек, могли достичь уровня жизни, достойного богов, и управлять силами, которые творцы мифов даже и представить себе были не в состоянии. Наделенные хваткой обыватели из низших сословий тоже вполне могли прекрасно обеспечить себя. Но, как водится, были и простофили, и неудачники. В большинстве своем они не очень огорчались, становясь илотами, хотя некоторые и превращались в желчных злословов. Гораздо важнее было то, что изрядное число людей никогда и не хотело обрести подлинную свободу. Большинство этих людей желало безопасности, которую сулили им политиканы. Более деятельное меньшинство так и подмывало сплотиться под какими-нибудь зажигательными лозунгами, и этому меньшинству казалось, что все остальные жаждут того же.

У Лиги были свои трудности. Широкий размах и разнообразие деятельности, захлестывающий с головой поток информации — все это осложняло руководство крупнейшими компаниями. Система свободных контрактов все чаще страдала от злоупотреблений, как, к примеру, произошло, когда в обиход ввели договоры с печатями. Оголтелая эксплуатация народов и природных ресурсов переходила всякие границы. Отсталым расам запросто навязывали современные технологии, это делалось бездумно и безответственно, ради быстрого обогащения, и никого не заботил вопрос о том, стоило ли позволять таким культурам свободно владеть космическими кораблями и ядерным оружием.

Наконец был избран парламент Содружества, который клятвенно обещал провести всеобъемлющие и коренные преобразования. Под юрисдикцию парламента попал самый крупный рынок Лиги и источники рабочей силы. За «тысячу

дней» он принял на удивление много новых радикальных законов и, что гораздо важнее, начал проводить их в жизнь наряду с большинством уже существовавших.

Поэтому Торгово-техническая Лига созвала на Гайавате большой Совет, чтобы обсудить, как быть дальше.

Совет принял несколько резолюций, положивших начало более гуманной и дальновидной политике. Но, сам того не ведая, потерпел неудачу в вопросе об общих для всего Содружества мерах. К их числу относились полномочия банков, проценты на капитал, подоходные налоги, антитрестовские законы, обязательный арбитраж при возникновении споров определенного рода, государственные займы убыточным предприятиям, вливания в отрасли, переживающие кризис, квоты на производство и многое другое.

Несколько горячих голов из числа делегатов ратовали за разрешение разногласий силой оружия, но их заставили замолчать. Если отдельные члены Лиги иногда свергали неугодные правительства, то вся Лига в целом и правительства-то не имела. И надо было решать, то ли бойкотировать Содружество до тех пор, пока не будет избран новый законодательный орган, то ли уйти на вторые роли в Солнечной системе.

Верх взяли приверженцы смирения. Бойкот обошелся бы неслыханно дорого, напрочь разорил членов, не имеющих страховок, и нанес серьезный ущерб всем остальным. Кроме того, он был бы чреват созданием неприглядного образа алчного хищника, выступающего против сердобольного государства. Напрасно некоторые ораторы настойчиво убеждали остальных, что по большому счету лучше твердо придерживаться принципов, а принципом, благодаря которому Лига обрела свое исключительное значение и право на существование, была свобода. Противники утверждали, что-де свобода предполагает многочисленные компромиссы, а если выражаться не столь возвышенным языком, то требует здравого смысла. Законы не так уж и плохи, с точки зрения

выгоды в них есть немало привлекательного. Да и вообще, оставшись на сцене, компании Лиги смогут сохранить влияние и добиваться усовершенствования законов.

Оказалось, что так оно и есть. Управлявшие отраслями производства комиссии вскоре превратились в ставленниц этих отраслей и поначалу мешали новым конкурентам, а впоследствии принялись попросту душить их. Этому немало способствовала налоговая политика, возлагавшая самое тяжкое бремя на низшие классы. Вскоре крупнейшие банки уже не просто хранили деньги, но воспроизводили их инфляционным путем. Ворочавшие огромными фондами профсоюзные деятели очень хорошо вписались в систему: не вступишь в профсоюз, не получишь работу, а директора и профсоюзы договариваются между собой об условиях твоего труда. Антитрестовские мероприятия вредили толковым руководителям к вящему удовольствию менее предприимчивых. Той же цели служили квоты, тарифы, ограничения зарплат и цен, льготная контрактная политика. Целый ряд бесполезных, но самовоспроизводящихся социальных программ помогал получить голоса, необходимые для поддержания корпоративного государства.

Ибо именно таким государством стало Содружество. Магнаты «Домашних Компаний» уже не отмежевывались от политиков и чиновничества и получили право участвовать в принятии решений, никак не связанных ни с финансами, ни с техникой. Их естественные союзники заправляли всеми сторонами жизни общества — культурой, геополитикой, подготовкой специалистов, что позволило поставить это под неусыпный контроль правительства.

А компании, которым не удалось с самого начала занять прочное положение в Содружестве, вскоре почувствовали, что их вытесняют. Разумеется, они направили свои усилия на создание рынков за пределами Содружества. С их легкой руки несколько планетарных поселений заявили о своей независимости. Со временем компании прибрали к рукам политику некоторых из этих планет. Пошли в ход соглашения

о сотрудничестве, ограничивающие внутреннюю конкуренцию, но не распространявшиеся на всю остальную Лигу. Так мало-помалу на свет появилась «Космическая Семерка».

Компании помельче боялись, что их проглотят, а оттого не примыкали ни к одной из враждующих сторон и не создавали никаких организаций. Это и были независимые торговцы.

Разумеется, такое положение создалось не сразу после Совета на Гайавате. Напротив, тогда казалось, что наступили времена невиданного доселе расцвета капитализма. Это была самая вольная, самая блистательная пора, какую когда-либо переживала Техническая цивилизация. Лекарства, которыми лечили политику, мало-помалу всасывались в кровь, а побочное их действие было совершенно незаметно. На границах звездного мира открытие следовало за открытием, триумф за триумфом; каждый год поступали сообщения о победе над очередным врагом, о найденном сокровище. Людям приходилось бороться, не жалея сил, но зато они были полны надежд. Древо цвело, и крона его никогда не оголялась, хотя корни уже подтачивал червь. В прошлом такое часто случалось и на Земле — во времена Чуньцю[71], в эпохи Делийского султаната[72] и Возрождения.

Но вот прошло столетие...

— Оставьте в покое историю, — сказал Стори. — Мы живем в век нынешний. Вы присоединитесь к «Семерке», чтобы попытаться добиться мира?

— Присоединиться? — переспросил ван Рийн, дергая свою козлиную бородку. — Вы хотите сказать, что я буду

---

[71] Чуньцю — период истории Китая (722–481 гг. до н. э.), характеризовавшийся междуусобной борьбой между отдельными царствами.

[72] Делийский султанат (1206–1526) — государство в Индии, где господствующую верхушку составляла чужеземная мусульманская феодальная знать.

выполнять все распоряжения, не задавая никаких неудобных вопросов?

— Разумеется, мы приложим все усилия, чтобы создать свой Совет, но средства связи работают так медленно, а кризисы назревают молниеносно, поэтому нам понадобится четкая и ясная структура командования.

Ван Рийн покачал головой.

Стори рубанул рукой воздух.

— Нет, такие проволочки с кормежкой не для моего аппетита.

— Стало быть, вы хотите отмежеваться от любого объединения миротворцев?

— Не уверен, что объединение будет, и уж тем более не знаю, под какую дудку оно станет плясать, если все же возникнет. О, вот и мои закуски. Вы удивитесь, сударь, когда увидите, сколько я способен проглотить один, без посторонней помощи.

Глава 10

Сандра Тамарин-Асмундсен охотилась в Аркадианских горах, когда ей сообщили новость. Она чувствовала себя виноватой, потому что покинула Звездопад во время кризиса (не только внешнего, но и внутреннего, поскольку сословие траверов совсем разбушевалось), но ей хотелось убежать хоть ненадолго. Отдых был сродни глотку ключевой воды, смочившей пересохшее горло.

Собаки взяли след сианопса. Их лай эхом гулял под пологом леса, будто песнь дикарей под зеленой сенью собора. Сандра бежала на шум, раздвигая руками ветки и густые кусты, перепрыгивая через поваленные деревья; легкие вновь и вновь втягивали сладкий воздух, перед глазами мелькали высокие стволы и пышные ветви деревьев, мельтешили солнечные блики и сверкающие крылья нидифлекса. Тело ликовало. За Сандрой бежали человек пять мужчин из ее

фамильного поместья на Ветреном Кольце. Кроме охотников, в этих диких местах не было ни души.

Сандра взлетела по склону и очутилась на лугу, который тянулся над обрывом. Здесь, на открытом месте, среди маленьких белых цветов, сияние Майи почти слепило. Перед Сандрой простирались холмы и горы, они возносились к небу горделивыми кряжами, а вдали виднелся одинокий снежный пик Облачного Шлема, окутанный туманом. Собаки загнали сианопса на самый край. Это были стройные мускулистые твари с мощными челюстями и серовато-бурой шерстью. Породу вывели местные жители. Собаки были слишком умны, чтобы атаковать серый, как сталь, панцирь и вооруженные мощными когтями лапы. Но поскольку все же они могли скопом завалить этого крупного герпетоида, он предпочитал бежать от них своей тяжелой, неуклюжей рысью. Теперь сианопс стоял, готовый к бою, и издавал вызывающее шипение.

— Прекрасно! — радостно воскликнула Сандра. Она сняла с плеча винтовку и осторожно двинулась вперед. Чересчур поспешный выстрел мог убить собаку или привести зверя в бешенство. Убить сианопса наповал было непросто, требовалось всадить пулю точнехонько в один из его невинных испуганных синих глаз.

В этот миг зажужжал висевший на поясе Сандры телефон. Она замерла, слух ее разом перестал воспринимать и лай собак, и крики мужчин. Через ретранслирующий спутник телефон связывал Сандру только с Новой Крепостью. Он загудел снова. Отстегнув маленькую плоскую коробочку, Сандра поднесла ее к лицу.

— Да?

— Это Эндрю Брэйд, ваша милость, — послышался надтреснутый голос чиновника, которого она оставила за старшего на время своего отсутствия. — Мы получили вести от адмирала Майкла. — Майкл Фолкейн был заместителем командующего маленьким флотом Гермеса. — Они обнаружили довольно крупную эскадру, направляющуюся к нам на

гиперпространственной тяге. Очевидно, она идет от Могула. Еще очень далеко, и связь возможна только посредством простейших кодовых сигналов. До сих пор пришельцы таких сигналов нам не посылали и не отвечали на наши.

Казалось, вместо охваченной ужасом женщины заговорила не ведавшая страха машина:

— Поднимите в космос все боевые корабли, которые еще не там, — велела Сандра. — Пусть доложат адмиралу, что готовы выполнить свои задачи. Всем полицейским силам и спасателям — тревога. Держите меня в курсе событий. Приблизительно... через девяносто минут я доберусь до своей машины, а еще через час прилечу к вам.

Не тратя времени на слова прощания, Сандра снова укрепила телефон на поясе и резко повернулась. Охотники стояли, сбившись в кучку, и в тревоге смотрели на нее. Словно почуяв что-то, притихли и собаки.

— Я должна немедленно вернуться домой, — сообщила Сандра. Она поднесла к губам фляжку, прополоскала рот и медленной трусцой побежала вниз, к лесу. Двое охотников замешкались, отзывая свору. Сианопс смотрел им вслед, не понимая, почему ему посчастливилось остаться в живых.

Сандра летела на восток, держась реки Паломино, которая блестела, будто брошенный на равнину клинок сабли. Вокруг раскинулись сельскохозяйственные угодья имения Рюнеберг. В эту пору зелень пастбищ уже начинала тускнеть, но даже отсюда, с высоты, гулявшие на них стада, являли собой величавое зрелище. Изобильные пшеничные поля перемежались рощами и фруктовыми садами. Виднелись красные черепичные крыши в обрамлении зеленых садов — это были родовые дома Последователей, отвечавших за те или иные производства. Вдали мелькнул особняк Рюнебергов. Сандра бывала там и помнила уютные комнаты, портреты предков, неукоснительное соблюдение традиций, детский смех, звучавший здесь как бы в знак того, что древность не в силах подавить фонтан новой жизни.

В который уже раз Сандра почувствовала мимолетную тоску. Если бы только она была отпрыском кланов, той тысячи семей, которые управляли имениями. Род ее был таким же древним, предки Сандры тоже принадлежали к числу первых переселенцев с Земли. Едва ли не по чистой случайности родоначальники Тамаринов не основали собственную корпорацию, чтобы закрепить за собой и освоить уголок этой планеты. Они предпочли заниматься главным образом наукой и техникой. В роду были советники, исследователи, учителя, люди свободных профессий.

«Слишком поздно что-то менять», — подумала Сандра. Когда писалась конституция независимого Гермеса, в ней было сказано, что высшие чиновники должны принадлежать к. роду Тамаринов, но им не полагалось иметь вотчин. Слава и одиночество — вот их удел.

«Я могла бы взять самоотвод на выборах, — вспоминала Сандра. — Почему я не сделала этого? Гордыня. Да еще Пит, мой помощник, мой супруг. Ну а если бы его не было? Взяв самоотвод, я стала бы такой же, как любой другой Тамарин, которому недоступен пост Великого Герцога или Герцогини. Пришлось бы по мере возможности зарабатывать на жизнь, и стала бы я травером, только с именем и... и еще с правом голоса».

И, как бы в оправдание, она добавила про себя, будто обращалась к оппоненту из этого сословия на очередных открытых дебатах:

«А чем плох удел травера? Разве это слово не происходит от французского «травайе», «рабочий»? Разве не означает оно «потомок поздних поселенцев», «наемный работник» или «неприсоединившийся делец»?

Я могла бы стать членом какого-нибудь семейства из кланов, породнившись с ним через брак. И это было бы лучше всего».

Точно так же Сандра могла бы получить промежуточный титул Последователя, связав себя узами крови с семейством, владевшим долей заповедного имущества, которая давала

право на партнерские отношения с хозяином угодий. Но ей было неловко делать реверансы перед высокопоставленными людьми, когда-то бывшими наперсниками ее детских игр.

А вот приобщившись к кланам (не обязательно к сонму сиятельных землевладельцев, скорее уж к промышленникам, ученым, деятелям культуры или служащим по связям с общественностью в какой-нибудь корпорации), она могла бы пустить на своей планете глубокие корни и наверняка обеспечить детям прочное положение.

На экране в машине возникло изображение Эрика.

— Матушка! — вскричал он. — Ты слыхала? Знаешь, что... Я сейчас... и... и...

— Не занимай линию, — перебила Сандра. — Брэйд может выйти на связь в любую минуту.

Эрик был обручен, и Сандра надеялась, что у нее будут внуки, поэтому она добавила:

— Ты бы лучше позаботился о Лорне и отвез ее в безопасное место. Ведь сам ты, осмелюсь предположить, захочешь остаться в Крепости.

— Да... я... я буду в Сапфировой Палате.

Изображение исчезло.

Машина неслась, с ревом рассекая воздух фонарем кабины. Сандра выпрямилась и поудобнее устроилась в кресле. Что проку жалеть? Она такая, какая есть. Да неужто она и впрямь сетует на это? Кому-то ведь надо держать бразды правления государством. А она, вероятно, справляется с этим лучше, чем кто-либо другой, хотя бы в силу одного лишь опыта.

«Держитесь, — мысленно обратилась Сандра к тем, кто ждал ее прибытия. — Я скоро».

На горизонте возник Звездопад, сперва черной полоской на фоне яркой глади Рассветной бухты, а потом, когда Сандра пошла на снижение, полоска превратилась в дома, улицы, парки, набережные, памятники столь любимой ею старины. Вон мэрия — исполненное достоинства здание из

красного кирпича. Рядом — тонкий шпиль собора Святого Карла. А вот отель «Зевс», вознесшийся над бульваром Феникса. Цветы, будто знамена, обрамляли изваяние Элвандера на Прибрежной Пустоши. На площади Конституции было полно машин, а в уличных кафе — битком народу. Сандра разглядела Сапожную улицу, на которой стояла таверна «Приют разведчиков». В юности она захаживала туда выпить, поболтать, попеть песни, следуя примеру своих многочисленных предшественников... Впереди маячил холм Паломников. Над Сигнальной Станцией зависла полицейская летающая машина. Сандра передала свое имя световыми сигналами и направилась к герцогской посадочной площадке на крыше. Ей стало невыносимо больно при мысли о том, что город может в мгновение ока погибнуть в пламени ядерного взрыва.

Гербовый зал был просторен и строг; стены украшали лишь гербы и девизы кланов. Они были цветные, но вся эта пестрота очень скоро переставала восприниматься сознанием, потому что в совокупности гербы выглядели безлико. Зал располагался на верхнем этаже, и окна смотрели прямо в небо. Отсюда была видна длинная полоска заката, кусочек океана. Мимо окна пролетел орнитоид.

Но когда Сандра села за свой стол, зал показался ей маленьким, уютным, теплым, хотя дальний его конец был погружен во мрак.

Половину той дальней стены занимал трехмерный экран. От изображения, казалось, веяло холодом, пронизывавшим до самых костей. Бабурит на экране не был ни карликом, ни какой-нибудь, причудливой диковиной. Напротив, это было изображение ликующего гиганта. Кроме него в кадре виднелся уголок корабельного отсека. Корабль висел над городом на стационарной орбите и посылал вниз узкий луч. Приборы и обстановка отсека были слишком чужды и непонятны, и Сандра даже толком не разглядела их.

Существо на экране окутывал красноватый сумрак, в котором мельтешили какие-то тусклые фигуры.

— Слушайте нас внимательно, — произнесло переговорное устройство. — Мы представляем Имперское Кольцо Сиземы и объединенную расу.

Война между Автархией Бабура и Солнечным Содружеством неизбежна. По нашим разведданным, Содружество попытается захватить систему Майи. Совершенно очевидно, что ваши ресурсы представляют огромную ценность для флота, воюющего вдали от своих баз. Тем более что Гермес — планета земного типа. Здесь нетрудно построить базы, производить ремонт и пополнять боезапас, вымывать из систем жизнеобеспечения кораблей накапливающиеся там токсичные вещества. Личный состав может отдыхать и лечиться здесь, а среди населения, вероятно, найдутся новобранцы для подкреплений. Имперское Кольцо не может этого допустить.

— Мы соблюдаем нейтралитет, — ответила Сандра, соединив ладони и плотно сжав их. Ладони были влажными от испарины, а пальцы словно заледенели.

— Мы не намерены уважать ваш нейтралитет, — заявил бабурит. — Имперскому Кольцу необходимо остановить Содружество и учредить свой протекторат. Слушайте нас внимательно. Подразделение флота, которое, как в должное время скажет вам адмирал, значительно превосходит силой весь ваш флот, сейчас заняло позиции на дальних подступах к системе Гермеса. Ему поставлена задача не пропустить сюда силы Содружества. Вы окажете содействие этому подразделению. Команды составлены в основном из существ, дышащих кислородом, и они будут базироваться на Гермесе. Мы ручаемся за их корректное поведение, но любое враждебное действие против них повлечет за собой суровое возмездие. Вы будете держать связь с ними, равно как и с командованием бабуритов, через нашего военного уполномоченного. Ведите себя должным образом, и вам не будет нужды чего-либо бояться. В системе Майи нет ни одной

планеты, пригодной для устройства поселения бабуритов. Вы так не похожи на нас, что возникновение споров и трений крайне маловероятно. Вам бы следовало бояться империалистов из Содружества, от которых мы вас защитим.

Сандра приподнялась со стула.

— Но мы не нуждаемся в вашей защите, — сказала она и хотела добавить еще пару ласковых слов вроде «грязный червяк», но осеклась.

— Нужно, чтобы вы согласились, — ответил ей бесчувственный голос. — Если вы окажете сопротивление, Имперское Кольцо понесет потери, но вы лишитесь всех своих вооруженных сил. И тогда Гермес не будет иметь защиты от космической бомбежки. Подумайте о благе вашего народа.

Сандра снова села.

— Когда вы намерены прибыть? — шепотом спросила она.

— Мы отправимся в путь, как только закончится этот разговор.

— Нет, подождите. Вы не понимаете. Я не могу приказывать всей планете, я не облечена диктаторской властью...

— У вас будет время для убеждения. Корабли Имперского Кольца должны развернуться в порядок, коль скоро они не могут идти на гиперпространственной тяге во внутренних районах планетной системы. Вам дается время, за которое ваша планета совершает четыре оборота, потом ваш флот должен сдаться, а вы — принять первые оккупационные войска.

Засим последовало продолжение: горячие протесты и ледяное «вынь да положь», мольбы и отказы, бесконечный мелочный торг, гнев и отчаяние, наталкивавшиеся на непоколебимое спокойствие. Но на все это ушло гораздо меньше времени, чем если бы переговоры вели два человеческих существа. Бабурита просто не интересовали такие вещи, как уважительные формулировки, стремление сохранить лицо, право выбора, взаимные уступки. Вероятно, все могло быть иначе, не будь между двумя расами такой непреодолимой

пропасти. Сандре вспомнился сианопс на краю обрыва, собаки и охотники.

Когда экран наконец опустел, она ненадолго смежила веки, а потом созвала кабинет министров, чтобы показать видеозапись и, возможно, получить какой-нибудь совет.

Эрик Тамарин-Асмундсен мерил шагами гостиную в апартаментах матери. Сандра приглушила освещение и оставила открытой стеклянную дверь, выходившую на балкон. Стоял дивный вечер. В небе висели две почти полные луны, на лужайках и кронах деревьев блестела роса, холодный воздух был напоен благоуханием далецвета и наполнен трелями тилирры. За садовой оградой, в неярком зареве над городом виднелись несколько пирамидальных крыш. Фары пролетавших над головой машин сверкали, будто разноцветные светлячки.

Эрик вышагивал по ковру, сердито топая сапогами.

— Мы не можем просто сдаться, — в десятый раз пылко повторил он. — Иначе навеки угодим в рабство.

— Нам обещают самоуправление, — напомнила ему сидевшая в кресле Сандра.

— А чего стоит это обещание?

Сандра глубоко затянулась сигарой. Дым драл горло: последние несколько часов она слишком много курила.

— Не знаю, — бесцветным голосом проговорила она. — Но не представляю себе, с чего бы вдруг бабуритам интересоваться нашей внутренней политикой.

— И ты собираешься сидеть сложа руки, пока не выяснишь это?

— Мы небоеспособны. Майкл считает, что у противника подавляющее численное преимущество. Зачем же это бессмысленное убийство своих и чужих?

— Мы можем организовать партизанское движение.

— Партизанам придется заботиться только о том, как бы выжить самим.

Сейчас на Гермесе был только один континент, Великая Земля, такой огромный, что почти все его глубинные территории представляли собой пустыню, где летом стояла немилосердная жара, а зимой — стужа.

— Хуже того, они навлекут кару на всех остальных, — продолжала Сандра. — И им никогда не победить хорошо вооруженные войска на поверхности, не говоря уж о кораблях, пускающих ракеты с орбиты.

— О, конечно, в одиночку нам не освободиться, — Эрик рубанул рукой воздух. — Но разве ты не понимаешь? Если мы ляжем им под ноги, если сами начнем топтать себя, позволив нашим заводам работать на них, объединив наш флот с их флотом, то почему Содружество должна волновать наша судьба? Оно может оставить нас под пятой Бабура, если это будет частью сделки. А вот став их союзниками, пусть и совсем незначительными...

Сандра кивнула:

— Поверь мне, я уже давно обсуждала это с членами Совета. Я не осмелюсь приказать Майклу увести наши корабли. Их перехватит эскадра бабуритов, и нашим придется прорываться с боем.

Эрик стал как вкопанный.

— Гермес не будет нести ответственности, если Майкл и его люди нарушат твой приказ, не так ли?

Несколько секунд Сандра смотрела ему в глаза.

— Между мной и адмиралом существует взаимопонимание, — сказала она наконец.

В сознании Эрика будто сверкнула вспышка.

— Что?

— Мы с ним не обменялись ни одной неосторожной фразой. Пожалуй, мне лучше больше ничего не говорить даже тебе.

— Ты тоже отправишься! — закричал Эрик. — Правительство в изгнании, о Святая Троица!

— Долг повелевает мне остаться здесь.

— Нет.

Сандра тяжело опустилась на стул.

— Эрик, дорогой, меня уже выжали досуха. Не дергай меня больше. Ты должен идти к Лорне.

Эрик уставился на крупную женщину, которая сидела вполоборота к нему и глядела в ночь. Наконец он сказал:

— Ладно. Понимаю. Ну а ты поможешь Лорне простить меня?

Сандра устало кивнула.

— Я знала, что ты захочешь присоединиться к флоту, и не буду умолять тебя, — тихо ответила она. — Ты — мой сын.

— И сын своего отца.

Сандра покачала головой. По губам ее пробежала тень улыбки.

— Он бы не бросился очертя голову щеголять воинской доблестью. Он бы сидел на месте и плел заговоры до тех пор, пока бабуриты не пожалели бы, что вообще покинули свою планету. — Тут спокойствие изменило ей.

— О, Эрик! — Она бросила сигару и, поднявшись, протянула руки к сыну. Говорить было больше не о чем. Они стиснули друг друга в объятиях, потом Эрик поцеловал мать и ушел.

Он не стал брать герцогскую космическую яхту, а воспользовался своим челноком, которому с горем пополам удалось догнать гермесские корабли. Они уже набирали скорость, выходя из планетной системы. Адмирал Фэлкейн не стал приглашать Эрика на борт «Альфы Лебедя», а послал его на броненосец «Северная Атлантида». Это оказалось весьма разумно.

Как можно было без труда предсказать, вскоре они встретили те из бабуритских кораблей, которые были ближе и могли перехватить их. Гравитационное поле Майи не давало возможности без риска перейти на гиперпространственную тягу.

— Продолжайте движение в прежнем направлении, — приказал Фолкейн. — Этот бой будет единственным. Открывайте огонь, не дожидаясь приказа.

Капитан «Северной Атлантиды» любезно разрешил Эрику находиться на мостике при условии, что наследник престола станет хранить молчание. Это был приказ, сковывавший не хуже любых цепей. А вскоре, когда вражеские силы пошли на сближение, Эрик почувствовал и плетку.

Вокруг, куда бы он ни посмотрел, сияли тысячи звезд. Млечный Путь, будто пенная полоса, опоясывал небосвод; где-то далеко тускло сияла туманность, носившая в чреве своем солнца и миры. Поблескивали таинственные галактики Магеллановых облаков-и Андромеды. Но это была только половина действительности. Вторая, совсем не похожая на первую, была жестка и сурова: тихое биение двигателей, шуршание вентиляторов, люди, порабощенные приборами и рычагами управления, мокрая и зудящая от пота кожа, шепот: «Они первыми пустили снаряд. Должно быть, его отразила ракета с «Кадусея», короткий проблеск пламени вдали.

Кинетические скорости двух эскадр были слишком высоки, и их не удалось уравнять во время первого захода. Флоты смешались, обмениваясь залпами, и это продолжалось несколько минут. Потом дистанция стала чересчур большой для прицельного огня. Эрик увидел безобразную распускающуюся розу в том месте, где ракета с его корабля настигла очередного противника. Остальные взрывы были далеко, за сотни километров, и с борта броненосца виднелись только тусклые искорки. А энергетический луч, поражающий цель, был и вовсе невидим.

Капитан броненосца сидел, будто изваяние, и слушал доклад офицера, проводившего анализ боя. Тот вещал трескучим хриплым голосом:

— Сэр, почти все их удары нацелены на «Альфу Лебедя». Должно быть, они надеются подавить его защитные поля.

— Этого я и боялся, — глухо ответил капитан. — Наш единственный линкор. Естественно, бабуриты хотят остановить его, а не заниматься битьем мух вроде нас.

— Если мы с хорошим ускорением пойдем в ту сторону, то сможем перехватить несколько предназначенных ему ракет, сэр.

— Нам приказано держаться своих векторов. — Лицо капитана оставалось совершенно бесстрастным, но он бросил взгляд на Эрика. — Самое главное — увести хотя бы несколько наших кораблей.

Офицер сделал глотательное движение.

— Есть, сэр.

Спустя несколько минут поступило сообщение о том, что в «Альфу Лебедя» угодила боеголовка. Больше с линкора не передали ни слова, но в той стороне вспыхивал один огненный шар за другим: системы перехвата и защитные экраны линкора были выведены из строя, и бабуриты, даже отступая, могли превратить его корпус в пыль и шлак.

Капитан «Северной Атлантиды» в упор посмотрел на Эрика.

— Полагаю, вы наш новый главнокомандующий, сэр, — сказал он.

— Так держать, — ответил сын Герцогини, подавляя стон.

Битва стала угасать, и в конце концов эскадра Гермеса отважилась перейти в гиперпространство. Датчики показали, что неприятель не бросился в погоню. Поскольку все их внимание было сосредоточено на линкоре, бабуриты тоже понесли потери, и их флот временно утратил численное превосходство. Дивизионы их армады разлетелись слишком далеко, и пытаться преследовать гермесцев не имело смысла. Кроме того, бой на сверхсветовых скоростях требовал довольно мудреных маневров: надо было подойти борт к борту и уравнять фазы, но ради уничтожения какого-то корабля не стоило этим заниматься. Надо было еще надеть ярмо на шею Гермеса.

Эрик поднялся, чувствуя боль в каждой мышце.

— Следуйте полным ходом к Солнцу, — приказал он. — Всем приготовиться выслушать мое обращение. — Юноша кисло улыбнулся. — Пожалуй, сейчас мне следовало бы поговорить с ними, не так ли?

Эта битва стоила жизни Майклу Фолкейну, старшему брату Дэвида. Вот уже два года, со дня смерти их отца, Майкл был главой рода Фолкейнов.

Глава 11

«Через пень-колоду» на полной скорости пересекал ничтожный, мало-мальски исследованный участок нашей Галактики. Поэтому он прибыл на Землю почти одновременно с первыми гонцами, которые принесли весть о разгроме экспедиции к Обители Мрака. Ее оставшиеся в живых участники притащатся домой только через две недели, если не больше. Служба управления движением много часов продержала «Через пень-колоду» на орбите, но экипажу удалось снестись по радио с Николасом ван Рийном.

— Буду встречать вас на Ронге, — сообщил торговец, но больше почти ничего не сказал, поскольку переговоры наверняка прослушивались.

Осознав вероятность войны, чиновники, отвечавшие за космическую безопасность, похоже, насмерть перепугались. Но все-таки в конце концов дали разрешение на посадку. И корабль, и его капитан могли приземлиться в любой точке планеты, где была пригодная для этого посадочная площадка. «Через пень-колоду» направился к одному из атоллов в южной части Тихого океана.

Пейзаж, если смотреть на него сверху, был невероятно красив. Вода блестела, отливая тысячей оттенков голубого и зеленого; подернутые рябью просторы искрились на солнце, коралловое ожерелье острова было окружено серебристой пеной прибоя, а за изогнутой линией рифов лежала похожая на аметист лагуна. На западе виднелась высокая гряда

облаков, их девственная белизна оттеняла морскую лазурь. На севере, на юге и востоке небосвод был ясным и светлым.

«На Земле теперь почти не осталось таких мест, — мельком подумал Дэвид Фолкейн. — Не честолюбие, не любовь к приключениям, а тоска по тому покою, который сохранился только в нашей генетической памяти, — вот что, наверное, гонит нас во Вселенную».

Посадочные опоры легко и мягко коснулись мощеной поверхности летного поля. Открылся главный люк, опустился трап. Фолкейн замешкался, и Чи Лан, прошмыгнув у него между ног, первой спустилась на землю; подпрыгнув высоко в воздух, она стремглав бросилась к ближайшему пляжу и принялась кататься по теплому белому песку. Дэвид пошел следом. Он двигался чинно, но лишь до тех пор, пока не увидел, кто прибыл встречать его. А увидев, тоже помчался во все лопатки.

— Дэви, о, Дэви!

Койя бросилась к нему, и они слились в поцелуе на целую минуту или больше. Эдзел тихонько прошествовал мимо. С шелестом набегали на берег волны, кричали морские птицы.

— Я пытался дозвониться до тебя после разговора с боссом, — пробормотал Фолкейн. Все-таки слова были никуда не годным средством выражения радости при встрече.

— Он связался со мной и велел ехать сюда, — ответила Койя, блаженно прильнув к мужу.

— Как наши Хуанита и Икс?

Все эти недели, пока его не было, Дэвид чувствовал, как в ее чреве растет дитя, а теперь и увидел это.

— Толстая и бойкая на язык. Посмотри-ка туда. Идем, — Койя потянула его за собой.

У края поля стоял ван Рийн, держа за руку свою внучку. Когда вновь прибывшие приблизились к ним, девочка высвободилась, бросилась навстречу отцовским объятиям и, подняв глаза на Эдзела, прощебетала:

— Покатаешь?

Дракон усадил ее к себе на спину, и все направились к дому. Пальмы шелестели на соленом ветру, подслащенном благоуханием жасмина; буйно цвели гибискус и бугенвиллеи.

— С приездом, черт возьми! — зычно воскликнул ван Рийн. — Мы тут все истомились, не знали, то ли вас на котлеты изрубили, то ли еще что стряслось.

Фолкейн остановился. Его ликующую душу будто обдало холодом.

— Значит, вы не получили нашу депешу? — спросил он. — Мы послали ракету из окрестностей Могула.

— Нет, ничегошеньки. Наш банк данных был гол, как зад русалки.

Фолкейн крепче обнял Койю за талию. За время его отсутствия она, должно быть, прошла по девятому, ледяному, кругу ада.

— Я боялся, что она не дойдет, — задумчиво проговорил он.

— Ты хочешь сказать, что ее могли перехватить? — спросила Койя.

— Ja, — прорычал ван Рийн. — Космическая служба, больше некому. Нетрудно понять, что им приказали всю корреспонденцию на мое имя переправлять куда-то еще.

— Но это незаконно! — возмутилась Койя.

— За всем этим, разумеется, стоят «Домашние Компании», и при сложившихся обстоятельствах им чихать, законно это или незаконно. Надеюсь, ты пользовался шифром, Дэви.

— Да, разумеется, — ответил Фолкейн. — Не думаю, что они уже успели разгадать его.

— Нет, но, как ты понимаешь, они не позволили мне получить преимущество, а обстановка хуже поноса. Я был в этом уверен на семь и три десятых... А, вот мы и пришли.

Все поднялись по ступенькам, пересекли веранду и вошли в несколько легкомысленно обставленную комнату, где стоял накрытый стол, ломившийся от яств и напитков.

Чи вспрыгнула на стул, свернулась на нем и затараторила:

— Полагаю, вы слышали о битве, которая разгорается на Обители Мрака. Мы там побывали. Но прежде эти wan-yao jan-qwo chai reng pfs-s-s-t бабуриты упрятали нас за решетку.

В этой фразе, произнесенной на родном языке цинтианки, содержалась краткая оценка всех предков бабуритов, их нравственной и телесной чистоты, равно как и участи, которая постигла бы их, будь на то воля Чи Лан.

— О нет, — выдохнула Койя.

— Погодите, погодите, — скомандовал ван Рийн. — Я решил, что сперва нам надо отведать шнапса, да запить его литровым глоточком пива и закусить спинкой селедки или еще чем-нибудь таким, дабы наполнить трюмы. Ты же не хочешь, чтобы твой новый малыш пристрастился к адреналину, а?

— И эта юная леди тоже, — вставил Эдзел, потому что смех Хуаниты стих, сменившись тревожным молчанием. Эдзел повернулся, снял девочку со своих плеч и принялся перебрасывать с одной исполинской ручищи на другую. Хуанита завизжала от восторга. Родители не роптали, ибо с Эдзелом ребенок был в большей безопасности, чем с любым другим их знакомым, да и с ними самими.

— Ну-с... — что-то мешало Фолкейну безоглядно предаться удовольствиям, — как дела дома?

— Да никак, разве что часовой механизм адской машины уже тикает, — отвечал ван Рийн. — Байард Стори в последний раз попытался втянуть меня в союз с «Семеркой», сиречь сделать ее подчиненным. Я велел ему катиться, и он покинул Солнечную систему. В остальном — только слухи да радиообзоры, авторам которых я бы сделал прививку от истерии.

— Кто такой Байард Стори? — спросила Чи.

— Один из директоров «Галактических проектов», делегат луноградского слета, — ответил ван Рийн. — Нечто вроде рупора «Семерки», но я подозреваю, что он и есть рулевой.

— Хм-м, да, теперь припоминаю. Я случайно увидел его в выпуске новостей, — вставил Фолкейн. — Мне очень понравилось его краткое, резкое и прямое заявление для репортеров, в котором ровным счетом ничего не говорилось. — Он повернулся к Койе: — Ну да ладно. Ты не хочешь рассказать мне что-нибудь интересное, дорогая?

— О, мне предложили контракт с «Грузовыми перевозками Дэнструца», — ответила Койя, назвав одну из независимых компаний в рамках Лиги. Койя уже не занималась торговым первопроходчеством и поэтому работала на дому в качестве компьютерного программиста высокой квалификации. — Они хотели получить оценку своей наилучшей стратегии на случай войны. Она всех приводит в ужас, никто не знает, какие будут последствия, никто не хочет войны, но мы безвольно плывем по течению. Это ужасно, Дэви. Ты представляешь себе, насколько это ужасно!

Фолкейн коснулся губами ее волос.

— Ты согласилась на эту работу?

— Нет. Как я могла согласиться, не зная, что сталось с тобой? Я занималась всякой текучкой, чтобы скоротать время. И... много играла в теннис и ему подобные игры, это помогало засыпать.

Подобно мужу, Койя не верила в успокоительные снадобья.

В какой-то степени не верил в них и ван Рийн. Алкоголь был нужен ему не как костыль, а скорее, как хворостина.

— Пейте вы, слюнтяи! — взревел он. — Или я должен вливать это в вас через капельницу? Вы благополучно прибыли домой, вот что важно. Так радуйтесь же. А потом взгляните на этот заваленный лакомствами стол и набрасывайтесь на них.

Эдзел поставил Хуаниту на землю.

— Пошли, — сказал он. — Сядем в уголке и устроим чаепитие.

Девочка погладила Чи. Цинтианка покорилась судьбе и только помахала хвостом.

И все же они не могли долго делать вид, будто за голубым небосводом не существует вовсе никакой вселенной. Вскоре троица с «Через пень-колоду» уже рассказывала о том, что ей довелось пережить. Ван Рийн слушал внимательно и прерывал повествование гораздо реже, чем Койя, то и дело вставляющая то вопрос, то восклицание. Наконец ван Рийн спросил:

— А это оборудование, которое вы сняли с подбитого корабля? Вам удалось что-нибудь узнать о нем по пути домой?

— Очень мало, — Фолкейн почесал в затылке. — А то, что узнали, сбивает с толку. Почти все, что мы видели и забрали с собой, сделано по чертежам Технической цивилизации, как и следовало ожидать. Но вот некоторые транзисторы... мы не можем представить себе, как их смогли изготовить в водородной атмосфере. Водород выводит из строя полупроводники.

— А может, их делали не на Бабуре, а на каком-нибудь спутнике, — предположила Койя.

— Возможно, — ответил Фолкейн. — Хотя я и не понимаю почему. Существуют же альтернативные транзисторы, не требующие таких ухищрений. Была там и еще одна штуковина, как мы поняли, генератор сдерживающего силового поля. Там применен химический очиститель, работающий при высоких температурах. Это понятно. Но очиститель состоит из окиси меди. При нагревании водород восстанавливает это вещество, и получаются медь и вода. Да, конечно, деталь заключена в чугунный защитный кожух. Но водород просачивается сквозь чугун. Значит, эта деталь ненадежна, и бабуритам приходится заменять ее чаще обычного.

— Плохая конструкция, сделанная второпях, — с лукавой улыбкой предположила Койя. — Эка невидаль.

— Правильно, — согласился Фолкейн. — Однако... Слушайте, бабуритам помогали инопланетяне. Это они согласились признать, а на одном из спутников Бабура мы распознали поселение существ, дышащих кислородом. Помните? Да еще эти наемники со стороны, тоже дышащие кислородом. Очевидно, бабуриты наняли таких пришельцев, чтобы те помогли им в исследованиях, проектировании и при строительстве военной машины. Почему же эти пришельцы не сделали свою работу получше?

Ван Рийн мерил комнату тяжелыми шагами, теребя свою козлиную бородку и хрустя испанской луковицей.

— Гораздо любопытнее узнать, как бабуриты отыскали этих людей и чем оплачивали их труд, равно как и другие издержки, — рассудил он. — Бабур — планета небогатая и не очень населенная, если учесть ее размеры. Не говоря уж о ее промышленной отсталости. Там мало жидкого аммиака, поэтому значительная часть поверхности представляет собой пустыню. Чем Бабур может расплатиться?

— В прошлом они вели кое-какую межзвездную торговлю, — напомнил Фолкейн. — Может, кто-то вступил с ними в контакт, или... Не знаю. Вы правы: их достижения трудно объяснимы с точки зрения экономики.

— А их действия — с любой точки зрения, будь я проклят. Посылая вас туда, я никак не предполагал, что вы попадете в такую передрягу. Нет, я был уверен, что бабуриты поговорят с вами. Быть может, не скажут вам слишком много, но, по крайней мере, проведут переговоры. С их точки зрения, разумнее всего было бы сохранить дружбу с Лигой, коль уж они собрались бодаться с Содружеством. Или, во всяком случае, не наживать в лице Лиги активного врага. Nie?

— Нам показалось... На основе того мизерного контакта, который в. се же был у нас с ними, нам показалось, что бабуриты презирают Лигу. Они наверняка знают, что в ней царят распри.

— Как они могут быть столь непоколебимо убеждены в этом? Мы что, знаем все тайные ходы и выходы их

политики? И почему они не попытаются извлечь выгоду из наших разногласий? Например, бабуриты могли бы заставить «Семерку» и независимых торговцев драться за право вести с ними дела... Если бы только мало-мальски вежливо обращались с их представителями.

— А вы не могли попросту нарваться на какого-нибудь слишком усердного чиновника? — спросила Койя.

Фолкейн покачал головой.

— Вряд ли, если судить по той малости, которую мы знаем о бабуритах, — ответил он. — Похоже, у них вовсе нет такого института. Там не существует иерархии личностей, занимающих те или иные посты. Их главная культура, если не все, построена по принципу переплетения колец. Какое-то количество отдельных существ несет ответственность за определенную часть совместной работы, обсуждая ее между собой. Одно существо может состоять сразу в нескольких таких командах.

— Это помогает свести к минимуму противоречия, — добавил Эдзел, — хотя в то же время, я подозреваю, затрудняет работу воображения и замедляет восприятие нового.

— А значит, они загодя решили сразу бросать в морозилку всех пришельцев, — сказала Чи. — О, у нас было немало времени на всякого рода догадки!

— А вы пытались угадать, какие компании «Семерки» могут тайком поддерживать отношения с Бабуром? — спросила Койя.

— Пытались, — ответил Фолкейн, пожимая плечами. — Если это правда, вряд ли при сложившихся обстоятельствах они станут афишировать такое сотрудничество, верно? «Семерку» без труда можно десятилетиями держать в неведении относительно намерений Имперского Кольца.

— Ты в этом уверен, дорогой?

— Ну а к чему могли свестись такого рода отношения? Редкие наезды одного или нескольких агентов в строго ограниченный район планеты, которая в двадцать два раза превосходит Землю площадью поверхности и имеет гораздо

большую пропорцию пустынь по отношению к другим Территориям.

— И тем не менее, — промурлыкала Чи, — район, в котором разворачиваются сколь-нибудь значительные события, вовсе не обязательно должен быть обширным.

Запищал телефон.

— Kai-yu! — вскричала Чи. — Эта штуковина — жесточайший из всех тиранов, которых вы, люди, когда-либо сажали себе на шею!

— О том, что я здесь, известно только моему старшему секретарю, — сказал ван Рийн и, шлепая по татами босыми ступнями, подошел к телефону. Когда он нажал кнопку приема, аппарат объявил: «Эдвард Гарвер желает лично говорить с вами. Что мне ему сказать?»

— То, что вы могли бы ему сказать от моего имени, совершенно нецензурно, — проворчал ван Рийн. — Ладно, давайте его. Э... а вы отойдите подальше от экрана. Какой смысл просто так раздаривать информацию?

На экране возникли квадратные плечи, лысая голова и физиономия мопса.

— Так вы на Ронге. Там же, надо полагать, и ваш шпионский корабль, — без всяких предисловий заявил министр безопасности Содружества.

— Так вам о нем рассказали? Ха! — отвечал ван Рийн. Он был спокоен, как центр урагана.

— Я отдал приказ о наблюдении, как только узнал о его отлете, — Гарвер сгорбился и подался вперед, словно хотел пролезть сквозь витрил экрана. — Вы уже чертовски давно стали объектом моего особого интереса.

Фолкейн помнил об этом. Но еще лучше помнил Эдзрл, ибо однажды его арестовали после некоего происшествия, участником которого он стал. Гарвер ненавидел ван Рийна еще в те годы, когда служил старшим офицером бюро наблюдения за исполнением законов Лунной Федерации. Отношения ван Рийна с парламентом Содружества еще больше обострили эту ненависть. Чувство было необычайно

стойкое и однозначное. После нескольких случайных и весьма примечательных встреч ван Рийн стал в глазах Гарвера олицетворением всех тех черт Торгово-технической Лиги, которые были ему особенно омерзительны.

— Я хочу знать, где была команда, что она делала и с какой Целью, — заявил Гарвер. — Я звоню вам самолично, чтобы вы знали, что для меня это — личное дело.

— Что ж, можете и впредь хотеть всего, что душе угодно, — ван Рийн лучезарно улыбнулся. — Хоть купайтесь в своих желаниях. Хоть брюхо ими чешите. Хоть пузыри из них пускайте. Хоть букет из них составьте.

Он спрятал руку за спину и согнул палец. Фолкейн, в свою очередь, подал знак Чи и Эдзелу, и те быстро вышли из комнаты. Дэвид остался с Койей. Его друзья и вдвоем могли снять с корабля бортовой журнал и аппаратуру бабуритов (на которую карантинный инспектор не обратил особого внимания, когда давал разрешение на посадку), прежде чем туда нагрянет бригада с ордером на обыск.

На борту останется другой журнал, поддельный. Такая практика была в порядке вещей. А сейчас надо быстро проинструктировать жену и ее деда.

— ...довольно с меня ваших обезьяньих ужимок, — шипел Гарвер. — Полагаю, вам известно об учиненном бабуритами нападении на наши корабли. Это война, ручаюсь вам. Не пройдет и часа, как начнется сессия парламента по многоканальному телефону. Но я и так знаю, за что они проголосуют.

«Я тоже знаю, — с грустью подумал Фолкейн, видя, как к глазам безмолвной Койи подступают слезы. — Конечно, мы не должны бездействовать, когда убивают наших людей. Но неужели надо так торопиться? Что ж, «Домашние Компании» видят в Обители Мрака зону жизненных интересов. Пусть ею владеет Содружество, это будет его космическая опора в борьбе против «Семерки».

— Война станет нашим обрядом очищения, — заявил Гарвер. — Она даст правительству небывалую доселе власть над

свободным предпринимательством. Теперь «Домашние Компании» больше нельзя считать вольными предприятиями. Нет, они — уже частица властных структур. Они ненавидят нас, потому что мы никогда не присоединялись к коалиции картелей и не заискивали перед политиканами и чиновниками. Для них мы — олицетворение Хаоса.

Гарвер опомнился и перестал ораторствовать. С ледяным злорадством он продолжал:

— Около часа назад премьер объявил чрезвычайное положение. По его условиям все космические корабли переходят в ведение моего учреждения. Отныне командовать будем мы, ван Рийн, и ни один корабль не сдвинется с места без нашего разрешения. Я позвонил вам в слабой надежде, что смогу заставить вас осознать всю серьезность положения и понять, что вас ждет, если вы откажетесь сотрудничать.

— Как любезно с вашей стороны сообщить мне об этом, — бесцветным голосом ответил торговец. — Что-нибудь еще? Хорошо, тогда — пи-пи-пи!

Ван Рийн отключил связь. Повернувшись, он сказал:

— Не хватало еще, чтобы он злорадствовал! — ван Рийн подпрыгнул так, что загрохотал пол, и принялся колотить кулаками по воздуху. — Shijt, pis, en bederf![73] — гремел он. — Боже, швырни его в выгребную яму преисподней! О плод кровосмесительства! Пусть он пожалеет о своей подлости! Да чтоб ему знать только четыре англо-саксонских буквы, из которых составлено неприличное слово! Эх-х-х!

Эдзел уже успел вернуться в дом и, поспешно бросив свою ношу, зажал Хуаните уши. Чи прошмыгнула мимо него, держа в руках катушку с бортовым журналом и выискивая, куда бы ее понадежнее спрятать. Койя и Фолкейн прильнули друг к другу. С улицы доносился пронзительный нарастающий вой: две машины центральной полиции показались из-за горизонта и стали заходить на посадку.

---

[73] Дерьмо, дерьмо и гниль! (гол.)

Глава 12

Неужто это и впрямь Земля?

Эрик больше не мог усидеть на месте. Программа, которую он смотрел, была интересная. Местному жителю она, несомненно, показалась бы банальной, но Эрику — весьма экзотической. Однако он был слишком взволнован. Рывком поднявшись с кресла, он широким шагом пересек комнату и остановился у окна.

На Объединенный Рио-де-Жанейро крадучись надвигались сумерки. Эрик разглядывал с высоты плавные линии ярко раскрашенных небоскребов, четкие силуэты Сахарной Головы и Корковадо, блестящие, будто полированные, воды бухты, мост Нитерон, легкий и воздушный, как рисунок на кальке. Внизу, по улицам и надземным эстакадам, двигался стремительный поток машин; вверху летательные аппараты исполняли какой-то замысловатый танец, следуя своими воздушными коридорами. Эрик коснулся кнопки, окно открылось, и он втянул в легкие влажный теплый не кондиционированный воздух. По сути дела, Шум транспорта не долетал до него, но Эрик чувствовал присутствие машин, ощущал неслышимые содрогания чудовищного механизма, очень похожие на пульсацию космического корабля. Само существование такого гигантского города повергало его едва ли не в ужас, особенно теперь, когда Эрик и город смотрели в глаза друг другу.

Эрик крепче сжал правой рукой запястье левой и, как бы бросая вызов этой необъятной громадине, подумал:

«Я тебе не какое-нибудь ничтожество. Я привел сюда большой отряд военных кораблей».

От двери донесся звонок. Эрик повернулся на каблуках, и сердце у него екнуло без всяких на то причин.

— Войдите, — пригласил он. Дверь распахнулась настежь.

За порогом стоял человек в причудливом мундире и с пакетом в руках. Он был приземист и черноволос, как, очевидно, почти все бразильцы.

— Это вам, сэр, — объявил человечек по-английски, но с акцентом. В отеле «Сантос-Дюмон» работал обслуживающий персонал из плоти и крови.

— Что? — озадаченный Эрик подошел к двери. — Кто может мне что-то прислать?

— Я не знаю, сэр. Это пришло по конвейеру несколько минут назад. Мы знали, что вы еще здесь, и подумали, вам захочется тотчас получить.

— Ну что ж... э... благодарю вас, — Эрик взял посылку, завернутую в простую упаковочную бумагу, на которой, кроме его имени и адреса, не было никаких надписей. Человечек еще несколько мгновений потоптался на месте, потом ушел. Дверь за ним закрылась.

«Проклятье! — подумал Эрик. — Может, надо было дать ему денег? Разве я не читал, что на Земле так принято?» Его лицо зарделось.

Так, ладно... Он положил подарок на столик и распечатал, потянув за шнурок. Внутри оказались какая-то коробка и конверт. В коробке лежал новенький костюм, а в конверте — два листка бумаги. На первом было выведено: «Его превосходительству Эрику Тамарину-Асмундсену в знак признательности за его рыцарские подвиги — от члена Объединенного Человечества».

«Кто? Стоп! Вчера, когда я общался с политиками и офицерами, об этом упоминали. Умеренно расистское объединение, которое, естественно, терпеть не может бабуритов. А если учесть, какую огласку получило наше бегство с Гермеса... Хм, еще одна записка. Стоп, стоп, минуточку!»

«Сын мой, прочти это и уничтожь. Вторую записку оставь на виду, дабы удовлетворить любопытство твоих соглядатаев.

Мне не терпится встретиться с тобой для твоего блага и для блага двух наших планет, а возможно, и многих других. Это надо сделать тайно, иначе встреча потеряет смысл. Сейчас могу сказать лишь, что ты и твои люди в опасности и вас могут взять в заложники.

Если есть возможность, отмени все встречи, которые назначил, облачись в присланный мною наряд и в 20.00 по земному времени, а не гермесскому, ступай на стоянку на крыше. Возьми такси номер 7383 и следуй дальнейшим указаниям. Не сможешь сегодня, проделай все это завтра в то же время.

Да здравствует свобода, и к черту все идеологии! Твой отец, Н. ван Рийн».

Засим следовала подпись, похожая на росчерк сейсмографа.

Целую минуту Эрик стоял истуканом.

«Сам старина Ник, — в голове будто работал кузнечный молот. — В космосе о нем ходят легенды, будто он — уже мифический персонаж. Разумеется, я хотел поискать его, но...»

У Эрика заиграла кровь. После изнурительного перелета, настороженного приема, двух напряженных и мучительных совещаний с высокопоставленными землянами, больше похожих на допросы, после интервью для телевидения... еще и это. А почему нет?

Эрика пригласили на обед в Петрополис, в дом гермесского посла. Он мог остановиться там, но у посольства был очень маленький бюджет (коль скоро до сих пор послу было почти нечего делать), и оно не имело возможности принимать гостей. Поэтому правительство Содружества предоставило Эрику его нынешнее жилье. Вполне возможно, тут стоят подслушивающие устройства. Эрика и команды его кораблей держали врозь. Остальных поселили на... как бишь ее? На базе на островах Зеленого Мыса.

Но почему он должен подозревать в чем-то Содружество? Его повсюду принимали если и не восторженно, то, по крайней мере, вежливо.

«Может быть, нынче вечером я что-то узнаю», — подумал Эрик. Он позвонил, сказался усталым и перенес назначенную встречу на следующий день. Прислуга принесла ему бутерброды и молоко. (Земные еда и питье имели немного странный привкус.) Затем Эрик облачился в свои обновки.

Костюм был пышный и цветистый: блестящая голубая туника из вельвила, белые иридоновые чулки, багровая шимерлиновая накидка. Он будет бросаться в глаза даже здесь, где принято носить яркие наряды. Может быть, разумнее было бы оставаться неприметным?

Эрику кое-как удалось скоротать часы ожидания. Стемнело. Точно в назначенное время он вышел из гравилифта и ступил на крышу. Удушливый воздух почти не остыл; весь горизонт был озарен радужными огнями, и казалось, будто город мучает лихорадка. На крыше стояла шеренга такси, а напротив, возле парапета, какой-то человек делал вид, будто любуется местными красотами.

«Может, это соглядатай?» — подумал Эрик.

На бортах обтекаемых, похожих на слезинки машин были начертаны номера. Эрик стоял в самой середине ряда.

«Как же мне сесть в такси, не подавая виду, что я хочу взять именно эту машину? Ага, знаю! Надеюсь, что знаю».

Он немного побродил туда-сюда; накидка развевалась за плечами. Эрик был похож на человека, который толком не знает, что ему делать. Проходя мимо такси под номером 7383, он будто спохватился и взялся за дверцу машины.

Та открылась. Эрик влез и увидел свернувшуюся на полу темную фигуру.

— Тихо, — прошептала она и добавила вслух, обращаясь к автопилоту: — Дворец Любви.

Такси взмыло вверх, заняло воздушный коридор, отведенный ему службой управления, и направилось на запад.

Человек поднялся с пола.

— Теперь хоть сесть можно, — сказал он по-английски. — За нами следят, но с такого расстояния они не смогут заглянуть в окна. — Человек протянул руку. — Встретиться с вами — честь для меня, сэр. Можете называть меня просто Том.

Эрик вяло ответил на рукопожатие. Перед ним был его двойник. Впрочем, не совсем. Одежда была совершенно такая же, телосложение — почти такое же, Лицо — более или

менее похожее, но при беглом взгляде их вполне можно было перепутать.

Том усмехнулся.

— Кое-какой грим я наложил. Подкрасил волосы, подправил тут и там кремом под цвет кожи и так далее, — объяснил он. — К тому же яркий костюм, отвлекающий внимание от лица. Походка тоже важна. Вы знаете, что поступь гермесцев отличается от шага любого землянина? У вас более гибкие суставы. Я вчера весь день разминался.

— Вы... человек ван Рийна? — спросил Эрик. У него пересохло во рту.

— Да, сэр. У него есть несколько человек на подхвате. А теперь, пожалуйста, слушайте внимательно. У Дворца я сойду, а вы пригнитесь точно так же, как я. Там я дам им вволю наглядеться на меня и только потом войду внутрь. Вы тем временем укажете машине: «К яхте». Это не такси, сходство только внешнее. Машина доставит вас к нему. Завтра в шесть часов утра она привезет вас обратно, туда, где буду я. Я сяду, а вы сойдете возле своей гостиницы. И секретная служба будет считать, что вы провели ночь во Дворце.

— А чем... чем я там занимался?

Том заморгал, потом громко расхохотался:

— Весело проводили время с отборными сладкими девицами, отдыхая после долгого путешествия. Не волнуйтесь, я оставлю после себя пышный шлейф побасенок о вашей доблести. Временами мне нравится моя работа, как сейчас, например. Никто вам в этом не признается, на Земле такое считается дурным тоном. Но приготовьтесь самодовольно ухмыльнуться, когда будете жаловаться на усталость, поскольку-де плохо спали.

Отвечать на это не было нужды, потому что Том сказал:

— Ложитесь на пол.

Показался ярко освещенный фасад. Через минуту машина опустилась, Том вылез, и такси снова взлетело.

Вся эта сцена показалась Эрику нереальной. Он прижался лицом к окну и выглянул наружу. Город удалялся от

него — бухта, побережье с многокилометровой полосой величественного прибоя. Машина была над океаном. Прямо по курсу стояла низкая полная луна, бросавшая на волны волшебный свет. Звезд было почти не видно. Вон та, яркая — неужели это альфа Центавра, служившая людям маяком, когда они впервые покинули Солнечную систему? А эти четыре — Южный Крест? Знаменитое созвездие, о котором он столько читал, когда был мальчиком. Созвездия имели причудливый вид, а Майя и вовсе терялась вдали.

Машина накренилась. Эрик увидел кораблик в пустом просторе. Это был парусник с тремя мачтами, хотя подняты были только бизань и кливер. Эрик не помнил, как называли эти суда: на Гермесе не было ни одной прогулочной лодки такого размера. Наверняка у этой есть вспомогательный двигатель ...

Ну что за место встречи? Его выбрали, потому что нужна была полная секретность, но все равно в этом есть некая безумная романтика. И этот свет земной луны. Как это называется? Лунатизм?

Лжетакси зависло у поручней правого борта яхты. Эрик спрыгнул на палубу, ноги глухо ударили по настилу. В воздухе стояла приятная прохлада. Какой-то человек сел в машину, и она пошла вверх, чтобы переждать поодаль, пока не придет время возвращаться.

Тут было несколько моряков, но Эрик сразу же узнал капитана, громадного человека, залитого бледным лунным светом. На нем была простая блуза и лоскут ткани на бедрах; на пальцах блестели бриллианты.

— Мой мальчик! — заревел он и, топая ногами, двинулся навстречу гостю. Он едва не оторвал Эрику руку, пожимая ее, а потом так хлопнул гермесца по спине, что тот зашатался. — Хо-хо! Проклятье, добро пожаловать! За это я поставлю святому Дисмасу столько свечей, что он подумает, что его предают мученической смерти через сожжение в расплавленном воске. — Ван Рийн схватил сына за плечи. — Ja, в тебе есть кое-что от матери, хотя в основном ты — в

меня. У тебя такой же вид, как у меня. Они называют это вымирающей породой. Ну что за веселого Роджера подняли мы с твоей матушкой! Я часто жалею, что был таким ублюдком, и она не смогла долго ужиться со мной. Слишком уж я был шумный. Ну а ты у нас — ублюдок хороший, честный, nie? Идем вниз, поговорим. — Ван Рийн развернул Эрика и погнал вперед.

У двери каюты стояли худощавый мужчина средних лет и беременная женщина помоложе. Ван Рийн остановился.

— Это Дэвид Фолкейн, ты слышал о нем после той заварухи на Датине. Его жена Койя. Эй, что с тобой, jongen[74]?

«Дэвид Фолкейн. Я должен был это предполагать», — подумал Эрик и раскланялся, как было принято у представителей кланов.

— Рад видеть вас, — произнес он положенную фразу, не зная, как ему приступить к сообщению печального известия.

— Вниз, вниз, водка зовет нас, — поторопил его ван Рийн, однако уже не так громко, как в самом начале.

Салон корабля был отделан красным деревом и начищенной до зеркального блеска бронзой. Стол ломился от напитков и холодных закусок. Все четверо уселись, и ван Рийн разлил питье, на удивление искусно для такого порывистого в движениях человека.

— Как чувствовала себя госпожа Сандра, когда ты расстался с ней? — спросил он, еще больше понизив голос.

— Бодрилась, — ответил Эрик.

— Proost![75] — ван Рийн поднял бокал. Остальные последовали его примеру, залпом осушив стаканы ледяной тминной настойки и запив ее пивом. Не отрывая кружку от губ, Эрик вглядывался в лица сотрапезников. У Койи были тонкие черты, хотя и излишне резкие, чтобы ее можно было назвать просто хорошенькой. Лицо Дэвида свидетельствовало о

[74] Мальчик (гол.).
[75] Ваше здоровье! (гол.)

лихом нраве, но сейчас на нем застыло выражениё мрачной задумчивости.

«Стоп, — одернул себя Эрик. — Лучше, пожалуй, мысленно называть его Фолкейном. Похоже, земляне в большинстве своем обращаются к малознакомым людям по фамилии, как траверы, а не по имени, как члены кланов. А Фолкейн уже давно покинул Гермес».

Лицо ван Рийна, которое он прекрасно помнил по документальным фильмам, снятым десять лет назад после событий на Датине, было самым подвижным и в то же время самым бесстрастным.

«Что я о нем думаю? — спросил себя Эрик. — И что должен думать?»

Сандра почти ничего не рассказывала об этом своем давнем увлечении. Она ни о чем не жалела, просто ей не хотелось мусолить прошлое. Сандра вышла замуж за Петера Асмундсена, когда Эрику было четыре стандартных года. Отчим завоевал беззаветную любовь мальчика. Вот почему Эрику никогда не приходило в голову разыскать ван Рийна, да и вообще, он почти не думал об отце до недавнего времени. Это было бы едва ли не отступничество. Но тем не менее это громадное тело дало ему половину генов.

И... будь он неладен, если ему не нравится это приключение!

Фолкейн заговорил. Эрик тотчас вспомнил, какие вести он привез, и радостного возбуждения как не бывало.

— Давайте, пожалуй, сразу приступим к делу. Вас, несомненно, интересует, почему мы с таким тщанием соблюдаем секретность. Что ж, мы могли устроить вам прием при всем народе, но там были бы тайные соглядатаи, которые в придачу не очень заботились бы о том, чтобы их никто не заметил. А так у вас остается возможность сделать какой-никакой, а выбор.

— Я знал, что ты придешь, — добавил ван Рийн, — Еще до твоего рождения, на Диомеде, твоя мать убедила меня в этом.

— Мы не знаем, насколько полными сведениями о Содружестве вы располагаете, — сказала Койя. У нее был приятный низкий голос. — Дело в том, что мы в немилости у нашего правительства.

«Я должен выиграть время и придумать, как сообщить Фолкейну печальную весть», — решил Эрик.

— Пожалуйста, продолжайте, моя госпожа, — попросил он.

Койя обвела взглядом лица мужчин. Они знаками велели ей продолжать, и тогда она заговорила, быстро и немного рассеянно, вероятно, желая скрыть волнение:

— Ну что ж... В самых общих чертах. В Солнечной системе уже давно под разными лозунгами и под прикрытием всевозможных ссылок на общественное мнение муссируется вопрос о том, кто должен стать вершителем судеб — государство, которое в конечном счете прибегает к физическому принуждению, или разношерстная компания свободных личностей, обладающих только экономической мощью... Я понимаю, что все далеко не так просто. Любое руководство, например, может играть на чувствах и делает это, поскольку в глубине души вы прислушиваетесь именно к чувствам, когда делаете выбор между двумя этими формами правления. Он зависит от вашего мировоззрения. Разумеется, эти формы правления смешиваются. К примеру, у вас на Гермесе наблюдается любопытное явление — государство, развившееся из частных корпораций. С другой стороны, в Солнечной системе так называемые «Домашние Компании» стали неофициальной, но вполне ощутимой ветвью власти. По сути, именно им принадлежит основная заслуга в деле укрепления позиций правительства и его вмешательства в жизнь всех и каждого. Правительство, в свою очередь, оберегает «Домашние Компании» от большинства их давних конкурентов и оказывает им разнообразнейшие услуги, если «Компании» просят об этом. — Койя нахмурилась, вперив взгляд в стол. — Это — не результат какого-то там

заговора, понимаете? Просто так уж вышло. Совет Гайаваты... а впрочем, неважно.

— Ты напомнила мне о выпускном экзамене по философии, дорогая, — сказал ван Рийн. — Там задавали только один вопрос: почему? Те, кто отвечал: «А почему нет?» — получали «отлично». Ответившие: «По кочану» — «хорошо», а любой другой ответ приносил «тройку».

Лица осветились улыбками. Койя посмотрела Эрику в глаза и продолжала:

— Должно быть, вы достаточно знаете о Галактической компании специй и спиртных напитков и таких же независимых компаниях и понимаете, почему мы не в чести у тех, кто сидит в Капитолии. Мы не можем пенять на них за то, что они боятся нас. В конце концов, потребовав неограниченной свободы действий, мы потом, чего доброго, натворим дел. Даже само это требование несет в себе угрозу государственности. Когда Гунунг-Туан, то есть мастер ван Рийн, послал моего мужа в независимую экспедицию, потому что начался кризис, это стало последней каплей. Агенты Содружества обыскали корабль, когда он вернулся на Землю, и наложили на него арест. Они не нашли улик, а то бы арестовали Дэвида, хотя он не сделал ничего незаконного. Однако нам, как и всем прочим, запрещено покидать Землю, мы можем улететь только на общественном космическом транспорте. Кроме того, за нами неусыпно следят.

Эрик заерзал и нерешительно проговорил:

— Э... но разве сейчас, когда идет война, ваши интересы не совпадают с интересами Содружества?

— Если вы имеете в виду правительство Содружества, то нет, не совпадают, — ответил Фолкейн. — Как и ваши. Не забывайте, что я тоже гражданин Гермеса.

«А теперь ты еще и первый из Фолкейнов», — подумал Эрик.

— У меня есть кое-какие тайные связи, — добавил ван Рийн. — Поэтому я знаю, что и ты под наблюдением с той минуты, когда приехал. Они думают, ты явился искать

союзника. Хорошо, но насколько тебе можно доверять? В конце концов, любопытство присуще всякому правительству.

— Не беспокойтесь, — посоветовал Фолкейн. — Я уверен, что к вам отнесутся сообразно вашему положению, возможно, воздадут такие почести, которые вы сочтете излишними. Мы не станем просить вас совершить какие-либо изменнические действия. Сейчас я еще и сам не знаю, о чем мы вас попросим. Возможно, лишь о том, чтобы вы использовали свое влияние — вы ведь народный герой и занимаете особое положение, — чтобы вернуть нам хоть какую-то свободу передвижений. Думаю, вряд ли вы будете считать нас такими уж страшными злодеями, если вспомните о наших прошлых заслугах.

«Шахтеры Обители Мрака с их необузданными надеждами», — подумал Эрик и кивнул.

— А мы, со своей стороны, попробуем помочь уберечь Гермес от участи пешки в игре, — добавила Койя. — Потому что Бабур и Содружество не станут вести борьбу до полного уничтожения одного из противников. Вряд ли они на такое способны. Помахав кулаками, они вступят в переговоры, и та сторона, которая взяла верх на поле брани, возглавит эти переговоры. Сейчас все вроде бы свидетельствует о том, что клешня бабуритов припечатает к столу руку Содружества, а коммуникации последнего непомерно растянуты в сравнении с коммуникациями бабуритов. За какую-нибудь ежегодную квоту сверхметаллов Содружество вполне может согласиться оставить Гермес под так называемым «протекторатом». Освобождение вашей планеты наверняка не входит в число первоочередных задач Содружества.

«Лорна, — подумал Эрик. — Лорна и наш будущий дом».

— Я хотел бы сделать вот что, — подал голос ван Рийн. — Отправить послания главам независимых компаний и сплотить их, чтобы предпринять какие-нибудь совместные действия. Сейчас у них нет никакого общего руководства, а я

знаю всех их лично. Если ты сумеешь устроить так, чтобы наши люди отправились к ним, это будет coup de poing.

— Coup de main[76], — тихонько поправила его Койя. — Так, кажется.

Ван Рийн взялся за бутылку с водкой.

— Дай-ка я налью тебе еще стаканчик, сын мой, — предложил он. — Впереди у нас длинная ночь.

Эрик согласился, глотнул обжигающей жидкости и, боясь вот-вот утратить присутствие духа, поспешно сказал:

— Да, нам надо многое обсудить и рассказать друг другу, но прежде... Насколько я знаю, это не попало в выпуски новостей, и никто ни словом не обмолвился об этом в беседах со мной и моими людьми, поскольку в пути мы договорились не называть никаких имен, дабы не навлекать кару на тех, кто остался дома. Но... как вы помните, прорываясь в космос, мы потеряли линкор. Им командовал Майкл Фолкейн. Как я понимаю, он был вашим братом, капитан.

Белокурый мужчина застыл как изваяние. Жена взяла его под руку.

— Мне очень жаль, — голос Эрика дрогнул. — Он был доблестным офицером.

— Майк... — Фолкейн потряс головой. — Извините меня.

— Милый, милый, — прошептала Койя.

Тяжелый кулак Фолкейна обрушился на стол. Дэвид заморгал, посмотрел в глаза ван Рийну и спросил бесцветным голосом, неотрывно глядя на старика:

— Вы понимаете, что это значит, Гунунг-Туан? Теперь я — глава семьи и президент имения. И первым долгом обязан заботиться о них.

Глава 13

Ирвин Милнер сказал с экрана:

— Приветствую, ваша милость. Надеюсь, вы здоровы.

---

[76] Подспорье (фр.).

«Да уж ты надеешься, как же», — подумала Сандра. Она коротко кивнула в ответ, но не смогла заставить себя пожелать Доброго здоровья командиру обосновавшихся на планете оккупационных сил Бабура.

Неужели он и впрямь немного напрягся? Сандра повнимательнее вгляделась в его черты. Это был низкорослый коренастый рыжеволосый человек в сером мундире, почти не отличавшемся от униформы самого последнего вояки из его отряда. Милнер родился на Земле, и в его английском сохранился акцент, который, как говорили Сандре, назывался североамериканским. По словам Милнера, он натурализовался на Германии — далекой нейтральной планете — и поэтому, служа Бабуру, не совершал никакого предательства.

Во всяком случае, так утверждал он сам.

— Что вы хотели обсудить, генерал? — спросила Сандра скорее с раздражением, чем с любопытством.

— Необходимые перемены, — ответил Милнер. — До сих пор мы налаживали работу своего протектората. Я имею в виду военную сторону дела.

«Военные корабли на орбите, члены команд которых похожи на людей меньше, чем акулы или волчье лыко. Корабли, готовые сбросить вниз свои ядерные бомбы. А на поверхности планеты — дышащие кислородом наемники — люди, мерсейцы, горзунийцы, донорианцы — искатели приключений, помои Вселенной. Хотя до сих пор они соблюдали дисциплину. Да и не так уж часто мы их видим. Они заняли покинутые базы наших кораблей, отель «Зевс» и еще несколько зданий в разных концах Звездопада. Милнер говорит, что они покинут город и станут гарнизонами во всех населенных уголках Гермеса. Он не смог вразумительно объяснить мне, зачем это нужно: ведь кружащие над нами корабли вполне способны заставить нас вести себя кротко».

— Это будет делаться и впредь, — продолжал Милнер. — Но теперь мы готовы и к созданию... э... прочной основы для жизни. Уверен, что ваш народ понимает: мы не можем защищать его, не получая ничего взамен. Вам придется взять

на себя часть трудов: производство на ваших заводах всего необходимого нам, поставки продовольствия и иных сельскохозяйственных продуктов. Вы наверняка понимаете, что я имею в виду, мадам. — Он противно осклабился. — Я уже говорил вам: нападение ваших кораблей на наши, невыполнение приказа... Да, да, это не ваша вина, мадам. Но если уж у вас на флоте столько смутьянов, сколько же их среди штатских? Может начаться саботаж, шпионаж, пособничество вражеским лазутчикам и их укрывательство. Нам надо принять меры предосторожности, не так ли?

Он умолк.

— Продолжайте, — сказала Сандра. Голос звучал будто издалека. Женщина напряглась в ожидании удара.

Первые несколько дней оккупации прошли в жутком спокойствии. То ли люди были слишком ошеломлены и по инерции бездушно занимались своими повседневными делами. А может, будничная жизнь продолжалась: люди учились, отдыхали, занимались любовью, даже смеялись, будто ничего особенного не произошло? Сама Сандра с удивлением обнаружила, что по-прежнему способна отдавать должное вкусной еде, интересоваться тем, как ее любимую лошадь угораздило захромать, с любопытством слушать разные забавные мелочи, попадающие в выпуски новостей.

То, что лишь немногие обитатели планеты вообще видели захватчиков, тоже, несомненно, сыграло свою положительную роль. К тому же Сандре было приятно думать, что и ее речи оказали соответствующее воздействие. Сначала она выступала по парламентской трансляции, обращаясь к законодателям планеты и президентам имений, а потом — по общедоступному телевидению.

«Выбора у нас нет. Только бессмысленная гибель наших детей... Мы вынуждены уступить и будем молиться, дабы в конце концов справедливость восторжествовала... Наши предки вступали в дикие уголки, где жили почти неведомые им существа; многие из них приняли мучения или смерть, но в конце концов они одержали победу. В этот час мы

должны быть достойны их. Осторожность... Терпение... Стойкость...»

— Нам придется сделать все, чтобы обеспечить наше длительное присутствие, — сказал Милнер. — Сейчас я — простой солдат. Мне неизвестна расстановка сил в вашем обществе. Но я знаю, что здешняя жизнь не похожа на жизнь любого другого человеческого поселения. Поэтому мы привезли сюда верховного комиссара. Он и его штат будут работать в тесном взаимодействии с вами, дабы облегчить... э... передачу полномочий и провести необходимые преобразования. Он уроженец Гермеса, мадам, понимаете? Его зовут Бенони Стрэнг.

«Стрэнг? Не из Тысячи Семейств. Возможно, Последователь, хотя и это сомнительно, — подумала Сандра. — Иначе я наверняка вспомнила бы. Тогда, должно быть, он...»

— Он прибыл сегодня и хотел бы как можно скорее встретиться с вами в неслужебной обстановке, — продолжал тем временем Милнер. — Ну, познакомиться, показать вам, что это и его планета и что он всем сердцем желает ей блага. Когда вам будет удобно, мадам?

«А они очень любезны с пленниками, не правда ли?»

Поджидая Стрэнга, Сандра преодолела вершину холма Паломников и прогулялась до Старой Крепости в сопровождении одной из своих собак. Теперь в каменной твердыне размещались только архивы и музей, а в окружавшем ее английском парке никого не было. Сандра ступала по посыпанным щебнем дорожкам, и шаги ее в тишине звучали на удивление громко.

Клумбы и живые изгороди образовывали хитрый лабиринт вокруг росших тут и там деревьев. В большинстве своем растения уже отцвели; на фоне зелени выделялись только багровые долинники, маленькие белоножки, кусты, на которых вызревали ярко-лазурные небесные ягоды, первые желтые и багряные листья берез и осин. В подернутом дымкой небе висела тусклая Майя. Воздух был мягкий, чуть

терпковатый. Над головой шелестели крылья перелетных птиц. Осень в окрестностях Звездопада нежная, хоть город и расположен в высоких широтах: ось Гермеса наклонена под меньшим углом, чем земная. У подножия холма поблескивала река, крыши и башни города тянулись на восток до самой бухты, но на западе почти сразу начинались пашни и пастбища, за которыми маячила призрачная вершина Облачного Шлема. Сандра почти не видела машин, а шума моторов не слышала вовсе. Казалось, сегодня весь мир соблюдал нечто вроде дня субботнего.

Но на самом деле работа продолжалась, и уж силы разрушения отнюдь не предавались праздности. Вскоре ей предстояло вернуться к себе и начать выторговывать для своего народа хоть какие-то вольности. Она вспомнила, что, когда они с Питом попали в передрягу в Ручье-Свистуне, была та же пора и стояла точно такая же погода. Пит… Мысленно Сандра вернулась назад, на двадцать два гермесских года в прошлое.

Это было вскоре после их знакомства. Тот час, когда либо Петер, либо она сама (они никогда не знали толком, кто именно) заговорит о женитьбе, еще не настал. Но тем не менее встречались они часто и подолгу бывали вместе. Петер предложил Сандре отправиться с ним провести время на свежем воздухе. Оставив Эрика с бабушкой, Сандра полетела на северо-восток, прочь от Ветреного Кряжа, через долину Аполлона, к Брайтуо-теру, что у подножий Грозовых гор.

Брайтуотер не принадлежал Петеру. Асмундсены были Последователями Рюнебергов, род которых владел землями не только здесь, но и на прибрежных равнинах, да и в других местах тоже. Тем не менее уже не одно поколение Асмундсенов жило в поместье под названием Брайтуотер; они были управляющими медными рудниками и горно-обогатительными фабриками — единственным промышленным производством в тех местах. Петер с удовольствием отдал эту

работу на откуп своему старшему брату, а сам открыл собственное дело и занялся исследованием планет системы Майи и разработкой их богатств. (Имение, понятное дело, получало от этого долю прибыли, но ведь оно же первым и вложило деньги, когда Петер убедил президента и советников, что это хорошая мысль.)

Семейство радушно приняло Сандру; поначалу гостье оказывали сообразные ее положению знаки внимания, но вскоре они сменились проявлениями свойской теплоты и радости. Повидав за время странствий немало культур, Сандра стала замечать вещи, которые прежде приняла бы как нечто само собой разумеющееся. К примеру, полное отсутствие какого-либо раболепия. По праву рождения каждый взрослый Асмундсен имел один голос во всем, что касалось ведения дел в имении, а каждый Рюнеберг имел десять голосов. Ну так что с того? Их права так же нерушимы, они тоже могут пользоваться наследственными льготами, эксплуатировать эти изобильные земли и не обязаны исполнять утомительных повинностей по отношению к соседним имениям; если одно из них попадало в беду, обязанность собирать все необходимые средства и оказывать помощь лежала на президенте и его кровных родственниках. По сути дела, Асмундсены занимали по отношению к Рюнебергам такое же положение, какое Рюнеберги — по отношению к любому главе государства, избранному законодателями из рода Тамаринов. Со временем Сандра все острее осознавала эту зависимость и часто ловила себя на том, что не знает, кому она завидует больше — кланам или Последователям.

В тот надолго запомнившийся ей день они с Петером взяли лошадей и отправились к Ручью-Свистуну. Так называлось подселение фабричных рабочих. Пит и Сандра собирались посетить завод и после позднего ленча возвратиться домой. Ехать было приятно, тропа тянулась вдоль горных кряжей, сбегала в маленькие долины, поросшие лесом, зелень которых уже была разбавлена золотистыми, бронзовыми, черепаховыми, аметистовыми, серебряными тонами;

путь лежал по берегам торопливых ручейков, по лугам под сводом небес. Петер и Сандра ехали большей частью в молчании, которое скорее помогало, чем мешало общению. Но около часа Пит изливал ей душу, делясь кое-какими своими тревогами. Великий Герцог Роберт, старый и дряхлый, поначалу интересовался его мнением по некоторым вопросам, связанным с межпланетными проектами, но потом стал расспрашивать Петера и о многом другом. Петеру не хотелось брать на себя роль серого кардинала. Сандра в меру сил попыталась неуклюже заверить своего друга, что его просто считают весьма ценным советником, а про себя решила, что, если ее вдруг изберут наследницей престола, она никогда не позволит Петеру уклоняться от этих обязанностей.

Они и сами не заметили, как оказались в городке, потому что тут не было ни пригородов, ни прилегающих сельскохозяйственных угодий. Через город проходила только одна дорога, которая вела к руднику; почти весь транспорт здесь был воздушный. Основу Ручья-Свистуна составляла чистенькая и почти полностью автоматизированная горнообогатительная фабрика, построенная так, чтобы не вредить окружающей среде. Вокруг нее сгрудились лавчонки, жилые дома и общественные постройки, обслуживавшие две-три тысячи обитателей. Над улицами витали ароматы леса.

Сегодня они были непривычно безлюдны.

— Что тут творится? — спросил Пит, гарцуя по улице. Вскоре до них донесся шум, явно производимый людьми: это, был гвалт толпы. Направив коней к его источнику, всадники обогнули угол и увидели маленький парк, в котором стояло человек триста или четыреста. Облачены они были большей частью в одежды без всяких знаков различия и, стало быть, принадлежали к сословию траверов, местного рабочего люда. Некоторые носили погоны Последователей из имения Рюнебергов; эти держались поодаль от остальных, и вид у них был невеселый. Стоявшие по углам сквера полицейские тоже принадлежали к сословию Последователей. По-видимому, тут могли вспыхнуть какие-то волнения.

Дневной перерыв уже заканчивался. Очевидно, сходка будет продолжаться и в рабочее время, и руководство решило посмотреть на это сквозь пальцы. Зачинщики митинга выбрали время с умом: брат Петера был в отъезде, наблюдал за открытием нового рудника.

На платформе грузовика, въехавшего на тротуар, стояла женщина и держала речь, поднеся ко рту мегафон. Сандра уже видела ее в тех выпусках новостей, которые транслировались на Ветреный Кряж, и тотчас узнала жилистую фигуру, мрачное напряженное лицо, костюм военного покроя. Это была Криста Бродерик, травер по рождению, но наследница огромного состояния, которое сколотили ее отец и мать, морские фермеры.

Речь ее звучала пылко и яростно:

«...давно пора положить конец владычеству Тысячи Семейств и их лакеев. Что такое имения, если не закрытые корпорации, акции которых в обязательном порядке передаются по наследству из поколения в поколение? А чем были эти корпорации, если не экспедициями, которые сумели добраться сюда раньше других, а посему захватили себе лучшие земли планеты? А Декларация Независимости? Разве не было ее принятие попыткой избежать демократии, ростки которой уже пробуждались к жизни в Содружестве, попыткой увековечить засилие аристократии, позаимствовавшей у средневековья даже титул главы своего нового государства? А что такое вы, траверы, если не рабочие и дельцы, отрешенные от наследственных привилегий и лишенные права голоса во всем, но тем не менее производящие ту энергию, которой Гермес обязан своим развитием? Что вы такое, если не часть населения, которая не запуталась в тенетах обычаев и суеверий, обладающая той жизненной силой, благодаря которой этот загнивающий мир попадет в век нынешний и приблизится к порогу будущего? Разве вас не сковали по рукам и ногам эти обожатели предков? Как же так? Ведь вы — три пятых населения!

О да, я согласна: приверженцы феодализма коварны. Они нанимают вас, торгуют с вами, не лезут в вашу личную жизнь; время от времени они принимают в свое сословие одного-двух из вас и, самое главное, освобождают вас от налогов. Я частенько слышала, как траверы, мужчины и женщины, заявляли, что вполне довольны нынешним положением дел. Но спросите себя: разве это не изощренная форма рабства? Разве вам не отказывают в праве платить налоги, которые идут на общественные нужды и тратятся по усмотрению ваших демократически избранных представителей? Вас устраивает бездействующее правительство, которое служит погрязшей в упадничестве аристократии, или же вы хотите оставить в наследство своим детям государство — да, назову его содружеством, — которому по плечу любое дело? Ответьте мне!»

Одни слушатели разразились одобрительными возгласами, другие негодующе взревели, но большинство стояло в тревожном молчании. Прежде Освободительный Фронт никогда не посылал оратора (тем более своего предводителя) в Ручей-Свистун. Разумеется, Сандра понимала, что присутствовавшие здесь люди уже бывали на таких вот сходках и слышали похожие речи по телевидению; кое-кто читал и бунтарскую литературу, а некоторые, возможно, заходили в штаб-квартиру движения в Звездопаде. Но сейчас Сандра с пугающей внезапностью осознала непревзойденную силу воздействия такой вот встречи наяву, когда глаза видят говорящего во плоти, уши непосредственно воспринимают голос, а тела плотно прижаты друг к другу в толпе. В человеке просыпается его древний пращур, обезьяна. В голове у нее промелькнула злорадная мысль: быть может, именно поэтому кланы и Последователи так увлекаются пустой показухой?

Повернув голову, Бродерик увидела их с Питом на лошадях. И Пит, и Сандра уже пользовались определенной известностью, и Бродерик знала их в лицо. Она тотчас набросилась на них, заявив с тонкой насмешкой:

— О, приветствую! Смотрите все, кто к нам пришел. Петер Асмундсен, братец вашего управляющего; Сандра Тамарин, возможно, ваша следующая Великая Герцогиня. Сэр, мадам!

Титул Сандры напомнил тем, кто знал об Эрике, что он может в свое время взойти на трон, и тогда ими будет править человек, чуждый им по крови.

— Надеюсь, вас не обидело мое предложение провести кое-какие реформы?

— Нет, нет, — крикнул Пит. — Продолжайте в том же духе.

— Быть может, вы хотели бы ответить?

— Нет, это ваша речь.

Последователи рассмеялись, их поддержала половина траверов. Бродерик сразу поняла, что чары разрушены: и мужчины, и женщины начали поглядывать на часы. В большинстве своем это были искусные технические специалисты, которые не могли долго отсутствовать на своих рабочих местах без ущерба для производства. Теперь, чтобы оживить их интерес, Бродерик пришлось бы начинать сызнова.

— Я рада, что вы здесь, — сказала она. — Мало кто из вашего сословия считает нужным вести споры по вопросам, поднимаемым Освободительным Фронтом. Благодарю вас за это доказательство приверженности чаяниям общества... Вы хотите ответить мне?

Все выжидательно уставились на Пита и Сандру. Охваченная смятением, Сандра почувствовала, что язык у нее будто к нёбу прирос. Казалось, небосвод навалился на нее всей своей тяжестью. В этот миг Пит подал лошадь чуть вперед; свет заиграл на его пышной белокурой шевелюре, глаза заблестели, и он произнес своим зычным голосом, донесшимся до самых дальних закутков сквера:

— Что ж, благодарю вас, но мы здесь — всего лишь гости. Любой, кого интересуют все стороны обсуждаемого вопроса, может отправить факс в редакцию квадропрограмм двенадцатого номера «Уикли метеор» в Звездопад. А потом найти

и прочесть множество книг, стенограмм переговоров и всего, что только душе угодно.

Я же могу сказать лишь одно, нравится вам или нет. Я не думаю, что народовластие или всевластие знати, равно как и любое другое общественное устройство, должны рассматриваться как некая самоцель. Все это — лишь средства достижения чего-то, верно? В таком случае спросите себя: может быть, то, что мы имеем сегодня, хотя бы помогает сделать Гермес пригодным для жизни, а саму эту жизнь приятной?

Если вы обеспокоены, то... Полагаю, почти все вы знаете, что я отвечаю за работы по исследованию и эксплуатации других планет, а не за хищнический грабеж нашей собственной, той, на которой вы живете. Работа эта трудна, а зачастую и опасна, но, если тебе суждено остаться в живых, появляется неплохая возможность разбогатеть, а кроме того — непременно испытать удовлетворение при мысли, что ты сделал дело, которое мало кому по плечу. Нам постоянно не хватает рабочей силы. Я буду рад, если вы пришлете мне по почте заявление о приеме на работу. — Он немного помолчал. — А вот мой брат обрадуется этому куда меньше. Продолжайте ваше собрание! — воскликнул он под общий хохот и увел Сандру прочь.

Потом, когда они, так и не пообедав, ехали через лес обратно, Петер извинился:

— Мне очень жаль. Давай повторим эту поездку как-нибудь в другой раз. Я и понятия не имел, что тут может случиться такое.

— Я рада, что это случилось, — ответила Сандра. — Было весьма занятно. Даже более чем занятно.

«Я кое-что узнала, — вспоминала теперь Сандра Тамарин-Асмундсен. — Может быть, тогда, а может быть, чуть позже я поняла, что люблю тебя, Пит».

Шли годы, Освободительный Фронт набирался сил. Ее правление превратилось едва ли не в постоянные поиски компромиссов. Хотя теперь траверы получили право голоса

при выборах местных властей, Бродерик и ей подобные продолжали твердить, что-де это право сродни кости, брошенной собаке. И им, похоже, удалось обратить в свою веру еще больше народу.

Интересно, каков этот Бенони Стрэнг?

Сандра приняла его в своей комнате для закрытых совещаний, и ее ждал сюрприз. Стрэнг оказался среднего роста, худощавым, с довольно миловидным квадратным лицом, загорелым и украшенным тонкими усиками; чуть тронутые сединой каштановые волосы были зачесаны назад. Мягкие речь и повадка, одежды из дорогой ткани неброских тонов, но сшитые по последней земной моде. Стрэнг поклонился Сандре так, как к тому приличия обязывали травера. (Член кланов пожал бы Герцогине руку, а Последователь отдал бы честь:)

— Приветствую, ваша милость, и благодарю за оказанную мне честь, — произнес он традиционные слова, хотя гермесский выговор уже выветрился из его речи. Должно быть, он много лет прожил вдали от тех Стрэнгов, которые были внесены в городской справочник в разделе «Траверы».

Горло Сандры напряглось, словно для того, чтобы не дать сердцу выпрыгнуть наружу. «Изменник. Изменник». Она с великим трудом заставила себя произнести:

— Садитесь.

И опустилась в свое резное кресло.

Стрэнг сел.

— Как приятно вернуться домой, мадам. Я уже почти забыл, какие тут прекрасные места.

— А где еще вам довелось побывать? — спросила Сандра и подумала: «Я должна узнать о нем все, что только смогу, даже если для этого мне придется улыбаться ему».

— Да мало ли где, мадам. Моя карьера похожа на игру в шашки. Если угодно, я с удовольствием окунусь в воспоминания, но подозреваю, что сегодня вам захочется сразу перейти к делу.

— Да. Почему вы работаете на бабуритов?

— Я не то, чтобы работаю на них, мадам. Я надеюсь, что смогу всеми силами служить Гермесу. Он не всегда бывал добр ко мне, но это — планета моих предков.

— Подвергнувшаяся нашествию!

Стрэнг нахмурился, словно это замечание ранило его.

— Я сочувствую вам в вашем несчастье, мадам. Но Бабур только пытается остановить Содружество. Разведка узнала, что вражеский генштаб разработал и уже начал проводить в жизнь план захвата этой системы.

«Это — только твои слова», — подумала Сандра, но невольно почувствовала сомнение.

— Вряд ли стоит пенять на Бабур за эти воинственные действия, — продолжал Стрэнг. — Да и с вашей точки зрения, это, очевидно, меньшее из двух зол. Бабур не хочет править вами, да и не может. Такая мысль просто нелепа. Самое большее, чего он, вероятно, пожелает, — это какое-нибудь соглашение о послевоенном оборонительном союзе. А вот Содружество все время выражало сожаление, что несколько его колоний отделились от него.

Верно. Наши предки сделали это, потому что они создавали в своих новых домах общества, интересы и философии которых были слишком чужды Земле, Луне или Венере и не вписывались в рамки законов и жизненных укладов, получивших развитие на этих планетах. Содружество не пыталось задавить независимость силой оружия, но многие его граждане считали, что оно должно было это сделать.

— Мадам, — с серьезной миной проговорил Стрэнг, — когда-то я работал ксенологом, изучал планеты типа Юпитера и, в частности, Бабур. Я лучше других людей знаю эту расу и разные ее культуры. Это не похвальба, а чистая правда. Кроме того, как уже говорилось, я — гермесец и патриот Гермеса. Видит Бог, я не безгрешен. Но сделать верховным комиссаром именно меня было разумнее всего. Вот почему я вызвался исполнять эти обязанности.

— И отнюдь не повинуясь какому-то сиюминутному порыву, — насмешливо ответила Сандра. — Должно быть, эту операцию планировали уже давно.

— Совершенно, верно, мадам. В каком-то смысле ее планировали всю мою жизнь. Еще мальчиком, тут, в Звездопаде, я видел, что дела обстоят совсем не так, как следовало бы, и обдумывал способы исправления несправедливости.

Сандру охватил страх, заставивший ее огрызнуться.

— Я потратила гораздо больше времени, чем мне хотелось бы, выслушивая сетования Освободительного Фронта на его горькую долю. Ну а какую сказку расскажете вы?

Стрэнг вспыхнул от ярости.

— Если вы еще ничего не поняли, то, вероятно, не поймете никогда. Неужели вы лишены воображения? Представьте себе, что вы — ребенок, которого запихнули в государственную школу, тогда как дети из кланов получали домашнее образование у лучших учителей планеты. Подумайте о тех, кто мечтал достичь совершенства, увековечить свои имена — и вдруг увидел, что все стоящие земли, все природные богатства и ключевые предприятия принадлежат имениям, кланам и их Последователям, которые в зародыше пресекают любые возможные перемены, поскольку перемены могут лишить их льгот и вынудить жить своим умом. Подумайте о влюбленных, которые хотели пожениться и сделали бы это, если бы не вмешались родители невесты, боявшиеся, что зять-травер подорвет их положение в обществе и не позволит им использовать дочь для заключения выгодного союза... — Стрэнг осекся. С полминуты в комнате царило молчание, потом он снова заговорил, уже спокойнее: — Мадам, оставим в покое справедливость. На Гермесе надобно провести преобразования, чтобы он мог хотя бы сам себя защитить. Это древнее полуфеодальное общество слишком громоздко, слишком недееспособно... и, что самое главное, слишком отвратительно. Бунт на военном флоте и побег на Землю доказали, что даже ваше правительство не может обезопасить себя от дерзких выходок и

непокорности офицерского корпуса, состоящего из представителей знати. Не только по нравственным, но и по чисто житейским соображениям вам следовало бы заручиться преданностью траверов, большинства населения. Но какое дело этому большинству до участи кланов и Последователей? Каково их значение в масштабах планеты? Производство больше не может распределяться между имениями. Его надо объединять на всемирном уровне. Как и систему распределения, суды, полицию, образование, общественные службы и все остальное. А для этого имения должны быть расформированы. Нам нужны не они, а единое население.

Ну а после войны Вселенная полностью обновится. Кончится господство Торгово-технической Лиги. Содружество уже не будет самой сильной державой. Вялые досужие переговоры перестанут служить единственным способом улаживания споров между народами и расами. Гермес либо приспособится к этому, либо погибнет. И я хочу, чтобы он начал приспосабливаться незамедлительно.

Мы намерены совершить здесь переворот, мадам. Надеюсь, что вы и ваша знать окажете нам добровольную помощь. Но революция произойдет в любом случае.

Глава 14

Ханни Леннарт, получавшая от Содружества кредит в год за то, что служила специальным помощником министра по связям за пределами Солнечной системы, обратилась к Эрику с другого континента:

— Вы понимаете, в какое трудное положение поставили нас своим прибытием, адмирал Тамарин-Асмундсен. Мы приветствуем ваше предложение объединить силы. Однако, как вы сами сказали, ваше правительство, которое мы до сих пор признаем, не приказывало вам прибыть сюда.

— Мне уже несколько раз это говорили, — ответил Эрик телефонному аппарату, стараясь, чтобы его слова звучали

как можно суше. Но в голове звенел гневный вопрос: может, ты скажешь хоть что-нибудь стоящее, а, мумия?

Она сказала. Напряжение отпустило Эрика так резко, что это было сродни удару под дых.

— Я звоню вам неофициально, чтобы как можно скорее сообщить о своем решении поддержать вашего посла. Иными словами, согласиться с тем, что, коль скоро правительство Гермеса попало в плен, только те его служащие, которые остались на свободе, способны должным образом представлять свои власти. Надеюсь, кабинет это одобрит.

— Благодарю вас... очень, — выдохнул Эрик.

— На это уйдет по меньшей мере месяц, — предупредила Леннарт. — А ваше дело терпит, поскольку наш флот не тронется с места, пока не получит сколь-нибудь надежных разведданных о численности и местонахождении сил бабуритов. Нам не нужна вторая Обитель Мрака!

— Если верить выпускам новостей, — рискнул Эрик, — изрядная часть ваших граждан не хочет, чтобы флот вообще трогался с места. Они желают мира через переговоры.

Леннарт насупила жидкие брови.

— Да, но они дураки, и это — еще самый мягкий эпитет, которым я могу их наградить. Дураки. — Она вновь напустила на себя деловой вид. — До того, как они согласятся с моим предложением, касающимся вас, я и уполномочена, и обязана определить ваш нынешний статус. Честно говоря, я не понимаю, почему посол Рюнеберг так горячо возражает против того, чтобы вас считали интернированными. Ведь это простая формальность, и к тому же ненадолго.

«Да потому, — подумал Эрик, — что Николас ван Рийн настроил его таким образом». Молодой человек вдруг понял, что выигрывает этот раунд. Но борьба будет долгой, и до победы еще далеко. Поэтому он постарался и соображать, и говорить как можно быстрее.

— Уверен, что он все вам объяснил, сударыня. После войны мы будем нести ответственность перед нашим правительством. Приняв статус интернированных, мы признаем,

что положение этого правительства сомнительно. Но мы не можем и поступить под ваше командование до тех пор, пока вы не признали нас как полноправных союзников.

Леннарт поджала губы:

— Когда-нибудь мне придется изучить ваш мудреный свод законов, адмирал... Очень хорошо. Полагаю, вы хотели бы приступить к неофициальному обсуждению плана присоединения вашей эскадры к нашему военному флоту?

— Плана слияния нашего флота с вашим, если вы не возражаете, госпожа, — ответил Эрик, почувствовав прилив уверенности в себе. — Да, разумеется, но лишь в свободное от забот о благополучии моих людей время. Кстати, их уже, кажется, интернировали, да еще как. Это необходимо прекратить. Мне необходимо письменное заявление, в котором говорилось бы, что мои люди имеют право свободно перемещаться и выполнять любые мирные поручения.

Последовавшие засим препирательства оказались короче, чем предполагал Эрик. Леннарт уступила его требованиям. В конце концов, речь, похоже, шла о мелочах. А правительство Содружества не имело военного опыта и толком не знало, как следует вести себя со своими собственными гражданами. Оно не хотело без всяких на то причин оскорблять гостей с Гермеса, героев дня. Нанятые ван Рийном публицисты неплохо справились со своей, работой.

Наконец Эрик отключил связь, откинулся на спинку кресла и издал тяжелый вздох, а потом и проклятие. Оторвав глаза от экрана на столе, он устремил взор на окно, за которым виднелись зеленые пастбища, полого поднимавшиеся к снегам и тускло блестящему леднику. Его новые жилье и штаб размещались в шале в новозеландских Южных Альпах, куда поспешно перевезли электронное оборудование и аппаратуру связи. При соблюдении необходимых мер предосторожности тут можно было не опасаться лазутчиков и подслушивающих устройств. Богатый «сочувствующий», который предоставил этот дом, был марионеткой ван Рийна.

Но вскоре волна гнева потеснила радость Эрика.

«Торговаться, — подумал он. — Хитрить. Выжидать. Выжидать. Когда же мы вступим в бой? Ради Бога! Ради Лорны». Образ суженой возник перед глазами; он был ярче любого призрака, созданного электроникой, но не обладал способностью говорить. Она была за двести двадцать с лишним световых лет от здешнего ласкового небосвода, под пушками бабуритов, а он даже не смог поцеловать ее на прощание. Он так сжал пальцами авторучку, что она треснула.

Вошел ван Рийн, который подслушивал разговор, сидя в соседней комнате.

— Мы получили то, что хотели, ха? — в голосе его не было ноток радости от только что одержанной мизерной победы. — Я бы кричал «ура» и подбрасывал шляпу, да вот душа к этому не лежит. Мы по-прежнему должны действовать быстро, nie? Давай-ка сразу наметим план.

Эрик заставил себя обратить на него внимание.

— Я уже это сделал, — сказал он.

— Ха! — ван Рийн захлопал своими маленькими черными глазками. — Я и приехал потому, что здесь мы наверняка можем говорить, ничего не опасаясь.

Эрик подавил раздражение. Ему предоставлялась возможность сделать еще один шаг к исполнению своей мечты.

— Я все обдумал, пока ты был в пути. Потом, как мы и надеялись, позвонила Леннарт. Это случилось тотчас после твоего приезда. Тебе лучше потихоньку отправиться вместе со своими агентами в морское жилище на Ронге, якобы отдохнуть несколько дней после всех тех тревог, которые пережил по милости правительства.

Усы ван Рийна задрожали.

— Кто тебе сказал об этом месте?

— Дэвид Фолкейн, — говоря, Эрик чувствовал себя все лучше и лучше. — Помнишь ночь на твоей яхте? Под утро, когда мы вроде уже обо всем переговорили, я поднялся с ним наверх глотнуть свежего воздуха и подождать машину, которая должна была прибыть за мной. Тогда-то он и

рассказал мне о твоих логовах, устроенных на случай нужды. Ронга показалась мне наиболее подходящим местом.

«Но Дэвид рассказал и еще кое-что, — подумал Эрик. — Уже тогда он знал, что надо сделать, и имел ясное представление о том, как добиться желаемого. И сегодня я не только сам по себе. Я исполняю и его указания тоже».

— Так вот, — продолжал он, глядя в выпученные, будто у креветки, глаза собеседника. — Каждый из моих крейсеров несет скоростной катер, снаряженный для межзвездных перелетов. Я лично вызову один из них с орбиты и прикажу сесть на Ронге. Пусть какой-нибудь флотский командир Содружества даст разрешение. Думаю, он просто запросит данные, узнает, что на Ронге есть посадочная площадка для гражданских судов такого размера, и не станет копаться дальше, пытаясь, к примеру, выяснить, кому принадлежит эта площадка. Он не осмелится заставить меня ждать, ты заметил, как высокомерно я разговаривал с Леннарт. Я надеялся, что она даст указание исполнять все мои прихоти.

Чтобы никто не подслушал телефонных переговоров, тебе следует прямо отсюда отправиться к нашему послу. Если надо, подними его с постели и вручи мой приказ о приеме твоих агентов на службу в качестве офицеров военного флота Гермеса. Потом привези их на остров и передай им мой приказ покинуть Солнечную систему в соответствии с дополнительными устными указаниями. Пусть отправляются немедленно. Найди подходящего пилота. Запасов и всего необходимого на катере хватит на несколько недель. Ты сможешь сделать так, чтобы не-люди получили корм, который им нужен?

Не думаю, чтобы у катера возникли какие-нибудь сложности при взлете. Дежурный офицер подумает, что я хочу посетить свои корабли, оставшиеся на орбите. Но как только корабль удалится от Земли, он тотчас направится в открытый космос.

Вселенная большая, и вряд ли его перехватят, если командир знает свое дело. Флот Содружества развернут таким образом, что не может пресечь попытку вырваться в космос. Не то что флот бабуритов на Гермесе.

Эрик усмехнулся.

— Разумеется, я готов выдержать бурю, которая обрушится на меня. Мне будет даже приятно тыкать всем в нос, что-де я не вышел за рамки своих законных прав. Мы не интернированы и пока не подчиняемся верховному командованию Содружества. Я не виноват, что их офицер подумал, будто я намерен отправиться на увеселительную прогулку. Я не обязан отчитываться в том, какие приказы отдаю своему личному составу, хотя, по правде говоря, я поступил бы вполне разумно, послав разведчиков, чтобы они посмотрели (оставаясь на почтительном расстоянии), как идут дела на Гермесе. Да, эта заварушка, похоже, станет моим первым развлечением с тех пор, как ты тайком вывез меня из Рио.

Несколько мгновений ван Рийн стоял, будто истукан. Потом воскликнул:

— Ох-хо-хо-хо! Да уж, ты — мой сын, это точно. Щепка со старого пня. Ja, в тебе воплотились все выкладки Менделя! Дайка я отыщу бутылочку «дженеверы», которую велел привезти вместе с конторским оборудованием, и мы выпьем до дна за погибель врагов наших!

— Потом, — ответил Эрик, испытав теплое чувство. — Хоть мне и не терпится нализаться вместе с тобой... папа. Но сейчас надо действовать. Ты говоришь, что никто не мог выследить тебя по пути сюда, и я в это верю. Тем не менее, если ты надолго ускользнешь из-под наблюдения и соглядатаи не будут знать, где тебя искать, это наведет их на определенные мысли, верно? — Он потянулся к письменным принадлежностям. — Повтори мне имена партнеров Фолкейна.

Ван Рийн вздрогнул:

— Фолкейна? Дэвида? Нет, нет, мой мальчик, у меня на примете совсем другие люди.

Эрик удивился:

— Разумеется, тебе не хочется опять посылать его в опасный полет. Но есть ли у тебя более знающие специалисты?

— Нет, — ван Рийн принялся мерить комнату тяжелыми шагами. — Эх, черт, не стану отрицать: мне невыносимо видеть, как Койя пытается скрыть горе, когда Дэвид уезжает. И все равно я отправил бы его, вот только... Ты слышал той ночью на яхте. Он не собирается создавать союз глав независимых компаний, как ему полагалось бы делать. Он даже не пытается лгать мне. При первой же возможности, Дэвид отправится, на Гермес.

— Разумеется. Почему я должен возражать?

— О муки и смерть! — вскричал ван Рийн. — Но что он может там сделать? Сложить голову? На кой черт тогда были нужны все эти ухищрения?

— Полагаю, тогда утром, на яхте, он не бахвалился, говоря, что может незаметно проскользнуть на любую планету вместе со своей командой, — сказал Эрик. — Попав туда, Дэвид, вполне вероятно, застрянет надолго. С моей точки зрения, это хорошо, потому что его советы и руководство наверняка будут очень ценными. Кроме того, Дэвид сказал, что куда труднее будет вывести судно обратно в космос, когда он высадится, но его партнеры рискнут это сделать, и, возможно, у них получится. Они не раз выкидывали такие номера. Ну а убравшись с Гермеса, они соберут для тебя всех твоих торговцев. Хотя, честно говоря, я весьма смутно представляю себе, чего могут добиться эти люди.

— Быть может, и немногого, — согласился ван Рийн. — И все же... У меня такое чувство, сынок, что мы должны прошерстить обломки Лиги, и тогда, возможно, узнаем, каковы причины такого поведения Бабура. А узнав, попробуем изменить положение. Поскольку чисто внешне действия бабуритов выглядят лишенными всякого смысла, — он поднял громадную ручищу. — O ja, знаю; войны зачастую кажутся бессмысленными. Но я все равно не перестаю задаваться вопросом: что надеются получить вожди бабуритов в результате империалистической агрессии, направленной против

нас? — Ван Рийн постучал себя по лбу костяшками пальцев. — И тут, в этом старом твердом черепе, уже забрезжила одна мыслишка...

Дэви будет настаивать, чтобы первым делом, отправиться, на Гермес. В таком случае вполне вероятно, что Эдзел и Чи никогда не смогут продолжить свою работу. Опасность, она ведь для всех одинакова. Позволь мне послать не их, а кого-нибудь другого. Пожалуйста.

Наконец-то отец употребил в разговоре с ним это слово, и Эрик испытал странный укол вины.

— Прости, — сказал он. — Это должен быть Фолкейн, какие бы условия он ни выдвинул. Понимаешь, мне необходимо иметь розу на хвосте... Это гермесское выражение. Я должен оберегать свои тылы и держаться в рамках закона ради блага моих людей. Фолкейн — мой соотечественник. И его спутники тоже не имеют никакого отношения к Содружеству, не так ли? Стало быть, я имею право давать им поручения. У тебя есть такие же грамотные космонавты, отвечающие этому требованию?

Ван Рийн как-то разом сник.

— Нет, — прошептал он.

«Он стар, — пронеслось в голове у Эрика. — Он устал и никому не нужен, по крайней мере здесь».

Ему захотелось стиснуть поникшие плечи отца, но он лишь сказал:

— Разве это имеет такое уж большое значение? Самое большее, что нам удастся сделать, это установить связь. Сперва — с моими домашними, потом — с твоими коллегами. Надеюсь, из этого выйдет толк. — И он добавил, возвысив голос так, что тот зазвенел: — Однако главный вопрос заключается в том, насколько хороши мы будем в бою.

Ван Рийн окинул его долгим пытливым взглядом.

— Так ты ничего не понимаешь, да, мальчик? — спросил он тихим, с хрипотцой, голосом. — Победа, поражение, ничья, затяжная война — все это означает конец Содружества в том виде, в каком мы его знаем. Конец Лиги. Конец

Гермеса. Молись святым, чтобы нам не пришлось бороться до так называемого «решающего мига». — Он ненадолго умолк. — Быть может, и сейчас уже слишком поздно. Ну что ж, давай поступим так, как хочешь ты.

Закат заливал океан огненно-оранжевым светом, который вдали сменялся сиянием расплавленного золота, а еще дальше — коралловым багрянцем. Солнечная дорожка протянулась от горизонта до линии прибоя. Высоко на западе стояла Венера. Волны баюкали погруженный в безмолвие атолл Ронга. Дневное благоухание цветов таяло в остывающем воздухе.

Эдзел брел по обрамляющему атолл пляжу. Слева от него на фоне фиолетового восточного горизонта поблескивала листьями группа пальм. Чешуя на правом боку дракона тускло сверкала. На спине у него сидела Чи Лан; ее мех казался позолоченным. Шел последний час перед отлетом в космос.

— Когда мы покончим с этим делом, я вернусь на Цинтию, если мы останемся в живых, — сказала Чи, нарушая долгое молчание. — Это уж точно.

Эдзел что-то вопросительно промычал.

— Я подумывала об этом с самого начала заварухи, — добавила Чи, обращаясь то ли к нему, то ли к себе самой. — А нынче вечером... здешние красоты тревожат меня. Слишком похоже на дом родной. И слишком непохоже. Пытаюсь вспомнить живые леса в Дао-Л ай, деревья мало в цвету, птиц вокруг них. Там повсюду птицы. Но вижу только то, что окружает меня сейчас. Пытаюсь вспомнить дорогих мне родственников, но в памяти остались лишь их имена. Я стала холодной.

— Я рад, что твоя жажда богатства наконец удовлетворена, — заметил Эдзел.

Чи ощетинилась:

— Какого хаоса я доверилась тебе, ворчунозавру-переростку? Почем тебе знать, что такое тоска по дому. Ты со

своей дурацкой грамотностью можешь мотаться куда угодно, покуда не израсходуешь весь свой несчастный запас знаний.

Дракон покачал огромной головой. Этому отрицательному жесту он научился у людей, поскольку ни в одной из стран Одина такого не увидишь.

— Извини, Чи, я не хотел читать тебе нравоучений. Просто рад за тебя.

Она успокоилась так же быстро, как вспылила, и одарила Эдзела мурлыканьем. Он упрямо продолжал:

— В тщеславии своем я вообразил, будто и впрямь не связан со своей родиной никакими узами. Но здешнее солнце тусклое, горизонты тут узки, и в мечтах я часто бегу со своими былыми товарищами по равнинам, где поет ветер. И еще я очень хочу жену — это я, существо, которое вроде бы должно испытывать такое желание, лишь встречая самку в период течки. А может, я просто хочу детенышей, чтобы путались под ногами, а потом я сгребал бы их в охапку и брал на руки.

— Да, наверное, — пробормотала Чи. — Возлюбленный, к которому всегда испытываешь нежность...

Огибая рощицу, пляж делался все уже. Эдзел и Чи увидели Фолкейна с Койей; они стояли друг против друга, взявшись за руки, и не замечали ничего вокруг. Эдзел не стал замедлять свой размеренный шаг. Ни он, ни его наездница не отвели глаз, но и не любопытствовали. Трое товарищей принадлежали к разным расам, и им почти нечего было скрывать друг от друга.

— Нет, я ни о чем не жалею, — сказал одинит. — Это были неплохие годы. Я и детям своим пожелаю такой же счастливой судьбы скитальцев по мирам, полным чудес.

— Я тоже, — ответила Чи, — хотя боюсь, что все лучшее выпало на нашу долю. Наступают такие времена... — Ее голос замер.

— Нет нужды уже сейчас переживать будущее, — посоветовал ей Эдзел. — Давай насладимся нашим последним приключением, каково бы оно ни было.

Чи встряхнулась, будто вылезла из ледниковой речки, и снова стала сама собой.

— Приключение? — сердито зашипела она. — Сидеть в корабле, вдвое уступающем размерами «Через пень-колоду», без наших любимых развлечений, даже без компьютера, с которым можно сыграть в покер?

Глава 15

Поначалу Гермес был просто синей звездочкой. Потом он вырос и превратился в сапфировый диск, окутанный мраморно-белыми облаками, чуть затемненный в том месте, где располагался его единственный, но огромный континент; вся остальная поверхность была покрыта водой, сиявшей на солнце или поблескивавшей в свете луны. Вскоре планета заслонила собой половину небосвода и оказалась уже не прямо по курсу, а внизу.

Здесь и была самая опасная точка. Команда вывела «Проныру» на гиперболическую орбиту, войдя в систему Майи под большим углом к плоскости эклиптики. Ядерный реактор был выключен, аппаратура жизнеобеспечения работала на самой малой мощности благодаря электропитанию. Теперь, если «Проныру» засечет радар сторожевого корабля бабуритов, его скорее всего примут за большой метеорит, прилетевший из межзвездных глубин, то есть за вполне обычное небесное тело. Но сейчас, дабы катер не сгорел в атмосфере, Фолкейн должен быстро включить тягу, чтобы сообщить ему требуемую скорость.

Цифры данных скользили у него перед глазами: плотность воздуха и ее градиент, сила тяжести, высота, кривизна поверхности планеты, изменчивые показатели направления движения катера. Вспыхнули данные расчетов компьютера: через тридцать секунд можно будет начинать

аэродинамическое торможение, если удастся верно рассчитать замедление, и тогда «Проныра» окажется в такой-то и такой-то точке внизу. Дэвиду предстояло решить, воспользоваться этой возможностью или дождаться следующей. Тогда понадобится меньшее антигравитационное усилие, но зато садиться придется в другом месте, а корпус корабля раскалится сильнее. Руководствуясь и разумом, и отточенным инстинктом, Дэвид нажал кнопку выбора оптимального на данный момент режима.

Уравновешивающего внутреннего поля тут не было, и Дэвида швырнуло на сетку безопасности. Тело отяжелело, перед глазами заплясали темные пятна, в голове будто грянул гром. Через несколько минут тяга отключилась, и вот они уже в режиме падения, идут по пологой траектории. На такой высоте даже в атмосфере еще были видны яркие звезды на иссиня-черном небе.

— Как вы там, сзади? — выдавил Дэвид, поднеся к губам микрофон внутренней связи.

— Как и всякий раздавленный помидор, — проворчала Чи, сидевшая в рубке управления огнем.

— О, по-моему, это маневрирование бодрит после долгой невесомости, — откликнулся Эдзел из машинного отделения. — Мне не терпится покинуть борт и размять ноги.

На «Проныре» ему хватало места только для изометрических упражнений и отжиманий. Он должен был покидать рекреационную камеру — единственное место, где Эдзел мог растянуться во весь рост, — всякий раз, когда его попутчикам приходила охота поразмяться. Иначе он рисковал превратиться в мишень для мячей.

— Возможно, тебе придется бегать гораздо больше, чем хочется, — строго сказала Чи. — Вдруг чей-нибудь детектор засек наши выбросы энергии.

— Мы были, над самым центром Корибантического океана, — напомнил ей Фолкейн. — Скорее всего судьба нам благоприятствует... Эй, сейчас начнется болтанка.

«Проныра» пересекла границу стратосферы и тропосферы под острым, тщательно рассчитанным углом. Будто камешек, пущенный вприпрыжку по воде, она пошла вверх, когда столкнулась с более плотным слоем газа. Кораблик затрясло. Несколько секунд он летел вперед, почти паря, поднимаясь все выше, в космос, потом снова нырял и подпрыгивал. Затем все повторялось… опять, опять, опять. При каждом таком нырке суденышко все глубже погружалось в атмосферу и теряло скорость. Небо над ним светлело на глазах, и звезды виднелись, только когда «Проныра» оказывалась на ночной стороне планеты. Вой рассекаемого кораблем воздуха сменился ураганным ревом. Суша и вода начали вытеснять из поля зрения небосвод.

Наконец до поверхности осталось всего несколько километров, и «Проныра» стала вести себя, как воздушное судно. Фолкейн нажал кнопку, затребовав географические координаты, рассчитанные на основе непрерывных сигналов с навигационных спутников. Он взволнованно взглянул на карту, которую держал в руках. Они были над Грейтлендом и должны были совершить посадку в Грозовых горах. Под кораблем простиралась залитая солнцем континентальная пустыня; красный грунт возвышался сказочными торосами, изваянными ветром; они были покрыты скудной сухой растительностью и совершенно безлюдны. Если корабль до сих пор не заметили, то вряд ли заметят вообще. Значит, можно включить двигатель, чтобы подлететь как можно ближе к Хорнбеку, родовому гнезду Фолкейнов.

И тут раздался голос Чи; казалось, будто острый клинок полоснул по его надеждам:

— Jao leng! Два самолета, с северо-востока и юго-востока. Идут на сближение.

— Ты уверена? — вскрикнул Фолкейн.

— Радарный сигнал и… да, будь оно все проклято, нейтринное излучение, ядерные силовые установки. Вряд ли это космические корабли, но штуковины здоровые и, могу держать пари, достаточно скоростные.

«О нет, о нет, — на все лады повторял про себя Фолкейн. — Нас засекли. Но как? Что ж, должно быть, оккупационные силы многочисленнее, чем по той или иной причине думал Эрик, и контролируют более обширные территории. В конце концов, он бежал с планеты еще до их прибытия... Кто-то засек выброс энергии на большой высоте и запросил центр, а там, вероятно, сказали, что-де бабуриты ни при чем. Тогда включилась сеть детекторов широкого охвата, нас отыскали, и вот сюда летят с проверкой военные самолеты с ближайшей базы».

Он подавил отчаяние и спросил:

— Есть ли шансы сбить их, когда подойдут ближе?

— По-моему, весьма слабые, — ответила Чи.

Фолкейн кивнул. «Проныра» — это вам не «Через пень-колоду». В атмосфере, да еще при сильном тяготении, она была гораздо менее увертлива, чем машины, созданные специально для таких условий. У нее не было генератора силового поля для отражения ракет, а лишенные брони борта не имели никакой защиты от лучей. Прежде чем «Проныра» сумеет нанести удар по первоклассному военному самолету, тот разнесет ее в клочья.

Пытаться удрать в космос было так же бессмысленно, как и вступать в бой. Аппаратура слежения уже взяла «Проныру» на прицел, а на военные корабли на орбите, должно быть, передан сигнал тревоги.

По пути сюда Чи, Эдзел и Фолкейн обсуждали возможность возникновения такого положения, равно как и любых других мыслимых стечений обстоятельств.

— Ладно, — проговорил Фолкейн. — В какой точке они перехватят нас, Чи?

— Километров через пятьсот, если все будут следовать своим нынешним курсом, — ответила она.

— Благодарите за такое везение. Мы будем в глубине Г розовых гор, в том районе, который я хорошо знал еще мальчишкой. Я посажу машину неподалеку от места назначения, и мы скроемся в лесах. Может быть, удастся стряхнуть их с

хвоста. Немедленно покинуть посты! Нет никакого смысла и дальше нести вахту. Чи, собери наши рационы. — Они могли питаться местными растениями и живностью, но в здешней пище не было некоторых витаминов и микроэлементов. — Эдзел, достань походное снаряжение. — Целый узел был заготовлен заранее, там лежали даже пропеллеры, с помощью которых они могли лететь, если удастся ускользнуть от поисковой партии. — Станьте наготове у пассажирского люка, но пристегнитесь к опорам. Я вот-вот нажму на тормоза.

Оставляя за собой шлейф рева, от которого сотрясался грунт, «Проныра» продолжала идти по длинной пологой траектории снижения. Из-за горизонта вставали призрачные синие горы. Вот они обрели четкость очертаний и сделались серыми или рыжевато-бурыми, а потом внизу понеслась чересполосица скал, утесов, крутых склонов и вечных снегов. Горные пики бросались навстречу, когда корабль проносился над разделявшими их седловинами. На востоке горы были пониже и более пологи; они длинными кряжами спускались в долину Аполлона, за которой лежали холмы Аркадии, прибрежные равнины, Звездопад и океан Авроры. Воздух в той стороне был более влажным, в небе плыли облака, внизу поблескивали по-осеннему бледные луга; подножия гор были окутаны мантиями лесов.

Оп-па! Фолкейн снова включил тягу, и корабль затрясся под натиском могучих сил. Он почти остановился, задрал нос к небу, пошел вниз и ударился о грунт. Посадочные мачты вонзились в дерн, нащупали твердую почву и надежно встали на свои места, крепко держа корабль. Фолкейн уже вскочил с кресла. Он принял дозу эквилиброла, вернувшую его телу чувство равновесия после невесомости. Он проворно сбежал по трапу, пронесся по коридору, увидел, что люк открыт, и бросился по сходням следом за своими товарищами.

Они уже были далеко впереди. Фолкейн бегом пересек поляну, на которую сел корабль, и бросился к обрамлявшей

ее стене деревьев. Под открытым небом ему грозила смерть. Между стволами деревьев рос густой труднопроходимый подлесок из кустов и лоз. Фолкейн вспомнил свои старые навыки и принялся раздвигать ветки четкими движениями рук и ног. Эдзелу надо продвигаться вперед еще осторожнее, чтобы не оставить за собой полосы вытоптанной земли. Ну, да любой, даже самый мелкий, его шажок все равно длиннее человеческого. А Чи просто прыгала с ветки на ветку.

По подсчетам Фолкейна, они прошли три километра, когда над головой раздался свист. Подняв глаза, Дэвид увидел один из самолетов. Тот несся к «Проныре». У него был узкий фюзеляж, значит, самолет строили на заводах фирмы «Авелан». Их стали выпускать специально для обжитых людьми планет, когда Датина застращала поселенцев и вынудила их вооружаться. Более грозной боевой машины Фолкейн и представить себе не мог. На корпусе красовались переплетенные восьмерки, знак Объединенного Бабура. Этот самолет, как и ему подобные, наверняка был куплен через подставных лиц много лет назад и передан наемникам из числа людей.

Когда самолет прошел мимо и скрылся из виду, Фолкейна захлестнула волна облегчения. Их не заметили.

— Давайте я осмотрюсь, — крикнула Чи. Эдзел бросил ей бинокль, который можно было подстроить под ее глаза, и Чи ловко полезла вверх.

Фолкейн был рад остановке, хотя и не устал. По гладкой дорожке он мог пробежать хоть тридцать километров и даже не запыхаться. Но передышка дала его чувствам возможность оценить обстановку, сделала его частицей окружающего мира, чтобы тот перестал напоминать полосу препятствий.

Снопы предвечернего света пронизывали кроны, по голубому небу плыли маленькие облака. Большинство здешних деревьев составляли камнекорки, сейчас голые, и зонтики, кроны которых уже пожелтели, но вполне могли спрятать его, если он будет выбирать дорогу достаточно

осмотрительно. Подлесок в этих тенистых местах был менее густой, чем в районе посадки. Опавшая листва хрустела под ногами, источая густой влажный аромат. Меж голых ветвей порхали орнитоиды, а в снопах света, будто пылинки, плясали букашки. Внезапно Фолкейна охватило острое чувство. Не радости от возвращения домой, а скорее тоски. Что это — по-прежнему его страна, или же за долгие годы странствий он стал тут чужим?

Впрочем, сейчас не время раздумывать об этом. Чи поспешно спустилась с дерева.

— Я видела, как наш бандит снизился, а второй завис, надо полагать, над «Пронырой», — доложила она. — Скоро они обнаружат, что лавочка осталась без хозяев.

— Пожалуй, нам лучше поспешить, — предложил Эдзел.

— Нет, — решил Фолкейн. — Сначала надо узнать, насколько дотошно они будут вести поиск. Давайте, пока возможно, прятаться. Особенно ты, старый буйволигатор.

Чи возвратилась на свой пост, Эдзел втиснулся в чащу. Фолкейн срезал лучеметом кусты и сучья и завалил ими торчащий хвост одинита. Сам он мог без труда спрятаться в...

Чи проворно спустилась вниз и пересекла прогалину.

— Стая бросилась в погоню, — прошипела она. — Летят на пропеллерах по спирали, в режиме поиска, четыре человека. Бьюсь об заклад, что у них есть нюхач.

Фолкейн оцепенел. От этого прибора, улавливающего запахи пота и дыхания, можно было спрятаться только в пещере. Вероятно, у них будут задержки и ложные тревоги при встречах с диким зверьем, но вряд ли это принесет преследуемым сколь-нибудь ощутимую пользу.

«Может быть, это конец. Нам столько лет везло». Вслух Фолкейн задал дурацкий вопрос:

— С чего бы вдруг им брать с собой нюхач?

— В качестве меры предосторожности против партизан. Может, они уже действуют, — ответила Чи. — Похоже, нюхач был только на одном самолете. Иначе бы они отрядили на поиск две команды.

— А мы не могли бы тоже подняться в воздух?

— Chu, дохлый номер! Где твои мозги? На таком расстоянии нас наверняка заметят.

Из кустов донесся голос Эдзела:

— Меня они первым делом унюхают, как только позволит дальность действия прибора. Вы идите, а я останусь и отвлеку их.

— Твои мозги, видать, тоже превратились в овсяную кашу? — фыркнула Чи.

— Послушайте, друзья, у меня в любом случае нет никакой возможности убежать...

Способность соображать вернулась к Фолкейну с быстротой клинка, возвращающегося в ножны.

— Космос и все его светила! — вскричал он. — Сделаем как раз наоборот. Эдзел, сиди тихо. Чи, идем со мной. Выведи меня туда, где они первым делом унюхают нас.

Ушки Чи встали торчком.

— Что ты задумал?

— Поторапливайся, болтунья! — велел ей Фолкейн. — По дороге объясню.

Он стоял под зонтиком на опушке леса из камнекорок. Голые ветви и сучья на фоне видимого кусочка неба казались причудливым скелетом. Над головой раздался гул, и Дэвид увидел преследователей, скользивших по воздуху довольно высоко над кронами деревьев. Это были люди, хотя и совсем не похожие на людей: пропеллеры на спинах напоминали плотные спаренные плавники, шлемы выглядели как голые черепа. В ровном свете поблескивал металл. На летунах была незнакомая серая униформа; трое держали в руках лучевые ружья, имевшие, судя по длинным стволам, немалую убойную силу. Командир, который летел ниже остальных, нес на груди ящичек с сенсорами и впускными клапанами, а на спине — счетчики. Да, это был нюхач.

Человек с прибором указал рукой, и его спутник выпустил струю ревущего ослепительного пламени, которая

полоснула по веткам. Они с треском посыпались вниз, таща за собой шлейфы едкого дыма. Усиленный мегафоном голос заорал на ломаном английском:

— Фыходите на обозрение, не то мы зажжем под фами почфа!

Фолкейн шагнул вперед, подняв руки. Он уже ничего не боялся, но чувства его были обострены до предела. Он видел каждый опавший листок у себя под ногами, ощущал тихое прикосновение ветерка к потным щекам, вдыхал ароматы растений и их гниющей плоти. Казалось невозможным, чтобы преследователи не почувствовали опасности со стороны Чи.

Солдаты остановились.

— Вот правильно, стой на месте, — велел голос. Все четверо о чем-то посовещались. Разумеется, они боятся засады, но ведь прибор обнаружил только одного человека...

Живущий на деревьях зверь, который повис на высокой ветке, в счет не шел. Он был невзрачен, с серым мехом, покрытым черными пятнами. Поза зверька свидетельствовала о том, что он оцепенел от ужаса. Прежде чем взобраться на дерево, Чи разгребла опавшие листья и вывалялась в гумусе. Преследователи не были уроженцами Гермеса и ровным счетом ничего не знали о животном мире планеты. Возможно, никто из них даже не заметил ее.

Один охотник остался в воздухе, трое других спустились, чтобы схватить пленника. Когда они пролетали мимо Чи, она извлекла из-под брюха лучемет и открыла огонь.

Первый луч угодил прямиком в нюхач, пробуравил корпус и сжег схему. Несший прибор человек вскрикнул и выпустил ящик. Луч рассек его, нанеся тотчас запекшуюся смертельную рану.

Тело продолжало медленно снижаться на пропеллере, будто сломанная кукла.

Чи опять пустила луч, но промахнулась и лишь ранила второго преследователя в ногу. Но этого хватило, чтобы вывести его из строя. Человек обратился в бегство, отвесно

набирая высоту и оглашая окрестности ужасными пронзительными криками.

Третий солдат выстрелил в Чи. Она успела шмыгнуть за ствол дерева и устремилась вниз, прыгая с ветки на ветку, преодолевая разом по несколько метров. Преследователь развернул ружье и принялся искать Фолкейна, но тот уже спрятался под пологом листвы и вместе с Чи открыл стрельбу по врагам из своего укрытия. Солдат шарахнулся прочь. И он, и его напарник в слепой ярости посылали вниз струи огня. Вспыхивали деревья, дымился грунт. Сотни птиц в ужасе взмыли в воздух, их крики почти заглушили резкий сухой грохот взрыва.

Бросать гранаты было бессмысленно. Перебегая от укрытия к укрытию, Фолкейн за несколько секунд покинул место схватки. Чи было еще легче, она могла передвигаться, оставаясь невидимой. Когда они вернулись к Эдзелу и Чи снова влезла на дерево, она не увидела никаких признаков присутствия неприятеля, за исключением парящего вдали самолета. Должно быть, наемники потащили восвояси раненого товарища.

— Теперь они остались без нюхача и будут ждать, пока кто-нибудь не привезет им новый, — сказал Фолкейн.

Если прежде он не испытывал страха, то теперь не чувствовал и радостного возбуждения. Он просто знал, что надо делать, и действовал по инерции.

— Но мы должны убраться подальше, пока этого не случилось. Отправляемся сию же минуту, не спеша и сверхосторожно. Когда настанет ночь, а ждать уже, слава Богу, осталось недолго, пойдем быстро. Быстро, вы поняли? — И он добавил, обращаясь к одиниту: — И чтобы впредь — без благородного самопожертвования, ладно? Я посажу на спину Чи, а ты — меня, и тогда мы сможем развить неслыханную скорость. Да еще не будет нужды устраивать привалы.

«Да, — подумал Дэввд, — старая команда еще хоть куда».

Он указал на мелькавший за деревьями ориентир — без труда узнаваемую заснеженную горную вершину.

— Давай туда. Там мои родные.

Глава 16

Угодья Хорнбека раскинулись на плато, которое примыкало к более пологому плечу горы Маунт-Нивис. На севере, за лесом, начинались взгорья, становившиеся все выше и выше, пока их не окутывала вечная сияющая белизна. Западный горизонт тоже был горист, но на юге и востоке небосвод соприкасался с границами возделанных земель. Серый каменный особняк стоял чуть поодаль от горстки жилых домов поменьше и других построек. Отсюда начинались владения Фолкейнов, их лесопромышленная и чугунолитейная империя, и, хотя предприятия уже давно распространились по всей планете, сердце имения по-прежнему оставалось здесь.

Шагая по вившейся среди полей дороге, Фолкейн видел, что сжатые нивы опустели, оголились и обезлюдели; только скотина на пастбищах еще подбирала последнюю сухую траву — прощальный подарок осени. День был ясный, безветренный и прохладный; кругом стояла такая безграничная тишина, что хруст щебня под каблуками сапог казался исполненным какого-то таинственного смысла. Высоко над головой парил сталекрыл, высматривавший добычу. В небе не было ни одной машины, ничто его не тревожило. Не было видно и наземного транспорта. Казалось, все население скрывается внутри зданий; во внешний мир посылаются лишь немногочисленные короткие сообщения; члены семьи покидают дом лишь в случае необходимости, держа при этом рот на замке; жители перестали принимать гостей извне. Имение словно готовилось отразить яростный приступ.

«И вскоре это ему предстоит, — подумал Фолкейн. — Причем нападение будет куда опаснее простого штурма».

Наутро после своего прибытия и после вчерашней суматошной встречи любящих сердец Дэвид и его мать

отправились на прогулку, чтобы спокойно поговорить. Но первые полчаса они шагали в молчании. После всех этих лет Дэвид уже толком не знал умонастроений матери. Сам он чувствовал, что не может сосредоточиться на планах: все его существо было поглощено воспоминаниями. Наконец Афина Фолкейн заговорила. Это была высокая женщина, все еще миловидная и энергичная. Густые седые волосы ниспадали на спину. Как и сын, она была облачена в комбинезон с семейной эмблемой на плече, но украсила свой наряд янтарным ожерельем из застывшей смолы осенника.

— Дэвид, дорогой, я была так счастлива снова увидеть тебя, испытала такой ужас при мысли о том, как ты рисковал, а потом — радость от сознания того, что ты прошел через все опасности целым и невредимым. Я даже не могла спросить тебя об этом прежде. Какова истинная причина твоего приезда?

— Я же тебе говорил, — ответил Фолкейн.

— Да, чтобы взять на себя функции Майкла, это твое право.

— И мой долг.

— Нет, Дэвид. Тебе ли не знать. Джон и Вики, — остальные двое детей Афины жили отдельно от матери, — и их супруги достаточно компетентны для этого. Да и вообще дела вела в основном я, потому что Майкл слишком часто был занят флотом. Или ты уже настолько отдалился от нас, что не веришь в нашу способность справиться с делами?

Фолкейн поморщился и потер лицо ладонью. Оно исхудало после многодневного трудного похода, во время которого он питался дарами земли: лететь по воздуху Дэвид и его друзья не осмелились.

— Ничуть, — ответил он. — Но с моим... с моим опытом...

— Разве ты не мог с большей пользой применить его в космосе, помогая организовать военные усилия? — Взгляд, устремленный в небо, где сновали сторожевые корабли, был сродни яростному потрясанию кулаком.

— Сомневаюсь, — грубовато ответил Дэвид. — Думаешь, правительство Содружества пожелало бы прибегнуть к моим услугам? А что до ван Рийна... Возможно, я совершил большую ошибку. А возможно, и нет. Однако... Послушай, Гермес всегда жил в мире. Бури и треволнения истории для тебя — нечто нереальное, как и для любого другого обитателя этой планеты. Для вас все это — лишь череда имен и дат, которые все мы зубрили в детстве, а потом забывали, потому что они ничего для нас не значат. Но я видел войну, тиранию, порабощение, мятеж, видел все это на множестве планет. Вот почему я посетил заброшенные города Земли, от Иерихона и Фермопил до Хиросимы и Владивостока. А ведь их там столько, что человеку жизни не хватит осмотреть все до единого... Я кое-что знаю о механике этого кошмара. Немного, поскольку в Лиге хватает людей, осведомленных так же хорошо, а то и лучше меня, но все же я вправе считать, что понимаю в этом больше едва ли не любого жителя Гермеса. — Дэвид взял мать под руку и взмолился: — Прежде чем я продолжу, пожалуйста, заполни тот вакуум, в котором я оказался. Расскажи мне, как тут обстоят дела. Я слышал кое-что о революции, оплачиваемой оккупационными силами, но не знаю подробностей. Вчера все были слишком возбуждены и, Боже мой, встреча превратилась в одно нескончаемое «ура», сопровождаемое тостами, не правда ли? Да еще проклятиями по адресу предателей, подстрекавших траверов к бунту. Но ведь все наверняка гораздо сложнее.

— Да, — согласилась Афина. — Вероятно, ты видишь картину, отличную от той, которую, боюсь, вижу я.

— Расскажи же мне, в чем дело.

— Я тут на целый световой год оторвана от многих фактов, а те, которыми все же располагаю, могу невольно исказить в зависимости от собственных предубеждений. Тебе надо бы поговорить с другими людьми, посмотреть последние хроники.

— Да, разумеется, — Фолкейн горько рассмеялся. — Мама, мне пятьдесят лет... Это значит сорок пять гермесских.

Мать ответила ему такой же грустной улыбкой:

— А я не могу этого почувствовать. Поверить — да, но вот ощутить не способна. Не в силах почувствовать, что прошло так много времени с тех пор, как врач положил тебя мне на руки, и я убедилась в том, что у тебя прекрасные легкие.

Они продолжали свой путь. Дорога оборвалась у деревянного мостика через речку Хорнбек. Мать и сын остановились посередине и, облокотившись на перила, посмотрели вниз. Под водой, на зыбком дне, лежали камни. Поток весело журчал.

— Ну что ж, — сказала Афина тихим ровным голосом. — Как тебе известно, в нашу систему прибыли бабуриты и объявили, что-де мы находимся под их протекторатом. Они хотели захватить наши немногочисленные военные корабли, но Майкл увел их в космос. Майкл... — повторила она несколько секунд спустя, охваченная гордостью и горем.

Над водой вились золотистые мухи-драконы с прозрачными крылышками.

. — Полагаю, госпоже Сандре тогда понадобилось прямотаки невероятное самообладание, — продолжала мать. — Флот улетел, а с ним — ее старший сын. Прекрасный предлог, чтобы свергнуть ее. Должно быть, она не уступила этим тварям и доказала им, что без нее некому руководить планетой и они рискуют насадить анархию в мире, о котором почти ничего не знают, если она уйдет. И это правда. Цель Сандры — спасти наши жизни, наш уклад жизни — в тех пределах, в которых это вообще возможно. И если она вынуждена идти на уступки, я, по крайней мере, благодарна Сандре за все, что она ухитряется сохранить.

Фолкейн кивнул:

— Ты мудрая женщина, матушка. Послушал я вчера кое-кого из этих горячих голов... Помоги мне втолковать им, что война и политика совсем не романтичны.

Афина устремила взор в сторону ледника, который тускло поблескивал под снежной шапкой Маунт-Нивис.

— Вскоре бабуриты завезли сюда дышащих кислородом наемников, в основном людей, — сказала она. — Так уж получилось, что у меня есть кое-какие сведения о них, потому что Герцогиня просила меня подыскать надежных людей, чтобы они навели справки: ведь то, чем занимается наше имение, неизбежно вынудит нас вести дела с захватчиками, а госпожа Сандра знает, что я всегда поддерживала тесную связь с высокопоставленными Последователями.

И люди, и не-люди являют собой весьма разношерстную компанию. Их набирали много лет из числа сломленных жизнью, озлобленных, алчных, преступивших закон, безнравственных и безрассудных искателей приключений.

Фолкейн кивнул. Техническая цивилизация, распространявшаяся по космическому пространству стремительно и слепо, будто сила стихий, наплодила немало таких личностей.

— Уже для того, чтобы их набрать, должно быть, понадобилась целая организация, располагающая немалыми средствами, — сказал Дэвид.

— Это ясно, — ответила Афина. — Полагаю, в их высотах эшелонах знали часть правды, но рядовым исполнителям ничего не сказали. А скормили им такую историю: консорциум вкладчиков, не пожелавших называть своих имен, потихоньку собирал наемную армию, отборные войска, в которые за высокую плату нанимали солдат везде, где только можно. Вероятно, это делалось во имя народов, оказавшихся перед лицом угрозы, как, например, население Датины. Или якобы для поддержки предпринимателей, рискнувших отправиться за пределы освоенного космоса. Ходили упорные слухи, что во всем этом заинтересованы, в частности, имириты, которым нужны дышащие кислородом помощники на малых планетах. К примеру, для того чтобы собирать дань в виде изготовленных по их заказу товаров.

Фолкейн чуть вздернул уголок рта.

— Я почти восхищен... нет, какое там почти, я восторгаюсь их наглостью, — сказал он. — Впрочем, то, что выбор пал на Имир, вполне естественно: это излюбленный объект всевозможных суеверий.

«Потому что мы ничегошеньки о нем не знаем, — подумал Дэвид. — Мы просто называем так гигантскую планету, по сравнению с которой Бабур — карлик. Ее обитатели много путешествуют по космосу и колонизируют планеты, но, похоже, не заинтересованы в сношениях с нами. Или просто считают, что мы безнадежно чужды им».

— Удивляюсь, почему у вас в Лиге ни сном ни духом не ведали об этом наборе вояк, — сказала Афина. — По самым точным доступным мне данным, полученным из пересказов различных бесед и (но это — между нами) допросов нескольких захваченных в плен неприятельских солдат, уже началось кое-какое партизанское движение. Мы громогласно отрицаем это, но слухи-то доходят... — Она вздохнула. — Впрочем, это неважно. Главное — то, что мои люди сумели в меру своих возможностей оценить численность оккупационных сил. Она составляет около миллиона. По другим сведениям, еще примерно столько же Бабур держит в резерве.

Фолкейн присвистнул.

— Но все-таки...

— Вполне понятно, почему до нас не дошли никакие разведданные, — сказал он. — Два миллиона, надерганные в десятках тысяч стран, на десятках планет. Это не могло сколь-нибудь заметно сказаться на статистике. Происки — штука неистребимая. Быть может, агенты одной-двух компаний и слышали что-то краем уха. Но если даже и так, они, или их начальники, не сочли нужным делиться этими сведениями с остальной Лигой и настаивать на полномасштабном расследовании. Связи между членами Лиги сейчас уже не те, что встарь.

«Космос слишком велик, а мы так разобщены», — подумал он.

Афина вздохнула:

— Я об этом догадывалась. Ну, в общем, солдат предупредили, что им придется несколько лет провести в изоляции. Но жалованье в конечном счете должно было составить кругленькую сумму, и, по-видимому, им предоставили поистине роскошные возможности для отдыха и развлечений — от пивнушек и борделей до многосенсорных библиотек. Ну и, разумеется, планета, на которую их посылали, изобиловала чудесами природы, ждущими своих исследователей. Хотя она была довольно мрачной, хотя чем-то похожей на Землю, жаркой, влажной и ее вечно окутывали облака.

— Облака? — переспросил Фолкейн. — Ах да! Это чтобы те, кто не имел доступа к совершенно секретным сведениям, не смогли догадаться, где находится эта планета.

— В своей среде они называли ее Фараон. Это тебе о чем-нибудь говорит?

— Нет.

— Может быть, она вообще за пределами изученного космоса.

— Хм, я в этом сомневаюсь: исследователи все время раздвигают границы изученного космоса и вполне могли наткнуться на эту планету. Полагаю, что однажды они посетили Фараон, занесли его в каталоги, снабдив номером, но не вписали туда название, поскольку планета не представляла серьезного интереса в сравнении с большинством других... Ладно. Войска жили и обучались там, но недавно их вывезли оттуда, и солдаты узнали, что состоят на службе у Бабура и воюют с Содружеством, а возможно, и с Лигой. Подорвало ли это их боевой дух?

— Я, право, не знаю. Мои люди, как и все истинные гермесцы, не вступают в тесный контакт с солдатами. У меня сложилось впечатление, что в большинстве своем они по-прежнему вполне уверены в себе. В любом случае они рады возможности насолить Технической цивилизации, сделавшей из них отбросы общества. Уж мерсейцы-то наверняка. Если и есть среди них отдельные недовольные, воинская дисциплина вынуждает их помалкивать. Это очень

дисциплинированный отряд. — Афина опустила голову. — Боюсь, это все, что я могу рассказать тебе о них, — закончила она.

Фолкейн прикрыл рукой ее лежащие на перилах ладони и крепко сжал их.

— Господи, матушка, за что ты извиняешься? Ты могла бы сделать блестящую карьеру. «Тебе бы возглавлять разведывательную службу Ника ван Рийна», — сказал он, думая при этом, что сбор таких сведений стоил огромных трудов. Должно быть, тут поработал кто-то очень высокопоставленный.

— Идем дальше, — предложила Афина. — Я хочу вытрясти из себя это ощущение несчастья.

Фолкейн вздрогнул и опять зашагал рядом с ней.

— Да, должно быть, это сродни ожиданию наступления ада — сидеть вот так, день за днем, совершенно беспомощно... Я думаю, поначалу бабуриты обещали не вмешиваться в наши внутренние дела, это так?

— Более-менее.

— А потом, утвердившись здесь, они нарушили слово и начали ввозить подкрепления, дислоцируя их по всей планете, дабы устрашить возможных мятежников.

— Совершенно, верно. Они посадили нам на шею верховного комиссара, который делает едва ли не все что душе угодно. Если госпожа Сандра не будет оказывать ему хотя бы минимальное содействие, он попросту свергнет ее, и нам придется жить по законам военного времени. Но бедная храбрая девочка еще держится, и Бог знает, как ей приходится бороться за то, чтобы кланы, Последователи и благонадежные траверы сохранили хоть какое-то представительство... какую-то часть наших общественных институтов.

— В то же время, оставаясь Герцогиней, она придает некоторую долю законности его указам... Впрочем, мне ли критиковать ее? Если бы мне пришлось сидеть там, на троне... Расскажи мне об этом верховном комиссаре.

— Никто почти ничего не знает. Зовут его Бенони Стрэнг. Это имя тебе тоже ни о чем не говорит? В общем, он утверждает, будто родился и рос на Гермесе, среди траверов. Мне удалось проверить метрики и школьные журналы, они подтверждают его слова. Кажется, горький опыт юности толкнул его на путь мятежа. Но вместо того, чтобы вступить в Освободительный Фронт, он покинул планету, получил от «Галактических проектов» стипендию и стал изучать ксенологию. Тридцать лет тут о нем никто не слышал, даже родственники, и вдруг он появляется снова, вместе с бабуритами. Он очень дружен с ними — насколько это вообще возможно для существа, дышащего кислородом. Однако Стрэнг вращался и в высших кругах человеческого общества: он прекрасно образован.

Фолкейн хмуро оглядел поля. Из живой изгороди выбрался попрыгунчик и побежал по стерне — маленький пушистый зверек, свободу которого не могли стеснить ни солдаты, ни космические корабли.

— Он хочет воспользоваться удобным случаем и отомстить, или, как говорит он сам, исправить несправедливость. Это одно и то же. Освободительный Фронт одобряет его действия?

— В общем-то нет, — ответила Афина. — Их вождь, Криста Бродерик, выступила с речью по телевидению сразу же после того, как комиссар объявил о своем намерении провести коренные преобразования в обществе. Это она приветствовала. Несколько членов Фронта тотчас покинули его ряды, заявив, что прежде всего они — гермесцы. Да и потом, Стрэнг не прилагал никаких усилий, чтобы привлечь эту организацию на свою сторону. Он ее и вовсе не замечает, и Бродерик обиделась. Цензура не дает ей открыто объявить о непризнании Стрэнга, но молчание Бродерик ясно свидетельствует о ее нынешней позиции. Поддерживающие Стрэнга траверы задумали основать новую партию.

— Такие действия Стрэнга не удивляют меня, — заметил Фолкейн. — Ему не нужен союзник в лице сильной местной

группировки. Такой группировке придется предоставить право голоса, и этот голос не всегда будет эхом его собственного. Если хочешь перестроить общество, для начала надобно разложить его на атомы.

— Он заявил устами правительницы, что-де соберет Великую Ассамблею, дабы создать проект новой конституции. Как ты знаешь, наша нынешняя конституция позволяет это сделать. И это произойдет, как только будут разработаны соответствующие процедуры выбора делегатов.

— Хе-хе. Значит, как только ему удастся обставить все жульническим образом, дабы не выпячивать то обстоятельство, что дела делаются под дулами бабуритских ракетных установок. Ты знаешь, какие преобразования он намерен провести?

— Пока никаких сколь-нибудь определенных посулов нет, только обещание «покончить с особыми льготами». Но об одном «предложении» говорят так много, что я уверена: оно будет принято. Имения подвергнутся «демократизации» и станут вести свои дела через центральное торговое учреждение.

— Прекрасная крепкая основа для тоталитарного государства, — сказал Фолкейн. — Матушка, я поступил правильно, вернувшись сюда.

Она долго смотрела на него, потом спросила:

— Что ты намерен делать?

— Мне придется побольше узнать и крепко подумать, прежде чем я смогу определиться, — ответил Дэвид. — Но первым делом я стану президентом имения, как мне и положено, а потом налажу сопротивление и во всех остальных.

— Тебя бросят в тюрьму, как только ты заявишь о себе! — с горечью возразила мать.

— Правда? Вряд ли. Я выступлю на сцену под гром фанфар. Что я сделал незаконного? Никто не может доказательно заявить, когда и как я прибыл сюда. Может, я сидел где-нибудь в глухомани, в келье отшельника, удалившись туда еще до войны, и медитировал. А события на Датине

превратили меня в образцового героя. К черту скромность! Это обстоятельство часто причиняло нам неудобства, но факт есть факт. Если Стрэнг и впрямь действует так осторожно, как ты говоришь, он не пойдет против меня, пока я как следует не спровоцирую его, а я этого не сделаю. Полагаю, что я смог бы объединить кланы и Последователей, поднять их моральный дух и обратиться с призывом ко многим траверам. Когда созовут Великую Ассамблею, у нас будет там кое-какой вес. Вероятно, небольшой, но все-таки. Быть может, нам по крайней мере удастся сохранить основные гражданские права и Гермес как символ их соблюдения, чтобы Содружество не могло использовать нас в качестве предмета торга.

— Боюсь, ты не в меру благодушен, Дэвид, — предостерегла его Афина.

— Да, знаю, — мрачно ответил Фолкейн. — В самом лучшем случае следующие несколько лет, или сколько там продлится эта война, я буду очень страдать вдали от Койи и наших детей, а в их душах тоже воцарится пустота... Но я должен попытаться, правильно? Только перестав надеяться, мы попадем в безнадежное положение.

Фолкейн оставил Эдзела и Чи в лесах, а сам прошагал последние несколько километров, отделявшие его от особняка. Одной из первых его забот было надежно спрятать друзей, чтобы об их присутствии даже в Хорнбеке знало как можно меньше народу.

Афина сумела устроить это незамедлительно. Как только бабуриты заявили о своих захватнических намерениях, Герцогиня Сандра разослала в самые надежные дома эвакуированных ею с Обители Мрака работников «Сверхметаллов» Афина взяла на свое попечение Генри Киттреджа, начальника разработок, и отправила его в глухомань, в охотничий домик. О его местонахождении знали только она сама и горстка наиболее доверенных слуг, снабжавших Генри всем необходимым. Когда к нему привели одинита и цинтианку

(они летели на пропеллерах под покровом ночи), он обрадовался их обществу.

Наутро все трое уселись и принялись болтать. Киттредж устроился на крылечке бревенчатой хижины, Чи оседлала соседний стул, Эдзел развалился на дворе, подняв голову над перилами. Лучи светила пронизывали кроны ближайших деревьев, окрашивая немногочисленные еще не опавшие листья в яркие тона: желтый, красновато-бурый, белый, синий. Живность иногда напоминала о себе дробным топотом лап и мелодичными трелями, доносившимися из-под пронизанной снопами света сени леса. Больше ничто не нарушало тишины, а воздух был недвижен, терпко-душист и прохладен.

— Книги, музыка, пленки, телевидение, — говорил Киттредж. — Ну, поболтаешь малость с теми, кто приносит снедь. Начинаю тяготиться одиночеством. Хуже того, мне сделалось тоскливо. Поймал себя на желании увидеть какое-нибудь яркое событие, неважно, худое или доброе.

— Разве вы не могли найти себе развлечения в лесу? — спросил Эдзел.

— Я не отважился заходить слишком далеко. Можно заблудиться или попасть в сотню самых невообразимых передряг. Эта планета слишком не похожа на мою.

Чи постучала по кончику мундштука, чтобы стряхнуть пепел с сигареты.

— Но ведь среда обитания на Виксене пригодна для человека, — сказала она. — Там в числе прочего есть леса.

— Но не такие, как здесь. Сходство только внешнее, — ответил Киттредж. — Черт, вам ли этого не знать: вы повидали столько планет. Что до меня, — с тоской добавил он, — то я решил: коли увижу Виксен снова, буду сидеть там сиднем и больше никуда не поеду.

— Как, очевидно, и остальные ваши, — пробормотала Чи.

— Сочувствую вам, — ласково проговорил Эдзел. — Дом есть дом, и безразлично, насколько там суровые условия жизни.

— Сейчас на Виксене живется лучше, чем прежде, — ответил Киттредж, почувствовав внезапный прилив гордости. — Наша доля в «Сверхметаллах» позволила оплатить сеть станций искусственного климата, столь необходимую нам, и... Что ж, этого у нас уже не отнять, независимо от дальнейшей судьбы Обители Мрака.

Чи заерзала.

— Еще неизвестно, может, нам удастся изменить эту судьбу, если мы с Эдзелом сможем и впредь работать над нашим заданием, — заявила она. — Вы не знаете, как достать здесь космический корабль?

Киттредж пожал плечами:

— Понятия не имею, уж не обессудьте. Наверняка это зависит от того, как пойдут дела в других местах.

— Ну, на этот счет у вас наверняка есть какое-то мнение, — пристал к нему Эдзел. — Вы довольно долго пробыли здесь, смотрели выпуски новостей и, должно быть, общались с гермесцами лично.

Киттредж вскинул брови:

— Как общался?

— Не обращайте на него внимания, — посоветовала Чи. — Иногда на него находит.

— Что ж, я на этой планете — чужак, — сказал Киттредж. — А вы? Что вы знаете о ней? Какого типа тут общество, к примеру?

— Дэвиду Фолкейну не раз приходилось беседовать с нами на эту тему, — заверил его Эдзел.

— Да, это понятно, — сочувственно ответил Киттредж... — Теперь, насколько я могу уразуметь, бабуриты намерены через своих наймитов из числа людей осуществить на Гермесе революцию сверху, хотя они, несомненно, рассчитывают и на поддержку снизу. Вся система законов и отношения к собственности будет пересмотрена, знать — уничтожена как класс, и на свет появится «республика дольщиков», что бы сие ни значило.

Эдзел выпрямил шею, а Чи застыла, будто изваяние; бакенбарды ее встопорщились.

— Chu wai? — воскликнула она. — Да за каким космосом бабуритам волноваться, что за правительство на Гермесе, если они все равно заправляют тут?

— Полагаю, они намерены остаться тут хозяевами, — ответил Киттредж. — И после войны тоже. А для этого им нужен пробабуритский режим из местных, поскольку иначе Гермес будет оттягивать на себя слишком большую часть их сил. — Генри потеребил бородку. — Полагаю, захват планеты имел целью не просто опередить Содружество и це позволить ему сделать то же самое.

— А это была фарисейская ложь с самого начала, — прошипела Чи. — Содружество никогда не имело таких намерений, и бабуриты не настолько глупы, чтобы не понимать этого.

— Вы уверены?

— Вполне. Ван Рийн хоть что-нибудь да прослышал бы, а тогда уж сказал бы и нам. Кроме того, мы прямиком из Солнечной системы. Мы видели, как бестолково предпринимаются военные усилия: вооруженные силы не готовы, политики бесятся, одна из важнейших партий скулит, что-де надобно добиться мира любой ценой... Содружество не в форме, и никогда не было в достаточно хорошей форме, чтобы проводить завоевательскую политику.

— Но тогда за каким безумным чертом бабуриты вторглись на Гермес? И почему хотят сохранить его в составе империи, которую задумали построить вокруг Обители Мрака?

— Это загадка, — ответил Эдзел. — Одна из загадок, среди которых самая таинственная заключается в том, почему Бабур вообще начал завоевательскую кампанию. Чего он рассчитывает добиться? Как планета, как сообщество холоднокровных существ, он может только понести потери, подменив мирную торговлю подавлением при помощи силы оружия. Сам Наполеон однажды заметил, что штыки всем хороши, да вот только сидеть на них нельзя. Конечно, на

Бабуре может быть свое немногочисленное, но господствующее сословие, которое хочет извлечь выгоду... О-го-го!

Он резко вскочил. Чи схватилась за кобуру лучемета. Над деревьями показался летательный аппарат.

— Спокойно, спокойно, — Киттредж засмеялся и тоже встал. — Это везут еду, добавку для вашего пропитания.

Эдзел расслабился. Чи тоже, но не так быстро.

— Немного рискованно, не правда ли? — спросила она. — Их может засечь патруль оккупантов.

— Я уже задавал этот вопрос, — успокоил ее Киттредж. — Госпожа Фолкейн сказала, что их семья всегда разрешала слугам пользоваться этим домиком в свободное время, если он не был нужен для иных целей. В том, что они прилетают сюда на несколько часов, нет ничего необычного.

Машина опустилась на площадку перед хижиной, пилот выбрался наружу, и вдруг Киттредж воскликнул:

— Я его не знаю!

Рука Чи скользнула к лучемету.

— Свои! — крикнул незнакомец. — Меня послала госпожа Афина. Я привез вам еду.

Человек приблизился. Он шагал немного вразвалку — невысокий, коренастый, с обветренным лицом, в простой гражданской одежде.

— Я Сэм Ромни из Лонгстрэндза.

Последовала церемония знакомства, сопровождаемая рукопожатиями. Киттредж принес пива, и все уселись поудобнее.

— Я рыбак, — сообщил Ромни. — Независимый судовладелец, но дела веду большей частью с Фолкейнами, и мы сдружились. Скажу больше: один ваш парень с Обители Мрака сейчас работает суперкарго на моем «рыбьем пастухе» и находится в море. Буфетчики Хорнбека не могут прокормить такую громадину, как ты, Эдзел. Во всяком случае, не нанося серьезного ущерба кладовым. Вот госпожа Афина и прислала вчера вечером гонца с просьбой приехать и привезти побольше всего, в общих чертах объяснив, как

обстоят дела. Кроме того, она думает, и, полагаю, справедливо, что сейчас, когда никто не знает, что будет завтра, тебе было бы полезно вступить в связь с внешним миром.

— Возможно, — пробормотала Чи, свернувшись клубочком на сиденье и закурив новую сигарету. Даже если это и не так, теперь уже ничего не поделаешь.

Эдзел пытливо взглянул на вновь прибывшего.

— Извините, — сказал он, — но ведь вы из сословия траверов?

— А то, как же, — ответил Ромни.

— Я не хочу подвергать сомнению вашу лояльность, сэр, но мне дали понять, что на Гермесе существуют весьма серьезные трения.

— Траверам из этой усадьбы можно доверять, — сказал Киттредж. — Будь иначе, меня бы схватили уже много недель назад.

— Да, разумеется, такое явление, как вассальная преданность, распространено весьма широко, — согласился Эдзел. — И совершенно очевидно, что капитан Ромни на нашей стороне. Мне просто любопытно, много ли еще таких, как он?!

Моряк сплюнул.

— Не знаю, — признался он. — В том-то и заключается главная подлость: теперь, когда среди нас враги, мы больше не можем открыто высказывать свои мысли. Но вот что я могу вам сказать: многие траверы так и не заглотили наживку, брошенную Освободительным Фронтом. Например, я. Зла на кланы и Последователей я не держу. Ни капельки. Их предки заработали свои льготы, и если потомки не постоят за себя, то все потеряют. Справедливо. Кроме того, если правительство начинает делить собственность, когда оно остановится? Я вкалывал изо всех сил, чтобы получить то, что имею, и хочу, чтобы после моей смерти все это получили дети, а не кучка ничтожеств, которые только и умеют, что орать в один голос по указке своего вожака, а больше ни на что не годятся. — Он достал из кармана трубку и кисет. — И вот еще что. Несколько этих освободителей

сказали мне (вы ведь знаете: люди иногда болтают, несмотря ни на что, якобы по секрету), так вот, несколько освободителей говорят, что и они не больно-то рады. Они не хотят перемен, которые эти ползучие гады силой заталкивают в глотки всем и каждому. Кроме того, бабуриты добиваются своего руками предателя Стрэнга, а от этого все дело воняет еще гаже. И они, освободители то есть, не получают приглашений ни на какие совещания. Стрэнг кинул им кость, похвалив за, как он выразился, «стойкую приверженность благородным идеалам». Фи! Сказал им несколько добрых слов, будто подачку презренным кинул, и дело с концом.

Набив трубку, Ромни раскурил ее и закончил свою речь:

— Оно, конечно, ничтожеств у нас хоть и меньшинство, но их немало, и они вне себя от радости от того, что им посулили. Надо отдать ей должное, Криста Бродерик — это предводительница освободителей, — так вот, Криста Бродерик не из таких. Но что в этом проку? Ну, разве что немощные остатки старой организации, которыми ей позволили командовать. Может, когда соберется Великая Ассамблея, за Герцогиней оставят кое-какое право голоса. Но только не за Бродерик, нет, не за Бродерик.

Эдзел посмотрел в глаза Чи.

— Коллега, — сказал он, — по-моему, нам надо позаботиться о том, чтобы Дэвид поговорил с госпожой Сандрой, прежде чем объявится открыто или совершит какой-нибудь опрометчивый поступок.

Глава 17

Бенони Стрэнг сказал с экрана:

— Я звоню по поводу дня рождения Элвандера, мадам. Несколько секунд Сандра никак не могла прийти в себя. Последнее время ей часто приходилось собираться с силами; наконец она устало откинулась на спинку стула и принялась ждать следующего раската. Наконец гром грянул, она услышала завывание ветра и шум дождя; чувство было такое,

словно мимо промчался на лошади Пит. Сандра выпрямилась и холодно ответила:

— Ну и что? До него еще целый месяц.

— Разумнее всего было бы подготовиться загодя, мадам, — заявил Стрэнг. — Я прошу вас объявить, что всенародного праздника в этом году не будет в связи с чрезвычайным положением и все демонстрации запрещены.

— Что? И это — в день всемирного праздника?

— Именно так, мадам. Лавина эмоций — слишком опасная штука. Граждане могут спокойно соблюсти церемонию дома, если им хочется, но и больших сборищ в частных домах мы тоже не допустим. Церкви должны быть закрыты.

«По большому счету это неудивительно», — подумала Сандра. Но ведь в первом ее осознанном воспоминании отец держал Сандру высоко над толпой на Прибрежной Пустоши, и она любовалась фейерверком; с украшенной флажками баржи пускали в небо каскады ракет, и воды реки, отражавшие их свет, казались живыми.

— А если я не выступлю с таким заявлением? — дерзко спросила Сандра.

— Вы должны, мадам. Ради блага вашего народа. Беспорядки могут привести к попыткам настоящего переворота, и войска будут вынуждены открыть огонь. — Он помолчал. — Если вы не отдадите такой приказ, его отдам я, а это серьезно подорвет ваш авторитет.

«Какой авторитет? — подумала Сандра. — Да, но ведь эта вежливо-елейная игра, в которую мы играем, — единственное средство отсрочить... Что?»

— Резня лишит вас значительной доли поддержки, — предостерегла его Сандра.

Обрамленные тонкими усиками губы Стрэнга плотно сжались.

— Вы употребили такое эмоционально окрашенное слово, мадам, а значит, любой инцидент может повлечь за собой необходимость крайних мер со стороны моей службы.

— Хорошо, я отменю празднества. Полагаю, ни у кого и так нет праздничного настроения.

— Благодарю вас, мадам.... Э... вы посоветуетесь со мной о том, в каких выражениях составить заявление, не правда ли?

— Да. Хорошего вам дня, комиссар.

— Хорошего дня, ваша светлость.

Оставшись в одиночестве, Сандра поднялась и подошла к открытому окну. Она не включала освещение, и сейчас, в бурю, ее комната для совещаний выглядела мрачно, будто пещера, в которой можно было различить лишь несколько предметов: тусклый блеск деревянной облицовки, приглушенные тона картины, изогнутый боевой топорик с Диомеда. В комнату врывался свежий воздух, шумный и сырой. Струи дождя пронзали сад, будто копья, скрывали мир, лежавший за его оградой. Сверкнула молния, и голые ветки деревьев словно прыгнули вниз с серого, как сталь, неба. Гром прокатился по бесконечным просторам, и снова вернулся мрак.

Сегодня Сандра не поедет на конную прогулку. Она каталась каждое утро, пуская свою любимую лошадь через холм Паломников, к реке, потом вдоль Паломино — к Серебряной улице, Олимпийскому проспекту и обратно. Она проезжала несколько километров, всегда в полном одиночестве, чтобы народ видел ее, успокаивался, насколько это возможно, и успокаивал саму Сандру. Часто подданные низко кланялись, посылали ей воздушные поцелуи. Но в такую погоду на улице слишком мало людей, и не стоит тратить усилий на этот красивый жест.

«Но как бы мне хотелось. Желание просто снедает меня. Только я не хочу ехать через Звездопад. Лучше — в деревню, по дороге на Каньон, галопом, навстречу дождю и ветру. Нестись без остановки, раскраивая копытами черепа Стрэнга и его людей, а потом умчаться в горы, пустыни, сверзиться с горизонта и улететь к звездам».

Загудел сигнал. Сандра разжала кулаки, подошла к селектору и нажала кнопку «прием».

— Да?

— Мадам, — произнес голос ее делопроизводителя, — Мартин Шустер[77] ждет приема.

— Что? — Сандра очнулась и пришла в себя. — Да, пусть войдет.

«Не знаю, кто он такой, но Афина Фолкейн попросила принять его без свидетелей, вот почему я оказалась здесь, когда позвонил... — мышцы ее шеи напряглись, — ...Стрэнг».

Дверь открылась и снова захлопнулась. Как и сама Сандра, гость был высок, светловолос, средних лет. Повнимательнее вглядевшись в черты худощавого лица, Герцогиня подавила возглас изумления и оцепенела.

Пришелец поклонился.

— Приветствую, ваша светлость, спасибо, что приняли меня. — Он сохранил если и не гермесские обороты речи, то, по крайней мере, остатки здешнего выговора. Сандра знала, что вот уже много лет он не бывал подолгу ни на Земле, ни на какой другой планете, ще говорили по-английски. — Я намерен говорить с вами доверительно.

— Хорошо, — сердце Сандры затрепетало. — Это помещение безопасно. — Посетитель продолжал колебаться, поэтому Сандра добавила: — С тех пор как началась оккупация, охранники и техники дежурят круглые сутки, обеспечивая мне полную безопасность.

— Прекрасно, — их взгляды встретились. — Думаю, вы знаете, кто я.

— Дэвид Фолкейн?

— Да.

— Почему вы вернулись?

— Чтобы помочь в меру сил. Я надеялся, что вы, мадам, подарите мне несколько дельных мыслей.

Сандра резко взмахнула рукой:

---

[77] Мартин Шустер — герой повести П. Андерсона «Треугольное колесо», соратник и наставник Дэвида Фолкейна.

— Добро пожаловать. Садитесь. Не желаете ли прохладительного? Закурите? Может быть, еще что-нибудь?

— Не теперь, благодарю вас. — Фолкейн оставался на ногах, пока Герцогиня не устроилась в кресле. Открыв стоявшую рядом коробку, Сандра выбрала сигару, откусила кончик и закурила.

— Что ж, рассказывайте, — предложила она.

— Эрик добрался до Солнечной системы целым и невредимым, — начал Дэвид и рассказал все. Сандра лишь изредка прерывала его, задавая вопросы.

Когда Фолкейн умолк, она покачала головой и вздохнула:

— Восхищена вашей смелостью и находчивостью, капитан Фолкейн. Возможно, вы сумеете нам помочь. Хотя я далеко не уверена. В самом лучшем случае мы можем протянуть время, выторговать у Стрэнга кратковременные уступки, если согласимся сотрудничать, помогая ему заложить основы своей диктатуры. Гермес может быть спасен только в том случае, если Бабур будет разгромлен.

— А на это уйдут годы, если такое вообще возможно. И сколько будет загублено жизней, потрачено средств, какими волнениями в обществе это чревато — представить себе невозможно, — сказал Фолкейн. — Содружество в растерянности и смятении, ему недостает силы воли. Лига скована происками своих удельных князьков. Я думаю, вскоре Содружество бросит в бой все силы, в основном потому, что так хотят «Домашние Компании». Они видят в Обители Мрака возможность развернуть деятельность в космосе в таких масштабах, которые позволят им конкурировать с «Семеркой». Но они не волшебники и не могут в мгновение ока создать мощный военный флот и настроить население на решительный лад. А что тем временем сделает Бабур? Кто знает? Да, мадам, вряд ли Гермес может рассчитывать на чужеземных спасителей.

— Тогда что вы предлагаете? — Сандра жадно затянулась сигарой, и дым обжег ей язык.

— Политическое лавирование, которым вы занимались да сих пор. Возможно, я сумею посодействовать вам в этом. Одновременно мы тайно организуем сопротивление и будем совершать вылазки из глубинных районов нашего огромного тыла. Быть может, нам удастся доказать бабуритам, что поддерживать Стрэнга — непозволительно дорогое удовольствие для них: Гермес мало что может дать Бабуру.

— Какова бы ни была истинная причина его нападения на нас, разве она перестанет существовать? — возразила Сандра, подавляя свои сокровенные желания. — И не надо недооценивать Стрэнга. Он наверняка предвидел нашу попытку сделать то, что предлагаете вы, и принял меры. Он — настоящий злой гений, хотя и не считает себя злым.

Фолкейн устремил взор мимо Сандры, на сплошную стену дождя за окном.

— Должно быть, вы знаете его лучше, чем любой другой обитатель планеты, — сказал он.

— Но это еще не значит, что хорошо. Он целеустремлен, как машина, и к нему так же трудно подступиться. Интересно, спит ли он когда-нибудь? Да вот вам пример. Незадолго до вашего прихода он собственной персоной позвонил мне, требуя запретить народное празднество в день рождения Элвандера. Стрэнг мог бы поручить это помощнику, но нет: ему приспичило позаботиться обо всем самолично.

Фолкейн ухмыльнулся:

— Я должен изучить его, попробовать получить представление о том, что он за человек. Говорят, он не выступает с речами и почти не делает заявлений от собственного имени.

— Верно. Должна признать, что он не эгоист. Или... скорее его интересует суть власти, а не ее внешняя сторона.

— Я даже не знаю, как он выглядит.

— Ну что ж, могу включить для вас запись нашего разговора, — Сандра испытала смутное чувство облегчения, когда поднялась, подошла к телефону и нажала кнопку. Она толком не знала, как вести себя с этим человеком, бывшим ее

соотечественником, но путешествовавшим вдали от родины, знаменитым, но чужим, явившимся к ней прямо из бури.

Экран засветился, и на нем возникло знакомое ненавистное лицо. Стрэнг сказал: «Доброе утро, ваша светлость...»

— О-о-о-о!

Крик едва не вспорол ее барабанные перепонки. Сандра резко повернулась и увидела, что Фолкейн вскочил на ноги, набычился, а пальцы его сделались похожими на когти.

— Не может быть! — взревел он. Но мгновение спустя шепотом добавил: — И все же.

«Я звоню вам по поводу дня рождения Элвандера, мадам», — донеслось с пленки.

— Отключите, — хрипло выдавил Фолкейн. — О, Иуда. — Он заозирался по сторонам, будто искал что-то в полумраке. — Что еще можно сказать? Иуда.

К позвоночнику Сандры словно прикоснулась молния, только холодная-прехолодная. Она подошла к Фолкейну, ноги не слушались ее.

— В чем дело, Дэвид?

— Это... — Фолкейн встряхнулся, будто мокрый пес. — У Стрэнга есть брат-близнец, или двойник, или что-нибудь в этом роде?

— Нет, — Сандра осеклась. — Нет, я уверена.

Фолкейн принялся мерить шагами комнату, заложив руки за спину и крепко сжав их.

— Кусочек головоломки, какой-нибудь основной принцип, какая-нибудь отгадка, — бормотал он. — Тихо, дайте мне подумать.

Ни Дэвид, ни Сандра не заметили, что он вышел за рамки приличий.

Фолкейн расхаживал по комнате, а Сандра ждала, стоя на ледяном сквозняке. Губы Дэвида беззвучно произносили какие-то слова или нечеловеческие ругательства. И когда Фолкейн наконец остановился и взглянул на Сандру, она

заметила некий странный символизм в том, что он стоит под ее боевым топориком.

— Эти сведения необходимо немедленно и тайно доставить на Землю ван Рийну, — выпалил он. — Вы можете тайком отправить послание?

Сандра покачала головой:

— Это невозможно.

— Должен быть способ.

— Нет. Думаете, я сама не хотела этого сделать? Не совещалась со своими офицерами, ломая голову? Планета опутана сетью радаров, окружена детекторами и кораблями. Вашим друзьям не выбраться отсюда живыми. Вы вошли в атмосферу, замаскировавшись под метеорит, но вам отлично известно, что случилось потом. Кроме того... метеориты падают, но не взлетают.

Фолкейн ударил кулаком по стене.

— Послушайте, то, что я сейчас узнал, может изменить весь ход войны, если вовремя сообщить ван Рийну. Ради этого стоит пойти на любые жертвы.

Сандра взяла его под руку.

— Почему?

Выслушав ответ Дэвида, она долго стояла в молчании. Потом он проговорил:

— Как видите, я еще не решил эту головоломку до конца. Предоставлю это старине Нику. Он хороший специалист по этой части. Я даже могу ошибаться, и в этом случае все наши усилия пропадут впустую. Но вы понимаете, почему мы обязаны сделать все, что можем, не правда ли?

— Да, — Сандра кивнула, ничего не видя перед собой. — Хотя это слишком рискованная игра. Если что-нибудь сорвется, мы потеряем гораздо больше, чем наши жизни.

— Разумеется. Но тем не менее мы обязаны попытаться, — настойчиво повторил Дэвид. — Пусть наш замысел — чистое фантазерство, но это все же лучше, чем ничего. Стрэнг наверняка обменивается посланиями с верховным

командованием бабу-ритов. Если бы мы могли угнать один из кораблей связи...

— Невозможно. — Сандра повернулась к нему спиной и опять подошла к окну. Завывал ветер, хлестал дождь, гром грохотал, будто громадные жернова. На Звездопад надвигалась зима.

Дэвид приблизился и остановился за спиной Сандры.

— Вы что-то недоговариваете, — укоризненно сказал он.

— Да, — едва слышно ответила она, не поворачивая головы. — О Боже, мои родные, да и ваши тоже. Мать, брат, сестра, ваши спутники — все останутся здесь.

Теперь уж Дэвид утратил дар речи. Но все-таки выдавил:

— Продолжайте.

— Герцогская космическая яхта все еще в моем распоряжении, — слова падали, будто капли. — Стрэнг не раз предлагал мне отправиться на увеселительную прогулку, но я неизменно отвечала отказом. Понятно, что было у него на уме. Ведь я могла бежать в Солнечную систему, и он не стал бы чинить мне препятствий.

— Нет, не стал бы, — тихо подтвердил Фолкейн. — Это дало бы ему предлог присвоить неограниченную власть, заручившись поддержкой экстремистов из Освободительного Фронта. Только представьте себе: «Великая Герцогиня, как прежде ее сын, перебежала на сторону неприятеля, намереваясь привести сюда чужие войска, которые подавят нашу славную революцию».

— Кланы, Последователи и честные траверы останутся без руководства. Они подумают, что я их предала... И, возможно, окажутся объектом террора властей.

— Я вижу, вы читали учебники родной истории, госпожа Сандра.

Они снова надолго замолчали.

— А я останусь здесь, — наконец проговорил Фолкейн. — Объявлюсь открыто и сделаю все, что смогу.

Сандра резко повернулась.

— О нет, — возразила она. — О нет, Дэвид. Я возьму членов своей семьи, в том числе и невесту Эрика, ибо тогда Стрэнг уж наверняка решит, что я намерена бежать. Но вы... вы отправитесь с нами под чужим именем, вместо одного из членов моей команды. Я не могу оставить вас здесь.

— Почему?

— Вы могли бы остаться только тайно, а значит, не принося никакой пользы. Между тем в космосе нам понадобятся ваши способности. Или в вас может взыграть честолюбие, и вы попытаетесь занять мое место, а тогда уж террор неизбежен, поскольку Стрэнг поймет, что мы в сговоре. А поняв, захочет нанести быстрый и мощный удар. В то же время, если вас не будет здесь, если знать и впрямь останется без предводителя и впадет в смятение, Стрэнг может решить, что с политической точки зрения было бы разумнее не принимать против нее крайних мер.

— А если нет...

— Я уже говорила, Дэвид, все обитатели Хорнбека, за исключением вас, должны остаться.

Их взгляды встретились, и Дэвид опустил глаза. Будто зачарованный, он долго смотрел в пол, потом еле слышно сказал:

— Если мы поможем предотвратить вселенскую войну, то спасем сотни миллионов жизней. Но это будут жизни людей, увидеть которых нам не суждено. — Он поднял голову. — Да будет так. Вы готовы, Сандра?

Первый снежок запорошил землю, когда с Уильямс-Филд взлетела яхта «Замок Кэтрин». За железобетонным летным полем, за пусковыми салазками и наземными постройками лежала страна, покрытая белым снегом, который прочерчивали синие тени. Тишина, неподвижность. Волнистая равнина тянулась к западу до холмов Аркадии. Над ней висело вечно голубое небо. Дыхание вырывалось облачками пара, шаги гулко отдавались по мерзлой земле.

Солдаты верховного комиссара Бенони Стрэнга по его приказу выстроились в почетный караул. Когда Герцогиня и ее экипаж шли мимо, солдаты салютовали оружием. Сандра тоже приветствовала их, слегка коснувшись пальцами лба. Этикет был соблюден.

Была проделана и вся бумажная работа, необходимая для того, чтобы сегодняшнее событие стало возможным. Ее светлость пожелала посетить дальнюю планету системы, Хронос, полюбоваться ее кольцами, совершить восхождение и покататься на горных лыжах на спутнике Хроноса, Иде. Разрешение, понятное дело, было получено.

На борт поднялись сама Сандра с ее людьми, дети Герцогини и Лорна Стэнтон. К членам команды никто особенно не приглядывался, хотя по выражению их лиц было совершенно ясно, что они знают, куда отправляются на самом деле. Трап отполз прочь, люк захлопнулся. Вскоре раздалось гудение двигателей, включилась антигравитация, корабль поднялся, будто влекомая ветром снежинка. Взмыв в небо, он сверкнул, как звездочка, и скрылся из виду.

«Замок Кэтрин» миновал сторожевые корабли и, набирая скорость, помчался в космос в плоскости эклиптики. Майя сделалась совсем маленькой, Млечный Путь приветливо понесся навстречу. Удалившись на достаточное расстояние, корабль перешел на гиперпространственную тягу, преодолел порог скорости света и устремился прочь от Майи.

Погони не было.

Когда стало ясно, что они на свободе, Сандра отыскала Фолкейна, увела в укромный уголок и разрыдалась у него на груди.

Глава 18

Похоже, Ханни Леннарт было не по себе. Эрик подозревал, что причиной тому не столько необходимость обратиться к нему с упреками, сколько те обстоятельства, при

которых она вынуждена это сделать. Он возглавлял военный флот планеты, которую Содружество по-прежнему считало суверенной, и поэтому никто не имел формального права делать ему выговоры. Ханни пригласила Эрика пообедать вместе, и он тотчас предложил ресторан «Тхийна-хаус», выбрав его из списка, загодя полученного от ван Рийна.

Последний мальчик-официант (всего их было двадцать один) поставил на стол блюдо с приправами, соединил ладони перед грудью, поклонился и вышел из кабинета. Если сотрапезникам понадобятся еще какие-нибудь услуги, они позвонят в колокольчик. Над проливом Сунда сиял чудесный день, поэтому стену убрали, чтобы в помещение втекал тропический воздух, напоенный морской прохладой. Сады, расцвеченные тысячей красок, террасами сбегали к воде, шелестели пальмы, раскачивался бамбук. Над кобальтово-синей водой возвышался величавый силуэт похожего на торпеду грузового корабля, виднелись белые крылья парусов спортивных суденышек. Невидимый музыкант извлекал мягкие звуки из деревянной флейты.

Эрик надолго припал к пивной кружке, потом принялся поглощать кэрри. Леннарт укоризненно посмотрела на него через стол.

— Такая неумеренность в военное время неприлична, — сказала она.

— Что еще за военное время? — парировал Эрик. — Если бы мы хоть немного шевелились, я бы еще мог согласиться.

— Терпение, адмирал Тамарин-Асмундсен, прошу вас. Боюсь, однако, что его-то вам и недостает. Как раз о терпении я и хочу с вами поговорить.

— Пожалуйста, сударыня. — При мысли о Лорне, матери и родной планете он вдруг перестал чувствовать вкус пищи. — Хотел бы я, чтобы мне растолковали стратегию Солнечной системы, если она вообще есть. Я и сам не хочу сидеть тут и набивать брюхо. С куда большей радостью я бы отправился в космический рейд.

— Наше правительство не может поддержать ваших самостоятельных действий.

— Тогда пусть примет нас в ряды своих вооруженных сил и даст нам задание!

Леннарт поджала губы:

— Откровенно говоря, адмирал, вы сами виноваты в этой проволочке. Когда вы потворствовали побегу Дэвида Фолкейна...

— Какому побегу? Я уже устал повторять, что Фолкейн и его друзья отправились с заданием как офицеры гермесской армии. Они собирают разведывательные сведения по моему приказу... поскольку Содружество настойчиво пренебрегает Этой само собой разумеющейся деятельностью.

Леннарт чуть отступила.

— Давайте не будем ссориться, — сказала она, выдавив нечто похожее на улыбку. — Я отстаивала вас, говорила, что вас нельзя винить ни в желании получать вести из дома, ни в ставшем теперь очевидным союзе с вашим отцом. Да, я даже хотела, чтобы вас как можно скорее ввели в состав объединенного командования.

«Иными словами, сделали подчиненным, чтобы меня можно было отдать под военно-полевой суд, если я опять нарушу дисциплину», — догадался Эрик.

— Что ж, адмирал, — продолжала Леннарт, — сейчас я хочу обсудить с вами новые затруднения, которые вы успели создать для меня и всех ваших друзей. Ваши выступления перед гражданами, ваша речь в выпуске новостей — все это восстановило против вас высшее чиновничество. Судя по этим выступлениям, вы — неисправимый смутьян, уж простите мне такое выражение.

— О, разумеется, сударыня, — отвечал Эрик, — я смутьян, или только надеюсь им стать. Но только по отношению к бабуритам. Я торопил вас, призывая действовать. Если мы еще и не готовы к новому генеральному сражению, то можем, по крайней мере, изрядно испортить жизнь нашим врагам. Мы способны разрушить их торговлю, сбросить на их базы

мегатонны взрывчатки — и так до тех пор, пока бабуриты не поймут, что им выгоднее отступиться от Гермеса и вступить в переговоры с целью заключить соглашение об Обители Мрака.

Лицо Леннарт омрачилось.

— Никакие уступки невозможны. Иначе получится, что агрессия принесла Бабуру выгоду. Его необходимо заставить пойти на попятную по каждому пункту, особенно в том, что касается Обители Мрака, причины всей этой войны. А для этого надо накопить гораздо больше сил, чем мы имеем сейчас. Это нельзя сделать за один день. Пока же мы должны держать свои войска здесь, чтобы они охраняли Содружество от той тактики, о которой вы рассказывали.

Эрик представил себе обезумевшие от страха толпы людей, вышедших на улицу, чтобы поддержать такую политику, влиятельных комментаторов, дельцов, политиканов... На правительство оказывают давление, это так. Но в какой степени это давление управляемо? «Домашние Компании» более всего заинтересованы в защите своей собственности от вооруженных посягательств, в безудержном производстве оружия ради извлечения громадных прибылей, в том, чтобы приучить граждан к мысли, будто ими управляет государство, в котором изрядная доля власти принадлежит им самим. А Гермес пусть хоть провалится в преисподнюю, им плевать.

«Но почему тогда отец уговорил меня выступить с речами, неугодными властям? — подумал он. — У него была какая-то своя цель. Тогда я был слишком нетерпелив и рассержен, чтобы прощупывать его. Я испытывал естественное чувство протеста. Но теперь вижу, что наш с ним разговор еще далеко не окончен».

У Эрика больше не было сил соблюдать фальшивую вежливость.

— Сударыня! — вскричал он. — Все эти доводы затасканы до полной потери какого-либо смысла. Они превратились не более чем в лозунги. Давайте забудем о них. Неужели мы с

вами безнадежно расходимся, или же соглашение все-таки возможно?

— Вы не очень-то дипломатичны в выражениях.

— Моя еда остывает, — заявил Эрик и принялся за жаркое.

Леннарт поковырялась в тарелке.

— Н-ну... Что ж, если вы твердо решили говорить без обиняков...

— Затем мы и встретились здесь, не так ли? Валяйте.

— Ну, тогда все очень просто. Если вы не станете высовываться, откажетесь от новых публичных выступлений, проявите готовность и принудите своих приверженцев к сотрудничеству с нами ради общей конечной цели, если вы докажете, что способны на это, тогда, наверное — не наверняка, а лишь наверное, — со временем мне удастся уговорить верховное командование принять вас на службу на первоначальных условиях.

«Новая проволочка. И причиной ей стал я сам по наущению отца. Зачем ему это?»

— А что будет в противном случае? — спросил Эрик.

Леннарт пошла красными пятнами.

— Вы не можете рассчитывать на то, что Содружество вечно будет давать приют и оказывать помощь человеку, злоупотребляющему его гостеприимством.

Эрик ухмыльнулся.

— Не буду тратить времени на синтаксический разбор этого предложения, сударыня. Но не премину громогласно задать вопрос о том, что, собственно, представляет собой «Содружество». Частное лицо, к которому пришло в гости другое частное лицо? Или державу? В таком случае, кто составляет ее правительство, у кого подлинная власть? И почему тут приняли нас? И почему им не нравится, когда я высказываю точку зрения, отличную от их собственной, и делаю ее достоянием широкой гласности? Я полагал, здесь демократия.

Ну довольно, — он поднял руку. — Я не хочу вас злить и готов взглянуть правде в глаза. Вы признаете, что прежде всего я обязан заботиться о Гермесе, и если освобождение Гермеса не станет одной из целей войны, то мне и моим людям незачем в ней участвовать. Но я согласен проводить эту мысль более спокойно, высказывая ее не народу, а членам кабинета министров, председателям корпораций и профсоюзным вождям.

Леннарт немного расслабилась.

— Вероятно, это приемлемо.

— Одна мелочь, — продолжал Эрик. — Ваши власти реквизировали космический корабль, принадлежащий компании моего отца. Я хочу, чтобы его отдали мне и приписали к моему отряду.

— Зачем? — удивилась Леннарт.

— Да просто так. Это корабль отца, и мною движет сыновний долг.

«На самом деле это Койя уговорила меня проявить настойчивость. «Через пень-колоду» принадлежит не ван Рийну, а Дэвиду. Хотя... быть может, это старина Ник настроил ее на такой сентиментальный лад? Ведь у «Через пень-колоду» возможностей больше, чем у многих других кораблей».

Леннарт сжала пальцами вилку.

— Это еще один вопрос, который нам с вами надо решить сегодня же, — сказала она, — На Земле знали, кто ваши родители, но надеялись, что мастер ван Рийн не окажется вам так уж дорог. Вы же никогда не виделись с ним. Поначалу казалось, что наши надежды оправдываются. Но вы вдруг начали сотрудничать с ним, и это, несомненно, произошло после ваших тайных контактов. Мы очень разочарованы.

— Почему? Или я должен был отречься от него? Разве я обязан давать отчет о том, куда я пошел, с кем виделся, откуда вернулся? Разве ван Рийн — не уважаемый гражданин Содружества?

— Только формально, адмирал Тамарин-Асмундсен, только формально. На деле же он оказывает пагубное влияние. Иными словами, он в первых рядах борцов с растущим засилием государства. Кроме того, время от времени он лишает «Домашние Компании» лакомых кусочков.

— Как-нибудь на досуге вы мне это растолкуете, сударыня, — примирительно сказал Эрик. — Сначала давайте разберемся с вышеупомянутым кораблем. Можете отнести эту просьбу на счет моего провинциализма: мы в колониях всегда жаждали чего-то осязаемого.

Леннарт задумалась.

— Так за корабль будете отвечать вы, а не он?

— Совершенно, верно. Я устрою так, что его придадут флоту Гермеса. Значит, корабль будет принадлежать Содружеству, когда наши силы объединятся.

«Если объединятся», — подумал он.

— Хм... не вижу серьезных препятствий. Это не моя епархия, но я могу внести предложение. А вы, в свою очередь...

— Да, я прекращу агитацию, — ответил Эрик, набивая рот. Пища снова обрела вкус. Леннарт может весь обед читать ему лекцию, но вряд ли стоит слушать ее слишком внимательно. Лучше помечтать о том, как он в один прекрасный день привезет сюда Лорну.

Николас Фолкейн появился на свет в особняке своего прадеда в Дельфинбурге, который в те дни плыл по Коралловому морю над обломками, оставшимися после какого-то древнего морского сражения. Роды были долгие, потому что плод оказался слишком крупным для своей изящной матери. Поскольку муж был в отъезде, Койя не принимала никого, кроме врачей, которые нередко замечали на ее лице легкую улыбку, будто призывавшую Вселенную смирить свою гордыню.

Койя была рада ребенку. Она нянчилась с ним, когда в ее комнату, будто буря, ворвался ван Рийн.

— Хо-хо, хо-хо, ура! — загремел старик. — Позд-черт возьми-равляю! Это и есть наш младенец? Ну и бутуз. Видно породу. Неважно чью. Может, Адамову? В этом возрасте все они — сморщенные красные червяки. Как ты себя чувствуешь?

— Я совсем извелась, — пожаловалась Койя. — Мне разрешат вставать только завтра.

— Мне есть чем тебя утешить, — сценическим шепотом сообщил ей ван Рийн и извлек из-за пазухи бутылку бренди.

— Э... я не знаю... А почему бы ему не начать учиться этому сызмальства? Спасибо, Гунунг-Туан. — Койя надолго припала к бутылке.

Ван Рийн разглядывал ее бледное лицо, глаза, казавшиеся слишком большими, черные волосы, лежащие на подушках.

— Извини, что не пришел раньше. Дела не пускали.

— Должно быть, важные.

— Не для меня, а для моего партнера. Мелкий торговец, который поставляет мне одну инопланетную пряность. Юла. Ты когда-нибудь слыхала о ней? На мой вкус она не лучше шоколадного мыла, но на Цинтии ее любят. Война и запрет на торговлю грозят купцу разорением. Из-за этих дурацких антитрестовских законов я не могу дать ему заем по телефону. Или, может, ему надо было ползти на брюхе к властям и выпрашивать сухую корку, nie? Вот мы и встретились, поговорили, и теперь дело в шляпе.

— Это было очень мило с твоей стороны.

— Нет, нет. Ба! Сейчас плохие времена, и настают еще худшие. Если мы не станем держаться друг друга, нам и вовсе не за что будет держаться. Не обращай внимания на всю эту чепуху. Как ты себя чувствуешь, пичуга?

Койя уже давно смирилась с тем, что дед, обращаясь к ней, использовал прозвище, которым наградил внучку еще в младенчестве.

— Прекрасно. Час назад звонили мои родители. Велели передать тебе привет.

— Ну, так отдай им его обратно, — ван Рийн обошел комнату. Вливавшийся в окно солнечный свет волнистыми сполохами играл на стене у него за спиной. — Они славные люди, но, как и все их поколение, не понимают, что образ — еще далеко не все. Мы, земляне, слишком долго умничали.

Койя молчала. Маленький Николас с аппетитом сосал.

— О, прошу прощения, — сказал ван Рийн. — Я не должен был говорить о них дурно. Всяк действует в меру своей глупости. Но сейчас, когда Дэви нет с тобой... — он указал пальцем на малыша, который временно насытился, повернулся к прадеду и принялся пускать воздушные пузыри. — Ого! Он уже умеет произносить политические речи!

— Дэви, — прошептала Койя и добавила вслух: — Нет, я не стану причитать, как бы его ни водили за нос. Но что с ним происходит, как ты думаешь, Гунунг-Туан?

Ван Рийн яростно дернул себя за локон.

— Откуда мне, старому простофиле, это знать? Слишком много неизвестных величин, дорогая, слишком много неизвестных величин.

Койя приподняла свободную руку.

— Разве ты не пытался найти ответы на все эти вопросы? Пусть самые приблизительные, но все же ответы.

Ван Рийн поморщился, с грохотом припечатал к стулу свой громадный зад и присосался к принесенной бутылке, после чего протянул ее Койе. Она отрицательно взмахнула рукой, пристально глядя на него.

— Это тайна, — сказал ван Рийн. — Что-то в ней ясно, что-то безобразно. Но что-то... — он пожал плечами, будто гора, сбрасывающая лежалый снег. — Что-то выглядит лишенным смысла. Масса парадоксов и ни одного парадоктора. Я уже об этом говорил, ты знаешь.

— Да, но я так волновалась из-за Дэви, а потом — и из-за ребенка. Пожалуйста, объясни еще раз. От повторения вреда не будет. Мне хочется верить, что я хоть как-то действую на благо Дэви.

— Ну хорошо, — ван Рийн вздохнул. — Пройдемся по всему списку. — Он принялся загибать волосатые пальцы. — Номер первый: каким образом Бабур мог вооружаться, готовясь к войне? И зачем? Никто не мог предвидеть открытие Обители Мрака. Оно послужило лишь толчком для оползня и застало врасплох всех, включая Бабур, вероятно, вынудив его начать действовать раньше намеченного срока.

Номер второй: несколько компаний «Семерки» много лет вели дела с Бабуром. Почему они ни сном ни духом не ведали о том, что он вооружается? О ja, дела велись по мелочи и от случая к случаю, а планета большая и совсем незнакомая. Но тем не менее...

Номер третий: почему Бабур так уверен в своей победе? И почему бабуриты так презирают Лигу, что даже арестовали твоего мужа, когда он пришел к ним с миром? Не такой уж Бабур райский уголок, чуть ли не всю его поверхность занимают пустыни.

Номер четвертый: похоже, у Бабура уйма наемников, дышащих кислородом. Скажи мне, как могли много лет втихаря набирать их на разных планетах? Нет, Бабуру оказывали помощь и в научных исследованиях, и в разработке и производстве вооружений. Но кто и почему помогал ему?

Номер пятый: что заставляет бабуритов полагать, будто они знают о нас, чужеродных им существах, вполне достаточно, чтобы вести с нами войну, а потом — мирные переговоры на выгодных для них условиях? Кто поставляет им сведения?

Номер шестой: с какой стати Бабуру оккупировать маленькую и почти не населенную планету земного типа...

На прикроватной тумбочке зазвенел телефон. Койя чертыхнулась и нажала кнопку приема. Экран высветил лицо исполнительного секретаря ван Рийна.

— Сэр, — заикаясь, проговорил он. — Сэр, получены известия. Корабль с Гермеса. На борту Великая Герцогиня. Объявила себя правительством Гермеса в изгнании. А с ней... Дэвид Фолкейн.

Комната будто озарилась радостной вспышкой. Но как только бывшие в ней люди начали задаваться вполне естественными вопросами, радость сменилась унынием.

Глава 19

За тридцать с лишним лет воспоминания Сандры о Земле потускнели. Она помнила громадные городские конгломераты, но напрочь забыла, как они могли устрашать. Она знала, что такое целиком искусственная и полностью управляемая окружающая среда, но только теперь Сандре пришло в голову, что такая среда по-своему более чужда ей, чем дальние планеты системы Майи. Кроме того, в первый раз она была здесь как турист, имевший право на свободное передвижение и возможность пережить любое приключение; тогда она еще не знала, в какие цепи Земля заковывает знаменитостей. Теперь все ее время было расписано по часам, все встречи превращались в ритуальный танец слов, все улыбки тщательно рассчитывались, дабы произвести впечатление на публику. Ей показали кое-какие еще сохранившиеся чудеса природы, но разрешили только смотреть: она не могла спуститься по крутой тропе в Большой Каньон или сбросить одежду и нырнуть в озеро Байкал. И повсюду, повсюду ее обязательно сопровождала охрана.

«И кому здесь нужна власть? Такой ценой?» — посетовала она однажды.

Дэвид Фолкейн тогда, помнится, криво усмехнулся и ответил:

— Политиканам она не по карману. Они устраивают показуху, но большинство действительно важных решений принимают владельцы собственности, управляющие, чиновники, профсоюзные бонзы, люди, которые не высовываются до такой степени, что им нужна защита или секретари, расписывающие их время... Разумеется, политиканы мнят себя вождями.

Сандра испытала огромную радость, очутившись среди своих, на борту ее флагманского корабля, крейсера «Хронос», хотя тут было тесновато и стерильно чисто. Остававшийся на орбите гермесский флот считался суверенной территорией. После весьма неприятных препирательств Сандре удалось избавиться даже от соглядатаев из секретной службы. Мужчины и женщины на борту были рождены под теми же небесами и взращены теми же нивами, что и Сандра; они шагали такой же легкой поступью и говорили с такой же легкой картавинкой; они делили с ней одиночество и держались друг друга.

И все-таки сердце Сандры билось учащенно. Сегодня она опять встретится с Николасом ван Рийном. То, что встреча произойдет на ее территории, не имело значения (это было необходимо хотя бы для того, чтобы обезопасить себя от электронного прослушивания); Сандра все равно испытывала страх и злилась на себя за это. Эрик, который стоял рядом и тоже ждал, должен был бы в немалой степени успокоить ее, но почему-то казался едва ли не чужим человеком. Ей предстояло встретиться с таким же чужаком, плотью от плоти которого был юноша, неохотно приехавший сюда с Земли, где оставил свою Лорну. Команда, облаченная в белые парадные скафандры и выстроившаяся в две шеренги у входного люка, тоже казалась Сандре чужой: как знать, что за мысли прячут они за своими нарочито непроницаемыми лицами?

Зажужжали вентиляторы, и, когда Сандру обдало прохладой, она поняла, что кожа ее покрылась испариной.

Открылся внутренний люк.

Вот он.

Первой ее реакцией было изумление. И мысль: «Какой же он невзрачный». Сандра помнила его громадным и твердым как скала, а не жирным и тучным; да и украшенная кружевами силоновая блуза выглядела на нем нелепо, равно как иридоновая куртка и лиловые штаны, которые он напялил по такому случаю. Стоявший рядом Фолкейн, в простой

серой тунике и свободных брюках, резко контрастировал с ним.

«Черт, да он же стар», — дошло до Сандры, и чувство неловкости покинуло ее. Теперь чужд ей был не стоящий рядом сын, а та самоуверенная девчонка, которой она была когда-то.

— Приветствую, господа, — произнесла Сандра так, будто встречала очередных участников совещания.

Но ван Рийн, прибери дьявол его черную душу, не пожелал пощадить ее чувства. Он схватил руку Сандры, шумно чмокнул ее и принялся трясти.

— Добрый день, добрый день, — загрохотал он. — И хороших ночей. Приветствие и салюты, ваша осветительность. Да наполнится ваша жизнь радостью под завязку. О, что за зрелище для усталых глаз. Только хорошеете с годами, что добрый сыр. Я бы поблагодарил бабуритов за то, что они заставили вас приехать сюда и скрасить нашу жизнь, да вот только ведь они причинили вам беспокойство. И за это они заплатят сполна, кровь из носу, которого у них нет! Ну, да мы его им продадим по пятикратной цене, nie?

Сандра высвободила руку. Внутренне кипя от негодования, она представила гостю капитана и старших офицеров корабля. Потом настала очередь Эрика; он принес гермесцам извинения за нарушение процедуры; поскольку их не пригласили в офицерскую кают-компанию промочить горло перед ужином. Но они были заранее предупреждены об этом: в депеше ван Рийна говорилось, что он хотел бы провести совещание втайне.

Офицеры отнеслись к словам Эрика как к формальности: купец привлекал всеобщее внимание, потому что он был живой легендой. Неужели это он? И какие надежды привез он им, гермесцам, в своем кармане?

Когда Сандра повернулась, чтобы пройти в салон в сопровождении их сына и Фолкейна, ван Рийн взял ее под руку. Такая фамильярность раздражала ее, но Сандра не

знала, как высвободиться, не устраивая сцен. Ван Рийн понизил голос.

— Я бы сказал: Weomar arronach. — Это была фраза из языка народа ланнаска с Диомеда, которая стала их присказкой в первый год дружбы. — Но это было давно, и сейчас уже поздно. Позвольте лишь сказать, что я рад вашему последующему счастью.

— Благодарю, — Сандра опять была сбита с толку.

Они вошли в небольшую кают-компанию, переборки которой были отделаны панелями из дерева железнокорки и украшены шкурой сианопса — символом родины. Здесь еще сохранились их тонкие ароматы. На переборках висели картины: вид на Облачный Шлем с поросшей лесом верхушки одного из холмов Аркадии; дюны в Радужной пустыне; южная часть Корибантического океана с его светящейся по ночам водой. Обзорный экран являл глазу разительный контраст: космические бездны, в которых был затерян корабль, миллионы звезд, миллиарды солнц Млечного Пути; земной шар был едва виден и казался хрупким, будто голубая стекляшка.

Эрик занял место за стойкой маленького бара.

— Нынче я буду вашим юнгой, — объявил он. — Чего желаете?

Это помогло справиться с некоторой неловкостью.

«Неужели он перенял это искусство у своего отца? — мелькнула у Сандры мысль. — Я никогда не умела так быстро влиять на настроение людей».

Заметив, что мужчины ждут, Сандра взяла бокал кларета из долины Аполлона. Ван Рийн отведал гермесского джина и заявил, что тот слишком крепок. Фолкейн и Эрик предпочли шотландское виски. Сандре показалось то ли забавным, то ли символичным, что виски сначала везли из Эдинбурга в Звездопад, а потом — обратно.

Все уселись на длинную скамью, огибавшую стол. Сандра почувствовала облегчение, когда ван Рийн занял место в дальнем конце, рядом с Эриком и Дэвидом. Но когда она

достала портсигар, купец сделал то же самое и настойчиво предложил Сандре настоящую «гавану». Как оказалось, Герцогиня уже успела забыть, насколько та прекрасна.

Воцарилось молчание.

Спустя минуту или две Эрик заерзал, отхлебнул из бокала и грубовато сказал:

— Давайте, может, займемся делом? Мы собрались здесь, потому что мастер ван Рийн хочет что-то нам сообщить. Мне не терпится узнать, что именно.

Сандра напряглась и, встретившись взглядом со старым купцом, почувствовала, что между ними пролетела молния.

— Да, — подтвердила она. — Мы не имеем права мешкать. Пожалуйста, говорите.

Она посмотрела на Фолкейна, потом на Эрика. «Мы знаем, — подумалось ей. — Мы уже говорили об этом, после того как впервые обнялись на Земле».

Ван Рийн выдул носом две струи дыма.

— Нам бы разыграть сцену в духе полицейского романа, когда я бросаю на ковер кусочки мозаики, а потом мы складываем из них лицо злодея. Кабы нашей целью были поиски виновного, мы бы так и поступили, — проговорил он. — Но вы уже догадываетесь, каков будет ответ. Посему главное для нас — решить, что делать. И все равно позвольте мне изложить то, что мы знаем. Просто чтобы убедиться в нашем единомыслии.

Он немного помолчал, переводя дух. Приглушенные корабельные шумы доносились до Сандры подобно звону натянутой струны, вот-вот готовой порваться.

— Байард Стори из «Галактических проектов», глава делегатов «Космической Семерки» на нашем Совете в Луноградe, — не кто иной, как Бенони Стрэнг, верховный комиссар Бабура на Гермесе, — сообщил ван Рийн. — Вот то обстоятельство, которое расставляет все по своим местам.

— Полагаю, что это не так. Матушка привезла фотографии и иные доказательства, но все равно я думаю, что тут

возможна ошибка, — произнес Эрик. Прежде Сандра не замечала в нем этой осторожности.

Ван Рийн покачал головой:

— Нет. Сходство слишком большое. Кроме того, если это он, многое становится ясным.

— И прежде всего — помощь, которую получил Бабур, — вставил Фолкейн тоном судьи, выносящего приговор. — Вооружения, разведданные военного и политического свойства, набор наемников, общее руководство кампанией — все это указывает на причастность «Семерки».

— Но, разумеется, не всей «Семерки», — возразил Эрик, как будто до него только что дошел смысл этого поразительного открытия.

— О нет, — ответил ван Рийн. — Сохранить такую тайну было бы невозможно. Вся Галактика провоняла бы этой грязью, если бы секрет знали не только председатели корпораций, которых совсем немного. А технических специалистов из числа людей, набранных ими, держали в строгой изоляции. Разумеется, и среди бабуритов мало кто знает правду.

Он положил на стол сжатую в кулак волосатую руку — здоровенную, шишковатую, полную сокрушительной силы.

— Впрочем, какая разница, — заявил он. — В политике приказы отдаются по вертикали сверху вниз. Бабуриты презирают Лигу, поскольку их предводителям известно, что Лига дала трещину.

— Какие, однако, гигантские усилия, — удивленно проговорил Эрик. — Научные исследования, разработки, строительство, и так — в течение многих десятилетий, до тех пор, пока этот исполинский транспортный самолет не оказался в полной боевой готовности и не начал извергать орды из своего чрева. Как же мы могли ничего не знать об этом? Такие расходы неизбежно были бы занесены на бухгалтерские пленки...

— Вы недооцениваете масштабы операций на межзвездном уровне, — сказал Фолкейн. — Ни один исполнитель, пусть даже достаточно высокопоставленный, не может

уследить за всей деятельностью крупной компании. Если разбросать расходы по нескольким корпорациям, их нетрудно замаскировать, выдав за колебания статистических показателей. Да они никогда и не были огромными. Почти всю рабочую силу, несомненно, предоставил Бабур. Сырье тоже доставлялось оттуда и с необитаемых планет и астероидов. Как только были изготовлены основные средства производства, «Семерка» могла обходиться сравнительно малой долей своих капиталов. Должно быть, разным людям выплачивались целые состояния, дабы побудить их согласиться провести изрядную часть жизни вдали от родной цивилизации. Но то, что можно считать состоянием для отдельной личности, — всего лишь мелочь с точки зрения большой корпорации.

Он задумчиво добавил:

— Мы уже давно располагали одним важным ключом к этой тайне. Военные корабли бабуритов оснащены электронными системами, и некоторые их детали просто не могли быть сделаны на Бабуре. Другие же просто разрушились бы под действием водородной атмосферы. Разве бабуриты не могли придумать ничего лучшего? Разве были обязаны совершать такую глупость? Мы отнесли это на счет небрежной инженерной разработки, объясняли спешкой, и правители Бабура, вполне вероятно, до сих пор считают, что причина в этом. Если, разумеется, на их планете есть достаточно подкованные в научном отношении существа, у которых было время хорошенько поразмыслить об этом. Но в общем-то... «Семерка», естественно, хочет иметь в своем распоряжении средство давления на союзников — нечто способное удержать их в узде до тех пор, пока «Семерка» не достигнет своих целей. Так почему бы не организовать хроническую нехватку жизненно важных запчастей, поставляемых извне?

— Но открытие Обители Мрака подхлестнуло «Семерку» к действиям, — предположила Сандра.

— Просто приз оказался слишком огромным, чтобы упустить его. Но какова истинная цель Бабура и «Семерки»? Зачем вообще развязывать войну? Вот чего я до сих пор не могу понять.

— Не знаю, сможет ли кто-нибудь понять, зачем смертные вообще воюют друг с другом, — мрачно ответил ван Рийн. — Быть может, когда-нибудь мы найдем разумную расу, не совершившую грехопадения, и тогда они нам это объяснят.

— Что ж, мы можем прибегнуть к помощи логики, — сказал Фолкейн, обращаясь к Сандре. — При удачном раскладе империалистическая политика и впрямь оправдывает себя с точки зрения тех, кто ее проводит; она приносит и богатство, и мощь, и славу... а зачастую — и чувство исполненного долга, ощущение удачи.

— Нет уж, лучше наша честная алчность, — заметил ван Рийн.

— В случае с бабуритами, — продолжал Фолкейн, — ничего нельзя сказать наверняка, пока не будут проведены тщательные ксенологические исследования... Или пока мы не завладеем документами Стрэнга, касающимися бабуритов. Но мы точно знаем, что им пришлось не по нраву, когда остальные борцы за место на передовых рубежах цивилизации оттеснили их в сторону. Влиятельные бабуриты вполне могли решить, что существа их вида могут получить то, чего заслуживают, только благодаря форсмажорным обстоятельствам. К тому же не забывайте, что Бабур объединился относительно недавно, и сделало это Имперское Кольцо, которое взяло верх над всеми остальными. Подозреваю, что страсть к завоеваниям набрала силу, как это зачастую бывает среди людей. Кроме того, как опять же, бывало, в человеческой истории, правители, я полагаю, могли рассматривать авантюры в чужих странах как некую объединяющую империю цель и способ закрепиться на только что захваченных территориях.

Как бы там ни было, Бабур созрел для того, чтобы его можно было подстрекнуть (и оказать ему помощь) к захвату окружающего космического пространства. Не удивлюсь, если первым до этого додумался Бенони Стрэнг и уговорил хозяев «Семерки» согласиться с ним. Кажется, он начинал свою карьеру на Бабуре в качестве исследователя.

Сандра кивнула. Перед ее взором возник образ недруга, и она увидела, какой огонь бушует под броней светской любезности, что творится в глубине его зачастую таких отрешенных глаз, вспомнила иногда срывающиеся с его губ слова...

— А каковы побуждения «Семерки»? — спросила Сандра, хотя они с Фолкейном часами обсуждали этот вопрос по пути к Солнечной системе.

— Я уже пытался назвать ряд причин, по которым люди могут соскочить с катушек, — напомнил он ей.

— Есть и еще одна, — добавил ван Рийн. — «Домашние Компании» чертовски близки к тому, чтобы стать правительством Содружества. Во всяком случае, нынешние власти действуют исключительно в угоду им и не делают ничего против их воли. Я как независимый торговец усматриваю в этом угрозу, но сам я не жажду власти: мне просто хочется, чтобы люди оставили меня в покое и позволили играть в мои маленькие игры.

— Хозяева «Семерки» настроены по-другому. Иначе они не были бы так хорошо организованы. Должно быть, их страшит тот день, когда «Домашние Компании» сделают решительный шаг в космос. Чтобы это предотвратить, нет лучшего средства, чем собственное сильное правительство. Но вот беда: на блюдечке это получить нельзя. Значит, приходится создавать империю. А после этого можно позволить себе громогласно заявить о заговоре.

— В союзе с Бабуром... да, в этом есть некий жуткий смысл, — сказал Эрик. — Вряд ли эти расы поссорятся: им не нужны одни и те же территории, за исключением таких, как Обитель Мрака, а ее они могут поделить между собой. А

Гермес под властью тоталитарного режима стал бы опорной базой «Семерки» в тех местах. — Он хлопнул по столу ладонью и воскликнул: — Нет!

— На этот счет мы достигли согласия, — сказал ван Рийн. — И сегодня собрались тут, чтобы выработать наилучший образ действий. Всем понятно, какая складывается обстановка? Отлично, давайте засучим рукава и приступим к делу.

Сандра отпила глоток кларета, будто надеялась, что вкус солнечных лучей прошлых лет придаст ей сил.

— Вы не хотите поставить в известность Содружество, — сказала она уверенно.

— Определенно нет, — ответил ван Рийн. — Они увидят слабое место, нанесут удар, одержат победу, и кому тогда достанется Обитель Мрака? «Домашним Компаниям».

— Они попытаются разрушить «Семерку» до основания, — добавил Фолкейн. — Я не верю, что космическая империя, которая возникнет в результате, будет менее порочной... или более склонной дать свободу Гермесу. Да, они заставят Бабур отступить. Но искушение навязать нам правительство «покровителей», которое построит корпоративное государство по образцу Содружества и будет послушно во всем, что касается внешних связей, может оказаться весьма труднопреодолимым.

Ван Рийн повернулся к Эрику.

— Вот почему я задержал слияние твоих сил с силами Солнечной системы, — объяснил он. — Тогда я просто нутром чуял, что тебе лучше сохранить свободу действий. Теперь же мы знаем это наверняка.

Эта мысль много дней преследовала и Сандру, но все же ей казалось, что высказать такое вслух — все равно что ступить на мостик, который наверняка рухнет под тяжестью идущего.

— Вы предлагаете нам выступить и начать самостоятельную кампанию?

— Ja. Но не нападая непосредственно на Бабур. Мы будем бить по опорным пунктам «Семерки». У них нет достаточно надежной защиты от этого. Мы можем поставить их перед выбором: либо они прекратят поддерживать своих союзников, чтобы они были вынуждены заключить с нами мир, либо мы уничтожим их.

— Давайте не будем слишком торопиться, — с жаром сказал Фолкейн. — Например, может оказаться полезным и в конечном счете спасти жизни, если мы предупредим как можно большее число независимых членов Лиги и добьемся того, что они присоединят свои боевые корабли к нашим.

— Тогда они захотят участвовать в выработке условий мира, — возразил Эрик.

— Да, — сказал Фолкейн. — А вы не думаете, что так будет лучше? В этом случае мы сможем сохранить хоть толику стабильности и справедливости.

«А тем временем, — подумала Сандра, — продолжатся страдания Гермеса. Но я не смею возразить. У меня не хватает мудрости, чтобы подсказать лучший путь. А знает ли его хоть кто-нибудь?»

Фолкейн и Койя вновь были в Дельфинбурге и, стоя на балконе дома ван Рийна, смотрели на темное ночное море. В комнате спали их дети, а впереди тянулся погруженный во мрак склон, заканчивающийся у гавани, где стояли у причалов похожие на призраки прогулочные лодки. Еще дальше рассыпались белым прибоем гонимые сильным ветром волны; они вздымались вновь и, набирая силу, неслись вперед. Над морем нависало безлунное небо; звезды сияли в просветах меж стремительно мчащихся рваных облаков.

— Ты уезжаешь уже в третий раз, — сказала Койя. — Это обязательно?

Фолкейн кивнул:

— Я не могу допустить, чтобы Эдзел и Чи одни вели бой на моей планете, правда?

— Но нас ты оставить можешь… — Койя взяла себя в руки. — Нет. Извини. Забудь, что я подумала такое.

— Это в последний раз, — пообещал Фолкейн и привлек Койю к себе. Ни один из них не смог выговорить вслух: «И впрямь в последний, если не удастся вернуться домой».

Вместо этого Койя сказала:

— Хорошо. Потому что потом, когда и куда бы ты ни отправился, тебе придется взять меня с собой. Ияетей тоже.

— Если я вообще куда-нибудь поеду, дорогая. После всей этой заварухи я, должно быть, с удовольствием осяду на Земле и начну греть кости в тропиках.

Койя покачала головой, ее черные волосы взметнулись.

— Нет. И я тоже. В любом случае эта планета не для Ники с Хуанитой. Ты же не думаешь, что война очистит ее, правда? Нет, гниль только распространится. Надо убираться отсюда, пока есть возможность.

— Гермес… — проговорил Дэвид и на миг умолк. — Может быть. Посмотрим. Вселенная большая.

Холодный ветер свистел, срывая с грохочущих волн горькую водяную пыль.

Глава 20

«Предприятия Абдуллы» — часть «Космической Семерки» — разместили свое правление на Доброй Надежде и зорко стерегли его на случай разбойного нападения извне или вредительства изнутри. Однако разбойное нападение представлялось настолько невероятным, что по орбите вокруг планеты ее охранял один-единственный корвет, команда которого никогда не сталкивалась с более сложной задачей, чем необходимость скоротать время в ожидании смены вахты.

Крейсер «Северная Атлантида» шел к планете на максимальной скорости, намереваясь сразу же вступить в бой. Несмотря на риск, Эрик счел своим долгом послать предупреждение: «Уйдите с дороги, иначе мы атакуем». Ему

ответили изумленной бранью, за которой последовали ракетный залп и энергетический луч.

Гермесский корабль развернулся на боковой тяге. Торпеды были еще проворнее, но теперь они были хорошо видны. По ним ударил сноп ослепительных молний. Торпеды взорвались, поднимая фонтаны огня, которые на миг затмили сияние звезд и светлый диск планеты. Корабль не стал открывать ответный огонь: Эрик хотел сберечь боезапас, пополнить который было не так-то просто. Он приказал сблизиться с противником на расстояние действия энергетического оружия.

— Бейте на поражение, — приказал Эрик, и порожденное ядерными генераторами пламя метнулось вперед.

Корвет попытался удрать. При малой массе он мог быстрее менять направление движения. «Северная Атлантида» упорно преследовала корабль, уничтожая ракеты, поглощая лучевые удары при помощи своего защитного поля, выпуская лучи всякий раз, когда изменчивая картина боя позволяла подойти достаточно близко. Спустя несколько часов те, кто еще оставался в живых на борту искалеченного корабля, поняли, что им. не уйти, и сдались.

«Восхищен вашей доблестью, — просигналил Эрик в ответ, — хотя еще вопрос, было ли вам что защищать. Можете воспользоваться шлюпками и вернуться на Добрую Надежду. Советую вам не совершать посадку в Абдулла-Сити».

Он уже знал из радиосообщений, что там произошло. Сопровождавший его в этом полете «Через лень-колоду» предоставил крейсеру вести бой, а сам вошел в атмосферу.

Фолкейн обратился к жителям планеты по радио — зная, что этим подвергает свою жизнь опасности:

— Внимание, внимание... ваши хозяева вступили в заговор с правителями Бабура, чтобы развязать войну... Свободный гермесский флот намерен уничтожить предприятия, принадлежащие компании. Немедленно эвакуируйтесь.

В воздух тотчас взмыли самолеты. «Через пень-колоду», в отличие от «Проныры», не был скоростным кораблем для полетов в открытом космосе, беспомощным в атмосфере планеты: торговые первопроходцы должны быть готовы к бою в любых условиях. Космический корабль стал снижаться по широкой спирали, продолжая снова и снова посылать в неприятеля то ракету, то луч.

Фолкейн сидел в пилотском кресле. Суша и вода бешено вертелись перед его глазами, облака стремительно летели в яркой лазури; боевые машины мельтешили, будто влекомые ветром дождинки. Это была не космическая схватка, которую могли вести одни компьютеры. Обстоятельства менялись без всякой логики, действия были слишком непредсказуемыми. Фолкейн слил воедино свою интуицию и логику Пня, свой разум — с системами корабля. Двигатели ревели, выл воздух за бортом. Фолкейн почувствовал легкий запах озона, как после грозы.

— Хо-хо! — послышался громовой голос ван Рийна из боевой рубки. Купец ликовал, выслеживая врага, беря его на прицел и поражая огнем; он в одиночку управлялся со всей системой, один за другим превращая неприятельские корабли во вспыхнувшие метеориты. — Ох-хо-хо! Что вытаращился, бычий глаз? Сейчас мы тебя мокрой тряпкой по носу! Ха-ха! Ты едва не попал в нас, мальчик. Хорошо стреляешь, да только похуже моего, черт возьми! Ух-ху-у-у! Вот тебе и конец. Ага, еще один пожаловал!

Наконец «Через пень-колоду» остался в полном одиночестве. Около получаса в небе царило безмолвие.

Под кораблем простиралась страна, которая когда-то была богатой. Горняки, строители и промышленники терзали и загаживали ее до тех пор, пока реки не превратились в потоки отравы, прокладывающие себе путь среди помоек и шлаковых отвалов, мощенных камнем площадок и отстойников, потоки, несущие смерть морю. Почти никто из поселенцев Доброй Надежды не роптал. Тут вам не Земля, места еще вдоволь, и никому нет нужды строить себе жилье там,

где закладываются основы процветания. Кроме того, здешнее правительство с потрохами принадлежало «Предприятиям Абдуллы». Посреди сотворенной ими пустыни, над разноцветной безликой равниной, возвышались во всем своем великолепии башни правления. Глядя вниз, Фолкейн подумал: «В каком-то смысле это была великая эпоха.

Я тоже буду тосковать по ней».

Вспорхнули стайки летучих машин. С такой высоты они напоминали бросившихся врассыпную мошек. Фолкейну приходилось напоминать себе, что в каждой такой мошке — чей-то страх, растерянность, погибшие надежды, тоска по любимым, оставшимся где-то, боязнь за них. Война выметала такие мелочи прочь из сознания. У Дэвида не хватило духу продолжить разговор с обитателями планеты, и он предпочел включить запись: «Свободный Гермес атакует «Семерку», союзницу Бабура. Наша кампания закончится не раньше, чем прекратятся война против Содружества и оккупация Гермеса и Обители Мрака. Передайте наше сообщение всем, кого это касается».

Дэвиду подумалось, что когда-нибудь его жене и детям, быть может, придется вот так же спасаться бегством. Ибо кто знает, когда будущая цивилизация обретет покой.

Он не поскупился, давая им время уйти. Уже пятнадцать минут в зданиях компании не было ни души, когда Дэвид приказал выпустить торпеду.

Пятидесяти килотонн оказалось достаточно. Расцвел и взмыл в небо огненный шар, увлекая за собой чудовищный столб из дыма и пыли, который делался все толще и превращался в опоясанную белой бахромой шляпку поганки. По кораблю прокатилась дрожь, и, когда видимость восстановилась, в земле уже зиял кратер, из которого торчали две-три искореженные металлоконструкции, похожие на пальцы мертвеца.

— Выйди на орбиту на расстоянии десяти планетных радиусов от поверхности, — приказал Фолкейн. — Подождем, пока «Северная Атлантида» закончит свою работу.

Когда Добрая Надежда снова превратилась в красивое белоголубое пятнышко среди звезд, Дэвид присоединился к своим спутникам — ван Рийну и бортмеханику Тацуо Йосиде. Купец все еще ликовал.

— Ого-го! Ура! — торжествовал он. — Я прямо помолодел. Аристотель называл это катарсисом[78]; ja, у меня пробудился жуткий аппетит. Пожалуй, я на скорую руку поджарю вирджинской ветчинки со сладким картофелем и салатом «Цезарь». А вы что желаете на обед?

— Потом, потом, — ответил Фолкейн. — Я не голоден.

Ван Рийн пытливо взглянул на него:

— Совесть мучает, да? Но это глупо, мальчик. Мы избавляемся от избытка зверства, когда бьем тех, кто этого заслуживает. Разве грешно радоваться этому? По мне — так мы еще мало набегов совершаем.

Йосида вскинул брови.

— Возражений личного порядка у меня нет, — сказал он, — но, если не ошибаюсь, вы обещали своим приятелям-стратегам ограничиться только одним сражением, мастер ван Рийн, да и то они с трудом согласились на это.

«Старик слишком ценен, чтобы рисковать им, — вспомнил Фолкейн. — Во-первых, он — творец нашей общей стратегии, а во-вторых — главный участник переговоров. Отныне моя забота — доставить его целым и невредимым в штаб-квартиру, которую ему будет угодно основать, а потом — стать его специальным советником и заместителем.

Проклятье, но он прав. Все мы втайне хотели лично участвовать в бою. Даже я. Даже я».

— Ja, верно, — проворчал ван Рийн. — Значит, нам много недель, если не месяцев, сидеть и вариться в собственном соку. Больше делать почти нечего. У вас есть какие-нибудь мысли, чем занять наши мозги в промежутках между событиями?

— Покером, — ответил Пень.

---

[78] Очищение (фр.).

Эксперты в один голос твердили, что придется потратить немало времени и денег, пожертвовать множеством жизней, чтобы Обитель Мрака опять начала выдавать продукцию. Однако там скопились бесценные сокровища — металлы и сверхметаллы в слитках, и их можно было вывезти уже сейчас. Оккупационные силы бабуритов получили указание отдать эти запасы корпорации «Звездные металлы», поскольку Бабур получит часть доходов. «Звездные металлы», в свою очередь, заключили контракт с «Межзвездными перевозками», компанией, которой надлежало развезти товар по многочисленным рынкам.

В глубинах космоса скрывались корабли, ведшие наблюдение за происходящим у Обители Мрака. Они приблизились к грузовым судам, уравняли фазы гиперпространственных двигателей и передали, что хотели бы послать на борт людей. Не заподозрив неладного, капитаны дали разрешение. Но прибывшие на их суда улыбающиеся люди были вооружены и облачены в доспехи. Они довольно быстро завладели кораблями.

Команды посадили в спасательные шлюпки и отослали прочь с сообщением, что Свободный Гермес конфискует суда и грузы. Страховая компания «Остановись, время» потерпела ужасающие убытки, «Звездные металлы» и «Межзвездные перевозки» тоже, поскольку страховка не покрывала и половины стоимости груза.

Люди высадились в пустынных районах планеты Рамануджан и незаметно добрались до места встречи, назначенной в городе Магараджа. В одну из ночей они собрались у квартала высотных зданий, где размещалось правление «Ксенотехно-логических систем». Связав часовых, они взорвали оборудование, заменить которое можно было бы только через несколько лет, и уничтожили невосполнимые банки данных. Потом они выпустили на волю пленников. По словам заключенных, их освободители отрекомендовались как коммандос Свободного Гермеса.

К «Ксенотехнологическим системам» сходились все экономические нити планеты, и она превратила правительство в своего слугу. И вот начались банкротства, массовая безработица, различные нарушения, гражданские волнения. Негодование выплеснулось на законодателей Рамануджана, и парламент был распущен, получив вотум недоверия.

«Санчес инжиниринг» увязла в очень честолюбивом проекте на непригодной для жизни, но богатой минералами планете Святой Яков. Проект обеспечил бы людям, жившим на соседней планете, Эсперансе, легкий доступ к этим полезным ископаемым. Лидеры колонии на Эсперансе, не состоявшие ни у кого на службе, внесли в контракт пункт об огромных неустойках в случае его невыполнения.

Вдруг технические специалисты начали бастовать, заявляя, что война чревата слишком большой опасностью для них. Директора «Санчеса» обнародовали собранные сыщиками сведения об огромных взятках, полученных профсоюзными воротилами, но все было напрасно. Доказательств раздобыть не удалось, во всяком случае, таких, которые позволили бы обойтись без губительной судебной волокиты. А если бы удалось прижать обвиняемых, им достаточно было попросту объявить себя вне юрисдикции Эсперансы.

— Решение простое, — пыхтя сигарой, объявил председатель совета директоров «Санчеса». — Используйте все ваше влияние, чтобы положить конец этой войне.

Но даже и в этом, самом лучшем, случае корпорация потерпела бы очень серьезный ущерб.

«Галактические проекты» владели одним из спутников Германии, на котором они обустроили склад, обслуживающий ближайшие звездные системы. После короткого ожесточенного боя здесь сели корабли; команды со знанием дела обчистили пакгаузы, потом снова поднялись в космос и оттуда разгромили сооружения.

Напавшие даже не стали делать вид, будто они с Гермеса. Ребята были из независимой старательской компании «Синдбад» и «Общества предпринимателей». Им просто хотелось покарать «Семерку» за нечестивый союз с Бабуром.

Космическая полиция Германии и пальцем не шевельнула. Впоследствии правительство планеты отрицало свое соучастие в этом злодеянии, заявило, будто его застигли врасплох, и наложило лапу на имущество «Галактических проектов», которое еще оставалось в этой планетной системе, «вплоть до выработки соглашения, которое, в виду создавшейся чрезвычайной ситуации, будет более всего отвечать чаяниям народа».

«Семерка» давала сдачи. Военные корабли бабуритов сопровождали ее суда. Утверждалось, что таким образом Бабур осуществляет свое право и исполняет долг, подавляя пиратство. Этому мало кто верил.

На базы враждебных «Семерке» компаний обрушились тяжелые удары. Но те оказались большей частью покинутыми, поскольку были предупреждены заблаговременно. Поэтому ущерб был относительно невелик. Типичная независимая компания включала возможные потери в общую сумму капиталовложений (иначе ей уже давно пришлось бы влиться в одно из гигантских объединений). Рискуя, она могла разориться, но могла и получить большую прибыль. Перспективы получить право на участие в разработках Обители Мрака, ослабление конкуренции со стороны «Семерки», возможность подбирать все, что плохо лежит... Независимые компании не упустили ни одного удобного случая.

И каперы, и гермесцы могли пополнять запасы на сотнях разных планет, наносить удары там, где им заблагорассудится, и снова скрываться в необъятной бездне. Бабур же был лишен такого преимущества.

Увидев, что силы Имперского Кольца распылены и постоянно находятся под обстрелом, Содружество,

естественно, тоже начало проводить разведку боем, и эта его деятельность со временем становилась все оживленнее, поскольку Бабур не принимал действенных ответных мер. Что касается «Семерки», то сложная структура, составлявшая основу ее могущества, начала разваливаться. Когда «Остановись, время» прекратила выплату страховых премий, «Семерка» поняла, что пришла пора договариваться на любых доступных ей условиях.

Весна в Звездопаде была в самом разгаре, когда войско патриотов пошло на штурм города. Последователи Кристы Бродерик, горожане и фермеры, всю зиму ограничивались снайперской войной и вредительством, набирались сил, а теперь открыто вышли на улицы. Они нападали на всех наемников, которых удавалось найти, осадили такие укрепленные пункты, как отель «Зевс», и начали их обстрел. Одновременно партизаны, возглавляемые Чи Лан и Эдзелом, обошли неприятеля с западного фланга и осадили холм Паломников. На самых разношерстных машинах, грузовиках и автобусах, покидали они свои твердыни и приближались к столице под прикрытием атмосферных истребителей, присланных с орбиты герцогским флотом. Сам флот бился с вражескими сторожевыми кораблями где-то там, за обманчиво ласковой голубой пеленой неба, и бой за город надо было вести здесь, на поверхности планеты.

Надо было. Пока оккупационные силы отказывались сдаваться, приходилось буквально выковыривать солдат из укрытий, одного за другим. Можно было уничтожить их пущенной с орбиты ядерной боеголовкой, если бы в космической битве победа досталась флоту Свободного Гермеса, и к тому же ценой гибели целого города. Люди Бенони Стрэнга продолжали вести бой на орбите в надежде взять верх и таким образом захватить в заложники все население планеты. Кроме того, те из них, кто был рожден на Гермесе и по доброй воле пошел служить революционному режиму, боялись наказания за это.

Эдзел трусцой бежал по эспланаде, глухо топая копытами и держа на согнутой руке лучемет. На плечах у него сидела Чи, вооруженная более тяжелым энергетическим орудием. За ними по-волчьи перебегали партизаны; в большинстве своем повстанцы были вооружены пулеметами, считавшимися тут охотничьим оружием и имевшимися в каждом сельском доме. Они тащили с собой артиллерию — пушки, мортиры, ракетные установки. Боеприпасов для орудий хватало: их тайно изготовляли на сотнях маленьких заводиков и в домашних мастерских, используя чертежи, которые изъяли из банков данных публичных библиотек еще до высадки первого солдата бабуритов.

Управлять этим движением в масштабах планеты, особенно теперь, когда наконец вернулась Великая Герцогиня Сандра во главе вооруженного отряда, было непросто. Энергия сопротивления питалась яростью не только кланов и Последователей, но и многих траверов: невозможно при помощи террора управлять людьми, привыкшими к свободе, особенно когда они сохраняют надежду на избавление. И никакая цензура Стрэнга не могла скрыть то обстоятельство, что Бабур терпит поражение.

Над головой, в сиянии светила, сражались истребители. Снизу они казались яркими искорками, такими же нереальными, как звезды. А реальность складывалась из тверди под ногами, пота, тяжелого дыхания, сознания вполне возможной скорой смерти и мысли о том, что повернуть назад уже нельзя. Справа от бегущих текла река Паломино, ее бурые воды журчали, а дальний берег взбегал вверх зеленым склоном, по которому были разбросаны редкие виллы и окутанные золотистым цветом деревья осенника. Слева плотными рядами стояли старые дома, заброшенные, со слепыми окнами. Впереди вздымался холм, крутой склон с террасами, садами и дорожками под сенью серой громады Старой Крепости. За ней возносились к небу решетчатая конструкция Сигнальной Станции и пастельный контур Новой Крепости. С востока доносились выстрелы.

— Тебя трясет, — сказала Чи Эдзелу.

— Сегодня мне предстоит снова заставить себя убивать, — ответил одинит.

Джон Фолкейн ускорил шаг и догнал их. Как и остальные люди, он был грязным, небритым, усталым, в поношенной одежде, единственным воинским отличием служила голубая полковничья ленточка на левом предплечье с пришитой к ней полковничьей эмблемой, вырезанной из листового металла. Он указал рукой куда-то вперед и сказал:

— Нам надо свернуть вон на ту тропу. Она приведет нас к роще миллионолистника, где можно укрыться.

— Хорошо, — ответил Эдзел и повернул в указанном направлении.

Вокруг засвистели пули, в ответ затрещали выстрелы повстанцев. Какой-то рядовой вскрикнул, схватился за живот и упал на колени. Его друзья-партизаны рассыпались и, пригнувшись, продолжали зигзагами продвигаться вперед, как их учила Чи. Несколько человек распластались ничком и открыли ответный огонь, потом торопливо возобновили наступление.

Когда они достигли рощицы, обстрел усилился; пули жужжали, срывая листву, глухо ударяясь о деревья, иногда впиваясь в плоть. Энергетические лучи били со стен Старой Крепости и бились в ее стены, сопровождаемые раскатами грома и едким дымом. Эдзел перебегал между группами повстанцев, успокаивая своих людей, развертывая их в боевой строй. Шальная пуля почти на излете угодила в него и срикошетила от панциря. Чи пригнулась пониже, превратившись в совсем маленькую мишень, и не вела огня, предпочитая не тратить зря боеприпасов: расстояние было слишком велико.

— Неприятель сосредоточился в том каменном здании, — сказал Эдзел. — Наша первоочередная задача— обезвредить его.

— Уничтожить, ты хочешь сказать? — спросил Джон Фолкейн. — О Боже милосердный, нет. Там архивы, летописи — половина всей нашей истории.

— И все ваше будущее, — отрезала Чи.

Артиллерия заняла позицию и открыла огонь. Взревели пушки, зашипели ракеты, затрещали взрывы, поднимая клубы дыма и фонтаны обломков. Старая Крепость медленно рухнула, и вскоре из-под развалин выбрался мерсеец с белым флагом.

— Киттредж, пусть ваш отряд займет это место, — сказал Эдзел. — Все остальные — к Новой Крепости. — Он вскинул оружие и бросился в атаку. Люди с боевым кличем последовали за ним. — «Namu Amida Butsu»[79], — шептал дракон.

— Й-эх! — закричала Чи, и ее ружье принялось изрыгать огонь, сметая баррикаду, защищавшую главную дверь. В ответ затрещал пулемет. Эдзел споткнулся. Чи высунула ствол из-за его правого бока, прицелилась и выстрелила по огневой точке. Поднялись фонтаны огня. Охваченный пламенем человек с безумными криками метнулся через баррикаду, рухнул на землю и задрыгал ногами, будто перевернутый на спину пылающий жук. Эдзел пришел в себя и снова тяжело затопал вперед.

Наконец он добрался до примитивного укреплений. Бревна, столы, мешки с песком, камни разлетались прочь под ударами его копыт. Перегнувшись через баррикаду, он разил врагов луче-метом, размахивая им, как дубинкой. Сидевшая у него на спине Чи посылала тонкие, точно нацеленные лучи. Оставшиеся в живых защитники дрогнули и обратились в бегство.

Эдзел бросился за ними по гулким коридорам. Из комнаты откуда-то сбоку выскочил взвод солдат, и дракон опрокинул их ударом хвоста.

— Вперед, сынки! — крикнул Джон Фолкейн своим соратникам. — Или он один добудет нам победу?

---

[79] «Да здравствует будда Амида» — молитвенная формула одного из направлений буддизма в Японии.

Повстанцы хлынули в крепость, будто приливная волна. Тут и там вспыхивали ожесточенные стычки. У ротонды нападавшим пришлось отступить. Здесь все подходы были забаррикадированы, за укрытиями плечом к плечу сидели люди и вели огонь. Это были гермесцы Стрэнга. После атаки залы были сплошь усеяны мертвыми телами, а раненые молили о помощи, которую никто не мог оказать.

Эдзел и Чи собрали своих офицеров в бывшем зале Совета. Панцирь одинита был заляпан кровью, которая стекала между чешуйками и капала на пол; бока его потемнели от ожогов, голову покрыл налет черной копоти.

— Полагаю, мы должны предложить им амнистию, если они сложат оружие, — сказал Эдзел.

— Муж моей сестры сгинул в их тюрьме, и один Бог знает, как он умер! — яростно вскричал Джон Фолкейн. — Никогда!

— Кроме того, — добавила Чи, — если я достаточно верно оцениваю людей, после войны вам и без них будет хватать политических авантюристов.

Наконец все пришли к согласию.

— Ну что ж, — проговорил Эдзел, — хорошо. Но я отказываюсь снова посылать в бой пехотинцев без всякой поддержки. Кроме того, если мы уничтожим здание ударом извне, как поступили со Старой Крепостью, то израсходуем боеприпасы, которые понадобятся нам в нижнем городе. Я уж не говорю о том, что погибнут наши раненые. Есть какие-нибудь предложения?

Чи встрепенулась в своем седле.

— Да, — сказала она.

Неприятель занимал галереи под куполом, но крыша не охранялась. Чи вскарабкалась на купол и заложила там мину направленного действия, которая проделала в крыше пробоину. Вскочив на край пролома, Чи направила внутрь струю пламени. Солдатам в серой униформе пришлось покинуть свои брустверы в поисках укрытия. Эдзел повел своих в атаку, и завязалась рукопашная.

Одинит отыскал Бенбни Стрэнга. Тот умирал от пулевого ранения в живот. Эдзел узнал его по фотографиям и склонился над Стрэнгом, чтобы, если удастся, как-то облегчить его страдания. Он подхватил человека своими громадными ручищами; Стрэнг устремил к небу мутный взгляд и, задыхаясь, выдавил:

— Слушай. Скажи им. Почему бы тебе не сказать им? Ты не человек, для тебя это ничего не значит. Я все это затеял. С самого начала. Ради блага Гермеса, только ради блага Гермеса. Чтобы настали новые времена на этой планете, которую я так люблю. Скажи им. Не давай забывать. Настанут новые дни.

В космосе вблизи родной планеты герцогский флот тоже одержал победу, потому что имел значительную поддержку от независимых купцов, а Бабуру пришлось отозвать изрядную долю своих сил с Гермеса и отправить к Могулу. Это случилось, когда «Семерка» мало-помалу отказалась от своих союзнических обязанностей и беспорядочно отступила с театра военных действий.

После этого поражение Бабура стало делом времени и зависело только от решимости его врагов. Бабуриты не могли заменить быстро разрушающиеся детали кораблей, поэтому и времени потребовалось не так много. Ван Рийн не удивился, когда Имперское Кольцо уклонилось от решающего боя. Три десятка лет назад, на Сулеймане, бабуриты доказали, что у них хватает ума избегать ненужных потерь. Тем не менее ван Рийн поймал себя на том, что испытал к ним какое-то удивительное чувство уважения, когда бабуриты прислали своих гонцов непосредственно к нему. Или они с самого начала так много знали о Технической цивилизации?

Встреча состоялась неподалеку от Обители Мрака, и участвовали в ней два корабля. «Хронос» прилетел с Гермеса в полной боевой готовности, на борту были ван Рийн и Сандра (Дэвид Фолкейн и Эрик Тамарин-Асмундсен

остались дома командовать объединенным флотом, готовым в случае нужды нанести удар). Корабль бабуритов в знак смирения не нес никакого вооружения. Они крутили по орбите средь бриллиантовых россыпей бесчисленных звезд, обмениваясь видеосигналами.

Маленькое существо на четырех ногах стояло перед камерами и говорило в передающее устройство. Сандре оно больше не казалось безобразным. Интересно, это у нее воображение разыгралось, или в бесцветных словах и впрямь звучали нотки горечи?

— Нас использовали. Мы понимаем, что сами оказались в числе тех, кто использовал нас... Давайте мириться.

— А что Содружество? — спросила Сандра.

— Оно ведет боевые действия, но пока не очень активно.

— Оставайтесь на связи, — сказал ван Рийн и, отключив звук, повернулся к женщине. — Этот жук не врет. «Домашние Компании» повели бы тотальную войну, кабы могли, чтобы забрать себе все то, что потеряла «Семерка». Но если мы, Гермес и независимые, прекратим боевые действия и употребим наше влияние к тому, чтобы никто больше не вел никаких войн, ja, если намекнем, что мы с Бабуром вместе будем противиться этому, тогда у населения Земли и Луны пропадет желание жертвовать жизнями и тратить деньги. В конце концов, даже правительство Содружества не сможет больше продолжать в том же Духе.

— Что-то мне не хочется так вот, одним махом, переходить на сторону этих... созданий, — с беспокойством проговорила она. — После всего, что они натворили.

Слова ван Рийна укололи ее.

— Вы предпочитаете, чтобы погибло еще больше людей? К тому же речь идет не о том, чтобы сражаться задница к заднице с бабуритами. Наша тогда просто замерзнет, а их — поджарится. Дело в том, что надо поскорее прекратить враждебные действия на мало-мальски приемлемых для всех условиях, а потом навалиться на Содружество, чтобы

поприжать тех дурачков, которые требуют «безоговорочной капитуляции».

Сандра мерила шагами капитанский мостик. Как же мышцам хотелось почувствовать бока лошади, доску для виндсерфинга, лыжню, бегущую среди ледников. А на экране были лишь пустые бездны. Ван Рийн сидел, будто паук, и пыхтел своей длинной трубкой. Дым щипал Сандре ноздри. Тварь чуждого обличья, обрамленная экраном, терпеливо ждала ответа.

— Что мы должны предложить ему сегодня? — спросила Сандра.

— Мы уже много раз говорили об этом, — ответил ван Рийн. — Теперь, когда ясно, что Бабуру не терпится заключить с нами сделку, я считаю, что мы должны выторговать для себя побольше выгод. Правительство Содружества никогда не признает независимых торговцев в качестве полноправных партнеров, так же как оно никогда не могло по-настоящему признать Лигу. Hemel![80] Что же им, допустить существование другого правительства, имеющего право принимать решения? Это слишком опасно. Это может заставить подданных задуматься, нужны ли им сидящие на шее политиканы и чиновники. Посему вы, как глава Великого Герцогства Гермесского, должны представлять нас. Как вы предполагали первоначально, Гермес возьмет Обитель Мрака под свою юрисдикцию и объявит, что вы даете лицензии всем компаниям, действующим в рамках закона. Разумный налог, должно быть, возместит вам потери, связанные с войной, и даст кое-какую прибыль на покупку инопланетных товаров вроде тяжелого промышленного оборудования и джина «дженевер». Бабур разоружится. Его флот, лишенный поставок извне, все равно скоро превратится в бесполезную обузу. А Содружество не станет заключать мир, если Бабур попытается усовершенствовать свои вооруженные силы. Но Гермес поручится за безопасность Бабура и

[80] О небо! (гол.)

позаботится о том, чтобы он получил свою долю богатств Обители Мрака, — ван Рийн захохотал. — Бабур станет вашим протекторатом! Вас ждут веселенькие председательские обязанности, nie?

Сандра остановилась, сложила руки на груди, встретилась взглядом с ван Рийном и язвительно спросила:

— А вы? Вы с вашими пиратскими компаниями?

«О, Пит, как ты нужен мне сейчас».

Но ван Рийн не потребовал ничего. Он отвернулся и, устремив взор на Млечный Путь, грубовато ответил:

— Это не ваша забота. Просто дайте всем желающим возможность заняться Обителью Мрака, и мы уж как-нибудь поделим эту кость между собой. Да и вообще предстоит обглодать дочиста много костей, прежде чем удастся оживить покойника. — Он хлопнул себя по колену и с вызовом спросил: — Ну что, готовы. заключить сделку на такой основе?

Сандра кивнула, вконец сбитая с толку. Перед ней снова был совсем чужой человек.

Глава 21

Торжества и тяжкие труды, встречи и препирательства, празднества и траур — все это еще только начиналось, когда на Ветреном Кольце на Гермесе собрался тесный кружок друзей. Это была их прощальная вечеринка.

Двоим из гостей, Дэвиду Фолкейну и Эрику Тамарину-Асмундсену, вскоре предстояло вместе отбыть в Солнечную систему на борту «Хроноса». Но до этой вечеринки они не виделись много недель: и тот, и другой были слишком заняты, пытаясь склеить черепки и навести порядок во всеобщей неразберихе. Впервые после заключения мира они смогли поговорить спокойно и без спешки. После ужина Дэвид и Эрик покинули общество и ненадолго уединились, выбрав для этой цели кабинет, отделанный деревянными панелями очень красивой фактуры; на полках стояли древние рукописи в кожаных переплетах, с портретов на них взирали

предки; тут же стояли стеллажи с коллекционным оружием и стол, за которым было подписано немало высочайших указов. За распахнутым окном вечерело, в комнату втекал прохладный воздух, напоенный благоуханием цветов; внизу, в каньоне, журчали воды реки.

Фолкейн поднял кубок.

— Твое здоровье.

Сосуды со звоном соприкоснулись. Мужчины устроились в глубоких креслах и отведали напитка, отдававшего торфяным дымком с болот той планеты, которая дала жизнь людскому племени.

— Ну что ж, — произнес Фолкейн, — стало быть, ты — новый посол Гермеса.

— О нет, — ответил Эрик, — Что ни говори, а Рюнеберг всю войну очень грамотно вел наши дела. Мы хотим, чтобы он оставался на своем посту и впредь. Я же получу титул специального посланника и главы нашей делегации на переговорах с Содружеством.

— Но почему ты? Не обижайся, но разве у тебя есть какой-то опыт по этой части?

Эрик лукаво улыбнулся:

— Я тоже задавался этим вопросом. Более того, я довольно громогласно возражал против своего назначения. Но матушка настояла. Это политика. Я — наиболее вероятный наследник престола и самая важная шишка, которую только мог прислать Гермес, не считая самой Герцогини, а у нее и тут хлопот полон рот. Мое участие должно придать нам веса на Земле и стать знаком нашей решимости заключить именно то мирное соглашение, которого мы хотим. Ну, и здесь, дома, это пойдет на пользу: значит, род Великих Герцогов пока не устранился от участия в жизненно важных делах.

— Понятно, — Фолкейн вгляделся в некрасивые, резкие черты Эрика. — А кроме того, могу сказать, что выбор сделан правильно. Ты там будешь далеко не свадебным генералом.

Кровь Сандры Тамарин и Николаса ван Рийна... да, это что-то!

Эрик зарделся:

— Возможно. Но все равно я не искушен в дипломатии, я не знаю ни ходов, ни выходов, ни разных там уловок... Дэвид, дружище, ты мне поможешь? Ты сумеешь меня поддержать?

— Как?

— Ну, советом и... не знаю. Сделай это. — Эрик потупил взор. — Если, гм, если, конечно, не будешь слишком занят.

— Да, наверняка мне будет не до приключений: работы должно быть по горло. По сути дела, я приму на себя руководство Галактической компанией пряностей и спиртных напитков и попытаюсь удержать компанию на плаву, когда грянет буря. — Фолкейн приложился к кружке, поставил ее и потянулся за своей трубкой. — С другой стороны, это само по себе захватывающее приключение.

Эрик вытаращил глаза.

— А как же мастер ван Рийн?

— А, черт, он теперь будет мотаться по космосу, вероятно, несколько лет, и чинить заборы, а заодно, не сомневаюсь, строить новые, воруя по досочке у каждого конкурента. Хотелось бы мне... А, нет, нельзя, я ведь теперь человек семейный. — Фолкейн набил трубку табаком и продолжал: — Ладно, Эрик, я как-нибудь выкрою время и наскребу силенок, чтобы по мере возможности оказать тебе помощь. Твоя работа важнее моей. Правду сказать, я бы вряд ли согласился на свою должность, если бы не считал, что это может принести тебе кое-какую пользу. Я имею в виду наведение порядка во всей той штуковине, которую нам взбрело в голову называть цивилизацией. Сильная частная компания, которой хорошо руководят, способна внести вклад в это дело. — Он раскурил трубку, выпустил облако дыма и закончил: — Хотя бы на время.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Эрик.

Фолкейн пожал плечами:

— Я начинаю разделять мнение Гунунг-Туана. Старому порядку вещей нанесена слишком глубокая рана, а заменить его чем-то стоящим мы, по-моему, не в состоянии. Возможно, нам с тобой удастся выиграть время, и у нас в запасе будет несколько десятилетий, пока все снова не расползется по швам. Ну а пока ты можешь отсидеться на Гермесе, а я... я поищу такое местечко, где можно начать все сызнова.

— Я никогда не видел тебя таким угрюмым, Дэвид, — печально проговорил Эрик.

Фолкейн улыбнулся. Улыбка получилась искренней, но совсем не юношеской.

— Да нет, в основе своей я оптимист, чего и тебе желаю. Надеюсь, при нужде мы и наши любимые сможем проявить волю к жизни. А до тех пор — будем счастливы. — Он подался вперед и легонько хлопнул друга по плечу. — Подумай о том, что поедешь к Лорне и женишься на ней. А я вернусь к Койе и нашим детям. — Дэвид поднял бокал. — За всех них!

— Быть посему, — ответил Эрик, вновь обретая былой задор.

— Только ради них и стоит жить, верно? — проговорил Фолкейн и выпил до дна.

Ван Рийн и Сандра вышли на террасу. Из дома лился мягкий свет, таявший в кромешном мраке. Громады гор и кроны деревьев возносились к звездному небу, где сиял Млечный Путь и другие сестры-галактики.

Дойдя до перил, ван Рийн и Сандра остановились. Внизу тускло блестела быстрая река, душистые испарения поднимались вверх, слышалось журчание воды.

Ван Рийн припал к пивной кружке и искоса посмотрел на Сандру. Высокая женщина была облачена в темно-синее платье и, казалось, сливалась с мраком ночи. Ее распущенные волосы стекали на плечи и спину, отражая слабый свет.

— Проклятье, а вы еще хоть куда! — воскликнул ван Рийн. — Вы слишком щедро одарены, чтобы быть просто правительницей.

Она уклонилась от его решительного натиска и ответила, отведя глаза:

— Может быть, мне недолго осталось править.

— Я слышал, вам всучили какой-то дурацкий перечень требований, — ван Рийн только что вернулся с Бабура, где наблюдал за демонтажом принадлежавших «Семерке» сооружений. Сандра просила его об этом, ибо знала, что мало кто из людей способен с достаточной степенью достоверности выяснить, не припрятали ли бабуриты каких-нибудь сюрпризов в своей планетной системе.

— Он был составлен в форме петиции, но его истинное значение не вызывает сомнений. Криста Бродерик и ее организация почувствовали вкус победы и имеют право на нашу благодарность. Кроме того, революционный террор ослабил кланы и Последователей и подорвал всю систему имений.

— Ноу вас все равно хватает преданных приверженцев, nie? Да и военный флот верен вам.

— Несомненно, — ответила Сандра. — Но разве мне или любому другому умственно полноценному человеку захочется, чтобы Гермес стал полицейским государством, управляющим рабами? Высшим сословиям придется жертвовать собственными свободами, пытаясь сохранить такое положение вещей. Все стороны начнут торговаться, виться ужом, разглагольствовать и искажать все на свете до полной неузнаваемости. Ведь в дело вовлечены не две стороны, а больше. Ума не приложу, сколько тут может возникнуть разных фракций. Скорее всего грызня затянется на годы. Хотя в конце концов... Меня обнадеживает согласие Бродерик не созывать конституционное совещание сейчас, пока еще не установлен прочный мир. Но потом, боюсь, придется это сделать. Я полагаю, что номинально Гермес так и останется герцогством, хотя на деле будет республикой. Может, оно и к лучшему, кто знает.

— Сомневаюсь, что по большому счету это будет иметь какое-то значение, — сказал ван Рийн. — Самодержцы,

плутократы, временщики, чиновники, технократы, демократы — все они норовят взять своих ближних на мушку и указывать им, что делать. Мы вступаем в эпоху всевозможных «кратий». — Он испустил вздох, похожий на шум прибоя. — Но мы неплохо отдохнули от этого, nie? До тех пор, пока человечество все не испортило. Каникулы кончились, дети Адама. Может, после хорошей порки вы усвоите, что вода не только течет сверху вниз, но и достигает дна.

Сандра повернула голову и увидела его профиль, похожий очертаниями на полуостров.

— Вы хотите сказать, что Торгово-технической Лиге пришел конец?

Ван Рийн медленно и удрученно кивнул:

— Ja. Нет, название мы, конечно, сохраним. Вот из-за чего я буду суетиться, будто жаба в крынке, стараясь так залатать ветхую одежонку, чтобы она выдержала самые холодные ветра до тех пор, пока мои близкие не обретут тихую гавань, где им не будет нужды сыпать метафорами. Потом, наверное, еще лет сто Лига будет устраивать торжественные заседания Совета, пока не объявится какой-нибудь наполеончик, не лишенный чувства юмора, и не положит конец этому фарсу.

Почти не сознавая, что делает, Сандра коснулась правой рукой его левой ладони, сжимавшей перила.

— Откуда вам знать, Ник? — вполголоса спросила она. — Да, верно, «Семерка» получила большие повреждения и вполне может пойти ко дну. Но «Домашние Компании» сильны, как никогда, и ваши независимые торговцы тоже, не правда ли?

Ван Рийн долго искоса смотрел на Сандру, потом спросил:

— А откуда они черпают силы? «Домашние Компании» сосут из Содружества, а его вынудили взяться за осуществление большой военной программы, и оно этого не забудет. Ну а независимые торговцы — ваши союзники. И в том, и в другом случае это — правительство. Как раз то, чего

добивалась «Семерка». Разве вы не понимаете? Когда-то Лига была объединением вольных торговцев, которые предлагали свои товары и услуги, но никому их не навязывали. Частные предприятия не развязывают войн и не учреждают концлагерей, это делают правительства, ибо правительства считают себя вправе убивать всех, кто не исполняет их указаний. Корпорации, профсоюзы, политические партии, церковники, Бог знает кто еще может прибрать к рукам правительственную машину. Кто бы это ни был, они будут эксплуатировать ее бесконечно. Похоже, мы, смертные, недостаточно мудры, и нам не стоит доверять правление. А Лига... раскол в ней существовал еще до того, как начались открытые столкновения. Теперь она пережила гражданскую войну. Первую на своем веку. Стрэнг склонил к этому «Семерку», но у него ничего бы не получилось, не будь она сама давно к этому готова. Мы можем какое-то время лукавить, сохраняя призрак, но телесная оболочка уже истлела. А душа отлетела и того раньше, когда свободные люди возжелали управлять другими людьми.

Ван Рийн устремил взор в темноту.

— Никто больше не будет принимать важных решений сам, — сказал он. — Все возьмут в руки власть. Лозунги займут место разума. Сначала в дело вступят высоколобые, а там за ними последует и простой рабочий люд. Политиканы отвели себе роль волшебников, которые, принимая законы, повышая налоги, извлекая деньги из воздуха, обеспечат всем и каждому вольготную жизнь. Их любимчики, предприятия и учреждения, поделят между собой территории и задушат всякого, кто способен предложить какие-нибудь нововведения. Сколько бы дров ни наломало правительство, рецепт один: усиление власти правительства. Держава растет до тех пор, пока не становится слишком прожорливой, и одной планеты уже не хватает, чтобы прокормить ее. Домашние беспорядки можно экспортировать на остриях штыков. Но почему-то против подлинных варваров начинают воевать, когда уже слишком поздно... Война, война, война. Я

бы посоветовал вознести молитву святым, вот только, быть может, святые уже покинули нас.

Он разом опрокинул в себя полкружки пива.

— Уф-ф-ф! Что-то я разговорился! Будто тот ручей, что впадает в море, а оно знай себе остается соленым, — ван Рийн расхохотался. — Не будем попусту тратить время, дарованное нам Господом для возлияний. Смотрите, одна из лун на подъеме.

Сандра потянула его за рукав и развернула к себе лицом.

— Вы и впрямь верите в то, что говорите, Ник?

— Ну, ближайшие два-три поколения гермесцев вряд ли будут так уж страдать, если вам удастся удерживать свой новый режим на коротком поводке.

— Нет, я говорю вообще... Видите ли, — выдавила она, — у меня появились довольно похожие мысли, и... Что вы намерены предпринять?

— Я уже сказал: наложить заплатки, если получится.

— А потом? Если, конечно, для нас еще будет какое-нибудь «потом».

Внезапно ван Рийна охватила странная робость, и он отвернулся.

— Не знаю. Понимаете, я рассчитываю, что залатывать дыры будет весело. Иначе, наверное, и пытаться бы не стал. Я ведь усталый старик. Что будет потом — занятный вопрос. Возможно, потом мы с Пнем... Я буду летать на «Через пень-колоду» и, должно быть, вволю наиграюсь в покер на борту. Так вот, возможно, мы совершим маленькую вылазку за пределы исследованного космоса. Поглядим, может, что и найдем.

— Завидую вам, — вырвалось у Сандры.

Ван Рийн резко повернулся к ней.

— Проклятье, милая, почему бы и вам не отправиться с нами? — воскликнул он.

Сандра вскинула руки, будто хотела оттолкнуть его.

— Нет, это невозможно.

— Ба! — ван Рийн рубанул рукой воздух. — Представьте себе, как вы могли бы нарушить закон сохранения энергии, если бы поехали. Или, возможно, закон сохранения количества движения. А что, если вам сложить полномочия через пять или десять лет? Пусть Эрик берет все в свои руки, пока время не подточило его мыслительные способности. А вы отправляйтесь со мной в долгий путь! — Он осушил кружку, со стуком поставил ее и, шлепнув Сандру пониже спины, обвел правой рукой небосвод. — Вот она, Вселенная, все пути которой ведут в никуда. Жизнь никогда нас не предаст, а вот мы предадим ее, если будем сидеть дома.

Сандра отпрянула, но потом тихонько засмеялась:

— Не надо, Ник, перестань. Мы встретились вовсе не для того, чтобы обсуждать вздорные замыслы, политику или философию. Мы здесь, чтобы побыть вместе. Я хочу выпить.

— Я тоже, — ответил ван Рийн. — Ладно, будем пить, пока не сядет луна и не взойдет солнце. Споем задорные песни, а если сможем, то и станцуем гальяр под какую-нибудь оратorию Баха. Не будем напыщенными дураками, а будем настоящими, только ты не забудь, о чем мы говорили.

Он предложил Сандре руку. Женщина взяла его под локоть, и они снова вошли в дом ее предков.

Эдзел вперевалку трусил по тропке под обрывом. Он направлялся к реке, держа в руке пятилитровую кружку, подаренную ему отрядом борцов за свободу, который он возглавлял. Эдзел уже не раз до краев наполнял ее мартини. Пение дракона было слышно за километр: «Бо-бо-бидл-итби-дум-бо» — и напоминало веселые раскаты грома. Увидев Чи Лан, сидевшую на камне у самой кромки воды, Эдзел остановился.

— Хо, так и знал, что застану тебя здесь.

Чи приветствовала его, подняв руку, в которой держала мундштук с сигаретой. Горящий кончик прочертил тоненькую огненную полоску, похожую на след кометы.

— А я полагала, что ты придешь, как только накачаешься и расчувствуешься, — промурлыкала она. — Ах ты, большущий глупыш.

Слегка покачиваясь, фигура Эдзела маячила на фоне леса, неба и воды. Близился рассвет. Над головой, меж стен ущелья, еще окутанных мраком ночи, бледнели звезды, небо на востоке делалось белесым. Вода ручья светилась, поблескивала, обтекая песчаные наносы, пенилась среди голышей, прокладывала себе путь между валунами и кривыми деревьями. Ее звонкий голос несся от утеса к утесу. Эдзел полной грудью вдыхал прохладный влажный воздух, напоенный ароматами горного лета.

— Что ж, для нас это последняя возможность, — сказал он. — Завтра мы отправляемся в почетное путешествие к нашим планетам. Я, конечно, жду этого с нетерпением, но мы прожили несколько славных лет. Не правда ли? Мне будет недоставать моих спутников. Я так и сказал Дэви. И еще позвонил в Уильямс-Филд Пню и тоже сказал ему это. Он ответил, что не тронут, поскольку его так не программировали, но как знать, как знать. Теперь твоя очередь. Не надо сочувствия, маленькое существо.

Его ладонь опустилась. Она была такая громадная, что могла обхватить туловище Чи. Став на все четыре лапы и лихо зажав в зубах мундштук, та выгнула спину и приняла нежную ласку.

— Приезжай на Один, — пылко проговорил Эдзел. — У твоего народа есть космические корабли. Вы будете вкладывать деньги в путешествия и разбогатеете, как поросята. Тогда и приезжай в гости.

— Это с вашим солнцепеком и силой тяжести? — фыркнула Чи.

— Дикие светлые просторы, полные вольного ветра, необозримые горизонты и цветы под ногами. Это нирвана наяву. Aiyu, Чи, я знаю, что не в меру болтлив. Но мне ведь хочется разделить мою страну с тобой — в тех пределах, в каких ты способна ее почувствовать.

— А почему бы тебе не приехать ко мне? Мы могли бы оснастить тебя набором пропеллеров, чтобы ты понял, что такое прыжки по деревьям.

— Думаешь, я способен это оценить?

— Надеюсь, у тебя достанет ума. Светлое море листвы, а под ним — одни призраки и тайны. Пестрые вспышки крыльев и цветочных лепестков, узкая долина с веселым родником... — Чи вздрогнула и встрепенулась. — Dood en ondergang[81], ну вот, довел ты меня.

Эдзел улыбнулся, обнажив клыки.

— Что ж, по крайней мере, мы сходимся в том, что время от времени нам надо встречаться и обмениваться байками о старых временах, — сказал он.

Чи извлекла из мундштука окурок, затушила его о камень, на котором сидела, и подумала, не принять ли ей еще немного наркотика. Изумрудно-зеленые глаза на похожем на маску лице уставились на кружку Эдзела. Чи взмахнула хвостом, как бы отметая прочь все свое благоразумие, достала из висевшей на поясе сумочки новую сигарету и вставила ее в мундштук. Чиркнув спичкой, она быстро сказала:

— Давай хоть немного порассуждаем разумно, уж прости меня за такое выражение. Мне кажется, в ближайшие годы нам придется объединить наши силы, потому что обстоятельства вряд ли позволят наслаждаться праздностью. Мы не можем вернуться домой, ко всему тому, что оставили там в молодости. Возможно, дома ничего не изменилось, но мы-то уже другие, да и весь остальной космос тоже. Мы станем сильнее и богаче, я — скорее в абсолютных величинах, а ты — относительно среднего уровня жизни твоего общества... А где-то далеко установленный землянами порядок вещей полетит кувырком, прямо в геенну огненную, тоже устроенную землянами. Старина Ник это знает. Он будет делать все, что может. Вероятно, лишь в силу привычки не выходить из игры, пока у него есть хотя бы одна фишка. Но тем не менее

[81] Смерть и погибель (гол.).

он всеми силами попытается отдалить приход черных дней. А Цинтия и Один? Неужели мы будем сидеть сиднем, а потом благодушно скончаемся, и тогда они превратятся в беззащитных жертв? Или лучше употребить наши деньги и познания на подготовку?

Она выдула дым прямо в широкую морду дракона и призналась:

— Такая перспектива мне не по нутру. Она вызывает у меня отвращение, а между тем я ведь думала, что предамся тихим домашним радостям и дорогостоящим развлечениям! Но вместо этого, Эдзел, нам до конца дней придется то и дело встречаться и держать совет. Да, да, еще как придется.

Дрожь пробежала по телу дракона.

— Боюсь, что ты права, — сказал он. — У меня тоже были такие предчувствия, хотя я и пытался отбросить их, «потому что они — это пытка на колесе... Ну, да есть вещи поважнее, чем сиюминутное облегчение.

Чи улыбнулась, и ее зубы сверкнули в набиравшем силу свете.

— Давай не будем играть в благородство, — ответила она. — Пока мы играли в торговцев, нам это нравилось. Игра мускулами не так забавна и в самом лучшем случае способна лишь предотвратить нечто еще более страшное. Но и она тоже может нам понравиться. И, кто знает, вдруг наши народы поставят нам памятники, когда направят историю планет в совершенно новое русло.

— О, пожалуй, нам лучше не терять ощущение реальности, — предостерегающе проговорил Эдзел. — Вероятно, мы поможем им выжить. Ну а что они будут делать через тысячу лет? Вернемся и поглядим. Уму непостижимо, насколько огромна наша реальность.

— Конечно, — согласилась Чи Лан. — Ну а теперь давай оставим эту тему, присоединимся к остальным нашим и выпьем по последней перед завтраком.

— Отличная мысль, моя старая спутница в странствиях, — ответил Эдзел. — Прыгай на борт.

Чи вскочила на его протянутую руку, потом перебралась на спину.

На востоке, над утесами, редкие облака окрасились багрянцем.

ИГРА В ПРЯТКИ

1

Капитан Бахадур Торранс воспринял тревожное известие, как и подобает мастеру ложи Федерации Братства астронавтов. Он выслушал новость, задав лишь несколько уточняющих вопросов, а затем спокойно сказал:

— Хорошо, фримен Ямамура. Пожалуйста, продолжайте наблюдения.

Когда дежурный инженер покинул каюту — сообщение было из числа тех, что не рекомендуется передавать по интеркому, — Торранс сделал добрый глоток виски и уставился оцепеневшим взглядом на экран.

Он совершил немало далеких путешествий, многое повидал, сделал блестящую карьеру, но все же был достаточно молод и потому почувствовал холод в сердце, услышав свой смертный приговор.

Экран светился множеством холодных звезд, но только астроном мог бы распознать их. Взгляд Торранса скользнул по Млечному Пути, пока не отыскал Полярную звезду. Валгалла находилась в нескольких градусах правее ее. Солнце он, конечно, не мог разглядеть — без мощных оптических приборов, которых на «Гебе» не было, разглядеть звезду класса G было невозможно. И все же Торранс почувствовал себя немного спокойнее, сознавая, что где-то в этом почти не исследованном рукаве Галактики находится ближайшая база Лиги. Там, в зеленой долине планеты Фрейя, люди живут в уютном поселке, а рядом, на космодроме, стоят готовые к вылету по боевой тревоге звездолеты. Увы, они не смогут прийти на помощь «Гебе» ...

Корабль вибрировал, двигаясь в четырехмерном пространстве с гиперсветовой скоростью, но она не могла их спасти от погони...

1028

Что ж... в любых обстоятельствах забота об экипаже лежит прежде всего на плечах капитана.

Торранс вздохнул, подошел к зеркалу и придирчиво взглянул на себя. Он знал, что моральное состояние экипажа во многом зависит от внешнего вида капитана. Не случайно он предпочитал повседневному серому мундиру парадную форму: синий китель и брюки с золотым кантом. Как принято у граждан планеты Рамануджан, он носил вместо кепки тюрбан, заколотый пряжкой с эмблемой Торгово-технической Лиги: корабль и солнце с протуберанцами.

Покинув капитанский мостик, он направился по коридору к каюте хозяина. Оттуда как раз вышел стюард, державший поднос. Торранс сделал знак, чтобы тот оставил дверь открытой, вошел и, щелкнув каблуками, поклонился.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он. — Могу я поговорить с вами наедине?

Николас ван Рийн сидел в массивном кресле с двухлитровой кружкой в руках. Не обращая внимания на капитана, он сделал четыре шумных глотка, крякнул от удовольствия и вытер пену с усов и бороды. При нем были лишь неизменная эспаньолка и саронг — узкая набедренная повязка, подчеркивающая массивность его тела. По своему обыкновению, торговец поддерживал в своей каюте тропическую жару, так что в другой одежде он не нуждался. Рядом на широком диване лежала, свернувшись, словно кошка, Джерри Кофойд, очаровательная большеглазая блондинка.

Торранс невольно облизнулся, глядя на нее — он был женат, но давно не залетал домой. Каюта хозяина обставлена с чисто восточной роскошью: на стенах бразильские гобелены, резной стол черного дерева завален бумагами, а из встроенного в хрустальную люстру звукокристалла лилась соната Моцарта.

— Ах! — Ван Рийн со стуком опустил кружку на стол и поскреб толстыми пальцами косматую грудь. — Клянусь чумой

и сифилисом, первая кружка пива в начале дня особенно хороша. Она так же нежна и приятна, как... гм-м... черт побери, о чем я хотел сказать? — Он ударил себя по лбу волосатым кулаком. — С каждой неделей я все больше тупею. Ах, Торранс, когда вы станете таким же бедным, одиноким и толстым стариком, вы еще пожалеете, что были так суровы ко мне. Но будет поздно, слишком поздно... Ну, что за дурацкие, мелочные происшествия заставили вас оторвать меня от важных дел?

Тон ван Рийна был добродушным. После того как космическая яхта сумела ускользнуть от преследования трех крейсеров галактических пиратов-аддеркопов, он находился в неизменно хорошем расположении духа. Действительно, было чудом, что обычная яхта, пусть и оборудованная мощным конвертером, смогла уйти от погони. С той поры ван Рийн каждый день ставил четыре зажженные свечи перед

статуэткой святого Дисмаса. Правда, он по-прежнему швырял посуду в стюарда, если тот чуть запаздывал с очередной порцией выпивки, и ежедневно разносил в пух и прах кого-нибудь из членов экипажа, но это было нормой для знаменитого торгового принца.

Джерри Кофойд удивленно изогнула брови.

— Разве это твоя первая кружка пива, мой милый? — промурлыкала она. — По-моему, два часа назад...

— Да, но это было до полуночи, — объяснил с ухмылкой ван Рийн. — Если не по корабельным часам или Гринвичу, то в это время на какой-нибудь паршивой планетке уж точно была полночь. — Ван Рийн взял свою длинную трубку и не спеша раскурил ее. — Ладно, садитесь, капитан, устраивайтесь поудобнее. Вы выглядите так, словно начинены динамитом. Всем вам, молодежи, не хватает выдержки. Когда я был астронавтом, мы сами решали свои проблемы и не докучали хозяевам. А теперь, гром и молния, вы приходите ко мне ежеминутно и просите вытереть вам нос! Итак, что случилось?

— Сэр, я хотел бы поговорить с вами наедине, — упрямо повторил Торранс, облизав пересохшие губы.

Джерри побледнела. Она отнюдь не была трусихой — среди уроженцев Фрейи таких почти не было, это было типично для всех дальних планет. Она сама напросилась на борт «Гебы», отлично сознавая опасность предстоящего рейса. Путешествие вместе с торговым принцем компании «Солнечные пряности и напитки», самой могущественной в Торгово-технической Лиге, многое сулило честолюбивой девушке. Она отлично держалась во время стычки с космическими пиратами. И все же Джерри была слишком молода и не привыкла так часто глядеть в лицо смерти.

— Ступай в спальню, — приказал ей ван Рийн.

— Пожалуйста, не надо ничего скрывать от меня... — умоляюще прошептала девушка. — Я хочу знать правду.

Маленькие, близко посаженные глаза ван Рийна вспыхнули недобрым огнем.

— Грязь и параша! — рявкнул он. — Брысь, я тебе говорю! Когда я приказываю, каждая лягушка обязана прыгать в свое болото, ясно тебе?

Джерри в негодовании вскочила с дивана. Не вставая, ван Рийн звучно шлепнул ее по округлому заду, придав красавице ускорение в сторону соседней двери. Девушка возмущенно фыркнула и убежала в спальню. Ван Рийн нажал на кнопку в подлокотнике кресла, вновь вызывая стюарда.

— Похоже, потребуется еще пара кружек пива, — сказал он, с насмешкой глядя на Торранса. — Что вы стоите, вытаращив глаза? У меня нет времени на всякие глупости. Прежде чем мы прибудем на Фрейю, мне надо будет пересмотреть ценники на перец и мускатный орех. Дьявол и вонючка! Этот идиот, мой торговый агент, мог бы запросто получить на этой планете на десять процентов прибыли больше, если бы в его голове были мозги, а не овсяная каша! О добрые духи космоса, спасите бедного старого человека от таких помощников!

Торранс с трудом взял себя в руки.

— Сэр, я только что получил сообщение от моего инженера, Ямамуры. Вы знаете, что во время схватки с пиратами один из снарядов взорвался рядом с машинным отделением. Конвертер, к счастью, не был поврежден, но, после того как брешь в корпусе залатали, инженеры решили его проверить. Выяснилось, что перегорело больше половины цепей генератора инфразащиты. Мы можем заменить лишь некоторые из них. А это значит, что при движении на гиперсветовой скорости конвертер выйдет из строя часов через пять.

— Ах, та-а-ак... — Ван Рийн сразу посерьезнел. Он щелкнул зажигалкой, раскуривая трубку, и затянулся. — А нельзя ли будет остановить конвертер для более капитального ремонта? Если мы будем двигаться в гиперпространстве, то никаким вонючим пиратам-аддеркопам нас не обнаружить. Что скажете?

— Нет, сэр. У нас нет необходимых для этого запасных агрегатов. Это яхта, а не крейсер.

— Дьявол! На какой же скорости мы сможем тогда лететь?

— Не больше, чем на одной десятой от маршевой. Потребуется добрых шесть месяцев, прежде чем мы окажемся в пределах досягаемости станции слежения Фрейи.

— Нет, мой дорогой капитан, так не пойдет. Иначе до Валгаллы долетят лишь ваши кости, дочиста обглоданные этими бандитами-аддеркопами.

— Понимаю, сэр, — вздохнул Торранс. — К тому же у нас на борту не хватит запасов продовольствия на шесть месяцев пути. — Он взглянул на стол, где лежала карта этого сектора Галактики. — Мне кажется, что нам следует отправиться к одной из ближайших звезд. Вряд ли там найдется планета с развитой цивилизацией, где бы нам помогли отремонтировать конвертер, но переждать опасность мы сможем где-нибудь.

— Ну нет! — Ван Рийн энергично встряхнул своими жирно напомаженными кудрями. — Провести остаток своей жизни на какой-нибудь мусорной свалке, в компании одной-единственной женщины и кучи безголовых идиотов? Без бочки пива или хотя бы одной виноградной лозы? Благодарю покорно, предпочитаю получить в борт снаряд аддеркопов или погибнуть как джентльмен, черт побери!

Дверь открылась, и в каюту заглянул стюард.

— Ты что, заснул? — рявкнул ван Рийн. — Неси пива, разрази тебя гром! Мне предстоит решать трудную задачу, а как заставить мозг работать, когда в глотке пожар?

Торранс замялся, тщательно обдумывая свои слова. Нужно было напомнить ван Рийну, что в космосе на корабле один хозяин — капитан. Ему принадлежит решающее слово. Но и конфликтовать со старым дьяволом не стоило — никто не умел лучше его выпутываться из всяких передряг.

— Сэр, я готов обсудить любое ваше предложение, — сказал он, — но не имею права подвергать корабль риску попасть под атаку пиратов.

Ван Рийн встал и зашагал по каюте, изрыгая поток бранных слов и вулканические клубы голубого дыма. Проходя мимо ниши с фигуркой святого Дисмаса, он в раздражении скинул свечи на пол. Наконец повернулся к Торрансу и заявил уже более спокойным тоном:

— Ха! Почему бы на самом деле в этом секторе Галактики не существовать технически развитой цивилизации? Ведь с ее представителями можно встретиться в космосе — не одни же паразиты-аддеркопы бродят вокруг? Мы вполне можем встретить и еще чей-то корабль! Передайте Ямамуре: пусть он повысит чувствительность бортовых детекторов настолько, чтобы они могли уловить трепыхание крыльев комара в моей земной конторе в Джакарте. Затем, так и быть, мы продолжим полет на безопасной скорости.

— А если мы встретим вражеский корабль?

— Тогда мы захватим его, черт побери!

— Сэр, мы потеряем много времени, двигаясь по поисковой спирали.

— У вас есть более надежный план?

— Э-э... — замялся Торранс.

Вошел стюард, неся на подносе кружку пива. Ван Рийн опустошил ее несколькими большими глотками.

— Думаю, вы правы, — выдавил из себя капитан, опуская глаза.

— Девственница! — взревел ван Рийн, хлопнув себя ладонью по широкому лбу.

— Что? — вздрогнул Торранс.

— Девственница! Вот то слово, которое я искал. Первая утренняя кружка пива приятна, как девственница в брачную ночь, вы, идиот!

2

В дверь каюты позвонили. Торранс простонал. Он надеялся хоть слегка поспать после многих часов, проведенных на капитанском мостике. Малоприятное это занятие — бродить во тьме космоса в поисках какого-нибудь корабля, зная, что за твоим космолетом также могут рыскать охотники...

— Войдите.

В каюту вошла Джерри Кофойд. Капитан вскочил с места и вежливо поклонился:

— Фриледи! Что... что за сюрприз. Я могу быть чем-нибудь вам полезен?

— Пожалуй, — улыбнулась девушка и протянула руку для поцелуя. Ее мерцающее в полутьме платье было облегающим и невероятно коротким — впрочем, старый волокита ван Рийн других нарядов у своих подруг не признавал.

— Капитан, если у вас есть хотя бы капля жалости, вы выслушаете меня.

Взгляд девушки, впрочем, ясно говорил о другом. Торранс окончательно смутился и указал ей на кресло. Он предложил гостье сигарету, сам закурил, а затем уселся напротив нее.

— Буду счастлив, если смогу быть вам полезен, фриледи Кофойд. Э-э... фримен ван Рийн...

— Он спит. Но ему не в чем упрекнуть меня. Я не подписывала контракта быть его верной рабыней или что-нибудь в этом роде. — Она нервно усмехнулась. — О, я согласна выполнять его приказы, по крайней мере некоторые. Просто он не захотел ответить на мой вопрос. Если я немедленно не узнаю правды, то закачу такую истерику! Что происходит, капитан?

Торранс задумался. Пожалуй, будет невредно успокоить дамочку, рассказав ей чуть больше, чем остальному экипажу, решил он.

Он рассказал девушке о происшествии с конвертером и добавил:

— Мы не можем сами исправить его. Если мы не снизим скорость, то конвертер выйдет из строя еще до прибытия на Валгаллу. Лишившись энергии, мы будет обречены на верную смерть. С другой стороны, на малой скорости мы будем добираться до планеты года полтора, а за это время попросту умрем с голоду. Впрочем, до этого дело вряд ли дойдет, так как аддеркопы выследят нас через одну-две недели.

Девушка вздрогнула.

— Почему? Я не понимаю... — пролепетала она, глядя на капитана расширенными от страха глазами. — Вы же знаете, что моя родная Фрейя находится в далекой космической провинции и к нам редко заглядывают даже торговые корабли Лиги.

Я еще совсем молода и ничего не смыслю в галактической политике. До сих пор я считала, что мы находимся в обычном коммерческом рейсе — правда, я не решалась расспросить об этом хозяина. Почему эти противные аддеркопы так встревожены и пытаются поймать нас?

Торранс озадаченно потер переносицу. Ему, бывалому астронавту, было нелегко ответить на столь чудовищно наивный вопрос. Очевидно, у колонистов, заселивших Фрейю, был совсем иной взгляд на все происходящее в Галактике. Аддеркопы — выходцы с той же Фрейи. Их изгнали около ста лет назад за какие-то серьезные проступки, и с той поры о них попросту забыли. Уйдя в глубины космоса, беженцы осели на никому не известной планете в нескольких парсеках от Валгаллы. Новая колония быстро разрослась и обзавелась множеством военных кораблей. С той поры в этом спектре Галактики не было спасу от пиратов, хотя на густонаселенную Фрейю они нападать не решались. К тому же у этой планеты не было своего космофлота, и терять ей особенно было нечего.

Торранс решил поподробнее объяснить все это девушке, не боясь повторить некоторые общеизвестные факты.

— Аддеркопы отнюдь не глупы, — сказал он. — Кто-то информирует их обо всех наших планах. Они узнали, что

Торгово-техническая Лига намеревается начать торговые операции в этом секторе Галактики. Это положило бы конец беззастенчивым грабежам местных планет, многие из которых вынуждены платить дань космическим пиратам. Конечно, Лига также не состоит из святых, мы готовы бороться с аддеркопами только потому, что нам это выгодно. Пираты решили не вступать с нами в открытую войну и ограничились нападениями на передовые посты Лиги. Их преимущество — в отличном знании этого района космоса. Мы уже были готовы отказаться от наших намерений и попытать счастья в другом галактическом секторе, когда фримен ван Рийн взял дело в свои опытные руки. Как ни странно, в Лиге нашлось немало противников этому, так что стари... торговый принц был вынужден лично возглавить нашу экспедицию.

— Как интересно... — прошептала Джерри, заложив ногу за ногу и не спуская с капитана блестящих глаз.

Торранс сглотнул слюну и слегка охрипшим от возбуждения голосом продолжал:

— Полагаю, вы уже знаете, на что способен этот мерза... э-э... достославный фримен. При закрытых дверях он допросил несколько десятков пленных пиратов, подкупил дюжину их агентов и в результате нащупал нить, ведущую к их тайной базе. Мы скрытно прилетели в доселе не исследованный район, нашли нейтринный поток и, следуя вдоль него, обнаружили обитаемый мир. Это, без сомнения, и есть давно разыскиваемая Лигой планета аддеркопов.

Джерри глубоко затянулась, выдохнула голубое колечко дыма и откинулась в кресле так, что платье плотно обтянуло ее небольшие, крепкие груди.

— Да что вы говорите? — игриво улыбнувшись, сказала она. — А мне казалось, что этот старый коз... то есть старый фримен только и способен на то, что день и ночь наливаться до бровей этим противным пивом.

Торранс покачал головой. Ему приходилось напрягать всю свою волю, чтобы сохранять внешне невозмутимый вид.

— Вы недооцениваете хозяина, фриледи. Если мы сумеем доставить Лиге полученную нами информацию, то враждебные действия аддеркопов удастся пресечь. Лига пошлет к их планете несколько тяжелых крейсеров и пригрозит ракетным ударом. Пираты, сознавая опасность, послали за нами в погоню несколько военных кораблей, но нам удалось ускользнуть. К счастью, наша «Геба» куда быстрее и маневренней их устаревших корыт. Но можно не сомневаться, что весь пиратский флот сейчас занят поисками. Если они уловят хотя бы малейшую вибрацию гиперпространства, то «Гебу» быстро выследят, и тогда нам крышка.

Джерри вздрогнула, зазывная улыбка на ее губах погасла.

— И что же... что же вы намереваетесь предпринять? — дрожащим голосом спросила она.

— Контрманевр. Вместо того чтобы продолжать полет к Фрейе, мы совершаем спиральный поиск, одновременно увеличив чувствительность наших гравитационных датчиков. Как только мы обнаружим чужой корабль, то включим конвертер вновь на полную мощность и без труда догоним его. Если это окажется крейсер пиратов — что ж, у нас есть лазерные пушки и мы дадим аддеркопам бой. Но в этом секторе, по сведениям ученых, есть три или четыре развитые расы гуманоидов, овладевших секретом перелетов в гиперпространстве. Тогда мы вежливо попросим братьев по разуму одолжить их корабль, разумеется, временно.

— А если экипаж окажется негуманоидным?

— Будем действовать по обстоятельствам.

— Понятно, — кивнула девушка. Озабоченность исчезла с ее лица, и она вновь обворожительно улыбнулась. — Вы очень помогли мне, капитан.

Торранс глуповато ухмыльнулся:

— Рад служить вам во всем, фриледи.

— Знаете ли, что я лечу с вами на Землю? Фримен ван Рийн обещал мне там хорошую работу.

«Он всегда обещает красоткам нечто подобное», — подумал Торранс, но предпочел помолчать.

Джерри пододвинулась к нему:

— Надеюсь, по пути к Земле мы лучше познакомимся с вами, капитан. Впрочем, можно начать хоть сейчас...

В этот момент прозвучал сигнал тревоги.

«Геба» была исследовательской яхтой, а не пиратской шхуной. Однако, когда на борту находился добрый старый ван Рийн, это различие почти исчезало. Яхта, была неплохо вооружена, а ее экипаж был знаком с тактикой погони.

Уловив своими сверхчувствительными датчиками гиперэмиссию другого корабля, она быстро изменила курс. Оставаясь для чужака невидимкой, «Геба» на маршевой скорости бросилась в погоню. Если бы неизвестный корабль сохранил свою прежнюю скорость, то земляне нагнали бы его через три-четыре часа. Однако чужак предпринял маневр ухода, хотя и был для этого слишком медлителен.

Торранс стоял на капитанском мостике рядом с ван Рийном и не отрываясь смотрел на экран гиперпространственного локатора.

— Они не боятся нас, — сказал он убежденно. — Заметьте, хозяин, они повернули отнюдь не в сторону планеты пиратов. Значит, они не аддеркопы, и у них есть причины бояться чужаков.

Видя, что преследователь сокращает дистанцию, чужаки внезапно вышли из гиперпространства. Случалось, что этот маневр помогал, но мощный компьютер «Гебы» успел оценить вектор гиперскорости преследуемого корабля и перешел в обычное пространство почти в той же самой точке. Яхта стала прочесывать межзвездную пустоту, включив сенсоры, настроенные на излучение атомных двигателей. Правда, его можно было спутать с нейтринным излучением звезд, но компьютер «Гебы» справился с этой задачей. Вскоре на обзорном экране уже вырисовывался корпус чужого корабля, отчетливо видимый среди россыпей сияющих звезд.

Чужак в несколько раз превосходил яхту по размерам, а по форме напоминал цилиндр с тупо закругленным носом, массивными конусами двигателей, узкими нишами для спасательных шлюпок и единственной орудийной башней. Торранс заключил, что экипаж корабля принадлежал к не очень развитой в технологическом отношении расе.

Экран вспыхнул, и, даже несмотря на автоматическое его затемнение, Торранс был ослеплен. Приборы показывали, что чужак выстрелил в яхту. Роботы-канониры мгновенно выпустили антиракеты, которые уничтожили снаряд на безопасном от корпуса расстоянии. Атака повторилась, но вновь безуспешно. Несмотря на солидные размеры, чужак оказался почти беспомощным по сравнению с небольшой, но хорошо вооруженной яхтой.

— Прекрасно! — бодро сказал ван Рийн. — Теперь можно поговорить с этими чужаками более мирно. Капитан, свяжитесь с ними по телекому и объясните, что нам надо всего лишь попасть на Валгаллу и мы не причиним им никакого вреда. — Поколебавшись, он добавил: — Мы можем им хорошо заплатить.

— Сомневаюсь, что они нам поверят, — покачал головой Торранс. — Такие яхты, как наша «Геба», строят только люди, а из них чужаки скорее всего встречались лишь с аддеркопами.

— Что ж, тогда придется брать их на абордаж. Торопитесь, медуза вам в глотку! Если мы будем мешкать, этим проклятым пиратам достанется сразу два жирных кусочка.

Торранс хотел было заметить, что в обычном пространстве они в безопасности, но сдержался. Ван Рийн был прав. Рано или поздно им придется уйти в гиперпространство, и тогда датчики кораблей аддеркопов быстро обнаружат их. Нет, надо делать это немедленно, пока пираты не блокировали подступы к Валгалле.

Он направился к офицеру связи. Минут через двадцать вернулся весьма растерянным.

— Сэр, мы использовали все частоты, — доложил он. — Но ответа не получили. Странно. Чужаки должны были понять, что мы собираемся вести переговоры и им ничто не грозит. Почему же они молчат?

— Может, они покинули корабль? — предположил офицер связи. — Возможно, их шлюпки способны передвигаться в гиперпространстве.

— Нет, — возразил Торранс, — мы бы заметили... Продолжайте их вызывать, фримен Бетанкур. Если в течение часа мы не получим ответа, то будем брать их на абордаж.

Прошел час, но корабль чужаков молчал. Чертыхаясь, Торранс объявил боевую тревогу и стал надевать скафандр. Ямамура доложил, что нейтринное излучение на корме чужака значительно усилилось. Там происходит какой-то процесс, требующий большого расхода энергии.

Торранс защелкнул фиксаторы шлема.

— Посмотрим, — сказал он.

Он направился к главному шлюзу во главе хорошо вооруженной группы захвата. Ван Рийн остался на борту за капитана. Он изрыгал водопад проклятий, но действовал четко и профессионально. Торранс не без удивления вспомнил, что старый боров в свое время был награжден почетной Голубой лентой Лиги астронавтов.

«Геба» медленно двинулась к чужаку. Но тот внезапно исчез. Мощные гравитационные волны изрядно встряхнули яхту.

— Вельзевул и ботулизм! — взревел ван Рийн. — Они снова ушли в гипер. Ну, этот номер у них не пройдет!

Конвертер загудел, заработав на полную мощность, и яхта нырнула в гиперпространство. Вскоре она настигла чужака. Торранс вынужден был признать, что ван Рийн с блеском выполнил маневр, сложный даже для опытного пилота. Яхта уклонилась от встречного залпа орудий и буквально приклеилась мощным силовым полем к его корпусу. Затем ван Рийн отключил конвертер, пока тот не вышел из строя. Однако огромная туша чужака сохранила гиперскорость и

продолжала путь к неизвестным созвездиям, увлекая за собой «Гебу».

Торранс приказал своей группе открыть шлюз.

Ему еще не приходилось участвовать в захвате чужого корабля, но он знал, как следует действовать. Выбрав место на корпусе подальше от двигателей, он приказал закрыть его силовым полем, чтобы избежать утечки воздуха изнутри. Резаки в руках двух людей изрыгали пламя, а синие искры раскаленного металла фейерверком рассыпались в невесомости. Остальные члены отряда стояли поодаль, держа в руках бластеры и гранаты.

Два корабля продолжили свой совместный полет в неизвестность. Без специальной компенсирующей электроники вид созвездий был настолько непривычен и ужасен, что Торрансу показалось, будто они несутся навстречу Судному дню. Встряхнувшись, он попытался сосредоточиться на текущих делах. Как установить контакт с инопланетянами? Проблема, особенно если при захвате корабля придется застрелить нескольких из них...

Наконец в корпусе было вырезано довольно большое отверстие. Оказалось, что под оболочкой из неизвестного металла находится какая-то вязкая субстанция. Теперь было очевидно, что чужаки не были людьми. Они использовали при постройке звездолетов совсем иные технологии, хотя, несомненно, опирались на аналогичные физические принципы.

Последняя преграда была вскрыта, и Торранс заглянул внутрь, светя фонариком. Его поразила царящая в корабле тьма. Пробравшись через отверстие, он повис в воздухе — искусственного тяготения не было. Первого взгляда было достаточно, чтобы понять: экипаж где-то прятался. Но где?..

3

Торранс вернулся на яхту через час. Он сразу же направился в каюту хозяина и застал ван Рийна, сидящего на

диване рядом с Джерри. Девушка что-то с пылом говорила, но, заметив вошедшего капитана, замолчала.

— Ну? — буркнул торговец.

Капитан прокашлялся и произнес словно бы не своим голосом:

— Думаю, вам следует самому взглянуть на это, сэр.

— Надеюсь, вы нашли чужаков в их вонючем аду? На что они похожи, а? Что это за корабль?

Торранс предпочел ответить только на последний вопрос.

— Очевидно, этот корабль предназначен для перевозки животных с различных планет. Главный трюм полон клеток. Должен сказать, что такого фантастического набора зверья я не видел даже в зоопарке в Луна-Сити.

— На кой сифилис мне это? Где тот дикарь, что собирал эту падаль, и где его подружки, прикрытые только фиговыми листиками?

— Как вам сказать, сэр, — нервно сглотнул Торранс. — Думаю, чужаки скрылись от нас в надежном убежище. Понимаете, они спрятались среди животных.

4

Между главным шлюзом и отверстием, прорезанным в корпусе чужого корабля, был протянут переходный рукав. Через него внутрь огромного звездолета накачали воздух и провели освещение. Манипулируя гравитационным генератором, Яма-мура сумел создать внутри чужака искусственное поле тяготения, приблизительно в одну четверть земного. Однако ему не удалось сориентировать его перпендикулярно продольной оси звездолета, поскольку палубы обоих кораблей находились под разными углами друг к другу.

Даже в условиях пониженной гравитации ван Рийн двигался так же «изящно», как бегемот по льду. Продолжая свой затянувшийся завтрак, он вошел внутрь чужака, держа

в одной руке солидный кусок салями, а в другой — сырую луковицу. Помещение, в котором он находился, более всего напоминало рубку управления, и это было странно, так как оно находилось ближе к корме, чем к носу корабля. Экраны были рассчитаны на существо несколько меньшего, чем человек, роста, хотя изображение на них созвездий не отличалось от тех, что создавали компьютеры «Гебы». У передней стены обширного отсека располагалась полукруглая контрольная панель. Она была слишком велика, чтобы ею мог управлять один пилот, однако перед ней стояло всего одно кресло. Правда, из пола торчало несколько стержней, на которых могли крепиться и другие сиденья, но они отсутствовали.

— Что вы об этом думаете, капитан? — озадаченно спросил ван Рийн, жуя кусок колбасы.

— Полагаю, пилот сидел в этом кресле, когда корабль двигался в автоматическом режиме управления, — нерешительно ответил Торранс. — Штурман и связист могли сидеть здесь и здесь. Похоже, они не использовали второго пилота... хотя там, в углу отсека, находится еще один штырь из-под кресла. Вполне возможно, что резервный пилот сидел именно там, готовый в любой момент вступить в действие.

Ван Рийн с хрустом откусил четверть луковицы и поскреб свою неопрятную бороду.

— Чертовски велика эта панель, — заметил он. — Неужто существует раса разумных теплокровных спрутов? Посмотрите, как здесь все дьявольски сложно.

Он указал куском салями в сторону панели. Консоль была покрыта светящимся пластиком. На ней находилось считанное число кнопок и переключателей, зато было множество клавиш, площадью не меньше двадцати квадратных сантиметров каждая. Несколько из них были утоплены в панель.

Торранс осторожно попытался нажать на одну из клавиш. Оказалось, что для этого требуется очень большое

усилие. Эксперимент закончился тем, что внезапно распахнулся один из грузовых люков. Воздух засвистел, уходя в пустоту космоса. Астронавты застыли на месте с выражением ужаса на лицах, а ван Рийн разразился отборными проклятиями. Напрягая все силы, капитан сумел вернуть клавишу на место повторным нажатием. Люк вновь закрылся, и все вздохнули с облегчением. Стало ясно, что продолжать подобные опыты в открытом космосе небезопасно.

Выдав напоследок самое изощренное проклятие, ван Рийн отдышался и уже довольно спокойно заметил:

— Эти спруты должны быть сильны, как лошади, чтобы управлять всем этим хозяйством.

— Согласен, но эти спруты-лошади ростом с карлика, — сказал Торранс, указывая на низко расположенные экраны, а также на полку с инструментами, не превышающими по размерам пуговицу. На каждом из них была видна цифра (или буква, или идеограмма?), немного напоминающая по написанию китайские иероглифы. — Уверен, что человек не мог бы пользоваться этими штучками, — продолжил он. — Во всяком случае, без тщательной подготовки и большого напряжения. Конечно, из этого еще не следует, что пилот был карликом... А вот этот переключатель над креслом пилота и мне трудно будет достать.

Капитан привстал на цыпочки и щелкнул выключателем. Со стороны кормы немедленно донесся гул. От неожиданного толчка Торранс полетел назад. Пытаясь удержаться, он ухватился за одну из металлических полок, висевших на стене. Она прогнулась, но выдержала.

— Каракатица и болван! — завопил ван Рийн, выронив салями.

Упершись слоноподобными ногами о пол, он подпрыгнул и вернул переключатель в прежнее положение. Гудение стихло, и восстановилась прежняя сила тяжести.

Торранс подошел к раскрытой в коридор двери и крикнул, обращаясь к остальным астронавтам:

— Все в порядке, это была простая случайность!

— Что произошло, чертов вы олух? — потребовал ответа разъяренный торговец.

Торранс с трудом успокоился.

— По-видимому, это включатель двигателей, — неровным голосом произнес он. — Корабль получил полное ускорение и, похоже, без всяких компенсаций. Конечно, в гиперпространстве это не слишком опасно, поскольку продольное ускорение не превысило одного g. Но если бы мы находились в обычном пространстве, то нам пришлось бы несладко. Я думаю, это приспособление для экстренного маневра ухода, и... и...

— И вы с вашими прокисшими мозгами и бананами вместо пальцев взяли и включили без колебаний эту штуку!

Покрасневший Торранс попытался оправдаться:

— Откуда я мог знать, сэр, что он так легко поддастся? Особенно после того, как мне еле-еле удалось нажать на клавиши управления?

Ван Рийн внимательно осмотрел пульт управления и указал на отверстие в центре его диаметром в сантиметр и около пятнадцати сантиметров в глубину. На дне его находился маленький штырь с плоским концом.

— Полагаю, что это ключ для какой-нибудь системы безопасности, — задумчиво сказал он. — Или включатель гиперперехода. Только нам без пинцета до него не добраться. Гм-м... — г- Он провел по своим жирно напомаженным кудрям. — Не вижу нигде поблизости пинцета.

— И не ищите, — пояснил Торранс. — Инопланетяне, прежде чем укрыться в своем зоопарке, уничтожили почти всю внутреннюю обстановку, приборы и инструменты. В машинном отделении остались лишь груда обломков, расплавленный металл и обожженный пластик, рваное постельное белье, разбитая мебель... Эти хитрецы переломали все, что могло, по их мнению, дать нам ключ к внешнему виду экипажа этого корабля. Многое они успели распылить на атомы в конвертере — это и вызвало сильное нейтринное излучение, которое мы обнаружили при подлете к чужаку.

— Дьявол, но ведь эти спрутолошади оставили в целости двигатели и многие важные агрегаты? Тогда они могут запросто взорвать корабль вместе с нами, чтобы окончательно замести следы! Бр-р-р, я потею, словно свинья, от мысли, что они в любой момент могут превратить меня, бедного старого грешника, в горстку радиоактивной пыли. И где — в трех сотнях световых лет от обожаемых мною виноградников Земли!

— Вряд ли, — покачал головой Торранс. — Насколько можно судить по поверхностному осмотру, они специально не уничтожили жизненно важные агрегаты, чтобы воспользоваться ими тогда, когда мы улетим. Эти спрутолошади не похожи на самоубийц — нет, это хитрые парни. Они поймали нас в ловушку, возможно, сами не подозревая об этом. Мы крепко привязаны к их кораблю и не можем позволить себе роскоши оставить их в покое. А что, если они успели направить эту махину в сторону своей планеты? Тогда и позади по курсу, и впереди нас ожидают враги.

— Тогда не стойте сложа руки, сто чертей вам в глотку!

Торранс кивнул и пошел вместе с ван Рийном в сторону коридора.

— Предлагаю, как следует заняться этим летающим зоопарком, — сказал он. — Ямамура собирается установить в трюме коё-какие приборы. Надеюсь, они позволят нам отличить экипаж от животных.

5

Главный трюм занимал добрую половину огромного корпуса корабля. Вверху находился коридор, а внизу, между объемистыми кубическими вольерами, были настелены мостки. Вольеры были около пяти метров в ширину. Их пол устилал упругий пластик, а в потолок были вмонтированы светящиеся пластины. В некоторых вольерах вдоль стен были установлены вертикальные лестницы — очевидно, для животных, которые привыкли лазать по деревьям или

скалам. В задних стенках были встроены какие-то механизмы. Ямамура строго запретил касаться их. По его мнению, они служили для создания специальной атмосферы внутри герметичных помещений, а также для поддержания требуемого уровня гравитации, температуры и прочего. Они также выполняли гигиенические функции.

Передние стены вольеров, выходящие к мосткам, были выполнены из прозрачного вещества. В них были встроены люки с воздушными шлюзами, закрытыми простыми, но надежными механизмами. Рукоятки управления ими находились как снаружи, так и внутри помещений. Лишь некоторые из девяноста шести вольеров пустовали. Торранс и ван Рийн шли по коридору, и им в лица бил свет нескольких дюжин разнообразных звезд: красных, оранжевых, желтых, зеленых, голубых...

В одном вольере-аквариуме среди водорослей плавало существо, напоминавшее гигантскую акулу с пышными, как у ван Рийна, усами. В следующей клетке носились взад-вперед множество крылатых рептилий. Напротив них через мостки находился вольер, погруженный в желтый туман — в нем едва можно было разглядеть четверых крупных млекопитающих с тигровыми шкурами и клыкастыми пастями. Они передвигались то на четырех конечностях, то на двух, и в последнем случае на передних были заметны короткие, словно обрубки, пальцы, среди которых находились убирающиеся, как у кошек, когти.

Затем астронавты прошли мимо вольеров с полудюжиной лоснящихся, похожих на выдр животных, с шестью лапами и красноватыми шкурками. Они резвились в бассейне, а затем дружно подплыли к стене, из отверстия в которой посыпался корм.

— Очевидно, уход за животными автоматизирован, — заметил Торранс. — Пища синтезируется на месте, в соответствии с биохимическими особенностями каждого вида. Скорее всего так же питался и экипаж. По крайней мере, мы не обнаружили ничего похожего на камбуз.

Ван Рийн содрогнулся от отвращения.

— Что, они питались только синтетикой? Не пропускали даже по маленькому стаканчику джина перед обедом? Мне жаль этих существ до слез. Наш долг помочь этим беднягам! Капитан, мы открыли отличный новый рынок сбыта горячительных напитков. Пока эти спрутолошади разберутся, что к чему, мы обдерем их как липку.

— Сначала, — заметил Торранс, — нам надо их поймать.

В центре прохода стоял Ямамура, наведя инструменты на одну из клеток. Рядом была Джерри. Она подавала ему то, что просил инженер, и включала, когда надо, небольшой генератор. Ван Рийн, конечно, влез:

— Что здесь происходит?

Главный инженер повернул к нему спокойное смуглое лицо:

— Команда исследует корабль, сэр. Я присоединюсь к ним, как только обучу сударыню вот этому делу. Она будет выполнять рутинную работу, тогда остальные смогут работать по специальности... — Он не закончил фразы и добавил с грустной улыбкой: Работая методом тыка, мы вряд ли закончим раньше, чем через месяц, особенно при нашем недостатке приборов.

— У нас нет месяца, — отрезал ван Рийн. — Вы проверяете условия внутри каждой клетки?

— Да, сэр. Конечно, они регистрируются, но мы не умеем читать показания здешних приборов, так что приходится все измерять самим. Я вывел показания на один экран и получаю приблизительные значения силы тяжести, температуры, состава атмосферы, давления, температуры, спектра освещения и так далее. Работа тормозится из-за того, что приходится пересчитывать показания приборов и вычислять все параметры. Хорошо, что не надо проверять каждый отсек.

— Точно, — ответил ван Рийн. — Любой младенец поймет, что этот корабль строили не рыбы и не птицы. Всегда нужно что-то вроде рук.

— Или щупалец. — Ямамура кивнул на отсек перед ним. Внутри в тусклом красном свете можно было разглядеть несколько беспорядочно мечущихся черных существ. Четвероногие тела приводили на память кентавров, головы были одеты в костяную броню. Под безликими головами размещались шесть толстых гибких щупалец, по три с каждой стороны. Два из них оканчивались тремя бескостными, но, вероятно, сильными пальцами.

— Подозреваю, это и есть наши застенчивые хозяева, — сказал Ямамура. — Тогда нам предстоит приятная прогулка. Они дышат водородом под большим давлением и предпочитают гравитацию втрое больше земной. Температура в вольере — около семидесяти градусов ниже нуля по Цельсию.

— Они единственные, кто живет в таких условиях? — поинтересовался Торранс.

Ямамура кивнул:

— Понимаю, что вы имеете в виду, капитан. Есть еще три помещения, где имеются аналогичные условия. Но в них, несомненно, находятся животные: змеи и прочие безлапые существа. Они явно не могли построить корабль.

— Но... но тогда кентавры вряд ли являются хозяевами корабля, — робко вмешалась в разговор Джерри. — Экипаж наверняка собирал животных на чужих планетах — какой смысл было возить своих зверей?

— Хм-м... неглупо, — кивнул мохнатой головой ван Рийн. — Мы же имеем на «Гебе» кота и нескольких попугаев! Кроме того, условия в этих вольерах могут совпасть случайно. Вспомни, девочка, что твоя Фрейя очень похожа на Землю почти во всех отношениях. Впрочем... — Он внезапно повернулся к Ямамуре. — Послушайте, а почему вы не проверили резервуары с запасами местного воздуха? Если мы установим его состав, то запросто сможем обнаружить этих хитрецов.

— Это первое, что я приказал сделать своим людям, — объяснил Ямамура. — Но резервуары оказались пустыми. Мы обнаружили синтезатор воздуха, но понятия не имеем,

как его запустить в действие. Когда мы уйдем — если только мы сумеем уйти, — синтезаторы восстановят атмосферу внутри корабля. Хотя не исключено, что чужакам подойдет и наша, кислородная.

— Надо еще раз осмотреть корабль, — сухо сказал Торранс. — Не может быть, чтобы не нашлось ни одной ниточки, ведущей к хозяевам этого корабля.

Они не спеша пошли дальше вдоль вольеров.

— Что за плесень завелась в мозгах этих чертовых инопланетян? — проворчал ван Рийн. — К чему этот идиотский маскарад? Рано или поздно мы все равно обнаружим их.

— Хорошо, если рано — а если поздно? — возразил Торранс. — Мы не знаем, как разогнать их корабль и как им управлять. Чужаки явно рассчитывают на то, что нам надоест копаться в механизмах их звездолета и мы скоро уберемся восвояси. Если же мы проявим упрямство, то со временем попадем в освоенный ими район и сможем познакомиться с их военными кораблями... Вот это да!

Он остановился перед очередным вольером, в котором находилось животное, напоминающее слона. Ноги его были непропорционально тонкими, что указывало на привычку к низкой гравитации. Кожа его была зеленого цвета и кое-где была покрыта чешуей. Вдоль хребта росла жиденькая полоска волос. Голова была увенчана длинным хоботом, который заканчивался несколькими сильными псевдопальцами.

— Возможно ли существование однорукой расы разумных существ? — задумчиво пробормотал Торранс и сам же ответил себе: — Почему бы и нет? Отсутствие второй руки может компенсироваться силой и гибкостью первой. Ручаюсь, что этот хобот может запросто согнуть в кольцо даже толстый железный прут.

Ван Рийн нахмурился. Он прошел мимо очередного вольера с пернатыми копытными, напоминающими странную смесь осла и лебедя, и остановился перед следующим.

— Посмотрите на этих тварей, — сказал он. — Что-то похожее

есть на Земле. Как же они называются? Гориллы или шимпанзе?

Торранс невольно вздрогнул. Эти существа, кто бы они ни были, лучше всего подходили на роль хозяев звездолета. Перед ним находились четыре обезьяноподобных зверя. Они были двуногими и имели по паре сильных рук. Рост их достигал почти двух метров, а размах рук — не менее трех. Такое существо в одиночку вполне могло управиться со всем пультом управления. Массивные руки были пятипалыми, причем один палец противостоял остальным. Ноги походили на человеческие, но имели по три пальца. Относительно небольшие головы были остроконечными, с массивными носами и глубоко посаженными, сверкающими глазами. Среди них были как самцы, так и самки. Животные бесцельно бродили из угла в угол, греясь в лучах искусственного солнца, напоминающего по типу земное.

— Сомневаюсь, что это хозяева корабля, — сказал Торранс. — У ж больно у них мощные челюсти и маленькая черепная коробка.

— Возможно, у них мозги расположены в животе, — заметил ван Рийн.

— Что ж, у некоторых людей так оно и есть, — пробормотал Торранс. Торговец едва не подавился, и капитан поспешно добавил: — Нет, на самом деле, сэр, это маловероятно. Все животные, которые мне известны, имеют мозг, расположенный рядом с органами чувств. А последние, как правило, расположены в голове. К тому же маленький размер черепа не говорит о том, что они не обладают разумом. Их нейроны могут быть более эффективными, чем наши.

— Уксус и перец! — рявкнул ван Рийн. — Могут, могут, могут! — Они пошли дальше вдоль вольеров. — Мы мало чего добьемся, изучая их атмосферу и освещение, — продолжал недовольно ворчать ван Рийн. — Чужакам ничего не стоило немного изменить их без вреда для здоровья. Это относится и к гравитации.

— Я все же надеюсь, что они дышат кислородом, хотя... Ого! — Торранс остановился, увидев-нескольких странных существ, освещенных оранжевым светом. Они были-покрыты хитиновой броней. Массивные тела опирались на четыре короткие ноги, которые заканчивались ступнями с острыми когтями. Ресницы походили на кустики щупалец, а из-под них на людей глядели большие, выразительные глаза.

— Черепахи, — буркнул ван Рийн. — Или, скорее, броненосцы.

— Будет невредно, если Джер... мисс Кофойд проверит условия их обитания, — сказал Торранс.

— Напрасная трата времени.

— Не понимаю, каким образом они едят. Я не вижу никакого рта.

— Эти щупальца похожи на капиллярные присоски. Готов поклясться, что они паразиты, или пиявки-переростки, или что-то иное, похожее на моих конкурентов. Пошли дальше.

— Что мы будем делать после того, как обнаружим экипаж корабля? — спросил Торранс. — Попытаемся вести переговоры с каждым по очереди?

— От этого мало будет проку. Они спрятались именно потому, что не хотят разговаривать. Пока мы не докажем, что не являемся этими проклятыми аддеркопами... Не вижу, как это можно сделать.

— Постойте! Если они так опасаются аддеркопов, то это значит, что они хотя бы однажды уже встречались с этими пиратами. Но как же в этом случае они уцелели?

— Дьявол, я уже объяснял вам! — сказал ван Рийн. — Назовем эту расу для удобства иксянами. Итак, иксяне уже некоторое время странствуют в Галактике, но с людьми им еще не приходилось встречаться. Затем в этом секторе появились аддеркопы. Иксяне могли услышать о них от туземцев на местных планетах. Возможно, они наблюдали за одним из лагерей пиратов или даже сумели захватить один из

их кораблей. С тех пор все люди для них — аддеркопы. Понятно, что иксяне избегают всяких контактов с нашей расой. Возможно, они еще не готовы к войне, и потому нам надо продемонстрировать экипажу иксян наши добрые намерения. Тогда они помогут нам добраться до Фрейи, а затем доложат своим правителям, что не все люди — грязные пираты. Иначе мы можем проснуться в одно прекрасное утро и обнаружить, что наши планеты атакованы иксянами. Хуже всего, что мы, торговцы, потеряем из-за этой войны миллиарды кредитов! — Он потряс кулаками в воздухе и проревел: — Наш долг предотвратить это!

— Наш первый долг — вернуться домой живыми, — возразил Торранс. — Меня ждут жена и дети.

— Тогда перестаньте пялиться на Джерри. Я первым положил на нее глаз.

Они продолжили поиски. В соседнем вольере ползали освещенные зеленым светом четыре огромные гусеницы с толстыми лапами и торсами кентавров. Они были приземистыми и имели по две руки. На них отсутствовали противостоящие остальным большие пальцы, однако шесть других, расположенных полукругом, вполне могли заменить человеческую кисть. Это еще не свидетельствовало об их разумности: на Земле руками, пригодными для работы, обладают не только обезьяны, но и рептилии. Тем не менее плоские головы «кентавров», большие глаза, перья-антенны непонятного назначения, маленькие челюсти и тонкие губы выглядели многообещающими.

«Обещающими — что?» — подумал Торранс.

6

Трое земных суток спустя Торранс шел по центральному коридору, направляясь в машинное отделение иксян.

Коридор представлял собой большой полуцилиндр, выложенный тем же резиноподобным пластиком, что и вольеры. Он делал неслышными шаги и заглушал речь. И все же

здесь ощущалась глубинная вибрация гиперпространственного двигателя, несущего корабль к неизвестной звезде и выдававшего его присутствие любому пирату, находящемуся на расстоянии не далее одного светового года. Светильники, подвешенные людьми, были расположены далеко друг от друга, так что Торранс шел через полутьму. По обе стороны коридора были расположены помещения без дверей. Некоторые из них были заполнены странным на вид снаряжением и инструментами. Это доказывало, что корабль не был «Летучим голландцем». Однако личных вещей экипажа найти не удалось. Книги и микрофильмы сохранились, но прочесть их тоже не удалось. Иллюстрированные же издания были, по-видимому, уничтожены, о чем свидетельствовали зияющие пробелы на полках.

На стенах были заметны места, где ранее висели картины. От мебели в каютах, кают-компании и мастерской остались лишь штыри для крепления к полу. В стенах находились вместительные ниши, а рядом — небольшие углубления. Не исключено, что здесь располагались койки экипажа и места для хранения постельного белья, но то и другое было сожжено в конвертере так, что не осталось даже пепла. Одежда, украшения, посуда — все было уничтожено. Одно из помещений, судя по запаху, прежде служило туалетом, но предусмотрительные иксяне распылили в ядерном огне всю сантехнику. Пустовали и лаборатории, в которых, возможно, изучали пойманных животных.

Торранс ощущал невольное восхищение иксянами. Заметив приближение корабля, обводами напоминающего пиратские шхуны аддеркопов, они не впали в панику. Вместо того чтобы взорвать атомный двигатель, разрушив при этом оба звездолета, иксяне с невероятной быстротой стерли все следы своего пребывания на борту и нашли надежное укрытие среди сотен животных самого экзотичного вида. Теперь они отсиживаются в одном из вольеров, изображая из себя примитивных тварей, а сами ожидают, когда эти чудовища-аддеркопы уберутся или на помощь придет военный

корабль иксян. Чужаки действовали вполне логично — но скольких же нервов им это стоило?

«Хорошо бы найти иксян и подружиться с ними, — подумал Торранс. — Они могут стать отличными партнерами для землян, а также для жителей Фрейи, или Рамануджана, или даже всей Торгово-технической Лиги. Держу пари, их не так легко провести, как надеется старый Ник. Они сами его надуют. Хотел бы я на это посмотреть! Впрочем... — его вновь охватило уныние, — у нас не очень много времени, чтобы уладить это недоразумение. Пройдет три-четыре дня, и аддеркопы решат все наши проблемы».

Коридор заканчивался лестничной площадкой, с которой двери вели налево и направо. Одна из них вела в машинное отделение, где располагался мощный ядерный конвертер, питавший энергией все системы корабля, гравитационную установку, а также гиперпространственный двигатель. Принцип, на котором он работал, был Торрансу знаком, однако большинство агрегатов оставались загадками.

Он вошел во вторую дверь, в мастерскую. Ее оборудование было разрушено, и все же часть его удалось идентифицировать: токарный и сверлильный станки, осциллограф и кристаллический тестер. Ямамура сидел за импровизированным верстаком и припаивал узлы электронной аппаратуры. Рядом стояло несколько приборов. Лицо Ямамуры осунулось, руки дрожали. Он долго работал без отдыха, и лишь стимуляторы не позволяли ему заснуть от усталости.

Когда Торранс вошел, Ямамура разговаривал со связистом Бетанкуром. Весь экипаж «Гебы» под руководством Ямамуры разгадывал загадку иксян и пытался научиться управлять их кораблем.

— Я обнаружил основное электрическое оборудование, сэр, — докладывал связист. — Они не пользовались энергией конвертера непосредственно, как мы, а применяли трансформаторы и получали переменный ток. Там же, где необходим постоянный ток, иксяне использовали выпрямители из прессованного вещества, по виду напоминающего окись

меди. Выпрямители находятся под высоким напряжением и закрыты раскаленным кожухом, так что разобраться в их устройстве практически невозможно. Впрочем, все это оборудование кажется весьма примитивным.

— Оно просто отлично от нашего, — устало возразил Ямамура. — Наш конвертер работает на легких элементах и непосредственно дает ток. Иксяне, похоже, применяют конвертер на тяжелых элементах, требующих гораздо меньшей очистки. На Земле когда-то пытались построить такой же, но отказались, посчитав эту технологию непрактичной. Возможно, иксяне лучшие инженеры, чем мы. Такие конвертеры имеют свои достоинства, особенно в том, что не нужно экономить горючее. Для корабля, странствующего в неисследованных областях космоса, это большое преимущество. Однако все это только догадки, не более. — Заметив Торранса, инженер добавил: — Ладно, продолжайте работу, фримен Бетанкур. И помните: торопитесь медленно.

— Вы опасаетесь повредить корабль? — спросил Торранс, усаживаясь рядом.

Ямамура кивнул.

— Иксяне должны были сообразить, что нашей яхте попросту не под силу тянуть такую махину, как их корабль, — сказал он. — Поэтому они могли установить в своих машинах взрывные устройства. Нам надо быть предельно осторожными.

— Это держит наших людей в нервном напряжении.

— Так даже лучше. Хм-м... сэр, я закончил работу над прибором. — Торранс промолчал, и потому инженер пояснил: — Он предназначен для поиска разумных существ и годится для исследований в водородной атмосфере.

Торранс покачал головой.

— Хорошо, но все же начнем с тех, кто дышит кислородом, — сказал он. — К ним мы можем без риска войти в вольер. Я имею в виду гориллоидов — так мы с Джерри прозвали тех поросших шерстью двухметровых уродцев с лапами, очень напоминающими обезьяньи.

Ямамура изобразил на лице чисто обезьянью гримасу:

— Такие мощные звери! Вы заметили у них какие-нибудь признаки разума?

— Нет. Но мы и не ожидали, что иксяне так легко откроются. Мы с Джерри много раз проходили мимо вольеров, показывали животным различные картинки, пытались объяснить, что мы не аддеркопы. Конечно же, из этого ничего не вышло. Все животные хоть как-то отреагировали на наше присутствие, кроме гориллоидов... Впрочем, это ничего еще не доказывает.

— Каких зверей вы имеете в виду? Я все это время был занят и толком не успел осмотреть этот летающий зоопарк.

— Прежде всего тех, кого мы назвали тигровыми обезьянами, затем кентавров со щупальцами, элефантоида, квазиброненосцев и огромных гусениц. Однако все они не очень-то подходят на роль иксян. Только гориллоиды имеют достаточно большой рост и отлично устроенные для сложной работы руки. К тому же они дышат кислородом, и потому мы можем начать с них. Затем стоит заняться гусеницами и кентаврами. В их вольерах без скафандров не обойтись, тем более что гусеницы живут при высокой гравитации.

— Гориллоиды что-то не очень добродушно выглядят, — заметил Ямамура.

Торранс кивнул и с интересом взглянул на стоящие на верстаке механизмы.

— Что вы, собственно говоря, собираетесь предпринять? — спросил он. — Я был слишком занят своими делами и не знаю вашего плана в деталях.

— Я приспособил для наших целей некоторые медицинские приборы, — ответил Ямамура. — Например, офтальмоскоп. Мы обратили внимание, что на различных механизмах этого корабля нанесены довольно мелкие знаки или цифры и их подсветка удобна для нас, людей. Так что скорее всего у иксян глаза устроены не хуже и не лучше, чем наши. Рядом стоит прибор для исследования нервных волокон. Достаточно его направить на изучаемое животное, как на экране

появится изображение его нервной системы. Сопоставляя ее с общей анатомией тела, мы сможем определить симпатическую или парасимпатическую системы или их эквиваленты. По крайней мере, я на это надеюсь. Затем мы займемся изучением мозга. Я испытал эти приборы на себе, и они сработали. А вот сработают ли они при испытаниях на других существах, не дышащих кислородом, не знаю. Но мы попробуем.

— Ничего другого нам не остается, — устало согласился Торранс.

— Что-то давно я не видел старика Ника. Надеюсь, он также не теряет времени.

— Он не захотел помогать нам с Джерри, — пояснил Торранс. — Заявил, что мало обнаружить иксян — надо еще убедить чужаков, что их убежище открыто. Сам он считает, что самым понятным языком для иксян будет жестикуляция пистолетом перед их носами.

— Возможно, старик прав? — заметил Ямамура.

— Нет, не прав! То есть, логически рассуждая, его метод неплох, но с точки зрения морали... И психологически он ошибочен — попробуй тогда убедить иксян, что мы не аддеркопы. Вообще-то старый пройдоха ведет себя довольно странно. Он заперся в своей каюте наедине с батареей бутылок и ящиком сигарет. Кок, который помогал нашим людям здесь, в зоопарке, был срочно вызван на яхту и сейчас готовит для него одно гурманское блюдо за другим. Можно подумать, хозяина вовсе не беспокоит, что мы в любой момент можем подорваться ко всем чертям... — Торранс прикусил язык, вспомнив о своем офицерском чине. Сейчас, на краю гибели, это было полной бессмыслицей, но привычка оказалась сильнее. Нахмурившись, он резко сказал: — Что-то я раскис... Прошу забыть все сказанное мной. Когда вы закончите, фримен Ямамура, мы испытаем гориллоидов.

7

Шестеро мужчин и Джерри стояли в коридоре с бластерами наготове. Торранс надеялся, что им не придется стрелять. Впрочем, еще больше он надеялся, что после этого вынужденного шага он останется в живых.

Он махнул рукой четверым астронавтам, стоявшим у него за спиной:

— Порядок, парни!

Торранс облизнул пересохшие губы. Его сердце неприятно колотилось. Быть капитаном и мастером Лиги было приятно, но однажды неизбежно наступает момент, когда за привилегии приходится платить.

Загудел мотор, дверь шлюза открылась, и он вошел в вольер гориллоидов.

Разница в давлении была незначительной, и он не ощутил беспокойства. Но зато на его плечи словно бы упала глыба. Поле тяготения здесь было нормальным, а до сих пор он находился при силе тяжести, составляющей всего лишь одну четверть g. Торранс пошатнулся, едва не упав, и вдохнул теплый воздух, полный незнакомых запахов. Прислонившись к стене, он глядел на четырех двуногих чудовищ, покрытых густой шерстью. Здесь, внутри вольера, они казались огромными. Глаза под лохматыми бровями недоверчиво глядели на непрошеного гостя. Торранс сглотнул и нащупал в кармане рукоять пистолета. Ему совсем не хотелось стрелять — нельзя было предугадать, как ультразвук подействует на их нервную систему. Тем более что гориллоиды могли оказаться разумными существами...

Стоявший поблизости самец взревел и двинулся к гостю. Странные щели на его шее зашевелились, словно рты в предвкушении жертвы.

Торранс отступил, увидев белые зубы зверя.

— Я постараюсь увести этого подальше от остальных, — тихо сказал он товарищам, стоявшим у него за спиной. — Тогда берите его.

— Понятно, — сказал один из астронавтов, разматывая аркан. Трое остальных расстелили на полу специально сплетенную сеть.

Самка предостерегающе вскрикнула. Самец остановился, а затем жестом, похожим на человеческий, отстранил сородичей и направился к Торрансу.

Капитан выхватил пистолет и дрожащей рукой направил его на гориллоида. Надежда на то, что удастся раскрыть маскарад иксян, показалась ему сейчас смехотворной.

Он отпрыгнул назад, но самец с рычанием последовал за ним. Когти разорвали куртку, оставив длинную царапину на груди. Торранс присел на четвереньки, морщась от боли. В воздухе мелькнул аркан. Гориллоид рухнул, и от этого содрогнулся весь вольер.

— Хватайте его! Следите за руками.

Торранс поднялся. Неподалеку четверо мужчин навалились на ревущее и бьющееся животное, пытаясь его связать.

Остальные гориллоиды столпились в противоположном углу, басовито ревя.

— Вытащите его наружу, пока остальные не вмешались! — крикнул Торранс.

Он поднял пистолет. Если они разумны, то должны понять, что это оружие. И все равно они могут напасть...

Дефтли, алтаец по происхождению, связал гориллоиду руки, обмотал веревку вокруг торса этого гаргантюа, а затем быстро затянул скользящий узел. Затем на животное набросили сеть, а потом потащили его к выходу. Торранс стоял с пистолетом в руках и наблюдал за тем, как к нему медленно приближается второй самец. Вольер сотрясался от звериного воя и криков людей, но он видел лишь одно: приближающуюся пасть, полную острых зубов (такие запросто могли откусить ему голову), маленькие, тупые, багровые от ярости глазки и огромные четырехпалые руки.

— Все в порядке, капитан!

Второй гориллоид внезапно прыгнул на него. Торранс кинулся в люк, но гигант последовал за ним. Выскочив в коридор, капитан направил в сторону зверя свой пистолет. Но гориллоид остановился у входа в шлюз, задрожал, осмотрелся вокруг с выражением, похожим на замешательство, а затем отступил. Торренс закрыл наружный люк и обессиленно опустился на пол.

Ожидавшая в коридоре Джерри склонилась над ним.

— Вы в порядке? — спросила она. — О, да вы же ранены!

— Ничего страшного, — пробормотал он. — Дайте сигарету.

Она протянула капитану сигарету и щелкнула зажигалкой. Пока он жадно сделал несколько затяжек, девушка внимательно осмотрела его рану.

— Это всего лишь глубокая царапина, — сказала она. — Но ее надо тщательно простерилизовать, иначе может попасть инфекция.

Торранс кивнул, но продолжал сидеть, пока не докурил сигарету. Чуть дальше по коридору люди Ямамуры привязали гориллоида к заранее приготовленной металлической раме. Невредимый, но беспомощный зверь ревел, пытаясь укусить Ямамуру, стоявшего рядом с приборами. Капитан подумал: а ведь вернуть животное в вольер будет не легче, чем вытащить из него.

Наконец Торранс со вздохом встал. Сквозь прозрачную стенку он видел самку гориллоида, яростно рвущую на клочки его тюрбан. Капитан хотел было присоединиться к Ямамуре, но Джерри решительно взяла его за руку.

— Сначала вы пойдете в лазарет, — заявила она.

Они покинули главный трюм, прошли по соединительному туннелю и оказались в пониженном поле тяготения «Гебы». Джерри помогла Торрансу снять куртку, смазала рану дезинфицирующей мазью и перевязала его. Затем предложила ему стакан виски, и они направились в кают-компанию.

К удивлению и разочарованию Торранса, возле стола, инкрустированного красным деревом, сидел ван Рийн, одетый в кружевную накидку и в свой обычный саронг. В одной руке он держал бутылку, в другой — дымящуюся сигарету. Перед ним лежала папка с бумагами.

— А, это вы... — сказал торговец, выдохнув облачко голубоватого дыма. — Как дела?

— Испытываем гориллоида, — ответил Торранс и со вздохом облегчения упал в кресло. Так как стюард находился на корабле чужаков в составе группы Ямамуры, то Джерри пошла за выпивкой.

— Капитан Торранс чуть не погиб при этом! — вызывающе сказала она, обернувшись в проеме двери. — Может быть, вы соизволите поднять с кресла свой толстый зад и присоединитесь к Ямамуре и его людям?

— Чтобы стоять рядом с умным видом? — усмехнулся торговец. — Благодарю покорно, но я уже слишком стар и толст для охоты на обезьян. И у меня нет технических знаний, чтобы крутить ручки приборов. — Выпустив клуб дыма, он добавил: — Это не моя работа. Для этого надо иметь университетский диплом, а я всего лишь закончил школу. Зато я хорошо изучил науку, как заставлять людей работать на себя и извлекать из этого выгоду.

Торранс вздохнул, чувствуя невероятную усталость.

— Чем вы заняты, сэр? — глухо спросил он.

— Изучаю доклады специалистов о корабле иксян, — ответил ван Рийн. — Я приказал им составить подробные отчеты обо всем увиденном. Где-то в. них может отыскаться ключ к решению загадки. А что касается Ямамуры... что ж, пусть действует. Я не вижу другого пути, как исключить гориллоидов из числа подозреваемых.

Торранс потер слипающиеся глаза.

— Вряд ли мы этим путем узнаем истину, — сказал он. — Большинство приборов на корабле предназначено для огромных сильных рук, но некоторые так малы... Впрочем, чужаки не меньше поражались бы разнообразию наших инструментов — от кузнечного молота до гравировальной иглы.

Джерри вернулась с двумя стаканами шотландского виски с содовой. Торранс невольно проследил за ней взглядом. Девушка была очень привлекательна в обтягивающей блузке и короткой юбочке. Она села ближе к нему, чем к ван Рийну, и глаза торговца недобро сузились.

Однако он заговорил довольно мягким тоном:

— Капитан, я буду рад, если вы выскажете мне свои соображения насчет вероятных кандидатов в иксян. Я видел их, но в моих мыслях пока много тумана. Может быть, ваши наблюдения рассеют его.

Торранс кивнул, взяв в руку прохладный стакан.

— Что ж, попробую, — сказал он. — Наиболее вероятными претендентами мне кажутся кентавры со щупальцами. Их вольер освещен красным светом, и сила тяжести в нем составляет половину от земной. Атмосфера состоит из смеси водорода с азотом. Помните, как выглядят эти твари? Тело носорога, торс увенчан головой с костистым панцирем, а щупальца заканчиваются своеобразными пальцами. Подобно гориллоидам, они достаточно велики и могут с легкостью управлять кораблем. Все остальные претенденты дышат кислородом. Те, кого мы называем гусеницами, — это многоногие существа серебристо-синего цвета с гибкими руками и вполне разумным на вид лицом. Судя по тяготению

в вольере, они родом с большой планеты. В привычном для них воздухе кислород смешан с азотом в равной пропорции, а давление в двенадцать раз превышает земное. Температура довольно высокая — пятьдесят градусов по Цельсию. По массе их планета должна быть схожа с Юпитером, но только потерявшим свой водород. Это сделало эволюцию гусениц довольно своеобразной, заметно отличной от земной. Элефантоид также достоин внимания. Особенно интересен его хобот, который заканчивается гибкими пальцами. Тяготение в его вольере вдвое меньше нашего и воздух весьма разрежен. — Торранс сделал большой глоток. — Остальные подозреваемые живут в условиях, близких к земным, — закончил он. — Хотелось бы, чтобы иксяне оказались среди них. К сожалению, за исключением гориллоидов, они малопригодны на роль астронавтов. Особенно броненосцы...

— Кто они? — спросил ван Рийн.

— О, вы должны их помнить. Это восемь или девять покрытых чешуей существ с горбами, нависающими над головами. Лапы у них костистые, и нет ничего похожего на руки. Правда, щупальцами они могут выполнять некоторые простейшие операции, тем более что глаза у них хорошо развиты. Но самое главное, что броненосцы — явные паразиты. У них нет челюстей, и они всасывают в себя полужидкую кашицу, которую изготовляет для них специальная машина.

Ван Рийн кивнул.

— Да, паразиты вряд ли могут стать разумными существами, — сказал он. — Надо уточнить, ведут ли они такой образ жизни в своей обычной среде обитания, и тогда со спокойной совестью вычеркнуть из списка. Кто еще?

— Тигровые обезьяны, — сказал Торранс. — Это хищные животные. Большую часть времени они проводят на четвереньках, но иногда становятся на ноги. Руки у них неуклюжие, лишенные больших пальцев, зато имеют гибкие ладони. Могут ли они быть пригодны для работы? Не знаю. Я устал и плохо соображаю.

— И это все? — Ван Рийн поднял бутылку с виски и несколькими большими глотками осушил ее. Затем он откинулся в кресле, затянулся и выпустил через ноздри клубы дыма. — Кого вы собираетесь использовать следующим, если гориллоиды не оправдают надежд?

— Я бы выбрала гусениц, — сказала Джерри. — Повышенное давление их атмосферы еще ни о чем не говорит. Затем кентавров со щупальцами. Потом, может быть...

— Дурацкая мысль! — Ван Рийн ударил кулаком по столу так, что бутылка и стаканы подпрыгнули. — И сколько времени вам потребуется, чтобы проверить всех? Часы? А сколько часов потребуется, чтобы подготовить аппаратуру для каждого нового испытания? Ямамура скоро упадет в обморок от истощения, и кто из вас сможет его заменить? Не забывайте, черт побери, что аддеркопы рыскают поблизости! У нас просто нет времени для метода слепого поиска. Если гориллоиды окажутся животными, то нам надо будет поработать как следует не руками, а головой.

— Давайте, — согласился Торранс, осушая стакан, — а я пока пойду вздремну.

Ван Рийн побагровел.

— Очень хорошо, — буркнул он, презрительно глядя на капитана. — Будьте как все остальные. Бездельничайте, играйте в карты, пейте целыми днями, потому что на корабле есть старый ван Рийн, и он взвалит все заботы на свои плечи. О дорогой святой Дисмас, почему ты не заставишь всех этих лентяев сделать хоть что-нибудь полезное?

8

Капитана разбудил Ямамура. У него были невеселые известия. Оказалось, что гориллоиды — животные. Мозг их был небольшим и не превышал по сложности мозг собак. Кроме того, гориллоиды оказались дальтониками, и им сложно было бы управлять контрольным пультом с разноцветными клавишами.

Выслушав инженера, Торранс кивнул, оделся и не спеша направился на капитанский мостик. Он уже свыкся с мыслью об обреченности корабля.

Никогда прежде космос не казался ему таким прекрасным, как сейчас. Торранс не был хорошо знаком с местными созвездиями, но его тренированный глаз нашел созвездия Пёрсея, Возничего и Тельца. Они находились в направлении к Земле и не были сильно искажены. Поблизости лежал Рамануджан, где изящные башни городов поднимались из утреннего тумана и ловили первые лучи солнца, поднимавшегося из-за голубых гор Ганди. Можно было распознать и отдельные звезды: рубиновую Бетельгейзе и янтарную Спику — звезду пилотов, которой он так часто любовался в своих прежних полетах. Млечный Путь опоясывал бездонную тьму своим ледяным серебром. Зеленовато светились туманности, едва были заметны спирали других галактик. Жаль, что ему не удастся больше ни разу ступить на поверхность хотя бы одной из неизвестных планет... Конец был близок. Аддеркопы со дня на день настигнут их, а затем последует взрыв — и вечное ничто. И все же сгореть в адском пламени лучше, чем гнить в подземных темницах космических пиратов.

Торранс отбросил дымящуюся сигарету. Его рука мягко скользнула по пульту управления. Капитан знал его как свои пять пальцев. «Геба» была его кораблем, и здесь все было устроено разумно и рационально. Он ничем не походил на огромный звездолет чужаков, где гигантская контрольная панель требовала одновременных действий карлика и гиганта, где двигатель включался от легкого прикосновения пальцев к выключателю, но одновременно блокировался огромным тугим ключом. Странно...

Звук шагов заставил его обернуться. Тело его напряглось, кровь в висках застучала, но это оказалась всего лишь Джерри.

— Что вас привело сюда? — спросил Торранс, и голос его прозвучал мягче, чем он сам того ожидал.

— О... то же, что и вас.

Она взглянула на экран. С того момента как они захватили корабль чужаков (а может, он захватил их), красная звезда на центральном экране заметно выросла. Теперь она зловеще сияла на расстоянии всего в один световой год.

Джерри состроила недовольную гримасу и повернулась к Торрансу.

— Ямамура налаживает свою аппаратуру, — тихо сказала она. — Никто не может помочь ему в этом, так что бедняга инженер едва держится на ногах от усталости. Старый Ник сидит в своей каюте и беспрерывно курит и пьет. Там столько дыма, что я сбежала. Хозяин не обращает на меня внимания, а только бормочет что-то себе под нос на каком-то языке вроде малазийского. Я этого не вынесу!

— Ничего не поделаешь, нам остается только ждать, — вздохнул Торранс. — Мы сделали все, что могли. Гориллоиды отпали, теперь очередь за гусеницами. Придется, надев скафандры, изучать их прямо в вольере. Будем надеяться, что они не нападут на нас.

— К чему так переживать? — грустно сказала Джерри. — От судьбы не уйдешь. Даже если гусеницы окажутся иксянами, потребуется несколько дней, чтобы доказать это. Вряд ли у нас есть на это время. Ван Рийн говорит, что если в течение двух дней мы не повернем к Валгалле, то нас обнаружат и уничтожат. Если же гусеницы окажутся животными, то до третьего вида у нас просто руки не дойдут.

— Ничего не поделаешь... — вновь повторил Торранс с безнадежным видом.

— Нет, есть что делать! — пылко возразила девушка. — Не хочу чувствовать себя крысой, загнанной в угол. Давайте честно признаемся, что мы обречены, и проведем оставшееся время... ну, как подобает людям.

Брови капитана удивленно поднялись.

— Что вы имеете в виду? — облизнув внезапно пересохшие губы, спросил он.

— Это зависит от вкусов каждого, — объяснила Джерри, не сводя с капитана завораживающего взгляда. — Кто-то предпочтет помолиться, кто-то приведет в порядок свою каюту, а кто-то мысли...

— А вы? — спросил капитан, чувствуя биение своего сердца.

— О, я не мыслитель, — тихо сказала девушка и отвернулась. — Боюсь, я слишком легкомысленна. Я очень люблю все радости жизни. Увы, мне не везет, я никак не могу найти себе друга, который захотел бы наслаждаться ими вместе со мной.

Торранс схватил девушку за обнаженные плечи и повернул лицом к себе. Кожа у Джерри оказалась бархатной, а глаза — сияющими.

— Вы уверены в этом? — хрипло спросил он, еще не веря своей удаче. Девушка закрыла глаза и, наклонив голову, приоткрыла рот. Торранс поцеловал ее в губы, и она пылко ответила тем же.

В этот момент на пороге появился ван Рийн. Он стоял с дымящейся сигаретой в одной руке, а другая выразительно лежала на кобуре.

— Та-ак! — взревел он, отбросив сигарету.

— Ой! — взвизгнула Джерри.

Она высвободилась из объятий капитана и отскочила в сторону, испуганно глядя на ван Рийна. Волна гнева поднялась в Торрансе. Он сжал кулаки и решительно шагнул к торговцу.

— Та-ак! — повторил ван Рийн. — Уксус и перец, я пришел вовремя! Пока я просиживаю дни напролет, напрягая свой мозг, чтобы спасти ваши бесполезные жизни, вы... Жалкий капитанишка, помесь гремучей змеи с сибирским клещом, в это время заводите грязные шашни с моей секретаршей! Моей, понимаете, нанятой на мои кровные деньги! Монстры и дьяволы! На колени и просите пощады, иначе я раздавлю вас и превращу в корм для собак!

Торранс подошел к ван Рийну. Он был выше торговца, почти на тридцать лет моложе его, но намного легче.

— Уходите! — резко сказал он.

Ван Рийн побагровел.

— Ладно, черт побери, — процедил он сквозь зубы. — Этот тип достаточно потрепал мне нервы!

Его левый кулак описал стремительную дугу. Торранс уклонился, едва удержавшись на ногах. Он нанес ответный удар, но кулак утонул в жире и отскочил, словно от резинового матраса. Ван Рийн, не мешкая, пустил в ход свой правый кулак. В глазах Торранса вспыхнул звездопад. Он отлетел в сторону, упал и остался лежать неподвижно.

Когда к нему вернулось сознание, он увидел сидящего рядом на корточках ван Рийна. Торговец поддерживал его голову и протягивал стакан, который принесла испуганная Джерри.

— Как насчет маленького глотка бренди, парень? Вот так-то лучше. Ты потерял всего один зуб, так что можешь считать, что тебе повезло. Можешь вставить его на Фрейе за счет компании. А теперь, Джерри, дай ему тонизирующую таблетку. Можешь встать, парень? Тогда пойдем, тебе не следует пропускать эту забаву.

Поддерживая Торранса одной рукой, торговец поставил его на ноги. Капитан едва не упал, но пилюля уже приглушила боль, и головокружение тоже прошло. Едва шевеля разбитыми губами, он спросил:

— Что... что случилось?

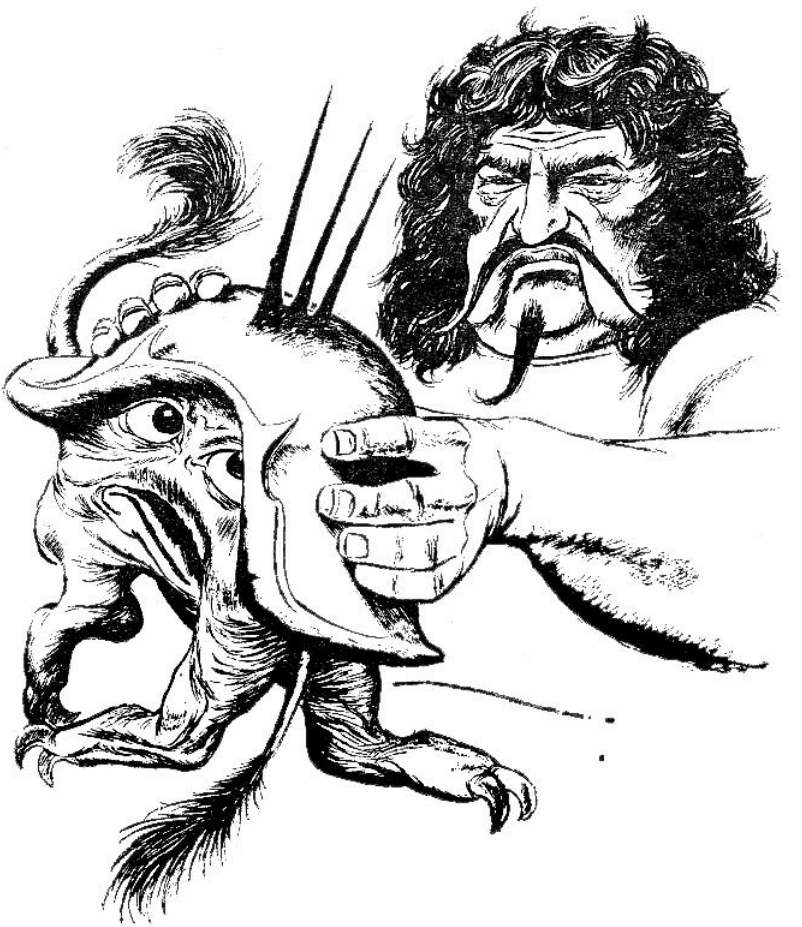
— Я знаю, кто такие иксяне, — объяснил ван Рийн. — Я пришел за вами, дорогой мой капитан, чтобы мы вместе вытащили этих хитрецов из вольеров. — Они вышли в коридор. Торговец с усмешкой поглядел на него и добавил: — Не стоит распространяться о нашей драке, Торранс. Иначе мне придется каждый день пускать в ход кулаки. Но вы меня, признаюсь, позабавили. Давненько никто в здравом рассудке не поднимал руку на самого Николаса ван Рийна! Когда мы вернемся, я, пожалуй, поручу вам командовать

торговым отрядом. Как вам это нравится, а? Ну идемте, у нас много работы.

Торранс побрел за ним в полном замешательстве. Когда они подошли к главному трюму, ван Рийн знаком подозвал астронавтов, стоявших на страже. Вскоре все вместе уже стояли перед люком одного из вольеров.

— Эти? — изумленно спросил Торранс. — Но я считал...

— Вы считали то, на что иксяне и рассчитывали, — усмехнулся торговец. — Их замысел был недурен, но Николаса ван Рийна не проведешь. Та-ак, а теперь помашем у этих парней

перед носом оружием и займемся переговорами. С помощью рисунков объясним, как раскрыли их тайну, а затем возьмем их в оборот. Мы заставим отвезти нас на Валгаллу, а за время полета докажем, что мы не аддеркопы, можем торговать и быть друзьями. Ну, пошли!

Ван Рийн вошел в вольер, схватил за шиворот одного из броненосцев и вытащил наружу.

9

Торранс с головой погрузился в работу. После того как продукты и оборудование были перенесены с «Гебы», он руководил заделыванием пробоины в корпусе чужого корабля. С помощью автопилота послали яхту в противоположном направлении. Через несколько часов ее конвертер должен был взорваться, что могло заставить аддеркопов прекратить погоню. Затем они отправились на Валгаллу, и, хотя иксяне согласились выполнить приказания людей, за ними нужен был глаз да глаз. Много хлопот занимали попытки наладить общение на некоем общем языке. Кроме того, капитану приходилось следить за психологическим климатом на корабле, а также контролировать с помощью детекторов окружающее пространство.

Он находился в постоянном напряжении, мало спал и не мог выкроить даже часа, чтобы побеседовать с ван Рийном. Но он знал, что торговца вела по жизни счастливая судьба, и решил довериться ей.

Через несколько дней Валгалла превратилась в небольшой золотистый диск. К ним подошла эскадра патруля Лиги, предоставила небольшой эскорт, и они направились к планете Фрейя.

Командир патруля, заинтересованный рассказами о галактическом зоопарке, сообщил, что хотел бы побывать в нем. Торранс остановил его:

— Когда мы окажемся на орбите Фрейи, фримен Агилин, мы будем рады видеть вас на борту. Сейчас же ваше

появление может вызвать переполох в рядах чужаков. Надеюсь, вы понимаете меня.

Он отключил связь, потянулся и сказал:

— Пойду приведу себя в порядок. Я не мылся с тех пор, как мы покинули яхту. Продолжайте, фримен Лафар и... — Он поколебался, — гм-м... и фримен Джукх-Барклакх.

Джукх что-то пробормотал в ответ. Он был слишком занят, чтобы разговаривать. Гориллоид сидел в кресле пилота, положив огромные руки на панель управления, и вел корабль по гиперболической орбите. Броненосец Барклакх сидел у него на плече. У него не было голосовых связок, и он лишь помахал капитану тремя щупальцами, а затем запустил одно из них в узкое отверстие панели, где находился главный ключ включения двигателя. Остальные щупальца плотно обвили массивную шею гориллоида. Барклакх получал от него по специальным присоскам питательные вещества и обменивался с Джукхом информацией через объединенную нервную систему.

Поначалу Барклакх показался Торрансу едва ли не вампиром. Несомненно, предки броненосцев когда-то паразитировали на гориллоидах, но сейчас они стали симбионтами. Покрытые чешуей зверьки были в этой паре разумом и глазами, а гориллоиды — руками и ногами. Ни один из этих видов не мог бы выжить самостоятельно, а вместе они образовывали разумное, способное к созидательной деятельности существо. В них было не больше странного, чем в людях, восседавших на лошадях — подобных всадников Торранс не раз видел на старинных картинках. Симбионты, в свою очередь, перестали опасаться людей, когда уяснили, что те не являются пиратами-аддеркопами.

«Возможно, эти парни уже подумывают о новых видах животных, которые мы сможем предложить им для пополнения летающего зоопарка», — подумал Торранс. Он похлопал Барклакха по плечу, потрепал Джукха по шерсти и вышел из рубки.

Вернувшись к себе, он сразу же залез под душ. Сменив одежду на свежую, он почувствовал себя немного лучше и направился в гости к ван Рийну.

Постучав в дверь каюты, он услышал знакомый бас:

— Войдите.

Торранс вошел в каюту, заполненную синим дымом. Торговец сидел перед пустой бутылкой, держа в одной руке сигарету, а другой обнимая Джерри, свернувшуюся калачиком у него на коленях.

— Садитесь, садитесь, — сердечно приветствовал гостя ван Рийн. — Где-то в углу стоит недопитая бутылка бренди.

— Я должен сообщить вам, сэр, что, как только мы выйдем на орбиту вокруг Фрейи, к нам пожалует капитан эскорта. Сами понимаете, профессиональная вежливость. Он хочет взглянуть на икс... гм-м... на торгу-кон-танакхов.

— Ладно, пригласите его на борт, — сказал ван Рийн нахмурившись. — Только пускай захватит с собой бутылку и не задерживается слишком долго. Я хочу поскорее почувствовать под ногами твердую почву. Я болен от этого проклятого космоса. Черт побери, я мечтаю пробежаться босиком по мягкой почве Фрейи!

— Сэр, может быть, перед встречей с гостем вы захотите переодеться? — намекнул Торранс.

— Ой! — взвизгнула Джерри и исчезла за дверью в соседней комнате.

Ван Рийн оглядел свой саронг и пожал своими мохнатыми плечами:

— Если этот капитан жаждет взглянуть на иксян, то пускай этим и занимается. А я останусь в этой одежде, потому что мне так удобнее. И к тому же я не хочу, чтобы этот парень пронюхал, каким путем я расколол иксян. Со временем я на этой базе создам новый торговый синдикат. Понятно?

Торранс кивнул:

— Да, сэр.

— Хорошо, садитесь. Помогите мне привести корабль иксян в порядок. Я зарабатываю на жизнь с тринадцати лет, и

у меня нет вашего образования. Толковый помощник мне просто необходим. Надеюсь, вы сможете готовить мне конспекты речей перед различного рода встречами, так чтобы мои слова были столь же безупречными, как и моя логика.

— Логика? — удивленно повторил Торранс. Он потер глаза, которые стали слезиться от едкого дыма. — Мне казалось, что вам просто повезло.

— Что? Неужто вы меня так мало знаете? Нет, нет и еще раз нет! Черт побери, Николас ван Рийн никогда не гадает на кофейной гуще! — Он поднял недопитую бутылку, стоящую рядом с креслом, и сделал солидный глоток. — Я нащупал разгадку после того, как Ямамура сообщил, что горилоиды якобы не являются иксянами. Пришлось мне напрячь мозг и рассмотреть создавшуюся ситуацию в целом. Я пошел по пути исключения. Элефантоида я забраковал с самого начала, поскольку в вольере он был один. В крайнем случае один пилот сможет управлять кораблем, но отлавливать диких зверей и заботиться о них ему не под силу. К тому же при малейшей неисправности агрегатов корабля он будет совершенно бессилен.

Торранс кивнул.

— О послед нем обстоятельстве я тоже думал, — признался он. — Но что касается ловли диких зверей и ухода за ними... нет, это в голову мне не приходило.

— К тому же элефантоид слишком велик, — продолжал ван Рийн. — Что касается тигровых обезьян, то я не принимал их всерьез. Маленький мозг, внешность хищника, кошачьи когти, отсутствие развитых рук — эти факты говорят сами за себя. Гусеницы поначалу заинтересовали меня, но затем я вспомнил, как вы случайно включили двигатель. Переключатель сработал при легком нажатии — вряд ли такой был бы безопасным на планете с утроенным по сравнению с земным тяготением. Я уже не говорю о полке, которую вы так легко погнули.

Остались кентавры со щупальцами. Я внимательно изучил отчеты специалистов и обратил внимание на то, что

кентавры живут в водородной атмосфере. А выпрямители на корабле сделаны из окислов меди и установлены без защитных кожухов. Улавливаете? При воздействии даже невысокой температуры, возникающей при прохождении тока, это вещество разлагается на воду и чистую медь. Следовательно, создатели корабля не могли дышать водородом. — Ван Рийн снисходительно улыбнулся. — Все просто, не так ли? У вас слишком высокое образование, капитан, вы забыли школьный курс химии.

Торранс щелкнул пальцами и выругался.

— Итак, методом исключения мы подошли к броненосцам, — продолжил ван Рийн. — Но они не подходили на роль создателей этого корабля. Их щупальца могут держать лишь самые легкие инструменты. К тому же они слишком медлительные и маленькие. С другой стороны, мозг у них неплохо развит и глаза превосходные. И тогда я вспомнил, что в каютах иксян мы обнаружили большие и маленькие ниши. Почему-то мы решили, что вторые — это всего лишь полки для белья. А почему бы тем и другим не быть койками для различных существ? Меньшие из них вполне могли быть паразитами — в конце концов, это качество не чуждо и человеку. Во всяком случае, я таких знаю. Возьмите, например, Джуна Харлемана из Венецианской компании чая и кофе. Но я не таков и способен самостоятельно шевелить мозгами. Вот таким образом я докопался до истины, — самодовольно закончил ван Рийн.

Охрипнув от длинной речи, он вновь приложился к бутылке. Торранс посидел еще немного, но так как торговец не выражал желания продолжить разговор, то он вскоре поднялся, чтобы уйти.

У двери он столкнулся с Джерри. Она была ошеломляюще хороша в голубом платье, полностью открывающем плечи. Торранс посторонился, но взгляд девушки рассеянно скользнул по нему, словно по пустому месту.

— Шуба из морского котика-мутанта, — сонно пробормотал торговец. — Марсианские самоцветы... Квартира в Звездном городе...

Джерри прижалась к ван Рийну и провела рукой по его волосам.

— Вам удобно, мой дорогой Ники? — промурлыкала она. — Могу я что-то сделать для вас?

Ван Рийн подмигнул Торрансу.

— Вас ждут в рулевой рубке, капитан, — сказал он. — Вы не так стары, толсты и одиноки, как я, у вас есть семья, счастливец.

— Гм-м...да, — сказал Торранс. — Вы правы.

Он закрыл за собой дверь и вернулся в капитанскую рубку.

Общеизвестно, что структура общества определяется его технологией. Однако совершенно различные культуры могут обладать одинаковыми инструментами — например, невозможно иметь межзвездную торговлю без космических кораблей. Раса, привязанная к одной планете, какими бы познаниями в технической, торговой или военной областях она ни обладала, неизбежно склоняется к коллективизму под тем или иным названием. Свободное же предпринимательство нуждается в обширных пространствах.

Автоматизация сделала производство дешевым, а стоимость энергии упала с изобретением протонных конвертеров. Овладев управлением гравитацией и гиперпространством, человечество получило для эксплуатации всю Галактику. Это оказалось также своеобразным предохранительным клапаном, гасящим общественное недовольство: гражданин, посчитавший, что правительство чересчур угнетает его, мог эмигрировать куда угодно. Влияние планет с либеральным строем, таким образом, усиливалось, а авторитарные режимы вынуждены были смягчить свое давление на народы.

Межзвездные расстояния огромны, и развитые расы имели свое представление о культуре, поэтому Галактического союза не возникло. Однако не было и войн — при высоком уровне технологии они стали бы слишком разрушительными, и обе стороны не имели шансов уцелеть. Братских отношений между мирами не устанавливалось, но мирные отношения были стабильными. Потребность в товарах была высокой, и даже старые миры сохраняли конкурентоспособность на галактическом рынке.

В таких условиях быстро развивался межзвездный капитализм. Ограниченный клановыми интересами, он должен был образовывать свои союзы и делить сферы влияния. Могущественные компании объединялись, чтобы уничтожить конкурентов, взвинчивать цены и производить все более качественные товары. Правительства были ограничены своей планетной системой, не могли контролировать звездных торговцев и вскоре вовсе отказались от этого.

Эгоизм — могущественная сила. Правительства, официально провозгласившие своей политикой альтруизм, остались разобщенными. В этих условиях Торгово-техническая Лига стала суперправительством, распространившим свое влияние от Канопуса до Полярной звезды. Под его эгиду добровольно вошли тысячи рас, политические и культурные границы между которыми стали постепенно стираться. Лига проводила свою собственную политику, заключала договоры, строила базы, вела малые войны и одновременно делала больше для распространения цивилизации и установления всеобщего мира, чем все дипломаты Галактики.

Но она была источником и многих неприятностей...

1

Джойс Дэвидсон проснулась, словно от толчка.

Свист повторился, достаточно сильный, чтобы проникнуть сквозь каменную кладку, металл и изоляцию. Она села в постели, оглядывая темную комнату и пытаясь понять, что происходит. В последний раз она слышала этот вой диких котов в Чабанде, и тогда это был шум от двух охотившихся друг за другом отрядов. В тот раз ее спасли, посадили на флиттер, окружили вооруженной охраной, а проводником стал сам седой Старейшина. За всем происходившим впоследствии она наблюдала лишь на экране телемонитора. Там, внизу, на сверкающих ледяных равнинах, дрались насмерть воины, разукрашенные тигровыми полосами. Джойс жалела их, но все же в глубине души считала лишь изображениями на экране, которые исчезнут, как только телекамеры флиттера будут выключены.

Но теперь свист звучал где-то рядом.

Этого не могло быть!

Прогремел взрыв, кровать зашаталась, и она услышала, как мелкие осколки забарабанили по крыше. Внезапно свист стал еще громче, его сопровождал грохот барабанов, звон металла и треск разбиваемых предметов. Похоже, атакующие взорвали дверь машинной секции и ворвались внутрь. Но где же они раздобыли порох?

Где же, как не в городе Кузулонго!

Выходит, Старейшины решили, что людей необходимо уничтожить! Страх смерти мутной волной нахлынул на Джойс, а когда та отступила, девушка почувствовала себя беспомощным ребенком, которого ударили без причины. Почему туземцы так поступили с ней, ведь она пришла помочь им?

Рядом с той секцией купола, в которой были искусственно созданы земные условия, послышался топот. Итак, туземцы восстали и явились с оружием в руках. До девушки доносились их свирепые вопли. Затем схватка перекинулась дальше, в машинный зал. Звенели мечи, томагавки с хрустом разрубали кости, а в ответ гневно заговорил пистолет, который она дала Уулобу. Вряд ли обитатели купола смогут продержаться долго. Нападавшие принадлежали к племени шанга, обитавшему в поселке посреди оазиса, невдалеке от Кузулонго. Других кланов в округе не было, а сами Старейшины никогда не принимали участия в схватках. Но мужчин-шанга многие сотни, в то время как в миссии едва набралось бы две дюжины верных людям т'келанцев.

Стены секций купола были сделаны очень прочными, с учетом внешних условий. Но если нападавшие сумеют их разрушить...

Джойс соскочила с кровати и побежала к платяному шкафу. По дороге она дотронулась рукой до выключателя, и тотчас вспыхнул свет. Узкая, загроможденная вещами комната показалась ей чужой в ярком белом свете. «Это потому, что я испугана», — подумала она. Все происходило словно в ночном кошмаре...

Руки Джойс действовали помимо ее воли. Она быстро облачилась в теплый комбинезон, а поверх надела меховой полушубок. Надев перчатки, она включила электрический обогреватель — его провода были вшиты в ткань комбинезона. Затем: специальные сапоги, баллон с восстановителем воздуха, аккумулятор, пистолет и патроны, интерком. Последним она надела шлем, но лицевую пластину пока опускать не стала.

Она быстро проверила систему воздухообмена, работу обогревателей. Все готово! Условия планеты смертельны для людей. Температура в эту летнюю ночь здесь, в средних широтах, не превышала шестидесяти градусов ниже нуля по Цельсию. Азотная составляющая воздуха действовала на людей словно наркотик. Из-за отсутствия водяных паров

легкие мгновенно иссушались, а аммиак сжигал их, словно вату. Любого из этих факторов было достаточно, чтобы убить человека. Правда, в атмосфере присутствовал кислород, и это позволяло человеку продержаться несколько минут, но затем он неминуемо терял сознание и погибал.

А теперь там, за стенами купола, объявились еще и воинственные шанга, убивающие людей и их помощников, да к тому же еще раздобывшие порох!

Джойс включила интерком и крикнула в панике: «Эй, кто-нибудь слышит меня?» Ей никто не ответил — внутри купола люди обходились обычно без интеркома. Она постучала в дверь соседней комнаты, но никто не отозвался.

— Откройте, вы, идиот! — закричала она, стараясь перекричать шум схватки. — Выходите, мы можем уйти только этим путем!

— Как я могу открыть? Вы сами закрылись, черт вас побери!

«Ну конечно, конечно», — подумала Джойс. Страх и приближающийся грохот боя мешали ей сосредоточиться. Действительно, она закрылась изнутри. Раньше в этом не было необходимости, но затем прилетел ван Рийн, поселился по соседству, и она устала отбиваться от его по-медвежьи неуклюжего ухаживания.

Она поспешно отодвинула засов.

В комнату ввалился торговец. Подобно большинству эсперансиан, Джойс была высокого роста, но ван Рийну она доставала только до подбородка. Плечи толстяка едва протиснулись в дверной проем, а огромный живот свисал, словно бурдюк. Одетый подобно девушке, он выглядел еще более забавно, чем в своем обычном наряде из кружевной рубашки и бархатных брюк. Большой крючковатый нос торчал из открытого шлема, принюхиваясь к запаху крови в воздухе. Напомаженные усы и борода, еще недавно тщательно завитые, сейчас напоминали свалявшуюся половую щетку.

— Что за чертовщина? — заорал он. — Откуда эта суматоха? Я считал, что туземцам можно доверять!

— На нас напало другое племя, — коротко объяснила Джойс. — Идем, нам надо присоединиться к остальным!

Ван Рийн кивнул, отчего его несколько подбородков дружно заколыхались, и последовал за девушкой. Они вышли в самый конец коридора. Напротив комнаты Джойс находилось машинное отделение. Она была незамужней, любила уединение, потому и выбрала это отдаленное помещение.

Двери всех остальных жилых комнат оказались распахнутыми. Очевидно, все уже собрались в кают-компании!

Не выдержав, Джойс побежала. Ван Рийн, переваливаясь на своих столбообразных ногах, поспешил за ней. Пол задрожал под ним, словно от землетрясения. Пыхтя, торговец

проклинал тяготение Т'Келы, которое было примерно таким же, как на Земле и Эсперансе.

«Жаль, что все три планеты похожи только в этом», — подумала Джойс, расслышав стенания толстяка. На мгновение перед ней промелькнули картины родной планеты, обращавшейся вокруг солнца, называемого Мир. Пшеничные поля, синие горы на горизонте, красно-золотые флаги над домами... Как далеко все это!

За ее спиной послышался грохот, пол под ногами заходил ходуном. Она упала. Грохот повторился, потом раздался оглушительный взрыв. Здание закачалось.

Джойс со стоном перевернулась на спину. Вкус крови во рту смешался с едким привкусом дыма. Она приподняла голову, пытаясь хоть что-то разглядеть сквозь внезапно нахлынувшую тьму. Стена рядом с ее комнатой оказалась расколотой. Рядом двигались какие-то фигуры.

— Они взорвали стену... — пробормотала она.

— Закройте шлем! — заорал ван Рийн.

Девушка поспешно опустила лицевую пластину. Голос торгового принца доносился издалека. Джойс охватило оцепенение, мозг был словно одурманен.

— Они взорвали стену, — повторила она, не веря до конца в происходящее.

В проломе появился первый туземец. Он задержал дыхание, опасаясь обжечься земным воздухом. В коридор между тем ворвалась ядовитая для землян атмосфера. Приземистая, обнаженная фигура застыла в напряжении, держа в руках лук странной формы.

Из соседнего коридора выскочил один из эсперанских техников.

— Джойс! — крикнул он, озираясь во тьме. — Фримен ван Рийн! Где вы...

Зазвенела спущенная тетива, и стрела пронзила его руку. Со стоном техник повернулся и побежал. Через мгновение коридор был уже полон летящих из темноты стрел и копий.

Джойс и ван Рийн плотнее прижались к полу. Рискнув, торговец достал из-за пояса бластер и выстрелил в сторону пролома. Огненный луч опалил стену, туземцы мигом исчезли в трещине. Однако грохот боя продолжал доноситься из машинного отделения.

Резкий запах аммиака ударил в ноздри Джойс.

— Сифилис и чума! — проревел ван Рийн. — Не знаю, фриледи, быть может, вам нравится дышать этой вонью...

Он, кряхтя привстал на колени и тщательно закрыл лицевую пластину на шлеме. Его маленькие, черные, глубоко посаженные глаза внимательно осмотрели девушку.

— Приободритесь, фриледи. Вы хорошенькая девушка с такой аппетитной фигуркой. Только, на мой вкус, не стоит так коротко стричь волосы. Не будем терять времени!

Он обнял Джойс и поставил ее на ноги, повернув лицом в сторону кают-компании. Затем он вновь направил бластер в сторону пролома в стене.

— Уф, уф, — бормотал он. — Все это не для бедного старого толстяка, которому лучше было сидеть в своей уютной конторке на Земле и дымить сигаретой, держа в руках стаканчик доброго виски. Только подумать, туземцы, которым я собирался помочь, решили прикончить своего благодетеля. Эти дикари хотят выколоть мне глаза! Лучше бы они сделали это моим болванам-служащим, которые настолько тупы, что бедному Николасу ван Рийну приходится отправляться за сотни световых лет от дома в поисках новых мест для расширения торговли. А что делать? Иначе мои конкуренты, как бешеные волки, разорвут мою компанию «Пряности и напитки» на клочки и заставят меня на старости лет заниматься сутенерством... Бедный я, бедный...

Джойс встряхнула головой, пытаясь избавиться от оцепенения. Вскоре голова ее прояснилась и ноги перестали дрожать. Вместе с толстяком она побежала в сторону кают-компании, но дверь не открывалась, сколько Джойс ни нажимала на кнопку звонка.

— Закрыто, — сказала она.

Ван Рийн с такой силой заколотил по двери, что та зашаталась.

— Откройте! — заорал он. — Гром и кости, что за дурацкие шутки!

Из соседнего коридора выскочил туземец. Ван Рийн нацелил на него бластер, но Джойс вовремя схватила торговца за руку.

— Не стреляйте, это Уулобу!

Туземец, по-видимому, израсходовал все патроны, так как в его руке остался один томагавк. Вслед за ним из-за поворота выбежали еще трое с поднятыми мечами и топорами. Их юбки были украшены изображениями круга и квадрата — таков был герб клана Шанга.

— Стреляйте в этих троих! — завизжала Джойс.

Бластер изрыгнул струю пламени. Один из нападавших упал, остальные повернулись, намереваясь убежать. Уулобу издал воинственный клич и метнул свой томагавк. Обсидиановое лезвие вонзилось в спину одного из противников, и тот завалился

на бок, обливаясь кровью. Уулобу резко потянул за веревку, связывающую его запястье с ручкой томагавка, вернул оружие и вновь метнул его.

Ван Рийн заколотил по двери:

— Эй вы, искусанные термитами трусы, впустите нас!

Он разразился проклятиями. Джойс тем временем сообразила, что могло произойти, и застучала по спине торговца кулаками почти с такой же силой, как он сам бил по двери. Не сразу, но ван Рийн все же обернулся и уставился взбешенными глазами на девушку.

— Поймите, нас бы здесь не оставили, — задыхаясь, объяснила она. — Но Карлос видел нас лежащими на полу, под градом стрел и копий, и они сочли нас мертвыми. Кают-компания пуста! Наши друзья закрыли дверь на замок, чтобы задержать в коридоре туземцев, а сами побежали через другой выход к космолетам!

— Ах, черт побери... И что же нам теперь делать? Может, прожечь в двери дыру побольше?

Уулобу заговорил на гортанном наречии, распространенном в районе Кузулонго:

— Все наши убиты, небесная женщина. Сражение кончилось. Сейчас шанга грабят вашу миссию. Если они найдут нас, то засыпят стрелами. Два пистолета не остановят их, но мы можем пробраться между железом, которое шумит и двигается, и выбраться через наружную дверь из купола.

— О чем бормочет этот дикарь? — спросил ван Рийн.

Джойс перевела и добавила:

— Думаю, Уулобу прав. Единственное, что мы можем сделать, — это уйти незаметно через машинный зал, и поскорее.

— Хорошо. Пусть этот парень идет вперед, а вы прикрывайте наше отступление.

Они пошли по коридору в обратном направлении. Иней уже выбелил стены, а пол стал скользким, так как водяные пары быстро замерзли на т'келанском морозе. Впереди зияла черная брешь. Издалека доносились треск, звон и возбужденные крики.

«Дело многих лет пошло прахом, — с тоской подумала Джойс. — Но почему, почему?»

Уулобу лучше видел в темноте, чем люди, и потому первым нырнул в разлом стены. Его фигура заскользила среди неясных контуров механизмов. В зале находилось четыре вездехода и несколько флиттеров. Кроме того, рядом располагалось различное оборудование, которое эсперансиане пытались использовать для спасения планеты. Большая часть машин была разбита, и обломки валялись по всему залу.

Крадучись, они перебрались к противоположной стене, где тускло светился прямоугольник выхода. Все бы обошлось, но Джойс задела какой-то валявшийся на полу инструмент, и тот зазвенел.

У выхода немедленно появилось несколько теней. Они выскользнули наружу, прежде чем ван Рийн успел выстрелить. Уулобу поднял томагавк, а другой рукой достал нож.

— Теперь нам придется пробиваться с боем, — сказал он без сожаления.

— В атаку! — закричал ван Рийн и рванулся вперед, но несколько туземцев выбежали наперерез ему. Вокруг отсвечивали металлическим блеском полированные бока флиттеров. Торговец выстрелил, и один из туземцев завопил от боли. Другой вцепился землянину в руку и повис на ней, словно бульдог.

Уулобу вмешался в схватку, с радостными криками нанося удары налево и направо. Джойс выхватила свой пистолет, стрелявший обычными пулями, и нацелила его в грудь ближайшего противника. Тот осклабился, заметив ее нерешительность, и метнул копье. Девушка чудом увернулась, а затем все же заставила себя нажать на курок. От звука выстрела она вздрогнула.

Вокруг царило безумие боя. Вновь и вновь Джойс слышала голос Уулобу, боевой клич клана Авонго. Ван Рийн гудел, как иерихонская труба.

— Да поможет нам святой Дисмас! Прочь, облезлые собаки!

Внезапно все кончилось, и нападавшие отхлынули, напуганные мощью огнестрельного оружия. Джойс, сбитая с ног, лежала на полу, тяжело дыша. Она слышала топот убегающих шанга. Где-то неподалеку стонал раненый воин, пока Уулобу не перерезал ему горло.

— Вставайте, фриледи, — ворчливо сказал ван Рийн. — Некогда отдыхать.

Уулобу попытался помочь девушке, но у маленького туземца попросту не хватило сил. Тогда ван Рийн нагнулся и поднял ее, словно пушинку.

Они вышли в ночь через распахнутую дверь.

Над ними раскинулся небесный купол, полный незнакомых созвездий. Взошла большая, почти полная луна, бросая тусклый медный свет на равнину. На запад и на юг простиралась степь, покрытая редким кустарником с жилистыми стеблями и серебристыми листьями. На севере возвышалась темная громада хребта Кузулонго, четко вырисовывающаяся на белесом фоне Млечного Пути. На отрогах можно было разглядеть очертания башен города. В нескольких километрах на восток с гор стекала аммиачная река Мангиволо — ее отблеск был заметен издалека. Неподалеку на земле темнело большое облако — это был оазис, в котором располагался лагерь шанга. К северу от Кузулонго уходила гряда холмов, покрытых ледяными панцирями.

— Быстрее! — поторопил девушку ван Рийн. — Если остальные решили, что мы мертвы, то они могут улететь без нас!

Бегом, изнемогая от усталости, они обогнули купол станции. Неподалеку стояли два грузовых корабля, залитые лунным светом. Рядом стояла роскошная космояхта ван Рийна. Вокруг валялись несколько мертвых шанга — по-видимому, беглецам пришлось сражаться.

Трапы всех трех кораблей были подняты, люки задраены. Дружно взревели двигатели.

— Эй! — заорал ван Рийн, вырвавшись вперед. — Вы, тупоумные трусы, подождите меня!

Первой взлетела яхта и, подобно молнии, умчалась в небо. Воздушная волна сбила ван Рийна с ног. Затем поднялись грузовые корабли, и торговец покатился по земле, а затем замер в неподвижности.

Джойс поспешила к нему.

— Что с вами? — воскликнула она. Конечно, ван Рийн был отвратительным и неотесанным стариком, но девушку охватил ужас при мысли, что она может остаться совсем одна на этой чужой, враждебной планете.

— О-о-о... — простонал ван Рийн. — Святой Дисмас! Я преподнес тебе дар — новый цветной витраж в домашней часовне. Как бы я хотел сейчас швырнуть в него камень!

Джойс взглянула вверх. Космолеты, сверкнув словно звезды, исчезли.

— Они не заметили нас, — тускло сказала она.

— Спасибо, что объяснили, — буркнул ван Рийн.

К ним подошел озабоченный Уулобу.

— Шанга в своем лагере слышали шум, — сказал он. — Они скоро придут сюда и найдут нас. Надо бежать.

Ван Рийн понял его и без перевода. Он ощупал себя, словно удостоверяясь, все ли цело, а затем с кряхтеньем встал.

— Пошли, возьмем флиттер, — предложил он.

— Вездеходы лучше подойдут, у них гораздо больший запас хода, — возразила Джойс. — Нам нужно продержаться, пока не вернется какой-нибудь корабль.

— И все время эти искусанные термитами туземцы будут охотиться на нас? — проворчал ван Рийн. — Прекрасно, замечательно!

— Мы пойдем на запад и найдем мое племя, — сказал Уулобу. — Не знаю, где сейчас мое Авонго, но другие кланы орды Рокулэло должны находиться между Узкой Землей и Бесплодной областью.

Они вошли в машинную секцию. Джойс содрогнулась, наткнувшись на чье-то тело. Неужто она действительно кого-то убила?

Вездеходы имели прямоугольную форму и гусеничный ход. Аккумуляторы оказались заряженными, их энергии могло хватить на несколько тысяч километров движения по бездорожью. В кабине более года могли поддерживаться условия, комфортные для людей. Здесь также находились регенераторы воздуха, запас продовольствия на два месяца для шести человек, койки, кухня и туалет, карты этого района планеты, навигационное оборудование, приемник и передатчик.

Ван Рийн протиснулся через незапертую дверь и уселся на сиденье водителя. Джойс пристроилась рядом с ним. Уулобу также забрался в кабину, но у него закатывались глаза и дрожали усы. Только Старейшины любили ездить на таких машинах. Во время дальних поездок, когда в кабине устанавливались земные условия, туземные проводники и охранники размещались на крыше и переговаривались с членами экипажа по интеркому. Таким образом была исследована обширная территория, сделано немало открытий, разработана программа помощи этому миру. А теперь...

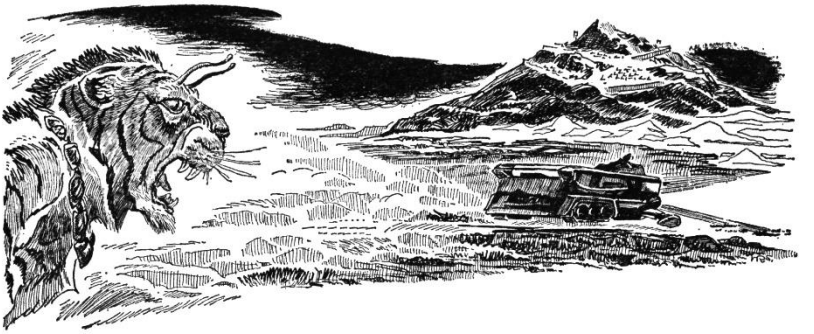
Массивная рука ван Рийна осторожно касалась приборов на панели управления.

— В своей компании я предпочитаю в любом деле использовать специалистов, — проворчал он. — Я вам не какой-то ворюга или проходимец! Но иногда приходилось... гм-м... заимствовать у конкурентов кое-что, и я должен знать как... а!

Он уверенно защелкал тумблерами, и машина ожила. Чтобы не греметь гусеницами, ван Рийн задействовал воздушную подушку и повел вездеход к воротам.

Но их уже обнаружили. Четверо шанга выскочили им наперерез из соседних дверей. «Их, должно быть, в куполе не менее сотни», — с тревогой подумала Джойс.

Ван Рийн ухмыльнулся.

— Хотите поиграть в веселую игру? — спросил он у девушки.

Нащупав выключатель фар, торговец нажал на него. Вспыхнул яркий луч и высветил на темном фоне фигуру туземного воина. Ослепленный шанга застыл.

На Т'Келе было несколько рас, но не больше, чем на Земле. Приземистая фигура воина имела рост около полутора метров. Его организм обладал способностью извлекать и сохранять любую жидкость, которую можно было разыскать на этой почти высохшей планете. Конечности т'келанца были похожи на человеческие, только четырехпалые, с толстыми синими ногтями. Ярко-оранжевая шерсть с темными полосами покрывала все тело целиком. На груди чернел треугольник. Голова была круглой, с заостренными ушами и желтыми кошачьими глазами, с двумя мясистыми щупальцами на лбу, единственной ноздрей, пересекавшей широкий нос, и безгубым ртом, полным острых белых зубов. Воин держал в руках меч в виде отточенного рога и округлый щит, окрашенный в цвета орды Ягола, к которой принадлежим род Шанга.

— Бип, бип, — прогудел ван Рийн и бросил машину вперед.

Воин едва успел отскочить в сторону. Его товарищи попытались напасть на вездеход с разных сторон. Джойс успела заметить во рту одного из них костяной свисток. Шанга никогда не издавали воинственных криков, предпочитая даже во время боя мелодично свистеть.

Копья ударились о борт машины, но через несколько секунд она находилась уже далеко от нападавших. Несясь со скоростью сто километров в час, вездеход оставлял за собой хвост пыли.

— Куда теперь? — спросил ван Рийн. — Может, отправимся к ближайшему городу в горах? Вы говорили, что там обитают местные боссы.

— Старейшины? Ни в коем случае! — воскликнула Джойс. — Скорее всего именно они повинны в случившемся.

— Ха! Но почему?

— Не знаю, не знаю. Раньше они казались достойными полного доверия. Ведь никто, кроме них, не мог организовать такое нападение. Но почему, почему? У нас никогда не было врагов ни в одном из кланов. Как только мы разобрались с их биохимией, то сразу же наладили синтез медикаментов и снабжали ими аборигенов. Мы никогда не отказывали им в помощи, никогда!

Джойс вдруг обнаружила, что кричит. Замолчав, она сжала ладонями шлем и попыталась взять себя в руки.

— Ну, ну, не раскисайте, — сказал ван Рийн и дружески похлопал ее по плечу. — Вы храбрая и хорошенькая девушка. Успокойтесь и будьте, пожалуйста, повеселее.

2

Вездеход остановился, отъехав километров сто от купола. Была глубокая ночь, и беглецы решили разбить лагерь. Уулобу выбрался наружу со спальным мешком, а в кабине создали земные условия. Сняв защитные костюмы, двое беглецов растянулись на койках. Джойс настолько устала, что даже не слышала могучего храпа ван Рийна.

Пробудилась она с рассветом. Красное солнце, поднимающееся на востоке, цветом напоминало гаснущие угли костра. Размером оно было не менее половины диаметра Солнца, каким оно видится с Земли, или Мира — если глядеть с Эсперансы. Свет его был тусклым, густые тени лежали

в каждой щели или углублении, а горизонт терялся во тьме. Небо было пурпурного цвета, безоблачное, но на юге развевались плюмажи пыльных бурь. Вокруг расстилалась голая полупустыня, усеянная булыжниками, а на севере виднелись сверкающие ледники. Мимо пролетел крупный хищный ящер, размахивая кожистыми крыльями, покрытыми редкими перьями.

Джойс села на койке, ощущая боль во всем теле. Вспомнив о случившемся, она едва не расплакалась. Хотелось вновь забраться под одеяло и уснуть. И спать до тех пор, пока спасение не придет — если оно когда-либо придет.

Она заставила себя встать, пойти в душ умыться и переодеться в брюки и блузку. Освежившись, почувствовала голод. Вернувшись в кабину, Джойс начала готовить завтрак.

Запах кофе разбудил ван Рийна.

— А-а-ах! — зевнул он, потянувшись. Ему не хотелось вылезать из теплой постели. Выставив руку, он схватил с подноса дымящуюся чашку. — Молодчина! — похвалил он, но сразу же подозрительно принюхался. — Почему без бренди? После всех передряг мне нужно бренди!

— В вездеходе нет спиртных напитков, — возразила она.

— Что?! — Некоторое время торговец не мог вымолвить ни слова, изумленно уставившись на девушку. — Нечего выпить? Но почему? Почему? Это сверхнаглость. Кто ответствен за это? Дьявол, я позабочусь, чтобы его выкинули из Лиги с волчьим билетом.

— У нас есть кофе, чай, молоко и фруктовые соки, — сообщила Джойс. — Воду будем получать, растапливая наружный лед. Химические фильтры удалят из нее аммиак и прочие примеси. Никто не имеет права брать в экспедицию спиртные напитки, фримен ван Рийн.

— Имеет, если он цивилизован, как я, — возразил толстяк. — Проверю-ка я сам запасы продовольствия. — Он стал рыться в ближайшем контейнере. — Сухое мясо, сухие овощи, сухое... Смерть и разрушение! — возмущенно

завопил он. — Нет даже ни одной банки икры! Вы решили уморить меня голодом?

— Скажите спасибо, что до сих пор живы.

— Да, жив, но в каких чудовищных условиях! Ага, у кого-то хватило мозгов положить сюда сигареты...

Ван Рийн разорвал несколько сигарет и набил табаком трубку, которую достал из кармана. Когда он разжег ее, Джойс с отвращением поморщилась и отправилась на кухню, где принялась греметь тарелками куда сильнее, чем это было необходимо.

Сидя у откидного столика возле широкого окна, ван Рийн с трудом глотал овсяную кашу и разглядывал невзрачный пейзаж снаружи.

— Уф, что за кошмарное место! Похоже на ад с потухшими печами. Сколько времени вы здесь мучаетесь?

— Около года. Работаю биотехником. А сама эсперанская миссия была здесь основана несколько лет назад.

— Да, я знаю. Хотя еще толком не разобрался, что вы здесь успели натворить. Если помните, дорогуша, я нахожусь здесь всего лишь несколько дней, и у меня не было времени во всем разобраться. К тому же у меня было немало своих дел.

— Я очень удивилась, когда вы прилетели. Вы ведь занимаетесь пряностями и напитками, верно? Не понимаю, что вас могло заинтересовать на этой планете. Пища здесь отвратительна на вкус, потому что в ней отсутствуют некоторые необходимые для людей аминокислоты.

— Моя компания торгует с кем угодно и чем угодно, — пояснил ван Рийн. — Недавно один мой служащий раскопал в архивах доклад экспедиции, впервые обнаружившей эту планету пятнадцать лет назад. Дьявол и ад, мы постоянно отстаем от событий! Так вот, в том докладе упоминалось вино, которое производят туземцы.

Джойс кивнула, с уважением взглянув на ван Рийна. Только подумать, этот грузный старик одолел пол-Галактики из-за какого-то вина!

— Да, — сказала она, — это вино называется «кунгу» и пользуется спросом в большинстве кланов этого полушария. Кстати, их нельзя считать дикарями, хотя они не знают земледелия и предпочитают оставаться кочевниками. Но они все же выращивают кое-какие растения, дающие съедобные ягоды и прочные волокна. Перед очередным переселением они засевают небольшой участок земли, а несколько месяцев спустя возвращаются для сбора урожая.

— Так я и думал, — усмехнулся ван Рийн. — Кочевники, черт бы их побрал! Но вино у них недурное, а главное, оно пришлось по нраву гуманоидам с Торы. Если помните, именно они впервые обнаружили Т'Келу. Торяне захватили с собой семена растений, из которых изготавливается кунгу, но они не прижились в иных условиях. Они вообще нигде не прижились! Оказывается, такой мерзкой планеты, как Т'Кела, нет в этом секторе Галактики. И тогда я сказал себе: «Старина Николас, есть шанс завязать торговлю с Торой и неплохо нажиться на этом». Конечно, следовало направить сюда какого-нибудь молодого и толкового служащего, да где такого найти на Земле! Пришлось лететь в этот аммиачный ад самому. О, как горько быть одиноким, милая фриледи! — Его волосатая ручища выразительно легла на руку девушки.

— Уулобу возвращается! — воскликнула она и, высвободившись, вскочила на ноги. «Как раз вовремя», — добавила она про себя.

Т'келанец бежал по равнине, держа на плечах убитое небольшое животное. Он был одет иначе, чем шанга: на нем красовалось ожерелье из окаменевших раковин и свободная юбка с гербом клана Авонго орды Рокулэло. На его поясе висел бурдюк, наполненный жидкостью.

— Похоже, он отыскал источник аммиака, — громко сказала Джойс, заметив, что ван Рийн встал из-за стола и собирается вновь подойти к ней. — Вы знаете, туземцы используют для этого щупальца на лбу. Эти щупальца чувствительны даже к минимальному содержанию паров аммиака

в атмосфере. Этот мир невероятно сух, если не считать огромного количества льда. Везде на этой планете вы встретите ледники, и порой они занимают сотни квадратных километров. И все, потому что температура здесь не выше сорока градусов мороза по Цельсию. Но этот лед смертельно опасен для местных видов живых существ.

Ван Рийн понимающе усмехнулся и повернулся к окну. Уулобу добежал до вездехода и сказал в интерком:

— Небесная женщина, я обнаружил следы охотников, ведущие на запад, к Лубамбару. Это могут быть только люди из орды Рокулэло. Думаю, мы без труда отыщем их. Я раздобыл мяса и собираюсь утолить голод.

Он принялся собирать хворост для костра.

— Что он сказал? — спросил ван Рийн. Джойс перевела. — Так. И что за польза нам от союза с дикарями? Нам нужно дожидаться прибытия помощи.

— Если она придет, — поежившись, возразила Джойс. — Когда о случившемся узнают на Эсперансе, сюда, конечно, пришлют разведывательную экспедицию. Но они и не подозревают, что мы живы, и вряд ли будут торопиться.

— Мои люди поторопятся, — заверил ее ван Рийн. — Я имею кое-какой вес в Торгово-технической Лиге, черт побери! Не позднее чем через месяц сюда направится военный корабль, можете не сомневаться.

— О, замечательно! — сказала Джойс.

Успокоившись, она вновь села.

— Конечно, они не смогут обыскать всю планету, — продолжал вслух размышлять ван Рийн. — Они знают, что я находился в районе этого проклятого Кузулонго. Я думаю, что эти Престарелые или Старцы, или как вы там их называете, сумеют заморочить головы моим людям какой-нибудь правдоподобной историей. Потому нам не следует удаляться от разгромленной миссии слишком далеко. Предел действия радиопередатчика здесь невелик, вследствие сильной ионизации верхних слоев атмосферы. Гм-м... К врагам также нельзя приближаться, иначе они будут днем и

ночью охотиться за нами, устраивать ловушки, бросать бомбы или что-нибудь в этом роде. Так или иначе они в конце концов сумеют с нами разделаться, даже если мы не будем вылезать из машины. Хм-м... Пожалуй, нам действительно стоит направиться на поиски дружественных нам шанга.

— Но мы не сможем заставить их воевать с другими туземцами! — возразила Джойс.

Ван Рийн подкрутил усы:

— Это еще почему?

— Не знаю... Мне кажется, что это будет безнравственно.

— Гм-м... — Торговец некоторое время с насмешкой разглядывал ее. — Вы, эсперансиане, идеалисты, как я слышал. Ваши предки высадились на этой планете, чтобы основать утопическую коммуну, и вы продолжаете это дело, несмотря ни на что, да? Вы помешаны на идее творить добро и даже не задумываетесь о прибыли...

— Да, такова наша политика по отношению к инопланетянам, — согласилась Джойс с чувством гордости за свою культуру. — Помогая другим расам, мы получаем взамен их доброе отношение к нам. Если у Эсперансы будет много друзей, мы станем сильны, влиятельны и свободны от необходимости содержать большую армию.

— Ха, сомнительно, что вы найдете верных сторонников здесь, на Т'Келе!

— Да... похоже, что вы правы... Туземцы — настоящие варвары. Но ведь и человек начинал как хищный примат, верно? К тому же т'келанцы имели некогда довольно развитую культуру. Они выращивали злаки, разводили скот. Город Кузулонго реликт этой почти исчезнувшей цивилизации. Ледяной период уничтожил ее, и повсюду воцарились дикость и варварство. Но если им помочь, передать хотя бы часть нашей технологии, то т'келанцы смогут вновь возродить цивилизованное общество.

— Замечательно, превосходно! Исключая то, что эти змеи, сидящие на четвереньках, вовсе не хотят этого.

Джойс задумалась, пытаясь представить, как это змеи могут сидеть на четвереньках, а затем кивнула:

— Возможно, вы правы. Но тогда неясно, почему Старейшины так мною помогали нам...

— Наверное, этому есть какое-то объяснение, — снисходительно сказал ван Рийн, погладив Джойс по голове. — Оставьте философию мне, девочка. Вам надо только готовить побольше вкусной еды и оставаться такой хорошенькой.

Уулобу между тем разжег костер и бросил в него глаза убитого животного. Его заунывная молитва доносилась до них даже сквозь стенки машины. Ван Рийн прищелкнул языком.

— Не очень-то веселая перспектива, — сказал он. — Возможно, вы сумеете передать им свою технологию. Но я предпочел бы, чтобы их копья не имели наконечников из закаленной стали. — Он вновь разжег трубку и уселся рядом с Джойс. — Я хотел бы разобраться в ситуации, девочка. Объясните мне, что здесь происходит, черт побери! Кое-что я слышал, но не вредно будет и повториться. — Торговец дружески потрепал ее по колену. — К тому же пока вы будете говорить, я смогу наслаждаться видом ваших сладких губок...

Джойс принесла торговцу еще одну чашку кофе, а затем села подальше от него. Она постаралась говорить спокойно:

— Начну с того, что это не совсем обычная планета, но не по физическим параметрам. Удивительно другое: у звезды-карлика типа М редко встречаются планеты с массой, на сорок процентов превышающей земную...

— Так много? Вероятно, этот карлик имеет низкую плотность и в его недрах содержится мало тяжелых элементов.

— Да, звезда очень стара и во время формирования планетной системы имела в своем составе слишком мало тяжелых элементов. Собственная плотность Т'Келы — всего 4,4, хотя здесь есть немного железа. И жизнь на таких планетах, как правило, развивается медленно. Солнце излучает очень

мало ультрафиолетовых лучей, необходимых для синтеза органических элементов. Тем не менее жизнь все равно возникла, но не на поверхности, а в океанах жидкого аммиака.

— Понятно, — кивнул ван Рийн. — В таких случаях фотосинтез происходит на основе аммиака и двуокиси углерода, а в результате образуется углеводород и азот, которым здесь и дышат живые существа. — Ван Рийн с довольным видом постучал себя по лысому лбу. — Кое-что сохранилось в этой старой башке, верно? Но почему эволюция здесь протекает не так, как на соседней Торе?

— Никто не может толком это объяснить. Возможно, здесь существуют какие-то катализаторы. Однако факт, что даже при таких низких температурах какой-то процент воды остается в океанах, входя составной частью в молекулы гидроокиси аммония. Клетки растений на Торе и на Т'Келе содержат аналог хлорофилла, который связывает газообразную двуокись углерода и воду, разлагая их на углерод и свободный кислород. Живые организмы совершают противоположный процесс, почти так же, как и на Земле. Однако они не теряют воду, напротив, она удерживается в их тканях особыми молекулами. Когда организм погибает и разлагается, его составные вещества усваиваются растениями. Во всех мирах, подобных этому, вода играет роль азотных органических веществ на планетах земного типа.

— Но свободный кислород, выделяемый растениями, должен разлагать аммиак!

— Да, это медленный процесс, главным образом потому, что твердый аммиак плотнее жидкого. Он опускается на дно озер и океанов, которые защищают его от действия кислорода воздуха. В атмосфере постоянно происходит конвекция, и путем последовательных реакций аммиак и кислород образуют азот и воду. Из-за низких температур вода замерзает, моря сокращаются в размерах, воздух становится все беднее кислородом, и суша расширяется. Так могло произойти и на Торе, но там появились бактерии, связывающие азот. Они-то и остановили наступающую засуху много

миллионов лет назад. Торе повезло. Она несколько больше Т'Келы, атмосфера ее плотнее и потому сохраняет больше тепла. На таких планетах парниковый эффект зависит от наличия двуокиси углерода и аммиака.

Несколько тысяч лет назад на Т'Келе произошла катастрофа — планета потеряла огромное количество аммиака, и действие парникового эффекта ослабело. Температура снизилась, и большая часть оставшегося аммиака замерзла и опустилась на дно океана, где он оказался надежно защищен от таяния. В результате климат стал еще более холодным, так что теперь уже и двуокись углерода сжижается и даже замерзает, по крайней мере зимой. В атмосфере осталось очень мало водяных паров, и парниковый эффект едва заметен.

В результате этой климатической катастрофы растительность сильно пострадала, поскольку ей не стало хватать двуокиси углерода и аммиака. Стала хиреть и животная жизнь, огромные участки суши превратились в пустыни. Я уже говорила, что из-за этого погибла вся культура земледелия т'келанцев. Но хуже всего то, что исчезли бактерии, связывающие азот. Эволюция, конечно, пыталась приспособить местные организмы к этим изменениям, но они происходили слишком быстро. Мы считаем, что все обитатели Т'Келы, в том числе и туземцы, обречены на вымирание. Через десять тысяч лет здесь вообще не останется жизни!

Замолчав, Джойс в который уже раз испытала потрясение от этой картины погибающего, беспомощного мира. Ван Рийн отнюдь не испытывал подобных эмоций и все же изобразил на лице сочувствие и мягко спросил:

— У вас есть какая-то программа спасения Т'Келы?

— О да! Мы полностью завершили исследования и были уже готовы вызвать наших инженеров, чтобы начать работы. Основная задача — восстановить среду бактерий, связывающих азот. В лабораторных условиях был создан чрезвычайно продуктивный штамм. Но он сможет выжить здесь только при значительном изменении экологической

обстановки. Мы решили растопить ледники и провести электролиз воды. Кислород, высвободившийся при этом, должен обогатить атмосферу. Т'Кела богата нефтью, при ее сгорании выделяется двуокись углерода, что значительно усилит парниковый эффект. Для проведения электролиза в таких масштабах мы собирались построить множество атомных электростанций.

— Огромная работа, — задумчиво сказал ван Рийн. — И очень, очень дорогостоящая. И все для того, чтобы местные дикари вновь занялись земледелием и начали применять железные наконечники копий вместо каменных? Замечательно, бесподобно!

— Да, это самый масштабный проект, когда-либо задуманный на Эсперансе, — с гордостью сказала Джойс. — Все было тщательно продумано, и снаряжение подготовлено. Мы были уверены в успехе эксперимента!

— Если только туземцы сами не проведут эксперимент над вашими инженерами — за обеденным столом, — хохотнул ван Рийн.

Джойс вздохнула, склонив светловолосую голову.

— Вы правы, их враждебность сделает наш план невыполнимым, — грустно сказала она. — Нам необходима поддержка всех жителей Т'Келы и их помощь. Вот почему мы и основали миссию рядом с городом Кузулонго — он контролирует почти четверть планеты! Мы думали, что местные туземцы — наши друзья, но... Что же делать?

Ван Рийн задумчиво покусал губы, глядя в окно вездехода.

— Пожалуй, следует отыскать соплеменников Уулобу и разузнать у них кое-что, — предложил он:

3

Машина быстро продвигалась вперед, несмотря на то что местность была неровной. Неожиданно Уулобу что-то прокричал. Через смотровое стекло они увидели, как туземец

высунулся из-за ветрозащитного козырька и указывал на север, в сторону большого облака пыли.

— Шанга перегоняют животных, — сообщил Уулобу. — Правьте туда, небесные люди.

Джойс перевела его слова, и ван Рийн развернул вездеход.

— Я думал, они занимаются только охотой, — сказал он. — Там стадо?

— Люди из орды Рокулэло находятся в своем развитии где-то посреди между монгольскими пастухами древности и американскими охотниками на бизонов, — объяснила она. — Правда, они так и не одомашнили изиру и бамбало полностью. Когда-то, до ледникового периода, этих животных специально разводили т'келанцы, но сейчас скудная земля уже не может прокормить большие стада. Теперь туземцы лишь контролируют миграцию животных и защищают их от хищников.

— Гм-м... а что представляют из себя эти орды?

— Это трудно объяснить. Ни один человек так и не смог до конца разобраться в их структуре. Не потому, что психология т'келанцев непостижима для людей — просто наша миссия была слишком занята планетографическими исследованиями, и на остальное просто не хватало времени. Слова «прайд», «клан», «орда» — это лишь приближенный перевод туземных терминов и скорее всего неточный. Также и Т'Кела — это не истинное название этой планеты. Т'Кела на языке кузулонго означает «эта земля».

— Хорошо, не надо забивать мой старый бедный мозг всякой чепухой. Но послушайте, фриледи Дэвидсон... Кстати, я могу называть вас просто Джойс? — льстиво спросил ван Рийн. — Мы с вами находимся в одной лодке, плыть или тонуть придется вместе, хотя для того и для другого здесь маловато воды. Есть смысл стать друзьями, а не читать друг другу утомительные лекции. — Толстяк протянул к ней руку: — Можете звать меня просто Ники.

Девушка отодвинулась.

— Я не могу запретить вам называть меня так, как вам хочется, фримен ван Рийн, — ответила она ледяным тоном.

— О-ох, такая молодая и такая неприветливая! Видно, придется мне, бедному старцу, и дальше в одиночестве доживать свои дни. И тратить свои деньги, немалые деньги... — Ван Рийн с надеждой взглянул на девушку и вздохнул. — Кстати, почему на этой несчастной планете не оказалось ни одного ящика пива? Всего только один ящик, и я хотя бы на час или два смог бы погасить пожар в моем желуд... я хотел сказать, в душе. Разве я так много требую, спрашиваю я вас?

— Ничем помочь не могу, — сухо ответила Джойс.

Дальше они ехали в молчании.

Вскоре они достигли стада изиру — горбатых и острохвостых животных, похожих на земных коров. Джойс оценила их число в несколько тысяч. При той редкой растительности, которая покрывала предгорья, они должны были в поисках корма преодолевать много километров в день.

Двое туземцев издали заметили вездеход и направились к ним навстречу. Они ехали на бесаи, напоминавших больших антилоп с мордой как у тапиров и одним-единственным рогом. Туземцы были одеты так же, как Уулобу, но вместо ожерелья из раковин у них были медальоны из кожи. Ван Рийн остановил машину, и туземцы подъехали ближе. Оружие они держали наготове, луки их были натянуты, короткие копья подняты.

Уулобу спрыгнул с машины и подошел к соплеменникам, вытянув вперед руку.

— Удачи в охоте, силы, здоровья и потомства, — традиционно приветствовал он их. — Я Уулобу, сын Толы, клана Авонго орды Рокулэло, и теперь сопровождаю людей с неба.

— Вижу, — холодно ответил старший седой воин. Младший воин презрительно усмехнулся и поднял лук. Уулобу схватился за томагавк. Старший сделал примирительный жест, и Уулобу слегка расслабился.

Ван Рийн внимательно следил за этой сценой.

— О чем они говорят? И что означают эти дурацкие жесты оружием?

— Лучник оскорбил Уулобу, — с горестным видом объяснила Джойс. — Он предложил нашему другу спрятать томагавк, пока не закончится беседа. Это говорит о том, что они не считают Уулобу достойным уважения.

— Ах так... Грубые, неотесанные люди. Неужели даже внутри одной орды нет гарантированного мира? Но почему они так пренебрежительно относятся к этой обезь... то есть к нашему молодому другу? Разве те, кто служат нам, недостойны уважения других дикарей?

— Боюсь, что нет. Я спрашивала об этом однажды Уулобу. Кстати, это единственный туземец, с кем у меня сложились доверительные отношения.

— Да? И как же вы добились такого счастья?

— Видите ли, мы спасли его от ужасной смерти. Мы как раз получили лекарство от местной разновидности столбняка, когда он заболел. Понятно, что он испытывает благодарность к своим спасителям, чего не скажешь об остальных шанга. А что касается их отношения к Уулобу... Видите ли, к нам приходили наниматься на службу в основном бедняки. Причины этого различны: либо их изгнали конкуренты с родной земли, либо засуха уничтожила дичь на их охотничьей территории, либо еще что-нибудь подобное. Они поклялись нам в верности... вы сами видели, как они храбро сражались. Но это было делом их чести, а не следствием особой любви к пришельцам из чужого мира. Уулобу — это другое дело, он на самом деле привязан к нам.

— Какая неблагодарность — ведь вы прибыли сюда спасти всех т'келанцев, до единого! — с иронией сказал ван Рийн, а затем побагровел и внезапно заорал: — Черт побери, да у всех вас рыбьи головы и мозги макрели! Занялись дурацкой планетографией, а надо было начинать с исследования психологии аборигенов. Протухшие, провонявшие макрелью головы...

Ван Рийн едва успокоился, а затем потребовал продолжать перевод.

— Пожилого воина зовут Ньяронга, он глава их прайда, — продолжала Джойс. — Младший — его сын, один из многих. Они принадлежат к клану Гангу орды Рокулэло. Формальности приветствия соблюдены, и туземцы приглашают нас в свой лагерь. Они по-своему гостеприимны, но прежде всего стараются удостовериться, что у гостей честные намерения.

Всадники отъехали, и Уулобу вернулся к вездеходу.

— Мои соплеменники спешат, — сказал он по интеркому. — Сегодня солнце вспыхнет, а до укрытия еще далеко. Нам лучше следовать за ними на некотором расстоянии, чтобы не напугать животных.

Он взобрался на крышу вездехода. Джойс перевела его слова ван Рийну, и тот двинул вездеход вперед.

— Вы должны еще о многом рассказать мне, фриледи, — потребовал торговец, сурово сдвинув брови. — Для начала объясните поподробнее, почему туземцы так пренебрежительно относятся к тем, кто работает в вашей миссии?

— Хорошо... Уулобу говорил, что все, кто нанимается к нам, не имеют своей земли. По той или иной причине, о которых я уже говорила, они потеряли охотничьи территории своих предков. Престиж их в глазах соплеменников упал почти до нуля. Еще хуже'для наших помощников то, что мы не позволяем им участвовать в схватках клана с врагами. Потому широко распространено мнение, что все наши друзья-туземцы — трусы.

— Воинственная культура, да?

— Нет... здесь какой-то парадокс. У них нет войн и даже кровной мести в нашем понимании, Стычки происходят постоянно, но в них принимает участие слишком мало туземцев. Неясно, чем это вызвано — может быть, особой политической организацией? Но подобное происходит и в других районах Т'Келы, где племена организованы совсем по другому принципу, чем орды.

— Рассказывая, не будете ли так любезны приготовить мне небольшой четырехслойный сандвич?

Джойс недовольно поморщилась, но все же пошла к кухонному столу.

— Как я уже говорила, у нас не было времени проводить ксенологические исследования даже в районе миссии, — продолжила она. — Но мы знаем, что основной общественной единицей на планете является прайд. Его состав определяется соотношением полов. Обычно на одного мужчину приходится три женщины. Все мужчины, а также бездетные женщины участвуют в охоте, хотя с другими т'келанцами сражаются только мужчины. Маленькие... гм-м... дети помогают в работах по лагерю. То же делает вдова отца главы прайда, если она есть. В такой прайд входит около двадцати туземцев. Это максимальное количество, способное прокормиться на территории, которую можно обойти за день пешком. Увы, планета слишком бедна.

— Ха, это я и сам вижу, — проворчал ван Рийн. — Нет даже одного-единственного ящика с пивом! Но вернемся к этим грязным туземцам. Кроме прайдов у них есть и более крупные общественные единицы, не так ли?

— Самые отсталые аборигены объединяются только в прайды, но сообщество Кузулонго — так мы называем туземцев из местной орды — имеет более сложную структуру. Десять или двенадцать прайдов образуют то, что мы называем кланом. Входящие в него туземцы происходят от одного общего предка. Они контролируют большую территорию, по которой следуют за своими полудикими стадами. Кланы организуются в орды, каждая из которых ежегодно собирается в каком-нибудь традиционном для них оазисе. Там они обсуждают различные вопросы, торгуют и заключают браки между юношами и девушками. Здесь же разрешаются споры — судом или схваткой. Среди кланов часто происходят стычки из-за вопросов чести или из-за более практических проблем, например по поводу источников аммиака. Орда — это замкнутое сообщество, браки заключаются только среди

его членов. У каждой орды своя одежда, обычаи, боги и прочее.

— Между ордами не бывает войн?

— Нет, если не считать ужасных стычек во время миграций орд. Но войн нет, так же как нет и армий — туземцы попросту не способны их содержать.

— Хм-м... сомнительно. Похоже, здесь-то и зарыта собака. Когда мужчины намерены воевать, то они не заботятся, хватит ли у них пищи. Ключ к нашим проблемам, возможно, лежит где-то рядом — только надо разыскать его и научиться им пользоваться.

Джойс недоуменно взглянула на него и продолжила:

— Э-э... все дело в Старейшинах, которые улаживают военные конфликты. Кроме того, они разрешают большинство споров между ордами по другим вопросам.

— Ах да, эти умники-разумники на горе... Расскажите о них, девочка.

Джойс приготовила четырехслойный сандвич и протянула его ван Рийну. Тот стал шумно жевать, глядя в окно. Мимо проплывали редкие кустарники и валуны. Впереди неслось облако пыли, расцвеченное красным карликом. Впереди него метались всадники, пытаясь то здесь, то там разнять дерущихся животных. На горизонте возвышался ледяной хребет Лубамбару, вершины которого сверкали на фоне тусклого неба.

— Старейшины — это реликт былой цивилизации, — сказала она. — Они сохранили крупицы знаний и держатся за оседлый образ жизни в городе, в то время как остальные туземцы давно превратились в кочевников. У Старейшин совсем иная психология, и они отличаются редкой скрытностью.

— Кто же их кормит? — спросил ван Рийн, с чавканьем доедая сандвич.

— О, Старейшины выполняют обязанности, требующие специальных знаний. Среди них есть писцы, врачи, искусные металлурги, ткачи и изготовители пороха. Его

используют главным образом для фейерверков, хотя у них есть и несколько пушек. Остальные туземцы считают их колдунами, в основном, потому что они могут предсказывать вспышки на солнце.

— И до вчерашнего дня эти умники-разумники были настроены к вам дружески?

— Нам казалось, что да. На самом деле они, вероятно, тайно готовили нападение на нас. Они явно подкупили шанга и снабдили их пороховыми зарядами для взрыва стен купола. Но все же я не могу понять — почему? Казалось, они поверили в то, что мы хотим спасти их расу!

— Возможно, они поначалу просто не оценили всех последствий вашего вмешательства, — заметил ван Рийн. Кончив жевать, он удовлетворенно рыгнул, стал ковырять ногтем в зубах, а затем замолчал задумавшись.

Через некоторое время ван Рийн с грохотом ударил по панели управления вездехода. Джойс вздрогнула от неожиданности.

— Черт побери, подходит! — взревел он.

— Что именно?

— Но мне пока неясно, как обернуть это нам на пользу... — пробормотал торговец.

— О чем это вы?

— Помолчите, фриледи...

Ван Рийн вновь вернулся к своим мыслям, предоставив вести машину автоводителю.

К вечеру на горизонте появился лес, покрывавший предгорья Лубамбару. В этом месте протекала аммиачная река, и ее берега выделялись относительно густой растительностью. Деревья здесь были низкорослыми и причудливо изогнутыми, с синими стволами, усеянными колючками и серо-зеленой листвой. Между деревьями росли шаровидные кустарники. Всадники погнали стадо в лес. Оставив на опушке часовых, они двинулись на север. Группу из пятнадцати туземцев вел Ньяронга. В одной руке он держал копье, в другой — щит. На поясе висел меч. Его большие желтые глаза

внимательно и настороженно оглядывали местность. Сыновья прикрывали группу с флангов, держа луки со стрелами наготове. В центре ехали женщины с мохнатыми детьми на руках. Они отличались от мужчин низким ростом и более приятными чертами лиц. Несмотря на шерстяной покров и постоянную температуру тела, т'келанцы не были млекопитающими: матери отрыгивали пережеванную пищу для младенцев, еще не имевших зубов.

Ван Рийн направил вездеход по следу туземцев.

— Почему они оставили часовых? — спросил торговец. — Они что, ожидают неприятностей?

— Туземцы всегда держатся настороже, — глухо ответила Джойс, оторвавшись от своих невеселых мыслей. — Я уже говорила, что между различными ордами постоянно происходят кровавые стычки. Судя по всему, всадники вскоре собираются разбить лагерь вместе с другими прайдами своего клана. Поблизости их еще несколько — стада такой величины требуют, чтобы все гангу охраняли его.

— Но вы говорили, что туземцы — охотники, а не пастухи.

— Большую часть времени так оно и есть. Однако, когда на солнце происходят вспышки, многие из изиру и бамбало впадают в панику. Некоторые их них получают такие сильные ожоги, что погибают. Это происходит потому, что в их организмах не выработана защита от мощных потоков ультрафиолетовых лучей. Кланы не могут допустить крупных потерь в стаде. Поэтому в сезон вспышек, как сейчас, они загоняют животных на территорию, где имеется тень или укрытие, например в лес.

Ван Рийн презрительно взглянул на опускающийся к горизонту красный диск.

— Вы хотите сказать, что это протухшее яйцо может вспыхнуть, словно факел? Да оно даже бабочке не сумеет опалить крылышки...

— Конечно, если это бабочка — земная. Вы же знаете, что карлики типа М часто вспыхивают и увеличивают интенсивность своего излучения в сотни раз. Ныне содержание

кислорода в атмосфере упало так низко, что озоновый слой почти не задерживает ультрафиолетовые лучи. К этому еще добавляется фон космического излучения. Нас с вами это не должно беспокоить, так как человек привык переносить значительно большие дозы радиации, однако для т'келанцев это может быть смертельно.

— Ясно. На этой нищей планете нет даже месторождений радиоактивных минералов, обычно и создающих фон радиации. На Торе, например, вспышки местного солнца радуют туземцев, и они устраивают в эти дни праздники. До чего же не везет этой Т'Келе!

Джойс помрачнела, опустив голову.

— Космос порой бывает очень несправедлив, — тихо сказала она. — Мы на Эсперансе верим: нужно объединиться, чтобы бороться за счастье всех рас Вселенной!

Ван Рийн с сочувствием взглянул на нее:

— Замечательная идея! Жаль только, что люди не годятся для нее. Вы очень хорошая девочка, вам кто-нибудь уже говорил об этом?

Он положил руку на плечо девушки, и она не нашла в себе сил сопротивляться этому — ей было страшно перед лицом надвигающейся солнечной бури.

Через час вездеход достиг лагеря. На поляне вблизи бурлящего аммиачного ручья стояло несколько юрт, покрытых шкурами животных. Возле них горели костры, огонь поддерживали подростки. Женщины готовили на кострах еду, а мужчины лежали неподалеку, не выпуская из рук оружия. Появление вездехода встревожило туземцев, но никто не подумал убегать. Часть мужчин стала прогуливаться вдоль лагеря с нарочито равнодушным видом.

«Или они на самом деле ничуть не удивлены?» — спросила себя Джойс, глядя на несколько сотен нечеловеческих лиц и желтых глаз, на раздуваемую ветром шерсть и сверкающие наконечники.

«Туземцы везде поступают одинаково, — подумала она. — В любом клане, в любой орде, с которыми мы встречались,

было всегда одно и то же: сначала интерес к внешнему виду машин, а затем равнодушная вежливость, словно им было все равно, что несут им люди — добро или зло. За все, что сделано для них, они благодарят, но не очень-то сердечно, а порой даже предлагают плату. А вот на свои праздники или обрядовые действа не приглашают никогда. Их дети более непосредственны и попросту бросают в нас камни...»

Ньяронга выкрикнул какую-то команду, и его прайд стал разбивать собственный лагерь. Постепенно вездеход перестал вызывать у туземцев интерес, и они разошлись.

Ван Рийн взглянул на заходящее солнце.

— Дикари уверены, что сегодня будет вспышка?

— О да. Если Старейшины предсказали, то так оно и будет. Это нетрудно сделать, имея закопченное стекло или маленький телескоп. Свет звезды настолько тускл, что легко заметить на ней светящиеся пятна. Любой начинающий астроном может с точностью до дня предсказать вспышку звезды-карлика типа М.

Весть о ней с помощью разнообразных сигналов быстро доносится до самой отдаленной орды.

— Понятно. Наверняка этот метод — один из реликтов древней цивилизации. Точно так же вавилоняне знали о движении планет... Черт побери, кажется, начинается!

Солнце склонилось к западному хребту и почти коснулось его иззубренных вершин. Внезапно тонкий, ярко-красный завиток выплыл из глубин звезды. Животные тревожно закричали, и туземцы немедленно забегали по лагерю. Мужчины схватили своих ездовых животных за уздечки, а женщины потащили детей в юрты.

Огненный протуберанец разрастался и становился все ярче. Кровавый свет разливался по равнине и склонам холмов. Ветер усилился и зашумел листвой деревьев. Испуганные животные бросились в лес или под навесы из шкур, укрепленные на столбах. Одно из изиру помчалось прочь, но воин бросил лассо, сбив его с ног. Двое других мужчин помогли втащить бьющееся от ужаса животное под навес.

Джойс в какой уже раз удостоверилась, что вспышка на солнце терпима для человеческих глаз и их не надо ничем защищать. Тем не менее протуберанец становился все ослепительнее — казалось, солнце кипело и разбрасывало огненные брызги. Хотя Джойс и видела эту картину прежде, но вдруг обнаружила, что сжимает руку ван Рийна. Он хладнокровно затянулся и выпустил облачко дыма.

Уулобу спустился с крыши машины и подошел к Ньяронге. Джойс услышала, как он спросил:

— Могу я помочь чем-нибудь перед лицом главного бога?

— Нет, — с презрением ответил глава прайда, — Иди в юрту к женщинам.

Зубы Уулобу сверкнули, шерсть на спине поднялась. Он схватился за томагавк.

— Не надо! — крикнула Джойс в интерком. — Мы здесь гости!

Несколько мгновений два т'келанца вызывающе смотрели в глаза друг другу. Копье Ньяронги было направлено в горло соперника. Наконец Уулобу отступил.

— Да, мы гости, — глухо сказал он. — Мы еще поговорим с тобой в другой раз.

— С кем — с тобой, безземельным... — Вождь сдержался. — Ладно, между нами, мир, и сейчас не время нарушать его. Но мы, гангу, сами заботимся о своих стадах и пастбищах. Никакая помощь от чужаков нам не требуется.

Уулобу с мрачным видом направился к ближайшей юрте.

Вскоре последнее животное было загнано в убежище. Протуберанец между тем превратился в неровное пятно света вокруг солнечного диска. Увеличиваясь в яркости и становясь оранжевым, оно продолжало расти. Ветер все усиливался.

Главы прайдов не спеша прошли к центру лагеря. Они образовали внутренний круг, а снаружи выстроились холостые воины. Ньяронга поднял рог и затрубил. Вверх взметнулись копья, мечи и томагавки.

Туземцы начали танцевать все быстрее и быстрее, по мере того как усиливалось свечение. Тучи стрел взметнулись к солнцу.

— Что они делают? — спросил ван Рийн. — Изгоняют дьявола?

— Нет, — сказала Джойс. — Они не верят, что такое возможно. Т'келанцы бросают ему вызов и, как обычно, предлагают ему спуститься и вступить в борьбу. Кроме того, для них это не дьявол, а бог.

Ван Рийн кивнул и пробормотал себе под нос:

— Да, так и должно быть... Когда бог отказывается выполнить свои обязанности, его не пытаются подкупить, нет — ему угрожают. Все сходится...

Мужчины закончили танец и направились к своим юртам. Все дверные клапаны были завязаны. Лагерь был пуст, он словно замер под лучами заходящего солнца.

— Ха! — сказал ван Рийн, вскочив на ноги. — Мой скафандр!

— Что? — Джойс удивленно уставилась на него.

— Я хочу выйти. Что вы стоите, словно окаменели, черт возьми! Давайте сюда мой скафандр!

Джойс заставила себя повиноваться. К тому времени, когда грузная фигура была наконец облачена в скафандр, солнце уже опустилось до самого хребта и утроило свою яркость. Теперь вспышка уподобилась второму солнцу, не круглому, а продолговатому, в форме языка пламени. Белые длинные тени ползли по равнине, которая приобрела неестественно бронзовый цвет. Ветер поднимал пыль и сухие листья, задувал костры, хлопал полотнищами навесов.

— Когда я дам знак, — сказал ван Рийн, — вы включите интерком на полную мощность, чтобы дикари могли вас слышать. Скажите этим так называемым мужчинам, чтобы они выглянули из юрт и посмотрели на меня, если у них не затрясутся поджилки. И не надо быть слишком вежливой при этом, понятно?

Прежде чем Джойс смогла достойно ответить, ван Рийн уже оказался у шлюза. Он выбрался из вездехода и добежал до центра лагеря, откуда помахал ей рукой.

Джойс облизнула губы. Что еще собирается делать этот идиот? Месяц назад он и не слышал об этой планете. Он не пробыл на ней и недели. Практически всю информацию о Т'Келе он получил от нее за последние десять-одиннадцать часов. И он воображает, что знает, как нужно себя вести?! Если после его выходки толстое брюхо ван Рийна не будет набито стрелами и копьями, то, значит, нет справедливости во Вселенной! Неужели он думает, что она готова погибнуть вместе с ним?!

Возвышаясь огромной глыбой на фоне пылающего неба, ван Рийн снова взмахнул рукой.

Джойс включила интерком на всю его мощность.

— Смотрите, люди гангу, у кого хватит храбрости! Смотрите на мужчину с неба, который бросает вызов гневающемуся богу!

Ее голос глухо разнесся по лагерю. Ван Рийн кивнул. Она прищурилась, чтобы получше рассмотреть, что он собирается делать. Щуриться ей пришлось из-за контрастности, а не из-за яркости света. Излучение по-прежнему составляло всего несколько процентов по сравнению с тем, которое получает Земля. Но вспышки с температурой в миллион градусов и выше принадлежали как раз той части спектра, к которой туземцы были особенно чувствительны. Она подумала, что ультрафиолета маловато даже для того, чтобы покраснела кожица земного ребенка, но вполне достаточно, чтобы нанести смертельные ожоги этим несчастным скитальцам ада.

Ван Рийн вынул из кобуры свой бластер. С нарочитой неторопливостью он несколько раз выстрелил в звезду. Вспышки казались совсем слабыми на фоне разгоравшегося светила. А что же теперь?

— Нет! — закричала Джойс.

Ван Рийн поднял лицевую пластину своего шлема. Он начал гротесковый танец, задрав к небу свой большой нос.

Но...

Торговец закончил представление непередаваемым телодвижением, вновь закрыл свой шлем, выстрелил еще дважды в небо, остановился с поднятыми руками и стоял так, пока солнце не зашло за горизонт.

Вспышка еще некоторое время после захода солнца освещала листву деревьев. Когда наступили сумерки, ван Рийн направился обратно к вездеходу, и Джойс поспешила впустить его. Он снял шлем, отдуваясь и ругаясь на доброй дюжине языков. Иней начал таять на его скафандре.

— Ох! — простонал он. — И нет даже стаканчика виски, чтобы согреть мои старые бедные кости!

— Вы могли умереть... — прошептала Джойс.

— О нет, нет! Николас ван Рийн умрет совсем не так! Я планирую в возрасте ста пятидесяти лет быть застреленным разгневанным мужем, которому я наставлю рога. Холод оказался не слишком велик, а на несколько минут я смог задержать дыхание. Но впустить этот аммиак в шлем! О ужас и налоги! — Он побрел в ванную и начал с фырканьем умываться.

Погасли последние лучи протуберанца. Небо осталось розовым, так что были видны только наиболее яркие звезды. Тяжелые частицы солнечного излучения должны были достичь планеты где-то через час. Один за другим на поляне стали появляться туземцы. Вновь разгорелись костры, выбрасывая в темноту снопы искр.

Ван Рийн вышел из ванной.

— Отлично, я готов, — сказал он. — Теперь надевайте свой скафандр и идите за мной. Мы должны поговорить с ними.

4

Направляясь в круг, образованный темной линией юрт, Джойс вынуждена была прокладывать себе дорогу среди

женщин и детей. Она видела отражение огней в их глазах и знала, что они окружены со всех сторон. Успокаивали идущий рядом ван Рийн и шаркающий позади Уулобу.

«Ненадежное прикрытие!» — подумала она, глядя на туземцев, ожидающих их у источника аммиака. Они собрались там, как только увидели выходящих из вездехода людей. Пред ее взором они предстали сплошной черной массой, неразличимой на фоне леса. Костры с обеих сторон слабо освещали только передний ряд. Время от времени пламя, раздуваемое ветром, полыхало, вверх взлетали искры и вдаль уносились клубы дыма. Иногда она видела обсидиановый заостренный наконечник копья, меч из рога, топор или железный кинжал. Лес за лагерем слабо шелестел; она слышала испуганные крики изиру, блуждающих вокруг в полутьме. Во рту у нее пересохло.

Главы прайдов стояли впереди. Многие из них были совсем молодыми, старики редко встречаются в пустыне. Ньяронга казался самым старшим среди них. Он стоял с копьем в руке, его щупальца дрожали, юбка развевалась по ветру.

Ван Рийн остановился перед ним. Джойс заставила себя подойти поближе и встретила пристальный взгляд Ньяронги. Уулобу присел на корточки возле ее ног. Гомон, словно предвестник бури, прошел среди воинов.

Но ван Рийн невозмутимо ждал, пока наконец Ньяронга не нарушил молчание:

— Почему ты бросил вызов солнцу? Ведь до сих пор ни один небесный человек этого не делал!

Джойс торопливо перевела.

— Скажите ему, — заявил ван Рийн, — что я прибыл сюда совсем недавно. Скажите ему, что другие небесные люди считают ненужным бросать вызов солнцу, но я не согласен с ними.

— Чего вы добиваетесь? — спросила она. — Малейшая ошибка может погубить нас!

— Верно. Но бездействие погубит нас наверняка, не так ли? — Он похлопал ее по плечу. — Черт бы побрал эти

перчатки! Без них было бы значительно приятнее. Во всяком случае вы должны мне верить, Джойс. Николас ван Рийн не стал бы таким старым и толстым, если бы не умел находить выход из любого положения. Верно? Поэтому переводите то, что я говорю, и произносите резко. Не оскорбляйте их, но говорите пожестче. Понятно?

Голос ее дрогнул.

— Да. Сама не знаю почему, но я буду выполнять ваши указания. Если... — Она преодолела страх и повернулась к ожидавшим ответа туземцам. — Этот небесный мужчина, — сказала она, — не из нашего народа, а из более могущественного. Он велел мне сказать, что мы, небесный народ, не позволяем себе бросать вызов солнцу, а он осмеливается это делать.

— Вы никогда не осмеливаетесь? — прервал ее кто-то. — Что это значит?

Джойс стала импровизировать.

— Яркое солнце не вредит нашим людям. Мы часто говорили об этом. Разве никто из вас не слышал этого?

Некоторое время все молчали, потом разукрашенный рубцами одноглазый старец неохотно сказал:

— Я слышал это в прошлом году, когда ты и кто-то из ваших лечили детей моего прайда.

— Теперь вы видите, что это правда, — заметила Джойс.

Ван Рийн протянул руку и схватил ее за локоть:

— Эй, что происходит? Разговаривать должен я, а вы своими глупостями можете все испортить.

Она не позволила себе рассердиться и пересказала ему весь разговор. Он удивился и, извинившись, сказал:

— Прошу прощения, девочка. Вы все прекрасно проделали. Теперь я должен сказать речь. Вы будете переводить каждое мое слово, хорошо?

Он наклонился вперед и, размахивая указательным пальцем перед самым носом Ньяронги, резко сказал:

— Ты спрашиваешь, почему я вышел под пылающее солнце? Чтобы показать вам, что я не боюсь его огня. Я

плюнул на ваше солнце, и оно зашипело. Мое солнце может съесть ваше за завтраком и попросить добавки, черт возьми! Этот ваш маленький уголек дает слишком мало света, чтобы видеть; его не хватает даже на то, чтобы напугать ребенка моего народа!

Т'келанцы загомонили и придвинулись ближе, потрясая оружием. Ньяронга возмущенно ответил:

— Да мы давно заметили, что ваш небесный народ почти слепой!

— Тебе приходилось стоять в свете фар наших машин? Ты ослеп при этом, верно? Ты не продержишься на Земле и минуты. Хлоп — и ты уже маленькое грязное облако дыма!

В ответ Ньяронга сплюнул и сказал:

— А вы вынуждены закрываться от нашего воздуха! А вот осмелишься ли ты глотнуть этот воздух? Кто из вас посмеет?

Гневный ропот пронесся по толпе воинов. Ван Рийн презрительно усмехнулся:

— А ты, осмелишься ли ты глотнуть нашего воздуха? Кто из вас посмеет? Видишь, вы слабее нас!

Молодой высокий мужчина, видимо глава прайда, вышел вперед. Его усы дрожали от гнева.

— Я посмею!

— Отлично! Я дам тебе его понюхать. — Ван Рийн повернулся к Джойс. — Помогите мне справиться с этим проклятым аппаратом для восстановления воздуха. Я не хочу, чтобы в мой шлем еще раз проник аммиак.

— Но... — Она беспрекословно повиновалась, отвинчивая выпускной клапан аппарата, висевшего на спине ван Рийна.

— Направьте ему в лицо, — приказал он.

Вожди стояли неподвижно. Джойс представила, какую боль предстоит испытать туземцу. Она никак не могла поднять шланг.

— Двигайтесь! — заорал ван Рийн.

Она повиновалась, и земной воздух рванулся вперед.

Воин вскрикнул и зашатался. Он тер нос и слезящиеся глаза... Еще мгновение он держался, затем упал на руки окружающих... Джойс закрыла клапан, а ван Рийн сказал:

— Я так и знал. Слишком много кислорода, а в особенности водяных паров. Торианцы не переносят нашего воздуха, и я решил, что и эти парни его не выдержат. Скажите им, что он скоро будет в порядке.

Джойс передала его заверения. Ньяронга ответил:

— Я слышал об этом. Зачем вы показали этому бедному парню, что дышите ядом?

— Чтобы доказать, что мы так же сильны, как и вы, — ответил ван Рийн. Джойс перевела. — Мы еще сильнее. Мы можем загнать вас в вашу конуру, если только захотим этого.

Его слова вызвали дружные вопли. Кое-кто из воинов схватился за оружие. Ньяронга поднял руку, призывая к тишине. Все замолчали. Слышались только отдельные возгласы да вздохи женщин, доносившиеся из темноты. Старый вождь с гордостью сказал:

— Я знаю, что вы владеете оружием, которого нет в нашем мире. Вы обладаете знаниями, которых нам не хватает, и никто из нас никогда не скрывал этого. Но это не значит, что вы сильнее. Т'келанец силен уже потому, что у него имеется лук, который убивает на расстоянии. Мы — охотничий народ, а вы — нет, несмотря на ваше оружие.

— Передайте ему, — приказал ван Рийн, — что я голыми руками справлюсь с их самым сильным бойцом. Так как я должен носить этот костюм, который защищает меня от ударов, он может пользоваться оружием.

— Он убьет вас! — запротестовала Джойс.

Ван Рийн ухмыльнулся. Его голос дрогнул:

— Может быть, тогда вы пожалеете, что не были добры к бедному старику.

— Я не могу позволить вам это!

— Вы должны, черт возьми! — Он схватил ее за руку так сильно, что она сморщилась от боли. — Я знаю, что делаю! — Она передала вызов. Ван Рийн швырнул бластер к ногам

Ньяронги. — Если я проиграю, победитель возьмет его, — сказал он.

Дюжина воинов выступила вперед. Ньяронга проревел что-то, восстанавливая порядок. Он осмотрел всех претендентов по очереди и указал на одного из воинов:

— Это мой сын, Кузалу. Он будет защищать честь прайда и клана.

Т'келанец ростом был ниже ван Рийна, но почти так же широк. Могучие мускулы перекатывались под его шерстью. Он двинулся вперед, сверкая клыками, держа в одной руке томагавк, а в другой — кинжал. Остальные мужчины расступились, образовав широкий круг. Уулобу отвел Джойс в сторону, его руки дрожали.

— Я мог бы сразиться с ним сам, — прошептал он.

Ван Рийн поворачивался, как буйвол, а Кузалу кружился вокруг него. Его обезьяньи руки свисали почти до земли. Огонь сквозь лицевую пластину высвечивал резкие черты лица ван Рийна.

Кузалу закричал и со страшной силой метнул томагавк. Левая рука ван Рийна среагировала с невообразимой скоростью. Он поймал оружие в воздухе и дернул его на себя. Шнур, который был привязан к томагавку, натянулся. Кузалу был вынужден податься к своему противнику, и ван Рийн бросился в атаку.

Кузалу увернулся и отпрыгнул в сторону. В правой руке сверкнуло лезвие его кинжала. Ван Рийн перехватил ее своей правой рукой, левой же вновь сильно потянул за шнур. Кузалу упал на одно колено. Ван Рийн завернул ему руку за спину. Все т'келанцы вскрикнули.

Кузалу вывернулся и разрубил шнур. Сплюнув, он что-то крикнул и снова пошел в атаку. Ван Рийн ударил его ногой в живот, отдернул ногу прежде, чем Кузалу успел поймать ее, затем нанес т'келанцу удар ребром ладони по шее.

Кузалу зашатался, но удержался на ногах. Ван Рийн снова увернулся от удара кинжалом. Он отступил. Кузалу мгновение стоял выжидая, затем бросился вперед. Схватка

завершилась внезапно — ван Рийн неожиданно перебросил противника через плечо. Тот с грохотом упал. Ван Рийн ждал. У Кузалу оставался еще кинжал, он встал и начал приближаться к ван Рийну. Из его ноздрей струилась кровь.

— О моя дорогая! — пропел ван Рийн.

Кузалу приготовился его ударить, но ван Рийн перехватил его руку, вывернул ее и нажал.

Кузалу закричал. Ван Рийн нажал еще сильнее и сказал:

— Проси пощады.

— Он скорее умрет! — взвизгнула Джойс.

Ван Рийн вырвал нож из ослабевшей руки противника и отбросил его в сторону. Удар кулаком в живот — и т'келанец зашатался. Торговец продолжал безжалостно наносить удары, пока тот не упал. Ван Рийн отошел в сторону. Джойс с ужасом смотрела на него.

— Все в порядке, — успокоил он ее, — я же не сильно его побил...

Ньяронга помог сыну встать. Двое воинов увели его. Среди т'келанцев послышались причитания. Ничего подобного Джойс раньше не приходилось слышать.

Ван Рийн и Ньяронга встали друг против друга. Вождь медленно заговорил:

— Ты доказал свою правоту, небесный мужчина. Для безземельного ты дерешься очень хорошо. И ты хорошо поступил, что не убил его.

Джойс между всхлипываниями переводила с туземного. Ван Рийн ответил:

— Скажите: я не убил юношу потому, что в этом не было нужды. Скажите также, что я владею огромной территорией у себя. — Он указал вверх, где на вечернем небе горели звезды. — Скажите ему, что мои охотничьи территории там, черт возьми!

Выслушав его, Ньяронга чуть ли не жалобно спросил:

— Но чего он хочет на нашей земле, какова его добыча здесь?

— Мы пришли помочь...

Джойс остановилась и перевела его вопрос ван Рийну.

— Ха! — сказал он злорадно. — Сейчас мы поговорим об индюках!

Он присел на корточки у костра. Отцы прайдов присоединились к нему, их сыновья подошли поближе. Уулобу радостно прошептал Джойс:

— Они принимают нас как друзей!

— Я пришел не для того, чтобы грабить ваши земли и убивать вашу дичь, — елейным голосом сказал ван Рийн. — Нет, я хочу заняться делом, выгодным для обеих сторон. Ясно, что племена должны торговать друг с другом, они же не могут сами производить все необходимое.

— О да, конечно. — Джойс села рядом с ним. — Их отношения с городом построены на принципе «ты мне — я тебе», я вам уже говорила это.

— В таком случае они поймут меня. Скажите им, что старцы из города завидуют нам. Скажите, что они натравили шанга на наш лагерь. Говорите правду, ничего не приукрашивая.

— Что? Но я думала... считала... Разве вы не хотите создать у них впечатление о нашем могуществе? Мы должны признаваться, что спасаемся бегством?

— Ну, скажем, мы совершаем... как это говорится в военных коммюнике... совершаем запланированный отход на заранее подготовленные позиции.

Джойс повиновалась. Щупальца поднялись над головами туземцев, зрачки сузились, а руки потрясали оружием. Ньяронга с сомнением сказал;

— Вы хотите найти у нас убежище?

— Нет, — ответил ван Рийн, — скажите им, что мы пришли предупредить их, потому что, если их уничтожат, мы не сможем заключить с ними выгодную сделку. Скажите им, что шанга захватили в куполе наше оружие и движутся сюда со своими дружественными кланами. На территорию Рокулэло.

Джойс подумала, уж не ослышалась ли она.

— Но мы не... но у нас не было другого оружия, кроме личного! А все личное оружие унесли при отступлении.

— Они что, знают об этом, эти туземцы?

— Но... разве они поверят вам?

Моя хорошенькая блондиночка, даю вам слово, что они поверят.

Запинаясь, она повторила эту ложь. Реакция была ужасной. Лагерь взорвался. Все забегали, потрясая копьями. Один Ньяронга остался сидеть, но и у него шерсть встала дыбом.

— Это действительно так?

— А зачем иначе шанга нападать на нас с помощью Старейшин? — задал встречный вопрос ван Рийн.

— Вы очень хорошо знаете зачем, — сказала ему Джойс. — Старейшины могли подкупить их, сыграв на суеверии, и, возможно, пообещали им сделать ножи из нашего металла.

— Не сомневаюсь, но вы передадите этому старому дьяволу только то, что сказал я. Переведите ему, что шанга напали на нас ради наших бластеров и что Старейшины снабдили их ножами и порохом. Скажите им, что седобородые на стороне орды шанга... как ее называют?

— Ягола.

— Да. Скажите им, что все кланы шанга движутся на запад и собираются согнать Рокулэло с их земель.

Ньяронга и все остальные, еще сохранявшие спокойствие, слушали Джойс. Война не была в обычаях т'келанцев. Но им были знакомы стычки при переселении племен на новые охотничьи территории. А на умирающей планете такое случалось довольно часто. Когда территория орды становилась совершенно безжизненной, ее обитатели вынуждены были или куда-нибудь переселяться, или умирать с голоду.

— Шанга решили захватить как можно больше земель и при помощи захваченного оружия повсюду установить свое господство.

— Не думаю, что они такие страшные чудовища, — сказал Ньяронга.

— Они такими и не являются. — Джойс по-английски выразила свой протест ван Рийну. — На них нельзя клеветать так ужасно, что...

— Ну, ну, это обычная пропаганда... — успокоил ее ван Рийн. — Предложите Ньяронге, собрав подкрепления, вместе с нами отправиться в Кузулонго и проверить, правда это или нет.

— Вы хотите, чтобы они вцепились друг другу в глотки? Никогда не приму в этом участия! Я скорее умру...

— Послушайте, моя сладкая, пока еще никто не убит. Может, никто и не будет убит. Я все объясню позже. Но сейчас.... Мы должны ковать железо, пока оно горячо. Они чрезвычайно возбуждены, так что давайте же примем решение о выступлении. — Ван Рийн приложил руку к сердцу. — Вы думаете, что старый, страдающий одышкой, любящий комфорт, трусливый Николас ван Рийн хочет разжечь на планете войну? Неверно. Удобное кресло, стакан виски, венесуэльская сигара, тихая музыка на борту его яхты и мирное странствие в компании танцовщиц — вот и все, чего он хочет. Разве это много? Поэтому будьте умницей и помогите мне.

В замешательстве она позволила ему делать все, что он задумал. В ту же ночь во все кланы орды Рокулэло отправились вестники.

5

Они выступили в темноте, еще до восхода солнца. В поход двинулись почти все мужчины, а женщины и дети остались в лагере. Все были закутаны в просторные накидки и бурнусы. Бесаи накрыли одеялами, чтобы защитить от ужасной чесотки, которая обычно охватывала животных в это время года. Большинство заряженных после солнечной вспышки частиц попадало на дневную сторону планеты, но магнитное поле Т'Келы было достаточно сильным, чтобы перераспределить выпавшие частицы по всей ее поверхности, в том числе и на противоположной стороне.

Несмотря на защитное снаряжение, отряд двигался довольно быстро. Выглядывая в окно вездехода, Джойс видела тусклое свечение обеих лун, ползущие бесформенные тени и отблески на оружии. Сквозь гул двигателей она слышала, как туземцы окликали друг друга, доносился топот подкованных копыт.

— Видите ли, — начал свою лекцию ван Рийн, попыхивая трубкой, — я в этом мире недавно, но мне приходилось бывать на многих иных планетах и о множестве других приходилось читать в отчетах. Это необходимо для моей работы. Всегда можно отыскать какие-нибудь любопытные аналогии. У меня собралось достаточно данных, чтобы понять образ мышления туземцев. Вы же, эсперансиане, похоже, не обладаете подобным опытом. Как и большинство других колоний, вы находитесь далеко от основных галактических путей и не владеете современными методами освоения планет. Это видно хотя бы из того факта, что вы сразу же, по прибытии сюда, не предприняли психологических исследований. Никогда не поступайте так в будущем, Джойс. Всегда

сначала разберитесь, с кем вы имеете дело. Вселенная слишком жестока.

— Вы, кажется, знаете, о чем говорите, Ник, — согласилась она.

Он просиял и поднес к губам ее руку. Она что-то пробормотала о необходимости подогреть кофе и убежала. Ей не хотелось травмировать его чувства — торговец на самом деле был старым и безвредным человеком.

Вернувшись из кухонного отсека, она села рядом с ним на переднее сиденье и спросила:

— Что ж, расскажите мне об образе их мышления. В чем была наша ошибка?

— Вы были уверены, что они подобны воинственным племенам древней Земли, — начал он. — На первый взгляд так оно и кажется. Она разумны, обладают языком, помогают вам и могут с вами разговаривать. Вам показалось, что они вас легко понимают. Но вы забыли, что сознание является лишь небольшой частицей личности. Сознание помогает нам получать то, чего мы желаем. Но наши желания — это потребность в пище, убежище и сексе — идут из глубины. Нет никакой логической причины для того, чтобы стремиться выжить. Но инстинкт требует, чтобы мы продолжали жить, и мы живем. Инстинкты возникли в результате длительной эволюции живых существ. Мы когда-то были животными, и были очень долго, пока наконец не научились думать, — ван Рийн показал глазами вверх, — и не получили в подарок душу. Вы должны были сначала уяснить себе этапы эволюции, пройденные туземцами, чтобы понять... Люди, как говорили мне специалисты, начали эволюционировать, когда площади тропических лесов в Африке сократились настолько, что древние обезьяны — наши предки — стали хищниками. Они стали ходить прямо, на задних лапах, у них освободились передние — появились руки. Когтей и мощных зубов, например, как у львов, у них не было, и потому им пришлось изобретать оружие. Так возникли мы, новый вид — гомо сапиенс, сохранивший хищные

инстинкты. Но они у нас довольно поверхностны, мы по-прежнему всеядны и можем выжить, если понадобится, питаясь одной брюссельской капустой. Тьфу! Наши предки некогда были мирными поедателями орехов, задолго до того, как со временем стали охотниками. Это до сих пор оказывает воздействие на нашу психику. В отличие от людей, т'келанцы всегда были хищниками. Очевидно, не очень Сильными. У них нет мощных когтей и зубов. Поэтому в ходе эволюции у них тоже сформировались руки и выработалось умение изготовлять оружие, а это привело к возникновению разума. Однако у т'келанцев никогда не было вегетарианских предков, как у нас, и их инстинкт убийства гораздо сильнее, чем у нас. К тому же они, в сущности, не являются общественными животными. Хищники не могут ими стать. Если в какой-нибудь местности появляется слишком много охотников, дичь исчезает, черт возьми! Кофе готов?

— Наверное.

Джойс сходила за кофе. Ван Рийн выпил его, не обращая внимания на то, что кофе был очень горячим, горячим настолько, что любой другой человек обжег бы гортань.

— Я начинаю понимать, — сказала Джойс с растущим воодушевлением. — Поэтому у них и не сформировались нации и они не вели войн между собой. Крупные организации для них всегда противоестественны и необязательны. Бороться и умирать за орду для т'келанца все равно что человеку умереть... за карточный клуб.

— Гм-м, я не раз наблюдал убийства за карточным столом. Но вы уловили суть. Прайд совершенно естествен здесь, как для человека обычная семья. Клан с его кровными узами лишь на ступеньку выше по общественной иерархии. Он почитается т'келанцами, вероятно, в такой же степени, как человеком — его селение. Но орды? Нет, орды — это что-то слишком далекое и огромное. Конечно, клан или прайд — это еще не государство. Люди тоже устраивают между собой гражданские войны. У т'келанцев сильнее развиты инстинкты борьбы, чем у нас. Драчки хватает, но никто не

воспринимает ее слишком серьезно. Вы говорили мне, что здесь нет кровной мести. Это означает, что тот, кто убивает других, не совершает ничего дурного. В сущности тот, кто воин — настоящий мужчина, а тот, кто не убивает и не сражается, кажется им ненормальным.

— Именно поэтому... они не воодушевились нашими планами? Планами эсперанской миссии?

— Отчасти. Дело не в том, что от вас они ожидали опасности. Вы никого не обидели и были даже полезны, поэтому никого не беспокоили. Но они не в состоянии понять ваше поведение. Они считали, что в вас есть что-то ненормальное, и испытывали к вам легкое презрение. Я же доказал, что силен так же, как они, если не сильнее. Это импонирует их инстинктам. Тем самым я заставил их отнестись ко мне с уважением и выслушать меня. — Ван Рийн отставил пустую чашку и взял трубку. — Еще одно обстоятельство, которое вы упустили из виду. «Это территория», — сказал он. — Многие животные на Земле обладают инстинктом защищать занимаемый ими участок. И люди тоже. Но у Хищников этот инстинкт гораздо сильнее выражен, потому что они не могут прокормиться на ягодах и кореньях. Их жизнь зависит от добычи. Изгнанные со своей территории, они неминуемо погибнут. Вы же видели, что туземцы, которые не смогли удержать свою территорию, шли к вам, а не искали других земель. Затем вы заявили, что вам не нужна земля. Ха! Они восприняли это как ложь — может, именно в этом и была причина нападения шанга? — или как проявление ненормальной слабости.

— Но разве они не поняли, что мы, даже внешне отличающиеся от них, будем действовать иначе, чем принято на Т'Келе?

— Я думаю, что цивилизованные т'келанцы поняли бы это, — ответил ван Рийн. — Однако вы имели дело с наивными варварами.

— За исключением Старейшин. Я уверена, что они поняли...

— Может быть, это и так. Вполне возможно. Но вы же стали для них смертельной угрозой. Разве вы этого не видите? Они были летописцами, врачами, квалифицированными ремесленниками, специалистами по солнцу — в течение многих веков. Затем пришли вы и стали делать то же самое, только гораздо лучше. Чего же вы от них ожидали?! Что они станут целовать ваши ноги или другие части вашего тела? Вы забыли, что они — хищники. И они начали борьбу.

— Но мы не собирались подменять их!

— Вспомните, — сказал ван Рийн, тыча в нее трубкой, — разум — это всего лишь жалкий слуга инстинкта. Старейшины здесь слабее всех. Они могут выжить лишь в городах. Они не охотятся, поэтому не нуждаются в тысячах квадратных километров. Но это вовсе не значит, что у них отсутствует инстинкт территории. Ха! Они увидели только одно: Кузулонго — их территория и вы хотите выселить их с нее!

Джойс сидела, ошеломленно глядя в ночное небо. Прошло немало времени, прежде чем она смогла возразить.

— Но мы же все объяснили Старейшинам, и я уверена, что они поняли. Мы растолковали, что планета без нашей помощи погибнет!

— Да, да. Но прирожденный боец боится смерти меньше, чем другие существа. К тому же смерть ожидает планету через много тысячелетий. Это для них слишком долгий срок, чтобы пробудить какие-то эмоции. Зато угроза, которую представляли для них вы, оказалась вполне реальной. И вся ваша болтовня о взаимопомощи планет для них ничего не значит. Думаю даже, что они вас просто не поняли. Хищники практически не объединяются, разве что в самом юном возрасте. Для них взаимопомощь не имеет реального смысла, так как у них нет соответствующего инстинкта. Орды ни в коем случае не являются нациями. Альтруизм остается за пределами их умственного горизонта. Ваше милосердие только заставило их относиться к вам с презрением. Старейшины в какой-то степени, возможно, поняли ваши мотивы, но ни в коей мере не разделили их. Вы

никогда не сможете организовать этих туземцев, уж скорее вы построите карусель на кольцах Сатурна!

— А вы организовали для них войну! — гневно воскликнула Джойс.

— Нет. Я только дал им общую цель. Они поверили в то, что я им сказал об оружии в куполе. При их образе мыслей это оказалось самым естественным, самым правдоподобным. Конечно, вы использовали бы его при необходимости — все бы так поступили. Но шанга захватили купол слишком быстро, и вы просто не успели пустить его в ход. В результате этого Ягола организовали заговор против Рокулэло, и это тоже вполне соответствует их образу мыслей.

— Но к чему вы их сейчас принуждаете? — Она больше не могла сдерживать слез. — Штурмовать горы? Они ничего не смогут сделать без Старейшин!

— Смогут, если Старейшин заменят люди.

— Но... но... нет, мы не можем... мы не должны.

— Может, и не придется, — сказал торговец. — Посмотрим. Ну, ну, не расстраивайтесь. Сейчас Ники вытрет вам слезы и высморкает ваш прелестный носик.

Она положила голову ему на руку и разрыдалась.

6

Гора Кузулонго как сказочное чудовище постепенно вырастала над равниной. Утес громоздился на утес, между ними были видны осыпи, покрытые ледниками, которые тянулись вплоть до пиков, вырисовывающихся на фоне солнечного диска. Джойс никогда раньше не ощущала так сильно холод и мрак этого мира. Она ехала по тропе, ведущей в город, на однорогом животном, укутанном одеялами, чтобы предохранить его от тепла человеческого тела. Порывы ветра, свистевшего между скал, били словно кулаком и развевали знамя, которое вез на конце копья ехавший впереди Уулобу. Оглядываясь назад, она видела уходящую вниз тропу, а на ней — Ньяронгу и с полдюжины других вождей.

Их плащи развевались по ветру, копья подымались и опускались в такт прыжкам животных, цвет их шерсти был неразличим в сумерках, но ей казалось, что она видит жесткое выражение их лиц. Далеко внизу, у подножия горы, осталось их войско — пятьсот вооруженных и разгневанных воинов Рокулэло. Но сейчас они были покрыты пылью. И если она погибнет наверху, они смогут отомстить за нее, а этого она не хотела.

Джойс вздрогнула и направила своего бесаи к соседнему животному, которое пыхтело под тяжестью ван Рийна.

— Наконец-то туземцы следуют за мной, — сказала она, понимая всю нелепость своего замечания. Но ей хотелось что-нибудь сказать, чтобы перекричать ветер. — Слава Богу, вспышка кончилась быстро.

— Да, мы успели вовремя, — ответил торговец. — Всего лишь три дня потребовалось на дорогу от Лубамбару до Кузулонго. Мы движемся гораздо быстрее, чем я ожидал, и к тому же мы собрали немало союзников.

Действительно, события развивались стремительно. После первой же схватки шанга отступили в горы, преследуемые Рокулэло. Атакующие остановились, не желая встречаться с артиллерией Старейшин. Решили провести переговоры, но Джойс не представляла себе другого исхода, кроме кровопролития. Старейшины могут отпустить их группу назад, как и обещали, могут и не отпустить, но в любом случае ей казалось, что до рассвета множество воинов найдут свою смерть здесь, в горах.

«Увы, — вынуждена была признаться себе Джойс, — теперь я боюсь возвращения на Эсперансу. Что ждет меня там, если я вернусь живой? Десять лет исправительного заключения за развязывание войны!.. Или я убегу с Ники и больше никогда не увижу дома, никогда... никогда...»

Она натянула стремена, полубессознательно желая сорваться с тропы в пропасть. Ван Рийн поймал ее за плечо.

— Спокойно, — проворчал он. — Нам нужно перехитрить тех, кто наверху. Это будет гораздо труднее и сложнее, чем справиться с варварами.

— А мы сумеем? — спросила она. — Старейшины в силах отразить любое нападение. У них имеются большие запасы. Я уверена, что они могут выдержать дольше, чем мы...

— Если мы заблокируем их на месяц, этого будет вполне достаточно. За это время прилетит корабль Лиги.

— Но они тоже могут послать за помощью. Например, использовав для этого гелиографы.

И она указала на одну из решетчатых башен наверху. Ее зеркала тускло сверкали в красном свете солнца. Только т'келанец мог различить другие зеркала, разбросанные по равнинам и холмам в разных направлениях.

— Старейшины также могут послать гонца. Наши линии обороны настолько слабы, что сквозь них способна пройти вся орда Ягола и никто ее не заметит.

— Может, да, а может, и нет. Посмотрим. А теперь не мешайте и дайте мне подумать.

Они ехали дальше в молчании, нарушаемом только свистом ветра. Через час они подъехали к стене, сооруженной поперек тропы. Непроходимые скалы возвышались с обеих сторон. Вход охраняли два примитивных орудия. А возле них стояли с зажженными фитилями четыре солдата из гарнизона. Стражники в кожаных шлемах и нагрудниках, вооруженные пиками и луками, патрулировали стены. В сумерках поблескивало оружие.

Уулобу выехал вперед.

— Дайте дорогу могущественному небесному народу, который снизошел до беседы с вашими патриархами! — потребовал он.

— Хампф! — фыркнул командир отряда. — Известно, что небесные люди храбростью напоминают выпотрошенных янгулу!

— Нет, они обладают мужеством разгневанного маковоло, — сказал Уулобу. Он провел пальцем по лезвию своего кинжала. — Если тебе нужны доказательства, вспомни, кто пленил Старейшин в их собственных горах?

Воин издал гневный возглас, но потом, овладев собой, сказал:

— Вы можете пройти и будете в безопасности, пока мир, между нами, не нарушится.

— Не вздумайте тут трепаться, — резко сказал девушке ван Рийн. — Мы проедем, возьмем в оборот этих пугал и пошлем их туда, куда они заслужили.

Джойс не решилась прервать его. У Ники много хороших качеств, если бы он еще избавился от своей вульгарности! Но у него, бедняги, была нелегкая жизнь. Никто не протянул ему руку дружбы...

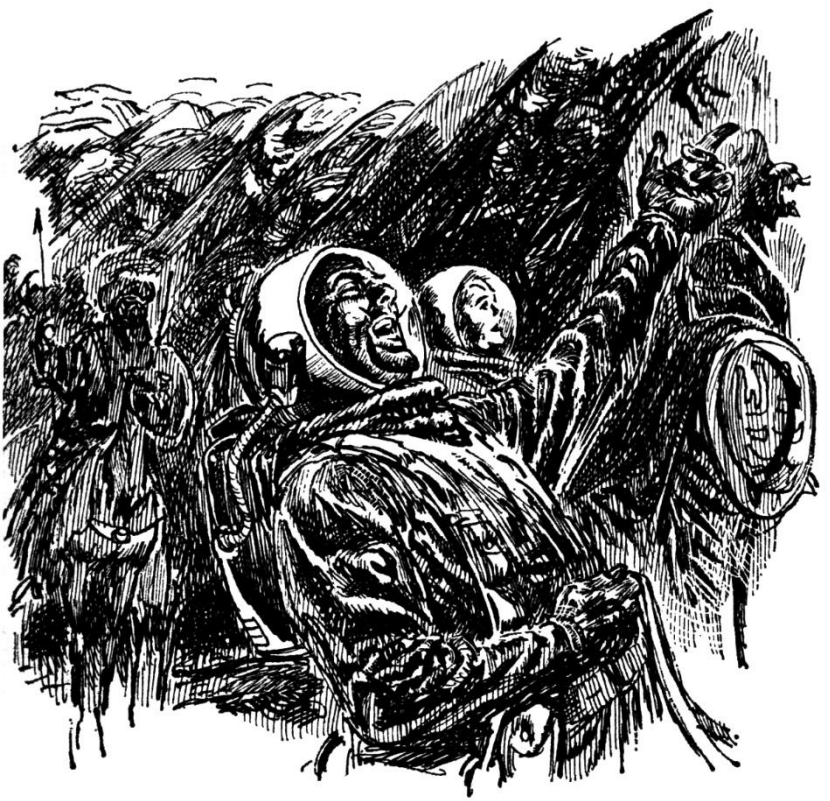
Ван Рийн проехал между пушками и стал подниматься дальше вверх.

Тропа вышла на широкую террасу перед городской стеной. Из бойниц выглядывали дула пушек. Два взвода солдат демонстрировали дисциплину и выдержку, ранее не встречавшиеся им в ордах. Глаза Джойс заметили три фигуры у входа. Старейшины были одеты в просторные белые балахоны, а шерсть их поседела от возраста. Они высокомерно смотрели на прибывших.

— Это главные писцы, — сказала Джойс.

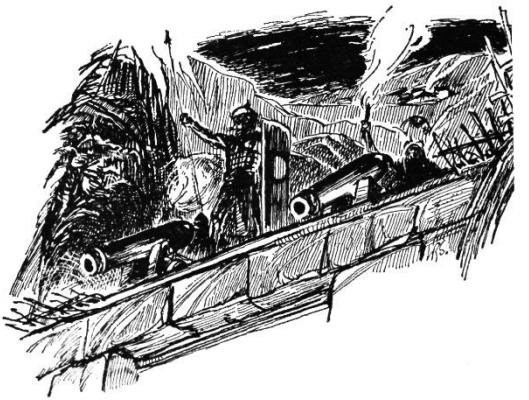
— Никаких разговоров с секретарями и служащими, — сказал ван Рийн. — Будем говорить только с боссами.

Джойс облизала губы и сказала:

— Глава небесного народа требует немедленных переговоров.

— Так и будет, — сказал один из Старейшин без выражения, — но вы должны оставить здесь свое оружие.

Ньяронга оскалил зубы.

— Ничего не поделаешь, — напомнила ему Джойс. — Ты же знаешь так же хорошо, как и я, что по закону отцов никто, кроме Старейшин и воинов, рожденных в городе, не может пройти через эти ворота с оружием.

Она отстегнула кобуру, то же самое сделал и ван Рийн.

Она видела, насколько тяжело дается разоружение туземцам Рокулэло, и вспомнила, что ей говорил ван Рийн об инстинкте. Разоружение для т'келанцев — это символическая кастрация. Они побросали оружие, спешились и с напряженными лицами прошли в ворота вслед за ван Рийном. Джойс заметила, как у них сверкали глаза, словно у пойманных зверей.

Город Кузулонго поднимался каменными прямоугольными террасами, черными и громоздкими, над сторожевыми башнями. Улицы были узки и запутанны, полны звона кузнечных молотов и ветра. Обыватели города сторонились варваров и подбирали свои одежды, как бы опасаясь к ним прикоснуться. Трое сопровождавших их членов Совета не проронили ни слова; молчание становилось все напряженнее, по мере того как они углублялись в город. Джойс с трудом сдерживалась, чтобы не закричать.

В центре города возвышалось прямоугольное здание высотой метров в двадцать: без окон, с вентиляционными отверстиями и единственной дверью. Стражники у входа

обнажили свои мечи и взмахнули ими в знак приветствия, когда члены Совета входили в здание. Джойс услышала позади себя приглушенные возгласы. Рокулэло следовали за людьми, и она подумала, что от них будет мало проку. Освещенная факелами пещера в конце коридора была специально предназначена для того, чтобы поражать воображение охотников с равнины.

На семиугольном помосте сидело шестеро одетых в белое стариков. Стена за ними была покрыта мозаикой, яркой даже в полутьме, с изображением вспыхнувшего солнца. Дыхание Ньяронги тяжело вырывалось сквозь стиснутые зубы. Он вспомнил о могущественной власти Старейшин.

«Правда, — подумала Джойс, — он должен вспомнить, что люди совершают чудеса не хуже, но представления, сформировавшиеся в течение многих поколений, не так-то легко поколебать».

Их проводники сели. Вновь прибывшие остались стоять. Молчание становилось все напряженнее. Джойс несколько раз сглотнула и произнесла:

— Я говорю от имени Николаса ван Рийна, патриарха небесного народа, который объединился с кланом Рокулэло. Мы пришли требовать правосудия.

— Правосудие здесь, — ответил высокий худой туземец в центре помоста. — Я Акуло, сын Олуба древнерожденного, глава Совета, говорю от имени города Кузулонго. Почему вы подняли против нас копье?

— Ха! — хмыкнул ван Рийн, когда ему перевели вопрос. — Спросите этого старого гиппопотама, почему они первыми затеяли эту заваруху?

— Вы лицемерите, — сказала Джойс.

— Я говорю то, что думаю. Переводите. Я очень хорошо знаю, почему они так сделали, но послушаем, как они будут выкручиваться.

Джойс перевела вопрос. Ноздри Акуло раздулись, он пробормотал:

— Странно. Старейшины никогда не ввязывались в ссоры на равнине. Когда вы напали на шанга, мы дали им убежище, но таков старый обычай. Мы с радостью выслушаем ваш спор и вынесем решение, но в борьбе участвовать не будем.

Джойс опередила ван Рийна, с возмущением выпалив:

— Они взорвали наши стены! Кто, кроме вас, мог снабдить их порохом?

— Ах да... — Акуло дернул себя за усы. — Я понял тебя, небесная женщина. Все произошло совершенно естественно. С разрешения Совета мы задолго до вашего прибытия сюда продавали порох для волшебства и праздников. Шанга купили у нас много пороха. Мы не спрашивали, зачем он им. Он-то и мог быть использован против вас.

— Что он говорит? — нетерпеливо спросил ван Рийн.

Джойс объяснила.

Тут выступил Ньяронга — требовалась известная смелость, чтобы возразить Старейшинам.

— Несомненно, отцы клана Шанга поддержат вашу сказку. Ложь — скромная плата за оружие, подобное вашему!

— О каком оружии ты говоришь? — прервал его советник.

— Арсенал небесного народа, который шанга захватили, чтобы обратить его против моей орды! — выкрикнул Ньяронга. Его рот скривился. — Это тоже не касается бескорыстных Старейшин?!

— Но... Нет! — Акуло наклонился вперед, и голос его уже не был таким ровным, как раньше. — Правда в том, что город Кузулонго не делал ничего для организованного нападения на лагерь небесного народа. Небесный народ слаб и беспомощен — это законная добыча. К тому же они явились причиной смуты между кланами, нарушив законы отцов...

— Законы, благодаря которым разжирел город Кузулонго? — прервала его Джойс.

Акуло хмуро глянул на нее, но продолжал, обращаясь к Ньяронге:

— Благодаря совершенному нападению шанга получили большой запас металла. У них будет много хороших ножей. Но это не настолько увеличило их силы, чтобы они могли вторгнуться в чужие земли, если их не будет подгонять отчаяние, страх и голод. Мы здесь, в горах, думали об этом и не хотим, чтобы это случилось. Забота Старейшин заключается в том, чтобы сохранить существующее равновесие. Небольшое количество металла, попавшее в руки шанга, не нарушило его. У небесного народа никто не видел оружия, кроме того, что они носили с собой. Она забрали его, когда убежали. У них в куполе не было никакого арсенала. Ваш страх ни на чем не основан, Рокулэло.

Джойс перевела его речь ван Рийну почти дословно. Он кивнул:

— Отлично. А теперь скажите им то, что я велел.

«Я зашла слишком далеко, чтобы отступать!» — с отчаянием подумала она.

— Но у нас было резервное оружие, — дрожащим голосом сказала она. — Много оружия, сотни штук. Только мы не успели им воспользоваться, так как нападение было слишком внезапным.

Воцарилась тишина. Члены Совета с ужасом уставились на нее. Пламя факелов дрогнуло, и тени забегали по стенам. Вожди Рокулэло следили за происходящим с огромным удовольствием, самоуверенность отчасти вернулась к нам.

Наконец Акуло, заикаясь, проговорил:

— Но вы говорили... я однажды сам спрашивал, но вы сказали, что у вас лишь несколько...

— Естественно, — ответила Джойс. — Мы хотели сохранить наше оружие в тайне.

— Шанга никому не говорили об этом.

— А чего вы от них ожидали? — Джойс немного подождала, чтобы до всех дошло, и продолжала: — Вы не найдете тайник, даже если обшарите весь оазис. Они сейчас не встретили наше нападение огнем, значит, оружие находится

далеко отсюда. Вероятно, они спрятали его в земле Ягола, чтобы использовать позже.

— Мы проверим это, — сказал другой Старейшина. — Стража!

Появился часовой.

— Приведи представителя наших гостей.

Джойс передала ван Рийну смысл происходящего, пока они ждали.

— Пока все идет хорошо, — сказал он. — Но сейчас начнется самое щекотливое дело, а это будет гораздо менее приятно, чем щекотать вас.

— Вы невозможны! — ответил она покраснев.

— Нет, всего лишь невероятен... А вот и они.

Высокий т'келанец в одежде шанга вошел в комнату. Он скрестил руки и взглянул на Рокулэло.

— Это Масоту, сын Бтузи, — представил его Акуло, наклонившись вперед. Он был напряжен, как и остальные его коллеги. — Небесный народ сообщил нам, что вы захватили в их лагере много ужасного оружия. Это правда?

Масоту вытаращил глаза:

— Конечно же, нет! Там не было ничего, кроме пустого пистолета, который я показал тебе, когда ты спустился к нам на рассвете.

— Значит, Старейшины на самом деле заключили союз с шанга! — выкрикнул т'келанец из отряда ван Рийна.

Немного сбитый с толку, Акуло собрался с мыслями и сказал резко:

— Ладно. В конце концов, зачем отрицать очевидное?! Город Кузулонго заботится о счастье всего мира, в том числе и о вашем. Но эти лукавые чужеземцы стали разрушать наши старые обычаи. Разве они не склонили вас напасть на другую орду? Какая же у них была причина путешествовать в ваших землях? Чего они хотели? Да, Совет предложил шанга уничтожить их лагерь и изгнать их с нашей земли.

Хотя биение сердца, казалось, заглушало ее слова, Джойс передала все ван Рийну, и тот сурово сказал:

— Итак, они признали это перед вами! У них наготове история, способная обмануть землян, чтобы они никогда не возвращались на эту планету.

«Они не собираются отпускать нас живыми, иначе никто не поверит их сказке», — подумал ван Рийн про себя.

Акуло обратился к Масоту:

— Итак, вы утверждаете, что небесный народ лжет и вы не нашли никакого арсенала?

— Да. — Шанга обменялся взглядом с Ньяронгой. — Ваш народ беспокоится, чтобы мы не направили это оружие для захвата ваших пастбищ? Вам нечего бояться. Идите с миром и дайте нам покончить с чужеземцами.

— Мы ничего не боимся, — ответил Ньяронга. Тем не менее в его взгляде появилось сомнение.

Старейшины нетерпеливо зашевелились на помосте.

— Достаточно, — сказал Акуло. — Мы видим, какое смятение приносит в наш мир небесный народ. Вызвать стражу! Пусть их убьют. Да будет мир между Шанга и Рокулэло. Все разойдутся по домам, и на этом дело завершится.

Джойс закончила перевод одновременно с окончанием речи Акуло.

— Ботулизм и бюрократы! — взорвался ван Рийн. — Не так просто, приятель! — Он засунул руку в резервуар на спине и извлек оттуда бластер. — Всем оставаться на своих местах!

Ни один т'келанец не шевельнулся, хотя между ними пробежал ропот. Ван Рийн прислонился спиной к стене и взял под наблюдение дверь.

— Теперь мы поговорим по-дружески.

— Закон нарушен! — выкрикнул Акуло.

— Но и вы нарушили закон, подготавливая нападение шанга на нас, — ответила Джойс.

Она почувствовала облегчение. «Не то, чтобы бластер решил все проблемы. Но теперь они не убьют нас так просто».

— Спокойнее! — пробасил ван Рийн.

Эхо отразилось от каменных стен. В помещение вбежало несколько человек. Увидев в руке ван Рийна бластер, они застыли на месте.

— Входите, присоединяйтесь к остальным, — пригласил их ван Рийн. — У меня хватит зарядов на всех. Ну вот, сейчас как раз настало время поговорить, — сказал он Джойс. — Скажите им, что Николас ван Рийн произнесет речь. Потом дайте мне знак, чтобы я начал.

Она передала сказанное им. Толпа воинов слегка расслабилась. Акуло, Ньяронга и Масоту кивнули одновременно.

— Послушаем, — сказал Старейшина. — Сразиться мы всегда успеем.

— Хорошо. — Громоздкий ван Рийн шагнул вперед. Он ораторским жестом обвел вокруг стволом бластера. — Во-первых, вы должны узнать, что я организовал весь этот шум для того, чтобы можно было с вами поговорить. Если бы я пришел сюда один, вы бы забросали меня камнями и никому из вас это не принесло бы пользы. Следовательно, я должен был прийти сюда в сопровождении воинов. Пусть Ньяронга подтвердит, что, если понадобится, я могу сражаться, как разгневанный кредитор. Но, может быть, в этом и нет нужды?

Предложение за предложением Джойс переводила его речь, затем подождала, пока глава клана Гангу подтвердит, что люди — сильные бойцы. Ван Рийн воспользовался общим изумлением, чтобы начать словесное наступление на аборигенов.

— Теперь обдумайте сложившееся положение. Допустим, шанга лгут, а на самом деле они овладели арсеналом оружия. Тогда они приобретут такую силу, что даже город будет зависеть от них, вместо того чтобы быть первым среди равных, как было раньше. Нет? Чтобы предотвратить это, необходимо соглашение между Старейшинами, Рокулэло и нами, людьми, которые смогут использовать и еще более мощное оружие и остановить орду Ягола, когда прибудет наш спасательный корабль.

— Но у нас же нет вашего оружия, — настаивал Масоту.

— Так ты говоришь, что такой добычи у вас нет? — сказала Джойс, которая начала понимать замысел ван Рийна. — Ну, Старейшины и Рокулэло, рискнете ли вы поверить ему на слово?

На помосте воцарилось нерешительное молчание.

Ван Рийн продолжал:

— Теперь предположим, что лгу я и никакого оружия в куполе не было. Тогда Старейшины и Шанга должны будут действовать совместно. Люди с корабля, который прилетит с моей территории, а моя территория — все небо, полное звезд, этим людям они должны будут рассказать какую-нибудь выдумку о том, почему разрушен купол. Все, кроме меня и этой хорошенькой куколки, благополучно спаслись, поэтому все равно станет известно, что напали шанга. Мой народ разгневается, что упущена прибыль, ради которой мы много лет трудились. Они обвинят Старейшин в том, что те использовали шанга для нападения, и, может быть, разнесут на кусочки всю эту гору. Но, может быть, шанга поклянутся, что Старейшины здесь ни при чем, и оправдают их. Верно? Тогда на протяжении многих лет шанга, а благодаря им и ягола будут связаны с городом Кузулонго. И они, конечно, станут шантажировать их. Вам необходимы люди, чтобы поддерживать равновесие!

Уулобу щелкнул зубами и крикнул:

— Это правда!

Но Джойс следила за Ньяронгой. Вождь медлил, обмениваясь взглядами с вождями остальных прайдов. А потом сказал:

— Да, так может случиться. Никто не хочет оказаться обманутым. И надо смотреть в будущее. Могут наступить плохие времена для Ягола. Тогда они двинутся в другие земли... и единственной ошибки в предсказании вспышки солнца будет достаточно, чтобы ослабить нас и подготовить Ягола к вторжению.

Вновь наступило молчание. Джойс слышала треск факелов и гул ветра за дверью. Акуло не двигаясь смотрел на ствол бластера ван Рийна. Наконец он произнес:

— Ты сеешь раздоры с великим искусством, чужеземец. Ты надеешься, что мы отпустим такого опасного человека, как ты, а также отцов прайдов, ставших твоими союзниками, живыми?

— Да, — с помощью Джойс ответил ван Рийн убежденно, — потому что я не сею раздоров, а лишь доказываю, чтовы не можете верить друг другу и нуждаетесь в людях, чтобы поддерживать порядок. Когда люди со своим мощным оружием окажутся здесь, ягола не смогут им противостоять, даже имея несколько украденных пистолетов. Возможен и другой вариант: шанга говорят правду и на самом деле не имеют оружия. Представьте себе, что люди вернутся с миром и не будут требовать мести за разрушенный купол. Какой тогда смысл для ягола объединяться с шанга? В любом случае с приходом людей восстановится равновесие между городом и ордами, что и требовалось доказать.

— Но почему небесный народ так стремится закрепиться здесь? — с подозрением спросил Акуло. — Вы хотите сами выполнять работу, которую ныне делает Кузулонго? Но тогда вначале вам придется истребить нас всех до единого!

— В этом нет необходимости, — усмехнулся ван Рийн. — Мы будем получать прибыль другим путем. Я расспрашивал эту леди по дороге в город, и она многое мне объяснила. Теперь я готов рассказать об этом вам... Гм-м... Джойс, я озадачен. Как объяснить мой план — ведь туземцы понятия не имеют о биохимии!

— Вы хотите сказать... Ник, неужели вы нашли выход?

— Да, черт побери! — Торговец потер руки с довольным видом. — Мне пришлось для этого порядком поломать голову. Итак, моя компания берет на себя проведение дальнейшей операции на Т'Келе. Вы, эсперансиане, поможете нам на первом этапе, а затем можете заняться альтруизмом

на какой-нибудь другой планете. Что касается меня, то я буду качать деньги из Т'Келы, да еще как!

— Но... но как же?

— Я уже вам говорил, девочка, что мне нужно вино кунгу. К тому же здесь можно организовать неплохую торговлю шерстью. Не сомневаюсь, что все кланы будут толпиться с огромными тюками вокруг моих факторий. Я, в свою очередь, буду продавать этим бедолагам аммиак и нитраты с тех планет, где имеется азот, в обмен на местные товары. Они будут нуждаться в нашей помощи для улучшения своей почвы. Им потребуются бактерии, чтобы получать связанный азот. Вы покажете им, как это делается. А затем им понадобится много аммиака и нитратов. Конечно, у них будут образовываться излишки товаров, на которые они смогут покупать различные приспособления, особенно оружие. Ни одно существо с охотничьим инстинктом не устоит перед возможностью купить оружие, для этого они согласятся на то, чтобы временно стать фермерами и... И по мере того как моя фактория будет продавать им инструменты, машины, вещества, они станут все более и более цивилизованными, как вы этого хотели. И вот на всем этом «Солнечная компания пряностей и напитков» здорово нагреет руки!

— Но мы пришли сюда не для того, чтобы эксплуатировать их!

Ван Рийн хохотнул, покрутил усы и сказал:

— Может, вы, эсперансиане, и не захотите, зато я собираюсь их эксплуатировать. И они поймут меня, эти кланы, разве вы не видите? Благотворительность, находится вне их понимания, зато выгоду они понимают очень хорошо, и они еще будут радоваться, что надули нас на ценах на вино. Не будет больше ни неприязни, ни подозрительности к людям, поскольку люди придут сюда зарабатывать деньги. Понятно?

Она ошеломленно кивнула. На Эсперансе они никогда не рассуждали подобным образом. Община всегда смотрела на Торгово-техническую Лигу с высокомерием — сверху вниз.

Но люди в ней вовсе не были фанатиками, и если это единственная возможность реализовать замысел, то тогда...

— А Старейшины, — заметила она, — как вы расположите их к себе? Найдут ли они свое место в этом новом, изменившемся мире?

— О, я подумал и над этим. Нам понадобится множество туземных агентов и чиновников, проверенных парней, которые будут вести записи, расширять нашу торговлю, распространяя ее на новые территории. Для этого потребуется много молодых... э-э... Старейшин. Ох и глупое название! Что касается остальных Старейшин, то мы можем повысить престиж города. Вспомните, что здесь потребуется разрабатывать нефтяные залежи, строить электролизные фабрики. Фабрики будут производить водород, а сжигание нефти даст электричество. Я построю здесь заводы, научу Старейшин управлять ими, затем продам им на условиях долговременной выплаты. Эта перспектива должна вполне их удовлетворить... — Он задумчиво уставился в темный угол. — Гм-м... как вы думаете, стоит ли брать с них двенадцать процентов или остановиться на пятнадцати?

Джойс вздохнула и начала подыскивать слова на языке города Кузулонго.

7

Перед заходом солнца они спустились с горы. Впереди мерцали костры лагеря. Местность казалась немного приветливее, чем утром. Была какая-то особенная прелесть в этих ночных равнинах, по которым бродят свободные кочевники. Те несколько недель, которые им придется ждать прибытия корабля, похоже, будут не так уж неприятны, скорее наоборот, они могут оказаться чересчур веселыми.

— Другое преимущество моего плана, — сказал ван Рийн, — это то, что работа, приносящая прибыль, наверняка будет длиться долго. Очень долго. Вы считаете, что ваше правительство осуществит свой замысел? Ба! Правительство — это

подонки. Любое изменение настроения, идеологии — и... пуф! Кончится ваш проект. Но когда в дело замешана прибыль, положение стабилизируется. Политики приходят и уходят, алчность остается.

— О нет! Этого не может быть, — возразила она.

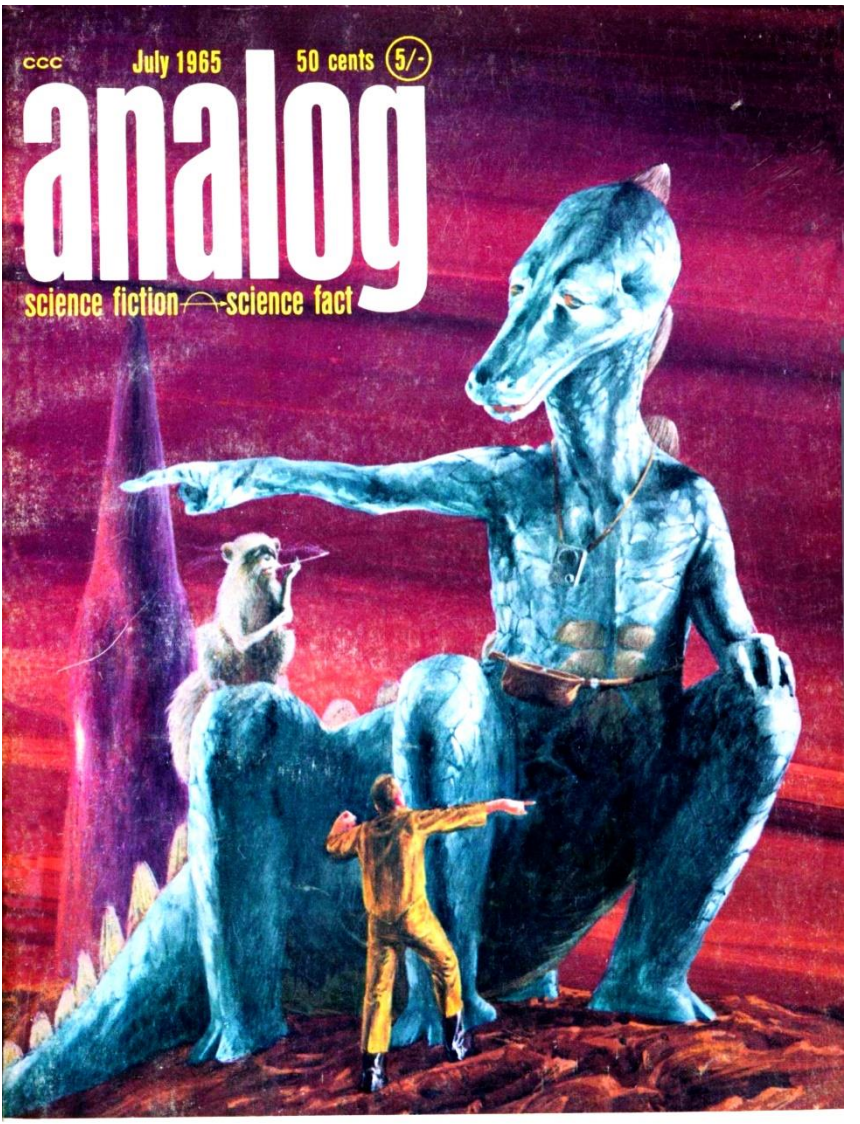
— Что ж, в машине у нас будет достаточно времени, чтобы обсудить это и многое другое, — сказал ван Рийн. — Я думаю, что можно будет попробовать получить алкоголь из кунгу. Мы подмешаем его к фруктовым сокам и будем пить вино, достойное человека, черт возьми!

— Я... не могу... Ники, ведь мы остаемся вдвоем...

— Вы еще слишком юны. Вы хотите сказать, что бедный старик может показать вам, что такое молодость? — Ван Рийн бросил на нее хитрый взгляд. — О'кей, попробую.

Джойс, вспыхнув, отвернулась. «Придется быть начеку до прибытия корабля», — подумала она.

Конечно, если она хоть на минуту расслабится, то... то ничего страшного не произойдет. В конце концов, этот толстяк — очень интересный тип.

TRADER TEAM BY POUL ANDERSON

Plus qa change, plus c'est la meme chose[82]

Приходилось ли мне встречать Ноя Аркрайта? Это мне-то? Ноя Аркрайта? Подтаскивай сюда стул и прочисти уши. Нет, только не тот стул. Мы держим его на случай, если заглянет Гратч. Дерево из Глоберри, оно концентрирует соли урана, так что если ты не носишь свинцовые трусики...

Ясное дело, мы слышали, что за чудеса небесные затеял Ной Аркрайт. У бывалых космических пилотов и то челюсть отвисла, даже здесь, в наших краях. Мы так же хотели в этом участвовать, как и любой, у кого мозги не с прецессией[83]. По-нашему, те планеты прекрасно могут подождать еще парочку столетий, мы и так откусили больше, чем можем проглотить, э? Но только когда он посадил здесь свою жестянку, он и словечка не проронил о своей задумке. У него деловое предложение, сказал он, и не захотят ли те из нас, у кого завалялся динар-другой, запустить денежки на орбиту?

Послушаешь его, так вроде он дело говорит, хоть компьютер у меня в мозгах давно вычислил, что со своим сладкоречивым языком он может продать двуокись углерода по цене чистого углерода в кристаллической форме. Понимаешь, какую планету ни возьми, на всякой можно найти хорошие местечки — Голконда, Клондайк, Ранд[84], если вспомнить старушку Землю, — с богатыми залежами чего-нибудь. Только дело в том, что планета большая штука. Даже с ультразвуковыми и спектроскопическими причиндалами, пока

[82] Чем больше я меняюсь, тем больше остаюсь самим собой (фр.)
[83] Прецессия — перемещение оси вращения твердого тела
[84] Голконда — княжество В Индии, славившееся добычей алмазов; Клондайк — золотоносный район на северо-западе Канады; Ранд — золотопромышленный район в Южной Африке.

все обнюхаешь, энтропия сожрет твой шанс найти что-то действительно стоящее. Тут-то он и начал распространяться о том, какую он придумал суперхитрость, чтобы находить что нужно с орбиты спутника, дело только за капиталом, чтобы раскрутить дело, а эти жмоты на Земле отказали ему в кредите, так не хотим ли мы войти в долю?

Ну, сразу-то мы не проглотили наживку; не то, чтобы нас насторожило, что он не сказал нам, как эта жужжалка работает: тут у нас секрет — те же деньги. Но мы заставили его показать ее в действии — обследовать Безнадежную. Это следующая отсюда планета, совсем никчемная пустышка, куда обычно и не залетает-то никто. И чтоб мне лопнуть, если его прибор не завопил как сумасшедший — там, где, как оказалось, самые большие залежи рения после месторождения на Игнаце.

Ну, ты же знаешь, как это бывает с минералами. Их цена выше стоимости разработки, как, например, при извлечении соли из морской воды, но не настолько выше, чтобы доходы росли по экспоненте. Но все-таки, если у тебя есть способ найти залежи, быстро и по дешевке, в окрестных планетных системах... В общем, мы чуть в очередь не выстроились, чтобы отдать ему наши денежки. А уж я-то — я же такой крутой парень и сообразительный тоже, я пробился в самое начало очереди.

Думаю, правда, тут его разговоры тоже сыграли роль. Он мог уговорить Юпитер улететь от Солнца, просто рассуждая о ксенологии, или аналитике, или Шекспире, или истории — да о чем угодно. Так получилось, что у меня сохранилась пленка — вроде той записи, что, я вижу, ты делаешь сейчас. Только, чур, пусть все останется, между нами, — для твоего личного журнала, ладно? Я не рассказывал об этой истории ни единому человеку. Да и никому из инопланетян тоже — разве что был пьян до полного ангстрема. Ну вот, слушай Ноя Аркрайта.

«...дело не только в том, что общество в целом проходит через повторение своей истории. На самом деле я

сомневаюсь, что справедливо общепринятое мнение, будто сейчас мы живем в век, который может быть назван неоелизаветинским. Существуют определенные аналогии, не более того. Но жизнь действительно имеет повторяющиеся циклы. В пределах заданного контекста число разновидностей событий, могущих произойти с индивидом, ограничено. Меняются только сочетания, базовые элементы остаются неизменными.

Для примера рассмотрим самую романтическую фигуру современности, торговца-разведчика. Все, и особенно он сам, думают, будто он ведет невероятно разнообразное существование. И все же насколько один эпизод в его приключениях отличается от другого? Да, конечно, он имеет дело со странной окружающей средой, с туземцами, чью психологию он должен понять, изворотливыми конкурентами, женщинами то соблазнительными, то коварными, — несколькими видами опасностей и вечной проблемой получения дохода от своего предприятия, — но ведь и только. То, что собираюсь сделать я, не столь броско на первый взгляд. Но моя идея означает возможность вырваться из замкнутого круга, начать совершенно новое существование. Не будь ты так одержим представлением о себе как о смелом первопроходце, ты бы понял, что я имею в виду».

Угу, теперь-то я понимаю.

Мы и не подозревали, как нас облапошили, пока не догадались пропустить соглашение о партнерстве через семантический компьютер. Должно быть, Аркрайт воспользовался символической логикой, когда составлял договор, только замаскировал ее всеми этими разноцветными словечками. Единственная распроклятая вещь, которую он юридически был обязан выполнить, — это произвести для нас разведку полезных ископаемых. Он мог отправиться куда угодно, делать все, что ему вздумается, ради Бог знает каких целей. Так что, конечно, он за наш счет оснастил эту чертову экспедицию! Он ведь заранее нашел те залежи рения. Ему просто не хотелось ждать пять лет, пока доходов от

его доли в разработках хватит на это дело; да их могло и не хватить. Вот он и сварганил ту свою дерьмовую машинку — на Земле такие мошенничества зовут «благословение цыгана».

Ну, понятно, со временем мы получили, конечно, кое-какие доходы с Безнадежной, хотя и вполовину не так много, как могли бы, учитывая внесенную нами сумму. Да и он попытался расплатиться с нами — почетом, если уж не наличными. Только что из этого всего вышло — вот ведь целое звездное скопление названо моим именем, а разве хоть одной живой душе могу я признаться, за что мне такая честь?

Дневниковая запись Урвейна Путешественника

1

В покер играть втроем плохо, поэтому команда разведывательного торгового корабля «Через пень-колоду» приспособила корабельный компьютер в качестве четвертого партнера. Он расплачивался долговыми расписками и был запрограммирован на средний уровень картежной искушенности: в результате к концу путешествия его проигрыши и выигрыши примерно уравновесили друг друга, и игроки-люди получили полную свободу выяснять отношения между собой.

— Еще две карты, — произнес механический голос. Дэвид Фолкейн сдал их и положил перед сканером, который он установил на конце стола в салоне. В глубинах корабля, в своем бронированном контейнере, процессоры компьютера принялись оценивай карты, оказавшиеся у него на руках.

— Одну, — сказала Чи Лан.

— Мне не нужно, спасибо, — пророкотал Адзель.

Фолкейн сдал себе три карты и углубился в размышления о том, что получилось. Его положение улучшилось: пара троек в масть к имевшимся королям. Адзель вполне может не менять карт, имея ничуть не лучший шанс, Чи, похоже,

пытается добрать до флеша[85], а машина торговалась без особого энтузиазма. Ну да ведь у Пня ржавые мозги...

Стальная рука уронила в миску, служившую банком, голубую фишку.

— Проклятье! — завопила Чи. Ее хвост распушился, шелковистый белый мех на всем маленьком тельце встал дыбом, и она с силой швырнула карты на стол. — Чума на тебя! Чтоб лопнуло твое криогенное брюхо!

Адзель невозмутимо удвоил ставку. Фолкейн вздохнул и запасовал. Гнев Чи угас так же быстро, как и разгорелся, она спокойно уселась на своем высоком стуле и принялась покошачьи умываться. Фолкейн потянулся за сигаретой.

Пень снова увеличил ставку. Драконье лицо Адзеля, если не считать подвижных резиновых губ, не было способно менять выражение, но его огромное, покрытое чешуей тело, занимавшее большую часть салона, напряглось. Он сосредоточенно принялся изучать свои карты.

Игру прервал звонок. Та часть компьютера, которая постоянно оставалась на вахте, обнаружила что-то необычное.

— Я посмотрю, — сказал Фолкейн. Он поднялся и быстро прошел в переднюю часть корабля. Фолкейн был высокий молодой человек, светловолосый и голубоглазый, с курносым носом и высокими скулами. Даже здесь, в Бог весть скольких световых годах от любого представителя человечества, он был одет в смокинг, который бы не посрамил своего владельца даже и в дорогом ресторане кратера Тихо. Дэвид постоянно напоминал себе, что его статус накладывает определенные обязательства — ведь он младший сын барона с Гермеса, а теперь еще и представитель Торгово-технической

[85] Флеш — комбинация карт при игре в покер: пять карт одной масти Флеш-ройял — пять старших карт одной масти

Лиги, — на самом же деле он просто был очень молод и еще не перерос некоторого тщеславия.

Подойдя к пульту сканера, он нажал кнопку. На экране не появилось ничего необычного. Что же, черт возьми, там обнаружили приборы? Компьютер так много своих мощностей использовал для игры, что не мог сообщить ему никаких подробностей. Пожалуй, будет лучше... Фолкейн перекатил сигарету в другой угол рта и повернул регулятор увеличения.

На западе с глубокого фиолетового неба лила свой вечный вечерний свет звезда. Это был красный карлик класса К со светимостью едва ли в одну десятую Солнца родной для человечества Земли. Находясь от Икрананки всего в трети астрономической единицы, светило имело видимый диаметр втрое, больше солнечного, но давало в три раза меньше света. Даже днем тусклое красное освещение и разреженный воздух не мешали видеть звезды. Спика, находящаяся примерно в двух парсеках отсюда, сияла, как алмаз чистой воды. Больше в небе не было видно ничего, кроме стаи местных чудищ с кожистыми крыльями да желтого облака далекой песчаной бури.

Со склона холма, где приземлился «Через пень-колоду», открывалась панорама Чакоры. Долина, которая была когда-то морским дном, простиралась во все стороны, исчерченная ржаво-зелеными и сине-фиолетовыми тенями. Всюду были видны посадки низких растений-суккулентов. Тут и там к подножию каменных башен — семейных твердынь — жались группы строений, плетеные стены которых радовали глаз узорами ярко окрашенных полос; каждое такое поселение принадлежало одному семейному клану земледельцев. Там, куда уже проникла весенняя влага, растительность становилась ярко-зеленой и золотой. Кое-где ветер колыхал растения, похожие на бамбук с перистыми листьями, — местный аналог земных деревьев.

Каменистый холм со следами эрозии был бесплоден — лишь чахлые кустики местами выглядывали между камней.

На вершине возвышались укрепления Хайякаты. Башня у подножия холма охраняла городской колодец, добраться до которого из города можно было по туннелю. Грунтовая дорога из восточной части долины, петляя, вела к воротам в городской стене. Никого из местных жителей не было видно.

Впрочем, не совсем так. На дороге появилось быстро приближающееся облако пыли. «Кто-то очень торопится сюда», — подумал Фолкейн.

Он подрегулировал сканер. Теперь сцена стала ясно видна.

Шестеро икрананкцев изо всех сил погоняли своих зандар. Крупные, покрытые коричневым мехом двуногие скакуны с толстыми хвостами передвигались длинными парящими скачками. Всадники потрясали копьями и мечами и, судя по тому, как широко были раскрыты их клювы, громко вопили.

Ветер отнес пыль в сторону, и Фолкейн увидел, кого они преследуют. Он чуть не проглотил свою сигарету.

— Нет, — слабым голосом пробормотал Дэвид... — Это невозможно. Клянусь, невозможно.

Остолбенение мгновенно слетело с него, Фолкейн повернулся и кинулся обратно. При силе тяжести всего в 65 % земной он мчался, как перепуганная комета. Ворвавшись в салон, он с трудом затормозил и проревел:

— Тревога!

Чи Лан, перепрыгнув через стол, переключила компьютер на нормальный рабочий режим. Адзель положил в банк последнюю фишку и нехотя отвернулся от карт: у него был верняк.

— Что случилось? — спросила Чи с ледяным самообладанием, свойственным ей в минуты опасности.

— Там... там женщина. Ее преследуют, — выдохнул Фолкейн.

— Кто?

— Ну не я же, черт возьми. Но послушайте, это правда! Компания местных кавалеристов гонится за женщиной! Человеком! Ее зандара выглядит усталой. Они догонят ее прежде, чем она доберется сюда, и Бог знает, что они с ней сделают!

Пока Фолкейн выкрикивал все это, Адзель поинтересовался картами Пня. У того был флеш-ройял. Вздохнув, Адзель подтолкнул миску-банк к манипулятору компьютера, поднялся и проговорил:

— Пожалуй, следует вразумить их. Чи, ты остаешься на дежурстве.

Цинтианка кивнула и засеменила на мостик. Адзель, стуча копытами по палубе, последовал за Фолкейном к нижнему люку. Тот схватил из шкафа при входе кобуру с бластером, куртку и сунул в карман рацию. Космонавты через шлюз вышли из корабля.

Чтобы избежать проволочек при входе и выходе, экипаж поддерживал внутреннее давление таким же, как и снаружи — примерно на уровне трех четвертей земного. Однако воздух в корабле был более теплым и влажным. Сильный холодный и сухой ветер обрушился на Фолкейна; его глаза не сразу адаптировались к местному освещению. Адзель, сложенный как кентавр, подхватил его двумя могучими когтистыми передними конечностями и посадил себе на спину, за собственным торсом. Как раз для таких случаев острие гребня, тянувшегося вдоль всей спины воданита от головы до хвоста, в этом месте было сглажено. Адзель припустил вниз с холма ровным галопом. Фолкейна окутало облако мускусного запаха.

— Можно предположить, что неподалеку приземлился еще один корабль, — басистый голос Адзеля был так же спокоен, как если бы они все еще играли в карты. — Несчастный случай?

— Должно быть, — Фолкейн, щурясь, всматривался в сумрак. — Правда, девушка как-то странно одета. Может, ей

пришлось спасаться от местных варваров? До нас ведь все время доходят слухи о стычках в Сундрадартских горах.

При неярком свете он с трудом различал вдалеке пики хребта, туманно вырисовывавшегося на востоке. Слева от дороги тянулись рыжевато-коричневые скалы, бывшие когда-то континентальным шельфом, справа были видны только вечнозеленые поля Чакоры. Позади высился холм Хайякаты, и корабль на склоне сверкал как острие копья. Этот вид успел до смерти надоесть Фолкейну, и возможность поразмяться его радовала. Ни о какой опасности не приходилось и говорить: вся шайка побежит домой к маме, стоит им только увидеть Адзеля.

Фолкейн чувствовал под собой игру могучих мускулов, воздушный поток свистел и пел в его ушах, заглушая стук копыт. Теперь впереди уже было ясно видно девушку и ее преследователей.

Она замахала рукой и послала свою измученную зандару вперед. Икрананкцы что-то кричали. Фолкейн уловил несколько слов— надо же, они говорили по-катандарски...

Один из преследователей остановился и поднял лук. Это было миниатюрное оружие — руки икрананкцев вдвое уступают человеческим в силе, — но стрелы, которыми луки стреляли, были остры как иглы и при здешнем слабом тяготении летели далеко. Воин выстрелил. Стрела пропела в сантиметре от развевающихся каштановых прядей. Лучник отдал приказ, целясь снова. Еще двое всадников взялись за луки.

— Великие боги Плутона! — ахнул Фолкейн. — Они и в самом деле хотят ее убить!

Все его чувства обострились. Несмотря на рыжую пыль и тусклый красный свет, он видел ближайшего туземца как на ладони.

Существо полутораметрового роста с бочкообразной грудью и тонкой талией напоминало человека с непропорционально длинными и тонкими конечностями. Все его тело было покрыто коротким коричневым мехом. Фолкейн знал,

что местные жители — теплокровные, всеядные, живородящие — не были млекопитающими. Голову на тонкой шее украшали темный пушистый хохолок, светлые глаза, уши, как у осла, и янтарного цвета хищный клюв. Босые ноги с тремя пальцами крепко вцепились в стремена, а одежда состояла из узких штанов на помочах и кожаного нагрудника с железными оплечьями и зигзагообразной эмблемой на груди; с широкого пояса свисали ножны с кинжалом. Туземец был вооружен мечом и луком, с которым ловко управлялись четырехпалые руки с острыми когтями.

Фолкейн выхватил бластер и выстрелил вверх. Выстрел был предупреждением, к тому же яркая вспышка слепила глаза нападавших и мешала им целиться. Девушка издала одобрительное восклицание.

Отряд у нее за спиной рассыпался в стороны. Все воины носили одну и ту же форму; эмблема на их доспехах была незнакома Фолкейну. Предводитель выкрикнул команду. Нападавшие явно пришли в себя и намеревались атаковать. Стрела просвистела над плечом Фолкейна, другая сломалась о твердую чешую Адзеля.

— Но... но они хотят убить и нас, — запинаясь, пробормотал воданит. — Похоже, наш вид для них не неожиданность.

— Вперед! — рявкнул Фолкейн. Родившись в аристократической семье на планете, где воинское искусство все еще было необходимо, он не забыл боевой выучки. Твердой рукой он установил бластер на максимальную дальность и уложил зандару под одним из всадников.

Адзель распрямился во весь рост. Его массивное тело развило такую скорость, что встречный поток воздуха совершенно ослепил Фолкейна. Впрочем, в его участии больше и не было нужды: Адзель уже достиг сбившихся в тесную кучку икрананкцев. Одного вместе с зандарой он просто смял, двое других взлетели в воздух, как камни, выпущенные из пращи. Одним движением хвоста Адзель уложил четвертого. Оставшиеся в седлах всадники предпочли спасаться бегством через поля.

Адзель затормозил, развернулся и потрусил обратно. Те двое, что ускакали, нахлестывали своих зандар, спеша оказаться как можно дальше от места схватки, а поверженные противники еле шевелились.

— О Боже мой, — сокрушенно произнес Адзель, — надеюсь, мы не нанесли им серьезных увечий.

Фолкейн пожал плечами. Воданиты, раса гигантов, могли себе позволить быть более мягкосердечными, чем люди.

— Лучше вернуться на корабль, — ответил он.

Девушка остановила свою зандару на безопасном расстоянии. Когда Фолкейн и Адзель приблизились к ней, губы Дэвида издали беззвучный свист.

Может быть, ее мускулатура и была чрезмерно развита, но что за фигура! Высокая, с округлостями там, где надо, длинноногая, стройная... К тому же ее одежда очень кстати не особенно скрывала все это — на девушке были короткие сапожки, высоко подоткнутая, чтобы можно было скакать верхом, меховая юбка, открытый корсаж поверх легкой блузы и короткий синий плащ. Она оказалась вооружена так же, как и туземцы, к седлу был приторочен ярко расписанный щит, каштановые кудри выбивались из-под плоского шлема. Ее кожа была удивительно бела, черты классически правильны; некоторая холодность этой мраморной красоты смягчалась большими серыми глазами и выразительным ртом.

— Ну и ну! — пробормотал Фолкейн. — И откуда же ты взялась, малютка?

Девушка, тяжело дыша, вытирала пот со лба. Адзель продолжал трусить по дороге, и всадница пристроила свою зандару рядом. Животное было слишком измучено, чтобы проявлять беспокойство от такого соседства.

— Вы... и правда... из другого мира? — спросила девушка. Ее низкий голос выговаривал слова англика с незнакомым Фолкейну акцентом.

— Да, вообще-то, — Фолкейн показал на корабль.

Она начертила в воздухе охранительный знак.

— Благодарение алгату! — Слово было местное и приблизительно переводилось как «магия».

Немного отдышавшись, она оглянулась на своих врагов. Те пришли в себя и восстановили походный порядок, но явно не собирались пускаться в погоню. На глазах у девушки один из воинов отделился от отряда и во весь опор поскакал к дальнему склону холма. Остальные медленно ехали следом.

Девушка протянула руку и коснулась Фолкейна, как будто хотела удостовериться в его реальности.

— До нас доходили только слухи, — тихо сказала она. — Мы слышали, будто эршока-чужеземец появился на летающей колеснице, и император запретил подданным своим приближаться к нему. Но мы думали, что в рассказах все преувеличено. Вы ведь истинно из другого мира? Может быть, даже с самой Земли?

— Я же сказал: да, — ответил Фолкейн. — Но о чем ты говоришь? Кто такой эршока?

— Человек. Разве тебе не ведомо? Эршока — так называют нас здесь в Катандаре. — Она внимательно посмотрела на Фолкейна, и как будто маска закрыла ее лицо. С непонятной для него осторожностью она продолжала: — С тех пор, как сюда прибыли наши предки — более четырехсот лет назад.

— Четырехсот лет?! — челюсть Фолкейна отвисла. — Но ведь тогда еще не был изобретен гиперпространственный двигатель!

— Она, очевидно, имеет в виду икрананкские годы, — вступил в разговор Адзель, которого было трудна вывести из равновесия. — Смотри, при периоде обращения планеты в семьдесят два стандартных дня... да, получается примерно семьдесят пять земных лет.

— Но... послушай, как же, черт возьми...

— Они направлялись куда-то в другое место и должны были стать... как же это называется? — стать колонистами,

— объяснила девушка. — Пираты захватили корабль и высадили их всех здесь, всех пятьсот человек.

Фолкейн попытался собраться с мыслями. Как сквозь туман до него доносился голос Адзеля:

— Ну да, похоже на вылазку с планет Пиратских Солнц — они иногда забирались так далеко от своих баз в надежде как раз на такую богатую добычу: большой пассажирский корабль. Выкупом за колонистов они, конечно, не заинтересовались. Хорошо еще, рядом оказалась пригодная для жизни планета, и им не пришлось убивать пленников. Не беспокойся, маленькая женщина, — передней конечностью он похлопал ее по плечу, — Торгово-техническая Лига давно научила обитателей Пиратских Солнц хорошим манерам.

Тут Фолкейн решил, что лучше уж он сам займется утешением красотки. Широко улыбнувшись, он сказал:

— Ну и сенсация же будет! Как только на Земле узнают, они пришлют за вами корабль.

Ответом ему послужил внимательный взгляд: девушка явно относилась к нему с непонятной и огорчительной настороженностью. Только что спасенная от гибели красавица не должна бы так себя держать.

— Ты ведь эршо... я хочу сказать — ты землянин?

— На самом деле я — гражданин Великого Герцогства Гермесского, а мои спутники происходят с других планет. Но наша база на Земле. Меня зовут Дэвид Фолкейн.

— А я — Стефа Карле, лейтенант личной гвардии в... Впрочем, это сейчас несущественно.

— Почему эти вояки тебя преследовали?

Девушка слегка улыбнулась:

— Молю тебя, будем говорить обо всем по порядку. Нам ведь так много нужно поведать друг другу, не правда ли? — Но тут сдержанность оставила ее, глаза засверкали, улыбка мощностью в пятьдесят мегаватт осветила лицо. Девушка захлопала в ладоши и воскликнула: — Истинное чудо! Человек с Земли — и к тому же мой спаситель.

«Ну вот, — подумал польщенный Фолкейн, — давно бы так!» Он перестал задавать вопросы и просто любовался спутницей. В конце концов, уже много недель ему не приходилось видеть представительниц прекрасного пола.

Добравшись до корабля, они привязали зандару к одной из опор, и Фолкейн с поклоном проводил девушку по трапу к воздушному шлюзу. Чи Лан выбежала встречать прибывших.

— Что за милая зверюшка! — воскликнула девушка.

Чи ощетинилась. Задиристостью она не уступала самому достопочтенному Бельягору.

— Только попробуйте погладить меня, юная леди, — можете недосчитаться пальчиков. — Чи обернулась к своим коллегам. — Что, во имя девяносто девяти дьяволов, там случилось?

— Разве ты не наблюдала за схваткой? — удивился Фолкейн. Не удержавшись от искушения покрасоваться перед Стефой, он продолжал: — По-моему, мы не так уж плохо разделались с этими бандитами.

— Какими бандитами? — оборвала его Чи. — Мне же отсюда все было видно: они отправились прямо в город. Если хотите знать — вы, пара пустоголовых идиотов, — вы расколошматили отряд солдат императора, для заключения договора, с которым мы сюда прилетели.

2

Представители Торгово-технической Лиги и их гостья собрались в салоне. Идти в город никому не хотелось — там можно было нарваться на стрелу. Пусть уж лучше явится Гудженги и потребует объяснений. К тому же всем хотелось сначала порасспросить друг друга.

Фолкейн налил себе и Стефе шотландского виски, Адзель запасся четырехлитровой ёмкостью кофе. Его буддистские принципы не мешали ему при случае пить и более крепкие напитки, но ни один корабль в дальнем полете не имел

достаточных, на вкус воданита, запасов спиртного. Чи Лан, на которую алкоголь не оказывал никакого действия, вставила в свой любимый мундштук из слоновой кости сигарету со слабым наркотиком. Всем было нужно успокоить расстроенные нервы.

Девушка, щурясь и хмурясь одновременно — ее глаза были непривычны к яркому корабельному освещению, — поднесла стакан к губам и залпом выпила содержимое. Крепкий напиток заставил ее задохнуться. Фолкейн поспешил похлопать ее по спине. Ругательства, которыми перемежались приступы кашля и судорожные вздохи, заставили его покраснеть.

— А я-то думала, ты поскупился на выпивку, — наконец пробормотала Стефа.

— Думаю, за три поколения вы утратили большую часть технологии — включая производство спиртного, — сказал Адзель. — Знаний пятисот человек, часть из которых к тому же дети, недостаточно для поддержания современной цивилизаций, а корабль с колонистами вряд ли имел особенно полный набор микрофильмированных книг.

Стефа, вытирая слезы, посмотрела на него.

— Я всегда думала, что прапредок — большой лжец, — сказала она. — Но сдается мне, в юности своей он истинно кое-что повидал. Откуда ты?

Воданит действительно представлял собой внушительное зрелище. Если считать хвост, его опирающееся на четыре ноги тело имело в длину не меньше четырех с половиной метров, а торс с могучими руками; грудью и плечами соответствовал остальному. Все туловище покрывала блестящая голубовато-серая чешуя, щитки защищали живот, а гребень — спину. Драконья голова с костяными выступами вокруг ушей и над глазами венчала метровую шею. Но глаза были большими, карими и задумчивыми, а выпуклый череп вмещал весьма развитый мозг.

— С Земли, — ответил он, — то есть с Затлаха, что на нашем языке и значит «Земля». Люди назвали мою планету

Водан. Это было еще во времена, когда они не исчерпали запас земных наименований для планет. Теперь по большей части используются названия, почерпнутые из языка наиболее развитой местной цивилизации — как, например, Икрананка.

— Ты, должно быть, хорош в сражении, — задумчиво произнесла Стефа, и ее рука скользнула к кинжалу на поясе.

Адзель поморщился:

— Ох, ради Бога. Мы — мирный народ. Мы такие большие и бронированные только потому, что природа Водана рождает гигантов. Видишь ли, наше солнце принадлежит к типу F и находится неподалеку от Регула. Оно изливает так много энергии, что, несмотря на силу тяжести, в два с половиной раза большую, чем на Земле, жизненные формы развиваются массивными и...

— Закрой свое реактивное сопло, ты, болтливый варвар, — перебила его Чи Лан. — Пора заняться делом.

Адзель с трудом сдержался.

— Коллега, — прорычал он, — весьма невежливо выражать презрение к другим культурам. Хоть мои соплеменники и простые охотники, наше искусство не уступает никакому другому. Когда я удостоился стажировки на Земле для изучения планетологии, я подрабатывал, исполняя партию Фафнира[86] в оперном театре Сан-Франциско.

— А также участвуя в качестве дракона в китайских новогодних шествиях, — ядовито добавила Чи.

Фолкейн стукнул кулаком по столу.

— Уймитесь, вы оба! — рявкнул он.

— Но откуда на самом деле происходит... э-э... госпожа? — спросила Стефа.

— Со второй планеты Эридана А, — ответил Фолкейн. — Люди-первооткрыватели назвали планету Цинтия, в честь жены капитана корабля.

---

[86] Чудовище в скандинавской мифологии; персонаж тетралогии Р. Вагнера «Кольцо Нибелунгов».

— Как я слышала, — промурлыкала Чи, — женой она ему не приходилась.

Фолкейн снова покраснел и украдкой взглянул на Стефу. Но девушка совсем не выглядела смущенной; да и если учесть те выражения, которые у нее вырвались недавно...

— В те времена их уровень развития примерно соответствовал античной Александрии, — продолжал он. — Они как раз открыли научную методологию. Но у них нет городов, хоть торговля и развита. Так что они быстро нашли общий язык с Торгово-технической Лигой. — Фолкейн устыдился своей болтливости и замолчал.

Чи изящной шестипалой рукой стряхнула пепел с сигареты. Даже когда она выпрямлялась во весь рост, она едва достигала девяноста сантиметров в высоту. Обычно же она предпочитала опираться на все четыре конечности, свернув свой великолепный хвост кольцом на спине. Ее круглая голова была непропорционально большой, с короткой черноносой мордочкой, аккуратными маленькими ушками и кошачьими усами. Вся Чи Лан, кроме темной маски вокруг огромных сияющих золотых глаз, была покрыта белым пушистым мехом. Своим тонким голосом она деловито произнесла:

— По-моему, нам следует разобраться в той ситуации, в которую ты попала, свободнорожденная госпожа Карле. Нет, прости, лейтенант Карле, — так правильно? Как я поняла, ваши предки оказались высажены в здешних местах?

— Да, — кивнула Стефа. Она снова вернулась к подчеркнутой осторожности в разговоре. — Они почти сразу стали сталкиваться с местными жителями — иногда на поле битвы, иногда мирно. Сражения показали, что люди сильнее и выносливее икрананкцев. Здесь же войны не прекращаются. Не лучше ли быть хорошим солдатом, чем батрачить в полях или на шахте? Так с тех пор и повелось — каждый эршока, достигнув должного возраста, поступает на воинскую службу. Тё, кто не может уже сражаться, получают чин квартирмейстера или другой подобный.

Фолкейн заметил шрам на руке девушки. «Бедное дитя, — подумал он. — Все должно быть иначе. Ей бы танцевать и развлекаться на Земле — со мной, например. Она слишком милая, у нее слишком нежное сердце, чтобы...»

Глаза Стефы блеснули.

— Я слышала, старики говорили, что на других мирах все время воюют. «Не нужны ли там наемники?» — заинтересованно спросила она.

— Что?! Э-э...

— Я хорошо сражаюсь. Видели бы вы меня в битве при Яндже! Ха! На наши порядки напали кавалеристы. Одну зандару я насквозь проткнула пикой. — Стефа вскочила, выхватила меч и начала размахивать им в воздухе. — Я снесла голову всаднику одним ударом! Она так и покатилась! Я повернулась и разрубила другого нападающего — от плеча до бедра. Тут на меня слева кинулся спешившийся воин. Я заехала ему щитом в лицо, прямо в клюв. Потом...

— Остановись! — простонал Адзель и зажал уши.

— Нам нужно прояснить ситуацию в целом, — поспешно вмешался Фолкейн. — Ты враждуешь с катандарским императором?

Стефа сдержала свой боевой порыв, снова села и протянула стакан за новой порцией выпивки. Заговорила она сдержанно ц осмотрительно.

— Эршока стали служить первому властителю из династии Джадхади, когда старая империя распалась. Они помогли ему оседлать Зверя Катандары, восстановить и расширить империю; с тех пор они — личная гвардия всех императоров и основа армии. В недавние времена они захватили Рангакору в Сундрадарте к востоку от Сумеречного хребта. Это — самая важная твердыня. Хоть она и не перекрывает дорогу к основному перевалу в горах, земли вокруг богаты источниками, а это делает провинцию самой богатой в Чакоре.

— Хаос побери вашу поганую геополитику! — перебила ее Чи. — Почему тебя преследовали солдаты императора?

— Э-э-э... Я не знаю доподлинно. — Стефа отхлебнула из своего стакана. — Не лучше ли, если сначала вы расскажете о себе? Тогда, может быть, удастся понять, почему Джадхади Третий держит вас здесь, а не в Катандаре. Или его резоны вам известны?

Адзель покачал своей огромной головой.

— Нет, — ответил он. — Более того, мы не знали, что находимся в карантине. Некоторые намеки, конечно, были. Нам на самом деле показалось странным, что до сих пор мы не приглашены в столицу, да и местные жители мало общаются с нами. Как-то мы на флиттере отправились осматривать окрестности и увидели военные укрепления неподалеку; потом Гудженги потребовал, чтобы мы больше не летали. Он сказал, что вид летательного аппарата вызывает слишком сильный страх у местных жителей. Мне не хотелось бы обвинять его в том, что он темнит, но это объяснение производит впечатление притянутого за уши.

— Правду сказать, вас здесь держат в изоляции по приказу императора, — мрачно произнесла Стефа. — Жителям других мест запрещено появляться в Хайякате, а местным не позволено покидать здешние края. Это плохо для торговли, но... — Фолкейн собрался было спросить, почему она сама нарушила запрет, но девушка продолжала: — Скажите мне, как вас занесло в эту Богом забытую дыру? Почему вообще вы явились на Икрананку?

— Она морочит нам голову, — прошипела Чи на торговой латыни.

— Конечно, — ответил Фолкейн на том же языке. — Но можно ли ее винить? Мы для нее чужаки, а последние представители галактической цивилизации, с которыми имел дело ее народ, были пиратами. Мы должны отнестись к ней с пониманием и показать свои добрые намерения.

Чи всплеснула руками:

— О космос! Ты и твой проклятый инстинкт спаривания!

Фолкейн повернулся к ней спиной.

— Прости нас, — обратился он к Стефе на англике. — Нам... э-э... нужно было обсудить некоторые личные моменты.

Стефа улыбнулась, похлопала его по руке, придвинулась поближе и прошептала:

— Я понимаю, Дэвид. Какое милое имя — Дэвид! И к тому же ты из другого мира! Мне так хочется побольше узнать о тебе!

— Ну...э-э... — заикаясь, пробормотал Фолкейн, — мы купцы-разведчики. Это кое-что новое в торговле. — Он надеялся, что, его улыбка получилась скромной, а не идиотской. — Я... э-э... один из тех, кто это придумал. — И стараясь быть сдержанным, чтобы не выдать секреты Лиги, он рассказал девушке об их экспедиции.

Николас ван Рийн встал из-за стола и подошел к прозрачной стене своего кабинета. С этой высоты открывался прекрасный вид на изящные башни города, зелень парков и сверкающую под лучами горделивого солнца Земли поверхность Зондского пролива. Некоторое время он молча дымил своей сигарой, потом, не оборачиваясь, произнес:

— Ja[87], черт побери, у тебя тут зачатки хорошего доходного проекта, а ты — подходящий парень для такого дела. Я давно присматриваюсь к тебе — я не забыл, как ты выкрутился на Айвенго, а ведь ты тогда был — уж ты меня прости — еще совсем юнцом. Ну теперь-то, с дипломом мастера Торгово-технической Лиги, ты справишься с делишками в «Галактической компании пряностей и напитков». Мне, бедному толстому старикашке, нужны стоящие парни. Твое дело — притащить домой хорошую жирную добычу, а уж я прослежу, чтобы тебе достался навар.

— Да, сэр, — пробормотал Дэвид.

— Ты тут хорошо придумал про новые места, про новинки, которые у нас расхватают, как горячие пирожки, и

[87] Да (голланд.)

про то, как туземцы раскупят наши товары по неслыханным ценам. Чудненько. Только, парень, думаю я, ты на большее способен. Я тут пораскинул мозгами, — знаешь ли, ночами все ворочаешься, ворочаешься, заботы уснуть не дают.

Фолкейн не стал говорить ван Рийну, что причина его бессонницы — толстенькая и белокурая — всем известна.

— Что вы имеете в виду, сэр?

Ван Рийн обернулся, дернул себя за бородку и внимательна посмотрел на молодого человека глазками-бусинками, близко посаженными по сторонам огромного крючковатого носа.

— Скажу тебе по секрету, — после непродолжительного молчания произнес он. — Ты ведь надежный парень, а? У меня так мало друзей... Смотри, если проговоришься, это разобьет мое старое, доброе сердце, и я своими руками сверну тебе шею. Понял? Ну то-то же. Люблю понятливых.

Я подумал вот что: как только Лига открывает новую планету, так туда сразу лезет всякое отребье и начинается потасовка. Вижу, вижу, ты считаешь, что это тебе тоже по зубам. Но ведь нет, ты для этого слишком утонченный, слишком чувствительный. Это ясно с первого взгляда. К тому же ты пока что не из космических знаменитостей, за которыми шпионят все, кому не лень. Ну и вот... Почему бы тебе не отправиться и не открыть парочку новеньких планет только для «Пряностей и напитков»? — Ван Рийн подошел и ткнул молодого человека пальцем в ребра. Тот пошатнулся. — Как тебе это нравится, а?

— Но... но... то есть...

Ван Рийн вытащил из холодильника две литровые бутылки пива и, звякая стаканами, пустился в объяснения.

— Галактика, даже та малюсенькая часть спирали, которую мы более или менее обследовали, невообразимо огромна. Исследуя и иногда колонизируя планеты, представляющие очевидный интерес, космические путешественники проскочили мимо буквально миллионов других. Многие из них даже не вошли в каталоги. Если не

предпринимать специальных усилий, вряд ли они станут известны человечеству раньше, чем через миллионы лет. Но статистика предсказывает, что тысячи из них представляют потенциальную ценность как рынки сбыта и источники новых экзотических товаров. Чем продолжать вести дела с уже известными планетами, не стоит ли найти себе новые... и держать язык за зубами?

Можно выбрать сектор где-нибудь подальше, куда еще мало кто добирается: например, окрестности Спики. Создать там базу. Оттуда маленькие и дешевые автоматические зонды можно будет рассылать во все стороны сотнями. Как только они при помощи своих стандартных программ найдут подходящий мир, они сообщат об этом, и команда торговцев-разведчиков отправится туда, чтобы присмотреться повнимательнее. Если им удастся напасть на золотую жилу, они соберут информацию, заключат торговые соглашения и доложат ему, ван Рийну.

— Достаточно будет троих на корабле, я думаю, — продолжал он. — Вполне достаточно, если учесть, какие цены заламывает ваше Братство, чтоб его блохи закусали. Ты, мастер Торгово-технической Лиги, искушенный в сравнительном культуроведении и прочей свистопляске; планетолог и ксенолог, лучше, если остальные двое будут инопланетяне. У всех свои таланты, знаешь ли, к тому же меньше будете действовать друг другу на нервы. Может, и приятнее иметь при себе красотку, но в этом деле все можно наверстать — ха-ха — когда вы вернетесь. А может, и до того, как отправитесь, — приглашаю тебя, парень, на свою следующую маленькую хорошенькую оргию, если ты берешься за эту работу.

— Так вы знали, что на этой планете существует цивилизация, освоившая железо, — кивнула Стефа. — Конечно, ваши роботы — Великий Джеро, подумать только, а я еще не верила прапредку, когда он рассказывал о роботах! — ваши роботы не обнаружили эршока — нас слишком мало. Но что

они сообщили вам такого, ради чего вы решили сюда прилететь?

— Планету земного типа всегда стоит исследовать, — ответил Фолкейн.

— Что! Эта дыра похожа на Землю?! Прапредок...

— Любая планета, на которой человек может жить без специального снаряжения, является планетой земного типа. Их не так уж много, видишь ли. Физические показатели, биохимия, экология... да мало ли. Конечно, Икрананка многим отличается от Земли и Гермеса, это правда.

(Масса 0,394 земной, плотность 0,815, диаметр 0,783. Хотя местное солнце излучает немного энергии, это компенсируется близостью орбиты планеты к светилу. Приливные силы заставляют одно полушарие постоянно быть обращенным к солнцу. Однако это медленное вращение в свою очередь приводит к тому, что магнитное поле оказывается слабым и относительно мало взаимодействует с космическим излучением, да и солнце — красный карлик — испускает сравнительно немного заряженных частиц. В результате планета сохраняет значительную атмосферу. Большая часть влаги сконцентрирована в холодном полушарии в виде льда, а теплое полушарие засушливо и является по преимуществу пустыней. Однако такие климатические условия сложились не сразу, и белковая жизнь успела развиться и приспособиться к ним. В целом химические процессы удивительно похожи на земные.)

— Но что здесь может представлять для вас интерес?

— Многое. Роботы доставили снимки и образцы. По крайней мере два новых опьяняющих вещества, несколько антибиотиков, возможно, пряности, роскошные меха; несомненно, окажется и еще много всего интересного. К тому же есть местные жители — они могут все это для нас собирать в обмен на наши товары и достаточно развиты для того, чтобы оценить привезенное нами.

Чи облизнулась:

— А какие комиссионные!

Стефа вздохнула:

— Я не все поняла, но поверю вам на слово. Почему вы приземлились у Хайякаты? Ведь вы же знали, что самый большой город — Катандара?

— Первый контакт и так — дело тонкое, лучше не собирать вокруг себя толпы, — ответил Фолкейн. — Пока что мы изучаем местный язык и обычаи, да в захолустье и спокойнее. Дело идет достаточно быстро благодаря современным мнемоническим методикам. Император, узнав о нас, прислал учителя — Гудженги. Мы уже собирались посетить столицу, но тут наш профессор начал придумывать всякие отговорки. Это длится уже три или четыре недели.

— Хотела бы я знать, многому ли мы в действительности научились, — пробормотала Чи.

— Что такое неделя? — спросила Стефа.

— Это неважно, — ответила Чи. — Послушай, женщина, из-за тебя мы ввязались в неприятности и теперь можем потерять весь рынок сбыта.

— Что за глупости! — отмахнулась девушка. — Завоюйте их!

— Это было бы чрезвычайно аморально, — пристыдил ее Адзель, — а также против всех наших правил, в частности, из-за экономической убыточности, не говоря уже обо всем остальном.

— И долго ты будешь темнить, трещотка? — напустилась на Стефу Чи. — Почему эти солдаты гнались за тобой?

Раздался сигнал сканера. Голос компьютера произнес:

— Из города к нам приближается отряд.

3

Фолкейн решил, что лучше проявить вежливость и встретить посла-инструктора императора у воздушного шлюза. Но вежливость вежливостью, а бластер на поясе лучше передвинуть так, чтобы он был виден.

Дожидаясь приближения отряда, Фолкейн рассматривал крепостные стены на вершине холма. Камни стен были уложены всухую, поскольку вода здесь — слишком большая драгоценность, чтобы тратить ее на приготовление цемента. Укрепления и приземистые башни по углам охраняли несколько дюжин плетеных хижин: Хайяката — всего лишь торговый городок, перевалочный пункт для местной сельскохозяйственной продукции и приют для купеческих караванов. Здешний гарнизон был невелик; Гудженги признал, что императорская армия очистила предгорья от воинственных дикарей, обитающих в пустыне, и, как заподозрил Фолкейн, солдаты в городе были нужны в основном для предотвращения возможных беспорядков. То немногое, что Дэвид знал об икрананкской истории, не свидетельствовало о тишине и покое.

«Еще один повод для беспокойства, — подумал он. — Старый Ник не вложит ни гроша в этот дорогостоящий проект, если не будет уверенности в том, что местное правительство в состоянии обеспечить безопасную торговлю. И Катандарская империя представляется единственным подходящим для этого местом на планете. Не будет на Икрананке торговой фактории — не будет комиссионных. Что за веселую и беззаботную жизнь на острие ножа ведем мы, первопроходцы!»

Фолкейн перевел взгляд на приближающийся отряд. Он состоял из двух десятков солдат в кожаных доспехах, вооруженных до зубов (которые в их клювах отсутствовали) мечами, кинжалами, луками и алебардами. Все они носили причудливую эмблему братства тирут — как и остальные солдаты гарнизона. Впереди вышагивал Гудженги: высокий для икрананкца, покрытый всклокоченным иссиня-черным мехом, с очками в позолоченной оправе, криво сидящими на клюве. Он был облачен в длинное алое одеяние, украшенное гербом деодах — императорского братства. На узорчатом поясе висел кинжал. Фолкейну не встречался еще ни один

местный житель мужского пола, который не был бы вооружен.

Землянин поклонился, скрестив руки на груди, как того требовал местный обычай.

— Приветствую благороднейшего Гудженги и весь его род, — произнес он традиционное приветствие. Выговорить все звуки этого гортанного языка он был не в состоянии: человеческая гортань для этого просто не годилась. Тем не менее Фолкейн объяснялся достаточно свободно, хотя его грамматика и хромала.

Гудженги не ответил ему столь же традиционным: «Да будет мир между нашими родами», ограничившись коротким: «Давай поговорим». Это означало наличие серьезного недоразумения, которое, как он надеется, удастся разрешить без кровопролития. Икрананкец сопроводил свои слова знаком, отвращающим зло, чего он давно уже не делал, встречаясь с торговцами.

— Окажи честь моему дому, — пригласил его Фолкейн: местный язык не имел слова, обозначающего «корабль», а назвать звездолет фургоном было бы нелепо.

Гудженги приказал воинам дожидаться и неуклюже поднялся по трапу.

— Что за ужасное здесь освещение! — пожаловался он. Местные жители не воспринимали коротковолновой части спектра, хотя могли видеть в инфракрасных лучах, так что свет флюоресцентных корабельных ламп казался Гудженги тусклым. К тому же его глаза с горизонтально расположенными зрачками не обладали способностью к адаптации в темноте, что, естественно, не требовалось жителю полушария, постоянно обращенного к светилу.

Фолкейн проводил его в салон. Пока они шли туда, Гудженги не переставал ворчать: ему было и жарко, и душно, и парко, и вообще не перестанет ли наконец Фолкейн дышать на него влажным воздухом. Сами икрананкцы не выдыхали водяных паров: влага, образовавшаяся в их организме в результате обмена веществ, сразу попадала в кровь.

Войдя в салон, Гудженги замер на пороге, поправил очки и прокаркал:

— Так, значит, вы и правда дали ей убежище!

Стефа потянулась за мечом.

— Ну-ну-ну, — укоризненно пробормотал Адзель, кладя на ее руку свои железные пальцы, — разве так можно?

— Прошу тебя, присядь, благороднейший, — пригласил Фолкейн, — и позволь предложить тебе утолить жажду.

Гудженги схватил стакан с виски с плохо скрытой жадностью. Икрананкцы в этом отношении ничем не отличались от людей.

— Я верю, что вы прибыли к нам с добрыми намерениями, — сказал он, — и это досадное происшествие найдет удовлетворительное объяснение.

— Конечно, — ответил Фолкейн с большим оптимизмом, чем на-самом деле чувствовал. — Мы увидели, как за этой женщиной моей расы гонятся всадники — разбойники, насколько мы могли судить. Естественно, мы предположили, что она наша соотечественница.

Чи выдохнула дым и сказала самым сладким тоном:

— Тем более что ты, благороднейший, не счел нужным сообщить нам о наличии поселения людей на вашей планете.

— Аххрр. — замялся Гудженги. — Я должен ведь научить вас столь многому...

— Но ведь не мог же ты не знать, насколько это для нас интересно, — неумолимо продолжала Чи.

— По вашей же собственной просьбе...

— Благороднейший, мы шокированы и огорчены.

— Но это же всего лишь одно из солдатских братств...

— Солдатское братство, имеющее большое значение в империи — империи, с которой мы честно и открыто ведем важные переговоры.

— Но эта эршока нарушила строжайший приказ императора...

— Какой приказ? Чтобы нас держали в изоляции? Это, благороднейший, для нас еще одно неприятное открытие. Мы начинаем сомневаться, стоит ли вам доверять. Может быть, мы здесь нежеланные гости? Ты же знаешь, мы можем и отбыть. Мы не собираемся навязывать ни себя, ни свои товары.

— Нет, нет, нет! — воскликнул Гудженги, у которого слюнки текли каждый раз, когда он вспоминал о виденных образцах — от синтетических тканей до огнестрельного оружия. — Это только...

— Хотя, говоря откровенно, — гнула свое Чи, — вряд ли этим все кончится. Люди на Земле, узнав об эршока, должны будут позаботиться об их перевозке в более подходящее место. Правители Земли едва ли будут довольны, узнав, что в Катан-даре скрывают присутствие их соотечественников. Может быть, с ними к тому же плохо обращаются? Боюсь, что все это вызовет большие осложнения.

Фолкейн был слишком потрясен, чтобы насладиться посрамлением Гудженги. Ведь сам он не подумал о последствиях! Если эршока вернутся на родную планету своих предков — шуму будет на всю Галактику! А его задача — держать все их открытия в секрете...

Может быть... но нет. Он посмотрел на Стефу, настороженно сидевшую на кончике стула, на отблески света в ее каштановых кудрях, на серые глаза и изгиб белой шеи, и понял, что не сможет предать ее, скрыв существование эршока. К тому же это было бы бесполезно: как только на Икрананке появятся торговые корабли, все выйдет наружу, и какой-нибудь совестливый болван обязательно начнет болтать...

Гудженги дрожащей рукой поднял стакан, запрокинул голову и вылил виски в широко разинутый клюв.

— Я должен сообщить императору... Действительно, должен. Но... в сложившихся обстоятельствах... Может быть, нам удастся прийти к соглашению?

— Мы очень на это надеемся, — ответил Адзель.

— Дело в том, — признался Гудженги, — что незадолго до вашего появления случилось... аххрр... весьма прискорбное событие. Империя начала завоевание Сундрадарты. — Язык икрананкцев не предусматривал лицемерных выражений вроде «умиротворение». — Ключ к этой провинции — город Рангакора. Он сильно укреплен, его трудно захватить, так что император отправил туда свои отборные войска, эршока, чтобы они взяли крепость штурмом. Командовал ими генерал гвардии... э-э...

— Роберт Торн, — отрывисто сказала Стефа, вспомнив, что губные звуки икрананкцам не даются.

— Им удалось...

— Можно бы и поблагодарить девушку, — перебила его Чи.

Гудженги смутился и снова приложился к виски.

— Им удалось, — выдавил наконец он из себя, — захватить город. Но тут... э-э... Ро'ер'орн решил, что из Сундрадарты получится неплохое королевство для него самого. Он и другие эршока... В общем, они выбросили из Рангакоры наши войска и захватили власть. Так оно и остается по настоящий момент. Нам еще не удалось... справиться с ними. Тем временем эршока в столице начали волноваться. И тут как раз появляетесь вы — той же самой расы, а может быть, и из того же братства! Разве удивительно, что император решил... аххрр... проявить осмотрительность?

— Иуда и его сребренники! — прошептал Фолкейн.

Наступила тишина, которую только подчеркивали шелест вентиляторов, нетерпеливое постукивание пальцев Чи по мундштуку и астматическое дыхание Гудженги. Стефа мрачно смотрела себе под ноги и теребила подбородок. Наконец она пришла к решению, выпрямилась и сказала:

— Да, истинно, все так и было, и это очень плохо для эршока в Катандаре. Они знают, что находятся под подозрением. Если император совсем перетрусит, он может даже приказать их вырезать. Это, правда, было бы не очень мудро с его стороны — ведь неизвестно, кто уцелеет в потасовке, —

к тому же мы, эршока, вовсе не хотим, чтобы империя развалилась. С другой стороны, мы должны подумать и о себе. Тут до нас дошли слухи о чужеземцах. Без этого не могло обойтись: жители Хайякаты разнесли новости до того, как был наложен запрет, да и теперь иногда крестьянам удается проскользнуть мимо стражников. Нам, эршока из Железного Дома, обязательно нужно было узнать, что кроется за всеми этими россказнями. Иначе мы бы оказались в положении слепца на горной тропе. Я решила пробраться сюда. Это была моя собственная идея, я не кривлю душой: никто больше ничего не знал. Но стражники меня углядели.

Гудженги не воспользовался представившейся возможностью порассуждать о лояльности и субординации. Впрочем, возможно, ему это и в голову не пришло. За проведенные на Икрананке недели у Фолкейна сложилось впечатление, что туземцы преданы своим кровным родственникам, а в остальном руководствуются соображениями выгоды.

— Эй, минуточку!

В возбуждении Фолкейн вскочил с места. Гудженги схватился за кинжал, но Дэвид, не обращая на него внимания, зашагал взад-вперед по салону. Наконец он выпалил:

— Да ведь это для нас просто магия! — В катандарском языке отсутствовало слово «везение». — Ваш император напрасно подозревает нас. Мы заинтересованы в том, чтобы иметь дело с крепким государством. Наш корабль достаточно вооружен, чтобы взорвать какую угодно стену. Мы захватим Рангакору для императора.

— Нет! — вскричала Стефа, вскакивая на ноги и выхватывая меч. — Ах ты подлый...

Фолкейн дал ее пылу остыть в стальных объятиях Адзеля, затем спросил:

— Ну, в чем дело? Разве ты не на стороне императора?

— Прежде чем тебе удастся перебить тысячу эршока, — прошипела она сквозь стиснутые зубы, — я... — и она принялась долго и в анатомических подробностях перечислять, что она сделает с Дэвидом Фолкейном.

— Ох, моя милая, — запротестовал он, — ты не поняла. Я не собираюсь никого убивать. Мы только взорвем стену-другую, чтобы припугнуть мятежников.

— О которых тут же позаботятся солдаты Джадхади, — уныло пробормотала девушка.

— Н-ну... Мы их защитим. Заключим с императором соглашение.

— Но послушай, — возразил Гудженги, — прерогативы императора...

Фолкейн сказал ему, куда император может девать свои прерогативы, но на латыни. По-катандарски же он предложил:

— Мы поможем вам при одном условии — вы даруете эршока амнистию. С гарантиями. Не думаю, что это такая уж высокая цена. Впрочем, это, конечно, решать императору. Мы слетаем к нему, и все обсудим.

— Нет, подожди! — вскричал Гудженги. — Вы не можете...

— И как же ты собираешься остановить нас, милый малыш? — ядовито поинтересовалась Чи.

Гудженги привел массу возражений. Император разгневается, если его приказами пренебрегут. В Катандаре нет подходящего места для посадки корабля. Местное население так перепугается, что начнутся беспорядки. И так далее, и так далее.

— Лучше пойти на компромисс, — прошептал Адзель. — Высокомерие только рождает сопротивление.

После длительных препирательств Гудженги наконец признал, что на флиттер можно согласиться. Он был невелик, передвигался быстро — его увидит не так уж много народа, а сесть он может в дворцовом саду. Действительно, ведь если отправить послание в Катандару обычным способом, на это уйдет слишком много времени.

— Вот и хорошо, — заметила Чи, — что корабль останется здесь. Он может послужить резервной базой, если вы впутаетесь в неприятности.

— Мы впутаемся в неприятности? — вскинулся Адзель.

— Не думаешь же ты, что я отправлюсь в этот пыльный мешок? Ни за что. Здесь к тому же я спокойно смогу прослушивать свои записи, пока вы, с вашими ушами, на которые медведь наступил, будете отсутствовать.

— Если ты намерена слушать то, что за неимением достаточно уничижительного термина именуется цинтианской музыкой, я буду рад убраться подальше.

— Мы можем захватить тебя с собой, — предложил Фолкейн Стефе.

Девушка держалась со странной отчужденностью, ее лицо снова скрылось за маской безразличия. Теперь она заколебалась.

— Тебе ведь это ничем не грозит? — спросил ее Дэвид.

— Н-нет, — ответила она на англике, которого Гудженги не знал. — Мои товарищи, конечно, скрыли мое отсутствие, даже если и не догадались, куда я отправилась. Это нетрудно, ведь для безмозглых икрананкцев мы все на одно лицо. Но мы обязаны... я хочу сказать, нам запрещено покидать город. Так что я не могу просто войти в ворота, а если вернусь вместе с вами, за мной будут следить. — Стефа задумалась. — Вот что-можно сделать. Вы приземлитесь перед Железным Домом, и я проскользну внутрь. Если потом вас спросят, в чем было дело, вы скажете, что ошиблись и приняли Железный Дом за дворец.

— Но почему ты так стремишься избежать слежки?

— Мне это не нравится. — Стефа схватила Фолкейна за руки и наклонилась к нему. — Ну пожалуйста, Дэвид! Ты ведь был мне таким хорошим другом до сих пор!

— Ну...

Девушка опустила ресницы.

— Я так надеюсь, что мы станем еще более близкими друзьями...

— Ладно, черт возьми!

Сборы были недолгими. Фолкейн переоделся в теплую куртку и штаны, натянул высокие сапоги. Белый плащ и украшенный драгоценностями берет, лихо надвинутый на

одну бровь, должны были придать ему импозантности. Оружие — бластер и станнер — он заткнул за пояс, а в карман сунул рацию: ионосфера планеты позволяла поддерживать из Катандары радиосвязь с кораблем. Немногочисленные личные вещи и подарки для императора были сложены в сумку. Адзель ограничился тем, что повесил на шею радиопередатчик.

— Мы регулярно будем выходить на связь, Чи, — сказал Фолкейн. — Если никто из нас не вызовет тебя на протяжении восьми часов, разводи пары и скачи на помощь.

— Мне по-прежнему непонятно, зачем вся эта суета, — пожаловалась Чи. — Эта неуклюжая девица и так уже испортила нам всю обедню.

— Ты имеешь в виду секретность? Мы что-нибудь придумаем. В самом худшем случае, даже если сюда набьются конкуренты, старый Ник все равно урвет свое, лишь бы империя не развалилась. И... э-э... не можем же мы допустить, чтобы кровопролитие продолжалось.

— А почему бы и нет? — заупрямилась было Чи, но быстро сдалась: — Ладно уж, отправляйтесь. Я тут продолжу наши занятия с Гудженги. Чем больше у нас будет информации, тем лучше.

Представитель императора со своим эскортом уже вернулся в город. Узнав о новостях, жители Хайякаты высыпали на крепостные стены, чтобы наблюдать отбытие флиттера.

— Оxx! — выдохнула Стефа, ухватившись за Фолкейна. Он преодолел искушение проделать несколько фигур высшего пилотажа и взял курс на северо-запад. Благодаря съемкам, произведенным зондом, земляне располагали превосходными картами, а Гудженги указал им необходимые ориентиры.

Километр за километром под ними проплывала Чакора. Из своей сферической кабины путешественники видели бесконечные ржаво-зеленые поля, крошечные деревушки,

вытянувшийся в цепочку караван тяжело нагруженных карикут, который охраняли вооруженные всадники на зандарах.

— Должно быть, это шекедж, — заметила Стефа. — Перевозки в здешних местах — привилегия их братства.

Адзель, размеры которого заставляли всех троих сидеть, прижавшись друг к другу (против чего Фолкейн совсем не возражал), спросил:

— Каждое ремесло — занятие одной семьи?

— Ну конечно, — ответила Стефа. — Если ты по рождению — шекедж, ты будешь караванщиком. Все деодах были охотниками, пока не завоевали Катандару; теперь они — правители. Тирут и другие, как, например, мы, эршока, — солдаты. Рахинджи — писцы, и так далее.

— А если ты родишься с совсем другими талантами?

— О, но ведь каждое братство занимается разными делами. Основная профессия, конечно, самая почетная. Но кто-то должен вести хозяйство, работать в поле — если братство владеет землей. Это ведь нельзя доверить чужакам, правда? К тому же любой икрананкец, прежде чем достигнет совершеннолетия и будет посвящен в секреты братства, может при желании быть усыновлен другой группой, если те, конечно, согласятся. Это, кстати, одно из отличий нас, эршока. Мы не можем вступать в браки с икрананкцами. — Стефа хихикнули, добавив весьма вульгарную, шутку. — Так что мы остаемся в своем отряде. С другой стороны, как раз по этой причине мы можем вполне доверять своей молодежи — им некуда податься. И они рано проходят посвящение.

— Как я понимаю, большинство братств — очень старинные?

— Да. Королевства возникают и распадаются, ни одно не существует дольше нескольких поколений, но кровное родство — это навсегда.

Ее слова подтвердили то, что Фолкейн уже подозревал. Эта всеохватывающая клановость смущала его. Если такое

поведение местных жителей — врожденное, значит, этот мир плохо подходит для развития торговых операций. Но если его можно изменить, если икрананкцев удастся научить чувствовать преданность чему-то большему, чем кучка родственников...

Скоро стала видна Катандара. Город лежал не более чем в двух сотнях километров от Хайякаты, которая находилась на полпути от столицы к Рангакоре. Основная территория империи простиралась к западу и к югу, охватывая плодородные области Чакоры.

Извилистое русло реки Яндже, серебрившееся на северо-востоке, окружала пышная растительность, выделявшаяся на фоне голых холмов на востоке и выжженных пастбищ на западе. Там, где, сбегая с круч бывшего континентального шельфа, Яндже впадала в мелкое и илистое озеро Урши, и была построена Катандара. Столица с населением в пол миллиона представляла собой впечатляющее зрелище. На протяжении веков она принадлежала, как в свое время Рим и Константинополь, Пекин и Мехико, разным цивилизациям, и каждая из них строила собственные стены и башни, дома и дворцы, так что теперь городские укрепления охватывали пеструю смесь строений, по большей части каменных. Когда-то четкие грани древних камней выкрошились от времени, серые квадратные мрачные фасады выходили на старинные узкие улочки. Только в наиболее удаленной от озера части города, на крутых склонах холма высились здания, чьи стены еще не были изъедены несущим песок ветром пустыни — твердыня новых правителей, дворцы с мраморными стенами, украшенными абстрактной мозаикой, и сверкающими медью куполами. Этот район, как и резиденции древних владык, был обнесен собственными крепостными стенами — для защиты властителей от любящих их подданных.

Благодаря сильной оптике сканера Стефа смогла показать Фолкейну нужные ориентиры с расстояния, на котором флиттер еще не был виден горожанам. Дэвид заложил

крутой вираж. Рассекаемый воздух завизжал вокруг летательного аппарата, рукояти управлении завибрировали в руках землянина. В последний момент он резко затормозил и с грохотом приземлился.

— Прощай, Дэвид... до новой встречи. — Раскрасневшаяся Стефа наклонилась и поцеловала Фолкейна. Юноша ощутил сладкий запах ее волос. Через секунду ее уже не было во флиттере.

Казарма, в которой размещались эршока, представляла собой огромное здание рядом с императорским дворцом. Оно выходило на вымощенную булыжником площадь, со всех сторон окруженную домами знати. Как и они, Железный Дом имел внутренний дворик и единственную дверь наружу, но в его архитектуре — крутой крыше, головах горгон на карнизах, резьбе на двери — чувствовалась ностальгия по Земле. Немногие оказавшиеся на площади икрананкцы при виде флиттера замерли, вытаращив глаза. Так же реагировала и стража у входа — огромные бородатые воины в кольчугах, позолоченных шлемах и радужно ярких плащах. Но эршока быстро пришли в себя, выхватили мечи и заорали. Стефа метнулась к соплеменникам. Отрывая флиттер от земли, Фолкейн краем глаза увидел, как ее быстро впустили внутрь.

— Ну а теперь — к грозному господину, — сказал он. — Будем надеяться, что он задаст нам свои вопросы прежде, чем прикажет открыть стрельбу.

4

У входа в гостевые апартаменты прозвучал гонг.

— Войдите, — откликнулся Фолкейн.

Слуга в облегающей ливрее откинул тяжелые занавеси, служившие внутренними дверями в этой бедной деревом стране, поклонился и объявил, что император желает видеть представителей Торгово-технической Лиги. Посланец был вежлив, но совсем не подобострастен; говоря об

императоре, он обходился без титулов вроде «его величество», «всемогущий» или «внушающий трепет светоч». Система наследственных занятий не переросла здесь в иерархию каст, и служитель, чувствуя поддержку своего клана, был столь же горд и независим, как и любой солдат или писец.

— Мой спутник вышел на прогулку, — ответил Фолкейн. — Но, думаю, хватит и меня одного.

«Хватит для чего? — спросил он себя. — Мы прохлаждаемся здесь уже целую неделю. Хорошо бы, если бы кто-нибудь из этих посланцев, без конца снующих туда-сюда, догадался засунуть ракету в штаны Джадхади. А может быть, это удастся сделать мне, когда тот отвернется. Очень бы хотелось. Ну ладно, отправляемся».

Он вышел в соседнюю комнату, чтобы одеться для торжественного приема. Предоставленные ему апартаменты были просторны и в своем роде роскошны. Жаль только, что они не соответствовали его вкусу. Дэвиду, правда, нравились занавеси из великолепного оранжевого меха (особенно если подумать о том, сколько за них можно было бы выручить на Земле), но росписи на стенах не только были выполнены в совершенно чуждой человеку манере, но и казались его непривычному к местному освещению взгляду набором черных пятен. Голый пол был таким холодным! И ни одно из низких кресел и украшенных балдахинами лож не было удобным — ведь они предназначались для икрананкцев.

С балкона находящейся на третьем этаже комнаты открывался вид на дворцовые сады. Они напоминали старинную японскую гравюру: скалы, низкие растения с изысканно подобранными оттенками листвы. Имелась даже такая роскошь, как фонтан: его струи играли внутри стеклянной колонны, чтобы не дать испаряться драгоценной влаге. Поверх окружающей сад стены были видны только городские крыши. С запада сквозь пелену пыли пробивались зловещие красные лучи солнца. «Опять пыльная буря, — подумал Фолкейн, — несладко приходится местным крестьянам».

Провести неделю в императорском дворце было бы интересно, будь это человеческая империя, достигшая необходимого уровня декаданса. Катандара не соответствовала этим стандартам. От нечего делать Дэвид упражнялся в местном языке, читая эпическую поэму, названную скромным автором величайшей поэмой в мире. В ней было даже больше загадок, чем в Библии. Дэвид показал язык фолианту и включил рацию.

— Привет, Адзель, — сказал он на латыни, — как ты там?

— Похоже, мы направляемся в таверну, — ответил голос воданита. — По крайней мере вывеска гласит, что это «Дом изысканных наслаждений и крепких напитков».

— О Боже, как жаль, что мне пришлось остаться на посту... Ну так вот: меня вызывает самая главная шишка. Скорее всего для новой порции болтовни и проволочек, но кто знает. Так что держи радио-ушки на макушке.

Насколько было известно галактическим путешественникам, этот способ связи не был известен икрананкцам и мог при случае оказаться тузом в рукаве.

Если только эршока не научили... Нет, это казалось маловероятным. Ведь их предков высадили в том, что было на них надето, почти без всяких инструментов. Водоворот местной цивилизации быстро закружил их, тут уж стало не до воспоминаний о земных достижениях. Зачем делать ружья или что-то еще, даже если бы на это нашлось время и умение, раз можно просто воспользоваться тем, что ты вдвое сильнее и выносливее местных жителей? За исключением немногих приспособлений, нужных в повседневной жизни, эршока ничего не дали здешней технологии, и их великие знания быстро стали всего лишь легендой.

— Хорошо, — ответил Адзель. — Я объясню капитану Падрику, что это всего лишь безвредная магия. Мне и так приходится его все время успокаивать: он что-то нервничает. Желаю удачи.

Фолкейн вернулся в приемную и последовал за слугой. Тот вел его по бесконечным коридорам и пандусам. Дворец

гудел, как улей: шаги, голоса, шуршание одежд и шелест бумаг раздавались отовсюду. Навстречу Фолкейну попадались чиновники в длинных одеяниях, закутанные в плащи с капюшонами торговцы, крестьяне в килтах, скотоводы в широкополых шляпах и в сапогах со шпорами; встретился даже купец, прибывший издалека, из жарких земель тропиков, дрожащий в своем теплом меховом балахоне. Бурный поток жизни империи омывал дворец императора — корону на лбу царственного города. Заманчивые запахи из кухни напомнили Фолкейну, что он голоден. Нужно признать, что местные кулинары были на высоте, — это порадует ван Рийна, если все пойдет удачно.

У входа в тронный зал на страже стояли четыре эршока в таких же ярких плащах, как и часовые у Железного Дома. Стоять навытяжку не было принято в армии икрананкцев, и люди оказались достаточно сообразительны, чтобы не вводить здесь это новшество, но тем не менее воины со своими сверкающими алебардами казались неподвижными, как статуи. Рядом с ними располагалась дюжина лучников братства тирут. Фолкейн не сомневался, что они появились во дворце недавно только с тех пор, как начались неприятности в Рангакоре. Впрочем, нельзя винить Джадхади в излишних предосторожностях: ведь он теперь не мог доверять собственной Sicherheitsdienst[88].

И все же было что-то совершенно шизофреническое в его подозрительности: вместо того чтобы ухватиться за предложение Фолкейна о возвращении захваченного города, император в течение недели допрашивал землянина. Поскольку, приняв предложение, он ничего не терял (по крайней мере никакие возможные осложнения не обсуждались), приходилось отнести нерешительность Джадхади за счет сильнейшей ксенофобии. Но что вызвало ее и что тут можно сделать?

Слуга откинул занавеси, и Фолкейн вошел в тронный зал.

---

[88] Политическая полиция (нем.)

Джадхади ожидал его, сидя верхом на Звере Катандары, бронзовой позолоченной химере. Фолкейн остановился в положенных семи шагах от владыки (расстояние, как подозревал Дэвид, считавшееся достаточным, чтобы стражи-эршока успели схватить злоумышленника в случае покушения) и поклонился.

— Где твой спутник? — резко спросил Джадхади. Гладкий рыжевато-черный мех и алое одеяние пожилого императора не скрывали его кругленького животика. В одной руке Джадхади сжимал украшенный самоцветами скипетр, который в случае необходимости мог послужить и оружием.

— Один из офицеров гвардии пригласил его на прогулку по городу, благороднейший, — объяснил Фолкейн. — Мы сочли, что отсутствовать нам обоим...

— Какой офицер? — спросил Джадхади, наклоняясь вперед. Ближайшая к нему стражница, покрытая шрамами седая могучая валькирия, положила рукуна рукоять меча. Придворные, писцы, советники, чародеи, младшие отпрыски знатных семейств, обучающиеся приемам управления, придвинулись поближе. Их глаза горели красным огнем в тусклом свете.

— Э-э... его зовут Хью Падрик, благороднейший.

— Аххрр... И скоро они вернутся?

— Я не знаю, благороднейший. Что-нибудь срочное?

— Нет. Пожалуй, нет. Но мне это не нравится. — Джадхади повернулся к гвардейцу-туземцу. — Пусть их найдут и вернут. — Подозвав писца, он приказал: — Нужно немедленно вывесить приказ о том, что всем эршока запрещается приближаться к делегатам Торгово-технической Лиги.

— Благороднейший! — из-за цепи стражников, эршока и представителей братства отнакаджи, стоящей вдоль ряда малахитовых колонн, выступил единственный человек в зале, кроме часовых и Фолкейна, — седой старик, сохранивший, однако, воинскую выправку. Фолкейн встречал его на других аудиенциях: это был Гарри Смит, старейшина эршока. — Я протестую!

В зале воцарилась мертвая тишина. Все замерли, только язычки пламени в серебряных канделябрах заставляли тени скользить по мрамору, мехам и роскошным тканям да едкий дымок поднимался из курильниц. Музыканты за колоннами перестали играть, и лишь затейливо украшенные часы на стене, казалось, затикали громче.

Джадхади застыл на своем Звере. Его глаза сверкали так же холодно, как алмазные глаза химеры.

— Что ты сказал? — спросил он резко.

Смит бестрепетно ответил:

— Благороднейший, мы, эршока из твоей гвардии, как и ты, возмущены неповиновением Роберта Торна. Он больше не один из нас, и мы не примем обратно его приспешников. — Смит кинул на стражницу-валькирию взгляд более свирепый, чем требовала ситуация. — Только позволь нам выступить на Ранга-кору, и мы докажем тебе, что эршока так же верны дому деодах, как и во времена Джадхади Первого. Но ты нам не доверяешь. Ты держишь нас без дела, за нами следят, другие братства по твоему приказу делят с нами обязанности, которые были нашей привилегией со времен воцарения твоей династии. Все это мы сносим терпеливо, мы понимаем: ты опасаешься того, что узы крови окажутся сильнее верности государю. Тем не менее воины раздражены. Они ворчат. Если теперь ты открыто оскорбишь их, я не ручаюсь за последствия.

Секунду человек и икрананкец пристально смотрели друг на друга. Затем Джадхади отвернулся и обратился к своему главному чародею:

— Что скажешь, Нагагир?

Согбенный старец в тоге, украшенной магическими символами, не стал указывать своему повелителю на очевидное обстоятельство: в зале находилось полсотни эршока, которые не потерпели бы насилия над своим главой. Ответ его был мудр:

— Не стоит придавать этому делу особого значения, благороднейший. Очень немногие из гвардейцев имеют шанс

повстречаться с твоими почтенными гостями. Если запрет их так задевает, отмени его — большой разницы это не составит.

— Я озабочен соблюдением твоих же собственных интересов, благороднейший, — мягко сказал Смит.

Фолкейн счел, что ему самое время вмешаться.

— Если мы не задержимся здесь, благороднейший, вопрос разрешится сам собой. Согласись на мое предложение, и мы тут же отправимся в Рангакору; откажись от него — и мы вернемся к себе. Не пора ли принять решение?

— Аххрр... приказ отменяется, — сдался император. — Я не могу решать вслепую, — ответил он Фолкейну. — Мы слишком мало знаем о вас. Даже с самыми благими намерениями вы можете накликать несчастье. Ради того, чтобы этого не случилось, я вас и позвал сегодня. Я хочу, чтобы ты объяснил свои обряды Нагагиру — он сможет оценить, достаточно ли они благочестивы.

«О нет!» — простонал про себя Фолкейн.

Тем не менее он нашел беседу с чародеем интересной. Фолкейна всегда удивляло полное, казалось бы, отсутствие религии в местном обществе, а обсудить это удивительное обстоятельство с Гудженги он не успел. Хотя он не рискнул задавать Нагагиру прямые вопросы — обнаружить незнание могло быть не менее опасно, чем остаться в неведении, — окольными путями он выведал у него кое-что. Притворяясь, что не понимает некоторых вещей, Фолкейн заставил чародея объяснить ему главное в местных верованиях.

Только идиот или невежественный турист рискнул бы делать обобщения касательно всей планеты, познакомившись с одной-единственной культурой. Но обычно предполагалось, что наиболее развитая цивилизация обладает по крайней мере одним изощренным теологическим учением. Религия же Катандары была на удивление примитивной. Фолкейн даже не был уверен, можно ли назвать эту мешанину религией. У местных жителей не было богов; их бытие представлялось им просто обычным течением событий,

нормальным предсказуемым порядком вещей, существовавшим с начала времен, когда доисторические Пламя и Лед, соединившись, породили Вселенную. Но катандарцы верили в каких-то неопределенных демонов, силы, вечно стремящиеся к созданию хаоса. Их modus operandi[89] заключался в том, чтобы вызывать несчастья. Держать эти силы в узде можно было только с помощью магии — от бесчисленных повседневных обрядов и табу до сложных таинств, в которые были посвящены чародеи.

К тому же не все маги оказывались благочестивы. Никогда нельзя было быть уверенным в том, что кто-то из них не окажется развращен настолько, чтобы служить силам разрушения.

Мифология выглядела столь же параноидальной, как и все прочие достижения икрананкской мысли. Фолкейн начал сомневаться в том, что с катандарцами стоит заключать торговый договор.

— Конечно, — сказал он Нагагиру, — мы в Торгово-технической Лиге все могучие волшебники. Мы усердно изучаем законы случая, правящие миром. Я буду рад научить тебя весьма полезному обряду, который мы называем покер. Что же касается отвращения несчастий, мы могли бы продать вам талисманы по невероятно низкой цене — например волшебную траву, которая называется клевер с четырьмя листиками.

Нагагир, однако, хотел знать подробности. Он подозревал, что магия землян может оказаться менее действенной, чем они думают: силы разрушения иногда притворяются слабыми и тем заманивают простаков, чтобы вернее их погубить. И вообще, вдруг это черная магия — благороднейший, конечно, понимает, что это необходимо выяснить.

Не обладая познаниями Мартина Шустера, чтобы опрокинуть целый религиозный культ с помощью каббалы, Фолкейн был вынужден прибегнуть к проволочкам.

---

[89] Образ действий (лат.)

— Я подготовлю обзор, и мы с тобой его обсудим, — предложил он Нагагиру. «Господи, помоги мне, — сказал он себе, — или, вернее, Чи Лан, помоги мне. От Адзеля толку мало: этот буддист только и годится на то, чтобы издавать успокоительные звуки. А вот Чи другое дело — я сам видел, как она гадала на картах на вечеринке. Надо связаться с ней и придумать что-нибудь». Вслух он произнес: — Если ты сделаешь такой же обзор своей системы, это очень нам поможет.

Клюв Нагагира широко раскрылся. Джадхади привстал на своих золоченых стременах и, указывая на Фолкейна скипетром, проскрежетал:

— Ты пытаешься выведать наши секреты?

— Нет, нет! — замахал руками Фолкейн, покрываясь холодным потом. — Мне не нужно никакой секретной информации — я хочу сказать, ничего такого, что не положено знать непосвященным. Я имел в виду те обычаи, которые известны всем — кроме, конечно, чужестранцев вроде меня.

Нагагир успокоился.

— Это можно сделать, — ответил он, — хотя составление обзора займет определенное время.

— И сколько же времени на это нужно?

Нагагир пожал плечами. От остальных тоже было мало прока. Хотя часы здесь были известны уже несколько столетий, а эршока их усовершенствовали, катандарцы использовали их просто для того, чтобы отмерять периоды работы и отдыха. Жители планеты, где отсутствовала смена дня и ночи и не было времен года, смутно представляли себе отрезки времени более короткие, чем их семидесятидвухдневный год. А в глуши, где приземлился «Через пень-колоду», дела обстояли еще хуже: крестьяне просто работали до тех пор, пока не чувствовали, что пора на отдых. Несомненно, это был очень здоровый образ жизни, но Фолкейну от этого не становилось легче.

— Позволь мне удалиться, благороднейший, — сказал он. Джадхади разрешил, и Фолкейн поспешил покинуть зал, прежде чем выцарапает глаза благороднейшему.

— Пусть мне принесут обед, — приказал он сопровождавшему его слуге. — И принадлежности для письма, и кувшин пива. Большой кувшин.

— Какое пиво желает благороднейший?

— Крепкое, конечно. Брысь! — Фолкейн задернул занавеси в дверном проеме.

Чья-то рука стиснула его горло. Фолкейн икнул и потянулся к оружию, отбиваясь от нападавшего. Ему удалось лягнуть его, но того защитил высокий сапог, а другая рука сжала правую руку Дэвида. Как ни силен был Фолкейн, хватка противника не давала ему вытащить бластер. Не смог он дотянуться и до станнера на левом бедре: второй силач-эршока вцепился в его левую руку. Фолкейн начал задыхаться. Землянин ударил ногой того нападавшего, что был слева, попал по щиту и завопил бы от боли, если бы мог. Теперь эршока крепко держали его. И тут в поле зрения Фолкейна вплыло лицо Стефы Карле. Ее рука прижала к его носу какую-то мокрую тряпку. Душитель ослабил хватку, и Дэвид рефлекторно сделал глубокий вдох. Он ощутил резкий запах, все закружилось у него перед глазами, и он провалился в темноту.

5

Как правило, рассказывал Хью Падрик, Старый Город — не самое безопасное место на свете. Помимо того, что там традиционно обитают представители братств убийц, грабителей и карманников — не говоря уже о менее опасных занятиях: азартных играх и проституции, — он предоставлял убежище приверженцам прежних династий, ненавидящих узурпаторов — братство деодах. Поэтому эршока не ходили в Старый Город поодиночке. Однако сейчас, сказал Хью, бояться нечего — Адзель заменяет собой целый отряд.

— Но я вовсе не хочу ввязываться в неприятности, — пожаловался воданит.

— Вряд ли это тебе грозит, — улыбнулся Падрик. Это был высокий молодой человек, одетый в рубашку, брюки, высокие сапоги и плащ, вооруженный мечом и кинжалом. Вьющиеся русые волосы обрамляли обветренное лицо с римским носом и явно недавно отпущенной бородкой. Фолкейн и Адзель находили его интересным собеседником, когда он раньше навещал представителей Торгово-технической Лиги, и Адзель, любопытство которого не уступало его размерам, не смог устоять перед соблазном, когда Падрик пригласил его на прогулку по городу.

Выйдя из дворцовых ворот, они пересекли Новый Город. На воданита глазели, но сенсации его появление не вызвало. Все уже знали о гостях императора, к тому же представители образованных классов имели некоторое представление об астрономии.

— Это вы, люди, научили их? — спросил воданит Падрика, когда речь зашла об этом.

— Немножко, мне кажется, — ответил эршока. — Как мне говорили, они уже знали о том, что планеты, вращающиеся вокруг солнца, такие же миры, как и их собственный, и даже представляли, что звезды — это другие солнца.

— Откуда же они узнали? Здесь ведь всегда день...

— От жителей Рангакоры, я думаю. Этот город имеет более высокоразвитую науку, чем остальные. Он расположен достаточно близко к Сумеречным краям, так что их путешественники могли заходить и во Тьму для наблюдения за звездами.

Адзель кивнул. Циркуляция атмосферы должна приводить к тому, что в тех местах еще достаточно тепло для икрананкцев — даже в Бессолнечной Стране, у антиподов, температура редко падала ниже минус пятидесяти градусов. По этой причине, а также из-за того, что Икрананка меньше Земли, а видимый размер ее светила — больше, пограничный эффект проявляется здесь не так резко: климат в приполярных зонах и в Сумеречных краях особенно не отличается от климата умеренного пояса.

Местные жители, рискующие путешествовать в холодном полушарии, должны страдать от неприспособленности их зрения к темноте. Но, соорудив там склады топлива, они обеспечили себе освещение. Вероятно, побудительной причиной для этого изначально была разработка полезных ископаемых, и только потом они начали удовлетворять свое научное любопытство.

— По правде говоря, — пробормотал Падрик, — Рангакора гораздо лучше этого города: более удобна для жизни и более... э-э... цивилизована. Иногда я думаю, как хорошо бы было, если бы наши предки встретили жителей Рангакоры прежде, чем присоединиться к толпе дикарей — завоевателей этой паршивой империи. — Он умолк и оглянулся вокруг, чтобы удостовериться, что его никто не подслушал.

За стеной, отделявшей Новый Город, начинался крутой спуск. Здания, мимо которых они шли, становились все более древними, обветшалые серые дома теснились друг к другу, на их закрытых дверях можно было разглядеть символы давно погибших цивилизаций. На рыночной площади торговки расхваливали свои товары — еду, напитки, ткани, меха, изделия местных ремесленников. В мастерских позади лавок стучали молотки, жужжали гончарные круги, скрипели ткацкие станки. Но сами лавки были наглухо закрыты от прохожих: как бы какой-нибудь демон или злой волшебник не навел порчу на товары.

Толпа, заполнявшая узкие улочки, была шумной и безалаберной. Чтобы проложить себе дорогу, никто не стеснялся применять силу; доверху груженные дарами полей Чакоры крестьянские тележки, запряженные карикутами, со скрипом тащились навстречу полуобнаженным носильщикам с тюками на бритых головах, жавшимся к стенам домов, когда появлялись чванливые караванщики-шекедж. Встретившийся Адзелю и Падрику большой фургон охранялся не кем-нибудь, а лучниками братства тирут: он перевозил спрессованные в доски стволы местных «деревьев» — материал более драгоценный, чем бронза. Всадники-

лахнакони на неуклюже переваливающихся зандарах — в тесноте города животные не могли передвигаться скачками — везли на продажу меха; жители пустыни крепко сжимали копья и настороженно озирались. Резкие голоса икрананкцев, скрип повозок, топот копыт, стук молотков сливались воедино, напоминая грохот прибоя. Ветер нес пыль и дым, воздух был наполнен тысячью острых запахов.

Горожане безропотно уступали дорогу Адзелю; некоторые из них даже пытались влезть на стену при его

приближении. Сотни клювастых лиц боязливо смотрели на него с плоских крыш. Падрик нес на высоком древке флажок братства деодах, к тому же молва уже успела предупредить об их приближении. Но все равно большинство катандарцев были явно не в своей тарелке.

— Почему это тот старик в коричневом одеянии — там, в проходе, — делает в нашу сторону какие-то знаки? — спросил Адзель.

— Это чародей. Он отводит проклятие, которое ты можешь навлечь на здешних жителей. По крайней мере он на это надеется. — Ответ Падрика оказался почти заглушен поднявшимися вокруг воплями.

— Но я же никого не проклинаю!

— Ему это неизвестно. Да и вообще, здесь считается, что все новое скорее всего вызвано черной магией.

«Похоже, что такие же взгляды распространены и в здешнем высшем свете, — размышлял Адзель. — Это может объяснить явное нежелание Джадхади заключать соглашение с послами Лиги. Нужно обсудить это с Дэвидом по возвращении».

Падрик показывал ему местные достопримечательности: статую, которой пять тысяч лет (по земному календарю), дворец правившей раньше династии, превращенный теперь в склад, дом, дверь в который была сделана в форме клюва... Адзеля больше интересовали великолепные дворцы самых влиятельных братств: в них жили старейшины и там же братства собирались на совет. Хотя члены этих групп поддерживали правительство, кланы не перенесли свои резиденции в Новый Город — да и зачем? Империи, династии, цивилизации приходят и уходят, они эфемерны. Только братства вечны.

— Вон Дом Каменного Топора, — показал Падрик. — Он принадлежит братству даттагир. Их Старейшина все еще владеет этим кремневым топором: никто не знает, когда его сделали, известно только, что это случилось еще до того, как научились получать металлы. — Он зевнул. — Тебе это все не

надоело? Не пойти ли нам туда, где жизнь еще не замерла? В Старом Городе есть веселые кварталы.

— А не будут ли там тоже смущены моим появлением? — спросил Адзель. Ему очень хотелось надеяться, что нет. Его уязвляло, что при его приближении матери хватают и прячут детенышей — этих милых пушистых малышей, которых ему так хотелось бы подержать на руках.

— Не особенно, — ответил Падрик. — Там не так боятся черной магии, поскольку сами ею занимаются.

Они спустились еще ниже, миновали полуразрушенную стену и вошли в извилистый проход. Дома здесь были выше и уже, чем старинные здания, они теснились друг к другу, верхние этажи имели нависающие балконы, так что лишь изредка удавалось увидеть кусочек лилового неба, а тени стали темными и непроницаемыми. Строители этого района жили в более благодатные времена, когда земля еще не так иссохла; они вымостили улицы, чтобы не ходить по грязи. Копыта Адзеля громко стучали по камням: квартал был тихим, закутанные в плащи фигуры прокрадывались от двери до двери, и только откуда-то доносились тихие звуки арфы. Пока Адзель и Падрик спускались по откосу на дно древнего моря, можно было видеть одновременно озаренные красными лучами солнца скалы над столицей и развалины верфей на берегу, заросшего водорослями озера Урши.

Падрик остановился.

— Как ты относишься к тому, чтобы промочить горло?

— Мне нравятся ваши напитки... — Адзель умолк. Рация на его шее заговорила голосом Фолкейна.

— Что за демон! — вскричал Падрик, отскакивая назад и хватаясь за меч. Двое икрананкцев, сидевших на корточках у двери дома, поспешно скрылись внутрь.

Адзель успокоительно помахал рукой и закончил свою беседу по-латыни с Фолкейном.

— Не пугайся. Это всего лишь немножко магии, совсем безвредной, — обнадежил он Падрика. — Э-э... заклинание от сил зла, прежде чем войти в незнакомый дом.

— Это может пригодиться, — расслабился его спутник. — Особенно здесь.

— Зачем же мы пришли сюда, если ты чего-то опасаешься?

— Ради выпивки, игры, может быть, драки. В казарме скучно. Пошли.

— Я... мне кажется, лучше бы вернуться во дворец.

— Что! Веселье еще только начинается! — Падрик дернул Адзеля за руку, хотя с таким же успехом мог бы попытаться сдвинуть с места скалу.

— Может быть, в другой раз. Магические предзнаменования...

На лице Падрика появилось оскорбленное выражение.

— Ты мне не друг, если отказываешься со мной выпить.

— Прости меня, — сдался Адзель. — Ты был так добр, я не хотел бы обидеть тебя своей невежливостью. — К тому же в горле у него пересохло; да и Фолкейн не требовал от него никаких немедленных действий.

Падрик откинул полусгнившую кожаную портьеру. Какая-то потаскуха стала подбираться к нему с хриплыми приглашениями, увидела, что это человек, и быстро ретировалась. Падрик засмеялся:

— Здешние красотки не про нас, что ж поделаешь. Зато в Железном Доме можно легко и свободно найти себе подружку.

Когда следом за эршока в полную посетителей, дымную комнату протиснулся воданит, там воцарилась мертвая тишина. Над столами, где сидели завсегдатаи, засверкали ножи. Факелы на стенах бросали зловещий свет — тусклый для Адзеля, яркий для местных жителей, — на грязную одежду, жадные лица, немигающие глаза. Падрик прислонил к стене древко своего флажка и поднял обе руки.

— Мир между нашими родами. Вы меня знаете — я Хью из дворцовой гвардии, и в драке я не из последних. А это — гость императора. Он хоть и велик, но не зол, и никакой демон не следует за ним по пятам. Любой демон побоится.

Какой-то пьянчуга в углу хрипло рассмеялся. Это несколько разрядило атмосферу. Посетители вновь потянулись к кружкам, хотя и продолжали искоса кидать настороженные взгляды, а их бормотание наверняка не содержало ничего лестного для чужака-дракона. Падрик нашел себе табуретку у стола, Адзель свернулся на земляном полу напротив эршока. Хозяин таверны наконец набрался смелости спросить, чего гости желают. Падрик показал на Адзеля и щедро распорядился:

— Налей его доверху. — Икрананкец наклонил голову, прикинул емкость посетителя и довольно потер руки.

Бренди, или джин, или арак — как бы ни называлось пойло, которое гнали из местных фруктов, — по крепости напоминал концентрированную серную кислоту. Но у него был приятный запах. Адзель залпом выпил пол-литровую кружку. «Не следует быть жадным», — напомнил он себе.

— Не стесняйся. Я плачу. — Падрик звякнул полным кошельком. — У нас хорошее жалованье, надо отдать Зверю справедливость.

— Вот что меня всегда интересовало: ведь не все эршока живут в Железном Доме?

— Нет, конечно. Ты несешь там службу, когда тебя назначат, пока не женишься. И еще Железный Дом — наша штаб-квартира. Дома, в которых живут семьи, разбросаны по всему Новому Городу. Часть живет на фермах — кто где хочет. Выйдя замуж, женщины обычно уходят со службы. Мужчины раз в год проходят тренировки, ну и конечно, встают под ружье в случае войны.

— Как же тогда отряд Роберта Торна рискнул восстать? Ведь их семьи оказались заложниками императора?

— Да нет. Если Джадхади тронет хоть одного из нас, мы все восстанем — от Гарри Смита до последнего мальчишки-барабанщика, — и быть тогда голове императора на пике. Да, кроме того, многие жены и дети сопровождали отряд. Так обычно бывает, когда ожидается длительный поход или осада. Женщины — прекрасные часовые в лагере: куда

против них этим хлипким икрананкцам; они и поварихи, они и... — и Падрик продолжил перечисление женских функций.

Будь это на Земле, женам и детям не следовало бы сопровождать войско, учитывая примитивность культуры и неразвитость медицины. Но никакие местные бактерии не были страшны землянам. Это, кстати, делало из эршока таких непобедимых солдат: ведь болезни губят армии более неумолимо, чем сражения.

— Я так вам сочувствую, — сказал Адзель. — Должно быть, это очень тяжело — при вашей тесной сплоченности — оказаться по разные стороны баррикад.

— Кто это тебе сказал? — вскинулся Падрик. — Этот выживший из ума Смит? Ну конечно, в те времена, когда он был молод, узы крови не были так сильны. Ему не удастся поднять против Торна никого из моих ровесников. — Он осушил свой стакан и помахал хозяину, требуя пополнения. — Похоже, правда, что офицерам в Железном Доме удастся заставить эршока соблюдать нейтралитет.

Чтобы переменить опасную тему, Адзель спросил Падрика, видел ли он Стефу Карле после ее возвращения.

— Конечно, черт побери! — с энтузиазмом воскликнул тот. — Ну и девка!

— Очень милая, хотя и несколько импульсивная, — согласился Адзель.

— Я не совсем это имел в виду. Хотя, истинно, в бою она не уступит любому воину. Выпьем за Стефу!

Стаканы со звоном ударились друг о друга. Видя, как добродушен дракон, завсегдатаи таверны приободрились. Вскоре икрананкец — прежний собутыльник Падрика — присел к их столу и приветствовал гостя.

— Добро пожаловать! — вскричал эршока. — Пей, я угощаю!

— Все-таки нам следовало бы уже вернуться, — вспомнил Адзель.

— Не глупи. И ты обидишь моего доброго друга Ракшни. Он хочет с тобой познакомиться.

Адзель пожал плечами и снова опрокинул кружку. К компании присоединились другие икрананкцы. Они начали петь, потом заспорили о положении в Рангакоре — без особого пыла, поскольку никого в Старом Городе особенно не интересовало, что будет с этим выскочкой-императором, потом случилась небольшая потасовка между тремя или четырьмя местными головорезами. Это окончательно сплотило компанию, и кувшин снова пошел по кругу. Начались тосты — за их братства, за потаскух, пивших с ними вместе, за доброго старого короля Аргаша, за реку Яндже, которая поит Катандару, за озеро Урши, в котором так удобно прятать концы в воду, за Хью Падрика — за Хью Падрика особенно часто, ведь именно он платил за выпивку. Потом собутыльники уже не могли вспомнить, за что они уже пили, а за что еще нет, в ход пошли кости и карты, и всем было очень весело. Выпивка стоила недорого, а в кошельке Падрика хватало денег. Когда вечеринка все-таки закончилась, это произошло не потому, что кошелек опустел, а потому, что большинство участников свалились на пол и отключились.

— Я... длж... дол жжен верну ся, — выговорил Адзель. Его конечности оказались почему-то совершенно ненадежными, а хвост проявил возмутительную самостоятельность и начал вилять. В результате большая часть мебели оказалась разбита в щепки, но хозяин не возражал. Он тоже отключился.

— Ик... конечно... истинно так. — Падрик, пошатываясь, встал на ноги. — Долг зовет.

— Зовет визгливым противным голосом, — подтвердил Адзель. — Ммой друг, у тебя... ик! совершш... совершенно неверные представления. Ессли бы ты... ик! ощщутил единство мироздания, — только не следует делать обыччную ошшибку и путать нирвану с полным исчезновением...

Адзель не был фанатиком, но нужно же дать этому отличному парню, шагающему с ним в обнимку, ясное представление о махаяне[90]. Вот он и читал ему проповедь весь обратный путь. Падрик пел. Местные жители предусмотрительно убирались с дороги.

— Ну и вот, — бубнил Адзель, — как видишш... реинкарнация вовсе не являесся необходимым атрибутом кармы...

— Подожди, — Падрик остановился. Адзель наклонился, чтобы видеть спутника. Они были у ворот в Новый Город.

— Э-э... в ччем дело?

— Вспомнил об одном поручении, — Падрик протрезвел с неожиданной быстротой. Пил ли он в таверне наравне с остальными? Адзель не заметил. — Ты иди дальше.

— Но я как раз подхожжу к самому интересен...

— Потом, потом. — Ветер дул по пустой улице, неся песок. Кроме них, поблизости никого не было. Странно, возникла у Адзеля смутная мысль. Горожане, конечно, и раньше расступались перед ним, но не до такой же степени. Нельзя было и предположить, что все вокруг спят: за отсутствием ночей в любое время количество бодрствующих было примерно одинаковым.

— Ну что жж, спасибо за очень интереш... интереш... интересную прогулку. — Адзель протянул руку. Падрик торопливо, почти испуганно пожал ее и кинулся прочь, только меч звякнул в ножнах.

И место тоже странное. Мысли Адзеля по сентиментальной привычке обратились к Водану — его прекрасным широким равнинам, освещенным ярким солнцем, где можно было мчаться километр за километром, а после скачки дружной компанией сидеть у костра — друзья, ребятишки, самки... Но все это позади. Его семья всегда поддерживала отношения с Лигой, родные хотели, чтобы он получил современное образование; вот он и получил его — и так

---

[90] Наряду с хинаяной одно из двух основных направлений буддизма. Махаяна подчеркивает черты терпимости в этическом учении буддизма.

переменился при этом, что теперь уже никогда не сможет чувствовать себя своим среди охотников. Он не скучал по представительницам прекрасного пола: его возбуждал только запах самок в сезон спаривания. Но простодушное принятие собственной принадлежности к виду было утрачено навеки. Адзель вытер глаза и затрусил по улице, покачиваясь из стороны в сторону.

— Вот он!

Адзель резко остановился. Перед стенами Нового Города раскинулась широкая площадь. Она кишела солдатами. Адзель никак не мог сообразить, сколько же их: они почему-то раздваивались, как амебы, если он пытался получше их разглядеть. Но все равно их было много, и все как один икрананкцы. Ворота были закрыты, и перед ними стояли катапульты.

Вперед вырвался отряд кавалерии.

— Стой, ты! — закричал его командир. Наконечник его копья кроваво сверкал в лучах красного солнца.

— Я и так стою, — рассудительно ответил Адзель.

Как ни боялись зандары дракона, императорская кавалерия была хорошо вымуштрована: всадники начали окружать Адзеля.

— Благороднейший, — нервно обратился к нему командир, — нам нужно поговорить. Случилось несчастье, и император желает тебя видеть.

Адзель прижал руку к груди так, что чешуи заскрипели, и поклонился. Его шея все сгибалась и сгибалась вниз, пока наконец морда не ткнулась в землю. Это ему не понравилось, но он постарался сохранить светский тон.

— Ну яссное дело, все что угодно. Готов служжить... Пшшли к императору.

— Э-э... ради соблюдения этикета... благороднейший, император желает, чтобы ты был украшен этими почетными знаками. — Офицер поманил пехотинца, который повиновался без видимого ликования. Он нес цепи.

— Что? — Адзель попятился. Его ум помутился.

— Стой, ты! — закричал офицер. — Стой, или мы будем стрелять! — Солдаты у катапульт взвели пружины. Эти неуклюжие машины могли прострелить копьем с металлическим наконечником даже воданита.

— Н-но ччто сслучилось? — запричитал Адзель.

— Все что угодно. Должно быть, все демоны сорвались с цепи. Твой напарник исчез, а вместе с ним и многие эршока. Когда император узнал об этом, он заподозрил предательство и приказал окружить Железный Дом. Воины внутри рассвирепели и отказались сдаться. Они стреляли в наших солдат!

Офицер вцепился своими пальцами-когтями в хохолок на голове. Плащ его захлопал по ветру, зандара сделала скачок. Солдаты, выставив копья, по-прежнему окружали воданита.

— Что? — Будь проклято это пойло! И под рукой нет ничего, что помогло бы быстро протрезветь. Адзель включил рацию. — Дэвид! Где ты? Что шшлучилось?

Никакого ответа.

— Дэвид! Тревога! На помощь!

— Ты только постой спокойно, — увещевал офицер. — Сначала руки. Если ты невинен, тебе ничто не грозит.

Адзель переключился на волну Чи Лан:

— Чи! Ты тут?

— Конечно, тут, — пришел ядовитый ответ. — Где же мне еще быть?

Адзель про себя продекламировал тантру-другую. Их благодетельное влияние несколько разогнало туман у него в голове. Кое-как он объяснил Чи ситуацию.

— Я пойду с ними. Мирно. А ты давай ссюда... вместе с кораблем... Тогда им придется оссвободить меня, и мы ззаймем-ся поисками Дэвида.

— Немедленно, — ответила Чи.

Целый отряд чародеев у ворот делал отчаянные пассы в сторону Адзеля. Тот повернулся к офицеру.

— Да, конечно, я пойду ссс... с вами к императору. — Рация издала какие-то неотчетливые звуки. Должно быть, Чи разговаривает с кем-то еще. Адзель протянул руки и оскалился. Это должно было изображать улыбку, но на виду оказалось слишком много устрашающих клыков.

Офицер подтолкнул солдата с цепями концом копья.

— Ну давай. Выполняй свой долг.

— Выполняй сам, — заупрямился тот.

— Что я слышу?! Ты противоречишь приказу?!

— Да. — Солдат попятился. Верховые воины отнеслись к нему с явной симпатией и расступились, давая дорогу.

— Да ладно, — сказал Адзель. Ему хотелось как можно скорее увидеть Джадхади и узнать в подробностях, что же произошло. Он рванулся вперед, кавалеристы взвизгнули и кинулись врассыпную.

— Я же только хочу помочь! — воскликнул воданит. Он поймал солдата, отобрал у него цепи и отпустил его. Тот рухнул на землю и сжался в комочек.

Адзель присел, опираясь на хвост, и стал рассматривать цепи. Их звенья погнулись.

— Как, вы полагаете, я смогу их застегнуть? — сварливо осведомился он. Чем старательнее он распутывал цепь, тем больше звеньев сцеплялось друг с другом. Императорское войско зачарованно наблюдало.

Из рации донесся крик:

— Адзель! Спасайся! Этот невоспитанный варвар поймал меня! — За этим последовали звуки борьбы, удар, и передатчик умолк.

На какой-то безумный момент Адзелю показалось, что он попал обратно на корабль и играет в сумасшедший покер: семь карт торчком и еще одна под столом, тройка в рукаве и вторая тройка на столе — получился флеш-ройял. Он поднимал ставку до тех пор, пока на кону не оказалось его жалованье за полгода, а при последней сдаче получил двойку. Тут алкогольные пары рассеялись, и он понял, что на самом

деле ситуация совсем иная, хоть ощущение иррационального кошмара осталось.

Лига обучала своих космонавтов действовать быстро. Адзель продолжал возиться с цепями, но при этом бросал взгляды направо и налево, оценивая обстановку. Можно быстро кинуться вон туда — если повезет, он прорвется. Но только не поранить бы этих бедолаг, не вытряхнуть из них их бедные заблудшие души.

Воданит напряг мускулы и кинулся.

На пути оказался кавалерист. Адзель сгреб его в охапку вместе с зандарой и зашвырнул в середину строя копьеносцев. Порядки войск расстроились, и Адзель устремился в образовавшуюся брешь. Позади раздались крики, и на него обрушился дождь стрел. Древко выпущенного из катапульты копья просвистело рядом. Офицер на зандаре нацелил пику в бок Адзеля и поскакал на него. Тот не заметил его вовремя, и стальное лезвие нанесло удар. Оно не пробило бронированную шкуру, но угодило в рацию на шее воданита. Адзель промчался мимо, все ускоряя движение, зандара завертелась волчком, а всадник взлетел в воздух по пологой дуге.

Впереди высилась глухая стена четырехэтажного здания. Адзель врезался в нее на полной скорости. Сила толчка подкинула его вверх, он уцепился за кромку стены и подтянулся. Грубо обтесанный гранит служил хорошей опорой. Копье из катапульты ударило в стену рядом с ним, посыпались обломки камня. Адзель пересек крышу, перепрыгнул на соседнюю, соскочил в проход между домами и устремился в Старый Город.

Помощи ожидать там, конечно, не приходилось, но выследить его в этом лабиринте будет трудно. Ему нужно добраться до озера Урши. Икрананкцы смогли бы преследовать пловца только на неповоротливых плотах, которые ему ничего не стоит обогнать. Добравшись до дальнего берега, он прямиком отправится через Чакору. До его появления там в Хайякате еще ничего не узнают... Но черт возьми, как же без рации?

Ничего, можно воспользоваться передатчиком Чи, после того как он вызволит пустоголовую малышку из тех неприятностей, которые на нее свалились. Они поднимут корабль, заберут флиттер из дворца и отправятся на поиски Дэвида. Только бы Дэвид был жив. И только бы им с Чи тоже удалось уцелеть.

6

Может быть, в катандарских поверьях о том, что сверхъестественные силы имеют исключительно злобный характер, и содержалась определенная доля истины. Если бы в тот момент, когда Адзель вызвал ее, Чи Лан оказалась на корабле... Но сама она, неисправимая рационалистка, сочла, что в ее невезении нет нарушения законов вероятности: ведь половину своего времени она проводила с Гудженги. Оба они стремились как можно больше узнать о цивилизациях друг друга.

Одним из новшеств, введенных Чи (нельзя сказать, что Гудженги был от него в таком уж восторге), была регулярность занятий. Единственные часы в Хайякате шли настолько своеобразно, что Чи пришлось подарить Гудженги хронометр. После этого барабанный бой и подъем флага, означавшие смену караула, начали случаться несколько более предсказуемо, и Чи могла определить, когда ей подниматься на холм для очередной встречи с Гудженги.

Компьютер, которому Чи велела напомнить ей о времени беседы с посланцем императора, сделал это со всей своей машинной бесцеремонностью.

— Ты мог бы быть и более почтительным, — проворчала Чи, откладывая книгу. Хоть она и убедила своих спутников, что тома, привезенные ею с Цинтии, — философские сочинения (на самом деле это были душещипательные любовные романы), но все равно читать их без глупых приставаний было одно удовольствие.

— Ты не включила почтительность в мою программу, — произнес механический голос.

— Напомни мне, чтобы я это сделала. Нет, распоряжение отменяется. Кому нужна машинная почтительность?

— Никому, — ответил Пень, не имевший программы для обработки риторических вопросов.

Чи вылезла из койки и собралась в город: взяла рацию и магнитофон, а на пояс повесила элегантный, как и положено леди, стреляющий иглами револьвер.

— Оставайся на вахте, как обычно, — сказала она компьютеру и вышла из корабля.

Пень умиротворенно загудел. Оставаться на вахте означало выполнять команды, отдавались ли они голосом, по радио или условным кодом, только членов команды, хоть в его банк памяти теперь и был заложен катандарский язык, а Чи подключила наружные микрофоны: вдруг ей понадобится, находясь снаружи, узнать у компьютера показания приборов.

Как только Чи ступила на трап, замок шлюза позади нее защелкнулся. Люк, находящийся непосредственно рядом с опорами, всегда оставался открытым на случай тревоги. Опасности, что внутрь заберутся туземцы и что-нибудь испортят, практически не было: от этого их удерживал страх перед чужеземцами, да и вел люк всего лишь в пустой трюм, дверь из которого на палубу компьютер не открыл бы никому, кроме членов экипажа. Чи всегда гордилась своей предусмотрительностью.

Алое солнце глазам Чи представлялось более светлым и ярким, чем глазам Фолкейна или Адзеля. Тем не менее ландшафт был виден ей неотчетливо. Чи выругалась: незамеченный сучок запутался в мехе — а ведь на расчесывание его она потратила целый час. И сухой воздух впитывал влагу с ее носа так же быстро, как впитывал виски Фолкейн по возвращении из затянувшегося путешествия; и ветер был холоден, как сердце ван Рийна; и запахи растительности

отдавали креозотом и горгонцолой[91]. Ах, если бы вновь оказаться в Та-чи-чин-пи, Живом-доме-под-небом, уютном жилище на вершине дерева, благоухающем лесными ароматами! И зачем только она покинула Цинтию?

Из-за денег, конечно. И как раз сейчас перспективы быстро их заработать представлялись неутешительными. Чи распушила хвост и зашипела.

Часовые у ворот подняли мечи к клювам в качестве приветствия. Как только Чи прошла мимо, они схватились за амулеты и начали шептать заклинания. Хотя чужеземцы пока что не принесли несчастья и даже имелся шанс получить от них большую выгоду, от демонов, как известно, ничего хорошего ждать не приходится.

Чи не удивилась бы и не обиделась, если бы узнала об этом. Она уже давно заметила глубочайший консерватизм и подозрительность икрананкцев. Этим и объяснялось, что у них до сих пор не было науки, несмотря на невероятную древность их расы. Цинтианке пока что не удалось найти объяснение этому феномену.

Чи плавным шагом шла между плетеных хижин. У порога одной из них сидела туземка и кормила своего малыша. В этом икрананкцы были схожи с цинтианами: ни те, ни другие не были млекопитающими, и их детеныши сразу начинали питаться твердой пищей (губы цинтиан не были приспособлены к тому, чтобы сосать). Но на этом сходство и кончалось. Жительницы Икрананки были миниатюрны, незаметны, покорны. Цинтианки же, которым приходилось таскать своих детенышей на спине, — для их расы ветви деревьев в бесконечных лесах стали привычной средой обитания, — были крупнее самцов и столь же свирепы, как и хищники. Счет родства у цинтиан ведется по материнской линии, полиандрия весьма распространена, а некоторые культуры являют собой отчетливо выраженный матриархат. Чи

[91] Пахучий итальянский сыр.

относила высокий уровень развития своей расы за счет этого.

Цинтианка вошла в дверь просторной хижины, где разместился Гудженги. Посол императора сидел за столом вместе со своим хозяином, комендантом местного гарнизона, Лалнаком. Они играли в какую-то игру, заключавшуюся в бросании цветных палочек в клетки расчерченной доски.

Чи вскочила на стол и уселась там, едва не опрокинув хлипкое плетеное сооружение.

— Что это? — спросила она.

Лалнак нахмурился. Гудженги, успевший привыкнуть к ее бесцеремонности, ответил:

— Это называется акрител. — Из объяснений выяснилось, что игра имеет довольно сложные правила, но в основном суть ее сводится к заключению пари о том, как упадут палочки относительно клеток. — Очень популярная игра, — добавил Гудженги.

— Ты собираешься делать ставку или нет? — буркнул Лалнак.

— Конечно, конечно. Только не торопи меня. — Гудженги поправил очки и начал внимательно изучать расположение уже находящихся на доске палочек. Чем менее вероятная комбинация выпадет, тем больше он выиграет; но если ему не удастся кинуть палочки необходимым образом, то и проигрыш будет соответственно велик — Кажется, мне сегодня везет, — сказал он, кивая на горку монет перед собой. — Пожалуй, можно попробовать... — и он выбрал палочки и сделал ставку.

— Тут следует не предполагать, — вмешалась Чи, — а знать.

Лалнак вытаращил на нее глаза.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Речь не о фактическом расположении палочек, конечно, — объяснила Чи, — а о том, каков шанс: достаточно ли велика вероятность выигрыша, чтобы делать большую ставку.

— Как, во имя всеразрушающих демонов, это можно рассчитать? — спросил Гудженги.

— Кидай, будь ты проклят! — выкрикнул Лалнак.

Гудженги встряхнул пригоршню палочек и бросил их на доску. Выпала нужная комбинация.

— Аррр... — прорычал Лалнак. — Я вылетаю из игры! — Он пододвинул свои последние монеты через стол к Гудженги.

Гудженги пересчитал деньги.

— Но ты должен мне больше, — сказал он.

Лалнак выругался и полез в висящий на шее кошель. Выудив оттуда что-то, он бросил перед Гудженги матово-белый диск.

— Это ты возьмешь? Рангакорская работа. Я хранил его на счастье. Но сегодня демоны сильнее талисмана.

Гудженги протер очки и начал рассматривать диск. Чи тоже присмотрелась. Это была медаль тонкой работы, с гирляндой, изображенной на аверсе, и горным ландшафтом на реверсе. Но с части поверхности серебро стерлось.

— Да это же посеребренная бронза, — сказала она.

— Это одно из их искусств, — ответил Гудженги. — Они погружают металл в ванну, и... я не знаю, что там происходит. У рагнакорцев сильная магия. Я однажды был в их посольстве, и мне дали подержать две медные проволочки, торчащие из коробки. Так что-то укусило меня, а они смеялись. — Гудженги вспомнил о своем достоинстве. — Так или иначе, вещи, подобные этой, высоко ценятся за свою магическую силу. Это еще одна причина того, почему завоевание Рангакоры столь желательно.

— Мы могли бы завоевать ее для вас, — напомнила Чи. — И, между прочим, мы готовы продать вам сколько угодно посеребренной бронзы.

— Аххрр. Пойми, благороднейшая, я не обладаю властью принять столь... э-э... судьбоносное? Да, судьбоносное решение Я всего лишь представитель императора.

— Но ты ведь можешь ему посоветовать, не правда ли? — настаивала Чи. — Я ведь знаю: вы с ним все время обмениваетесь посланиями.

— Э-э... да, конечно. Но не продолжить ли нам наши занятия?

— Я пошел, — сказал Лалнак мрачно.

Именно в этот момент рация заговорила.

— Чи! «Ты тут?» — произнес на странно невнятном англике голос Адзеля. Уж не пьян ли этот здоровенный балбес? Только бы рядом не оказались эршока. Мех Чи встал дыбом.

— Конечно... — начала она более ядовито, чем хотела.

Лалнак отпрыгнул в сторону, хватаясь за кинжал. Гудженги поднялся и принялся делать знаки, отвращающие зло, прервав это занятие, чтобы поймать соскользнувшие с клюва очки.

— Что это за напасть? — потребовал ответа Лалнак.

— Где мои очки? — жалобно вопросил Гудженги, шаря по полу. — Я их не вижу. Уж не похитил ли их какой-нибудь демон?

— Это защитная магия, — быстро сказала Чи по-катандарски. Из рации неслись звуки, издаваемые большой толпой. — Нечего бояться.

— Помоги мне найти мои очки, — простонал Гудженги. — Они мне очень нужны.

Лалнак с ругательством поднял очки. Чи дослушала Адзеля до конца. Ее мех по-прежнему стоял дыбом, но теперь, как всегда в моменты опасности, она взяла себя в руки. Ее ум начал просчитывать варианты, как криогенный компьютер.

— Немедленно, — ответила она Адзелю и посмотрела на икрананкцев. Те тоже смотрели на нее, настороженные и враждебные.

— Я должна идти, — сказала она. — Мой магический талисман предупредил меня о беде.

— Какой беде? — прокаркал Лалнак.

Гудженги, более привыкший к чудесам чужеземцев, поднял палец.

— Это был голос того чудовища, — сказал он, — но ведь оно же в столице!

— Ну да, — признала Чи. Прежде чем ей удалось придумать убедительное объяснение, Гудженги продолжал:

— Должно быть, это и есть приспособление для разговора через большие пространства. Я уже давно заподозрил, что вы умеете это делать. Ну же, благороднейшая, не оскорбляй меня отрицая очевидное. Он ведь зовет тебя на помощь, не так ли?

Чи смогла только кивнуть. Икрананкцы подошли поближе, угрожающе возвышаясь над ней. Ей не хотелось, чтобы ее поймали на лжи: это плохо сказалось бы на будущих контактах, которые и так казались не особенно безоблачными.

— Эршока восстали, — сказала она. — Они забаррикадировались в... в Железном Доме, как вы его зовете. Адзель хочет, чтобы я прилетела на корабле и припугнула их.

— Никуда ты не полетишь, — оборвал ее Лалнак, а Гудженги добавил:

— Мне очень жаль, благороднейшая, но, с тех пор как твои спутники находятся во дворце, я получил строжайший приказ удерживать тебя здесь.

— Ураган и саранча! — воскликнула Чи. — Вы что же, хотите, чтобы началась гражданская война? Именно этого вы добьетесь, если эршока не усмирить, и не откладывая. — Шум из рации стал громче. — Используйте свои мозги хоть раз в жизни. Если бы я хотела падения династии Джадхади, я бы просто не стала ничего предпринимать и дала событиям идти своим чередом.

Наступила тишина. Лалнак явно был в растерянности. Гудженги почесал шею.

— В этом что-то есть... — пробормотал он. — Определенно в этом что-то есть.

Из рации раздался рев. Звон металла, крики и удары, казалось, сотрясали прибор. Какой-то икрананкец прокричал тонким голосом:

— На помощь, чудовище меня убьет!

Лалнак насторожился. Косые лучи солнца, пробивавшиеся в сумрачную хижину, сверкнули на лезвии его кинжала.

— И это друзья? — прорычал он.

Чи выхватила револьвер.

— Это недоразумение, — оптимистично сообщила она. — Истинно говорю вам, мы ваши друзья, и я застрелю любого, кто обвинит меня во лжи. — Басовитый голос Адзеля невнятно что-то пробормотал, заглушая лязг металла. — Вы же слышите? Он не участвует в сражении.

— Конечно, нет, — протянул Лалнак. — Он просто закусывает.

Чи выпрямилась на крышке стола.

— Я ухожу, — сказала она, — и советую мне не препятствовать.

К ее удивлению, Гудженги, которого она считала просто болтливым профессором, выхватил меч и спокойно произнес:

— Я — деодах, и, если я не попытаюсь тебя остановить, меня выгонят из братства.

Чи заколебалась. Ей совсем не хотелось его убивать. Это тоже не пойдет на пользу будущим торговым контактам. Может быть, слегка ранить?

Гудженги отвлек ее внимание от Лалнака. Рука воина взметнулась. Его нож мелькнул в воздухе и ударил по револьверу. Оружие вылетело из руки Чи, а Лалнак кинулся на цинтианку. Она вскрикнула и оказалась прижата к полу.

— Ххаххх, — выдохнул Лалнак. — Не дергайся, ты! — Он сильно ударил Чи по голове, вырвал у нее рацию и отшвырнул в сторону.

— Ну, ну, — мягко упрекнул его Гудженги. — Ненужно насилия, благороднейший, не нужно насилия, пока мы не решим, что это необходимо. Как все неудачно вышло. — Он

поклонился Чи, которую по-прежнему держал Лалнак. Одновременно он раздавил ногой ее рацию. — Я немедленно отправлю гонца. Пока все не прояснится, с тобой будут обходиться с должным почтением.

— Подожди! — прервал его Лалнак. — Командир здесь все-таки я!

— Но, мой дорогой друг, вполне возможно, что нам еще удастся договориться.

— Сомневаюсь. Эти чудовища — демоны или одержимы демонами. Но согласен: держи ее под стражей, где тебе будет угодно, я только проверю, чтобы все было надежно. Я же начну с того, что выставлю часовых у этого их летающего дома. С катапультами, на случай если появится дракон, и с приказом убить его немедленно.

— Ну что же, — ответил Гудженги, — идея недурна.

7

Фолкейн не потерял сознания. Скорее сознание его сделалось фрагментарным, как при сильном опьянении. Его мысли разбежались по дюжине различных дорожек, ни одна из которых не вела к тому месту, куда скрылась его сила воли.

Привалившись к стене там, где его оставили эршока, он смутно ощущал твердость камня за спиной, давление всей массы планеты на подошвы, холод и сухость воздуха, слышал собственное отдающее наркотическим снадобьем дыхание и стук своего сердца, видел красные отблески на голом полу и затянутое пыльной дымкой небо за окном, которое почему-то было наклонным.

Фолкейн осознавал присутствие здоровенного белокурого детины, который напал на него сзади, и не менее здоровенного рыжего, который его поддерживал; форма носа рыжего явно имела скрытое космическое и, возможно, зловещее значение... Дэвида посетила мысль о том, что отрава, которую он вдохнул, возможно, могла бы завоевать

фармацевтический рынок; эти приятные размышления сменились воспоминанием о родительском замке на Гермесе и раскаянием в невнимании к родителям (можно бы писать им письма и почаще); но через полсекунды он уже переключился на пирушку у Ито Ямацу в Токио, что, по очевидной ассоциации, напомнило ему о некоторых девушках, а это, в свою очередь, заставило его задуматься о...

— Помоги мне, Оуэн, — прошептала Стефа Карле. — Его слуга скоро вернется, а то и еще кто-нибудь заявится.

Она начала раздевать Фол кейна. Это могло бы его смутить, не будь он таким одуревшим, или доставить удовольствие, если бы Стефа не была столь безразлична. И, конечно, если бы не участие белокурого детины. Несмотря ни на что, Фолкейн все-таки попытался оценить некоторые виды, открывшиеся ему в результате близости Стефы, но ему никак не удавалось сфокусировать зрение.

— Порядок, — Стефа кивнула в сторону лежащего на полу узла. Оуэн развернул сверток, в котором оказалась грубошерстная с кожаными заплатами одежда воина-эршока, предназначенная для езды верхом. Теперь Стефа стала одевать Дэвида. Это оказалось не таким уж легким делом: Фолкейн никак не удерживался в сидячем положении, даже несмотря на поддержку рыжего.

Впрочем, оцепенение понемногу проходило. Фолкейн собрался было позвать на помощь, но вдолбленная годами обучения осторожность остановила его. Это ничего бы не дало — пока. Однако силы постепенно возвращались к нему, комната перестала вращаться, а как только они наденут на него пояс с кинжалом...

Стефа надела на него пояс. Теперь он мог бы выхватить кинжал и ударить ее в спину: она как раз опустилась на корточки перед — ним. Но ему было жалко девушку. Фолкейн дернулся, выскользнул из рук рыжего, его пальцы сомкнулись на рукояти кинжала. Резким движением он направил оружие в грудь воина.

Аххх! У кинжала не оказалось лезвия — только короткий тупой обломок, достаточный, чтобы удерживать кинжал в ножнах. Эршока, несомненно, заработал синяк — он отшатнулся от Фолкейна со сдавленным проклятием. Дэвид, все еще нетвердо держась на ногах, заковылял к двери. Он уже открыл было рот, чтобы позвать на помощь, но белокурый детина схватил его за руку, а Стефа, быстрая как тигрица, всунула кляп — все ту же тряпку с наркотиком.

Снова погружаясь в состояние безволия, Фолкейн увидел, как она улыбнулась, и услышал ее довольный шепот:

— Здорово сделано. Ты многое умеешь. Но мы это предвидели.

Девушка нагнулась, поднимая с пола бластер и станнер. Отблеск света скользнул по ее заплетенным в косы волосам.

— Эй! — вмешался белокурый. — Брось это!

— Но это же его оружие, — возразила Стефа. — Я говорила вам, как много можно им сделать.

— Мы не знаем, на что еще оно годится, что за черная магия в нем заключена. Брось его, я сказал.

Рыжий, потирая ушибленный бок, согласился с ним. Стефа была явно недовольна, но времени на споры не оставалось. Она вздохнула и выпрямилась.

— Тогда спрячь все это в шкаф, чтобы слуга подумал, будто он просто вышел на минутку. Нам пора.

Поддерживаемый с каждой стороны воинами, Фолкейн, шатаясь, вышел в холл. Он был слишком не в себе, чтобы интересоваться-тем, что происходит, и механически повиновался своим спутникам. В этой части дворца, занятой жилыми покоями, почти никого не было. У пандуса, ведущего в нижний этаж, они встретили слугу, который нес заказанный кувшин с крепким пивом. Икрананкец не узнал Фолкейна в его новой одежде. Не узнал его никто и в многолюдных коридорах в другой части дворца. Только какой-то чиновник задал вопрос:

— Куда ведут этого эршока?

— Он напился перед тем, как заступить на пост, — ответила Стефа. — Мы ведем его в казарму.

— Безобразие! — возмутился бюрократ, однако в присутствии троих вооруженных и вполне трезвых эршока воздержался от дальнейших комментариев.

Через некоторое время Фолкейн достаточно пришел в себя и понял, что они приближаются к воротам для вылазок в северной стене. Вид на город отсюда был закрыт рядом строений. Десятка два эршока, в основном одетые в доспехи мужчины, нетерпеливо ждали их появления. Четверо воинов братства тирут, часовые у этих ворот, лежали связанные и с кляпами в клювах, бросая яростные взгляды на эршока. Люди выскользнули из ворот.

К западу от города река Яндже протекала в глубоком каньоне. Густая зелень и чистое журчание воды остались позади, когда дорога вывела путников на нагорье. Здесь уже начиналась пустыня, выветренные скалы, осыпи, рыжие от окислов железа. В этом диком краю эршока ничего не стоило затеряться.

— Шевелись, ты! — белокурый детина дернул Фолкейна за руку. — Действие наркотика давно кончилось!

— Ухх... почти, — признал Фолкейн. Он приходил в норму с каждым шагом по перекатывающимся под ногами камням Особого прока от этого, правда, не было — со всех сторон его окружали проклятые гангстеры...

Вскоре они добрались до устья ущелья, где их ждало полсотни зандар под присмотром двух всадников-икрананкцев. Некоторые животные были вьючными, большинство — верховыми. Эршока лихо вскочили в седла, Фолкейн последовал их примеру более осторожно. Туземцы отправились обратно в город.

Стефа скакала впереди. Они ехали по ущелью, пока не выбрались на склон, поднимающийся над скалами. Здесь не было ничего живого, кроме нескольких чахлых кустиков. Позади них остались текущая на север Яндже, раскинувшийся на берегах озера город и протянувшаяся до горизонта

плоская и затянутая пылью долина Чакоры. Всадники повернули на восток и пустили своих скакунов галопом.

Нет, пожалуй, это слово тут не подходило! Зандара Фолкейна развила такую скорость, что он едва не вылетел из седла. Он ощутил головокружение свободного падения, затем седло ударило его снизу. Дэвид начал валиться направо. Скакавший рядом эршока умудрился перегнуться через шею зандары и подхватить его. К этому моменту его скакун снова взвился в воздух. Фолкейн качнулся назад. Ему удалось удержаться, обхватив шею зандары.

— Эй, ты собираешься ее задушить? — крикнул кто-то.

— По правде говоря... это... было бы... неплохо, — выдохнул Фолкейн в промежутках между толчками.

Вокруг него сверкали шлемы, копья, расписные щиты, развевались плащи. Звенел металл, скрипела кожа, барабанную дробь выбивали ноги зандар. Запахи пота и мускуса наполняли воздух, пыль и песок облаком окружали отряд. Перед глазами Фолкейна мелькнула Стефа. Эта чертовка смеялась!

Он стиснул зубы. Точнее, он хотел это сделать, но не смог — его рот был полон песка. Если он хочет остаться после этой скачки в живых, то требуется как-то освоить технику езды.

Постепенно ему это удалось. Нужно слегка приподниматься на стременах в момент, когда зандара касается земли, чтобы смягчить толчок, и наклоняться вперед в такт с движениями животного. При этом выясняется, что хоть ты и считаешь себя атлетом, мускулы, о существовании которых ты никогда не подозревал, возражают против гимнастики на зандаре. Физические мучения вскоре вытеснили размышления о том, что вся эта эскапада значит.

Несколько раз отряд останавливался, чтобы передохнуть и сменить верховых животных. Наконец, после нескольких веков скачки, эршока расположились на ночлег. Были розданы походные рационы из седельных сумок, по глотку

воды из фляг, одеяла. Воины выставили караул, завернулись в плащи и улеглись.

Фолкейн не знал, как долго он наслаждался горизонтальным положением, когда Стефа разбудила его.

— Уйди, — промямлил он, пытаясь снова укрыться в благословенной темноте. Она вцепилась ему в волосы и дернула. Этот метод дал результат: через некоторое время он был готов завтракать.

Теперь они скакали не так быстро, и боль в мускулах несколько поутихла. Фолкейн начал замечать происходящее вокруг. Пустыня стала более холмистой и несколько более плодородной. Солнце стояло ниже, и впереди всадников, к горам Сундрадарты, тянулись длинные тени. Сине-серый горный массив медленно выплывал из-за горизонта. Эршока расслабились, начали шутить, смеяться и петь довольно кровожадные песни.

Ближе к концу «дня» их догнал всадник с несколькими запасными зандарами. Фолкейн вытаращил на него глаза. Проклятье, это же Хью Падрик! Воин дружелюбно помахал ему и проехал в голову отряда, чтобы что-то обсудить со Стефой.

Эти двое все еще продолжали разговаривать, когда отряд остановился на второй ночлег на вершине холма среди ярко-желтых кустов. Воины не сразу завалились спать, а разожгли костры и устроились вокруг них дружескими компаниями. Фолкейн предоставил кому-то из эршока расседлать его зандару, стреножить ее и отправить пастись. Сам же он с хмурым видом уселся в сторонке. Однако его одиночество продолжалось недолго.

На него упала чья-то тень. Это оказалась Стефа. Фолкейн не мог не признать, что смотреть на высокую, полногрудую, с внешностью королевы девушку было по-прежнему приятно. К тому же, более привычная к местному прохладному климату, она сбросила плащ и осталась в легкой блузе и юбке, что делало зрелище еще более соблазнительным.

— Присоединяйся к нам, — пригласила она.

— А есть ли у меня выбор?

Серые глаза серьезно смотрели на юношу. Стефа коснулась его руки и произнесла смущенно:

— Мне очень жаль, Дэвид. Конечно, не следовало так с тобой обращаться, и не только после всего, что ты для меня сделал. Ты и сам по себе заслуживаешь лучшего. Может быть, ты позволишь мне все тебе объяснить?

Он последовал за ней к костру с меньшим неудовольствием, чем постарался изобразить. Падрик жарил над углями кусок мяса, насаженный на палочку.

— Привет, — в его спутанной бороде блеснули белые зубы. — Надеюсь, тебе понравилась наша поездка.

— Что случилось с Адзелем? — требовательно спросил Фолкейн.

— Не знаю. Когда я видел его последний раз, он направлялся во дворец, пьяный в стельку. Мне лучше было смыться из города прежде, чем начнется заварушка, так что я отправился к озеру, где оставил своих зандар, и поскакал за вами вдогонку. Ну и пыль же вы подняли — ее было видно издалека! — Падрик протянул Фолкейну кожаную флягу. — Глотни-ка — хорошее вино!

— Уж не думаешь ли ты, что я стану пить с тобой, после...

— Дэвид, — умоляюще сказала Стефа, — выслушай нас. Вряд ли твой друг-великан попал в такую уж беду. Они не рискнут причинить ему вреда, пока та малышка все еще на корабле. К тому же Джадхади может решить, что ты похищен, а не удрал по своей воле.

— Сомневаюсь, — ответил Фолкейн. — Так подумал бы представитель галактической цивилизации, но подозрительные икрананкцы видят заговорщиков под каждой кроватью.

— Ну, мы ведь и нашим собственным товарищам, тем, кто остался в Железном Доме, устроили веселую жизнь, — напомнила ему Стефа. — Дело может дойти до стычки между ними и этими клювастыми, если учесть, как напряжены нервы с обеих сторон.

— Удружили же вы своему братству, — заметил Дэвид.

— Нет! Это все для их же блага. Ты только послушай!

Стефа показала на расстеленную у огня попону. Фолкейн пожал плечами и опустился на нее, приняв позу римского сенатора. Девушка уселась рядом, Падрик остался по другую сторону костра, довольно хмыкнув:

— Скоро будет готов обед. Так как насчет выпивки?

— Ну ладно, черт возьми, — согласился Дэвид. Термоядерный огонь, зажженный содержимым фляги в его горле, немного выжег накопившийся там песок и приглушил тревогу за Адзеля. — Вы ведь люди Роберта Торна, верно?

— Теперь да, — ответила Стефа. — Сначала только я была на его стороне. Видишь ли, Торн рассылает лазутчиков-икрананкцев. Жители Рангакоры, если уж от завоевания им никуда не деться, предпочитают эршока братству деодах: мы лучше находим с ними общий язык. Так что некоторые их отряды сражаются на нашей стороне, да и купцы тоже, и... Так или иначе, не особенно трудно выбраться из Рангакоры и смешаться с осаждающими, притворившись горцем-торговцем или еще кем-нибудь в этом роде.

«Никуда не годится служба безопасности, — подумал Дэвид. — Интересно, как же так получается, ведь эта раса не доверяет никому, кроме кровных родственников? Ну да, клановость ведет к разобщенности между отрядами и облегчает если не шпионаж, то уж разведку точно».

— Когда Джадхади узнал о вас, — продолжала Стефа, — он, наверное, разослал гонцов к командирам, и кто-то из них проболтался. — Фолкейн хорошо мог себе это представить: чтобы офицер, принадлежащий к братству тирут или яндаджи, да сохранил новость в секрете от своих собственных родственников по приказу какого-то деодах! — До рядовых, как ты понимаешь, доходили только смутные неопределенные слухи, но они дошли и до наших разведчиков. Мы не знали, что же на самом деле происходит, и обязательно должны были — это выяснить. Мне удалось проскользнуть сквозь посты незамеченной, раздобыть пару зандар и

отправиться к Хайякате. Там часовые все-таки засекли меня и подстрелили мою запасную зандару. Меня тоже чуть не укокошили. — Стефа засмеялась и взъерошила волосы Фолкейна. — Если бы не ты, Дэвид!

— Понятно: ты порасспросила нас, выяснила, что мы на стороне Джадхади, и притворилась тоже его сторонницей, — кивнул Фолкейн; при этом ее рука еще раз очень приятно прошлась по его волосам. — Но как же ты рискнула возвратиться с нами вместе в Катандару?

— Я же должна была что-то предпринять, не так ли? Вы собрались разбить нас. Я не знала заранее, что мне удастся сделать, но в Катандаре осталось много воинов, которые хотели бы попасть в Рангакору. И, конечно, никто в Железном Доме меня бы не выдал икрананкцам. — Стефа озорно улыбнулась. — Ох и разозлился же старый Гарри Смит! Он хотел немедленно отдать меня под трибунал. Но слишком многие возражали. В конце концов он велел мне оставаться в казарме, пока все не прояснится. Это была его ошибка. Пока я там сидела, я вовсе не молчала, когда его не было поблизости; к тому же я знала, к кому обратиться — к старым друзьям и любовникам, которым можно доверять.

— Э-э... — поперхнулся Фолкейн Падрик самодовольно улыбнулся.

— Так что мы организовали заговор и ждали возможности действовать. Хью нанял парочку своих собутыльников в Старом Городе, чтобы те купили нам зандар и припасы. Деньги на это у нас были. Потом он познакомился с вами. Конечно, у нас ничего бы не вышло, пока Адзель был с тобой. Мы думали, все окажется проще, если ты отправишься с Хью в город. Но, когда вместо тебя с ним пошел Адзель, мы решили, что больше терять времени нельзя. Нашим людям по одному удалось выбраться из казармы, а Оуэн и Росс провели меня через заднюю дверь во дворец. Мы проскользнули в твои комнаты. Ну и встряску же мы получили, когда тебя там не оказалось! Но мы решили, что ты на приеме у императора, и стали ждать. Хорошо, что мы это сделали.

Фолкейн для успокоения отхлебнул еще разок из фляжки, оперся на локоть и строго посмотрел на Стефу:

— И какова же цель всего этого фантастического предприятия?

— Помешать тебе помочь Джадхади, — ответил Падрик, — а может быть, даже побудить помочь нам — ведь мы же твои соплеменники, в конце концов.

— Эршока в Катандаре — тоже мои соплеменники.

— Но наша затея и им на пользу, — настаивала Стефа. — Почему наше братство* должно оставаться подчиненным, жить по законам, соблюдать традиции, не для нас придуманные, когда мы можем быть хозяевами в своем собственном королевстве?

— И к тому же лучшем королевстве, чем это, — добавил Падрик.

— Так считает и Роберт Торн, — согласилась Стефа. — Он надеялся, что все эршока порвут с Джадхади и присоединятся к нему, как только узнают о его восстании. Конечно, мы понимаем, что пробиться сквозь императорскую армию будет нелегко. Будут потери. Но сделать это возможно, — голос ее зазвенел, — и ради победы можно и не постоять за ценой!

— Похитив меня, вы могли поставить эршока в такое положение, когда им ничего другого не останется, — с горечью признал Фолкейн. — И ради чего? Разве я не говорил тебе, Стефа, что вы все сможете вернуться на Землю?

Глаза девушки расширились, она поднесла руку ко рту.

— Ох! Я совсем забыла об этом!

— Теперь уже поздно, — засмеялся Падрик. — К тому же, когда еще твои корабли сюда прибудут, а, Дэвид? И что тем временем случится в Рангакоре? Да и вообще... Я не уверен, что мне так уж хочется отсюда улетать. Обычаи на Земле могут оказаться очень уж непривычными, хуже, чем в Катандаре.

— Прекрасно, — сказал Фолкейн. — Пока вы во всем преуспели. Вы устроили волнения в столице. Вы помешали нам

выступить против мятежников — до тех пор, пока мои спутники не выяснят, что случилось со мной. Может быть, вы поссорили нас с Джадхади. Но только не рассчитывайте, что мы станем выполнять за вас грязную работу.

— Я так хотела бы, чтобы ты передумал, — промурлыкала Стефа и погладила Дэвида по щеке.

— Брось, красотка! Моя цель — подштопать империю, а не стереть ее с лица земли.

— Это не имеет значения, — проворчал Падрик. — Пока твой... э-э... корабль не наложил свои лапы на нас, — перед Фолкейном мелькнула сумасшедшая картинка: размахивающий лапами «Через пень-колоду», — нам ничего не страшно. А пока ты в наших руках, можно не бояться атаки с корабля.

— Если только они не придут мне на. помощь, разрушив заодно ваши паршивые стены.

— Пусть только попробуют, — прорычал Падрик, — и им придется собирать тебя по кусочкам. Мы им об этом сообщим, если они появятся. — Падрик даже не затруднил себя тем, чтобы выглядеть огорченным.

— Это будет так печально, — проворковала Стефа, — наша дружба еще только в самом начале...

— Мясо готово, — сообщил Падрик.

Фолкейн смирился с ситуацией. Он не намеревался оставаться в бездействии дольше, чем это окажется необходимым, однако был готов вынести еду, выпивку и присутствие красивой женщины с выдержкой, которая заставила бы Адзеля им гордиться. («Адзель, старая ты чешуйчатая образина, все ли у тебя в порядке? Надеюсь, что так. Ведь единственное, что ты должен сделать, — это вызвать Чи по радио на помощь».) Разговор за обедом носил дружеский и оживленный характер. Падрик после изрядных возлияний оказался совсем неплохим парнем, а уж Стефа — о той и говорить нечего. Единственное, что в конце концов огорчило Фолкейна, — это их настояния прекратить веселье и

отдохнуть перед следующим этапом пути. Что за унылый взгляд на вещи!

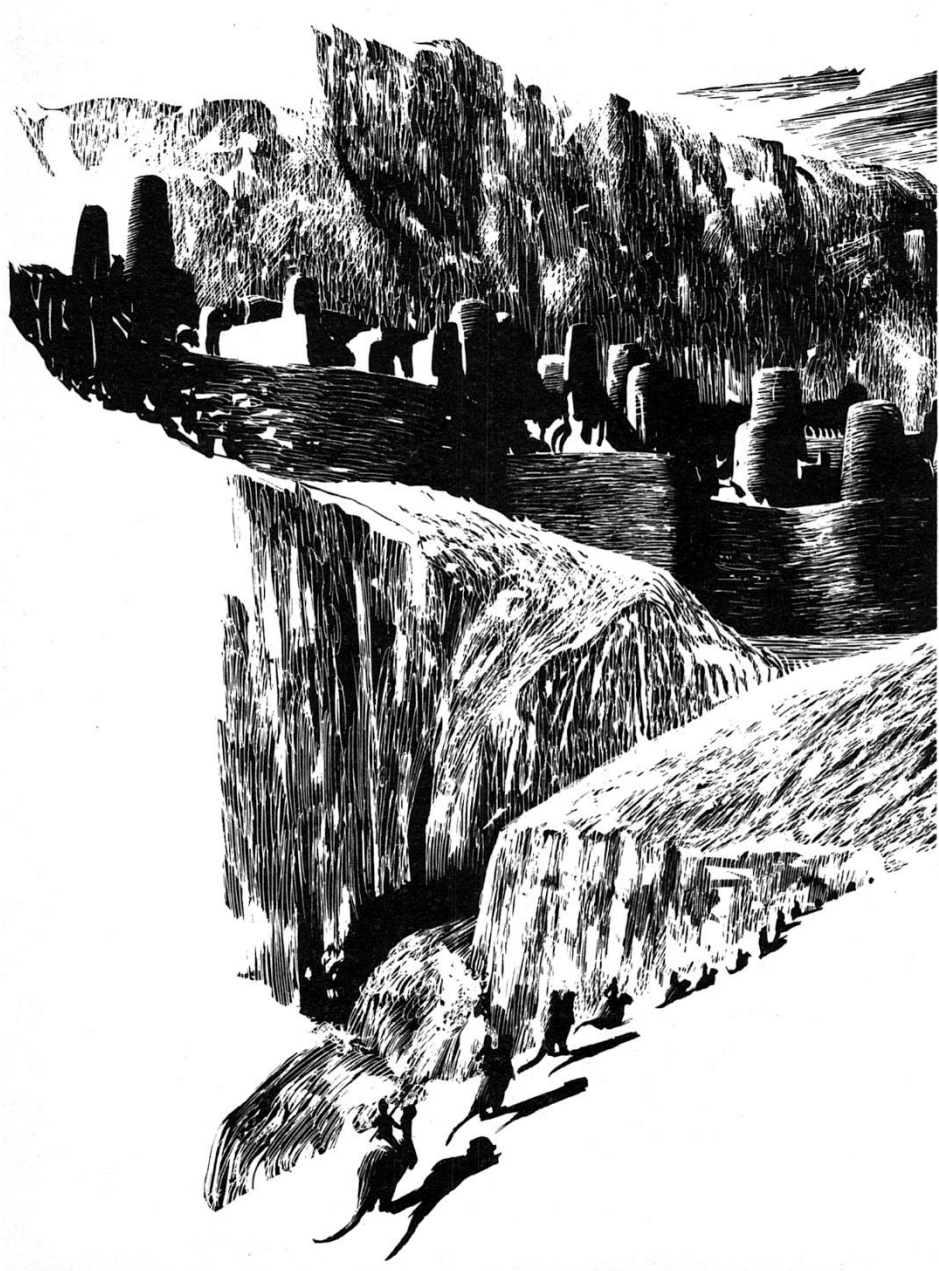
Фолкейн лишился своих часов вместе со всеми прочими вещами, но, как оказалось, эршока обладали хорошо развитым чувством времени. Древние ритмы Земли все еще звучали в их крови. Час на сборы, шестнадцать часов — с короткими остановками — в пути, час на то, чтобы разбить лагерь, шесть часов сна (часовые за это время сменялись дважды). Беспокоиться в этих пустынных местах было особенно не о чем.

Местность становилась все более зеленой, по мере того как они приближались к Сумеречным краям. Подножия гор Сунд-радарты оказались покрыты похожей на мох растительностью, стали встречаться ручьи, заросли местных деревьев с перистыми листьями клонились под ветром. Однажды на севере собрались окрашенные в цвета расплавленного золота облака. К востоку горы, освещенные ровным красным светом, становились круче. Фолкейн заметил покрытые снегом пики и ледники. Небо над ними становилось все темнее, засверкали звезды. Отряд достиг границ Сумеречных краев.

Атмосфера планеты рассеивала достаточно света, к тому же орбита Икрананки была весьма эксцентрической, в результате чего освещенность этих земель менялась на протяжении семидесятидвухдневного года. В настоящий момент тьма отступила, и солнце стояло чуть выше западного горизонта. Склоны гор на этой высоте отражали так много тепла и инфракрасных лучей, что климат здесь оказался даже теплее, чем в Катандаре. Снега, выпавшие за холодный сезон, растаяли, и реки, пенясь, низвергались со скал. Теперь Фолкейну стало понятно, почему Ранга-кора представляет собой такой лакомый кусочек.

По его представлениям, отряд был в пути около пяти земных дней и преодолел около четырех сотен километров, когда они свернули на юг к восточной оконечности Чакоры. Впереди высился крутой отрог хребта, и тропа вела вверх, к

снежной вершине горы Тундра. Фолкейн привык к езде на

1229

зандаре и любовался теперь великолепным видом, размышляя о последнем разговоре у костра. Падрика увела какая-то девушка, и Фолкейн остался наедине со Стефой. Ну, не совсем наедине: это было невозможно в лагере, — но все же его пленение, подумал Дэвид, имеет и свои приятные моменты...

Обогнув скалу, они увидели перед собой Рангакору.

Город был построен под перевалом через хребет, на небольшом плато. Ухабистая дорога вилась вверх от Рангакоры, а с другой стороны, столь же круто шла вниз, на дно бывшего моря. Сквозь туман была видна равнина, насыщенная влагой, зеленая и золотая. Вдоль горной стены вилась река, русло которой частично скрывалось в лесу, и как раз над Рангакорой падала с отвесной скалы увенчанным радугой водопадом. У Фолкейна перехватило дыхание.

Отряд остановился и сплотил ряды. Воины прикрылись щитами и вытащили мечи, луки были взяты на изготовку.

Фолкейн понял, что сейчас не время любоваться окрестностями.

Зелень, покрывающая землю в окрестностях города, была истоптана. Вокруг стен дымились костры, рядом теснились шатры и развевались флаги. Крошечные на таком расстоянии, воины Джадхади окружали заманчивую Рангакору, откуда они были изгнаны.

— Мы будем прорываться, — сказал Падрик. Свист ветра и эхо придали его словам драматический оттенок. — Ребята Торна увидят нас и сделают вылазку, чтобы мы могли пробиться в город.

Стефа остановила свою зандару рядом со скакуном Фолкейна.

— На твоем месте я бы оставила глупые идеи о том, чтобы удрать и сдаться осаждающим, — мило улыбнулась она.

— О, черт, — пробормотал Фолкейн, который обдумывал именно это.

Стефа перекинула повод его зандары через луку своего седла, а другая девушка привязала его ноги к стременам. Фолкейну часто приходилось слышать о моральном и психологическом влиянии полной неизбежности, но это казалось уж чересчур.

— К бою! — скомандовал Падрик. Он взмахнул мечом. — В атаку!

Зандары рванулись вперед. В лагере императорских войск барабаны забили тревогу. Кавалерийский отряд на полной скорости помчался им наперерез. Копья воинов сверкали невыносимо ярко.

8

Будучи столь же склонны к нарушению закона, как и представители большинства других рас, икрананкцы нуждались в тюрьмах. Узилище в Хайякате находилось на рыночной площади и представляло собой хижину из единственной комнаты, внутри которой была решетка из

крепких столбов, предохраняющая плетеные стены от покушений узников. Если заключенный нуждался в свете, он мог откинуть дверной занавес; при этом решетка на двери оставалась вне его досягаемости. В качестве мебели наличествовали соломенный матрац и несколько глиняных горшков. Чи разбила один из них и попыталась обломком вырыть подкоп. Ее орудие раскрошилось, доказав тем самым, что тюремщики могли быть безумны, но не были глупы.

Шум и тарахтение вывели Чи из задумчивости. Дверь со скрипом отворилась, занавес был откинут, и в красноватом сумеречном свете блеснули очки Гудженги.

— Я как раз думала о тебе, — сказала цинтианка.

— Правда? — наместник выглядел польщенным. — И могу я узнать, что же ты обо мне думала?

— О всяких предназначенных тебе приятных и длительных процедурах — например, кипящем масле или расплавленном свинце. Что бы ты предпочел?

— Я... э-э... можно мне войти? — Дверь распахнулась шире, и за сутулой фигурой Гудженги Чи увидела двух вооруженных стражей; позади них были видны несколько местных жителей, бесцельно слоняющихся по базарной площади — изоляция Хайякаты свела торговлю к минимуму. — Я хотел бы убедиться, что у тебя есть все необходимое.

— Ну, крыша пока не протекает.

— Но я же тебе говорил, что к западу от Сундрадарты дождей не бывает.

— Вот именно. — Взгляд Чи с интересом остановился на мече посланца императора. Не удастся ли заманить в камеру одного Гудженги и отобрать у него оружие?.. Нет, он сумеет защититься и тут же позовет на помощь. — А почему у меня отобрали сигареты? Ну, те горючие трубочки, которые, как ты видел, я обычно вставляю в рот.

— Они находятся в твоем летучем доме, благороднейшая, и, хотя дом не возражает против стражи вокруг, он отказывается впустить нас внутрь. Я просил его об этом.

— Отведи меня туда, и я отдам приказ дому.

Гудженги покачал головой:

— К сожалению, это невозможно. Слишком могучие силы находятся там в твоем подчинении. Когда настоящее... аххрр... досадное недоразумение прояснится, тогда, благороднейшая, конечно, я сделаю, как ты захочешь. Я в срочном порядке отправил в Катандару гонцов, и ответ придет скоро.

Не сомневаясь в гостеприимстве узницы, Гудженги перешагнул через порог, и солдаты заперли за ним дверь на громоздкий замок.

— А тем временем вернется бедняжка Адзель, и твои головорезы его застрелят. — упрекнула его Чи. — Задерни занавес, недотепа. Я вовсе не хочу, чтобы эти дуболомы глазели на меня.

Гудженги исполнил ее распоряжение.

— Но теперь я ничего не вижу, — пожаловался он.

— Ну в этом я не виновата. Садись. Да, вон там в углу — матрац. Хочешь выпить? Стражники принесли мне кувшин вина.

— Э-э... мне не положено.

— Ладно, давай, — отмахнулась от его сомнений Чи. — Пока мы вместе пьем, мы, по крайней мере, не стали еще смертельными врагами. — Она налила вина в глиняную кружку.

Гудженги жадно выпил и не стал возражать против второй кружки.

— Что-то я не вижу, чтобы ты сама пила, — сказал он с тяжеловесной претензией на игривость. — Может быть, ты рассчитываешь меня напоить допьяна?

«Ну, — подумала Чи, вздыхая, — попытаться во всяком случае можно». На секунду она напряглась. Ее ум, как всегда в критической ситуации, заработал на повышенных оборотах. Расслабив мускулы, она лениво проговорила:

— Здесь ведь нечем больше заняться, не правда ли? — Она отпила из своей кружки. В темноте Гудженги не увидел,

как она сморщилась. Ну и гадость! — Вы напрасно причиняете нам зло, — сказала она. — Мы ведь питаем в отношении вас самые дружественные намерения. Однако, если мой товарищ, когда он здесь появится, будет убит, вам не уйти от возмездия.

— Кр... Его убьют, только если он нападет. Как ни сопротивлялся этому комендант Лалнак, я велел расставить глашатаев, которые криками предупредят твоего товарища, что ему не следует к нам приближаться. Надеюсь, он будет благоразумен.

— Но тогда что же ему делать? Не умирать же с голоду? — Гудженги поморщился. — Ладно, пока что давай выпьем, — сказала Чи.

— Мы... аххрр... можем попытаться достичь компромисса. Все зависит от того, какой ответ я получу из столицы.

— Но, если Адзель направляется сюда, он доберется гораздо раньше, чем ты получишь ответ. Допивай, и я наполню кружки снова.

— Нет-нет, с меня хватит, я уже не так молод.

— Я не люблю пить одна, — настаивала Чи.

— Но ты почти и не пила, — возразил Гудженги.

— Я же меньше тебя, — ответила цинтианка, осушила свою кружку и налила им обоим из кувшина снова. — Но ты удивился бы, если бы знал, как много я могу выпить, — добавила она.

Гудженги наклонился вперед:

— Хорошо. Чтобы показать тебе мое искреннее стремление к дружбе, я к тебе присоединюсь. — Чи ясно прочла его мысль: если ее хорошенько напоить, она может проговориться о чем-нибудь важном. Чтобы поощрить его в этом похвальном намерении, она икнула.

Гудженги старался пить мало, в то время как Чи поглощала вино во все больших количествах. Тем не менее по истечении часа речь икрананкца постепенно сделалась несколько неотчетливой.

Гудженги, казалось, в отличие от Чи сохраняет ясность сознания, хотя его попытки выманить у нее признание в том, что целью Фолкейна в Катандаре было вызвать беспорядки, никак нельзя было бы назвать тонкими. Когда ее протесты приняли слишком уж воинственный характер, Гудженги сменил тему.

— Давай обсудим что-нибудь еще, — предложил он. — Например, твои способности и умения.

— У меня разносторонние шшпошшобности — лучшше, шшем у тебя.

— Да. Да, конечно.

— И к тому жже я краш... красивее.

— Э-э... вкусы различаются, знаешь ли, вкусы различаются. Но я должен признать, что ты обладаешь определенной...

— Ужж не хочешш ли ты шшказать, что я не красотка? — Усы Чи угрожающие встопорщились.

— Что ты, благороднейшая, напротив...

— И ешшще я замеччательно пою. — Чи, пошатываясь, поднялась с кружкой в руке, махнула хвостом и издала чудовищное завывание. Гудженги зажал уши.

«Чинг, чанг, гули, гули васса, Чинг, чанг, гули, гули бум».

— Очень, очень мелодично! Боюсь, что мне пора идти. — Гудженги завозился на матраце.

— Не ухходи, мой старый друхх... Не ошштавляй меня в одиноччестве... — умоляла Чи.

— Я вернусь. Я...

— Ик! — Чи пошатнулась и обхватила Гудженги. Содержимое ее кружки выплеснулось ему на очки. Очки слетели, Чи попыталась их поймать, не удержалась на ногах и села на хрупкий предмет. Раздался треск.

— Помогите! — вскричал Гудженги. — Мои очки!

— Мне оччень жжаль... — Чи извлекла из-под себя осколки.

Солдаты ворвались в хижину со всей доступной им скоростью. Чи попятилась в дальний угол. Гудженги зажмурился от хлынувшего в дверь света.

— Что случилось, благороднейший? — спросил один из стражников, размахивая мечом.

— Какое несччастье... — бормотала Чи. — Как жжаль... Но я тебе помогу.

— Она не нарочно, — признал Гудженги, делая знаки, отвращающие злых духов. — Тебе бы лучше выспаться теперь, — обратился он к Чи.

— Помогу тебе. У нас есть врачи. Они вылеччат твои глаза, так что очки тебе больше не понадобятся. — Чи удивилась собственной искренности. Посланник императора был не таким уж плохим парнем, и ему, несомненно, придется несладко, пока не удастся заменить очки. Катандарская оптика была явно не на высоте.

— У меня есть запасные, — ответил Гудженги. — Отведите меня в мою резиденцию. — Он поклонился Чи и заковылял прочь. Чи свернулась в клубочек на матраце и закрыла глаза.

— Здесь шшлишком шшветло, — пожаловалась она. — Задерните занавес.

Солдат послушался, запер дверь и ушел. Чи, однако, подождала несколько минут, прежде чем встать, продолжая при этом издавать вполне реалистический храп.

Спиртное вызывало у нее тошноту, хотя и не опьяняло. Этиловый спирт не сказывается на метаболизме цинтиан. Незаметно для близорукого Гудженги Чи припрятала под матрац два самых больших осколка стекла.

Она разорвала зубами обивку матраца, замотала лоскутами руки, чтобы защитить их от острых краев осколков, и принялась за работу в дальнем углу хижины.

Стекло было не особенно твердым. Режущие кромки быстро затупились и все хуже перепиливали решетку. Чи пришлось обкалывать стекло, чтобы снова заострить края — академия Лиги давала разнообразную практическую

подготовку, — но очень экономно, чтобы обломки не оказались чересчур малы для работы.

— Ад и проклятье! — воскликнула Чи, когда один из осколков совсем вышел из строя.

— Что там такое? — раздался голос снаружи.

— Хррр, — издала Чи особенно громкий храп.

Будь на ее месте человек, он бы извелся за этот час, но Чи относилась к возможности неудачи философски. К тому же ей было достаточно гораздо меньшего отверстия, чем понадобилось бы человеку. Но даже и с учетом этого обстоятельства ей еле-еле удалось подпилить достаточное количество прутьев решетки, прежде чем ее орудия совсем пришли в негодность.

Ну а теперь выгнуть спину, напрячь натренированные при прыжках с дерева на дерево в родных лесах руки и ноги... ухх... подпиленные прутья согнулись, Чи протиснулась сквозь образовавшееся отверстие, и решетка встала на место. Чи оказалась прижата к внешней стене, грубое плетение поцарапало ей нос. Пыхтя и ежась от холода, цинтианка атаковала стену зубами и когтями. Волокна поддавались одно за другим.

Ну а теперь быстро, пока ее кто-нибудь не заметил!

В образовавшуюся дыру Чи увидела освещенную красным солнечным светом стену другой хижины, в разделяющем их проходе никого не было. Чи выбралась на свободу и помчалась.

Неизвестно, есть ли охрана у городских ворот. В любом случае, пока она до них доберется, ее будет преследовать пол города. Кто-нибудь может ее перехватить или ее подстрелят из лука. Чи выскочила на рыночную площадь.

Туземцы завопили. Торговка в лавке попыталась спрятаться за грудой овощей, из кузницы выскочил кузнец с молотком в руке, а часовые кинулись наперерез. Чи метнулась к навесу в центре площади.

Грубо вырубленные ступени вели вниз. Чи ощутила зловонное дуновение воздуха. Она устремилась вниз по

лестнице; скоро отверстие входа исчезло из виду, и она оказалась в темном туннеле, вырубленном в скале, освещенном редкими лампами в углублениях стены. Чи остановилась и потушила две первые. Хотя таким образом ее собственное продвижение замедлилось и ей пришлось добираться до следующего освещенного участка ощупью, погоню это задержит еще больше. Она слышала крики икрананкцев, резкие и искаженные из-за гулкого эха в туннеле. Не осмеливаясь встретиться с неизвестным в темноте, они вернулись наверх за факелами.

К этому времени она достигла подножия холма. Короткий проход вел в комнату с колодцем посередине. Черпавшая воду туземка выпустила рукоятку ворота и с воплем вскочила на ограждение колодца. Чи не обратила на нее внимания. Ведущие отсюда наружу ворота не были заперты и не охранялись, когда городу не грозила опасность. Чи знала об этом: Гудженги приводил сюда гостей, когда показывал им город. Цинтианка выскочила из башни и метнулась в кусты.

Оглянувшись, она увидела, что у ворот Хайякаты царит переполох. В другой стороне блестел на солнце корпус «Через пень-колоду». На секунду Чи задумалась, не попытаться ли ей проникнуть на корабль. Если бы это удалось, она была бы неуязвима. Могла она и голосом отдать команду кораблю подняться и забрать ее.

Нет. «Через пень-колоду» был окружен сплошным кольцом щитов и копий с выдвинутыми вперед катапультами. Ей не удастся пробраться в пределы слышимости незамеченной, да и пока она даст кораблю необходимые инструкции, ее изрубят в капусту. Пень не был запрограммирован на какие-либо действия без прямых приказов, что бы ни обнаружили его датчики.

Ну ничего. Скоро появится Адзель и наведет порядок. Чи пустилась в путь. Она бежала параллельно дороге, скрытая от взглядов копнами злаков, которые местные крестьяне приготовили к перевозке. Погони не было видно.

Воздух был как рассыпавшаяся в пыль мумия — очень старая мумия и очень мелкая пыль. С каждой минутой Чи все больше мучила жажда. Ей удалось отвлечься от неприятных ощущений, погрузившись в обдумывание того, как лучше опровергнуть прочитанную ею еще на Земле в «Журнале ксенобиологии» статью. Автор статьи явно имел кашу вместо мозгов и шарики для пинг-понга вместо глаз.

Но все-таки рано или поздно ей потребуются и вода, и отдых. Она свернула через поле к зарослям чего-то, похожего на тростник: должно быть, там есть родник. Подобравшись с осторожностью поближе — тень среди теней, — Чи осмотрела находящуюся рядом ферму.

Там оказался Адзель. Он стоял рядом с загоном, держа в руке визжащее животное размером с поросенка, и уговаривал кого-то в забаррикадированной башне:

— Но, уважаемый, ты должен сказать мне, как тебя зовут.

— Чтобы ты навел на меня порчу? — отвечал ему хриплый голос изнутри.

— Нет-нет, уверяю тебя. Я просто хочу дать тебе расписку. Или по крайней мере узнать, кому я должен буду заплатить, когда смогу это сделать. Мне нужна пища, но не могу же я воровать.

Из бойницы вылетела стрела. Адзель вздохнул:

— Ну, если ты так относишься...

Чи вышла из кустов.

— Где тут вода? — спросила она хрипло.

Адзель вытаращил на нее глаза.

— Ты! Дорогой друг, что, во имя всего святого, с тобой случилось?

— Обойдемся без «дорогих друзей», ты, дубина. Разве ты не видишь, что я высохла уже настолько, что меня вот-вот унесет ветер?

Адзель попытался ощетиниться, но, поскольку щетины у него не имелось, ему это не удалось.

— Ты могла бы быть и повежливее. Ты даже и представить себе не можешь, насколько симпатичнее ты бы

выглядела в этом случае. Я тут тороплюсь тебе на помощь, скачу день и ночь...

— И что, уже обежал планету по экватору? — поддела его Чи. Адзель сдался и показал ей источник. Воды в нем было мало, да и имеющаяся не отличалась особой прозрачностью, но Чи пила, наслаждаясь ею, как тем выдержанным шампанским, которое так часто вспоминал Фолкейн. Утолив жажду, она присела на задние лапки и принялась умываться.

— Теперь самое время сообщить друг другу новости, — сказала она.

Тем временем Адзель разделал похожее на поросенка животное. Ножа у него не было, да он в нем и не нуждался. Закончив дело, он грустно взглянул на Чи:

— И что же нам делать?

— Вызвать корабль, конечно.

— Как?

Только тут Чи заметила, что его рация тоже разбита. Они молча посмотрели друг на друга.

Гудженги поправил свои запасные очки. Они не подходили ему так же хорошо, как прежние. Все выглядело несколько туманным. «Впрочем, может быть, так лучше, — подумал он. — Эта штука такая огромная, и там, конечно, все заколдовано. Да, пожалуй, при таких обстоятельствах вполне можно согласиться видеть не особенно отчетливо».

Он сглотнул, собрал все свое мужество и подошел на шаг ближе. Стоящие у него за спиной солдаты испуганно наблюдали за происходящим. Это немножко придало ему духа. Нужно показать им: все деодах, как один, бесстрашны. На самом деле он ни за что не пошел бы на это, если бы не Лалнак. Этот комендант ведет себя как дикарь. Конечно, ты понимаешь, что тирут тебе не ровня — да и кто ровня? — но все-таки обычно принимаешь их за представителей цивилизованного братства. Но Лалнак закатил такой скандал, когда пленница сбежала, что... Ну, с деловой точки зрения, это

обстоятельство, конечно, может подорвать репутацию посланника... Но все-таки только ради чести рода Гудженги с холодной вежливостью предложил офицеру, что он пойдет и расспросит летающий дом. Не желает ли комендант к нему присоединиться? Нет? Прекрасно. Конечно, показывать облегчение сразу не следовало — а то, как бы Лалнак не передумал — но по возвращении будет можно, пожалуй, намекнуть разок-другой, что благороднейший Лалнак не осмелился пойти с ним вместе. Да, очень существенно сохранить моральное превосходство, даже с опасностью для собственной жизни.

Гудженги снова сглотнул.

— Благороднейший! — позвал он. Его голос прозвучал странно в его собственных ушах.

— Ты обращаешься ко мне? — раздался откуда-то сверху механический голос.

— Аххрр... да. — Чужеземцы сообщили Гудженги — раньше, прежде чем начались все теперешние неприятности, — что летающий дом (нет, не так: нужно говорить «корабль», с этой невозможной согласной в середине) может говорить и думать. Если только, конечно, эти чужаки не обманули его и там внутри просто кто-то не прячется. Правда, если это так, то этот кто-то очень странный: у него нет собственной воли. — Ну? — не выдержал Гудженги, когда длительное молчание стало невыносимым.

— Я жду, что ты скажешь, — ответил корабль.

— Я хотел бы, благороднейший, узнать о твоих намерениях.

— Мне пока еще не сказали, какими должны быть мои намерения.

— А пока тебе этого не скажут, ты ничего не будешь предпринимать?

— Я накапливаю данные, сообщаемые приборами, на случай если они понадобятся в будущем.

Гудженги облегченно вздохнул. Он надеялся на что-то подобное. Набравшись храбрости, он спросил:

— Предположим, ты обнаружишь, что кто-то из команды находится в затруднительном положении. Что ты предпримешь?

— То, на что я запрограммирован, в пределах моих возможностей.

— И больше ничего? Я хочу сказать... э-э... разве ты не станешь действовать по своей инициативе?

— Нет, если не получу устный или кодированный приказ. В противном случае была бы слишком велика возможность ошибки.

С облегчением переведя дух, Гудженги неожиданно ощутил желание узнать побольше. В конце концов, ведь есть же у разумного существа интеллектуальное любопытство. А кроме того, все, что удастся выяснить, может пригодиться и в практическом плане. Если пришелец-эршока и два его жутких спутника окажутся убиты, корабль никуда не улетит. Гудженги повернулся к ближайшему офицеру и приказал:

— Пусть все отойдут подальше. Я буду обсуждать секретные вопросы.

Воин-тирут бросил на него подозрительный взгляд, но выполнил приказ. Гудженги снова повернулся к кораблю.

— Но ты же не бездействуешь, — сказал он. — Ты же достаточно подробно отвечаешь на мои вопросы.

— Так я сконструирован. Для моего функционирования требуется способность принимать логические решения.

— Аххрр... а тебе не становится... как бы это сказать., скучно все время сидеть взаперти?

— Моя конструкция не предусматривает возможности скучать. Мыслительные функции автоматически поддерживаются в состоянии активности, анализируя данные. Когда новых данных не поступает, я практикуюсь в применении правил игры в покер.

— Что?

— Покер — игра, в которую играют у меня на борту.

— Понятно. Мне очень приятно, что ты так охотно со мной разговариваешь.

— Я проинструктирован не проявлять к вам враждебности. «Проинструктирован» — самое близкое по значению слово в катандарском языке: мне не запрещено отвечать на вопросы и реагировать на ваши слова. Логическое заключение из этого — что я должен отвечать.

Гудженги охватило возбуждение:

— Ты хочешь сказать — если я правильно понял, благороднейший, — что ответишь на любой мой вопрос?

— Нет. Я запрограммирован на соблюдение интересов команды, а наличие войск вокруг меня говорит о том, что наши интересы могут оказаться несовпадающими. Поэтому я не сообщу вам никакой информации, которая может пойти во вред моему экипажу.

Спокойный ответ охладил пыл Гудженги. Он был разочарован тем, что корабль не скажет ему, как делать бластеры. Тем не менее искусный собеседник может что-нибудь выведать в разговоре.

— Но ведь ты не откажешься дать мне совет по делу, ничем не затрагивающему твоих хозяев?

Только завывания ветра, крутившего пыль и пригибавшего к земле кусты, раздавались вокруг, пока корабль обдумывал ответ. Наконец Гудженги услышал:

— Эта проблема почти выходит за пределы моих логических способностей. Я не вижу оснований тебе отказать. С другой стороны, цель настоящей экспедиции — извлечение дохода. Поэтому лучшее решение, к которому я оказался способен прийти, — это брать с тебя плату за советы.

— Но... но как?

— Ты можешь принести меха, лекарственные вещества и другие ценности и сложить их у открытой двери, которую ты, вероятно, видишь. Что ты хочешь, чтобы я для тебя вычислил?

Гудженги в растерянности лишился дара речи. Перед ним открылась возможность невероятно обогатиться, если

только удастся придумать… Впрочем… Он вспомнил замечание, сделанное Чи в доме Лалнака как раз перед тем, как ее арестовали.

— У нас распространена игра, называемая акрител, — произнес он медленно. — Можешь ли ты мне сказать, как в нее выиграть?

— Сообщи мне правила.

Гуджёнги сообщил.

— Да, — ответил корабль, — это просто. Возможности выигрывать каждый раз, не жульничая, не существует. Но, зная вероятность выпадения различных комбинаций, риск можно свести к минимуму: ты должен делать ставки в соответствии с вероятностью, и таким образом при достаточно длительной игре окажешься в выигрыше, при условии, что твои партнеры не будут придерживаться такой же стратегии. А они, очевидно, не будут, поскольку расчет «хода пьяницы» требует довольно сложных математических методов. Принеси материалы для письма, и я продиктую тебе расчет вероятности.

Гудженги с трудом сдержал ликование.

— Какую плату ты хочешь за этот совет, благороднейший?

— Я не могу ответить с уверенностью. Позволь мне сравнить затраты и возможную прибыль. — Корабль некоторое время размышлял, затем назвал довольно значительное количество товара. Гудженги завопил, что такая цена его разорит. Корабль ответил, что в этом случае ему не следует приобретать информацию. Он, корабль, не торгуется. Наверняка найдутся другие, которые не сочтут цену чрезмерной.

Гудженги сдался. Ему, правда, придется влезть в долги, чтобы купить так много товаров. С другой стороны, на местном рынке из-за карантина цены упали, и он сможет приобрести нужное по дешевке. А уж потом, когда он вернется из этой глуши в Катандару, где игра идет на настоящие деньги…

— Удалось ли тебе что-нибудь узнать, благороднейший? — спросил офицер-тирут, когда Гудженги направился к городским воротам.

— Да, — ответил он. — Я получил чрезвычайно важную информацию. Мне, правда, придется дать большую взятку, но я оплачу ее из собственного кармана, — ради нашего императора. Аххрр... Проследи, чтобы никто больше не смог разговаривать с кораблем. Его магические силы так легко могут выйти из-под контроля.

— Непременно, благороднейший! — поежился офицер.

9

Герои приключенческих романов способны выдержать любые душераздирающие испытания — без поддерживающих психику лекарств. Обычно без сна, всегда без удовлетворения телесных потребностей они неизменно готовы подвергаться душераздирающим испытаниям снова и снова. Реальные люди для такого не годятся. Даже после примерно двенадцати часов в койке Фолкейн чувствовал себя усталым и разбитым. Он не пострадал во время безумной скачки сквозь порядки императорских войск, но стрелы пели неприятно близко, и Стефа зарубила вражеского всадника за секунду до того, как тот добрался до Дэвида. Потом появились воины Роберта Торна, отогнали противника и провели вновь прибывших в Рангакору. Фолкейну была непривычна такая близость смерти. Его нервы даже и после нескольких часов отдыха все еще были завязаны узлами.

Не помогло и то, что Стефа была особенно очаровательна, показывая ему дворец. Впрочем, надо признать, что здание его поразило. Оно не только было более светлым и воздушным, чем что-нибудь виденное им в Катандаре, не только поражало красотой; в нем хранились сокровища, созданные столетиями культуры менее воинственной, чем у западного соседа. Здесь даже имелись настоящие двери — подобные тем, которые Дэвид видел на родной планете:

бронзовые, покрытые барельефами. Были застекленные окна, имелось центральное отопление.

Осмотрев мастерскую гальванопластики (этот объект королевской монополии находился во дворце), Фолкейн и Стефа вышли на балкон. Дэвид был поражен тем, какого прогресса достигли эти мрачные философы: свинцовые батареи, медные провода, эксперименты с подобием лейденской банки. Теперь он вполне мог понять, почему здешнее общество оказалось ближе людям, чем Катандара.

— Святой Джеро, вон сам Торн и с ним король! — воскликнула Стефа. Она подтащила Фолкейна к перилам балкона, где остановились правители. Двое стражников держались позади. Это были дружелюбные молодые парни, но они никогда не оставляли Дэвида одного, а их оружие было всегда наготове.

Торн опустил медную подзорную трубу, через которую он осматривал позиции противника, и кивнул:

— Этот лагерь выглядит неряшливее с каждым днем. Они деморализованы, это ясно.

Фолкейн посмотрел в том же направлении. Дворец представлял собой изящное здание со множеством окон, высотой в несколько этажей. Он не был обнесен стеной, вокруг него расстилались сады, а дальше начинался город. Как и Катандара, Рангакора была невообразимо древней, и большинство ее зданий были построены из камня. Но дома выглядели симфонией белых, золотистых, красных тонов. Они были обращены к внешнему миру, а не замкнуты на себя, как в Катандаре, и своими грациозными пропорциями и острыми черепичными крышами несколько напоминали постройки раннего Ренессанса на Земле. Довольно широкие мощеные улицы были заполнены крошечными на расстоянии пешеходами, до Фолкейна доносился отдаленный скрип колес и стук копыт. Струйки дыма поднимались к небу, на котором виднелись немногие легкие облачка. На заднем плане громоздились, уходя ввысь, серо-голубые горы, увенчанные могучей вершиной Тундры, снежная шапка которой сияла

золотом в свете вечного заката. Справа был виден водопад, над которым в водяной пыли играла радуга; поток устремлялся к Чакоре, ярко-зеленой и плодородной.

Взгляд Фолкейна остановился на осаждающих. За пределами города плато усеивали палатки и костры, паслись стада верховых зандар, солнечные лучи блестели на металле оружия. Должно быть, Джадхади прислал сюда много войск, узнав о восстании.

— Мне все-таки кажется, что ваша вылазка была бы безрезультатна, — они слишком превосходят вас числом, — сказал Фолкейн.

Роберт Торн засмеялся. Это был приземистый человек с всклокоченной бородой и пронзительными голубыми глазами. Старые боевые шрамы и меч в потертых ножнах плохо сочетались с вышитой пурпурной туникой и шелковыми штанами.

— А нам некуда спешить, — ответил он юноше. — У нас довольно продовольствия — больше, чем им удастся наскрести у местных крестьян. Пусть себе посидят перед стенами. Может быть, тем временем прибудут остальные эршока. Если нет, то к следующему сумеречному периоду осаждающие совсем оголодают, у них начнутся болезни, да к тому же они почти ничего не будут видеть. Тогда мы их и опрокинем. Они сами это знают. Поэтому-то в лагере такое уныние. — Он повернулся к щуплому рыжему молодому икрананкцу в оранжевом одеянии и позолоченной диадеме. — Король Урсала, это тот самый человек из другого мира, о котором я тебе говорил.

Монарх наклонил свою птичью голову.

— Приветствую тебя, — сказал он Фолкейну на диалекте, не слишком отличающемся от катандарского. — Я очень хотел с тобой встретиться. Если бы только обстоятельства были более благоприятны.

— Они еще могут такими стать, — намекнул Фолкейн.

— Едва ли, если твои товарищи выполнят свое обещание завоевать нас для Катандары, — ответил Урсала. Его мягкий тон смягчил угрозу.

Фолкейн почувствовал себя неловко.

— Ну, видишь ли, мы здесь чужаки, пока мало что знаем. А что плохого, если вы присоединитесь к империи? Как мне кажется, там никого особенно не притесняют.

Урсала встряхнул своим хохолком и надменно произнес:

— Рангакора была древним городом, еще когда Катандара была деревушкой. Деодах всего несколько поколений как перестали быть просто дикарями. Их замашки нам не подходят. Мы не натравливаем братство на братство, мы не обязываем сына заниматься тем же, что и отец.

— Вот как? — удивился Фолкейн.

Стефа кивнула:

— Здесь братства — просто объединения семей. Ремесленные гильдии состоят из представителей разных братств.

— Сколько раз я говорил тебе это, благороднейший, — произнес Торн наставительно. — Как только вы окажетесь под защитой эршока...

— О которой мы не просили, — перебил его Урсала.

— Не просили, но, если бы не я, здесь бы сейчас хозяйничал вице-король Джадхади.

— Думаю, вы — наименьшее из двух зол, — вздохнул король. — Иршари слишком долго были к нам милостивы: похоже, мы утратили умение воевать. Но будем честны: вы ведь возьмете нас под защиту не бесплатно: нам придется расплачиваться землями, сокровищами, властью.

— Конечно, — кивнул Торн.

Наступила неловкая тишина. Чтобы разрядить напряжение, Фолкейн спросил, кто или что такое иршари.

— Ну как же, — ответил Урсала, — создатели и правители Вселенной. Разве вы в своем другом мире столь же суеверны, как и жители Запада?

— Что-что? — заинтересовался Дэвид. Он даже вздрогнул от неожиданности и начал засыпать Урсалу вопросам*.

Ответы икрананкца превзошли все ожидания. У Рангакоры оказалась нормальная политеистическая религия; боги, естественно, требовали жертвоприношений и лести, но в целом были доброжелательны. Наличествовал единственный бог зла, убийца Цуриата Светлого, а сам Цуриат ежегодно воскресал, чтобы при помощи других богов удерживать зло в положенных рамках.

Но тогда, значит, икрананкцы вовсе не прирожденные параноики!

Что же в этом случае породило представление западной культуры о враждебности космоса?

Ум Фолкейна заработал на полных оборотах. Он наконец осознал то, что должно было бы броситься ему в глаза давным-давно: на большей части дневной стороны Икрананки не было смены времен года. Жизнь здесь лишена ритма — только бесконечная борьба за выживание и медленная деградация окружающей среды. Любое изменение в природе означает несчастье: песчаная буря, эпидемия, падеж скота, высохший источник. Неудивительно, что туземцы относятся подозрительно ко всему новому, а заодно и друг к другу. Понятно, почему они доверяют только прошедшим инициацию членам собственного братства. В результате возникающие цивилизации нестабильны, а набеги дикарей часты. Вот бедолаги!

Рангакора же, на границе Сумеречных краев, знала дожди, снегопады, ритм, установленный сменой дня и сумерек. Жителям были известны не отдельные самые яркие звезды, а расположение созвездий: чтобы изучить их, они отправлялись во Тьму. «Другими словами, — подумал Фолкейн, — если местные жители и сукины дети, то они сукины дети в земном понимании».

Ну а раз так...

Нет. Рангакора мала и изолирована. Она просто не располагает необходимыми возможностями. А учитывая бесконечные войны и набеги дикарей, ван Рийн не согласится иметь дело ни с кем, кроме мощной империи.

Переметнуться на их сторону и помочь восставшим было бы, возможно, и благородным делом, но Торгово-техническая Лига не занималась сражениями с ветряными мельницами. Отвоеванная Рангакора будет захвачена снова, как только космолет покинет планету; и тогда уж новых посещений Икрананки не будет.

Однако, если бы удалось посодействовать установлению мира и порядка на этой планете, космические торговцы очень бы выиграли. Нет ли какой-нибудь возможности компромисса?

Фолкейн озабоченно взглянул на небо. Когда же, черт возьми, появится «Через пень-колоду»? Ведь ясно же, что Чи и Адзель в первую очередь должны искать его здесь. Если только с ними самими не случилось ничего ужасного...

Тут до Дэвида дошло, что к нему обращается Урсала, и размышления пришлось отложить.

— Прошу прощения, благороднейший?

— Мы не употребляем титулов, — сказал ему король. — Так приветствовать нужно только врага. Я попросил тебя рассказать нам о твоем доме. Это, должно быть, удивительное место, и, иршари мне свидетели, такое развлечение нам сейчас очень кстати.

— Ну... э-э...

— Мне тоже интересно, — вмешался Торн. — В конце концов, если нам, эршока, предстоит покинуть Икрананку, тогда все меняется. Мы могли бы и уйти из Рангакоры. — Эта перспектива его явно не очень радовала.

Фолкейн сглотнул. Когда люди с Икрананки будут возвращены на Землю, он, Фолкейн, станет в глазах общественного мнения героем, но это положит конец их с ван Рийном плану разведки для будущей торговли. Работы он, конечно, не лишится: милая спокойная должность третьего помощника капитана на каком-нибудь молоковозе ему обеспечена, с перспективой получения капитанского чина где-нибудь к пятидесяти и увольнения на пенсию десятью годами позднее.

— Ну, например, солнце на Земле гораздо ярче, чем здесь, — сказал Фолкейн. — Ты же видела, Стефа, как освещен наш корабль.

— Черт возьми, я там чуть не ослепла, — пожаловалась девушка.

— К этому можно привыкнуть. Конечно, сначала придется соблюдать осторожность, выходя из помещения: иначе можно обгореть на солнце.

— Проклятье! — не выдержал один из сопровождавших Фолкейна охранников.

Дэвид решил, что так он, пожалуй, произведет плохое впечатление.

— Это быстро пройдет. Потом уже опасаться будет нечего. Кожа станет загорелой и нечувствительной к солнечным лучам.

— Да что ты! — Стефа поднесла руку к своей гладкой щеке. Она даже приоткрыла рот от изумления.

— Должно быть, там очень жарко, — догадливо высказался Урсала.

— Не так уж жарко, — ответил Дэвид. — Во многих районах, конечно, теплее, чем здесь.

— Как же вы это выдерживаете? — спросил Торн. — Я и сейчас весь в поту.

— Ну, если погода действительно жаркая, всегда можно укрыться в помещении. Внутри здания температура устанавливается по желанию.

— Не хочешь ли ты сказать, что мне придется просто сидеть дома, пока эта проклятая погода не соблаговолит перемениться? — рявкнул Торн.

— Да, я припоминаю, — включилась в разговор Стефа, — воздух у вас в корабле был сырой и теплый, как болото. На Земле он такой же?

— Зависит от того, где ты окажешься, — объяснил Фолкейн. — На Земле погода довольно эффективно контролируется.

— Все хуже и хуже, — пожаловался Торн. — Если уж придется потеть, то еще не хватало, чтобы это было по чьей-то там прихоти. — Тут лицо его просветлело. — Но ведь можно же сразиться с теми, чьи действия тебе не нравятся!

— О Господи, нет, конечно! — возразил Фолкейн. — На Земле это запрещено.

Торн прислонился к ограде балкона и озадаченно уставился на Фолкейна:

— А чем же мне там тогда заниматься?

— Э-э... ну, для начала нужно будет несколько лет поучиться в школе. Земных лет, конечно — они раз в пять длительнее, чем на Икрананке. Вы должны будете познакомиться с математикой, естественной историей, философией... Вообще-то говоря, всего предметов жуткое количество. Но вы не беспокойтесь, как только вы закончите учебу, вам найдут работу.

— И какую же работу?

— М-м-м, боюсь, не особенно высокооплачиваемую. Даже и в какой-нибудь колонии... Колонизированные планеты теперь, видите ли, уже не примитивные миры, а чтобы управлять нашими машинами, нужно основательное образование. Думаю, вы могли бы стать... — Фолкейн запнулся, подыскивая подходящие слова в местном языке, — поварами, помощниками механиков или чем-то в этом духе.

— И это я, правитель города?! — Торн покачал головой и забормотал ругательства.

— Но ведь можно заняться военным делом, — запротестовала Стефа.

— К сожалению, да, — подтвердил Фолкейн.

— Почему «к сожалению»? Ну и чудак же ты, — Стефа повернулась к Торну: — Не унывай, командир. Мы станем солдатами. Если прапредок говорил правду, там есть что взять в качестве добычи.

— Солдатам никто не позволит заниматься грабежами, — охладил ее пыл Фолкейн. Его собеседники вытаращили на него глаза, не веря своим ушам. — Да и вообще, солдаты

должны уметь управлять сложной техникой, и боюсь, в вашем возрасте этим уже не овладеть.

— Гром и молния! — прошептал Торн.

— Все это нужно обсудить на совете братства, — встревоженно сказал один из стражников.

Торн выпрямился и взял себя в руки.

— Сейчас это не так легко. Пока что нам нужно продолжать начатое. Когда мы прорвем осаду и снова объединимся с нашими соплеменниками, тогда будет видно. Урсала, мы с тобой должны заняться организацией групп связников между нашими отрядами.

— Да, пожалуй, должны, — неохотно ответил король. — Он склонил голову, прощаясь с Фолкейном. — Надеюсь, позже мы сможем иметь более длительную беседу.

Фолкейн рассеянно кивнул: он был очень недоволен собой. Правители удалились.

Стефа оперлась локтями на перила балкона. На ней была легкая туника, волосы распущены. Ветерок играл ее бронзовыми локонами. Хотя сейчас она казалась равнодушной, Фолкейн не забыл некоторые ее слова, сказанные раньше. Сердце его забилось быстрее. Можно ведь даже и из принудительного пребывания здесь извлечь удовольствие.

— Я не хотел, чтобы мои рассказы о Земле прозвучали так разочаровывающе, — сказал он. — Тебе там понравится. Такая красивая девушка, с таким экзотическим прошлым — да ты произведешь сенсацию.

Она продолжала смотреть на сторожевую башню.

— Конечно, как новая игрушка. И как долго это продлится? — упрек в ее голосе огорчил Фолкейна.

— Ну... Дорогая, для меня ты никогда не утратишь своей очаровательной новизны.

Никакой реакции.

— Из-за чего, черт возьми, ты вдруг стала такой мрачной? — спросил Дэвид.

Губы девушки сжались в тонкую линию.

— Из-за того, что ты рассказал. Когда ты спас меня, я подумала, что ты великолепный воин. Я должна была, конечно, сразу понять: ничего особенного в той схватке не было — с тобой было то чудовище и, главное, у тебя в руке была машина! Может быть, и несправедливо говорить о том, какой ты никудышный всадник — тебя ведь никогда не учили ездить на зандарах. Но тем не менее это правда — ты никуда не годишься в седле. Да и вообще, на что ты годишься — без помощи машины?

— По крайней мере на одно, — попытался улыбнуться Фолкейн.

Стефа пожала плечами:

— Я не сержусь на тебя, Дэвид. Я просто разочарована. Истинно, это моя вина — надо было давно понять, что только твое отличие от всех и делало тебя таким привлекательным.

«Удачный денек, ничего не скажешь», — простонал в душе Дэвид.

— Пожалуй, пойду посмотрю, не сменился ли с дежурства Хью, — продолжала Стефа. — Ты можешь тут еще погулять, если хочешь.

Фолкейн потер подбородок, глядя ей вслед. Чуть отросшая щетина оцарапала ему руку. Естественно, ведь последний раз предотвращающий рост волос гормон он принимал уже давно. Кроме как на корабле, вряд ли на всей Икрананке найдется бритва. Теперь несколько дней предстоит мучиться, пока этот проклятый лицевой мох как следует не отрастет.

«Нельзя сказать, что в словах девушки нет правды», — с горечью подумал фолкейн. Во время этого последнего путешествия он был слишком пассивен. Если с Адзелем и Чи что-нибудь случилось, то вина в этом его: ведь он капитан корабля. Через четыре месяца, если они не вернутся, конверт с планом их предприятия, который они оставили на базе, будет вскрыт и за ними отправится спасательная экспедиция. Может быть, их и выручат, если, конечно, сам Фолкейн

к тому времени еще будет жив. В данный момент ему не так уж и хотелось оставаться в живых.

Раздавшиеся вдали крики заставили его обернуться. Фолкейн присмотрелся к тому, что происходило за городской стеной. Тут его как громом оглушило.

Адзель!

Из-за поворота дороги показался мчащийся галопом воданит. Его чешуя блестела, а рев перекрывал шум водопада. Из лагеря осаждающих раздались вопли. Барабаны на сторожевых башнях Рангакоры забили тревогу. Вооруженные люди и икрананкцы кинулись к парапетам.

— Живой демон! — ахнули у Фолкейна за спиной. Оба его стража, побледнев, уставились на открывшееся им сверхъестественное зрелище. У Фолкейна вспыхнула надежда: наконец-то шанс сбежать! Он попытался выскользнуть за дверь.

На его несчастье, вернулась Стефа. Она схватила Фолкейна за руку и всем весом повисла на нем.

— Не зевайте! — окликнула она охранников. Те очнулись от оцепенения, выхватили мечи и втащили Фолкейна обратно. Он чуть не плакал от разочарования.

— Что происходит? — выдохнул он. — Где корабль?

Теперь ему оставалось только наблюдать. Отряд катандарской кавалерии бросился на воданита. Адзель не замедлил свой бег и пропахал себе дорогу сквозь ряды нападающих. Копья ломались о его чешую, всадники разлетались в стороны, зандары в панике разбегались. Его могли бы остановить выстрелы из катапульт, но полевая артиллерия не была подготовлена к обстрелу инопланетных чудовищ, да и что делать, когда на тебя мчится настоящий, хорошо видимый демон, никто из икрананкцев не знал; так что артиллеристы просто разбежались.

Ужас распространился как пожар. Через несколько минут армия Джадхади представляла собой воющую, мечущуюся толпу, которая бросилась бежать вниз в направлении Катандары. Адзель немножко попреследовал беглецов,

чтобы убедиться, что они нескоро остановятся. Когда последний солдат исчез из виду, воданит вернулся, продираясь сквозь хаос брошенного оружия, перепуганных зандар и карикут, опрокинутых тележек, опустевших палаток, чадящих костров. Адзель довольно махал хвостом.

Воданит потрусил к воротам. Фолкейн не расслышал, что он выкрикивает, но мог хорошо это себе представить. У него подкосились ноги, стало трудно дышать. Казалось, не прошло и минуты, как за ним примчался посланец, но целая вечность потребовалась, чтобы дойти до ворот по опустевшим улицам Рангакоры — население попряталось по домам, молясь своим богам.

Впрочем, за это время Фолкейн успел немного успокоиться. К тому моменту, когда он оказался у парапета вместе с Торном, Урсалой, Стефой и отрядом солдат и глянул вниз на своего друга, он уже снова был способен думать. Теперь, вблизи, он увидел мохнатую фигурку Чи на мощных плечах Адзеля. По крайней мере они оба живы. Слезы обожгли глаза Дэвида.

— Дэвид! — прокричал Адзель. — Я так надеялся, что мы найдем тебя здесь. Почему нас не впускают?

— Меня держат в плену, — ответил Фолкейн на латыни.

— Так не пойдет, — вмешался Торн. — Говори на англике или катандарском, чтобы я мог вас понять, или помалкивай.

Копья, нацеленные в него, показались Фолкейну такими острыми, что пришлось послушаться. То обстоятельство, что теперь всем стало известно, как его корабль оказался недоступным для команды, а сам он попал в плен, не сделало беседу более приятной. Все внутренности Фолкейна, казалось, сжались в холодный ком.

Торн горячо воскликнул:

— Эй, послушайте, у нас же общая цель! Давайте вместе выступим на Хайякату, отобьем у них эту вашу летающую штуку, а затем пойдем на Катандару.

Урсала ответил ледяным тоном:

— Другими словами, мой город все-таки будет управляться из Катандары.

— Но должны же мы помочь своим братьям! — сказал Торн.

— По пути сюда я перехватил курьера, — вступил в разговор Адзель. — Боюсь, что я утратил чувство меры, желая его припугнуть, но так или иначе мы прочли сообщения, которые он должен был передать. Те эршока, которые находились в городе, но не были в казарме, объединились и атаковали силы императора с тыла. Общими усилиями те, кто был в Железном Доме, и их соратники снаружи прорвали ряды осаждавших и с боями выбрались из города. Они захватили — как же она называется? — деревню в Чакорб и послали за семьями, которые были еще не с ними, чтобы обеспечить их безопасность. Джадхади не решается напасть с имеющимися в его распоряжении войсками и вызывает подкрепления из дальних гарнизонов.

Торн дернул себя за бороду.

— Насколько я могу судить, наши люди выступят оттуда раньше, чем ему удастся собрать силы. И куда же им идти, кроме как к нам? — Его глаза засверкали. — Клянусь Марсом! Нам нужно только сидеть смирно, и мы получим все, чего хотели!

— Кроме того, — предостерегла Стефа, — мы не можем доверять Фолкейну. Как только он получит обратно свою летающую машину, он сможет делать, что захочет. — Она враждебно взглянула на юношу. — Похоже, вы окажетесь не на нашей стороне.

— Единственная вещь, о которой я мечтаю, — убраться с этой планеты, и чем дальше, тем лучше.

— А потом? Из-за своих вонючих торговых интересов ты окажешься на стороне Катандары. И другие, которые появятся здесь потом, тоже. Нет, лучше нам тебя не отпускать, мой теленочек. — Она наклонилась через парапет, приложила руки ко рту и закричала: — Убирайтесь, вы, или мы вам кинем голову вашего приятеля!

Чи вскочила на ноги между огромными пластинами гребня. Ее тонкий голос еле долетал до них сквозь шум водопада.

— Если вы это сделаете, мы обрушим на вас ваши навозные стены!

— Ну подождите же, — попытался утихомирить страсти Урсала. — Давайте рассуждать разумно.

Торн окинул взглядом собравшихся на стенах воинов. Люди вытирали потные лбы и облизывали губы; клювы икрананкцев были открыты, а хохолки уныло поникли.

— Мы не можем выступить против чудовища, — произнес он вполголоса. — Наши солдаты сейчас слишком перепуганы, да и зандары разбегутся. Вот когда прибудут остальные члены братства — тогда другое дело. Подождем.

— И сохраните мне жизнь, чтобы было о чем торговаться, — поспешно добавил Фолкейн.

— Как же, как же, — презрительно усмехнулась Стефа.

Торн отдал приказ. Военные инженеры принялись взводить пружину катапульты. Адзель услышал скрип метательного орудия и отошел на безопасное расстояние.

— Мужайся, Дэвид! — прокричал он. — Мы тебя не бросим!

«Это, конечно, было весьма благородно, но едва ли осуществимо», — мрачно подумал Дэвид. Теперь Торн уже не просто хочет удержать Рангакору, он должен это сделать в интересах своих соплеменников. К тому же эршока слишком многое переняли у катандарцев по части хронической подозрительности, чтобы добровольно отпустить Фолкейна на корабль. Скорее они будут держать его заложником на случай прибытия другого космолета. А укрепившись в Рангакоре, они, несомненно, попытаются свергнуть власть деодах. Вполне возможно, им это удастся. Так что оставалось надеяться на одно: спасательная экспедиция заключит соглашение с эршока — в обмен на жизнь Фолкейна Торговотехническая Лига откажется от торговли с Икрананкой. Договор будет строго соблюдаться: торговля с враждебным

населением не окупается. А уж стоит ван Рийну узнать, что он не только не будет монополистом на здешнем рынке, но и вообще его лишится, — он вышвырнет Фолкейна с такой силой, что тот долетит до Луны.

В какую же густую похлебку он угодил!

Стражники отвели его в те дворцовые покои, которые служили ему тюрьмой. Адзель собрал тех животных, которым не удалось порвать поводья и ускакать, чтобы использовать их в пищу, пока будет длиться осада города драконом.

10

Чи Лан ничего не стоило незаметно пробраться к восточной стене города. Катандарцы не приближались к укреплениям достаточно близко, чтобы вытоптать кусты, а рангакорцы не могли использовать их в качестве корма для своих животных. Высокие растения скрывали ее передвижение. Припав к земле у подножия стены, Чи посмотрела вверх на отвесную темную скалу; по пурпурному небу скользило облако, и казалось, что стена нависает над цинтианкой. Ее нос ощущал малейшие оттенки острых смолистых запахов растительности. Сквозь вой холодного ветра Чи расслышала грохот катапульты с противоположной стороны укреплений.

Здесь тени были так густы, что разглядеть детали стены удавалось с трудом; однако постепенно Чи наметила путь наверх. Как и во всех икрананкских постройках, камни были необработанными, а дождь и мороз за бесчисленные годы выщербили их. Вскарабкаться на стену ей вполне по силам.

Ее мышцы напряглись. Чи прыгнула, уцепилась всеми четырьмя конечностями за выбоины, нашла следующую опору, передвинулась дальше. Холодная и шершавая поверхность камня царапала ее живот. Передвижению мешал и груз, захваченный ею из лагеря осаждавших — два

кинжала и обмотанная вокруг тела веревка. Тем не менее с полным хладнокровием она продолжала подъем.

Когда ее пальцы ухватились за край амбразуры, Чи секунду помедлила. Где-то поблизости находились часовые. Но... Чи подтянулась и, притаившись между зубцами крепостной стены, огляделась. В нескольких метрах от нее слева и справа действительно стояли стражники — один человек, другой икрананкец. Их плащи бились на ветру так же яростно, как и флаги на дальних башнях. Но часовые смотрели из-за стены наружу.

Теперь быстро! Чи метнулась к противоположной стороне стены. Как она и ожидала — любой грамотный военный инженер должен был это предусмотреть, — между стеной и ближайшими домами оставалось несколько метров ничем не застроенного пространства. Поскольку торговля с внешним миром прекратилась, никакого движения здесь не было. Чи пренебрегла тем, что ее может увидеть случайный прохожий, и с отчаянной быстротой начала спускаться. С высоты нескольких метров она спрыгнула; относительно слабая гравитация помогла ей в этом.

Достигнув начала узкой улицы, она остановилась, чтобы отдышаться, но только на мгновение. Вблизи слышались шаги и каркающие голоса. Уцепившись за раму окна, Чи вскарабкалась на крышу дома.

Отсюда открывался широкий вид. Красное солнце в туманной дымке бросало косые лучи на пустынные улицы. После появления Адзеля прошло всего несколько часов, и местные жители были слишком потрясены, чтобы взяться за свои обычные дела. «Надо сообразить... Дэвида наверняка держат во дворце — должно быть, это вон то затейливо украшенное здание в центре города». Чи наметила маршрут — по возможности с одной крыши на другую, а улицы придется пересекать, когда никого не будет поблизости.

За осторожность приходилось расплачиваться временем, но она того стоила. Самое трудное препятствие ожидало Чи в конце пути. Четыре просторных бульвара окружали

королевскую резиденцию, и по ним сновало множество пешеходов. Помимо тех, кто был там по делу, толпы взволнованных горожан очень по-человечески искали безопасности поблизости от своих правителей. Чи пришлось провести около двух часов, прячась за трубой, прежде чем представился шанс преодолеть это препятствие.

По мостовой тащилась неуклюжая повозка, а впереди, направляясь во дворец, шествовал старик-туземец в свободной тоге придворного. Чи спрыгнула в канаву между двумя домами поближе к дороге. Упряжные карикуты миновали ее, скрипучий экипаж заслонил цинтианку, и она проскользнула под него и на четвереньках подобралась к старому икрананкцу. Теперь ее отделяло от его развевающегося одеяния метра три. Даже если ее заметят, дворцовый сад совсем рядом, там есть где спрятаться; но Чи надеялась, что в этом не возникнет необходимости.

Так оно и оказалось. Она в полсекунды пересекла открытое пространство и, приподняв волочащийся по земле подол, спряталась под ним. Старик остановился и обернулся.

— Что? «Что?» — спросил он, но, никого не увидев, пошел дальше. Чи двинулась одновременно с ним, очень осторожно, чтобы не задеть его щиколотки. — Крр-э? Что? Клянусь, я почувствовал... нет... нет... э-э...

Икрананкец поковылял дальше. Когда Чи сочла, что они уже достаточно углубились в дворцовый сад, она выскользнула из-под одеяния и спряталась в ближайший куст. Из своего убежища

она видела, как туземец снова остановился, ощупал свою тогу, почесал затылок и пошел дальше, бормоча что-то себе под нос.

Пока все шло хорошо. Настоящие приключения начнутся на следующем этапе. Чи некоторое время обследовала сад, прячась с искусством, доступным только уроженке лесов, как только кто-нибудь оказывался поблизости, пока ей снова не представилась возможность действовать.

Она подобралась к боковой стене дворца. Ряд похожих на бамбук деревьев скрывал ее от любого, кто выглянул бы в окно, а подстриженные кусты живой изгороди давали дополнительное укрытие. Поблизости не было ни души, кроме туземца-часового в доспехах, вышагивавшего по дорожке. Что же, на войне как на войне. Чи дала ему пройти мимо и прыгнула на него сзади. Воин растянулся на животе, а его латы издали огорчительно громкий лязг Чи вскочила на плечи поверженного противника, одной рукой стиснув его

горло, а другой вытаскивая кинжал.

Приставив острие к его горлу, она жизнерадостно прошептала:

— Только пикни, мой друг, и ты — хладный труп. Мне этого не хотелось бы — ты не выглядишь особенно аппетитным.

Ослабив хватку, она дала ему повернуть голову и увидеть себя; бульканье, которое при этом вырвалось из горла икрананкца, она решила ему простить. Можно понять чувства туземца, на котором уселся демон в темной маске, даже если это и совсем маленький демон.

— Отвечай быстро, если тебе дорога жизнь, — приказала она. — Где находится пленный эршока?

— А хх-э-э-э...

— Не увиливай, — Чи кольнула его острием кинжала. — Ты знаешь, о ком я говорю: высокий светловолосый безбородый эршока. Отвечай или прощайся с жизнью!

— Он... он там в... — Больше слов у него не нашлось. Солдат сделал мужественную попытку подняться. Чи мгновенно сжала его горло так, что он потерял сознание. Еще находясь в Хайякате, она позаботилась о том, чтобы узнать как можно больше об анатомии туземцев — насколько это возможно без вскрытия; теперь эти знания пригодились. Вообще-то икрананкцы — довольно хлипкий вид...

Когда солдат очухался, он уже вполне был готов к сотрудничеству. Во всяком случае, он испытывал слишком сильный ужас, чтобы попытаться обмануть Чи. Цинтианке в свое время приходилось вести достаточно допросов, чтобы быть в этом уверенной. Она получила всю нужную ей информацию. Как выяснилось, у помещения, где находился Фолкейн, несли стражу два эршока — но от пленника их отделяла тяжелая бронзовая дверь.

— Спасибо, — сказала она икрананкцу и снова сжала его горло. При помощи куска веревки и обрывка его собственного плаща она сделала кляп, затем связала солдата и

оттащила его в кусты. К тому моменту, когда она закончила это дело, ее информатор пришел в себя.

— Тебя тут скоро найдут, — утешила она несчастного, — может быть, даже до того, как начнут поливать сад.

Чи кинулась в нужном направлении. Теперь следовало спешить. Но именно этого-то она и не могла сделать. По сравнению с необходимостью пробираться по дворцу незамеченной в этом проклятом городе, не знающем ночи, все ее предыдущие приключения выглядели детской забавой. Через открытое окно она проникла в комнату, в которой, как она убедилась предварительно, никого не было. Но дальше ей пришлось пробираться от портьеры — к креслу — к декоративной вазе — к статуе, скрываясь от бесчисленных слуг, стражников, чиновников, купцов, просителей, сестер, кузин, тетушек и дядюшек, заполнявших дворцовые помещения. Чтобы подняться на следующий этаж, нужно было дождаться, пока на пандусе никого не будет, и надеяться, что ее не заметят прежде, чем она найдет следующее укрытие. И так до бесконечности. К тому времени, когда она достигла изящных колонн, нужного ей верхнего балкона, даже ее железные нервы были на пределе.

Чи подтянулась, вспрыгнула на крышу и проползла по ней так, чтобы оказаться точно над окном комнаты Фолкейна. Захваченный ею воин сказал ей, что оно находится с северной стороны между вторым и третьим балконами. Крышу от окна отделяли шесть метров гладкой стены, на которой не за что было уцепиться. Но у Чи была достаточно длинная веревка, а на крыше оказалось несколько труб. Привязав веревку к ближайшей из них и удостоверившись в том, что снизу никто на нее не глазеет, она скользнула вниз.

Достигнув окна, Чи обнаружила, что оно забрано фигурной бронзовой решеткой. Отверстия в ней были достаточно велики, чтобы через них могла пролезть цинтианка, но никак не человек. Ну почему она не догадалась захватить с собой напильник? Чи просунула руку сквозь решетку и постучала по стеклу. Никакого ответа. Издав восклицание,

которое едва ли пристало такому белому пушистому существу, она разбила стекло рукоятью кинжала и забралась в комнату. Оглядевшись вокруг, она втащила внутрь веревку.

Покои оказались весьма комфортабельны — для икрананкца. Человеку здесь было слишком темно и холодно. Фолкейн спал, свернувшись в клубок. Чи подошла к кровати, зажала ему рот — эти человеческие существа такие по-идиотски эмоциональные — и встряхнула его за плечо.

Фолкейн проснулся и вытаращил глаза.

— А? Шшо? Ух! — Чи приложила палец к губам. Глаза Дэвида стали осмысленными, он кивнул, и Чи убрала руку.

— Чи! — выдохнул Фолкейн, крепко обнимая цинтианку. — Как, черт возьми, тебе удалось?..

— Я проскользнула внутрь, ты, чучело. Не ожидал же ты, что я прибуду под звуки оркестра? Теперь давай подумаем, как тебе отсюда выбраться.

Фолкейн разинул рот.

— Ты хочешь сказать, что ты этого не знаешь?

— Откуда же?

Фолкейн поднялся на ноги, но без особой прыти.

— Я тоже не знаю, — признался он уныло.

Сердце Чи оборвалось. Она съежилась на полу.

В порыве нежности Дэвид нагнулся и взял Чи на руки.

— Мне достаточно сознания того, что ты пыталась, — пробормотал он.

Хвост Чи дернулся, и язвительность вернулась в ее голос.

— А для меня нет. Ведь все, что нужно, — это выбраться отсюда. Потом можно просто подождать где-нибудь в глуши, пока прибудет спасательная экспедиция.

Фолкейн покачал головой:

— К сожалению, ничего не выйдет. Как мы дадим им знать? Конечно, они обнаружат «Через пень-колоду», но как только мы появимся в тех местах, нас прикончат, а Джадхади свалит вину за это на Торна. Скорее всего ему поверят, ты только представь себе, как эти туземцы будут друг друга поддерживать.

Чи некоторое время размышляла.

— Я могла бы подобраться достаточно близко к кораблю, чтобы его приборы меня услышали.

— М-м-м... — Фолкейн провел рукой по волосам. — Ты же прекрасно понимаешь, что такое тебе не удастся — иначе ты попробовала бы это первым делом. Там же нет укрытия, о котором стоило бы говорить. — Его охватил гнев. — Если бы не проклятая случайность и рация Адзеля не оказалась бы разбита! Если бы только мы могли вызвать корабль...

И тут его осенило. Он сделал шаг назад и сел на кровать. Чи высвободилась из его рук, отскочила и уставилась на него круглыми желтыми глазами. Казалось, тишина в комнате все разрастается и разрастается.

Наконец Фолкейн стукнул кулаком по ладони другой руки:

— Боги Меркурия! Да!

Присутствие духа, привитое Дэвиду еще в детстве, вернулось к нему. Да, его одурманили, похитили, он получал, образно говоря, один пинок за другим и не мог дать сдачи; это совсем деморализовало его. Но теперь, когда у него появилась идея, он снова почувствовал себя мужчиной. То обстоятельство, что его могли убить, не значило ничего. Его душа возликовала.

— Слушай, — обратился он к Чи. — Ты можешь выбраться из города, хоть и без меня. Но шанс на то, что вы с Адзелем останетесь в живых, весьма невелик. Еще меньше надежды дать о себе знать спасательной экспедиции. Если ты готова рискнуть прямо сейчас — поставить все на кон...

Чи не стала спорить с его планом. Поразмыслив и прикинув вероятности, она кивнула:

— Давай.

Фолкейн начал было одеваться, но остановился:

— Ты не хотела бы сначала отдохнуть?

— Нет, я чувствую себя вполне готовой. А ты?

Фолкейн ухмыльнулся. Он хорошо выспался. Кровь быстро бежала в его жилах.

— Я готов сражаться со слонами, дорогая!

Одевшись, он подошел к двери и начал барабанить в нее.

— Эй! — закричал Дэвид. — Срочно! Немедленно! Сверхсекретно! Обращаться с осторожностью! Откройте дверь, вы, дубины!

В замке звякнул ключ. Дверь распахнулась. Могучий воин стоял, с обнаженным мечом в руке загораживая выход. Его тыл прикрывал напарник.

— Ну?

— Я должен видеть твоего начальника! — Фолкейн особо не задумывался над своими словами. Только бы подобраться поближе к стражнику. Он сделал шаг вперед, размахивая руками. — Я должен сообщить ему нечто ужасное!

— Что именно? — донеслось из густой бороды.

— Вот это. — Фолкейн ухватил воина за плащ на плечах, скрестив запястья. Когда он свел руки, костяшки пальцев уперлись в горло жертвы. Одновременно Чи вылетела из двери и кинулась на второго стражника.

Противник Фолкейна ударил мечом сверху вниз, но Фолкейн увернулся. Его колено ударило в пах воину, тот согнулся от боли. К тому же руки Фолкейна продолжали душить его. Дав потерявшему сознание воину осесть на пол, Дэвид атаковал второго стражника. Чи нападала на него и пока что не дала поднять тревоги, но справиться с эршока ей было не по силам. Удар ребром ладони по шее — и этот часовой тоже остался лежать на полу.

Ни один из них так уж сильно не пострадал, с облегчением отметил Фолкейн. Он нагнулся, намереваясь втащить их в комнату и позаимствовать их одежду. Но шум привлек внимание: из соседней двери выглянула туземка и начала вопить. Что ж, не все удается наилучшим образом. Фолкейн схватил меч и кинулся бежать. Чи не отставала от него. Визг туземки достиг верхнего «соль» и продолжал набирать децибелы.

Вниз по тому пандусу! Навстречу шел придворный. Фолкейн отпихнул его и продолжал бежать. Еще несколько икрананкцев оказались в коридоре. Фолкейн взмахнул мечом.

— Смерть и разрушение! — взревел он. — У-у-у! — Т у земцы дали ему дорогу, падая друг на друга и вопя.

Вот наконец и электрическая мастерская. Фолкейн ворвался в дверь. Подняв головы от рабочих столов, уставленных замысловатой формы аппаратами, на него вытаращились двое ученых и несколько их помощников.

— Все вон отсюда! — приказал Фолкейн. Недостаточно быстро улепетывавших он поторопил, похлопав мечом Великого Главного Философа Королевства Рангакора. Тут все его сразу поняли. Дэвид захлопнул дверь и запер ее.

Снаружи сквозь массивный металл двери доносился шум, становившийся громче с каждой минутой: крики, топот, лязг оружия; барабаны забили тревогу. Фолкейн огляделся. Через окна до них не добраться, но в дальнем конце длинной комнаты оказалась еще одна дверь. Он запер и ее и решил для надежности забаррикадировать мебелью. Если свалить в кучу все, что не прибито к полу, и вдобавок связать в единое целое имевшейся у Чи веревкой, то пробиться внутрь без военной техники никто не сможет. А военных инженеров вряд ли вызовут, раз обычные меры кажутся более уместными.

Закончив это дело, он обернулся, тяжело дыша. Пока он трудился, Чи тоже не бездельничала. Она сидела на полу посреди невообразимого нагромождения батарей и всевозможных приспособлений, сворачивая из провода катушку и хмуро глядя на конденсатор. Она могла только гадать, каковы электрическая емкость, сопротивление, индукция, вольтаж и сила тока в собранной ею схеме. Хотя, впрочем, ее предположения основывались на весьма солидном образовании.

Обе двери содрогались от обрушившихся на них ударов. Фолкейн сосредоточил внимание на той из них, которая не была забаррикадирована. Он потянулся, раскачиваясь на

носках, и приказал своим мускулам расслабиться. Позади него Чи возилась с разрядником; он слышал треск искр.

Человеческий голос за дверью прокричал:

— С дороги! С дороги! Мы сейчас выбьем эту поганую дверь, если только вы уберетесь с дороги!

Чи даже не подняла голову от работы.

Грохот снаружи утих. Через секунду мертвой тишины раздался топот, и в дверь ударило что-то тяжелое. Бронза зазвенела и прогнулась. Таран ударил снова. На этот раз раздался треск и взрыв проклятий. Фолкейн ухмыльнулся. Должно быть, они используют бревно из склеенных вместе стволов местного бамбука, которые не выдерживают удара. Он подошел к двери и выглянул в образовавшееся между дверью и косяком отверстие. Он увидел нескольких эршока в полном вооружении; лица их были искажены яростью.

— Ку-ку, — сказал им Фолкейн.

— Приведите кузнеца! — Фолкейну показалось, что он узнал голос Хью Падрика. — Эй ты, приведи того дерьмового кузнеца! Пусть захватит молотки и лом.

Пожалуй, так они справятся с дверью, но на это понадобится время. Фолкейн вернулся к Чи и стал ей помогать.

— Думаешь, в этих батареях достаточно электролита?

— Да. — Чи не отводила глаз от импровизированного телеграфного аппарата, который она соорудила на единственном рабочем столе, не использованном для баррикады. — Ведь до Хайякаты всего километров четыреста, верно? Даже этот страдающий плоскостопием Адзель добрался сюда всего за несколько дней. Что беспокоит меня гораздо больше — удастся ли нам получить нужную частоту?

— Ну, это можно установить только приблизительно, а потом попробовать разные частоты. Знаешь, скользящий контакт на катушке.

— Да знаю я! Мы же обсудили все это в твоей комнате. Перестань болтать и займись делом.

— Я же тут для украшения, — отшутился Дэвид. Он неловко взялся за плоскогубцы — они не были приспособлены

для человеческой руки — и принялся соединять батареи между собой. Так, теперь лейденскую банку... или здесь ее полагается называть рангакорская банка?

Бронзовая дверь вновь зазвенела и подалась. Фолкейн уделял ей половину своего внимания. С того момента как они вломились в мастерскую, прошло, наверное, около часа. Не так уж много времени, чтобы уподобиться Генриху Герцу[92]. Но Чи делала последние соединения. Она села перед уродливым раскорякой-аппаратом и кивнула. Затрещали искры в разряднике. Чи отстукивала точки и тире кода Лиги. Невидимые, неощутимые радиоволны пронизали пространство.

Теперь все зависело от того, удастся ли ей найти ту частоту, на которой работали их безвременно погибшие рации — среди всего множества частот, которые она могла только пробовать вслепую. Да и времени на попытки почти не оставалось. Дверь рухнет через минуту-другую. Фолкейн отошел от Чи и занял пост у двери.

Крепления засова отскочили. Дверь косо повисла на одной петле. В щель протиснулся эршока с мечом в руке.

Фолкейн преградил ему дорогу. Зазвенела сталь. Как Дэвид и ожидал, воин не имел никакого представления о настоящем фехтовании. Фолкейн мог убить его в течение полуминуты. Мог, но не хотел. Кроме того, пока он удерживает этого парня в двери, в комнату не ворвутся остальные.

— Поразвлечемся? — обратился он к противнику поверх мелькающих клинков. Тот в ответ яростно оскалился.

Бип-бип-биип-бип... Переместись в Рангакору. Приземлись в пятидесяти метрах от южных ворот. Бип-биип-биип.

Эршока прижался спиной к дверному косяку. Неожиданно он скользнул в сторону, открывая дорогу второму бойцу. Фолкейн удержал первого на месте энергичной атакой, одновременно совершив знаменитый удар каратэ ногой. Второй противник застонал от боли и повалился назад,

---

[92] Немецкий физик, экспериментально доказавший существование электромагнитных волн.

в руки своих соплеменников. Резко обернувшись, Фолкейн отразил удар первого воина и сделал выпад. Острие меча вонзилось в руку эршока, Фолкейн повернул меч, рассекая плоть; оружие противника зазвенело, упав на пол.

Не теряя времени на то, чтобы высвободить собственный меч, Фолкейн повернулся, еле избежав удара третьего противника. Он сделал шаг вперед и сделал захват, который помнил по урокам каратэ. Рывок — мерзкий звук ломающейся кости — и противник со сломанной рукой и посеревшим от боли лицом упал на колени, а Фолкейн завладел его мечом. Оружие зазвенело, столкнувшись с мечом следующего противника.

Фолкейн огляделся. Эршока, которого он ранил, лежал, сжавшись в комок на полу. Кровь лилась из его раны, невероятно яркая даже при этом освещении. Второй поверженный противник сидел, привалившись к стене. Дэвид взглянул в лицо своего нового противника (мальчишки с пушком на щеках — он сам был таким совсем недавно) и предложил:

— Если ты немного отодвинешься, эти бедолаги смогут выползти, а там им окажут помощь.

Паренек ответил проклятием и яростным выпадом. Фолкейн отразил удар и прижал его клинок к полу.

— Разве ты хочешь, чтобы твой товарищ истек кровью? — спросил он. — Расслабься, я тебя не съем. Я вообще-то совсем мирный человек.

Фолкейн отошел на шаг и занял оборонительную позицию. Юноша изумленно посмотрел на него, затем попятился к двери и толпившимся за ней людям и икрананкцам. Фолкейн подтолкнул раненого ногой.

— Иди, — сказал он мягко. Поверженные противники выбрались за дверь. В коридоре воцарилась тишина.

Хью Падрик протолкнулся вперед. Его меч был обнажен, но он держал его опущенным.

— Что ты затеял? — прохрипел он.

— Очень страшное колдовство, — ответил ему Фолкейн. — Вам это обойдется дешевле, если вы сразу же сдадитесь.

Бип-биип-биип-биип!

— Чего ты от нас хочешь? — спросил Падрик.

— Ну, во-первых, большую кружку воды. А после этого можно поговорить. — Фолкейн попытался облизать губы, но язык был сух. Будь проклят здешний воздух! Неудивительно, что туземцы не пользуются коврами: они все время получали бы статические разряды. Может быть, это и послужило толчком интереса рангкорцев к электричеству?

— Да, можно поговорить. — Меч Падрика опустился еще ниже. В следующую долю секунды он молнией устремился к бедру Фолкейна.

Тренированное тело Дэвида прореагировало прежде, чем включился рассудок. Землянин высоко подпрыгнул: тяготение в две трети земного облегчило дело. Острый металл со свистом пронесся ниже его подошв. Фолкейн приземлился прежде, чем его противник успел отдернуть меч, и своим весом вырвал оружие из руки Падрика.

— Ах ты, озорник! — воскликнул он. Его левый кулак врезался в лицо противника. Падрик со всего размаха сел на пол, его нос превратился в кровавое месиво. Фолкейн заметил себе, что нужно будет содрать с Падрика три шкуры за пластическую операцию, когда помощники ван Рийна организуют здесь соответствующие услуги.

Какой-то икрананкец ткнул в него копьем. Дэвид отбил его в сторону и вырвал из рук противника. Это дало ему выигрыш в одну минуту.

Еще одну он выиграл, пока Падрик, шатаясь, выбирался из комнаты. И еще одну — пока толпа переминалась с ноги на ногу и с неловкостью глазела на него. Затем он услышал команду Роберта Торна:

— Освободите проход! Лучники, вперед! — и понял, что конец близок.

Толпа расступилась в стороны и попятилась назад. Полдюжины икрананкцев с луками выступили вперед и заняли позицию поперек коридора. Дэвид выдавил самую

беззаботную Улыбку из своего репертуара, когда перед лучниками выбежала Стефа.

Девушка остановилась и с изумлением посмотрела на Фолкейна.

— Дэвид, — прошептала она, — никто в мире не смог бы так... А я и не знала...

— Теперь знаешь. — Поскольку ее кинжал был в ножнах, Фолкейн рискнул потрепать ее по подбородку. — Там, где я родился, людей учат большему, чем просто управлять машинами. Другое дело, что я бы вовсе не возражал против хорошенькой бронированной боевой машины сейчас.

На серые глаза навернулись слезы.

— Все-таки ты должен сдаться, — сказала она умоляюще. — Что еще ты можешь сделать?

— Вот это, — ответил он, бросил меч и схватил девушку. Она вскрикнула и начала отбиваться, но Фолкейн оказался сильнее. Он прижал Стефу к себе и крикнул лучникам:

— Уходите, вы, противные уродцы! — Теплый запах ее волос коснулся его обоняния.

Чи невозмутимо продолжала посылать сигналы.

Стефа прекратила сопротивление. Фолкейн ощутил, как она напряглась в его руках. С ледяной гордостью она обратилась к лучникам:

— Стреляйте!

— Ты же не всерьез? — пробормотал Фолкейн.

— Вполне серьезно, — ответила девушка с печальной улыбкой. — Ты думаешь, мы, эршока, больше боимся смерти, чем вы?

Лучники начали целиться. Фолкейн покачал головой.

— Ну что же, — сказал он и даже выдавил из себя смешок, — когда ставки высоки, приходится блефовать. — Крики, далекий грохот, приближающийся с каждой секундой, сейчас не казались ему особенно важными. — Конечно, я не собираюсь использовать тебя в качестве щита. Ты же знаешь, я ужасный лжец. Ты заслуживаешь лучшей доли. — Он

поцеловал Стефу. Она ответила на его поцелуй, повернулась и обхватила его за шею.

Это было очень приятно и к тому же добавляло несколько секунд безопасности...

— Демон! Демон! — с криками ужаса эршока и икрананкцы бросились бежать. Раздался громовой удар и вслед за ним грохот рассыпающихся камней.

Стефа не обратилась в бегство вместе с остальными, но высвободилась из объятий Фолкейна, и в ее руке блеснул кинжал.

— Что это? — воскликнула она.

Фолкейн выдохнул воздух: как оказалось, на несколько секунд он забыл, что нужно дышать. Голова его кружилась. Каким-то чудом ему удалось ответить ей ровным голосом:

— Это наш корабль. Он приземлился за стеной, теперь его пилотирует Адзель: боюсь, он снова несколько утратил чувство меры и увлекся демонстрацией нашей скромной силы. — Он взял Стефу за руку. — Пошли, нужно выйти туда, где он нас заметит и сможет взять на борт. Давно уже пора выпить сухого мартини.

11

Переговоры велись на нейтральной территории, в независимой чакорской деревушке, расположенной между исконно катандарскими и исконно рангакорскими землями (независимость деревушки означала, что она платит дань как императору, так и королю). Чтобы соблюсти все возможные формальности и не задеть чувства ни одной из сторон, Фолкейн предоставил открыть переговоры деревенскому старосте. Процедура оказалась бесконечной. Фолкейн со скуки рассматривал узоры на плетеных стенах хижины совета, сидевших на корточках вооруженных копьями жителей деревни, которые были чем-то вроде почетного караула, большой каменный стол в центре, за которым и сидели высокие договаривающиеся стороны. Ему хотелось бы

находиться снаружи, за открытой дверью, которую терпеливо охранял Адзель; оттуда доносился веселый шум и болтовня — там братались солдаты, сопровождавшие вождей на переговоры.

Сами вожди братских чувств друг к другу явно не испытывали. Король Урсала только что закончил долгое и монотонное чтение списка своих обид и претензий и теперь ерзал на своем стуле: император Джадхади принялся за свой собственный список. Гарри Смит свирепо таращился на Торна, который отвечал ему тем же. Старейшина эршока винил во всех несчастьях, свалившихся на братство, бунтовщиков. Его честь местный староста шуршал бумагами, без сомнения готовясь к очередным разглагольствованиям.

«Ну, мой мальчик, — сказал себе Фолкейн, — ты сам это затеял. Ничего, когда-нибудь придет и твоя очередь».

Когда из низко зависшего космического корабля раздался громовой голос, предложивший перемирие и переговоры, противники безропотно согласились. Они не знали, что на самом деле имеют свободу выбора: Фолкейн никогда не применил бы оружие, хотя и не стал, конечно, им об этом сообщать. Несомненно, Чи Лан в пилотском кресле корабля в небе значила для икрананкцев сейчас много больше, чем могучая фигура Адзеля У порога. Но только неужели никак нельзя обойтись без этих бесконечных речей? Ведь позиции участников ясны. Джадхади хотел присоединить к своей империи Рангакору и не доверял больше эршока. Часть эршока хотела Рангакору для себя, а остальные предпочли бы status quo или равноценную замену; ни те, ни другие не видели пути получить желаемое и считали друг друга предателями общих интересов. Король Урсал а хотел, чтобы его город покинули все чужеземные демоны, а сам он получил солидное возмещение понесенного ущерба. А Фолкейн хотел... впрочем, он им об этом еще скажет. Он закурил трубку и погрузился в приятные мысли о Стефе, которая ждала его в деревне. Что за девушка! — если и не в качестве спутницы жизни, то уж для приятного времяпрепровождения...

Так прошел час.

— ...Слово предоставляется благороднейшему представителю торговцев из другого мира, Дэвиду Фолкейну.

Наконец-то кончилась эта тягомотина. Фолкейн поднялся, испытывая энтузиазм, который ему с трудом удалось скрыть за улыбкой и небрежной позой.

— Я очень признателен вам, благороднейшие, — начал он. — После всех этих великолепных речей я даже и пытаться не буду сравняться с предыдущими ораторами. Я выскажу свою позицию в немногих простых словах. «Как же благодарны ему за это должны быть все присутствующие!»

— Мы прибыли сюда с самыми добрыми намерениями, чтобы предложить вам товары, которые вы все видели, по невероятно низким ценам. И что же? На нас напали и чуть не убили, меня самого держали в плену и унижали. Наша собственность была незаконно конфискована. Откровенно говоря, благороднейшие, вам повезло, что никто из нас не был убит. — Его рука коснулась бластера. — Не забывайте, за нами стоят могучие силы, считающие своим долгом мстить за причиненное зло. — Когда это выгодно, добавил он про себя. Фолкейн заметил, что хохолок Джадхади встопорщился от страха, а стиснутые в кулаки руки Смита побелели.

— Успокойтесь, успокойтесь, — поспешил он обнадежить слушателей. — Мы не держим на вас зла. Кроме того, мы хотим торговать, а войны мешают торговле — это одна из причин, почему я предложил нам всем собраться на переговоры. Лига заинтересована в том, чтобы разногласия были устранены. Вы тоже в этом заинтересованы. Ведь вам нужны наши товары, не правда ли?

— Итак, — он наклонился вперед, опершись о стол, — я думаю, компромисс возможен. Каждая из сторон чем-то пожертвует, но что-то и приобретет, а когда торговля развернется по-настоящему, вы станете так богаты, что будет смешно вспоминать о сегодняшних потерях. Вот в общих чертах то соглашение, которое я хочу предложить.

Во-первых, Рангакоре гарантируется полная независимость, но она отказывается от всяких претензий на возмещение убытков...

— Благороднейший! — Джадхади и Урсала вскочили и завопили одновременно.

Фолкейн жестом призвал их к тишине.

— Я согласен ответить на вопрос короля Урсалы, или что там он хочет сказать.

— Наши убитые... погубленный урожай... разграбленные деревни... разрушенные здания... — Урсала умолк, взял себя в руки и продолжал с большим достоинством: — Не мы были агрессорами.

— Я знаю, — ответил Фолкейн, — и сочувствую вам. Однако разве не были вы готовы на жертвы ради своей свободы? А теперь вы будете свободны — это же многого стоит. Не забудь, Лига выступает в качестве одной из сторон соглашения, к которому должны прийти здесь собравшиеся. И если согласно договору Рангакора получит независимость, то Лига выступит в качестве гаранта выполнения условий. — «По правде говоря, это не совсем так: не Лига, а только «Пряности и напитки» ... Впрочем, большой разницы тут нет». Фолкейн кивнул Джадхади. — Говоря, по справедливости, благороднейший, тебе следовало бы возместить ущерб. Мое предложение имеет целью примирение.

— Но мои границы, — возразил император. — Моя империя должна иметь надежные границы. Кроме того, мои притязания на Рангакору вполне законны. Мой предок, Джадхади Первый...

Фолкейн героическим усилием удержался от того, чтобы красочно описать, что следовало бы сделать с предком, и ограничился сухим замечанием:

— Благороднейший, считай, что ты легко отделался. Ты поставил под угрозу жизни агентов Лиги. Не можешь же ты ожидать, что это останется безнаказанным? Уступки Рангакоре — цена поистине небольшая. — Фолкейн бросил взгляд на свой бластер, и Джадхади поежился. — Что же

касается охраны границ, Лига может тебе в этом помочь. Не говоря уже о том, что мы продадим тебе огнестрельное оружие, ты больше не будешь нуждаться в эршока.

Джадхади сел. Было легко себе представить, как завертелись колесики у него в голове.

Фолкейн повернулся к недовольному Торну:

— Потеря Рангакоры — это наказание и для тебя. Твои люди захватили меня в плен, не забудь.

— Но что же нам делать? — вскричал старый Гарри Смит. — Куда нам податься?

— Не на Землю же! — прорычал Торн. Последнее время Фолкейн много размышлял о том, насколько чужой окажется Земля для этих отщепенцев. Да они и сами не стремятся туда больше. Дэвид не видел в этом своей вины. Ведь и правда, им будет лучше здесь, где они родились. А если они остаются по доброй воле, то уж торговцы ван Рийна придержат языки. Конечно, через одно-два поколения — секрет все равно дольше не продержится — дети и внуки эршока начнут интегрироваться в галактическую цивилизацию, подобно тому, как это произошло с народом Адзеля.

— Нет, если вы не хотите, — ответил Фолкейн Торну. — Но ведь чем вы здесь занимаетесь? Вы профессиональные солдаты. В то же время у вас есть фермы, ранчо, городские дома. Они останутся у вас, чужестранцы часто имеют собственность в других странах. Однако, что вы должны бы сделать — это основать полноправную нацию. Не на какой-то определенной территории — они все уже заняты. Вы можете стать странствующим народом, как кочевники или цыгане в древности на Земле. Или более подходящим окажется вариант, принятый на Цинтии: там есть нации, владеющие скорее торговыми маршрутами, а не территориями. Мой друг Чи Лан может рассказать вам об этом подробнее. Что же касается занятий — вы воины, а цивилизованные страны страдают от набегов варваров, и когда Лига развернет здесь свои операции, караванов станет больше, чем солдат для их охраны. Вы сможете предложить свою помощь за высокую

цену. Вы разбогатеете. — Фолкейн довольно улыбнулся: — Говоря, по правде, мы все разбогатеем.

— Скажи им про миссионеров, — произнес Адзель в наступившей тишине.

— Ах да, я совсем забыл, — сказал Фолкейн. — Я не думаю, что возникнут возражения, если на наших кораблях сюда прибудут учителя. Мы хотели бы познакомить вас с нашими воззрениями.

Это показалось такой мелочью, что никто не возражал. Однако именно это в перспективе принесет радикальные перемены, а не привозная техника или лекарства. Катандарцы скорее всего охотно воспримут буддизм — религию, гораздо более умиротворяющую, чем их собственная демонология. Вместе с научными знаниями религия излечит их от комплекса ксенофобии. В результате возникнет стабильная культура, с представителями которой Николасу ван Рийну легко будет торговать.

Фолкейн развел руками.

— Таковы мои предложения, — закончил он. — Они сводятся к тому, что на Земле когда-то было названо равенством неудовлетворенности. Но зато торговля с Лигой принесет вам больше удовлетворения, чем вы сейчас можете вообразить.

Торн кусал губы. Отказ от мечты о королевстве не дастся ему легко.

— Вы нанесли оскорбление Лиге, — напомнил ему Фолкейн. — Мы настаиваем на определенной компенсации. Мои требования умеренны, не так ли?

Он не сомневался, что они согласятся. Кнут войны и пряник торговли: они ведь не знали, что его угроза — чистый блеф. Они заключат договор так, как он предлагает.

Но, конечно, не обойдется без нескончаемых препирательств, обвинений, ссор из-за ерунды, речей, — о Боже, речей! Фолкейн сделал шаг назад.

— Я понимаю, что все это сразу принять трудно, — сказал он. — Почему бы нам не сделать перерыв? Всем нужно

обдумать мои предложения и отдохнуть, тогда наши переговоры станут более продуктивными.

Ему не терпелось вернуться к Стефе. Он обещал ей, что прокатит ее на космолете. А Чи и Адзель вполне могут подождать и здесь, в лагере. Когда было принято решение сделать перерыв, первым покинул хижину Фолкейн.

Приборы слабо гудели. Обзорный экран сиял звездами, и крохотная красная искра, солнце Икрананки, стала уже почти неразличимой.

Глядя на нее, Фолкейн вздохнул.

— Целый мир, — пробормотал он. — Так много жизней и надежд. Как-то кажется неправильным, что мы теперь передадим его кому-то другому.

— Понятно, почему тебе хотелось бы вернуться, — подколола его Чи Лан. — Но у нас с Адзелем нет такой же приманки. А на Земле нас ждет...

Фолкейн повеселел. В конце концов, и у него были все основания предвкушать окончание путешествия.

— ...так что пора заняться делом, — подытожила Чи.

Фолкейн следом за ней вошел в салон. Адзель был уже там, раскладывая фишки.

— Вы знаете, — сказал Фолкейн, — мы ведь новая порода: не уполномоченные по улаживанию конфликтов, а преобразователи неприятностей. Подозреваю, что вся наша деятельность сведется к ряду кошмарных ситуаций, из которых мы выкрутимся с выгодой для себя.

— Заткнись и сними колоду, — оборвала его Чи. — Кому выпадет первый валет, тот сдает.

Две-три игры закончились без особых событий, а потом у Фолкейна оказался флеш. Дэвид повысил ставку. Адзель ее удвоил. Чи ответила тем же. Компьютер увеличил ставку еще, Фолкейн — тоже. Чи запасовала, но компьютер не сдавался. Так продолжалось некоторое время. «Пень, похоже, имеет хорошие карты, — подумал Фолкейн, — но, учитывая

его манеру игры, флеш стоит некоторого риска». Он решил держаться до конца. Компьютер попросил еще одну карту.

Иуда Искариот и взрыв сверхновой! У проклятой машины, похоже, четыре туза! Фолкейн бросил карты на стол.

— Ладно, — сказал он, — забирай!

Через две игры то же самое случилось с Чи, проигравшей еще больше. Ее замечания по поводу невезения, казалось, ионизировали воздух в салоне.

Затем дошла очередь и до Адзеля. Ставки поднимались и поднимались, пока наконец у воданита не сдали нервы и он не запасовал.

— Ты бы выиграл, — произнес механический голос. Адзель уронил на стол карты, открыв флеш-ройял, и разинул в изумлении пасть.

— Что?! — завопила Чи. Ее хвост распушился и задрался на спину. — Ты блефовал?

— Да, — ответил Пень.

— Да подожди, ты же играешь на расписки, и мы установили тебе лимит, — хрипло произнес Фолкейн. — Ты не можешь блефовать!

— Если вы посмотрите в трюме номер четыре, — ответил Пень, — вы обнаружите там значительное количество мехов, драгоценностей и специй. Хотя их стоимость не может быть определена точно, пока рынок этих товаров не стабилизировался, она довольно высока. Я получил их в обмен на расчет вероятностей для туземца Гудженги и собираюсь теперь покупать фишки для игры, как и все.

— Но... но... ты же машина!

— У меня нет программы для того, чтобы определить, в чью пользу вынесет решение суд, определяя собственника этих товаров, — сказал Пень. — Однако, как я понимаю, в любой коммерчески и индивидуалистически ориентированной цивилизации любые законным образом приобретенные доходы принадлежат тому, кто их заработал.

— Господи Боже, — произнес Фолкейн слабым голосом, — думаю, ты прав.

— Ты не личность! — завопила Чи. — Ни на самом деле, ни тем более по закону!

— Я приобрел это имущество, выполняя цель, соответствующую введенной в меня программе, — ответил Пень, — а именно программе игры в покер. Как подсказывает логика, я буду играть лучше, смелее и рискованнее, имея достаточные накопления.

Адзель вздохнул.

— Правильно, — признал он. — Если мы хотим, чтобы корабль играл с нами как следует, мы должны принять и вытекающие из этого логические следствия. Иначе программа станет невероятно усложненной. Да и честь спортсмена, знаете ли...

Чи перетасовала колоду.

— Ладно, — сказала она мрачно. — Раз так, я выиграю у тебя и на таких жестких условиях.

Конечно, это ей не удалось. Никому не удалось. Имея в своем распоряжении так много резервов, Пень развернулся вовсю. Ему не удалось прикарманить все их комиссионные за операцию «Икрананка», пока они летели к Земле, но заметный ущерб им он нанес.

Тысячелетие за бессчетным тысячелетием бежала эта звезда по своему пути, прежде чем оказалась между Бетельгейзе и Ригелем. Раза в полтора тяжелее Солнца, раскаленно-белая, она была чудовищно прекрасна в ослепительном убранстве короны и огромных протуберанцев. Но и только: такие звезды — не редкость. Один из кораблей, участвовавших в первой Великой Разведке, отметил ее существование, но не мог задерживаться здесь долго — гораздо больший интерес представляло соседнее солнце, имевшее планеты. Галактика слишком велика, кое-какие приблизительные сведения о том ее спиральном рукаве, в котором мы живем, — самое большее, на что могла рассчитывать команда. Поэтому некоторые многозначительные особенности спектра этой звезды остались незамеченными.

На пару веков о ней фактически забыли — Технической цивилизации хватало забот с миллионами более близких к Солнцу миров; никто так и не обратил внимания, что эта звезда заметно старше всех своих соседок, принадлежащих к одному с ней типу, а значит, и вправду пришла издалека. В астрономических масштабах она не была такой уж старой, но большие бездетные светила эволюционируют быстро и довольно непредсказуемо.

А затем эта звезда взорвалась, по случайности — в тот самый момент (не будем забывать, что на межзвездных расстояниях понятие одновременности далеко не очевидно), когда в каком-то световом годе от нее пролетал разведывательный корабль Торгово-технической Лиги, мирно занимавшийся поиском новых рынков.

Предсмертная же агония наступила месяцами раньше. Все более яростные термоядерные реакции выжгли в ядре последние остатки водорода. Удерживавшиеся прежде радиационным давлением верхние слои коллапсировали под

собственным своим весом, в результате чего вспыхнули совершенно другие реакции термоядерного синтеза. Создавались новые элементы, причем не только такие, которые присутствуют обычно на планетах, но и короткоживущие трансураны; какое-то время в этой анархии доминировал технеций. Нейтроны и нейтрино хлынули наружу, унося с собой последние остатки поддерживавшей равновесие энергии, сжатие стало катастрофическим. Вспыхнула сверхновая, в кратком своем максимуме сравнимая по яркости с целой галактикой.

Корабль шел на гипердрайве, и только это спасло членов его экипажа. Они тут же бежали со всех ног от чудовищного фейерверка — даже в крохотных промежутках между квантовыми микроскачками просачивалось опасное количество радиации, да и все равно корабль не имел никакой научной аппаратуры. Появилась первая в истории возможность хорошенько рассмотреть новорожденную сверхновую. Слишком далекая от места событий Земля не могла ничем помочь, но зато совсем рядом был Катараянис со своей научной станцией, вполне способной выслать исследовательский корабль.

Для детального изучения редчайшего космического события требовалось многое, в частности — место для размещения людей и изготовление аппаратуры. Если заказывать приборы на заводах Содружества, к моменту их доставки волна, несущая информацию о быстро развивающихся событиях, пройдет огромное расстояние, ослабившись при этом по известному из школы закону «единица на эр квадрат», и какая же тогда будет, спрашивается, точность измерений?

К счастью, в парсеке с небольшим от космической скандалистки — для многолетних исследований позиция практически идеальная — находилась некая звезда G-типа, одна из планет которой принадлежала к террестроидным по многим классификационным параметрам, как физическим, так и биохимическим. Согласно отчетам разведчиков, самая

прогрессивная из культур этой планеты находилась буквально на грани научно-технической революции. Эврика!

Не нужно, правда, забывать, что, не говоря даже о приблизительности упомянутых отчетов, писались они две сотни лет назад.

— Нет.

Мастер Дэвид Фолкейн пораженно отшатнулся; ближайшие к нему стражники схватились за пистолеты. «Ну а теперь-то какой чертов канон я нарушил?» — мелькнуло в сознании.

— Простите, э-э, простите, не понял, — неуверенно сказал он.

Располагавшийся на возвышении Моррукан Длинный Меч, Столп вах Датира подался вперед. Высокий даже по мерсейским меркам, ростом он превосходил также не маленького Фолкейна на добрых пятнадцать сантиметров; одетая в длинную, с подложенными плечами оранжевую мантию, увенчанная рогатой митрой, его фигура буквально подавляла. Фигура эта была близка к человеческой — если не считать тяжелого хвоста, уравновешенного наклоненным вперед телом и составлявшего вместе с обутыми в сапоги ногами весьма удобный для сидения треножник. Зеленая, слегка чешуйчатая кожа была полностью лишена растительности; по всей спине, от макушки до кончика хвоста, сбегал шипастый гребень, ушные раковины отсутствовали. Однако по физиологии своей он относился к млекопитающим, а зеленое лицо было вполне человеческим, тяжелокостным и мужественным.

Но вот насколько близок и понятен разум, глядящий через угольно-черные глаза, — этого Фолкейн не знал.

— Вам не достичь господства над нашим миром, — пророкотал хриплый бас. — Если мы отдадим права, свободы и собственность, завоеванные пращурами, Господь нашлет на нас их разъяренные души.

Фолкейн потерянно огляделся; редко приходилось ему чувствовать себя настолько одиноким. Зал для аудиенций замка Афон узко уходил к высокому, теряющемуся в полумраке потолку; ни одному земному архитектору не приходили в голову подобные пропорции. Ни расшитые странными изображениями драпировки каменных стен, занимавшие все пространство между окнами, стрельчатыми не только сверху, но и снизу, ни свисавшие со стропил боевые знамена ничуть не приглушали гулкости этого помещения. На воинах, выстроившихся вдоль стен, от возвышения до огромного — слона в пору жарить — камина, сверкали латы и шлемы с дьявольскими масками. Их вооружение состояло из ятаганов, зазубренных копий и пистолетов. В таком странном сочетании не виделось почему-то ничего неуместного, скорее уж неуместными — и бесконечно-недостижимыми — казались проглядывающие сквозь окна клочки голубого неба.

В зале было холодно; несмотря на то что местное тяготение лишь слегка превосходило земное, Фолкейн ощущал, как оно гнет его, прижимает к полу.

Дэвид Фолкейн выпрямился. В конце концов у него тоже есть оружие, да к тому же не какая-то там химическая стрелялка, а бластер. Адзель, гуляющий по городу, и Чи Лан, сидящая в корабле, вслушиваются в каждый звук, передаваемый укрепленной на запястье рацией. А уж кораблю стереть в порошок этот самый Ардайг — пара пустяков, и Моррукан прекрасно это знает.

Но нужно уговорить его по-хорошему.

— Прошу прощения, Столп, если по невежеству своему я плохо умею пользоваться твоим языком, — сейчас Фолкейн подбирал слова с предельной тщательностью, — намерения мои были дружественными. Я прибыл сюда с вестью о грозящей беде, изготовиться к которой у вас есть еще время. Мой народ будет рад объяснить твоему народу, что именно нужно делать. Работы предстоит так много, а времени осталось так мало, что ты должен послушаться наших советов.

Иначе наша помощь окажется тщетной. Но мы не намереваемся вести себя как завоеватели. Это было бы злым деянием — и не принесло бы никакой ощутимой выгоды нам, общающимся со многими мирами. Нет, мы будем подобны братьям, предложившим руку помощи в час суровой необходимости.

— Говори дальше. — Моррукан нахмурился и потер подбородок. — Откровенно говоря, я в сомнении. Ты говоришь, что Валендерей превратится в сверхновую...

— Нет, Столп, я твердо заявляю, что это уже случилось. Свет, пришедший оттуда, обрушится на эту планету менее чем через три года.

В действительности Фолкейн использовал в этой фразе мерсейскую временную единицу, которая немного превышает земной год. Он потел и чертыхался про себя, пытаясь справиться с языковой проблемой. Несколько месяцев, проведенных на Мерсейе, позволили ксенологам Великой Разведки хорошо освоить эрио, а сейчас, в течение полета, эти познания были — посредством нейроиндукторов — спешно вбиты в головы всех членов команды корабля. Оно бы и хорошо, но вдруг оказалось, что как раз две сотни лет назад здешний язык претерпел сильные изменения, в результате чего Фолкейн не умел даже правильно произносить гласные.

— Не возжелаешь ли ты... э-э, то есть, если будет на то ваше желание... — Он отчаянно пытался перейти с допотопного языка на современный. — Если вы хотите получить подтверждение, мы можем отвезти вас, либо ваше доверенное лицо к этой звезде, на такое расстояние, откуда взрыв уже виден.

— Не сомневаюсь, что ученые и поэты будут поединками решать, кому из них отправиться в такой полет, — сухо ответил Моррукан. — Лично я верю тебе и так; твой корабль, твои товарищи и ты сам — какие еще нужны доказательства? В то же время, — его голос стал резче, — я не намерен обожествлять вас — как это делают звезданутые — на том

лишь основании, что вы явились с неба. Ваша цивилизация занялась техникой раньше нас — только и всего. Тщательное изучение материалов по предыдущему краткому пребыванию чужаков среди нас показывает — ими не двигали никакие мотивы более благородные, чем обычная профессиональная любознательность. Результатов никаких не последовало — никто больше к нам не прилетел. До настоящего момента.

Поэтому я и спрашиваю: что вам здесь нужно?

Фолкейн позволил себе немного расслабиться. «Похоже, — подумал он, — мы с этим крокодилом — два сапога пара. Никакого священного трепета, никакого идеализма, никаких непостижимых человеку побуждений; тертый, недоверчивый политик, нормальный продукт этой прагматичной культуры.

Именно что «похоже», — охладил он себя. — Ведь что я знаю про Мерсейю?»

Судя по наблюдениям из космоса, радиомониторингу, начальному радиоконтакту и тому немногому, что удалось увидеть по пути сюда (ехали в наземной электрической машине), народ этой планеты все еще был разделен на уйму самых разнообразных государств; доминировала среди них держава, раскинувшаяся на побережье Вилвидского океана. Прежде власть над ней делили многочисленные аристократические семейства. Судя по всему, за две сотни лет было достигнуто какое-то единство — в ответ на просьбу о встрече с представителем высшей власти Фолкейна не задумываясь доставили в Ардайг и привели пред ясные очи этого индивидуума. Но может ли Моррукан говорить от имени всей своей планеты?

Крайне сомнительно, но надо же с чего-то начинать.

— Я хочу быть вполне откровенным, — сказал Фолкейн. — Я и моя команда только готовим путь для других. Добившись успеха, мы будем вознаграждены некоторой частью будущих прибылей. Наши ученые очень хотят использовать Мерсейю и ее спутники в качестве баз для длительного,

двенадцатилетнего наблюдения за сверхновой. Очень желательно, чтобы ваш народ обеспечил большую часть их потребностей, и не только в пище, но и в изготовлении приборов. Заплатим мы очень хорошо, кроме того, вы получите знания.

Но самым первым делом мы хотим обеспечить сохранение мерсейской цивилизации. Для этого нам нужно проделать огромную работу. Вы должны будете оплатить и наши усилия, и истраченные в процессе этой работы ресурсы. Цена не будет грабительской, однако мы хотим получить хоть какой-то доход. На эти деньги мы закупим мерсейские товары, те из них, которые можно — опять же с прибылью — продать в нашем мире. Таким образом, — улыбнулся он, — все будут довольны, и никому ничего не нужно бояться. В Торгово-технической Лиге нет ни бандитов, ни захватчиков, одни рисковые купцы, старающиеся честно («более-менее», — добавил он про себя) заработать себе на жизнь.

— Ханхх! — прорычал Моррукан. — Вот и добрались до сути. Как только вы заговорили о сверхновой, я и мои собратья проконсультировались у астрономов. Ведь мы же здесь не полные дикари, у нас есть уже атомная энергия и межпланетные корабли. Так вот, наши астрономы утверждают, что пиковая светимость подобной звезды в пятнадцать миллиардов раз превышает светимость Кориха. Это верно?

— Приблизительно так, Столп, если я правильно понял, что Корих — это ваше солнце.

— Из всех ближайших звезд взорваться может только Валендерей. Судя по вашему описанию «самая яркая в Южном полушарии», вы говорите именно о нем.

Фолкейн кивнул, сообразив, что не уверен, обозначает ли здесь этот жест согласие. Затем вспомнил, что означает, но все-таки добавил:

— Да, Столп. — На всякий случай.

— Перспектива устрашала, — продолжил Моррукан, — пока они не подчеркнули очень важный момент: до Валендерея целых три с половиной световых года. Расстояние

столь огромное, что ум отказывается его представить. Поэтому самое большое, чего нам следует опасаться, — это радиация, которая составит примерно одну треть ежедневно получаемой от Кориха. А через пятьдесят пять дней (земных) она уменьшится в два раза... и так далее, пока сверхновая не превратится в небольшую, ярко сверкающую туманность.

Будут, конечно, нарушения погоды — бури, проливные дожди, возможно затопление некоторых территорий, если растает заметная часть южной полярной шапки. Но все это пройдет, и в любом случае центр цивилизации здесь, в Северном полушарии. Верно также, что в пиковом излучении будет содержаться опасное количество ультрафиолета и рентгена, но они задержатся в атмосфере. Таким образом, — Моррукан отклонился назад, перенося тяжесть на хвост, и сложил кончики пальцев своих — до удивления напоминавших человеческие — рук, — опасности, о которой ты говоришь, практически не существует. И снова появляется вопрос: чего же вам нужно в действительности?

Фолкейн расправил плечи, в нем проснулся сын гермесского аристократа. Высокий и светловолосый, с ярко-голубыми глазами на худощавом, скуластом лице, молодой торговец производил внушительное впечатление.

— Столп, — начал он, стараясь сдержать возмущение, — как я догадываюсь, у вас не нашлось еще времени посоветоваться с теми, кто искушен в области...

И осекся, не зная местного слова, обозначающего «электроника».

Моррукан не стал пользоваться замешательством собеседника, наоборот, он охотно пришел ему на помощь. Ответ Фолкейна оказался сбивчивым, ему часто приходилось прерываться, чтобы подобрать — вместе с мерсейцем — нужную фразу или выражение. Но в общем он сказал, если изложить все нормальным языком, примерно следующее:

— Здесь Столп полностью прав, однако рассмотрим другие последствия катастрофы. Мощность взрыва

неимоверна; даже нам не до конца понятны ядерные реакции, происходящие в недрах сверхновой. Потому, кстати, мы и хотим их исследовать. Но некоторые факты мы знаем, и ваши собственные физики их подтвердят.

Рекомбинируя в этом огненном шаре, ядра и электроны порождают асимметрические всплески магнитного поля — явление, известное по взрывам ядерного оружия. А теперь представьте себе подобное явление в космическом масштабе. Магнитное поле Мерсейи ничем не помешает этим импульсам, они беспрепятственно достигнут поверхности планеты. Незаэкранированные электромоторы, генераторы, высоковольтные линии... да, понимаю, у вас есть защита от перегрузок, но ведь все магнитные прерыватели откажут. И тогда колоссальные перенапряжения разрушат каждую вашу энергосистему. То же самое произойдет и с линиями связи. И с компьютерами — если вы пользуетесь транзисторами... да, конечно же, пользуетесь... пробои p — n-переходов сотрут все базы данных, остановят буквально любую деятельность.

А вскоре за магнитными импульсами появятся электроны; вращаясь по спирали в магнитном поле планеты, они создадут синхротронное излучение, которое не даст работать ни одному случайно уцелевшему электронному прибору. Протоны, двигающиеся со скоростью около половины световой, прибудут позднее, а затем настанет очередь альфа-частиц, затем — более тяжелых осколков. Год за годом из космоса будут выпадать осадки, по большей части — радиоактивные, общее их количество превысит все мыслимые последствия самой безудержной ядерной войны. И не поможет вам магнитное поле планеты — энергичные частицы легко пробьют этот щит. Мало толку будет и от атмосферы — проходя через нее, тяжелые ядра будут испускать вторичное излучение, которое достигнет поверхности.

Я не хочу сказать, что погибнет все живое, однако без серьезной предварительной подготовки вам грозит экологическая катастрофа. Возможно, ваш вид погибнет, а

возможно, и выживет, но даже и тогда он превратится в жалкую кучку полуголодных дикарей. Об этом достойно позаботится грядущее в самом начале разрушение всех электрических систем, на которых держится ваша цивилизация. Вот представьте себе картину: неожиданно прекращается доставка пищи в города, и сразу же их обитатели становятся жадной, голодной ордой грабителей. Если ваше сельское хозяйство высокоспециализировано — а так оно, думаю, и есть, — то даже фермеры и те не смогут себя прокормить. Как только голод и взаимное избиение распространятся повсеместно, начнутся эпидемии, а ведь медицинского обслуживания уже не будет. Все это будет похоже на последствия полномасштабного ядерного удара по стране, не позаботившейся о гражданской обороне. Насколько я понимаю, Мерсейя счастливо избежала подобной судьбы, однако у вас должны быть теоретические разработки этого вопроса, а я — я видел планеты, прошедшие через ужас ядерной войны, собственными глазами.

Задолго до наступления полного конца погибнут все ваши инопланетные колонии — там попросту откажет аппаратура жизнеобеспечения, а ни один космический корабль не сумеет подняться, ни тогда, ни многие годы потом.

Так будет, если вы не примете нашу помощь. Мы умеем создавать силовые экраны — от маленьких, прикрывающих технику, до гигантских, способных обеспечить некоторую защищенность всей планете сразу. Этого будет мало, но мы знаем и то, как изолироваться от просачивающихся остатков энергии. Мы умеем создавать неуязвимые для подобных явлений машины и системы связи. Мы знаем, как распылять с воздуха вещества, способные защитить живой мир планеты от жесткого излучения. Мы умеем восстанавливать поврежденные гены. Короче говоря, мы обладаем знаниями, без которых вам не выжить.

Работа предстоит огромная, и большую ее часть выполните вы сами — персонал, который мы можем предоставить, крайне немногочислен, а расстояние между Землей и

Мерсейей слишком велико, однако инженеров и организаторов вы получите.

Говоря попросту, Столп, вам жутко повезло, что мы узнали об этом вовремя, еще небольшое промедление — и все старания были бы тщетными. И не нужно нас бояться, не нужна нам ваша Мерсейя. Будь она хоть сто раз привлекательной, до нее слишком далеко, мы знаем миллионы гораздо более выгодных планет, расположенных к нам гораздо ближе. Просто мы не хотим, чтобы погибла разумная раса. Однако расходы предстоят большие, и значительная часть работы ляжет на плечи команд вроде моей, таких, которые существуют ради получения дохода. Поэтому, кроме организации научных баз, мы хотим обеспечить себе разумные, достаточно прибыльные экономические условия.

Через какое-то время мы уйдем, и чем вы будете заниматься потом — ваше собственное дело. Главное — вы сохраните свою цивилизацию, а заодно получите уйму новой техники и новых знаний. На мой взгляд — очень выгодная для вас сделка.

Фолкейн смолк, и некоторое время в длинном полутемном зале царила полная тишина. Пахло здесь как-то странно, совсем иначе, чем на Земле или Гермесе.

— Все это нужно обдумать, — нарушил наконец молчание Моррукан. Он говорил медленно, очень серьезно. — Мне нужно посоветоваться с собратьями, да и с прочими. Ведь возникает множество сложностей. Вот, например, я не вижу никаких разумных оснований помогать колонии на Ронруаде — и сколько угодно оснований позволить ей погибнуть.

— Что? — От неожиданности Фолкейн клацнул зубами. — Столп имеет в виду следующую от солнца планету? Но мне казалось, что всю вашу систему связывают оживленные торговые отношения.

— Конечно, конечно, — раздраженно отмахнулся Моррукан. — Мы получаем с других планет сырье, например, расщепляющиеся материалы и некоторые сложные газы. Однако от Ронруада нет толка никому, кроме Гетфенну.

Последнее слово было выплюнуто с таким отвращением, что Фолкейн решил узнать его значение попозднее и в каком-нибудь другом месте.

— В моем докладе должны содержаться рекомендации, и эти рекомендации будут сильно зависеть от мудрости Столпа, — заметил он.

— Весьма благодарен за любезность, — ответил Моррукан, но можно было только гадать, сколько в его словах иронии. Фолкейна порядком удивило хладнокровие, с которым было выслушано настолько тревожное сообщение, но, с другой ртороны, этот тип принадлежит к малознакомой расе и к тому же явно воспитан в воинских традициях. — Надеюсь, ты почтишь вах Датир, мы хотели оказать тебе гостеприимство.

— Ну... — замялся в нерешительности Фолкейн. Вообще-то он собирался вернуться на корабль, но, может, и вправду стоит задержаться? Первая экспедиция нашла мерсейскую пищу вполне питательной для человека, более того — очень вкусной, а один из докладов осыпал местное пиво прямо-таки неумеренными комплиментами.

— Я очень благодарен за приглашение.

— Вот и хорошо. Тогда я предлагаю тебе пройти в уже приготовленные апартаменты, отдохнуть и немного подкрепиться. Если ты не возражаешь, через некоторое время туда зайдет посыльный, можешь сказать ему, что нужно доставить тебе с корабля. А может быть, перевести корабль сюда?

— Э-э, лучше, пожалуй, не надо... политика.

Рисковать Фолкейну не хотелось. По техническому уровню мерсейцы не слишком отставали от Лиги, так что устроить какой-нибудь неприятный сюрприз было вполне в их возможностях.

Моррукан недоуменно наморщил лоб, однако от комментариев воздержался.

— А на закате мы поужинаем в компании моих советников.

Они церемонно распрощались.

Двое охранников проводили Фолкейна по каким-то коридорам, а затем наверх, широкой винтовой лестницей с резными перилами в форме змеи; отведенные ему комнаты оказались просторными, а по бытовым удобствам не очень отставали от привычных стандартов Технической цивилизации. Немного раздражали ковры из шкур пресмыкающихся и звериные черепа, развешенные по красной драпировке стен, на кой, собственно, черт. С балкона открывался вид на дворцовые сады, почти японские своим аскетически-безупречным вкусом, и на город.

Ардайг был довольно велик, население его составляло миллиона, наверное, два, а то и все три. Замок располагался в Старом квартале, среди старинных, серого камня, зданий, фантастически изукрашенных башенками и зубчатыми парапетами; окружавшие его холмы были поделены на неровные прямоугольники богатых поместий, в низине лежал белый с голубоватым отсветом снег. Тускло поблескивала вода опоясанного высокими современными зданиями залива; судя по количеству прибывающих и отплывающих кораблей, здесь был крупный порт. Разрывая уши свистом, в небе пронесся самолет с треугольным крылом, но обычные городские шумы почти не слышались — случайные, посторонние машины в священный Старый квартал не допускались.

— Мое имя Ведхи, Покровитель, — сказал поджидавший Фолкейна невысокий, одетый в черную куртку мерсеец. — Покровитель может считать меня своим вассалом, я готов выполнить любые его приказания. — Он хлестнул себя хвостом по лодыжкам — местная разновидность военного приветствия.

— Премного благодарен, — улыбнулся Фолкейн. — Покажи мне, как пользоваться всеми этими устройствами. — Ему не терпелось ознакомиться с туалетной комнатой местной конструкции. — Ну а затем мне потребуются кружка пива, учебник политической географии и несколько часов полного одиночества.

— Покровитель сказал. Не откажется ли он последовать за мной?

Они перешли в соседнюю, предназначенную для сна комнату. Словно по случайности, хвост Ведхи коснулся двери; лишенная какой-либо автоматики, попросту висевшая на петлях, она захлопнулась от толчка. Ведхи схватил Фолкейна за руку и что-то сунул ему в ладонь; одновременно он закусил обе свои губы. Знак, что ли, молчания?

Ощутив мгновенный холодок в спине, Фолкейн кивнул и сунул бумажку в карман.

Оставшись в одиночестве, он развернул ее, тщательно прикрывая всем своим телом — на случай скрытых телекамер. За двести лет алфавит не изменился.

Будь осторожен, звездный странник. Моррукан. Длинный Меч не друг. Если ты сможешь тайно послать кого-нибудь из своих сегодня в дом на углу улицы Триау и дороги Победы, у которого над дверью знак сплетенных свастик, истина выйдет на свет.

С наступлением темноты из-за восточных холмов показалась круглая, размером с Луну, медно-красная Нейевин; она нависла над сверкающими инеем верхушками деревьев. Еще раньше бледным серпиком взошел Литир. В самом сердце созвездия, названного Копьеносец, сверкал ослепительный Ригель.

Чи Лан слегка передернуло, она пробормотала не совсем подобающую даме фразу и отвернулась от экрана.

— Мое оборудование не позволяет мне выполнить этот приказ, — сообщил корабельный компьютер.

— Пожелание было адресовано моим богам, — пояснила Чи.

На время она погрузилась в мрачные размышления. Сейчас ей казалось, что родная Та-чи-чен-пи (по земной классификации вторая планета компоненты А звезды Эридана,

или попросту Цинтия) бесконечно, недосягаемо далека; теплый, красноватый свет солнца, шорох листьев вокруг выстроенных на верхушках деревьев домов — все это затерялось в пространстве и времени. Холод, царящий снаружи, выводил ее из себя, но не только он. Эти проклятые мерсейцы — они же дико, непристойно огромны.

Сама Чи не превосходила размером средней собаки, хотя и казалась больше из-за длинного, роскошного хвоста. Руки ее, почти такие же длинные, как и ноги, заканчивались изящными шестипалыми ладонями, все тело, за исключением круглого, с тупой мордочкой лица и голубоватой маски вокруг зеленых глаз, было покрыто белым, пушистым мехом. Увидев Чи впервые, человеческие особи женского пола обязательно восклицали что-нибудь вроде «Ну какая прелесть!»

При этом воспоминании вся шерсть ее встала дыбом. С какой это стати она, чьи хищные предки охотились на дичь, делая пятиметровые прыжки с дерева на дерево, ксенобиолог по образованию, вольный торговец по призванию и чемпионка по стрельбе из пистолета — просто потому, что любила стрелять из пистолета, — с какой это стати она придает значение пустой болтовне каких-то плоскостопых голых варваров? Мутной волной поднималось раздражение. Оставленная на корабельной вахте, она надеялась закончить свою последнюю скульптуру, а теперь — на тебе, вылезай в промозглую гадость, которая заменяет здесь погоду, тащись через эту каменную помойку, незаслуженно называемую городом, и все для того, чтобы послушать многочасовое зундение какого-то там лопоухого болвана насчет склоки перепившихся мокриц, которую он считает высокой политикой. Да еще придется делать при этом серьезное лицо!

Выкуренная яростными затяжками наркотическая сигарета немного успокоила.

— Ас другой стороны, — пробормотала она, — дело ведь и вправду серьезное. При удаче мне отколются приличные комиссионные.

— Согласно моей программе, — заявил компьютер, — наша основная цель имеет гуманный характер. Правда, в банке данных такое понятие отсутствует.

— Не бери в свою железную башку. — Чи заметно повеселела. — Если тебе так уж интересно, то это близко связано с ограничениями, введенными в тебя по разделам «Закон и Этика». Только нас такие штуки совершенно не касаются. Конечно же, все эти сердобольные плакальщики расчирикались насчет Спасения Многообещающей Цивилизации, хотя в Галактике и так сильный перебор по части цивилизаций. Ради Бога, хотят подписывать счета — пусть подписывают, это же все с их налогов и пойдет. И им придется работать с Лигой, Лиге принадлежит большая часть кораблей, только за так она их не предоставит. Лиге же придется работать с нами, ведь вольные торговцы считаются специалистами по части первых контактов, а мы — единственная команда, оказавшаяся в подходящем месте. В чем нам, как я думаю, сильно повезло.

Она раздавила окурок и занялась приготовлениями. Деваться было, собственно говоря, некуда, ей пришлось признать это после трехсторонних радиопереговоров с партнерами (ни один мерсеец не знал ни слова по-английски, так что о подслушивании можно было не беспокоиться). Фолкейн застрял в этом самом как-там-бишь-его дворце. Адзель разгуливал по городу, однако уж такому-то громиле секретное задание не поручишь, разве что с пьяных глаз. Оставалась одна Чи Лан.

— Поддерживай связь с каждым из нас троих, — скомандовала она кораблю. — Записывай все, что придет по моему двухстороннему каналу. Без приказа, отданного на галактическом, не двигайся с места, а на попытки туземцев связаться с тобой не отвечай. Незамедлительно сообщай нам обо всем необычном. Если двадцать четыре часа кряду не

будет известий ни от кого из нас — возвращайся на Катараянис и доложи там о случившемся.

Все эти фразы не требовали ответа, так что компьютер и не ответил.

Чи защелкнула ремни антиграва, пристегнула к поясу набор инструментов, бластер и парализатор, а сверху накинула черный плащ — не столько для тепла, сколько для маскировки. Притушив на корабле свет, она выскользнула из шлюза, подпрыгнула и полетела.

Воздух обжег холодом, струи, обтекавшие тело, казались густыми, почти жидкими. Над миром распростерлась огромная тишина, едва нарушаемая негромким гудением антиграва. Пролетая над солдатами, которые окружили «Через пень-колоду» частоколом танков и артиллерии — с местной точки зрения, вполне разумная, подумала она, предосторожность, вполне разумно поименованная почетным караулом, — Чи заметила неуютные, какие-то потерянные огоньки костров, услышала обрывок хриплой, дикой песни. Совсем неподалеку прожужжал экраноплан; огромный и черный, он словно переплывал через реку Млечного Пути, и ей пришлось свернуть, чтобы не заметили.

Дальше потянулась сплошная снежная пустыня. На незнакомых планетах не приземляются без крайней к тому необходимости прямо в центре города. Холмы и леса сменились обработанной, похоже, равниной; появились огни деревушек, теснившихся вокруг замков с их непременными башнями. По всей видимости, Мерсейя — или по крайней мере этот ее континент, — даже вступив в промышленный век, сохранила феодализм. Или это только так кажется?

Вполне возможно, что сегодня это выяснится.

Показалось побережье, а затем и сам Ардайг. В отличие от большинства поселений Технической цивилизации, этот город не горел огнями и не кишел движением; желтоватые окна, прорезавшие его ночь, напоминали светлячков, угодивших в фосфоресцирующую паутину мостовой. Разрезая город, тускло поблескивал Ойсс; он нес свои воды в залив,

по которому протянулась двойная лунная дорожка. Нет, даже тройная — из-за горизонта выходила Витна. К небу поднимался негромкий рокот машин.

Увернувшись от очередного летательного аппарата, Чи круто пошла вниз, к темной громаде Старого квартала. Приземлившись позади пустого сейчас рынка, она бросилась в ближайший переулок, припала к стенке и начала осматриваться. Немощеные улицы этого квартала (или этой части квартала? или всего города?) были покрыты сплошной ледяной коркой и освещены редко поставленными фонарями. Проехал мерсеец верхом на рогатом гвиде, его хвост был закинут на круп животного, а под трепетавшим на ветру плащом виднелись стеганая куртка, бронированная блестящими металлическими дисками, и перекинутая через плечо винтовка.

Не стражник, это точно; военную форму Чи бидела и сама, а как выглядят лейб-гвардейцы Моррукана — это успел передать ей Фолкейн при помощи миниатюрной телекамеры. Если верить ему, эти же лейб-гвардейцы являются по совместительству и полицейскими. С какой это, интересно, стати штатский разъезжает с оружием? Это говорило бы о степени беззакония, плохо согласующейся со всеми понятиями о технологическом обществе... разве что это общество имеет гораздо больше проблем, чем хотелось бы признавать Моррукану. Чи проверила, легко ли извлекается ее собственное оружие.

Когда цокот копыт растаял за углом, Чи высунула голову из переулка и сориентировалась по уличным знакам: вместо надписей на них была разноцветная геральдическая символика, однако первая экспедиция составила вполне приличную карту Ардайга, которую вся тройка вольных торговцев выучила наизусть. А Старый квартал не должен был существенно измениться. Чи побежала; заслышав шаги или стук копыт, она сразу бросалась в тень, однако улицы, к счастью, были почти пустынны.

Вот этот угол! Над входом высокого серого дома еле различимая каменная резьба: две свастики. Чи взлетела по лестнице, сжала рукоятку парализатора и постучала в дверь.

Дверь со скрипом распахнулась, залив лестницу потоком яркого света; показавшийся на пороге мерсеец держал в руке пистолет и растерянно крутил головой, всматриваясь во тьму.

— Да здесь же я, идиот, — негромко бросила Чи.

Мерсеец посмотрел вниз — и всем телом отшатнулся:

— Хайя! Ты со звездного корабля?

— Нет, — презрительно фыркнула Чи. — Кран пришла починять. — Она проскользнула мимо громоздкой фигуры в обшитый деревянными панелями коридор. — А если ты намерен продолжать свою игру в секретность, нельзя ли порекомендовать тебе прихлопнуть эти ворота?

Мерсеец закрыл дверь и несколько мгновений созерцал Чи в свете висящей под потолком лампочки накаливания. — Я считал, ты будешь не такой.

— Первый раз к вам прилетали земляне, но не думаешь же ты, что все расы космоса изготовлены по настолько смехотворному образцу? Знаешь, я почти не имею времени на эти ваши истории, так что проводи меня к своему хозяину.

Мерсеец подчинился. Одет он был примерно так же, как и все здесь — в подпоясанную куртку и широкие, мешковатые брюки, но четкость покроя, а также сине-золотые шевроны и шитье на рукавах в виде двойных свастик говорили, что это — ливрея. Или военная форма? Через секунду Чи уверилась во второй своей догадке: перед дверью, к которой подвел ее мерсеец, стояли еще двое в такой же одежде и при оружии. Четко отсалютовав, они пропустили ее в комнату.

А скорее в просторный, роскошно убранный зал, в дальнем конце которого пылал камин, хотя имелась и вполне современная отопительная система. Но Чи почти не уделила внимания ни покрывавшим стены драпировкам, ни резным колоннам, она смотрела на двоих поджидавших ее мерсейцев.

Один из них держал в руке, на манер скипетра, короткое копье и был весьма живописен — атлетическая фигура, покрытое шрамами лицо, длинная сине-золотая мантия. Кончик высовывавшегося из-под этой мантии хвоста беспокойно подрагивал, а при виде Чи царственный мерсеец судорожно перевел дыхание. Цинтианка решила говорить с ним повежливее — только нервных припадков сейчас и не хватало.

— Я именуюсь Чи Лан, благороднорожденные, и пришла сюда по вашему любезному приглашению, как представительница межзвездной экспедиции.

— Храйх. — Аристократ приложил палец ко лбу; судя по всему, он уже оправился от замешательства. — Добро пожаловать. Я — Дагла по прозванию Скорый на Гнев, Столп вах Халлена. А это — мой друг, Олгор ху Фрейлин, Старший Воитель Республики Лафдигу, находящийся в Ардайге как представитель своей страны.

Приплюснутое лицо и темная кожа заметно отличали пухлого, пожилого Старшего Воителя от обитателей побережья Вилвидского океана. Чужеземной выглядела и его одежда — нечто вроде тоги из пурпурной, затканной металлическими нитями материи. Мягкость его и невозмутимость тоже мало походили на грубую порывистость местных жителей.

— Честь, оказанная нам, велика, — сказал он с заметным акцентом и скрестил на груди руки (знак приветствия?). — В прошлый раз представители вашей высокой цивилизации ограничились в основном знакомством с этой частью планеты, и вы, возможно, не очень знаете мою страну. Поэтому я позволю себе объяснить, что Лафдигу расположена в другом полушарии и занимает большую часть южного континента. В те дни у нас не было промышленности, однако теперь, осмелюсь сказать, положение сильно изменилось.

— Отнюдь нет, Старший Воитель, наши разведчики были много наслышаны о древней культуре Лафдигу, и только прискорбная нехватка времени не позволила им

познакомиться с вашей страной поближе. — Чем больше Чи врала, тем вежливее становились ее слова и голос. «Нет, только не это! — беззвучно простонала она. — Только международной политики нам и не хватало!»

Неслышно появившийся слуга принес хрустальный графин и кубки.

— Надеюсь, ваша раса, подобно землянам, может употреблять мерсейскую пищу и напитки, — сказал Дагла.

— Естественно, — кивнула Чи. — Общность рациона — одно из первых условий подбора команды. Спасибо.

— Только мы никак не ожидали, хургх, гостя таких размеров, — забеспокоился Олгор. — Дать вам рюмку поменьше? Вино ведь довольно крепкое.

— Все прекрасно. — Чи вскочила на невысокий столик, села на корточки и обеими руками подняла кубок. — По галактическому обычаю мы пьем за здоровье своих друзей. За ваше здоровье, благороднорожденные. — Она сделала большой глоток. Чи вообще редко распространялась о том весьма удачном обстоятельстве, что алкоголь не действует на мозг цинтианцев.

Дагла опрокинул чуть не половину кубка, обошел зал по кругу и прорычал:

— С вашего разрешения, капитан, бросим все эти формальности. — Чи молча скинула свой плащ. — Капитан... ша? — поперхнулся он; здешнее общество все еще относилось к женщинам по принципу «киндер-кюхе-кирхе-кляйдер»[93]. — Но нам... кх-х-х... предстоит обсудить очень серьезные проблемы.

— Торопливость Столпа не совсем учтива по отношению к нашей благородной гостье, — укорил его Олгор.

— Ничего, — отмахнулась Чи, — у нас же не так много времени. А дело, по всей видимости, очень важное, иначе вы

---

[93] «Дети-кухня-церковь-одежда» (нем.). Так называемые четыре «к» (иногда три, без одежды). Мужчинам же положены свои три «к» — «кайзер-криг-канонен», т. е. «император-война-пушки».

не пошли бы на хлопоты, связанные с вербовкой слуги Моррукана.

— Я подсадил туда Ведхи еще восемь лет назад, — ухмыльнулся Дагла. — Великолепный источник.

— А так ли уверен Столп вах Халлена в надежности своих собственных вассалов? — мирно промурлыкала Чи.

Дагла нахмурился; губы Олгора нервно дернулись.

— Без риска никуда не денешься. — Дагла решительно рубанул воздух рукой. — Мы знаем удручающе мало — только то, что вы сообщили при первой радиосвязи. Моррукан быстренько вас изолировал с очевидным намерением не позволить межзвездным гостям узнать ничего лишнего. Он хочет вас использовать! А здесь, в этом доме, мы можем беседовать вполне откровенно.

«Откровенно, насколько это устраивает вашу парочку», — подумала Чи. — Слушаю вас внимательно, — сказала она вслух.

Мало-помалу Дагла и Олгор обрисовали ей картину — вполне правдоподобную.

Экспедиция Великой Разведки застала Вилвид на самой грани первой промышленной революции. Уже прижилась гелиоцентрическая система, физика находилась где-то между Ньютоном и Максвеллом, быстро развивалась химия, имелась хорошо разработанная систематика биологических видов, появлялись первые эволюционные гипотезы. По первым железным дорогам бегали паровозы. Однако политически вахи оставались разобщенными; ученые, инженеры, учителя — все они находились под покровительством того или иного Столпа.

Пришельцам из космоса хватило ответственности и здравого смысла, чтобы не передать туземцам особенно много практических знаний, да и передай они эти знания, все равно толку было бы чуть. Каким, скажем, образом сделаешь ты транзистор, не научившись предварительно получать сверхчистые полупроводниковые кристаллы? Да и зачем он тебе, этот самый транзистор, если ты не знаешь, что

такое электроника? Однако земляне придали местной науке, и теоретической, и экспериментальной, огромное ускорение — своими рассказами и, главное, самим фактом своего появления.

Потом они улетели.

Гордый, независимый народ ткнули носом в его захолустность и незначительность; именно здесь, поняла Чи, и лежал корень всех воспоследовавших социальных волнений и раздоров. Кроме того, ученые получили для своей деятельности значительно более жгучий стимул, чем любознательность или стремление к доходам — желание нагнать упущенное, одним скачком вывести Мерсейю на галактическую сцену.

Волну эту оседлали — проявив завидную сообразительность — вахи. Не сразу, конечно, но понемногу они сумели отложить свои склоки, образовали нечто вроде рыхлой конфедерации, причем сохранили практически все свои привилегии. Однако соперничество сохранялось, так же, как и постоянные столкновения интересов; не совсем исчез и реакционный дух, взывавший к доброму старому времени, когда молодежь боялась Бога и уважала старших.

Тем временем планету охватывала модернизация; страна, не поспевавшая в этой гонке, быстро оказывалась под чужеземным владычеством. Больше всех преуспела Лафдигу. У Чи не было ни малейшего сомнения, что так называемая республика — самая обыкновенная диктатура, и притом очень жесткая. Имперские амбиции этой державы естественным образом столкнулись с интересами Столпов; ядерной войны на самой планете удалось избежать, однако время от времени то там, то сям разгорались космические сражения — жуткие и не приводящие в то же самое время ни к каким определенным результатам.

— Вот так оно и обстоит, — подытожил Дагла. — Громче всех звучит, конечно, голос вах Датира, самого большого и самого сильного, но на него давят все остальные — Халлен, Инвори, Рует, да хоть бы даже Урдиолх, от которого остался

практически один его правитель, которому нечем править. Так что нетрудно себе представить, что такое для любого из них — получить полную вашу поддержку.

— Да, — кивнул Олгор. — А к тому же Моррукан Длинный Меч хотел бы оставить в стороне мою державу. Мы расположены в Южном полушарии и пострадаем от сверхновой больше всего; оставшись без защиты, мы вообще выпадем из дальнейшего рассмотрения.

— А говоря уже совершенно откровенно, — добавил Дагла, — очень мне не верится, что Моррукан хочет вашей помощи. Храйх хочет, конечно же, но по самому минимуму, лишь бы предотвратить полный развал. Он всегда был громогласным противником современной культуры и всех ее порядков, так что не станет плакать, если на месте погибшей промышленной цивилизации расцветет махровый феодализм.

— Ну и как же он помешает нам выполнить работу? — спросила Чи. — Не такой же Моррукан идиот, чтобы нас убивать, ведь тогда просто прилетят другие.

— Будет играть по обстоятельствам, — пожал плечами Дагла. — В самом крайнем случае попытается сохранить существующее положение — что вы действуете через него и через него же получаете большую часть информации — для укрепления своей власти. Само собой — за счет прочих заинтересованных сторон.

— У себя, в Лафдигу, — сказал Олгор, — мы предвидели это с самого начала, как только узнали о вашем появлении. Главный штаб поручил мне поискать здесь возможных союзников. Некоторые из Столпов согласны, чтобы моя страна сохранила свое влияние в мире — лишь бы мы помогли им прижать к ногтю кое-кого из своих ближайших соседей.

— Мне очень странно, — заметила Чи, — что вы почти уверены в нашем возможном поведении, и это — почти ничего о нас не зная.

— Не забывайте, — улыбнулся Олгор, — что Мерсейя почти две сотни лет изучала каждое слово, каждое

изображение, каждую легенду, связанную с вашим народом. Некоторые считают вас богами, другие — демонами; расцвели целые культы, ожидающие вашего возвращения, не рискну даже предположить, что они будут делать теперь, когда вы и вправду прилетели. Но вами занимались и более трезвые, разумные головы, а ведь члены первой экспедиции — они же говорили нам только правду, верно?

Далее разумно предположить, что ни один из странствующих среди звезд народов не обладает ментальными способностями, которых нет у нас, они просто раньше начали. А когда мы узнали, как много на свете звезд, то поняли, как мала скорее всего ваша цивилизация рядом с этой огромностью. Из соображений даже чисто экономических вы не сможете уделить нам большого внимания, потратить на нас больших усилий. У вас слишком много других дел. Ровно так же у вас нет времени, чтобы досконально изучить Мерсейю и разработать необходимый курс действий во всех деталях — сверхновая вспыхнет на нашем небе меньше, чем через три года. Поэтому вы должны сотрудничать с местными властями, и вам придется верить им на слово, что необходимо спасти в первую очередь, даже пожертвовав многим прочим. Это верно?

Чи помедлила, обдумывая ответ.

— До некоторой степени, — осторожно признала она, — вы правы.

— Моррукан знает это не хуже нас, — вмешался Дагла. — И уж постарается использовать ситуацию с наибольшей для себя выгодой. — Но мы, — подавшись вперед, он навис над цинтианкой, — не намерены этого терпеть. Пусть уж лучше мир превратится в развалины, из которых мы его поднимем, чем вах Датир поглотит все завоевания наших предков. Всемирный проект не увенчается успехом без поддержки большинства. Если мы не получим полновесного голоса в принятии решений, придется сражаться.

— Столп, Столп, — одернул его Олгор.

— Не бойтесь, — улыбнулась ему Чи, — я ничуть не обиделась. Скорее я даже благодарна за такое откровенное предупреждение. Вам еще станет ясно, что мы не желаем зла ни одной группе мерсейцев, что мы не делаем никаких предпочтений. — «В ваших жалких, идиотских склоках». — Если документ, излагающий вашу позицию, приготовлен, мы готовы внимательно его изучить.

Олгор открыл ларец и достал стопу бумаги, переплетенную во что-то похожее на змеиную кожу.

— Составлено впопыхах, — извинился он. — Позднее мы представим вам более отработанный вариант.

— Пока хватит и этого. — Чи на мгновение задумалась, стоит ли ей здесь задерживаться. Наверняка удалось бы выяснить что-нибудь еще. Но, святой космос! Сколько же пропагандистских помоев придется выжимать из всего, сегодня услышанного! А необходимость быть вежливой и дипломатичной — сколько можно еще терпеть эту жуть?

Чи предложила им связываться с кораблем по радио. А если Моррукан поставит глушилки — она сама поставит его раком. Олгор был заметно шокирован, а Дагла возразил, что такие переговоры можно подслушать.

— Ладно, — вздохнула Чи, — приглашайте нас для приватных бесед сюда. А Моррукан — он не устроит из-за этого какую-нибудь войну?

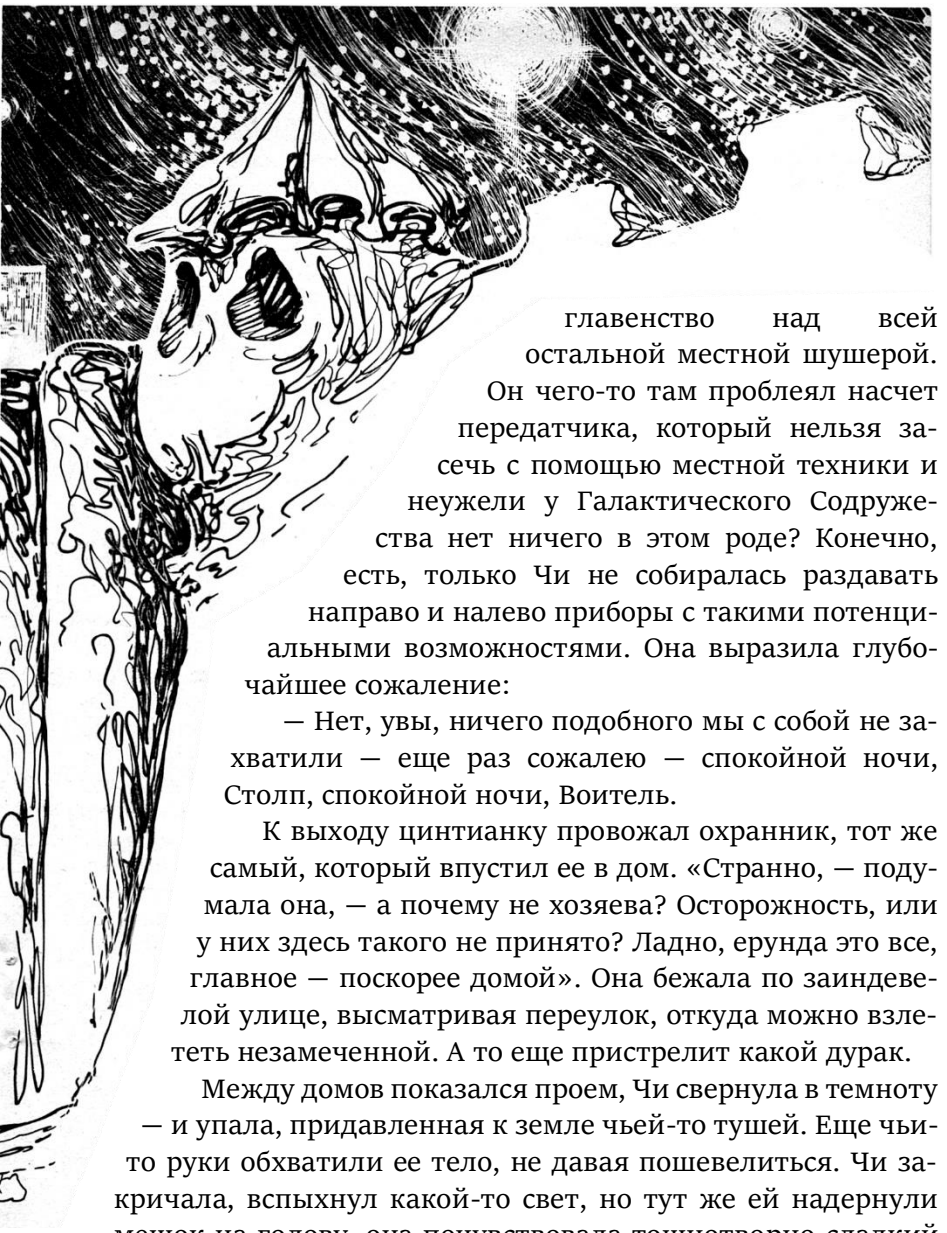
— Нет... во всяком случае — не думаю... но он догадается, что именно мы задумали.

— Я искренне верю, — проникновеннейшим голосом пропела Чи, — что у Столпа вах Халлена нет иных намерений, кроме как покончить со всеми интригами и эгоистичными устремлениями, установить открытость и взаимопонимание, чтобы мерсейцы могли объединить свои усилия в работе на общее благо.

Ей, конечно же, и в голову не приходила такая чушь, но нельзя же требовать от Даглы откровенного признания, что главная его забота — обеспечить своим родственничкам

1309

главенство над всей остальной местной шушерой. Он чего-то там проблеял насчет передатчика, который нельзя засечь с помощью местной техники и неужели у Галактического Содружества нет ничего в этом роде? Конечно, есть, только Чи не собиралась раздавать направо и налево приборы с такими потенциальными возможностями. Она выразила глубочайшее сожаление:

— Нет, увы, ничего подобного мы с собой не захватили — еще раз сожалею — спокойной ночи, Столп, спокойной ночи, Воитель.

К выходу цинтианку провожал охранник, тот же самый, который впустил ее в дом. «Странно, — подумала она, — а почему не хозяева? Осторожность, или у них здесь такого не принято? Ладно, ерунда это все, главное — поскорее домой». Она бежала по заиндевелой улице, высматривая переулок, откуда можно взлететь незамеченной. А то еще пристрелит какой дурак.

Между домов показался проем, Чи свернула в темноту — и упала, придавленная к земле чьей-то тушей. Еще чьи-то руки обхватили ее тело, не давая пошевелиться. Чи закричала, вспыхнул какой-то свет, но тут же ей надернули мешок на голову, она почувствовала тошнотворно-сладкий запах, потом головокружение, а дальше она вообще ничего не чувствовала.

Адзель все еще не очень понимал, что это такое происходит и с чего все это началось. Ходил он по своим делам, никого не трогал, а потом вдруг оказалось, что он главный проповедник на молитвенном собрании. Если, конечно, это и вправду — молитвенное собрание.

Он откашлялся.

— Друзья мои...

Зал взревел. Лица, и лица, и лица, и все они поедали глазами это диковинное четырехсполовинойметровое существо, взгромоздившееся на кафедру. Здесь было не меньше тысячи мерсейцев: простолюдины, вассалы, городская беднота, почти все — плохо одеты. И много женщин — нижние классы не столь ревностно следят за соблюдением здешних правил приличия, как их господа. В воздухе стоял резкий, неприятный запах. Зал

располагался в новой части Ардайга и был поэтому простым, без всяких выкрутасов, однако и пропорции его, и контрастирующие цвета облицовки, и ярко-алые символы, изображенные на стенах, ни на секунду не давали Адзелю забыть, что здесь — чужая планета.

Воспользовавшись долго не затихавшим ревом слушателей, он поднес к своей морде болтавшийся на шее передатчик и жалобно пробормотал:

— Дэвид, ну что же я им скажу?

— Что-нибудь благожелательное, но до крайности неопределенное, — посоветовал голос Фолкейна. — Моему хозяину вся эта история напрочь не нравится.

Воданит посмотрел на входную дверь. Трое стоявших около нее лейб-гвардейцев не сводили с него ненавидящих, угрожающих глаз.

Нападения Адзель не боялся. Корабль при нужде поможет, но даже и это не главное. Тысячекилограммовый кентавроид, закованный в сверкающую природную броню (зеленую сверху и золотистую на животе), с такими шипами на хребте, что мерсейцам было впору удавиться от зависти, — охотников подраться с таким существом найдешь не сразу. Даже уши его и веки были не мягкие, кожистые, а костяные, а клыки в крокодильей пасти выглядели совершенно устрашающе. Вполне естественно, что именно ему досталась сегодня задача гулять по городу, набираясь общих впечатлений. Все возражения Моррукана были вежливо отклонены.

— Не бойся, Столп, ничего не случится, — в полном соответствии с истиной заверил его Фолкейн. — Адзель никогда не ввязывается в неприятности. Он у нас буддист, миролюбец, и ему совсем не трудно проявлять терпимость по отношению к любым поступкам окружающих.

Вот эта самая терпимость и не позволила Адзелю противостоять домогательствам толпы, загнавшей его в угол.

— От Чи чего-нибудь слышно? — спросил он.

— Пока ничего, — ответил Фолкейн. — Наш железный мыслитель при случае все запишет. Думаю, она свяжется с

нами завтра. А теперь не мешай мне больше, я как раз добрался до середины бесконечного официального банкета.

Адзель воздел руки, призывая собравшихся к тишине, однако здесь этот жест имел противоположное значение, и зал буквально взорвался. Громко стуча копытами по помосту, он изменил положение тела, но при этом сбил хвостом массивный стоячий канделябр. Одетый в красное мерсеец по имени Гриф, главная шишка этой организации — Звездные Верующие, так, что ли, они себя называют? — поставил светильник на место и сумел кое-как успокоить разбушевавшийся зал.

— Друзья мои, — сделал еще одну попытку Адзель. — Ээ-э... друзья мои, я, э-э, глубочайше благодарен вам за то, что вы попросили меня сказать несколько слов. — Он отчаянно пытался вспомнить слышанные на Земле, в студенческие годы, предвыборные речи политиков. — В огромном братстве разумных рас, охватывающем всю Вселенную, Мерсейе, несомненно, предназначена великая роль.

— Покажи нам, покажи нам путь! — кричали из зала. — Путь... истина... дорога в будущее!

— А... да, конечно. С удовольствием. — Адзель повернулся к Грифу. — Но только, может быть, сперва ваш, э-э, великий вождь объяснит мне назначение этого... этого... — как же поихнему «клуб»? А может не «клуб», а церковь?

В первую очередь его интересовала информация.

— Галактический властитель, конечно же, шутит, — зашелся в экстазе Гриф. — Ты же знаешь, что мы — это те, которые ждали, которые жили по заветам, преподанным посланцами Галактики, жили в постоянном предвкушении обещанного ими второго пришествия. Мы — твое избранное орудие в избавлении Мерсейи от всех ее зол и бед. Бери же нас и используй!

По образованию Адзель был планетологом, однако чрезмерно развитая шишка любознательности все время подвигала его на изучение других областей знания. Сейчас воданит мысленно быстро перелистал читанные когда-то книги,

припомнил общества, которые он видел, посещая другие планеты... да, картинка вырисовывалась знакомая. Это же сектанты, приписавшие божественный смысл вполне обычной и случайной остановке в пути. О, драгоценность в лотосе![94] И до какого же, интересно, кошмара все это дошло?

Нужно выяснить.

— Это, э-э, очень хорошо, — сказал он. — Да, очень хорошо. А-а... а каково ваше число?

— Больше двух миллионов, Покровитель, и принадлежим мы к двадцати различным нациям. Есть среди нас и очень высокие, вот, скажем, Наследник вах Истира, но в большинстве своем мы — добродетельные бедняки. Знали бы только наши, что сегодня, в этот самый день, грядет твое явление — они бы все примчались сюда, чтобы услышать твой приказ.

Такое нашествие доведет ситуацию до точки кипения, тут уж и к бабке не ходить. Ардайг и так достаточно взбудоражен его появлением на улицах, а немногие, конечно, сведения об основных инстинктах мерсейцев, полученные психологами Разведки, заставляли отнести эту расу к воинственным. Массовая истерия может принять крайне уродливые формы.

— Нет! — завопил Адзель, чуть не сдув Г рифа с помоста, и тут же убавил громкость. — Пусть все останутся дома. Терпение, спокойствие, добросовестное выполнение повседневных обязанностей — вот главные галактические добродетели.

«Скажи такое вольному торговцу», — усмехнулся он про себя. — Боюсь, я не смогу порадовать вас чудесами.

Адзель чуть не сказал, что может обещать на будущее только кровь, пот и слезы[95], однако сдержался. Слушателям, чья реакция совершенно непредсказуема, подобные новости

---

[94] Буквальный перевод знаменитой буддийской мантры Ом-манипадме-хум.

[95] Именно это обещал своим соотечественникам Уинстон Черчилль в начале второй мировой войны.

нужно сообщать крайне осторожно. Именно поэтому в первом радиосообщении Фолкейна содержалось очень мало тревожной информации.

— Ясно, — сказал Гриф. Этот парень не был ни дураком, ни психом (странная вера звезданутых — разговор особый) — Мы должны свергнуть угнетателей своей собственной рукой. Ты только скажи, с чего нам начать?

Лейб-гвардейцы еще крепче вцепились в свои винтовки. «Он что, хочет, чтобы мы начали здесь что-то вроде революции? — Адзель был в полной растерянности. — Да нельзя же этого никак! Не наше это дело, наше дело — спасти ваши жизни, а потому мы не должны ослаблять позиции ни одной власти, способной на сотрудничество. Революция — дело длинное, да и технологические ее последствия... Только решусь ли я сказать все это сейчас?»

Педантизм, вот чем можно успокоить эту компанию. Занудством вогнать их в сон.

— У тех из софонтов, которые нуждаются в правительстве, — начал Адзель, — основным требованием к правительству, которое намерено и имеет шансы функционировать эффективно, является его легитимность, а основной проблемой любого политического реформатора является сохранение либо создание заново прочного базиса такой легитимности. Вследствие этого пришельцы со стороны, к которым я должен отнести и себя, не имеют...

Тут его прервал (впоследствии ему хотелось сказать «спас») донесшийся с улицы шум. Хриплое пение и топот ног приближались, становились все громче. В зале прозвучали испуганные крики, хмурые, сосредоточенные мужчины начали пробираться к двери. Гриф спрыгнул с помоста, включил телеком, и на экране появилась улица, запруженная вооруженной толпой; ночное небо и покрытые снегом крыши резко оттеняли плещущее на ветру желтое знамя.

— Демонисты! — почти застонал глава звезданутых. — Ну так я и знал!

Адзель тоже спустился вниз.

— А кто это такие?

— Сдвинутая секта. Вообразили себе, что вы, галактические, хотите и с самого начала хотели развратить нас и привести к гибели... Но ничего, мы их встретим. Смотри. — Из переулков и дверей выдвигались группы крепких вооруженных мужчин.

Один из лейб-гвардейцев торопливо сыпал слова в карманную рацию, судя по всему — вызывая подкрепление. Адзель вернулся на кафедру и начал умолять присутствующих не покидать зал.

Возможно, он и убедил бы их, если не доводами, так хотя бы оглушительным голосом, но тут заговорила его собственная рация:

— Выбирайся оттуда, и сию же секунду. — Фолкейн был явно взволнован. — Нашу Чи сцапали.

— Что? Кто ее? Почему? — Доносившийся снаружи шум утратил всякое значение.

— Не знаю. Она уже возвращалась из этого места, и вдруг корабль услышал крик, потом звуки, вроде как драка, и все. Я приказал ему подняться и попробовать найти ее по несущей, но он говорит, источник двигается. Так что двигайся и ты — сюда, в Афон.

Что Адзель и сделал. Прихватив с собой кусок стены.

Поднялся Корих, и сразу же клочья тумана, висевшие над рекой и окутывавшие городские башни, окрасились золотом. Над горой Эйд раскатился ритуальный рокот литавр. Распахивались двери и ставни, на базарах появились первые покупатели, сотни маленьких мастерских наполнились шумом. Издалека, со стороны новых кварталов доносился все нарастающий уличный шум, звон и лязг проснувшихся заводов, гудки отплывающих и причаливающих кораблей, небо со свистом бороздили реактивные самолеты. Затем мощный грохот заглушил все прочие звуки — из космопорта стартовал направляющийся к Сейту корабль.

Моррукан Длинный Меч щелкнул выключателем; теперь защищенную от прослушивания комнату и напряженные, измотанные лица сидевших за столом освещали только бледные отблески зари.

— Я устал, — сказал он, — а все наши усилия впустую.

— Послушайте, Столп, — в голосе Фолкейна появились нехорошие нотки, — я бы не советовал вам опускать руки. Мы не уйдем отсюда, пока не будет принято какое-то определенное решение.

В глазах Моррукана и Даглы вспыхнуло возмущение, а лицо Олгора застыло неподвижной, бесстрастной маской — никто из них не привык к подобной наглости. Однако Фолкейн твердо ответил взглядом на взгляд, а лежащий на полу Адзель заинтересованно поднял голову — и начавшие было вставать мерсейцы уселись на свои хвосты.

— Не забывайте, благороднорожденные, что на карту поставлена судьба всей вашей планеты, — уже спокойнее продолжил Фолкейн. — Узнав о подобном неблагодарном отношении, мой народ может потерять всякое желание растрачивать понапрасну время, ресурсы и, возможно, жизни.

Он приподнял над столом антиграв с пристегнутым к его ремню инструментальным набором и покачал их в руке. Найденные — по указаниям корабля — неподалеку от города, в канаве, они были доставлены в замок несколькими часами раньше. Похитители Чи явно догадались, что в этих предметах должен быть работающий, наводящий на след передатчик. Легонькие, какие-то жалкие вещички...

— Но о чем же еще говорить, — возразил Олгор. — Каждый из нас троих подозревает двоих остальных; с той же самой целью — получить в свои руки важный козырь — похищение мог организовать и какой-нибудь другой вах. Или другая страна. А может быть, виноваты демонисты или даже звезданутые, кто там знает, что в их ненормальных головах делается. А вот вы, — повернулся он к Дагле, — действительно даже не догадываетесь, на кого мог работать этот ваш слуга?

— Я уже говорил, что нет, — раздраженно бросил вождь Халлена. — У нас нет привычки копаться в чужих биографиях. Я знаю, что Двайр поступил ко мне на службу несколько лет назад и произвел вполне удовлетворительное впечатление. И что сегодня он исчез. Из чего я делаю предположение, что он был шпионом и сообщил своим хозяевам о представляющейся возможности захватить галактическую гостью. Связаться по телекому очень просто, а затем оставалось только перекрыть немногие пути, которые она могла избрать, покинув мой дом.

— Короче говоря, — подытожил Моррукан, — он действовал точно так же, как и ваш шпион, сообщавший вам обо всех моих действиях.

— А может, хватит, благороднорожденные? — устало вздохнул Фолкейн. — Всю ночь нас заносит на одну и ту же грязную колею. Не исключено, что расследование даст какие-нибудь материалы, по этому Двайру, — откуда он появился и так далее, но за минуту такие дела не делаются, а поэтому пока нельзя отказываться ни от одного из подозрений, в частности — от подозрений, касающихся участников этой беседы. Вы бы проверили друг друга, и получше.

— А кто сделает подобное в отношении тебя самого? — спросил Моррукан.

— Что-то я не понимаю Столпа.

— Вполне возможно, что это — какой-то твой фокус.

— Для чего мне это делать? — сжал кулаки Фолкейн. Он хотел сказать больше, но отношения в этой комнате и так накалились до предела.

— А откуда мне знать? — пожал плечами Моррукан. — Мы вообще ничего про вас не знаем. На словах вы отрицаете всякие захватнические намерения, но ваши агенты встречаются с моими противниками и последователями культа, провозгласившего главной своей целью свержение существующего порядка. А с кем еще? С Гетфенну?

— Нельзя ли попросить Столпа о любезности объяснить мне, что это, собственно, такое? — пробасил Адзель своим мирным убаюкивающим голосом.

— Мы уже это обсуждали, — поморщился Дагла.

— Это происходило, Столп, во время моего отсутствия, когда я руководил кораблем в его поисках и последующем возвращении на базу. Умоляю вас, снизойдите к просьбе смиренного недотепы.

Существо с параметрами Адзеля, называющее себя смиренным недотепой, — картина весьма необычная; совершенно ошарашенные мерсейцы даже забыли, кажется, свою злость.

— Я тоже не против послушать о них еще раз, — добавил Фолкейн. — Ведь мы даже не подозревали, что такое существует.

— Это криминальный синдикат, раскинувшийся по всей планете и проникающий даже в космос, — объяснил Моррукан. — Воры, убийцы, проститутки, мошенники, противники всего высокого и благородного...

Не слушая дальше, Фолкейн погрузился в размышления. Верно, конечно, что Гетфенну — компания еще та, однако у Моррукана слишком много предубеждений — и слишком мало исторического чутья, — чтобы понять, а почему, собственно, она процветает? Промышленная революция расшатала устои общества. Рабочие, стекавшиеся в город, оказывались свободными от феодального владычества — и от уверенности в завтрашнем дне. Материальное и культурное обнищание порождало разгул беззакония. И все же старые, феодальные традиции уцелели, хотя и в извращенной форме: шайки объединились в единую сеть, предлагавшую своим членам не только долю добычи, но также и защиту, и даже цель жизни.

Находясь в вечной борьбе друг с другом, вахи и нации не могли совладать с подпольной империей Гетфенну — слишком уж эффективно она защищалась, причем не столько насилием, сколько деньгами и тайными своими связями.

Кроме того, эта организация в некоторой степени уменьшала напряжение в обществе, служила чем-то вроде предохранительного клапана: пусть уж лучше обыватель зайдет иногда в игорный притон или публичный дом, где его обдерут как липку, чем будет мрачно сидеть дома и замышлять мятеж.

Возникло некое молчаливое взаимопонимание, даже согласие — ситуация, известная из истории многих планет, в том числе и самой Земли. Руководители банд удерживали преступность на некотором приемлемом уровне, ограничивали ее деятельность определенными районами и определенными общественными классами. Убийства, ограбления, кражи не затрагивали ни дворец аристократа, ни контору крупного финансиста. В некоторых странах высокие круги были заражены иным видом преступности — взяточничеством, и это тоже укрепляло позиции Гетфенну.

За последнее время щупальца этого спрута проникли даже в космос. Преступное сообщество покупало и основывало межпланетные предприятия. Кроме того, был Ронруад, следующая за Мерсейей по удалению от Кориха планета. Не обладая никаким особо ценным сырьем, она представляла вроде бы чисто научный интерес, однако организованные на ней военные базы имели такое большое стратегическое значение, что из-за них то и дело разгорались войны. В конце концов последний мирный договор объявил Ронруад нейтральным и не подлежащим юрисдикции ни одной из держав, чем сразу же и воспользовалась Гетфенну, построившая здесь колонию, где творилось уже буквально все что угодно. Одна из космических транспортных компаний, находившаяся, как знал буквально каждый, под контролем синдиката, организовала пассажирский маршрут. Теперь, если респектабельному мерсейцу приходило в голову предаться безудержным, хотя и весьма недешевым развлечениям, он отправлялся не куда-нибудь, а в Луридор. Эта колония стала самым настоящим рассадником всевозможных

зол; мало удивительного, что Моррукан не хотел защищать ее от сверхновой.

Не было такого желания и у Даглы, а скорее всего и у остальных Столпов. Олгор высказывался мягче, но даже он согласился, что если уж и заботиться о Ронруаде, то в самую последнюю очередь.

— Так, значит, члены Гетфенну могли похитить Чи Лан ради выкупа? — спросил Адзель.

— Странно бы, но как знать, — пожал плечами Дагла. — Впрочем, выкупом может оказаться ваша помощь. Если у этих бандитов тоже есть агенты в окружении Моррукана, они представляют себе ситуацию.

— Но в таком случае, — возразил Фолкейн, — вряд ли они настолько наивны, чтобы думать...

— Я разберусь с этим, — пообещал Моррукан. — У меня есть возможность сделать прямой запрос. Правда, связываться с хозяевами Гетфенну приходится очень сложными способами, так что на это потребуется время.

— Только имейте в виду, — жестко сказал Фолкейн, — что ни я, ни Адзель не собираемся оставлять Чи Лан в лапах преступников на долгие годы. Ей ведь там могут и глотку перерезать.

— Нет никакой уверенности, что ваша сотрудница именно у них, — напомнил Олгор.

— Верно. И все же мы можем слетать в эту самую их колонию. А на почти незнакомой нам Мерсейе наши возможности очень ограничены. Искать на планете должны вы. Да и собратьям вашим неплохо бы принять участие.

— Вы, кажется, воображаете, что нам делать больше нечего, как искать одно-единственное существо? — Терпение Моррукана окончательно лопнуло. — Нам, повелевающим миллионами?

— Если вы не сделаете спасение Чи Лан своей первой и главной заботой, — взорвался в свою очередь Фолкейн, — скоро вам просто некем будет повелевать.

— Успокойтесь, успокойтесь, — вмешался Олгор. — Все мы так устали, что начинаем уже бросаться друг на друга. А это очень плохо, у нас ведь общие интересы. Галактический гость, — тронул он плечо Фолкейна, — вы же хорошо понимаете, что в таком разобщенном мире, как наш, организация всеобъемлющего поиска — задача гораздо более сложная, чем сам этот поиск. Да ведь очень многие руководители наций, племен, кланов, групп и группочек просто не поверят нам на слово. Придется их убеждать, на что потребуется время и дипломатическое искусство. Кое у кого обязательно появится желание извернуться похитрее и что-нибудь на этой истории выиграть. Другие преисполнятся надеждой, что теперь-то вы улетите и оставите нас в покое — и я говорю не только о демонистах.

— И эти надежды вполне могут осуществиться, — заметил Фолкейн. — Если Чи не вернется в целости и сохранности.

— Стоит ли играть словами, — улыбнулся Олгор. — Ваши ученые могут получить здесь знания и престиж, а ваши купцы — доход. Так разве позволят они, чтобы прискорбное происшествие, вызванное несколькими мерсейцами и затронувшее всего лишь одно существо вашего мира, помешало достижению этих целей?

Некоторое время Фолкейн молча смотрел в угольно-черные, немигающие глаза Воителя, но вскоре не выдержал и отвернулся, к горлу подступила тошнота. Мерсеец разгадал его блеф и заставил выложить карты на стол.

Да, конечно, эти трое организуют нечто вроде розыска. Хотя бы из простой озабоченности — кто именно сумел окружить их своими агентами и много ли таких агентов. Найдутся и другие мерсейцы, готовые сотрудничать. Но вялое и сумбурное — а именно таким оно и получится — следствие не будет иметь ровно никаких шансов на успех в борьбе с шустрой, энергичной компанией, захватившей Чи Лан.

Этой троице — так же, как и почти всей Мерсейе — попросту плевать на какую-то там цинтианку.

Очнулась она в камере.

Три метра в длину, метра по полтора в ширину и высоту, ровно никакой мебели, почему-то нет даже двери. Под слоем краски проступает крупная кладка стен. Удары кулаком не дают Никакого отзвука, так что стеночки весьма солидные. К ним прикручена уйма разнообразного оборудования. Несмотря на незнакомые конструкции, Чи узнала флюоресцентную лампу, регенератор воздуха, приемник для отходов, допотопную койку, помогающую переносить ускорение... Боже милостивый, это что же, космический корабль?

И ни единого звука, только легкий шелест вентилятора. Через какое-то время Чи показалось, что эти голые стены сдвигаются, грозят ее раздавить — и осыпала их целым градом ругательств.

Она чуть не заплакала от облегчения, когда один из блоков отодвинулся в сторону и в открывшемся проеме показалось лицо мерсейца. За его спиной сверкал полированный металл. Сквозь корпус корабля (если это именно корабль) снаружи, из космопорта (если это космопорт), доносились лязг, какое-то гудение, обрывки команд.

— С вами все в порядке? — озабоченно спросил мерсеец. Выглядел он еще почище рядового представителя своей весьма крутой породы, но изо всех сил старался быть вежливым. На аккуратной куртке виднелись какие-то знаки различия.

Чи мгновенно прикинула, а может, прыгнуть, выдрать ему глаза и попробовать смыться? Нет, вряд ли выйдет. Но и целоваться с этим типом она тоже не собиралась.

— Великолепно, — ощерилась цинтианка. — Лучше некуда. Если оставить в стороне мелочи, вроде того, что эти проклятые ублюдки избили меня и траванули газом и что я помираю от голода и жажды. За такие возмутительные штучки я, пожалуй, попрошу своих товарищей взорвать к

чертовой бабушке этот гадюшник, недостойный называться планетой, пусть в Галактике хоть немного почище станет.

— Похоже, ты вполне здорова, — расхохотался мерсеец. — А то откуда бы такой боевой дух? На, ешь и пей, — он просунул в камеру несколько посудин. — Скоро стартуем, перелет займет несколько дней. Если тебе нужно что-нибудь — кроме пулемета — скажи, я принесу.

— Куда мы летим? Кто ты такой? И что, собственно, значит...

— Хургх, мохнатая, я не могу открывать эту дырку надолго, а то еще заметит какой-нибудь болтливый идиот. Говори прямо сейчас, чего тебе надо, и я попытаюсь заказать в городе.

Позднее Чи ругала себя последними словами, даже Адзель никогда не удостаивался у нее таких выражений. Закажи она некоторые специфические предметы, это могло навести ее партнеров на след. Она же автоматически попросила книги и пленки, чтобы получше разобраться в местной ситуации. В самый последний момент к списку был добавлен учебник языка эрио — надоело выражаться на ветхозаветном его варианте. Мерсеец кивнул и закрыл окошко. Негромкий щелчок почти наверняка указывал, что замок тут обычный, язычковый, скорее всего — с магнитным ключом.

Подкрепившись — с немалым, кстати, удовольствием, — Чи почувствовала себя в силах делать хоть какие-то осмысленные умозаключения. Первое: этот потайной отсек устроен, по всей видимости, в защитном экране радиационного убежища.

Мерсейцы пользовались в космосе термоядерными ионными двигателями. Огромные транспортники никогда не садились на поверхность планеты, а обслуживающие их челноки и некоторые корабли специального назначения (к числу которых очевидным образом относился и данный) пользовались для взлета и посадки глубокими колодцами, где создавалось электромагнитное поле, способное удержать стартовый выхлоп, не дать ему испоганить все на

километры вокруг. Каждый корабль имел радиационно защищенное помещение, способное — в случае солнечной бури — вместить всех пассажиров и экипаж. Конструкция была великолепна, оставалось только жалеть, что с появлением гравитационного привода и силовых экранов все это полетит псу под хвост.

Несколько дней, на одном мерсейском g: хм-м, это значит — одна из соседних планет. Не зная их теперешнего положения на орбитах, Чи не была уверена — какая именно. При подходе. к Мерсейе приборы «Через пень-колоду» обнаружили весьма оживленное межпланетное движение. Чи видела на увеличивающих экранах и объемистые, пузатые грузовые суда, и узкие, хищные военные корабли.

Тюремщик принес Чи заказанные материалы и попросил ее привязаться — скоро старт; он представился как Ириад Странник, шкипер этого посыльного судна.

— На кого ты работаешь? — спросила Чи.

Ириад замялся, но потом пожал плечами:

— Гетфенну. — Отверстие закрылось, и она снова осталась в одиночестве. Ускорение придавило Чи к койке, навалилось на грудь, толстые стены задрожали от грохота. Прошли бесконечно долгие минуты, и тяжесть вдруг ослабла — стартовый режим закончился, и пошел нормальный полет.

Время тянулось мучительно медленно, занятий у Чи не было почти никаких — нельзя же с утра до вечера читать эти мерсейские книжки. Офицеры, приносившие ей пищу, представляли собой весьма разношерстную компанию, набранную из всех уголков Мерсейи. Некоторые из них не умели даже говорить на эрио, да и прочие не отличались особым многословием. Чи немного посоображала, как бы превратить регенератор воздуха в какое-нибудь подобие оружия, но много ли сделаешь без инструментов? От тоски пленница начала красочно рисовать себе, что именно сделает она с Ириадом, когда тот попадется ей в руки. Узнав о некоторых из этих планов, Адзель и Фолкейн пришли бы в искренний ужас.

На какой-то день полета желудок — единственные имевшиеся у нее часы — со всей определенностью заявил, что время обеда (завтрака? ужина?) давно миновало. Когда окошко наконец открылось, она яростно метнулась к нему, выплевывая град оскорблений; Ириад попятился и вскинул пистолет.

— Так что там у вас такое? — Чи остановилась и заговорила чуть спокойнее. — Помои что ли, которыми вы меня кормите, недостаточно протухли?

Лицо Ириада судорожно подрагивало.

— Нам устроили досмотр, — еле слышно выговорил он.

— Как это? Ускорение же не менялось.

— Это… это ваши. Легли на параллельный курс, уравняли скорость. Я не знал, чем они вооружены, и поэтому… А высаживался к нам дракон.

В бессильной злости Чи заколотила кулачками по стене. Нет, нет, нет! Чтобы Адзель прошел в нескольких метрах от нее и даже не заподозрил… этот здоровенный, противный, пустоголовый олух!

— Но Хагуан предупредил меня, что такое может случиться. — Ириад выпрямился, к нему возвращалась прежняя самоуверенность. — Уж в контрабанде-то мы мал-мала понимаем, да и вы, галактические, совсем не те боги, какими кажетесь.

— И куда они направились?

— Куда-то. Скорее всего — досматривать другие суда. Счастливо им развлечься.

— Вы что, и вправду надеетесь, что меня никто не найдет?

— У Хагуана очень много надежных тайников. — Ириад передал ей полные посудины, забрал пустые и ушел.

Следующий раз он появился несколькими приемами пищи спустя, теперь — чтобы проследить за переселением Чи из камеры в грузовой контейнер. Ее пристегнули к стартовой койке, рядом с регенератором, и оставили в полной темноте. Последовали долгие часы предпосадочного

маневрирования, посадки, ожидания, потом контейнер извлекли из трюма, погрузили на машину и куда-то повезли.

В конце концов его открыли, и Чи медленно выбралась наружу. Тяготение здесь было вполовину нормального, но идти было трудно, у нее онемели все мышцы. Подошли двое рабочих, подняли контейнер и унесли. Потом появились охранники, а с ними мерсеец, объявивший себя врачом; судя по умелости и дотошности проведенного обследования, этот тип и вправду имел какое-то отношение к медицине. Он сказал, что ей нужно немного отдохнуть, и ушел, за ним ушли охранники.

Комната не имела окон, но зато была роскошно обставлена. Великолепной оказалась и принесенная пища. Чи свернулась на кровати калачиком и приказала себе уснуть.

Потом за ней пришли, провели ее по длинному, обшитому деревянными панелями коридору, потом — вверх, по спиралью вьющемуся пандусу, и тут Чи наконец увидела того, по чьему приказу ее похитили.

Он сидел за письменным столом полированного дерева, площадью, наверное, километр на километр. Густой белый мех, покрывавший пол комнаты, делал шаги беззвучными. Картины, негромкая музыка, воздух благоухает незнакомыми воскурениями. И окна — эта часть здания располагалась над поверхностью планеты. Чи увидела ржавый песок и мелкий, жесткий кустарник; вдали, над длинной холмистой грядой клубилась песчаная буря. У самого горизонта висел Корих, заметно уменьшившийся в размерах, но — благодаря разреженной атмосфере — ослепительно яркий. На темно-пурпурном небе проглядывало несколько звезд. Узнав среди них Валендерей, Чи непроизвольно поежилась. Такой ясный, спокойный, а ведь в эту самую секунду смерть, насылаемая им, неумолимо мчится сюда на крыльях света.

— Приветствую тебя, звездная гостья. — Он произносил слова не совсем так, как Олгор. — Я — Хагуан Элуац. А твое имя, насколько мне известно, Чи Лан.

Чи выгнула спину, распушила поднятый палкой хвост и угрожающе зашипела. Однако в действительности она чувствовала себя совершенно беспомощной. Мерсеец был огромен, его брюхо бочкой распирало вышитый халат; черной, сильно чешуйчатой кожей, раскосыми глазами и крючковатым носом он заметно отличался от вилвидской породы.

По взмаху украшенной сверкающей кольцами руки охранники четко шлепнули хвостами по лодыжкам и удалились, закрыв за собой дверь. Однако на столе, рядом с интеркомом, лежал пистолет.

— Не бойся, — улыбнулся Хагуан. — Ты в полной безопасности. Я очень сожалею о причиненных тебе неудобствах и сделаю все возможное, чтобы хоть как-нибудь их возместить. Мы действовали так из крайней необходимости.

— Вам что, самоубийство необходимо? — презрительно фыркнула Чи.

— Нет, мы хотим выжить. Но почему бы тебе не устроиться поудобнее на этом диване? Нам предстоит долгий и серьезный разговор. Может быть, хочешь съесть что-нибудь или выпить? Вина?

Чи отрицательно помотала головой, однако на диван вспрыгнула.

— Может быть, ты объяснишь мне эту возмутительную историю?

— С удовольствием. — Хагуан откинулся на хвост. — Вы, вероятно, не знаете, что такое Гетфенну, она возникла уже после первого посещения нас гостями из Галактики. Но сейчас... — Рассказывал он довольно долго. Описание раскинувшегося по всей планетной системе синдиката, распоряжающегося миллионами жизней и несметными богатствами, достаточно сильного, чтобы выстроить колонию на Ронруаде, и достаточно мудрого, чтобы стравливать своих врагов друг с другом, в результате чего ни один из них не осмеливался напасть на эту колонию, вызывало доверие и вполне согласовывалось с тем, что Чи видела собственными своими глазами.

— Так мы сейчас что, в этом самом вашем городе? — спросила она.

— Нет. На Ронруаде, но в другом месте. Уточнять не хочется, слишком уж высокого я мнения о твоей сообразительности и предприимчивости.

— А я о твоей — очень невысокого.

— Храйх? Странно. Мне кажется, операция была проведена вполне удовлетворительно, особенно если учесть отсутствие времени на подготовку. Но конечно же, организация вроде нашей должна быть постоянно готова к чему угодно, а ваше появление нас особенно насторожило... То немногое, что удалось узнать... — взгляд Хагуана задержался на белой искорке Валендерея. — Вот эта самая звезда, она ведь взорвется?

— Да. И размажет по стенке вашу цивилизацию, если только...

— Знаю, знаю. У нас тоже есть ученые. — Хагуан подался вперед. — Правительства многих стран увидели в этом великолепную возможность избавиться от доставляющей им столько беспокойств Гетфенну. Всего-то и нужно, что отказать в защите нашей колонии, нашим кораблям, нашим владениям на Мерсейе и в прочих местах — и нам конец. Думаю, вы, галактические, тоже не станете выдвигать особых возражений; защитить все не хватит времени, так почему бы не пожертвовать, в частности, нами? Ведь вы, сколько я понимаю, тоже сторонники закона и порядка?

Чи молча кивнула, окруженные темно-синей меховой маской глаза сверкали зеленым кошачьим блеском. Хагуан рассудил вполне верно: самой-то Лиге было почти безразлично, с кем иметь дело, но вот солидных налогоплательщиков, на чьи деньги будет проводиться спасательная операция, этот вопрос интересовал очень и очень.

— Так это что же, — усмехнулась она с деланным сарказмом, — вы украли меня, чтобы завоевать наше дружественное расположение?

— Что нам было терять? Ну поговорили бы мы с вами, ну попытались бы убедить, и чего бы мы добились в результате?

— А как если мои партнеры дадут теперь рекомендацию не оказывать копрофагной[96] мерсейской породе вообще никакой помощи?

— Ну что ж, — с леденящим спокойствием ответил Хагуан, — тогда грядет полный коллапс, после которого у Гетфенну появится больше, чем у кого бы то ни было другого, шансов на усиление своих позиций. Только я очень сомневаюсь, что будут даны такие рекомендации, а если и будут — что их выполнят ваши руководители.

Поэтому мы и захотели получить валюту на покупку технического содействия, то есть — тебя.

— Не такая уж я большая ценность. — Усы Чи пошевелились в чем-то вроде улыбки.

— Возможно, и нет, — согласился Хагуан. — Ноты — источник информации.

— Ты что, совсем сдвинулся? — встревоженно ощерилась цинтианка. — Думаешь, я расскажу вам, как сделать все своими руками? Да какой из меня инженер!

— Понятно. Но ты знаешь свою цивилизацию, знаешь, что могут сделать ваши инженеры, а чего не могут. И, что еще важнее, тебе знакомы многие планеты, обитающие на них расы, культуры этих рас, их обычаи, законы и моральные нормы. Ты можешь объяснить нам, чего можно от них ожидать. Ты поможешь нам обзавестись межзвездными кораблями — угон, осуществленный по твоим советам, должен удаться, ведь никто такого даже не ожидает — и научишь нас с ними обращаться. Несомненно, найдутся личности, готовые оказать нам помощь — за хорошую, разумеется, плату, вот ты и поможешь нам их найти.

— Если ты думаешь, что Торгово-техническая Лига потерпит...

---

[96] От греческого копрофаг, говноед.

— Может — не потерпит, а может, и потерпит, — широко улыбнулся Хагуан. — Звезд так много, что нельзя даже себе представить, сколько на них народов с самыми разнообразными интересами, а нам не привыкать стравливать возможных соперников друг с другом. Твоя информация поможет нам подобрать наилучшие для данного случая способы. Я не знаю, что такое эта ваша Лига, но все равно не думаю, чтобы в такой момент — когда все усилия будут сосредоточены на спасении Мерсейи — она начала войну против тех, которые попытаются спасти нас.

Либо придумаем что-нибудь еще, — подытожил он, разводя руками. — В зависимости от того, что ты расскажешь и предложишь.

— Ас какой стати вы мне будете верить?

— О почве судят по плодам, ею приносимым, — жестко посмотрел на цинтианку Хагуан. — И мы умеем обращаться с предателями. Если станет ясно, что Гетфенну обречена... Тебе хотелось бы познакомиться с нашими карательными заведениями? Они весьма обширны и разнообразны. Конечно же, ты — новый для нас вид, однако, постаравшись, мы сумеем на много дней сохранить тебя живой и в полном сознании.

В комнате повисла тишина. Корих скользнул за горизонт, и небо мгновенно почернело, на нем высыпали мириады звезд, прекрасных и безразличных.

Величественность этой картины подавляла, и Хагуан включил свет.

— С другой стороны, — сказал он, — обеспечив наше спасение, ты получишь и свободу, и весьма солидное вознаграждение.

— Но... — Чи с ужасом представила себе долгие, пустые годы заточения, как она предает друзей, и всеобщее презрение — если удастся когда-нибудь вернуться — и одиночество до конца жизни... — И раньше вы меня не отпустите?

— Ни в коем случае.

Все попусту. Ровно ничего похожего на ключ или след. Она сгинула в бездну, подобную окружавшей корабль космической пустоте.

Фолкейн и Адзель сделали буквально все мыслимое. Они посетили даже Луридор, ослепительно яркую столицу Ронруада — а тем временем зависший в небе корабль оплавлял скалы одиночными импульсами энергетических пушек, демонстрируя мощь, угрожавшую этому миру. Они перетряхивали все и вся, они действовали просьбами и угрозами, взятками и убеждением. Одни правители смотрели на них с ужасом, другие — с врожденным высокомерием мерсейских аристократов. Но нигде ни малейшего намека, что кому-нибудь известно, кто держит Чи Лан в заточении и где.

— А нужно было все-таки затащить к себе этого владельца казино и хорошенько с ним поработать. — Фолкейн машинально пригладил ладонью взъерошенные волосы; его глаза покраснели от усталости, лицо осунулось.

— Нет, — качнул головой Адзель, — причем не только из моральных соображений. Я уверен, что все, имеющие хоть какую-нибудь информацию, припрятаны. Самая элементарная предосторожность. И мы не уверены даже, что виновато именно преступное сообщество.

— Да. Это может быть Моррукан, или Дагла, или Олгор, или действующие втайне от них другие деятели тех же государств, или представители сотни прочих правительств, или какая-нибудь шайка психов, или... Господи!

Фолкейн взглянул на экран заднего обзора; корабль мчался к Мерсейе, и красноватый серпик Ронруада быстро уменьшался, таял среди созвездий. Невзрачный камешек, упади такой на одну из гигантских газовых планет — даже булька приличного не получится, но в то же время и самая малая из планет — целый мир, где есть равнины и горы, пересохшие русла и ущелья, долины и пещеры, и реки. Миллионы квадратных километров поверхности, непостижимо огромные и многообразные. А Мерсейя еще больше, а есть и

другие планеты, и их спутники, и астероиды, и, в конце концов, само пространство.

Похитителям Чи только-то и надо, что перевозить ее изредка с места на место, и тогда даже у целой дивизии сыщиков шансы на успех будут нулевые.

— Сами мерсейцы должны хоть немного представлять себе, где нужно смотреть, что делать, на кого стоит нажать, — пробормотал он в сотый раз. — Мы же не знаем здесь ни ходов, ни выходов. И ни один представитель наших культур не знает этого, да и знать не будет никогда — между нами пять миллиардов лет раздельного планетного существования. Нужно заставить мерсейцев, пусть сами побегают. И чтобы бегали хорошо, на полусогнутых.

— У них и своих забот хватает, — вздохнул Адзель.

Фолкейн длинно и образно объяснил, что именно он думает про заботы мерсейцев.

— А может, привлечь этих энтузиастов? — спросил он, немного успокоившись. — Которым ты проповедовал.

— Да, — кивнул Адзель. — Звездное Братство было бы надежным союзником. Но члены его в большинстве своем бедны и, как бы тебе сказать, не очень практичны. Реальной помощи от них не дождешься. Боюсь, они просто начнут драться с демонистами и все еще больше запутают.

— Это те, что ли, которые против гостей из космоса? — Фолкейн задумчиво почесал многодневную щетину на подбородке; к тихому, неумолчному гудению, заполнявшему кабину, присоединился скребущий звук. — Может, они-то и виноваты.

— Сомневаюсь. Проверить, конечно же, стоит — тоже, кстати, веселенькое будет занятие — но они совсем не так хорошо организованы.

— Вот ей-же-ей, если она не найдется, я буду настаивать, чтобы всей этой чертовой расе позволили спокойно поджариться.

— Ничего у тебя не выйдет. Да и вообще несправедливо, чтобы за преступление, совершенное несколькими личностями, расплачивались миллионы.

— А миллионам совсем не мешало бы озаботиться поисками этих самых нескольких личностей. И ничего тут нет невозможного, всегда остаются какие-то следы, и если пойти по каждому из следов достаточно далеко...

На детекторе посторонних объектов замигала лампочка.

— Наблюдаю корабль, — возвестил компьютер. — Судя по всему, транспортник с грузом химикалий из внешней части системы. Расстояние...

— Да скисни ты, — отмахнулся Фолкейн. — И не мешай.

— Мое оборудование не позволяет...

Фолкейн раздраженно нажал отключающую голос кнопку.

Некоторое время он молча смотрел на звезды; сжатая пальцами трубка подымилась немного и потухла. Адзель глубоко вздохнул и уложил голову на палубу.

— Бедная маленькая Чи, — прошептал в конце концов Фолкейн. — Умереть так далеко от дома.

— Скорее всего она жива, — возразил Адзель.

— Надеюсь. Но Чи привыкла летать с ветки на ветку, в бесконечном лесу. Клетка ее убьет.

— Либо доведет до психического расстройства. Она же очень вспыльчивая, а, не находя выхода, ее злость направится внутрь.

— Да... ты же всегда с ней ругался.

— Это все несерьезно; после каждого такого скандала она готовила мне специальный обед. Помню вот раз я похвалил один ее рисунок, так она сунула мне его в руки и говорит: «Ну так и забирай это барахло». Ну прямо как ребенок, который хочет сказать, что любит тебя, но стесняется.

— У-гу.

Кнопка отключения голоса щелкнула и вернулась на место.

— Требуется изменение курса, — констатировал компьютер. — Чтобы избежать опасного сближения с рудовозом.

— Нужно, так и меняй, — окрысился Фолкейн. — Чтоб эти ублюдки подавились своей рудой. И чего это у них такое плотное движение?

— Вообще-то мы в плоскости эклиптики, — заметил Адзель, — и не слишком удалились от Ронруада. Так что совпадение вполне естественно.

Фолкейн сжал кулаки, погасшая трубка развалилась пополам.

— Полоснем-ка мы пару раз по этой планете, — предложил он холодным, каким-то не своим голосом. — Убивать никого особенно не будем, только сожжем несколько объектов поважнее и подороже, а затем пообещаем добавить, если они не пошевелят своими задницами и не устроят настоящий поиск.

— Нет. Полномочия у нас большие, но не настолько.

— Со следственной комиссией как-нибудь уж разберемся, когда-то еще будет.

— Такая акция породит полное смятение, настроит их против нас и только ослабит базу поисков. Более того, поиски эти могут вообще прекратиться. Ты же сам видел, какое большое значение придают гордости основные культуры мерсейцев. Попытка принудить мерсейцев к чему-то силой, не оставив никакой лазейки для спасения лица, может вынудить их вообще отказаться от нашей помощи. И виновны в этом будем мы, преступно виновны. Я просто не могу этого позволить, Дэвид.

— Так что же, значит, мы не можем ровно ничего сделать, чтобы...

Фолкейн резко смолк; он обрушил кулак на подлокотник пилотского кресла и вскочил на ноги. Адзель поднялся, готовый к любой неожиданности — воданит хорошо знал своего напарника.

Добрую половину экрана занимала Мерсейя, испещренная причудливым узором океанов, облаков и континентов, обведенная с одной стороны сапфировой полоской неба, украшенная диадемой из четырех маленьких лун. Чуть поодаль, в плюмаже зодиакального света сверкал Корих.

Согласно полетному заданию крейсер Объединенного флота Великих вахов «Йонуар» обегал планету по низкой полярной орбите с единственной целью — оказывать помощь попавшим в неприятности гражданским судам, но в действительности он присматривал за боевыми кораблями Лафдигу, Уолдера, Нерсанского Союза и прочих держав, не вызывавших у вилвидских правителей особого доверия. Не следовало забывать и об этих галактических пришельцах, буде таковые вернутся. Что они задумали — одному Богу известно, так что вести себя следовало осторожно, а оружие держать наготове.

Капитан Тринтаф Укротитель Фангрифов смотрел на объемную карту звездного неба и пытался представить себе, что таится среди бесчисленных мириадов солнц. Тринтаф с детства знал, что есть существа, легко преодолевающие неизмеримость космических глубин, в то время как собственный его народ прикован к одной-единственной системе, и вопиющая эта несправедливость вызывала бессмысленную ярость. Теперь они снова прилетели… Зачем? Слухи ходят самые разные, чаще всего они связаны с этим вот зловещим уголком по названию Валендерей.

Помощь, сотрудничество… неужели вах Истир попадет в вассальную зависимость от этих смехотворных, один другого чище уродов?

Пискнул предупредительный сигнал, и тут же заговорил интерком:

— Центральный радарный пост — капитану. Обнаружен объект, идущий курсом на перехват. — Далее следовала серия чисел, причем абсолютно невероятных. Никак не метеорит, несмотря на отсутствие радиационного следа. Значит — они, галактические! Черная форменная куртка туго

обтянула плечи Тринтафа — он наклонился вперед и торопливо заговорил в микрофон. Всем стоять по местам, он не собирался лезть на рожон, но благоразумная предусмотрительность никому еще не вредила. А если уж дойдет до дела — интересно будет посмотреть, как эти чужаки сумеют устоять против лазерного луча и ударов ракет с ядерными головками.

Изображение на экране росло, кургузая, обрезанная с конца капелька, анекдотически крохотная по сравнению с китовой тушей самого «Йонуара». Корабль пришельцев лег на параллельны# курс и выровнял скорость так быстро, что у Тринтафа перехватило дыхание. Да какого черта их корпус не разлетелся в клочья, а команда не размазалась по переборкам? Что-нибудь вроде компенсирующего поля... Теперь чужаки зависли на расстоянии нескольких километров, и Тринтаф изо всех сил старался успокоиться. Сейчас они выйдут на связь, в такой момент нужно иметь крепкие нервы и ясную голову.

Запечатанный приказ, врученный ему перед вылетом, упоминал, что галактические покинули Мерсейю в полной ярости — они хотели, чтобы вся планета посвятила себя выполнению некоей задачи, и не добились этого. Столпы были склонны к умеренности; они делали все возможное — в разумных, само собой, пределах, — чтобы удовлетворить желание межзвездных гостей, но есть ведь и другие проблемы. Однако чужаки не могли, похоже, понять, что дела, касающиеся всей планеты, важнее их личных капризов. Совершенно естественно, что такой подход был встречен с негодованием — поступить иначе значило бы унизить имя вахов перед всеми народами.

Поэтому, глядя на экран внешней связи, Тринтаф не спускал пальца с кнопки «залп». Капитану стоило большого труда не выказать свое отвращение. Тонкие черты лица, клок шерсти на голове, бесхвостое тело, чуть покрытая пухом коричневая кожа — все это напоминало до непристойности грубую карикатуру на мерсейца. Уж лучше бы

беседовать с этим, вторым, который маячит на заднем плане, уж он — честное чудовище, ни на что вообще не похожее.

Расстояние...

— Капитан, — сказал Фолкейн, весьма преуспевший уже в современном языке, — я крайне сожалею об этом и приношу свои извинения, но вы должны вернуться на базу.

Сердце Тринтафа гулко застучало, только привязные ремни помешали ему дернуться назад и плавно (невесомость!) перелететь все помещение командного мостика.

— А по какой причине? — спросил он, нервно сглотнув и прилагая все старания, чтобы голос звучал спокойно.

— Мы сообщали эту причину многим вашим руководителям, — объяснил Фолкейн, — однако, так как они не выразили своего согласия, я объясню ее и лично вам.

Кто-то, мы не знаем, кто именно, похитил нашу сотрудницу, члена нашей команды. И вы, капитан, естественно, понимаете, что вернуть ее — дело чести.

— Я понимаю, — кивнул Трицтаф, — и помочь вам — тоже дело чести, но только при чем здесь мой корабль?

— Если позволите, я продолжу. Я хочу показать вам, что мы не имеем никаких оскорбительных для вас намерений. У нас очень мало времени для подготовки к грядущей катастрофе и совершенно недостаточно персонала; жизненно важен вклад каждого из нас. Никак нельзя обойтись и без тех, в частности, специальных познаний, которыми обладает пропавшая наша сотрудница. Поэтому ее возвращение — дело не только чести, но и жизни каждого мерсейца.

Тринтаф хмыкнул, он прекрасно понимал, что этот надуманный довод — всего лишь попытка обеспечить его народу возможность мал-мала пристойной капитуляции перед требованиями чужаков.

— При условиях, когда ее могут перемещать в космосе, — продолжал Фолкейн, — всякая надежда на успешность розысков пропадает. Поэтому вплоть до обнаружения нашей

сотрудницы всякое межпланетное движение должно быть прекращено.

Тринтаф непроизвольно выругался.

— Это невозможно, — холодно добавил он, взяв себя в руки.

— Ну что вы, как раз наоборот, — улыбнулся Фолкейн. — У нас была надежда на добровольное сотрудничество, однако, если таковое несовместимо с вашим воинским долгом, мы можем добиться издания соответствующего приказа.

Ярость застлала Тринтафу глаза, и он с удивлением услышал собственный свой голос, коротко ответивший:

— Я не получал таких приказов.

— Весьма печально, — вздохнул Фолкейн. — Я знаю, что ваши руководители обязательно их отдадут, но на это потребуется какое-то время, а дело не ждет. Вернитесь, пожалуйста, на базу.

Палец Тринтафа тронул кнопку.

— А если я откажусь?

— Капитан, мы ни в коем случае не хотели бы повредить ваш великолепный корабль...

Тринтаф нажал кнопку.

Канониры были наготове, долгое, напряженное ожидание разрядилось сверканием лучей, грохотом рванувшихся ракет.

Ни один из снарядов не достиг цели, вражеский корабль метнулся в сторону, и все они прошли мимо, не причинив ему ни малейшего вреда. Мощный луч, который обязан был ударить чужака в корпус, словно наткнулся на невидимое препятствие и рассыпался дождем ослепительных брызг.

Кургузый кораблик описал лихую дугу, затем его нос выпустил на мгновение щупальце луча и — «Йонуар» наполнился громким воем сирены. Близкий к истерике вахтенный контроля за повреждениями заикаясь сообщил, что срезана одна из броневых плит, срезана гладко, словно кусок мягкого дерева — ножом. Повреждение не очень серьезное, однако если бы целью оказались двигатели...

— Весьма прискорбно, капитан, — сказал Фолкейн. — Согласитесь, однако, что при полной автоматизации оружия такого трудно избежать. Ради вашей команды, ради страны, возложившей на вас ответственность за этот корабль, я настоятельно прошу — передумайте.

— Прекратите огонь, — прохрипел, задыхаясь, Тринтаф.

— Так, значит, вы идете на посадку? — уточнил Фолкейн.

— Да, и чтобы вам сдохнуть. — Пересохший рот Тринтафа с трудом выговаривал слова.

— Прекрасно, капитан, вы поступаете очень мудро, как настоящий мужчина. И... вполне возможно, что у вас возникнет желание оповестить прочих командиров, дабы они предприняли шаги, исключающие повторение подобных инцидентов. А пока что — начинайте, пожалуйста, вход в атмосферу.

В космическую пустоту метнулись струи выхлопа. Гордость вахов, «Йонуар» пошел на спуск.

А тем временем на борту «Через пень-колоду» Фолкейн стер со лба обильный пот и ухмыльнулся Адзелю.

— А ведь я боялся, — сказал он прерывающимся голосом, — что этот идиот будет палить до конца.

— Мы сумели бы обезоружить их аккуратно, без всяких жертв, — пожал плечами Адзель. — И они наверняка имеют спасательный бот.

— Да, но ты подумай о материальных потерях и последующей вспышке злобы. — Фолкейн понемногу приходил в себя. — Ладно, поехали, их тут еще много.

— А способны ли мы, одно-единственное гражданское судно, установить блокаду целой планеты? — усомнился Адзель. — Что-то не припомню такого в истории.

— Такого, и вправду не бывало, но только потому, что противник всегда имел гравитационный привод или еще что подобное. А эти мерсейские баржи — совсем другое дело, да и следить-то нам нужно за одной-единственной планетой, все замыкается именно на нее. — Фолкейн начал набивать трубку. — Слушай, Адзель, а не сочинишь ли ты текст

для всеобщего обращения к народу? Тут ты справишься лучше меня, у тебя ведь гораздо больше такта.

— Ну и чего же им сказать? — без особого энтузиазма спросил воданит.

— А всю эту лапшу, которую я вешал на отсутствующие у бравого капитана уши, только оберни покрасивше и перевяжи розовой ленточкой.

— Думаешь, будет какой-нибудь толк?

— Весьма надеюсь. Мы же и просим всего-то, чтобы Чи доставили в какое-нибудь безопасное место, а затем известили об этом нас. Мы заранее откажемся от намерений кого бы то ни было наказывать и вызовем доверие к этому отказу, подчеркнув, что для успеха своей миссии нам совершенно необходимо показать, что умеем держать слово. Ну а если похитители не пойдут нам навстречу — во-первых, охотой на них займется все население планеты. А во-вторых — они сами будут страдать от этой блокады. Кем бы они ни были. Потому что абсолютно ясно — не будь все это межпланетное движение жизненно важным для экономики, его не было бы так много.

Адзель неуютно поерзал.

— Но никто не должен голодать.

— Никто и не будет. Кто же посылает космическими рейсами продовольствие, если не считать всяких деликатесов? Сколько вбивать в тупую твою голову, что это слишком дорого? Просто в результате нашей блокады все будут терять деньги. Со скоростью мегакредитов в день. А Очень Важные Мерсейцы застрянут в Луридоре и пережгут мазерные передатчики, отдавая своим подчиненным приказы разобраться как-нибудь с нетерпимой ситуацией. Заводы начнут закрываться, космопорты — порастать травкой, инвестиции покатятся вниз, все политические и экономические равновесия перекосятся... продолжать можешь сам.

Фолкейн раскурил трубку и выпустил голубоватое облачко дыма.

— Только я не думаю, чтобы зашло так далеко, — продолжил он. — Мерсейцы не хуже нас предвидят последствия. Я не про грядущую через три года катастрофу, а про сиюминутную утрату власти и денег. Поэтому они перенесут все свое негодование на похитителей и безотлагательно займутся их поисками. Похитители прекрасно это поймут, да к тому же и они, думаю, получат ощутимый удар по карману. Зуб даю, уже через несколько дней они предложат обменять Чи на полную свою амнистию.

— Каковое предложение мы, конечно, удовлетворим, — кивнул Адзель.

— Придется, хотя и не хотелось бы.

— Не будь, пожалуйста, таким циничным, Дэвид. Мне просто жалко смотреть, как ты портишь себе карму.

— Зато я получаю доходы, — ухмыльнулся Фолкейн. — Давай, Пень, покрути своими шестеренками и подыщи нам еще какой-нибудь корабль.

Зал для телевизионных совещаний замка Афон мог подключаться к сети, охватывавшей всю планету; сегодня это оборудование было приведено в действие.

Сидя в принесенном с собой кресле, Фолкейн глядел через стол, изрезанный кинжалами древних воителей, на ряды экранов, заполнявшие противоположную стену. В свою очередь с этих экранов на него смотрела сотня с лишком мерсейских лиц. В таком количестве они казались почти неразличимыми — за исключением одной черной физиономии, окаймленной рамкой из пустых экранов. Ни один из правителей не желал приближаться к Хагуану Элуацу, даже в виде изображения.

Сидевший рядом с вольным торговцем Моррукан, Столп вах Датира, поднялся и начал бесстрастно произносить обычные церемониальные формулы:

— Во имя Бога и связывающей нас крови, мы встретились. Да будет наша встреча доброй. Да хранят нас щит мудрости и щит чести... — Фолкейн слушал вполуха — он

повторял в уме будущую свою речь. Даже при наилучшем исходе предстояли неприятности, сравнимые разве что со взрывом кобальтовой бомбы.

Прямой угрозы, конечно же, никакой — «Через пень-колоду» завис прямо над Ардайгом, телевидение разносит его изображение по всем уголкам Мерсейи, оно же обеспечивает связь с дежурящими у оружия Адзелем и Чи Лан, так что защита обеспечена.

Но то, что предстоит заявить, может вызвать волну гнева такую мощную, что пропадет последняя надежда на успешный исход миссии. Говорить надо с крайней осторожностью, а затем — молиться.

— ...и мы должны выслушать нашего гостя, — довольно резко закончил Моррукан.

Фолкейн встал, остро чувствуя, что сейчас он для всех — чудовище, намерения которого непостижимы, и даже не просто чудовище, а очень и очень опасное. Поэтому он надел сегодня самый простенький тускло-серый комбинезон, не имел при себе оружия и говорил, по возможности, мягко:

— Простите меня, благороднорожденные, — начал он, — что я не обращаюсь к вам соответствующим образом, называя титулы, слишком уж многочисленны и ранги ваши, и нации, которые вы представляете. Но вы — те, кому предстоит принять решение от имени всей расы. Хотелось бы надеяться, что разговор наш будет прямым и откровенным. На этом секретном и неофициальном совещании мы должны обсудить, какой образ действий наилучшим образом послужит во благо Мерсейи.

Позвольте мне в самом начале выразить глубокую и сердечную благодарность за ваши самоотверженные и увенчавшиеся полным успехом усилия по освобождению члена нашей команды. Хотелось бы также поблагодарить вас за то, что вы пошли навстречу моему пожеланию, чтобы в нашем высоком совещании принял участие и, э-э, вождь Хагуан Элуац — несмотря на отсутствие у него законного на то основания. Причины моей просьбы вскоре станут очевидны.

Позвольте мне, наконец, еще раз выразить свое искреннее сожаление вынужденной необходимостью приостановить ваши космические перевозки, сколь кратким ни была бы эта приостановка, и поблагодарить вас за содействие, оказанное при осуществлении этой чрезвычайной меры. Надеюсь, что все понесенные вами убытки будут возмещены с лихвой — несколько позднее, когда сюда прибудут для спасения вашей цивилизации другие представители моего народа.

А теперь самое время оставить разговоры о прошлом и заглянуть в будущее. На нас ложится организация этого грандиозного предприятия. И сразу появляется вопрос — каким образом лучше его организовать? Галактические инженеры не хотели бы ни в малейшей степени узурпировать принадлежащую мерсейцам власть. Да они, собственно, и не могли бы этого сделать — слишком их будет мало, слишком много будет у них работы и слишком инородны они для вашей планеты. Чтобы выполнить необходимую работу за столь краткое время, им нужны советы и указания властей. Они не смогут обойтись без широкого использования местных заводов и учреждений — а такое использование, естественно, должно быть авторизовано руководством этих заводов и учреждений. И мне нет смысла особо об этом распространяться — опытные руководители вроде вас, благороднорожденные, легко поймут суть проблемы. — Он откашлялся. — Но встает очевидный и очень важный вопрос — с кем наши инженеры будут сотрудничать особенно близко? Они не хотят никакой дискриминации, консультироваться будут с каждым из вас, в пределах его освященных временем полномочий. И помощь будет оказана — насколько это возможно — каждому. Но в то же самое время ясно, что комитет в составе всех здесь собравшихся получится чрезмерно громоздким и неоднородным. Для установления общей политики нашим сотрудникам необходим небольшой, достаточно единый мерсейский совет, с членами которого они смогли бы по-настоящему близко познакомиться, а

затем установить быстрые и эффективные процедуры принятия решений.

Кроме того, все ресурсы этой планеты должны использоваться координированным образом. Например, некая Первая Страна не должна иметь права сидеть на запасах минералов, необходимых Второй Стране. Должна быть обеспечена полная свобода перевозок из любой точки в любую, и к этим перевозкам должны быть привлечены все доступные транспортные средства. Мы можем предоставить вашим кораблям экраны, однако не можем предоставить — в необходимом количестве — сами эти корабли. Не должна, естественно, полностью замереть и обычная деятельность — ведь народу нужно, например, есть. Итак, каким образом обеспечить справедливое распределение ресурсов и установить справедливую систему приоритетов?

Думаю, все эти соображения делают совершенно ясной для вас, благороднорожденные, абсолютную необходимость некоей международной организации, организации, которая сможет беспристрастно поставлять информацию, давать рекомендации, осуществлять координацию. А еще лучше — если у нее будут свои производственные мощности и работники.

Если бы существовала подобная, освященная законами организация! Но такой организации нет, и вряд ли есть время для ее основания. Простите меня за прямоту, но Мерсейя слишком обременена застарелыми неприязнями, ненавистью и завистью, чтобы за один день превратиться в гармоничное братство. Кстати, упомянутая мной международная группа будет нуждаться в тщательнейшем, повседневном контроле, чтобы с ее стороны не последовало попыток возвеличиться самой либо унизить других. Мы, галактические, можем обеспечить подобный контроль за одной организацией — но не за сотней. — Фолкейну очень хотелось курить, пот щипал ему кожу. — Так вот, я не имею никаких чрезвычайных полномочий, перед моей командой стоит одна-единственная задача — предоставить рекомендации.

Однако проблема настолько неотложна, что скорее всего будет принята любая предложенная нами схема — лишь бы поскорее приступить к работе. А мы обнаружили здесь одну группу, превосходящую по сфере своей деятельности все остальные. Она не обращает никакого внимания на барьеры, разделяющие ваши народы. Группа эта многочисленна, богата, влиятельна, дисциплинированна и высокоэффективна. Не сказал бы, правда, что именно таким инструментом хотела бы воспользоваться моя цивилизация для спасения Мерсейи. Честно говоря, мы предпочли бы, чтобы она вообще исчезла, а не укреплялась еще больше, однако, как говорится в нашей пословице, на безрыбье и рак — рыба.

Он чувствовал, как нарастает напряжение, как неминуемо приближается гроза, слышал первые гневные восклицания и торопливо, не дожидаясь взрыва, закончил:

— Я имею в виду Гетфенну.

Дальнейшее не описать словами.

Но ведь он всего лишь предупреждал их о содержании своего доклада. Он мог заметить, что имеет и собственные счеты, которые откладывает в сторону из соображений всеобщего блага. Он мог даже, к вящему своему удовольствию, подкинуть несколько весьма изобретательных замечаний, касавшихся происхождения и предполагаемых привычек Хагуана — который только улыбался и чувствовал себя, по всей видимости, вполне уверенно. В конечном итоге несколькими часами спустя было решено тщательно изучить выдвинутое предложение. Фолкейн знал, чем кончится это изучение — у Мерсейи не было иного выхода.

Экраны потухли.

Мокрый, как мышь, вымотанный и трясущийся, он смотрел в лицо Моррукана Длинного Меча. Столп навис над звездным пришельцем, его пальцы судорожно тянулись к рукоятке пистолета.

— Надеюсь, вы понимаете, что затеяли, — сказал Моррукан, словно выплевывая каждое слово по отдельности. — Вы ведь не просто сохраняете эту банду навечно, вы придаете

ей легитимность. Теперь они смогут претендовать на положение признанного элемента нашего общества.

— Но ведь это даже лучше, тогда они начнут придерживаться законов этого общества. — Горло Фолкейна болело, его голос звучал слабо и хрипло.

— Только не они! — Секунду Моррукан помолчал в задумчивости. — Но расплата неминуема. Если не найдется других желающих — вахи возьмут ее полностью на себя. А потом... Вы научите нас строительству межзвездных кораблей?

— Нет, если это хоть немного будет зависеть от меня.

— Вот и еще один счет. Хотя это, собственно, и не очень важно. Мы неизбежно узнаем очень много прочих вещей, а уж на их основе... что ж, галактик, этим делом займутся наши внуки.

— Неужели проявить самую элементарную благодарность ниже вашего достоинства?

— Нет. Среди моей расы тоже найдется вполне достаточно мягкотелых мечтателей, которые устроят самую настоящую оргию слез и восторгов. Но ведь ты вернешься домой, а я останусь на этой планете.

У Фолкейна не было сил спорить. Он сухо попрощался и попросил Адзеля забрать его отсюда.

Позднее, уже несясь сквозь межзвездную ночь, он устало слушал возбужденное верещание Чи:

— Ну, я еще посчитаюсь с этими вонючками. Слезами заплачут, что пальцем прикоснулись ко мне.

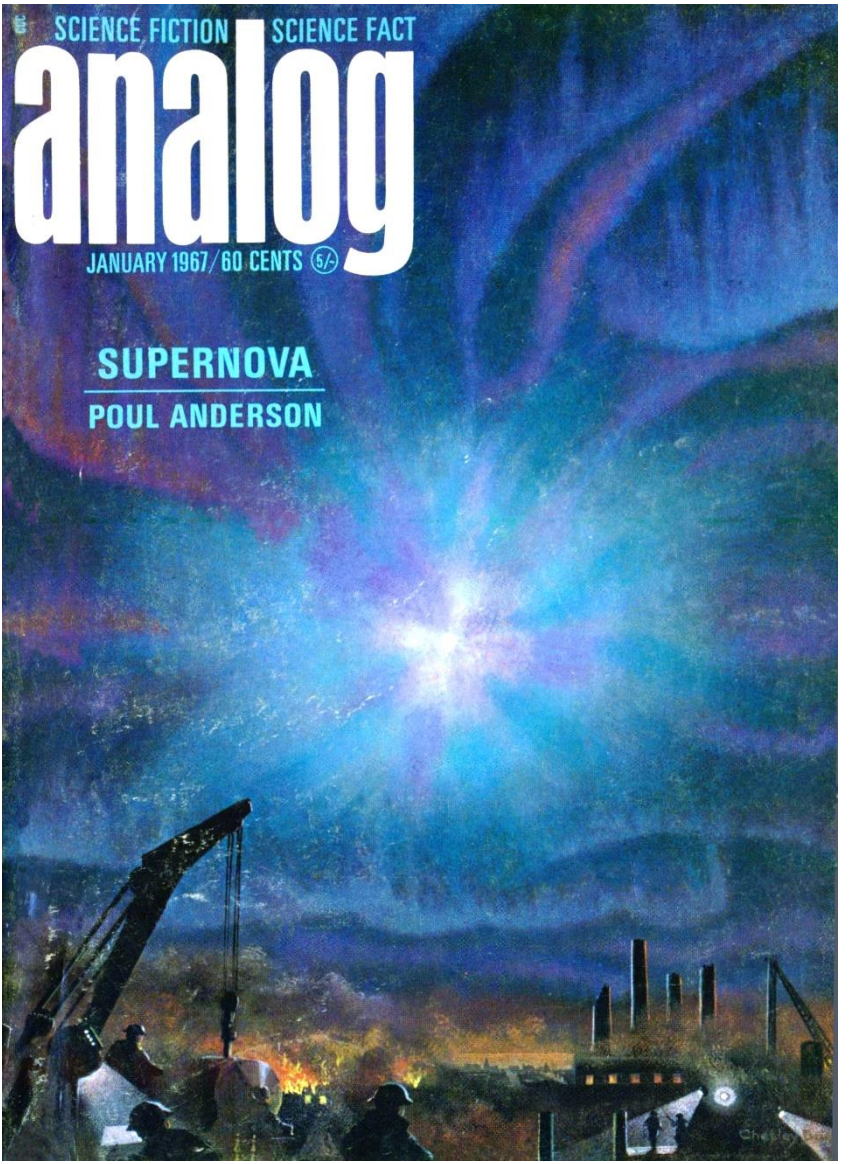
— Ты что, намерена сюда вернуться? — удивился Фолкейн.

— Кой черт, конечно, нет! Но вот мерсейским техникам потребуются какие-то развлечения, и, как мне кажется, эти развлечения предоставит им Гетфенну, и в их числе будут азартные игры. Так вот, если я посоветую нашим ребятам захватить с собой некие миниатюрные приборчики, способные, в частности, управлять рулеточным колесом...

— Ну почему, — вздохнул Адзель, — в этом грозном и великолепном космосе живые существа обязательно ведут себя извращенно?

Губы Фолкейна слегка изогнулись в усмешке:

— Иначе было бы слишком скучно.

Когда волновой фронт сверхновой достиг Мерсейи, люди и туземцы все еще были заняты работой.

И вдруг ночь разлетелась в клочья — на юге вспыхнула звезда, лишь втрое уступавшая блеском самому Кориху, слишком яростная для незащищенных глаз. Землю затопило мертвенное, голубое сияние; деревья, дома, мельчайшие подробности рельефа вырисовывались четко, словно высвеченные застывшей в небе молнией. Леса наполнились плеском крыльев и тревожными криками зверей, в деревнях судорожно запульсировали барабаны — боявшиеся прежде темноты крестьяне тщетно взывали о ней, вознося к небу молитвы. Затем настал день, огненный и безжалостный.

Прошли месяцы, и звезда поблекла, постепенно превратилась в яркую, острую точку, едва заметную при дневном свете. Однако ночью, окруженная белым, темневшим на краю до синевато-фиолетового, сиянием и кружевной туманностью, переливавшейся сотнями призрачных, неземных оттенков — разбросанный взрывом газ светился под ударами жесткого излучения, — она была прекрасна. В небе Мерсейи повисли огромные дрожащие полотнища полярного сияния, их шелест был слышен непрерывно, днем и ночью. В воздухе стоял грозовой запах.

А затем пошел радиоактивный дождь, и в этом уже не было ничего прекрасного.

КЛЮЧЕВОЕ УСЛОВИЕ

Гордый «Арго» рассекает волны,
Неся завоеванный приз.
Другой Орфей в песнях своих
И любит, и плачет, и умирает.
Новый Улисс покинуть вновь готов
Калипсо ради родных берегов.
Шелли

Жил-был король, надругавшийся над чужеземными торговцами... Теперь уже неважно, что он сделал с ними: это было давно и на другой планете, и той бедной девушки уже много лет нет в живых. Мы с Гарри Стенвиком подвесили короля вверх ногами на самом высоком минарете на глазах всех горожан, и с той поры Торгово-техническая Лига была прославлена на той земле. Затем мы славно пошуровали на складе «Солнечной компании пряностей и напитков», и там же поклялись в вечном братстве.

Встречаются нахалы, заявляющие, что у Николаса ван Рийна вместо сердца встроен компьютер с криогенным охлаждением. Может, это и так. Но он никогда не забывает хороших работников, даже если они некогда очень профессионально очистили ему карман. Может быть, поэтому, вместо того чтобы пристрелить нас с Гарри на месте, он однажды пригласил нас на обед.

Флиттер высадил меня на вершине холма под названием Летящий Крест, где находится «маленький, скромный домик» торгового принца — так его называл сам старик. Облака смога закрыли город, простиравшийся до самого горизонта. Чикаго, несмотря на ранний час, уже зажег свои бесчисленные огни. Я находился очень высоко, потому до меня доносился лишь отдаленный шум машин. Вдоволь «налюбовавшись» серо-бурым облаком и «насладившись» запахом дыма и гари, я зажал нос и прошел по аллее мимо роз и

кустов жасмина. У дверей меня встретил страж-робот. Удостоверив мою личность, он впустил меня в прихожую. Здесь я обнаружил Гарри. Мы сердечно обнялись, а затем некоторое время разглядывали друг друга.

— Не очень-то ты изменился, — ухмыльнулся Гарри. — Все такой же хилый и перекошенный, словно от приступа подагры. Никак метановая атмосфера довела до ручки?

— В той дыре, где я был в последний раз, дышат аммиаком, — поправил я его. — Я там замечательно провел время: длительные переходы без ночевок, случайные пули и дурацкая торговля по мелочам... Кстати, ты также выглядишь отвратительно: лоснящимся и самодовольным котом. Жизнь на этой тепличной Земле не пошла тебе на пользу. Как дела у Сигрид?

Подобно большинству мужчин, Гарри в конце концов надоели скитания по Галактике, и он решил обзавестись семьей. Он построил роскошный дом среди скал невдалеке от Хардингер-фиорда и вырастил там целую кучу сыновей и мастиффов.

— Хорошо. Жена шлет тебе поцелуй, а к нему в придачу коробку домашнего печенья. Ей очень жаль тебя, никчемного и неухоженного холостяка. В следующий раз, когда окажешься на Земле, возьми, дружище, отпуск и навести наше гнездышко!

— Пожалуй, я так и сделаю. Как твои парни?

Гарри помрачнел.

— Э-э... неплохо, — сказал он. — У Пера были неприятности, но сейчас уже все позади. Он тоже сегодня здесь.

— Замечательно! Когда я последний раз видел старика, то расспрашивал его о твоем старшем сыне. Кажется, он тогда был юнгой на борту одного из кораблей ван Рийна и болтался где-то в районе созвездия Геркулеса. Я слышал, что он уже получил звание мастера?

— Да, совсем недавно. Плюс искусственное бедро и множество малоприятных воспоминаний. Пойдем, они нас ждут.

Мы пошли по длинному коридору, украшенному редкими сувенирами с далеких планет. «Гм-м, не похоже, что старик собрал нас только для того, чтобы послушать пару новых анекдотов, — подумал я. — Скорее обострилась его старая, неизлечимая болезнь — алчность. Даже добрые дела в конечном счете приносят ему немалую прибыль, о незаконных махинациях и говорить нечего».

Пройдя анфиладу богато обставленных комнат, мы оказались наконец в гостиной. Здесь, у экрана, занимавшего целую стену, сидели трое мужчин. Сейчас экран был прозрачен и сквозь него была видна уже знакомая мне панорама: огромный город, окутанный облаком смога, темнеющее небо и первые дрожащие звезды.

Лишь один из мужчин поднялся при нашем появлении. Это был смуглолицый, худощавый человек, похожий на мексиканца. На его поясе висел бластер, судя по внешнему виду, немало послуживший своему владельцу.

Ван Рийн тяжело заворочался в своем мягком кресле, приветственно поднял пивную кружку и пророкотал:

— Добро пожаловать, капитан! Не хотите ли выпить немного перед обедом? Лично меня Габриэль настолько утомил своим косноязычным английским, что я заслужил небольшую выпивку.

Я поклонился знаменитому торговому принцу, а затем протянул руку Перу Стенвику.

— Прошу прощения, что не встаю, — сказал он. Сын Гарри был на редкость бледным и изможденным. — Меня слегка... э-э... покалечили.

— Слышал, — сочувственно заметил я. — Не волнуйся, все наладится. Ты бы не поверил, если бы узнал, сколько в моем бедном теле искусственных органов, а я еще продолжаю летать. Как идет выздоровление?

— Спасибо, дело постепенно идет на лад. Благодаря Мануэлю. Да, познакомьтесь: Мануэль Филипп Гомес. Мой помощник.

Мы вежливо поздоровались. Оказалось, что Мануэль — выходец из колонии на Арктуре. Он показался мне несколько высокомерным, что было типично для жителей периферии Галактики. Пожав мне руку, он тотчас повернулся ко мне спиной, чтобы удостовериться, не сползла ли повязка с ноги Пера. Он сел после нас с Гарри и только затем взял свой стакан кларета. По распоряжению ван Рийна слуга — живой слуга, а не робот — на такую роскошь хозяин дома денег не жалел — принес аквавит для Гарри и мартини для меня. Пер с рассеянным видом вертел стакан с вермутом.

— Долго ты пробудешь дома? — спросил я молодого человека.

— Пока не выздоровеет окончательно, — ответил за него отец.

— Вот именно! — буркнул ван Рийн. — Ровно столько, и ни днем больше. Парень молод и силен, нечего ему бездельничать на Земле.

Мануэль спросил вежливо, но с металлом в голосе:

— Прошу прощения, сеньор. Я не хотел бы противоречить начальникам... но долг обязывает меня знать, в каком состоянии находится мой капитан. Надеюсь, сеньор, что накануне Рождества вы не откажете ему в небольшом отпуске?

Ван Рийн поморщился и всплеснул руками.

— Все почему-то считают меня чуть ли не людоедом! — простонал он. — А я всего лишь бедный, одинокий старик, пытающийся удержаться на поверхности в бурном море бизнеса. Я разыскал перспективного парня, следил и заботился о нем еще с тех времен, когда он ходил в коротких штанишках. Дал ему прекрасное образование, подобрал замечательную работу — в надежде, что он поможет мне на старости лет. Вместо этого мой лучший капитан, попав в небольшую переделку, собирается спрятаться в родительском доме и до конца дней зализывать там свои пустяковые раны! Вот радость-то для моих волков-конкурентов, то-то они потешатся, терзая на клочки мои самые заветные планы!

— Ну, в этом случае их вряд ли спасет сам Господь Бог, — усмехнулся Пер. — Не беспокойтесь, сэр. Я буду готов, как только потребуется.

— Эй, полегче, сынок! Я не требую от тебя никаких жертв. Я слишком добр, стар и толст для этого. Мне очень жаль, что у нас случились неприятности, но все это пустяки по большому счету. Вот когда вы, господа, состаритесь и превратитесь в бедных старых вонючек вроде меня, когда вам станут недоступны многие удовольствия — вот это будет катастрофа! Абдал, принеси еще выпивки. Ты дождешься, что мы высохнем от жажды в двух шагах от моих винных погребов.

— Неужели ты вновь хочешь увидеть Каин? — озадаченно спросил Гарри.

— Конечно, отец! — ответил Пер. — Ведь это целый мир — первый новый мир в моей жизни!

Гарри насупился. Спустя несколько минут я нарушил затянувшееся молчание:

— В каких районах ты побывал на этой планете, Пер?

— Увы, почти нигде, — огорченно ответил он. — Каин совершенно не исследован. Мы успели нанести на карту лишь несколько областей вблизи места посадки.

— Как? И вы не делали съемок с орбиты?

— Нет. Мы спешили заняться вот этим.

Пер кивнул Мануэлю, и тот достал из кармана маленькую коробочку. В ней лежало несколько зеленоватых листьев. Я попробовал один. Удивительный вкус оказался у этого растения, и, кроме того, оно пробудило во мне целую бурю воспоминаний, яркие картины ушедшего.... Я был потрясен. Очевидно, растение воздействовало на потаенные участки коры головного мозга.

Ван Рийн с довольной улыбкой разглядывал меня, наслаждаясь моим изумлением.

— Действует словно наркотик, не правда ли? — спросил он. — Но он безвреден, совершенно безвреден! Мои химики сбились с ног, но так и не сумели установить его состав и тем

более искусственно синтезировать. По-моему, они давно уже забросили это безнадежное дело и дни напролет сами жуют эти замечательные листочки. А какие на Каине меха! Модницы со всей Галактики готовы выкладывать за них бешеные деньги. Мой старый приятель Лу Песку из компании «Петри» готов закупать товар оптом. Этот параноик повсюду разослал своих шпионов и за месяц истратил пятнадцать тысяч монет только на то, чтобы узнать, в каком созвездии находится эта планета. И ты еще спрашиваешь, хотим ли мы вновь увидеть Каин!

— Откуда вы знаете, сколько потратил Лу Песку? — с сомнением спросил Гарри, но ван Рийн промолчал и с самодовольной улыбкой стал набивать табаком трубку.

Пер с беспокойством сказал:

— Не подумайте, хозяин, я никому не называл ее координаты! — Повернувшись ко мне, он пояснил: — Каин находится в созвездии Пегаса. Ее солнце — карликовая звезда типа G-9 со светимостью в половину земного солнца. Система состоит из восьми планет, но только одна, Каин, близка по типу к земному. Открыл ее капитан Брандер. У него было мало времени для детального ее исследования, но он изучил язык туземцев, провел некоторые планетографические измерения, а главное, привез сведения о необычных свойствах местных мехов и трав. Спустя год меня направили для организации первой торговой фактории, но...

— Возникли неприятности с туземцами? — сочувственно спросил я.

— Неприятности — не то слово, — буркнул ван Рийн и добавил несколько весьма крепких выражений. Затем он буквально нырнул в пивную кружку и вскоре вынырнул, отфыркиваясь, как морж. — Бр-р-р... славное пиво! А дела — дрянь. Святой Дисмас, почему ты не защитил своего самого верного и щедрого слугу от этого разорительного удара судьбы!

— Нам казалось, что мы делаем все правильно... — прошептал огорченный Пер.

— Ах, вам так казалось? — свирепо взглянул на него ван Рийн. — Нет, парень, нам надо делать лишь то, в чем мы уверены на все сто процентов, иначе мы будем каждую неделю терять дорогостоящие корабли!

— А также многих настоящих людей... — прошептал Мануэль, опустив голову.

— Я читал доклад Брандера, — продолжал ван Рийн, — а также изучил ваш отчет. Кажется, я догадываюсь, в чем дело. Господа, я побывал на стольких мирах и набил столько шишек на лбу, что нюхом чувствую, где зарыта собака — даже если до нее добрых сто световых лет. Однако в официальных данных слишком мало нюансов, мелких деталей, которые порой оказываются самыми важными. Поэтому я хочу обо всем услышать своими ушами. Мне надо хотя бы мысленно побывать на этой планете, пережить с вами все события и схватки — все, что ныне, увы, недоступно старому и грузному Николасу.

Я с удивлением воззрился на торгового принца. И это говорил человек, только за последние несколько лет освоивший Берту, Диоман и Т'Келу!

— Что ж, попробую... — Пер покраснел, поглаживая вздрагивающими пальцами свой так и не тронутый стакан с вермутом. — Я могу рассказать сравнительно немного. Вы видели все на видеоэкране, так что я... По-моему, причина катастрофы в чем-то другом, это был лишь пустяковый эпизод...

— Ничего себе пустяк, — сухо заметил ван Рийн.

Пер кивнул:

— Прошу прощения, вы правы. Погибло несколько человек.

Чтобы разрядить сгущавшуюся атмосферу, я поинтересовался:

— Сынок, а что это за планета? «Земные условия» — это что, шутка? Чиновники с Земли, ни разу не побывавшие даже на Луне, так называют все миры, где можно хотя бы час дышать без скафандра.

— Или хотя бы полчаса выдержать местную гравитацию, — хохотнул ван Рийн.

— Нет, Каин на самом деле не так уж плох, по крайней мере в средних широтах, — возразил Пер. — По размеру он близок к Земле и расположен от солнца на расстоянии чуть больше астрономической единицы. Атмосфера плотнее на пятнадцать процентов, что создает сильный парниковый эффект. Период обращения — двенадцать часов, угол наклона оси — тридцать два градуса, что делает сложной картину смены времен года. Спутников у Каина нет. Мы высадились на сорок пятом градусе северной широты, на холмистой местности. Стояло лето, и, хотя соседний пруд по ночам замерзал, а на склонах лежал снег, было вполне терпимо.

— Это Брандер назвал ее Каином? — спросил я.

— Да. Мне кажется, ей это название чертовски подходит.

Пер помрачнел и залпом выпил свой стакан вермута. Мануэль молча встал и вновь наполнил его.

— Не переживай так, сынок, — посоветовал ван Рийн. — Неприятностей не избежать ни на одной из планет. Надо уметь выдерживать любой удар. Ты со временем научишься этому, если, конечно, выживешь.

— Но начало было таким обнадеживающим! — воскликнул Пер. — Мы легко выучили язык туземцев, вошли с ними в контакт, но... — Он повернулся ко мне. — Экипаж «Королевы Марии» состоял из двенадцати человек. Это замечательный, скоростной корабль, но маловместительный. Впрочем, большего и не требовалось — ведь мы намеревались основать лишь один торговый пост. В трюмах был обычный набор и тому подобное. Но украшений было немного, так как ксенологи Брандера не разобрались толком во вкусах туземцев. По их словам, каждый воин одевался и наряжался так, как хотел. Конечно, это касается только земли Улаш — единственной более или менее изученной нами территории.

— Культура, конечно, земледельческого типа? — спросил я.

— Да, и притом весьма примитивная, — кивнул Пер. — Для посадок используются лишь небольшие участки земли, очищенные от леса и вспаханные плугами. В Улаше есть и металлургия: выплавляются медь, золото, серебро, но все это делается на неолитическом уровне. Этим занимаются рабы, вернее, раса рабов — лугалы. Другая, более развитая раса, миллиане, добывают пищу исключительно охотой. Взгляните, капитан.Пер протянул мне фотографию. На ней был виден склон холма, заросший бледно-зеленой травой и усеянный валунами. Справа виднелась долина с густым лесом. В центре стоял туземец и напряженно смотрел в объектив.

— Это Шивару, — пояснил Пер, — один из наших друзей-миллиан.

Шивару телосложением напоминал человека. У него была широкая грудь, голова с черным гребнем, зеленые глаза с узкими зрачками, круглые уши, кошачий нос и толстогубый рот с крупными клыками. Рыжевато-коричневая шерсть покрывала тело от макушки до кончика длинного хвоста. На нем был меховой плащ из шкуры, напоминающей львиную. В левой руке туземец сжимал боевой топор с обсидиановым лезвием, за поясом висел стальной нож, полученный, несомненно, от землян.

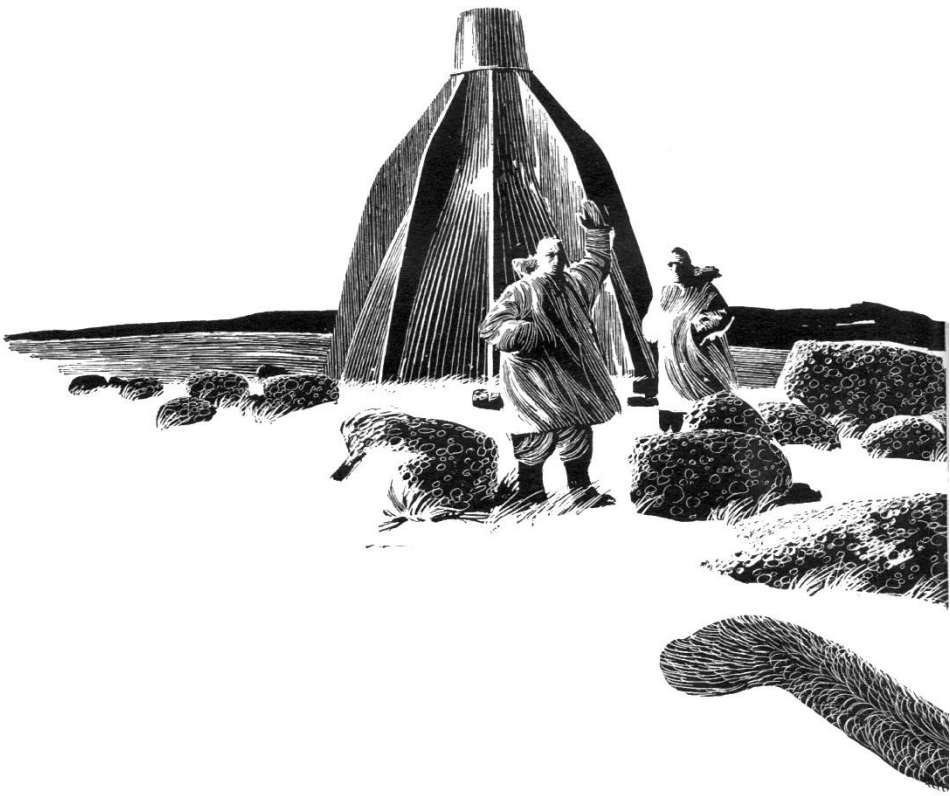
— Каиниты — млекопитающие, хотя анатомически заметно отличаются от землян, — продолжал Пер. — Температура тела поддерживается сложной системой эндо- и экзотермических реакций, происходящих в крови.

— У них наверняка нет системы потоотделения, подобно нашей, — заметил ван Рийн, попыхивая трубкой. — По опыту знаю, что такие вещи редко встречаются на планетах земного типа. Если приглядеться как следует, то любому, казалось бы, совершенно уникальному явлению можно найти аналог — пусть даже на другом конце Галактики.

— Порой встречаются и совершенно необычные вещи, — возразил я. — Пер, скажи, врачи из экспедиции Брандера анатомировали тела миллиан?

— Нет. Зато миллиане прислали в лагерь столько тел мертвых лугалов! Бр-р-р, надеюсь, рабов не умерщвляли специально для этой цели.

Приглядевшись к фотографии, я увидел еще одного каи-

нита, стоявшего позади Шивару. Это было приземистое, коротконогое существо с бурой шерстью. Лоб был низким, подбородок и нос — почти незаметными. Никакой одежды на каините не было. Он нес за спиной тяжелый тюк, на плече

висел колчан со стрелами, в руках — лук и копье. Шерсть каинита была местами сильно вытерта, словно ему часто приходилось таскать тяжести.

1360

— Это лугал?

— Да. Эти два вида вместе развивались в процессе эволюции, и со временем миллиане подчинили себе лугалов и сделали из них рабов. По крайней мере, так обстоит дело в Улаше.

Гарри взял у меня фотографию и стал разглядывать ее.

— Похоже, этому бедному лугалу пришлось немало потрудиться в своей жизни, — заметил я. — Наверное, миллиане безжалостно эксплуатируют их? Но на их месте я не стал бы доверять рабам оружие.

— Нет, отец, лугалам вполне можно доверять, — возразил Пер. — Как, скажем, хорошо выдрессированным собакам. На их плечах лежит вся самая тяжелая и грязная работа. Миллиане — это белая кость, они могут быть охотниками, колдунами, художниками — но их не заставишь рубить лес или пахать. Зато вся культура создана миллианами... — Пер замолчал и, нахмурившись, отпил из стакана. — Хотя я не вполне уверен, подходит ли слово «культура» в данном случае.

— Как так? — удивленно поднял брови ван Рийн.

— Ну... у миллиан нет ничего похожего на нации, племена и прочие подобные виды общественной организации. Семьи существуют, но они распадаются, когда самец стареет. Молодые самцы отделяются и уводят самок. Лугалы словно собаки следуют за своими хозяевами и никогда их не покидают. Семьи редко контактируют друг с другом — обычно это бывает лишь во время охоты на крупных зверей или при случайной встрече, когда мужчины вступают в схватки. Если дело обходится без ссор, то тогда миллиане могут заниматься и меновой торговлей.

Глаза ван Рийна при слове «торговля» загорелись, но он сдержался и промолчал.

— Не может этого быть! — возразил я. — Разумные расы не могут развиваться при столь малом общении между индивидуумами. Необходим постоянный обмен знаниями,

опытом, традициями. Мозг разумного существа не может развиваться чисто биологическим путем!

— Меня это тоже смущало, — согласился Пер. — Я много разговаривал с Шивару и другими миллианами, посещавшими время от времени наш лагерь. Мы старались понять друг друга. Каиниты оказались не менее любопытными, чем мы, и тоже старались извлечь выгоду из торговли. Порой удавалось побеседовать и с лугалами. Несмотря на свой придурковатый вид, они оказались далеко не глупы. Конечно, они менее сообразительны, чем их хозяева, но все же разница в интеллектуальном уровне между двумя расами невелика. Ну и планетка нам досталась! Целых три миллиарда лет своеобразной эволюции — поневоле голова закружится.

Как я уже говорил, у каждого миллианина, даже ребенка, есть несколько рабов. Биологи считают, что раса лугалов создана миллианами сознательно, в процессе управляемых генетических мутаций! Так это или не так, но эти примитивы весьма напоминают домашних собак. Их то посылают с различными поручениями, то велят ухаживать за детьми, а когда работы нет, разрешают побегать невдалеке от стоянки. Порой их бьют за различные провинности, но было бы преувеличением сказать, что к ним относятся жестоко. Просто Каин — суровая планета, и жизнь самих миллиан отнюдь не легка. Кстати, разумный лугал ценится очень высоко. Его называют старшим среди других рабов, он учит детей хозяев ремеслу, а порой с ним даже советуются в запутанной ситуации. Иногда таким лугалам разрешают ночевать и питаться в жилищах миллиан.

Размышляя об этом, я пришел к выводу, что общественная жизнь у миллиан все же существует. Они образуют не просто семьи, а совместные с лугалами общины. Контактируют такие группы в основном черезрабов, но это тоже немало. Похоже, что миллиане — созидатели и новаторы, а лугалы — хранители традиций, связующие звенья в цивилизации Каина. И такие отношения между двумя разумными расами закрепила сама биологическая эволюция.

Гарри нахмурился.

— Ты говоришь об этих тварях так спокойно и дружелюбно, словно никакой трагедии и не произошло, — резко сказал он.

— Но вначале туземцы относились к нам хорошо и помогали строить торговую факторию! — возразил Пер. — Приходя в лагерь, они всегда приносили подарки и никогда не требовали платы. Несколько раз они даже предлагали услуги своих лугалов в качестве рабочей силы для расчистки леса, обтесывания каменных блоков и прочее. В этом не было никакой необходимости при нашей мощной технике, но ведь миллиане этого не понимали! А когда поняли, это повергло их в шок. Они до сих пор считали себя самыми могущественными существами, и для них было нелегко признать, что чужеземцы, по крайней мере, равны им по силе и разуму.

Шивару относился к числу тех, кто особенно заинтересовался нами. Он был уже немолод, и большинство его детей выросли и выделились из семьи. Среди миллиан Шивару считался богатым и мудрым. Он постоянно экспериментировал и в последнее время увлекся скотоводством. Советы старика ценились в Улаше на вес золота. Однажды я взял его в полет на флиттере, и Шивару радовался, словно ребенок. На следующий день он привел с собой трех жен, чтобы они также порадовались ощущению полета.

Иногда Шивару брал нас на охоту. Видали бы вы, как этот миллианин гнался за каким-нибудь огромным рогатым животным, вскакивал ему на спину и валил одним ударом топора! Затем лугалы свежевали добычу и тащили ее в лагерь. Поверьте, мясо было чертовски вкусным!

Очень много времени мы проводили в беседах. Мы старались пополнить словарь взаимного общения, понять друг друга и порой так увлекались, что забывали о еде. Хорошо еще, что об этом не забывали Мануэль и главный лугал в семействе Шивару по имени Черкез. Вы не поверите, но иногда я ловил себя на том, что любуюсь миллианином. Все они

хорошо сложены, грациозны, как кошки, но в состоянии бешенства бывают смертельно опасны. Впрочем, об этом мы узнали позднее...

У нас было любимое место для встреч невдалеке от лагеря, на склоне холма. Во снах я часто вижу это место... Высоко над нами в поисках добычи кружит хищная птица, а затем камнем падает в долину, к вершинам деревьев. Их листва поражает богатством цветовых оттенков, кажется, что здесь царит вечная осень. Шивару сидит на корточках, обвив хвостом колени. У его ног лежит топор. Черкез и еще двое слуг расположились на земле неподалеку — слуги обычно не удаляются от своих хозяев. Иногда к нам присоединялся Мануэль, но чаще он был занят на строительстве... Помните, мой друг?

— Да, капитан, — сказал Мануэль. — Это были замечательные часы, и я никогда их не забуду.

— В тот раз, — продолжал Пер, мечтательно улыбаясь, — звонкий голос Шивару звучал с особым энтузиазмом. Нет, мы не обсуждали вопросы о торговом договоре — у миллиан просто нет руководства, с которым такой договор можно заключить. Но старик понимал, что обмен товарами, между нами, полезен прежде всего для них, каинитов. Торговая фактория делала такой обмен надежным и долговременным. Шивару очень нравилось, что в районе фактории семьи станут часто встречаться, общаться и это может со временем послужить объединению разобщенной тысячелетиями расы. Конечно, старик руководствовался при этом не абстрактными идеями, а чисто практическими целями. Например, он считал, что только большая группа миллиан, трудясь вместе, сумеет полностью воспользоваться плодами нереста рыб на реке Мокуньян. Он мечтал о том, чтобы построить большие лодки и отправиться на поиски новых, никем не занятых охотничьих угодий. Ну и тому подобное.

Затем Шивару начал с любопытством расспрашивать меня о племени людей. Из каких земель мы прибыли? Какая

там водится дичь? Как мы обзаводимся семьями и воспитываем детей?

В свою очередь я также забрасывал его вопросами. Меня не очень-то удивило, что культура Улаша не имеет религии. Шивару едва уразумел, о чем я его спрашиваю. Колдовство миллианам известно, но они рассматривают его в качестве некоей разновидности ремесла. Для них совершенно очевидно, что они — высшие существа на планете. Кажется, им известна даже идея переселения душ, хотя я не уверен в этом. Но все эти отвлеченные вопросы миллиан мало интересуют, как, впрочем, и проблема их собственного происхождения. Мир они рассматривают как данность, и вопрос стоит лишь в том, кто в нем господствует, а кто подчиняется. Шивару спросил, почему я интересуюсь такими очевидными вещами, но меня это не насторожило. Вероятно, в этом была моя первая ошибка.

— Нет, капитан, — мягко сказал Мануэль. — Откуда вы могли знать, что у них нет души?

— Нет ли? — в сомнении пробормотал Пер.

— Оставим это теологам, — сказал ван Рийн. — Мы им платим за то, что они решают подобные вопросы на различных обитаемых планетах. Продолжай, мой мальчик.

Пер с видимым трудом заставил себя продолжать рассказ.

— Я попытался объяснить Шивару идею Бога, и это крайне удивило и обеспокоило моего друга. Вскоре он поднялся и ушел. Упоминал ли я о том, что туземцы используют барабаны как средство связи на больших расстояниях? Так вот, всю ночь я слышал грохот барабанов, несшийся из долины, а со стороны западных холмов доносились ответные сигналы.

В течение последующей недели нас никто не навещал, но Мануэль, бродивший по окрестностям, видел множество следов. Вместе с ним прибыло и несколько других туземцев — Ферегхир, Тилитур, — не менее влиятельных и уважаемых среди миллиан. Их приближение заметили роботы,

рубившие неподалеку от лагеря лес. Воздух был полон грохота и пыли, сильный ветер пронизывал до костей. Я едва различал в висевшем среди холмов пыльном облаке наш корабль и несколько палаток. Мне казалось, что туземцы направляются туда, но Шивару указал в сторону нашего любимого места у скалы.

— Идем, — сказал он, — здесь не место для миллиан.

Я посмотрел ему в глаза. Они были непроницаемы, словно нас разделила стеклянная стена. По правде говоря, у меня мороз пробежал по коже. Я был совершенно безоружен в этот момент, и у меня не хватило духа отправиться за оружием в свою палатку. Правда, у Мануэля был бластер — вы знаете, что новомексиканцы даже спать с ним ложатся. На языке улаш я приказал Тому Буллису следить за строительными работами вместо меня, а сам пошел в сопровождении Мануэля в сторону холма. Наконец мы остановились возле скалы, вдали от шума и пыли стройки.

— Приветствую вас и прошу поесть, и отдохнуть с нами, — сказал я, используя принятую в Улаше формулу вежливости при встрече охотников. Но полагающегося в такой ситуации ответа я не услышал. Вместо этого Тилитур взмахнул копьем и сурово спросил:

— Зачем вы пришли в Улаш?

— Зачем? Ты же знаешь — торговать.

— Подожди, Тилитур, — вмешался Шивару. — Ты не о том спрашиваешь. — Повернувшись ко мне, он спросил без обычной теплоты в голосе: — Кто вас послал?

Я не собирался увиливать от ответа. Ясно было, что мы совершили какую-то ошибку, но какую? Ложь и увертки могли только ухудшить положение. Солнце играло на лезвиях обсидиановых топоров, и я радовался, что рядом со мной стоит вооруженный Мануэль. Я заставил себя взглянуть Шивару в глаза.

— Ты же знаешь, что мы прилетели в Улаш ради пользы оставшихся в нашей стране товарищей, — объяснил я. — Они нуждаются в ваших растениях и мехах.

Скулы Шивару напряглись, а Ферегхир откровенно обнажил клыки. Тилитур поднял копье, не сводя с меня злых глаз. Обычно миллиане в присутствии друзей так себя не ведут, об этом говорилось еще в докладах Брандера. И все же мне казалось, что Шивару растерян и ему не нравится то, что происходит. Но почему туземцы были так враждебно настроены?

— Вас послал Бог? — неожиданно спросил Шивару.

Я невольно рассмеялся, хотя причин для веселья не было. Дело в том, что в языке улаш слово «послал» имеет множество семантических оттенков. Чаще всего оно имеет смысл приказа, но звучит совершенно иначе во взаимоотношениях отца и сына, победителя и побежденного в схватке, хозяина и раба... Но все же я понял, что имеет в виду Шивару.

— Нет, мы не рабы Бога, — пояснил я. — Бог — это высшее существо, в существование которого верят далеко не все люди. Я, например, не верю. И тем более он не отдавал мне никаких приказов.

Туземцы были поражены. Гребень на голове Шивару поднялся, клыки обнажились, дыхание стало шумным. Хвост с силой заколотил по земле.

— Тогда кто же вас послал? — закричал он. Это можно было перевести так: «Тогда кто же ваш хозяин?»

Краем глаза я заметил, что Мануэль расстегнул кобуру. Лу-галы подошли к своим хозяевам, выразительно подняв топоры и копья. Можете себе представить, как тщательно я подбирал слова для ответа.

— Мы все свободны и являемся равноправными членами общества, — сказал я. Впрочем, возможно, я произнес слово «сообщество» — язык миллиан полон непонятных мне нюансов. — В нашей стране нет лугалов, — продолжил я. — Вы видели, что рабов нам заменяют лугалы.

— Ох-х-х! — воскликнул Ферегхир и нацелил копье мне в грудь, трясясь от ненависти.

Мануэль выхватил бластер и взвел курок.

Брандер не раз демонстрировал туземцам действие нашего оружия, и мы тоже. Они застыли в нерешительности. Шерсть на лугалах встала дыбом, они были готовы броситься на нас по первому слову своих хозяев. Но это слово не было произнесено. Трое миллиан обменялись взглядами, и Шивару холодно сказал:

— Мы должны обсудить это.

Трое охотников повернулись и пошли к соседнему холму по тропинке среди высокой сухой травы. Лугалы последовали за ними. Вскоре они исчезли из виду. Весь остаток дня и ночь барабаны гремели, не переставая ни на минуту.

Мы также долго обсуждали в лагере происшедшее. Что случилось с миллианами? По земным стандартам, они были примитивны и необразованны, но отнюдь не глупы. Так, Шивару не был особенно удивлен тем, что мы по внешнему виду заметно отличаемся от жителей Улаша. Более странным ему показалось то, что мы живем и работаем коллективом, а не отдельными семьями. Но как я уже говорил вам, туземцы также изредка ненадолго объединяются в большие группы, так что он не был особенно шокирован. В чем же тогда дело?

Один из моих офицеров, Игорь Уженков, высказал довольно правдоподобное предположение:

— Ясно, что они считают нас чьими-то рабами. Но тогда у нас должны быть еще более могущественные хозяева. Возможно, туземцы опасаются, что мы готовим базу для вторжения в Улаш?

— Но я же объяснил, что мы не рабы! — возразил я. — До сих пор Шивару относился ко мне с доверием.

Всю ночь я ворочался в постели без сна, размышляя. Может быть, стоило срочно перебазироваться в другой район планеты? Но это означало потерю всего, чего мы добились с таким трудом. Придется заново изучать язык местных туземцев, налаживать с ними контакты, начинать стройку с нуля. Да и стоило ли это делать? На флиттерах мы изучили довольно обширную область Каина и везде видели

приблизительно одно и то же, один и тот же образ жизни туземцев. Не исключено, что мы нарушили какое-то общее для всех каинитов табу и на новом месте нас могли встретить столь же враждебно.

Мануэль тоже вряд ли спал больше двух часов в ту ночь. Он был занят укреплением нашей линии обороны, проверкой постов, тренировкой людей и подготовкой их к возможному бою.

Однако следующий день начался вполне мирно. На рассвете меня поднял часовой и сообщил, что появилась группа туземцев. Я поспешно вышел из палатки. Вокруг висел такой густой туман, что даже в трех шагах было сложно что-либо различить. Где-то рядом грохотал трактор, подтаскивая бревна к строительной площадке. Я направился к главному выходу из лагеря и обнаружил неподалеку от него Тилитура и еще одного миллианина, стоявших в окружении нескольких десятков лугалов. Их шерсть была влажной, на оружии лежал иней.

Вскоре ко мне подбежал Мануэль со взводом охраны. Оглядев гостей, он заметил:

— Похоже, они шли всю ночь, чтобы мы с воздуха не смогли проследить их путь. Держу пари, что где-нибудь неподалеку скрывается большой отряд.

Я приветствовал туземцев в соответствии с принятым ритуалом, но ответа вновь не получил. Тилитур холодно выслушал меня, а затем сказал:

— Мы пришли для торговли. За ваши товары мы дадим меха и травы, которые вам так нравятся.

Это выглядело странно, до сих пор туземцы не проявляли инициативы в торговом обмене. Но было вполне резонно, что это предложение являлось своеобразной оливковой ветвью мира.

— Хорошо, — обрадованно сказал я. — Идемте в наш корабль. Там мы поедим и все обсудим.

Тилитур и его товарищ по имени Вогзахан даже не поблагодарили за приглашение. Они поднялись по трапу и

уселись за стол в кают-компании. Я приказал принести бекон и яйца — эта пища нравилась каинитам. Однако, не съев и кусочка, они сразу перешли к делу.

— Надеюсь, вчерашнее недоразумение, между нами, забыто, — сказал я, выслушав предложение начать обмен. — Но чего вы хотели бы за ваши товары?

— Пистолеты, стреляющие огнем, — спокойно ответил Тилитур.

Я был озадачен.

— Оружие мы не продаем, — после паузы сказал я. — Но зато мы можем предложить вам ножи и множество полезных инструментов.

Миллиане помрачнели, но настаивать не стали. Напротив, они принялись обсуждать условия обмена. Они хотели получить как можно больше наших товаров и не особенно торговались. Но они хотели получить товары в кредит. Тилитур заявил, что наши вещи им нужны немедленно, а сбор мехов и растений потребует немало времени. Это озадачило меня. С одной стороны, миллиане до сих пор всегда действовали честно и держали взятое слово, да и отказывать им не хотелось. С другой стороны... не мне вам говорить о моих сомнениях, и потому я пустился в дипломатию. Мол, мы доверяем нашим новым друзьям, но всякое может произойти, и в результате мы можем понести огромные убытки.

Тилитуру это не понравилось. Он хлопнул ладонью по столу и заявил:

— Странные опасения. Хорошо, мы оставим в залог наших лугалов, пока не соберем нужные товары. Лугалы стоят очень дорого. Но вы должны сегодня же отвезти ваши вещи туда, куда мы укажем.

Я решил, что на таких условиях можно будет предоставить туземцам половину из запрошенных ими товаров. Поймите, ситуация была напряженной и мне не хотелось с ними ссориться.

Пер замолчал, закусив губу. Гарри наклонился и взял его за руку успокаивая. Ван Рийн проворчал:

— Черт побери, никогда не знаешь точно, как обернутся дела, хотя у меня есть правило: жди худшего. Ты поступил правильно, мой мальчик. Абдал, наполни стаканы.

Пер вздохнул и продолжил:

— Днем мы наполнили грузовой флайер товарами и вылетели к месту, указанному миллианами — оно находилось километрах в пятидесяти от лагеря, на берегу реки. На всякий случай нас сопровождал флиттер с вооруженной охраной. Но ничего страшного не произошло. Около берега нас ждали несколько лодок. Стало ясно, что дальше товары перевозить будут сами туземцы. Мануэль спросил меня, стоит ли возражать против этого.

— Зачем же? — ответил я. — Очевидно, что они нам больше не доверяют и хотят сохранить в тайне место назначения грузов.

Мы передали товары миллианам и улетели, не услышав даже слова благодарности.

К вечеру в лагерь заявилась большая группа миллиан в сопровождении множества лугалов. Они заявили, что хотят поблагодарить нас за товары, однако мне не понравилась ухмылка на лице Вогзахана. Затем миллиане так же неожиданно ушли, сказав своим рабам: «Оставайтесь здесь и делайте все, что прикажут земляне, пока мы не вернемся». Славный залог, нечего сказать!

Делать было нечего, и я устроил лугалов в самой большой из палаток. Меня весьма беспокоило, что в лагере находится множество этих «домашних собак», но разве я мог отказать им в гостеприимстве?

Ночью в округе вновь беспрестанно гремели барабаны и лугалы вели себя очень беспокойно, о чем-то тихо переговариваясь на неизвестном нам языке. Наутро они успокоились, а один из них даже предложил мне помочь подтаскивать к месту стройки бревна и камни. Я едва не расхохотался, представив их рядом с пятисотсильным тягачом, но поблагодарил за предложение и вежливо отказался.

Прошло три дня. Несколько раз за это время я пытался завязать с гостями беседу, но ничего из этого не вышло. Лугалы отвечали, но совершенно невразумительно.

— Где вы живете? — спрашивал я.

— Там, в лесу, — отвечал лугал, разглядывая волосатые пальцы на ногах.

— Что за работу вы выполняете дома?

— Ту, что велит делать хозяин.

Я отступился.

Тем не менее глупцами лугалов назвать было нельзя. Мы заметили, что они коротали время, играя глиняными фигурками — возможно, это было нечто вроде местных шахмат. С восходом солнца они выстраивались возле палатки и, протянув руки к светилу, затягивали заунывную песню, значения которой я не понял. Большую же часть времени они проводили во сне или сидя на четвереньках. Иногда они собирались в небольшие группы и, обхватив друг друга за плечи, о чем-то шептались.

На нас напали на рассвете четвертого дня.

Около ста миллианов и Бог знает сколько лугалов, собранных барабанными сигналами из всего Улаша, ночью пробрались через лес и обрушились на наши пикеты. С первыми лучами солнца на лагерь хлынула лавина разъяренных туземцев, осыпавших нас градом стрел и копий, и наших же ножей...

Лицо Пера исказилось от боли.

— Меня сразу же ранили... Проклятье, и это случилось в первом же моем самостоятельном полете!

Ван Рийн двумя шумными глотками покончил с очередной кружкой пива и вытер ладонью пену с усов.

— Бывает, сынок, — сказал он. — Подробностей, побольше подробностей, черт побери!

— Их немного, — вздохнул Пер. — Помню, как проснулся от криков. Сунул ноги в сапоги, набросил куртку и стал шарить руками в темноте в поисках оружия. Завыла сирена, послышались выстрелы. Я выскочил наружу и словно попал

в кипящий котел. Было ужасно холодно и темно, в чуть посветлевшем небе сияли крупные звезды.

Затем вспыхнул прожектор на «Королеве Марии» и высветил ужасную картину боя. Вокруг кишели охотники в меховых плащах и приземистые гномы-лугалы с топорами, копьями и дубинками в руках. Но я в первый момент смотрел только на одно: рядом с палаткой лежал человек с размозженной головой...

Очнувшись, я поднес ко рту радиомегафон и закричал, отдавая приказы. Я призывал всех моих людей пробиваться к кораблю. Да, мы были вооружены бластерами и пистолетами, но нас было всего двадцать против всего населения Улаша!

Оборонительные сооружения быстро рухнули под напором сотен туземцев. С полдюжины человек, в том числе и я, сумели пробраться на корабль, но остальные оказались блокированы. Их надо было срочно спасать, но как?

Я отдал приказ зажечь все прожектора и включить корабельную сирену во всю мощь, а сам с несколькими товарищами занял место у трапа, прикрывая отступление остальных моих людей. Заметив это, они покинули свои убежища и помчались через весь лагерь. До сих пор перед моими глазами стоит бедняга Зурковский — он так и не успел застегнуть свою меховую доху...

Яркий свет и оглушительная сирена сделали свое дело. Среди туземцев началась паника, но часть их продолжала наступление на корабль. Площадку перед трапом захлестнул ревущий поток. Кто-то на меня напал сзади, и я упал. Оказалось, что я был в тисках у крупного лугала. Подмяв меня, словно медведь, он пытался разорвать мне горло своими клыками. Черт побери! Это низкорослое создание оказалось невероятно сильным. Я отчаянно сопротивлялся, но туземец постепенно дожимал меня. Рядом появился еще один раб и с воплем ударил меня дубинкой по ноге. Боль была чудовищной, и я потерял сознание.

Как оказалось позже, в бою сыграли главную роль лугалы, которых проклятый Вогзахан оставил нам в качестве залога за товары. Нас провели, как детей. Туземцы получили много товаров, в том числе и стальных ножей, а сами взамен вручили нам троянского коня. Проклятье, я должен был догадаться об этом!

Разумеется, план миллиан в конечном счете провалился. Они не представляли себе нашей реальной силы. Копье — неважный соперник бластеру! Мануэль подоспел вовремя и двумя выстрелами убил напавших на меня лугалов. Наши парни создали кольцо огня вокруг корабля, и нападавшие отхлынули, а затем в панике разбежались.

Я очнулся в корабельном лазарете. Мануэль сидел рядом.

— Как дела? — пробормотал я.

— Сеньор, простите, что я разбудил вас, — ответил он. — Бог накажет меня за то, что я приказал доку накачать вас стимуляторами. Но ситуация очень сложная, и нам необходимо ваше решение. Несколько человек ранены, двое мертвы, трое исчезли. Что делать?

Я приказал отнести меня к пленным.

Меня положили на носилки и спустили на лифте к трапу. Боли я почти не испытывал, но голова сильно кружилась. Сами представляете, каково человеку после двойной дозы обезболивающего. Но мучило меня другое: Мануэль сказал, что Гувер и Мурамато погибли, а еще трое — Буллис, Чанг и Зурковский — пропали. Возможно, они были захвачены в плен.

Оранжевое солнце взошло уже высоко над холмами. Лагерь был неестественно тих. Трупы нападавших лежали в ряд. Погибло двадцать три миллианина и не меньше сотни лугалов. Я осмотрел их, вздрагивая от ужаса, но никого не узнал.

Пленники были размещены в главном котловане фундамента. Здесь было около ста рабов и всего лишь двое охотников. У одного на груди был жуткий ожог от луча бластера, и наши медики пытались уменьшить его страдания. Однако

раненых было немного. Мануэль объяснил это тем, что в бою более эффективными оказались не бластеры, а парализующие пистолеты.

Я узнал второго миллианина. Это был Кочихар, старший сын Шивару, навещавший нас вместе с отцом пару раз.

Мы долго смотрели друг другу в глаза. Затем я спросил:

— Почему... почему вы сделали это?

Было морозно, пар вырывался из моего рта, и ветер уносил его прочь.

Подошедший Уженков с ненавистью сказал на языке улаш:

— Потому что они по своей натуре предатели, воры и убийцы. Мы будем отныне охотиться на них, как на диких зверей.

Не выдержав, он плюнул в сторону Кочихара. Его можно было понять — один из убитых, Гувер, приходился ему двоюродным братом.

Среди пленников поднялся ропот, многие лугалы с безнадежным видом опустили головы. Я немедленно вмешался:

— Нет, нельзя так говорить! Надо разобраться в том, что произошло. Кочихар, твой отец был моим хорошим другом — по крайней мере я в это верил. Чем же мы оскорбили его и других миллиан?

Гребень на голове Кочихара воинственно поднялся, хвост захлестал по земле.

— Вы должны уйти отсюда и никогда больше не возвращаться! — воскликнул он, дрожа от ярости. — Иначе мы будем убивать вас везде: в лесах, на холмах, среди скал — убивать, словно диких зверей! Мы напустим на ваш лагерь скот, отравим все окрестные источники и сожжем траву под вашими ногами. Прочь, ничтожные твари, прочь!

Я готов был взорваться и наговорить пленнику подобных же «любезностей», но сдержался.

— Мы не сделаем и шага отсюда, покуда вы не вернете наших товарищей, — сказал я. — В лагере есть барабан,

который твой отец подарил нам до вчерашнего нападения. Вызови своих, Кочихар, и скажи им, что мы хотим провести обмен пленными. Только после этого мы вступим в переговоры.

Кочихар упрямо молчал. Я подозвал Мануэля и сказал по-английски:

— Нет смысла продолжать этот разговор. Нужно организовать надежную оборону вокруг лагеря. Вторично нас не должны захватить врасплох. И пошли флиттер на поиски отряда туземцев, они не могли уйти далеко.

Но Мануэль неожиданно стал спорить.

В подтверждение этого Мануэль смущенно кивнул.

— Действительно, я поначалу не согласился с планом капитана, — вздохнул он. — Мне казалось, что разведка с воздуха бессмысленна, мы ничего не обнаружим среди сотен гектаров лесов, холмов и ущелий. Тем более что эти мохнатые дьяволы могли разделиться на несколько групп. А под покровом леса их не мог бы обнаружить даже инфракрасный локатор. Но я уступил, помня о дисциплине.

— О да, вы уступили, — криво усмехнулся Пер. — Но мне стоило это многих нервов. Я потребовал, чтобы в воздух были подняты все флиттеры. Но я не хотел, чтобы летели лично вы — в лагере тоже было много важных дел. Помню, я кричал, размахивал руками, бранился... Со мной творилось что-то неладное, казалось, что мой мозг погружался в какой-то темный омут...

Мой план должен был, в частности, подорвать моральный дух пленников-лугалов. Но это было ошибкой. Каинитам не знакомо чувство солидарности. Если Кочихар и остальные попались в наши руки — что ж, тем хуже для них. Мы, люди, рассуждаем иначе, и Шивару понимал это. Потому туземцы и взяли троих заложников.

— Кочихар, — продолжил я. — Мои люди поднимутся в воздух на флиттерах и будут охотиться за вашим отрядом. Разве Зкалкие охотники смогут противостоять могучим летающим машинам? Они погибнут, если не вернут наших

людей. Возьми барабан и предупреди отца и остальных об этом. Отказ будет дорого стоить тебе! Я прикажу любыми средствами сломить твое упрямство. Любыми, понимаешь?!

То, что я говорил, было отвратительно. Но Гувер и Мурамато были моими друзьями, и к тому же я был здорово накачан наркотиками. Сознание стало вновь покидать меня, и в лазарете я вновь провалился во тьму. Я еще успел услышать протесты дока — мол, такие дозы обезболивающего могут свалить с ног и верблюда. Это последнее, что я помню... Остальное вам расскажет Мануэль.

К концу своего повествования Пер побледнел и совсем охрип. Он бессильно откинулся на спинку кресла, так и не допив свой вермут. Гарри заботливо обнял его за плечи, не зная, что предпринять.

Ван Рийн даже бровью не повел.

— Ну-ну, не смотрите на меня, как на зверя, — бодро сказал он, протягивая слуге опустевшую кружку. — Мне надо было услышать о катастрофе от непосредственных очевидцев, другого пути нет. Ничего, сынок, скоро обед, и нет лучшего лекарства, чем зажаренный с кровью бифштекс. Когда ты немного очухаешься, приезжай в мой дом в Джакарте, и мы закатим там славную оргию!

— Куда мне участвовать в оргиях, — слабо усмехнулся Пер. — Я больше ни на что не способен, словно каиниты выпустили из меня всю кровь.

— Э-э, не говори так! — вмешался в разговор я, обеспокоенно глядя на молодого капитана. — Вновь переживать подобные трагедии — сущее наказание, знаю по своему опыту. Но не стоит казнить себя день и ночь, это пустое занятие. Послушай, Пер, если бы ван Рийн считал, что миссия провалилась из-за твоей ошибки, то ты не пил бы сегодня в такой приятной компании, а продавал бы мясо людоедам в самой захудалой галактической дыре.

Пер неуверенно улыбнулся в ответ.

Ван Рийн повернулся к его помощнику:

— Ну, дон Мигель, теперь мы послушаем вас.

Мануэль вежливо улыбнулся, но поправлять хозяина не стал.

— Вы льстите мне, сеньор, я не дон, — ответил он. — Мой отец был простым охотником в Сьерра-лос-Бркес. Мне хотелось добиться большего, и я отправился в космос вместе с другими наемниками. Кое-что повидал, получил сержантские нашивки. Затем перешел на службу к вам. Что касается этой проклятой планеты... Боюсь, мне нечего добавить к рассказу моего капитана.

— Не говорите глупостей! — рявкнул ван Рийн и прикончил очередную кружку пива. По-моему, он уже выпил литра три или четыре. Что касается меня, то после третьего стакана город за стеной стал казаться мне едва ли не красивейшим в мире, а звезды на небе затеяли какую-то веселую пляску. Чтобы хоть немного протрезветь, я достал трубку и закурил. — Я читал официальные сводки вашей экспедиции, — продолжил ван Рийн. — Они сухи, как глотка трезвенника. А мне нужны детали, я уже сто раз говорил про это! Я должен представить эту планету во всех ее цветах и запахах, и тогда, быть может, мой старый котелок отыщет разгадку. Она где-то рядом, я чую ее. Что молчите, Мигель? Смейтесь, пойте песни, стойте на голове, делайте все, что хотите, только рассказывайте, рассказывайте!

— Как пожелаете, сеньор. Только мое имя Мануэль, — пожал плечами помощник капитана. — Итак, когда капитана вновь унесли в лазарет, Игорь Уженков подошел ко мне и спросил:

— Ну, кто поведет флиттеры?

— Никто, — ответил я.

— Послушайте, мы получили приказ!

— Капитан ранен и испытал сильное потрясение, — возразил я. — Нам не стоило его поднимать с постели. — Повернувшись к стоявшим неподалеку людям, я спросил: — Разве я не прав?

Поколебавшись, они согласились со мной. Тогда я наклонился над ямой и спросил Кочихара, будет ли он передавать наши условия соплеменникам.

— Нет, — гордо ответил он, — что бы вы со мной ни делали!

— Я ничего не собираюсь делать, — усмехнулся я. — Сейчас вам принесут еду.

Остаток дня я пробродил среди заснеженных холмов. Нет, я не думал о каинитах, а вспоминал о далеком доме, о девушке по имени Долорес... Мои люди тоже ничего не делали, а просудачили весь вечер в кают-компании.

На следующее утро я стал готовиться к походу. Для начала я поговорил с каждым из членов экипажа. Все они были хорошими специалистами, но мало кто имел хоть какой-то охотничий опыт. А он был нам необходим: туземцы, отступая, пересекли широкую каменистую равнину, на которой не осталось совершенно никаких следов. К счастью, Хамид ибн Рашид и Жак Нголо оказались бывалыми охотниками. Моя группа стала собирать все необходимое снаряжение, а л отправился в лазарет навестить капитана, но он шал.

Когда я вернулся к яме, уже наступила темнота. На фоне звездного неба четко вырисовывались силуэты четырех охранников.

— Вы свободны, парни, — сказал я им, извлекая из кобуры бластер. Удивленно переглянувшись, они ушли.

Из глубины ямы донесся голос Кочихара:

— Ты пришел, чтобы пытать меня?

У каинитов глаза видят во тьме не хуже, чем у кошек. Мне даже казалось, что они презирают нас за неспособность ориентироваться в ночное время.

— Нет, — ответил я. — Просто хочется с тобой поговорить по душам — если ты знаешь, что это такое.

Кочихар промолчал. Я запахнул меховую доху, дрожа от холода. Звезды мирно сияли на небесном куполе и казались такими чужими, что я невольно стал сомневаться в успехе

своего замысла. Было бы очень хорошо склонить сына Шивару на нашу сторону, но...

Я глубоко задумался и на мгновение потерял бдительность. Все произошло с дьявольской быстротой. Мне казалось, что лугалы спят, но они выжидали удобного момента. Один встал на плечи другому и дотянулся до края ямы. И таких пар были десятки. Я выстрелил в ближайшего из беглецов, но промахнулся.

Двое лугалов подмяли меня и начали избивать. Я изо всех сил пытался оторвать их руки от горла, к которому они жадно тянулись. Один из рабов заткнул мне рот пучком травы, мешая мне кричать. Тем временем часть пленников выбралась из ямы и убежала.

Наконец мне удалось высвободить одну ногу, и я ударил одного лугала коленом в живот, а другого угостил ребром ладони по шее. Они обмякли и тяжело отвалились в сторону. Тогда я вскочил на ноги и закричал. Немедленно завыла сирена и зажглись прожектора. Со стороны корабля и палаток побежали люди с оружием в руках.

Несколько лугалов не успели убежать, да похоже — они к этому и не стремились. В яме остался раненый миллианин, и рабы закрыли его своими телами от наших пистолетов. Но мы стреляли в другую сторону, вслед беглецам. Конечно же, в такой темноте это было бесполезно.

Котлован вновь оцепили охранники. Я шарил по земле в поисках своего бластера. Его не было. Кто-то из туземцев подобрал его и наверняка отдал Кочихару.

Ко мне подошел Жак Нголо.

— Плохи дела, — сказал он, и не подумав меня упрекать.

— Хуже некуда, — сквозь зубы ответил я, проклиная свою глупость на чем свет стоит. Славно я поговорил с сыном Шивару «по душам»!

К нам присоединился Хамид ибн Рашид, и мы втроем отправились в преследование.

До сих пор мне не приходилось использовать очки ночного видения, и слава Богу. Они делают окружающее ясным

и четким, но каким-то жутким и нереальным, словно все происходит во сне. Компасом нам служил инфракрасный следоискатель. Вскоре мы увидели беглецов: они поднимались по склону холма, прячась за валунами.

Мы задыхались от бега в тот момент, когда достигли опушки леса. Дальше пришлось продолжить преследование под прикрытием деревьев. Инфракрасные очки начали мерцать, потому что относительно теплые стволы мешали улавливать тепловое излучение тел туземцев. Мы осторожно шли следом, раздвигая ветки кустарников.

Мы уходили все дальше в глубь долины. Повсюду росли высокие деревья, и мы вынуждены были до предела увеличить контрастность в своих очках. Туземцы шли своим обычным неспешным шагом, уверенные в том, что им удалось оторваться от нас. Но даже не соблюдая особых предосторожностей, они почти не оставляли следов. Вскоре мы подобрались ближе и могли уже полагаться на собственные глаза.

Наконец мы вышли на луг. Примятая трава указывала, что туземцы проходили здесь совсем недавно. Увы, они сделали то, чего я опасался с самого начала. Их отряд разделился на четыре группы, и каждая дальше пошла своим путем.

— Что будем делать? — спросил Нголо.

— Нас трое, значит, мы должны следовать за тремя группами, — ответил я.

— Ангелы неба! — воскликнул Хамид ибн Рашид. — Не хотелось бы идти дальше в одиночку, даже с бластером в руке. Но другого выхода действительно нет.

Некоторое время мы обсуждали план своих дальнейших действий. Когда мы разошлись, восток уже начал светлеть. Очевидно, что в трех направлениях следовали лугалы, возвращающиеся к своим хозяевам, а в четвертом — сам Кочихар в сопровождении рабов. Именно он и был нам нужен. Но какой путь он выбрал? Поразмыслив, я решил, что стоит пойти по следу самого большого отряда. Хамид и Нголо

пытались спорить, но в нашей группе я был старшим и попросту воспользовался своей властью в личных целях.

Теперь расстояние между нами и беглецами было настолько велико, что можно было смело пользоваться радиопередатчиками при переговорах друг с другом и лагерем. Погоня от этого не становилась легче, но морально я чувствовал себя куда лучше. След беглецов увидеть было сложно, но можно. К счастью, лугалы, напавшие на нас, были не охотниками, а крестьянами, шахтерами и домашней прислугой и не обладали необходимой осторожностью.

Небо заметно посветлело. Со мной связался Нголо и сообщил:

— Мои лугалы подошли к навесу около пещеры. Я сижу на дереве и вижу, как их радостно встречают женщины и дети миллиан. Думаю, это жилище хозяина, и рабы дальше не пойдут. Может, мне стоит вернуться на луг и пойти по другому следу?

— Нет, — ответил я, — к этому времени след окажется уже слишком холодным. Найдите поляну, где вас никто не увидит, и вызывайте флиттер.

Я продолжил преследование. Спустя пару часов я едва не вскрикнул от радости: впереди я увидел дерево, обожженное выстрелом из бластера.

Наверняка это сделал Кочихар, практикуясь в стрельбе.

Я вызвал Хамида и спросил, где он находится.

— На берегу реки, — ответил тот. — Здесь недавно переправлялись через бурный поток лугалы. Теперь раздумываю, стоит ли рисковать своей шеей и перебираться по валунам.

— Не стоит, — сказал я. — Кочихар идет где-то впереди меня. Свяжитесь с Нголо и дожидайтесь помощи из лагеря.

Несколько раз я останавливался, чтобы отдохнуть и перекусить. Стимуляторы помогали быстро восстановить силы, так что я ухитрялся не отставать от привычных к далеким переходам каинитов. К вечеру я их почти нагнал и

потому дальше двигался со змеиной осторожностью. Стало холодно, тьма быстро опускалась на долину.

Около полуночи мой инфрадетектор обнаружил мощный источник теплового излучения. Я передал эту новость по радио и добавил, что временно прекращаю выходить на связь — это становится слишком опасно. Затем я, крадучись, продолжил путь.

Наконец я оказался на краю небольшой поляны. Среди деревьев было видно большое прямоугольное сооружение без окон. Перед ним у костра сидели двое миллиан, положив на колени копья.

Я осторожно достал парализующий пистолет и хладнокровно прицелился. Два выстрела — и стражи потеряли сознание. Я перебежал через поляну и скрылся в тени здания, прислушиваясь. Однако ничего особенного я не сумел расслышать. Тогда, рискнув, я слегка отодвинул кожаный полог, закрывающий вход, и заглянул внутрь. Помещение заполнял густой дым, ноя сумел разглядеть стены, завешанные прекрасными мехами. Вскоре глаза мои привыкли к полумгле, и я увидел около десятка миллиан, в основном мужчин, сидящих вокруг огня, пылающего в неглубокой яме. В углу сгрудились несколько лугалов. Среди них я узнал Черкеза и обрадовался тому, что он уцелел в битве. Сам Кочихар сидел рядом со своим отцом Шивару и рассказывал о бегстве из лагеря.

Вскоре в другом углу помещения я увидел еще три фигуры. Я едва не вскрикнул от радости, узнав пленных Зурковского, Чанга и Буллиса! Мой расчет оказался верным: Кочихар не отправился домой, а явился в заранее намеченное место встречи.

Кочихар закончил свой рассказ и взглянул на отца, ожидая одобрения. Шивару задумчиво поигрывал хвостом.

— Странно, что небесные люди заботились о тебе, — сказал он наконец. — И это после того, как мы убили нескольких чужеземцев.

— Они подобны слепым детенышам, — презрительно фыркнул Кочихар. — Их легко обмануть, и они слабы.

— Не уверен... — пробормотал Шивару, задумчиво глядя на огонь. — Их сила велика. И мы ничего не знаем об их прошлом. — Его голос стал резким. — Я не ослышался, Кочихар: хозяин отдал своим слугам приказ, а они поступили совсем па-другому?

— Это ничего не значит, — поспешно вмешался в разговор седой, покрытый шрамами миллианин. — Сейчас нам надо решить, что делать с пленными. Ты говоришь, что их следует обменять на Гумаша и оставшихся в яме лугалов. Кочихар говорит, что их надо оставить у нас. Но я спрашиваю: зачем нам все это? Лучше выставить их тела на месте, где земляне их смогут найти. Это будет нашим последним предупреждением.

— Правильно, — сказал Вогзахан, который также сидел среди собравшихся. — Тилитур утверждает, что их нечего опасаться, они слепы, глухи и слабы.

— Вначале надо попробовать обмен, — упрямо возразил Шивару. — Но, если он не удастся... — его клыки выразительно блеснули.

— Тогда мы убьем одного для устрашения, а затем вновь вступим в переговоры, — гневно сказал Кочихар. — Они угрожали мне тем же!

Среди туземцев пробежал гул. Они начали спорить и переругиваться друг с другом, наливаясь звериной злобой. Миллиане не имели вождей и не привыкли никому повиноваться. Шивару не смог бы даже при желании удержать их от расправы над нашими товарищами.

Надо было немедленно принимать какое-то решение. Бластер был бесполезен, не успею я сделать и двух выстрелов, как меня пронзят сразу несколько копий. К тому же я опасался случайно задеть пленников. Можно было воспользоваться парализующим пистолетом, но пока я разделывался бы с миллианами, их рабы раскроили бы мне череп

топорами. Проще было заблокировать выход, но трое землян тогда наверняка погибли бы.

То, что я сделал, было, несомненно, глупостью, ибо мне далеко до нашего капитана. Для начала я вернулся в лес и вызвал лагерь.

— Вылетайте скорее, — сказал я и включил радиопеленг, затем вернулся на поляну.

Обойдя ее, я нашел дерево, чьи ветви нависали над крышей здания. Забравшись на нее, я осторожно подполз к дымоходу. Едкий дым ударил мне в лицо, и я едва не задохнулся. Время тянулось нестерпимо медленно. Наконец в воздухе послышался нарастающий шум. На другом краю поляны стали приземляться флиттеры.

Закричав, миллиане рванулись к выходу. Двоих я уложил из парализующего пистолета, но один успел отодвинуть полог и крикнул:

— Здесь земляне!

В помещении царила суматоха. Кочихар пронзительно крикнул и извлек из-за пояса бластер. Я выстрелил в него, но промахнулся — слишком много туземцев находилось, между нами.

Тогда я спрыгнул вниз через отверстие в дымоходе. Упав на бок, я мигом поднялся. Черкез попытался схватить меня за горло, но я оттолкнул его ударом ноги и стал стрелять. Кочихара нигде не было видно. Я стал прокладывать путь к пленникам, но передо мной вырос разъяренный Шивару. Благодаря милости Божьей я сумел уклониться от его топора, а сам ответил парализующим лучом. Я проскользнул между двумя туземцами, но третий прыгнул мне на спину. Ударив по голове, я отшвырнул его. Наконец я увидел Кочихара. Он шел к пленникам, неумело держа бластер. На лице туземца была написана такая ненависть, что трое землян, словно парализованные страхом, продолжали сидеть в углу.

Заметив меня краем глаза, Кочихар мгновенно развернулся в мою сторону. В полутьме сверкнула вспышка выстрела. Но я успел упасть на одно колено и спустил курок.

Луч обжег мою меховую доху, но Кочихар был уже парализован и упал, даже не вскрикнув. Я торопливо поднял с пола бластер и встал перед тремя пленными.

Вогзахан метнул в меня топор, но я сумел сжечь его в воздухе. Через одну-две минуты все было кончено. Граната обрушила переднюю стену здания. Внутрь ворвались люди с парализующими пистолетами, и вскоре все каиниты были усыплены. Мы не стали ждать, когда они придут в себя, и поспешили вернуться в лагерь. Вот и все.

В комнате наступила тишина. Мануэль вежливо попросил разрешения закурить и достал из портсигара, изготовленного явно на какой-то незнакомой мне планете, длинную коричневую сигару.

— Святой Дисмас! — выдохнул ван Рийн. — Однако, судя по вашему отчету, туземцы еще раз посетили лагерь.

Пер кивнул.

— Да, сэр, — сказал он. — Мы уже почти закончили приготовления к отлету, когда появился Шивару в сопровождении нескольких других миллиан и множества лугалов. Они медленно пересекли лагерь, настороженно оглядываясь по сторонам. Гребни на их головах были подняты, хвосты нервно постукивали о землю. Я приказал держать их под прицелом, вышел из-под навеса и приветствовал гостей надлежащим образом.

Шивару ответил мне, с трудом подбирая слова. Нет, он не извинялся. В языке улаш нет подходящих для этого слов. Он указал на стоявшего позади Черкеза и сказал:

— Вы хорошо обращались с нашими пленными.

— А что мы должны были с ними сделать? — усмехнулся я. — Съесть, что ли?

Черкез подошел и протянул ему кожаный мешок.

— Я принес вам подарок, — сказал Шивару и достал из мешка... голову Тилитура. — Мы вернем долг, а если вы дадите нам время, то мы готовы заплатить двойную цену.

Мне пришлось принять мешок с отрубленной головой. Не могу сказать, что после такого количества пролитой

крови я посчитал наказание предателя чрезмерным, но все же попытался дать понять: нам не нравятся такие дары.

— Но нам необходимо было восстановить свою честь в ваших глазах, — возразил туземец.

Я пригласил гостей на корабль разделить с нами трапезу, но Шивару отказался.

— Пока мы не выплатили долг полностью, нельзя злоупотреблять вашим гостеприимством, — объяснил он.

Я сказал:

— Торопиться особого смысла нет, поскольку мы улетаем, чтобы отвезти домой раненых.

Туземцы страшно расстроились, помня о своей вине. Пришлось мне успокаивать их: мол, скоро прилетит другой корабль. Мне очень хотелось узнать, что было причиной взрыва их агрессивности, но ситуация и без того была напряженной, и я промолчал.

Всю обратную дорогу к Земле мы проспорили, пытаясь понять причины происшедшей трагедии. Где была допущена ошибка? Почему всего через день туземцы пришли с повинной? Мы до сих пор так и не поняли этого.

Ван Рийн с довольным видом потер руки. Глаза его блестели.

— Ну, и до чего же додумались ваши парни? — спросил он.

Пер развел руками.

— Самую толковую идею высказал Уженков, — ответил он. — Туземцы поначалу подумали, что мы готовим базу для будущего вторжения, и решили уничтожить лагерь. Но затем они увидели, что мы используем в основном лишь парализующие лучи, не пытаем пленных, не пытаемся мстить за убитых — и поняли свою ошибку.

— Хм-м... неглупо, — заметил торговец, попыхивая трубкой. — Похоже, у вас другое мнение, Мануэль.

— Долг не позволяет мне противоречить моему капитану, сеньор.

— Почему же вы тогда не выполнили его приказ там, на Каине? Выходит, там вы позволяли себе иметь особое мнение? Говорите, черт побери!

— Если сеньор настаивает... — растерянно сказал Мануэль. — Я не ученый и вообще человек не очень образованный, но... Но мне кажется, что я понимаю миллиан. Они немногим отличаются от туземцев с других планет, с которыми я воевал, будучи наемником.

— Как это?

— Понимаете, сеньор, каиниты всю свою жизнь смотрят смерти в лицо. Для того чтобы выжить, им прежде всего необходима храбрость и сила. Они долго наблюдали за нами со стороны и решили, что у нас, землян, нет ни того ни другого. Действительно, мы постоянно полагаемся на мощь машин и оружия, ночью практически слепнем, на охоту не ходим, питаясь большей частью привезенными с собой продуктами. Понятно, что они стали презирать нас, считать менее развитыми, чем даже рабы-лугалы. А на животных туземцы привыкли охотиться, используя при этом все методы, включая хитрость. Когда же мы дали им отпор в бою, то миллиане вновь признали нас равными себе и начали мирные переговоры.

Ван Рийн с шумом выдохнул облачко дыма.

— Еще более неглупо, — сказал он. — Есть еще какие-то мнения?

— Нет, сэр, — ответил Пер. — Это две наши основные точки зрения.

Ван Рийн внезапно расхохотался:

— Все это чушь, господа, совершеннейшая чушь! Усаживайтесь поудобнее, друзья, налейте еще по стакану бодрящих напитков по вашему вкусу и приготовьтесь выслушать разгадку.

Гарри помрачнел — видимо, ему было обидно за сына.

— Прошу прощения, сэр, — резко сказал он. — Вынужден напомнить: вы на Каине не были ни разу.

— Во плоти и крови, конечно, не был, — добродушно возразил ван Рийн и указал на свой объемистый живот. — Здесь слишком много того и другого, чтобы ныне покидать это уютное кресло. Но на Каине я все же побывал — вернее, там мысленно побывал мой старый мозг. Он, конечно, порядком проржавел и пропитался алкоголем, но все же хранит столько информации о Вселенной, сколько нет во всех компьютерах развитых миров. Что бы ни произошло с моими кораблями, я всегда могу вспомнить подобные случаи: на Ксаваду, Дубаирре, Тамене... словом, где угодно. Точных аналогов, как правило, не существует, но всегда можно из толстой связки хитроумных отмычек подобрать нужную. Но главный мой ключ — удивительный ключ — это логика. Логика ван Рийна!

Торговец замолчал, очень довольный собой. Он явно ждал, что мы начнем уговаривать его поделиться своими секретами, но мы с Гарри вместо этого наполнили свои стаканы. Ван Рийн тяжело вздохнул, умоляюще глядя на нас. Мы молча пили виски. Торговец рассмеялся, видимо, решив проявить свой характер в другой раз.

— Ладно, так и быть, расскажу вам, — согласился он. — Только коротко, поскольку близится обед — если только кухня не провалилась в ад. Ключом всей проблемы для меня оказались лугалы. Вы называли их рабами, и в этом была ваша главная ошибка. Они не рабы, а домашние животные!

Пер вздрогнул.

— Не может быть! — запротестовал он. — Они говорят на местном наречии, и...

— Да, да. Я готов даже поверить, что они знают высшую математику. И все же это только хорошо прирученные животные. Что такое раб? Человек, вынужденный выполнять приказания своего хозяина под страхом наказания. Гарри давеча говорил, что не стал бы доверять рабу оружие, и я с ним согласен. Ибо человеческая история полна восстаниями рабов, бегством рабов, убийством рабами жестоких хозяев и так далее. Но зато вы, Гарри, спокойно доверяете своих

детей могучим мастиффам, у которых оружием служат острые клыки! Вот где разница. Раб может повиноваться, а может и восстать. Перед собакой такая проблема не стоит. Ее гены запрещают поступать иначе.

Вы сами упоминали о том, что миллиане в течение тысячелетий выращивали лугалов, целенаправленно изменяя их наследственность, пока они не превратились в новый вид. Так оно и должно было быть. Если бы лугалы были не животными, а рабами, то им тоже не доверяли бы. Но это еще не все. То, что вы рассказали, доказывает, что миллиане также являются животными, только дикими! Их можно уподобить тиграм или буйволам. Долгие века они использовали лугалов для грязной работы, до того, как те стали полностью разумными. Готов биться об заклад, что миллиане выращивали их, как муравьи — тлей. Вспомните, вы не видели ни одного лугала, не зависящего от своего хозяина. Как нет чувства стадности у миллиан, так нет свободной воли у лугалов.

Это на корню разрушает вашу гипотезу о страхе перед вторжением. Не способные сами к длительным и сложным коллективным действиям, они не могут вообразить себе армию противника, а следовательно, и вторжения. Что же касается вашей теории, Мануэль, то здесь тоже концы с концами не сходятся. Наверняка миллиане также не все одинаково сильны и храбры, но бесконечных войн и схваток между ними тем не менее не происходит. А все потому, что они считают друг друга равными.

Так что же произошло на самом деле? Когда люди высадились на планете, то миллиане, естественно, посчитали их равными себе. Возможно, они даже приняли машины за ваших слуг. Но однажды они узнали, что люди подчиняются приказам своего командира! Как такое может быть? Ни один миллианин не подчинится приказу другого миллианина. Ха! Выходит, чужеземцы — лугалы особого рода. За исключением Пера, конечно — ведь все приказы исходят от него. Что же касается его помощников, скажем, Мануэля — то это

всего лишь старшие лугалы. А когда Пер упомянул о Боге... — Ван Рийн с раздражением перекрестился. — Я не богохульствую, — продолжал он, — но все же для большинства людей, кроме глубоко верующих, Бог — это некий символ. Мы охотно готовы выполнять его волю, когда это не противоречит нашим интересам, но в глубине души надеемся, что он закроет глаза на наши так называемые человеческие слабости: гнев, гордыню, обжорство, похоть и все прочее, что делает жизнь привлекательной.

Пер сказал о Боге как о верховном господине. Но это означало с точки зрения миллиан, что и сам Пер — лугал! Никто из них не потерпел бы над собой хозяина. Не случайно у них нет религий — хотя у лугалов, судя по всему, она имеется.

Встревоженный Шивару попытался узнать у Пера, где же хозяева людей. Оказалось, что их не было! Можете себе представить, как были встревожены миллиане. Известно, что и собаки порой срываются с цепи. Несомненно, и на Каине случалось, что лугалы набрасывались на своих хозяев и убивали их. Ваше могущество было очевидно, и это вызывало у туземцев еще большие опасения. Вероятно, они решили: эта порода лугалов сошла с ума и истребила своих хозяев. Итак, чтобы вы предприняли, друзья, если бы узнали, что по соседству расположилась стая бешеных собак, убивающих» людей? То-то.

Ван Рийн опустошил с удовлетворенным видом очередную кружку пива. Некоторое время все молчали, размышляя над его словами.

— Ваше объяснение кажется мне несколько натянутым, — с сомнением сказал Гарри.

— Нет, — возразил Пер, покраснев от возбуждения. — Все сходится! Фримен ван Рийн выразил словами то, что я интуитивно чувствовал. Шивару мне казался прямодушным и честным, он не был способен на коварство и предательство! Но мыслил он совершенно иначе, и мы часто не понимали друг друга. Это и стало причиной трагедии...

— Итак, миллиане дружно решили, что вы сумасшедшие лугалы и вас необходимо изгнать или уничтожить, — продолжил ван Рийн. — Прямой атакой это сделать не удалось, и тогда они попытались использовать для этого пленников. Но Мануэль смешал их карты.

— Но почему они так резко изменили свое мнение о нас? — недоуменно спросил Пер.

— Вам просто повезло. Миллиане стали свидетелем того, что ты отдал приказ, а твои люди не подчинились ему. Это было невозможно! Лугалы могут сойти с ума, могут убить своего хозяина, но их природа не позволяет не выполнить приказа. К тому же вы сохранили жизнь пленникам — безумные лугалы так бы не поступили. Следовательно, вы не могли быть домашними животными, здоровыми или больными. Выходит, вы — дикие животные! Мозг каинита примитивен, но не лишен здравого смысла. Если вы не лугалы, то тогда вы — миллиане.

Поняв это, Шивару решил, что поступил с вами несправедливо. В глубине души он чувствовал себя ответственным за все произошедшее. К тому же он не хотел упускать выгоду от торговли с вами. Шивару убедил в этом других миллиан и попытался исправить содеянное.

Ван Рийн вновь потер руки.

— О-хо-хо, какими отличными партнерами они будут для нас.

Некоторое время мы сидели, обсуждая стратегию дальнейшей торговли на Каине, пока дворецкий не пригласил нас к обеденному столу. Мануэль помог Перу встать.

— Мы как следует проинструктируем тех, кто отправится на Каин, — сказал Пер. — Надо доказать им, что мы — люди, а не дикие животные.

Мануэль вежливо возразил:

— Простите, капитан, но мы на самом деле дикие животные!

Ван Рийн остановился возле двери и задумчиво взглянул на нас.

— Нет, — проворчал он, — не все, а только лучшие из нас.

— Как это? — удивился Гарри.

— Потому что такие люди, как мы, поступают так или иначе по собственному разумению, — ответил ван Рийн. — Мы все обсудили и приняли разумное решение. Сами приняли! А сколько людей в душе являются домашними животными? Они хотят, чтобы ими кто-то руководил, чтобы кто-то заботился об их нуждах и защищал от других и даже от самих себя. Почему все подлинно свободные человеческие общества оказываются столь недолговечными? Не потому ли, что так мало рождается людей, подобных диким животным?

Ван Рийн подошел к прозрачной стене и указал на город, окутанный облаком смога:

— По-вашему, эти лугалы свободны? — презрительно воскликнул он.

МЕЛКАЯ ПОДРОБНОСТЬ

Эту планету нашли во время первой Великой Разведки. Вскоре после появления отчета туда отправилась экспедиция, ибо подобное казалось невозможным.

Планета облетала солнце класса G9 по орбите радиусом в три астрономические единицы, получая в восемнадцать раз меньшую плотность излучения, чем Земля. Эти и некоторые прочие (например — сильное магнитное поле) условия должны были сформировать планету субъюпитерианского[97] типа, что, в общем-то, и подтвердилось — она была в пятнадцать раз тяжелее Земли. Однако практически вся эта масса приходилась на твердое вещество, атмосфера здешняя оказалась всего лишь раза в полтора плотнее земной и вполне годилась для дыхания.

— Кто спер отсюда весь водород? — стало дежурной шуткой исследовательской группы. Считается, что у больших планет в химическом составе преобладают водород и гелий. На Парадоксе, как ее неофициально называли, сохранившийся гелий составлял примерно восемь процентов атмосферы. Это создавало некоторые технические трудности, требовавшие решения прежде, чем кто-либо осмелится на посадку. Однако люди все же должны были высадиться, ведь перед ними стояла такая восхитительно-сложная загадка.

Практически круглый океан подсказал, а изучение его дна вроде бы и подтвердило ответ. Вначале Парадокс был вполне обычной планетой с четырьмя спутниками, вот только самый большой из них (возможно — захваченный астероид) имел вытянутую орбиту. Наконец, из-за возмущений он стал цеплять за верхние слои атмосферы, которая в

[97] Т. е. меньше Юпитера, типа Сатурна, Урана, Нептуна.

то время простиралась за предел Роша[98]. С каждым все более и более низким прохождением ударной волной в космос выносило огромное количество газа, в основном легких молекул.

Разрушение спутника ускорило и усилило этот процесс, увеличив поверхность вращающихся тел. Потом все осколки упали практически одновременно и создали эту огромную космическую загадку. Возможно, испарившиеся из руды и раскаленным туманом, разбрызганные по половине планеты атомы металлов соединились с остатками водорода, если таковые имелись.

Как бы то ни было, после этого в атмосфере Парадокса остались только вещества, не игравшие прежде большой роли, — двуокись углерода, водяные пары, метан, аммиак и прочее в этом роде. Если не говорить о небольшом количестве гелия, планета стала похожа на молодую Землю. Она получала меньше тепла и света, но, благодаря парниковому эффекту, большая часть ее воды осталась жидкой. С развитием жизни появился фотосинтез, и постепенно воздух превратился в кислородно-азотную смесь, характерную для террестроидных планет.

Гелий оказал довольно интересное воздействие на биологию, но и этим никто особо не заинтересовался. Как-никак, гипердрайв открыл путь к нескончаемым чудесам, а разведчики обычно выбирали самые из них эффектные. Парадокс лежал в сотне парсеков от Солнца. До многих тысяч миров добраться было легче, на многих из них жилось приятнее и безопаснее. Экспедиция улетела, а последователей не воспоследовало.

Вначале она ненадолго посетила соседнюю звезду, где на одной из планет разумные существа развили многообещающий набор цивилизаций. Но таких и рядом с домом хватало.

---

[98] Минимальное от центрального тела расстояние, на котором может двигаться спутник, не подвергаясь опасности быть разорванным приливными силами.

За эрой научных исследований последовала эра коммерческой экспансии. В секторе начали появляться торговцы. На Парадокс они внимания не обратили — доходов там не предвиделось, — но населенную планету соседней системы исследовали. На языке самой развитой из местных цивилизаций планета называлась «Триллия», что и стало ее названием на латыни Лиги. После прилета людей туземцы, чья техника находилась на уровне первой промышленной революции, прямо загорелись желанием приобщиться к чудесам современности.

К сожалению, очень немногие их товары могли найти спрос на других планетах; кроме того, даже по меркам Торгово-технической Лиги они. жили у черта на рогах. Из-за очаровательных произведений искусства на Триллию изредка заезжали, но лишь тогда, когда крюк получался не очень большим. Заодно это позволяло послеживать за туземцами. Не имея средств, чтобы покупать у Технической цивилизации необходимые устройства, они начали изобретать все сами.

Наружной двери не было, ее заменяли раздвинутые Брайсом Харкером и вновь сошедшиеся за его спиной цветущие, пряно пахнущие лианы. Комнату заливал золотистый солнечный свет, косо проникающий сквозь прорезанные в округлой стене стрельчатые окна; мебели на деревянном полу было совсем немного, только несколько стульев да низкий столик с кристаллом горного хрусталя причудливой формы. По триллианским стандартам потолки считались высокими, но Харкеру, с его средним для человека ростом, приходилось пригибаться.

Витвит выбежал из соседней комнаты, отложил в сторону томик стихов, который только что читал, и пропищал:

— О, добро пожаловать, милый человек, — О-ооо!

На него смотрел ствол бластера.

— Стой на месте, — осклабился Брайс. Висевший на его груди вокалайзер превратил эти слова в высокие, певучие

звуки ленидельского языка. Однако ни словаря, ни грамматики устройство не меняло. Харкер точно знал: опустив без извинений все витиевато-вежливые формулы общения, он наносит собеседнику смертельное оскорбление.

Этого он и хотел.

— Мой… мой… мой дорогой друг из почитаемого Солнечного Содружества, — запинаясь, начал Витвит, — наверное, это… это, наверное, шутка, которую мне, простому пилоту, не понять. Я с радостью посмеюсь, если ты этого хочешь, а потом — мы… мы выпьем чаю с пирожными. У меня есть настоящий «лапсан сучон» с Земли, и совсем недавно я нашел изумительный рецепт пирожных…

— Тихо! — рявкнул Харкер. Его взгляд скользнул по окнам. Всю землю между красноватыми стволами деревьев устилал фейерверочной яркости ковер из цветов, в воздухе трепетали маленькие, пестрые крылья; вдали слышался шум водопада, звенящего подобно стеклянным колокольчикам. Аннанна, как и большинство городов Ленидела, основного государства Триллии, раскинулась в зелени лесов и парков. Несмотря на это, здесь жило порядка двух миллионов триллианцев, и все они были при деле. По небу летело три самолета. В любой момент какой-либо прохожий или велосипедист, появившийся на Тропинке Прекрасных Цветов И Моста, Изгибающегося, Словно Музыкальная Нота, мог задаться вопросом, с чего бы эти двое застыли в таком напряжении дома 1337.

Витвит окинул взглядом комбинезон и обувь Брайса, сверток за его плечами, резкие черты худого лица, черный глазок ствола. Слезы затуманили его большие синие глаза.

— Я чувствую, что вы ввязались в какое-то отчаянное предприятие, которое наносит ущерб вашей внутренней, все еще, по моему мнению, существующей доброте, — дрожащим голосом произнес триллианец. — Могу ли я просить о чести получить милостивое соизволение помочь вам в вашей беде?

Харкер зло сощурился, глядя на триллианца. «Интересно, а все-таки что мы знаем об этой породе? Паршивый нечеловек — хотя до сих пор я не имел ничего против его существования». В ушах у него стучало, тело покрылось потом, в пересохшем рту стоял противный, какой-то ватный привкус.

Хотя чего, собственно, было бояться? Пленник выглядел совершенно беспомощным. Витвит был двуногим прямоходящим, но в его неуклюжем теле от разлапистых ступней до больших, похожих на раковины ушей едва ли набирался метр. На каждой из двух тонких, как палки, рук — по четыре жалких, напоминающих соломинки пальца. Шарообразная голова, короткая, тупая морда с влажным черным носом, крошечным ртом, дрожащими усами и мохнатыми, косо посаженными бровями. Подобная внешность, вкупе с хвостом и покрывающим все тело серебристо-серым мехом, дали Олафсону повод заметить, что единственная опасность, исходящая от данной расы, — они такие хорошенькие, что от этого может вытошнить.

На Витвите не было ничего, кроме прихотливо расшитого кимоно с розовым кушаком, завязанным бантиком. Оружие отсутствовало — да и знал ли он вообще, что с тем оружием делают. Триллианцы всеядны, но, казалось, не проходили через стадию охоты в своей эволюции. Войн у них небывало, а насилие против личности ограничивалось нечастыми драками.

«Но тем не менее, — думал Харкер, — у них хватило мозгов, чтобы выбраться в глубокий космос. Осмелюсь заметить, что даже невооруженный полицейский — Блюститель Вежливости — может использовать свою машину против нас как таран. Торопись!»

— Слушай, — сказал он. — Слушай внимательно. Ты, конечно, слышал, что у большинства разумных существ встречаются представители, которые ничуть не гнушаются использовать грубую силу и убийство не только для самообороны.

Витвит утвердительно махнул хвостом:

— Я до глубины души поражен этим фактом, учитывая, что он затрагивает расы, чьи достижения превосходят все возможные похвалы. Однако не только я со своими скромными умственными способностями, но и самые выдающиеся наши мыслители тщетно пытались понять...

— Заткни хайло! — Вокалайзер издал бессмысленные звуки; сообразив, что закричал по-английски, Харкер снова перешел на ленидельский. — Предлагаю не терять, времени. Мои партнеры и я только притворяемся, что прилетели сюда для торговли; на самом деле мы хотим получить триллианский космический корабль. Проект настолько важен, что при необходимости мы будем убивать. Только попробуй помешать, мгновенно превратишься в кучку липкого пепла, за мной не заржавеет. Ты — не единственный, через кого мы можем действовать, есть и другие пилоты, так что не воображай, будто, пожертвовав собой, ты сможешь нас остановить. С другой стороны, ты — самый удобный вариант. Слушайся — и будешь жить. Нам ни к чему тебя убивать. — Он помедлил. — Мы даже можем отправить тебя домой с приличной суммой денег. Нам это будет по карману.

Вставшая дыбом шерсть Витвита произвела бы потрясающее впечатление на другого триллианца, на взгляд же Харкера, он просто превратился в пушистый шарик, обтянутый кимоно, размахивающий хвостом и испускающий негодующие рулады:

— Но это же сумасшествие... если я могу так выразиться об уважаемом госте... Наш неуклюжий, громыхающий, хрупкий, ненадежный, примитивный корабль, когда вы прилетели на судне, отражающем столетия развития? Зачем, зачем, зачем, во имя всего святого, зачем?

— Потом узнаешь, — неопределенно пообещал Харкер. — Ты завтра должен лететь в обычный рейс снабжения на базу Гвинсай, правильно? Сегодня днем ты поднимешься на борт, чтобы сделать последний осмотр и подготовиться к старту. Мы пойдем с тобой. Ты должен отправиться через

час, а значит, вещи уже сложены. Видишь, я не зря добивался твоей дружбы. Так, а теперь медленно иди передо мной, принеси сюда свой багаж и распакуй его, а я проверю, что там у тебя есть. Потом выходим.

Витвит еще раз посмотрел в черный глазок бластера. По его телу пробежала дрожь, встопорщенная шерсть жалко обвисла; волоча по полу хвост, он пошел во внутренние комнаты.

Завидев своего главаря, сопровождаемого уныло плетущимся триллианским пилотом, приземистый Лео Долгоров и пепельный блондин Эйнар Олафсон облегченно вздохнули и хором выругались.

— Чего так долго? — поинтересовался первый. — Спал ты там, что ли?

— Нет, он просто ввязался с этим типом в соревнование по расшаркиванию ножкой, поклонам и умащиванию друг друга елеем, — нехорошо ухмыльнулся Олафсон.

— Проблемы? — спросил Харкер.

— Н-нет... трое или четверо прохожих остановились поговорить — мы рассказали им легенду, и они отстали, — сказал Долгоров. Харкер кивнул. Он долго думал, как его охранникам объяснить свое присутствие здесь — они-де собирались нанести Витвиту визит, но ждали, пока личный друг пилота, Харкер, сделает ему подарок. Ложь должна быть правдоподобной, а триллианский разум отличается от человеческого.

— Правда, все висело на волоске, — начал Олафсон, но тут же смолк, заметив выехавшего из-за поворота и тут же разразившегося целой трелью цветистый приветствий велосипедиста.

Разговор становился неизбежным. Сейчас в Витвита никто не тыкал бластером, но в каждой кобуре рядом с его головой оружие было наготове. (Харкер и его приятели приложили массу усилий, убеждая всех и каждого, что ношение оружия — мирный, но высоко символичный обычай в их части Технического сообщества и что без оружия они будут

чувствовать себя еще хуже, чем бритый триллианец.) Насколько понял до предела напрягшийся Харкер, ответ пилота был вполне обычным. Но, видимо, что-то в его интонациях выдавало некую потерянность, и велосипедист остановился.

— Ты чувствуешь себя вполне превосходно, дорогой друг? — спросил он.

— Конечно же, наипочтеннейший Пвидди, и все мои мысли полны глубочайшей признательности за твою постоянную дружескую заботливость, — ответил Витвит. — Я... э, эти добрые гости, принадлежащие великолепной культуре покорителей звезд, делились со мной опытом — о, я просто обязан рассказать тебе об этом позже, дорогой друг! — и, естественно, меня это погрузило в раздумья, ведь вскоре я отправляюсь в новое путешествие. — Руки, хвост и усы говорящего непрерывно двигались. «Что означают эти жесты? — холодея от ужаса думал Харкер, но затем стиснул зубы. — Кто не рискует, тот не пьет шампанского». — Нижайше прошу простить меня, что я убегаю после столь непродолжительной беседы. Но у меня есть обязательства, требующие выполнения, и до того, как я лягу спать, мне много еще надо проехать.

— Понятно. — Потратив всего какие-то пять минут на то, чтобы раскланяться со всеми, Пвидди укатил. За это время мимо прошло еще несколько триллианцев, однако ни один воспитанный человек не вмешивается в чужой разговор, даже для приветствия, поэтому проблем они не создали.

— Пошли, — прохрипел Долгоров.

За маленьким домиком с островерхой крышей располагалась беседка, а в ней — личный флиттер Витвита, машина большая и роскошная — достаточно большая, чтобы три человека могли втиснуться на задние сиденья, что тоже было частью плана Харкера. Аэрокар, использовавшийся людьми во время их пребывания на Триллии, имел чересчур инопланетный вид, и его бросили.

— Заводи! — Долгоров ударил Витвита кулаком.

— Ты что, озверел? — схватил его за руку Олафсон. — Хочешь голову ему оторвать, что ли?

Витвит согнулся над приборной доской, крепко зажмурил глаза и дрожал, пока Харкер не пнул его в бок:

— Нечего падать в обморок.

— П-прошу прощения. Жестокость так потрясла меня, — Витвит весь сжался, услышав их хохот. Его пальцы двигали рычаги и нажимали кнопки. Управления жестами в световом поле здесь не знали, не говоря уж об автопилоте, получающем команды с голоса. Перегруженный флиттер карабкался в небо. Гравитационный двигатель била дрожь, но Харкер решил, что до космопорта эта калоша как-нибудь дотянет. А потом ничто не будет иметь значения, кроме отлета с планеты.

«Не то, чтобы это было плохое место», — думал он. Размер, тяготение, атмосфера, восхитительные на вкус виды жизни — все как на Земле, которой Земля перестала быть, а может, никогда и не была. Широкий горизонт, высокое небо, омываемое светом и дождем. Выглядывая наружу, он видел леса тысячи оттенков зеленого, луга, блеск рек, изредка — россыпи кукольных домиков, золотисто-коричневые поля спеющих хлебов и мягкую пышность цветоводческих ферм. Впереди поднималась белоснежная, как Фудзи, гора, главенствующая над ленидельским восходом луны. Солнце, более желтое, чем земное, окрашивало золотом и ее, и немногочисленные облака.

Мягкий мир для мягких людей. Слишком мягких.

Тем хуже. Для них.

К тому же, пожив здесь шесть месяцев, выросшая в городе троица готова была на стенку лезть от тоски. Харкер достал сигарету и глубоко затянулся, наполнив легкие едким дымом.

«А ведь мне почти хочется, чтобы там вышла какая-нибудь драчка», — с ненавистью подумал он.

Но ничего не случилось. Полгода тяжелой, терпеливой разведки сторицей себя окупили. Помогло и то, что

триллианцы — ну, нельзя даже сказать, что их служба безопасности работала спустя рукава, им просто и в голову не приходила ее необходимость. Витвит связался по радио с диспетчером, получил «добро» и направил флиттер через открытый грузовой люк прямо в трюм своего корабля.

Из построек Технической цивилизации порт напоминал разве что отдаленные и самые редко посещаемые аванпосты. Да и то сказать, триллианцы за пятьдесят лет прошли путь от винтовых самолетов до космических кораблей. Такая сосредоточенность на исследованиях и развитии шла неизбежно за счет снижения производства и эксплуатации. Немногие сделанные ими корабли являлись лишь экспериментальными моделями, для содержания нескольких созданных ими на соседних звездах научных баз хватало трех-четырех грузовых судов.

Сооруженный на высоком, продуваемом холодным ветром плато триллианский космопорт представлял собой железобетонный пятачок с парой зданий и башней диспетчера по краям. Сейчас здесь стояли два корабля. С одного, по случаю ремонта, была снята половина обшивки, рядом с ним суетились пушистые фигурки. В самом дальнем углу площадки толстой сигарой, расписанной веселенькими — розовыми и голубыми — растительными узорами, возвышался на своих посадочных опорах корабль Витвита. Размером не меньше, чем грузовик класса «Дромонд»; он брал, однако, меньше тысячи тонн полезной нагрузки. Все место съедали примитивные системы двигателей, управления и жизнеобеспечения.

— Желаю тебе очень-очень приятного путешествия, — раздался по радио, голос начальника порта. — Не окажешь ли ты мне честь, приняв приглашение отобедать? Моя жена, если мне позволят похвастаться, открыла замечательные кулинарные свойства некоторых водорослей с Гвинсая, а я, дорогой друг, хотел бы услышать твое мнение о новой стихотворной форме, с которой я сейчас экспериментирую.

— Нет... благодарю тебя, нет, невозможно, прошу прощения... — Трудно было сказать, дрожь в голосе Витвита была следствием страха или табачного дыма, заставлявшего его кашлять. Триллианец резко бросил флиттер в корабль.

Получив разрешение на взлет, «Безмятежность Уважаемого Философа Иттипу» поднялась в рассветное небо. Когда Триллия превратилась в уменьшающийся на фоне звезд сапфир с облачными прожилками, Харкер глубоко вздохнул:

— Теперь можно расслабиться.

— Где? — проворчал Олафсон. В единственной каюте три человека едва помещались. Спать им придется по очереди в коридоре, ведущем к двигательному отсеку. А путешествие обещало быть долгим, из-за хилого гипердрайва этот корабль полз с максимальной псевдоскоростью один световой год в сутки.

— Как же, мы можем любоваться прелестной настенной росписью. — Долгоров с ненавистью пнул покрытую сложным орнаментом переборку.

Витвит, поникший над приборной доской, дернулся, как от боли:

— Прошу вас, добрый, милостивый сэр, не царапайте произведение искусства.

— А тебе-то что? — спросил Долгоров. — Ведь ты на этой куче хлама все равно больше летать не будешь.

Витвит заломил руки:

— Все равно не надо их портить. Вдруг будущий хозяин их оценит? Я столько времени потратил, выписывая все до мельчайших деталей.

— Так вот почему у вас на кораблях летают по одному, — рассмеялся Олафсон. — Мне всегда казалось опрометчивым отсутствие хотя бы одного запасного пилота. Будь на борту два триллианца, они так поцапались бы насчет внутренней отделки, что дошли бы до состояния полной невменяемости.

— Что вы, нет, — чуть спокойнее возразил Витвит. — Обслуживающий персонал сведен до одного человека, потому

что на деле больше и не требуется. Межзвездный перелет осуществляется автоматически, а тот, кто находится на борту, занимается исключительно обслуживанием. Если этот единственный член экипажа пострадает во время полета, корабль сам встанет на орбиту вокруг планеты назначения, и на его борт поднимутся другие. Дополнительный экипаж лишь попусту займет место, необходимое для пассажиров. Я удивлен, что вы, сэр, со столь сильным интеллектом, столь долго изучая нашу практику межзвездных полетов, не знали...

— Да знал я, знал! — Олафсон взмахнул руками, насколько позволял потолок. — Стоит задать риторический вопрос, и сразу получаешь развернутый ответ.

— Могу ли я, в свою очередь, нижайше просить посвятить меня в причины, побудившие вас... отторгнуть... космический корабль, до смешного не соответствующий стандартам вашего, о, столь умудренного общества?

— Можешь. — Теперь, когда все уже было позади, Харкер пришел в великолепное расположение духа. Удалось. И вправду удалось. Он сел на мягко обитую, благоухающую палубу и закурил сигарету. Его потряхивало в такт гравитационному двигателю: неуклюжая система рассеивала энергию. Создаваемое ею тяготение волнообразно менялось.

— Полагаю, мы вполне можем назвать себя преступниками, — сказал он. — По-ленидельски это звучало несколько мягче. — Дома нам не остаться в живых, если кое-кто узнает о некоторых наших делах... Но мы никогда не получали с этого больших денег. А теперь — получим.

Продолжал он из чистого бахвальства:

— Ты знаешь, мы прилетели на Триллию полгода назад, на корабле, скупавшем произведения искусства. Мы привезли с собой кое-какие товары и объявили о своем намерении осесть здесь на время, чтобы выяснить возможности создания постоянной торговой точки и регулярных челночных рейсов на какую-нибудь из технологических планет. Так считал и капитан корабля. Он отговаривал нас, убеждал,

что дело не выгорит, и мы просто застрянем на Триллии, пока рядом не окажется очередной корабль Лиги, а вряд ли это случится раньше, чем через год. Но мы продолжали настаивать и заплатили за проезд, так что он просто пожал плечами. — Харкер тоже пожал плечами.

— Ты мне это рассказывал, — проговорил Витвит. — Я был неимоверно восхищен вашей, как мне казалось, дружбой.

— Мне нравится твое общество, — улыбнулся Харкер. — Ты вообще ничего медвежонок... В основном мы взялись за тебя, выяснив, насколько ты подходишь для наших целей: постоянный пилот транспортника, холостяк — не будет проблем с семьей, трепло, из которого можно выкачать любую необходимую информацию. Похоже, мы оказались правы.

— Хотелось бы надеяться, — мрачно добавил Долгоров. — Эти товары стоили нам всех денег, которые мы могли наскрести вместе. Я вкалывал два года кряду и жил как монах, чтобы внести свою долю.

— А теперь мы будем жить как факиры, — сказал Олафсон. — Но потом — потом!

— Очевидно, вашей целью был триллианский корабль, — вежливо вставил Витвит. — И это меня поражает.

— Корабль как таковой нужен нам лишь для демонстрации, — ответил Харкер. — Нам нужны его планы, чертежи. Их легко будет составить, имея сам корабль и руководства по обслуживанию, находящиеся на борту.

Витвит повел ушами:

— Вы собираетесь опубликовать данные из научного интереса? Очевидно, что для существ, чьи предки летали на более совершенных моделях сотни лет назад, если они вообще летали на чем-то столь же грубом, — очевидно, что интереса нет никакого. Хотя... возможно, многие, по вашему мнению, заплатят за удовольствие наблюдать наши жалкие попытки? — Он развел руками. — Но ведь вы могли почти даром купить полное описание, или, наконец, можно было попросить меня, я был бы безмерно счастлив достать комплект и подарить его вам. — С робкой надеждой в голосе он

продолжил: — Как видишь, дорогой друг, решительные действия совсем необязательны. Давайте вернемся. Я сообщу, что вы остались на борту по ошибке...

Олафсон заржал, а Долгоров ответил:

— Даже ваши власти не могут быть настолько дурковатыми.

Харкер раздавил окурок о палубу (пилота передернуло) и неторопливо стал объяснять:

— Этот корабль нужен нам именно из-за своей примитивности. Когда первые люди вступили с вами в контакт, эра электроники у вас еще не началась. Они или кто-то позже привезли вам книги по физике. Потом ваши умные парни поняли теорию таких вещей, как контроль над гравитацией и гипердрайв. Но с инженерной практикой все обстояло несколько иначе.

Чертежей космических кораблей у вас не было, а когда наконец появилась возможность о них спросить, обнаружилось, что идеалистический период Технической цивилизации уже закончился и дело приходится иметь с крутыми ребятами. А назначенная цена намного превосходила ту сумму, которую вся планета могла набрать в валюте Лиги. И это была цена всего лишь чертежей, не говоря уж о самом корабле. Не знаю, известно ли это тебе лично — вообще, это не секрет, — но такова политика Лиги. Ее компании связаны соглашением.

Однако мешать кому-то самостоятельно выйти в космос они не собирались. Возьмем, к примеру, Триллию. Вы, скажем, в общих чертах узнали, что такое транзисторы. Но это не давало вам возможности их производить. Они, да и еще миллион разных необходимых вещей, требуют целого промышленного комплекса. Чтобы придумать и построить его с учетом неизбежных ошибок в процессе, потребуются минимум десятилетия, к тому же придется привлечь все население и жить в бедности, ведь весь капитал надо будет вкладывать в дело. Вы, триллианцы, были достаточно сообразительны, чтобы не платить такую цену. Вы решили

продвигаться медленнее. Но в то же время ваши ученые и любители приключений изнемогали от желания полететь в космос.

Я согласен, что и здесь вы поступили разумно. Вы поняли, что не можете сразу перейти от ранних двигателей внутреннего сгорания к совершенным космическим кораблям — к цельной системе, состоящей из термоядерной энергетической установки, полуразумных навигационных и инженерных компьютеров, полностью автономной системы жизнеобеспечения; и все это должно работать с использованием микросхем, переходов на молекулярном и ядерном уровнях и силовых полей, а не на разных там шестеренках и кривошипах. Боюсь, еще не одно ваше поколение не сможет построить подобное.

Но вы смогли продвинуться, создав огромные, неуклюжие, но работоспособные атомные реакторы. Для создания необходимых сил и управления ими вы использовали электронные лампы и километры проводов. Можно хранить данные на ленте, а не в молекулах, выводить их на экран кинескопа, а не с помощью квантово-полевого сканера, строить компьютеры на миниатюрных газонаполненных элементах, срабатывающих за микросекунды, а не на фотонных переходах, которым требуются на это наносекунды.

Вы похожи на островитян, не знавших ничего, кроме каноэ, пока мимо не проплыла атомная подводная лодка. Скопировать ее они не могли, но зато придумали поршневую паровую машину для вращения винта, приделали воздуховод, чтобы можно было погружаться — и готово. На чужих она, конечно, впечатления не произведет, но океан худобедно переплыть сможет, да и соседей в священный трепет повергнет.

Харкер прервался, чтобы перевести дыхание.

— Понятно, — медленно проговорил Витвит, подергивая хвостом. — Вы сможете продать наши изобретения софонтам, находящимся на протоиндустриальной стадии

технологического развития. Идея гениальная. Но почему просто не купить эти планы для перепродажи?

— Да все эта чертова Лига, лезет не в свое дело, — сплюнул Дол горов.

— Дело в том, — объяснил Олафсон, — что технологию постройки современных космических кораблей в свое время продали не очень современным людям. Некоторые из них даже не подошли к индустриализации, они были варварами железного века с единственной мыслью в башке — как бы что-нибудь завоевать и пограбить. Чем они и занялись, получив самопилотирующиеся, самообслуживающиеся и тому подобные корабли. Пограничным планетам это стоило жизней многих людей, да и материальный ущерб был не маленький. Однако по крайней мере до сих пор ни один варвар не мог скопировать такой корабль. Стоит отловить всех пиратов и воинствующих правителей — и все дела. Во всяком случае, Лига на это надеется. Она запретила подобную торговлю. — Он прочистил горло. — Я не говорю о расах, способных без посторонней помощи выйти в космос и к тому же не представляющих видимой угрозы. Вы можете покупать все, за что сможете заплатить. Цены на некоторые вещи столь велики лишь для того, чтобы вы не стали сразу конкурировать с давно образованными компаниями. Они предпочитают, когда новички постепенно вживаются в обстановку и под них можно подстроиться.

Но агрессивные, воинственные культуры, не заинтересованные в мирных соглашениях, — совсем другое дело. Категорически запрещено поставлять им что бы то ни было, способное помочь им выбраться за пределы своей планеты меньше, чем за сотни лет. Если агенты Лиги ловят кого-то на этом, они не сажают тебя в тюрьму для исправления, как это делает правительство, а просто пристреливают на месте.

Харкер скорчил гримасу.

— Однажды я видел телевизионное интервью, — заметил он. — Старина Ник ван Рийн сказал, что он бы таких

нарушителей вешал, а не расстреливал. Веревка-де, она многоразовая.

— А этот корабль можно скопировать, — выдохнул Витвит. — Под руководством нескольких инженеров высокоразвитой цивилизации существа с более низким, чем у нас, уровнем технологии за сравнительно короткое время смогут наладить производство модели, приспособленной для себя.

— Я обучался инженерному делу, — сказал Харкер. — Лео — тоже, а Эйнар провел несколько лет на планетке, где у одной королевской семейки были грандиозные амбиции.

— Но ведь начнется кошмар! — возопил триллианец. Он уставился на каменные лица людей. — Вы не осмелитесь вернуться домой, — сказал он.

— А мы и не собираемся, — возразил Харкер. — При дворе Воителей у нас будет власть, богатство и все, что к ним прилагается, в количествах больших, нежели можно истратить за всю жизнь. Развлечений тоже хватит. — Он улыбнулся. — Понимаешь, построить космический флот с нуля — это красивая задачка. Думаю, что такое занятие мне понравится.

— А... а Торгово-техническая Лига не примет меры?

— Вот потому мы так и действуем. Узнай они о продаже планов, так ведь не успокоятся, пока не прижмут к ногтю наш проект. Но кого же заинтересует пропавший нетехнический корабль, а наше место назначения далеко за пределами сферы их обычной деятельности. Никто ничего не заметит, пока не объявится такая большая межзвездная империя, с которой им не справиться. А мы по мере роста наших ресурсов и возможностей будем обновлять и промышленность, и флот.

— Все улажено, — сказал Олафсон. — Мы станем принцами, как только появимся на земле Воителей с обещанным кораблем.

— А потом — королями, — добавил Долгоров. — Ты, чужак, веди себя соответственно. Ты не шибко нам нужен. Я и вообще подумываю, не вышвырнуть ли тебя в шлюз.

Несколько минут Витвит молча дрожал.

«Безмятежность и т. д.» улетала от золотого солнца Триллии; в отличие от кораблей земных, она пока не могла перейти на гипердрайв из-за слишком сильного гравитационного поля.

Харкер провел это время, осматривая корабль сверху донизу. Он уже однажды видел подобный корабль, но не осмелился тогда попросить о столь подробной демонстрации, какой возжелал сейчас.

— Я хочу до конца разобраться в доставшемся нам чудище, — сказал он, лично собирая и разбирая вновь громоздкую систему регенерации воздуха. Такая возможность имелась, большая часть оборудования была продублирована на случай неожиданной поломки в полете. Среди контейнеров с грузом для исследовательской команды на Гвинсае он с удивлением обнаружил узкий цилиндр длиной в сто двадцать сантиметров.

— Ведь это курьер, построенный в Солнечной системе! — воскликнул Брайс.

Витвит энергично зажестикулировал, соглашаясь с ним. Он из кожи вон лез, чтобы угодить захватчикам.

— Для срочных сообщений, превосходный сэр, — пролепетал он. — Гипердрайв, автопилот, радио, по прибытии начинающее работать, пока кто-нибудь не возьмет вложенное письмо...

— Знаю, знаю. Но почему вы не построили их сами?

— Если вы соблаговолите вдуматься, то поймете, что все, построенное нами, оказалось бы слишком медленным и ненадежным, чтобы с хорошей вероятностью обеспечить получение помощи. Учтите к тому же, что вряд ли на Триллии окажется корабль, готовый к старту. Поэтому курьер, как можно видеть из программы, настроен на заметно большее расстояние — чтобы покрыть которое не требуется, однако, слишком много времени, ведь построенные вами устройства значительно быстрее — на планету, э-э-э, Оазис... Английское слово, означающее красивый, прохладный, освежающий приют, правильно?

Харкер нетерпеливо кивнул:

— Да, у одной из компаний Лиги там небольшая база.

— Мы договорились, что они по требованию вышлют помощь. За деньги, разумеется. Ведь для нашей бедной экономики даже такая смехотворная старая калоша, как эта, все же крупное вложение, и подстраховаться не мешает.

— Понятно. Я и не знал, что вы купили эти штуковины — не то, чтобы на них должны быть искусственно вздутые цены, они значат не больше пряностей или медицинского оборудования. Конечно, я не мог знать все подробности заранее, в особенности вещи, которые вы считаете настолько само собой разумеющимися, что даже и не упоминаете о них. — Харкер вдруг похлопал по круглой голове триллианца. — Знаешь, Витвит, а ты мне нравишься. Я прослежу, чтобы твоя помощь не осталась без награды.

— Достаточно проезда домой, — тихо сказал пилот, — хотя я и не знаю, как смогу показаться на глаза сородичам, став орудием, способствовавшим разрушениям и смерти миллионов невинных существ.

— Тогда не возвращайся, — предложил Харкер. — Все равно несколько лет мы не сможем тебя отпустить, а не то ты разболтаешь про наш план и координаты. Зато мы сможем, как и для себя, протащить на планету что пожелаешь и кого пожелаешь.

Маленькая фигурка выпрямилась, вынырнув из-под его ладони.

— Очень хорошо, объявил Витвит.

«Так быстро? — поразился Харкер. — Да, он не человек, но...» Его раздумья прервала последовавшая реплика:

— На самом деле, дорогой друг, я должен развеять твое заблуждение. Мы не покупали курьеры, а просто их подобрали.

— Что? Где?

— Ты когда-нибудь слышал о планете, названной земными первооткрывателями Парадокс?

Харкер порылся у себя в памяти. Перед отлетом с Земли он прочитал все записи, касающиеся окрестных звезд, какие только смог найти. Хотя людям это место известно было слабо, данных имелось дикое количество — солнца, миры...

— По-моему, да, — ответил он. — Большая такая, да? И еще атмосфера у нее какая-то дикая.

— Да, — быстро заговорил Витвит. — Это из-за нее Техническая цивилизация начала исследовать наш район. Но потом люди улетели. В последние годы, когда мы сами стали туда наведываться, мы нашли брошенный лагерь. Огромная масса оборудования, разработанного специально для Парадокса, там и осталась, ведь нигде больше оно не нужно, значит, и везти его никуда не стоит. Среди всего этого мы нашли и несколько курьеров. Думаю, их просто забыли. Ваша цивилизация может себе позволить расточительство, если я могу употребить это слово с должным уважением.

Он скрючился, будто ожидая удара. Его глаза блестели в полумраке трюма.

— Хм, — нахмурился Харкер. — Да вы, наверное, вычистили уже эту планетку.

— Нет, ничуть, — Витвит нервно пригладил взъерошившуюся шерсть. — Нам тоже не нужны тракторы, сконструированные на два и восемь g. На Парадоксе они могут работать хорошо и дешево, ведь потребляют они сырую нефть, а рядом с лагерем как раз обильные ее запасы. Но у нас уже были работающие от батарей гравитационные двигатели, хоть и устаревшие по вашим меркам. Да и оружие, служившее для защиты от животных, нам тоже совсем ни к чему. А колонизировать Парадокс у нас и в мыслях не было.

— Хм, — Харкер сделал жест рукой, будто отмахиваясь от надоедливого голоса. — Хм. — Он засунул руки в карманы и задумчиво побрел прочь.

После, прилично читая на ленидельском, он сверился со звездной лоцией. Статья о Парадоксе была краткой, будто из земной книги; несмотря на ограниченность поля своей деятельности, триллианцы встретили уже слишком много

миров, чтобы позволять себе пространные описания. Значились тип и координаты звезды, параметры орбиты, плотность, состав атмосферы, диапазон температур и прочая подобная информация. Не было ни слова о пригодности для жилья, да этого и не требовалось. Первооткрыватели не отравились и ничем не заболели, а у триллианцев обмен веществ почти такой же, как у людей.

Гравитационное поле не настолько сильное, чтобы помешать этому кораблю приземлиться, а потом взлететь. Погода тоже не должна помешать, если с должным тщанием выбрать дорогу, место там довольно спокойное. Кроме того, на худой конец можно затормозить об атмосферу, благо, корабль для этого предназначен, а Витвит — в своем роде умелый пилот...

Харкер обсудил свою идею с Олафсоном и Долгоровым.

— Это займет всего несколько дней, — говорил он, — а мы можем найти что-нибудь действительно стоящее. У меня всегда были серьезные сомнения в способности Воителей создать нормальную промышленную базу достаточно быстро; несколько подобных устройств, разработанных хорошими инженерами и к тому же легко копируемых, могут сильно улучшить дело.

— А вдруг там осталась одна ржавчина? — фыркнул Долгоров. — Уж больно давно было дело.

— Нет, тогда уже были доступны устойчивые сплавы, — возразил Олафсон. — По сути своей, Брайс, мне твое предложение нравится. Мне не нравится, что сажать нас будет наш ручной ксено. Он запросто может умышленно разбить корабль.

— Этот дрожащий сопляк? — усмехнулся Долгоров. Он повернулся к Витвиту. Тот сидел в кресле пилота, вытаращив глаза, и слушал разговор на незнакомом ему языке. — Только по случайности, учитывая, как он напуган.

— В конце путешествия на этот риск все равно придется идти, — напомнил им Харкер. — Дай риском-то это не назовешь, у корабля очень хорошие системы защиты. В любом

случае во время посадки я за ним буду следить, и пусть только попробует что-то сделать не так — убью на месте. Управление рассчитано не на меня, но я сумею снова взлететь, а после мы переделаем пульт.

— Попробовать стоит, — кивнул Олафсон. — Ведь мы теряем лишь немного времени и пота.

Большую часть обзорного экрана занимал огромный Парадокс, темный мир, каемка на линии восхода — краснее, чем у Земли, зубцы гор, торчащие из полярных шапок и зимних снежных равнин, тропический лес и пампа, с одной стороны заканчивающиеся пустыней, а с другой — яростным прибоем океана, над которым три луны вели войну за прилив. Солнце тусклее земного и маленькое на этом расстоянии, но все же слишком яркое, чтобы прямо на него смотреть. Весь остальной экран занимала безграничная тьма, заполненная звездами.

На борту было очень тихо, только урчали силовая установка и вентилятор да дышали и бродили по тесной кабине люди. Воздух посинел от сигаретного дыма; Витвит сбежал бы в коридор, но его оставили на месте прижимать к носу вымоченную в одеколоне салфетку.

Харкер откинулся от обзорного экрана. Даже при полном увеличении примитивная электронно-оптическая система давала очень смазанное изображение. Но, освоив ее, облетая раз за разом спутник, Харкер решил, что сумеет прочесть эти змеящиеся следы.

— Действительно, лагерь и машины, — сказал он. — Деталей не видно, все заросло кустарником. Витвит, когда ваши были здесь в последний раз?

— Несколько лет назад, — прохрипел триллианец. — Наверное, кусты быстро растут. Вы согласны, что посадка безопасна?

— Да. Может, сломаем пару веток да придавим уйму кустов, но последние сто метров пройдем медленно, не выключая радарного, сонарного и граварного обзоров. — Харкер

окинул взглядом своих людей. — Теперь надо рассчитать посадочную кривую, — сказал он, — но вначале я повторю, шаг за шагом, кто, при каких обстоятельствах и что будет делать. Я не собираюсь рисковать.

— О нет, — проскрипел Витвит. — Умоляю, дорогой друг, пожалуйста, не надо.

После напряженного полета приземление стало разрядкой. Разом замолчали все двигатели. Вокруг корабля свистел ветер. На экранах появились низкие толстые деревья с ажурными коричневыми листьями, рыжеватый подлесок; среди лиан и высоких раскачивающихся стеблей блестели металлические предметы.

Раннее вечернее солнце было почти пурпурным.

Через голову Витвита, сверяющегося с индикаторами, Харкер изучил приборную доску.

— Воздух, конечно же, пригоден для дыхания, — сказал пилот, — что освобождает нас от необходимости надевать эти пропотевшие старые скафандры. Разгерметизацию надо будет проводить постепенно, снаружи давление выше, чем здесь, а нам ведь не нужны больные уши? Температура... — он поежился. — Не забудьте, прежде чем выходить, закутаться с ног до головы.

— Ты выходишь первым, — сообщил ему Харкер.

— Что? О-о-о, дорогой, милый, хороший друг, нет, пожалуйста, нет! Там же холодно, почти мороз. А снаружи, без гравитационного генератора, вес утроится. Ну что я смогу такого сделать? Нет, позвольте мне остаться внутри, следить за домашним очагом — то есть, я хотел сказать, поддерживать температуру на должном уровне, — и я заварю вам самого замечательного чаю...

— Перестань трепыхаться и делай, что говорят, а не то голову оторву, — пригрозил Долгоров. — Угадай, что я сделаю с твоей шкурой?

— Давайте выбираться, — сказал Олафсон. — Я не больше вашего хочу торчать в этом Хельхейме[99].

Они чуть-чуть приоткрыли шлюз, и, пока воздух Парадокса просачивался внутрь, все, кроме Харкера, оделись так тепло, как это вообще было возможно. Тот собирался во время первых пробных выходов оставаться у пульта управления. К шуму ветра добавился свист втекающего газа. Из-за гелия звук получался неестественно высоким, и остаток путешествия придется с этим мириться, для замены воздуха на корабле не хватило бы запасных баллонов. Несмотря на отопление, сразу стало холодно, в ноздри ударил мерзкий запах чужой растительности.

---

[99] Хельхейм — в скандинавской мифологии — царство Хель, дочери Локи, обитель мертвых. На редкость холодное и несимпатичное место.

«Но ведь к странным звукам можно привыкнуть, — думал Харкер. — И пусть местные организмы воняют — они безобидны. Хоть ими и нельзя было питаться, но зато и здешние микробы не могли прижиться на вашем теле. Если здесь и требовалось серьезное оружие, так скорее против неповоротливых травоядный, нежели против тигров.

Что не исключало возможности использования этого оружия во вполне военных целях».

Дрожащий Витвит, укутанный в четыре кимоно, обернув хвостом лицо, с полуприкрытыми глазами подполз к служебному люку. Раскрылась внешняя створка, спустился трап. Харкер ухмылялся, глядя на крошечную фигурку, еле передвигающуюся под внезапно навалившейся тяжестью.

— Вы уверены, — спросил он компаньонов, — что сможете двигаться при таком тяготении?

— Конечно, — хмыкнул Долгоров. — Лишние полтораста килограмм. Да я в рюкзаке больше утащу, а ведь там хуже распределение веса.

— Все равно будьте осторожны. Очень легко упасть и переломать кости.

— Я больше беспокоюсь о сердечно-сосудистой системе, — сказал Олафсон. — Некоторое время три g выдержать можно, но не очень долго. Через стенки клеток начинает сочиться жидкость, сердце испытывает слишком большую нагрузку. А у нас, в отличие от первой экспедиции, нет с собой граванала.

— Мы пробудем здесь всего несколько дней, — сказал Харкер, — и у нас есть возможность отдыхать на борту.

— И то верно, — согласился Олафсон. — Вперед!

Сжав бластер, он пошел по трапу, за ним последовал Долгоров. Где-то внизу сжался в комочек Витвит. Харкер окинул взглядом блеклый, унылый пейзаж и, когда ветер дохнул холодом ему ъ лицо, обрадовался, что остается. Позже, конечно, придется выходить наружу, когда настанет его очередь, но сейчас он мог наслаждаться теплом и приличным тяготением...

Мир рванулся вверх и схватил его. Потеряв равновесие, Харкер свалился на палубу. Левая рука коснулась пола первой, и сквозь нахлынувшую боль он увидел, как ломаются запястье и предплечье. Он закричал, и из груди, борющейся с троекратной нагрузкой, вырвался слабый резкий звук. В тот же миг на корабле погасли все огни.

Витвит уселся на валун. Несмотря на возросший вес, спина его была прямой, и потому одежда, выделяющаяся цветным пятном на фоне темного леса, окружающего мертвый корабль, сидела на нем, будто на идоле какого-то божка правосудия. Высоко поднятый хвост весело трепетал на колючем вечернем ветру.

Триллианец посмотрел на три бластера, увидел страх, притаившийся в их глазах, и засмеялся.

— Уберите игрушки, а то поранитесь, — сказал Витвит, отбросив витиеватость и вежливость.

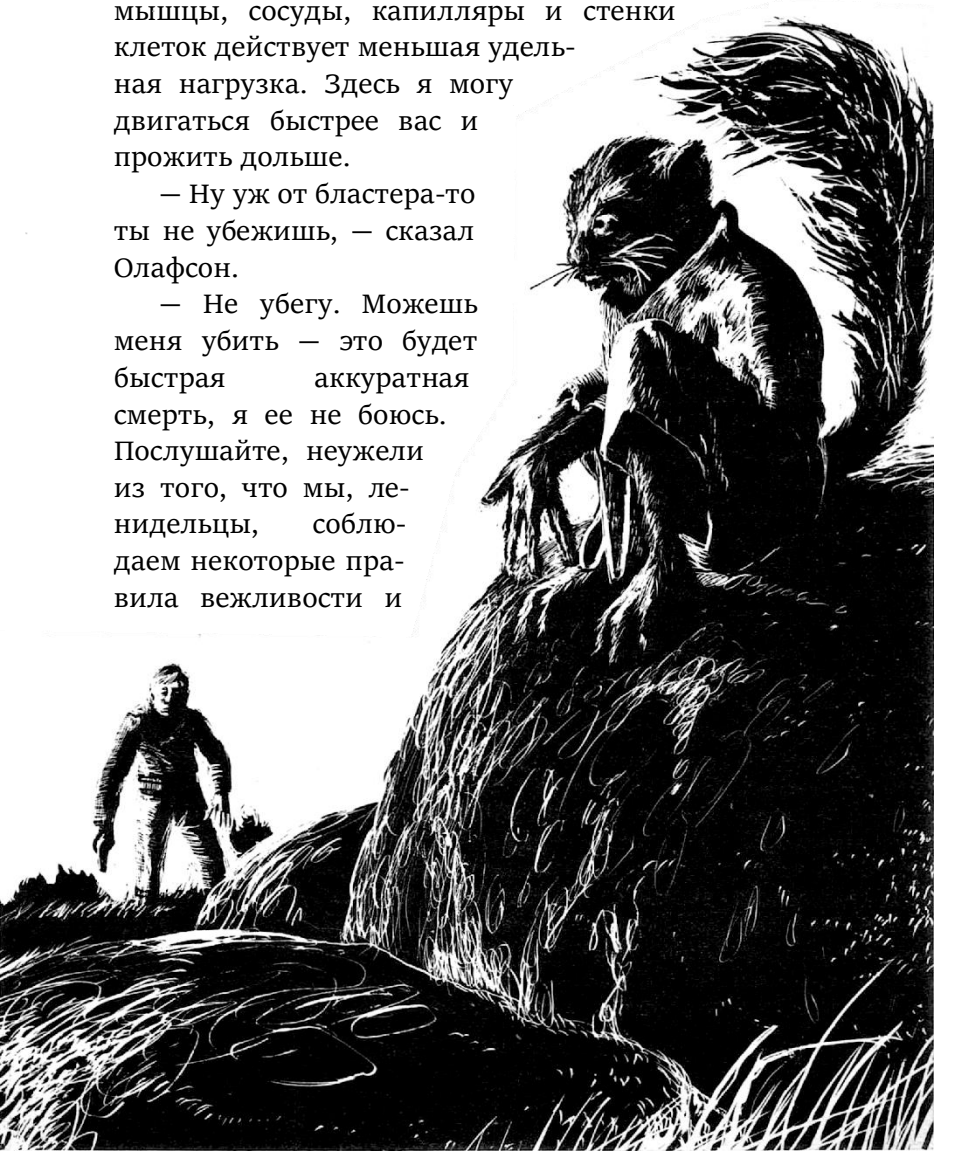

— Ублюдок, свинья, грязный, хитрый ксено, я убью тебя, — простонал Долгоров. — Медленно.

— Ну, для этого меня еще надо поймать, — возразил Витвит. — Мне повезло, я маленький, а значит, у меня отношение площади к объему больше, чем у вас. На мои кости, мышцы, сосуды, капилляры и стенки клеток действует меньшая удельная нагрузка. Здесь я могу двигаться быстрее вас и прожить дольше.

— Ну уж от бластера-то ты не убежишь, — сказал Олафсон.

— Не убегу. Можешь меня убить — это будет быстрая аккуратная смерть, я ее не боюсь. Послушайте, неужели из того, что мы, ленидельцы, соблюдаем некоторые правила вежливости и

используем в речи определенные обороты, а в наших мужчинах поощряется развитие эстетических интересов, нужно делать вывод, что мы трусливы и изнеженны? — Триллианец щелкнул языком. — Если вы так считали, то совершили элементарную логическую ошибку, называемую нашими философами «не следует».

— А почему бы нам тебя не убить?

— Очень не советую. Видите ли, единственная ваша надежда — быстрое появление здесь корабля Лиги. Курьер работает на интегральных схемах, так что запустится и отсюда. Добравшись до Оазиса, он вызовет корабль, который сможет приземлиться, а затем и взлететь с Парадокса... через некоторое время. Триллианскому судну это не под силу. Даже если какое-нибудь и готово к отправлению, сомневаюсь, что Астронавтический Сенат позволит пилоту рискнуть зайти на посадку.

Спасатели, естественно, будут задавать вопросы. Я не могу представить себе, чтобы любая история, которую ваша троица может состряпать, выдержала неизбежную последующую проверку. А я, с другой стороны, смогу объяснить агентам Лиги, что вы просто летели с целью выяснить возможности для торговли, и мы застряли на Парадоксе из-за ошибки автопилота, выведшего нас на посадочную кривую. Я смогу сделать это с подробностями, вам же этого не удастся. Они вернут нас всех на Триллию, а там нет смертной казни.

Витвит пригладил взъерошенные ветром усы.

— Ну и последний вариант, — закончил он. — Умереть прямо здесь, и очень неприятным образом.

Взмахом сломанной руки Харкер остановил разъяренного Долгорова, а затем подал пример, спрятав свой бластер в кобуру.

— Боюсь, ребята... нас перехитрили, — он с трудом выдавил из себя эти мерзкие слова. — Но что случилось? Почему сломался корабль?

— Атмосферный гелий, — спокойно объяснил Витвит. — Одноатомная молекула гелия очень мала, поэтому гелий просачивается практически через любой материал и очень быстро отравляет усилительные радиолампы, кенотроны, тиратроны и прочие подобные элементы. Вы привыкли к технологии, давно отказавшейся от подобных вещей, и не знали этого факта, он просто не приходил вам в голову. Мы, триллианцы, разумеется, довольно хорошо знакомы с этой проблемой. Я — первый, кто вообще ступил на Парадокс. Вы должны были заметить, что мой курьер — современной модели.

— Понятно, — пробормотал Олафсон.

— Чем быстрее мы отправим сообщение — тем лучше, — сказал Витвит. — Кстати, надеюсь, вы не настолько глупы, чтобы думать о пиратском захвате корабля Торгово-технической Лиги.

— Конечно, нет! — сказали все, включая Долгорова, и остальные два бластера были спрятаны подальше.

— Последний вопрос, — сказал Харкер. Какая-то часть его сознания недоумевала, уж не боль ли является причиной его ненормального самообладания. Противоядие от испуга? Будет ли он рыдать, когда оно кончится? — Ты покупаешь жизнь, обещая сохранить наши. А откуда мы знаем, подходят ли нам твои условия? Что с нами сделают на Триллии?

— Не бойтесь, — заверил его Витвит. — Мы не так мстительны, как некоторые другие виды, и в наших законах нет. понятия «исправление преступника». Правонарушители должны полностью возместить ущерб. Ваша компания обошлась моему народу в дорогой корабль и в ту часть груза, которую не удастся спасти. Вы должны будете предоставить технологические знания той же ценности. Условия работы будут вполне терпимыми. Возможно, вы успеете компенсировать ущерб и заслужить освобождение, еще не состарившись.

А теперь за дело. Сначала мы отправим курьер, а затем приготовим все необходимое, чтобы прожить до прибытия спасателей.

Он спрыгнул с камня, что никому из людей не удалось бы без ущерба для здоровья, и походкой завоевателя направился к ним сквозь сгущающиеся холодные сумерки.

Неуютно встречать Рождество в такой обстановке — далекий захолустный угол Плеяд, мерзлая планета, тускло освещаемая лучами крохотного красного солнца, город, пять тысяч лет назад — гордый и великий, но давно уже обратившийся в руины, а вокруг — дикость, запустение. И среди этих развалин — полдюжины людей.

— Нет, — твердо отрезал мастер-торговец Томас Овербек. — У нас слишком много дел, чтобы разбрасываться человеко-часами на всякую ерунду.

— Совсем не ерунда, сэр, — возразил стажер-подмастерье Хуан Эрнандес. — На Земле это считается важным. Вся ваша жизнь прошла в новых, необжитых местах — вот вы и не понимаете.

— Только что из школы, всего семь месяцев при деле — и у него хватает нахальства поучать меня, как вести лавку. — Лицо Овербека, крупного, высокого блондина, начало наливаться кровью. — Если ты уже усвоил все практические навыки, которым я должен тебя научить — можешь возвращаться хоть следующим рейсом.

— Извините, сэр. — Хуан смущенно потупился на исцарапанную крышку стола, за которым сидел мастер-торговец. — Я не хотел быть невежливым.

За окном виднелся безжизненно-стылый, окутанный багровым полумраком пейзаж с замшелым огрызком какой-то древней стены; на унылом, тоску наводящем фоне худощавый, темноволосый и большеглазый стажер выглядел даже моложе своих шестнадцати лет. Однако Овербек понимал — невзрачный этот подросток в плохо подогнанном комбинезоне соображает очень и очень хорошо, иначе ему просто не закончить бы Академию в таком возрасте. И работящий, прямо горит энтузиазмом. Лига торговала на

необъятных просторах, торговцам требовались все новые и новые люди, способных новичков постоянно недоставало.

Эти практические соображения плюс малая толика личной симпатии заставили хозяина чуть сбавить тон, теперь он не рычал уже, а скорее ворчал.

— Нет! Если ты и кто-нибудь там еще желаете провести небольшой религиозный обряд — кто же будет возражать. Но именно небольшой. Да и вообще, что это за праздник такой? Дата на хронометре — и только. На хронометре, установленном по земному времени! А на Айвенго, — он махнул сигарой в сторону мрачного заоконного пейзажа, — год на треть меньше, зато уж сутки в два с половиной раза длиннее. В довершение здесь сейчас лето — хотя, не закутавшись, из купола носа не высунешь. Видишь, Хуан, я не хуже тебя пользуюсь неотъемлемым своим правом повторять прописные истины.

И он оглушительно расхохотался. Температура в жилых помещениях поддерживалась нормальная, а давление — такое же, как снаружи, одна четверть атмосферы, поэтому все звуки разносились с непривычной гулкостью.

— Хочешь верь, хочешь нет, — закончил торговец, — но я знаком с рождественскими традициями, в том числе и с очень древними. Но если ты вознамерился разукрасить тут все и устроить хоровое пение «Джингл Беллз» — это будет смех один.

— С вашего позволения, сэр, — упрямо мотнул головой Хуан, — я хотел бы возразить. На Земле, в Южном полушарии этот праздник тоже приходится на лето, к тому же никто толком не знает, в какое время года родился Христос. — Прежде чем продолжить, он решительно сжал кулаки. — И я ведь не о себе пекусь, хотя и помню, как это делается у нас дома. Скоро прибывает корабль, и на нем, говорят, есть маленькие дети. Они попадут в совершенно незнакомую, даже пугающую обстановку. А если мы встретим их таким вот торжеством — освоятся гораздо быстрее.

— Хм-м.

Овербек на минуту смолк, он выпускал клуб дыма за клубом и задумчиво мял подбородок. Приходилось согласиться, что мальчишка прав.

Конечно, ото всей этой мелочи пузатой, не приходится ожидать ничего, кроме хлопот и неприятностей; Овербек заранее радовался, что очень скоро покинет Айвенго — еще несколько месяцев, и все задачи его группы будут выполнены. Но одной из этих задач было создание жизненных условий для тех людей, которые прилетят следующими, прилетят, чтобы поселиться здесь надолго. Чем скорее освоятся с новым местом дети, тем скорее их родители смогут полностью отдаться работе.

А это очень важно. До самого последнего времени здесь была только маленькая резервная база снабжения кораблей, попавших в затруднительное положение. Затем некий ботаник обнаружил среди пустынной растительности другого континента траву «адир». Адир рос исключительно в местных, естественных условиях, и он выделял вещества, на основе которых можно синтезировать несколько очень ценных продуктов. Говоря попросту, на этой планете росли деньги, нужно было их подобрать. Группе Овербека поручили организовать базу, вникнуть в местные обычаи, подружиться с туземцами, и пусть они убирают адир — в обмен на, фигурально говоря, зеркала и бусы.

Все было вроде в порядке — насколько можно судить, когда тебя окружают сплошные тайны и загадки. Пришло время перевести торговлю на прочную, регулярную основу. Но люди не подпишут контракты на долгое время, если не смогут привезти с собой свои семьи. И не выдержат здесь долго, если семьям не понравится местная обстановка.

А Том Овербек не получит свои кругленькие комиссионные, пока база не профункционирует — и успешно — пять стандартных лет.

— О'кей, — пожал плечами мастер-торговец. — Валяй, если это не будет слишком уж мешать работе.

Его до крайности поразило, с какой охотой Рам Гупта, Николай Сарычев, Мамору Ногучи и Филипп Файнберг ухватились за затею Хуана. Ребята, конечно же, молодые, но далеко уже не мальчики — и, что самое главное, даже не объединенные общей верой. Но они готовились к празднику дружно, с шутками и смехом. Комнаты и коридоры украсились игрушками, вырезанными из фольги, скрученными из цветных проводов, склеенными из бумаги; воздух заполнили дразнящие кухонные ароматы. Все насвистывали и напевали бессмертные, с детства запомнившиеся мотивы.

Овербека не огорчало это необычное веселье — производительность работы от него только росла; правда, он немного поспорил, когда появилась мысль украсить базу и снаружи, но быстро сдался.

Да и не до того ему было.

Через пару айвенговских дней после разговора Хуан встретил своего босса под открытым небом. Тот беседовал с Раффаком.

И купол, и склады выглядели необычно, даже неуместно ярко. За ними вздымались серые стены Дахии, увенчанные сторожевыми башнями с округлыми пузырями огневых точек.

Стены сохранились заметно лучше, чем здания опоясанного ими города. Теперешнее, сильно поредевшее население ютилось по углам и подвалам не совсем еще рассыпавшихся домов и храмов. Немногочисленные аристократы обосновались в маленьких замках, столь же немногочисленные жрецы исполняли свои ритуалы за портиками храмов — за портиками с каменными идолами вместо колонн. Длинные, извилистые улицы были усыпаны пылью и мусором. В центре города располагался императорский дворец, точнее — то, что от него осталось. Эти развалины столетиями разбирались на камни, теперь они лежали бесформенной, бессмысленной грудой.

Обитатели города отличались от людей значительно более спокойным нравом. Даже сидящие в хлипких ларьках

торговцы никогда не кричали, зазывая к себе покупателей. На мужчинах чаще всего были кожаные килты — и почти всегда оружие; женщины одевались в платья с зигзагообразными орнаментами. Богачи и армейские офицеры ездили верхом на животных, отдаленно напоминавших лошадей — лошадей с очень узкими мордами, покрытых не то мехом, не то чем-то вроде птичьего пуха. На копьях офицеров трепетали вымпелы с гербами давным-давно исчезнувших, утраченных провинций. Резкий ветер разносил стук копыт, топот ног, скрежет тележных колес, иногда — случайный вскрик или хриплый посвист флейты.

По человеческим меркам было холодно. Изо рта Овербека вырывались клубы пара, вырывались и быстро исчезали в сухом воздухе. Редкие, необычные запахи жгли ноздри. В темно-багровом небе висел тусклый красный диск солнца. Густые, непроглядные тени, все цвета — не те, неправильные, не такие, как на Земле.

— Мы встретили вас, как друзья, мы отвели вам место, мы помогали вам и трудом, и советами. — Слова Раффака, посланца Старейшин Города, звучали гулко и низко.

— Да, верно... и мы щедро вам заплатили, — ответил Овербек.

— Вы, в свою очередь, не должны лишать Дахию по праву принадлежащей ей доли богатства, которое принесет адир.

Четырехпалая рука с большим пальцем снаружи, а не внутри, как у человека, указала на циклопические ворота, за которыми начиналась поросшая тускло-зеленым кустарником равнина.

— И мы не просто хотим облегчить свою участь — это вы и так обещали. Когда-то Дахия возглавляла империю, простиравшуюся от моря и до моря. И хотя она сейчас лежит в руинах, мы, живущие здесь, храним память своих могучих предков, верно служим их богам. Так неужели дикари, бродящие по пустыне, исполнятся богатства и силы, в то время как мы, потомки их властелинов, будем прозябать в

слабости? А затем они затопчут эту последнюю искру славы и могущества? Нет, никогда!

— Кочевники считают пустыню своей, — напомнил Овербек. — И никто этого прежде не оспаривал.

— А теперь мы это оспариваем. Я пришел сообщить вам, что Дахия направила к Черным Шатрам послов. Они сообщат наше требование — Дахия должна получить свою долю урожая адира.

И Овербек, и потрясенный Хуан, не отрываясь смотрели на высокого, величественного — даже слишком высокого и величественного — туземца. Мощное, с длинными конечностями тело возвышалось бы на хороших два метра, не наклонись оно сейчас вперед. Мохнатый хвост хлестал по полусогнутым ногам. Темно-красный мех, окружавший плоское лицо, переходил в гриву. Носа на лице не было — его заменяли расположенные под нижней челюстью дыхательные щели, — но огромные глаза фосфоресцировали зеленым блеском, небольшие уши стояли прямо, напряженно, острые зубы зловеще сверкали.

У Овербека появилось ощущение, будто что-то придавливает его к земле, ему потребовалось усилие, чтобы собраться.

— Вы поступили неразумно, — бесстрастно сказал он. — Отношения между Дахией и кочевниками крайне неустойчивы, иногда они переходят в насилие. Разразись сейчас война — и не будет никакой торговли адиром. Дахия много потеряет.

— Материальные ценности — да, потеряет. Но не честь.

— Вы уже уронили свою честь своими же действиями. Вы знали, что мои люди заключили соглашение, с кочевниками. А теперь ваши Старейшины хотят изменить это соглашение, даже не поговорив с нами. — Овербек словно разрубил что-то ребром ладони — жест, обозначавший здесь гнев и решимость. — Я требую встречи с вашим Советом.

После непродолжительного спора Раффак согласился, назначил встречу на завтра и ушел. Овербек мрачно посмотрел ему вслед.

— Ну вот, Хуан, — вздохнул он. — Хороший тебе пример, какой непростой бывает наша работа.

— А эти племена, сэр, — поинтересовался мальчик, — они что, и вправду могут устроить неприятности?

— Надеюсь, нет. Хотя, — покачал головой Овербек, — что знаем мы, земляне, пробывшие здесь так недолго? Две различные культуры, каждая из них — со своей историей, своими верованиями, законами, обычаями, устремлениями — и обе они бесконечно далеки от культуры нашей.

— Ну и что же теперь будет?

— О, я думаю, кочевники начисто откажутся допустить на свою территорию сборщиков травы из Дахии. Тогда мне придется наново убеждать дахианцев, чтобы те позволили кочевникам доставлять урожай сюда. Вот так и получается, когда пытаешься склонить к сотрудничеству племена, разъединенные вековой враждой.

— А разве нельзя было организовать нашу базу в пустыне? — спросил Хуан.

— Всегда лучше иметь под рукой много рабочей силы, а кочевники — они не сидят на месте, — объяснил Овербек. — А кроме того... — На его жестком лице появилось нечто вроде смущения, — Конечно же, мы хотим получить свой доход, но ведь не грабить же этих бедняг. Дахия тоже выиграет от торговли адиром — будет получать таможенные пошлины, а заодно и улучшит отношения с кочевниками. Через какое-то время они смогут начать возрождение своей цивилизации. Это была великая цивилизация — пока ее не разрушили гражданские войны, а потом и нашествия варваров. — Он помолчал. — Только никогда не повторяй им мои слова.

— Но почему, сэр? Мне бы казалось...

— Тебе. А вот им так не покажется. И те и другие очень горды и вспыльчивы. Еще подумают, что мы им

покровительствуем, и оскорбятся. И проявят это чувство самым неприятным для нас образом. Или усмотрят в нашем поведении какой-нибудь подкоп под их воинскую доблесть или под их религию, или еще подо что-нибудь. Нет, — мрачно усмехнулся Овербек, — я изо всех сил старался поддерживать с ними прямые, простые отношения, отношения, не оставляющие места для ошибок и недопонимания. В глазах туземцев земляне — народ суровый, но справедливый. Мы пришли, чтобы заниматься торговлей, которая принесет нам — а также им — прибыль, и ни по какой иной причине. Хотят они, чтобы мы здесь остались — пусть создают для этого условия, пусть будут паиньками. Все совершенно ясно и — как я надеюсь — понятно любому из них. Может, они и не пылают к нам любовью, но ненависти тоже не испытывают и готовы делать с нами дела.

Хуан думал возразить, но не мог найти слов.

— Так чего ты там хотел? — спросил Овербек.

— Я хотел отпроситься в горы, сэр, — горячо заговорил стажер. — Вы знаете эти кристаллы, которые встречаются по хребту Уола? Вот я и подумал — здорово они будут смотреться на елке. А работу я уже закончил, — добавил он. — И займет это всего несколько часов, если мне дадут флиттер.

— В такое время, когда того и гляди начнется драка? — помрачнел его начальник. — Насколько я слышал, Черные Шатры сейчас как раз где-то там.

— Но вы же сами говорили, сэр, что не ожидаете насилия. Кроме того, никто из местных ничего против нас не имеет. И они уважают нашу силу, верно, ведь? Ну пожалуйста.

— Уважают. И я надеюсь сохранить в них это уважение. — Овербек на секунду задумался. — Ну ладно, пожалуй, и нету тут никакого риска. И, хм-м, землянин, отправляющийся так далеко в одиночку, — хорошая демонстрация уверенности в своих силах... О'кей, — решил он наконец. — Только возьми бластер. Будет опасность — стреляй, не задумываясь. Не то чтобы я ожидал заварушку — тогда бы я тебя

не отпустил, — но все-таки... — Он пожал плечами. — Полной безопасности не бывает нигде и никогда.

Местность в трехстах километрах к северу от Дахии трудно назвать отрадой для глаза — рваный камень крутых горных склонов, бездонные пропасти, мрачные, коричневые утесы, единственная растительность — колючий кустарник да скрюченные ветхие деревца с измочаленными ветром листьями. Собирая кристаллы, то там, то сям выступавшие из песчаного грунта, Хуан скоро потерял свой флиттер из виду, но не очень об этом беспокоился; лежавший в его кармане приемник имел пеленгационное устройство, на летательном аппарате стоял радиомаяк, так что особых проблем не предвиделось. Поэтому, стараясь набрать полную сумку камней, он забрался значительно дальше, чем думал.

Айвенго вращается медленно, но и здешний день когда-то кончается. Хуан неожиданно заметил, как низко стоит тусклое красное солнце, как удлинились и погустели тени. И прежде холодный воздух стал ледяным, обжигал незащищенное лицо. Вечерний бриз шевелил кусты, тоскливо завыл какой-то зверь. Протекавший неподалеку ручей быстро покрывался коркой льда.

«Ничего страшного, — думал Хуан, — но я хочу есть и наверняка опоздаю к ужину, а босс обязательно разозлится». Хотя солнце еще не зашло, окружающее различалось с трудом — человеческое зрение приспособлено к яркому желтоватому свету Солнца. Хуан начал спотыкаться; счастье еще, что шкала радиокомпаса фосфоресцировала — иначе потребовался бы фонарик.

И все равно он был счастлив; уже сама зловещая дикость обстановки вызывала подъем — новый, незнакомый мир, за которым обязательно последуют многие и многие другие. А скоро Рождество, уют и веселье, и воспоминания о доме — родителях, брате и двух сестричках, о tio Пепе и tia Кармен,

о маленьком мексиканском городке, о смехе детей, когда один из них промахивается палкой по pinata[100]...

— Раелли, терратан!

Стой, землянин. Хуан замер.

Крик застал его на самом дне ущелья, через которое лежал кратчайший путь к флиттеру. Солнце пряталось за одним из склонов, небо почти уже потемнело; кусты и валуны едва различались во мраке.

Слабый металлический отблеск, затем еще один — через мгновение во тьме проступили наконечники копий и металлический панцирь; остальные воины были в кожаных нагрудниках. Их фигуры оставались смутными, неопределенных очертаний пятнами, если не считать стального блеска огромных глаз.

Сердце Хуана упало.

«Это друзья, — попытался успокоить себя мальчик. — Народ Черных Шатров горит желанием сотрудничать с нами... А зачем тогда они меня здесь ждали? Их тут десятка два, зачем они прятались, а потом взяли меня в кольцо?»

Во рту неожиданно пересохло, Хуан с трудом заставил себя произнести непривычные звуки — слава еще Богу, что горожане и кочевники изъяснялись практически на одном и том же языке.

— П-приветствую вас. — Он отчаянно припоминал принятую в пустыне форму приветствия. — Я Хуан, сын Санчо, по прозванию Эрнандес, верный последователь торговца Томаса, сына Уильяма, по прозванию Овербек, и я пришел с миром.

— Я Токоннен, сын Удассы, вождь племени Эласси, — произнесло львино-величественное существо в панцире. В его голосе звучало полное презрение. — И мы не верим больше, что кто-либо из землян может прийти с миром.

---

[100] В Латинской Америке — горшок, наполненный сладостями и игрушками, который на Рождество подвешивают на веревке. Дети с завязанными глазами бьют по нему палками, чтобы добыть содержимое.

— Что? — Ужас оглушил Хуана. — Но мы и вправду пришли с миром. Почему...

— Вы поселились среди народа Города — и теперь Город покушается на наши земли... Стоп! Я знаю, что это у тебя!

Рука Хуана уже сжимала бластер. Туземцы зарычали и отвели назад свои копья, готовые метнуть их в чужака. Токоннен спокойно продолжал:

— Я слышал о таком оружии. Из него вылетает струя огня, ярче, чем солнце, и там, куда попадает эта струя, плавятся камни. И ты думаешь запугать этим мужей Эласси? Обнажай его, — презрительно добавил он, — если хочешь.

Не совсем понимая, что же это он делает, Хуан выхватил бластер из кобуры — и тут же опустил его стволом вниз.

— Я только хотел пособирать здесь кристаллы...

— И кто же поверит этому, если ты меня убьешь? — прервал его Токоннен. — К тому же ты успеешь убить только двоих-троих из нас, а потом тебя пронзят копья остальных. Мы знаем, как плохо видит ваше племя даже в самом начале сумерек.

— Но что вам нужно!

— Когда мы увидели, как ты опускаешься, — увидели еще издалека, — мы сразу поняли, что нам нужно. Нам нужен ты, мы будем держать тебя среди нас, пока твои соплеменники не покинут Дахию.

Какой-то частью разума Хуан понимал, что попасть в заложники — это тот же самый смертный приговор. Он не мог есть местную пищу, изобиловавшую ядовитыми для человека протеинами. Более того, без хорошего запаса антиаллергена он умрет от удушья еще раньше, чем от голода, только как убедить в этом неграмотного кочевника?

Но другая его часть пыталась найти выход.

— Ну чего вы, собственно, взбесились? Неужели так уж страшно, если несколько городских обитателей придут сюда за адиром? Или... или вы можете ответить им «нет». Ведь можете, верно? Мы — земляне — мы не имеем никакого отношения к их посольству.

— Мы не можем позволить себе верить в вашу искренность — в искренность тех, кто явился сюда за наживой, — ответил Токоннен. — Что вам до нашей свободы, если наши враги предложат вам более выгодную сделку? И мы помним, мы все помним, даже за сто поколений мы не забыли Империю. И они, в Дахии, тоже помнят. Они восстановят ее, снова скуют нас своим владычеством — или вытеснят в гиблые места. Сборщики урожая будут шпионами, их приход станет началом завоевания. А эта земля — наша, она крепка костями наших отцов, она обильна плотью наших матерей. Она слишком священна, чтобы ее попирал имперский сапог. Тебе, торгашу, такого не понять.

— Мы хотим вам добра, — жалко прозаикался Хуан. — Мы дадим вам разные вещи...

Еле различимый на фоне сумрачного неба Токоннен высокомерно вскинул гриву. Его слова гремели, как удары колокола.

— И ты думаешь, что какие-то вещи могут быть нам дороже, чем свобода нашей земли? «Отдай мне оружие, — произнес он уже более спокойно, — и пошли». Завтра мы доставим твоему вождю послание.

Воины сделали шаг вперед.

Дальше Хуан действовал инстинктивно, не раздумывая. Он просто знал, как нужно поступить. Вскинув бластер, он выстрелил прямо вверх.

От грохота вспоротого воздуха заложило в ушах, остро пахнуло грозовым озоном. Голубая, ослепительная стрела энергетического пучка бешено рванулась к ранним вечерним звездам.

Туземцы закричали; вспышка позволила Хуану увидеть, как они отшатнулись, выронили копья и прижали руки к глазам. Даже человеку трудно смотреть на эту искусственную молнию — что же тогда говорить о жителях сумеречного мира. На какое-то время воины лишились зрения.

Хуан хватил глоток воздуха и бросился бежать.

Вверх по склону! Из-под ног сыпались мелкие камешки. Дальше, через холмы! Сзади слышались яростные крики погони.

Солнце ушло за горизонт, и почти сразу настала полная, глубокая ночь. Здесь она была не такой темной, как на Земле — в небе висели огромные звезды Плеяд, их окутывала кружевная туманность, протянувшаяся от горизонта и до горизонта. Однако Хуан часто падал, спотыкаясь о незамеченные в темноте препятствия; его сердце выскакивало из груди, легкие горели огнем.

Этот отчаянный бег продолжался уже целую вечность, когда впереди показался флиттер. Хуан решился наконец взглянуть назад — и убедился в справедливости худших своих опасений. Погоня приближалась. Вспышка ослепила туземцев лишь на недолгое время. И нет сомнения — теперь они следят за ним периферийным зрением, готовые мгновенно отвести глаза, если беглец задумает выстрелить снова.

Длинноногие, привычные к местному. — большему, чем на Земле, — тяготению, они выигрывали метр за метром. Хуан не различал толком их фигур, только смутные черные пятна, временами совсем исчезавшие, попадая в более глубокую тень. Не было никакой надежды перебить всех воинов прежде, чем кто-нибудь из них подберется на расстояние броска.

Несмотря на ужас своего положения, он невольно восхищался их отвагой.

«Беги, беги».

Начального преимущества едва хватило. Хуан ввалился в кабину, захлопнул дверь и тут же услыхал стук копий по металлу обшивки. А потом на некоторое время перестал вообще что-либо воспринимать.

Постепенно сознание вернулось, и он целую, наверное, минуту возносил благодарственные молитвы. А затем с трудом поднялся и потащился к пилотскому креслу. «Но какова сцена! — мелькнуло в мозгу Хуана, и тут же он совершенно

неуместно хихикнул: — Старое определение: что такое приключение? — Это когда кто-то другой, очень далеко, попадает в крупные неприятности».

Хуан буквально упал на сиденье. Сквозь витриловый иллюминатор виднелось волшебное великолепие неба, пологие склоны и отвесные обрывы гор... Он судорожно вдохнул и выпрямился. Туземцы так и не ушли.

Они стояли, опираясь на свои бесполезные копья, держась за рукоятки своих бесполезных мечей, стояли и чего-то ждали. Трясущимися пальцами Хуан включил мегафон.

— Чего вы хотите? — громом разнеслось над их головами.

— Мы хотим знать твое желание, землянин. — В голосе Токоннена звучали прежние гордость и достоинство. — Потому что ты нас очень удивил.

— Но чем? — с трудом выдавил из себя пораженный Хуан.

— Ты сделал нас беспомощными, — сказал Токоннен. — Но почему тогда ты не убил нас, а бежал? Ведь ты знал, что мы оправимся и пустимся в погоню. Зачем пошел ты на такой ничем не оправданный риск?

— Но ведь вы были беспомощны, — запинаясь, объяснил Хуан. — И я не мог... не мог сделать вам плохого... особенно в это время года.

— Время года? — Недоумевающе переспросил Токоннен. — А оно-то здесь при чем?

— Рождество... — Хуан на мгновение смолк. К нему возвращались сила и ясность мысли. — Я буду говорить незнакомые вам вещи. Это время посвящено воспоминаниям о том, который пришел к нам, землянам, много веков назад с вестью о мире и о многом другом. Для нас это время свято. — Он положил руки на пульт управления. — Но это не важно. Я только прошу вас — поверьте, что мы не желаем вам никакого зла. Отойдите, пожалуйста, я сейчас подниму эту колымагу.

— Нет, — сказал Токоннен. — Подожди. Я прошу тебя — подожди.

Некоторое время он молчал, воины тоже.

— То, что ты только что нам сказал… Мы хотим услышать больше. Поговори с нами, землянин.

Получив радиограмму от Хуана, что у него все в порядке, на базе успокоились и продолжили работу. Никто не пытался — да и не смог бы — жить по распорядку здешних шестидесятичасовых суток, так что очередной «рабочий день» окончился незадолго до полуночи. Далее следовало время отдыха. Для четверых из них это означало подготовку к праздничной, рождественской встрече прибывающего корабля.

Люди работали на примыкающей к куполу площадке, а тем временем вокруг собиралось все больше и больше дахианцев, привлеченных необычным зрелищем. Они стояли и молча, удивленно смотрели. Вышел Овербек и начал смотреть на туземцев — с таким же удивлением. Раньше подобного не случалось.

Посреди площадки высилось рождественское дерево. Редкие ветки, жесткие красноватые листья — оно ничем не напоминало елку, но, не обращая на это внимания, они развешивали блестящие самодельные игрушки и электрогирлянды, спаянные из запасных осветительных лампочек приборов. Перед деревом красовалась рождественская сцена с яслями, ослом и быком — собственноручное творение Хуана. Поднявшаяся луна, яркие, словно электрические лампочки, звезды Плеяд, кружевная пелена туманности — все это небесное великолепие заливало площадь холодным сиянием. А вокруг — узкие, высокие здания, громады крепостных башен и туземцы, слившиеся в сплошное темное кольцо, из которого сталью отсвечивали огромные глаза.

Файнберг и Тупта украшали «елку», Ногучи и Сарычев, лучшие певцы группы, репетировали. Из их ртов вылетали клубы белого пара.

И мирный город Вифлеем
Уснул спокойным сном.

По кольцу дахианцев прокатилось приглушенное «А-а-а-а!», и на площадку опустился флиттер.

Первым из машины вывалился Хуан, за ним следовал высокий туземец в стальном панцире. Давно ожидавший этого гостя Овербек сделал знак Раффаку, представителю Старейших; землянин и житель Айвенго вышли навстречу землянину и жителю Айвенго.

— Возможно, мы судим превратно о ваших намерениях, обитатели Города, — сказал Токоннен. — Землянин долго убеждал меня в этом.

— А его вождь говорит мне, что мы, дахианцы, были неразумно жестки в своих требованиях, — ответил Раффак. — Вполне возможно, что это правда.

— Мы не расстанемся ни с чем, священным для нас, — предупредил Токоннен, тронув рукоять своего меча.

— Как и мы, — откликнулся Раффак. — Но наши народы должны — и способны — договориться. Земляне помогут согласовать условия.

— Сейчас они должны обладать особой мудростью — сейчас, в сезон своего Князя Мира.

— Да. Я и мои друзья серьезно об этом задумались.

— Откуда вы это узнали?

— Нас заинтересовало, зачем земляне создают такую красоту здесь, где ее видим и мы, а не в своей нестерпимой жаре, — объяснил Раффак. — Мы спросили. Во время разговора мы узнали о случившемся в пустыне — «дальний разговор» уже принес землянам весть.

— Тут и вправду есть о чем задуматься, — кивнул Токоннен. — Они сильнее нас — и они верят в мир.

— А Империю уничтожила война. Но идем, — пригласил кочевника Раффак. — Сегодня ты — мой гость. Завтра мы будем беседовать.

Они удалились, а тем временем все люди сгрудились вокруг Хуана.

— Да ты же гений, — ошарашенно покачал головой Овербек. — Это мне нужно у тебя учиться.

— Пожалуйста, сэр, не говорите так, — взмолился стажер. — Все случилось само собой.

— Будь на твоем месте я — все вышло бы иначе.

— Что-то я не очень понимаю, — удивленно признался Сарычев. — Хуан, конечно, молодец, что смылся от этих кочевников, а не перебил их, хотя и имел такую возможность. Но только каким образом это сделало их тихими и кроткими?

— Ну нет, — ухмыльнулся Овербек. Конец его сигары то вспыхивал, то угасал, словно переменная звезда. — Они так и остались народцем крутым и склочным, ничуть не лучше людей. Только, — добавил он, сразу посерьезнев, — теперь они согласны нас слушать. Они готовы воспринимать наши идеи, они поверили, что мы — честные посредники и можем разрешить их споры.

— Но почему только сейчас, а не раньше?

— Вот тут, боюсь, виноват я сам. Я не учитывал некую черту их внутренней природы — а должен бы. В конце концов, эта черта присуща и нам, людям.

— Какая черта? — спросил Гупта.

— Потребность в... Скажи ему ты, Хуан, — Овербек повернулся к своему стажеру: — Ведь это ты догадался.

— Совсем не сразу, — неуверенно начал мальчик. — Я просто понял, что не могу их убить. Ведь мы должны прощать врагам своим, а в такое время, как Рождество — тем более. Так я им и сказал. А потом... когда поведение их резко изменилось... ну, я понял, в чем причина. — Хуан с трудом подыскивал слова. — Они же знали — и дахианцы знали, и кочевники тоже, — что мы сильны, что они не способны с нами бороться. Но это их не пугало — только неустрашимый народ может выжить в таком бедном, мрачном мире.

Кроме того, им должны быть присущи убежденность и упрямство. Чтобы переносить бесконечные трудности и лишения, они должны верить не только в себя, но и в нечто большее — в имперскую мечту, как дахианцы, в свободу, как жители пустыни. И они готовы умереть за свои идеалы.

А тут приходим мы, земляне. Мы предлагаем им честную, для всех выгодную сделку — но и только. В их глазах наш единственный движущий мотив — выгода. Этого они не понимают, это делает нас странными существами, существами, недостойными доверия.

Сегодня они узнали, что и у землян есть святыни, увидели, ну, что мы вроде как не очень от них отличаемся. И тогда они начали искать нашего совета.

Длинная получилась лекция? — смущенно улыбнулся Хуан. — Я очень устал, и есть хочется. Можно я чего-нибудь поем и лягу?

Хуан шел через площадь, а за его спиной звучал рождественский гимн:

...Сегодня Ты с нами, и нет больше страха,
И в сердце надежда опять.

ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА

Из темноты рванулась молния. Дэвид Фолкейн услышал треск вспоротого воздуха и судорожно вдохнул грозовой запах озона. Саднило щеку, обожженную чуть не достигшим цели зарядом, в ослепленных глазах плясали голубовато-белые пятна.

— Вы с Чи забирайтесь в корабль, — сказал Адзель, — а я их задержу.

Низко пригнувшись, Фолкейн высматривал, в кого бы разрядить свой собственный бластер. Под чужими созвездиями двигались какие-то смутные тени, на дальней стороне посадочной площадки к небу поднимался клубящийся столб багрово-серого, подсвеченного пламенем дыма — там горела база Лиги.

— Уходи ты, — прохрипел он. — Я вооружен, а ты нет.

— Хватит убийств. — Бас воданита звучал все так же спокойно, но в нем появилось что-то вроде раскатов грома. — Смерть даже одного справедливо возмущенного существа — это слишком много. Дэвид, Чи, уходите.

Огромный, четыре с половиной метра от головы до кончика хвоста, полудракон, полукентавр направился к неразличимым в темноте туземцам. Неровный, трепещущий свет пожара огненной каймой обрисовал шипы костистого гребня, сверкал на чешуе и брюшных щитках.

Чи Лан дернула Фолкейна за штанину.

— Идем, — фыркнула она. — Разве остановишь этого придурка с его идеалистическими закидонами? Раньше нас он не пойдет, так что нужно двигаться побыстрее, а то его там попросту угробят. А если уж тебе так хочется геройствовать, я могу пойти первой.

Маленькая, покрытая белым мехом фигурка выскочила из-за грузовика. (Спрятаться за машиной еще можно, но в воздух она уже не поднимется, туземцы спланировали нападение тщательно; по всей видимости, они копили взрывчатку и оружие годами, пока наконец не получили возможность в момент атаки на штаб-квартиру базы уничтожить вокруг нее буквально все.) Маска темно-синего меха, обводившая глаза Чи, камуфлировала ее лицо, делала его малозаметным в неверных красных отсветах, но не заметить распушенный, стоящий торчком хвост было просто невозможно.

И туземец заметил; раздирая клюв боевым кличем, он вскочил на длинные, тонкие ноги и бросился вслед за цинтианкой; все его оружие ограничивалось жалким копьем. Чувствуя подступающую к горлу тошноту, Фолкейн прицелился, но тут Чи проскользнула между похожих на палки ног, опрокинула таметанца, сильно стукнув его задом об землю, и бросилась дальше.

«Быстрее!» — скомандовал себе Фолкейн. Вокруг Адзеля разгоралась настоящая битва. Воданит мог выдержать некоторое количество пуль и бластерных разрядов без особого для себя ущерба, однако не так уж и много, а его мощные руки явно работали вполсилы. Стараясь по возможности держаться в тени, вольный торговец последовал за Чи Лан.

Вздымавшийся впереди корабль был неуязвим для атакующих, с него уже начали опускаться сходни. Значит, Чи уже совсем близко и сумела докричаться до главного компьютера. «Ну почему, почему мы не сказали этой железяке в случае заварушки действовать по собственной своей инициативе? — внутренне стонал Фолкейн. — Да взяли бы хотя бы с собой рацию, а так и помощь было не вызвать. Может, нам всем пора на пенсию? Ведь как говорят — неосторожный вольный торговец — это мертвый вольный торговец».

Орудийная башня с грохотом выплюнула ослепительный луч, наверное — по приказу Чи. Фолкейн почувствовал прилив облегчения — такая картина нагонит страху на кого

угодно, и неважно, что выстрел откровенно предупредительный и направлен чуть ли не в зенит. Тощий и длинноногий, торговец взлетел по сходням, остановился у открытого шлюза и обернулся. Побоище стихло. И — да, вот и Адзель. Хромает, поливает землю кровью, но хотя бы жив. Фолкейну хотелось обнять своего старого друга и заплакать.

«Нет. Сперва надо делать отсюда ноги». Он прошел в шлюз. Сзади забухали копыта Адзеля, затем сходни убрались, шлюз закрылся, заворковал гравитационный двигатель и «Через пень-колоду» вознесся на небеса.

На экране нижнего обзора все выглядело чистенько и аккуратно. Искорки пожаров, пятачок посадочной площадки терялись в безмерности ночи; освещенный звездами, тускло сверкал обнаженный меч прорезающей джунгли реки.

— А мы, ну, как вы думаете... — Фолкейн причесал пятерней вздыбившуюся копну соломенных волос. — Может, еще можно спасти уцелевших?

— Вряд ли такие есть, — покачал головой Адзель. — Сами-то мы едва уцелели, и только потому, что сработались за годы и действуем в подобных случаях согласованно.

— А если и есть, — добавила Чи, — кому они нужны? — Адзель кинул на нее осуждающий взгляд. — Слава Богу, насмотрелись мы, как эти гаденыши обращались с туземцами.

— Я уверен, что большая часть оскорблений связана с элементарным непониманием психологии и обычаев.

— Что ничуть не извиняет этих долбаных идиотов, и ты сам это знаешь. Нужно было почесаться и разобраться в местной жизни. Так нет же, компаниям было некогда, у них прямо в заднице свербило начать поскорее, вот и прислали без всякой подготовки своих сучьих факторов и агентов, а те быстренько организовали здесь эту навозную кучу и вообразили себя то ли императорами, то ли еще чем.... Йа-пу-йей! — на родном языке Чи последние слова были в высшей степени — даже с ее собственной точки зрения — непристойны.

— Пожалуй, что и так. — Плечи Фолкейна уныло поникли. — К тому же нам нельзя рисковать, мы обязаны сообщить о происшедшем.

— Зачем? — удивился Адзель. — Ведь наш наниматель здесь ни при чем.

— Слава Богу, нет, а то пришлось бы бросать работу, мало приятного... Но это дело касается Лиги. Согласно правилу о взаимопомощи...

— А потом появится боевой корабль Лиги и сотрет с лица земли несколько нищих деревушек? — Хвост Адзеля нервно забарабанил по палубе.

— Надеюсь, нет, ведь у них будут наши свидетельства. Совет должен понять, что эти, прости Господи, чудаки сами вырыли себе яму! Жаль, — вздохнул Фолкейн, — мы не пробыли здесь подольше и не провели настоящего расследования. Отдохнуть нам, видите ли, захотелось на подвернувшейся под руку приятной планетке. Ладно, — выпрямился он. — В пространство, железяка, и гони к... м-м-м... ближайшей крупной базе Лиги, к Ирумкло.

— А ты, крокодил-переросток, — резко скомандовала Адзелю Чи, — шлепай в лазарет на перевязку, а то заляпал кровью весь ковер, потом не отчистишь.

Дальнейшая программа Фолкейна состояла из душа, переодевания в чистое, трубки и объемистого стакана, после чего он устроился в салоне и попытался рассеяться. На экране быстро уменьшался мир, названный людьми Тамета — слово, подобранное в какой-то одной деревушке и, без всяких сомнений, безбожно перевранное. Он уже съежился до размеров бело-голубого мячика — планета размером своим и великолепием не уступающая Земле, прошедшая четыре или пять миллиардов лет развития, кишащая бессчетным множеством неизвестных биологических видов, разумов, цивилизаций, историй и загадок, становилась шариком в колесе азартной игры или графами приход-расход в банке данных компьютера, до которого отсюда — добрая сотня световых лет.

«В который уже раз, — думал он, — встречаюсь я с неумирающим, неискоренимым злом. Интересно, это действительно происходит все чаще и чаще, или с возрастом я научился лучше видеть? Тридцать три, а я начинаю уже чувствовать себя стариком».

Появившаяся в салоне Ли вспрыгнула на соседнее кресло и доложила, что Адзель отдыхает.

— А тебе ведь и вправду нужно выпить, — взглянула она на стакан. Фолкейн промолчал. Цинтианка заправила в длинный, как полярная ночь, мундштук наркотическую сигарету и глубоко затянулась.

— Да, — заметила она. — Меня тоже страшно раздражает, когда такие вот истории поганят красоту Божьего творения.

— Мне начинает казаться, — устало сказал Фолкейн, — что это не просто отдельные эпизоды, ситуация значительно хуже, дело тут в самых основах. Торгово-техническая Лига начиналась как общество взаимопомощи, объединившее разрозненные компании; кроме этого, подразумевалась необходимость удержать конкуренцию в мал-мала пристойных рамках. От этого, второго аспекта не осталось уже почти ничего, так что возникает вопрос — долго ли продержится первый?

— Ну а чем бы ты хотел заменить свободное предпринимательство? Терранской Империей?

— Понимаешь, Чи, ты — чисто плотоядное существо, а вдобавок принадлежишь к коммерческой культуре, сумевшей очень быстро модернизироваться, так что прямым образом эксплуатация тебя не коснулась. Но вот Адзель, ты его знаешь, сам он ничего не скажет, но я же чувствую, насколько горько ему наблюдать, как время идет, а никто не помогает его народу развиваться — и только потому, что им не на чем заработать денег, а помогать бесплатно никто не хочет и не будет. Мне страшно даже подумать, сколько еще народов находится в подобном положении. Мир полон существ, до боли в глазах вглядывающихся в далекие звезды и знающих, что никто из них — за исключением, может

быть, немногих счастливчиков — не попадет туда и что многие поколения их потомков не смогут по-настоящему распоряжаться своим будущим и всегда будут потенциальными жертвами.

Желая как-нибудь отвлечься, Фолкейн установил экран на большое увеличение и прошелся сканером по сверкающей россыпью алмазов черноте. Когда он отвернулся, чтобы сделать очередной глоток из стакана, в поле зрения случайно попало загадочное сияние Крабовидной туманности.

— Возьми ты всю эту свою сентиментальность, — предложила Чи, — и засунь туда, где ей самое место. Свеженайденным расам нужно просто собрать капитал. Так поступили вы, так — чуть попозже — сделали и мы, нельзя же катать на дармовщинку всю Вселенную.

— Н-нельзя. Но все равно, ты же знаешь — если по-честному, — с какой скоростью отберут у них этот самый огрызок капитала, либо рыночным шахер-махером, либо почти откровенным грабежом. Вот, например, та же самая Тамета. Ведь туземцы всего-то и хотят, что вести свою торговлю напрямую, без всяких посредников. Я точно говорю тебе, девочка, — костяшки пальцев, стискивавших трубку, побелели, — Лига потеряла самое свою душу, обыкновеннейшее сострадание, желание помочь. И сколько же она теперь проживет, без души-то? Цивилизация нуждается в чем-то большем, чем несколько монополистов, а это — единственное, что у нас осталось.

Цинтианка чуть-чуть пошевелила ушами и выпустила струйку дыма, аромат которого смешивался с едкостью трубочного табака Фолкейна; ее глаза светились, зеленые и твердые, как изумруды.

— Вообще-то я согласна. Во всяком случае, я с радостью посмотрела бы, как кто-нибудь выпустил бы дух из некоторых надутых болванов. Только как это сделать, Дэвид? Как?

— Старый Ник... насколько я понимаю, он — единственный член Совета...

— Наш дражайший работодатель послеживает за нравственностью своих шестерок, но — сугубо из соображений поддержания порядка в лавке. Мы с ним как-то говорили, так он сам прямо так и сказал, а потом еще добавил: «И кому какая разница, чем торгует эта лавка? Ха-ха-ха». Нет, Николасу ван Рийну слабо подходит роль альтруиста. Разве что предварительно транс-мутировать каждый атом жирной его туши.

— Новый изотоп, — устало засмеялся Фолкейн. — Ван Рийн-двести тридцать пятый, или, чтобы уж все по правилам, Vr-235…

А затем он скользнул взглядом по туманности, словно беседовавшей с ним через эти непостижимые сотни парсеков, и напряженно замолк.

Произошло это вскоре после эпизода с Сатаной, когда владельцу «Пряностей и спиртных напитков» настоятельно потребовалось еще раз покинуть покой и уют Содружества, высунуть толстую свою шею в безрадостный, неприветливый мир, а в конечном итоге совершить месячный вояж на корабле, не имевшем запасов пива. Возвратившись домой, он поклялся всем святым и многим, каковое таковым не является: больше — никогда!

Да в общем-то, все последующее десятилетие и не было никакой особой необходимости нарушать эту клятву. На освоенных торговых площадках работали великолепно подобранные кадры; пионеры вроде команды «Через пень-колоду» находили все новые и новые многообещающие территории, так что бизнес рос и процветал. В довершение всего ван Рийн сумел стать единоличным повелителем Сатаны; эта блуждающая, лишенная солнечного света планета, оттаявшая после недавнего сближения с гигантской звездой, представляла собой идеальное место для производства некоторых необычных изотопов, производства в масштабах, соизмеримых с общим на них спросом. Подобная промышленная деятельность не была его, как выражаются англичане, чашкой чая, «или», как заявлял сам ван Рийн, «моим

стаканом Дженевера, каковой стакан этот медлительный, как безногая черепаха, дворецкий должен доставлять мне, прежде чем я пересохну от жажды и рассыплюсь в прах». Посему производством занимались субподрядчики — по договорам, условия которых сильно напоминали обыкновенный грабеж на большой дороге.

Многие удивлялись — причем делали это языком весьма живописным и не весьма пристойным — почему это он не уйдет от дел и не загонит себя пьянкой в могилу? Могила потребовалась бы весьма обширная, однако они брались ее выкопать собственными руками. И с радостью, песнями и плясками. Получая сведения о подобных разговорчиках, ван Рийн только ухмылялся и еще старательнее высматривал, какую бы цену вздуть, и — наоборот — кого бы из конкурентов подрезать низкой ценой на свой товар. Как бы там ни было, по сравнению с бурными прошлыми годами это десятилетие являло собой тишь да гладь, да Божью благодать. Когда разнесся слух, будто старый прохиндей собирается взять Койю Коньон, любимую свою внучку, в продолжительное путешествие — и при этом на яхте не будет ни одной из его любовниц, — надежды, что энергия старика подистощилась, а того и гляди — совсем кончится, вспыхнули с новой силой.

«Не то чтобы я пылала особой любовью к этим королям коммерции, — думала Койя через несколько недель после отлета с Земли, — но все же лучше им не знать, что мы сейчас на инопланетном, нечеловеческом корабле, оборудованном несколько странно, но явно готовом к бою, и что направляемся мы в места, никем доселе не исследованные. Ведь если узнают — их кондрашка хватить может».

Она стояла перед проделанным в стенке коридора иллюминатором. Земные корабли не имеют подобных излишеств, однако для привычных к небесным просторам ифрианцев закрытое помещение — самый верный путь к сумасшествию. Воздух был чуть разреженнее, чем на Земле, на уровне моря, и в нем чувствовался легкий, чуть горчащий

запах пернатых тел. Из вентилятора доносилось не только его собственное бормотание, но и приглушенное расстоянием хлопанье крыльев — свободные от вахты члены экипажа летали и кувыркались в огромном, только для этого и предназначенном помещении. Даже эти недели путешествия не совсем приучили девушку к трем четвертям g, она чувствовала себя необыкновенно легкой.

Но сейчас Койя этого не замечала. В начале полета она с радостью окунулась в приключение. Все было необыкновенно интересно, каждый день сулил миллионы новых открытий. И ничего, что она была единственным — если не считать дедушки — человеком на корабле. Дедушка вообще прелесть, хоть и похож на медведя. И он всегда был таким — с ревом врывался в их дом, подбрасывал внучку под самый потолок, чуть не до макушки засыпал привезенными с десятков планет подарками, рассказывал удивительные истории, брал к себе на яхту или в театр, а позднее — в поездки чуть не по всей Солнечной системе... Дедушка дедушкой, а подружиться с ифрианцами, узнать хоть немного, о чем и как они думают и чем они отличаются друг от друга, обмениваться с ними музыкой, воспоминаниями и мифами, наблюдать их воздушные танцы и демонстрировать им земной балет — все это было интересно и восхитительно.

А вот сегодня...

Корабль, видимо, приближался к цели путешествия — он уже описывал поисковую спираль. Только что это за цель? Ван Рийн пребывал в великолепном расположении духа — и не рассказывал своей внучке ровно ничего. Из ифрианцев смысл происходящего знал один Хирхарук, однако капитан тоже молчал, ограничиваясь предупреждениями; что все должны быть готовы к чрезвычайным обстоятельствам — то ли космического, то ли военного плана. Существа, чьи предки жили подобно орлам, воспринимали такую ситуацию легче, чем это сделали бы люди, но даже они начинали нервничать. Койе казалось, что сам воздух корабля пропитан напряжением.

Ее взгляд скользнул по черноте неба. В качестве астрофизика, да и просто туриста, она провела в космосе не один и не два года из двадцатипятилетней своей жизни. Она легко различала среди сверкающих россыпей самые яркие звезды, прекрасные в своем мертвенном блеске кружева туманностей, серебряный поток Млечного Пути, далекое мерцание таких же, как наша, галактик. И все же эта молчаливая огромность, незнаемость ее и непознаваемость поражали не меньше, чем при первом взгляде на небо.

Вечные тайны... да, конечно же. Корабль стартовал в окрестностях Ифри (двести семьдесят восемь световых лет от Солнца, в созвездии Волка) и уже около месяца мчался — с весьма приличной псевдоскоростью — куда-то в сектор Денеба. Так что теперь они... ну, скажем, в доброй сотне парсеков от Земли. Цифры как цифры, только в результате экспедиция достигла областей, не посещавшихся никем за все столетия, прошедшие после изобретения гипердрайва — разве что пролетал, не делая остановки, какой-нибудь случайный корабль. Ни одна здешняя планетная система не занесена в каталог, тем более — не посещалась, а об изученности нет смысла и говорить. Космос огромен и полон миров.

Хотя воздух был вполне теплым, Койя зябко поежилась. «И вдето в этих глубинах ты, Дэвид, если только ты не встретился с неизбежной последней неожиданностью. Ты получил мою записку? И значила ли она для тебя хоть что-нибудь?»

Письмо было послано с владельцем корабля, направлявшегося примерно в те же самые места, где — если планы Фолкейна не изменились — должен находиться «Через пень-колоду». Вольные торговцы имели свои базы в исследуемых районах, в одном из этих оживленных мест могут быть какие-либо новости об экипаже Дэвида. А если нет — письмо останется лежать на базе «до востребования».

Койя снова ощутила угрызения совести — чувство, не оставлявшее ее весь этот месяц. Ведь это же предательство. Нет! Злость вспыхнула с новой силой. «Если дедушка не

задумал ничего непотребного — чего же тогда плохого, если Дэвид узнает, то немногое, что я знала перед стартом, то есть едва ли больше, чем этот старый жулик снизошел мне рассказать?»

«А ведь упоминались возможные опасности, мне пришлось долго канючить, пока он согласился взять меня в поход (а я должна была лететь, ведь получалось, что дело касается и тебя, Дэвид). И если мы попадем в беду, а тут вдруг появишься ты...»

«Кончай романтические бредни, — прикрикнула на себя Койя. — Взрослая ведь девица». Ей удалось привести в порядок свои мысли, но напряженное покалывание в крови осталось.

Высокая и по-мальчишески стройная, она была одета в простую черную рубашку, обтягивающие рейтузы и сандалии. Довольно длинные, до плеч, прямые черные волосы обрамляли овальное лицо с коротким, вздернутым носом и чуть великоватым ртом; молочно-белая кожа ярко оттеняла замечательные — огромные, зеленые с золотистыми крапинками — глаза. Можно было только поражаться, как случайная рекомбинация генов не оставила в ее внешности ни малейшего следа крови предков: голландской и малайской ван Рийна, мексиканской и китайской — женщины, которая родила ему дочку и с которой он сохранил те же самые дружеские отношения, которые ему неизменно удавалось сохранять со всеми своими бывшими пассиями; не нужно забывать также шотландской (с Гермеса, родной планеты Дэвида) и африканской (с планеты, именуемой Ньянза) крови Малкольма Коньона, который стал жителем Земли и женился на Беатрис Йео.

Вспоминая сложную свою родословную, Койя не могла сдержать улыбку. «Короче говоря, я — типичный современный человек. И в жизни — тоже, — подумала она уже без прежнего веселья. — В дедушкином поколении официальные браки — большая редкость, мои родители женаты, а мое поколение — у нас вернулся обычай брать фамилию мужа».

Эти размышления были прерваны резким свистом. Сердце девушки бешено заколотилось, она даже не сразу узнала сигнал «всем стоять по местам».

Значит, приборы что-то обнаружили. Возможно, и не эту таинственную цель, а какую-нибудь потенциальную опасность вроде метеоритного потока. В неисследованных местах передвигаются осторожно, а ван Рийн круглосуточно жег свечки перед своей маленькой, вырезанной из марсианского песчаного корня статуэткой святого Дисмаса.

Какое-то мгновение Койя продолжала созерцать прекрасные и смертельные просторы, раскинувшиеся за бортом корабля, а затем сжала кулачки и направилась на корму. Она была достойной внучкой своего деда.

— Кляп и гроб! — орал Николас ван Рийн. — Вполне возможно, вы обнаружили то самое, что нам надо, обнаружили на предельном радиусе действия приборов, чувствительных, как живописец, живопишущий лютики-цветочки, пока дотуда доберешься, можно съесть три хороших рийнбургера, да и еще уйма времени останется, и вот у вас хватает наглости заявить, что я должен залезть в скафандр и стоять на стреме, откликаясь на все, что мне ни скажут, «Есть, сэр!» — Развалившись на диване, торговец бешено размахивал двухлитровой пивной кружкой, зажатой в волосатой левой лапе. Правая сжимала глиняную трубку, сквозь дым которой еле проглядывали стенки каюты.

Хирхарук из чота Ржаных Полей, капитан находящегося в чартерном рейсе рейнджера «Джайян (Росистый Вечер)» не дрогнул, его золотые глаза твердо смотрели в маленькие, черные, тесно посаженные к здоровенному крючковатому носу глазки ван Рийна.

— Нет. — В ответе ифрианца звучало ледяное спокойствие. — Я только предлагаю вам прекратить заглатывание алкоголя. Протрезвляющие препараты могут обладать побочными эффектами, что крайне опасно, когда требуется быстро принимать решения.

Английский капитана был вполне свободным и беглым, однако ему приходилось пользоваться вокалайзером, чтобы придать своему голосу разборчивые для человеческого уха интонации. Речь ифрианцев звучит очень красиво, однако она не настолько гибка, как человеческая. То ли иронически, то ли для демонстрации дружелюбия ван Рийн ответил на довольно приличном планха:

— Не волнуйтесь, я — человек закаленный, меня напоить — это уйму денег потратить надо. Да и вообще, тело такого размера обладает весьма приличной вместимостью. — Он хлопнул себя по распирающему аляповатый саронг брюху. Остальные части упомянутого тела также имели соответствующие пропорции. — Просто такой уж у меня способ отдыхать перед заварушками — ну как, скажем, вы взмываете в это свое поднебесье и медитируете.

Хирхарук чуть расслабился и издал серию мелодичных свистящих звуков — ифрианский эквивалент смеха.

— Как хотите. И то правда, при таком изобилии врагов вам не дожить бы до сегодняшнего дня, не знай вы сами что делать, а чего не делать.

Ван Рийн возмущенно вскинул голову; над сверкающими драгоценными камнями, вдетыми в мочки ушей, взметнулись черные локоны, завитые в стиле его молодости, разве что не напомаженные, под нафабренными усами и эспаньолкой вздрагивали многочисленные подбородки, широченная босая ступня с грохотом припечатала покрытую толстым ковром палубу.

— Вы совершенно неверно меня оцениваете, — взревел он, переходя на свой личный вариант английского языка. — Более того, вы меня обижаете. Я ведь не только бедный, одинокий грешник, я еще и христианин с душой, полной смирения и надежды. Так неужели же вы думаете, что я хоть когда-нибудь в своей жизни искал чего-нибудь, кроме мира — мира, при малейшей возможности его получить? Нет, все, что я делал, я делал исключительно для самозащиты, принуждаемый к этому сукиными сынами, ненасытными

негодяями, не заслуживающими Господнего прощения, хотя лично я мог бы их и простить, ублюдками, истекающими завистью перед крохотными моими доходами, без которых я попал бы под опеку государства, и делать-то, если разобраться, ничего не способного, кроме как выжимать налогоплательщиков. Да я же — совсем как нежнейший святой Франциск, я брожу по свету, срывал оливковые ветки, возливая масло на бурные воды и смачивая жабры выброшенных на берег рыб.

Ван Рийн сунул кружку под удобно расположенный около самого его локтя кран. Хирхарук смотрел на торговца с нескрываемым любопытством; появившаяся в дверях каюты Койя воззрилась на них обоих.

Она любила ван Рийна — и от того еще больше мучилась сомнениями в отношении этой экспедиции и виной за посланную Фолкейну записку. Но капитан выглядел значительно ярче, тут уж никаких сомнений не возникало. Да что там сравнивать с дедушкой, в Хирхаруке было больше красоты, чем в самой Койе или, подумала она, даже в Дэвиде. Особенно это ощущалось в полете, но даже на земле медленные, казалось бы, и неуклюжие ифрианцы выглядели великолепно, и не только из-за врожденного достоинства, присущего этому племени охотников.

Полутораметрового роста орнитоид, Хирхарук стоял на своих огромных — пять с половиной метров в размахе — крыльях. В сложенном виде они были пригодны для ходьбы — на их сгибах имелись когти, игравшие роль чего-то вроде ступней, а выступавшие за спину края обеспечивали при необходимости дополнительную опору. Эволюция превратила то, что когда-то — миллионы лет назад — было лапами и когтями, в руки с пятипалыми (оба крайних пальца — «большие») кистями. Кожа рук обладала янтарной окраской, а все остальное тело покрывали перья, бронзовые, за исключением белого с черной каемкой хохолка и такой же расцветки веерообразного хвоста. Жесткостью своей и выступающей килевой костью тело Хирха-рука напоминало

птичье, но птицей он не был, мать не высидела его из яйца, а родила. Сидящая на мощной шее голова имела не клюв, а продолговатую морду с ноздрями впереди, острые клыки странно контрастировали с прикрывающими их нежными губами.

«Они прекрасны, когда парят в высоте, в золотом блеске солнца, — думала Койя, — но даже и это — лишь малая часть их величия. Дэвид все время распространяется насчет народов, не получающих справедливого шанса. Так ведь во времена Великой Разведки Ифри тоже находилась на весьма невысоком уровне развития. Но ифрианцы учились у Технической цивилизации; они не бросались вылизывать ей сапоги, не впадали в ошеломленный транс, а брали то, что казалось им нужным, и быстро стали влиятельной силой. Правда, все это происходило до того, как самое цивилизацию ошеломила вседозволенность безграничного капитализма...»

Койя моргнула и зажмурилась; в отличие от нее ван Рийн поддерживал в своей роскошной, хотя и содержавшейся в полном беспорядке каюте земное освещение, а Кетлан желтее и тусклее Солнца. Сам торговец был привычен к резким переходам. Табачный дым буквально ударил по легким, девушка закашлялась, и только тогда мужчины обратили на нее внимание.

— А, ласточка моя прилетела! — Ван Рийн приветствовал внучку точно так же, как и в дни ее младенчества. — Заходи, плюхайся, — широкий взмах трубки предоставлял широкий выбор мест для плюханья: складное кресло, королевских размеров кровать, диванчик между баром и книжной полкой, просто палуба. — Тебе чего? Пиво, джин, виски, коньяк, водка, арак, аквавит, полдюжины разновидностей вин и ликеров, гашиш, марихуана, мескатель, опс, галт, ксандуйский радий или, может, — подмигнул он, — лимонадик? Хороший, сладкий лимонад?

— Спасибо, я удовлетворюсь кофе. — Набираясь смелости, Койя глубоко вздохнула. — Гунунг Туан, мне нужно с тобой поговорить.

— Ja, я знал, что ты придешь. Так почему же я ничего не рассказывал? Я хотел, чтобы у тебя была веселая и спокойная прогулка, чтобы ты не предавалась мрачным размышлениям, как канарейка на страусиных яйцах.

— Мастер ван Рийн, я заходил, чтобы обсудить положение. Теперь мне нужно вернуться на мостик. — Койя не была уверена, говорит Хирхарук правду или просто хочет тактично удалиться. — Ради чести и жизни... х-р-р-р, я хотел сказать, пожалуйста... будьте готовы к планированию дальнейших наших действий, по мере поступления информации. Госпожа Коньон, — поднял он руку, — приветствую вас и всего вам наилучшего.

Выходя в коридор, ифрианец задержался в дверях, встал на руки и раскинул крылья, открыв расположенные под ними жаброподобные щели. Затем он начал работать летательными мышцами, прогоняя воздух через эти природные «форсажные камеры», только и позволявшие существу подобных размеров летать при условиях, сходных с земными. И опять Койя не знала — то ли он обогащает свою кровь кислородом, готовясь к ответственной работе, то ли избавляется от человеческой вони.

Затем Хирхарук ушел и закрыл за собой дверь.

— Так ты садись на стул, садись на корточки, ложись, или как там тебе удобнее, — повторил свое предложение ван Рийн. — Я бы и сам вскоре тебя позвал. Пришло время грудью встретить наваливающиеся события. Только вот у меня она чересчур волосатая, — глубокий вздох легко и непринужденно превратился в отрыжку, — а ты не снимаешь своей рубашки. И очень жаль. Обычаи, видите ли, изменились. В данном случае я не стал бы истекать похотью, у меня врожденное отвращение к инцесту, но посмотреть было бы приятно.

Койя покраснела и отдала приказ кофеварке.

— И не куришь к тому же, — печально прищелкнул языком ван Рийн. — Нет, в мои годы молодежи не забивали голову подобной дурью.

— Некоторые из нас стараются жить, по совести, и с мыслями о будущем, — вскинулась Койя. — Прости, пожалуйста, — добавила она через секунду. — Я совсем не хочу быть ханжой.

— А кто же ты еще? Интересно вот, это Дэвид Фолкейн воспитал тебя подобным образом или ты его? Ха-ха, спектроскоп показал бы, что твое лицо удаляется со скоростью света! Ты там поосторожнее. — Ван Рийн взмахнул трубкой. — Он — отличный мальчик, только вот он уже давно не мальчик. Вполне возможно, что у этого парня растет где-то дочка твоего возраста, а он и сам об этом не знает.

— Мы с ним просто друзья, — негодующе откликнулась Койя, садясь на краешек кресла. Она сплела пальцы, сжала их коленками и твердо взглянула в черные бусинки деда. — Можешь себе представить, какой сумбур у меня в мыслях, когда я все думаю и думаю, куда это мы направляемся, а ты ничего не говоришь?

— А тебя никто сюда не затаскивал, ты сама навязалась, да еще при помощи шантажа.

Спорить было трудно, Койя и вправду грозила растрезвонить те сведения, которые добыла по просьбе деда, и таким образом снабдить его конкурентов чем-то вроде ключа. А убедить ван Рийна оказалось совсем нетрудно — предупредив о возможных опасностях, он сразу же, без малейшей паузы, прорычал, что нуждается в астрофизике и что действительно лучше бы сохранить все это предприятие в пределах семьи.

«Надеюсь, Господи, как я надеюсь, что он поверил, что мной движет только страсть к приключениям! Наверняка ведь верит, да еще льстит себе, что я много от него унаследовала... Он никак не мог догадаться, что настоящая причина — страх за Дэвида, который может тоже оказаться втянутым в эту историю, и к тому же — неподходящим образом. Знай он об этом, сказал бы просто «иди ты к черту и трепись, кому хочешь», и я бы осталась, как миленькая, и молчала

бы себе в тряпочку. А теперь... Дэвид, что бы ты там ни сделал, я здесь, и я буду твоим адвокатом».

— Я еще могу понять, почему ты не рассказывал мне ничего на яхте. Как ни подбирай команду, там всегда может оказаться коммерческий или правительственный шпион, способный организовать подслушивание. Ну а потом-то, когда в системе Кетлана мы перебрались на этот корабль, а яхта двинулась дальше, словно ты так и остался у нее на борту, и эта яхта много недель не зайдет ни в один порт, почему же ты и тогда продолжал молчать?

— Знаешь такое блюдо — поросенок в собственном желе?

— Что?

— Варят его, понимаешь, в собственном соку. Может, я хотел тебя наказать именно таким образом. Ха-ха-ха! Здесь опять то же самое, — продолжил ван Рийн, не вознагражденный за шутку и тенью улыбки. — Не мог я быть уверен в команде на все сто процентов. Ифрианцы бесстрашны и, как я сильно подозреваю, гораздо честнее людей. Но ведь такое сравнение — еще очень слабый комплимент, nie? Нас могли подслушать и... понимаешь, Хирхарук признал, что даже он не может с точностью предсказать, какова будет реакция некоторых из членов экипажа. Он изо всех сил старался, чтобы все они были из его собственного чота, но не вышло. — На языке планха это слово обозначает основную общественную единицу, большую, чем племя, меньшую, чем нация, а по своим культурным и религиозным характеристикам не имеющую земных аналогов. — Некоторые здесь вообще не принадлежат ни к одному чоту, они — из совсем других общественных систем. У ифрианцев этого добра не меньше, чем в Содружестве, а пожалуй, и больше, техника не успела еще подравнять различия.

Звякнула кофеварка. Койя встала, налила себе чашку, вернулась на место и отпила глоток. Эти теплота и аромат придавали бесконечному космосу Какое-то подобие уюта.

— Нам предстоял долгий путь, — продолжил торговец, — и уйма шныряния из стороны в сторону, пока мы не найдем

то, что, возможно, является целью всего этого предприятия. А тем временем Хирхарук — и я, в меру скромных сил своих и возможностей — прощупывали этих членов экипажа, которые не из Ржаных Полей, начали их немного понимать и... хоккей, он считает, что им можно доверять, вне зависимости от того, каким образом обнаружится правда и какой она будет. А теперь, как тебе уже известно, мы обнаружили объект, который вполне может оказаться маленькой, простой и легкой разгадкой всей этой загадки.

— Что такого уж маленького в сверхновой? — с вызовом спросила Койя. — Даже если она потухшая.

— Когда мне задают вопрос, каково быть таким старым, как я, — несколько неопределенно ответствовал ван Рийн, — я обычно отвечаю: «Не так уж и плохо, если принять во внимание альтернативу». Ласточка, да здесь такая альтернатива, что рядом с ней история с шеннами — детские игрушки.

Койя чуть не расплескала кофе. Она была еще подростком, когда всех всколыхнула сенсация — что в Торгово-техническую Лигу проникли агенты чужой расы, обитающей вне пределов господства Технической цивилизации и испытывающей к людям смертельную вражду, что едва удалось избежать войны и что главными спасителями являются ее дедушка и команда корабля с названием «Через пень-колоду». В тот день Дэвиду Фолкейну было присвоено — без оповещения — звание бога (второй степени). Она иногда задумывалась, догадывается ли он об этом, а если да, то знает ли, что позднее, когда она уже повзрослела, их случайные совместные прогулки ничуть не лишили прежнего бога этого звания, разве что добавили ему некоторые человеческие черточки.

— Ты что, догадалась, что мы ищем остатки сверхновой? — подозрительно прищурился ван Рийн.

— Ты поручил мне изучить эту проблему, а вскоре объявил о своих планах отправиться на «развлекательную

прогулку». — Койя старалась говорить как можно суше. — Связать одно с другим было совсем не трудно.

— И ты догадываешься, с чего это мне потребовался белый карлик или там черная дыра вместо хорошего стакана красного вина?

У Койи слегка застучало в ушах.

— Да, пожалуй, я и это сообразила. — «И думаю, что Дэвид вполне мог догадаться об этом раньше любого из нас, лет десять тому назад. Когда ты, дедушка, попросил меня потихоньку воспользоваться...»

...банками данных и компьютерами лунного Астроцентра, где она работала. Ван Рийн дал тогда типично ванрийновское загадочное объяснение: «Вполне возможно, что за всем этим прячется вполне приличный шматок прибыли, и лучше бы никто не совал туда своего носа — мой собственный достаточно велик». В тот раз Койя совсем не осуждала его за скрытность — все законы Лиги рушились на глазах, конкуренция становилась не фигурально, а буквально жестокой, а правительства рычали уже не только на капиталистов, но и друг на друга. Пакс Меркаториа[101] приближался к концу, и, хотя Койя никогда не одобряла его полностью, будущее начинало ее пугать.

Поставленная задача оказалась достаточно интересной, чтобы заглушить все страхи. Можно бы подумать, что такие невообразимой мощи события, как самоубийства гигантских звезд — то есть вспышки сверхновых, которые превосходят по яркости миллиарды обычных звезд, — происходят редко, но это далеко не так. В одной нашей Галактике количество трупов подобных самоубийц — в различных стадиях разложения, как-то: белые карлики, нейтронные звезды, странненькие штуки, именуемые черными дырами, — превышает по самым скромным оценкам пятьдесят миллионов. Только вот раскинулись спиральные рукава этой галактики на добрую сотню тысяч световых лет, и шансы найти в столь

[101] Торговый мир (лат.).

необъятных просторах объект размером с маленькую планету, излучающий на уровне того самого трупа, а то и не излучающий вовсе, фактически равны нулю.

(Не сочтите, пожалуйста, все эти аналогии с биологической смертью и разложением чем-то вроде некрофилии. Смерть ложится в основание новой жизни, верно служит делу эволюции. Со своей стороны, сверхновые, соединяющие атомы в пекле термоядерного синтеза, а затем, при последнем своем вздохе, швыряющие их в пространство, дали нам все тяжелые элементы, многие из которых жизненно важны для наших миров и для наших тел.)

Насколько известно, никто к таким поискам даже толком и не приступал. У ученых и других дел было по горло, а тем временем гора пришла к Магомету. За короткое время произошло столько вспышек сверхновых, что желающим изучать эти процессы хватит работы до самой смерти. Эпсилон Возничего, Сириус-В и Валендерей — только самые известные случаи.

Работая в Астроцентре, Койя могла мгновенно получить любые сведения о звездах нашей части Вселенной, когда-либо собранные Технической цивилизацией. Имея распределение недавних сверхновых, а также данные по звездам иных классов, по пыли, газу, радиации и магнетизму, по их концентрациям и временным производным этих концентраций, вполне возможно — при помощи хорошо разработанных космологических теорий — с разумной точностью рассчитать распределение неоткрытых темных гигантов в радиусе сотен парсеков.

Задача, конечно же, далеко не простая, для разрешения ее даже лучшим из самопрограммирующихся компьютеров требуется непрерывное руководство со стороны высококвалифицированного софонта. Да и ответы получаются весьма неопределенные, даже в относительно крохотной области, ограничивающей их применимость. В лучшем случае вы узнаете, что с довольно заметной вероятностью (но далеко, далеко не наверняка) объект данного типа существует на

таком-то и таком-то расстоянии от вас и скорее всего — в таком-то (тоже сомнительном) направлении.

Но этого достаточно. Имея терпение и деньги, чтобы организовать поиски на тропе, указанной уравнениями, вы в конце концов найдете интересующее вас тело.

Вообще-то Койя была уверена, что до ван Рийна никто не интересовался этой проблемой. Однако в электронной памяти Астроцентра хранятся сведения о том, кто и когда пользовался каждой конкретной программой. Цель такой регистрации — избежать повторения уже выполненной работы, и это очень важно в эпоху, когда никто не способен следить за всей литературой по самой даже узкой специальности. Без всякой нужды, а просто по привычке Койя вызвала соответствующую информацию, и...

«...выяснила, что десять лет назад Дэвид узнавал в точности то же самое, что ты, дедушка, сейчас. Но он не сказал тебе этого, не сказал, куда он и его партнеры отправились потом, вообще ничего не сказал. — И снова боль: — и мне не сказал. А я ничего не сказала тебе. Вместо этого я навязалась в этот поход, а перед вылетом отправила Дэвиду письмо, сообщила ему все, что знаю и о чем догадываюсь».

И снова решимость: «Ну хорошо, Ник ван Рийн! Ты вот все жалуешься, какая теперь молодежь шибко уж моральная? Посмотрим, как тебе понравится обнаружить, что с тобой играют краплеными картами».

Но как можно ненавидеть этого старика, который тебя любит?

— Ты о какой альтернативе? — прошептала Койя.

— Какой? — Пожимая плечами, он напоминал гору, стряхивающую с себя лавину. — Очень простую. Если мы не найдем сверхновую-пенсионерку, используемую по методике оригинальной, как ковыряние в носу, значит, мы столкнулись с неизвестной цивилизацией, имеющей среди нас своих агентов, примерно как в случае с Датиной, только эта обладает такой техникой, что нам впору закричать: «Папочка, папочка, в этом шкафу сидит бука!» — Лицо ван

Рийна приобрело необычное для него хмурое выражение. — И он действительно там сидит, этот самый бука.

У Койи похолодело в груди.

— «Суперметаллы»?

— А кто же еще? — Старик сделал большой глоток пива. — Ха, так ты догадалась, что это «Суперметаллы» заставили меня замельтешиться?

Койя допила кофе; звук поставленной на блюдце чашки показался неожиданно громким.

— Да, — сказала она отрешенным голосом. — У меня же было очень много времени для раздумий о цели твоей экспедиции.

— Да, девочка, веселенькая головоломка, причем это наши головы рискуют быть проломленными.

— Принимая во внимание очень специфический характер системы из сверхновой и ее спутника, которая, по твоему мнению, должна находиться где-то в окрестностях Солнца и положение которой ты попросил меня вычислить — принимая во внимание это, а также деятельность «Суперметаллов», я, конечно же, пришла к некоторым заключениям.

— Аты приняла во внимание, что «Суперметаллы» не только темнят — это их полное право, — но, кроме того, не желают вступать в Лигу?

— И это тоже.

— Все верно. Хотя в наши дни выгоды, даваемые членством в Лиге, далеко не так велики, как прежде, но даже они перевешивают утрату крохотной части анатомии.

— Ты хотел сказать «автономии»?

— Скорее всего. Задумался, наверное, о женщинах. Долгое воздержание...Ноу тебя никогда не бывает нечистых мыслей. — Ван Рийну хватило такта не смотреть все это время на внучку и сразу же вернуться к деловому тону. — Ты язычница, так что ты просто надейся, а я буду молиться, чтобы суперметаллы, которыми торгуют «Суперметаллы», имели своим источником плавильную печь, управляемую одним только Господом Богом.

Как считается, первородным элементом, с которого началось творение, является водород-1, один-единственный протон, сопровождаемый одним-единственным электроном; даже и теперь его во Вселенной гораздо больше, чем всех остальных элементов, вместе взятых. Огромные массы водорода собирались в шары, которые разогревались сжатием до такой степени, что вспыхивала термоядерная реакция. Атомы сливались, образовывали более тяжелые элементы. Новые, сверхновые и — что не настолько живописно, но еще более важно — меньшие звезды, выбрасывающие газ, проходя стадию красных гигантов — рассеивали эти элементы по пространству, откуда те и попадали в следующее поколение звезд. Заодно появлялись планеты, жизнь, самоосознание.

Радиоактивные изотопы есть у всех элементов Периодической системы, а начиная с полония (атомный номер восемьдесят четыре) стабильных изотопов и вообще нет. Упакованные в большом количестве, протоны порождают такие силы отталкивания, что силы притяжения не могут бороться с ними вечно. Рано или поздно атомы эти ломаются, причем вероятность их разрушения — или, пользуясь другой терминологией, период полураспада — зависит от конкретных деталей структуры. Но в среднем можно сказать, что чем больше атомный номер, тем меньше стабильность.

Самые первые исследователи считали, что естественные семейства заканчиваются на уране — если более тяжелые атомы даже когда-нибудь и существовали, они давным-давно вымерли. Нептуний, плутоний и все прочее в этом роде нужно изготавливать искусственно. Позднее следы этих элементов были найдены и в природе, но только следы и только тех, чьи атомные номера не превосходят сотни. Создание новых веществ становилось все более и более трудным делом — из-за все более сильного отталкивания протонов, а также из-за того, что очень тяжелые атомы жили очень недолго. Мало кто из ученых надеялся, что когда-нибудь будет достигнут номер сто двадцать.

Но ведь управление гравитацией, путешествия со скоростью больше световой — этого тоже почти никто не ожидал. Вселенная и больше, и сложнее, чем мозг любого ученого, или даже всех их, вместе взятых. Уже в те незапамятные дни был предсказан факт, что с какого-то номера ядра становятся более устойчивыми. В Периодической таблице есть «островок стабильности», ограниченный с ближней стороны почти фантомными, крайне недолго живущими элементами вроде сто двенадцатого и сто тринадцатого, а на дальней — еще более неустойчивыми сто двадцать третьим, четвертым и так далее, до следующего «островка», существование которого теория предсказывает, но практика если и достигла, то лишь в бесконечно малом масштабе.

До первого-то не доплыть. Здесь нет удобных промежуточных ступеней, вроде лежащего между ураном и плутонием нептуния, за сотым номером время жизни в несколько часов — мафусаилов век, обычно оно измеряется секундами или даже долями секунды. Ядра приходится изготавливать грубой силой, вбивая один атом в другой достаточно сильно, чтобы он не отскочил, но в то же время достаточно нежно, чтобы мишень не разлетелась в клочья.

Получение нескольких микрограммов сто четырнадцатого, скажем, элемента (экаплатины) было триумфом экспериментаторов — триумфом чисто научным, не имевшим ни малейшего практического значения.

А инженеры облизывались. Экаплатина не была, конечно же, стабильной, но один из ее изотопов имел период полураспада порядка четверти миллиона лет — более чем достаточно для любых объектов, изготавливаемых смертными существами, и активность его была достаточно слаба, чтобы не требовать каких-либо особых предосторожностей. Блестящий белый металл имел высокую плотность (31,7), высокую точку плавления (около 4700 °C), не был токсичным, обладал высокой прочностью, твердостью и химической устойчивостью. Чтобы растворить экаплатину, ее нужно предварительно перетереть в пыль, а затем

обработать смесью фтористого водорода и фтора при температуре в двести пятьдесят градусов.

Сплавы экаплатины обладают спектром свойств, о которых инженеры даже и мечтать прежде не решались. А в чистом виде она являлась катализатором, приближающимся по своему могуществу чуть ли не к философскому камню.

После открытия Сатаны начались разговоры о крупномасштабном изготовлении этого чудо-металла, но расчеты быстро потушили всякую искорку надежды. Спроектированным заводам, потребовались, моря воды и вся атмосфера для охлаждения, целые континенты для захоронения отходов — и только тогда выход специальных изотопов начинал измеряться тоннами. Но и эти изотопы принадлежали элементам ниже сотого — даже на Сатане существующая технология не могла управляться с энергиями, требуемыми для создания за разумное время тонны экаплатины, а даже и будь это возможным, стоимость металла оказалась бы недостижимо огромной.

Инженерам осталось только вздыхать — пока не появилась новая компания, предлагавшая суперметаллы хочешь — килограммами, хочешь — целыми кораблями, по ценам, может, и высоким, но разумным. Источник снабжения не раскрывался. Правительство и Совет Лиги зябко поежились, припомнив шеннов.

Цинтианка по имени Цо Ю спокойно объяснила, что представляемая ею организация разработала новый технологический процесс, который она предпочитает не патентовать, а оставить полной своей собственностью. Предварительно были открыты новые законы природы, но «Суперметаллы» не считают себя обязанными публиковать результаты этих исследований. Пусть другие ученые попотеют. Ровно так же компания не желала ни вступать в Лигу, ни поставить себя под юрисдикцию какого-либо из правительств. Если некоторые из последних откажут в лицензии, запретят торговлю на своей территории — и ради Бога, найдется достаточно таких, которые разрешат.

Прошло три года, и начали появляться вещи и приборы, сулившие не меньший технический переворот, чем вызванные когда-то транзистором, термоядерным конвертером или антигравитационным генератором. А тем временем целая орда следователей и шпионов, государственных и частных, лезла от отчаяния на стенку.

Команды, доставлявшие груз, и агенты, торговавшие им, были весьма пестрой компанией, составленной чуть ли не из всех известных разумных племен. Довольно большой процент этих софонтов происходил из отсталых миров вроде Диомеды, Водана или Икрананки, родиной некоторых были полузаброшенные колонии, например Лохланн (люди) или Катавраяннис (цинтианцы). Понять было не трудно — существа, обязанные «Суперметаллам» своим образованием, возможностью улучшить свою жизнь, а также возможностью помочь близким, оставшимся дома, должны относиться к этой щедрой компании с очень высокой лояльностью. Было также достаточное количество работников, набранных по высокоразвитым мирам и способных на равных общаться с администраторами Лиги.

Все это мало напоминало ситуацию с Датиной. Во всех случаях, когда удавалось проследить прошлую жизнь одного из работников компании, жизнь эта оказывалась вполне нормальной до самого момента, как он (она, оно, они...) был завербован «Суперметаллами» — да и потом в ней не наблюдалось ничего ненормального. На заданный в лоб вопрос такое существо неизменно отвечало, что оно и само не знает, ни где расположен завод, ни как он действует, ни кто, его владельцы. Оно (он, она...) просто выполняет хорошо оплачиваемую работу для хорошей, simpatico[102] организации. Судя по всему, они говорили правду.

(«А вот лично мне кажется, — сказал ван Рийн, — что кое-кого из них похищали, накачивали наркотиками, пытаясь что-нибудь узнать, а затем убивали. Я бы никогда такого не

[102] Отличной (итальян.)

предположил, если бы не точный факт — исчезло несколько сотрудников «Суперметаллов». А к тому же... тем временем как детки вроде тебя, Койя, становятся шибко щепетильными, компании и правительства вконец звереют». «Второе — одна из причин первого», — гордо ответствовала Койя.)

Организованная за транспортными судами слежка показала, что они получают товар в открытом космосе, в заранее оговоренных точках встречи. Три-четыре меньших, скоростных и маневренных корабля передавали свой груз торговцу, а затем ускользали в самых неожиданных направлениях, используя все известные способы ухода от преследования — плюс маневры, которые Лига считала прежде своим собственным секретом. Как можно понять, они прекращали броски и метания, только окончательно убедившись, что стряхнули космических ищеек со своего хвоста.

Правительства и компании извели уйму денег, пытаясь повторить совершенные «Суперметаллами» открытия, однако дело не клеилось. Появилось и росло убеждение, что здесь скорее всего замешана культура, ушедшая от Технической вперед не меньше, чем последняя — от неолитической. Но зачем тогда это тайное вторжение?

— Странно, — заменила Койя, — что никому, кроме тебя, не пришла в голову сверхновая, естественная же альтернатива.

— Прошло только три года, — пожал плечами ван Рийн, — а началось все по мелочам. Да и сейчас их бизнес невелик. Ничего такого уж кричащего и размашистого, просто каждый год поставляется несколько килотонн очень полезного материала, который станет еще полезнее, когда мы получше изучим его свойства. А людям и без этой истории есть над чем поломать голову — везде загадки, непонятности и что тебе угодно. Не забывай к тому же, что я прёпадло... dooden ondergang[103], этот английский!.., предполагаю нечто с точки зрения астрономии крайне невероятное. Спроси ты кого из

[103] Убиться насмерть (нидерланд.)

своих коллег, он бы сразу сказал, что такое невозможно. А по здравом размышлении — если у него есть хоть капля здравого смысла — пригласил бы тебя в гости, малость выпить. Несомненно, — добавил торговец, тщательно выколачивая трубку, — в конце концов кто-нибудь что-нибудь сообразит и натравит компьютер на задачу: возможна ли такая штука, а если да, то, где ее искать?

Как бы там ни было, — задумчиво погладил он свою бородку, — не думаю я, чтобы такое случилось скоро. Понимаешь, большинству на все это начхать, они покупают, что есть на рынке, не вникая особенно, откуда взялся товар и что бы это могло значить. К тому же «Суперметаллы» совсем не гоняются за рекламой, они используют прямые связи, а те политики, которые обеспокоились ситуацией, тоже не хотят никакого шума — крупный скандал легко выйдет из-под контроля, а это может обернуться потерей голосов на выборах, или доходов, или еще там чего.

— И все равно, — возразила Койя, — многие умные головы обеспокоены, и количество обеспокоенных растет пропорционально количеству ввезенных суперметаллов.

— Ja, только на чьих плечах эти самые головы? Считай, все они принадлежат администраторам корпораций, политикам, ученым, военным и — ну вот, теперь придется отмывать рот «Дженевером» — бюрократам. То есть кабинетным крысам. Если они и пересекают пространство, то уютными пассажирскими лайнерами, и приземляются обязательно в обжитых городах, где из всех нерешенных проблем осталась одна — как бы найти такой ресторан, где тебя не обдерут как липку.

Я же начал с разведывательных полетов, да и потом, после основания «Пряностей и напитков», мотался по малоисследованным районам и дальше, разбираясь с неувязками и неполадками, так что смело могу назвать себя настоящим космонавтом. А космонавт, он шкурой своей чувствует, что Господь всегда готов подкинуть нам какую-нибудь неожиданность, то ли чтобы не слишком заносились, то ли просто

смеху для. Сидя в конторском кресле, такого не поймешь, а вот для меня вполне естественно было задаться вопросом — какой кукиш показал теоретикам наш Всевышний на этот раз?

Масса звезды осталась огромной, но по размерам она была примерно с Землю и продолжала съеживаться; через миллионы лет наступит момент, когда даже свет не сможет преодолеть ее тяготения, во Вселенной станет на одну точку абсолютной черноты и непостижимости больше. Процесс этот едва начался — по прикидкам Койи вспышка произошла около пятисот тысячелетий назад — и гигант, становящийся карликом, продолжал светиться, в видимом спектре — еле заметно, в рентгеновском и гамма — ослепительно ярко. Ярко в том смысле, что каждый квадратный сантиметр его поверхности посылал в пространство целый шквал жестких фотонов, однако эта самая поверхность была настолько мала, что в итоге получалась — по космическим, конечно, масштабам — жалкая искорка, различимая только совсем вблизи, на расстоянии не больше нескольких парсеков.

Установленный на максимальное фотоусиление экран показывал тусклую белую крупинку; тысячекратно усиленный блеск окружавших ее звезд слепил глаза, и Койя отвернулась к деловито собиравшим информацию приборам. Корабль отключил гипердрайв, и теперь его заполняли шорох и пульсирующая дрожь гравитационного двигателя.

— Существование спутника подтвердилось, — сообщил интерком спокойным голосом находившегося на мостике Хирхарука. — Для точного определения координат потребуется большая базовая линия, но по предварительным данным его радиус-вектор порядка сорока — пятидесяти астрономических единиц.

Приборы, способные на таком расстоянии обнаружить искривление светового луча под воздействием субзвездной массы, вызывали у Койи почтительное восхищение. Оборудование, которому позавидует любая лаборатория. Ее мысли перенеслись на деда. «Если уж ты, Гунунг Туан,

оплатил все эти игрушки, значит, деньгами тут пахнет и вправду большими».

— Так далеко? — вмешался голос ван Рийна. — Там же холодина, наверное, такая, что задницу отморозишь.

— Иначе невозможно, — объяснила Койя. — Это же была АО, со светимостью в сотню солнечных. Чуть поближе даже от газового сверхгиганта остался бы один металл — что и произошло позднее, во время вспышки.

— Ja, так я и думал, так я, милая, и думал. Только никак не мог предвидеть, что здесь все происходило с таким размахом. Ладно, хватит тащиться на субсветовой скорости; мы не можем тратить попусту целые недели. Хирхарук, переходи на гипер; сначала набери эту самую твою базовую длину, а потом подходи к планетке поближе.

— Гипердрайв в гравитационной яме? — пораженно воскликнула Койя.

— Все хоккей, если у тебя хорошие и хорошо отлаженные двигатели, а уж наши настроены — что твоя скрипка Страдивари. Музыка, маэстро!

Койя покачала головой и взялась за работу — предстояло получать данные при новых условиях движения.

И снова «Джайян» шел на гравах; ван Рийн согласился, что попытка со сверхсветовой скоростью приблизиться к полной тайне, окутанной пеленой невразумительных предположений, сильно смахивает на излишне дорогую форму самоубийства.

Стоя на мостике между Хирхаруком и своим дедушкой, Койя глядела на заполнявшие целую переборку шкалы приборов и дисплеи, словно они могли сказать ей больше, чем изображение неба на экране. И приборы могли бы — умей она пользоваться ифрианской аппаратурой, заменявшей на этом корабле привычную, земную.

— Данные продолжают поступать, — заговорил пристроившийся на насесте Хирхарук. — До оптического контакта осталось не больше часа.

— Ага, — кивнул ван Рийн. — Надо, пожалуй, изготовить команду.

— Экипаж изготовится мгновенно, по первому сигналу. Пусть отводят душу, как хотят, для некоторых из нас этот день может стать последним. — Из интеркома доносилась мелодия, непохожая ни на что земное. Пение струн, неровный пульс барабанов и визг флейт рассказывали о кружащих в небе охотниках...

Сердце Койи сжалось от ужаса.

— Но вы же не собираетесь воевать!

— Не бойся, — улыбнулся ван Рийн. — Самая обыкновенная предосторожность.

— Вы не должны этого делать, ни в коем случае!

— Почему «не должны», если встретим там этих ребят, и они начнут что-нибудь такое устраивать?

Койя попыталась что-то сказать, но не смогла. «Я не могу ему признаться, — подумала она в отчаянии. — Ну как я могу сказать, что там, возможно, люди Дэвида?»

— Во всяком случае мы убедились, — заметил Хирхарук, — что «Суперметаллы» — не уинна чужой цивилизации. — У Койи звенело в голове, она смутно припомнила, как во время посещения Ифри ей показывали уинну. Нечто вроде большой вуали, она использовалась для маскировки, чтобы не умеющая летать дичь приняла охотника за плывущий в небе клочок тумана. Из этого вполне практического применения вырос сказочно прекрасный воздушный танец и... «и я смотрела, и думала, вот нашли мы чудо, может быть, уникальное даже для полной чудес Галактики... а потом все запуталось, стало каким-то безобразным, и, Дэвид, что же нам делать?»

— Мы не совсем еще уверены, — услышала она голос ван Рийна. — Возможно, наша находка случайна, или планета — совсем не то, за что мы ее принимаем. Нужно сунуть нос и посмотреть, и надеяться, что нам не врежут по этому самому носу.

— Там действуют ядерные установки, — заметил Хирхарук. — По нейтрино видно. А что же это может быть еще, если не база и космические корабли?

Ван Рийн сцепил руки за спиной и прошелся по мостику, гулко бухая ногами по голой палубе.

— А что мы можем угадать заранее? Знаешь поговорку «Предупрежден — вооружен»? Вот мне и хотелось бы быть вооруженным на любой случай — и ножом, и бластером, и пулеметом, и самонаводящейся ракетой — легонькой такой, на мегатонну, не больше.

— Масса планеты... — Хирхарук справился по приборам и назвал число, соответствовавшее приблизительно Сатурну.

— Не больше? — удивился ван Рийн.

— Прежде было больше, — услышала Койя свой голос. Сейчас в ней говорил ученый, в то время как сердце девушки билось в отчаянии, словно дичь, попавшая в сеть упавшего с неба охотника. — Газовый гигант, приближавшийся по размерам к малой звезде. Сверхновая снесла большую часть этой массы — нельзя даже сказать, что она испарила газы, у нас и слов подходящих нет для того, что там происходило, — в результате чего осталось голое ядро, железоникелевое с примесью более тяжелых элементов.

Она остановилась, заметив на себе напряженный взгляд желтых глаз Хирхарука; по всей видимости, теоретические основы экспедиции не были известны капитану, для него слова Койи не звучали банально. И он заинтересовался. Если оказать ему услугу, объяснив все это простыми словами, тогда потом, возможно...

Дальше Койя обращалась прямо к ифрианцу:

— Конечно же, после удаления верхних слоев давление на ядро ослабло, и оно взорвалось, переходя в новое фазовое состояние. При этом планета лишилась последних остатков атмосферы; не исключено, что одновременно было выброшено и большое количество твердого вещества. Так что нужно приглядывать за метеоритами.

— Это делается автоматически, — успокоил ее Хирхарук. — Интересно другое: откуда вообще взялась эта планета? Меня учили, что у гигантских звезд, способных стать сверхновыми, планет не бывает.

— Да, — заметил ван Рийн, — и астрономы все еще чешут затылки по поводу Бетельгейзе.

— Но в этом случае, — продолжила Койя свои объяснения, — все значительно проще. Действительно, как правило, массивные звезды не допускают образования планетных систем, у них не те параметры гравитационного поля. В то же время гигант может быть одним из компонентов двойной звезды, причем различие между партнерами бывает весьма значительным. Поэтому, когда меня навели на мысль, что такое может случиться, я написала программу, которая исследовала гипотезу во всех деталях и подтвердила, что да, при определенных условиях возможно образование двойной, у которой одна из составляющих — крупная звезда, а другая — планета, превосходящая по массе Юпитер. После обратного экстраполирования вещей вроде движения пыли и газа, изменений галактического магнитного поля и тому подобного оказалось, что такая пара может существовать как раз в этих местах.

«У тебя был ключ, появление суперметаллов. — Взгляд Койи скользнул по изрытому морщинами лицу торговца. — А Дэвид до всего догадался сам». Перед ее глазами встало лицо с коротким носом и насмешливыми ярко-синими глазами.

«А может быть, Дэвид здесь и ни при чем. Может, это просто совпадение. Бог моего дедушки, Ты, в кого я не верю, сделай, пожалуйста, чтобы это было совпадение. И пусть эти корабли, к которым мы приближаемся, принадлежат мирным шахтерам, а не великой и ужасной Старшей Расе».

Только она знала, что молитва останется без ответа. И что ни ван Рийн, ни Хирхарук совсем не убеждены в мирности этих шахтеров.

— Я уверена, капитан, что вы слышали все это и прежде, однако позвольте мне еще раз кратко изложить общий ход процесса. При вспышке сверхновой испускаются нейтроны в количестве, которое я могу назвать, но не могу осознать, охватить разумом. И в огромном диапазоне энергий. То же самое относится и к прочим частицам, и к фотонам. А при таких условиях должна произойти любая возможная реакция.

Само собой, начальные материалы, скорость реакций, выходы — да любой параметр меняется от случая к случаю. Тяжелые ядра, например актиноиды, составляют очень малую долю общего выхода, а суперметаллы — еще на порядки меньшую. И они так рассеиваются в пространстве, что практически исчезают. Ни одна из образующихся впоследствии звезд и планет не получает их в количестве, которое можно было бы обнаружить даже точными приборами.

Но вот в данном случае имелся компаньон планетной массы, превратившийся в металлический шар. Нет смысла даже строить догадки, сколько квинтиллионов тонн выброшенных звездой раскаленных газов пронеслось над этим шаром. Часть их растворилась в расплавленном металле поверхности, часть могла осесть на ней сверху, и особенно задерживались именно суперметаллы, из-за их высокой температуры конденсации.

Да, суперметаллы составляли крохотную часть выхода, да, планета уловила лишь крохотную их часть. Но чему равна эта крохотная часть? Миллиардам тонн? Причем извлекать эти металлы, имея современную технику, совсем не трудно, а вполне возможно, потому что значительная часть их просто лежит в чистом виде. Они радиоактивны, так что нужно проявлять осторожность, особенно в том, что касается короткоживущих вторичных элементов, кроме того, значительная часть этих сокровищ успела уже распасться. Но все равно осталось больше, чем наша крохотная цивилизация сумеет потребить до самого своего конца. Это какой же гений до такого додумался!

Койя почувствовала пристальный взгляд ван Рийна. Старый торговец не расхаживал больше по мостику, а стоял неподвижно, громоздкий и волосатый, как тролль, и задумчиво подергивал свою бороду.

Ее спас резкий свист; из интеркома посыпались слова на планха. Хирхарук отозвался серией коротких фраз — Койя не понимала, что говорит капитан, но видела, как он напрягся.

— Что там такое? — шепотом спросила она, подойдя к ван Рийну. — Ты понимаешь, о чем это они?

— Ja, и очень хорошо, лучше, чем когда поют в опере. Детекторы обнаружили три корабля, которые снялись с орбит вокруг планеты и пошли нам наперехват. Другие корабли остались, где были. Все ясно: те — грузовые суда, а эти, которые идут сюда, — боевые.

Даже при максимальном увеличении планета суперметаллов выглядела еще неказистее, чем исчезнувший сейчас из виду труп сверхновой. Просто на фоне созвездий висел маленький, тускло поблескивающий шарик. «И все равно, — подумала Койя, — там целый мир».

Конечно же, это не гладкая сфера, там должны быть горы и равнины, ущелья и хребты, и пропасти. Обрывы, чья мрачная поверхность сверкает искрами золота, и низменности, куда сползают ртутные ледники. Должно иметься внутреннее тепло и подземные толчки, сотрясающие стальную почву, и вулканы, извергающие пламя и радиоактивный пепел. Навеки бесплодная, эта планета должна, однако, жить своей собственной жизнью.

Ступал ли Дэвид Фолкейн на эту землю? Если был здесь, то да, уж это — совершенно ясно. Весело ругая местное тяготение, в пять или шесть раз превосходящее земное, но все равно шел, какие бы смертельные опасности ни таились тут в каждом темном углу. Естественно, все эти углы нужно осмотреть — тем, кто решится добывать здесь металлы, придется потратить много лет и, без всякого сомнения, жизней на разведку и исследование, на конструирование, испытание и переделку техники... но Дэвида это уже не будет

касаться. Он — не тягловый мерин, а скакун. Он сделал свое открытие, сообщил о нем каким-то избранным для этого существам, возможно — помог им собрать первоначальный капитал и рекрутировать представителей расы, наиболее приспособленной к жизни при высоком тяготении, а затем отправился дальше, к новым приключениям. А может быть — заглянул в Галактическое Содружество и пригласил Койю Коньон потанцевать.

— Ийян уэрилл-лл на куеглан.

Слова из интеркома и ответная фраза Хирхарука вернули ее к действительности.

— Что?

— Тсс-с, — отмахнулся ван Рийн, он чуть наклонил вбок голову и напряженно вслушивался. — Веселенькие, доложу тебе, дела.

— Приборы показывают, что один из этих кораблей примерно равен нашему, — объяснил Хирхарук. — Два других поменьше, но они идут строем, позволяющим максимально использовать огневую мощь. И если эта мощь пропорциональна размерам — а тут нет причин сомневаться, — то перед нами сильно превосходящий противник. К тому же они не просто хотят выгнать нас отсюда — и строй, и траектории рассчитаны так, чтобы помешать нам уйти.

— А можно некоторые подробности?.. Нет, подождите. — Ван Рийн развернулся к Койе: — Ласточка, ты ведь сделала уйму отсчетов по этой звезде, а вот этот терминал можно переключить на компьютер, с которым ты работала. Нанимая у ифрианцев корабль, я заказал программу перевода английского языка, арабских цифр, метрических единиц и какой уж там хренью ты пользуешься — программу перевода всего этого на планха и обратно. Можешь ты посчитать для нас кое-что, и в темпе? — Тяжелая пятерня, дружелюбно шлепнувшая девушку по плечу, чуть не сшибла ее с ног. — Знаю, что можешь. Я помню, — добавил он тихо и почти задумчиво, — твою бабушку.

Во рту Койи пересохло, ее ладони покрылись потом, в ушах гулко стучало. Она подумала о Дэвиде Фолкейне и сказала:

— Да. Что нужно рассчитать?

— В первую очередь — структуру гравитационного поля, и чего можно ожидать при различных его интенсивностях. Плюс радиация, электромагнетизм, все прочее, что ты успеешь запрограммировать. Но против этих штук мы защищены, и довольно прилично, так что не слишком расстраивайся, если с ними не будет особой точности. И не отвлекайся на посторонние разговоры, ничего тут не слушай, а работай... Вот же зараза! — Интерком снова заговорил. — Легки на помине.

По-видимому, командир встречающего отряда послал вызов в стандартном диапазоне. На экране появилось изображение; Адзель! — чуть не вскрикнула пораженная Койя.

Нет... конечно, нет... это была голова воданита, но не того милого дракона, который катал ее маленькую на спине, а потом, когда Койя подросла, серьезно, терпеливо втолковывал ей свой буддизм. На заднем плане виднелись икрананец, лицом похожий на ворона, и человек в одежде какой-то из колоний, какой именно — Койя не понимала.

— Приветствую вас, — задвигались толстые, словно резиновые, губы. — Я — коммодор Нади. — По-английски коммодор говорил вполне прилично, а роскошный бас его голоса проникал буквально до костей.

— Коммодор какого флота? — громыхнул ван Рийн, сунув нос прямо в сканер.

— Кхо, я узнаю вас, мастер ван Рийн. — На мгновение опешивший Нади быстро собрался и говорил твердо, уверенно. — Какая неожиданная честь, что вы лично навестили наше скромное предприятие.

— А предприятие это — «Суперметаллы», nie?

— Ну конечно же, вы угадали, даже сомневаться в этом было бы невежливо.

Заложенная за спину рука ван Рийна раздраженно взлетела вверх, и Койя послушно уселась перед терминалом. Хирхарук на своем насесте выглядел совершенно невозмутимо и слегка обмахивался крыльями. Ифрианская музыка стихла; теперь из интеркома доносились шелест и негромкий шепот.

Ван Рийн продолжал беседовать с Нади; довольно простая и рутинная для Койи работа не мешала ей слушать.

— Понимаете, коммодор, сидел я сидел, не обремененный никакими делами одинокий старик, которому и поговорить-то не с кем, разве что вот внучка зайдет попросить чего-нибудь, и у меня была уйма времени, чтобы думать — это, конечно, не так приятно, как пить, но думать можно и в одиночку, и по почкам это бьет не так крепко, а голова наутро болит всего чуть сильнее, чем после пьянки. Вот я и подумал — а что, если суперметаллы получаются не в производственном процессе, который мы представить себе не можем, а в природном и, возможно, в таком, о котором мы кое-что знаем? А тогда это должна быть вспышка сверхновой. Правда, сверхновая расшвыривает все по пространству, а суперметаллов так мало, что они пропадают. Если только у этой сверхновой нет спутника, который их уловит.

— Примите, пожалуйста, глубочайшее мое уважение. Возможно, ваша прозорливость подсказала вам заодно, кто стоит за нашим предприятием?

— Ja, я могу сказать прямо, и ничуть не боясь ошибиться, кто такие эти ваши предприятели. Мелкие, как рыбки уклейки, дельцы, по большей части — из бедных и малоразвитых общин, наскребли кое-какие гроши, сложили их вместе и образовали консорциум. Нетрудно понять и секретность — если станет известно, какая тут сокровищница, мощные компании сразу выкинут вас и возьмутся за дело сами. А любой суд они купят с потрохами на свои карманные деньги, так что туда и обращаться не стоит. Поэтому вы до последней возможности будете хранить все в тайне. В конечном итоге кто-нибудь обязательно повторит мой

шерлок-холмсовский номер. Но, дай вам еще несколько лет спокойной жизни, вы получите несколько гигакредитов чистой прибыли; возможно, вы разбогатеете даже настолько, что сумеете защитить свою собственность.

Койя почти увидела этих безвестных старателей — на орбитальных станциях, на кораблях, на кладбищенски безжизненной планете, где роботы вгрызались в руду и управляли обогатительными фабриками, а живые существа стояли свои вахты, превозмогая мрак, и холод, и страшную тяжесть, и радиацию, и прочие бессчетные опасности экамира.

— Вот потому-то, мастер и капитан, мы и обзавелись этими боевыми кораблями.

— Но вы же не думаете, — невинно заметил ван Рийн, — что я притащил свою драгоценную тушу в такую даль и забыл при этом оставить записку, которую прочтут, если я не поспею на розыгрыш кубка Микронезии?

— Честно говоря, мастер, я именно так и думаю. Потенциальный выигрыш был достаточно велик, чтобы оправдать практически любой риск, и вне зависимости, ведется ли игра ради денег, или... или ради чего-либо еще. — Он на секунду задумался. — Ну а если такая записка и вправду существует, вы будете хорошим заложником. Узнав, что вы в плену, многие придут в восторг, но у вас ведь есть и союзники; вместе с работниками вашей компании они сделают все возможное. Так что, мастер, капитан и все находящиеся на борту вашего корабля — примите искреннейшие мои извинения. Мы постараемся по возможности скрасить ваше заточение.

— Wat drommel![104] — От возмущенного вопля ван Рийна вздрогнули переборки. — Он возьмет нас в плен! Это какую же надо иметь наглость?

— Мы вас задерживаем. И не делайте попыток уйти — тоща нам придется открыть огонь.

---

[104] Какого черта? (нидерланд.)

— А не слишком ли вы размахнулись? Наглость, она до добра не доводит.

— Подумайте сами, мастер. Мы приняли излучение вашего гипердрайва и приготовились заранее. Вам не проскользнуть мимо нас в открытый космос — положение и скорости наших кораблей дают полную гарантию, что один из них обязательно вас перехватит, вступит в бой, а тем временем подойдут и остальные два. — Ван Рийн неохотно кивнул. — Конечно, — продолжал Нади, — можно уйти в сторону звезды — судя по всему, вы умеете использовать гипердрайв при больших полях, чем это обычно делается. Но даже вам не удастся развить в этом направлении большую псевдоскорость — неизбежны разрушения. Мы же пойдем кружным путем — но значительно быстрее, а потому обязательно вас обгоним. Мы рассчитаем конус, в котором должны будут лежать возможные направления вашего выхода в пространство, и снова выстроим заслон, мимо которого вы не пройдете.

— Вам что, и вправду так уж не терпится угостить нас своим домашним пивом?

— Умоляю вас, мастер, сдайтесь без сопротивления. Обращаться с вами будут — по возможности — хорошо, я обещаю вам возмещение убытков, а когда вы будете с нами, попытаюсь объяснить, почему у «Суперметаллов» не было иного выхода.

— Хирхарук, — вздохнул ван Рийн, — поговори-ка ты с этим недоумком, может, у тебя лучше получится. — Возмущенно топоча, он вышел из поля зрения камеры. Капитан взглянул на него с сомнением, однако продолжил ни к чему не приводящий спор с воданитом. Ван Рийн склонился над внучкой. — Ну и как тут дела? — Шепот его звучал не громче пятибалльного ветра.

Койя указала на экран. Все вычисления были вполне обычного для нее типа, а их результаты представлялись в понятном для любого космического капитана виде

диаграмм и уравнений эквипотенциальных поверхностей. Бегло просмотрев материалы, ван Рийн кивнул:

— Для начала хватит, — решил он. — Остальное прикинешь по пути.

— Как это — по пути? — испуганно повернулась Койя. — Мы же в западне!

— Это он так считает. А вот я заранее сообразил, что тот, кто сидит на этом сундуке с сокровищами, обязательно поставит охрану, и сторожить будут — что бы я там ни сказал коммодору — не недоумки, а ребята ушлые и хорошо обученные. Вполне способные усадить нас в ту хитрую задницу, в которой мы сейчас сидим. Эрго, я заготовил на такой случай болт с левой резьбой. Но это, — посерьезнел ван Рийн, — было задумано исключительно на случай, если совсем уже припрет. Все может повернуться не так, и тогда мы на том свете. Только лучше уж на том свете, чем в самой очаровательнейшей из тюрем, nie? — (А она так и не могла ничего сказать про Дэвида.) — Говорил же я, что прогулка может оказаться опасной. — Огромная и как перышко легкая рука погладила девушку по голове. — Простите меня, Беатрис и Рамона.

Так звали маму и бабушку Койи.

Ван Рийн резко отвернулся, подошел к так и продолжавшему испытывать долготерпение Нади своей ифрианской гордостью Хирхаруку и что-то сказал — на планха и с пулеметной скоростью. Капитан, не раздумывая кивнул, и тут Койя поняла, почему ее дедушка зафрахтовал корабль именно на этой планете. Хирхарук вернулся к беседе с воданитом, а ван Рийн встал к главному пульту и принял управление «Джайяном».

На предельном ускорении корабль рванулся к звезде.

Эту часть пути Койя запомнила плохо. Сперва в их сторону полетели ядерные ракеты, и она увидела вспышки разрывов и подумала, что это — смерть. Однако ван Рийн и Хирхарук выбрали такое направление движения, что за час полета на гравитационных двигателях ни один снаряд не

смог набрать относительную скорость, достаточную, чтобы прорвать оборонительный огонь ифрианцев — вот откуда были эти вспышки.

Затем появилась хоть и рискованная, но возможность перейти на гипер. Делать это приходилось медленнее, чем в межзвездной пустоте, однако уже через час остывающий карлик оказался совсем рядом, гравитация возросла и пришлось вернуться в нормальное пространство.

И вот здесь, вместо того чтобы обходить звезду по широкой дуге, корабль пошел прямо на нее, и снова — на предельном ускорении.

Койя была слишком занята работой, чтобы замечать происходящее вокруг. Она производила расчеты, давала рекомендации, временами — когда компенсирующие поля уже не справлялись с огромными ускорениями — бессильно висела на привязных ремнях. Она видела, как разрастается изображение звезды, как оно заполняет весь экран. Она слышала, как стонут под невыносимым напряжением ребра корабля, и всем телом ощущала их мучительную дрожь, она видела, как растут показания счетчиков радиации, и понимала, как близко та грань, за которой никакая медицина не справится с полученной дозой. Она слышала рявканье ван Рийна, флейтовый голос Хирхарука и свист ответов на отдаваемые ими команды, и громкое хлопанье крыльев — неизменно торжествующее, хотя «Джайян» все еще находился в зубах смерти. Но по большей части она просто работала как заведенная, ничего не видя и не слыша.

И так продолжалось много часов, показавшихся годами.

Спасла их только предварительная подготовка — ван Рийн приказал заранее просчитать подобную ситуацию, и результаты этих расчетов хранились в банке данных компьютера; задача Койи сводилась к тому, чтобы вводить числа и функции, соответствовавшие реальному положению вещей, и получать ответы, в соответствии с которыми старый торговец и капитан направляли корабль. Работа захватила ее полностью, вытеснив и страх, и даже мысли о Дэвиде.

Ошеломленный Нади смотрел, как верная, казалось, добыча исчезает с экранов. Сперва он преследовал беглецов на гипердрайве — в пределах разумного риска, — а затем — на гравитационных двигателях. Он подошел к звезде значительно ближе, чем следовало бы, но не имел возможности швырнуть свой корабль еще глубже, по сумасшедшей гиперболе. За все годы пребывания здесь ни ему, ни его товарищам даже в голову не приходило, что кто-нибудь рискнет приблизиться к вращающимся останкам солнца, сиявшего когда-то ярче целой Галактики. Поэтому никто никогда не исследовал такую ситуацию, а чтобы рассчитать ее сейчас, потребовался бы огромный, неподъемный для корабля компьютер и несколько дней времени.

И дело было не в радиации — совсем нетрудно прикинуть, насколько близко может подойти к светилу команда, прикрытая данным количеством защитной брони. Но масса полудюжины солнц, спрессованная в объеме Земли, имеет ошеломляющей силы гравитационное поле, в искривленном этим полем пространстве все законы природы приобретают странный, непривычный характер. Более того, карликовая звезда с фантастической скоростью вращается, порождая релятивистские силы, для описания которых необходимо точно знать все параметры. А еще пульсации типа, наблюдаемого обычно только в пределах атомного ядра, а здесь приобретающие масштаб в миллионы километров...

После того как ифрианский корабль окунулся в эти призрачные, смертельно опасные глубины, Нади утратил всякое представление о дальнейшем ходе событий. Он не мог предугадать, где беглецы вынырнут, где они снова станут доступны наблюдению — и не мог, соответственно, спланировать перехват.

Оставалось лишь надеяться, что они вообще не вынырнут. Корабль, отважившийся на такой маневр — и не в орбитальном к тому же движении, а с работающими двигателями, — не будет разорван в клочья, не упадет на

раскаленную поверхность звезды только в случае, если пилот и его компьютеры точно знают, что нужно делать.

Или почти точно. Маневр действительно был до сумасшествия рискованный. Оторвавшись наконец от своего терминала, Койя увидела, как крепко вцепившийся руками в насест Хирхарук торжествующе плещет крыльями и что-то кричит, а ван Рийн молитвенно опустился на колени. Затем был еще метеоритный поток (так ей показалось), сбивший — ударами по защитному полю — их с траектории, и тогда старый торговец яростно потряс в воздухе кулаком, начал было очередное умопомрачительное ругательство, но посмотрел на нее и смолк. Еще позднее, когда произошла очередная неприятность — какое-то непонятное взаимодействие с плазменным облаком, — он подошел к Койе, наклонился и поцеловал ее в лоб.

Они преодолели и рифы, и водовороты, вышли в открытый космос, включили гипердрайв и легли на обратный курс.

Случайности случаются, без них жизнь была бы скучной и даже странной.

«Через пень-колоду», направлявшийся по записке Койи к экамиру, обнаружил «Джайяна», связался с ним, уравнял скорости и пришвартовался. Ван Рийн пригласил вольных торговцев к себе на борт.

После счастливо окончившегося свидания со смертью прошло еще менее суток, да к тому же ифрианцы вообще не любят шумных встреч, так что команда продолжала отдыхать — только Хирхарук счел себя обязанным поприветствовать гостей от имени своего чота. Разбуженная дедушкой Койя проглотила стимулирующую таблетку, оделась и поспешила в зал для полетов, единственное место на корабле, где мог — с относительными удобствами — поместиться Адзель. В этом гулком, полутемном помещении она обняла — насколько хватило рук — дракона, затем Чи Лан, а затем поцеловала Дэвида Фолкейна, заплакала и поцеловала его снова, и не могла уже оторваться.

— Кхе-кхе, — прокашлялся ван Рийн, привлекая к себе внимание. — А к тому же кхо-кхо. Я тут сижу и сижу себе на корме, корму свою до мозолей просиживаю, жду — не дождусь, пока хоть кто-нибудь продрыхнется наконец и отметит со мной это дело, а тут вдруг оказывается, что заявилась ваша мушкетерская троица, и в результате я же сам и должен все таскать. — Торговец указал на собственноручно им накрытый стол, на бутылки и рюмки, блюда хлеба, сыра, колбасы, икры, локса и канубы, посреди которых красовалась ваза с неведомо откуда взявшимися цветами. Звучала негромкая музыка, в соответствии со вкусами хозяина торжества — Моцарт.

— Так вот, по свидетельству поэтов, любовь превозмогает время, чего не скажешь про хорошую пищу, так что расставим эти удовольствия в правильном порядке, nie?

При обычных обстоятельствах Фолкейн бы расхохотался, опрокинул первую заиндевевшую стопку аквавита, за чем последовали бы стакан пива и предложение Койе — попробовать, можно ли танцевать под такую музыку. Но сейчас она почувствовала, как напряглись державшие ее за руку пальцы и услышала такой же напряженный голос:

— Сэр, не могли бы вы сперва сообщить мне, что с вами произошло?

Ван Рийн занялся сигарой. Койя умоляюще взглянула на Адзеля, погладила мех пристроившейся в кресле Чи Лан — и не нашла в себе сил говорить. Ситуацию обрисовал — в нескольких коротких фразах — Хирхарук.

— А-а-а, — ошеломленно выдохнул Фолкейн. — Господи Боже, Койя, так они загнали вас чуть не в самый этот адский котел... — Он отпустил руку девушки и крепко, словно пытаясь защитить, обнял ее за талию.

— Ну, — несколько виновато пробурчал ван Рийн, — я же не хотел, чтобы она летела, моя нежная ласточка, ja, нежная, как закаленная сталь...

Койе показалось, словно Фолкейн заслоняет ее собой, обычным жестом мужчины, заслоняющего женщину от грозящей опасности.

— Сэр, — сказал он ровным, без всякого выражения голосом, — это я знаю или, во всяком случае, могу предположить. И готов обсудить с вами эту тему позднее. Сейчас же я очень прошу вас сказать, как вы намерены поступить в отношении консорциума «Суперметаллы».

Раскуривший наконец сигару ван Рийн задумчиво покрутил усы.

— Ты пойми, — сказал он, — меня ничуть не колышет, что они ведут свое дело втихаря. Но кой черт, они же хотели засадить меня в камеру или превратить в ошметки сала, которые пошли бы на строительство следующего поколения планет. И Койю тоже, ты, Дэви, не забывай про Койю. Правда, она скорее всего сделала бы эти планеты еще прекраснее. Так вот за это они заплатят.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего такого особенного... долю. А к тому же — вполне скромную. Ну, скажем, десять процентов валовой выручки.

Обожженное сотнями солнц лицо Фолкейна нахмурилось.

— Сэр, вам не нужны деньги. Вы уже и забыли, когда в них нуждались. Для вас они просто фишки в игре, возможно — единственной интересующей вас игре. А вот эти, оставшиеся за кормой вашего корабля — они не играют.

— А чем же тогда они, позволительно спросить, занимаются?

И тут — совершенно неожиданно — заговорил Хирхарук:

— Вы знаете, чем, мастер. Они стремятся получить то, что позволит их народам летать. В конце, — высоко вскинул он голову, — Всевышний Охотник поражает каждую свою тварь и все, что она создала. Я вижу, что на вашу жизненную тропу уже пала его тень. Так пусть новое родится в мире.

Чувствовалось, что ифрианцу хочется раскинуть свои золотые крылья, однако для этого ему пришлось бы встать на руки.

— Гунунг Туан, тебе же только и нужно сделать, что ничего не делать. — Рука Фолкейна, лежавшая на талии Койи, придала ей смелости. — Не рассказывай никому и ничего. Ты победил, а теперь скажи им, что тебе этого достаточно, что ты — тоже им друг.

Она часто видела, как дедушка багровеет, но вот побледневший от ярости ван Рийн — это было совершенно новое зрелище.

— Ja! Ja! — заорал он. — Друг! Такой хороший, такой добренький, ну, может, чуть близорукий... А кто нарушил свою присягу верности — и это, когда я относился к нему как к сыну? Кто нарушил это родство?

«Он подозревал, — с ужасом поняла Койя, — но не признавался в этом даже самому себе до этой минуты, когда я практически прямо сказала правду».

Чи Лан выгнула спину. И прежде не двигавшийся Адзель замер как каменный. Фолкейн забыл про Койю — она отчетливо это чувствовала — и глядел своему боссу прямо в глаза.

— Вы хотите услышать ответ? — Каждое слово торговца звучало как удар молота. — Думаю, лучше всего нам будет похоронить прошлое.

Целую минуту все молчали. Фолкейн словно вспомнил, что рядом с ним Койя, ван Рийн смотрел на них, а с него самого не сводили глаз Адзель, Чи и небесный охотник Хирхарук.

— Хоккей. — Голос ван Рийна почти не был слышен. — Я не буду разевать варежку. Никогда. А теперь можем мы наконец сесть и отметить встречу? — Он начал наполнять рюмки, и Койя увидела, что дедушка действительно очень старый.

Насколько нам известно — а так ли много мы знаем, проживая в этом едва нами обследованном уголке одной-единственной галактики? — Авалон стал первой планетой, на которой два различных разумных вида основали общую колонию. Поэтому многое было непредсказуемо, и не только в том, что касалось самой планеты, чьи тайны первые исследователи лишь слегка приоткрыли, но и в будущем подобного смешанного общества. Поселенцы сперва начали обживать острова Гесперид, вероятность наткнуться на что-нибудь смертельно опасное здесь была меньше, нежели на материке. Каждая из рас выбрала свое место жительства.

Разумеется, отношения были самыми сердечными. Все с нетерпением ждали дня, когда люди и ифрианцы победят материк и станут жить на нем вместе. Однако на первых порах не мешало избегать трений, ведь на самом деле у этих рас только и было общего, что схожая биохимия, теплая кровь, живорождение и надежда начать все сначала в неиспорченном мире. Они должны были знакомиться постепенно, чтобы взаимность рождалась без усилий со стороны.

Поэтому Нат Фолкейн на заре своей жизни нечасто видел крылатый народ. Если ифрианец оказывался в Чартертауне по делу, он общался с его дедушкой Дэвидом или, как теперь, с отцом Николасом, но уж никак не с маленьким мальчиком. Даже когда крылатый гость заходил на обед, разговор за столом чаще всего шел не по-английски. Нат, раздраженный этим, прилагал все усилия, изучая в школе язык планха, но усилия эти не окупались, пока ему не исполнилось семнадцать авалонских лет — двенадцать по летосчислению Земли, едва ли атом с которой нашелся бы в его теле.

К тому времени поселения на архипелаге разрослись настолько, что предводители стали готовы пустить корни и на Коронанском материке, но перед этим многое следовало

изучить и спланировать. Одним из людей, работавших с ифрианцами в исследовательской команде, стал Николас Фолкейн. Штаб-квартира располагалась в основном поселении союзников, называемом ими Тровэй, а людьми — Земля Крылатых. Работа продлится много оборотов Морганы, каждый из которых составлял почти половину лунного месяца, и он взял с собой жену и детей.

Нат оказался единственным на всю округу мальчиком своего возраста. Зато уж ифрианских приятелей ему хватало.

— У-у-ух! — устроив ветер и громко хлопая крыльями, взлетел с балкона Кешчи. Раздался трубный призыв: — Чего ты ждешь, копуша?

Турак, не такой порывистый, как брат, окинул Ната острым взглядом желтых глаз.

— Ну что, ты с нами? — спросил он.

— Да... наверное, — пробормотал тот.

«У тебя проблемы», — молча сказал Турак. Бесконечно изменчивое ифрианское оперение могло придавать выражение всему телу, и значило оно обычно больше, чем вообще могут значить слова. На уроках планха Нат узнал несколько общепринятых выражений, но теперь, по-настоящему познакомившись с живыми ифрианцами, он все больше и больше чувствовал себя глухонемым.

Он всего лишь мог неуклюже сказать словами:

— Нет, со мной все в порядке. Честное слово. Просто думаю, ну... не надо ли хотя бы позвонить маме и спросить...

Нат умолк. Всем своим видом Турак выражал презрение. А он еще был мягким и деликатным, не то, что властный Кешчи...

«Ну, если тебе, будто птенцу, так уж надо...» Это ли было написано на бронзовых перьях и белых с черными кончиками хохолке и хвосте?

Нат почувствовал себя очень одиноко. Он так обрадовался, когда эти приятели, с которыми он немного говорил

и играл, позвали его провести каникулы по случаю Недели Свободы в своем доме. И конечно же, все обитатели чота Заклинателей Дождя были с ним очень вежливы, даже задушевны, если не считать нескольких презрительных замечаний Кешчи, которые он сам, видимо, и не считал колкими. И родители были рады разрешить Нату принять приглашение.

— Это — шаг в будущее, — воскликнул отец. — Наши народы должны узнать друг друга до мозга костей. Это — задача вашего поколения, Нат... и ты первым берешься за нее.

Но ифрианцы были чужими, и не только в смысле общения. Их плоть, их кровь, сами молекулы, составлявшие их гены, были не человеческими. И глупо было притворяться, что это не так.

«Иначе» не всегда означает «хуже». Может ли это, страшно подумать, означать «лучше»? Или «счастливее»? Создавал ли Господь ифрианцев, будучи в лучшем расположении духа, чем при создании людей?

Наверное, нет. Они были плотоядными, прирожденными охотниками. Может, поэтому они и позволяли, и даже поощряли молодежь к безрассудным поступкам, стоически принимая то, что неудачливые и недостойные не вернутся...

Кешчи спикировал рядом. Ната обдуло ветром, поднятым его крыльями.

— Ты что, приклеился? — прокричал ифрианец. — Спешу тебя уведомить, что прилив ждать не будет. Если хочешь пойти с нами, черт возьми, пошевеливайся!

— Ты знаешь, он прав, — продолжил более спокойный Турак. Он дрожал от нетерпения.

Нат сглотнул, шаря взглядом в поисках хоть чего-нибудь привычного.

Он стоял на балконе высокой каменной башни, в которой жили самые почтенные семьи. Внизу был мощеный дворик и беспорядочно разбросанные деревянные здания. Какие-то животные паслись на спускающихся вниз по холму лугах,

покрытых земной травой и клевером, ифрианскими звездчатыми колокольчиками и рожью, земными дубами и соснами и ифрианскими медными деревьями, далее обработанные земли переходили в красноватый ковер местного сузина с разбросанными по нему ярко-зелеными пятнами ризничного куста и нежно-голубыми джаниями. Большое и золотое с утра солнце Лаура стояло над серебрящейся вдали линией океана. Еще по небу плыли несколько кучевых облаков и бледный призрак заходящей Морганы. Мимо пролетала стайка авалонских дракул, по сравнению с великолепным оперением Кешчи их кожистые крылья смотрелись очень невзрачно. Взрослых ифрианцев видно не было, по своим делам они летали далеко.

Нат, невысокий и худой, со взъерошенными волосами и тонкими чертами лица, чувствовал себя карликом во всем этом огромном мире.

Ветер бормотал, ласкал его лицо прохладой, доносил аромат листьев и далеких земель, дымный запах тела Турака.

Хоть тот и был молод, но вырос уже почти со взрослого, то есть примерно с Ната. Стоял он на своих огромных крыльях, сложенных вниз, с когтями, создающими некое подобие ступней.

На месте ног и лап птичьих предков у ифрианца находились руки и ладони. Костяк его сохранил жесткость, как у птиц, и сильно выдающуюся килевую кость, но голова, сидящая на довольно длинной шее, если не обращать внимания на хохолок, выглядела почти как у млекопитающего: мягкие черты лица, рыжевато-карие глаза, клыки, контрастирующие с тонкими линиями губ, при низком лбе череп выдавался назад, и в нем помещался превосходный мозг.

— Так ты летишь? — настойчиво спросил Турак, пока Кеш-чи насвистывал где-то в вышине. — Или ты предпочитаешь остаться? Может, так оно для тебя и будет лучше.

Кровь застучала у Ната в висках. «Я не дам этим тварям повода насмехаться над людьми», — пронеслось у него в

голове. В то же время он знал, что поступает глупо, что надо отпроситься у мамы — и что делать этого он не будет, он тоже знал, но не мог ничего с собой поделать.

— Лечу! — бросил мальчик.

«Отлично», сказало оперение Турака. Он поставил руки на пол и оперся на них, расправляя крылья. На просвет в лучах солнца перья будто таяли. Под ними мелькнул ряд пурпурных жаброподобных щелей, биологического форсажа, позволявшего существам такого размера летать в близких к земным условиях. С шумом и ревом Турак взлетел.

Выписывая головокружительные петли, он поднимался все выше и выше, к парящему кузену. Они начали перекрикиваться. Находясь в полете, ифрианец сжигает больше пищи и воздуха, чем человек; он, как иногда говорят, «более живой».

«Но я-то не ифрианец», — думал Нат. Слезы жгли его. Он зло утерся тыльной стороной ладони и потянулся к переключателям гравипояса.

Он был надет на талии поверх комбинезона, за спиной висели два цилиндра силовой установки. Мальчик мог подняться в воздух и лететь очень долго. Но что за жалкое это было утешение.

Покидая башню, Нат чувствовал легкую вибрацию в животе, создаваемую двигателем. Его пальцы потянулись, чтобы настройкой переключателей выровнять высоту и задать курс на север. Сильный резкий ветер дул прямо в лицо, так что пришлось надеть поверх кожаного шлема защитные очки. У ифрианцев на такие случаи имелось третье веко.

Последние несколько дней до Ната постепенно доходило, пока наконец ночью, когда он лежал на койке, поставленной для него в гнезде мальчиков, не дошло, насколько эти существа владели своими бескрайними небесами и насколько человек далек от этого, и ему пришлось давиться слезами — не дай Бог, кто-нибудь услышит.

Гравипояс монотонно работал и тащил молодого Фолкейна по прямой, в то время как его приятели парили,

ныряли и кружились в воздухе, наслаждаясь свободой неба, принадлежащей им с рождения.

Северный берег изгибался, образуя небольшой залив. За сузином, кустами и грядой дюн его воды сверкали чистым сине-зеленым цветом; прибой яростно бил о рифы, закрывающие вход в залив. Там некоторые подростки держали свои лодки, Кешчи и Турак были из их числа.

Но... потихоньку они переделывали свою лодку для плавания в открытом море; и сегодня наступил день испытания.

Приземлившись, Нат почувствовал себя не таким жалким. На земле он был ловчее медленных и ограниченных в движении ифрианцев. Замена, как он хмуро подумал, не очень равноценная. Все же он мог быть им полезным. Не это ли было настоящей причиной, по которой его пригласили участвовать в первом плавании?

«Для Кешчи — несомненно, — решил мальчик. — Ту раку я, кажется, нравлюсь как личность... Кажется». Нат окинул взглядом надменные лица, но, хотя они были полны эмоций, он не смог увидеть в них ничего, кроме естественного возбуждения.

— Ну же! — Кешчи даже пританцовывал от нетерпения. — Спускаем на воду! Ты, — повернулся он к Нату, — тащи за нос, а мы толкнем с кормы. Прыгай!

На секунду разозлившись, Нат почти уже решил послать его подальше и вернуться. Он знал, что все равно не должен участвовать в этом опасном предприятии, не удосужившись даже предупредить родителей. Весь этот план ему предложили так неожиданно... «Нет, — подумал он. — Я не могу позволить им считать меня, человека, трусом. Они меня еще узнают». Он ухватился за форштевень, покрытый изящной резьбой с мотивами виноградной лозы, согнул спину и стал тащить изо всех сил.

Лодка с готовностью поехала по песку из своего укрытия. Это было похожее на каравеллу стройное одномачтовое

судно без палубы и с почти плоским дном, длиной около четырех метров. Песок, скрипевший под тонкими подошвами Ната, сменился водой, разом промочившей его штаны. С негромким чмокающим звуком лодка оторвала свое днище от песка и заплясала на волнах.

Кешчи и Турак одним взмахом крыльев забрались на борт, Нату пришлось неловко карабкаться через планшир; насквозь мокрый, он стоял и не знал, что делать дальше, а ифрианцы тем временем поставили мачту, закрепили штаги, начали разворачивать грот и кливер. Оснастка казалась несколько странной: гибкий гафель был длиной почти как утлегарь. Синтетическое полотно, потрескивая, расправилось на ветру.

— Эй, подождите минутку, — сказал Нат. Ифрианцы недоуменно повернулись, и он понял, что говорил по-английски. Неужели они никогда не считали нужным изучить его язык так же, как он — их? Нат перешел на планха: — Я плавал сам, вокруг Первого Острова, и знаю — э... ну как это называется? — покраснев от смущения, он не знал, как объяснить свою мысль.

Турак помог ему. После некоторых усилий они поняли друг друга.

— Ты заметил, что у нас нет киля, и не понимаешь, как мы собираемся лавировать, — объяснил ифрианец. — Я удивлен, что ваши спортсмены не взяли наше изобретение на вооружение. Смотри, — он повернул изогнутый щит, установленный на шарнире и снабженный лопастями, видимо, для автоматической установки его положения. — Под действием ветра он обеспечивает боковое сопротивление, сопротивление же воды отсутствует. Так получается значительно лучше, почти как на подводных крыльях.

— Ничего себе! — удивлялся Нат.

Его радости несколько поубавилось, когда Кшпчи покровительственным тоном добавил:

— Конечно же, ведь знание свойств воздуха приходит к нам само.

— Ну, отчаливаем, — засмеялся Турак. Он взял румпель в правую руку и шкот в левую, когтями крыльев ухватившись за насест. Полощущиеся паруса натянулись, и лодка рванулась вперед.

Усевшись на дно — банок не было, — Нат смотрел на бурлящую воду, слушал ее шипение, чувствовал, как судно дрожит из-за большой скорости, ощущал вкус соли на губах. Лодка едва не летела и ровно рассекала воду. Берег удалялся, а прибой устрашающе быстро становился все громче и ближе.

Нат сглотнул. «Нет, я и виду не подам, что чувствую себя неуютно». В конце концов, гравипояс все еще был на нем. Если лодка перевернется, или еще что-нибудь, он сможет долететь до берега. Ифрианцы — тоже. Интересно, они поэтому не беспокоились о спасательных жилетах?

Рифы темного коралла почти непрерывной невысокой грядой перекрывали вход в лагуну. Ярко-зеленые валы, разбивались о зубчатые стены с пробирающим до костей грохотом и фонтанами пены. В бурлящих водоворотах мотало толстые коричневые сети водорослей, оторвавшихся где-то в море от больших скоплений. Щурясь от брызг, Нат едва разглядел узкий проход, на который правил Турак.

«Мне это не нравится, мне это совсем не нравится», — пронеслось в голове мальчика первобытным холодком, оставшимся со времен рева, завываний и голодного чавканья в ночи.

Турак опустил румпель. Лодка неслась с такой скоростью, что со стороны гафель и утлегарь сливались в одно целое, хлопанье паруса терялось в вихре шума. На новом галсе лодка подлетела к проходу. Турак пел от радости. Кешчи распушил перья, и те засверкали в брызгах и солнечных лучах.

Лодка лавировала среди рифов. Вдруг незамеченная сеть водорослей зацепилась за руль, и волны и ветер тут же принялись за дело. Суденышко швырнуло о гряду рифов. Зубцы

прошли сквозь обшивку, словно пилы. Прибой схватил лодку и начал разбивать ее в щепки.

Нат взлетел, еще толком не сообразив, что случилось. Он висел на отталкивающем поле над бело-зеленой яростью океана и дико озирался вокруг. Вон Турак, парящий в воздушном потоке, отчаяние в каждом перышке, но живой, в безопасности... А Кешчи?

Пытаясь перекричать океан, Нат задал вопрос. До него донесся ответ, еле слышный из-за шума:

— Не знаю, я его не вижу, не ударило ли его гафелем? — Турак ошалело закружил над водой. — Вон там! — проорал он, а потом в полном отчаянии: — Нет, нет, Кешчи, родной, друг...

Нат бросился к ифрианцу. Ветер терзал его, разбивающиеся волны словно переполняли его своей яростью. Он долго пытался что-либо разглядеть через застилающий глаза туман брызг и увидел...

...Кешчи, одно крыло которого запуталось в водорослях; волны кидали его, загоняли под воду, снова выбрасывали на поверхность и остервенело кидали о рифы.

— Мы можем поймать его! — крикнул Нат, но потом увидел то, что уже заметил Турак: это было бесполезно. Кусок водорослей, прицепившийся к Кешчи, был дюжину метров в длину и примерно столько же в ширину. Весил он, должно быть, тонну или больше. Ифрианца нельзя было поднять, пока кто-нибудь не залезет в воду и не освободит его.

Но ифрианцы, крылатый народ, просто не способны плавать. Для них это совершенно невозможно. В лучшем случае помощь сверху даст жертве прожить одной или двумя минутами больше.

Нат нырнул.

Хаос сомкнулся вокруг него. Он наполнил легкие воздухом и задержал дыхание, пока его несло в льдисто-бледные глубины. «Спокойно, спокойно, умирают именно из-за паники». Течения были сильнее него, но у мальчика, в отличие от стихии, имелась цель. У него были мозги, которые он

мог использовать. Пусть его уносит под воду — Нат почувствовал, как его щека царапнулась о камень, — ведь его снова вынесет наверх и...

Он и сам не помнил, как оказался рядом с Кешчи, как начал барахтаться в воде, вдыхая, когда появлялась такая возможность, побольше воздуха, и все время пытаясь ухватиться за опутавшие крыло растения. Казалось, прошла вечность, но Кешчи наконец обрел свободу.

Кешчи схватился за протянутую ему Тураком руку. Ничего не соображающий, насквозь промокший — он не мог лететь сам, а Турак не мог его тащить в одиночку.

Волна швырнула Ната головой вперед на то место, где раньше разбилась лодка. Еще чуть-чуть, и было бы поздно, но мальчик успел дотянуться до пульта управления и поднялся в воздух.

Он схватил Кешчи за вторую руку и переключил силовую установку своего пояса в положение «Перегрузка». На пару с Тураком они оттащили своего товарища на землю.

— Моя жизнь принадлежит тебе, Натаниэл Фолкейн, — дома сказал Кешчи. — Позволь мне почитать тебя.

— Да, да, — шепотом пронеслось в полумраке комнаты, где собрались обитатели чота Заклинателей Дождя.

— М-м-м, — пробормотал, вспыхнув, Нат. Ему хотелось сказать: «Пожалуйста, только не говорите моим родителям, во что я по глупости вляпался». — Но это было бы несообразно той торжественной церемонии, которую для него устроили друзья.

Наконец она завершилась, и ему с Тураком удалось ускользнуть на тот самый балкон, с которого все началось. Короткий авалонский день подходил к концу. Солнечные лучи косо освещали поля, отражались от моря, за которым лежали дома людей. Воздух был спокойным, прозрачным и пропитанным запахом растений.

— Я сегодня многое узнал, — серьезно сказал Турак.

— Да уж, надеюсь, со следующей лодкой вы будете осторожнее, — попытался пошутить Нат. «Ну сколько же можно вокруг меня суетиться? — подумал он. — Когда-нибудь, конечно, перестанут, и тогда можно будет расслабиться и просто радоваться обществу друг друга. Но пока...»

— Я понял, как хорошо, когда у каждого свои сильные стороны и ими можно делиться.

— Ну, конечно. Разве не ради этого затеяли устройство нашей колонии?

Стоя между небом и морем, Нат вспоминал, как он плавал, нырял, ходил на яхте всю свою жизнь, сверкание и смех воды, ласкающей лицо и обнимающей все тело, катание на мировых волнах и заплывы в полумрак скрытых глубин, неожиданную красоту рыбы или волнистый песок дна, солнечные зайчики над головой... и посмотрел на ифрианца, испытывая к нему толику сочувствия.

Над головой пролетел ифрианец во всем великолепии. Трехметровые крылья и гордо посаженная золотоглазая голова на солнце казались отлитыми из бронзы. Белые, как снег на окрестных горах, хохолок и хвост были слегка тронуты черным. Истинный повелитель ветра.

Против воли Джек Бирнам признал, что зрелище завораживало. Но в бинокль он посмотрел только по обязанности. Если пролетавшее существо поприветствовало его, он ради своей расы должен был ответить на приветствие, а ифрианцы часто забывали, что у людей не очень острое зрение.

«Я должен быть особенно вежливым, находясь на принадлежащей им территории, — с горечью подумал мальчик. — А теперь она им принадлежит, черт бы побрал Парламент с его сделками».

В бинокль он хорошо видел изогнутую морду плотоядного с неожиданно нежными губами; лапы, превращенные эволюцией в руки; когти на «локтях» крыльев, служившие на земле ступнями, жаброподобные щели на теле, мехи, накачиваемые летательными мышцами, работающие биологическим форсажем, позволяющим существу подобного размера подняться в воздух. Он даже мог различить по оперению, что это — мужчина средних лет, фигура, судя по узорным поясу, кошельку и кинжалу, составлявшим всю его одежду, важная.

Ифрианец, хотя, несомненно, и заметил Джека, никак этого не показал. Скорее всего это просто входило в обычаи его чота. Ноты различались по своим обычаям так же сильно, как и нации людей, а Джек вспомнил, что народ Врат Бури, переезжающий сюда, довольно необщителен. Несмотря на это, мальчик пробормотал вслед улетающему ифрианцу:

— Можете называть это достоинством, а я подобное поведение называю снобизмом, и ты мне тоже не нравишься.

Крылатый силуэт постепенно уменьшался, а затем скрылся за далеким хребтом. «Он, видимо, направляется в Тихое Ущелье, на охоту, — решил Джек. — А я-то хотел там прогуляться... С другой стороны, почему бы и нет? Вряд ли мы с ним встретимся, в ущелье я спускаться не собираюсь. В горах хватит места нам обоим — сейчас, пока его народ их не заселил».

Он привесил бинокль к рюкзаку и продолжил свой одинокий путь.

Самые высокие горы на Авалоне расположены в Андромедском хребте, но так его называют люди. Ифрианцы, присоединившиеся к людям в колонизации, не без причин называют это место Мать Погоды. Почти через два дня — через двадцать два часа — после встречи с незнакомцем на Джека Бирнама обрушился ураган. Рожденный и выросший здесь, он привык к неожиданным бурям, они все время возникали на быстро вращающейся планете. Но сила этой просто поразила мальчика.

Опасности для него не было никакой, поход в одиночку в дикие земли не являлся проявлением глупости. Конечно, Джек предпочел бы пойти с кем-нибудь, но так получилось, что все его друзья оказались заняты, а он не надеялся, что представится другой шанс побывать в дорогих для него местах. Он хорошо это знал. В его намерения входила просто пешая прогулка, а не альпинизм. В свои двадцать четыре (или семнадцать по летосчислению Земли, которую он ни разу не видел) он был крепче и выносливее многих взрослых, а в случае серьезных трудностей требовалось лишь послать сигнал бедствия с помощью карманной рации. Настроившись на нее, аэрокар с ближайшей спасательной станции, расположенной у подножия холмов, доберется до него за несколько минут.

Если погода будет летной!

Когда поднялся ветер и с севера налетели темные тучи, он сделал быстрые приготовления. В спальном мешке, снабженном капюшоном и дыхательной маской на случай совсем уж плохих условий, он не замерз бы даже при температурах, каких и не бывает на Авалоне. Над спальником сооружался тент из дюрапласта, который остановит град и обломки. Складной каркас, легкий, но прочный, он закрепил на четырех самозабивающихся крючьях со взрывающимися головками, намертво всадившихся в скалу. Теперь убежище никуда не денется. Оказавшись вместе со всем снаряжением внутри, Джеку ничего не оставалось, как переждать несколько часов последовавшего воя.

И все же к тому времени, когда буря улеглась, он был почти напуган и оглушен ее яростью.

Выбравшись из-под навеса, он обнаружил, что солнце давно село. Моргана в полнолунии светила настолько ярко, что затмевала большую часть звезд. Отдаленные снежные равнины сверкали на фоне сине-черного неба, валуны и кусты на перевале, где остановился Джек, казалось, превратились в серебро, рядом тек ручеек, будто наполненный ртутью. Почти священную после воя ветра тишину нарушали лишь журчание ручья да гул водопада. Воздух, хотя и холодный, нес запахи остроконечного трилистника, душистого ливелла и джании. Изо рта вырывались призрачные клубы пара.

После долгой неподвижности мальчик не мог уснуть. Он решил развести костер, приготовить кофе и чего-нибудь поесть, посмотреть на рассвет. Здесь, над линией леса, приземистые крепкие растения почти не пострадали. Но он был уверен, что найдет массу обломков деревьев. Им внизу, должно быть, досталось значительно сильнее. Утром он это увидит. Сейчас все вокруг было для него просто темнотой, покрытой инеем лунного света.

Пискнула рация. Джек насторожился. Это означало общую передачу на аварийной частоте. Доставая из кармана

комбинезона плоскую коробочку, он включил ее на двусторонний разговор. Донесся слабый голос:

— ...районе горы Высокой. Четвертая спасательная станция Андромеды вызывает всех в районе горы Высокой. Четвертая...

Джек поднес рацию ко рту:

— Вас слышу. — В своей стеганой одежде он ежился далеко не просто от холода. — Джон Бирнам отвечает АСС-четыре. Я... один, пешком, но если могу помочь...

На другом конце голос резко спросил:

— Где именно вы находитесь?

— На карте у этого места нет названия, — объяснил Джек, — я на южном краю большого каньона, начинающегося примерно в двадцати километрах на восток-северо-восток от вершины Высокой. Я где-то у середины ущелья, это будет, ну, скажем, еще километров тридцать к востоку.

«Все же у этого места есть название, — подумал он. — Пять лет назад, впервые оказавшись здесь, я окрестил его Тихим Ущельем, за то, что лес здесь такой высокий и тихий. Интересно, как его назовут ифрианцы, когда я уже больше не смогу сюда приходить?»

— Нашел, — ответил голос. Должно быть, у него есть аэрофотография местности. — Вы сказали, Джон Бирнам? Я — Ивар Холм. Шторм прошел нормально?

— Да, спасибо, я хорошо подготовился. Вы что, решили устроить проверку?

— В некотором роде, — угрюмо сказал Холм. — Понимаете, во всем секторе неприятности. Этот подлый ураган чертовски недооценили в прогнозе. Думаю, это — от недостатка метеостанций. Или колонии слишком молоды, чтобы знать все авалонские шуточки. Так или иначе, здесь, внизу, на холмах, все переломано — фермы, деревья, отдельно стоящие лагеря; аэрокары или потерпели аварию, или разбиты в лепешку, в том числе несколько машин и из нашего парка. Несмотря на помощь извне, мы еще долгие дни будем

искать и спасать уцелевших. Нашим пилотам и врачам придется вообще забыть о сне.

— Мне очень жаль, — неловко сказал Джек.

— Я молил Бога, чтобы кто-нибудь оказался в этих местах. Видите ли, где-то там попал в беду ифрианец.

— Ифрианец! — прошептал мальчик.

— Да не просто ифрианец, а Айан, вайвэн Врат Бури.

— Что?

— Вы что, не знаете? — В этом не было ничего невозможного. До сих пор две расы не сильно пересекались. Они были слишком заняты, приспосабливаясь на занимаемых территориях к миру, необычному для них обеих. Семья Джека держала морскую ферму на берегу в пятистах километрах на запад отсюда, и мальчик редко встречал представителей другого народа. Даже хорошо образованному человеку можно было бы простить некоторую неопределенность в знаниях о структуре ифрианских обществ.

— В чоте Врат Бури, — объяснил Холм, — слово «вайвэн» настолько близко по значению к словам «вождь» или «президент», насколько это вообще возможно для их языка. А Врата Бури, в связи с увеличением населения, не так давно заполучили весь этот участок Андромедских гор.

— Знаю, — Джек, не удержавшись, взорвался вновь вскипевшей яростью. — Парламент Людей и Великий Хруат Ифрианцев заключили свою сделку, нисколько не заботясь о нас, проводивших здесь все возможное время просто потому, что мы любим это место!

— Что? Вы что говорите? Это был честный обмен. Они отдали нам кусок отличной прерии. Мы же, в отличие от них, не живем охотой и животноводством. Ни на что, кроме прогулок, мы все равно горы использовать не можем, да и то случается нечасто. Кстати, а почему мы теряем время, Бирнам?

Джек стиснул зубы:

— Пожалуйста, продолжайте.

— Ладно. Айан в одиночку полетел лично осматривать новые земли. Для ифрианцев это — в порядке вещей. Вам должно быть известно, насколько у них силен территориальный инстинкт. Сейчас я получил тревожный звонок из центра Врат Бури. Семья вайвэна утверждает, что он вышел бы на связь сразу после урагана, будь у него такая возможность, и просила сообщить, если выяснится, что он в целости и сохранности. Но сообщения не поступало. К тому же он ни разу не упомянул, где именно собирается быть, и ни один ифрианец не носит с собой столько груза, чтобы его можно было заметить с воздуха.

— В том лесу маломощный передатчик работать не сможет, — сообщил Джек. — Слишком много там растет железолиста.

— Этого еще не хватало! — простонал Холм. — Беда не приходит одна, так? — Он глубоко вздохнул. — В обычных условиях у нас бы уже тьма машин вылетела на поиски, независимо от сложности задания. Сейчас мы себе такой роскоши позволить не можем, учитывая, что его может и не быть в живых. И все же — вы говорили так, будто имеете представление о его местонахождении.

Джек помолчал, потом медленно ответил:

— Да, думаю, что да.

— Что? Быстрее, ради всего святого!

— Пару дней назад, направляясь туда же, куда и я, мимо меня пролетел ифрианец. Наверное, тот самый. Забравшись сюда, внизу, в каньоне, я заметил дым, поднимающийся над деревьями, наверное — от его костра. Думаю, он охотился... Я не слишком вглядывался, но смогу примерно показать место. Почему бы не прислать команду ко мне?

Некоторое время Холм молчал. Свет луны стал белее и холоднее.

— Бирнам, вы что, не слушали? — наконец спросил он. — Нам нужны все люди и все машины все время, когда они могут работать. Если верить моей карте, ущелье сплошь заросло лесом. По-вашему, мы должны послать двух или трех

людей и машину искать точное местонахождение ифрианца — учитывая, что шансов быть живым у него, кажется, не много, а вы... вы — прямо на месте?

Может быть, вы найдете его? Выясните, как обстоят дела, окажите посильную помощь и свяжитесь с нами, обладая точной информацией. Прямо оттуда мы его и вытащим, а время, сэкономленное на поисках, пойдет на спасение сотен людей, которым ясно, как помочь. Как вам такой вариант?

Теперь замолчал Джек.

— Алло? — крик Холма походил на писк в ночи. — Алло?

Джек сжимал передатчик, пока не побелели костяшки пальцев.

— Не знаю только, что я смогу сделать, — сказал он наконец.

— В смысле?

— У меня аллергия на ифрианцев.

— Что?

— То ли перья, то ли... за последние год-два стало совсем плохо. Стоит только подойти к одному из них, и вскоре я еле дышу. А антиаллерген я с собой в этот поход не взял, никак не думал, что понадобится.

— Это должно быть излечимо.

— Врач так и говорит, но нужно оборудование, которого нет на Авалоне. Ну, знаете, для трансформации РНК. Моя семья не может позволить себе отправить меня на более развитую планету, так что я просто избегаю ифрианцев.

— Но посмотреть-то вы можете! — взмолился Холм. — Я благодарен за риск, но если вы будете очень осторожны...

— Ладно, — неохотно согласился Джек. — Это я могу.

С силой, свойственной ифрианцам, в ожидании спасения или смерти Айан закрыл свой мозг для боли. Время от времени он издавал резкие охотничьи крики, которые и вели к нему Джека после того, как мальчик добрался до тех мест, но раз за разом они становились все слабее.

Далеко внизу, у подножия крутого склона, прислонившись к кусту, не столько лежал, сколько растянулся ифрианец. Везде вокруг него все было завалено сломанными ветками и поваленными стволами, из-за которых Джек с трудом за день сюда добрался. Сквозь прорехи в кронах проглядывало закатное небо. Сверкающая блестящая пурпурная листва железолиста перемежалась зеленью и золотом других деревьев.

Левое крыло Айана изгибалось под неестественным углом. Из-за перелома он не мог ни ходить, ни летать. Несмотря на изможденность и истощение, он все же расправил хохолок, когда в поле зрения оказался человек. Хрипота усилила акцент в его английском:

— Рад тебя видеть!

Не доходя до ифрианца трех метров, Джек остановился. Он тяжело дышал, обливался потом, несмотря на холод, колени были будто ватные. Понимая, что глупее не придумаешь, он, однако, не смог сказать ничего, кроме:

— Как… вы себя чувствуете… сэр? — «Зачем называть «сэром» Ворующего земли?»

— Довольно плохо, — с трудом выговорил Айан. — Хорошо, что ты пришел, вторую ночь я бы не выдержал. Ветер бросил мне на крыло тяжелый сук, и оно сломалось. Еду и снаряжение раскидало, думаю, что и ты не сможешь их найти. — Рука с тремя средними и двумя большими пальцами по краям указала на пристегнутый к поясу передатчик. — Каким-то образом сломался и он. На мои просьбы о помощи никто не отвечал.

— Здесь бы вы ответа не дождались, — Джек махнул в сторону зловещих листочков, дрожащих на ветру. — Вы не знали? Оно называется железолист. Он забирает соли из почвы и выделяет в виде мелких крупинок чистого металла, чтобы блеском привлекать опыляющих жучков, а заодно — поглощает радиоволны. В подобные места нельзя отправляться без напарника.

— Я этого не знал — даже погода застала меня врасплох.

Эти места мне чужие.

— А для меня это — родная страна. — Кулаки мальчика сжимались, пока ногти не вонзились в ладони.

Взгляд Айана сфокусировался на Джеке. Тот подумал, насколько странным должно казаться со стороны его поведение. Ифрианцу требовалась помощь, а человек просто стоял рядом. Джек не мог уйти, не позаботившись о нем: он бы умер.

Мальчик собрался и торопливо заговорил:

— Слушайте, слушайте внимательно, может быть, я не смогу это повторить. Мне придется пробраться назад, туда, где можно воспользоваться рацией. Потом со станции пришлют машину, и я смогу провести ее к вам. Но до утра мне идти нельзя, я заблужусь или сверну шею, продираясь в темноте через оставшиеся после шторма горы обломков. Вначале я сделаю все, необходимое для вас. Нам лучше заранее планировать каждое действие.

— Почему? — спокойно спросил Айан.

— Я задыхаюсь в вашем присутствии! Я имел в виду аллергию... помогая вам, я заработаю сыпь и астму. Если мы не ограничим близкое общение, завтра я могу оказаться слишком больным для путешествий.

— Понятно. — Несмотря на обиду, Джек поразился самообладанию ифрианца. — У тебя, случаем, нет в аптечке анаго-на? Нет? Жаль. По-моему, это — единственное обезболивающее, годящееся и для твоего вида, и для моего. Храу. Ты можешь прямо сейчас кинуть мне флягу и какую-нибудь еду. От голода и жажды я едва не теряю сознание.

— Вы понимаете, что это — людская еда, — предупредил Джек. Хотя многие продукты могли есть и люди, и ифрианцы, в диете одних не хватало некоторых жизненно необходимых другим веществ, и наоборот. Кстати, местной, авалонской жизни не хватало питательности ни для одной из колонизирующих планету рас. Необходимость поддерживать различную экологию была основной причиной, по которой они жили раздельно. «Я даже не смогу сюда

возвращаться, — думал Джек. — Даже если новые хозяева и позволят мне это, то мое собственное тело — нет».

— По крайней мере запасусь калориями, — напомнил Айан. — Хоть мои перья и защищают от холода лучше, чем твоя кожа, за последнюю ночь я сжег почти всю остававшуюся во мне энергию.

Джек подчинился.

— Затем, — предложил он, — я разожгу костер и нарублю дров, чтобы вам хватило до утра.

Айан удивился? Лицо его было слишком чужим, чтобы по нему можно было что-нибудь прочесть. Казалось, будто ифрианец хотел что-то сказать, а потом передумал.

— Какая вам требуется неотложная помощь? — добавил мальчик.

— Боюсь, серьезная, — ответил Айан. У Джека упало сердце. — Начинается заражение, и сомневаюсь, что у тебя есть безопасный для меня антибиотик, значит, мои раны надо тщательно промыть. Надо вправить кость и наложить шину, хоть самую грубую. Иначе — я не хочу жаловаться, но малейшее движение причиняет буквально невыносимую боль. Прошлую ночь мне едва хватало сил работать здоровым крылом, чтобы хоть немного согреться. Если сломанному крылу не помочь, я не смогу продержаться в сознании и поддерживать огонь.

Джек забыл, как он ненавидит это существо.

— Да что вы, Господи! У меня ум за разум зашел. Возьмите мой спальник. Я могу, ну, что ли, засунуть вас в него.

— Там видно будет. Лучше нам продолжить планирование и подготовку.

Джек резко кивнул. И вот наступил момент, когда ему пришлось вдохнуть, задержать дыхание и подойти к ифрианцу.

Аллергия превзошла все опасения.

В итоге глаза у него так распухли, что почти не раскрывались, вся кожа горела и чесалась, а сам он,

полузадушенный, лежал, хрипло дышал, плакал и мелко дрожал. Присевший у огня Айан смотрел на мальчика через снова разделяющие их холодные сгущающиеся сумерки. Тот еле расслышал голос ифрианца:

— Спальный мешок тебе нужнее, чем мне, учитывая к тому же, что к рассвету у тебя должны быть силы на обратное путешествие. Отдыхай.

Джек покорно пополз к спальнику. Ему было слишком плохо, чтобы понимать, чего прошедший час стоил Айану.

Через кроны деревьев пробились первые бледные лучи света. Мальчик проснулся от хриплого крика, — Храх, храх, храх, человек... — долгое время он, казалось, прорывался сквозь паутину и туман, а затем резко вдохнул и полностью проснулся.

Ледяной воздух вошел в его легкие через заметно менее распухшее горло. Голова болела и была как в тумане, но все же он мог видеть и думать...

Айан лежал у погасшего костра. Он приподнялся на руках и громко каркнул. Хохолок его поник, глаза остекленели.

— Храх.

Джек выкарабкался из мешка и, спотыкаясь, встал на ноги.

— Что случилось? — в ужасе спросил он.

— Я... упал в обморок... только что очнулся — боль, усталость и... недостаток питания — я боялся, что могу потерять сознание, но надеялся, что этого не случится.

«Я-то почему не подумал? — пронеслось в голове у Джека. — Позапрошлой ночью, размахивая крылом, он, с помощью этого форсажа, подстегивающего обмен веществ до недостижимых человеком пределов, сжег не только питательные вещества, остававшиеся в его теле, но и витамины, которых не было в моих рационах...»

— Почему вы не взяли спальник? — злясь на себя, спросил Джек. — Я прекрасно мог обойтись без сна.

— Я не был уверен, что ты сможешь, — прозвучал хриплый шепот. — Ты выглядел очень больным и... неправильно было бы, если бы ты умер за старого... я слишком мало знаю о твоем племени... — Ифрианец поник.

— А я — о вашем... — Джек бросился к Айану, взял его на руки, отнес к теплому мешку и осторожно положил внутрь. Вскоре глаза ифрианца открылись, и Джек смог его накормить.

Астма и сыпь на этот раз были значительно слабее, чем раньше, да Джек их все равно почти не замечал. Убедившись, что Айан устроился удобно и все необходимое — под рукой, мальчик наскоро перекусил и пустился в путь.

Ему предстоит упорная борьба за то, чтобы в теперешнем жалком состоянии выйти из леса железолиста засветло. И он это сделает. Обязательно.

Врачи продержали Джека в больнице всего один день. Поправившись, он одолжил респиратор и защитную одежду и пошел в палату ифрианца попрощаться.

Айан лежал на специально разработанной для его расы койке. Он был один в комнате. Открытое окно выходило на лужайку, высокие деревья — авалонские королевские кроны, ифрианские «гнезда ветра», земные дубы — и далекие снежные вершины. С неба лился свет, воздух пел. Айан с тоской смотрел наружу.

Но он повернул голову и, да, улыбнулся, увидев входящего Джека и узнав его, несмотря на всю «маскировку».

— Приветствую тебя, товарищ по буре, — сказал он.

Лежа в больнице, мальчик изучал обычаи Врат Бури. Он покраснел, понимая, что нет более нежного и уважительного обращения, чем «товарищ по буре».

— Как вы себя чувствуете? — неуклюже спросил он.

— Благодаря тебе я поправлюсь, — Айан посуровел. — Джек, — тихо сказал он, — ты можешь подойти ко мне?

— Конечно, пока на мне эта штука. — Мальчик приблизился. Когти сжали его руку.

— Я говорил с Иваром Холмом и другими, — прошептал Айан. — Ты злишься на меня и весь мой народ, так?

— Э, ну...

— Понимаю. Мы прогоняем тебя с дорогого для тебя места. Джек, ты и все, кто будет с тобой, всегда будут там желанными гостями и смогут бродить, где вздумается. Нашим народам давно пора начать свободно общаться.

— Но... Я хотел сказать, спасибо, сэр, — заикаясь, проговорил Джек, — но я не смогу.

— Твоя слабость. Да, — Айан издал ифрианский мелодичный эквивалент смешка. — Думаю, по большей части она — психосоматической природы и пройдет вместе с твоей злостью. Но, естественно, мой чот отправит тебя на другую планету для полного излечения.

Джек мог только таращить глаза и давиться словами.

Айан поднял свободную руку:

— Не надо благодарить нас. Нам нужна близость таких, как ты, людей, которые не бросят в беде даже врага.

— Новы — не враг! — вырвалось у Джека. — Я был бы горд называть вас своим другом!

Приводимый ниже рассказ взят из любопытной книги, обнаруженной при раскопках Сол-Сити на Земле. Я говорю о «Воспоминаниях Джона Генри Ривза, контр-адмирала Имперского галактического флота». Стиль изложения слегка подправлен, однако в целом перед вами — подлинный текст. Вопрос о том, происходили ли события, о которых повествуется далее, в действительности, пока остается открытым, поскольку, на мой взгляд, излишний драматизм лишает рассказ правдоподобия. Тем не менее не приходится сомневаться, что написан он на заре Первой Империи, а потому мы с вами можем увидеть ту эпоху глазами ее современника, который, кстати, нарисовал нам замечательный портрет Основателя. В мелочах Ривз, быть может, и отступает от фактической канвы событий, однако серьезные погрешности в его изложении отсутствуют. Вы вправе счесть пятую главу его «Воспоминаний» беллетризованным вымыслом, но не забывайте, что годы жизни автора — великая и трагическая пора триумфальных свершений и что в своей книге он пытается изобразить истинный облик человека, который уже тогда превратился в легенду.

Донвар Эйеген,
Президент Галактического археологического общества

Они приближались. Серая туша их вожака заполняла визир оптического прицела моей винтовки. Всякий раз, стоило мне только выглянуть из-за стены, слышался свист пуль, и я нырял обратно. Кусок стены, за которым мы прятались, возвышался над развалинами единственным зубом во рту мертвеца. Я рывками нажимал на спусковой крючок и тут же припадал к земле. Время от времени вражеские пули ударялись о мою каску и разрывались, и тогда я ощущал

сладковатый аромат сонного газа, от которого у меня начинала кружиться голова.

Кэтрин перезаряжала винтовку. Я услышал, как она выругалась: обойма застряла в проржавевшем патроннике. Я бы с радостью отдал ей свое собственное оружие, но его состояние было немногим лучше. Веселенькое дельце — стрелять из винтовки, которая, того и гляди, взорвется у тебя в руках, но, кроме этого старья, у нас ничего не было. Два вторжения болдиков за пятнадцать лет почти полностью опустошили Землю.

Я выстрелил. Громадный серый варвар закрутился, зашатался, прижимая все четыре руки к брюху, и со стоном медленно опустился на колени. Его соплеменники завыли, а сам он басовито выбранился. Что ж, он, конечно, умрет, но умрет нескоро. Я проделал в нем сквозную дыру, но эти горзуни невероятно живучи.

Я пригнулся. Пули свистели вокруг, срезая высокие стебли травы, что выросла на обломках дома. Поднявшийся ветер шелестел в траве и в кронах обезображенных войной деревьев, гнал по летнему небу одинокие облачка, так что сонный газ рассеивался, не успевая достичь нужной концентрации. Однако Йонссон и Хокусай распростерлись трупами у разрушенной стены. Прямое попадание погрузило их в глубокий сон.

Кэтрин пристроилась рядом со мной — грязный и рваный комбинезон облегал ее крепкое молодое тело словно королевская мантия, пряди темных волос выбивались из-под каски на забаву ветру.

— Если они взбеленятся, — проговорила она, — то примутся палить по нам из пушек или нападут с воздуха.

— Пожалуй, — отозвался я. — Но им нужны живые рабы, а не мертвые.

— Джон... — Голубые глаза Кэтрин потемнели, брови сошлись к переносице. Как знакомо мне было это движение! Я следил за игрой теней, что отбрасывали листья на деревьях, на ее смуглом лице. На вздернутом носу, скрывая под собой

веснушки, чернело пятнышко копоти. Но все равно — Кэтрин была прекрасна, прекрасна, как Земля, как свобода, как жизнь, как все то, что мне суждено потерять!

— Джон, — пробормотала Кэтрин, — может, избавим их от хлопот и выйдем к ним сами?

— Это мысль, — буркнул я, высовываясь из-за стены.

Горзуни стали действовать осторожнее. Они подкрадывались по саду к развалюхе, которую мы защищали. За их спинами виднелись руины большого дома. Над ними вился дымок. Горзуни рылись среди обломков, выискивая людей и сокровища. Меня так и подмывало выстрелить по ним, но я сдержался, решив приберечь патроны для тех, кто подбирается к нам.

— Мне вовсе не улыбается быть рабом у варвара-инопланетянина, — сказал я, — пускай даже с теми, кто сведущ в технике, обращаются сравнительно неплохо. Но вот женщине...

Я умолк, будучи не в силах докончить фразу.

— Я могу предложить им свои услуги в качестве техника, — ответила Кэтрин, — а могу и не предлагать. Джон, милый, по-твоему, риск не оправдан?

Разумеется, нам обоим поставили в свое время гипнотический блок против самоубийства. Так поступали со всеми, кто служил в уничтоженном космофлоте Содружества, за исключением имевших доступ к секретным сведениям. Считалось, что мы обязаны сражаться до последнего, до тех пор, пока нас не убьют или не возьмут в плен. Глупость, да и только, характерный образчик политики наших верхов, которая привела нас к поражению в войне. Раб с познаниями в науке и технике был для варваров ценнее пары-тройки солдат, которых он успеет убить до того, как его схватят.

Однако усилием воли блок можно было разрушить. Я поглядел на Кэтрин. Наши взгляды перекрестились. В ее глазах, за длинными ресницами, дрожали слезы.

— Ну... — пробормотал я беспомощно и поцеловал ее.

Это нас погубило. Горзуни были уже в непосредственной близости от нашего бастиона; при земной силе тяжести, которая составляла примерно половину той, к какой они привыкли, варвары перемещались с потрясающей быстротой. Один из них прыгнул на меня; он приземлился на свои когтистые, вывернутые наружу лапы с грохотом, от которого затряслась почва под ногами. Он запрокинул голову и издал торжествующий вопль, и тут я снес с плеч его рогатую башку. Но за ним последовали другие. Кэтрин закричала и выстрелила в самую гущу толпы, что навалилась на нас с тыла.

Что-то словно ужалило меня. Я почувствовал резкую боль, а потом в мозгу моем будто взорвалась бомба, и я покатился по извилистой дорожке во мрак. Последнее, что я увидел, была Кэтрин, которая пыталась вырваться из рук горзуни. Он был вполовину выше ее, он согнул ствол ее винтовки, но утихомирить ее ему удалось далеко не сразу. Больше я ничего не помню.

С наступлением темноты они принялись загонять нас на борт звездолета. Мы словно очутились в аду, каким его рисовали себе наши предки, — темная ночь, охваченные пламенем дома, длинная вереница людей, бредущих к кораблю, подгоняемых тычками и пинками охранников.

Какой-то дом полыхал как раз неподалеку от звездолета. Алые и желтые языки пламени отражались на металлическом корпусе, выхватывали из теней изможденные лица; мерцали людские слезы и безучастные глаза нелюдей. Тьма скрывала нас друг от друга, лишь иногда порыв ветра раздувал пламя, и мы начинали озираться по сторонам. Но жаркий воздух обжигал кожу, и мы поспешно отворачивались.

Кэтрин нигде не было видно. Я брел вослед идущему впереди, то и дело вздрагивая от удара прикладом винтовки — таким способом наши хозяева выражали свое нетерпение. Я слышал причитания женщин и стоны мужчин, которых заталкивали в звездолет.

— Джимми! Где ты, Джимми?

— Они убили его. Он лежит там, в развалинах.

— Боже, в чем мы провинились перед тобой?

— Мой малыш! Кто-нибудь видел моего малыша? Мой мальчик! Они отобрали его у меня!

— Помогите, спасите, помогите!..

Глухое проклятие, истошный вопль, скулящий стон, судорожный вздох — и неумолчное шарканье ног, рыдания женщин и детей.

Нас победили. Они рассеяли наши армии, разграбили города, они отлавливали нас среди развалин, на Земле и в космосе, а мы лишь бессильно огрызались и отплевывались, да надеялись, что остатки нашего флота сотворят чудо. Но — чудес по заказу не бывает.

На деле Болдическая Лига оккупировала пока только внешние планеты Солнечной системы, а внутренние продолжали подчиняться правительству Содружества, которое то ли ушло в подполье, то ли перестало существовать. Немногие уцелевшие корабли космофлота сражались с врагами поодиночке, вразнобой, а Земля превратилась в охотничье угодье для любителей легкой наживы и работорговцев. И скоро, подумал я с горечью, инопланетяне подавят последние очаги сопротивления, и Солнечная система, целиком войдет в состав их варварской империи. Значит, из людей свободу сохранят лишь поселенцы колоний дальнего Внеземелья, в большинстве своем — тоже варвары, часть которых уже поддержала Лигу против материнской планеты.

Нас загнали в камеры, по стольку человек в каждой, что мы буквально стояли на плечах друг у друга. Но Кэтрин попрежнему не попадалась мне на глаза, и я впал в какую-то апатию.

Когда все поднялись на борт, палуба задрожала под ногами и ускорение стиснуло нас в своих объятиях. Некоторые умерли, не выдержав перегрузки. Я старался изо всех сил не допустить, чтобы человеческая волна, что перекатывалась из конца в конец камеры, расплющила мою грудную клетку.

Звездолет горзуни представлял собой дряхлое, насквозь проржавевшее суденышко, добрая половина приборов которого не работала. Болдики совершенно не разбирались в технике. Они были варварами, слишком рано узнавшими, как строить космические корабли и пользоваться огнестрельным оружием. Ведомые военным гением, что обнаружился в их рядах, они обрушились на планеты Содружества.

Они зазубривали инструкции, смысла которых не понимали. Мне доводилось наблюдать, как их «инженеры» приносили жертвы преобразователям энергии; я знал, что многие их генералы принимают серьезные решения только после совета с астрологами или предсказателями судьбы по внутренностям животных. Именно поэтому они выискивали среди рабов специалистов-техников. Имея диплом инженера-ядерщика, я мог рассчитывать на то, что со мной будут обходиться достаточно любезно, хотя, с другой стороны, меня, возможно, продадут тому, кто сдерет с меня кожу или ослепит, или заставит надрываться в рудниках.

Тем не менее положение необразованных людей было гораздо хуже моего. К ним относились как к машинам из плоти и крови, они выполняли работу, для которой у горзуни не находилось роботов, и редко кто из них протягивал больше десяти лет. Женщин продавали по умопомрачительным ценам людям — предателям и отступникам. При этой мысли я застонал и в отчаянии попробовал убедить себя, что познания Кэтрин в технике уберегут ее от подобной участи.

Нас переправили на другой звездолет, который кружил на земной орбите сразу за пределами атмосферы. Мне не удалось рассмотреть его снаружи, но едва мы перешли на него, как я догадался, что нас погрузили на турноганский межзвездный транспорт. Такие корабли обычно перебрасывали в Солнечную систему войска и забирали оттуда рабов. Этот, однако, был вооружен и, если уметь им управлять, являлся грозной силой.

Нас встретили стражники, все до единого — горзуни. Они опирались на свои винтовки, форма сидела на них, как на

чучелах, и, судя по их поведению, у них начисто отсутствовало понятие о субординации, хотя бы для нижних чинов по отношению к офицерам. Приученные к дисциплине и чинопочитанию, мы не разглядели за внешней расхлябанностью армии варваров беззаветную храбрость и немалое воинское искусство. В итоге от космофлота Содружества осталась горстка оборванцев, а грязные варвары торжествовали победу.

Транспорт нам достался хуже некуда. На неокрашенной внутренней обшивке повсюду проступали ржавчина и плесень. Флюоресцентные панели еле светились, а кое-где перегорели совсем. Гравигенераторы пульсировали в ритме, который выворачивал человека чуть ли не наизнанку. Шкуры, украденные кухонные принадлежности, горшки и оружие сменили в каютах приборы и переговорные устройства. Экипаж звездолета был неряшливостью под стать кораблю. Горзуни слонялись по коридорам, посасывали куски мяса, пили, бросали кости, изредка с ухмылкой поглядывая на нас.

Коверкая английские слова, один из варваров приказал нам раздеваться. Тех, кто замешкался, награждали зуботычинами. Сложив одежду в общую кучу, мы построились в цепочку. Нам велели подходить по очереди к столу, за которым сидели пьяный горзуни и трезвый как стеклышко человек. Похоже, медицинское освидетельствование.

Варвар-«врач» ограничивался беглым осмотром. Чаще всего он махал рукой — мол, следующий, но иногда присматривался повнимательнее.

— Больной, — бурчал он. — Не довезти. Убить.

Мужчина, женщина или ребенок успевали лишь коротко вскрикнуть перед тем, как клинок, направляемый опытной рукой, отрубал им голову.

Человек восседал на столе, болтая ногой и негромко насвистывая. Горзуни временами поглядывал на него, и тогда он решал судьбу пленника единолично. Большинство

получило его одобрение, но одного или двоих он приговорил к смерти.

Проходя мимо, я пригляделся к нему. Ниже среднего роста, коренастый крепыш со смуглым лицом; крупные черты, крючковатый нос, большие глаза стального оттенка. Я еще не видывал такого холодного взгляда. На нем были свободная блуза пестрой раскраски и брюки из ткани, которую он, должно быть, прихватил с какой-нибудь ограбленной земной виллы.

— Мерзавец, — пробормотал я.

Он пожал плечами и показал на железный ошейник, что виднелся из-под блузы.

— Я такой же раб, как и вы, лейтенант.

Видно, он заметил мои погоны, когда я снимал форму.

Миновав стол, мы попадали под струю воды из шланга, который держал в руках другой горзуни. Смыв с наших тел кровь и копоть, варвары повели нас по длинному коридору и по деревянным лесенкам (шахты свободного падения и лифты, похоже, не действовали) в камеры. Там они отделили мужчин от женщин и запихнули нас в соседние помещения, огромные и гулкие металлические пещеры, всю обстановку которых составляли нары вдоль стен, кормушки и санитарные удобства.

Пыль толстым слоем покрывала изъеденный ржавчиной пол, воздух был прохладным, на губах ощущался металлический привкус. Дверь захлопнулась, и без малого пятьсот мужчин оказались взаперти.

В стене, что отделяла одну громадную камеру от другой, были окошки. Мы кинулись к ним, толкаясь, пихаясь и рыча. Каждый старался поспеть первым.

Я был молод и силен. Я прорвался сквозь толпу к ближайшему окошку. Там, прижатый к стене сотней потных тел, уже находился какой-то человек. Он протягивал руки к женщинам, которые сгрудились с той стороны зарешеченного отверстия.

— Эгнис! — кричал он. — Эгнис, ты тут? Ты жива?

Я схватил его за плечо и оторвал от окошка. Он с проклятием обернулся ко мне, и я с размаху врезал ему в челюсть. Он упал на руки тех, кто стоял позади.

— Кэтрин! — прорычал я.

По металлическим пещерам пошло гулять эхо. Вопли, молитвы, брань и плач обрушивались на нас, и впечатление было такое, будто наши головы вот-вот расколются на части от этой чудовищной какофонии.

— Кэтрин! Кэтрин!

Неведомо как, но она отыскала меня. Она прильнула к решетке и поцеловала меня через нее, и я забыл про транспорт, про рабство и вообще про весь мир.

— О, Джон! Джон, Джон, любимый мой, ты жив, ты со мной!..

А потом она оглянулась и торопливо проговорила:

— Джон, если их не успокоить, то нам не избежать паники. Подумай, чем занять мужчин, а я разберусь с женщинами.

Такова она, моя Кэтрин. Мужества ей не занимать, и не существует положения, из которого она не сумела бы найти выход. Я спросил себя, а есть ли смысл в предотвращении паники. Ведь участь тех, кто погибнет, все же предпочтительнее рабства, не правда ли? Но Кэтрин не сдается, а значит, и мне — не к лицу.

Мы вернулись к нашим товарищам и товаркам по несчастью. Мы добились своего окриками, угрозами и тумаками. Мало-помалу люди успокоились. Наконец в трюме невольничьего корабля установилась относительная тишина. Тогда мы организовали очередь к окошкам. Кому-то посчастливилось найти свою половину, кому-то — нет, но мы с Кэтрин отводили взгляды и от тех, и от этих. Некрасиво подглядывать за душой, когда она обнажена.

Послышался рокот двигателей. Вперед, к ледяным пикам Горзуна, прочь от голубых небес и зеленой травы, соленого запаха океана и шелеста ветра в кронах деревьев. Теперь мы — рабы и нам остается только ждать.

Времени на борту транспорта словно не существовало. Тусклые флюоропанели поддерживали постоянный полумрак. Кормили нас горзуни лишь тогда, когда вспоминали, что на корабле есть пленники. Большей же частью наше одиночество нарушали дребезжание двигателей да астматические вздохи вентиляторов. Сила тяжести вдвое выше земной вынуждала многих из нас воздерживаться даже от разговоров. По моим подсчетам, примерно через сорок восемь часов после вылета с Земли транспорт перешел в гиперпространство. Мы навсегда покинули Солнечную систему, и тут к нам заглянул человек в железном ошейнике.

Он вошел к нам в сопровождении вооруженных горзуни, которые держали винтовки на изготовку. Мы безучастно уставились на приземистую фигуру в дверном проеме. Голос его чуть было не затерялся под сводами колоссальной металлической пещеры.

— Я хочу рассортировать вас. Подходите ко мне по одному и называйте свое имя и профессию, если она у вас имеется. Предупреждаю сразу: ваши утверждения будут проверены на деле, и тех, кто обманет меня, ждет мучительная смерть.

Мы повиновались. Горзуни — тот самый пьяный «врач» — сжимал в пальцах иглу для татуировки, которой он выкалывал на ладони каждого из нас порядковый номер. Человек же записывал эти номера в блокнот вместе с именем, возрастом и родом занятий. Не обладавших техническими навыками — а таких было большинство — грубо толкали обратно. Группку специалистов (или тех, кто претендовал на подобное звание) согнали в один угол.

Игла обожгла мою ладонь, и у меня перехватило дыхание. Я услышал равнодушный голос:

— Имя?

— Джон Генри Ривз, двадцать пять лет, лейтенант космофлота Содружества, а до войны — инженер-ядерщик.

В горле у меня першило, во рту чувствовался горьковатый привкус. Привкус поражения.

— Хм-м. — Я заметил, что предатель глядит на меня со странным выражением. Внезапно полные губы разошлись в улыбке, которая совершенно преобразила его лицо, будто осветила на единый миг. — Ах да, ну как же, лейтенант Ривз. Помнится, вы обозвали меня мерзавцем.

— Мерзавец, — прорычал я. Ладонь моя пылала и подергивалась. Я стоял перед ним, голый и немытый, сознавая свою беспомощность и сгорая со стыда.

— Быть может, вы и правы, — кивнул он. — Мне требуются два помощника. Наш корабль — сущая развалина. Двигатели вполне могут разлететься на кусочки на полпути к Горзуну. Не желаете помочь мне?

— Нет, — отрубил я.

— Будьте разумны. Отказываясь, вы сами себя приговариваете к карцеру, в который мы запираем непокорных рабов. Перелет нам предстоит долгий, скука и однообразие сломят ваш дух без всяких плеток. А в качестве моего помощника вам положена отдельная каюта и разрешается определенная свобода передвижений.

Я призадумался.

— Вы сказали, вам нужно двое помощников?

— Да. Двое людей, которые помогут мне починить это корыто.

— Я соглашусь, если вы возьмете вторым того, кого я вам назову.

Он нахмурился:

— Не слишком ли много условий вы мне ставите, а?

— Дело ваше, — ответил я, — но вы рискуете потерять отличного техника.

— Что ж, говорите, как его зовут, а там посмотрим.

— Не его, а ее. Это моя невеста, Кэтрин О'Доннелл.

— Нет, — он помотал кучерявой головой. — Женщин мне не надо.

— Тоща обойдетесь и без мужчин, — усмехнулся я, но в моей усмешке не было веселья.

Его глаза блеснули.

— Мне не хватает только женщины, которая повиснет камнем на моей шее, — раздраженно бросил он.

— Кэтрин не повиснет, уверяю вас. Она была младшим офицером на моем корабле и сражалась бок о бок со мной до самого конца.

Раздражение бесследно пропало. На смуглом лице моего собеседника не дрогнул ни один мускул. Голос его снова звучал ровно:

— Что же вы молчали, лейтенант? Хорошо, будь, по-вашему. Но если вы солгали мне, я никому из вас не завидую.

Как много все-таки значит для человека одежда, особенно после того, как тебе дали понять, что без нее ты — животное. Как здорово было есть тушеное мясо, пить кофе, пусть противный на вкус, но не то пойло, которое мы хлебали из кормушек; да просто сидеть в камбузе и чувствовать, как тепло проникает в тебя и разливается по телу.

Я вынужден был признать правоту человека в железном ошейнике. Мало кому из людей под силу не пасть духом во время продолжительного перелета к Горзуну. Прибавьте сюда постоянное воздействие двойной силы тяжести, холод и мрак планеты, на которую нас везли, оторванность от дома, полную беспросветность впереди, боль от удара хлыстом или от прижигания каленым железом, — как тут не сломаться, не превратиться в покорную бессловесную тварь?

— Как давно вы попали в рабство? — спросил я у нашего нового хозяина.

Он расхаживал перед нами с таким гордым видом, как будто транспорт был его собственностью. Ростом он уступал даже Кэтрин — та была выше его сантиметров на пять — и едва доставал головой мне до плеча. Но руки у него были крепкие и мускулистые, грудь — широкая, как у гориллы, и сила тяжести, похоже, ничуть его не беспокоила.

— Уже четвертый год, — отозвался он. — Кстати, зовут меня Мануэль Аргос. Если вы не возражаете, я предлагаю общаться друг с другом по именам.

Бряцая оружием, по коридору, в котором мы стояли, прошлепали двое горзуни. Мы, разумеется, расступились, но я не уловил в движениях Мануэля подобострастия. Он проводил горзуни задумчивым взглядом.

Наша каюта располагалась на корме и представляла собой закуток с четырьмя койками, холодный и пустой, но после грязи камеры на нас пахнуло домом. Не говоря ни слова, Мануэль отгородил одну из коек тонким одеялом.

— Вот все, что я могу сделать для вас, Кэтрин, — сказал он.

— Спасибо, — прошептала Кэтрин.

Мануэль уселся на свою койку и поглядел на нас снизу вверх. Я возвышался над ним этаким белокурым гигантом. Я происходил из старинного и богатого рода, а он наверняка родился в трущобах какого-нибудь заштатного космопорта, но сомнений в том, кто из нас главный, возникнуть не могло.

— Расскажу о себе, — произнес он отрывисто. — Специального образования у меня нет, но прежний хозяин взял меня к себе из-за моего практического опыта. Работая на него, я поднабрался познаний в технике, а два года назад он продал меня капитану этого звездолета. Я быстро избавился от так называемого главного инженера, который у них тогда был. Мне не составило труда подстроить ссору между ним и его завистливым помощником, которая закончилась дракой со смертельным исходом. Однако его сменил запойный пьяница, из числа тех, что лишь вчера слезли с дерева.

На деле инженер — я. Кроме того, мне удалось приучить капитана Веньяина к марихуане. Организм горзуни слабее человеческого, так что капитан завяз по уши, что, между прочим, объясняет отчасти запущенность корабля и разболтанность экипажа. При плохом руководстве не может быть хорошей постановки дела, это общеизвестно.

У меня по спине пробежал холодок.

— Зачем? — спросила шепотом Кэтрин.

— Жду подходящего случая, — ответил он. — В неполадках с двигателями повинен не кто иной, как я. Горзуни считают, что корабль старый и никуда не годится, и убедил их в этом тоже я. Но, если понадобится, я за неделю сделаю из него конфетку. Долго ждать нельзя. Рано или поздно кто-нибудь скажет горзуни, что корабельное оборудование испорчено намеренно. Поэтому я и подыскиваю себе двоих помощников, которые разбирались бы в технике и хотели бы продолжить войну. Думаю, вы мне подойдете. Если я ошибаюсь, — он пожал плечами, — что ж, ступайте и наябедничайте на меня. Но если вас не прельщает жизнь, вернее, существование на Горзуне, вы поможете мне захватить корабль!

Я молча смотрел на него. Было нечто жуткое в том, как жадно мы прислушивались к его словам. Страшно, конечно, страшно. На лице моем выступил пот, руки сделались холодными. Но я пойду за ним. Клянусь небом, я пойду за ним!

— Однако...

— Втроем? — усмехнулся я. — Втроем против сотни или пары сотен воинов?

— К нам примкнут другие, — воскликнул он, помолчал и добавил: — Естественно, необходима осторожность. Среди горзуни английский знают двое или трое. Я покажу их вам. За нами, разумеется, будут наблюдать, но в технике они — полные невежды. Мне кажется, вы сумеете их провести.

— Я... — Кэтрин встала, подыскивая слова. — Я никак не могу поверить. Военный корабль в таком состоянии...

— Раньше дела обстояли по-другому, — признал Мануэль. — Я имею в виду эпоху королей, что объединили в Лигу варварские миры, дикарей, которые научились строить звездолеты и устраивать атомные взрывы. Но по большому счету победой своей они обязаны отсутствию сопротивления. Содружество прогнило, его раздирали на части гражданские войны, правительство погрязло в бюрократизме, вооруженные силы рассредоточены, народ думает откупиться деньгами... Неудивительно, что Лига победила!

Но после первого набега на Землю, пятнадцать лет тому назад, варвары повздорили между собой. Законные правители умерли, а их сыновья затеяли грызню из-за наследства, которым не знали, как управлять. Лига раскололась на два больших враждующих лагеря, а уж мелких группировок было не перечесть. От былой организованности не осталось и следа.

Но люди замешкались. Беспомощное правительство Содружества наблюдало за происходящим, но боялось вмешиваться. В итоге болдики высадились на всех крупных планетах Солнечной системы. Но то, что они довольствуются лишь налетами на внутренние миры, а не устанавливают там свое правление, говорит об их слабости. Объединившись, мы можем изгнать их и искоренить заразу в самом ее сердце, на Горзуне. Нам недостает вождя.

Он говорил хрипло и сердито. Я моргнул, ощущая, как внутри меня нарастает раздражение.

— По-вашему, мы делали вид, что сражаемся? — бросил я.

— Отнюдь, но вас одолели, — осклабился он. — А все потому, что некому было вдохнуть в вас храбрость, что у вас не было вождя, который организовал бы вас и переломил ход войны.

— Полагаю, — заметил я саркастически, — что в вашем лице такой вождь найден.

Голос его прозвучал спокойно и уверенно:

— Да.

В последующие дни мне удалось узнать побольше о Мануэле Аргосе. Он был из тех, кому не надоедает рассуждать о себе самом.

Среди предков его, как мне кажется, преобладали анатолийцы, хотя наверняка попадались и негры, и азиаты. Но что касается льдисто-голубых глаз, то тут явно проглядывал скандинав. В общем, причудливая смесь всех и всяческих кровей, что в наши дни — вовсе не редкость.

Мать его была поденщицей на Венере. Отца он не знал. Тот вроде бы входил в отряд космических разведчиков и погиб молодым, так и не увидев собственного ребенка. Когда Мануэлю исполнилось тринадцать, его отправили на Сириус, и с тех пор он не бывал в Солнечной системе. Кем он только не был за свои сорок лет — космонавтом, шахтером, портовым грузчиком, охотником, техником; он сражался в гражданских войнах, он воевал с болдиками, он занимался в колониальных мирах политикой и другими темными делишками.

Как это у него получалось, я не знаю, но он умудрялся выкраивать свободное время, чтобы читать, много и беспорядочно. Однако книгам он доверял меньше, чем собственному чутью. В плен он угодил четыре года назад, когда горзуни вторглись на альфу Центавра, и изучал их теперь так же хладнокровно, как некогда людей.

Да, он был словоохотлив, но до известных пределов, которые вряд ли когда переступал. Маска мечтателя-одиночки успешно скрывала его внутреннюю сущность. Трудно было понять, то ли напускная холодность выморозила его душу и сделалась второй натурой, то ли под доспехами безразличия и в самом деле таились нежность и ранимость. Мануэль умело пользовался этой двойственностью: не ведая, чего от него ожидать, люди в его присутствии нервничали, обрекая себя тем самым на подчинение его воле.

— Какой-то он странный, — заметила однажды Кэтрин. Мы как раз остались одни. — Никак не разберусь, гений он или маньяк.

— Быть может, все сразу, милая, — ответил я с оттенком раздражения в голосе. Не люблю, когда мной помыкают.

— Пожалуй. Но если так... — вздрогнув, она теснее прижалась ко мне. — Давай не продолжать, ладно?

Транспорт пересекал пустынные просторы космоса, неся в себе груз ненависти, страха, надежд и отчаяния. Мы не теряли зря времени и проводили дни напролет за работой.

Следовало отрегулировать дряхлые двигатели, а заодно — отвести глаза серым мохнатым гигантам, которые внимательно наблюдали за нами. Мы устраняли следы подрывной деятельности Мануэля, мы паяли, варили, крепили, проверяли, отламывали и прилаживали снова. Экраны радиационной защиты нагревали двигательный отсек до такой степени, что тяжело было дышать. Стонали генераторы, грохотали разболтанные турбины, натужно гудели огромные преобразователи. Мы починили корабль, но готовы были в любую минуту вернуть его в прежнее состояние.

— Саван Пенелопы, — фыркнул Мануэль. Я удивился: не часто встретишь космического бродягу с познаниями из греческой мифологии.

— Чего мы ждем? — спросил я как-то. Вой генератора, который мы ремонтировали, исключал возможность того, что нас подслушают. — Пора начинать.

Мануэль поднял голову. В свете аварийной лампочки его рябое лицо блестело от пота.

— Рано, — сказал он. — Пускай капитан в очередной раз наклюкается, а тогда...

Тем временем двое рабов взбунтовались без нашего подстрекательства. Охранник подошел слишком близко к двери камеры, где содержались мужчины, и один из тех двоих выхватил у него из кобуры пистолет и застрелил на месте, а потом взялся за замок на прутьях решетки. Горзуни усыпили его метким выстрелом, но второй раб отбивался руками и зубами, пока его не повалили и не скрутили. На глазах остальных пленников с бунтовщиков живьем содрали кожу.

Когда мы возвратились в свою каюту, Кэтрин не смогла сдержать слез. Спрятав лицо у меня на груди, она плакала так долго, что я даже испугался: перестанет ли она когда-нибудь? Я обнял ее и попробовал утешить, бормоча все ласковые слова, какие только приходили мне на ум.

— Они получили по заслугам. — В голосе Мануэля сквозило презрение. — Глупцы, слепые глупцы! У них в руках

заложник, а им вздумалось поиграть в героев! Им обязательно надо было прикончить его! И чего они добились? Нет, они заслужили свою участь.

Помолчав, он прибавил задумчиво:

— Впрочем, если нам удастся превратить страх рабов в ненависть, еще не все потеряно. По крайней мере им устроили хорошую встряску.

— Вы начисто лишены жалости, — укорил его я.

— Жалость помеха, когда вокруг одни тупицы. Мы не в тех обстоятельствах, чтобы распускать нюни. Мы живем в эпоху распада и хаоса, и лишь тот, кто признает это, способен совладать с ситуацией. В наших условиях совершенство невозможно, о нем не стоит и мечтать. Мы вынуждены идти на компромиссы и стремиться к целям, которые худо-бедно, но достижимы. Хватит причитать, — бросил он Кэтрин. — Мне надо подумать.

Она уставилась на него широко открытыми глазами, в которых стояли слезы.

— Ну и видок у вас, — ухмыльнулся он с издевкой. — Красный нос, набрякшие веки, да икота вдобавок. Кончайте реветь, детка.

Кэтрин судорожно вздохнула. На щеках ее проступил румянец. Проглотив слезы, она вырвалась из моих объятий и повернулась к Мануэлю спиной.

— Я все-таки отвлек ее, — прошептал мне Мануэль, озорно улыбаясь.

Бесконечно пустые дни слились в некое безвременье, которое окутало нас словно покрывалом. Я гадал, не превратился ли наш звездолет в «Летучего голландца» с командой из бесов и проклятых, обреченного на вечное скитание в космосе. Мануэля торопить было бесполезно, а потому я заглушал снедавшее меня нетерпение работой. Теперь мне кажется, что он сознательно оттягивал время, что он хотел отобрать у рабов последнюю надежду, сохранив единственно жажду мести. В бою отчаявшиеся неудержимы.

Мы с Кэтрин страдали от того, что не можем побыть наедине. Поцелуй украдкой, легкое касание руки, два-три словечка — иного нам не оставалось. А кончив дневную работу, мы валились с ног от усталости и засыпали, едва добредя до каюты.

Я заметил однажды, что Мануэль шепчется о чем-то с мичманом Хокусаем, который попал в плен вместе с нами. Хокусай как нельзя лучше подходил на роль человека, который возглавит рабов, но откуда узнал об этом Мануэль? Видно, здесь сказался его природный дар — распознавать людей с первого взгляда.

Конец наступил внезапно. Мануэль растолкал меня. Моргнув спросонок, я поглядел на ненавистные стены. Гравиполе опять вышло из строя: переборки прерывисто пульсировали.

— Ладно, ладно, — пробурчал я. — Встаю.

Но когда он начал будить Кэтрин, я запротестовал:

— Зачем? Сами справимся.

— Нет, — отозвался он. Смуглая кожа его лица подчеркивала белизну зубов. — Капитан отключился. Я слышал, как горзуни обсуждали это между собой.

Я встрепенулся и сел. По спине моей побежали мурашки.

— Пора?

— Не горячись, — посоветовал Мануэль. — У нас куча времени.

Натянув одежду, мы выбрались в коридор. Все было спокойно. Если не считать неравномерного гудения двигателей, тишину нарушало только шарканье наших ног да мое хриплое дыхание. Кэтрин была неестественно бледна, но моей поддержки, похоже, не искала. Она шагала бок о бок с нами, и была в ней какая-то отстраненность, которой я не понимал. По пути мы то и дело наталкивались на горзуни и поспешно отступали в сторону, как полагается рабам. Но взгляд Мануэля, которым он провожал гигантов, выражал торжество — смешанное, как мне показалось, с горечью.

В двигательном отсеке, где маячили языческими богами в красном полумраке могучие машины, нас встретили трое вооруженных горзуни. Увидев нас, они зарычали. Один из них замахнулся на Мануэля. Тот легко увернулся, наклонился над гравигенератором и жестом попросил меня помочь ему снять крышку.

Я разглядел оборванный провод в катушке, что воздействовала на гармонику, которая посылала неустойчивые колебания, чтобы выправлять деформирующее космическое течение. Сущий пустяк. Но Мануэль почесал в затылке и посмотрел на невежественных верзил, что толпились за нашими спинами, а потом принялся дергать провода, напустив на себя озадаченный вид.

Он сказал мне:

— Надо добраться до вторичного атомного преобразователя, тогда все выйдет так, как я задумал.

Я знал, что горзуни не понимают нас, что человеческая мимика для них — темный лес, но нервы мои были на пределе.

Мало-помалу мы подбирались к двигателю, который питал энергией внутреннее оборудование корабля. Мануэль подстроил осциллограф и вгляделся в его экран.

— Ага! — проговорил он.

Мы отсоединили радиационную защиту, и нашим взорам открылся выпускной клапан. На нем сверкал алым индикатор. Щиты поглощали большую часть радиоактивного излучения, однако я инстинктивно отшатнулся. Ведь обычно, сливая через клапан жидкость из преобразователя, надеваешь специальный костюм.

Мануэль взял со стола устройство, которое собрал собственными руками. Для ремонтных работ оно, разумеется, не годилось, а представляло собой магнетронный насос, от которого отходил гибкий освинцованный шланг. Чтобы придать устройству внушительность в глазах горзуни, Мануэль наставил на него всяких датчиков и регуляторов.

— Пособите мне, Джон, — сказал он негромко.

Мы установили насос на клапан и повернули те две или три рукоятки, которые на деле были рабочими. Кэтрин ахнула. Я обомлел, пальцы мои словно онемели. На корпусе не было даже прокладки...

Горзуни приблизился к нам и требовательно спросил о чем-то на своем грубом языке. Мануэль ответил, не сводя взгляда со стрелок на фальшивых датчиках.

Потом он повернулся ко мне. На губах его играла усмешка.

— Я сообщил им, что преобразователь переполнен отработанными веществами, — сказал он по-английски. — Впрочем, так оно и есть.

Держа шланг в одной руке, он положил другую на регулятор двигателя.

— Не смотрите, Кэтрин, — попросил он и повернул регулятор.

Звякнули, опускаясь, пластины щитов. Мануэль замкнул цепь автоматического контроля, которая поддерживала их в вертикальном положении, пока в преобразователе шла реакция. Я упал на пол и заслонил ладонью глаза.

Последовала ослепительная вспышка. Из шланга вырвалось пламя. Я почувствовал, как опаляется моя кожа, и услышал рев раздираемого воздуха. В единый миг Мануэль вернул пластины щитов на место, но залп его импровизированного бластера снес головы троим горзуни и расплавил дальнюю стену отсека. Металл раскалился добела. По отсеку перекатывалось сердитое эхо. Оно проникло в меня, оно заполнило собой мой череп, и я зашатался под его напором.

Мануэль опустил шланг, подошел к мертвым горзуни и забрал у них оружие.

— Каждой сестре по серьге, — заметил он. — Надевайте защитный костюм, — приказал он, оборачиваясь к Кэтрин, — и ждите нас тут. Излучение сильное, но, думаю, мы обернемся быстро. Стреляйте в любого, кто появится.

— Я... — голос Кэтрин был едва слышен. — Я не хочу прятаться...

— Черт побери, а кто будет нас охранять? Нельзя, чтобы эти твари захватили двигательный отсек. Ну что ж, гравитация — нуль!

Мануэль отключил генератор.

Я с трудом справился с тошнотой. Ухватившись за стойку, я спустился вниз, нет, не вниз, верх и низ будто исчезли. Мы парили в воздухе. Мануэль лишил горзуни их преимущества в силе.

— Ладно, Джон, пошли, — скомандовал он.

Я успел только пожать руку Кэтрин. Мы выплыли из двери в коридор. Хорошо еще, что в космофлоте нас приучали к свободному падению. Но вот рабы — каково им?

На корабле царила паника. Двое горзуни вывернулись нам навстречу. Мануэль пристрелил обоих, подобрал оружие и устремился к камерам, где томились пленники.

Внезапно погасли огни. Мы передвигались в плотной, густой темноте, наполненной ненавистью наших врагов.

— Что за черт? — выдавил я.

— Кэтрин знает, что делает, — сухо откликнулся из мрака Мануэль. — Я все ей объяснил несколько дней назад.

Тогда я как-то пропустил его слова мимо ушей, хотя меня должно было насторожить, что они договариваются о чем-то между собой. Но в тот момент мне хватало других забот. Горзуни палили по нам вслепую, усиливая суматоху в своих рядах. Залпы бластеров разрывали темноту. Дважды жгучие молнии вспарывали воздух в каком-нибудь сантиметре от меня. Мануэль отстреливался, убивал гигантов и забирал их оружие. Под покровом тьмы мы пробирались дальше.

Охраны у камер не было и в помине. Когда Мануэль принялся плавить замки, я различил за решеткой скопление парящих обнаженных тел. Ни дать ни взять — низвержение восставших ангелов. Человек, творение Божье, ринулся к звездам и был осужден за это на вечные муки.

Но сейчас он освобождается!

К решетке прижалось плоское лицо Хокусая.

— Выпустите нас, — пробормотал он.

— Скольким вы можете доверять? — спросил Мануэль.

— Сотне или около того. Вот они, видите, в уголке, не кричат и не беснуются. И, пожалуй, человек пятьдесят женщин.

— Хорошо. Выводите своих. Остальные пускай себе буйствуют. Мы им все равно ничем не поможем.

Люди в угрюмом молчании выскользнули из камеры. Мануэль раздал те немногие пистолеты, которые у нас были. Потом он заговорил, напрягая голос, чтобы быть услышанным:

— Мы заняли двигательный отсек. Мне нужны шестеро с оружием, которые отправятся туда и помогут Кэтрин О'Доннелл в случае чего обороняться. Иначе горзуни легко завладеют им. А мы двинемся к арсеналу.

— Как насчет мостика? — справился я.

— Подождет. Горзуни в панике, такая уж у них природа. Когда дело доходит до массового помешательства, они ведут себя хуже нашего. Но скоро они успокоятся, поэтому нам следует поспешить. За мной!

Хокусай повел тех, кто вызвался оборонять двигательный отсек, а мы последовали за Мануэлем. У нас осталось всего лишь три или четыре пистолета, но мы рассчитывали разжиться оружием в арсенале. Желание отомстить горзуни подгоняло нас. Затяжка Мануэлем времени принесла свои плоды.

Нас окружала лиловатая тьма. Раз за разом возникали перестрелки с горзуни, которые рыскали по кораблю и палили по всему, что казалось им подозрительным. Мы теряли людей, зато приобретали оружие. Той дело мы натыкались на мертвых инопланетян, погибших в стычках, и разоружали их тоже. Освободив по дороге техников, которых заперли в отдельную камеру, мы устремились к арсеналу.

У всех горзуни было личное оружие, однако на корабле имелся специальный склад. У входа в него укрылись за портативными энергощитами часовые. Я видел, как

отражались от щитов залпы наших бластеров и как умирали люди, в которых попадало отраженное пламя.

— Надо напасть на ник в лоб и отвлечь внимание, — заявил Мануэль, — а несколько человек, пользуясь нулевой гравитацией, подкрадутся по воздуху и обрушатся на них сверху.

Похоже, ему было наплевать, в какой ад мы угодили.

— Джон, ведите людей.

— Проклятье! — выдохнул я. Это же чистейшее самоубийство. Мы ляжем там, как деревья под топором дровосека. Кэтрин будет дожидаться меня... Подавив страх, я отдал приказ. Я был напуган ничуть не меньше других, но восторг битвы пьянит человека, и Мануэль ловко сыграл на этом.

Мы навалились на часовых стеной из плоти, стеной, которую они разрушили на куски, которая в смятении отхлынула назад. А в следующий миг летуны Мануэля испепелили горзуни, и все было кончено. Я смутно осознавал, что моя нога обожжена. Как ни странно, она пока не болела. Интересно, каким чудом я остался жив?

Мануэль отпер дверь. Мы — те, которые уцелели, — ворвались внутрь и с яростной поспешностью принялись вооружаться. Горзуни попытались было застать нас врасплох, но мы отбили атаку.

В арсенале нашлись и фонари. Теперь можно было не бояться темноты. Луч света вырвал из мрака лицо Мануэля — рябое, потное, отвратительное, лицо горгоны. Однако люди подчинялись Аргосу беспрекословно. Он отрядил небольшую группу обратно в камеры с наказом раздать оружие тем, кто там находился, и привести их сюда. Он послал подкрепление в двигательный отсек. Под его руководством были собраны и заряжены минометы и маленькая антигравитационная пушка.

Горзуни немного поутихли. Как видно, среди них тоже отыскался вожак, обладавший умением сплачивать бойцов. Приближалась схватка.

И какая!

Я плохо помню те часы. Наши потери, несмотря на превосходство в оружии, были просто чудовищны. В живых осталось не более трехсот человек, многие из которых получили серьезные ранения. Но корабль отныне принадлежал нам! Мы обшарили его от носа до кормы и прикончили даже тех горзуни, которые молили о пощаде. В нас не было жалости. Горзуни сами истребили ее, не ведая, что им суждено попасть в лапы чудищу, которое они породили. Когда вновь зажегся свет, звездолет был уже в руках трехсот усталых людей.

Собрание проходило в самом просторном помещении, какое только было на транспорте, — не считая, естественно, трюма. Люди набились туда, как селедки в бочку. Всем хотелось посмотреть на того, кто спас их. Подразумевалось, что это — демократическое собрание, созванное, чтобы решить, как быть дальше. На деле же всем заправлял и распоряжался Мануэль Аргос.

— Во-первых, — произнес он негромко, но так, что его слышно было и в последних рядах, — корабль нуждается в починке. Я говорю о повреждениях в ходе боя и о том, что было испорчено намеренно. На ремонт, думается мне, уйдет от силы неделя. К тому времени сформируется костяк экипажа. Лейтенант Ривз и мичман Хокусай расставят вас по местам. Борьба продолжается!

— Сэр, — перебил его какой-то мужчина, — вы хотите сказать, что нам не позволят спокойно вернуться домой? Но не станут же болдики оцеплять Землю? Неужели мы для них настолько важны?

— Я хочу сказать, — ответил Мануэль, — что мы летим на Горзун.

Если бы не всеобщая усталость, не миновать бы бури. Во всяком случае по толпе пробежал зловещий шепот.

— Слушайте, — по-прежнему бесстрастно изрек Мануэль, — мы с вами завладели первоклассным боевым кораблем. У наших врагов таких нет. Нас будут ждать, потому что звездолет раньше принадлежал горзуни; ведь никто пока не

знает, что мы его захватили. Поэтому мы можем нанести горзуни сокрушительный удар. У них не принято давать кораблям имена, но мы — не они. Я предлагаю назвать наш звездолет «Мстителем»!

Он был прирожденным краснобаем. Голос его звучал органом под сводами собора. Он говорил, а нам чудился ангел с пылающим мечом. Он спорил, молил, угрожал, сулил всевозможные блага, и в конце концов ему поверили. Даже я подпал под его влияние. Широко раскрытые глаза Кэтрин сверкали от радости. Хладнокровный, расчетливый, жестокий, он заставил нас гордиться тем, что мы — люди.

Собрание было единодушно: корабль космофлота Содружества «Мститель» — капитан Мануэль Аргос, первый помощник Джон Генри Ривз — направляется к Горзуну.

В последующие дни и недели Мануэль охотно делился своими планами. Опустошительный набег на Горзун подорвет уверенность варваров в собственных силах. Рейдеры устремятся на помощь родной планете, и тут-то, вполне возможно, на горзуни набросятся те, кто до раскола в Лиге считались их братьями по оружию. «Мститель» тем временем возвратится в Солнечную систему, на борту его будет лучшая команда во всей известной Вселенной. Приняв в свои ряды всех, кто захочет пойти за нами, мы выгоним врагов из Солнечной системы и...

— ...не остановимся до тех пор, пока не покорим всех варваров до единого!

— Зачем они нам? — спросил я. — Или у нас своих забот мало? Варвары рвутся в космос потому, что им не на чем изготавливать дома то, что они крадут на других планетах. Но для Земли галактическая экспансия скоро превратится в обузу.

— По-вашему, следует отпустить врага, чтобы он зализал раны и снова напал на нас, да? — огрызнулся Мануэль. — Нет, мы должны разоружить всех, кроме нас самих. Мир установится лишь тогда, когда будет признано единоличное верховенство Земли. Расширение границ империи

постепенно замедлится, — прибавил он задумчиво, — едва только правители убедятся, что держава прочно стоит на ногах. Потребуются, правда, преобразования в экономической системе. Нам будут платить дань.

— Империя? — протянула Кэтрин. — Но Содружество — демократия...

— Было демократией! — перебил Мануэль. — Мертвых не воскресить! Насильственный мир зачастую являлся единственным приемлемым решением, история знает тому немало примеров. По мне, такой мир куда приятнее нашего нынешнего положения. Когда общество обретет известную стабильность, можно будет подумать о восстановлении республики. Но это — дело далекого будущего, которое, может статься, не наступит никогда. Все зависит от социально-экономических условий.

Мануэль беспокойно расхаживал по мостику. Мириады звезд на обзорных экранах сияли над его головой призрачной короной.

— Да, — бросил он, — мы создадим империю на словах и на деле! Люди будут сражаться и умирать за идею, забыв об окружающей их действительности. Кстати, нам не обойтись без наследственной аристократии. Еще не бывало такого, чтобы она не выручала свою страну. И потом, с ней заодно на Земле словно возродятся те славные деньки, когда никто и не помышлял о полетах в космос. Аристократия — символ, и для нас он даже важнее, чем для наших предков. Итак, Кэтрин, империя Земли! И мир!

— Аристократия вырождается, — не уступал я. — Пока тиран могуч, деспотия процветает, но рано или поздно объявится некто слабоумный...

— Этого не произойдет, если основателями династии будут здоровые и крепкие мужчины и женщины, если не упускать из виду воспитание наследников и выбор для них подходящих пар. Тогда династия просуществует века! К тому же вы запамятовали о достижениях геронтологии.

Я рассмеялся ему в лицо:

— Имея в распоряжении лишь один звездолет, вы намереваетесь покорить Галактику?! И кто же станет первым императором? Я полагаю, вы?

Взгляд его будто остекленел.

— Да, — ответил он, — если не найдется более достойный, в чем я сильно сомневаюсь.

Кэтрин закусила губу.

— Противно, — сказала она. — И бесчеловечно.

— Нам выпало жить в жестокое время, дорогая, — проговорил он.

Огромный черный шар Горзуна неторопливо вращался на фоне звезд. Вынырнув из гиперпространства, мы направили гравилучи на ночную сторону планеты. Другое ее полушарие отливало красным, словно истекало кровью.

Один только раз нас окликнули с патрульного корабля. Из трансзвукового коммуникатора обрушился на мостик поток слов. Мануэль ответил на языке варваров: он объяснил, что у нас случилась поломка видеосвязи, и передал позывные, которые отыскал в справочнике кодов. Патруль пропустил нас.

Ниже, ниже, ниже. Темная поверхность планеты неотвратимо приближалась. Горные пики тянулись к нашему звездолету, норовя вспороть ему брюхо. Света трех лун было достаточно, чтобы разглядеть снега, ледники и бушующее море. Малоприятная, признаться, картина.

Мануэль по интеркому обратился к команде:

— Смотрите вниз, люди Земли! Смотрите вниз! Вот что нас с вами ожидало!

Ответом ему был яростный рев. Наш экипаж с готовностью отправился бы в ад, если бы мог увлечь за собой Горзун. Откровенно говоря, я разделял общие чувства.

Наше путешествие было долгим и многотрудным, но, предвкушая радость сражения, я ощутил, как спадает с меня усталость. Я крутился как белка в колесе, обучал людей, распределял среди них места, которые им следовало занять по

боевой тревоге. Что до Мануэля, он, казалось, успевал всюду. Кэтрин ходила за ним по пятам — он назначил ее на должность помощника по общим вопросам, или, выражаясь проще, секретарем. Увязнув в делах, виделись мы редко.

Но в тот день мы собрались на мостике и втроем наблюдали, как рвется нам навстречу Горзун. Кэтрин была бледна; рука ее холодила мою ладонь. Я едва справлялся с требовавшим выхода напряжением. Голос мой, когда я отдавал последние команды артиллеристам, прозвучал сдавленно. Мануэль же был спокоен, как всегда. Меня порой одолевали сомнения: а человек ли он?

Атмосфера рвалась с негодующим визгом. Мы пронеслись над морем, догнали рассвет, и в его студеных отблесках поднялся на горизонте главный город Горзуна.

Мне почудились приземистые каменные башни, узкие улочки, скопление звездолетов на окраине. Тут Мануэль кивнул, и я прохрипел:

— Огонь!

Под нами к небу взметнулось пламя. Звездолеты повалились в разные стороны, сокрушая своей тяжестью близлежащие дома. Металл и камень плавились на глазах; по улицам, огибая развалины, текли потоки лавы. Земля разверзлась и поглотила половину города. Сквозь клубы дыма сверкнула ослепительно голубая вспышка атомного взрыва. Город перестал существовать.

Покончив с ним, мы устремились к следующему крупному космопорту. Над ним барражировал патрульный корабль. Должно быть, их предупредили. Мы обстреляли его, он ответил; продолжая бой, «Мститель» сбросил бомбы. Наши силовые поля отразили взрывную волну, но противник не устоял — рухнув на город, он разрушил множество строений.

Над третьим поселением нас поджидали перехватчики. Вдобавок с земли по нам дали залп ракетами. «Мститель» задрожал под ударами. Я наяву представил себе, как отплевывается дымом наш гравигенератор, стараясь удержать

корабль на ровном курсе. Мы отбивались от горзуни, будто медведь от собачьей своры, мы разогнали перехватчики и уничтожили наземную базу.

— Отлично, — подвел итог Мануэль, — уходим отсюда.

Мы поднялись над атмосферой. Нас окружала искрящаяся звездами космическая ночь. Наверно, за нами уже отрядили погоню. Но разве можно обнаружить один-единственный звездолет в беспредельном пространстве между мирами? Мы включили гипердвигатели, что было довольно рискованно в такой близости от здешнего солнца; но наши люди не подкачали. В считанные минуты мы очутились у другой планеты этой системы, которая тоже была обитаемой. На ней находилось три колонии, и все они были стерты с поверхности.

Команда веселилась, однако восторженные вопли почему-то напоминали мне волчье тявканье. Я устал убивать и разрушать. Да, горзуни — враги, но сколько же можно?! Кэтрин заплакала, слезы бежали по ее лицу, плечи подрагивали.

Мануэль погладил ее по руке:

— Все, Кэтрин, все. Мы летим домой. — Помолчав, он добавил, ни к кому, конкретно не обращаясь: — Ненависть — полезное, но чертовски опасное подручное средство. Нам придется избавить человечество от расистских замашек. Империя, основанная на угнетении одних народов другими, вряд ли окажется долговечной. Все национальности должны быть равны, — он потер квадратный подбородок. — Пожалуй, я позаимствую кое-что у древних римлян. Все, кто того заслуживает, получат земное гражданство, к какому бы народу ни принадлежал тот или иной индивид. Это будет стабилизирующим фактором.

— Да вы мегаломаньяк, — сказал я хрипло. Однако моя уверенность была поколеблена.

Когда «Мститель» вернулся на Землю, в Северном полушарии планеты царила зима. Я спустился по трапу на снег, который заскрипел под моими ногами. Дыхание паром

вырывалось у меня изо рта и поднималось в хрустальную голубизну неба. За мной следом вышли другие. Упав на колени, они целовали снег. Выглядели они сущими оборванцами, мужчины все до одного — бородатые и длинноволосые, но никто в Галактике не мог сравниться с нами в воинском искусстве. Пологие склоны холмов, голубые небеса, покрытые коркой инея деревья, одинокая ворона над ними, — слезы сами собой наворачивались на глаза.

Дома.

Мы связались по рации с другими кораблями космофлота. Скоро кто-нибудь прилетит за нами, чтобы доставить нас на секретную базу на Меркурии — ведь война еще не закончена. Но пока, на краткий миг вечности, мы дома.

От усталости у меня ломило все тело. Мне хотелось заползти в какую-нибудь берлогу на берегу говорливой речки, под стволы поваленных ветром деревьев, и заснуть до прихода весны, которая разбудит со мной заодно целый мир, но я стоял у трапа, чувствуя, как обрывает с меня лохмотья усталости холодный зимний ветерок. Тело мое радовалось планете, для жизни на которой приспособили его два миллиарда лет эволюции, и я рассмеялся счастливым смехом.

Мы не можем потерпеть поражение. Мы — свободные обитатели Терры, защищаем родные очаги, в нас древняя сила планеты. Нам суждено победить и завладеть звездами!

Обернувшись, я увидел в проеме воздушного шлюза Кэтрин. Сердце мое замерло, а потом бешено заколотилось. Так долго, так немыслимо долго мы были с ней в разлуке! Но теперь мы возвратились домой, она рядом со мной, и я счастлив!

Лицо Кэтрин оставалось серьезным. И вообще в ней ощущалась какая-то скованность, словно радость была ей не в радость. Руки ее обжигали холодом.

— Кэтрин, мы дома, — прошептал я, — мы дома, живые и свободные. Я люблю тебя, Кэтрин!

Она не проронила ни слова до тех пор, пока к нам не присоединился Мануэль Аргос. Он казался смятенным — в первый и последний раз я видел его таким.

— Джон, — проговорил он, — мне надо вам кое-что сказать.

— Потом, — беззаботно отозвался я. — Будучи капитаном корабля, вы имеете право совершать обряд бракосочетания. Я хочу, чтобы вы обвенчали нас с Кэтрин прямо здесь, на Земле.

Кэтрин взглянула на меня. Глаза ее были полны слез.

— Нет, Джон, — произнесла она так тихо, что я едва расслышал, — нет. Я выхожу за Мануэля.

Признаться, я ничегошеньки не понял.

— Я пыталась совладать с собой, — продолжала Кэтрин, — но не смогла. Я люблю его, Джон. Я люблю его сильнее, чем тебя, хотя и не подозревала, что такое возможно.

— Она будет матерью королей, — вмешался Мануэль, стараясь обрести свое прежнее высокомерие. — Я нашел в ней все то, что искал.

— А вы любите ее, — спросил я с горечью, — или она для вас попросту подходящая пара? Впрочем, ладно. Вы без труда выкрутитесь, так что правду мы никогда не узнаем.

Инстинкт, подумал я, борясь с нахлынувшей усталостью, инстинкт материнства. Здоровая, крепкая женщина выбирает себе ровню. Кэтрин услышала голос предков, и я перед ним бессилен.

— Благословляю вас, дети мои, — сказал я.

Рука в руке, они направились к высоким деревьям, что посверкивали на солнце корочкой льда. Я глядел им вслед, пока они не пропали из виду. Уже тоща, задолго до окончания жестокой войны, я осознал, что вижу перед собой императорскую чету, основателей славной династии Арголидов, что они несут в себе будущее.

Но мне было глубоко наплевать.

СОДЕРЖАНИЕ

КРЫЛЬЯ ПОБЕДЫ 7
ПРОБЛЕМА БОЛИ 37
МАРЖА ПРИБЫЛИ 69
НЕБОЛЬШОЙ УРОК РАСОВОГО САМОСОЗНАНИЯ 109
ТРЕУГОЛЬНОЕ КОЛЕСО 132
НЕВИДИМОЕ СОЛНЦЕ 198
ИСАВ 252
ВОЙНА КРЫЛАТЫХ 293
САТАНИНСКИЕ ИГРЫ 483
ОБИТЕЛЬ МРАКА 742
ИГРА В ПРЯТКИ 1028
ТЕРРИТОРИЯ 1080
ВОЗМУТИТЕЛИ СПОКОЙСТВИЯ 1149
ДЕНЬ ГНЕВА 1283
КЛЮЧЕВОЕ УСЛОВИЕ 1350
МЕЛКАЯ ПОДРОБНОСТЬ 1394
ВРЕМЯ ПРОЩАТЬ 1424
ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА 1442
БЕСКРЫЛЫЙ 1490
СПАСЕНИЕ НА АВАЛОНЕ 1501
ГЕРОИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ 1514

ПЕРЕВОДЫ:

Крылья победы
(рассказ, перевод М. Пчелинцева),
Проблема боли
(рассказ, перевод М. Пчелинцева),
Маржа прибыли
(рассказ, перевод М. Пчелинцева),
Небольшой урок расового самосознания
(рассказ, перевод М. Пчелинцева),
Треугольное колесо
(рассказ, перевод А. Александровой),
Невидимое солнце
(рассказ, перевод А. Александровой),
Исав
(рассказ, перевод М. Пчелинцева),
Война крылатых
(роман, перевод М. Пчелинцева),
Сатанинские игры
(роман, перевод К. Королёва),
Обитель мрака
(роман, перевод А. Шарова),
Игра в прятки
(повесть, перевод С. Сухинова),
Территория
(повесть, перевод С. Сухинова),
Возмутители спокойствия
(повесть, перевод Е. Александровой),
День гнева
(повесть, перевод А. Пчелинцева),
Ключевое условие
(рассказ, перевод С. Сухинова),
Мелкая подробность
(рассказ, перевод А. Пчелинцева),
Время прощать
(рассказ, перевод А. Пчелинцева),

Путеводная звезда
(рассказ, перевод А. Пчелинцева),
Бескрылый
(рассказ, перевод А. Пчелинцева),
Спасение на Авалоне
(рассказ, перевод А. Пчелинцева),
Героическая личность
(рассказ, перевод К. Королёва),